



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

### Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

### About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07856162 2





(VESTNIK)  
\* QCA







**ВѢСТНИКЪ**  
**Е В Р О П Ы**

---

**СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.**



**ВѢСТНИКЪ**

# **Е В Р О П Ы**

**ЖУРНАЛЪ**

**ИСТОРИИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ**

---

**ДЕВЯНОСТО-СЕДЬМОЙ ТОМЪ**

---

**СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ**

---

**ТОМЪ V**

---

**РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.**

**Главная Контора журнала:  
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія,  
№ 7.**

**Экспедиція журнала:  
на Вас. Остр., Академ. переулокъ,  
№ 7.**

---

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ**

**1882**



Dec 21  
1882

5229



(715)

---

# ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ДѢТСТВА

---

## БЛАЖЕННЫЕ.

---

### I.

Мы еще сидѣли за чаемъ, когда изъ залы раздались звуки настраиваемыхъ инструментовъ.

— Что это, у васъ музыка сегодня?—спросила я у хозяйки.

Она отвѣчала, что у ея сына совершенно неожиданно составилось тріо. Двое товарищей зашли за нимъ, чтобъ вмѣстѣ идти въ оперу, но ему почему-то нельзя выходить сегодня и онъ уговорилъ ихъ провести вечеръ съ нимъ дома.

— Но вы не пугайтесь, пожалуйста,—поспѣшила она меня успокоить, подмѣтивъ мой тревожный взглядъ на растворенную дверь: изъ-за двери все громче и громче раздавался дикій ревъ віолончели, визгъ скрипки и настойчивое *la*, которымъ молодой хозяинъ усердно давалъ на роялѣ тонъ своимъ товарищамъ.— Больше часу или полутора они врядъ ли будутъ терзать наши уши, имъ только надо проиграть нѣсколько мѣстъ изъ того тріо, которое они готовятъ къ концерту.

Мысленно досадуя на себя за неудачно выбранный вечеръ для посѣщенія, я тѣмъ не менѣе сочла своимъ долгомъ заявить, что ничего не имѣю противъ музыкальныхъ упражненій этихъ господъ.

— Павлушинъ хотѣлъ сегодня придти,—сказала мадмуазель Лиди, старшая дочь хозяйки, очень восторженная дѣвица и такъ же, какъ и братъ, страстная музыкантша.— Если только онъ исполнитъ свое обѣщаніе, это будетъ отлично! Мы попросимъ его сыграть что-нибудь свое. На его пѣсенкахъ можно отдохнуть отъ какой угодно какофоніи; онѣ удивительно освѣжаютъ

душу... слушая ихъ, переносишься въ лѣсъ, въ поле, илюзія такъ сильна, что вамъ чудятся неуловимые звуки, наполняющіе воздухъ въ тихій лѣтній вечеръ, чувствуется ароматъ полевыхъ цвѣтовъ. Вамъ непременно надо его слышать,—продолжала она все болѣе и болѣе одушевляясь:—удивительный талантъ, такой граціозный и оригинальный, прелесть!

— Ужъ ты слишкомъ расхваливаешь своего любимца, Лида, — замѣтила мать:—изъ него можетъ быть и выйдетъ что-нибудь современемъ, но теперь ничего еще нельзя сказать опредѣленнаго.

Въ залу кто-то вошелъ. Настраиванье инструментовъ обрывалось на полутонѣ, раздались громкія восклицанія, смѣхъ и говоръ; къ голосамъ сына хозяйки и его товарищей присоединился четвертый голосъ, который показался мнѣ удивительно знакомымъ. Гдѣ слышала я его? Очень тонкій, совершенно дѣтскій, съ какими-то неожиданными, капризными переливами... Гдѣ я его слышала? Никакъ не могла припомнить, но что я слышала его и не разъ, въ этомъ я съ каждой минутой все болѣе и болѣе убѣждалась.

— Ну, вотъ и Павлушинъ пришелъ,—обрадовалась мадамъ узель Лиды. Скорѣй бы кончали несносное тріо, да посадили бы моего милаго мужичка за фортепьяно.

Но съ приходомъ «мужичка», планы измѣнились; тріо вовсе не состоялось и все общество настроилось на такой веселый ладъ, что о серьезной музыкѣ перестали и думать. Одинъ изъ молодыхъ людей сыгралъ на скрипкѣ какую-то захватскую мазурку, другой прогудѣлъ на віолончели модный романсъ, а затѣмъ наступилъ довольно продолжительный перерывъ въ музыкѣ, и ничего не было слышно, кромѣ шумной болтовни, да громкихъ взрывовъ молодого, веселаго смѣха.

— Это всегда такъ, когда приходитъ Павлушинъ,—проговорила съ улыбкой Лида:—у него вѣчно въ запасѣ какой-нибудь смѣшной анекдотъ и онъ такъ уморительно рассказываетъ, что трудно удержаться отъ смѣха.

Но мать ея и къ остроумію юнаго виртуоза относилась точно такъ же критически, какъ и къ его таланту.

— Онъ имъ, по всей вѣроятности, глупости какія-нибудь рассказываетъ.

— Конечно, глупости, умностей ему набраться не откуда, вѣдь онъ никакого образованія не получилъ, ровно никакого... Но по моему, это-то въ немъ и мило... Въ его глупостяхъ какая-то своеобразная прелесть...

— Ну ужъ и прелесть!—произнесла, пожимая плечами, мать.

Но дочь упорно стояла на своемъ. — Да, да, прелесть, своя особенная, такая же прелесть, какъ во всѣхъ его импровизацияхъ, — повторяла она рѣшительнымъ тономъ.

И обращаясь ко мнѣ: — Вы, можетъ быть, думаете, что я его въ шутку зову мужичкомъ? Совсе нѣтъ, онъ въ самомъ дѣлѣ мужичекъ, самый, что ни на есть, темный и простой... Родился въ глухой деревушкѣ и до пятнадцати лѣтъ пасъ свиней. Ни на какую работу нельзя было его приспособить, такой онъ былъ тщедушный, *дохлая*, какъ они тамъ выражаются.

— Онъ слылъ между своими односельчанами дурачкомъ, *un imbécile*, *vous savez?* юридическій, — снова вмѣшалась въ разговоръ хозяйка, но ей не дали договорить.

— Я вамъ когда-нибудь покажу, какіе стихи пишетъ этотъ продиный! — вскричала мадамъ Лидъ, съ негодованіемъ напирая на послѣднее слово.

— Ахъ, *ma chère!* Ну, что это за стихи? Все одно и то же: поля да лѣса, лѣса да поля, *il ne sort pas de là...* Впрочемъ, оно и понятно, гдѣ же ему было набраться образовъ и мыслей!.. А способности у него богатыя, этого отрицать нельзя, — давно ли Костя началъ учить его по-итальянски, сталъ ужъ понимать.

Я полюбознствовала узнать, какимъ образомъ попало сюда это дитя природы? Очень просто: благодаря милостивому покровительству богатой барыни, помѣщицы того села, гдѣ онъ родился и жилъ круглымъ сиротой. Крестнымъ отцомъ у него былъ дворецкій, выжившій изъ ума старикъ, безотлучно находившійся при запусѣлѣмъ господскомъ домѣ. Черезъ него мальчикъ получилъ доступъ въ барскіе хоромы, въ длинную прихожую съ коникомъ, на которомъ старикъ спалъ и въ которомъ хранилъ свое имущество; въ свѣтлую бѣлую залу, съ люстрой и канделябрами, закутанными кисеей, сврой отъ паутины и густо засиженной мухами. За этой залой слѣдовала комната называемая «проходной»; тутъ стояло, смиренно приткнувшись къ стѣнѣ, старинное фортепьяно на тоненькихъ ножкахъ. Оно все облунилось отъ времени, струны отсырѣли, клавиши распались и пожелѣли. Въ послѣдній свой пріѣздъ въ деревню, господа объявили, что это негодная кастрюлька, на которой даже нельзя и возачка сыграть, чтобы позабавить дѣтей, и приказали убрать ее куда-нибудь подальше. Но дворецкій не рѣшился исполнить въ точности это приказаніе, и разсудивъ, что, какъ тамъ ни говори, а штука-то дорогая и, поди чай, большихъ денегъ въ свое время стоила, распорядился поставить ее въ «проходную», вмѣсто того, чтобы свалить съ прочимъ негоднымъ хламомъ въ сарай.

Вотъ сюда-то, благодаря ласковому крестному, и проникалъ иногда маленькій свинопасъ. Какимъ чутьемъ угадать онъ чуда гармониі, таившіяся въ старомъ фортепьяно, никто, и даже самъ онъ, не въ состояніи былъ бы сказать; но какъ бы то ни было, а съ тѣхъ поръ его, какъ муху къ меду, стало тянуть къ мудреному ящику на ножкахъ, и величайшимъ наслажденіемъ его сдѣлалось извлекать изъ него звуки, осторожно придавливая загрубѣлыми, корявыми пальцами черныя и бѣлыя восточки. При этомъ у него каждый разъ подбиралось что-нибудь, да не зряшное, какъ у другихъ дѣтей, когда они безъ толку колотятъ по клавишамъ, а либо въ родѣ пѣсенки какой заунывной, что за душу хватала, либо плясовая-разудалая, подъ которую такъ вотъ и подмывало въ присядку пуститься. Пріѣхала какъ-то гѣ-томъ помѣщица, подслушала нечаянно маленькаго импровизатора и пришла въ восторгъ. Въ жизни свинопаса свершился переворотъ: его одѣли барининомъ, выучили грамотѣ и помѣстили въ музыкальную школу, изъ которой онъ впослѣдствіи попалъ въ консерваторію.

— И вотъ, слышите, какъ онъ играетъ? — продолжала она, указывая головой на дверь въ залу, гдѣ смѣхъ и говоръ смолкли и начали раздаваться звуки фортепьянъ. — Прелесть, не правда ли?

Импровизація молодого артиста была дѣйствительно прелестна, и увѣряя, что отъ нея вѣетъ необыкновенною свѣжестью и ароматомъ полей и лѣсовъ, Лидинька не преувеличивала. На меня же, она начала производить впечатлѣніе еще болѣе опредѣленное; отъ нея пахло вдругъ знакомой стариной, да такъ сильно, что на нѣкоторое время я совершенно перестала жить настоящимъ. Выступили въ памяти давно забытые образы: большой каменный домъ, въ которомъ протекло мое раннее дѣтство, кругомъ съ трехъ сторонъ обширный дворъ, обстроенный службами, съ четвертой, подъ окнами передняго фасада, садикъ, въ которомъ дорожки кажутся совсѣмъ узкими отъ густого дерна, обаяющаго ихъ, отъ клумбъ, переполненныхъ цвѣтами, отъ кудрявыхъ вѣтвей, сростающихся надъ ними. Рѣшотки почти не видать за акаціями, шиповникомъ и черемухой, перепутанными повилкой; огромный старый кленъ раскинулъ свои вѣтви такъ далеко, что часть ихъ перевѣсилась на улицу и тѣнь отъ листьевъ покрываетъ причудливой трепещущей сѣткой пыльное пространство, залитое золотомъ солнечныхъ лучей. Въ этой улицѣ тянутся заборы, утыканные гвоздями остріемъ кверху; за заборами спускаются къ рѣкѣ фруктовые сады. Цѣлое море нѣжной, молодой зелени, на которой мѣстами гигантскими букетами выдѣляются

были какъ свѣтъ вишневья деревья и блѣдно-розовья яблони и груша въ цвѣту, а тамъ рѣка, наша родная Волга. Такая она въ этомъ мѣстѣ широкая, что простымъ глазомъ ее не окинешь, надо вооружиться подзорной трубкой, чтобы различить глѣсъ, темнѣющій на противоположномъ берегу, отъ луговъ съ пасущимися на нихъ стадами, а дальше, версты за двѣ внизъ по теченію желтоватыхъ волнъ, усыпанныхъ множествомъ лодочекъ и барокъ, съ бѣлѣющими издали парусами,—все въ ту же подзорную трубку, которую у насъ ставили лѣтомъ на балконахъ для большихъ, но въ которую и намъ дѣтямъ, иногда удавалось заглядывать, можно было рассмотреть богатое село, не уступавшее любому убадному городу количествомъ и величиной построекъ, а также и оживленіемъ. Выбѣленные домики, съ красными и зелеными крышами, ютятся въ живописномъ беспорядкѣ вокругъ площади съ церковью, надъ которой ярко сіяетъ золотой крестъ.

Пейзажъ этотъ въ миньатюрѣ, но удивительно ясно и рѣзко выступаетъ на голубомъ прозрачномъ фонѣ безоблачнаго лѣтняго неба и сверкаетъ на солнышкѣ какимъ-то веселымъ блескомъ новой, только-что вывернутой изъ оберточной бумаги, игрушки.

При первыхъ звукахъ пѣсни, которую заигралъ любимецъ мадмуазель Лиди, картина эта, давно забытая, давно затертая другими впечатлѣніями, вдругъ какъ-то выплыла въ моемъ воображеніи изъ густого тумана далекаго прошлаго.

— Не правда ли прелестно?—повторила моя собесѣдница, съ улыбкой слѣдя за выраженіемъ моего лица.—Это онъ импрессируетъ, а въ первый разъ слышу у него этотъ мотивъ... Пространное дѣлается у него лицо въ эти минуты,—хотите посмотреть?

Она встала, направилась къ двери въ залу и остановилась на порогѣ. Я машинально послѣдовала за ней, и глазамъ нашимъ представилось слѣдующее зрѣлище: передъ роялемъ сидѣлъ, низко притнувшись къ клавишамъ, юноша съ длиннымъ, худымъ лицомъ и маленькими сѣрыми глазами. Черты лица его были грубы и неправильны, волосы прямыми, желтыми прядями спускались на лобъ, который онъ морщилъ точно отъ сдавленной физической боли. Позади его, братъ Лидиньки, высокій, стройный блондинъ, съ большими голубыми глазами, такъ и замеръ на мѣстѣ съ тетрадкой нотъ въ рукахъ. Товарищи его, виолончелистъ и скрипачъ, тоже сидѣли неподвижно и такъ углубились въ слушаніе, что наше появленіе осталось незамѣченнымъ. Я смотрѣла на исполнителя, на нервное болѣзненное подерги-

ваніе мускуловъ на его лицѣ, на судорожное вздрагиваніе худыхъ плечъ, на которыхъ мѣшкомъ висѣло слишкомъ широкое платье, на угловатя движенія его длинныхъ рукъ съ кривыми пальцами. По всему было видно, что механизмъ исполненія дается ему не легко и что ему стоитъ неимовернаго труда ворочать пальцами съ требуемымъ проворствомъ. Онъ не игралъ, а *стыдывалъ* свои пассажи, съ усиліемъ, проявившимся въ каждомъ мускулѣ его тѣла, въ широкихъ, рѣзкихъ взмахахъ локтей, которые ходили у него какъ крылья, въ капляхъ пота, выступавшихъ на его лбу... «Точно возъ везетъ», сказала бы про него наша старая няня Панкратьевна.

(Почему вспомнилась мнѣ именно Панкратьевна, а не другой кто, въ эту минуту? Этому тоже была своя причина, до которой я только впоследствии додумалась).

А звуки, между тѣмъ, лились безостановочно изъ-подъ его одеревенѣлыхъ пальцевъ, звуки нѣжные, страстные, тоскливые и глубоко западающіе въ душу! Но по мѣрѣ того, какъ вдохновеніе охватывало внутреннее существо этого страннаго субъекта, наружность его, постепенно искажаясь, принимала все болѣе и болѣе идиотическое выраженіе; взглядъ, въ своей пристальной неподвижности, дѣлался стекляннымъ, ротъ безсознательно открывался, становилось тяжело смотрѣть на него... Онъ кончилъ и вдругъ, въ одно мгновеніе, весь преобразился: глаза сощурились и заискрились, на губахъ заблуждала усмѣшка...

Его окружили, начали осыпать похвалами, благодарить за доставленное наслажденіе. Онъ принималъ эти оваціи съ видимымъ смущеніемъ, угловато отмахиваясь отъ нихъ, точно отъ докучливыхъ мухъ.—Оставьте-съ... пожалуйста, оставьте-съ, что это вы, право... Я ужъ не знаю...,—безсвязно повторялъ онъ, мотая головой и размахивая руками.

Наконецъ, его оставили въ покоѣ, тогда я подошла къ нему.

— Вы, конечно, запишете этотъ мотивъ?—спросила я вполголоса, въ то время, какъ товарищи его принимались за инструменты.

Мадмуазель Лиди вышла изъ залы. Мы были совершенно одни въ томъ углу у окна, въ который онъ забрался, пятаясь все дальше и дальше отъ комплиментовъ.

Предлагая ему мой вопросъ, я была почти увѣрена, что онъ не захочетъ отвѣчать на него, но я ошиблась;—онъ съ неожиданною довѣрчивостью отнесся къ моему любопытству.

— Мотивъ-то?—обратился онъ ко мнѣ съ большимъ ожив-

леніемъ.—Нѣтъ-съ, гдѣ тамъ! Да я ужъ и забылъ его, ей Богу, забылъ.

Онъ откинулъ назадъ волосы и началъ потирать рукой влажный лобъ.

— Вотъ я вамъ скажу, на прошлой недѣлѣ у меня еще не такая штука сочинилась! Та была дѣйствительно!.. Еслибъ только отдѣлать, въ родѣ какъ *marche funèbre* Шопена, ей Богу-съ!.. Запало мнѣ это въ голову подъ вечеръ, на улицѣ, отъ знакомыхъ шелъ и всю дорогу во мнѣ пѣло... Скорѣе бы записать, думаю... Вбѣжалъ какъ угорѣлый по лѣстницѣ, бросился къ фортепьяно и началъ играть... Ужъ я игралъ, игралъ!... Сколько часовъ, не помню, но надо такъ полагать, что долго, какъ сѣлъ, въ домахъ еще и огня не зажигали, а кончилъ—свѣтать начало.

— И что-жъ? Почему вы не записали?

— Эхъ вы!—съ досадой тряхнулъ онъ головой.—Потому и не записалъ, что какъ возьмешь карандашъ въ руки, такъ сейчасъ изъ головы все и вылетитъ... А ужъ какая была вещь-то богатая, я вамъ доложу, роскошь да и только! Страсть какъ хотѣлось вспомнить, такъ нѣтъ же!.. Ужъ я ее ловилъ, ловилъ, никакъ не поймалъ!.. Ты за ней гонишься, а она бѣжитъ отъ тебя все дальше да дальше, ровно тѣнь какая заколдованная! Умаялся совсѣмъ, въ потъ бросило, голова разболѣлась, грудь стало ломить, просто до нестерпимости, и все понапрасну... А бросишь думать, займешься другимъ, она сейчасъ опять... И опять начнетъ тебя гвоздить... Вскочишь, схватишь потную бумагу, куда! Ужъ и слѣдъ простылъ! Цѣльные сутки я тогда по своей комнатѣ пробѣгалъ, точно дикій звѣрь въ клѣткѣ.

Онъ задумался, помолчалъ съ минуту, а затѣмъ, вскинувъ на меня исподлобья внимательный взглядъ, какъ будто для того, чтобы убѣдиться, стоить ли со мной откровенничать, снова заговорилъ съ загадочной усмѣшкой.

— Вы вотъ совѣтуете записывать мотивы, да какъ ихъ тутъ запишешь, когда они иной разъ точно черти какіе издѣваются надъ тобой и просто до остервенѣнія доводятъ... Вотъ я вамъ скажу... налетитъ иногда какая-нибудь мелодія, Богъ ее знаетъ, откуда возмется и начнетъ кружиться въ головѣ, просто неотступно... Ужъ она поетъ, поетъ внутри тебя, всѣ уши прожужжать, всю душу выворотить наизвѣсть, дышешь ею, въ каждой жилкѣ, въ каждой косточкѣ ее чувствуешь, такъ вотъ и кажется, что на всю жизнь она въ тебя впилась, да такъ, что никакими клещами изъ памяти не вырвать и вдругъ—все это



однимъ только представленіемъ оказывается, а на самомъ дѣлѣ ничего нѣтъ, пуфъ одинъ, мыльный пузырь, обманъ больного воображенія...

Я попросила объясниться понятнѣе.

— Да очень просто-съ. Намеднисъ я всю ночь игралъ... Задалась такая тема прекрасная, что хоть все за нее отдай да и то мало!.. Ужъ я ее и такъ, и эдакъ, на всѣ лады выворачивалъ и варіаціями, и акордами, черезъ всѣ тоны провель, а на другой день встрѣчается со мной княжеская горничная, что рядомъ со мной живетъ, что это вы, говоритъ, Василій Павлычъ, цѣльную ночь все одно и тоже пиликали, тиль, тиль, тиль... точно дятель на деревѣ!

— Да она, можетъ быть, заснула, и ей ваша музыка во снѣ пригрезилась,—замѣтила я ему; но онъ безнадежно махнулъ рукой.

— Въ томъ-то и горе мое, что нѣтъ, она то на яву меня слушала, а вотъ я такъ во снѣ, можно сказать, игралъ, совсѣмъ безсознательно... И ужъ не въ первый разъ приходится мнѣ подмѣчать за собой такой курьезъ—играешь одно, а слышится другое, за той музыкой, что внутри раздается, никакихъ другихъ звуковъ не слышно, все шиворотъ на выворотъ и выходитъ. Ужъ не знаю право, какъ вамъ это растолковать...

Онъ все больше и больше путался, усиливаясь выяснить свою мысль, и вдругъ точно опомнившись, озабоченно сдвинулъ брови и спросилъ съ тревожнымъ волненіемъ въ голосъ:

— Вы, можетъ быть, меня за сумасшедшаго принимаете?

Я поспѣшила успокоить его на этотъ счетъ.

— Нѣтъ, что же, я понимаю; глядя на меня со стороны, можно обо мнѣ Богъ знаетъ, что подумать... Вы меня извините, пожалуйста, если я такъ подробно распросграняюсь, интереснаго тутъ мало, особенно для посторонняго человѣка; но вѣдь вы сами начали разспрашивать, вотъ я и разошелся на счетъ своихъ галлюцинацій... Докторъ, къ которому я недавно ходилъ совѣтоваться, называетъ это «галлюцинаціями»; онъ говоритъ, что это болѣзнь, что отъ нея надо лечиться...

Слушая его, у меня тоже, кажется, начиналась галлюцинація... Настоящее снова стало уходить все дальше и дальше, а образы изъ далекаго прошлаго замелькали передъ глазами съ каждой минутой настойчивѣе; между ними сталъ выдѣляться особенно рѣзко и ясно образъ юродиваго Иванушки...

Вотъ кого напомнилъ мнѣ молодой импровизаторъ, съ той самой минуты, какъ онъ вошелъ въ залу! Между ними было

очень много общаго, не столько лицомъ—хотя оба принадлежали къ одному и тому же общезвѣстному типу степной полосы Россіи—сколько ухватками, чисто «мужицкимъ» движеніемъ головы, съ которымъ они оба откидывали назадъ волосы, спадывающіе на лобъ, привычкой устремлять исподлобья испытующій взглядъ на собесѣдника, а также оборотомъ рѣчи, употребленіемъ простонародныхъ словъ и выраженій, грубоватыми и неуклюжими движеніями... Вотъ что заставило меня невольно вспомнить объ Иванушкѣ въ присутствіи Павлушина, не говоря ужъ объ ихъ общей страсти къ музыкѣ и своеобразномъ отношеніи къ искусству. Оба они, какъ истые дѣти природы, понимали музыку какъ нѣкую таинственную, сверхъестественную силу, вполне самостоятельную и разумную, которая вертитъ, какъ пѣшками, существами, закабалившими ей разъ навсегда свою душу. Оба говорили объ этой силѣ благоговѣйно, понижая голосъ и оглядываясь по сторонамъ, чтобы убѣдиться, что рѣчь ихъ не подслушивается профанами; у того и другого «пѣло» внутри и оба одинаково терпались невозможностью передать въ точности звуки, наполнявшіе ихъ воображеніе;.. а судя по впечатлѣнію, произведенному на меня импровизаціей Павлушина и по тому, какъ оно внезапно и неудержимо перенесло меня въ мѣста, связанные въ моемъ умѣ съ воспоминаніемъ объ Иванушкѣ, можно было заключить, что и вдохновеніе проявлялось у обоихъ въ одной и той же формѣ...

## II.

Прежде чѣмъ дойти до шапан, слухи объ Иванушкѣ носились по всему городу и объ немъ ужъ давно на всѣ лады толковали въ дѣвичьей. Бывало, когда ни войдешь туда, вѣчно дѣвушки шепчутся о вновь появившемся въ городѣ конкурентѣ знаменитаго юродиваго Антоши, о блаженномъ Иванушкѣ. Старая няня Панкратьевна увѣряла, что обликъ у него ангельскій, и что не взирая на юность, святости въ немъ и всякаго благочестія не меньше будетъ, чѣмъ въ Антошкѣ, и что говорить онъ ужъ такъ сладко, да утѣшительно, что рѣчь его въ самое сердце проникаетъ.

Проявился Иванушка въ первый разъ на кладбищенской церкви, когда хоронили купца Гладкина; между архіерейскими чинами онъ стоялъ, въ суконномъ халатикѣ, босой и безъ шапки. Въ тотъ день былъ такой морозъ, что обыкновенному смертному не было бы выскочить на улицу безъ шубы.

— А онъ, мой голубчикъ, однимъ только Господнимъ духомъ и сытъ, и нагрѣтъ, — рассказывала няня съ умильными вздоханіями.

Рабая Лизка, дочь горничной Лизаветы, слышала, будто онъ и въ Іерусалимъ собирается идти пѣшкомъ, и тоже босоногій.

— Само собой! Ужъ если здѣсь по улицамъ, да по бульвару ходить босиемъ, такъ ужъ въ такое святое мѣсто, гдѣ гробъ Господень, сапоговъ не надѣнетъ.

— А намеднись поваренокъ Яшка: у него, говорить, подошвы-то, мотри, мазью такой натерты, — вѣшталась въ разговоръ черноглазая Фроська.

Панкратьевна злобно огрызнулась на нее. — Эхъ, дѣвка, дѣвка, языкъ-то у тебя безъ костей, бить-то тебя некому за такія рѣчи глупныя!

— Какая же такая мазь, что и отъ камней не стирается, и ни грязью, ни пылью, ни снѣгомъ ее не проникаетъ, — проговорила съ иронической усмѣшкой швея Настя, хорошенькая дѣвушка лѣтъ восемнадцать, недавно кончившая ученіе у францужской мадамы. — Нѣтъ ужъ, скорѣе можно думать, что заговоръ на него такой положенъ... У насъ въ деревнѣ была такая старушка, что отъ огня заговаривала, ну вотъ, можетъ, и отъ мороза тоже...

— А спросить бы у него, дѣвушка, можетъ, и скажетъ? — предложила Лизка.

— Ишь ты ловкая! ну-ка, спроси...

— Чтожъ, я бы спросила, кабы довелось съ нимъ увидѣться. Онъ, говорятъ, совсѣмъ простой. Намеднись Харинскій поваръ приходилъ къ нашему Захаръ Фодоровичу за салатомъ, такъ сказывалъ: къ намъ, говорить, этотъ самый Иванушка почитай каждый день заходить въ людскую, пѣсни божественныя поетъ, хорошо такъ, да чувствительно! про Сіонскую дѣву и всякія другія, а также пророчествуетъ, да не то, чтобы словами, намекомъ тамъ, пословицей, либо стихами, какъ другіе, нѣтъ, онъ все больше картинками...

— Какими такими картинками? — любопытствовала толпа дѣвушекъ, швей, вязальщицъ, кружевницъ и бѣлошвеекъ, наполнившихъ большую, свѣтлую дѣвичью.

— А вотъ: нарисуетъ карандашикомъ на бумажкѣ елочку, крестикъ либо домикъ или цвѣточекъ, а то звѣрюшку какую-нибудь, не то птичку, не то рыбку, и понимай тутъ свою судьбу какъ знаешь.

— Да какъ же понять-то?

— Очень просто, какъ сны понимаются, такъ и это: крестъ тебѣ къ горю, сосна—къ смерти, домъ—своимъ хозяйствомъ жить, либо гробъ, иносказательно значить.

— Вотъ какъ!—протянула разочарованная Лизка.

— А ты какъ бы думала?—продолжала объяснять быстро-глазая, проворная Настя,—оно и все такъ, ни одинъ блаженный не скажетъ тебѣ прямо, чего тебѣ ждать отъ судьбы, а все обинякомъ... и вотъ, обиняки-то эти кажинный человекъ и долженъ понимать на свой ладъ, къ своей значить жизни примѣняючи; такъ ли я говорю, Дарья Панкратьевна?

Няня утвердительно кивнула головой, не переставая считать петли чулка изъ толстой бѣли, который она вязала.

— Говорять, будто Иванушка живетъ на кладбищѣ?—спросила Лизка.

— Гдѣ же ему тамъ жить, домовъ тамъ нѣтъ,—замѣтила Фрся.

— Зачѣмъ ему домъ? Приткнется къ какой ни на есть могилѣ, да и спитъ себѣ, ему что! Ни хладу, ни гладу не чувствуетъ, онъ блаженный, божій человекъ, значить. Такихъ-то, какъ онъ, ангелы небесные навѣщаютъ въ тюрьмахъ, да вороны въ пустыни питаютъ,—наставительно произнесла Панкратьевна.

— Однако, Антоша ужъ пятый годъ живетъ у столара въ свѣтелѣ.

— Потому и живетъ, что ему такъ хочется, а не захотѣлъ бы, такъ и онъ... Антоша тоже святой человекъ,—рѣшила послѣ небольшой запинки старушка.

— Святой-то онъ святой, а поди, чай, пусти его босымъ, да безъ шапки по такому морозу, живо заоченѣть.

— Можетъ, заоченѣть, а можетъ, и нѣтъ, какъ Господь попуститъ,—продолжала заступаться за стараго блаженного наша няня.

Эти разговоры и параллели между Антошей и Иванушкой послѣднее время возобновлялись очень часто въ дѣвичьей, откуда переходили въ дѣтскую и классную, и наконецъ, въ одинъ прекрасный день разговоръ объ новомъ блаженномъ, занимавшемъ весь городъ, зашелъ и въ мамашиную спальнѣ.

Первыя уста, произнесшія въ присутствіи татап имя Иванушки, были блѣдныя, потрескавшіяся уста Александры Петровны Сухоручки. Дѣло было утромъ; насъ по обыкновенію, приехали здороваться съ татап. Она сидѣла за своимъ туалетнымъ столикомъ, а за ея кресломъ, въ уголку между ширмой и этажеркой съ фарфоромъ, приместилась на скромномъ стулѣ Алек-

сандра Петровна Сухоручка. Эта особа, не смотря на свою бѣдность (существовала она только подаваніемъ барынь благодѣтельница, падшихъ на святошѣ), была у насъ въ большомъ почетѣ, и татап явно отличала ее отъ прочихъ божьихъ старушекъ, посѣщавшихъ нашъ домъ. Въ чемъ именно заключался престижъ Александры Петровны, этого я и прежде не понимала, да и теперь понять не могу. Ни въ наружности ея, ни въ голосѣ, ни въ обращеніи, нельзя было подмѣтить ничего удивительнаго, никакой особенной святости. Она не знала такихъ чувствительныхъ словъ, какъ Федосьюшка, отъ нея не вѣяло той елейностью, какою вѣяло отъ Авдотьи Силипын; Александру Петровну даже и старушкой нельзя было назвать,—это была плотная женщина, лѣтъ пятидесяти, небольшого роста, коренастая, съ грубымъ, мужскимъ лицомъ, маленькими, хитрыми глазками, громкой рѣчью и рѣзкими ухватками. Одѣта она была всегда въ темный шерстяной капотъ, большой ковровый платокъ, заколотый на груди толстой булавкой съ сургучной головкой, и въ черномъ тюлевомъ чепцѣ съ лентами, до того грязными, что трудно было опредѣлить ихъ первоначальный цвѣтъ.

Попрошайкой Александру Петровну нельзя было назвать; она ни у кого ничего не просила, но ни отъ чего не отказывалась, и принимая все, что ей дарили, начиная съ денегъ и кончая всякаго рода негоднымъ тряпьемъ и такими вещами, какъ пустыя бутылки, напимѣръ, или истрепанный цѣтокъ со старой шляпы, ничѣмъ не выражала при этомъ ни радости, ни признательности. Отъ прочихъ черносалоупницъ и богомолекъ Александра Петровна отличалась еще тѣмъ, что не льстила своимъ благодѣтелямъ и рѣшительно ничѣмъ не старалась угождать имъ, ни просвирами съ вынутыми частями за здравіе, ни пріятными рѣчами, и всегда говорила правду. Той новости, которую сообщила Александра Петровна, можно было вѣрить и сужденія ея считались вполне безпристрастными. Звали ее Сухоручкой потому, что вслѣдствіе какой-то болѣзни, приключившейся съ нею въ молодости, у нея сдѣлалось сращеніе мускуловъ лѣвой руки. Свою изуродованную руку она всегда держала спрятанной подъ платкомъ и никому въ мірѣ (по крайней мѣрѣ, мы, дѣти, были убѣждены въ этомъ) не удавалось ее видѣть, и Боже мой, сколько фантастическихъ представленій возбуждалось въ нашемъ воображеніи при мысли объ этой рукѣ!

— Вы говорите, Александра Петровна, что самъ владыка интересуется Иванушкой?—спрашивала татап.

— Отъ самого Сергѣя Николаевича слышала, матушка, — отвѣчала посѣтителница.

Сергѣй Николаевичъ былъ регентъ при хорѣ крестовой церкви.

— Еще въ прошлое воскресенье изволили сказать: когда придетъ этотъ самый кородивый въ церковь, не выпускать его послѣ службы и привести ко мнѣ. Какъ объявили Иванушкѣ, что владыка желаетъ съ нимъ бесѣдовать, такая робость на него напала, страсть! Поблѣднѣлъ весь, задрожалъ, какъ осиновый листъ, да вдругъ, какъ встряхнетъ кудрями да побѣжитъ! Насилу поймали у самыхъ воротъ, спасибо кто-то изъ прохожихъ помогъ съ улицы. А какъ поймали его, такъ и супротивничать пересталъ. Я сама видѣла, какъ его новели къ владыкѣ, подъ руки, съ одной стороны дядечкѣ Климычъ, съ другой басъ Мартиновъ, а сзади служка Василья шелъ, и всѣ ласково съ нимъ такъ: иди, говорятъ, Иванушка, иди, отъ нашего владыки ничего дурного тебѣ не будетъ, окромя того, что желательно имъ, говорить, знать, что ты за человѣкъ и откуда свое происхожденіе ведешь. А онъ, мой голубчикъ, шагнетъ разъ, другой, да и упрется, шагнетъ да и упрется, по сторонамъ озираючись и слезы горькія проливаючи, слова не можетъ выговорить съ перепугу. Однако, оправился, когда его представили въ архіерейскую залу и владыкѣ доложили. Долго изволили бесѣдовать съ нимъ преосвященный и такія мудрыя слова отъ него слышалъ, что диву дался, на все, рѣшительно на все Иванушка ему изъ писанія отвѣтствовалъ.

— Откуда ты?—спрашиваетъ преосвященный.

— Въ домѣ Отца моего обителей много,—говоритъ.

— Кто твои родители?

— Звѣри,—говоритъ,—имѣютъ норы и птицы гнѣзда, Сыну человѣческому негдѣ голову преклонити.

— Я у тебѣ спрашиваю, кто твой отецъ, чего ты отъ отца отыниваешь?

— Всѣ мы единого Отца дѣти.

— Почему,—спрашиваетъ владыко,—въ такой морозъ безъ тулупа и безъ сапоговъ ходишь, нѣтъ, что ли, у тебѣ?

А онъ ему на это:—Взгляните, говоритъ, на птицы небесныя, не сѣютъ, не жнутъ, а самъ Царь Соломонъ, при всей своей пышности, не одѣвался такъ какъ онъ.

Александра Петровна прервала свою рѣчь глубокимъ вздохомъ.

— Ну, чтожъ преосвященный?—спросила тата, видимо заинтересованная ея рассказомъ.

— Приказали вынести ему двѣ гривны денегъ и покормить на кухнѣ,—отвѣчала Александра Петровна. А затѣмъ, подозрительно оглянувшись по сторонамъ и убѣдившись, что никого въ спальнѣ изъ прислуги нѣтъ, она прибавила, таинственно понижая голосъ:

— Владыка изволили благословить его: иди, говорить, съ миромъ, и если только я отъ тебя такихъ смутьянствъ и безпорядковъ, какъ отъ иныхъ прочихъ, не увижу и не услышу, надѣйся, говорить, на мое покровительство и что милостью моею ты не будешь оставленъ.

Послѣднія слова не понравились тамап. Да и не могли они ей понравиться; она отлично понимала, на кого архіерей намекала, упоминая объ «иныхъ прочихъ», смущавшихъ народъ буйствами и всякаго рода неприличіями; даже и я догадалась, что рѣчь идетъ объ юродивомъ Антонушкѣ, который былъ у тамап въ такомъ фаворѣ, что никакія его чудачества, доходившія часто до злого, не позволительнаго озорства, не могли поколебать ея вѣры въ его святость.

Но Александра Петровна Сухоручка не только не раздѣляла этого увлеченія Антонушкой, но даже всячески осуждала его въ другихъ. У нея были вѣскія причины относиться недовѣрчиво и враждебно къ старому юродивому: онъ тоже съ незапамятныхъ временъ ненавидѣлъ ее, при каждой встрѣчѣ ругалъ непечатными словами, изобличалъ въ корыстолюбіи и въ такихъ честолюбивыхъ замыслахъ, какъ, напримѣръ, желаніе выдать племянницу за гарнизоннаго офицера и скопить ей въ приданое капиталъ изъ подачекъ благотворительницъ. При этомъ онъ гнался за нею со своимъ длиннымъ посохомъ и грозился исколотить ее до полусмерти.

Антонушка изображалъ изъ себя юродиваго въ полномъ смыслѣ этого слова: стоило только взглянуть на него и прислушаться къ его дикимъ рѣчамъ, чтобы убѣдиться, что онъ не въ своемъ умѣ. Раскашивалъ онъ по улицамъ въ халатѣ, спитомъ изъ розоваго или голубого коленкора, надѣтомъ прямо на сорочку и подпоясанномъ толстой веревкой, за которой болтались огромные ключи, неистово гремѣвшіе при каждомъ его движеніи, и плетушка съ пшеномъ для птицъ. Плеча его была вѣчно утыкана всевозможной дрянью: листьями, лоскутками, пучками соломы и сѣна, иногда на ней торчали цвѣты, въ перемежку съ куринными и павлинными перьями, ягоды, ярлыки съ бутылочъ и съ помадныхъ баночъ,—все, что только попадалось ему подъ ноги, при постоянныхъ его странствованіяхъ со двора

во дворъ, изъ дома въ домъ, все это онъ подбиралъ и втыкалъ за порывавшую ленту, украшавшую огромный войлочный грибокъ, который во всё времена года покрывалъ его крупную, кудлатую съдую голову.

Глаза у него были дикіе, блуждающіе, оралъ онъ на всѣхъ благимъ матомъ и, въ перемежку съ изреченіями изъ Св. Писанія, изрыгалъ столько сквернословія и страшныхъ проклятій, что водить съ нимъ знакомство было положительно зазорно, зазорно да и не безопасно, такъ какъ въ минуты фанатическаго азарта онъ не затруднялся никакими мѣрами пропаганды, билъ кого ни попало палкой, плевалъ людямъ въ глаза, выбивалъ каменьями стекла въ домахъ и производилъ тому подобныя безчинства съ глубокимъ убѣжденіемъ, что всѣми его бѣшенными выходками руководить высшая, небесная премудрость и что пострадать за такія дѣянія очень даже хорошо и душевспасительно.

Впрочемъ, благодаря протекціямъ въ высшихъ сферахъ, долго страдать ему никогда не доводилось; какъ только-то къ намъ явился гонецъ съ извѣстіемъ о томъ, что Антонушка за буйство и за сопротивленіе властямъ засаженъ въ часть или въ острогъ, маманъ тотчасъ же принималась хлопотать объ его освобожденіи, и Антонушку немедленно выпускали изъ заточенія. Одинъ только разъ, не смотря на всѣ просьбы высокихъ покровительницъ какъ маманъ, его продержали въ домѣ умалишенныхъ около трехъ мѣсяцевъ; но надо сознаться, что преступленіе, совершенное имъ, было такого рода, что всякій другой на его мѣстѣ заплатилъ бы за него каторгой: онъ поджегъ съ четырехъ концовъ большой деревянный домъ, наполненный тѣми прелестницами, въ кругу которыхъ важнѣйшіе мѣстные сановники искали отдохновенія отъ трудовъ, сопряженныхъ съ управленіемъ губерніей, и убѣжища отъ ссоръ и капризовъ, осаждающихъ ихъ у домашнего очага. Поджогъ удался какъ нельзя лучше, и только благодаря счастливой случайности не сгорѣлъ до тла весь кварталъ, окружавшій зданіе. Сановники съ «барышниками» повыскакали изъ оконъ и изъ дверей въ такомъ соблазнительномъ неглиже и вообще въ ту ночь произошло столько скандальныхъ сценъ и смѣшныхъ эпизодовъ, что рѣшено было происшествіе это по возможности замять; и не хвастайся своимъ подвигомъ самъ Антонушка по всѣмъ перекресткамъ, его, быть можетъ, совсѣмъ оставили бы въ покоѣ.

Закинувъ свой злой камушекъ въ огородъ мамашина лю-  
бимца, Александра Петровна смолкла и нѣкоторое время кряхта  
и рыдала, выжидала отвѣта, вопроса или замѣчанія, но ничего



подобнаго не послѣдовало: матан не оборачивалась къ ней и продолжала заниматься своимъ туалетомъ, ни единымъ звукомъ не поощряя ее на дальнѣйшую болтовню.

Сухоручка, поджавши свои узкія губы, злыми глазами слѣдила за всѣми ея движеніями, и вдругъ, совершенно неожиданно, снова заговорила:

— Огъ, Иванушка-то, все объ вашей милости спрашиваетъ... намереніе у Софьи нашей допытывался: въ какую церковь изволятъ генеральша ѣздить, пойти бы посмотрѣть на нее...

Матан прервала ее на полусловѣ:—Скажите, Александра Петровна, работаетъ ваша Соничка на Мельникову?

— Чтобы сказать, что работаетъ, этого нельзя сказать. Софья моя—не простая какая-нибудь швейка, чтобы для всякой шушеры, прости Господи, глаза свои слѣинить; такіе-то, какъ мужъ Мельниковой, у ея отца подъ командой состояли...

Покойный отецъ Сонички, родной братъ Сухоручки, былъ штабсъ-капитаномъ въ какомъ-то армейскомъ полку, и божья старушка очень гордилась этимъ родствомъ. Сколько разъ доводилось намъ слышать, какъ она, оскорбленная какимъ-нибудь невниманіемъ со стороны нашихъ родителей, ворчала сквозь зубы: «плевать мнѣ, что генералы, у меня у самой братъ, кабы не умеръ, теперь бы полковникомъ былъ».

— Я видѣла на Мельниковой воротникъ третьяго дня; она говоритъ, что ей ваша племянница его вышивала,—продолжала матан, не обращая вниманія на недовольный тонъ своей посетительницы:—пришлите ее, пожалуйста, пусть она покажетъ Лизаветѣ, какъ паутинки дѣлать, чтобы выходило такъ какъ у нея... Мнѣ воротникъ на Мельниковой очень понравился...

### III.

Принимаясь за исторію Иванушки, я наталкиваюсь на неожиданныя затрудненія, а именно—на полнѣйшую невозможность разсказать ее связно и безъ такихъ подробностей и отступленій, которыя могутъ показаться читателю не только лишними и неидущими къ дѣлу, но также и неправдоподобными. Сортировать же воспоминанія и впечатлѣнія изъ такого далекаго прошлаго, по мѣрѣ того, какъ они, цѣпляясь одно за другое, неразрывной цѣпью всплываютъ на память, оказывается мнѣ не по силамъ. Они овладѣваютъ воображеніемъ, какъ призраки изъ невидимаго міра, и нѣтъ возможности справиться съ ними, группировать

изъ по порядку и освѣтить по желанію, такъ настойчиво требуетъ каждый изъ нихъ своей доли вниманія.

Какъ сказано выше, юродивый Антопушка приписывалъ своей изпрятельницѣ честолюбивые замыслы и въ минуты озлобленія на нее оралъ на всѣхъ перекресткахъ, будто она надѣется прельстить офицера приданнымъ, накопленнымъ для племянницы изъ dobroхотныхъ пожертвованій разныхъ благодѣтельницъ, но можно сказать почти навѣрное, что въ строптивости своей Антопушка заходилъ слишкомъ далеко. Правда, что Александра Петровна позволяла своей племянницѣ Софѣ шить бѣлье супругѣ полкового командира, стоявшаго въ городѣ полка, и что дама эта ласкала дѣвушку и оставляла ее иногда обѣдать, когда не было у нихъ гостей, но не одна полковница ласкала Соню, ей и въ другихъ домахъ были рады; ее и у насъ любили. Въ гостиной, въ дѣвичьей и въ дѣтской, вездѣ привѣтствовали радушно веселую, услужливую племянницу Сухоручки. Мы, дѣти, ее обожали, и для насъ былъ настоящій праздникъ, когда она ѣздила съ нами гулять или гулять за городъ, когда она играла съ нами въ кулики или занимала насъ другимъ какимъ-нибудь образомъ. Какъ забавно и интересно умѣла она рассказывать про тотъ міръ, который почти совсѣмъ игнорировался въ нашемъ чуждомъ домѣ! Про міръ мелкихъ чиновниковъ, лапочниковъ, поповъ, даже актеровъ... Да, вотъ даже куда по временамъ забиралась Соня! Съ одной актрисой, самой главной, которая въ драмѣ «Алѣй башмачекъ» играла Эсмеральду, а въ «Вѣчномъ жидѣ» — Адриенну-де-Кардовиль, Соня была довольно коротко знакома; она ей костюмы золотомъ вышивала и артистка сколько разъ предлагала ей даровые билеты въ театръ... Еслибы только не тѣтенька Александра Петровна!.. Конечно, живя у нея, нечего было и думать о театрахъ.

Со мной Соня была очень откровенна, я знала всѣ ея тайны. Она со всѣми подробностями передавала мнѣ замыслы тети на сея счетъ, ея надежды и разочарованія. Нельзя сказать, чтобы Сухоручка не занималась «пристройствомъ» племянницы, о, нѣтъ! Она водила знакомство и всячески угождала всѣмъ городскимъ свахамъ, извѣстнымъ и неизвѣстнымъ, служила молебны и ставила свѣчи тѣмъ угодникамъ, которые имѣли репутацію интересоваться брачными дѣлами и способствовать ихъ благополучному исходу. Она даже дала обѣщаніе совершить пѣшкомъ путешествіе въ Кіевъ, если только Господу Богу будетъ угодно помочь ей пристроить племянницу. Случаи къ тому навертывались довольно

часто, но видно «судьбы» еще для Сони не было, а потому до сихъ поръ ничего не устроивалось.

Я всегда раньше всѣхъ знала о приготовленіяхъ къ смотрѣніямъ и о послѣдствіяхъ ихъ. Послѣ смерти родителей Сонѣ дѣлаться было некуда, и ей волей-неволей приходилось мириться съ невеселой перспективой зависѣть отъ божьей старушки до тѣхъ поръ, пока ей не выйдетъ «судьба». Когда Соня прибѣгала къ намъ съ блестящими отъ внутренняго волненія глазами и раскраснѣвшими щеками, это значило, что есть что-нибудь въ виду.

— Приказала вынуть изъ сундука голубое глассе платье и сиреневую муаровую мантилью, — передавала она мнѣ таинственнымъ шопотомъ. — Богатый, говорятъ, свой домъ на Рыбачьей улицѣ, хуторъ за Волгой... Я къ вѣсѣ цѣлкомъ приколою, какъ вы думаете? тотъ розанъ, что вице-губернаторша мнѣ подарила?.. Марья Ивановна сказывала, сколько-то тысячъ въ ломбардѣ лежить... Бусы бы надѣла, тѣ, знаете, что протопопица мнѣ послѣ смерти дочери подарила, да не знаю, позволить ли тетенька...

— Голубое платье съ сиреневой мантилей, это не красиво, — позволяла я себѣ критиковать.

— Что вы! Нѣтъ, очень даже красиво. Перчатки палевныя... Онъ служить секретаремъ въ консисторіи, ему сватали невѣсту изъ духовнаго званія, внучку соборнаго дьякона, приданнаго двѣсти рублей одними деньгами, окромя всего прочаго, салопа лисій, настоящимъ атласомъ крытый, да домъ дѣдушка обѣщалъ послѣ смерти оставить, вотъ какая невѣста! Не захотѣлъ: корявая, говоритъ, а деньги, говоритъ, для меня плѣвое дѣло, была бы особа по вкусу... Тетенька говоритъ — денегъ у него страсть! Ей регентъ сказывалъ, — а ужъ онъ знаетъ, — иной разъ, говоритъ, такъ случается, что въ одинъ день больше ста рублей загребешь... У меня, говоритъ, супруга будетъ совсѣмъ по благородному, не то, чтобы стричь или бѣлье стирать, а рѣшительно никакой работой не должна заниматься. Дѣвку ей вунлю, да казачка на побѣгушки...

— Чтожъ ты будешь цѣлый день дѣлать, Соня, вѣдь скучно такъ-то...

Она спѣшила прервать меня.

— Скучно! Вотъ еще выдумали! У насъ лошада будетъ, какъ соскучусь, такъ прикажу кучеру закладывать, да и поѣхала, либо въ гости, либо такъ прокататься, въ лавки заѣду, всякихъ лакомствъ накуплю... Денегъ у меня тогда будетъ много, на что хочу, на то и трачу, никому отчета не отдавай.

— Да онъ, можетъ быть, не будетъ тебѣ давать денегъ-то.

— Будетъ. Уже я знаю, что будетъ,—упорно твердила она, съ досадою отвертываясь отъ непріятныхъ предположеній.

Но я настаивала.—Онъ, можетъ быть, злой будетъ, вотъ какъ Ушаковъ... Сама же ты рассказывала про его жену, какая она несчастная, а то же бѣдь богатые...

— Ну, Ушакова сама виновата...—и Соня приводила аргументы не совсѣмъ понятные для меня, двѣнадцатилѣтней дѣвочки.

Иногда моя непонятливость пробуждала въ ея душѣ нѣчто въ родѣ раскаянія, и она убѣдительно просила меня забыть выпавшую у нея нечаянно нескромность.

— Я все забываю, что вы еще маленькія и ничего такого не должны слушать, пожалуйста, не повторяйте ни при комъ то, что я вамъ тутъ сглуна болтаю; бѣда, если до мамашы дойдетъ! Всѣмъ достанется на орѣхи и уже тогда конецъ нашей дружбѣ! Тетенька каждый разъ спрашиваетъ про что я съ вами разговариваю...

Жизнь Сонички у божьей старушки было желтенькое...

Прошу читателя извинить меня за это, чисто мѣстное выраженіе, но прибравъ другого слова къ этой жизни, полной мелкихъ, смѣшныхъ заботъ, надеждъ и мечтаній, я никакъ не могу. Божья старушка, тетенька Александра Петровна Сухоручка, была черствая, холодная эгоистка, очень хитрая и себѣ на умѣ, не взирая на камущую прямоту и безыскусственность, доходящую до грубости. Никого и ничего не способна она была любить, кромѣ денегъ, которыхъ, какъ оказалось впоследствии, ей удалось скопить порядочный капиталецъ. Благодаріе, оказанное сиротѣ-племянницѣ, воздавалось ей сторицею, весь городъ зналъ Соню и всѣ считали своею обязанностью облегчать Сухоручкѣ принятое ею на себя съ такимъ самоотверженіемъ бремя. «Самой ѣсть нечего, сама живетъ мірскимъ подаваніемъ, а сироту не оставила», говорили добрыя души, надѣлая ее всякимъ добромъ: поношенной одеждой, мукой, крупой, чаемъ и сахаромъ, даже салными свѣчами, а также масломъ и домашней птицей, навезенной изъ деревень. Оставалось только позаботиться о квартирѣ, но и эту заботу снялъ Господь со своей вѣрной рабыни и неутомимой молитвенницы: богатая помѣщица Ларина предоставляла въ ея распоряженіе флигелекъ, рядомъ съ дровянымъ сараемъ, построеннымъ въ концѣ обширнаго запущеннаго сада, въ томъ мѣстѣ, который никогда не чистился и не мелся даже въ самую блестящую эпоху Ларинской славы; когда отецъ теперешней владѣлицы усердно занимался спусканіемъ отцовскаго наслѣдія

въ качествѣ предводителя дворянства. Флигелевъ этотъ имѣлъ свою исторію и весьма трагическую: въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ немъ была баня, въ которой напелъ удобнымъ зарѣзаться поваръ Илюшка. Въ сороковыхъ годахъ, между многочисленной челядью, составлявшей Ларинскую дворню, существовали еще не совсѣмъ выжившіе изъ ума старички и старушки, которые были очевидцами если не самаго страшнаго событія, то всѣхъ его послѣдствій. Какъ бы тамъ ни было, но когда однимъ утромъ фореиторъ Федька вошелъ въ баню за сапогами, которые у него тамъ хранились, Илюшка былъ ужъ мертвъ и о причинахъ, побудившихъ его на самоубійство, никому не могъ сообщить. Съ тѣхъ поръ никто не рѣшался мыться въ этой банѣ; ее перестали топить; домикъ сталъ разваливаться; въ крышѣ образовалась течь; пустырь, окружающій со всѣхъ сторонъ флигелевъ, обросъ дикимъ кустарникомъ и травой, такой высокой и густой, что усики ширея и лохматые пучки полыни и вѣтки шиповника заглядывали въ окна съ выбитыми стеклами. Но время брало свое, и леденящій ужасъ, охватывавшій воображеніе при одномъ воспоминаніи о страшной драмѣ, разигравшейся тридцать лѣтъ тому назадъ въ покинутой банѣ, началъ постепенно переходить въ болѣе сносное чувство; мало того, ощущалась извѣстная доля наслажденія въ жуткой дрожи, пробѣгавшей по спинѣ слушателей, когда древняя старушка Физа, бывшая горничная барыни, или старецъ Потаничъ принимались рассказывать, въ какомъ испугѣ Федька выскочилъ въ то памятное утро изъ бани, какъ у него глаза вытѣкали изъ лба отъ страха и волосы на головѣ стали дыбомъ, какимъ благимъ матомъ онъ заоралъ на весь дворъ о приключившемся... какъ потомъ налетѣла полиція, какъ несчастнаго Илюшку прежде, чѣмъ похоронить, потрошили и тому подобное. Что же касается до фантастической стороны этого эпизода, а именно «явленія» зарѣзавшагося Илюшкой тѣмъ изъ его родителей, которыхъ можно было, такъ или иначе, заподозрить во враждѣ къ нему при его жизни и считать виновниками его смерти, то рассказъ объ этихъ явленіяхъ положительно дышалъ какой-то таинственной прелестью. Ихъ повторяли и слушали съ удовольствіемъ не только старики, которымъ міръ тѣней сдѣлался настолько близокъ, что начинать уже отчасти замѣнять имъ дѣйствительность, но также и молодые, и дѣти. Впрочемъ, поминать о старой банѣ въ ночи, не перекрестясь и не отпихнувшись отъ сатаны, до сихъ поръ считалось не безопаснымъ; бродить же, безъ особенной надобности, по той части сада, даже и днемъ, опытные люди находили неудобнымъ. Мо-

нѣтъ бытъ, поэтому молодые парни съ дѣвками и забирались сюда для такихъ разговоровъ, которые опытные люди съ поконъ вѣка считают опасными и въ высшей степени предосудительными?

Но нѣтъ такой тайны, которая современемъ не сдѣлалась бы публичной, и буфетчикъ Максимъ Андреевичъ, узнавъ черезъ свою супругу Марью Петровну (пріятельницу нашей няни Панкратьевны) о романтическихъ rendez-vous, происходившихъ подъ сѣнью Илюшкина призрака, поспѣшилъ доложить о томъ барынѣ. Случилось такъ, что въ тотъ же день къ госпожѣ Лариной зашла Сухоручка, прямо отъ вечера, и начала распространяться о своемъ бѣдственномъ положеніи. Никогда еще не была она такъ занята мірскими заботами какъ въ тотъ день, просто до отчаянности!

Хоть руки на себя накладывать, такъ въ ту же пору!

— Хозяйонка-то наша! Пляши, говорятъ, мнѣ рушь цѣловый кажинный мѣсяцъ; дозволю, говорятъ, я васъ даромъ держала. А гдѣ вамъ его взять этотъ рушь? Вѣдь тоже сколотить надо, у благодѣтелей выпросить... когда дадутъ, а когда и нѣтъ... На деньги-то и богатые и тѣ спужаются... Намеднисъ купчиха Гладкова, ѣздили мы съ ней въ мужской монастырь по Сергѣю Иванычѣ поминки справлять, годъ минуло что скончался... И поютъ же тамъ, въ монастырѣ-то! То-есть я вамъ доложу, ужъ не знаю право гдѣ еще такъ поютъ, въ раю развѣ, у престола Всевышняго!.. Разчувствовалась моя Марья Петровна! Какъ загудѣла вѣчную память, о земь грохнулась, зачала головой о нѣмту колотиться да причитывать... реветъ, что твоя королева! Смотрю эта я на нее, а у самой изъ головы все тотъ цѣловый не выходитъ, который намъ съ Соничьей надо непременно на будущей недѣлѣ нашей кровопивницѣ отдать, чтобы на улицу не выгоняла, и думаю себѣ: не попросить ли этотъ рушь у моей вдовы безутѣшной? Въ слезахъ да въ рыданіяхъ, у нея, поди, чей, сердце-то такъ размякло, что не захочетъ человѣка въ печали оставлять. И приступила я къ ней:—ты вотъ, говорю, о покойномъ супругѣ-то убавишься, а чтобы добрымъ дѣломъ его поминуть, да бѣдному человѣку въ нуждѣ помочь, этого въ тебѣ нѣтъ, говорю. Повзала она эти мои слова, да не совсѣмъ. Я рече тебѣ помочь, Петровна, говорить, чѣмъ могу, крупной тамъ или мелкой, прикажу отпустить, пришли завтра Маремьяну (Сухоручка владела крѣпостной дѣвкой, подаренной ей крестникомъ еще передъ смертью; существо это было рябо, глупо, въ нечеловѣчествѣ, силѣ, терпѣнію и безответственности напоминало скорѣе вѣчное животное, чѣмъ человѣка). Крупной, го-

ворю, за квартиру не заплатишь, цѣна ей на базарѣ много-много что три гривны пудъ, а вонъ съ меня хозяйка рушь цѣ-ковный требуетъ. Какъ ты про то думаешь, душа христіанская? Ужъ тутъ какъ слѣдуетъ вникла и сейчасъ отказъ мнѣ: — ты меня въ эту сторону и не пытай гнуть, говорить, я хона и богатѣйшой слышу, однако, лишникъ денегъ у меня нѣтъ ни гроша, кажинная потѣйка на счету и при своемъ мѣстѣ... Вотъ и живи тутъ какъ знаешь.

Сухоручка глубоко вздохнула и смогла въ ожиданіи отвѣта.

Госпожа Ларина объявила ей, что и она тоже денегъ не можетъ ей дать, а вотъ, если хочешь въ старой банѣ поселиться, милости просимъ.

Дѣлая это предложеніе, почтенная помѣщица, по всей вѣ-роятности, рассчитывала на отказъ, но расчетъ этотъ оказался невѣренъ. Сухоручка не отказалась отъ квартиры въ мѣстахъ, посѣщаемыхъ Илюшкиной тѣнью, она только замѣтила, что въ банѣ той полы стили и печка, говорятъ, обвалилась.

— Все это я тебѣ справлю,—объявила хозяйка.

— А справишь, такъ я спаси ты Христось,—отвѣчала буду-щая квартирантка.

Но г-жа Ларина была особа подозрительная, и такое быстрое согласіе немножко озадачивало ее. — Илюшки не боишься?—спро-сила она помолчавъ немного.

— Чего его бояться? Всѣ тамъ будемъ! Я по немъ пани-хиду отслужу. За него, поди, чай, никто и лба не перепре-стилъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ померъ, вотъ онъ и пошевели-вается, напоминаетъ о себѣ... Не весело тоже въ смогѣ-то кинуть, хоть кому доведись.

Она говорила это такимъ тономъ, какъ будто сама тамъ была и собственными глазами видѣла, какъ Илюшка въ смогѣ кинуть.

— Ну, и чудесно, переѣзжай съ Богомъ! Давно пора этотъ пустырь заселить, со всѣхъ сторонъ мнѣ жалуются, что парни съ дѣвками тамъ безобразничать начали.

Флигелекъ кое-какъ справили. Сухоручка сама за рабочими присматривала, поощряя ихъ обещаніями всю жизнь за нихъ Богу молиться и выставить имъ ведро воды, когда кончатъ. Благодаря этимъ обещаніямъ и особенно послѣднему, дѣло заки-пѣло; милостивое предложеніе г-жи Лариной послѣдовало послѣ Рождества, а передъ масляницей Соничка прибѣжала къ намъ съ извѣстіемъ, что на первой недѣлѣ поста они переберутся на новоселье. Она вся сіяла отъ восторга.

— У меня будетъ своя комната, съ окномъ!.. Подъ окномъ рябина растетъ, большущая такая!.. Вы любите рябину? Я страсть какъ люблю... Какъ высушить хорошенько, да хватить ее морозцемъ, чудо какъ вкусно! Я вамъ принесу, вотъ увидите, — мечтала она, дѣлясь съ нами своею радостью.

— А что у тебя въ комнатѣ будетъ? — любопытствовали сестры. — Какая у тебя кровать, какъ у насъ, съ занавѣсками?

— Кровать у меня и въ заводѣ нѣтъ, мы съ тетенькой на войлокъ, постелемъ на полъ, да и спимъ, чудесно! Да и мѣста нѣтъ для кровати, комнатка у меня вотъ такая.

Она указала на пространство величиной съ нашъ классный столъ.

— Оконечко маленькое, всего только аршинъ кисен пойдеть, чтобъ занавѣсить его, я смиршила. Передъ окномъ у меня будетъ рабочій столъ, да стулъ, чего еще? Печурочка такая есть, туда можно зеркальце поставить, да помаду... зимой-то растаетъ, конечно, ну, а лѣтомъ ничего... Весной, какъ зацвѣтутъ сирени, да шиповникъ, какъ зачнутъ пѣть птички, рай будетъ у меня въ комнатѣ!

Она была такъ радостно настроена, что забыла даже о неудачѣ, постигшей ее на дняхъ съ консисторскимъ секретаремъ. Показывали Соничку этому разборчивому господину въ полномъ нарядѣ, въ голубомъ глянсе, съ цвѣткомъ въ волосахъ, заплетенныхъ въ тугую косу, широко разложенную вокругъ новой гребенки, поусердствовали даже добрыя кумушки поддурманить ее и безъ того слишкомъ красныя щеки и насурмить чуть-чуть брови, ничего не помогло. Не понравилась Соничка консисторскому секретарю, онъ нашелъ, что она не въ тѣлѣ.

— Ужъ не знаю, право, чего ему еще надо, — жаловалась она мнѣ вскорѣ послѣ смотринъ; — боюсь, что ли, сорововую? Вонъ, Феничка Бѣлкина, куда меня тоньше, просто выдра выдрой, а нѣдъ наша суженая, не погнушались ею... Нѣтъ ужъ, я видно въ самомъ дѣлѣ такая несчастная уродилась, — продолжала она нечаянно опуская голову. — Таперича тетенька для меня квартальнаго высматриваетъ, того самого, у котораго жена прошлымъ лѣтомъ холерой померла... Но только я такъ думаю, что изъ этого тоже ничего не выйдетъ... Намедни онъ говорилъ Марѣ Ивановѣ дьяконидѣ, что жениться хочетъ, потому что онъ дѣлаетъ сладу нѣтъ... Трое ихъ у него, мальчишекъ да двѣ дѣвочки, мальчишекъ-то ужъ большенькій, драчунъ, говорятъ... Тетенька говоритъ: гдѣ же Софѣ съ ними справиться? Давно ли она изъ ребятъ вышла? А Марья Ивановна зачала его хва-



леть, квартирного-то: хорошій, говорить, человекъ, степенный и доходы большіе, сейчасъ, какъ женится, на нихъ жены каменный домъ купить... На себя-то ему нельзя ничего записывать, ни домовъ, ни имѣній, начальство, что ли, препятствуетъ, ужъ не знаю тамъ... Его однимъ этимъ домомъ, Марья Ивановна говорить, завсегда можно въ рукахъ держать.

На ея личико, такое оживленное и беззаботно веселое, когда она говорила о своей комнатѣ съ рыбной подъ окномъ, налетѣла та тѣнь озабоченности, которая всегда появлялась на немъ, когда она касалась такого серьезнаго предмета, какъ вопросъ о «пристройствѣ». Точно ребенокъ, которому во время рекреаций напоминали о невыученномъ еще урокъ.

— Хорошій, говорятъ, человекъ, но только пьетъ шибко.

— Соничка, вѣдь это странно съ пьянымъ-то, — замѣчала я дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

Я такъ живо сочувствовала моей пріятельницѣ, какъ будто меня самую отдають замужъ за пьянаго квартирного съ драчуномъ синишкой.

— Нѣтъ, что же, привыкнуть можно. Другіе привыкають же? И кто же нынче не пьетъ? Не надо только перечить, когда онъ не въ своемъ видѣ, они это дѣлать и ужъ потомъ за то хоть веревки изъ него вей, такой дѣлается смирный, — повторяла она афоризмы, слышанные отъ тетки, отъ свахъ, отъ замужнихъ подругъ, однимъ словомъ отъ всѣхъ недалёковидныхъ доброжелательницъ, заинтересованныхъ такъ или иначе въ томъ, чтобы скорѣе ее пристроить.

И беззаботно трянувъ головой, она снова заговорила про свою будущую комнату.

Объ этой комнатѣ она мечтала вслухъ такъ сладко, что во мнѣ зародилось непреодолимое желаніе увидать ее. Но желаніе это было до такой степени неудобовоспринимаемо, что когда оно въ одинъ прекрасный день осуществилось, я долго не могла прийти въ себя отъ восторга.

#### IV.

Была Троица. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ есть весна, праздники этотъ можно смѣло назвать праздникомъ изъ праздниковъ. Погода всегда ясная, теплая, лѣто еще не наступило, но уже чувствуется и въ жгучести солнечныхъ лучей, и въ ароматѣ отцвѣтающей сирени и распускающихся розъ и ландышей, кото-

рый острой, одурающей струей носится въ воздухѣ, вторгаясь во все настежь отворенныя окна и балконныя двери. Стономъ слытъ гулъ праздничныхъ колоколовъ, призывающихъ народъ къ обѣдѣ. На синемъ небѣ ни вѣтерка, ни тучки, на чисто выметенныхъ улицахъ ни одного печальнаго или озабоченнаго лица, ни одной старой, грязной тряпки. Вотъ бы въ такой день посмотреть на Соничкинъ домикъ, думала я, проѣзжая мимо забора, окружавшаго ларинскій садъ.

Желаніе мое исполнилось; по окончаніи обѣдни, маманъ объявила, что надо наѣхать старушку Варвару Андревну и приказала кучеру ѣхать къ Лариннымъ. Первое лицо, встрѣтившее насъ въ длинной темноватой прихожей поттенной помѣщицы, было оживленное личико моей пріятельницы.

Она была какъ-то особенно весела въ тотъ день, и показавши растворили двери въ залу, а маманъ оправляла свой туалетъ, она успѣла нагнуться ко мнѣ и прошептать на ухо: — А у насъ Иванушка!

— Что ты ей такое говоришь?—спросила мамаша, которая терпѣть не могла секретовъ.

— Я говорю, Елена Николаевна, что у насъ маки махровые зацвѣли,—созрала безъ заминки Соничка:—позвольте имъ къ намъ зайти посмотреть?

— Надо съ Варварой Андревной поздороваться,—уклончиво отвѣчала маманъ, дѣлая нѣсколько шаговъ на-встрѣчу хозяйкѣ, которая выползала изъ внутреннихъ комнатъ во всемъ парадѣ, въ жловомъ шелковомъ платьѣ и въ чепцѣ съ бѣлыми атласными лентами.

— Здравствуйте, Варвара Андреевна, вотъ, прямо отъ обѣдни къ вамъ заѣхала,—говорила съ любовной улыбкой маманъ:—мнѣ Анна Ивановна сообщила, что вамъ все нездоровится?

— Умираю, мать моя, совсѣмъ умираю! Чего тамъ нездоровится!—заворчала въ отвѣтъ старуха.—Такъ бы и говорили, а то нездоровится! Смерть моя, вотъ что!

Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помнила, Варвара Андревна умирала; не знаю, когда именно настигла ее, наконецъ, смерть, но тѣ пять тому назадъ, по свидѣтельству очевидцевъ, она была еще жива.

Прошли залу съ неизмѣнными зеркалами въ простѣнкахъ и длинными рядами стульевъ въ перемежку съ ломберными столами вдоль стѣнъ и оконъ, миновали первую гостиную, красную и фиолетовую, вторую, поменьше, голубую, и проникли, наконецъ, въ кабинетъ, гдѣ и остались. Тутъ Варвара Андревна опустилась

на длинный диванъ рядомъ съ папап, а передо мной, одна изъ приживалокъ г-жи Лариной, высокая, худая и рябая старая дѣвица, по имени Марья Антоновна, поставила золоченую тарелку съ леденцами въ бумажкахъ и съ винными ягодами. Въ обязанности Марьи Антоновны входило занимать тѣхъ гостей, которыхъ сама хозяйка не занимала; когда я отъ конфетъ отказалась подъ тѣмъ предлогомъ, что намъ не позволяютъ кушать сладкое до обѣда, она обязательно предложила мнѣ сыграть партію въ домино. Отъ этого развлеченія у меня не было никакого благовиднаго предлога отказаться, и мы усѣлись въ століку, на которомъ стоялъ ящичекъ съ этой скучной игрой.

Между папап и хозяйкой завязался обыкновенный разговоръ; госпожа Ларина жаловалась на свои болѣзни, на безумныя суммы, которыя она тратитъ на докторовъ и на лекарства, по временамъ прерывая свои рассказы вопросами о здоровьи нашего отца и о томъ, думаетъ ли онъ ѣхать въ Петербургъ въ нынѣшнемъ году. Мнѣ съ каждой минутой становилось все скучнѣе и скучнѣе разставлять бѣленныя косточки и считать на нихъ черныя ямочки и я безпрестанно оборачивалась въ той двери, изъ которой должна была появиться Соничка. Наконецъ, она вошла и тутъ же у двери скромненько присѣла на стулъ, какъ подобаетъ бѣдной дѣвушкѣ.

— Я видѣла вашу тетеньку у обѣдни, — улыбнулась ей мило-ство папап.

— Да ужъ, ни одной службы не пропустить и всюду пролѣзетъ, — замѣтила со вздохомъ Варвара Андревна, какъ будто ей было больно отъ того, что Сухоручка всюду умѣетъ пролѣзть.

Я такъ выразительно смотрѣла на мою пріятельницу, что она поняла мою нѣмую просьбу, и зажмуривъ на мгновеніе глаза, покачала головой; это значило, что надо еще подождать минутку.

— Вамъ, душечка, не угодно ли по залѣ пройти или на китайскомъ бильярдѣ поиграть? — предложила мнѣ Марья Антоновна, замѣчая, съ какимъ недовольнымъ видомъ я разставляю мои костышки.

Но я объявила, что предпочитаю домино китайскому бильярду. Во всѣхъ комнатахъ Ларинскаго дома было скучно, пахло какими-то травами, не то ладономъ, не то корицей, вездѣ царствовала мертвая тишина и чинный порядокъ, но нигдѣ отсутствіе жизни и молодости въ этомъ домѣ не ощущалось такъ тоскливо какъ въ залѣ, гулкой и длинной, съ люстрой и канделябрами, завернутыми въ кисею, точно въ саваны.

Пониграли еще минутъ десять, наконецъ, Соничка сжалась надъ монимъ нетерпѣнiемъ и рѣшилась возвысить голосъ.

— Елена Николаевна, позвольте Катинкѣ со мной по саду погулять?

Она выбрала самую удобную минуту для этого вопроса, когда Варвара Андреевна завела рѣчь о послѣднемъ скандалѣ, случившемся въ городѣ. Скандалъ этотъ сопровождался такими скабрѣзными подробностями, что мамаша начала съ безпокойствомъ оглядаться въ мою сторону.

— Ступайте, — объявила она.

Я вскочила изъ-за столика, взяла Соничку за руку, и мы вышли довольно чинно изъ комнаты, но очутившись въ темномъ корридорѣ, подруга моя ускорила шагъ.

— Скорѣе, скорѣе, — говорила она, таща меня за собой: — еще вернуть, чего добраго!

Мы безъ оглядки промчались черезъ буфетную, дѣвичью и очутились въ сѣнахъ, изъ которыхъ крылечко выходило на небольшой дворъ. Изъ этого двора мы кратчайшимъ путемъ, какими-то задворками, да огородами достигли большого стараго сада, совсѣмъ запущеннаго. Всѣ дорожки заросли густой, высокой травой, среди аллей попадались довольно большіе кусты. Но Соничка очень ловко пробиралась по еле замѣтнымъ тропинкамъ, она такъ хорошо знала всѣ вѣтшіе углы и закоулки! Не даромъ называла она этотъ садъ *своимъ*; ужъ, конечно, нѣкто изъ такъ много не пользовался, какъ она.

— Вотъ и нашъ домикъ! — указала она на крышу, выглядывавшую изъ-за старой груши, которая почти сплошь, точно киветъ, покрывала ее своими увеселыми вѣтвями въ полномъ цвѣту. Шиповникъ, усыпанный ярко желтыми и красными бархатистыми цвѣтами, поросъ тутъ такъ густо, что продираться сквозь него въ кисейномъ новомъ платьѣ было довольно неудобно.

— Пройдемъ отсюда, тамъ тоже кусты, но только не такіе колючіе, все больше черемуха да рябина, — весело болтала Соничка, оглябая домикъ и подходя къ нему съ другой стороны. Тетеньки моей нѣтъ и она долго не придетъ сегодня, обходъ свой дѣлаетъ; въ праздникъ-то всѣ господа добрые, во-отъ какой ворохъ всякой всячины натащить!

Она со смѣхомъ разстала руки, чтобы показать, какое множество подарковъ притащить сегодня Сухоручка домой.

— Много изъ теплой одежды дадутъ... Жара, на мѣховое, да давай-ка смотрѣть тошно, а намъ это и на руку!.. Та шубка, что я всю зиму носила, помните? Она мнѣ въ прошломъ году

досталась, тоже въ Троицкѣ: тетенька пришла къ полицмейстершѣ, а у нея земнія вещи выколачиваютъ на дворѣ, чтобы въ сундуки уложить, тетенька и намѣтила эту шубку, дай, думаю, для Софьи выпрошу, и выпросила. Зимой, либо осенью, ни за что не дали бы,—прибавила она.

Мы подходили къ крыльцу небольшого флигелька въ три окна.

— Иванушка! — закричала моя сестрица, раздвигая вѣтви передъ однимъ изъ этихъ оконъ и заглядывая внутрь. — Иванушка! повторила она.

Отвѣта не было.

— Ну, вѣрно за щавелемъ ушелъ, страсть какъ любить! Подождите тутъ минуточку, а его сейчасъ приведу.

— Да онъ, можетъ быть, совсѣмъ ушелъ,—замѣтила я.

Быль яркій, солнечный день, птички кругомъ пѣли, цвѣты цвѣли, но Илюшкина легенда мнѣ была невѣстна и оставаться тутъ одной мнѣ показалось довольно жутко.

— Куда ему уйти,—беззаботно усмѣхнулась Соничка:—вѣдь онъ у насъ теперь живетъ... вы этого не говорите никому, пожалуйста,—спохватилась она,—Боже сохрани, дойдетъ какъ-нибудь до нашей *разслабленной*, въ претензію вломится, затѣмъ чужого человека пустили, не спросившись... А какой онъ человекъ, какъ есть юродивый!

— Онъ и спать у васъ?—любопытствовала я.

— Конечно, спать. Въ сѣнцахъ... А что?

— А какъ же, говорятъ, что онъ на кладбищѣ?..

— Нѣту! На кладбищѣ-то того и гляди мертвецъ изъ могилы вылезетъ, да за ноги...

Она не договорила: изъ дома раздался струнный аккордъ, за нимъ другой, а затѣмъ все смолкло, но не надолго, и свѣжій, звучный голосъ заигралъ какую-то пѣсню. Мотивъ былъ очень странный, наивный и нѣжный. Впрочемъ, у меня въ памяти осталась не столько пѣсня Иванушки, сколько впечатлѣніе, которое она производила на мою пріятельницу: Соничка такъ и замерла на мѣстѣ и до тѣхъ перъ стояла неподвижно, пока нѣніе не смолкло. Тогда она схватила мою руку и крѣпко сжала ее.

— Что, хорошо?—прошептала она задыхающимся отъ волненія голосомъ.

Щеки ея пылали, на глазахъ сверкали слезы. Никогда еще не видывала я ее такой.

Вѣроятно, изумленіе мое очень наивно отразилось въ моемъ взглядѣ, потому что она смутилась немножко и начала утирать лицо кончикомъ косынки, накиннутой на ее плечи.

— Вотъ, я всегда такъ, когда онъ поетъ,—начала она оправдываться:—просто слышать не могу равнодушно, такъ и хватается за душу! А когда архіерейскіе пѣвчіе поютъ, мнѣ все равно, стою себѣ деревянкой, точно совсѣмъ безъ души... Вотъ онъ опять, и мою любимую! Слушайте, какъ хорошо!

Иванушка запѣлъ другую пѣсню. Впрочемъ, именно пѣсней-то, что онъ пѣлъ, нельзя было назвать, это были канты какіе-то, изъ слова изъ евангелія. Впослѣдствіи я узнала, что музыка была его сочиненія и что онъ самъ подобралъ къ ней слова.

Я подалась немного впередъ, чтобы заглянуть въ окно... листья зашелестели, изъ нихъ выпорхнула большая стрекоза съ прозрачными разноцвѣтными крылышками, и пѣніе внезапно прекратилось.

— Вы ему помѣшали,—проговорила съ досадою Соня,—теперь онъ до тѣхъ поръ не станетъ пѣть, пока съ вами совсѣмъ коротко не познакомится.

Это совершилось очень скоро.

— Иванушка, вотъ старшая барышня Вологдиныхъ, про которыхъ ты у меня постоянно спрашиваешь.

Такими словами Соничка отрекомендовала меня странному существу, которое, при нашемъ появленіи, забилося въ уголъ между стѣной и печкой и выглядывало оттуда робкимъ, испуганнымъ взглядомъ. Онъ казался моложе своихъ лѣтъ; ему на видъ можно было дать лѣтъ шестнадцать, семнадцать, не больше. Длинные, золотистые волосы, покрывающіе его узкія плечи, спускались ниже пояса и, раздѣленные проборомъ среди лба, придавали всей его физіономіи выраженіе какой-то дѣвственности и чистоты; большіе голубые глаза, когда въ нихъ не было испуга, смотрѣли грустно и задумчиво, да и вообще весь онъ производилъ тяжелое впечатлѣніе своею блѣдностью, болѣзненной худобой и какой-то растерянностью не только во взглядѣ и въ улыбкѣ, но и въ движеніяхъ, а также въ каждомъ словѣ сбивчивой, нерѣшительной рѣчи.

Росту онъ былъ средняго, но казался выше отъ страннаго костюма, который состоялъ изъ одной рубашки, очень длинной, подпоясанной веревкой, и изъ желтоватаго халата изъ верблюжьей шерсти. Больше на немъ ничего не было, ни шапки, ни сапогъ. Во всякое время года и во всякую погоду онъ ходилъ босикомъ и въ непокрытой головой.

Я знала, что въ этомъ-то и состояло его отличіе отъ прочихъ смертныхъ, и съ любопытствомъ, не лишеннымъ извѣстной

доли благоговѣйной робости, остановила взглядъ на его порахъ, покрытыхъ пылью, мозолями и язвками.

— И сама генеральша здѣсь, хочешь на нее посмотрѣть? — продолжала Соня.

Онъ быстрымъ движеніемъ закрылъ лицо руками и поспѣшно попятился назадъ.

— Ну, не надо? не хочешь, такъ не надо, — смѣялась Соня. — Нарисуй ей картинку, — указала она на меня, — а я сбѣгаю въ погребокъ, у насъ тамъ медъ есть, Турчаниника дѣловую банку намеренсь подарить тетенькѣ, хорошій медъ, душистый... Вотъ и булка, нарочно у Ларинской экономки для тебя выпростила.

Она вынула изъ кармана бѣлый хлѣбецъ, положила его на столъ и выбѣгая закричала мнѣ: — Вы его не бойтесь, Катинька, онъ добрый!

Заявленіе это было не лишнее. Не взирая на юный и невинный видъ юродиваго, мнѣ было довольно неловко оставаться съ нимъ наединѣ, но онъ, повидимому, трусить меня больше, чѣмъ я его; повинаясь Соничкину приказанію, онъ вылезъ изъ своей засады, присѣлъ къ столу, вынулъ изъ-за пазухи листъ бумаги, обгрызокъ карандаша и, помусливъ кончикъ его между губами, принялся за работу. По временамъ онъ кидалъ на меня исподлобья бѣглый, но внимательный взглядъ, робко ёжась и пожимаясь при этомъ, точно отъ сдавленной, внутренней боли. Я мало-по-малу осмѣлилась до того, что подошла къ нему сзади и стала смотрѣть на то, что онъ выводилъ карандашомъ на бумагѣ.

Какъ сейчасъ вижу этотъ рисунокъ — онъ долго у меня хранился, и каждый разъ, когда попадался мнѣ на глаза, мнѣ вспоминался тотъ свѣтлый весенній день, яркая зелень, которая лѣзла со всѣхъ сторонъ въ открытыя окна, и тонкая фигура юродиваго, согнувшаяся въ три погибели надъ бумагой, которую онъ съ какой-то автоматической быстротой покрывалъ безчисленными ёлочками и крестиками. Крестики и ёлочки, большіе и маленькіе, — ничего другого не умѣлъ онъ рисовать, но ужъ за то въ этомъ онъ отлично набилъ себѣ руку. Вскорѣ весь листъ покрылся ими.

Соня замѣшкелась. Въ домикѣ было совсѣмъ тихо, только шмель жужжалъ гдѣ-то въ углу, да муха жалобно пищала въ сѣтяхъ паука, да по временамъ чиркалеть то тутъ, то тамъ птичка. Вдругъ, карандашъ заходилъ по бумагѣ быстрее, Иванушка тряхнулъ головой, сморщилъ лобъ и сталъ оглядываться на меня все чаще и чаще.

— Твоя мать добрая?—спросилъ онъ вдругъ, низко пригibasъ лицомъ къ бумагѣ. — Видѣлъ разъ... въ церкви... красавица, — протянулъ онъ какъ бы про себя: — Богородица!

Это сравненіе моей мамы съ Богородицей показалось мнѣ довольно дивно въ устахъ юродиваго, однако, я промолчала.

— Добрая она?— снова спросилъ онъ.

— Добрая, — отвѣчала я машинально.

— Нуу! — недовѣрчиво промывчалъ Иванушка.

Рука съ карандашомъ забѣгала еще быстрее.

— Такъ ты ей скажи... Иванушка въ Іерусалимъ хочетъ идти, — произнесъ онъ отрывисто. А затѣмъ помолчавъ немного, онъ прибавилъ: — скажешь?

— Скажу.

Разговоръ на этомъ и порвался; онъ не произнесъ больше ни слова. Вскорѣ послышались шорохъ и шелестъ раздвигаемыхъ вѣтокъ и раздались торжествующіе шаги моей пріятельницы. — Батя! Батя! — закричала она, — идите скорѣе, васъ зовутъ, мамаша ужъ садится въ коляску!

Я безъ оглядки выскочила изъ дома, и мы съ Соней пустились бѣжать къ выходу.

Теперь мы бѣжали не закоулками и не задворками, а прямо по большой аллеѣ, ведущей къ нарядному крыльцу, у котораго стояла наша коляска.

Вдругъ кто-то потянулъ меня за платье; это Иванушка насъ нагналъ. Онъ держалъ картинку, нарисованную въ моемъ присутствіи, и совалъ мнѣ ее въ руки приговаривая: — Вотъ тебѣ, чтобъ не забыла сказать... Скажешь? Скажешь?..

И смолкнувъ, онъ точно остоленѣлъ на мѣстѣ. Мы съ Соней глянули въ ту сторону, куда онъ уперся пристальнымъ взглядомъ и увидѣли маму: она стояла на верхней ступенькѣ не высокаго крыльца, вся въ бѣломъ, съ большимъ букетомъ розъ въ одной рукѣ и съ молитвенникомъ, переплетеннымъ въ пунцовый бархатъ въ другой, такая хорошенькая, что на нее, дѣйствительно, можно было залюбоваться.

Шальная мысль налетѣла на мою подругу. — А! ты вотъ чего увидѣлъ, — вскричала она, — такъ самъ ей скажи: вотъ она, твоя Богородица, скажи ей самъ!

И схвативъ его за рукавъ халата, она потащила его къ крыльцу. Онъ слѣдовалъ за нею молча, весь блѣдный, трясаясь всѣмъ тѣломъ и пугливо озираясь по сторонамъ. Не держи она его такъ крѣпко, онъ навѣрное вырвался бы и убѣжалъ. Я съ безпокойствомъ смотрѣла на маму; къ величайшему моему удив-



ленію, смена эта не столько сердила ее, сколько забавляла. Она даже поднесла къ глазамъ лорнетъ и разглядывала существо, которое влезло въ ней, съ ногъ до головы, съ большимъ любопытствомъ, точно рѣдкаго звѣря.

— Вотъ твоя Богородица, — повторила Соня, останавливаясь передъ крыльцомъ, и толкая юродиваго впередъ. — Это онъ вась, Елена Николаевна, такъ называется...

Матап нахмурила брови. — Перестань глупости говорить, — проговорила она, не отнимая лорнета отъ глазъ. — Что тебѣ отъ меня нужно? — обратилась она къ Иванушкѣ довольно милостиво.

Онъ молчалъ, но за то Соня поспѣшила отвѣчать за него: — Эка опѣшилъ! даже языкъ не ворочается! А кто мнѣ сегодня говорилъ, что хотѣлось бы красавицу-генеральшу повидать! Важное дѣло до нея есть?.. Вѣдь говорилъ?

Онъ молча кивнулъ головой, не отрывая глазъ отъ матап, во взглядъ его выражался наивный восторгъ какой-то.

Должно быть, такое оригинальное поклоненіе ея красотѣ произвело на матап пріятное впечатлѣніе; она улыбнулась.

— Если важное дѣло, такъ пусть придетъ ко мнѣ, — проговорила она, садясь въ коляску.

А когда мы доѣхали до воротъ, она обернулась, кивнула головой стоявшему все на томъ же мѣстѣ и въ той же позѣ Иванушкѣ и повторила, возвысивъ голосъ:

— Приходи, не бойся!

## V.

Иванушка повадился ходить къ намъ каждый день. Онъ пользовался въ нашемъ домѣ такимъ почетомъ, какимъ до него ни одинъ божій человѣкъ, не исключая и Антонуши, никогда не пользовался. Чѣмъ именно сумѣлъ онъ завоевать довѣріе и расположение матап, Богъ его знаетъ, но только мало-по-малу дошло до того, что она положительно обойтись безъ него не могла. Если, войдя утромъ въ столовую, она не видѣла Иванушку на обычномъ мѣстѣ у окна (никогда не садился онъ съ нами за одинъ столъ, какъ ни упрашивали его), матап спрашивала: гдѣ же онъ? и успокоивалась только тогда, когда онъ явился.

Дѣтьми своими, какъ всѣ дамы того времени, матап мало занималась, и воспитаніе наше почти всецѣло лежало на гувернанткахъ и гувернерахъ, въ которыхъ мы переходили отъ нянекъ и кормилицъ; Иванушку же она принялась сама учить и гра-

моть, и нотамъ. Первое давалось ему довольно туго и, сколько мнѣ помнится, дальше складовъ не двинулось; но все, что касалось музыки, онъ понималъ очень быстро и вскорѣ отлично выучился читать ноты. Впрочемъ, онъ предпочиталъ играть по слуху или импровизировать на скрипкѣ или на фортепьянахъ, — что для него было безразлично, каждымъ инструментомъ онъ мадѣлъ такъ же легко, какъ остальные люди владѣютъ роднымъ языкомъ. Память на мелодіи у него такъ была развита, что ему стоило разъ услышать мотивъ, чтобы запомнить его навсегда, а затѣмъ переложить его на какой угодно тонъ и передать голосомъ или на любомъ инструментѣ, начиная фортепьянами и кончая балалайкой, ему ровно ничего не стоило.

Матан забавлялась имъ какъ игрушкой и заставляла его пѣть и играть по цѣлымъ часамъ. Никогда не выражалъ онъ ни словомъ, ни взглядомъ, что усталъ или что ему надоѣло, но когда она приказывала ему кончить и подзывала его къ себѣ, онъ точно также безпрекословно повиновался, садился на скамеечку у ея ногъ и молча смотрѣлъ на нее, пока она вышиваетъ шерстями въ пальцахъ или перелистываетъ какой-нибудь французскій романъ, смотрѣлъ до тѣхъ поръ, пока не придутъ гости и она не прикажетъ ему идти къ дѣтамъ. Тогда онъ безропотно вставалъ и уходилъ въ дѣтскую, гдѣ его всегда принимали радушно. Онъ умѣлъ дѣлать отличные змѣи изъ старыхъ тетрадокъ, свистульки изъ стебельковъ одуванчика, сплеталъ великолѣпные вѣнки изъ васильковъ, листьями и вѣточками внутри, такъ что кромѣ цвѣтковъ, плотно тѣснящихся другъ къ другу, ничего не было видно, и наконецъ рисовалъ намъ свои неизмѣнные ёлочки и крестики. Мы не разъ пытались узнать отъ него что-нибудь про его прошлое, про ту деревню, въ которой онъ жилъ прежде, чѣмъ придти сюда, про его родныхъ, но на всѣ наши распросы онъ отвѣчалъ довольно уклончиво и неопредѣленно, однако, намъ все-таки удалось узнать кое-какія подробности изъ его жизни, по которымъ можно было составить себѣ понятіе о причинахъ, побудившихъ его юродствовать. Бѣжать изъ родного села подманилъ его товарищъ, по имени Якимка, которого въ свою очередь «сомустилъ» старичокъ странникъ. Бѣжали они ночью, во время грозы и когда весь народъ былъ на сѣновосѣ, за десять верстъ отъ села. Дома оставались одни только старики да малые ребята, такъ что гнаться за ними не было кому, а когда носцы вернувшись хватились ихъ, Иванушка съ Якимкой были ужъ далеко. Руководствовалъ предпріимствомъ Якимка, Иванушка послѣдовалъ за нимъ не столько

изъ благочестія, сколько изъ любознательности и потому, что ему ничего и ничего не было жалко въ селѣ. Родныхъ у него не было, старуха, которая приврѣла его, не питала къ нему большой лѣжности. Всѣ считали его дурачкомъ и ни на какую работу неспособнымъ; онъ только и умѣлъ, что пѣсни пѣть, да на балабайкѣ играть, срѣзывать камышъ и сдѣлать изъ него дудочку но въ странничеству и юродству Иванушка очень скоро приспособился, и убѣдившись, что можетъ стерпѣть для Бога столько же, сколько и всякій другой блаженный, онъ даже до извѣстной степени пристрастился къ своей новой профессіи. На пути имъ попадались товарищи по ремеслу, отъ которыхъ они выучились объясняться вносказательно и текстами изъ священнаго писанія. Иванушка началъ распѣвать эти тексты, вышло такъ чудесно, что всѣ бабы и дѣвки плакали навзрыдъ, прислушиваясь къ нимъ, да и мужчины приходили въ умиленіе. Стали имъ подавать милостыню не однимъ хлѣбомъ, а также мѣдными грошами, и глядя на ихъ обнаженные головы и босыя ноги, люди не могли отрѣшиться отъ мысли, что молитва ихъ особенно пріятна Богу. Ихъ зазывали въ дома, угощали и приставали къ нимъ съ просьбой предсказать что-нибудь. И чѣмъ усерднѣе отрицали они въ себѣ даръ пророчанія, тѣмъ настойчивѣе навязывали имъ его; каждое слово ихъ истолковывалось такъ трудно и хитро, что вскорѣ имъ и самимъ стало казаться, что въ рѣчахъ ихъ есть какой-то особенный смыслъ, навѣянный на нихъ сверхъестественной силой за вольную страду и умерщвленіе плоти во славу Господню.

Проникся этимъ убѣжденіемъ въ особенности Язика. Въ одинъ прекрасный день Иванушка не нашелъ его на той церковной паперти, на которой они выѣстъ проводили ночь, и съ тѣхъ поръ они не видѣлись больше. Иванушка сталъ продолжать свое странствованіе одинъ и, переходя изъ города въ городъ, изъ села въ село, добрѣлъ въ наши края.

Вотъ все, что намъ удалось вывести изъ обивчивыхъ и отрывистыхъ рѣчей нашего новаго пріятеля; съ нами онъ очень неохотно откровенничалъ, но такъ какъ онъ, кажется, и другія свои тайны открылъ, по крайней мѣрѣ, когда мы слишкомъ надѣхали ему разспросами, онъ съ какой-то странной усмѣшкой подмигивалъ, приговаривая:—она знаетъ... ей Иванушка все сказалъ, а вамъ не скажетъ.

Но что въ немъ насъ всего болѣе интересовало — это его ноги. Братья не довольствовались однимъ разглядываніемъ мозолей и язвынокъ, ихъ покрывавшихъ, имъ надо было притро-

нута въ нѣмъ, чтобы убѣдиться, что Иванушка такъ привыкъ ходить босикомъ, что кожа на ногахъ у него точно чужая и что ему вовсе не больно, когда она трескается и изъ нея течетъ кровь. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ нервы его утратили всякую чувствительность, а можетъ быть, онъ притворялся, кто его знаетъ; но какъ бы тамъ ни было, а въ то время всѣ его слова и дѣйствія носили отпечатокъ полнойнейшей безсознательности. Однажды кто-то спросилъ у него: что онъ будетъ дѣлать, вернувшись изъ Іерусалима? Вопросъ этотъ всѣмъ намъ показался очень дикъ, Иванушка же положительно его не понялъ и, разумѣется, оставилъ безъ отвѣта.

Намъ было извѣстно, что благодаря маман, въ городѣ идетъ дѣтельная подписка въ пользу нашего пилигрима. А собрать надо было не мало, былъ такой законъ: за дозволеніе идти на поклоненіе къ гробу Господню надо было представить залогъ въ пять сотъ рублей. Маман удалось собрать болѣе половины этой суммы и деньги эти хранились у нея, въ одномъ изъ тайныхъ ящичковъ ея шифоньерки, вмѣстѣ съ брилліантовымъ фермуаромъ и другими драгоценностями.

Въ нашемъ домѣ были увѣрены, что если въ будущей веснѣ вся сумма не соберется, маман добавитъ ее своими деньгами, такъ ужъ пристрастилась она къ Иванушкѣ!

## VI.

У маман былъ братъ двумя-тремя годами старше ея. Такого остроумнаго весельчака и добраго малаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣтренаго человѣка трудно было найти. Ему не было еще и тридцати лѣтъ, когда онъ уже снутилъ довольно большое состояніе, доставшееся ему отъ отца, а теперь и тому имѣнію, которое оставила ему бабушка по духовному завѣщанію, пришла опасность быть проданнымъ съ публичнаго торга за неуплату процентовъ въ опекунскій совѣтъ. Имѣніе это находилось въ нашей губерніи, самъ же дяденька Федоръ Николаевичъ жилъ съ семействомъ въ своей подмосковной. Въ январѣ маман получила отъ него письмо: «выбрали въ предводители; всѣмъ польщенъ лестнымъ вниманіемъ дворянства, которому готовъ служить по мѣрѣ силъ и способностей, но боюсь, чтобы за эту честь не пришлось заплатить Лопуховой. Однѣ либреры, новая парета, да передѣлки въ домѣ стоили болѣе тридцати тысячъ»...

Дочитавши вслухъ до этого мѣста, татап пробѣжала конецъ письма про себя. Отецъ же, пыхнувъ раза три-четыре изъ своей длинной трубки, замѣтилъ:—интересно знать, чѣмъ они будутъ жить, когда у нихъ ничего не останется?

— Бѣдная Лиза!—вздохнула татап, складывая письмо и опуская его въ свою рабочую корзинку.

Лиза была жена дяди, сентиментальная блондинка, дочь генерала нѣмецкаго происхожденія, бѣднаго и честнаго. Самая хорошенькая изъ дочерей генерала,—всѣхъ ихъ было у него девять,—Лиза вышла замужъ за напѣго дядю, который служилъ тогда въ гвардіи и былъ такъ въ нее влюбленъ, что выписалъ ей все приданое изъ Парижа. Отецъ нашъ, никогда особенно не любившій брата своей жены, сталъ съ этого времени питать къ нему полнѣйшее презрѣніе, да и татап не находила извиненія такой глупой расточительности; однако, когда онъ пріѣзжалъ въ нашъ городъ, то всегда останавливался у насъ,—родители наши сочли бы для себя обидой, еслибы онъ поступилъ иначе, а для насъ, дѣтей, посѣщенія дяди были истиннымъ праздникомъ. Не было ни одной души во всемъ домѣ, которая, такъ или иначе, не попользовалась бы щедростью, лаской и добродушіемъ дяденьки Федора Николаевича. Появленія его, даже и на короткое время, вносили какое-то праздничное оживленіе въ нашу монотонную, скучноватую домашнюю обстановку, въ особенности когда они совпадали съ отсутствіемъ нашего отца,—какъ въ томъ достопамятномъ году. Дядя, по обыкновенію, вѣзъ прямо на нашъ дворъ въ своемъ дорожномъ дормезѣ вѣнской работы, съ курьёзной кибиточкой позади, изъ которой выглядывало лицо его вѣчнаго спутника и постоянного наперсника, камердинера Данилки. Поднялась суматоха, впрочемъ, умѣренная, такъ какъ за отъѣздомъ отца кабинетъ его можно было, безъ малѣйшаго стѣсненія, предоставить въ распоряженіе гостя.

Весь тотъ день татап пожертвовала родственнымъ изліяніемъ, разспросамъ о дѣлахъ и о семействѣ пріѣзжаго и наконецъ хозяйственнымъ распоряженіямъ по случаю пріѣзда нежданнаго гостя, такъ что объ Иванушкѣ некогда было и вспомнить. Впрочемъ, этотъ послѣдній и самъ куда-то исчезъ, заслышавъ колокольчики и бубенчики лихой тройки, подкатившей экипажъ дяденьки къ крыльцу нашего дома. Но на слѣдующій день, угощая за завтракомъ гостя цвѣтной капустой, добытой не безъ труда у знакомаго помѣщика за тридцать верстъ отъ города, татап такъ часто озиралась по сторонамъ и такъ раз-

сѣнно поддерживала разговоръ, что дядя спросилъ у нея, кого она ждетъ?

— Никого, — отвѣчала маман.

— Сегодня Иванушка спрашивалъ: долго у васъ дяденька будетъ жить? — объявилъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, нашъ младшій братъ, Володя.

Дядѣ, конечно, захотѣлось знать, кто этотъ Иванушка, интересующійся его отъѣздомъ отсюда, и мы всѣ на перерывъ принялись удовлетворять его любопытство. Въ какія-нибудь пять минутъ онъ узналъ всѣ особенности нашего новаго пріятеля, какъ онъ бѣзъ шапки ходитъ и всегда, даже въ самый лютой морозъ, босикомъ, и какъ собирается идти въ Іерусалимъ и сколько маман удалось набрать денегъ на это путешествіе.

— Ну я такъ и зналъ! Святоша какой-нибудь, юродивый, — засмѣялся дядя, которому слабость сестры въ «божьимъ людямъ» была хорошо извѣстна. — Бестія, должно быть, продувная!

Маман рассердилась. — Finissez, Theodore, je vous en prie, — она указала глазами на дѣтей.

А затѣмъ, она прибавила болѣе мягкимъ тономъ и по-русски: — Что это у тебя за манера все поднимать на смѣхъ! Иванушка — бѣдный крестьянскій мальчикъ, ему съ малолѣтства Богъ внушилъ желаніе идти въ Іерусалимъ поклониться гробу Господню; что же тутъ предосудительнаго или смѣшного? Мнѣ кажется, что такіа чувства скорѣе поощрять надо, а не то, чтобы...

— Какъ онъ хорошо играетъ на фортепьянахъ, дяденька! — вскричалъ Миша, зная, чѣмъ заинтересовать нашего гостя.

Дядя былъ страстный меломанъ и просаживалъ большія деньги на содержаніе хора и на оркестръ.

— Гораздо лучше Кати, — подхватила моя младшая сестра.

— Вотъ какъ! Вѣрно у Карла Адамыча беретъ уроки? — заиѣтилъ дядя, постоянно подшучивавшій надъ нашимъ старичкомъ-учителемъ, надъ его jeu perlé по фильдовской методѣ.

— Иванушка играетъ гораздо лучше Карла Адамыча, — заявилъ Миша.

— Даже лучше Карла Адамыча? Это становится интересно! Ты мнѣ его покажешь, Деля? — обратился онъ къ сестрѣ. — Откуда у васъ такой феноменъ проявился?

Выѣсто отвѣта маман приказала намъ скорѣе кончать нашъ завтракъ и отправляться въ классную, а сама, не допивъ кофе, встала изъ-за стола и ушла въ гостиную. Дядя продолжалъ за ней, и такимъ образомъ разговоръ объ Иванушкѣ прекратился. На другой день вечеромъ, проходя по коридору мимо

лѣстницамъ, ведущей на нашъ верхъ, дядя услышалъ звуки скрипки, остановился и сталъ прислушиваться. Это Иванушка фантазировалъ на инструментѣ, добытомъ у знакомаго писарька.

Дослушавъ до конца импровизацію, дядя какъ уторѣлый возбѣжалъ по лѣстницѣ и очутился передъ нашимъ пріятелемъ.

— Откуда у тебя этотъ мотивъ?—спросилъ онъ у него.

Иванушка молча потупилъ голову.

— Это онъ самъ выдумалъ!... Онъ всегда самъ выдумываетъ!— закричали мы хоромъ.

Дядя выхватилъ у него скрипку и провелъ на ней три-четыре раза смычкомъ, попытаться наиграть только-что слышанное, но это ему не удалось и онъ поспѣшилъ передать инструментъ Иванушкѣ. — Тыфу мерзости! хуже всякой балалайки! Ну-ка, сыиграй тоже самое, что ты сейчасъ игралъ.

Иванушка сыигралъ. Дядя такъ внимательно его слушалъ, что даже нахмурился, а глаза сдѣлались совсѣмъ неподвижныя.

— Гдѣ ты это слышалъ?—повторилъ онъ свой первый вопросъ.

Но Иванушка, упершись взглядомъ въ полъ, не произнесъ ни слова. Должно быть, онъ понялъ, что текстами изъ святаго писанія съ дяденькой Федоромъ Николаевичемъ не удобно разговаривать.

— Да что онъ у васъ, нѣмой, что-ли?—обратился къ намъ дядя.

И не дожидаясь отвѣта, онъ опять взялъ у него скрипку и заигралъ на-ней какую-то нѣсную, въ родѣ той, что сейчасъ только-что кончилъ Иванушка. Дядя игралъ прекрасно; въ его рукѣ даже такой отвратительный смычекъ, какъ смычекъ писаря, вызывалъ берущіе за душу звуки. По мѣрѣ того, какъ Иванушка его слушалъ, лицо юродиваго оживлялось и осмысливалось все больше и больше, глаза засверкали, на губахъ его появилась улыбка. Дядя тоже улыбался.

— Ну, а это хорошо?—проговорилъ онъ, переходя къ другому мотиву.

Иванушка радостно закивалъ головою. Они отлично понимали другъ друга. Дядя такъ долго игралъ, что потъ выступилъ у него на лбу. Наконецъ, онъ положилъ скрипку на столъ, и оберевъ себѣ лицо носовымъ платкомъ, сконфидовалъ: — теперь, свой то, что я игралъ.

И чтобы удобнѣе слушать, онъ опустился на первый попавшійся стулъ.

Иванушка запѣлъ. Мы не снусли глазъ съ дяди; при пер-

никъ звукахъ, вылетѣвшихъ изъ груди юродиваго, дядя приподнял брови отъ пріятнаго изумленія. Мы тоже были въ восторгѣ не столько отъ пѣнія Иванушки, въ которому успѣли уже привыкнуть, сколько отъ того, что такой важный господинъ и такой знатокъ въ музыкѣ, какъ дяденька Ѳеодоръ Николаевичъ, удивляется голосу нашего блаженнаго.

Когда Иванушка кончилъ, съ минуту длилось молчаніе. Дяденька поднялся съ мѣста, прошелся по комнатѣ, безцеремонно ступивъ ногой въ игрушки, попадавшіяся ему на пути, и остановившись передъ юродивымъ, который въ смущеніи переминался съ ноги на ногу, онъ спросилъ у него отрывисто:

— Какая знаеема втемяшила тебѣ въ голову дурацкую мысль юродствовать?

И не дождавшись отвѣта, котораго, судя по растерянному виду юноши нельзя было и ожидать, онъ продолжалъ:—Тебѣ лѣтъ двадцать, не больше, время еще не ушло... если приняться за тебя, не теряя времени, ты въ Рождеству въ любомъ хорѣ можешь пѣть... Да что я говорю, въ хорѣ!.. такого тенора даже и у итальянцевъ нѣтъ...

Дядя такъ воодушевился, что Богъ знаетъ до чего договорился бы, еслибы его не прервалъ на полусловѣ гонецъ, посланный за нимъ отъ маман.

— Ѳеодоръ Николаевичъ, барыня приказали просить васъ въ гостиную,—объявлялъ во всеуслышаніе казачокъ Митька, появившись въ дверяхъ.

— Хорошо, скажи, что сейчасъ иду,—отвѣчалъ дядя и снова обратился къ Иванушкѣ:

— Слушай же, мы вотъ что сдѣлаемъ; я возьму тебя съ собой...

Но тутъ мы не выдержали—слишкомъ ужъ безцеремонно распоряжались судьбою нашего блаженнаго. У насъ вырвался громкій и единодушный протестъ:

— Онъ въ Іерусалимъ идетъ!—Онъ далъ обѣщаніе...—Мамана для него деньги собираетъ...—Онъ потому босикомъ и безъ шапки, посмотрите на его ноги!

— Посмотрите на его ноги!—кричали мы всѣ разомъ.

Мы были, Богъ знаетъ почему, убѣждены, что достаточно ступивъ на Иванушкины ноги, чтобы отказаться отъ всякихъ мірскихъ замысловъ на его счетъ, но мы ошиблись. Глазнувъ на ноги юродиваго, дядя только брезгливо померщился и, ни на что не задумываясь, объявилъ, что все это вадоръ, что стоять



только ихъ вымазать саломъ, обути въ носки и въ сапоги и будутъ ноги какъ ноги...

— Это къ его голосу не относится, а голосъ у него чистѣйшій теноръ... И съ такимъ-то сокровищемъ, дернула тебя легкая юродствовать,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Иванушкѣ: — да вѣдь это такое преступленіе, за которое тебя повѣсить мало, разбойникъ ты эдакій! Милліонъ у тебя въ горлѣ...

Дядю снова перебили; на этотъ разъ татапа сама стояла у лѣстницы и звала его внизъ. Онъ поспѣшно ушелъ, ворча сквозъ зубы: — юродствуетъ... боснекомъ по морозу, съ такимъ голосомъ, эдакое безобразіе!

Онъ оставилъ насъ въ сильномъ недоумѣніи, но въ счастіи явилась племянница Сухоручки.

— Что тутъ у васъ?—спросила она.— Я ужъ давно пришла, да мамаша меня внизу задержали, приказали розанъ въ пальцахъ распоротъ... Говорятъ, Федоръ Николаевичъ заставилъ Иванушку пѣсни пѣть?

— Дядя говоритъ, что онъ не долженъ идти въ Іерусалимъ... Что это глупости... Что надо на него сапоги надѣть, чтобъ былъ какъ всѣ...

Соня широко раскрыла свои и безъ того большіе глаза.— Какъ, какъ всѣ? Да вѣдь онъ блаженный!...

— Дядя говоритъ, что это вздоръ... онъ говоритъ, что юродствовать преступленіе и что у него милліонъ въ горлѣ,—объявилъ Володя.

— Какой милліонъ?

— Ну да, если его учить, онъ сдѣлается знаменитымъ иффономъ и ему дадутъ милліонъ,—подтвердилъ Миша слова брата.

Дѣвушка презрительно усмѣхнулась.— Кто же дастъ ему милліонъ? Федоръ Николаевичъ что ли? Такъ у него у самого-то... Последнее имѣніе продаетъ,—прибавила она вполголоса.— Кто же ему дастъ милліонъ?—повторила она.

— Можетъ быть, царь?—нерѣшительно замѣтилъ Володя.

— Да, да, конечно, царь,—радостно ухватился за это предположеніе Миша.

Я тоже поспѣшила поддержать братьевъ и напомнила, что дяденька Федоръ Николаевичъ камеръ-юнкеръ, что у него мундиръ золотомъ вышитъ... И наконецъ, онъ во дворцѣ бываетъ.

Но Софья не хотѣла ничего больше слушать.— Что вы мнѣ тутъ рассказываете?—вскричала она.— И ты тоже хоронь, нечего сказывать! Стоитъ какъ оглашенный и слова не вымолвить, точно не про него и рѣчь идетъ,—накинулась она на Иванушку, ко-

торый отошелъ къ окошку и стругалъ какую-то палочку. — Кто же въ Іерусалимъ-то пойдетъ? — между тѣмъ продолжала Софья: — Видъ больше трехъ сотъ рублей для него собрали, хлопоть-то сколько было, мечтанье!

Въ послѣднемъ она была права, мечтаній на счетъ Иванушкина подвига было ужасно много. Весь городъ интересовался молодымъ юродивымъ, которому покровительствовала наша маман. Его называли въ себѣ важныя дамы, даже губернаторша посылала за Сухоручкой единственно для того, чтобы узнать отъ нея — не предсказываетъ ли онъ? И упорнѣе чѣмъ когда-либо стали повторяться рассказы объ его святости, о томъ, что онъ ночуетъ на кладбищахъ и что ангелы ему являються...

Софья знала, на сколько слухи эти преувеличены, но она знала также и то, какъ много способствуютъ они успѣшному сбору денегъ на его путешествіе, это во-первыхъ, а во-вторыхъ въ рассказахъ этихъ была и доля правды; развѣ Иванушка не ходилъ зимой и лѣтомъ босикомъ? Развѣ онъ не могъ сбить каждаго съ толку текстами изъ священнаго писанія, которыми онъ сыпалъ, не запинаясь, на всѣ вопросы, которые ему предлагали? Эти тексты можно было понимать всячески, было бы только желаніе. Что же касается до остального: видѣній тамъ, да прямого сообщенія съ духовнымъ міромъ, — до всего этого онъ могъ еще достигнуть, если не теперь, то со временемъ, а ужъ особливо если Господь сподобитъ его совершить задуманный подвигъ... Сомнѣваться въ этомъ было немыслимо, но еще труднѣе было представить себѣ Иванушку иначе, какъ босикомъ, въ халатѣ, подпоясанномъ веревкой, и на пути въ далекія страны, полныя такихъ таинственныхъ опасностей, что о возвращеніи оттуда нельзя было и думать! Понятно послѣ этого, что Софья окончательно вышла изъ терпѣнія, когда Володя, можетъ быть, съ цѣлью подразнить ее, сталъ опять повторять слова дяди, что Иванушкѣ надо сапоги надѣть и ноги саломъ вымазать, чтобы они зажили, а въ Іерусалимъ идти нечего.

— Грѣховодникъ и смутьянъ вашъ дяденька, вотъ что я вамъ скажу! — вскричала она видя себя отъ негодованія.

Тоже самое, но въ другихъ выраженіяхъ, высказывалось и маму, у маман, прямо въ глаза дядѣ и еще болѣе рѣшительнымъ тономъ.

— Пожалуйста, Теодоръ, оставь насъ въ покоѣ съ твоими раздумьями; если ты самъ волтерьянцемъ сдѣлался и въ Бога не вѣришь, то не мѣшай, по крайней мѣрѣ, другимъ заботиться о спасеніи души, — говорила убѣжденнымъ тономъ наша мать.

А затѣмъ пошли и личности: оттого-то ему, Теодору, ни въ чемъ не везетъ, и дѣти мрутъ, и жена хвораетъ, и состояніе разорено...

Но дядя всѣ эти намеки обращалъ въ шутку.

— Ужъ будто у васъ все благополучно!—смыгически улыбнулся онъ.

— Чтожъ, у насъ слава Богу.

— Однако, сама же ты говоришь, что у мужа твоего неприятности что, можетъ быть, придется искать другого мѣста...

— Развѣ можно это сравнивать съ твоими нуждами?.. Я говорю, что надо только вѣру имѣть...

— Съ тобой не столкуешь! А ты мнѣ вотъ что скажи: изъ казнихъ онъ, твой блаженный, крѣпостной или вольный?

— Зачѣмъ тебѣ?

— Какъ зачѣмъ! Да вѣдь я же не шута говорю тебѣ, что хочу взять его съ собой. Конечно, всего было бы лучше, еслибы онъ былъ вольный; ну, а если нѣтъ, тогда придется съ его господами переговорить. Не думаю, чтобы они дорого за него запросили, вѣдь онъ все равно юродивымъ сныветъ, стало быть, ни на какую работу не способенъ.

Матап молчала. Дядя съ минуты времени ждалъ ея отвѣта, а тамъ снова заговорилъ:

— Ты вѣрно знаешь, кто его господа?

— У него нѣтъ господъ.

— Такъ онъ вольный?

— Я этого не говорю.

— Ну, что ты мнѣ загадки-то загадываешь? сознайся лучше, что ты ничего не хочешь сообщить мнѣ объ Иванушкѣ?

— Я тебѣ говорю, что онъ скоро пойдетъ въ Іерусалимъ, — объявила матап, — чего тебѣ еще?

— А я тебѣ говорю, что онъ у меня въ хорѣ первыимъ теноромъ будетъ, — настаивалъ дядя.

— Пожалуйста, Теодоръ, перестань меня дразнить!

— Скажи мнѣ, чьиъ онъ господъ?

— Да зачѣмъ тебѣ? Онъ далъ обѣщаніе идти въ Іерусалимъ... Такими вещами не шутать!

Наступило маленькое молчаніе. Дядя о чемъ-то раздумывалъ, но раздумье его длилось не долго. — Ну, все равно, — махнулъ онъ беззаботно рукой, — я его возьму безъ паспорта, тамъ уладимъ какъ-нибудь... Вѣдь и у насъ тоже есть друзья, и въ казенной палатѣ, и въ сенатѣ...

Матап молчала.

— Если нужно будетъ, я даже въ Петербургъ, къ министру пошу; ты знаешь, въ какихъ хорошихъ отношеніяхъ я со всеми родными моей жены, а вѣдь ея родной дядя на тетѣ графа Вильгорскаго женатъ. Всѣ примутъ участіе въ несчастномъ инопѣ, котораго мы тутъ на юродство обрекли... Такой талантъ! Да знаешь ли ты, что такіе голоса вѣками рождаются? Въ Іерусалимѣ, вѣроятно, безъ шанса... можно себя представить, какимъ онъ оттуда вернется! Да и вернется ли...

— Воля Господня! — прорепетала съ покорнымъ вздохомъ маман.

Онъ разслушалъ эти слова. — Воля Господня, воля Господня! Право же, Леля, вы тутъ сами всѣ юродивыми сдѣлались! Очень нужно Богу, будетъ ли у меня въ хорѣ хорошій теноръ или нѣтъ! У него вонъ, говорятъ, милліоны распрекрасныхъ голосовъ на небѣ, а нѣтъ, чтобы прислать намъ сюда хоть сотенку или двѣ. Баритоновъ и диссантаговъ сколько угодно, хоть прудъ имъ пруди, а тенора ни одного...

У маман даже пятна выступили на лицѣ отъ негодованія. — Теодоръ! — вскричала она дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ, — я нѣмъ не позволю кощунствовать въ моемъ присутствіи!

Но онъ продолжалъ смѣяться. — Какое же тутъ кощунство, мой ангелъ? Я говорю, что голосъ даръ Божій и что втоптать его въ грязь — непозволительно...

Долго еще они спорили, наконецъ, маман озарила блестящая мысль. Она вдругъ успокоилась и даже повеселѣла.

— Да что мы тутъ толкуемъ, онъ и самъ не захочетъ, — сказала она.

— Кто это? Иванушка-то! ха! ха! ха! Дай мнѣ его только на денекъ и я всю блажь изъ него выбью, ничего не останется, вотъ увидишь! Скорѣе бы только одѣть его по-человѣчески, да косы обстричь... не совсѣмъ, а такъ, чтобы можно было поднимать концы, à la jupon Française... Рединготъ свѣтло-синій съ бронзовыми пуговицами, юлоте палевый, муслиновое жабо и башмаки съ пряжками... Такой выйдетъ красавчикъ, что заглядишь! У меня вся прислуга въ culotte courte.

Маман все улыбалась.

— Смѣйся, смѣйся, — продолжалъ дядя, котораго ея спокойствіе раздражало сильнѣе, чѣмъ гнѣвъ: — а вотъ какъ прійдешь въ намъ въ Москву, да увидишь твоего блаженнаго въ роли какого-нибудь Эдгара или Рауля, такъ сама мнѣ скажешь спасибо за то, что я мальчишку въ люди вывелъ.

Разговоръ этотъ происходилъ въ моемъ присутствіи. Меня

не замѣчали въ томъ уголку, въ который я забилась; татапа была слишкомъ взволнована, чтобы оглядываться по сторонамъ. При послѣднихъ словахъ дяди, я опрометью выбѣжала изъ гостиной, чтобы передать все слышанное братьямъ.

— Дядя хочетъ одѣть Иванушку рыцаремъ и чтобы онъ на театрѣ игралъ!—выпала я, влетая въ дѣтскую.

Можно себѣ представить всеобщее изумленіе. Меня окружили, закидали вопросами всѣ, кромѣ виновника суматохи, который все также спокойно стругалъ свою палочку, вскидывая по временамъ безучастный взглядъ въ открытое окно, передъ которыми кружились голуби.

— Но если Иванушка поступитъ на сцену, ему не однихъ рыцарей придется представлять, а также разбойниковъ,—замѣтилъ Миша.

— Конечно, такъ что жъ изъ этого!

— И чертей... въ Robert le diable, помнишь?—продолжалъ фантазировать братъ.

Мы вдругъ всѣ стихли. Идея, что, вступивъ на новое поприще, Иванушкѣ придется изображать чертей, заставила насъ призадуматься, и мы всѣ, точно сговорившись, обернулись въ его сторону, чтобы видѣть, какъ онъ относится къ такой рѣзкой переѣмѣ въ его судьбѣ, но Иванушка все также невозмутимо продолжалъ стругать свою палочку. Онъ работалъ очень усердно, полъ вокругъ него былъ весь усыпанъ стружками, а голову онъ нагнулъ такъ низко, что за прядями волосъ, спадававшихъ напередъ, лица его совсѣмъ не было видно.

## VII.

Было ли у Иванушки свиданіе съ дяденькой Федоромъ Николаевичемъ и о чемъ именно они бесѣдовали, осталось во мракѣ невѣдѣнности. Дядя сталъ часто ѣздить по гостямъ, то къ губернатору, то къ предводителю, то къ другимъ своимъ знакомымъ, и возвращаясь поздно вечеромъ домой, ни у кого не спрашивалъ про юродиваго, такъ что можно было думать, что онъ забылъ про него. Размолвка, происшедшая между нимъ и татапой изъ-за Иванушки, тоже, повидимому, изгладилась; но это было только повидимому, на самомъ же дѣлѣ они теперь постоянно и при каждомъ удобномъ случаѣ болели и являли другъ друга самымъ безпощаднымъ образомъ.

— А ты опять къ губернаторшѣ, Теодоръ? — замѣчала съ иронической усмѣшкой татап:—смотри, я Лизѣ напишу!

— Мы въ святые не лѣземъ, насъ все равно въ рай не пустятъ,—отвѣчалъ также шутливо дядя.

И при этомъ онъ цѣловалъ ея руки, а она заботилась, чтобы къ ужину всѣ кушанья были приготовлены по его вкусу, но они избѣгали оставаться вдвоемъ, и когда разнесся слухъ, что дяденька приказалъ своему Данилѣ собираться въ путь, всѣ удивились, кромѣ татап, которая отнеслась къ этому извѣстію совершенно равнодушно. Но Панкратьевна была въ большомъ переполохѣ. Она знала, что дѣло, для котораго пріѣхалъ сюда барынинъ братецъ, далеко еще не кончено и что онъ еще недавно говорилъ, что дождется возвращенія барина изъ Петербурга; къ тому же такой внезапный отъѣздъ сбивалъ съ толку всѣ ея хозяйственные соображенія, о заливномъ поросенкѣ и тому подобныхъ сложныхъ припасахъ на дорогу нечего было и думать, надо было довольствоваться одними жареными цыплятами и пирожками... Да и пирожки-то!..

— Если они сегодня въ ночь уѣдутъ, такъ и пирожковъ нельзя будетъ напечь,—печалилась старушка.—Вы бы ихъ, сударыня, попросили до завтра подождать, въ ночь-то не Богъ знаетъ какъ далеко отъѣдутъ, а мы тутъ, по крайней мѣрѣ, все какъ слѣдуетъ имъ справили бы.

— Хорошо,—сказала татап,—я его попрошу.

Но, должно быть, она просила плохо, потому что дяденька не измѣнилъ своего намѣренія, и на слѣдующій день насъ разбудили извѣстіемъ, что гость нашъ въ ту же ночь уѣхалъ. Когда мы вышли здороваться къ татап, у нея уже сидѣла Сухоручка и рассказывала про сплетни, ходившія по городу объ Иванушкѣ. Всѣ ужъ знали, что Федоръ Николаевичъ хотѣлъ увести его въ Москву и сдѣлать изъ него актера. Анна Родіоновна пришла въ ужасъ, а Марья Яковлевна говорить, что этого надо было ожидать. Настасья Васильевна съ Григоріемъ Ивановичемъ увѣряютъ, что они всегда были такого мнѣнія, что въ немъ никакой нѣтъ святости, одна только Авдотья Петровна вступилась за Иванушку.

— Эта за него горой и за васъ тоже, матушка! Никогда, говорить, не повѣрю, чтобы такая уважаемая особа, какъ генералъ, стала шарлатану покровительствовать и хотя, говорить, Федоръ Николаевичъ при мнѣ говорилъ...

— Да вы бы имъ сказали, что Федора Николаевича ужъ

нѣтъ, что онъ нынче въ ночь уѣхалъ совсѣмъ въ Москву,—не-терпѣливо перебила ее мамап.

— Скажу, матушка, непременно скажу... Ну, а ужъ на-шей-то, Варварѣ Андреевнѣ...

— Къ Варварѣ Андреевнѣ я сама поѣду и сама объясню ей въ чемъ дѣло,—объявила мамап.

Она дѣйствительно въ тотъ же вечеръ отправилась къ гос-пожѣ Лариной и просидѣла у нея очень долго, всѣми силами стараясь уничтожить скверное впечатлѣніе, произведенное на эту даму глупой сплетней объ юродивомъ. Но зловерный слухъ, пущен-ный по городу, Богъ знаетъ кѣмъ, вѣроятно же всего, самимъ дядей, распространялся все дальше и дальше, и проникая во всѣ слои общества, положительно сдѣлался злобой дня. Желаніе узнать— правда ли, что юродивый Иванушка, тотъ самый, который боси-комъ и безъ шапки ходилъ и въ Іерусалимъ собирался, намѣре-вается теперь поступить въ актеры, было такъ велико, что у мамап отбою не было отъ посѣтительницъ. Для мамап насту-пили тяжелые дни. Нелѣпый слухъ о превращеніи Иванушки изъ блаженнаго въ скомороха приходилось опровергать двадцать разъ на дню и объяснять съ улыбкой на устахъ, въ то время какъ кошки скребли на сердцѣ, что Иванушка такими грѣховными помыслами никогда и не думалъ заниматься. Кому же лучше объ этомъ знать, какъ не мамап? Онъ у насъ каждый день...

— Да вотъ и теперь вѣрно съ дѣтми въ классной или въ столовой...

Она звонила и приказывала позвать Иванушку.

— Ахъ, пожалуйста, не беспокойтесь, зачѣмъ это!—повторяли посѣтительницы.

Но тѣмъ не менѣе каждая изъ нихъ сгорала нетерпѣніемъ во очію убѣдиться, что Иванушка все тотъ же и что его еще не нарядили ни рыцаремъ, ни чортомъ.

И надо было видѣть, съ какимъ любопытствомъ всѣ глаза устремлялись на растрепанную, тщедушную фигуру юродиваго, когда она появлялась въ дверяхъ гостиной, какъ внимательно прислушивались къ каждому его слову. Барыни могли успо-коиться,—передъ ними робко переминался съ ноги на ногу все тотъ же блѣднолицый юноша, съ блуждающимъ взглядомъ, без-смысленной улыбкой, длинноволосый и босоногій.

Мамап обводила своихъ посѣтительницъ торжествующимъ взглядомъ, а зачѣмъ, обращаясь къ юродивому:—ступай, голуб-чикъ, ступай къ дѣтамъ, — говорила она, ласково вивая ему головой.

Иванушка уходилъ, а барыни уѣзжали убѣжденные, но не совсѣмъ. Разъ пошатнувшись вѣра въ юродиваго плохо возстановилась, и что было всего страннѣе, даже и въ глазахъ паша престожа Иванушки утратился навсегда. Она продолжала заступаться за него и увѣрять другихъ въ его святости, но стоило только всмотрѣться въ морщинку, появившуюся между ея бровями въ присутствіи юродиваго, чтобы догадаться о сомнѣніяхъ, возникавшихъ въ ея умѣ.

Никакъ не могла она избавиться отъ этихъ сомнѣній; они до такой степени домучили ее, что она обратилась къ помощи своего духовника, отца Меодія. Но у этого суроваго монаха была одна только панацея противъ всѣхъ нравственныхъ немощей: вырвать, отрубить, уничтожить предметъ соблазна. По его совѣту, Иванушкѣ было запрещено не только пѣть, но также играть на какомъ бы то ни было инструментѣ. Результаты этого запрещенія вышли самые плачевные. Отнимите у соловья его пѣсни, что отъ него останется? И кто обратитъ вниманіе на плохенькую, сѣренькую птичку? Иванушка былъ тотъ же соловей; когда онъ смолкъ, присутствіе его въ нашемъ домѣ потеряло всякій смыслъ. Матан все чаще отсылала его въ дѣтскую и какъ только онъ уходилъ, приказывала отворить форточку, курить смолкой или сама зажигала душистую монашку.

Положимъ, что бывало не лишнимъ очищать воздухъ, почему же раньше это нѣкого не стѣсняло? Иванушку велѣно было кормить на кухнѣ, какъ будто онъ только съ этой минуты началъ ѣсть пальцами и обтирать себѣ губы рукавомъ! Придирки съ каждымъ днемъ усиливались; дошло до того, что даже и въ легендамъ объ его почевкахъ на кладбищѣ и гдѣ Богъ послалъ стали относиться критически, и приказано было изслѣдовать, гдѣ именно проводитъ онъ ночи, а когда стало извѣстно, что онъ спитъ въ нашей кучерской, въ томъ чуланѣ, гдѣ хранились сбруи и запасные армяки, открытіе это произвело на всѣхъ какое-то странное впечатлѣніе, не то безотчетной досады, не то негодованія.

У Андерсена есть сказка о пичужкѣ съ перепибленнымъ крыломъ, попавшей нечаянно на птичій дворъ. Маленькая, граціозная пѣвунья, съ звонкимъ голосомъ и нѣжной, пламенной душой, представляетъ изъ себя такой контрастъ съ жирными, тупыми утками, курами и индѣйками, откармливаемыми на убой, что въ первую минуту производитъ на всѣхъ самое прелестное впечатлѣніе; всѣ ее ласкаютъ, угощаютъ, осыпаютъ комплимен-  
тами, но это длится не долго; будничныя заботы о томъ, какъ



бы захватить лучшій кусокъ изъ корма, да хорошенько выспаться послѣ трапезы, берутъ верхъ надъ случайнымъ порывомъ сантиментальности, и присутствіе непрошеной гостьи начинается мало-по-малу нарушать сонливое прозябаніе хозяекъ. Ея тонкое щебетанье звучитъ диссонансомъ среди всеобщаго кваканья, кудахтанья и криканья птичьяго двора и кончается тѣмъ, что жирная утка, та самая, что на первыхъ порахъ обратила свое благодушное вниманіе на лѣсную дикарку, въ припадкѣ тупого раздраженія, срываетъ съ нея голову.

Нашему кородивому мы тоже свернули шею, но только другимъ манеромъ. Правда, что блаженный нашъ не совсѣмъ походилъ на лѣсную пичужку, и маман, не взирая на измѣненіе ея чувствъ къ Иванушкѣ, все-таки продолжала дѣятельно снаряжать его въ Іерусалимъ: недостающія деньги къ собранной уже суммѣ добавила своими и принялась хлопотать о паспортѣ. Это дѣло должно было въ скоромъ времени устроиться. Маман правду сказала дяденькѣ Оедору Николаевичу, — Иванушка не принадлежалъ ни къ крѣпостнымъ, ни къ вольнымъ людямъ, онъ былъ изъ государственныхъ крестьянъ, а съ предсѣдателемъ казенной палаты нашъ отецъ каждую субботу игралъ въ вистъ у губернатора, стало быть, препятствій съ этой стороны нечего было опасаться. Вообще Иванушкино дѣло было такъ обставлено, что къ Рождеству онъ могъ пуститься въ путь; но онъ не дождался этого времени и въ одинъ ненастный октябрьскій день внезапно скрылся.

Наканунѣ еще онъ рисовалъ свои ёлочки и крестики за нашимъ класснымъ столомъ; потомъ, когда насъ увели спать, онъ, по обыкновенію ни съ кѣмъ не простившись, ушелъ и больше не возвращался.

Прошло дня три. — Пришелъ Иванушка? — спрашивала маман. — Чтой-то нашъ блаженный нейдетъ? — шептались горничныя между собой. А также и въ дѣтской до извѣстной степени ощущалось его отсутствіе; мы такъ привыкли его видѣть либо у окна стругающаго драничку для змѣя, либо у стола съ карандашомъ въ рукахъ, что пусто было какъ-то безъ него, и мы спрашивали другъ у друга: когда же онъ придетъ? Впрочемъ, особенныхъ подозрѣній и опасеній на его счетъ въ нашемъ домѣ никто еще не высказывалъ; но въ городѣ ужъ болтали. Мнѣ особенно памятенъ одинъ вечеръ.

Наступили сумерки. Маман собиралась ѣхать къ кому-то на вечеръ и совершала свой туалетъ въ спальнѣ. Мы твердили уроки къ слѣдующему дню. Повторивъ разъ двадцать и про себя,

и вслухъ, названія городовъ въ томъ изъ государствъ, которымъ учитель географіи рекомендовалъ мнѣ заняться, меня стало непреодолимо тянуть вонъ изъ классной. Братъя углубились въ свои арифметическія задачи; гувернантка, близко придвинувъ къ себѣ свѣчку, погрузилась въ чтеніе романа, принесеннаго ей тѣмъ самымъ учителемъ, для котораго она всегда надѣвала новый галстучекъ, розовый или голубой; она не видѣла и не слышала того, что творилось вокругъ нея. Пользуясь такими благоприятными обстоятельствами, я возымѣла дерзкую мысль незамѣтно улизнуть изъ класса и пробраться въ дѣвичью. Тамъ было такъ весело и оживленно! Свѣчи еще не зажжены, только одинъ уголъ длинной комнаты освѣщенъ неровнымъ, краснымъ пламенемъ дровъ, пылающихъ въ печѣ, въ остальныхъ же углахъ совсѣмъ темно. Тамъ толпятся кучками дѣвушки и неумолаемо болтаютъ между собой, щелкая подсолнечныя сѣмечки. Уже конечно, ихъ рассказы много интереснѣе того, что мы слышимъ въ классной, да и пробѣжаться по пустой, полуосвѣщенной залѣ было соблазнительно. Выскочивъ незамѣтно изъ классной и миновавъ благополучно коридоръ, я ошупью отыскала перила лѣстницы и начала уже спускаться по ней, какъ вдругъ чья-то рука обхватила мою талію и повлекла внизъ.

— Васъ-то мнѣ и нужно; какъ хорошо, что вы вышли! Я ужъ давно стою тутъ на ступенькѣ да ожидаю,—зашепталъ мнѣ на ухо знакомый голосъ Сонички.

Спустившись по лѣстницѣ, мы побѣжали въ залу и усьлись тамъ въ нашъ любимый уголокъ, за дверью въ гостиную. Тутъ Соня, прерывающимся отъ волненія голосомъ, начала мнѣ передавать свои опасенія на счетъ Иванушки. Сильно тревожило ее отсутствіе юродиваго. Ему и прежде случалось запропадать на время, но то было лѣтомъ или весной, въ хорошую теплую погоду. Тогда можно было заночевать и въ горахъ у пасѣчника Григорьича (такого же блаженнаго, какъ Иванушка), и закатиться съ какимъ-нибудь рыбакомъ за Волгу.

Къ ночи на каждомъ островѣ, на каждой отмели, поросшей кустарникомъ, зажигались костры любителей рыбной ловли и охотниковъ за дикими утками и бекасами. Въ подворную трубу можно было различать людей, копошащихся у этихъ костровъ, и котелокъ, въ которомъ они варили кашницу и уху. Но теперь время подобныхъ экскурсій миновало; рѣка была такая бурная, что пускались по ней только по самой крайней необходимости, вода была мутная и желтая; за густымъ туманомъ зги божьей не было видно. Октябрь давалъ себя чувствовать; съ недѣлю вре-

мни какъ наступили ненастные дни, дождь лилъ какъ изъ ведра, и не только за городомъ всѣ дороги размыло, но и на лучшихъ улицахъ экипажи тонули въ грязи. Гдѣ могъ скрываться такъ долго Иванушка?

— Сначала мы думали—ужь не въ монастырь ли ушелъ? Такъ нѣтъ, тетенька Александра Петровна сейчасъ оттуда, никто его въ монастырь не видалъ,—говорила Софья.

Сухоручка и къ старичку, что въ оврагѣ живетъ, забѣгала, и къ кладбищенскому сторожу заглянула — нигдѣ Иванушки не оказалось; чудеса да и только!

— Ужъ теперь не знаешь, гдѣ и искать его, въ городѣ ему не у кого скрыться, намъ всѣ мѣста, гдѣ онъ бываетъ, извѣстны, —прибавила въ заключеніе моя пріятельница.

Страшныя мысли замелькали у меня въ умѣ, такія страшныя, что мнѣ сдѣлалось жутко.—Сона!—вскричала я дрожащимъ отъ волненія голосомъ:—онъ, можетъ быть, утонулъ или собаки его загрызли!..

Волга была такая бурливая эти дни! Я въ то утро смотрѣла на нее изъ форточки и видѣла какъ волнами ея перекидывалась съ боку на бокъ маленькая лодочка... Кто знаетъ! Можетъ быть, Иванушка былъ именно въ этой лодочкѣ, она вдругъ какъ нибудь опрокинулась!.. Но второе предположеніе, насчетъ собакъ, было еще ужаснѣе и не заключало въ себѣ ничего неправдоподобнаго; въ нашемъ городѣ собакъ было такъ много, что никто не выходилъ ночью безъ палки. Днемъ ихъ держали на привязи, но по вечерамъ выпускали, и жертвой ихъ могъ сдѣлаться всякій, кто не умѣлъ отъ нихъ убѣжать или отбиться.

— Нѣтъ, нѣтъ,—прервала меня Софья:—всѣ собаки его знаютъ, онѣ не кинутся на него, да и наконецъ, еслибы онѣ загрызли его, нашли бы его халатъ или рубашку... въ лодку его тоже никто не возьметъ въ такую погоду, но я вотъ что думаю...

Она остановилась на мгновеніе въ нерѣшительности, и пристально заглянувъ мнѣ въ глаза, продолжала:—скажите «ей-Богу!» и перекреститесь, что никому не скажете.

Я, не задумываясь, исполнила ея требованіе.—Ну?

— Ну, мы съ тетенькой такъ думаемъ, что онъ къ Федору Николаичу ушелъ,—проговорила она таинственнымъ шопотомъ.—У нихъ это было вѣрно впередъ условлено...

— Къ дяденькѣ?—вскричала я,—но какъ же онъ туда дорогу найдетъ, вѣдь дяденька въ Москвѣ живетъ?

— Такъ что-жъ изъ этого, и до Москвы доберется! Вы не смотрите, что онъ такимъ простачкомъ смотреть, это онъ съ

виду только, а на самомъ дѣлѣ онъ—хитрый, я его знаю! Иногда у него такія слова прорываются, что не всякому умному придумать, право ей-Богу!.. Вы, можетъ быть, воображаете, что онъ оставилъ слова Ѳедора Николаевича безъ вниманія? Какъ бы не такъ! Я чѣмъ угодно готова поручиться, что онъ все до крошечки понялъ и запомнилъ, вотъ помяните мое слово, что такъ. Онъ—хитрый!.. къ мамашенькѣ-то вашей какъ сѣумѣлъ подѣхать! Она вонъ пѣтъ ему запретила, чтобы ни за что не смѣлъ, онъ и не поетъ у васъ въ домѣ, а послушали бы, какимъ соловьемъ у насъ заливался намерднись, даже подъ окнами народъ собрался слушать! Такъ-то. Можетъ, никто его такъ хорошо не знаетъ, какъ я, отъ меня онъ не скрывался... Вчера вечеромъ, какъ стала я тетенькѣ говорить про него, что онъ вѣрно къ Ѳедору Николаичу ушелъ, такъ она, вотъ такъ же какъ и вы теперь:—куда ему, бѣдному дурачѣ! Денегъ у него нѣтъ...

Она смолкла. Новая мысль, блеснувшая въ ея умѣ, отразилась въ ея глазахъ, которые сверкнули въ темнотѣ, точно у кошки.

— Господи! Ужъ онъ...

Она схватила мою руку и крѣпко сжала ее похолодѣвшими пальцами.

— Вы не знаете... Ваша мамаша не отворила шифоньерку, не смотрѣла—цѣлы ли его деньги? Да что а!.. гдѣ же вамъ знать!.. вѣдь вы еще маленькая и дура же я, что разболталась съ вами какъ съ большой!.. Пожалуйста, миленькая, не говорите, ради Бога, никому!

Я никому не сказала, но и безъ меня все открылось. Софьины опасенія сбылись: въ потайномъ ящикѣ мамашиной шифоньерки не оказалось того кошелька, въ которомъ хранились Иванушкины деньги, и можно себѣ представить, какой поднялся гвалтъ!

Цѣлый годъ розыскивали Иванушку и когда, наконецъ, достоверно узнали, что онъ скрывается въ дяденькиной подмошковой подъ чужимъ именемъ, началось слѣдствіе надъ нимъ. Слѣдствіе это длилось лѣтъ пять. Отецъ нашъ требовалъ выдачи проливаго и суда надъ нимъ, именемъ закона; дяденька Ѳедоръ Николаевичъ укрывалъ его подкупамъ и связями. Первое время онъ вдумалъ-было подкупить и шатап краснорѣчивымъ посланцемъ, въ которомъ умолялъ ее сжалиться надъ его хоромъ и дозволить Иванушкѣ услаждать слухъ столичныхъ жителей. При этомъ дядя такъ ловко льстилъ самолюбію своей сестры и такъ

искусно затрогивалъ всѣ ея слабыя струнки, что, можетъ быть, и тронулъ бы ея сердце, еслибы нелегкая не дернула его приложить къ этому письму деньги, которыми Иванушка осмѣлился овладѣть, считая ихъ своею собственностью.

Возвращеніе этихъ денегъ такъ оскорбило татап, что вся ея досада на *si-devant* блаженнаго пробудилась въ ея душѣ съ новой силой. Она вернула дядѣ съ первой почтой присланную сумму съ письмомъ, въ которомъ объявляла, что похищенные Иванушкой деньги давно ужъ возвращены ею по принадлежности; что же до нея касается, то она разъ пожертвованнаго назадъ не беретъ. Къ этому она присовокупляла требованіе не беспокоить ее напрасными просьбами объ «несчастномъ преступникѣ»; слѣдствіе надъ нимъ производится своимъ порядкомъ и остановить дѣйствіе правосудія никто не въ силахъ.

Много охотниковъ нашлось воспользоваться катастрофой съ Иванушкой, чтобы войти въ милость къ татап и занять его мѣсто въ нашемъ домѣ. Поналѣзли къ намъ изъ всѣхъ труппъ юродивые, блаженные, дураки и дурочки всякаго возраста; но въ гнѣвъ своемъ на Иванушку татап смѣшала всю эту убогую фалангу въ одну кучу, распространяя свое недовѣріе и отвращеніе на всѣхъ божьихъ людей безъ исключенія.

— Противны они мнѣ всѣ, — говорила она, когда ей докладывали, что пришла какая-нибудь кривая Федосьюшка, хромая Китовна или странникъ Ермолаичъ.

И вмѣсто того, чтобы идти въ столовую или въ дѣвичью выслушивать ихъ благочестивую чепуху, она приказывала накормить ихъ въ кухнѣ и отпустить съ Богомъ.

Продолжали пользоваться благоволеніемъ татап только Сухоручка да Антонюшка, но и тѣ раздражали ее теперь наговорами другъ на друга и непримиримой враждой. Движимая христіанскимъ чувствомъ, татап рѣшилась помирить божьихъ людей, обманомъ свела ихъ вмѣстѣ и принялась ихъ усовѣщивать. Но краснорѣчіе ея пропало даромъ; произошелъ скандалъ, окончившійся тѣмъ, что Антонюшка въ ея присутствіи отколотилъ свою непріятельницу и, обозвавъ какимъ-то неприличнымъ словомъ хозяйку дома, гордо вышелъ, ворча сквозь зубы, что при первомъ удобномъ случаѣ онъ еще не такъ ихъ обѣихъ отдѣляетъ.

Сухоручка снесла обиду съ такимъ смиреніемъ, что татап была тронута до слезъ и подарила ей цѣлый узелъ всякой всячины, а чтобы оградить ее отъ новыхъ нападковъ со стороны юродиваго, она приказала одному изъ нашихъ лакеевъ проводить ее до дому.

Но предосторожность эта была излишняя. Антонушка придумалъ доканать свою соперницу другимъ способомъ: онъ сталъ слѣдить за ея племянницей и первый распустилъ по городу слухъ объ шашняхъ Сонички съ офицеромъ.

Это былъ тотъ самый офицеръ, въ котораго моя пріятельница была влюблена еще въ прошломъ году и который коварно измѣнилъ ей для купчихи. Но съ купчихой дѣло не выгорѣло, и въ одинъ прекрасный день офицеръ опять очутился у Соничкиныхъ ногъ... иносказательно, конечно, на самомъ же дѣлѣ они первое время обмѣнивались только взглядами да улыбками при встрѣчахъ на улицѣ и въ церкви; а потомъ у нихъ было свиданіе въ саду. Онъ перелѣзъ черезъ заборъ и пробрался къ ихъ домику, утопая по колѣно въ свѣжнихъ сугробахъ, покрывавшихъ кусты и дорожки стараго сада. Вотъ тутъ-то и подкараулилъ ихъ Антонушка. На крикъ его сбѣжалась вся Ларинская дворня; сама барыня переполошилась и послала свою вѣрную Марью Андревну, узнать въ чемъ дѣло и куда это сломя голову побѣжали всѣ дѣвки, казачки и лакеи?

Офицеръ успѣлъ скрыться, но во-первыхъ многіе видѣли какъ онъ перелѣзалъ черезъ заборъ, а во-вторыхъ слѣды его ногъ остались на снѣгу. Чтоже касается до Сонички, то она такъ помертвѣла отъ страха и стыда, что даже и не пыталась вырваться изъ когтей юродиваго. Рассказывали, что она была блѣдна какъ смерть, что глаза у нея блуждали какъ у безумной. Нашлись, конечно, добрыя души, которыя поспѣшили предупредить обо всемъ случившемся Сухоручку. Живо розыскали ее у какой-то благодѣтельницы на краю города и въ нѣсколькихъ словахъ рассказали, въ чемъ дѣло. Божья старушка такъ и заметалась отъ волненія.

— Ахъ, она несчастная! Ахъ, окаянная! Вотъ я ее... дайте срокъ... убью! Какъ собаку убью,—повторяла она, задыхаясь отъ злости.

— Изуродуетъ она ее,—шептали въ толпѣ, сопровождавшей божью старушку къ ея домику.

Толпа съ каждой минутой увеличивалась, каждому хотѣлось посмотреть, какъ Сухоручка будетъ справляться съ племянницей; но всеобщее любопытство было самымъ неожиданнымъ образомъ обмануто,—пока ходили за ея тетенькой, да пока она пришла, Соничка успѣла задворками и переулками сбѣжать къ офицеру.

Что потомъ произошло, я помню смутно. Мнѣ было очень жалко Соничку, но я ничѣмъ не смѣла выказать мое участіе въ ней; она сдѣлалась предметомъ такого презрѣнія, что разузнавать объ ней или вообще какимъ бы то ни было образомъ интересоваться ея судьбой считалось въ высшей степени предосудительнымъ.

Но и тетеньку ея никто не оправдывалъ, и всѣ были такого мнѣнія, что Богъ наказалъ ее за жадность въ деньгамъ и за злой языкъ. Офицеръ распустилъ слухъ, что не прочь жениться на Соничкѣ, если божья старушка дастъ ей въ приданое, кромѣ тряпокъ, пятьсотъ рублей деньгами. И никто не находилъ претензію офицера безразсудной и неудобноисполнимой; всѣ вдругъ убѣдились, что Антонушка ничто не прибавляетъ, утѣшая, что Сухоручка накопила нѣсколько тысячъ ростовщичествомъ и тому подобными неблаговидными дѣлишками. Да и вообще, съ той минуты, какъ племянница покинула ее, про Сухоручку стало всплывать на свѣтъ Божій столько исторій, что во всѣхъ порядочныхъ домахъ ее перестали принимать, а татапа послала ей сказать, что она ее видѣть не можетъ и чтобы она никогда не смѣла къ намъ являться. Антонушка продолжалъ свои подвиги: и раньше онъ былъ достаточно нахаленъ, теперь же онъ какъ будто задался мыслью доказывать всѣмъ и каждому, что ему все сойдеть съ рукъ, что для него законъ не писанъ. Однако, нельзя сказать, чтобы онъ дѣйствовалъ совсѣмъ безразсудно; нѣтъ, выходивъ его не были лишены своей цѣли и смысла, —присмотрѣвшись къ нимъ, можно было увидѣть, что это былъ своего рода протестъ мужицкаго сословія противъ барства. Слабыхъ, смиренныхъ и забытыхъ судьбой онъ щадилъ и нападалъ на сильныхъ, знатныхъ и богатыхъ; плевалъ вслѣдъ мчавшемуся на сѣрой парѣ полицмейстеру, кричалъ по пѣтушину и хлопалъ руками, какъ крыльями, при появленіи губернатора, заманивался издали палкой на архіерея.

Но на кого Антонушка нападалъ съ особеннымъ остервененіемъ, это на лицъ духовнаго званія. Инымъ попамъ и монахамъ отъ него положительно не было проходу, онъ ихъ обижалъ гдѣ только могъ. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, онъ пробрался въ женскій монастырь и учинилъ тамъ такой скандалъ, что игуменья обратилась съ жалобой къ своему начальству, которое, въ свою очередь, стало требовать отъ свѣтской власти примѣрнаго и безпощаднаго наказанія буяну.

Но на бѣду въ то время отношенія между представителями свѣтской власти и духовной, какъ бывало нерѣдко въ провин-

дѣи, были самая натахнутыя. Казусъ съ Антонущкой явился новымъ поводомъ къ враждебному столкновению. Полемика, подъявшаяся изъ-за него, была такъ зла, ядовита и придиричива, что объ ней долго не могли забыть городскіе обыватели. Всю зиму только и рѣчи было, что о колкостяхъ, которыми официальнымъ путемъ обмѣнивались губернаторъ съ архіереемъ изъ-за Антонущки. Судьба этого послѣдняго висѣла на волосѣхъ: архіерей, преслѣдуя свою цѣль съ неутомимымъ рвеніемъ, подводилъ законы самыя строгіе; губернаторъ, съ легкомысліемъ свѣтскаго человѣка, говорилъ о невмѣняемости вслѣдствіе умственнаго разстройства; по его мнѣнію, Антонущка былъ просто не въ своемъ умѣ.

— А если сумасшедшій, такъ въ сумасшедшій домъ его, на цѣпи, — твердила духовная власть.

— Не всѣ сумасшедшіе сидятъ на цѣпи, — возражалъ губернаторъ.

— За святотатство внукотъ наказываютъ и вѣшаютъ, — настаивалъ архіерей.

Но губернаторъ не признавалъ святотатствомъ обличеній Антонущки противъ монахинь и съ саркастической усмѣшкой инсинуировалъ, что если произвести слѣдствіе, то пожалуй Антонущка окажется только грубіаномъ, а не клеветникомъ.

Но прежде чѣмъ дѣло дошло до полного разрыва, виновникъ переполоха внезапно самъ положилъ предѣлъ распрѣ, подъявшейся изъ-за него, и не дождавшись окончанія дѣла, рѣшилъ свою судьбу, навсегда покинувъ наши края.

Никогда больше не являлась на улицахъ и площадяхъ нашего города типичная фигура юродиваго Антонущки въ розовомъ халатѣ и въ плащѣ, украшенной ягодами и соломой; но за то, какъ рассказывали, въ одномъ изъ домиковъ, хлѣпящихся въ захолустьѣ на горахъ, проявился, около того же времени, степенный старичокъ въ длиннополномъ сюртукѣ и въ тепломъ картузѣ съ большимъ поморышкой. Раньше его тамъ не видывали, а между тѣмъ, онъ оказался владѣтелемъ домика и всей прилегающей вокругъ земли. Семейство, жившее тутъ, состояло изъ нѣсколькихъ женщинъ и дѣтей разнаго возраста. Женщины эти обращались со старичкомъ очень почтительно и называли его дяденькой, а дѣти — дѣдкой. Сосѣди знали его подъ именемъ Антона Васильевича.

Антонъ Васильевичъ развелъ большой садъ вокругъ дома и рассадилъ огородъ. И тѣмъ, и другимъ онъ занимался такъ толково и старательно, что у него всегда раньше, чѣмъ у другихъ,



поспѣвали ягоды и овощи, которые членами его семьи очень выгодно сбывались на базарѣ.

Поговаривали въ городѣ, что юродивый Антонуща и степенный домовладѣлец Антонъ Васильевичъ одна и та же личность; но мало кто этому вѣрилъ.

А Иванушка?

Этотъ кончилъ плачевно. Какъ ни задаривалъ дяденька Федоръ Николаевичъ прокуроровъ и стряпчихъ, какъ ни откармливалъ обѣдами съ шампанскимъ и аршинными стерлядьми предсѣдателей и другихъ власть имущихъ, однако, въ концѣ-концовъ все-таки пришлось уступить силѣ закона.

Последнее его письмо къ татапу у меня передъ глазами. Въ немъ рѣчь идетъ о наслѣдствѣ, доставшемся имъ отъ какой-то общей тетушки. Письмо написано дѣловымъ и сдержаннымъ тономъ, но въ концѣ его приписка, краснорѣчиво свидѣтельствующая о томъ, какъ обострились между ними отношенія съ тѣхъ поръ, какъ они начали ссориться изъ-за Иванушки. Привожу приписку эту цѣликомъ: .

«Примите при семъ мои поздравленія съ побѣдой, одержанной надъ вашимъ покорѣйшимъ слугой. Разбиты мы въ пухъ и прахъ вашимъ п—вомъ; разбиты и уничтожены. На прошлой недѣлѣ Ваню заковали въ кандалы и отправили въ Сибирь. Только врядъ ли онъ дойдетъ туда, такъ какъ, по увѣренію всѣхъ докторовъ, которымъ я показывалъ его, у него чахотка въ сильной степени. Впрочемъ, для меня это не новость, и могу сказать по всей откровенности, что тянулъ я его дѣло не изъ-за своей пользы (голосъ у него ужъ года два какъ сталъ пропадать), а для того единственно, чтобы не дать ему умереть въ острогѣ, потому что, хотя ваше п—во и изволите обзывать меня несносной и опасной кличкой волтерьянца, однако, сердце у насъ не совсѣмъ закаменѣло, какъ у многихъ мнѣ знакомыхъ святошъ и биготовъ».

Какое впечатлѣніе произвело на татапа это письмо, я не знаю. Меня давно уже отвезли въ институтъ, когда оно было получено, а попало оно мнѣ въ руки много лѣтъ спустя послѣ ея смерти.

Н. СЕВЕРИНЪ.



---

# МИРНЫЕ ЭПИЗОДЫ

изъ

## ВОЕННОЙ ЖИЗНИ

ВОЙСКЪ КОРПУСА ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТА ЦИММЕРМАНА.

---

### V. МУСУЛЬМАНСКИЙ МІРЪ \*).

Очеркъ нашихъ отношеній къ туркамъ. — Описаніе ихъ домашней жизни. — Причины застоя въ ихъ умственномъ развитіи.

Весь силистрійскій санджакъ, за исключеніемъ ближайшихъ къ Силистріи деревень, заселенъ былъ магометанами — черкесами и турками. Этнографическій очеркъ первыхъ набросанъ мною въ особомъ отдѣлѣ, касающемся военнаго быта, здѣсь же мы будемъ говорить только о туркахъ.

Войска 14-го армейскаго корпуса сталкивались съ ними весьма рѣдко; турки жили на окраинахъ того пространства, которое находилось въ сферѣ нашего вліянія.

Первая съ ними схватка произошла въ августѣ 1877 г. при одной изъ деревень окружающихъ мѣстечко Мусабей. Тогда командуемый мною отрядъ прикрывалъ правый флангъ главной колонны, дѣлавшей набѣгъ къ сторонѣ Базарджика подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Манзее.

Для прикрытія бокового движенія нашей маленькой колонны, имену, въ свою очередь, были посланы небольшія партіи далѣе

---

\*) См. ниже: августъ, 445 стр.

къ западу, къ ближайшимъ деревнямъ—Самурлы и Баралыма-гара—считавшимся даже среди мусульманъ разбойничьими гнѣздами; оттуда выходили шайки свирѣпыхъ грабителей, которые безъ разбора нападали и на христіанъ, и на турокъ, какъ разсказано будетъ мною въ своемъ мѣстѣ. Разбойники эти не замедлили вступить въ бой съ козаками; но вскорѣ были ими прогнаны, а на пути преслѣдованія отбиты плѣнные связанные болгары, приготовленные къ повѣшенію, съ веревками на шеѣ. Скверный безносый турокъ, на котораго возложена была должность палача, попалъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ другими разбойниками; онъ велъ болгаръ за концы веревки.

Какъ обрадовался командиръ козачьяго полка, когда схватка эта дала право на репрессалии; немедленно отбить былъ нами табунъ лошадей сѣрой масти, принадлежавшій тѣмъ деревнямъ, изъ которыхъ вышли эти *francs tireurs*: полкъ имѣлъ многихъ обезконенныхъ козаковъ, а по праву войны, нашими законами предоставленному командирамъ козачьихъ полковъ, захваченные въ военную добычу табуны шли на поддержаніе боевой ихъ силы. Вслѣдъ за табунами безстрашно явились къ намъ на бивуакъ турки и объявили, что они живутъ въ другихъ деревняхъ, въ схваткѣ не участвовали, почему и просили возвратить имъ принадлежавшую имъ часть табуна.

Ничтожное это само по себѣ обстоятельство указываетъ, какъ сильна была вѣра въ миролюбіе и справедливость русскихъ войскъ. Хорошей этой славы мы обязаны были нашимъ добрымъ сосѣдямъ татарамъ: главарь ихъ—Мурзакъ Мослубаевъ—не разъ намъ повторялъ: вѣсть о вашемъ великодушіи мы разнесемъ до самыхъ стѣнъ Константинополя,—и, какъ кажется, добросовѣстно, насколько могъ, выполнилъ свое обѣщаніе. Мы отдали этимъ туркамъ цѣлый косякъ лошадей, который составлялъ едва ли не треть табуна, но выбрали изъ него съ ихъ же согласія въ пользу полка семь наиболѣе ретивыхъ лошадей. На пути къ мѣсту сосредоточенія отрядовъ—дер. Чобанъ-Коюсу—вдоль узкой длинной балки разбросаны были красивые, отдѣльно стоявшіе турецкіе хутора. При проѣздѣ черезъ нихъ всѣ семьи, за исключеніемъ взрослыхъ женщинъ, выбѣгали къ намъ на дорогу, чтобы позѣвать на быстрый ходъ колонны, совершенно такъ, какъ выбѣгаютъ изъ своихъ хатъ крестьяне русскихъ деревень при проходѣ войскъ. Козаки длинными своими пиками усердно отгоняли отъ колоннъ домашнюю птицу, боясь вѣроятно испушеній, а турки низко и усердно кланялись.

Болѣе близкое знакомство свели мы съ ними уже подѣ

конецъ кампаніи, послѣ базарджикскаго дѣла, когда кавалерійскіе полки выдвинуты были впередъ на демаркаціонную линію противъ Варны и размѣстились по турецкимъ деревнямъ. Прибыли мы къ нимъ часа въ два ночи, перебудили всѣхъ жителей, которые въ лунную эту ночь, среди тумана, бѣжали въ разныя стороны, не догадываясь, откуда надвинулась на нихъ бѣда и велика ли она?

Зная ревнивыя отношенія турокъ къ своимъ женамъ, мы, прежде чѣмъ разойтись по домамъ, предложили отвести намъ отдѣльные кварталы, чтобы могли они вывести оттуда свои гаремы, и только по окончаніи переселенія прекраснаго ихъ пола заняли указанные намъ дома. Вскорѣ наполнились они мужчинами, которые, не дожидаясь нашихъ просьбъ, стали усердно прислуживать—носить воду, дрова и проч., и затѣмъ мы ближе присмотрѣлись къ нимъ уже по занятіи силистрійскаго санджака, гдѣ, какъ сказано было выше, дружно несли съ ними по деревнямъ дозорную службу.

Такимъ образомъ наши сношенія съ турками были отрывочны и недолги, но они оставили въ насъ добрую память по своимъ симпатичнымъ сторонамъ и оригинальному складу.

---

Остановимся пока на рубежѣ намѣченныхъ нами отношеній войскъ корпуса генерала Циммермана съ турками восточнаго фланга, и затѣмъ, прежде чѣмъ перейти къ изложенію тѣхъ мѣстныхъ интересовъ, которые связывали во-едино мусульманъ и христіанъ силистрійскаго санджака, постараемся сдѣлать хотя краткій очеркъ жизни этого малоизвѣстнаго многимъ мусульманскаго міра по отношенію къ туркамъ.

Внѣшній обликъ турокъ мы уже очертили въ предшествующихъ статьяхъ, а теперь воснемся ихъ духа и домашней жизни.

Личное достоинство, честность и взаимное уваженіе составляютъ выдающіяся ихъ нравственныя качества, которыя и перенесены въ семью. Въ этихъ мусульманскихъ тайникахъ намъ не пришлось побывать; но слышать ихъ семейный разговоръ и личное обращеніе членовъ семействъ приходилось часто въ тѣхъ деревенскихъ домахъ, которые построены въ два этажа. Въ нихъ нижній этажъ занимаетъ исключительно семей, а наверху устроивается кунацкая—приемные поком. Легкій сквозной полъ раздѣляетъ эти этажи и черезъ его щели проходитъ семейный говоръ такъ же, какъ и у болгаръ. Нигдѣ не приходится ни слышать взвизгиваній вздорныхъ бабъ или бранчли-

выхъ словъ мужей; жизнь течетъ мирнымъ и прочно установленнымъ чередомъ въ этихъ тайникахъ.

Здоровья ихъ дѣти, краснощекія, сильныя, съ колыбели, такъ сказать, приученныя къ приличію и уваженію къ старшимъ, рѣзвятся свободно по улицамъ деревень и городовъ. Дѣтскій возрастъ у турокъ переходитъ далеко за предѣлы назначенныхъ ему лѣтъ; каждый день въ турецкомъ кварталѣ Силистріи можно было видѣть 18-лѣтнихъ и старшихъ возрастомъ юношей, которые играли и рѣзвились какъ малыя дѣти: пускали по вѣтру воздушные змѣи—любимая забава турецкой молодежи—и прыгали по окопамъ крѣпости. Свѣжія ихъ лица, съ круглыми красными щеками, обрамленными пушкомъ, носили также дѣтское выраженіе; замѣтно было, что ни вино, ни поцѣлуи погибшихъ женщинъ не оскверняли ихъ полныхъ губъ, какъ это часто встрѣчается въ нашихъ густо населенныхъ центрахъ съ неоперившеюся еще молодежью.

Вмѣстѣ съ усами турокъ приобрѣтаетъ степенную осанку и важность. Тонъ же приличія и вѣжливости ни въ какомъ возрастѣ его не покидаетъ; хохотъ, рѣзкій крикъ, свѣтскія кривлянья—не допускаются. Увѣренъ, что нищій турокъ, какъ и испанецъ, съ достоинствомъ протягивалъ бы руку за подаваніемъ, если бы таковыя тамъ попадались, но этотъ край отличался благосостояніемъ.

Кто читалъ описаніе жизни древнихъ персовъ и хорошо ознакомился съ бытомъ нынѣшнихъ турокъ, тотъ, конечно, не мало былъ пораженъ сходствомъ требованій въ домашнемъ воспитаніи обоихъ этихъ народовъ, хотя десятки вѣковъ улеглись между ними. Турокъ, какъ и древній персъ, проведеній свою молодость при дворѣ своихъ царей, отличается высокимъ тономъ приличія и порядочности. Читая нижеприведенныя строки изъ «Киропедіи», подумаешь, что они списаны съ быта нынѣшнихъ турокъ: «И теперь еще, — пишетъ Ксенофонтъ — есть у нихъ, (персовъ) свидѣтельства ихъ умѣренности въ питаніи и перевариваніи того, чѣмъ они питаются. У персовъ, напримѣръ, и по настоящее время считается неприличнымъ плевать, сморкаться (и т. д.). Но этого они не могли бы дѣлать, если бы не употребляли умѣренной пищи или упражненіями не помогали мокротѣ настолько, чтобы она имѣла другой исходъ. Это можно сказать о всѣхъ персахъ» и т. д.

Эти обычаи существовали, по Геродоту, и у мидянъ; у послѣднихъ основывались они на религіозныхъ началахъ, предписанныхъ Зендавестой.

Древнія эти свидѣтельства даютъ наиболѣе точное понятіе объ общежительномъ тонѣ нынѣшнихъ турокъ.

Вмѣстѣ съ тономъ приличія занесли они изъ своего дальняго востока и чувство стыдливости: сестры милосердія говорили, что чувство это не покидало ихъ и при самыхъ сильныхъ страданіяхъ отъ ранъ. Никто изъ нихъ не обнажалъ передъ ними своего тѣла, ногъ или рукъ, а подставлялъ для перевязки одни только тщательно окутанныя бѣльемъ раны. Древняя азіатская цивилизація не внесла въ жизнь европейскихъ народовъ этого похвального чувства: римскія матроны, какъ и гетеры, ходили полуобнаженныя и даже позволяли себѣ носить на шеѣ смѣлыя по идеѣ и выполненію эмблемы плодородія.

Не таковъ турокъ въ своей частной жизни, всегда прилично одѣтый, относительно костюма женщины онъ вдается въ другую крайность—окутываетъ ее всю въ чадру, за исключеніемъ однихъ пятокъ, у всѣхъ обнаженныхъ.

Пьянства, обжорства простолюдинъ-турокъ не знаетъ; нѣга гаремной жизни ему также не знакома; онъ единоженецъ; добрыя же его качества—умѣренность и порядокъ—даютъ ему возможность, довольствуясь малымъ, исподоволь скоплять честное благосостояніе.

Издали можно замѣтить тѣ счастливые оазисы, по которымъ расселены турки—издали среди зелени садовъ краснѣютъ черепичныя крыши ихъ уютныхъ домовъ.

Турки не имѣютъ понятія о прямизнѣ улицъ, и едва ли взглядъ ихъ не болѣе раціоналенъ: солнце даетъ все, что нужно для здоровья и бодрости человѣка—тепло, сухость и свѣтъ; поэтому всѣ жилия комнаты у нихъ обращены окнами къ подсолнечной сторонѣ, а на сѣверъ выходятъ одни заднія сплошныя стѣны. Выбирая для постройки усадебъ уютные пригорки, естественно, что они не могутъ располагать дома свои прямыми по шнуру протянутыми линіями. Улицы ихъ вьются какъ змѣи, то суживаясь, то расширяясь; камень—плитнякъ разбросанъ кое-гдѣ близъ стѣнъ, взаимнѣ тротуаровъ, и на эти же улицы выбрасывается пепелъ и другія нечистоты дворовыхъ построекъ; словомъ, живутъ они взглядами, противоположными нашему крестьянству: у послѣдняго внутренній дворъ рѣдко бываетъ сухъ и опрятенъ, самыя хаты даже у богатыхъ крестьянъ центральныя губерніи зимою переполняются приплодомъ скота и овецъ, а то всегда расчищена и выметена улица близъ оконъ и зазавонокъ. Что полезнѣе и пріятнѣе для жизни—рѣшить трудно. Вѣднѣ тянетъ свою ноту по тому голосу, который дала ему

природа, и, по мнѣнію моему, не слѣдовало бы обвинять турокъ въ повальной нечистотѣ, не изучивъ подробно ихъ порядковъ въ жизни.

Войдите во дворъ турка и иная картина представится вашимъ глазамъ—картина порядка, чистоты и домовитости. Посмотрите, съ какимъ толковымъ расчетомъ на комфортъ выдвинулъ онъ съ крыши навѣсъ надъ балкономъ съ красиво отточенными колонками; какъ заманчиво затѣненъ балконъ сочною густою листвою южныхъ деревьевъ; какъ чисто и убитъ дворъ и съ какою заботливостью проложены по немъ широкія плиты для прохода хозяекъ между постройками. Все здѣсь просто, и въ то же время все предусмотрено для того, чтобы заспокоить владѣльцевъ. Войдите теперь въ комнату,—хозяинъ бѣжалъ изъ нея отъ приближенія войскъ. По всему видно, что это его коначная. Взгляните, какъ и здѣсь во всемъ проглядываетъ здравый деревенскій комфортъ: у мѣста выведенныя ниши въ стѣнахъ даютъ возможность поставить маленькіе шкапы для предметовъ первой потребности и прикрыть ихъ дверцами или занавѣсками; для дивановъ вокругъ стѣнъ подняты полы, такъ что довольно набросить на нихъ легкіе туфляки, чтобы обратились они въ уютное ложе. Большой каминъ даетъ сильную тягу воздуха; деревянные стѣны, не смотря на видимую ветхость, блестятъ чистою поверхностью и издаютъ пріятный легкій запахъ древесныхъ подѣлокъ. Полы покрыты чистыми коврами, по которымъ ходитъ онъ, скинувъ туфли.

Переступимъ теперь священный порогъ мусульманскаго гинекея. Расположеніе комнатъ тоже; но ваше вниманіе невольно остановитъ на себѣ громадный шкафъ, занимающій добрую часть угла комнаты; дверцы его открыты—онъ пустъ. Тѣмъ не менѣе значеніе его велико въ отношеніи гигиены—въ немъ нѣсколько разъ на день совершаются обими полами тщательныя омовенія, которыя потомъ отзываются на всемъ мусульманскомъ обществѣ. Это единственный въ мірѣ простолудинъ, не оставляющій вокругъ себя, благодаря своей чистоплотности, никакого запаха—явленіе рѣдкое въ жизни другихъ расъ. Мнѣ приходилось не разъ посѣщать турецкія казармы, тюрьмы и лазареты, и нигдѣ я не замѣчалъ спертаяго или вообще тяжелаяго жилого воздуха.

Также рационально расположены скотные сараи въ ихъ хуторахъ. Возведены они изъ толстыхъ каменьевъ, которыхъ въ Турціи всегда въ изобиліи можно найти подъ рукою. Солидные ихъ стѣны пристроены непосредственно къ задней сторонѣ хуторскаго дома, съ выходомъ изъ него прямо внутрь сарая, такъ что хозяину достаточно выглянуть изъ дверей дома, чтобы убѣ-

дятся въ порядкѣ и усмотрѣть нужды скота. Прочные столбы поддерживаютъ хорошо покрытыя соломой крыши. Скотина раздѣлена на мелкія партіи, и каждая партія имѣетъ свои каменные или плетенныя поставленныя на полъ низкія ясли, около которыхъ она и располагается въ круговую. Саранъ эти такъ велики, что могутъ вмѣщать въ себѣ до 100 штукъ и болѣе крупнаго рогатаго скота и даютъ ему убѣжище—теплое, уютное для каждаго возраста. Жилыя при нихъ помѣщенія отличаются необыкновенною чистотою и порядкомъ, а крыши прочностью.

Словомъ, постройки ихъ какъ въ частяхъ, такъ и въ общемъ планѣ свидѣлствуютъ о рациональномъ пониманіи нуждъ и удобствъ жизни и указываютъ на солидное развитіе здраваго смысла.

По деревнямъ хозяинъ-турокъ, огороженный со всѣхъ сторонъ непроницаемой высокой стѣной, болѣею частью плетеной изъ лозы и обмазанной толстымъ слоемъ цементованной глины съ цѣлымъ ворохомъ колючаго терна на верху, чувствуетъ себя въ своемъ маленькомъ владѣніи такимъ же самовластнымъ, какъ древній баронъ въ своемъ замкѣ или современный англичанинъ въ своемъ домѣ. Частный человѣкъ не рѣшится нарушить владѣтельныхъ его правъ, и нужно совершить какое-либо крупное преступленіе, чтобы незванной пробралась къ нему полиція.

Вступленію въ его крѣпость предшествуютъ осторожныя переговоры съ улицы; гость черезъ преграды вызываетъ сначала хозяина изъ дома; тотъ выходитъ и встрѣчаетъ его у порога растворенной калитки и, заручившись желаніемъ его побывать у него въ гостяхъ, вводитъ въ приѣмную-конацкую.

Каждая деревня имѣетъ свое общественное зданіе для частныхъ собраній—кофейни, содержимыя болѣею частію обѣднѣвшими турками. Кофе ходитъ въ круговую между ними взаимнѣнно или водеи; табакъ, даже въ низшихъ сортахъ безъ всякой вони, курится маленькими щепотками, не осѣдая по стѣнамъ и не провозводя острой, удушливой гари; каминъ тянетъ всякій нечистый газъ, и умѣренный турокъ входитъ въ кофейню чистоплотный, аккуратно одѣтый. Проходятъ долгіе часы въ ихъ приятельскихъ бесѣдахъ, а воздухъ остается такимъ же свѣжимъ какъ и въ полѣ. — Эти обстоятельства, при обязанности начальника передовой части собирать всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя въ счастливую минуту только и можно было добыть стороною изъ частной бесѣды съ турками,—и дозволяли проводить долгіе часы въ этой многолюдной компаніи.

У турокъ не существуетъ также кастъ и состояній — всѣ



равноправны; почему деревенскій турокъ, придя къ каймакаму въ конакъ, лѣзетъ смѣло съ ногами на его европейскій диванъ, садится на него, поджавъ ноги, и заводитъ разговоръ какъ равный съ равнымъ. Не замѣчается у нихъ также большой розни въ умственномъ развитіи, обстановкѣ и убранствѣ комнатъ. Турокъ деревенскій, будь онъ сыномъ паши, не имѣетъ потребности въ дорогихъ бронзахъ, новѣйшихъ фасоновъ мебели, тонкихъ фарфорахъ и дорогихъ зеркалахъ; а также не имѣетъ онъ понятія въ тонкихъ винахъ, употребленіе которыхъ притомъ воспрещено ему кораномъ; словомъ, вкусы ихъ какъ у бѣднаго, такъ и у богатаго, одинаково просты, поэтому и неравенство состояній не проглядываетъ у нихъ съ такою остротою, какъ въ остальной Европѣ.

Въ религіозныхъ вѣрованіяхъ они фанатики; даже лучшіе ихъ умы, пробывъ долгое время на дипломатическихъ постахъ въ западныхъ государствахъ, возвращаются обратно на родину, зараженные еще большимъ изувѣрствомъ; суетливый складъ европейской жизни, идущій въ разрѣзъ съ ихъ привычками, не мало вліяетъ на усиленіе ихъ нерасположенія къ нашей цивилизаціи, вѣрованіямъ и формамъ жизни.

Умъ турка тяжелъ, лишенъ игривости, бойкости и увлеченій; турокъ методиченъ, медленъ въ работѣ и вдумчивъ; словомъ, имѣетъ отчасти тѣ же недостатки или, если хотите, тѣ же достоинства, какъ и нѣмецъ, а потому, какъ и послѣдній, способенъ сдѣлаться весьма полезнымъ правителемъ, т.-е. болѣе склоннымъ къ простой насущной работѣ на поддержаніе порядка жизни, чѣмъ къ перекройкѣ ея, ради благихъ намѣреній и иныхъ утопическихъ воззрѣній, опытомъ отвергаемыхъ.

Прямодушный турокъ—врагъ кляузы, полицейскихъ правовъ и неумѣстной придирчивости; границы ихъ частныхъ владѣній чтятся въ силу буквы самого корана какъ грань священная, почему нарушенія ихъ рѣдки, а также рѣдки и предлоги для судебныхъ исковъ, которые въ послѣднее время сдѣлались такими вѣрными источниками обогащеній для нашихъ адвокатовъ.

Словомъ, жизнь ихъ течетъ покойно, свободно, какъ широкая рѣка по ровному руслу, не встрѣчая пороговъ и боковыхъ встрѣчныхъ теченій, обвивающихъ ихъ струи съ прямого, выработаннаго всей исторіей жизни направленія, но за то и не встрѣчается среди ихъ блеска празднествъ, шумнаго движенія толпы, быстрого полета мысли, а вмѣстѣ съ нимъ и прогрессивнаго развитія. Складъ жизни турка пріятенъ и полезенъ для человѣка,

уже износившаго свою душу и требующаго уединенія, но отнюдь не для юной, бьющей ключемъ жизни.

Съ такимъ же равнодушіемъ и не лишеннымъ достоинства довѣріемъ относится онъ нынѣ ко всѣмъ инымъ, подѣ часть враждебнымъ ему расамъ, живущимъ у него подѣ бокомъ. Онъ далекъ отъ желанія тѣснить ихъ за религіозныя убѣжденія и политическія мнѣнія: — *живи и пользуйся жизнью; будь спокоенъ и богатъ!* — ихъ принципъ, и, несомнѣнно, что всѣ христіанскія племена, — райя, окружающая турокъ, — побуждаемыя силою цивилизации къ дѣятельности и образованію, опередили бы ихъ въ общемъ развитіи духа и благосостояніи, какъ опереживаетъ быстро текущая вода на днѣ у нея лежащій камень, и, можетъ быть, въ одно прекрасное утро проснулся бы турокъ въ свою очередь рабомъ своихъ рабовъ, если бы не слѣдилъ зорко за взаимными отношеніями этихъ расъ ревнивый западъ.

Опасна Турція западу не сама по себѣ, не по мощи своихъ мускуловъ и суммѣ физическихъ силъ, а опасна своимъ центральнымъ положеніемъ среди міровыхъ путей торговли, какъ владычица морей, и благословеннѣйшихъ и богатѣйшихъ странъ міра: кто овладѣетъ ея территоріей, тотъ овладѣетъ ключемъ жизни всего стараго свѣта. Не страшенъ и не противенъ западу и самъ болгаринъ, но онъ вреденъ ему какъ промышленный труженикъ, способный въ насилъженномъ имъ гнѣздѣ первенствовать надъ всѣми племенами, населяющими Турцію, и править судьбами этого міра; а еще страшнѣе сама пишущая Россія, всею своею вѣковой литературою выражавшая стремленіе овладѣть этимъ ключемъ, не справляясь съ желаніями почвеннаго элемента — самого народа. Властелинъ же этого ключа — турокъ — поконится безмятежно, выпуская въ забытѣ этотъ ключъ изъ онѣмѣвшей руки своей; внутреннимъ подвластнымъ ему народамъ и внѣшнимъ сосѣдамъ остается только нагнаться, чтобы подобрать его; но именно этотъ моментъ захвата и пугаетъ западъ. Лишенный возможности овладѣть этимъ ключемъ непосредственно, онъ тормозитъ турка, пугаетъ политическими вымыслами, тревожитъ его воображеніе близкою опасностью, раздражаетъ самолюбіе... Выведенный имъ изъ терпѣнія турокъ, какъ простодушный Самсонъ, начинаетъ бить своею палицею правого и виноватаго: вѣшаетъ болгарина, рубитъ серба, тѣснитъ румына, оскорбляетъ русскаго, не разчитывая, что всѣ эти силы, однажды собранныя, въ состояніи опутать его своимъ ужомъ и раздавить своимъ могуществомъ, что и случилось въ недавнюю кампанію.

Разостлавъ ковры, а на нихъ тюфячки и стеганныя одѣяла, понасадивъ фруктовыхъ деревьевъ въ своихъ маленькихъ садахъ и возведя прочныя загоны для скота, турокъ не пошелъ далѣе этого незатѣйливаго комфорта. Домашняя обстановка наиболѣе зажиточнаго турка, по своей прозаичности, напоминаетъ обстановку нашихъ средней руки панковъ, а самая жизнь—по отсутствію въ ней живого интереса—наши волчьи куты отдаленныхъ провинцій, которые, въ счастію, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, стали видимо исчезать съ лица земли.

Выходить онъ изъ этого скромнаго удѣла только по наряду, случайно; попадая въ члены администраціи, держится съ подобающею посту важностью, но однажды сойдя съ этого поприща, спѣшитъ замѣниться въ прежній тѣсный кругъ.

Таковъ онъ и въ умственной сферѣ жизни; даже высокая государственная дѣятельность не расширяетъ его умственнаго кругозора и не даетъ ему широкихъ философскихъ воззрѣній. Напротивъ того замѣчено, что отъ близкаго столкновенія съ европейскою цивилизаціею онъ дѣлается еще болѣе закоснѣлымъ и фанатичнымъ мусульманиномъ.

Чему приписать подобную косность—крови, религіи или домашнему быту?

Упрекъ въ этой неподвижности чаще всего падаетъ на коранъ, давшій всему складу жизни и самимъ думамъ мусульманина такую прочную оболочку, что духъ его, прозябая въ этихъ тѣсныхъ рамкахъ, не можетъ принять широкаго, вѣчно обновляющагося полета.

Самое начало исторіи мусульманскаго міра приводитъ къ иному заключенію. Если справедливо,—говоритъ Дрэперъ въ своей *Исторіи умственнаго развитія Европы*,—что арабы сожгли александрійскую бібліотеку, то въ это время можно было опасаться, что фанатизмъ приведетъ ихъ къ прежней византійской системѣ; но калифы впали въ эту дурную политику только на минуту. Они скоро сдѣлались замѣчательными покровителями знаній. Объ нихъ говорили, что они такъ же быстро овладѣли областями науки, какъ овладѣли царствами своихъ сосѣдей. У нихъ стало обычаемъ, что первыя должности въ государствѣ занимаемы были людьми, извѣстными своею ученостію. Нѣкоторыя изъ ихъ любимыхъ изреченій показываютъ, какимъ уваженіемъ пользовалась литература. «Чернила ученаго столь же достойны уваженія, какъ кровь мученика». «Рай столько же существуетъ для того, кто хорошо владѣетъ перомъ, сколько для того, кто палъ отъ меча». «Міръ держится только четырьмя вещами,—

знаніем мудреца, справедливостью сильного, молитвами добраго и мужеством храбраго». Черезъ 25 лѣтъ послѣ смерти Магомета, при четвертомъ калифѣ Али, покровительство наукъ стало принципомъ магометанской системы. Его изреченія заслуживаютъ не меньшаго уваженія: «Превосходство въ наукѣ,—говоритъ Али,—есть величайшая изъ почестей». «Тотъ не умираетъ, кто дастъ жить знанію».

Той же системы покровительства науки придерживались багдадскіе калифы. Ученые, занимавшіеся математикой, астрономіей, медициной и литературой, въ значительномъ числѣ жили при дворѣ Альмансора; онъ приглашалъ къ себѣ и покровительствовалъ всѣхъ философовъ, какихъ бы религіозныхъ мнѣній они ни держались. Его преемникъ, Аль-Рашидъ, никогда, говорить, не путешествовалъ безъ свиты человекъ во сто ученыхъ. Этотъ великій государь издалъ повелѣніе, чтобы ни одна мечеть не могла строиться безъ школы при ней. Преемникъ его, Аль-Маймунъ, шелъ по слѣдамъ его. Эти государи постоянно заботились объ учрежденіи библіотекъ; въ большихъ городахъ было множество школъ... То, что было такимъ образомъ въ началѣ дѣломъ глубокой политики, скоро выросло въ обычай.

Быстрые успѣхи арабовъ въ просвѣщеніи объясняются многими причинами. Завоеванія ихъ разrostались въ тѣхъ частяхъ свѣта, гдѣ гнѣздилась уже древняя цивилизація и сохранялись отъ нея обломки, полные внутренней жизни, почему не могли ихъ стереть съ лица земли тѣ потрясенія, которымъ подвергались живущіе тамъ народы въ теченіе многихъ столѣтій, предшествующихъ движенію мусульманскаго міра.

Такъ, напримѣръ, вновь открытые памятники древней вавилонской письменности свидѣтельствуютъ, что во времени основанія багдадскаго калифата въ южной Азіи теплились еще свѣточі древней ассирійской цивилизаціи.

Египетъ въ то время процвѣталъ и славился сонмомъ ученыхъ александрійской школы, высоко и устойчиво державшихъ надъ міромъ хоругвь просвѣщенія. Оно было перенесено изъ Греціи и привито на тамошней почвѣ гениемъ Александра Македонскаго. Просвѣщеніе это могло бы назваться вполнѣ греческимъ, если бы среди этихъ ученыхъ мужей не практиковались науки, заимствованныя жрецами древняго Египта.

На дальнемъ Востокѣ, въ предѣлахъ Индіи, познакомились арабы съ еще болѣе древней, могучей, болѣе сбереженной и доступной европейскому уму—индійской цивилизаціей.

Такимъ образомъ, по счастливому ли стеченію обстоятельствъ

или по волѣ судьбы, вновь созданное арабами царство разлеглось въ предѣлахъ тѣхъ именно земель, которыя остались вѣрными хранителями многихъ древнихъ развитыхъ, но не забытыхъ знаній. Новый, настоящій міръ долженъ благодарить судьбу, что именно на долю арабовъ-магометанъ выпало счастье владѣть этими непогибнувшими во времени развитія ихъ могущества сокровищами науки. Пылкій умъ арабовъ, полный смѣтливости, творчества, одинаково способный и къ философскому анализу и къ практической дѣятельности, только и могъ въ краткій относительно срокъ подняться на такую высоту, чтобы сознать все величіе науки, пользу отъ нея, связать остатки древнихъ цивилизацій, обобщить ихъ результаты и быстро перенести съ дальнихъ предѣловъ востока внутрь Испаніи. Этимъ широкимъ путемъ древняя цивилизація Азій и Египта въ короткій срокъ перенесена была въ Европу. Едва ли народъ иной расы способенъ былъ выполнить съ такимъ успѣхомъ эту цивилизаторскую миссію.

Арабы явились въ Европу въ то время, когда она прозябала во мракѣ невѣжества. Курны избы покрывали западныя, нынѣ наиболѣе просвѣщенныя страны Европы. Европеецъ жилъ въ грязи, не зналъ бѣлья, былъ дикъ и суевѣренъ. Уже при первыхъ калифахъ изъ дома Абдерахмановъ, столица ихъ Кордова заселилась миллиономъ народа въ нарядныхъ, правильно, въ линію вытянутыхъ домахъ. Улицы ея освѣщались фонарями <sup>1)</sup> и были вымощены красивыми камнями. Арабы построили въ немъ университетъ, пріобрѣтшій, если не всемірную, тѣмъ не менѣе широкую славу; двери его были открыты для всѣхъ вѣроисповѣданій; а знанія освѣщались такимъ философскимъ свѣтомъ, что христіанскіе проповѣдники, окончившіе въ немъ образованіе, признавались немедленно по выходѣ изъ университета достойными епископскихъ кафедръ <sup>2)</sup>. Библіотека города была столь обширна, что одни каталоги хранимыхъ въ ней книгъ составляли 40 томовъ. Оттуда, какъ изъ центра просвѣщенія, перешли въ Европу утонченныя нравы, роскошь, рыцарская вѣжливость, наклонность къ изяществу, а вмѣстѣ съ тѣмъ потребность въ комфорту, чистотѣ и другимъ удобствамъ жизни. Словомъ, научили они ее жить и думать по-маврѣтански...

Но еще сильнѣе вліяніе оказали арабы въ сферѣ научныхъ знаній. Отъ нихъ приняла Европа арабскія цифры, логарифмы,

<sup>1)</sup> Только чрезъ 700 лѣтъ, говоритъ Дренеръ, появился первый фонарь на улицахъ Лондона.

<sup>2)</sup> Папа Сильверъ II (Гербертъ).

алгебру, основы геодезии и других точных и прикладных наук, которые дали сильный толчок къ развитію впоследствии тѣхъ реальныхъ знаній и техническихъ усовершенствованій, которыми отличаются наши послѣдніе дни. Достаточно выкинуть въ научные и житейскіе терминны, которые вошли отъ арабовъ въ западные нарѣчія, чтобы убѣдиться въ силѣ и благотворности вліянія этихъ даровитыхъ семитовъ мусульманъ на развитіе нашей жизни и научныхъ знаній <sup>1)</sup>. Еслибы католичество не разбило арабской цивилизаціи, то, можетъ быть, Европа тремя-четырьмя столѣтіями ранѣе приобрѣла тѣ свѣдѣнія и тотъ уровень цивилизаціи, которые по справедливости составляютъ гордость нашего времени.

Замкнутость домашней жизни мусульманъ вредила развитію просвѣщенія едва ли не меньше самого корана.

Женщина служила всегда стимуломъ для развитія эстетическихъ началъ. Любимое существо, вызывая участіе къ своей слабости, она вмѣстѣ съ тѣмъ заставляла заботиться объ устройствѣ въ домѣ удобнаго для жизни уголка; отъ котораго не далеко переходъ и къ роскоши. Роскошь въ свою очередь есть вѣрный предвѣстникъ стремленія къ развитію изящныхъ искусствъ.

Мусульманскій міръ, не смотря на замкнутую жизнь женщины, не только не отрицалъ ея вліянія, напротивъ, по словамъ нѣкоторыхъ историковъ, мавританка Испаніи въ этомъ отношеніи опередила своихъ подругъ другихъ расъ и религій. Магометане внесли въ Испанію всю роскошь и расточительность Азіи. Ихъ жилища или стройно высились къ голубому небу, или таились въ глубинѣ рощъ. Мраморные полированные балконы висѣли надъ померанцовыми садами; на дворахъ были каскады воды. Садоводы-художники старались не только доставить наслажденіе для глазъ пріятнымъ сочетаніемъ цвѣтовъ растений, но гордились также умѣньемъ удовлетворять и чувству обонянія изученнымъ соотношеніемъ цвѣтовъ по запаху.

Въ комнатахъ султаншъ группы нѣжныхъ тоненькихъ колоннъ возводились изъ верде-антиго съ инкрустаціями изъ лапис-лазули. Мебель строилась изъ сандалнаго и лимоннаго дерева, инкрустнаго перламутромъ, серебромъ или украшеннаго рельефомъ изъ золота и малахита. Вазы изъ горнаго хрусталя и китайскаго фарфора и мозаичные столы разставлялись по ком-

<sup>1)</sup> Каратъ, chemise, coton, алхимія, элекспиръ, цифра, адмиралъ, алгебра, алгебра.

натѣ въ изящномъ безпорядкѣ. Мавританскія женщины такъ любили свѣтлые цвѣта, блескъ хризолитовъ, гіацинтовъ, изумрудовъ и сапфировъ, что внутренность тѣхъ публичныхъ зданий, куда имъ позволено было приходить, находила на цвѣтущій весенній лугъ, вспрыснутый дождемъ.

Арабы произвели знаменитую породу андалузской лошади; гордились развитіемъ высшаго искусства верховой ѣзды. Карусели и турниры сдѣлались ихъ благороднымъ увеселеніемъ.

Утонченное общество Кордовы отличалось изяществомъ обращенія и пріятностью въ своей публичной и частной жизни. Веселая эта зараза перешла отъ прелестныхъ «невѣрныхъ» женщинъ къ ихъ сестрамъ по ту сторону горъ — югъ Франціи наполнился очарованіемъ женской прелести и танцами подъ звуки лютни и мандолины. Даже въ Италіи и Сициліи любовная пѣсня сдѣлалась любимой формой литературы; отъ этихъ началъ развилась новѣйшая изящная литература Европы и создала въ свою очередь труверовъ, трубадуровъ и миннезэнгеровъ, которые служили въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій лучшимъ украшеніемъ жизни въ замкахъ владѣтельныхъ лицъ западной Европы.

Имъ же, арабамъ, обязанъ былъ европейскій рыцарь своими понятіями о чести, прямодушіи, вѣжливости и великодушіи, составлявшими когда-то основы нравственного кодекса всего европейскаго дворянства. Лучшій типъ рыцаря создалъ мусульманскій міръ въ лицѣ Саладина, великодушнаго соперника Ричарда Львиное-Сердце.

Остается теперь рассмотреть, насколько могло повліять племенное происхожденіе турокъ на застой ихъ цивилизаціи.

Жизнь народовъ послѣднихъ десятилѣтій доказала, что всѣ они одарены большею или меньшею способностью воспроизводить и развивать дары цивилизаціи: оказалось, что негръ Сѣвероамериканскихъ штатовъ такъ же склоненъ цѣнить, лелѣять и преслѣдовать высоко-нравственные и эстетическіе идеалы, какъ и даровитый европеецъ. Угрюмый финнъ создалъ на двухъ противоположныхъ концахъ Европы — въ горахъ холодной Финляндіи и на равнинахъ озаренной солнцемъ Венгріи — самобытную и прочную культуру. Новоокрещенный калмыкъ задонскихъ степей, судя по опытамъ атамана Войска Донскаго въ 1846 году, оказался способнымъ дѣлать еще болѣе быстрые успѣхи на научно-нравственномъ поприщѣ, чѣмъ его шешольные товарищи великороссы, завѣдомо наиболѣе даровитые люди изъ всего славянскаго міра.

Буряты, не безъ пользы для науки, стали нынѣ посѣщать университеты, и самые турки появились въ Европѣ съ явными признаками культурныхъ способностей. Представитель ихъ, Магомедъ II, гордый покоритель Константинополя, какъ говорятъ, былъ очень образованный человѣкъ и умѣлъ говорить на пяти языкахъ. Онъ хорошо зналъ математическія науки, особенно въ ихъ практическомъ примѣненіи къ инженерному искусству; былъ почитателемъ ваяющихъ искусствъ и расточительно щедръ къ итальянскимъ живописцамъ; но говорятъ... въ часы отдыха нерѣдко смѣялся надъ религіей своей страны, какъ надъ обманомъ. Впрочемъ, въ то время между послѣдователями пророка въ Малой-Азіи, какъ и въ Испаніи, было много свободномыслящихъ людей, которые тѣмъ не менѣе покойно уживались среди ярыхъ поклонниковъ корана.

По всей вѣроятности, вся единокровная и ему подвластная масса побѣдителей пошла бы тѣмъ же путемъ прогресса, еслибы преемники Магомеда II не стали руководствоваться исключительно одними эгоистическими побужденіями — расширять свое могущество завоеваніемъ сосѣднихъ царствъ, не задаваясь при томъ мыслью о цѣли этихъ завоеваній, не справляясь, полезны ли онѣ для нихъ въ политическомъ или экономическомъ отношеніи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что чѣмъ дальше расширяются предѣлы государства, тѣмъ создается больше точекъ соприкосновенія съ сосѣдними, всегда враждебными къ этимъ завоеваніямъ народами, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширеніе предѣловъ размножаетъ случаи къ непріязненнымъ столкновеніямъ и кровавымъ войнамъ. Въ тоже время, управленіе государствомъ дѣлается крайне затруднительнымъ, если не невозможнымъ; требуютъ большого числа органовъ власти, сильнѣйшаго надъ ними и жизнью возбужденнаго народа надзора, большого числа войскъ для охраны границъ и веденія войнъ, вызываемыхъ обстоятельствами; такъ что кажущееся могущество въ сущности ведетъ иногда скорѣе къ обѣднѣнію и ослабленію государства, чѣмъ къ развитію его внутреннихъ силъ и благосостоянію.

Завоевывая народы, не связанные съ ними ни геніемъ духа, ни вѣрою, ни происхожденіемъ, турки тогда только могли бы пользоваться спокойно плодами своихъ завоеваній, еслибы, подобно арабамъ, могли ослѣпить глаза и увлечь сердца покоренныхъ ими народовъ величіемъ и силою своихъ человѣческихъ стремленій; еслибы, подобно арабамъ, высоко подняли надъ ними хоругвь просвѣщенія и, не справляясь о томъ, кто какому



свѣтому молится и какимъ языкомъ читаетъ молитвы, призвали бы всѣхъ ихъ въ выполненію дѣла цивилизаціи; словомъ, заставили бы ихъ гордиться именемъ ихъ государства, — тогда, и только тогда, могли бы слиться всѣ покоренные ими народы въ одно прочное органическое тѣло. Турки же, наоборотъ, держались иной системы: большую часть времени своего политическаго существованія они потратили на завоеваніе и озлобленіе своихъ сосѣдей; другую, также значительную часть, на уничтоженіе силою меча вѣрованій и народностей покоренныхъ царствъ, т.-е. занялись исключительно ихъ угнетеніемъ и истребленіемъ, истощая на веденіе кровавыхъ войнъ свои богатства и лучшія жизненные силы. Когда же подъ конецъ ихъ политическаго существованія отъ вѣдѣствія цивилизаціи улегся обуревавшій ихъ когда-то религіозный фанатизмъ, и смягчились нравы, то на повѣрку оказалось, что нація не выработала въ себѣ никакихъ высокихъ идеаловъ, политическихъ и общественныхъ, могущихъ назваться конечною цѣлью ихъ существованія, каковой, напр., выработаны были для извѣстнаго числа поколѣній гениальною дѣятельностью Петра Великаго. Поэтому туркамъ оставалось только одно — всецѣло погрузиться въ ту среду, которую открывала передъ ними непосредственная жизнь — въ среду семейную, правда, не лишенную въ извѣстной долѣ тихой радости, тѣмъ не менѣе узкую и прованческую. Изъ этой среды добровольно не могли его вызвать никакія патріотическія пропаганды <sup>1)</sup>.

Хотя въ послѣднюю войну улемы носились со своимъ священнымъ знаменемъ, какъ съ писаною торбою, по всѣмъ угламъ имперіи, но мужественной энергіи не пробудили. Стоя въ рядахъ защитниковъ отечества, турокъ, какъ показалъ опытъ послѣдней войны, только и мечтали добраться поскорѣе до тѣнистой своей усадьбы, чтобы вновь завалиться въ ней на мягкихъ своихъ тюфачкахъ, отдохнуть на нихъ отъ боевыхъ трудовъ и тревоженій. Словомъ, Турція повредило ее *прошлое, прожитое подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма*, и больше правительство, чѣмъ самъ народъ.

Заканчивая эту статью, невольно задаешься вопросомъ, не повинны-ли и мы, русскіе, въ угнетеніи покоренныхъ нами народовъ, почти по всей окраинѣ, обрамляющей Россію.

Если подъ гнетомъ реальной необходимости и другихъ условий, вытекающихъ изъ самого хода нашего историческаго раз-

<sup>1)</sup> Здѣсь говорится только о европейскихъ туркахъ.

вѣтѣ, и пришлось намъ расширить общую площадь государства даѣе желательныхъ предѣловъ, — примкнуть къ естественнымъ границамъ, — тѣмъ не менѣе мы можемъ съ гордостью сказать, что далеки не только отъ притѣсненій, но и самой эксплуатаціи покоренныхъ нами народовъ, какой, напр., подвергается Индія со стороны англичанъ. Мы отдаемъ имъ болѣе того, что отъ нихъ выручаемъ, помогаемъ, насколько позволяетъ политическая мудрость, развиваться ихъ жизни въ духѣ ихъ національности, и безъ колебанія прибѣгаемъ съ широкою помощью, если невзгоды потрясаютъ ихъ благосостояніе. Житель окраины жертвуетъ несравненно меньше на нужды нашего государства, чѣмъ коренные его жители, и только этими благодушными отношеніями объясняется та быстрота, съ какою произошла ассимиляція покоренныхъ нами инородцевъ на всемъ широкомъ пространствѣ нашей восточной полосы, начиная отъ Урала и оканчивая чуть не у стѣнъ Москвы.

Нужно ли повторять, что подобные успѣхи въ переработкѣ чуждыхъ намъ по духу и крови элементовъ по русскому шаблону, мы обязаны не какой-либо могучей политической лабораторіи, а единственно русскому благодушію, если оно въ должной мѣрѣ предохраняется, отъ тлетворнаго вліянія чиновничьяго эгоизма.

Отъ этихъ общихъ мѣстъ перейдемъ къ частностямъ — опишемъ бытъ славистрійскихъ турокъ и ихъ вліяніе на жизнь братушекъ.

И. Андріановъ.



---

## ИЗЪ ПѢСЕНЪ ГЕЙНРИХА ГЕЙНЕ.

### I.

#### ОТЧАЯНІЕ.

Какъ молнія среди ненастья  
Мракъ пропасти освѣтитъ вдругъ —  
Такъ и письмо твое, мой другъ,  
Раскрыло мнѣ мое несчастье!..

И ты прониклась состраданьемъ, —  
Хоть для меня все время ты  
Была лишь чудной красоты  
Безмолвнымъ, хладнымъ изваяньемъ!..

О Боже, жалокъ мой удѣлъ:  
И у нея нашлось мнѣ слово,  
Вѣдь плакать обо мнѣ ей ново —  
Меня и камень пожалѣлъ!..

Какъ страшно то, что я прозрѣлъ!..  
О Боже, сжапись надъ несчастнымъ —  
Поддай покой мнѣ и ужаснымъ  
Страданьямъ положи предѣлъ!..

---

II.

ОТЧЕГО?..

Расскажи мнѣ, любовь моя бѣдная,  
 Отчего поблѣднѣли всѣ розы  
 И фіалка молчить безпривѣтная?..  
 Отчего въ пѣсняхъ птицъ — точно слезы,  
 Въ бальзаминѣ — лишь запахъ могилы?..  
 Отчего даже солнце не грѣетъ,  
 И земля, истощивъ свои силы,  
 Такъ пустынно-мертво холодѣетъ?..  
 Отчего же и самъ я такъ боленъ,  
 Такъ болить мое сердце унылое?..  
 Ахъ, за что я судьбой обездоленъ,  
 Что меня ты покинула, милая?..

III.

Несчастлива ты — и я роптать не въ силахъ,  
 Удѣлъ нашъ — одинаково страдать...  
 Пока лишь кровь струится въ нашихъ жилахъ,  
 Удѣлъ нашъ — одинаково страдать...

Пусть грудь твоя къ свободѣ гордо рвется  
 И смѣлый взглядъ, насмѣшкой заблестя,  
 По временамъ отвагой вдругъ зажжется —  
 А все же ты страдаешь, какъ и я.

Порой твой взоръ слезою омрачится, —  
 Тогда въ глазахъ насмѣшекъ не блистать  
 И въ той груди страданью не укрыться,  
 Удѣлъ нашъ — одинаково страдать.

Владимиръ Орловъ.



---

# ТАБОРИТЫ

И

ИХЪ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЕ ИДЕАЛЫ \*).

---

## IV.

Умственная и нравственная фizioномія таборитства не будетъ достаточно очерчена, если мы не упомянемъ о сектахъ, входившихъ въ составъ его. Правда, число приверженцевъ этихъ сектъ не велико въ сравненіи съ главнымъ ядромъ таборитства. Но такъ какъ онѣ представляютъ собою только логическое развитіе главныхъ идей Табора, то, слѣдовательно, весьма важны для характеристики послѣднихъ. Какъ табориты были самымъ полнымъ выраженіемъ гусситства, его наиболѣе послѣдовательнымъ и вмѣстѣ самымъ національнымъ развитіемъ <sup>1)</sup>, такъ и секты, о которыхъ мы сейчасъ поведемъ рѣчь, были въ свою очередь еще послѣдовательнѣе таборитовъ въ желаніи уничтожить «беззаконіа», и служить, слѣдовательно, самымъ полнымъ выраженіемъ таборскаго ученія. Какъ все человѣческое относительно, такъ и крайность таборитства оказалась умѣренной относительно нѣкоторыхъ еще болѣе крайнихъ сектъ. Но руководящіе принципы, какъ мы уже сказали, одни и тѣ же у главнаго ствола и у боковыхъ отрѣсковъ его: они взрождены одними и тѣми же соками, на одной и той же почвѣ и подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же условій окружающей обстановки. Одинъ и тотъ же неутомонный

---

\*) См. выше: августъ, 579 стр.

<sup>1)</sup> Исторія слав. лит. II, 860.

духъ исканія абсолютной истины довелъ таборитовъ до ихъ крайностей, и до еще большихъ крайностей адамитовъ, хилиастовъ и др. Все это продукты одного и того же душевнаго настроенія. И вотъ почему крайнія секты такъ характерны для уясненія общаго духа всего таборитства.

На крайнихъ сектахъ еще потому слѣдуетъ остановиться, что понятіе о «чистомъ» такъ-сказать таборитствѣ не совсѣмъ ясно. «До насъ уцѣлѣли только немногія сочиненія таборитовъ, отъ другихъ остались случайные отрывки, такъ что трудно составить себѣ полное понятіе объ этомъ настроеніи умовъ. Можно однако навѣрное сказать, что, какъ всегда бываетъ съ народными движеніями, отвергающими авторитетъ, въ кругу таборитовъ не было одной господствующей системы; напротивъ, мнѣнія религіозныя и общественныя были крайне разнообразны: каждый, кто былъ способенъ, дѣлался пропагандистомъ ученія, которое считалъ истиннымъ; столкновленіе понятій развивало ихъ все дальше, такъ что составилось наконецъ удивительное сплетеніе мнѣній, шедшихъ отъ умѣреннаго таборитства, признававшаго первобытвое христіанство, до хилиазма, ждавшаго преставленія свѣта, и адамитства, вводившаго пантеизмъ въ религію и крайній коммунизмъ въ жизни» <sup>1)</sup>. Эней Сильвій, посѣтившій Таборъ въ пятидесятыхъ годахъ XV-го столѣтія, т.-е. тогда, когда могущество и яркость духа его почти исчезли, былъ тѣмъ не менѣе пораженъ обиліемъ господствовавшихъ въ немъ религіозныхъ мнѣній. «Всякія еретичества, какія только бывали въ христіанствѣ,—говоритъ онъ,—все это собралось на Таборѣ, и каждому тамъ вольно вѣрить тому, что ему нравится».

Будущему папѣ римскому такое положеніе дѣлъ, конечно, кажется ужаснымъ. Но «крайніе» табориты при всемъ своемъ «днемъ фанатизмъ», столь расписанномъ разными солидными историками, всегда были сторонниками самой полной вѣротерпимости, и за исключеніемъ невозможныхъ адамитовъ, истребленныхъ Жижкою, свободные по природѣ своей человѣческой умъ и человѣческое сердце пользовались на Таборѣ полною свободою и въ дѣйствительности. Очень любопытно, что терпимость къ чуждымъ мнѣніямъ росла по мѣрѣ «крайности» послѣдователей Гуса: всего толерантнѣе были крайніе табориты, которые даже къ еврейской религіи, этому предмету крайняго отвращенія въ средніе вѣка, относились съ уваженіемъ; менѣе терпимъ былъ лично «умѣренный» Жижка, а совсѣмъ «умѣренные» пражане

<sup>1)</sup> Тамъ же, стр. 861.

нерѣдко сжигали тѣхъ священниковъ, которые осмѣливались служить безъ орнатъ <sup>1)</sup>).

Остановимся теперь на наиболѣе любопытныхъ «еретическихкихъ» и безъ того еретическаго Табора. Замѣтимъ вкратцѣ, что католическіе писатели преднамѣренно не отдѣляютъ главнаго ядра таборитства отъ крайнихъ сектъ его и съ большимъ удовольствіемъ приписываютъ многотысячному движенію то, что было дѣломъ нѣсколькихъ сотенъ. Впрочемъ и то сказать: для католика XV-го вѣка былъ одинаково ужасенъ и умѣренный таборитъ, проповѣдывавшій социализмъ первыхъ временъ христіанства, и адамитъ, доводившій коммунизмъ до общности женъ; ему одинаково казался исчадіемъ ада относительно умѣренный Прокopfъ, считавшій поклоненіе иконамъ язычествомъ, и «пикардъ», отвергавшій божественность Іисуса Христа.

Ближе всѣхъ къ міросозерцанію большинства таборитовъ подходили хилиасты,—тѣ, которые проповѣдывали о послѣднихъ дняхъ (*consummatio seculi*). «Мноѡ о концѣ міра, появившійся уже въ первые вѣка христіанства, въ бурныя времена гусситства снова ожилъ. Люди съ разгоряченной фантазіею уже слышали о битвахъ, знали, что скоро возстанетъ народъ на народъ и царство противъ царства; они уже несли на себѣ ненависть за свою вѣру и видѣли мерзость запустѣнія на мѣстѣхъ святѣхъ, предсказанную Данииломъ; появились «ложные пророки» (такъ взаимно корили другъ друга проповѣдники враждебныхъ сторонъ); послѣ этого естественно казалось ожидать, что явится по сказанію и «Сынъ человѣческій» въ своемъ могуществѣ и славѣ» <sup>2)</sup>. Хилиасты «говорили, что всѣ должны быть братья между собою, что не должно быть господъ, что никто не долженъ быть подданъ другому; также говорили они, что настанетъ такая любовь въ людяхъ, что всякое имущество у нихъ будетъ общее, а также жены: ибо всѣ будутъ свободныя сыны божьи и дщери божіи и не будетъ отдаванія только другъ другу двухъ особъ» <sup>3)</sup>).

Что касается другихъ таборскихъ ересей, большое число которыхъ такъ поразило Энея Сильвія, то всѣ онѣ извѣстны у хронистовъ того времени подъ именемъ «пикардовъ», что есть испорченное «бегардъ». Такъ называлась одна нидерландская рационалистическая секта, нѣсколько сотъ приверженцевъ которой, прослышавъ о религіозномъ движеніи въ Чехіи, отправи-

<sup>1)</sup> Krummel, стр. 52.

<sup>2)</sup> Ист. слав. лит. II, стр. 863.

<sup>3)</sup> Палацкій, 2-е чешское изд. D. III. C. II. Стр. 9.

лись туда и «заразили» своимъ ученіемъ многихъ гусситовъ <sup>1)</sup>. Такъ имъ Лаврентій приписываетъ символическое пониманіе причащенія, усвоенное таборитами. Бегарды, угрожаемые «умѣренными» пражанами, скоро удалились изъ Чехіи, «но сѣмя ихъ осталось» тамъ <sup>2)</sup>. И вотъ отъ нихъ-то всѣ крайніе сектанты Табора получили общее названіе «пикардовъ», хотя они распались на нѣсколько толковъ, извѣстныхъ подъ именемъ адамитовъ, николаитовъ, вальденсовъ и др.

Подъ заглавіемъ «Articuli de Picardis» читаемъ у Лаврентія: «Они называютъ папу главою еретиковъ; также утверждаютъ они, что папа, кардиналы и епископы не имѣютъ больше авторитета, чѣмъ самый простой священникъ. Также, что не должно быть ни церквей, ни алтарей, ни освященныхъ кладбищъ, ни купелей, ни какихъ-либо украшеній. Разукрашенные храмы не нужны; они ничто иное, какъ воровскіе притоны. Также говорятъ они, что Богъ ненавидитъ тонзуры клириковъ; священническими плѣсами услано пекло. Также считаютъ они не нужнымъ всякаго рода монашество. Также не вѣрятъ они въ таинство рукоположенія (confirmationis). Пѣніе клириковъ и чтеніе каноническихъ часовъ называютъ собачьимъ лаемъ и говорятъ, что не должно быть никакихъ молитвъ, кромѣ: «Огче нашъ». Также говорятъ, что не слѣдуетъ молиться Святой Дѣвѣ Маріи и другимъ святымъ, ибо тѣ поглощены небесными радостями и не знаютъ, что здѣсь дѣлается съ нами, слѣдовательно, не интересуются оказываемымъ имъ почитаніемъ. Также не держатъ они никакихъ праздниковъ, не празднуютъ они ни воскресенья, ни дня Богородицына, ибо, говорятъ они, чѣмъ больше праздниковъ, тѣмъ больше грѣшится въ тайныхъ и частныхъ мѣстахъ. Ни въ какихъ святыхъ они не вѣрятъ: ни въ св. Николая, ни въ Григорія, ни въ Августина, ни въ Амвросія, ни въ Вячеслава, ни въ Іеронима и т. д., точно также и въ святыхъ дѣвъ не вѣрують и мощамъ ихъ не поклоняются. Также говорятъ они, что всѣ христіане—язычники, такъ какъ имѣютъ изображенія святыхъ и распатія. Знакъ креста они не признаютъ, говоря, что не слѣдуетъ почитать крестъ, на которомъ висѣлъ Христосъ. Крестъ это висѣлица, на которой вѣшали разбойниковъ; точно также не почитаютъ они ни терновой короны, ни копыя, ни плащаницы; все это выдумано священниками, чтобы нажитья. Точно также, говорятъ они, что процессія тѣла Христова есть одна только

<sup>1)</sup> Laurentius, стр. 414.

<sup>2)</sup> Тамъ же.



глупость; дароносицу съ тѣломъ Христовымъ называютъ мотылькомъ, нетопыремъ, великой эфесской Діаной, Вааломъ, идоломъ» <sup>1)</sup>

Вѣроученія другихъ «пикардскихъ» толковъ, изложенныя къ тому же у хронистовъ крайне несистематично, ничего особенно любопытнаго собою не представляютъ. Въ общихъ чертахъ они исповѣдывали то, что только было приведено. Огличались они другъ отъ друга только большимъ или меньшимъ приближеніемъ къ библейской простотѣ: такъ одни въ зеленый четвергъ съѣдали агненка, разрѣзаннаго на 13 частей. Несъѣденное они сжигали, ибо въ книгѣ Исхода сказано: и будете вы ѣсть агнца, но такъ, чтобы къ утру ничего не осталось отъ него, а что останется, то сожгите. Затѣмъ они мыли другъ другу ноги, благословляли прѣсный хлѣбъ и много еще другихъ библейскихъ обрядовъ совершали <sup>2)</sup>.

Мы уже замѣтили выше, что свѣдѣнія о «пикардахъ» сильно перепутаны у хронистовъ, такъ что трудно составить себѣ о нихъ вполне отчетливое представленіе. Эти свѣдѣнія кромѣ того отличаются большой неполнотою. Такъ, напр., весьма мало извѣстно о тѣхъ «пикардахъ», которые въ срединѣ XV-го столѣтія обходили Чехію, отрицая божественность Іисуса Христа. Больше свѣдѣній сохранилось о такъ-называемыхъ «адамитахъ».

«Исходя изъ пантеистическихъ началъ, можетъ быть, наслѣдованныхъ отъ какой-нибудь средневѣковой ереси, они утверждали, что нѣтъ ни дьявола, ни Бога, что они есть только въ добрыхъ и злыхъ людяхъ; находя святой духъ въ самихъ себѣ, они отвергали всякія книги и заповѣди; все имѣніе у нихъ было общее, бракъ они считали грѣхомъ,—нѣкоторые пробовали даже ходить нагими, предполагая въ себѣ райскую невинность; у нихъ принято было, наконецъ, извѣстное и нашему расколу божественное олицетвореніе, потому что какого-то Петра называли они сыномъ Божиимъ, а одного селянина Микулаша (т.-е. Николая, оттого и вся секта называется также «николаитами») Моисеемъ... Этотъ образчикъ коммунизма нашелъ врага въ Жижиѣ, который и истребилъ ихъ небольшую общину въ 1421 г.» <sup>3)</sup> Жижка именно всѣхъ ихъ сжегъ, въ томъ числѣ и теоретика секты, молодого священника Мартинка Гоуску, носящаго также имя Локвиса (отъ лат. loquor) за свое краснорѣчіе. Предъ смертію, адамиты, по приглашенію Жижки, изложили свое вѣроученіе,

<sup>1)</sup> Тамъ же, стр. 503—505.

<sup>2)</sup> Laurentius, стр. 506.

<sup>3)</sup> Ист. слав. лит. II, стр. 864.

которое и было тогда записано и цѣликомъ приведено у Лаврентія. Читатель, вѣроятно, не посѣтуетъ на насъ, если и мы приведемъ все «сгедо» второй любопытнѣйшей изъ таборитскихъ сектъ.

«Во-первыхъ (они сказали), что были научены священникомъ Мартинкомъ Локвисомъ къ ложному взгляду на принатіе крови и тѣла Господа нашего Иисуса Христа; они стали называть тѣломъ божіимъ обыкновенный хлѣбъ и вообще всякую пищу. У нихъ нѣтъ книгъ, о которыхъ они не заботятся, потому что, говорятъ они, законы божіи начертаны въ ихъ сердцахъ. Когда они пьютъ, то произносятъ «отче нашъ» такимъ образомъ: «отче нашъ, иже еси *изъ насъ*, да просвѣти насъ и т. д.

«Item, они не имѣютъ вѣры (опредѣленной); нашу же вѣру считаютъ ложной.

«Item, они не знаютъ праздниковъ, всѣ дни у нихъ равны между собою: седьмой день они называютъ просто седьмымъ подраздѣленіемъ.

«Item, они не признаютъ постовъ, но жрутъ во всякое время.

«Item, небо они называютъ крышей надъ людьми, а Богъ, говорятъ они, живетъ не на небѣ, но въ добрыхъ людяхъ; черти не въ пеклѣ, а въ злыхъ людяхъ.

«Item, они утверждаютъ, что церковь святая уже исправлена (или) и что (потому) они будутъ тутъ жить вѣчно.

«Item, нѣкоего Петра они называли Иисусомъ Сыномъ Божіимъ, а нѣкоего Николая — Моисеемъ, считая его главою и руководителемъ цѣлаго міра.

«Item, называли они Иисуса Христа своимъ братомъ, которому, однако, нельзя довѣрять, такъ какъ онъ умеръ: Святой же Духъ, говорятъ они, никогда не умираетъ, а Сынъ Божій долженъ былъ произойти отъ Святого Духа.

«Item, въ основѣ своего ученія они вляли распутство, такъ какъ въ писаніи сказано: распутники и непотребныя женщины скорѣе войдутъ въ царствіе небесное. Поэтому они не хотѣли принимать въ свой союзъ того, кто не былъ распутнымъ или распутной; даже маленькая дѣвочка, поступая къ нимъ, должна была быть обезвѣщена и затѣмъ совершать съ ними непотребства. Согласно своему закону они жили такимъ образомъ: всѣ мужчины и женщины раздѣвались, потомъ нагіе танцовали вокругъ огня, распѣвая пѣсни о десяти заповѣдяхъ божіихъ; затѣмъ, остановившись у огня, они смотрѣли другъ на друга и ...всякій мужчина съѣвшилъ грѣшитель съ какою-нибудь женщиной, и всякая женщина съѣвшила грѣшитель съ какою-нибудь мужчиной. Распаливъ свои содомскія похоти и разжегши въ себѣ

страсть, что они называли исполнять волю Божью, они творили діавольское и затѣмъ купались въ рѣкѣ...

«Item, объ нихъ рассказывали, что они раскапывали могилы святыхъ.

«Item, говорили они, что наступило время пришествія седьмого ангела, обѣщанное въ Откровеніи святого Іоанна, когда кровь прольется по всей землѣ по голову лошади; коса уже занесена надъ всей вселенной, говорили они, а себя называли ангелами божьими, ниспосланными отомстить міру и изгнать всякое зло изъ царства божія. Они никого не щадили, а убивали мужчинъ, женщинъ и дѣтей, никого не щади; по ночамъ они предавали огню города и села, а также людей, приводя при этомъ слова Писанія: о полночь раздался крикъ, и т. д.

«Item, они днемъ предавались убійству, а по ночамъ — потребности.

«Item, называли они свои убійства и злодѣйства священнымъ дѣломъ, но (истинный) законъ Господень проклинали.

«Item, называли они нашихъ священниковъ воплощеннымъ діаволомъ, и потому убили священника Іоанна.

«Item, называли они вкушеніе тѣла Христова хлѣбокормленіемъ.

«Item, одна женщина среди нихъ назвала себя Маріей и отдала свою голову за то, что провела одну ночь съ однимъ только мужчиной, за что они сами ее обезглавили.

«Item, говорили они своимъ единомышленникамъ, что всѣ неприятели, которые противъ нихъ выступятъ, ослѣпнутъ и не въ состояніи будутъ повредить имъ, если даже обрушатся всѣмъ своимъ могуществомъ.

«Item, они не боялись ни холода, ни жара, такъ какъ всюду рыскали голые, подобно тому какъ Адамъ и Ева ходили въ раю» <sup>1)</sup>).

Мы привели изъ Лаврентія все мѣсто, касающееся адамитовъ, такъ какъ это единственный первоисточникъ, дающій подробное описаніе этой удивительной секты. Но было бы большою ошибкой принимать тутъ все à la lettre. Во всѣ времена обо всѣхъ крайнихъ партіяхъ распускаются всякіе ужасы. Трудно допустить, чтобы люди, додумавшіеся до глубоко-философскаго рационализма, въ родѣ, напр. того, что діавола нѣтъ и что онъ существуетъ только въ злыхъ людяхъ и т. н., трудно допустить, чтобы такіе люди были просто развратники. Простые развратники не

<sup>1)</sup> Laurentius, стр. 500—501.

умираютъ такъ, какъ умерли адамиты, отправленные Жижкою на костеръ. А умерли они чрезвычайно мужественно, что засвидѣтельствовано самимъ Энеемъ Сильвіемъ: «радостно и распѣвая гимны, шли они на смерть и пламень огня терпѣливо снесли». Объ этомъ же рассказываютъ и другіе источники.

Что касается основателя секты Мартиня Ловвиса, то это одинъ изъ блестящихъ писателей своего времени. О нравственной же фizioноміи его намъ даютъ понятіе предсмертныя слова его: «я благодарю моего Бога,—писалъ онъ таборскимъ братьямъ, —что онъ освободилъ меня отъ заблужденій, и я весело ожидаю теперь смерти».

## V.

Для правильнаго пониманія всего вопроса важно разсмотрѣніе одной стороны таборитскаго движенія, о которой особенно любятъ распространяться всѣ враждебные Табору историки. Мы говоримъ о такъ-называемыхъ «гусситскихъ ужасахъ», всецѣло приписываемыхъ крайнимъ утравкистамъ, т.-е. таборитамъ. «Умѣренныя» пражане нѣсколько выгораживаютъ и не безъ основанія, такъ какъ весь тонъ гусситскимъ войнамъ давали именно табориты. Жижка, Прокопы, Николай Гусъ, Янъ изъ Желива, Коранда и другіе, все вообще, что выдавалось у утравкистовъ умомъ, талантомъ, энергіею, высокою нравственностью—все это пристало къ таборитамъ, и поэтому на скамью подсудимыхъ судъ исторіи долженъ, конечно, посадить ихъ. Они дѣатели, начинатели, они, слѣдовательно, и отвѣтственные люди.

Странно было бы отрицать тѣ безчисленные факты жестокости таборитовъ, которые наравнѣ съ общественными «кадами» даютъ такой неисчерпаемый матеріалъ для возможно-яркой рисовки зла, порожденнаго таборитскимъ движеніемъ. Но чтобы правильно судить объ этомъ предметѣ, не нужно забывать драгоценнаго правила, что все на свѣтѣ относительно. Безъ этого правила серьезному изслѣдованію нѣтъ возможности ориентироваться въ историческихъ явленіяхъ. Безъ этого правила сколько глупаго краснорѣчія можно потратить, негодуя на Сократа и Платона за то, что они не возставали противъ рабства, на Ласъ-Казаса, который, считая себя и дѣйствительно будучи чрезвычайно гуманнымъ человѣкомъ, подалъ роковой совѣтъ замѣнить рабовъ-индѣйцевъ рабами-неграми, на ту легендарную старушку, которая подложила дровъ на костеръ Гуса, на обычай кровавой мести, не испол-

нять которой, однако, считалось во время его господства крайне безнравственнымъ. Много можно было бы привести подобныхъ фактовъ, которые наглядно показываютъ, до какихъ нелѣпыхъ и безусловно неправильныхъ заключеній можно дойти, если забыть о принципѣ относительности въ историческихъ явленияхъ, о томъ, что нравственный складъ нашъ есть продуктъ наличныхъ условій даннаго мѣста и даннаго времени. Вотъ почему историки, негодующіе на таборитскія жестокости и усматривающіе въ нихъ *специально-таборитскую* черту, только тогда имѣли бы право негодовать, еслибы имъ удалось доказать, что противники ихъ были гуманнѣе.

Но негодующіе историки для подтвержденія своего негодованія кромѣ того иронически сопоставляютъ теоретическій идеализмъ Табора на тему о любви и о братствѣ и далеко не евангельскія дѣйствія таборитскаго войска. Однако и это обстоятельство не доказываетъ вовсе справедливости историковъ. Проповѣдую начала всеобщей любви, табориты ничуть не противорѣчили себѣ, расплачиваясь со своими противниками ихъ же оружіемъ. Что бы вы сказали про болгарина, который баши-базуку, вынимающему ножъ, чтобы его зарѣзать, прочелъ бы обстоятельную лекцію о христіанской морали и затѣмъ поворно подставилъ бы свою шею. Неужели вы рѣшились бы профанировать по отношенію къ такому человѣку благородное слово «идеалистъ»? Вы бы просто назвали его глупцомъ и были бы, конечно, совершенно правы. Дальше мы увидимъ, что когда прошла пора жестокихъ гоненій, когда табориты получили *извѣстную свободу мысли*, они стали образцомъ христіанской кротости. Но когда пришлось быть либо молотомъ, либо наковальней, когда о среднемъ пути, о самыхъ ничтожныхъ уступкахъ старой системы не могло быть рѣчи, табориты, конечно, предпочли восторжествовать средствами крайне для нихъ ненавистными, но за то приводившими къ желанной цѣли. Теоретически табориты были не только противъ войны, они отрицали даже смертную казнь. Но когда католики противъ самыхъ мирныхъ проявленій новаго движенія пустили въ ходъ весь запасъ средневѣковой жестокости, таборитамъ ничего другого не оставалось, какъ выбивать клинъ клиномъ, какъ убѣждать своихъ противниковъ единственнымъ образомъ, для нихъ доступнымъ.

Постараемся же показать, что только крайняя недобросовѣстность или полное неумѣніе правильно оцѣнить историческія явленія можетъ говорить о *специально-таборитской жестокости*. Да, табориты были иногда страшно жестоки, но во-первыхъ,

потому, что въѣкъ былъ жестокой, и во-вторыхъ, потому, что ихъ *заставили* быть жестокими. Починъ «ужасовъ» принадлежалъ *католикамъ*, и вся вина таборитовъ, если о таковой вообще можетъ идти рѣчь, состоитъ въ томъ, что они покорно не подставили какъ бараны свое горло подъ ножъ палача.

Набросаемъ же въ краткихъ чертахъ въ противоположность гуситскимъ «ужасамъ» картину католической «мягкости». Эта отвратительная картина покажетъ намъ, что у таборитовъ никакого выбора не было.

Еще тогда, когда проповѣдь Гуса только-что начинала проникать въ народъ, трое юношей-студентовъ, позволившихъ себѣ насмѣшки надъ духовенствомъ, были схвачены и казнены <sup>1)</sup> по постановленію клерикальнаго пражскаго магистрата. Это варварство не успокоило однакоже ревнителей церкви и они рвутъ, и мечутъ, требуя примѣрнаго наказанія всѣмъ слушателямъ Гуса. Въ ожиданіи же его представители католической интеллигенціи сочиняютъ анаэмы и сатиры на приверженцевъ Гуса, которыя своею грубостью превосходятъ все, до чего можетъ додуматься кабацкая фантазія. Высоко-образованная Анна изъ Мохова, за то что ходитъ на проповѣди Гуса, обливается такимъ потокомъ площадной брани, что мы даже не рѣшаемся приводить ее по латини <sup>2)</sup>. Уже по одной невѣроятной грубости этой брани можно предсказать ту мягкость, которую правая церковь обнаружитъ, когда ее на дѣлѣ захотятъ устранить изъ жизни высасываемыхъ ею народовъ.

Но вотъ прелюдія кончена. Разыгрывается первый актъ кровавой драмы. Густой дымъ поднимается съ костровъ невинно-замученнаго Гуса, безстыдно осужденнаго Іеронима. Съ жадностью вдыхаютъ ревнители благочестія запахъ сожженнаго еретическаго мяса. Аппетитъ ихъ разгорается, они приступаютъ къ своимъ властямъ съ рѣшительнымъ требованіемъ повторенія, тѣмъ болѣе, что безстыдные чеки продолжаютъ дѣло замученнаго учителя своего, собираются на шумные «таборы», гдѣ говорятъ о любви, о братствѣ, объ евангельской простотѣ, о равенствѣ и тому подобныхъ негнѣсныхъ вещахъ. Надо съ корнемъ вырвать все это нечестіе, надо дымомъ костровъ задушить безпокойно шепчущуюся критическую мысль. Гуситы слишкомъ ясно понимаютъ настроеніе своихъ враговъ и потому запасаются на всякій случай оружіемъ. Но они не дѣлаютъ изъ него никакого

<sup>1)</sup> Denis, 117.

<sup>2)</sup> Тамъ же, стр. 193.

употребленія и мирно продолжаютъ свои братскія сходбища. Тогда католики 10-го ноября 1419 года *первые дѣлають починъ жестокостей*, нападая на простолудиновъ, отправляющихся слушать проповѣдь евангельскаго равенства, избивая ихъ и забирая въ плѣнъ <sup>1)</sup>.

По теоріи Гёфлера и под., гусситами, конечно, слѣдовало поблагодарить католиковъ за обязательно преподанный урокъ. Но они поступили иначе. Бѣшенная ярость овладѣла ими, когда вѣсть о вѣроломномъ, ничѣмъ не вызванномъ избиеніи распространилась, и сила этой ярости была такова, что католики были сломлены въ нѣсколько часовъ. Прага очутилась въ рукахъ мѣтежниковъ. И что же однако? Эти люди нисколько ужасовъ себѣ не позволили и несмотря на свою побѣду заключили съ побѣжденными перемиріе на полгода. Перемиріе состояло въ томъ, что католики обязались не препятствовать гусситамъ собираться и по своему толковать проповѣдь великаго учителя.

Перемиріе продолжалось самое ничтожное количество времени: *его нарушили католики* <sup>2)</sup>. И нарушили съ такою звѣрскою жестокостію, что не отомстить за нее вдвойнѣ—значило бы обнаружить животное отупѣніе. Гусситы были истребляемы, гдѣ только представлялась возможность. Въ особенности отличились нѣмцы-рудокопы, населявшіе Кутную-Гору. Звѣрски схватили они гусситовъ, и не разбирая пола и возраста, предварительно измучивши ихъ всевозможными способами, съ ругательствами бросали въ шахты. Чтобы увеличить ужасъ этой страшной смерти, бросаніе въ бездну производилось въ темныя ночи. Больше всего было брошено гусситовъ въ шахту св. Мартина, и у палачей хватило столько душевной загрубѣлости, чтобы насмѣшливо переименовать эту шахту въ «Таборъ». Такимъ путемъ погибло до 1,600 *человѣкъ*. Эта ужасная цифра дѣлаетъ намъ понятнымъ, почему избиеніе на время прекращалось: убійцы уставали отъ разнѣровъ кровавой работы. Но откуда однакоже было взять кутногорцамъ такое огромное количество еретиковъ? Кутная-Гора была преимущественно населена благочестивыми нѣмцами и ересь не свила себѣ тамъ прочнаго гнѣзда.

Отвѣтъ невѣроятенъ, но тѣмъ не менѣе правдивъ и засвидѣтельствованъ многими хронистами: часть низвергаемыхъ въ шахты, кутногорцы ловили сами, а часть *покупали у соседей*

<sup>1)</sup> Krummel, стр. 23.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

и деньм, причемъ за простого гуссита платили по одной копѣ грошей, а за священника по пяти <sup>1)</sup>).

Много омерзительныхъ жестокостей, много чудовищныхъ звѣрствъ знаетъ исторія и исторія среднихъ вѣковъ въ особенности. Но то, что мы только-что рассказывали, принадлежитъ къ числу тѣхъ фактовъ, которыхъ, въ чести человечества, отыщешь всего нѣсколько на протяжении тысячелѣтій. Какъ одна изъ грандіознѣйшихъ эпохъ всемірной исторіи, гусситская должна была родиться изъ грандіозныхъ условій, и если къ звѣрству можетъ быть приложенъ эпитетъ грандіозный, то кутногорская бойня заслуживаетъ его безъ всякаго спора. Просто смѣшно говорить о жестокостяхъ таборитовъ при сопоставленіи съ нею. Дѣйствительно, табориты разрушали церкви и монастыри, сжигали до тла цѣлые города, избивали тысячи людей; но вѣдь все это дѣлалось въ пылу битвы, когда всякій человѣкъ, будь онъ самый кроткій, отъ вида крови и подъ вліяніемъ чувства самосохраненія, становится дикимъ звѣремъ. Когда осажденные католики обливали осаждающихъ таборитовъ кипящею смолою, то табориты дѣйствительно потомъ не оставляли камня на камнѣ и не давали никому пощады. Когда крестоносное ополченіе, по сознанію самихъ же католическихъ лѣтописцевъ, сотнями избивало таборитскихъ дѣтей, то табориты дѣйствительно оплачивали тою же монетою; наконецъ, когда черезъ годъ послѣ бросанія въ шахты табориты взяли Кутную-Гору, они не остались въ большемъ долгу у католиковъ. Это были печальные плоды страстной жажды мести, на половину бессознательныя дѣйствія напряженныхъ до послѣдней степени нервовъ, словомъ—проявленія ненормальнаго, невмѣняемаго состоянія. Но ничего подобнаго не было раньше у кутногорцевъ: имъ мстить было не за что; они не оборонялись, потому что никто на нихъ не нападалъ; они не были отуманены шумомъ битвы; они были вполне нормальны, такъ какъ даже находили въ себѣ достаточно веселаго настроенія, чтобы придумывать насмѣшливыя названія. Вся эта ужасная бойня производилась хладнокровно, ничѣмъ не вызванная и не заслуженная. Люди спокойно покупались для мученія и эта сторона кутногорской бойни, конечно, самая ужасная, и дѣлаетъ ее почти безпримѣрной среди разныхъ звѣрствъ, отмѣченныхъ исторіей. Покупать людей съ единственною цѣлью предать ихъ мучительнѣйшей смерти—до этого не доходилъ ни Неронъ, ни

<sup>1)</sup> См. обо всемъ этомъ у Лаврентія изъ Бржезова, стр. 346; также Martina Kuthena в *Saprynsperku, Chronica*, стр. 144; „*Chronicon Veteris Collegiati Pragensis*“, стр. 79.



Іоаннъ Грозный, ни другія печальныя знаменитости этого разряда. Когда въ 1520 году Христіанъ II, получившій эпитетъ «сѣвернаго Перона», велѣлъ схватить сто юношей, подозрѣваемыхъ въ заговоръ противъ него, и всѣмъ имъ приказалъ отрубить головы, то исторія отмѣтила эту казнь подъ именемъ «стокгольмской кровавой бани» и память о ней занесена въ элементарныя учебники. Какой же въ такомъ случаѣ эпитетъ остается на долю кутногорскаго звѣрства?

Еслибы кромѣ кутногорскаго избиенія католики больше уже ничего не предпринимали противъ гусситовъ, то и тогда всѣ таборитскіе «ужасы» были бы вполне понятны. Табориты слишкомъ наглядно убѣдились, какая участь ждетъ ихъ въ случаѣ пораженія, и единственное, что имъ оставалось дѣлать, это истреблять и истреблять своихъ противниковъ и уничтожать ихъ достоинствѣ.

Но католики не ограничились кутногорской бойней. За ней слѣдуетъ рядъ фактовъ, безъ сомнѣнія уступающихъ ей по своей жестокости, — какъ мы уже сказали, почти безпримѣрной въ исторіи; но все-таки они были достаточно ужасны, чтобы возбудить въ таборитахъ самую бѣшеную жажду мести.

Прежде всего гусситовъ должно было страшно озлобить поведеніе ихъ «законнаго» короля Сигизмунда, того самаго Сигизмунда, который такимъ безстыднымъ образомъ нарушилъ охранную грамоту, данную Гусу. Въ Чехіи, и главнымъ образомъ въ Прагѣ, была огромная партія, которая ограничилась бы самыми незначительными уступками и охотно вступила бы въ переговоры съ Сигизмундомъ; но въ этому не представлялось рѣшительно никакой возможности. Еще гусситы и табориты ничѣмъ себя не заявили, а уже король Сигизмундъ, вооружившись папской буллою, сзывалъ въ мартѣ 1420 года формальный крестовый походъ «для истребленія виклефитовъ, гусситовъ и другихъ еретиковъ», и съ этой цѣлью обложилъ сильной контрибуціей всѣ подвластныя ему города. Войско собралось огромное и гусситамъ предстояла неминуемая гибель. Воспоминанія объ альбгойцахъ, а для незнакомыхъ съ исторіей свѣжая память кутногорскаго покупанія людей для бросанія въ шахты не оставляли никакого сомнѣнія насчетъ будущей участи побѣжденных, тѣмъ болѣе, что самъ Сигизмундъ предъ началомъ похода постыжился показать, что онъ не потерпитъ ни малѣйшаго отступленія отъ послушанія церкви. Во время пребыванія его въ Бреславлѣ одинъ именитый пражскій купецъ, по имени Іоаннъ Кроза, прибывшій по своимъ дѣламъ въ столицу Силезіи, позволилъ себѣ говорить въ гостин-

ницѣ противъ осужденія Гуса. Немедленно былъ онъ схваченъ и по повелѣнію Сигизмунда сожженъ, причѣмъ на мѣсто казни былъ доставленъ привязанный къ хвосту лошади <sup>1)</sup>. Передъ самымъ отправленіемъ въ походъ, императоръ писалъ жителямъ Будвейса, что имѣетъ «твердое намѣреніе уничтожить и съ корнемъ вырвать нечестіе и очистить отъ него королевство». Вслѣдъ затѣмъ онъ приглашаетъ ихъ «схватывать всѣхъ гусситовъ, священниковъ или мірянъ, и наказывать смертью и лишеніемъ имущества всѣхъ, которые не откажутся отъ своихъ заблужденій» <sup>2)</sup>.

Огромно было войско, собранное Сигизмундомъ, и велика была радость благочестивыхъ сыновъ церкви. Не было никакого сомнѣнія, что еретики будутъ смяты при первомъ же столкновении. Однако, какъ мы уже знаемъ, не только ничего подобнаго не произошло, но королевскіе были даже обращены въ позорнѣйшее бѣгство. И притомъ не только при первомъ столкновении дѣла приняли такой странный оборотъ, но въ продолженіе цѣлыхъ четырнадцати лѣтъ они обстояли такимъ же образомъ. А между тѣмъ нужно же было крестоносцамъ на комъ-нибудь проявить свое благочестіе. И вотъ они его проявляютъ на тѣхъ, кто не былъ въ состояніи оказать имъ сопротивленіе. Для большей объективности будемъ рассказывать объ этихъ проявленіяхъ католической «мягкости», дающей католическимъ писателямъ право негодовать на «ужасы» таборитовъ, словами такихъ, кажется, непристрастныхъ къ таборитамъ людей, какъ Лаврентій изъ Бржезова и Эней Сильвій Пизьоломини, а изъ новѣйшихъ историковъ—какъ Круммель и Томекъ. Круммель, какъ уже извѣстно читателямъ, пасторъ, а Томекъ—искренній католикъ и одинъ изъ самыхъ благонамѣренныхъ и смиренныхъ профессоровъ пражскаго университета. Онъ славится своею невозмутимою объективностью, которую очень трудно отличить отъ деревянной безстрастности. Что касается Лаврентія изъ Бржезова, то онъ, правда, утравившій, но изъ такихъ умѣренныхъ, что самъ Гёфлеръ, при всей своей необузданной католической ярости, не рѣшается заподозрить справедливости его показаній <sup>3)</sup>. Что касается будущаго папы—Энея Сильвія, то уже его совсѣмъ трудно заподозрить въ желаніи преувеличивать жестокости католиковъ. И такъ, вотъ что мы узнаемъ у этихъ писателей о поведеніи крестоносцевъ.

У Томека,—въ его новѣйшемъ сочиненіи о Жижижѣ:

<sup>1)</sup> Krummel, стр. 28—29.

<sup>2)</sup> Palacky, Urkundliche Beiträge, стр. 237. (Denis, стр. 23).

<sup>3)</sup> Fontes.

«Нѣмцы, осаждавшіе Прагу, взбѣшенные неудачей, которую они потерпѣли, выместили свою досаду на безоружныхъ жителяхъ, населявшихъ окрестности Праги. На слѣдующій день они разсѣялись по деревнямъ и, захвативши много людей, большую частью женъ и дѣтей, приводили ихъ въ свой лагерь и тамъ бросали въ огонь» <sup>1)</sup>.

Въ 1421 г. католики Кутной-Горы составили заговоръ противъ завладѣвшихъ этимъ городомъ гусситовъ и измѣнически впустили королевскихъ. Заговорщики, неожиданно завладѣвши городомъ, принялись разрушать дома, искать противниковъ своихъ и избивать ихъ безъ разбора. Каждый, кто не зналъ пароля, условленнаго между приверженцами Сигизмунда, былъ предаваемъ смерти. Въ особенности неистовствовали противъ духовенства партіи подобоевъ. Одинъ священникъ, убѣжавшій въ церковь, былъ убитъ рукояткой плуга предъ самымъ алтаремъ и предъ святыми дарами; другіе, вмѣстѣ со многими простыми горожанами скрывшіеся въ башнѣ, были сброшены оттуда внизъ.

Въ томъ же году «королевское войско сжигало все безъ разбора, деревни, города и крѣпости, причемъ производило жестокости и безобразія главнымъ образомъ на женщинахъ и дѣтяхъ. Повѣствовать о нихъ противно человѣческимъ чувствамъ» <sup>2)</sup>.

Такимъ образомъ, самъ Томекъ не выдержалъ.

Возьмемъ у этого же безстрастнаго историка фактъ, показывающій, какъ жестоко платились табориты, когда имѣли наивность вступать въ переговоры съ королевскими и довѣрять имъ хоть сколько-нибудь.

Обруженный со всѣхъ сторонъ королевскими войсками, таборитскій священникъ Громадко видѣлъ, что ему и его небольшому отряду не справиться съ значительно превосходившимъ его неприятелемъ. Ему оставалось только одно: какъ можно дороже продать свою жизнь. Но королевскіе хорошо знали, что значить отчаянное мужество таборитовъ, знали, что не разъ многочисленныя полки стройныхъ, блестяще-вооруженныхъ рыцарей обращались въ самое беспорядочное бѣгство отъ натиска небольшихъ отрядовъ вооруженныхъ одними цѣпами крестьянъ. Вотъ почему они избрали мирный путь и обѣщали Громадкѣ свободный выходъ, если онъ сдастъ занятую имъ крѣпостцу Хотеборъ. Громадко и его воины повѣрили. И что же?

«Рыцари, вопреки данному слову, истребили весь отрядъ, со-

<sup>1)</sup> Jan Žižka, стр. 55.

<sup>2)</sup> Тамъ же, стр. 124, 126.

стоявшій въ 700 человекъ. Часть ихъ была сожжена, другая отведена на Кутную-Гору, гдѣ ихъ бросили въ шахты. Самого Громадка Янъ Местецкій отвезъ въ Хрудимъ и вмѣстѣ съ двумя другими взятыми въ плѣнъ священниками онъ былъ торжественно сожженъ на общественной площади».

Рассказавъ это неслыханное вѣроломство, Томекъ, всегда сурово относящійся къ жестокостямъ таборитовъ и всегда старающійся устранить отъ отвѣтственности за нихъ Жижику, прибавляетъ: «при взятіи Хомутова и Берауна воины таборитскіе знали о злой участи, постигшей ихъ братьевъ (въ Хотеборѣ) и безпощадная жестокость, съ которою они убивали и сжигали непріятелей своихъ въ этихъ городахъ, была отплатою, помѣшать которой Жижка и не могъ, а также, что всего вѣроятнѣе, и не хотѣлъ» <sup>1)</sup>.

И съ этими-то низкими предателями табориты должны были церемониться!

Перейдемъ къ Круммелю.

«Въ церковной и всеобщей исторіи такъ много говорится о «дикихъ» ордахъ таборитовъ и ихъ «ужасахъ», что можно подумать, будто въ сопоставленіи съ ними какъ католики, такъ и умѣренные утравкисты сравнительно вели себя гораздо человѣчнѣе и мягче. Что касается католиковъ, то относительно ихъ подобное сужденіе рѣшительно ни на чемъ не основывается. Кутногорскіе рудокопы, болѣею частью нѣмцы, въ 1419 и въ слѣдующихъ годахъ бросили многія тысячи беззащитныхъ гусситовъ въ свои шахты; католикъ и другъ Сигизмунда, Ульрихъ изъ Розенберга, хвастаетъ въ одномъ дошедшемъ до насъ письмѣ отъ 1426 года, что теперь, когда онъ не такъ силенъ, чтобы открыто нападать на гусситовъ, онъ ограничивается тѣмъ, что всякаго гуссита, котораго ему удастся тайкомъ захватить, топить или замучиваетъ до смерти. Во время пятого крестоваго похода на Богемію кардиналъ Юліанъ Цезарини (папскій уполномоченный) ничѣмъ не препятствовалъ, когда на его глазахъ *все наличное населеніе* завоеваннаго городка Брука и многихъ окрестныхъ деревень было изрублено безъ всякой пощады. А между тѣмъ въ этой мѣстности большинство жителей совсѣмъ и не пристало къ чашѣ» <sup>2)</sup>.

Послѣднее, т.-е. что крестоносцы при своихъ звѣрствахъ не давали себѣ даже труда разузнать, кто «правъ» и кто «виноватъ», было явленіемъ весьма частымъ и неоднократно повто-

<sup>1)</sup> Тамъ же, стр. 87.

<sup>2)</sup> Krummel, стр. 99.

рялось. Крестоносцы, очевидно, взяли себѣ въ примѣръ того папскаго легата, который, видя при осадѣ альбигойскаго города Безье, что крестоносные воины затрудняются, какъ отличить истинныхъ католиковъ отъ еретиковъ, сказалъ имъ: «бейте всѣхъ; на томъ свѣтѣ Господь отличить правовѣрныхъ». Во время перваго крестоваго похода Сигизмунда, слѣдовательно, когда страсти еще не были такъ сильно распалены, какъ впоследствии, многоплеменное ополченіе—подробный составъ его приведенъ уже нами выше—расположившись по одну сторону рѣки, у монастыря Св. Валентина, на время занялось тѣмъ, что на жителей противоположнаго берега «криками: га, га! гусь, гусь! еретикъ, еретикъ! какъ собаки лаяло. Если же, случайно, имъ попадался въ руки чехъ, они его безъ всякаго сожалѣнія сжигали, даже если онъ никогда и не принималъ причащенія подъ обоими видами» <sup>1)</sup>. Впоследствии дѣло дошло до того, что по свидѣтельству нѣмецкихъ хронистовъ того времени, всего меньше, конечно, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы выставить въ черномъ свѣтѣ поведеніе своихъ соплеменниковъ, «всякаго, кто не говорилъ по-нѣмецки или кто былъ похожъ на чеха, схватывали и добивали до смерти или сжигали» <sup>2)</sup>.

И съ такими-то извергами, табориты должны были быть кротки!

Переходя къ главному первоисточнику первыхъ лѣтъ гусситской эпохи — къ Лаврентію изъ Бржезова, мы встрѣчаемся съ такою массою фактовъ, свидѣтельствующихъ о варварской жестокости католиковъ, что для полнаго ознакомленія съ ними намъ пришлось бы переписать не меньше половины огромной хроники. Этихъ фактовъ такое безчисленное множество, что въ концѣ концовъ они сливаются въ одну кровавую картину. Вотъ въ такомъ-то городѣ крестоносцы избили все населеніе, не исключая и грудныхъ младенцевъ, а въ другомъ удовольствовались только тѣмъ, что схватили именитыхъ гражданъ, посадили ихъ сначала въ мѣсто, наполненное экскрементами, а потомъ «по приказанію короля Сигизмунда утопили въ рѣкѣ»; вотъ на Кутной-Горѣ, сверхъ извѣстной уже намъ цифры 1600 гусситовъ, брошено ихъ еще нѣсколько сотенъ въ шахты, чтобы отучить ихъ отъ еретичества; вотъ передъ нами исторія таборитскаго священника Венцеслава, отказавшагося возвратиться въ лоно церкви и зато сожженнаго на кострѣ «вмѣстѣ съ четырьмя дѣтьми одиннадцати, десяти, восьми и семи лѣтъ», — исторія главнымъ образомъ любопыт-

<sup>1)</sup> Laurentius, стр. 375.

<sup>2)</sup> Chronik der deutschen Städte, II, стр. 38. (Denis, стр. 304).

ная въ томъ отношеніи, что отерываетъ собою у Лаврентія цѣлый перечень фактовъ «*de sacerdotum martyrio*»,—о мученической смерти священниковъ (таворитскихъ). И такъ далѣе, и такъ далѣе. Самъ Лаврентій по временамъ устаетъ заносить въ свою хронику отдѣльныя проявленія безчинства католиковъ и прямо заявляетъ, что ему «омерзительно и противно» описывать подробно всѣ гнусности католическаго войска. И все же такіе этихъ гнусностей тамъ такъ много, что у всякаго изъ новѣйшихъ изслѣдователей—у Палацкаго, у Томка, у Круммеля, у Дени и др., вы, кромѣ такихъ крупныхъ и всѣми отмѣчаемыхъ фактовъ, какъ кутногорская бойня, всегда найдете какія-нибудь особенныя, только однимъ изслѣдователемъ заносимыя подробности. А между тѣмъ черпаютъ всѣ изслѣдователи изъ одного и того же источника—изъ драгоцѣннаго «*De gestis et variis accidentibus regni Boemiae*» магистра Лаврентія de Brezina.

Затрудняясь, какія именно католическія жестокости выбрать изъ хроники Лаврентія, такъ какъ не знаешь, какой изъ этихъ гнусностей отдать пальму первенства, мы приведемъ только начальныя строки изъ манифеста пражанъ къ чешскому дворянству. Этотъ манифестъ содержитъ въ себѣ только общія указанія, но въ устахъ *монархическихъ и жаждущихъ примиренія* жителей чешской столицы они приобрѣтаютъ рѣшающее значеніе:

«Желаемъ вамъ всего лучшаго, милые друзья! Приносимъ вамъ жалобу на короля Сигизмунда, который, забывъ про свой санъ и отбросивъ примѣры милости и доброты, преподанные предками его, предался неслыханной жестокости, выразившейся въ позорномъ насиліованіи дѣвушекъ и замужнихъ женщинъ, въ убіеніи взрослыхъ и дѣтей и въ другихъ несправедливостяхъ»<sup>1)</sup>.

Еще разъ повторяемъ, что манифестъ принадлежитъ пражанамъ, которые съ негодованіемъ отвергали республиканскіе принципы Табора и считали ихъ злѣйшей ересью. Кромѣ стремленія къ церковнымъ реформамъ, пражане ничѣмъ не отличались отъ правовѣрныхъ католиковъ. А правовѣрные католики, собравшіеся въ Констанцѣ, между прочимъ осудили Гуса за то, что онъ утверждалъ, что дѣйствія короля, пребывающаго въ грѣхѣ, неправильны. Такимъ же высокимъ уваженіемъ пользовалась королевская власть въ Прагѣ. Притомъ пражане всячески старались помириться съ Сигизмундомъ и изъ политическихъ видовъ. Какъ же велики должны были быть безобразія его войска, чтобы заставить умѣренныхъ, безусловно монархическихъ, миролюбиво

<sup>1)</sup> См. Laurentius, стр. 367, 368, 376—380, 426.

настроенныхъ жителей чешской столицы, заговорить о королѣ такимъ языкомъ?

Въ заключеніе, приведемъ два любопытныхъ мѣста изъ «Исторіи Богеміи» Энея Сильвія Пиеколомини, прелата римской церкви, а впослѣдствіи папы. Вотъ что повѣствуетъ онъ о четвертомъ крестовомъ походѣ.

«Кардиналъ (Юліанъ Цезарини) съ огромнымъ войскомъ вторгнулся въ Чехію, сжегъ много еретическихъ деревень и взялъ много мѣстечекъ, надъ которыми разразилась не только жадность его воиновъ, но и жестокость ихъ: всѣхъ мужчинъ и женщинъ, стариковъ и малыхъ дѣтей, они убивали безъ разбору, гдѣ бы ихъ ни застигали».

Второе мѣсто еще любопытнѣе.

Въ битвѣ у Липанъ 1434 г. была сломлена главная сила таборитовъ. Христіанское войско католиковъ, не смотря на то, что съ половины сраженія большинство «братьевъ» стало сдаваться, «безостановочно крошило, такъ что число плѣнныхъ едва достигло 700» <sup>1)</sup>. Но все-таки нельзя было ограничиться липанскимъ погромомъ. Еще много осталось въ странѣ тѣхъ грозныхъ воиновъ, которые приводили въ ужасъ папистовъ. И вотъ придумывается слѣдующій остроумный, быстро достигающій цѣли планъ. По всей странѣ расхаживаютъ вербовщики Мейнгарда—«умѣренного» утрависта, соединившагося съ католиками для того, чтобы уничтожить таборскихъ «мечтателей». Вербовщики зовутъ волонтеровъ подъ знамена Мейнгарда, для защиты пражскихъ статей. Чѣмъ совсѣмъ ничего не дѣлать для насажденія «царства Божія» на землѣ, многіе табориты, очевидно, предпочли защищать хоть скромныя требованія пражанъ. На зовъ явилось нѣсколько тысячъ «черныхъ, отъ солища и вѣтра загорѣлыхъ людей; видъ ихъ былъ ужасенъ; они, очевидно, привыкли жить въ огнѣ и дыму лагерной стоянки; глаза у нихъ были орлиные, волосы нечесаны, бороды запущены, ростъ высокій, руки и тѣло мохнатые, а кожа такая твердая, что мечъ отскакивалъ отъ нея, какъ отъ панцыря». Это не были новички военного дѣла. Опытный глазъ вербовщиковъ сразу узналъ солдатъ Жижки и Прокопа. Но они объ этомъ не подають вида и очень любезно собираютъ всѣхъ волонтеровъ въ одинъ огромный сарай. Затѣмъ вербовщики быстро уходятъ, сарай запирается и... зажигается со всѣхъ сторонъ. Табориты, подобно своимъ первоучителямъ Гусу и Іерониму, задыхаются въ дыму и смрадѣ отъ

<sup>1)</sup> Palasquy, 8 B., стр. 65.

ихъ тѣлѣ возносится въ небо *ad maiorem gloriam*. «Такимъ образомъ,—заканчиваетъ Эней Сильвій свой поучительный рассказъ,—весь этотъ сбродъ, послѣ столѣтнихъ совершенныхъ имъ убійствъ и безчинствъ, былъ (наконецъ) сожженъ и получилъ достойную оплату за оскорбленіе вѣры и благочестія»<sup>1)</sup>).

Палацкій совсѣмъ не придаетъ вѣры этому разсказу. Кrummel тоже полагаетъ, что невѣроятно; чтобы такіе опытные люди поддались на подобную глупую удочку, и думаетъ, что Эней Сильвій извратилъ фактъ, засвидѣтельствованный хронистами, именно что послѣ побѣды у Липанъ около 900 бѣглецовъ было изловлено и сожжено въ сараяхъ вблизи Нѣмецкаго Брода<sup>2)</sup>. Намъ въ данномъ случаѣ вовсе не интересуется, сколько въ разсказѣ Энея Сильвія правды и сколько фантазій. Очень возможно, что «все» дѣло ограничилось тѣмъ, что сожгли въ сараяхъ 900 бѣглецовъ. Тутъ важенъ цинизмъ, съ которымъ слугитель Христа восхваляетъ поступокъ, которому даже имени нѣтъ. И вотъ съ такими-то людьми, этими жрецами Молоха, табориты должны были быть вротки, должны были спокойно протянуть свою шею подъ жертвенный ножъ, наточенный на звѣрское убійство во славу средневѣковаго Бога *tremendae maiestatis*, во что католическіе фанатики обратили вроткій ликъ умершаго на крестѣ для блага человѣчества.

## VI.

Въ предъидущей главѣ мы говорили о католической «мягкости»; въ настоящей будемъ трактовать о таборитскихъ «ужасахъ». Какъ мы уже сказали, мы ихъ нисколько не отрицаемъ. Но фактами, приведенными выше, мы, кажется, слѣшкомъ достаточно показали, что никакой другой образъ дѣйствій не былъ мыслимъ въ отвѣтъ на образъ дѣйствій католиковъ. Будемте же справедливы къ таборитамъ и не осудимъ ихъ за поступки, безусловно вынужденные.

Мы уже знакомы съ «братскими собраніями». Они ясно показываютъ, какимъ мирнымъ, истинно-христіанскимъ путемъ, вошло бы таборитское ученіе, если бы ему дали возможность естественно развиваться. Теоретически табориты были совершенно противъ войны и какихъ бы то ни было насильственныхъ дѣй-

<sup>1)</sup> Eusebio Sylwia etc., стр. 176, 190.

<sup>2)</sup> Krummel, стр. 171.



ствій. И, когда послѣ первыхъ же мирныхъ собраний, табориты увидѣли, какъ отнеслась католическая власть къ ихъ мирной проповѣди, они все-таки не сразу взялись за оружіе. Прежде чѣмъ начать борьбу, «жестокіе» табориты въ лицѣ Николая Гуса и «страшнаго» Жижки обратились къ своимъ магистрамъ за разрѣшеніемъ вопроса — можно ли истину защищать оружіемъ. Магистры отвѣтили, что собственно враговъ евангелія слѣдуетъ побѣждать кротостью, такъ какъ сказано въ писаніи: «*Mala non sunt facienda, ut bona eveniant*» (не нужно добиваться добра зломъ). Но въ случаѣ печальной необходимости, «если нѣтъ возможности прийти къ соглашенію съ врагомъ», можно прибѣгнуть къ оружію, стараясь, однако же, при этомъ по возможности уменьшить ужасы войны <sup>1)</sup>. Таковы были первоначальныя намѣренія таборитовъ. Насколько они были искренни, мы знаемъ изъ предыдущей главы, въ которой рассказано, какъ табориты, побѣдивши католиковъ и завладѣвши Прагой, тѣмъ не менѣе согласились на *status quo*, лишь бы избѣгнуть кровопролитія; не менѣе ярко свидѣлствуетъ объ отвращеніи таборитовъ ко всякаго рода насилію тотъ пунктъ таборитскихъ «ересей», который отвергалъ смертную казнь. Если и въ наше время смертная казнь кажется необходимымъ средствомъ вразумленія, то сколько нужно было имѣть въ себѣ гуманныхъ намѣреній, чтобы отвергать ее въ вѣкъ юридически установленныхъ пытокъ, въ вѣкъ страшныхъ квалифицированныхъ казней, въ вѣкъ четвертованія, колесованія, заливанія горла свинцомъ и т. д. И не только въ первый періодъ наиболѣе горячаго энтузіазма табориты протестовали противъ смертной казни. На базельскомъ соборѣ Прокопъ энергически доказывалъ, какъ глубоко противорѣчитъ она христіанской любви <sup>2)</sup>.

Тотъ же Прокопъ, грозный побѣдитель лучшихъ армій Европы, нагнавшій такого страха на враговъ, что они бѣжали при однихъ вѣстяхъ о его приближеніи, не разъ высказывался противъ самой войны, которая была глубоко противна его мягкой натурѣ. Какъ это ни дико звучитъ, но «безчеловѣчный» «адски-ужасный», «звѣрскій» и т. д. Прокопъ былъ такой мягкій и симпатичный человѣкъ, что видъ боевой обстановки даже на враговъ своихъ производилъ чарующее впечатлѣніе. «Чѣмъ больше я съ вами имѣю сношеній, тѣмъ больше мое сердце распологается къ вамъ», говорилъ ему на базельскомъ соборѣ

<sup>1)</sup> Joannis de Lukavec et Nicolai de Pelhrzimov, *Chronicon Taboritarum* стр. 484.

<sup>2)</sup> Krummel, стр. 113.

1431 г. папскій легатъ, кардиналъ Юліанъ <sup>1)</sup>. И если, однакоже, таковой мягкій человѣкъ не разъ долженъ былъ дѣйствительно зѣрски поступать, то не принудило ли его въ тому нѣчто чрезвычайное?

При обсужденіи таборитскихъ «ужасовъ» не слѣдуетъ также забывать то весьма важное обстоятельство, что разгаръ ихъ относится къ *последнимъ годамъ гусситскихъ войнъ*, то-есть къ тѣмъ годамъ, когда слава побѣдъ Прокопа собрала подъ знаменами его постепенно все увеличивавшуюся толпу авантюристовъ и мародеровъ, которые изъ жажды военныхъ приключеній и добычи сражались за гусситство, не воспринимая, однако же, духа его. Таборитское войско, когда оно сражалось подъ начальствомъ Жижки, смотрѣло на себя какъ на священное ополченіе, или, какъ пѣлось въ ихъ военномъ гимнѣ, какъ на «*божьихъ воиновъ*». Сообразно этому, оно было мужественно и храбро противъ врага, но мягко и милосердно къ беззащитнымъ <sup>2)</sup>. Теперь же, когда военныя соображенія заставили Прокопа въ послѣдніе годы войны смотрѣть сверху пальцы на нравственность пришедшихъ элементовъ, въ войскѣ таборитскомъ появилась деморализація. «Въ сбѣжавшейся со всѣхъ сторонъ, главнымъ образомъ изъ Польши и Россіи <sup>3)</sup>, военной ордѣ Прокопа исчезло священное сознаніе своей миссіи, и тѣмъ дольше, тѣмъ сильнѣе развивалась распущенность, дѣйствительность и огрубѣніе нравовъ», такъ что неосторожно призванные союзники «стали въ скоромъ времени ужасомъ не только для враговъ, но и для друзей» <sup>4)</sup>.

Итакъ, *пришлые* элементы, вотъ кто дѣйствительные виновники таборитскихъ «ужасовъ». Въ первые годы при Жижкѣ кровь тоже лилась рѣвой, монастыри пылали и города превращались въ груду развалинъ, но все это было вызвано необходимостью, и ни убійство ради убійства, ни грабежъ ради грабежа не пѣли мѣста. Много жестокаго, вызваннаго обстоятельствами, совершилъ Жижка, но никогда онъ не дѣлалъ *безполезныхъ жестокостей*, какъ это сплошь и рядомъ дѣлали крестоносцы. Неоднократно Жижка бросалъ плѣнныхъ въ огонь, но только тогда, когда онъ объ этомъ предупреждалъ враговъ, уговаривая ихъ сдаться безъ боя. Но женщинъ и дѣтей, таборскіе воины щадили даже въ моменты самаго дѣлаго озлобленія. Такъ при

<sup>1)</sup> Denia, стр. 252.

<sup>2)</sup> Krummel, стр. 98.

<sup>3)</sup> Конечно, изъ западныхъ областей.

<sup>4)</sup> Krummel, стр. 98.

взятіи Прахатиць, которое принадлежитъ къ числу наиболѣе кровавыхъ эпизодовъ первыхъ лѣтъ гусситской войны, Жижка, заранее сказавъ жителямъ, что онъ не прольетъ ни одной капли крови, если они сдадутъ городъ добровольно, но не оставитъ никого въ живыхъ, если они станутъ сопротивляться, въ дѣйствительности исполнилъ угрозу. Чтобы представить себѣ ярость таборитовъ, бѣшеннымъ натискомъ взявшихъ городъ, нужно добавить, что пражатичане защищались, обливая нападающихъ горящею смолою. Въ отместку за это, а главное, чтобы разъ навсегда показать, что онъ всегда держитъ слово и этимъ на будущее время ослабить сопротивленіе католиковъ, Жижка истребилъ все мужское населеніе города, но женщины и дѣти были пощажены. Вообще правиломъ, которое Жижка всегда соблюдалъ, было *сбереженіе жизни женщинамъ и дѣтямъ* <sup>1)</sup>.

Судьба Прахатиць была не единичная. Подобному же разоренію подверглись многіе другіе города, предупрежденные Жижкою объ ожидающей ихъ участи, но предупрежденія не послушавшіеся. Точно такъ же какъ въ Прахатицахъ, Жижка не разъ поголовно избивалъ все мужское населеніе. Но что все это была печальная необходимость, нужная для устрашенія католиковъ, ясно изъ того, что злѣйшіе враги Табора получали полное прощеніе, лишь только они сдавались безъ боя. Табориты были жестоки, только когда имъ оказывали сопротивленіе. Тогда и ярость, вызываемая всякимъ сопротивленіемъ, и желаніе отомстить католикамъ за ихъ ничѣмъ не вызванныя жестокости надъ безоружнымъ населеніемъ, сливались въ одно чувство бѣшенства, никогда умѣренности не знающаго. Но въ спокойномъ состояніи табориты нерѣдко проявляли поразительную умѣренность и незлобивость. Достаточно сказать, что когда по окончаніи перваго крестоваго похода *Кутная-Гора* сдалась безъ боя, она была пощажена <sup>2)</sup>. Болѣе сильнаго доказательства вынужденности таборитскихъ жестокостей трудно представить.

Другимъ поразительнымъ доказательствомъ умѣренности таборитовъ внѣ одуряющей атмосферы битвъ можетъ послужить поведеніе ихъ на чаславскомъ сеймѣ 1421 г. Этотъ сеймъ собрался сейчасъ же послѣ поворнаго изгнанія Жижкою королевскаго войска. De facto вся верховная власть сосредоточивалась въ рукахъ таборитскаго вождя и совершенно исполнѣ отъ него зависѣло дать тотъ или другой характеръ постановленіямъ сейма.

<sup>1)</sup> Tomek, Jan Žižka, стр. 67, 191.

<sup>2)</sup> Krummel, стр. 33.

Поведеніа католиковъ послѣ битвы у Липанъ, или послѣ Бѣлогорской битвы 1620 г., достаточно позволяютъ заключить, какъ бы поступили правовѣрные сыны римской церкви, если бы они имѣли власть Жижки. Но табориты, такъ же какъ въ началѣ войны, когда они, завладѣвши Прагой, потребовали себѣ всего только права свободно толковать Слово Божіе, выказали на чаславскомъ сеймѣ удивительную умѣренность, ярко свидѣтельствующую о томъ, что табориты дѣйствовали бы иначе, еслибы ихъ противники поступали человѣчнѣе. Видя, что большинство магистровъ, участвовавшихъ на сеймѣ, не идутъ дальше четырехъ пражскихъ статей и рѣзко высказываются противъ уравнилельныхъ тенденцій Табора, Жижка не позволилъ себѣ ни малѣйшаго насилиа, чтобы заставить сеймъ подать голоса въ духѣ таборскаго ученія, или постановить какіе-нибудь насильственные мѣры противъ католиковъ. Крайне любопытно, что *пасторъ* Круммель ставитъ Жижѣ въ упоръ его мягкость на чаславскомъ сеймѣ и прямо говоритъ: «Еслибы Жижка и вообще табориты были дальновиднѣе, они бы должны были употребить столь выгодно для нихъ сложившіяся обстоятельства, чтобы силою доставить торжество своимъ воззрѣніямъ, какъ это дѣлалъ не одинъ протестантскій государь XVI вѣка» <sup>1)</sup>).

И не только въ первые годы войны табориты выказывали такую мягкость при мирныхъ переговорахъ. Въ 1431 г. одна чешская армія вторглась въ Моравію, другая въ Венгрію, третья въ Силезію. Силезійцы попросили мира: ихъ уполномоченный, князь Фюрстенштейнъ, умолялъ таборитовъ имѣть сожалѣніе къ несчастной области, такими тѣсными узами связанной съ Чехіей. «А развѣ не вы же сами порвали эти связи,—отвѣтили ему гусситы,—развѣ имѣли вы сожалѣніе къ намъ, когда вы наводнили нашу землю и сожгли наши города? Почему вы требуете отъ насъ больше мягкосердечія, нежели вы показали къ намъ? Если наши слова васъ оскорбляютъ (своею несправедливостью)—оспаривайте; мы готовы васъ выслушать». Дѣло, однако, кончилось тѣмъ, что табориты согласились на перемиріе, выговоривши, что силезійцы установятъ наказаніе за смертные грѣхи, уничтожать танцы, игры и прогонять всѣхъ женщинъ дурного образа жизни <sup>2)</sup>).

Такимъ образомъ табориты и мстили не безусловно, а только тогда, когда чувство мести обострилось сопротивленіемъ.

<sup>1)</sup> Krummel, стр. 59.

<sup>2)</sup> Denis, стр. 385.

Но если обвиненіе въ «ужасахъ» основывается на ложно-освѣщенныхъ *фактахъ*, взятыхъ безусловно, безъ желанія поставить ихъ въ связь съ вызвавшими ихъ обстоятельствами, безъ желанія оцѣнить ихъ вынужденность, безъ желанія останавливаться на тѣхъ случаяхъ, когда табориты проявляли чрезвычайную умѣренность, словомъ, безъ всякаго желанія выставить дѣло въ его истинномъ положеніи, то другое обвиненіе, усиленно повторяемое историками въ родѣ Гефлера и др., уже ровно ни на чемъ не основано и въ большинствѣ случаевъ представляетъ собою систематическую ложь. Мы говоримъ о «грабежѣ» таборитовъ.

Мы уже приводили слова Андрея изъ Брода, который въ страсти къ грабежу даже видитъ *единственную* причину таборитскаго движенія. Этимъ же мотивомъ Эней Сильвій объясняетъ образъ дѣйствій Жижекъ <sup>1)</sup>, того самого Жижекъ, который, будучи безусловнымъ повелителемъ Чехин, не присвоилъ себѣ ни одного титула, кромѣ титула «брата», и такъ мало заботился о своихъ имущественныхъ дѣлахъ, что «пражская община должна была назначить пенсію теткѣ того, кто былъ больше чѣмъ королемъ Чехин» <sup>2)</sup>.

Прежде всего мы, по пути изслѣдованія таборитскихъ «грабежей», составляющихъ «корень всего поведенія виулефистовъ», встрѣчаемся съ тѣмъ фактомъ, что крестьяне ради «братскихъ собраний» жертвовали своимъ имуществомъ, за безцѣнокъ продавали его и вырученные деньги, пришедши на Таборъ, «клали къ ногамъ священниковъ». Одно время «страсть пожить на чужой счетъ» у наиболѣе восторженныхъ приверженцевъ таборскаго ученія доходила до того, что они даже не продавали свое имущество, а прямо его сжигали <sup>3)</sup>.

Въ такихъ формахъ проявлялось стремленіе «пожизниться» до того, какъ табориты устроились въ постоянное войско. Какъ они относились къ грабежу послѣ этого, мы видѣли изъ инструкціи Жижекъ, устанавливающей смертную казнь за мародерство. И вотъ, что объ этомъ поется въ военномъ гимнѣ таборитовъ:

«Вы, обозные и воины, помните всегда, что не слѣдуетъ тратить жизни для обогащенія и грабежа, и не теряйте времени для добычи» <sup>4)</sup>.

Искренности этихъ словъ слѣдуетъ безусловно вѣрить, такъ

<sup>1)</sup> Eneas Sylvius, стр. 140.

<sup>2)</sup> Denis, стр. 224.

<sup>3)</sup> Laurentius, стр. 350, 390, 410.

<sup>4)</sup> Vybor, стр. 283.

какъ таборитскій гимнъ отличается большою откровенностью и для бытъи даетъ весьма суровыя наставленія.

Но отрицая справедливость обвиненія таборитовъ въ грабежахъ, мы вовсе не отрицаемъ того, что табориты неоднократно лишили католиковъ ихъ имущества. Понятіе о грабежѣ слагается изъ двухъ моментовъ: отнятія чужого имущества и присвоенія его въ свою пользу. Первое дѣйствительно имѣло мѣсто, если только считать «чужимъ» имуществомъ достоиніе католическаго духовенства, а его-то главнымъ образомъ и «грабили» табориты. Но за те не было у таборитовъ второго—присвоенія въ свою пользу, и потому говорить о «грабежахъ» таборитовъ значитъ отступать даже отъ сухой формальной правды. Лучшимъ доказательствомъ безкорыстія таборитовъ, лучшимъ доказательствомъ того, что табориты «грабили», чтобы отомстить католикамъ за ихъ безчестіе, это то, что грабежи ничуть не ослабили дисциплины таборитскаго войска, даже послѣ смерти Жижки (1424 г.) еще нѣсколько лѣтъ ничего не потерявшей изъ своей первоначальной строгости. А извѣстно, что раньше всего мародерство и грабежъ отражаются на дисциплинѣ. Даже Валленштейнъ, собравшій свое войско специально изъ людей, жаждавшихъ обогащенія, и обрадовавшійся съ собственною землею не лучше непріятеля, предпочиталъ обогащаться путемъ правильно наложенныхъ контрибуцій, такъ какъ хорошо сознавалъ, что желѣзная дисциплина его арміи рухнетъ, лишь только онъ дастъ просторъ грабительскимъ инстинктамъ. Крестоносцы потому именно и терпѣли пораженія отъ таборитскаго войска, которое было въ *четыре раза* малочисленнѣе его, что табориты были одушевлены желаніемъ побѣдить, между тѣмъ какъ крестоносный сбродъ думалъ только о томъ, чтобы грабить въ свою пользу.

Табориты же вотъ какъ поступали съ получаемой военной добычей: они оставляли у себя военныя принадлежности: оружіе, наконечники, лошадей и т. д. а *все остальное*, въ томъ числѣ всѣ драгоценныя камни и золотыя вещи, *сжигали*. При взятіи города Седлеца «серебряныя и золотыя вещи» (драгоценныя), монеты, чаши и дорогія одежды табориты снесли въ одну кучу и предали огню». Нѣсколько времени спустя была взята крѣпость Рабье. «Туда окрестные жители, какъ свѣтскіе, такъ и духовные, снесли для безопасности всѣ свои драгоценности, золотыя и серебряныя вещи, драгоценныя камни, дорогія платья и оружіе. Всю эту добычу, за исключеніемъ небольшого количества оружія и лошадей, табориты вынесли изъ лагера, и сложивши въ большую кучу, сожгли». Не желая умножать числа

отдѣльных случаевъ, исполнѣ аналогичныхъ только-что приведеннымъ и заключающихся въ хроникѣ страстнаго противника таборитовъ—Лаврентія изъ Бржезова, слѣдовательно заподозриванію уже ни въ какомъ случаѣ не доступныхъ, мы ограничимся тѣмъ, что изъ того же Лаврентія приведемъ свѣдѣніе, обобщающее отношеніе таборитовъ къ «награбленнымъ» богатствамъ. Съ горькимъ чувствомъ передаетъ Лаврентій, какая «епотііс fama» (ужасная молва) пошла въ Европѣ про всѣхъ гусситовъ, хотя «виноваты» были одни только табориты. Первый пунктъ этой ужасной молвы гласилъ, что «въ Богемскомъ королевствѣ сапожники и портные отправляютъ божественную службу, что тамъ не дѣлается разницы между духовнымъ и мірянниномъ и что бородатые люди, безъ тонзуры на головѣ, говорятъ мессы». Второй пунктъ—что «священники таборитскіе побуждаютъ уничтожать и сжигать всѣ церковныя драгоценности» <sup>1)</sup>.

Нужно ли послѣ этого еще характеризовать «грабительскія» наклонности таборитовъ, если влѣйшіе враги ихъ косвенно дадутъ имъ такое яркое удостовѣреніе въ безкорыстіи.

Добавимъ, наконецъ, что главнымъ образомъ разрушенія таборитовъ были направлены противъ монастырей и публичныхъ домовъ. Если буря разрушенія задѣвала и частное имущество, то всякій разъ случайно: либо въ пылу битвы, либо изъ стратегическихъ соображеній. Въ спокойномъ состояніи духа, табориты, при всемъ своемъ отрицаніи частной собственности, ея правъ никогда не нарушали. Объ этомъ замѣчательно свидѣлствуетъ то обстоятельство, что табориты платили собственникамъ за поля, стоптанныя во время «братскихъ собраній» <sup>2)</sup>. На «братскія собранія» стекалось много, много тысячъ народа, иной разъ до сорока, такъ что собственники полей не имѣли бы никакой возможности заставить таборитовъ вознаграждать ихъ за убытки? Но табориты сами, послѣ ужина, завершавшаго по примѣру первыхъ христіанъ братскія собранія, собирали между собой необходимую сумму и передавали ее владѣльцамъ стоптаннаго собраніемъ посѣва. Мы видѣли также, что таборитскіе священники протестовали противъ всякихъ поборовъ съ крестьянъ, хотя бы даже нужныхъ для доставленія побѣды «дѣлу Божью». Слѣдовательно, вообще, табориты бережно обходились съ чужимъ добромъ, и внѣ одуряющей боевой атмосферы всегда къ нему относились съ уваженіемъ; но монастыри и публичные дома разрушались во всякое время;

<sup>1)</sup> Laurentius, стр. 256, 359, 394.

<sup>2)</sup> Denis, стр. 203.

уничтоженіе этихъ «храмовъ нечестія» входило въ таборитскую программу насажденія царства правды на землѣ.

Въ 1433 году, слѣдовательно въ такой моментъ, когда военное могущество Табора достигло своего апогея, Прокopfъ говорилъ въ одной изъ своихъ рѣчей: «Мы для того только переносимъ тяжесть войны, чтобы расчистить мѣсто въ церкви тѣмъ божественнымъ истинамъ и тому счастью приносящему миру, которые поведутъ за собою единство церкви, братскую любовь всѣхъ людей, нравственное обновленіе и вообще все хорошее» <sup>1)</sup>.

Но когда историческая миссія Табора была окончена, когда римская іерархія получила первый смертоносный ударъ, мы замечаемъ чрезвычайно знаменательный поворотъ въ міросозерцаніи грозныхъ вонтелей. Они по прежнему становятся «мечтателями». Только теперь, когда почва расчищена энергическимъ вспахиваніемъ желѣзнаго плуга, сѣмена истины, ими бросаемыя, рѣдки и мягки. Тѣмъ не менѣе они даютъ высокіе, хорошіе всходы. Таковъ естественный ходъ какъ на дѣйствительной нивѣ, такъ и на нивѣ исторической жизни.

Мы говоримъ о «чешскихъ» или «моравскихъ братьяхъ», непосредственныхъ преемникахъ таборитовъ. По своимъ началамъ, они были въ сущности тѣ же табориты, но только инымъ путемъ хотѣли доставить торжество своимъ идеямъ. Основатель братства—Петръ Хельчицкій родился въ 1890 году, слѣд. вся трагедія гусситства развивалась на его глазахъ. Гибель таборитовъ не устрашила и не убѣдила его и онъ смѣло развивалъ ихъ идеи.

Одинъ писателъ называетъ чешскихъ братьевъ кроткими есеями новаго времени. И дѣйствительно, это самая мягкая секта изъ всѣхъ, когда-либо существовавшихъ. И все же она держится уже пятое столѣтіе и доставляетъ счастье всѣмъ своимъ послѣдователямъ. Такова сила любви и солидарности.

Въ другомъ мѣстѣ мы болѣе подробно остановимся на моравскихъ и чешскихъ братьяхъ. Здѣсь замѣтимъ только общія черты ученія братьевъ, чтобы показать непосредственную связь его съ ученіями Табора. Моравскіе братья это тѣ же табориты, только не поставленные въ горькую необходимость, кромѣ меча духовнаго, обнажить и мечъ матеріальный.

Основателемъ секты, захватившей въ послѣдствіи огромную часть чешскаго народа, былъ Петръ Хельчицкій. Это одинъ изъ тѣхъ гениальныхъ и въ то же время высоко-нравственныхъ людей, которыми гордится чешскій народъ безъ различія партій. Онъ

<sup>1)</sup> Palacky, 8 B. стр. 118.



вовсе не былъ ученый, плохо даже зналъ по-латыни. Но ясный умъ и чуткое сердце вполне замѣнили ему широкую мудрость.

Главнѣйшими сочиненіями Хельчицкаго были «Сѣть вѣры» и «Постилла». Какъ и его современники онъ основываетъ свое ученіе на религиозныхъ положеніяхъ. Сѣть вѣры есть ученіе Христово, которое должно извлекать человѣка изъ темной глубины житейскаго моря и его неправдъ. Тьма закрыла очи людей и они не узнаютъ истиннаго закона Христова. Для объясненія этого закона, Хельчицкій указываетъ на первобытное устройство христіанскаго общества, то устройство, которое, говоритъ онъ, считается теперь въ римской церкви гнуснымъ еретичествомъ. Хельчицкій съ злою ироніею смѣется надъ базельскими защитниками римской церкви, говоря о «глухой первобытной церкви», которая служила безъ орнаментовъ, безъ востановокъ съ разрисованными стѣнами, безъ музыки и искуснаго пѣнія по нотамъ. Эта первобытная церковь и была его идеаломъ общественнаго устройства, основаннымъ на равенствѣ, свободѣ и братствѣ. Христіанство, по мнѣнію его, до сихъ поръ хранитъ въ себѣ эти основанія, и нужно только, чтобы общество возвратилось къ чистому христіанству, и чтобы оказался измѣненнымъ всякій иной порядокъ, которому нужны короли и папы: во всемъ достаточно одного закона любви. «Кислый вкусъ гражданскаго управленія нуженъ только для преступающихъ законъ этой любви. Поэтому отъ грѣховъ явилась нужда въ королевскихъ порядкахъ и законахъ для отмщенія грѣховъ и непослушанія Богу». Никакихъ законовъ не было бы нужно, еслибы сохранился законъ любви.

Желая основать гражданскій строй на любви, Хельчицкій совершенно отвергаетъ право войны и смертную казнь: всякій воинъ, даже и «рыцарь» есть только насильникъ и убійца». Все должно держаться только любовью, поэтому ученіе Хельчицкаго, основавшись на первобытномъ христіанствѣ, послѣдовательно отвергало цезарскую и папскую власть, привилегіи сословій, крѣпостное право; онъ называлъ королевскихъ правителей только бездѣльниками, которая не подходитъ подъ Божій законъ, потому что весь христіанскій родъ долженъ быть уравненъ въ любви и правѣ; онъ вставалъ противъ казни преступниковъ, которыхъ нужно только исправлять братскимъ участіемъ; онъ не признавалъ сословій и всякихъ правъ рожденія, смѣялся надъ гербами и считалъ, что въ нынѣшнемъ устройствѣ общества господствуетъ сила Антихриста, который занялъ

террора и монастыря своимъ духомъ, противнымъ духу Христа, его жизни и закону <sup>1)</sup>).

Хорошо сознавая, что главный врагъ равенства и братства — это самъ же человекъ, дурныя свойства котораго развертываются при всякомъ представляющемся случаѣ, Хельчицкій совѣтуетъ своимъ послѣдователямъ:

«Лучше страдать, чѣмъ преслѣдовать самому; лучше повиноваться, чѣмъ повелѣвать» <sup>2)</sup>. Духъ стяжанія долженъ быть подавленъ. «Все состояніе вѣрующаго должно заключаться въ христіанскомъ имени».

Теоріи Хельчицкаго, высказанныя въ страстѣ, столь чуткой къ нравственнымъ задачамъ, не остались достояніемъ библіофиловъ. Строгость ученія Хельчицкаго вызвала сначала мало практическихъ послѣдователей, но число ихъ, однако, постоянно возрастало, и ближайшіе приверженцы его уже рано приняли имя «братьевъ Хельчицкихъ». Такихъ обществъ явилось въ Чехіи много послѣ паденія Табора: распространеніе идей Хельчицкаго дало новую пищу старымъ таборитскимъ стремленіямъ, и въ 1457 году основалось по идеямъ Хельчицкаго братство Кунвальдское. Это братство приняло потомъ знаменитое имя общины чешскихъ братьевъ (*Jednota bratří českých*, *Jednota bratrská*).

Община была результатомъ стремленія осуществить практически социальное устройство по началамъ первобытнаго христіанства. Это былъ послѣдній выводъ, до котораго дошла чешская реформаціонная идея въ тѣхъ предѣлахъ, которые оставила ей восставшая на нее реакція. Гоненія, иногда очень жестокія, не колебали искренняго и глубокаго убѣжденія, и принципы общины распространились въ огромной части чешскаго и моравскаго населенія. Основная масса «братьевъ» принадлежала тому же простому классу народа, который поставлялъ защитниковъ идей Гуса и воиновъ Табора. Такимъ образомъ, община «братьевъ» была столько же самобытнымъ и національнымъ произведеніемъ чешской народной жизни и мысли, какъ были самобытны перше виновники этого движенія, какъ самъ Хельчицкій, незнавшій по-латыни, и братъ Григорій, первый практическій исполнитель его взглядовъ.

Теоретически чешскіе братья не пошли дальше Хельчицкаго. Огромное значеніе ихъ состоитъ въ томъ, что они показали жи-

<sup>1)</sup> Ист. слав. лит., II, стр. 306.

<sup>2)</sup> Gindely, Geschichte der böhmischen Brüder, т. I, стр. 15.

вость того увѣренія, будто гражданское общество можетъ держаться только силою принужденія.

Братья руководились только любовью и снисходительностью. Такъ, напр., они по принципу не признавали богатства. Это имъ, однакоже, не мѣшало принимать въ свою среду богатыхъ и знатныхъ, но только имъ при этомъ внушалось: Чтобы они не забыли, что всѣ люди — братья, и что они *должны собственно быть ихъ слугами*. Имъ поставлялось на видъ, что преимущество положенія и государственное жалованье они должны заслужить усиленною дѣятельностью».

Зная, что главный врагъ человѣческаго счастья—это духъ стяжанія, братья избѣгали торговли, хотя желавшимъ не запрещалось ее вести. Ихъ только предвараля, что это — очень опасное для души ремесло, близкое подходящее къ ростовщичеству» <sup>1)</sup>.

Поставивъ главнымъ догматомъ своей религіи любовь, братья избѣгали, по совѣтамъ Хельчицкаго, всякой виѣшней набожности, стараясь замѣнить ее внутренней вѣрой и доказать свою любовь къ Богу поступками.

Вообще практическое приведеніе въ исполненіе евангельской любви есть главная отличительная черта братьевъ. Сейчасъ же во время перваго собранія братьевъ въ городѣ Рейхенау обнаружилось «распаденіе братства на два элемента: теоретическій и практический. Но послѣдній играетъ болѣе важную роль. Да и вообще вся дѣятельность братьевъ была чисто *практическая*».

Братья стали разсуждать о томъ, что должно служить основаніемъ ихъ религіи, и рѣшили, что она должна заключаться въ искупленіи посредствомъ вѣры и любви, которое одно можетъ дать надежду на вѣчное блаженство.

Сейчасъ же послѣ этого совѣщанія перешли на практическую почву. Каждый чѣмъ-нибудь дѣйствительнымъ долженъ проявить свою приверженность къ новой религіи любви. Это всего лучше достигается благоустроенною простотою въ жизни каждаго. Богатые должны отказаться отъ роскоши и шумнаго веселья, обречь себя на добровольную бѣдность (то-есть относительно прежняго богатства) и посвятить себя заботамъ о бѣдныхъ. Безъ установленія общности имуществъ, всякій долженъ обладать собственностью только для другого. Помогать брату въ бѣдѣ—есть обязанность. Кто не проявляетъ братскихъ чувствъ въ вѣрѣ и поступкахъ—исключается изъ братства» <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Gindely, т. I, стр. 85, 86.

<sup>2)</sup> Gindely, т. I, стр. 81.

Цитата эта слишкомъ ярка, чтобы она нуждалась въ какихъ-либо комментаріяхъ. Къ ней нужно сдѣлать еще одно добавленіе для тѣхъ, кто полагаетъ, что съ уничтоженіемъ чисто-личныхъ стимуловъ пострадаетъ такъ-называемая «цивилизція». Оказывается, что въ первое столѣтіе существованія братства, т.-е. въ періодъ самаго большаго процвѣтанія его идей, братья, игравшіе важную роль въ чешской религіозной исторіи, занимаютъ важное мѣсто и въ чешской литературѣ своей обширной дѣятельностью; съ самаго начала среди нихъ явилось множество писателей, изъ которыхъ нѣкоторые принадлежатъ къ самымъ знаменитымъ именамъ чешской литературы <sup>1)</sup>).

Мало того, число «братскихъ» сочиненій въ области духовно-нравственныхъ вопросовъ чрезвычайнымъ образомъ (um ein ungeheueres) превосходитъ сумму произведеній *всей* чешской теологической литературы того времени <sup>2)</sup>).

Не нужно забывать, что кромѣ теологій ничего почти и не было въ литературѣ того времени. Слѣдовательно, меньшая часть чешскаго народа, подъ влияніемъ своего самоотреченія для другихъ, больше послужила чешской тогдашней образованности, нежели болѣе многочисленная часть чешской націи, оставшаяся вѣрною старому образу мысли и старому строю жизни.

Въ этомъ умственномъ превосходствѣ чешскихъ братьевъ идущемъ рядомъ съ нравственнымъ, нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ чешскіе братья явились прямыми преемниками таборитовъ, а о просвѣщеніи таборитовъ намъ извѣстно слѣдующее: Эней Сильвій, который самъ посѣщалъ таборитовъ и котораго трудно заподозрить въ пристрастіи къ нимъ, рассказываетъ, что въ Таборѣ его встрѣтили «лучшіе горожане, священники и ученики, говоря по латыни, — *потому что этотъ неблагородный народъ только то имѣлъ въ себѣ хорошаго, что любилъ науки*». Въ другомъ мѣстѣ онъ говорилъ, что передъ таборитами «устыдился бы итальянскіе священники, изъ которыхъ едва кто-нибудь прочелъ вполнѣ Новый Завѣтъ, тогда какъ между таборитами не найдется можетъ быть женщины, которая бы не сумѣла отвѣчать изъ Ветхаго и Новаго Завѣта».

Такимъ образомъ здѣсь мы наблюдаемъ то же явленіе, которое отмѣтили у богомиловъ, и которое отмѣтимъ въ русскомъ расколѣ: «крайность» мнѣній не только не ослабляла приверженности къ просвѣщенію, но напротивъ того, значительно

<sup>1)</sup> Ист. слов. лат., II, стр. 308.

<sup>2)</sup> Gindely, т. I, стр. 89.

двигаетъ его впередъ: богомилы, табориты, чешскіе братья, раскольникы, и изъ послѣднихъ наиболѣе «крайніе» — духоборцы, молокане, штундисты всегда стояли несравненно выше окружающей среды не только въ нравственномъ, но и въ умственномъ отношеніи.

Но самый важный итогъ настоящаго очерка, это то, что изучающій таборитство и его вѣтви выноситъ то отрадное впечатлѣніе, что чешскіе табориты, такъ же какъ и болгарскіе богомилы и такъ же, какъ русскіе раскольникы, въ силу нравственнаго подъема, были братья между собой и между ними не было бѣдныхъ.

С. ВЕНГЕРОВЪ.



---

# НОВѢЙШІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ АФРИКАНСКАГО МАТЕРИКА.

---

## II \*).

Обращаясь къ новѣйшимъ изслѣдованіямъ сѣверной Африки, мы опять ограничимся выясненіемъ однихъ только главныхъ топографическихъ и климатическихъ фактовъ и наиболѣе общихъ или основныхъ условій быта, проходя, по необходимости, почти полнымъ молчаніемъ все слишкомъ усложненное специальными мнѣніями. Соответственно этому, самую большую часть предстоящей статьи займетъ Сахара; такъ какъ изслѣдованіе ея странствъ привело къ открытіямъ всего болѣе изумительнымъ, и физическія ея свойства обуславливаютъ основныя черты культуры всѣхъ прилегающихъ странъ.

Выше мы имѣли случай замѣтить, что въ дѣлѣ изслѣдованія Африки, первое мѣсто послѣ англичанъ принадлежитъ нѣмцамъ; а какъ изслѣдователи Сахары, они, въ новѣйшее время, положительно не имѣютъ соперниковъ. Трудами французскихъ офицеровъ собрано много интересныхъ данныхъ; но районъ ихъ дѣятельности слишкомъ ограниченъ, и только одно французское имя — имя Дюверье — можетъ быть поставлено на ряду съ нѣмецкими именами Барта, Рольфа, Нахтигала и Ленца. Для оффензивнаго этими людьми — и изъ нихъ всѣхъ больше Рольфомъ — было бы достаточно простого сопоставленія добытыхъ ими фактовъ съ прежними ходячими повятіями о Сахарѣ; но чтобы насколько ближе объяснить дѣло и вмѣстѣ познакомиться съ

---

\*). См. ниже: августъ, 537 стр.

трудами и опасностями, какими обставлено изслѣдованіе пустыни, мы остановимся на двухъ недавно изданныхъ книгахъ: путешествіи Нахтигала въ Сахару и Суданъ и путешествіи Рольфа изъ Триполи въ Куфру <sup>1)</sup>. Очень любопытно будетъ, вѣроятно, путешествіе Ленца, перваго специалиста-геолога, посѣтившаго Сахару; но его книга еще готовится къ изданію.

Нахтигаль сталъ изслѣдователемъ Африки случайно. Онъ туда пріѣхалъ просто для поправленія здоровья, еще въ 1862 году, и остался жить въ Тунисѣ, потому что полюбилъ край, хорошо выучился по-арабски, обзавелся практикой и настолько освоился со всѣми сторонами мѣстной жизни, что даже участвовалъ въ экспедиціяхъ противъ хищническихъ племенъ. Тянуло его и дальше, въ глубь пустыни и въ Борну; но, сознавая свою неподготовленность—которая, по его словамъ, и впоследствии много задержала его розысканія—онъ не давалъ воли этимъ мечтамъ, пока Рольфъ неожиданно не предложилъ ему отвезти письмо и благодарственные подарки прусскаго короля сутану Борну, Шейхъ-Омару, покровительству котораго самъ Рольфъ и раньше его Бартъ, Овербекъ и Фогель были много обязаны. Предполагалась поѣздка или экспедиція, конечно, интересная, но довольно обыкновенная, на нѣсколько мѣсяцевъ; вышло изъ этого путешествіе, продолжавшееся шесть лѣтъ (1868—1873) и замѣчательное не только по интересу трудно доступныхъ странъ, которыя путнику удалось посѣтить, но и по богатству собранныхъ свѣдѣній, обработанныхъ впоследствии съ необыкновеннымъ мастерствомъ. Въ Тибести, Эган, Боделе, Борку никто не проникъ ни до, ни послѣ Нахтигала; почти ему одному мы обязаны фактическими свѣдѣніями объ Вадан; и даже Дарфуръ, который онъ посѣтилъ незадолго до присоединенія его къ Египту, былъ въ то время такъ мало доступенъ, что раньше Нахтигала тамъ удалось побывать всего двумъ европейцамъ. Мы скажемъ подробнѣе только объ экспедиціи въ Тибести; такъ какъ изъ числа наиболѣе интересныхъ эпизодовъ шестилѣтнихъ странствій Нахтигала, она одна вошла въ изданный до сихъ поръ первый томъ его книги <sup>2)</sup>. Этого образчика будетъ, однакоже, до-

<sup>1)</sup> Выше мы назвали эти книги; также Petermann's Mittheilungen 1880—1881, — гдѣ въ особенности см. статью д-ра Фишера, Die Dattelpalme (дополнит. тетрадь № 64, 1881) и статью Рольфа: Zur Lybischen Wüste, 1880, стр. 445; и Die Mission Flatters, 1881, стр. 298.

<sup>2)</sup> Послѣ составленія настоящей статьи появился и второй томъ. Самъ Нахтигаль теперь вторично отправился въ Тунисъ, въ званіи германскаго генеральнаго консула.

волю для оцѣнки остального; въ особенности ежели пояснить, что Нахтигаль большую часть времени держался и странствовалъ въ этихъ дальнихъ краяхъ безъ всякихъ денежныхъ средствъ. По его словамъ, тайна успѣха заключается въ терпѣніи; и очевидно, что онъ въ рѣдвой степени развилъ въ себѣ это качество и тотъ природный даръ обходиться съ людьми, примѣняться къ условіямъ совсѣмъ иного міра, который такъ же необходимъ изслѣдователю, какъ физическая упругость или сила сопротивленія болѣзни и изнеможенію. Онъ признается, что, можетъ быть, и отступилъ бы передъ задачей, если бы предвидѣлъ ожидавшіе его долгіе годы умственного одиночества, лишеній, болѣзней и опасностей. Повидѣе только, говорить онъ, вдали отъ суеты и кривизнъ европейской жизни, привыкаешь иначе понимать время и пространство, становишься скромнѣе въ замыслахъ, упрямѣе въ стремленіи, тверже въ невзгодахъ и страданіи.

Нахтигаль — представитель европейской образованности въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Его горячая преданность знанію и идеаламъ иного строя жизни чужда умственной кичливости, которая превозноситъ свое и унижаетъ чужое. Даже при самыхъ обидныхъ столкновеніяхъ съ представителями варварскаго быта, онъ прежде всего старается быть объективнымъ, не допустить себя увлечься отъ справедливости, подъ вліяніемъ личнаго раздраженія, и не просмотрѣть разумной, человѣчной стороны изображаемыхъ явленій, которая всегда находитъ въ немъ сочувственный откликъ. Съ этимъ связывается, конечно, та черта его нравственной личности, что даже среди величайшихъ искушеній онъ умѣлъ побороть въ себѣ мысль объ отщепеніи или насиліи.

Типомъ просвѣтителя совсѣмъ иного рода является Рольфсъ. Онъ превосходитъ Нахтигала по специальной подготовкѣ къ дѣлу изслѣдованія, и въ двадцать сличкомъ лѣтъ, посвященныхъ неутомимымъ и смѣлымъ изысканіямъ во всѣхъ частяхъ сѣверной Африки, отъ Марокко и Сенегала до Нила, еще больше его умѣлъ сдѣлать для изученія края. Но Рольфсъ не полюбилъ живой объектъ своихъ изслѣдованій. Магометанская Африка ничего ему не внушаетъ, кромѣ негодованія и презрѣнія, и, къ несчастію, ему пришлось составлять свою послѣднюю книгу (Нилъ) при условіяхъ, дававшихъ выраженію этихъ чувствъ особенный просторъ — и, быть можетъ, подъ сличкомъ живымъ вниманіемъ частной аудіенціи у великаго канцлера. Какъ извѣстно, экспедиція Рольфса была ограблена, и большая часть приготовленнаго имъ цѣннаго матеріала погибла. Вслѣдствіе этого,



при обработкѣ уцѣлѣвшаго, получилось слишкомъ немного страницъ разгониатаго шрифта, и авторъ дополнилъ ихъ до размѣра книги нѣмецкимъ героизмомъ послѣдней формации, направленнымъ противъ французскъ, католическъ и семитскъ и даже скрамелитскимъ евангельскимъ текстами. По его смѣлому обобщенію, у арабовъ и берберовъ, хотя они и считаютъ себя, по вѣрованію, первымъ народомъ въ мірѣ — какъ евреи по библіи и французы по Виктору Гюго — въ дѣйствительности одна добродѣтель — гостепріимство; да и та, по бѣдности, рѣдко практикуется. А затѣмъ они тщеславны, хвастливы, жоварны, жестоки, скуны, алчны, лѣнивы, суевѣрны. Управа на нихъ одна — палка. Преданность и вѣрность слову доступны имъ только ради користи; а безкорыстно они способны только лгать, потому что лажъ у нихъ вторая природа. Пришпену, конечно, трудно судить объ ихъ нравственности, такъ какъ они мастера притворяться; но и въ сношеніяхъ между собою они допускаютъ правду и честность лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это вполне необходимо — что, впрочемъ, вообще свойственно тѣмъ, у кого на первомъ планѣ обрядность. Въ этому прибавляется отвратительный фанатизмъ, основанный на поразительномъ невѣжествѣ, убожество мысли и тугодумность въ искусству. Родины у нихъ нѣтъ; и султанъ, повелитель правовѣрныхъ, — только противоположность ненавистнаго владычества христіанъ. Такими же — продолжаетъ Рольфсъ — всегда были *эти семиты*, паразиты искони, неспособные чтобы то ни было дѣлать сами, и только мастера заставлять другихъ работать на себя. Даже руки и ноги у нихъ оказываются маленькія собственно потому, что они не ходятъ и ничего не дѣлаютъ. Тѣхъ, кто начитался о красотѣ арабовъ, онъ приглашаетъ пріѣхать въ Бенгази, и тутъ беретъ показывать имъ эту красоту. Рольфсъ не говоритъ прямо, что нѣмцы написали коранъ и сочинили арабскій языкъ, счисленіе и алгебру, но утверждаетъ, что теперешніе берлинскіе профессора пишутъ по-арабски лучше, чѣмъ арабскіе ученые, и что вся литература арабовъ — перевернутые ключи нахваченнаго ими у другихъ. Если когда-нибудь и на какомъ бы то ни было поприщѣ имъ удавалось достигнуть какихъ-либо успѣховъ, за нихъ работали невѣдомые, но даровитые и развитые христіане VII, VIII и IX вѣка, какъ въ наши дни Омеръ-паша и Мехметъ-Али-паша. Неправда, будто бы арабы цивилизовали Испанію: орененіе существовало еще во времена римлянъ; и для Испаніи было, напротивъ, величайшимъ счастьемъ, что она отъ нихъ избавилась. Будь они способны къ насажденію культуры въ Испаніи въ VIII ст.,

они бы и въ XVI—XVII сдѣлали тоже въ Африкѣ; они, напротивъ, Африку разорили; и эти благодатныя страны узнаютъ лучшее будущее тогда только, когда Франція округлитъ свои алжирскія владѣнія, а Англія возьметъ Египетъ, Испанія—Марокко, и Италія—лежащее у ея ногъ Триполи; причемъ всѣмъ имъ слѣдуетъ немедленно обезоружить магометанское населеніе и помнить, что съ племенами пустыни можно переговариваться только «при посредствѣ свинца».

Какое бы, впрочемъ, ни было прошедшее и будущее магометанскаго сѣвера Африки, современная дѣйствительность далеко не производитъ такого безотраднaго впечатлѣнія, даже въ разсказѣ самого Рольфа. Тенденціозныя нападки и сопоставленія, направленные противъ домашнихъ политическихъ противниковъ, скорѣе способны вызвать протестъ въ непредубѣжденномъ читателѣ, который замѣтитъ, что фанатизмъ самаго помѣшаннаго факира все-таки не можетъ идти дальше предлагаемаго просвѣщеннымъ европейцемъ безпричиннаго вторженія въ иновѣрческій край и поголовнаго истребленія жителей, и что мрачное невѣжество мусульманскихъ массъ едва ли превосходитъ непроглядную темноту, въ которой до сихъ поръ систематически удерживаются миллионы европейскаго населенія. Какъ ни больно было Рольфу видѣть погибель трудовъ, стоившихъ столькихъ усилій, и неудачу наканунѣ успѣха, казавшагoся, наконецъ, обеспеченнымъ, приходится, однакожъ, сказать, что все, чему онъ подвергся со стороны дикихъ африканскихъ воевниковъ, могло бы постигнуть непрощеннаго посягателя и во многихъ христіанскихъ обществахъ, особенно въ періоды такого возбужденія, какое теперь, подъ вліяніемъ многообразныхъ усилій Европы, переживаетъ магометанскій міръ. И нельзя поручиться, чтобы въ христіанскихъ обществахъ иновѣрецъ и иноплеменникъ, подвергнутый травлѣ, встрѣтилъ среди общей разнузданности дурныхъ страстей такую безстрашную защиту и потомъ такое общее снисхожденіе къ побѣжденному и обезоруженному врагу. Рольфъ задумалъ пройти, по порученію и на средства нѣмецкаго африканскаго общества, изъ Триполи, черезъ Ауджилу къ оазамъ Куфра, гдѣ ни разу еще не была нога христіанина, и оттуда въ Вадаи, причемъ долженъ былъ доставить тамошнему султану письмо и подарки отъ императора Вильгельма, въ благодарность за пріемъ, оказанный султаномъ Нахтигалю. Цѣль экспедиціи, при громкой извѣстности ея предводителя, возбудила въ Европѣ такой интересъ, что во время сборовъ Рольфъ получалъ до шестисотъ писемъ отъ разныхъ лицъ, вызывавшихся ему сопутство-

вать. Онъ пустился въ путь съ молодымъ зоологомъ Штекеромъ, подъ охраной султанскаго фирмана, оказавшагося совершенно подлиннымъ, т.-е. свободнымъ отъ таинственныхъ значковъ, которыми принято на востоке уничтожать силу писемъ и документовъ, выдаваемыхъ противъ желанія. Сначала все шло хорошо и экспедиція встрѣчала радушный пріемъ даже въ пунктахъ, пользующихся репутаціей исключительной святости; но въ Джало Рольфсъ замѣтилъ рѣзкую переѣну общественнаго настроенія, довольно понятную, впрочемъ, ежели вспомнить, что въ былые годы онъ въ этой же мѣстности умѣлъ оказывать почитеніе въ магометанской святинѣ, а тутъ оказывался настолько безтактнымъ, что при немъ была комнатная собачка, которая загрызала съ молящимися на площади, становилась передъ ними на заднія лапы и продѣлывала другія неестественныя штуки. Принялось выносить ругательства озлобленной толпы, преслѣдованіе мальчишекъ, которые бросались камнями, жить въ осадномъ положеніи, подъ особой охраной, организованной турецкимъ каймакомъ, и наконецъ, отступить въ Бенгази, подъ прикрытіемъ высланнаго оттуда турецкаго конвоя. Рольфсъ, однакожъ, объясняетъ, что причины ожесточенія противъ него были не исключительно религіозныя, но и экономическія; а именно страхъ, что въ случаѣ проникновенія въ Вадаи, онъ испортитъ недавно завязавшіяся торговныя сношенія съ этимъ краемъ, который, послѣ занятія Дарфура египетскимъ хедивомъ, оградилъ себя съ этой стороны строгимъ военнымъ кордономъ и сталъ направлять караваны съ костью и страусовыми перьями въ Триполи. Въ Бенгази, послѣ многихъ проволочекъ и вымогательствъ со стороны арабовъ, Рольфсу удалось, наконецъ, благодаря энергической поддержкѣ турецкаго правительства, сдѣлать караванъ. Но духовная особа, отъ которой дѣйствительно зависѣло разрѣшеніе посѣтить Куфру, уклонилась отъ свиданія съ Рольфсомъ; и тамъ, вскорѣ послѣ его прибытія, началось брѣзженіе, которое выразилось въ разныхъ дерзкихъ насиліяхъ и завершилось бы убійствомъ, еслибы одинъ изъ шейховъ, приглашенныхъ къ участию въ нападении и дѣлежѣ добычи, не предупредилъ Рольфса и, съ величайшей опасностью для собственной жизни, не ввелъ его подъ свою защиту. Лагерь былъ, между тѣмъ, разграбленъ дикимъ и варварскимъ образомъ, такъ что штуки дорогого бархата валялись въ одинъ тюкъ съ масломъ. Инструменты были разбиты, бумаги разорваны и разметаны, и вся почва зарыта въ поискахъ за деньгами. Все это должно было повзбѣдить еще обиднѣе, когда вскорѣ же прибылъ въ Куфру гонецъ изъ центральнаго или пер-

вещствующаго монастыря, Джарабуба, съ приказаніемъ оказать экспедиціи приличное гостепріимство. Монахи Куфры, которые въ сущности были главными виновниками катастрофы, сдѣлали тогда все возможное, чтобы поправить дѣло, и заставили хищниковъ возвратить большую часть добычи; на обратномъ пути экспедицію вездѣ встрѣчали пріятливо, и въ Ауджилѣ прежніе недоброжелатели, усноковившіеся насчетъ своихъ торговыхъ дѣлишекъ, даже предлагали Рольфу деньги.

Не смотря на непріятный тенденціозный тонъ книги и погребель дневниковъ, таблицъ, рисунковъ, коллекцій и частью совершенно уже обработанныхъ мемуаровъ или отчетовъ африканскому обществу, путешествіе Рольфа въ Куфру остается чрезвычайно цѣннымъ вкладомъ въ литературу Сахары. Карты удалось спасти; изслѣдованъ обширный районъ пустыни, нигдѣ еще невиданный, и результаты этого изслѣдованія записаны рукою опытнаго наблюдателя, которому во всемъ, что касается фактовъ, можно довѣрять безусловно.

Ознакомившись съ характеромъ источниковъ, которыми мы всего болѣе пользовались при настоящей работѣ, постараемся кратко сгруппировать главные выводы новѣйшихъ изслѣдованій магометанскаго сѣвера Африки.

Установившееся представленіе объ Сахарѣ, какъ о песчаной равнинѣ, бывшей когда-то дномъ моря, а, пожалуй, и вновь способной превратиться въ море, теперь опровергнуто совершенно. Сахара не была дномъ морскимъ съ тѣхъ давнихъ геологическихъ эпохъ, когда совершилось поднятіе всего материка; и вновь занять ее водой нельзя, такъ какъ она вся лежитъ гораздо выше морского уровня. Вѣсто необозримой, однообразной песчаной плоскости, въ результатѣ изслѣдованій оказался очень пестрый рельефъ, многочисленныя плато съ вершинами и горами, и въ трехъ нумерахъ могучіе горные массивы, причемъ промежуточные возвышенныя, углубленія или относительноныя пониженія мѣстности раздѣляютъ пустыню на нѣсколько довольно рѣзко разграниченныхъ областей, и изъ всего ея пространства покрыто песками не болѣе одной десятой части. Восточная полоса этого пространства, примыкающая къ высокому берегу Нила, извѣстна подъ именемъ Ливійской пустыни, и существенно отличается отъ западной Сахары, составивъ, впрочемъ, одно цѣлое съ нею. Именемъ же этой восточной части, а не къ западной, какъ полагаютъ Гиттартъ, вполне примѣнимо названіе безводной пустыни.

Самые размеры Сахары оказались на третью треть меньше прежних гадательныхъ размеровъ, хотя и до сихъ поръ южная ея граница, гдѣ пустыня постепенно переходитъ въ прерію, остается не исследованной на большей части протяженія, и точное опредѣленіе пространства все еще невозможно. Приблизительно, можно, однако, сказать, что Сахара занимаетъ около четвертой части поверхности всего материка, т.-е. немного болѣе 166,000 кв. миль (нѣсколько болѣе 8.000,000 кв. верстъ). Изъ этого итога отходить подъ пески или дюны около 900,000 кв. верстъ; вдвое болѣе пространство занято кряжами и скалистыми массами; степей и пастбищъ до 1.350,000 кв. верстъ; оазисъ и вообще воздѣланной земли до 180,000 кв. верстъ; а затѣмъ, на пространствѣ около 4.000,000 кв. верстъ, разстилаются двѣ господствующія формы пустыни: хамада и сериръ. Хамадами называютъ безводныя каменистыя плоскости, возвышающіяся послѣдовательными, болѣе или менѣе крутыми уступами, съ утесистыми грядями и отдѣльными скалами по краямъ; сериръ — самая однообразная изъ всѣхъ формъ пустыни: отшлифованная вѣками галька.

Общему суровому впечатлѣнію вполне соответствуютъ и обращенные къ Сахарѣ южные, обнаженные склоны Атласа, рѣзко отличающіеся отъ лѣсистыхъ сѣверныхъ кряжей, а также мрачная и безводная горная гряда по ту сторону долины Нила, вдоль берега Краснаго моря.

Главный горный массивъ всей Сахары, илго Туарегъ, исследованное Дюверье, покрываетъ своими уступами и развѣтвленіями громадную часть пустыни къ югу отъ Алжира. Это сплошь черный песчаникъ, разсѣвшійся подъ прямыми углами, растерзанный, хаотически нагроможденный, усѣянный черными скалами и сливающимъ нижними своими уступами съ мрачной хамадой, надъ которой онъ поднятъ. Наиболѣе высокая часть массива увѣнчана двумя вершинами-близнецами, которые три мѣсяца въ году покрыты снѣгомъ, т.-е. несомнѣнно должны быть выше 2,500 метровъ. Къ югу и востоку отъ сложныхъ развѣтвленій этой горной группы разстилаются хамады, примыкающія къ двумъ другимъ центральнымъ массивамъ: южнѣ возвышается Аиръ или Асбенъ, открытый Бартомъ, также мрачный и совершенно лишенный растительности; а болѣе къ востоку тянется грядой горная область Тибести, до сихъ поръ посѣщенная однимъ только Нахтигалемъ. На сѣверо-востокѣ, высокая и безводная Хамада-эль-Омра (меридіанъ Туниса) связываетъ послѣдніе уступы Туарега съ такъ-называемыми Черными горами (меридіанъ Три-

волн), которыя были извѣстны еще римлянамъ, и тянутся, подъ разными названіями, параллельно берегу, до г. Ауджилы. Эта непрерывная и постепенно понижающаяся гряда имѣетъ огромное значеніе, какъ неопровержимое географическое указаніе грани, отдѣляющей возвышенное плато Сахары отъ полосы пустыни, бывшей когда-то моремъ. Эта полоса и пласты гряды чрезвычайно богаты окаменѣlostями морскихъ животныхъ, тогда какъ на всемъ остальномъ пространствѣ Сахары были до сихъ поръ находимы исключительно окаменѣlostи прѣсноводныя, озерныя и рѣчныя. Теперь пространство между этой грядой и заливомъ Большой Сирты поднято выше уровня моря, отъ котораго и отдѣлено незначительнымъ прибережнымъ уступомъ, который тянется до дельты Нила и достигаетъ наибольшей высоты въ Киренейскомъ плато. Но отъ угла Б. Сирты въ Нилу идетъ за этимъ уступомъ полоса оазовъ (Сіуа, бывшій Юпитера Аммона и др.), которые лежатъ ниже морского уровня. Серьезно обсуждался проектъ соединенія съ моремъ одной только части пустыни: небольшого пространства Шотъ въ Алжирѣ, противъ угла Габесскаго залива; и осуществленіе этого проекта фактически возможно, такъ какъ Шотъ абсолютно ниже морского уровня на 29 метровъ. Но расходы потребовались бы огромныя, а польза можетъ получиться слишкомъ ничтожная. Другой проектъ, о наводненіи обширнаго пространства эль-Джуфъ (пусть пустыни) въ западной части Сахары, основанъ на ошибочныхъ данныхъ; такъ какъ эта мѣстность, хотя и образуетъ котловину или впадину, но все-таки на 100 или 150 метровъ выше уровня океана.

Пустыня всегда производитъ на человѣка глубокое впечатлѣніе. Въ виду этой безпредѣльности, страшной тишины и отсутствія жизни, онъ чувствуетъ себя потеряннымъ, безпомощнымъ и ничтожнымъ; но въ этомъ сознаніи неравенства силъ онъ находитъ и источникъ ободренія и рѣшимости. Странствія по лицу пустыни дѣлаютъ человѣка серьезнымъ, часто угрюмымъ. Преобладающій тонъ необоримаго пространства всецѣльный, желтый или бурый, потому что вѣтеръ всюду заноситъ частицы пыли; а послѣ сильныхъ бурь, въ безвѣтренные дни онъ цѣлыми облаками виситъ въ воздухѣ. Въ большинствѣ случаевъ, вѣтеръ поднимается съ солнцемъ и съ закатомъ спадаетъ, небрасывая надъ всею обширною пыльный покровъ. Въ городахъ, дома, сады, животные и люди какъ бы окрашены разными тѣнами одного этого пыльнаго кѣйта, тѣмъ болѣе, что яркій свѣтъ поглощаетъ дѣйствіе краски, и самое небо вовсе не кажется лазурнымъ, а, напротивъ, блѣднѣющимъ, и солнце представляется бѣлымъ пятномъ.

При сильномъ вѣтрѣ, расваленная пыль мучительна, она слѣпить и задушаетъ. Громадныя пространства пустыни нѣбуютъ, однакоже, при нормальныхъ условіяхъ другой видъ и поражаютъ мрачнымъ и суровымъ величіемъ, такъ какъ черныя песчаніе одна изъ тѣхъ породъ, которыя всего чаще встрѣчаются въ Сахарѣ, и онъ на необозримыя пространства разстилается по плоскимъ уступамъ хамадъ и громадится на огромную высоту дикими, хаотическими скалами. Обломки такихъ скалъ или глыбы известняка, такъ-называемый харапашъ, покрываютъ широкія полосы пустыни, по которымъ путь всего мучительнѣе для верблюдовъ, и перѣѣзъ возможенъ только по дну громадныхъ дождевыхъ вымоинъ. Да и гдѣ оказываются иногда заваленными, такъ что измученному каравану приходится идти назадъ, взбираться на кручи и отыскивать новые пути. Наиболѣе дикія и поразительныя картины пустыни, конечно, представляетъ въ западной части, въ районѣ горныхъ массивовъ Туарегъ и Аиръ, гдѣ черныя песчаніе господствуетъ почти исключительно. Днемъ мрачныя тѣни до нѣвѣстной степени поглощаются солнечнымъ и отраженнымъ свѣтомъ и колебаніемъ воздуха; но при закатѣ черныя утесы явственно выступаютъ на прозрачномъ небѣ и порой горятъ какъ расваленные уголья. И ежели днемъ блѣскавое небо Сахары не можетъ быть названо прекраснымъ, то ночью оно надъ ней разстилается въ несравненной красотѣ. Караваны всего охотнѣе выступаютъ съ привала именно ночью, съ восходомъ луны;—и въ долгіе часы такого ночного странствія, мрачная каменная пустыня вполне овладѣваетъ душой человѣка, покрываетъ его своей необъятностью, безмолвіемъ, страшнымъ отсутствіемъ звука, мрачной тѣнью горныхъ громадъ, волшебствомъ луннаго освѣщенія, невидимымъ въ иныхъ широтахъ и при менѣе чистомъ воздухѣ. Вообще свѣтовые эффекты бываютъ въ пустынѣ поразительны, особенно утромъ, и еще болѣе при закатѣ солнца, когда воздухъ вдругъ становится какъ-то странно прозрачнымъ и всѣ предметы—и между прочимъ зеленъ пальмовыхъ рощъ—отражаютъ догорающіе лучи совсѣмъ необычными, чарующими красками. Ролѣфъ говоритъ, что изъ всѣхъ городовъ, какіе онъ видѣлъ, самый прекрасный—Бенгази, въ томъ превратномъ, волшебномъ видѣ, въ какомъ онъ представляется съ сурого пути, со стороны Ауджилы. Колебаніе воздуха приподнимаетъ горизонтъ настолько, что городъ отрывается въ сорока верстахъ, причемъ всѣ его размѣры удлинены въверху, и въ этой обманчивой перспективѣ путникъ видитъ ослѣпительно бѣлыя стѣны, высокую зеленъ пальмъ, минареты, куполъ католической церкви,

лазурь соленого озера и лазурь моря, а на горизонтъ горы Ки-ринен. Въ самой восточной части пустыни, въ такъ-называемомъ, Ливійскомъ известняковомъ плато, между Ниломъ и оазами Уа, хамада представляетъ ту особенность, что вездѣ, гдѣ ея уступы не покрыты подвижной насыпью,—слоемъ песку, гальки, кремня или тѣми странными известняковыми шарами, отъ аршина до сажени въ діаметрѣ, которые арабы называютъ батіа, дпнами, —громадные пласти известняка, сѣрые, иногда розоватые и фіолетовые отполированы летучимъ нескомъ до твердости стекла и поразительно ярко отражаютъ солнечные лучи. Напротивъ, черный песчанникъ всего чаще такъ подточенъ дѣйствіемъ солнца и влаги, что его поверхность больше подается подъ ногой, нежели слой песку. Вообще, уступы хамады рѣдко поднимаются сразу одинъ надъ другимъ. Почти всегда имѣ, за нѣсколько верстъ, предшествуетъ поясъ отдѣльныхъ высотъ, которыхъ форма и внутреннее строеніе несомнѣнно доказываютъ, что онѣ нѣкогда составляли одно цѣлое съ уступомъ, а теперь являются какъ бы твердымъ остовомъ тѣла, котораго мягкія части подверглись разложенію. Мы ниже увидимъ, что процессъ этого разложенія или выѣтриванія имѣетъ въ Сахарѣ самое широкое примѣненіе. Теперь простимся съ хамадой или каменной пустыней, прибавимъ только, объ упомянутомъ выше Ливійскомъ известняковомъ плато, что на всемъ его пространствѣ (до 120,000 кв. верстъ) не встрѣчается ни одного деревца, ни малѣйшаго ручейка или водоема въ скалѣ, и даже въ величественныхъ сталагмитовыхъ пещерахъ нѣтъ теперь ни одной капли воды.

Другая, самая распространенная форма пустыни, сериръ, т.-е. необозримыя пространства мелкой гальки, величиной отъ горошины до грецкого орѣха, представляетъ крайнее выраженіе однообразія, пустоты и отсутствія жизни. На всемъ горизонтѣ гдѣзъ тщетно ищешь малѣйшаго предмета, на которомъ бы могъ остановиться, и томилное чувство развивается здѣсь всего сильнѣе. Такова, напримѣръ, полоса пустыни въ 350 верстъ шириной (путь изъ Ауджилы въ Куфру), о которой Рольфъ замѣчаетъ, что она навсегда останется на вѣки бѣлымъ мѣстомъ, потому что на ней нѣтъ рѣшительно ничего и намѣненіе уровня можно прослѣдять только съ помощью инструментовъ. Такова же еще большая дистанція въ югу отъ Куфры, къ мѣстности Уад-шанга.

Пески встрѣчаются во всѣхъ частяхъ пустыни, покрывая болѣе или менѣе обширныя пространства, которыя съ высокихъ точекъ мѣстности кажутся свѣтлыми пятнами на болѣе темномъ фонѣ



хамадъ и серира. Мѣстами нестачная почва тверда, не подается подъ ногой и разстилается пологими волнами; но болѣею частью массы чистѣйшаго сплутаго песку образуютъ песчанныя моря, по которымъ идутъ волнами ряды громадныхъ дюнь. Такое море есть и въ Ливійской пустынѣ; но въ особенности знаменито пространство, называемое Арегъ (по арабамъ, сѣть жидъ), принадлежащее къ алжирскимъ владѣніямъ Франціи, гдѣ дюны достигаютъ самаго поразительнаго развитія. Пески засыпаютъ мѣстность постепенно. Сначала, еще въ нѣсколько переходахъ, попадаются отдѣльные ряды дюнь; потомъ они встрѣчаются чаще, причемъ въ долинахъ между ними еще видны камени или, какъ въ Алжирѣ, въ такъ-называемомъ *petit désert*, растительность; наконецъ, заносится и эти долины и уже нигдѣ кругомъ ничего не видно, кромѣ песку. Дюны тянутся главнымъ образомъ по направлению господствующихъ вѣтровъ, отъ сѣверо-запада къ юго-востоку; причемъ гребень ихъ никогда не бываетъ горизонтальнымъ, а всегда волнистый, съ многими возвышеніями черезъ версту и болѣе. Склонъ, преимущественно обращенный къ вѣтру, бываетъ у подошвы довольно пологій, потомъ постепенно становится все круче и въ гребнѣ срѣзанъ, какъ ножомъ; а противоположный склонъ всего чаще такъ крутъ, что караваны иногда долго бредутъ вдоль гребня, не находя мѣста, гдѣ бы можно спуститься. Очень часто дюны имѣютъ видъ отдѣльныхъ горъ, крутыя вершины которыхъ неприступны; а въ нинѣхъ долинахъ встрѣчаются ряды острыхъ конусовъ или настоящихъ иглъ. Иногда, послѣ утомительнаго подъема на дюну, вдругъ открывается подъ ногами чудовищная крутая веронья въ сто и болѣе метровъ глубиной, съ чернымъ каменнымъ дномъ, до такой степени ужасная, что даже флегматичные верблюды съ рессомъ отшатываются отъ края бездны. Размѣры дюнь чрезвычайно различны: рядомъ съ маленькимъ конусомъ въ два-три метра возвышаются настоящія горы въ сто и болѣе метровъ высоты и до пяти верстъ въ окружности. Рассказы о дюнахъ въ тысячу метровъ основаны на миражѣ и на иллюзіяхъ луннаго освѣщенія, при которомъ и люди, и верблюды кажутся огромными; но дѣйствительно встрѣчаются дюны въ триста метровъ, образовавшіяся на высокихъ утесахъ; а затѣмъ часто-нестачныя дюны не бываютъ выше 100—150 метровъ. Хаосъ въ песчаномъ морѣ такой, что только опытный и чуткій въ малѣйшихъ примѣтахъ глазъ араба можетъ въ немъ не потеряться и сохранить направленіе. Подвижность летучаго песку такъ велика, что даже при умѣренномъ вѣтрѣ слѣды пугбна заметаются въ нѣсколько минутъ, и можно слѣдить за тѣмъ,

какъ маленькія дюны надвигаются по кѣтру; однакожь, вслѣдствіе какихъ-то особнхъ вліяній, большія пестыны горы сохраняютъ свои очертанія въ теченіе многихъ лѣтъ, и арабы умѣютъ ихъ высматривать въ песчаномъ хаосѣ.

Солончаки, соленныя озера и колодцы, дающіе солоноватую воду, встрѣчаются во многихъ мѣстностяхъ Сахары. Есть также сѣрные ключи.

Пески Сахары продуктъ разложенія пестынина, пласты котораго преобладаютъ въ строеніи ея корн. Вообще несомнѣнно, что весь тотъ процессъ обнаженія, которому Сахара подверглась въ послѣдніе эпохи: образованіе всѣхъ второстепенныхъ неровностей ея поверхности, отбѣсной кручи склоновыхъ уступовъ и отдѣльныхъ высотъ, наносъ харапафа, разрытіе громадныхъ вымоинъ и несчетныхъ расклинъ, по которымъ притечетъ растительность и, наконецъ, постепенное расширеніе самыхъ предѣловъ пустыни—обусловлены исключительно метеорологическими явленіями, дѣйствіемъ жара и холода, вѣтра и воды. Лучи солнца, влага и ночные холода разрыхляютъ, раскалываютъ и крошатъ камень; вѣтеръ разноситъ, дробитъ и шифуетъ его частицы, дѣйствуя ими на все встрѣчающееся, постепенно прекращая накопленіе влаги, засыпая смущающіе ручьи и губя растительность; потоки воды послѣ страшныхъ ливней постепенно образуютъ чудовищныя вымоины, широкія долины и далеко разнеситъ громадные обломки скалъ. Даже теперь разрушительное дѣйствіе этихъ потоковъ поражаетъ; и Дюверье, напримѣръ, видѣлъ зимой и весной 1861—62 года, въ районѣ плато Туарега, цѣлыя пестынные горы и скалы въ тысячу и болѣе кубическихъ метрокъ, перенесенныя за 10—15 верстъ. Между тѣмъ научно доказанные факты свидѣтельствуютъ, что даже въ историческія времена климатъ Сахары былъ гораздо болѣе влаженъ, нежели теперь, и, стало быть, разрушительное дѣйствіе воды должно было проявиться сильнѣе, не говоря уже о напращеніи этого дѣйствія въ ближайшія къ намъ геологическія эпохи. Такимъ же образомъ и органы, свирѣпствующіе и теперь съ страшной силой, прежде несомнѣнно были еще губительнѣе; и, конечно, только ихъ дѣйствіемъ можетъ быть объяснена, напримѣръ, шифовка порфиритовыхъ въ известномъ утесовъ въ видѣ груши, поставленной толстыми концами въ верху. О напращеніи электрическихъ явленій свидѣтельствуютъ громовыя стрѣлы, которыми буквально убиваны широкія полосы пустыни.

Какъ разсказамъ о такихъ мѣстностяхъ Сахары, гдѣ дождей вовсе не бываетъ, Рольфсъ совѣтуетъ относиться съ осторож-

ностью. Во всѣхъ посѣщенныхъ имъ оазахъ, кромѣ Буфры, онъ видѣлъ на постройкахъ яственные слѣды сильныхъ дождей. Точныя наблюденія доказываютъ, что количество влаги въ воздухѣ въ Сахарѣ больше, чѣмъ, напримѣръ, въ Германіи въ зимніе, весенніе и осенніе мѣсяцы; но вслѣдствіе высокой температуры осажденіе паровъ становится возможнымъ лишь при подъемѣ на очень большую высоту, что и подтверждается не рѣдкими образованіемъ оболочунныхъ колецъ и ложныхъ лунъ. При дневныхъ колебаніяхъ температуры въ 15—20°, и даже до 40°, съ нерѣдкими случаями мороза въ зимніе мѣсяцы, изобиліе влаги (до 76%) вызываетъ частыя и сильныя росы и образованіе перистыхъ и слоистыхъ облаковъ, которыя утромъ и вечеромъ часто наблюдаются на сахарскомъ небѣ. Въ общемъ выводѣ, въ зимніе мѣсяцы бываетъ по нѣскольку дождей; но несомнѣнны два факта: во-первыхъ, что случаются годы бездождные, а въ иныхъ мѣстностяхъ и по многу лѣтъ сразу не выпадаетъ ни одной капли дождя; и, во-вторыхъ, что хотя красота многихъ долинъ и благосостояніе ихъ населенія во многомъ зависятъ отъ обилія дождей, однако въ иныхъ мѣстностяхъ въ дождяхъ не ощущаютъ потребности и даже опасаются ихъ, такъ какъ они размываютъ солонцоватыя мазани и вредятъ пальмовымъ насажденіямъ. Дѣло въ томъ, что въ оазахъ и вообще во многихъ мѣстностяхъ почвенныя воды держатся на очень небольшой глубинѣ, такъ что корни пальмъ получаютъ изъ почвы всю требующуюся имъ влагу; и даже тамъ, гдѣ этого нѣтъ, и воду для полива приходится добывать изъ глубочайшихъ колодезевъ, дождями все-таки не придаютъ цѣны, потому что случайно выпавшій дождь ничего не успѣваетъ дать почвѣ и вредитъ листьямъ и плодамъ пальмы, вслѣдствіе чего арабы почвенную воду называютъ живительной, а дождевую мертвой. Затѣмъ Рольфсъ положительно утверждаетъ, что нѣкоторые акаціи, тамарисъ и другія растенія могутъ существовать и растутъ хорошо въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ почвенныя воды недостижимы для ихъ корней, и гдѣ по многимъ годамъ не бываетъ дождя. Онъ ставитъ этотъ фактъ въ всякаго сомнѣнія и объясняетъ его способностью листьевъ впитывать въ себя и перерабатывать атмосферную влагу, чему, быть можетъ, способствуютъ частицы соли, замѣчаемыя на листьяхъ этихъ растеній и въ особенности на листьяхъ тамариса, всегда покрытыхъ слоемъ соли. Въ подтвержденіе этого факта Рольфсъ ссылается на профессора Эрнста, который нашелъ въ Каракасѣ дерево *Pitcolobium Saman*, впитывающее атмосферную влагу съ такой энергіей, что вода струится по его

ствоу и каплетъ дождемъ съ листьевъ. Той же способностью обладаютъ, по словамъ Рольфа, и многія животныя Сахары, которыя держатся тамъ, гдѣ почвенная вода недоступна и гдѣ годами не падаетъ дождя. При обильномъ подножномъ кормѣ, верблюды не нуждаются въ водѣ; а гдѣ пастбище скудно, они расходятся далеко по пустынѣ, безъ всякаго надзора, разъ въ мѣсяцъ сходятся къ водопояу, и, напившись, опять уходятъ за десятки верстъ. Кромѣ родниковъ, колодезь и ручьея, бѣгущихъ въ глубинѣ иныхъ долинъ, населеніе пользуется еще водою изъ цистернъ или водосемовъ, которые образуются въ скалистыхъ пещерахъ, недоступныхъ солнечному лучу. Иныя изъ этихъ системъ громадны, не оскудѣваютъ никогда, и вода въ нихъ держится очень свѣжая.

Близостью почвенныхъ водъ главнымъ образомъ и обуславливается возникновеніе оазовъ, хотя многіе оазы существуютъ единственно благодаря колодцамъ, иногда чрезвычайно глубокимъ. До сихъ поръ еще не всѣ оазы Сахары посѣщены европейцами, и самое существованіе иныхъ еще только предполагается. Въ Куфру, наиримѣръ, до 1879 г. никому не удавалось проникнуть, и представленіе о ней было самое смутное. Оказалась группа изъ пяти оазовъ, площадь которыхъ больше напр. Саксоніи. Пальмы насчитываютъ тамъ до милліона; почва сплошь плодородна и вся покрыта растительностью; и въ любомъ мѣстѣ, даже среди солончака, можно получить хорошую прѣсную воду на глубинѣ одного или двухъ метровъ. Куфра—одинъ изъ самыхъ большихъ оазовъ Сахары; есть и еще болѣе обширныя—какъ есть и очень жалкія. На европейскаго путешественника оазы иногда производятъ особенное впечатлѣніе, какъ станціи перелетныхъ птицъ, напоминающихъ родину. По замѣчанію Рольфа, ласточки отдыхаютъ тутъ подолгу.

Температура сплошныхъ пальмовыхъ рощъ поразительно отличается отъ температуры окружающей пустыни. Тамъ совсѣмъ другой воздухъ, холодный, влажный, и ноща напоена влажностью. Долго оставаться въ этой тѣни опасно; переночевать значило бы захворать навѣрное. Съ мая по октябрь, хорошо арешенные оазы плодятъ лихорадки, и населеніе ихъ живетъ въ это время во временныхъ шалашахъ, на достаточномъ разстояніи отъ своихъ плантацій. Напротивъ, климатъ открытой пустыни совершенно свободенъ отъ заразныхъ болѣзней. Тутъ бѣдятъ только глаза вслѣдствіе яркаго свѣта, пыли и неопытности; а также зубы, которые портятся отъ постоянного употребленія финиковъ. По части дерганія зубовъ, Нахтегаль имѣлъ

здѣсь огромную правтику. Вслѣдствіе сильнаго выпариванія, человекъ тутъ даже отъ жара меньше страдаетъ, нежели въ болѣе умѣренномъ, но влажномъ климатѣ, и максимальныя температуры Сахаръ, хотя и доходятъ до  $45^{\circ}$  —  $50^{\circ}$ , но все-таки ниже, чѣмъ, напримѣръ въ Пенджабѣ или Месопотаміи. Излишне однакоже пояснять, что всѣ эти гигиеническія преимущества пустыни становятся доступными человеку исключительно благодаря оазамъ.

Живительное начало оазовъ — пальма, священное дерево арабовъ, единственное культурное растеніе пустыни. Оно одно дѣлаетъ ее проходимою, обитаемою, замедляетъ въ извѣстной мѣрѣ ея распространеніе, и позволяетъ развиваться въ тѣни своей другимъ носителямъ культуры: злакамъ, плодамъ и овощамъ. Финиковая пальма служитъ человеку всѣми своими частями, въ видѣ бревенъ, досокъ, плетеній всякаго рода, веревокъ, вина; но, конечно, всего важнѣе ея плоды, которые въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году составляютъ единственную пищу бѣдныхъ, и для всѣхъ, круглый годъ являются существеннымъ подспорьемъ, какъ у насъ, напр., картофель. Низшіе сорта идутъ кромѣ того въ кормъ верблюдамъ. Въ городахъ, лавки торговцевъ финиками имѣютъ значеніе нашихъ булочныхъ, и тамъ дѣйствительно продаютъ, кромѣ свѣжихъ фруктовъ, нѣчто въ родѣ финикового хлѣба, т.-е. плоды, прессованные въ корзины, въ смѣси съ мукой. Цѣна финиковъ имѣетъ въ пустынѣ такое же значеніе, какъ у насъ цѣны на хлѣбъ: объ ней прежде всего спрашиваютъ и по ней судятъ о цѣнахъ на все остальное. Въ качествѣ вывозной статьи финики имѣютъ значительную важность, хотя и должны быть отнесены къ предметамъ роскоши; но внутри пустыни они первая потребность и вызываютъ огромное торговое движеніе. Во время сбора, полувечернимъ становятся осѣдлыми; въ оазамъ отовсюду сходятся караваны со статьями промѣна: зерномъ, масломъ, саломъ, кожами. Множество верблюдовъ пригоняютъ и порожнякомъ. Можно сказать, что финики настоящая душа всей мелкой, близкой караванной торговли и главный дорожный провіантъ всѣхъ каравановъ.

«Трудно даже вообразить, — говоритъ Нактигаль, — какую полноту драгоценныхъ свойствъ и незамѣнимой помощи человекъ находитъ въ этомъ чудесномъ деревѣ, среди скуднаго міра пустыни. Оно надежда и радость путника, который долгіе дни брелъ, выбиваясь изъ силъ по каменнымъ плитамъ и песчанымъ буграмъ, и, наконецъ, видитъ на горизонтѣ желанную зеленую полосу раабы, т.-е. пальмовой рощи. Жадно всматривается онъ въ цвѣтъ надежды и жизни и слѣдитъ съ наслажденіемъ, ко-

того ни съ тѣмъ нельзя сравнить, за тѣмъ, какъ понемногу эта полоса растетъ и какъ ея части выдѣляются. Вскорѣ становятся возможнымъ различать изящныя вершины, которыя тихо колеблются на высокихъ стройныхъ стволахъ и будто привѣтствуютъ путника. Онъ любитъ чарующимъ изяществомъ каждой группы и соображаетъ, гдѣ ему разбить лагерь, такъ, чтобы вволю насладиться ихъ тѣнью и красотой. Ему еще не видна жизнь, которая ютится подъ кровомъ этой тѣни, и онъ еще не думаетъ о предстоящихъ вещественныхъ благахъ: всѣ его чувства и ощущенія поглощены радостью созерцанія прелестной царяцы оазовъ. Что оазъ безъ пальмы? Убогое пастбище — и только живительная тѣнь этой защитницы спасаетъ его отъ смерти, которой оно обречено».

Но стройная пальма, съ тѣнистой большелиственной вершиной и тяжелыми кистями красныхъ или желтыхъ плодовъ, не есть продуктъ, дико произрастающій въ пустынѣ, а, напротивъ, продуктъ созданный трудомъ человѣка. И именно потому, что пальма требуетъ труда, она и является культурнымъ деревомъ. Дикія пальмы, занесенныя, повидимому, изъ Аравіи, какъ вѣроятнѣйшей колыбели финиковой пальмы, встрѣчаются только въ восточной части Сахары, до Феццана; въ Куфрѣ, напримѣръ, ихъ гораздо больше, нежели пальмъ воздѣланныхъ. Онѣ гораздо ниже, тоньше; листья ихъ мельче и скорѣ безобразно обвисаютъ по стволу; а главное, онѣ имѣютъ сильнѣйшую наклонность развѣтвляться отъ самаго корня, т.-е. расти кустомъ, и вслѣдствіе этого образуютъ непролазную чащу. Плодовъ на нихъ мало и притомъ вовсе не вкусныхъ, такъ какъ мужскіе и женскіе цвѣты финика растутъ на разныхъ деревьяхъ, и хотя случайное оплодотвореніе, силой вѣтра, возможно, но болѣею частью оно не совершается.

Финиковую пальму разводятъ косточками или ростками, сажая ихъ въ шахматномъ порядкѣ, шагахъ въ шести, съ такимъ расчетомъ, чтобы одно мужское дерево приходилось на двадцать женскихъ, хотя оно способно оплодотворить пятьдесятъ и даже сто деревьевъ. Только при разводкѣ ростками можно быть увѣреннымъ, что получишь желаемую разновидность и не рискуешь 10—15 лѣтъ напрасно ухаживать за излишнимъ количествомъ мужскихъ деревьевъ. Кромѣ того, и плоды получаютъ гораздо раньше, съ пятого года. Наибольшей производительности дерево достигаетъ въ тридцати годахъ; а живетъ до 200 лѣтъ, постепенно оскудѣвая съ конца перваго вѣка. Вышина пальмы — 7—12 сажень; діаметръ до одного аршина, причемъ, въ зави-

сности отъ обилія орошенія, дерево можетъ наростать колѣнями различной толщины или постепенно утолщаться къ верху. Вершина состоитъ изъ 40—60 листьевъ, которые нарастаютъ вообще по 12 въ годъ, хотя не такъ математически по одному въ мѣсяцъ, какъ увѣряютъ арабы. Засыхающіе листья отрѣзаются. Для оплодотворенія втыкаютъ по одному мужскому цвѣтку въ каждую цвѣточную кисть на женскихъ деревьяхъ. Можно также собирать цвѣтень и пересылать его въ пакетахъ, къ чему прибѣгаютъ въ случаѣ истребленія мужскихъ деревьевъ разбойничьими шайками. Плоды поспѣваютъ постепенно, такъ что можно пользоваться свѣжими плодами нѣсколько мѣсяцевъ сряду. Одно дерево даетъ отъ 2 до 12 пудовъ. Разновидностей отличаютъ до 75, и плоды на нихъ бываютъ крупнее въ палецъ и мелкіе, какъ ягода шелковицы, янтарные, оранжевые, красные, черные и зеленые. Изъ нихъ мягкіе сорта служатъ для домашняго обихода; а болѣе твердые идутъ на вывозъ.

Гдѣ почвенныя воды близко, финиковая пальма требуетъ помощи человѣка только для оплодотворенія; но гдѣ приходится добывать для нея воду изъ глубокихъ колодезевъ, работы съ ней довольно, потому что корнямъ ея необходима сильная влага. Въ иныхъ мѣстностяхъ Алжира, для защиты пальмовыхъ насажденій отъ засыпанія пескомъ, роютъ большія выемки съ закраинами; и пальмы тамъ вырастаютъ низкія, толстоствольныя, съ громадной вершиной. Плоды этихъ пальмъ превосходны, что, конечно, зависитъ отъ высокой температуры такихъ песочныхъ ямъ.

Въ общемъ выводѣ, культурное значеніе финиковой пальмы громадно. Только благодаря ей, населеніе Аравіи могло сгуститься настолько, чтобы выдѣлить ко всѣмъ концамъ свѣта тѣ полчища, которыя такъ далеко распространили владычество ислама. Всемирно-историческая роль арабовъ прямо связана съ этимъ ихъ священнымъ деревомъ, и, какъ мы уже сказали, оно одно позволяетъ человѣку держаться и странствовать въ пустынѣ. Но оно не принуждаетъ человѣка къ постоянному труду и осѣдлости, позволяетъ ему оставаться на половину кочевникомъ, и потому не ведетъ его выше умѣренной степени культуры и позволяетъ застывать цѣлыя тысячелѣтія въ тѣхъ же привычкахъ, взглядахъ и потребностяхъ. На всей необъятной полосѣ распространенія финиковой пальмы въ Африкѣ и Азіи, мы видимъ у всѣхъ племенъ тѣ же бытовые порядки и ту же косность въ общественномъ и умственномъ строѣ жизни. «Быть можетъ, самый культъ, который до такой степени въ этой жизни подходитъ, такъ быстро покорилъ себѣ всю эту область и одинъ въ ней

дарить, создавался, какъ выраженіе этого однообразія и того предѣла, который природа, осчастливившая эти страны даромъ финиковой пальмы, вмѣстѣ съ тѣмъ положила человѣческому уму<sup>1)</sup>.

Путешественника, приближающагося съ сѣвера, Африка встрѣчаетъ красивой декораціей портовыхъ городовъ: бѣлыми зубчатыми стѣнами, минаретами, пальмами и пестрымъ населеніемъ, представляющимъ смѣсь всѣхъ расъ отъ европейца до негра. Пропорція этихъ разноплеменныхъ элементовъ, конечно, неодинакова въ Тангерѣ или Тегуанѣ, представителей необщительнаго и фанатическаго Марокко, и въ городахъ Алжіріи или Египта, и обстановка также очень различна, смотря потому, замыкается ли горизонтъ низкими, обнаженными холмами или лѣсистыми кряжами Атласа, постепенно возносящимися въ туманную синеву; но главныя черты вездѣ однѣ. Путь съ этой стороны внутрь края представляетъ то огромное преимущество, что тутъ человѣкъ располагаетъ вычнымъ животнымъ, вполне приспособленнымъ къ мѣстнымъ условіямъ, т.-е. верблюдомъ. Разныя мѣстности производятъ животныхъ неодинаковаго достоинства; но вообще верблюдъ несетъ 9—12 пудовъ и идетъ 3—4 версты въ часъ; причѣмъ онъ чувствительнѣе къ хорошей сѣлкѣ и удобному расположенію вьюка, нежели къ 3—4 пудамъ лишняго груза. Тщательное и прочное приспособленіе вьюковъ много облегчаетъ путь и караваннымъ погонщикамъ, избавляя ихъ отъ возни и починокъ на привалѣ. Вообще, верблюдъ, прошедшій пустыню съ сѣвера, гибнетъ; во-первыхъ, отъ натуги, а въ особенности отъ непривычнаго влажнаго климата. Спасти его можно только, отогнавъ немедленно порожнякомъ назадъ въ пустыню. Люди со средствами совершаютъ переходъ на лошадяхъ; но это очень дорого, вслѣдствіе необходимости везти воду и фуражъ. Въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, на относительно короткихъ разстояніяхъ, возможность болѣе быстраго перехода на лошадяхъ становится почти вопросомъ жизни и смерти. Такъ, напримѣръ, разстояніе въ 350 верстъ изъ Батифаля въ Куфру Раифъ прошелъ въ 106 часовъ, идя день и ночь. Онъ говоритъ, что, не испытавъ самъ, не повѣрилъ бы возможности такой скорости; и любопытно, что онъ, опытнѣйшій изъ всѣхъ изслѣдователей Сахары, не зналъ до этого времени, что эту абсолютно безводную дистанцію нельзя проходить обыкновенными

1) Dr. Kuhn, Die Dattelpalme.



переходами въ 35—40 верстъ, такъ какъ, въ случаѣ самауа, вода въ мѣхахъ пересыхаетъ и караванъ гибнетъ. Въ виду этой случайности, крайне важно имѣть для перевозки воды металлическіе ящики.

Материаломъ для построекъ въ населенныхъ пунктахъ пустыни служить всего чаще солонцеватая земля, скрѣпленная и подпертая пальмовымъ деревомъ. Дожди для этихъ построекъ пагубны. Массивная цитадель и минареты за бѣлой стѣнной придаютъ этимъ мѣстечкамъ монументальный видъ, а пальмы чрезвычайно ихъ скрашиваютъ; и привлекательная картина дополняется группами ребятишекъ, играющихъ за городскими воротами въ военныя игры, мячъ и т. п. Внутри эти мѣстечки опрятны, такъ какъ уличныя нечистоты и кухонныя остатки тщательно собираются въ корзины и отвозятся на ослѣхъ въ сады, для удобренія почвы. Въ Куфѣ (Борну) Нахтигаль былъ пораженъ опрятностью конюшенъ, въ которыхъ воспитывается превосходная порода лошадей, и толковымъ распоряжкомъ на базарѣ, который такъ оживленъ, что изъ 50—60,000 чел. городского населенія тамъ ежедневно бывало до 10,000 чел. Отъѣвъ Ленца о Тимбукту также благоприятенъ. Онъ отрицаетъ мнимый упадокъ города и говоритъ, что тамъ по прежнему есть библиотеки и школы, и что населеніе (20,000 чел.) встрѣтило его дружелюбно, а провожать его высыпало тысячами; тогда какъ въ пятидесятыхъ годахъ, Бартъ былъ тутъ задержанъ нѣсколько мѣсяцевъ и жилъ подъ ежедневной угрозой смерти. Но съ самой выгодной стороны осѣдлое населеніе пустыни представляется въ садахъ, которые обнесены стѣнами въ ростъ человѣка и обрабатываются съ величайшимъ стараніемъ. Подъ благодѣтельной тѣнью пальмъ, тутъ разводятся всякіе злаки (въ Мурзукѣ особенно цѣнилась русская пшеница), овощи и плоды, и въ томъ числѣ виноградъ, вьющимися лозами котораго, между прочимъ, обсажены всѣ дорожки огромнаго монастырскаго сада въ Куфрѣ. Кое-гдѣ, въ дождливые годы, пахутъ. Значительная часть этой работы исполняется руками невольниковъ, которыхъ, однакожъ, соотвѣтственно ихъ общественному положенію и европейской терминологіи, правильнѣе было бы называть батраками.

Господствующее населеніе, арабы и берберы, такъ перемѣшались между собою, что по внѣшнимъ признакамъ ихъ вообще нельзя различать, и въ чистомъ видѣ они едва ли гдѣ существуютъ. Цифру населенія всей Ливійской пустыни, ближе знакомой Рольфу, онъ опредѣляетъ въ 50,000 чел., изъ которыхъ двѣ трети арабовъ и треть берберовъ. Вообще, арабъ крупнѣе

и по физическому типу, который красивъ во всѣхъ возрастахъ до глубокой старости, и по нравственному облику, по внутренней силѣ личности. Берберъ мельче, но трудолюбивѣе и способнѣе къ копотливой работѣ. Берберскія племена говорятъ разными нарѣчiями, въ которыхъ до сихъ поръ удерживаются многія заимствованiя изъ греко-римскаго міра, съ значительной примѣсью арабскихъ словъ. Понимаютъ арабскую рѣчь всѣ. У арабовъ языкъ одинъ, сохраненный, однакоже, въ чистотѣ немногими племенами. Типическій образъ шейха, верхомъ, въ бурнусѣ (увы, непременно въшивомъ, хотя безъ блохъ, такъ какъ блоха въ пустынѣ не держится), съ ружьемъ, зонтикомъ, соколомъ и борзой собакой, существуетъ и теперь во всей неприкосновенности; но преобладающій тонъ костюма темносиній, по извѣсту общеупотребительныхъ суданскихъ бумажныхъ матерiй. По мѣрѣ проникновенiя въ глубь пустыни, примѣсъ негрскаго элемента все сильнѣе сказывается и въ физическомъ типѣ населенiя, и въ болѣе легкихъ, веселыхъ нравахъ и ограниченiи гаремнаго затворничества. Чистокровныя женщины двухъ высшихъ расъ все-таки мало показываются; и потому въ городахъ мужское населенiе разнообразнѣе по отгѣнкамъ кожи, а женщины встрѣчаются только темноцвѣтныя. Вслѣдствiе бѣдности, масса населенiя фактически не знаетъ многоженства, и многіе предпочитаютъ обходиться невольницами, которыя послушнѣе и внимательнѣе. Не смотря на чрезвычайно здоровый климатъ пустыни, населенiе иныхъ мѣстечекъ имѣетъ видъ болѣзненный, апатическій, что Рольфсъ объясняетъ нераціональными условiями жизни, плохимъ питанiемъ и ранними браками. Кочевое и полукочевое населенiе дробится на множество племенъ, стоящихъ на разномъ уровнѣ дикости. Всего болѣе знамениты по хищничеству и неукротимости туареги или туарики, которые держатся въ обширномъ районѣ пустыни, прилегающемъ къ Алжиру и Фецдану, и Узедъ-Солиманъ, свирѣпствующіе между Фецданомъ, Борну, и Тибести.

Господствующимъ мотивомъ въ умственной жизни сѣверной Африки въ послѣдніе годы представляется усиленiе религіознаго элемента, т.-е. мусульманскаго фанатизма и ненависти къ христіанамъ. Духовные ордена размножаются и крѣпнутъ: нѣтъ мѣста, племени или города, куда бы хотя одинъ изъ нихъ не проникъ. Самымъ крайнимъ фанатизмомъ отличается, по словамъ Рольфса, орденъ эсъ-Снусси, центральный монастырь котораго, Джарабубъ, возникъ, какъ бы волшебствомъ, среди бесплодной пустыни. Ему же принадлежитъ монастырь въ Куфрѣ съ 300,000

пальмъ. Центръ всего движенія не въ Меккѣ, а въ Марокко, откуда являются наиболѣе чтимые учителя и проповѣдники священной войны противъ христіанъ, истощившихъ долготерпѣніе Аллаха дерзкими посягательствами на святыни ислама.

Большая часть перваго тома книги Нахтигала посвящена описанію племени тебу.

Еще Геродотъ упоминаетъ объ нихъ, какъ объ эѳіонахъ-троглодитахъ; теперь они извѣстны подъ именемъ тебу-репнаде, т.-е. свалистыхъ тебу (также тубу, ту или теда). Это племя, никогда не знавшее зависимости и населяющее горную область Тибести, живетъ и теперь точно такъ же, какъ и въ дни Геродота. Вѣка полтора тому назадъ тебу устыдились язычества и приняли исламъ, хотя арабы все еще ихъ презираютъ, какъ темныхъ невѣждъ, усвоившихъ себѣ лишь нѣкоторую внѣшность правовѣрія. Европейскіе источники начинаютъ объ нихъ упоминать съ конца прошлаго столѣтія, но только по слухамъ; первая карта Тибести, составленная Рольфсомъ въ 1866 г., также имѣла основаніемъ одни только слухи и разспросы. Даже Нахтигаль слишкомъ немного видѣлъ и могъ изучить въ томъ ужасномъ положеніи, въ какое онъ былъ поставленъ фанатизмомъ жителей, больной, выбившійся изъ силъ, измученный голодомъ и жаждой. Характеристика племени и бытовныя картины у него превосходны; но для составленія карты потребовались многія восвешенныя соображенія, и сообщаемыя имъ данныя относительно пространства (свыше 400,000 кв. верстъ) и числа жителей (не болѣе 12,000 чел.) нельзя считать точными. Было время, когда тебу жили и въ другихъ мѣстностяхъ; но имъ пришлось отступить передъ натискомъ высшей цивилизаціи. Куффра, напримѣръ, принадлежала имъ всего полтора-два вѣка тому назадъ, о чемъ свидѣлствуютъ покынутыя селенія и могилы, сложенныя изъ солонцеватой земли, въ которыхъ видны тѣла, прикрытыя циновками. Для торговыхъ цѣлей, они и теперь селятся, и иногда надолго, въ Феццаѣ, Борну и другихъ мѣстностяхъ, и тогда отчасти подпадаютъ подъ чужое вліяніе. Рольфсъ видѣлъ одинъ ихъ караванъ въ Куфрѣ: тутъ они были пугливы, какъ дикіе голуби, и въ дракахъ арабы брали надъ ними верхъ. За то у себя дома, среди выжженныхъ солнцемъ скалъ, они никого не боятся, а, напротивъ, всѣмъ внушаютъ ужасъ. Хищника, который бы рѣшился въ нихъ вторгнуться, ждетъ вѣрная гибель отъ голода, жажды и уда-

ровъ невидимаго врага; а бѣдны они такъ, что попользоваться у нихъ нечѣмъ. Только западныя, болѣе открытыя долины подвергаются иногда нападеніямъ кочевниковъ - арабовъ, которые угоняютъ скотъ и похищаютъ женщинъ и невольниковъ.

Экспедиція Нахтигала въ Тибести организовалась при содѣйствіи старика Хаджъ-Шабера, правителя Катруна и главы духовнаго ордена мурабидовъ. Тебу уважаютъ мурабидовъ за чистоту и строгость вѣры; а тѣ охотно берутъ у нихъ женъ, что привело къ довольно правильнымъ торговымъ сношеніямъ. Въ Катрунѣ почти постоянно держится болѣе или менѣе многочисленная колонія тебу; а мурабиды, одни во всей Сахарѣ, не боятся посылать караваны въ Тибести. Только когда Хаджъ-Шаберъ призналъ возможнымъ до известной степени поручиться за безопасность Нахтигала, мурзукскія власти рѣшились отпустить его, и съ своей стороны сдѣлали все возможное, чтобы охранить его отъ бѣды. Но до послѣдней минуты всѣ настоятельнѣйшимъ образомъ убѣждали его отказаться отъ предпріятія, предупреждая его, что договоры съ тебу не имѣютъ никакого значенія; что его убьютъ почти навѣрное, а ограбятъ до нитки непременно. Даже наемные проводники изъ племени тебу, которыми экспедиція была очень выгодна, совѣтовали ему бросить дѣло. Нахтигаль выступилъ подъ впечатлѣніемъ предстоявшей ему опасности.

Былъ іюнь мѣсяцъ; температура доходила днемъ до 49° Ц., и на одномъ изъ первыхъ переходовъ Нахтигаль имѣлъ неосторожность заснуть въ скудной тѣни, которая съ движеніемъ солнца отошла, и ему сожгло ноги, такъ что онѣ распухли и покрылись пузырями. Ощущеніе, по его словамъ, такое, какъ если бы онѣ превратились въ раскаленный свинецъ, и боль при ѣздѣ на верблюдѣ, на неудобномъ вьюкѣ, невыносимая. Къ тому же у него разболѣлись оба глаза, и онъ ѣхалъ въ повязкѣ, которую могъ приподнимать только на немногія мгновенія. Въ Катрунѣ онъ поправился, и впервые испыталъ со стороны тамошнихъ тебу ту наглую докучливость и вымогательства, которыя впоследствии, въ менѣе сдержанной формѣ, такъ его измучили. Глава мурабидовъ, Хаджъ-Шаберъ, старикъ столь древній, что онъ принималъ еще Лайонса въ 1819 году, оказался достаточно бодрымъ. Всѣми у себя въ городѣ, катрунцами и тебу, онъ распоряжался твердымъ и властнымъ тономъ, причемъ неразлучный съ нимъ младшій братъ, проникнутый къ нему безграничнымъ уваженіемъ, еще старался усилить впечатлѣніе его рѣчей обаяющимъ поддакиваньемъ, внушительными взглядами, жестами,

повтореніемъ послѣднихъ словъ и пристукиваніемъ длиннаго посоха. Хаджъ-Шаберъ оказалъ Нахтигалю самую искреннюю поддержку, но настоятельно убѣждалъ его возвратиться; и тѣ же убѣщанія повторялись въ послѣднемъ населенномъ пунктѣ Фецдана, Тедшерн. Вскорѣ вѣтѣмъ караванъ достигъ колодца Биръ-Мешру съ прекрасной холодной водой, который, однакожъ, часто бываетъ засыпанъ пескомъ. Онъ чрезвычайно важенъ, какъ конечный пунктъ послѣдняго, очень труднаго перехода на пути изъ Борну, съ крутымъ подъемомъ, который Нахтигаль называетъ огненнымъ испытаніемъ верблюдовъ, обезсиленныхъ 40 — 50 дневнымъ путемъ. Ближайшая окрестность усѣяна побѣлѣвшими человѣческими костями и скелетами верблюдовъ. Нахтигаль съ ужасомъ увидѣлъ полузанесенные пескомъ, высушенные солнцемъ трупы дѣтей, на которыхъ еще держалось синее рубище. Онъ говоритъ, что на этой послѣдней станціи долгаго, обильнаго страданіями пути негрскія дѣти, гонимыя въ неволю, мрутъ во множествѣ. Молодой организмъ не выдерживаетъ перехода отъ влажной атмосферы тропиковъ къ лишеніямъ и пожирающему воздуху пустыни, при тоскѣ, страхѣ и смертельной усталости. Упавшаго, который не въ силахъ встать и брести дальше, не подбираютъ, и онъ медленно гибнетъ подъ безпощаднымъ солнцемъ, иногда у самаго ключа, до котораго онъ дотащился, напрягая послѣднія силы, но который засыпанъ и дать живительную влагу лишь послѣ нѣсколькихъ часовъ труда. Еще глубже взволновала Нахтигали эта картина на обратномъ пути, когда онъ самъ вполне успѣлъ извѣдать ужасъ смертнаго изнеможенія.

Первое испытаніе предстояло ему скорѣ. Отъ пяти ключей у подножія горы Тюммо, караванный путь въ Борну поворачиваетъ къ югу; а къ востоку передъ путниками разостлалась каменистая хамада, за которою возвышается Тибести. Пути намѣчены тутъ такъ мало, что проводникъ сталъ блуждать со втораго же дня, предполагаемый колодезь не отыскивался, и бѣдствованіе началось. Оно описано у Нахтигали съ художественной образностью, до момента, когда начинается томить страхъ, что не выдержишь, являются миражи, галлюцинаціи, побужденія къ страннымъ поступкамъ и еще болѣе къ тому, чтобы пасть отъ изнеможенія, перестать страдать. Онъ говоритъ и о несравненномъ блаженствѣ утоленія такой жажды, которое исключаетъ всякую другую мысль или заботу; между тѣмъ какъ внутренности бываютъ въ такомъ состояніи, что не могутъ въ первое время удерживать влаги, и она струится сквозъ. При дѣлѣ послѣдней доли взятаго съ собой запаса, его поразилъ провод-

никъ тебу, который только немного освѣжилъ ротъ и отдалъ ему остальную свою порцію. Выдержка тебу при странствіяхъ въ пустынь вообще поразительна. Когда другіе уже изнемогаютъ, они еще идутъ своей легкой и изящной походкой, какъ бы не чувствуя утомленія. Въ Сахарѣ, лѣтомъ пробыть безъ воды два дня—смерть вѣрная; а они выдерживаютъ вдвое долѣе, неподвижно лежа днемъ въ какой-нибудь пещерѣ и идя только ночью, обмотанные съ головы до ногъ, съ завѣшаннымъ лицомъ—что ослабляетъ испареніе полости рта—безъ лишней пищи, способной усилить жажду. Для утоленія терзаній голода, они толкутъ кости палыхъ верблюдовъ и смѣшиваютъ ихъ съ кровью своего верблюда; а когда окончательно обезсилить, привязываютъ себя къ верблюду и ввѣряются его инстинкту.

Западные долины Тибести не производятъ финиковыхъ пальмъ, которыя растутъ только въ долинѣ Бардан, по ту сторону хребта. Во времени сбора финиковъ, все населеніе туда и переходитъ, гонимое голодомъ, знакомымъ ему круглый годъ, но тутъ окончательно обостряющимся. Когда Нахтигаль прибылъ въ Тао, центральный пунктъ западнаго Тибести, правителя края, такъ-называемаго дардан, тамъ уже не было, и прочіе старшины готовились къ выступленію. Съ ихъ согласія онъ направился было въ Борку и видѣлъ тутъ живописную долину Зуаръ, съ роскошной растительностью; но вскорѣ его вернули, объявивъ, что съ той стороны ожидается нападеніе. Тогда онъ пошелъ съ старшинами въ Бардан. Весь этотъ путь былъ сплошнымъ терзаніемъ, между прочимъ потому, что старшины его обѣли, и пришлось извѣдать настоящій голодъ. Наглость и вымогательства постепенно возрастали; обращеніе сдѣлалось грубымъ, угрожающимъ. Во время продолжительной остановки въ ожиданіи гонца, посланнаго за презантомъ и разрѣшеніемъ идти въ Бардан, онъ пробовалъ спастись отъ приставанія воровъ прогулками. Изъ новыхъ картинъ пустыни онъ тутъ иногда видѣлъ вдали пробѣгающаго страуса и обезьянъ; но черныя скалы нагоняли еще болѣеую тоску, а кривлянье и хриплый лай обезьянъ, отовсюду жутко востраемый эхомъ, производили тягостное впечатлѣніе: ему казалось, что это злые горные бѣсы, которые издѣваются надъ его страданіемъ. Перевалъ черезъ хребетъ Тарсо совершился усиленными переходами, причемъ Нахтигаль не позволили осмотрѣть обширный кратеръ у подошвы главной вершины Тусидде (2400 метр.), ни подняться на эту вершину для обозрѣнія горизонта, ни останавливаться для срисовыванія фигуръ людей и животныхъ (иногда чаще рогатаго скота, котораго теперь нѣтъ въ

Тибести), грубо изображенныхъ на скалахъ, по вымоинамъ. Наканунѣ прихода въ Бардаи, главный старшина, Арами, чувствуя, что наступаетъ конецъ общей эксплуатаціи его жертвы, дочиста ограбилъ Нахтигала, пригрозивъ ему смертью, ежели онъ объ этомъ кому-нибудь расскажетъ, и обѣщая, напротивъ, въ случаѣ молчанія, прокормить и сохранно доставить въ Феццанъ. Въ зеленѣющую, густо поросшую красивыми группами пальмъ, долину Бардаи пришли вечеромъ, и вскорѣ услышали гулъ возбужденной толпы и лязгъ оружія. Постепенно, все явственнѣе стали выдѣляться яростные голоса мужчинъ и женщинъ и проклятія противъ кровопійцы-христіанина. Народъ хотѣлъ тутъ же съ нимъ расправиться. Старшины стали совѣщаться, но такъ флегматически, что Нахтигаль подошелъ къ нимъ и сказалъ, что ежели они ничего не находятъ возможнымъ сдѣлать, такъ онъ на себя одного будетъ надѣяться и дорого продать жизнь. Тогда Арами всталъ и объявилъ, что не дастъ его въ обиду, послѣ чего дѣйствительно провелъ его дальними обходами въ свой домъ, гдѣ сестра Арами угостила Нахтигала мучной похлебкой — рос-шошъ, значеніе которой тотъ оцѣнилъ лишь впоследствии.

По объясненію Нахтигала, честность или вѣрность слову тутъ не играла ни малѣйшей роли. Арами, человѣкъ много страствовавшій и видѣвшій людей, былъ такъ же чуждъ этихъ чувствъ, какъ и предразсудковъ толпы, ея дѣтскаго патріотизма, инстинктивной ненависти и смутнаго, преувеличеннаго страха передъ алчностью и силой христіанъ, боязни, что они захватятъ невѣдомыя самимъ туземцамъ сокровища. Но онъ имѣлъ въ виду политическія и дѣловыя отношенія въ Феццану и свою кандидатуру на главенство въ Тибести послѣ смерти теперешняго дардаи, дряхлаго старика. Къ тому же, была задѣта его амбіція: кочевники и полу-кочевники всегда презираютъ болѣе смиренныхъ осѣдлыхъ земледѣльцевъ, и ему было досадно, что населеніе Бардаи, не спросившись, поднимаетъ руку на человѣка, котораго онъ взялъ подъ свое покровительство. Впрочемъ, положеніе Нахтигала все время оставалось отчаяннымъ. Онъ долженъ былъ безвыходно сидѣть въ палатѣ, при 40° температурѣ, и только ночью могъ передъ нею прохаживаться. Ежели онъ показывался днемъ, ребятишки и подростки побивали его камнями. Пища его ограничивалась нѣсколькими финиками, которые Арами приносилъ по вечерамъ, а воду ему предоставлено было черпать изъ грязнаго ключа. Онъ надѣялся, что къ нему привыкнуть и смягчатся; но вышло наоборотъ: при чудовищномъ представленіи о христіанахъ, какъ о язычникахъ, почти чуждыхъ человѣческаго

естества, его сначала все-таки боялись: ждали чумы, падежа скота и т. п.; а потомъ, когда ничего не случилось съ солнцемъ и луной, верблюдами и пальмами, окончательно утратили всякую сдержанность.

Тогда Нахтигаль повелъ переговоры о бѣгствѣ, на которое Арами, наконецъ, согласился. Оно удалось; но переходы по 12—14 часовъ въ сутки оказались ужасны для человѣка, обезсиленнаго продолжительнымъ голодомъ и отсутствіемъ движенія, дурно обутого, съ обрванными ногами и лишеннаго даже возможности крѣпко уснуть, потому что температура понижалась до 6°, а одѣяло было снято. Пришлось, кромѣ того, бросить книги и образцы горныхъ породъ, которыми Нахтигаль дорожилъ тѣмъ болѣе, что самъ не въ состояніи былъ опредѣлить ихъ значенія.

Когда, наконецъ, Арами и другіе тебу довели Нахтигала до мѣстности, гдѣ уже нельзя было сбиться съ пути, и тутъ оставили его, безъ всякаго багажа, въ костюмѣ, очень странномъ и неполномъ, онъ почувствовалъ, будто освобождается отъ кошмара. Въ Тедшери ему было оказано полное гостепріимство, и гонецъ сейчасъ же поскакалъ къ Хаджъ-Шаберу, который до того обрадовался, что подарилъ ему три талера. Еще привѣтливѣе была встрѣча въ Мурзукѣ; но пришлось прежде всего лечиться, и здоровье возстановилось не скоро.

По описанію Нахтигала, получается слѣдующее представленіе о племени тебу.

Эго люди темнобронзоваго цвѣта, разныхъ оттѣнковъ, небольшого роста, поджарые, чрезвычайно стройные. Икръ почти совсѣмъ нѣтъ; руки и ноги небольшія, очень красивой формы. Волосы курчавые, не совсѣмъ такіе, какъ у негровъ, но тоже не длинные и безъ блеска; борода растетъ не у всѣхъ и бываетъ скудная. Мужчины большею частью брѣютъ голову, а женщины подстригаютъ волосы спереди и заплетаютъ остальные въ мелкія косички. Дѣти и подростки бѣгаютъ съ бритыми головами, на которыхъ оставляются причудливой формы хохлы. Окладъ лица довольно правильный, при едва замѣтномъ prognathismъ, прямою или слегка орлиною носъ и живыхъ, понятливыхъ глазахъ. Худоба, очевидно, обуславливается сухимъ горнымъ воздухомъ, выжариваніемъ и ускореннымъ обмѣномъ веществъ, при самой скудной, почти исключительно растительной пищѣ. Молодые дѣвушки крѣпкія, и при нѣкоторомъ улучшеніи условій жизни, женщины могутъ сохранять благообразіе; но истощенныя, скудно одѣяныя одеждой, старухи производятъ ужасающее впечатлѣніе. До зрѣлости, подростающее поколѣніе бѣгаетъ нагимъ; а



затѣмъ является синяя суданская рубашка и кусокъ такой же матеріи для головы; у женщинъ кусокъ матеріи, плотно обмотанный по бедрамъ, и платокъ, а при бѣдности только овечья шкура съ длинной черной шерстью.

Жизнь вообще аскетическая, съ единственнымъ случайнымъ увлеченіемъ въ пользу пальмоваго вина. Женщины цѣломудренны и застѣнчивы передъ мужьями; а продолжительныя разлуки супруговъ и скудное питаніе ведутъ къ сокращенію числа рожденій; тѣмъ болѣе, что рабынь почти нѣтъ, что, конечно, и объясняетъ прочность и чистоту расоваго типа. Оставаясь, въ отсутствіе мужей, полными хозяйками, женщины справляются съ дѣломъ еще лучше ихъ, но безпрестанно затѣваютъ ссоры и драки. Болѣзней вообще очень мало—и между прочимъ сифилисъ неизвѣстенъ совсѣмъ; но, какъ послѣдствіе дракъ, очень много увѣчій, знаковъ на лицѣ, отрубленныхъ пальцевъ и болѣе тяжелыхъ поврежденій. Вслѣдствіе подозрительнаго и неуживчиваго нрава, тебу даже не селятся вмѣстѣ, а каждый старается расположить свое жилище подалѣе отъ прочихъ. Это жилище—шалашъ съ плоской крышей, иногда промазанный, вообще опрятный, съ расчищенной площадкой впереди; но кромѣ того, у каждаго есть особое помѣщеніе, среди скалъ, въ невидимыхъ и недоступныхъ пещерахъ.

Трудность жизненныхъ условій вызвала въ тебу значительное умственное развитіе, проявляющееся въ ихъ ораторскомъ дарѣ и въ такой способности къ торговлѣ, что вездѣ, гдѣ имъ удастся поселиться, они побѣждаютъ всѣхъ конкурентовъ. Тутъ и дикость ихъ настолько смягчается, что они потомъ боятся возвращенія въ суровую обстановку родины. Ихъ рѣчь всегда складная, убѣдительная; а въ спорахъ они мастера обойти доводы противника, извратить смыслъ его словъ, накинута на не относящееся къ дѣлу, опутать слушателей и нахрапомъ добиться ихъ согласія. Всего чаще они говорятъ прикурнувши, безъ жестовъ, даже не глядя, и только выводятъ пальцемъ по песку мудренныя узоры или складываютъ камешки. Противъ ихъ назойливости нѣтъ никакихъ средствъ устоять. Изъ-за каждой бездѣлицы они неотступно преслѣдуютъ человѣка изо дня въ день, недѣли и мѣсяцы сряду, подолгу шепчутся передъ нимъ, съ озабоченнымъ видомъ, будто о чемъ-нибудь самомъ важномъ, изрекаютъ философскія истины въ родѣ того, что голова дороже денегъ или большое имуществъ—смерть владѣльца, и, наконецъ, прибѣгаютъ къ прямымъ угрозамъ. Уступишь—не только не благодарятъ, но, напротивъ, оказываются оскорбленными въ своемъ достоинствѣ

и требуютъ вознагражденія. И тѣмъ болѣе оскорблены другіе, не успѣвшіе еще попользоваться.

Безпощадная борьба за существованіе убила въ тебу всякую чувствительность, даже по отношенію къ своимъ. У нихъ еще болѣе, нежели у прямыхъ потомковъ Измаила, рука каждого поднята противъ всѣхъ, и каждый старается не только восторжествовать надъ соперникомъ, но и навсегда его обезсилить. Никакое преступленіе не тревожитъ совѣсти, и отъ каждаго можно сейчасъ же откупиться, кромѣ, однако-жъ, убійства, послѣ котораго приходится надолго бѣжать изъ края и перемѣнить имя. Для совершенія темныхъ дѣлъ, они располагаютъ необыкновенными преимуществами: острымъ зрѣніемъ, привычкой вообще дѣйствовать ночью, невѣроятной легкостью и быстрой бѣга, славившейся еще въ древности, твердыми подошвами, которыя позволяютъ имъ прыгать по скаламъ. Складка намотанной на голову матеріи, которой они въ походѣ завѣшиваютъ лицо (ли-тамъ), служитъ имъ не только какъ средство противъ терзаній жажды, но, прежде всего, какъ маска. Считая другъ друга способнымъ на все и опасаясь каждаго, они при встрѣчахъ въ пустынѣ сходятся съ особенными предосторожностями: присѣдаютъ на корточки и долго переговариваются извѣстнымъ условнымъ тономъ, который часто переходитъ въ брань и потомъ опять возвращается въ церемоніальную колею.

Общественная жизнь у тебу совершенно не развита, и нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ той солидарности, которая связываетъ арабовъ и даже негровъ. Каждый заботится только о себѣ и сходятся съ другими только въ минуту опасности,—никогда для работы или невиннаго препровожденія времени. Пыры, конечно, бываютъ: есть барабаны, бубны, флейты; но все это не возбуждаетъ веселья, а служитъ только поводомъ къ діалектическимъ турнирамъ и прологомъ кровавыхъ дракъ. Нахтигаль оговаривается, что онъ видѣлъ своихъ гонителей въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, и что это должно было привести къ нѣкоторой односторонности впечатлѣнія, не смотря на всѣ его усилія сохранить объективность. Онъ признаетъ также, что презрѣніе и постоянныя грабительства арабовъ должны были ожесточить тебу, и говорить, что проявленіе доброты и чувства справедливости имѣлъ случай видѣть даже среди ужасовъ своего пребыванія въ Бардан.

Привычка разсчитывать только на себя развила въ тебу чувство собственного достоинства, которое, конечно, должно было еще усиливаться подъ вліяніемъ ислама. Изъ трехъ чело-  
вѣкъ, у  
нихъ двое считаютъ себя знатными (маина), и никакая степень

оборванности не ослабляетъ этого сознанія. Никто, впрочемъ, не пользуется особенными правами, не несетъ обязанностей и не платитъ податей. Политическая связь племени не ощутительна, и дарданъ дѣйствительно только первый между равными, который ничего не вникаетъ, и состоятеленъ лишь настолько, насколько самъ сумѣетъ обогатиться притѣсненіемъ каравановъ или военными экспедиціями. Въ основныхъ чертахъ политическій строй тотъ же, что и у берберовъ и прямая противоположность негрскаго автократическаго государства.

По общему впечатлѣнію, производимому племенемъ тебу, можно предполагать, что оно имѣетъ будущность и способно примѣниться къ воздѣйствію европейскихъ вліяній. Они надежно ограждены отъ насильственныхъ посягательствъ, но не останутся безучастны къ возможности стать въ лучшія условія жизни; хотя волна такого улучшенія можетъ къ нимъ докатиться только посредственно и, стало быть, слишкомъ нескоро. Во всякомъ случаѣ, тутъ, какъ и на всемъ магометанскомъ сѣверѣ Африки, путь мирнаго матеріальнаго прогресса единственный, который способенъ дать существенные результаты. Европейская мысль, въ тѣхъ формахъ, въ какихъ она доступна уму магометанина, жалка и презрѣнна передъ единой всеобъемлющей мыслью ислама, которая, не во имя непонятной ему и самообличающей жалости, а во имя силы, ставитъ каждаго, превознесеннаго и отверженнаго въ непосредственное общеніе съ безконечнымъ, возвышаетъ его надъ случайностями и разрѣшаетъ узы страданія. Сломить людей, проникнутыхъ этой мыслью, нелегко, особенно тамъ, гдѣ имъ до такой степени помогаетъ природа. Но человѣку свойственно поддаваться вліянію матеріальныхъ удобствъ, и это вліяніе уже сказалось въ Африкѣ и продолжаетъ свою благотворную работу, не смотря на сопротивленіе фанатизма и на жалкій нравственный уровень огромнаго большинства представителей европейской цивилизаціи, черезъ посредство которыхъ совершается этотъ процессъ.

Дѣйствительно, европейское населеніе портовыхъ городовъ сѣверной Африки само по себѣ не даетъ высокаго понятія о христіанскомъ мірѣ, видѣлившемъ изъ себя этихъ борцовъ съ мракомъ магометанства. Кружки, группирующіеся вокругъ консульскихъ домовъ и представителей главныхъ фирмъ, отличаются, конечно, извѣстнымъ поверхностнымъ лоскомъ; но общій уровень порядочности и культуры, предполагаемый въ цивилизованномъ

европейскомъ обществѣ, здѣсь не имѣетъ примѣненія. Французская заученая фраза служить только аферѣ, интригѣ и сплетнямъ; а арабская рѣчь скрываетъ самое полное незнаніе края и равнодушіе къ его интересамъ. Затѣмъ, идетъ уже прямо недоброкачественный сбродъ болѣе или менѣе клейменыхъ аферистовъ всѣхъ странъ и преимущественно итальянцевъ восточнаго пошиба, пронырливыхъ, всѣмъ промышленяющихъ мальтійцевъ, грековъ и европейскихъ евреевъ. Мѣстное еврейское населеніе проявляетъ и здѣсь отталкивающія черты, которыя почти всюду возбуждаютъ противъ него столько неприязни, и, рядомъ съ этимъ, присущую расѣ твердость въ завѣтѣхъ отцовъ, энергію и находчивость въ трудѣ, бережливость и готовность помогать другъ другу. Къ тому же, подъ вѣковымъ вліяніемъ благоприятныхъ климатическихъ условій, племя здѣсь вообще красивѣе; а въ Марокко, и въ особенности въ Тунисѣ, пришлецъ съ сѣвера, привыкшій къ извѣстнымъ типическимъ фигурамъ, совершенно поражается стройными образами юношей и красотой дѣвушекъ, встрѣчаемыхъ въ самой убогой, грязной обстановкѣ. Но какъ посредствующее звено сближенія съ христіанскимъ міромъ, евреи неудобны, потому что правовѣрные презираютъ ихъ еще болѣе, нежели христіанъ. Еще менѣе удобнымъ приходится признать насильственное посредничество французскихъ войскъ и чиновниковъ, даже независимо отъ слабостей французскаго національнаго характера и темныхъ сторонъ ихъ казарменнаго и канцелярскаго быта. Но матеріальный прогрессъ, проводимый Европой, все-таки дѣлаетъ свое дѣло. Сотни колодцевъ, пробуранныхъ французами въ Алжирѣ въ послѣдніе двадцать-пять лѣтъ, стоили всего милліонъ франковъ; однако-жъ они, безъ сомнѣнія, сдѣлали болѣе для цивилизаціи и обогащенія края, нежели милліарды, затраченные на содержаніе военной силы. Глубина колодцевъ въ Алжирѣ большей частью 60—80 метровъ; самые глубокіе бываютъ до 200 и болѣе метровъ, и бурованіе ихъ стоило арабамъ чудовищныхъ усилій и разорительныхъ затратъ, которыя все-таки не обезпечивали успѣха, потому что не хватало силъ пробить твердые слои или же въ готовыхъ колодцахъ дѣлались обвалы. При этихъ условіяхъ и песчаныхъ заносахъ со стороны пустыни, оазы Уадъ-Риръ были въ 1856 году близки къ гибели, въ виду чего и было приступлено къ пробурованію перваго колодца. Работы начались въ маѣ, и 16 іюня, взвился могучій потокъ, дающій 4,010 литровъ въ минуту — на 610 литровъ больше, чѣмъ Гренельскій колодецъ. Радость арабовъ была чрезвычайная, и марабутъ назвалъ этотъ колодецъ Ключемъ Мира.

Теперь въ Уэдъ-Рирѣ населеніе удвоилось и число пальмъ возросло въ нѣсколько разъ. Такимъ же образомъ, простое открытіе способа выдѣлки бумаги изъ халфы (*Stipa tenacissima*) привело къ тому, что въ послѣдніе десять лѣтъ городъ Триполи чрезвычайно разросся, и весь прилегающій край получилъ новый источникъ заработка. Халфа растетъ въ мѣстахъ абсолютно безплодныхъ; и, проходя по такимъ мѣстамъ, Рольфсъ *ездитъ сидѣлъ* работающими тѣхъ самыхъ арабовъ, которыхъ онъ называетъ тунеадцами. Ихъ руками было собрано въ 1870 г. 60,000 пуд. халфы, а въ 1875 г. 2.000,000 пуд. Значеніе такого предпріятія, какъ прорытіе Суэзскаго канала, не можетъ, конечно, не отразиться глубоко въ магометанскомъ мірѣ <sup>1)</sup>; а по ближайшимъ послѣдствіямъ, и особливо для сѣверной Африки, громадно будетъ вліяніе желѣзной дороги черезъ Сахару, изъ Алжиріи въ Нигеру. Она еще въ туманѣ и препятствія къ ея осуществленію громадны; но французское правительство смотритъ на это дѣло такъ серьезно, что на предварительныя изслѣдованія ассигновало 600,000 франковъ. Для этихъ изслѣдованій и была снаряжена экспедиція Флаттерса, истребленная туариками въ февралѣ 1881 г. Въ Египтѣ Европа вліяетъ исключительно мирнымъ путемъ, и какъ ни велики его язвы, нельзя отрицать значенія той основы объединенія и переустройства громаднаго края, которая тамъ положена. Несомнѣнно, что дѣло пойдетъ впередъ гораздо быстрее и тверже, когда европейская техника найдетъ возможнымъ справиться съ порогами Нила и съ травяными заносами Бахръ-аль-Газала и Собата. Надъ изученіемъ послѣдняго вопроса, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ величайшимъ самоотверженіемъ работаетъ въ этомъ убійственномъ климатѣ энергическій итальянецъ Эрнестъ Марно. Примѣръ Египта наглядно доказываетъ, что въ настоящемъ періодѣ отношеній между Европой и магометанствомъ, мусульманское правительство можетъ служить передаточнымъ рычагомъ, допускающимъ огромное сбереженіе силы, а иногда и безусловно необходимымъ <sup>2)</sup>. Еще явственнѣе этотъ

<sup>1)</sup> Вотъ поразительныя цифры поступленія пошлинъ за прохожденіе каналомъ:

Въ 1879 г. . . . .	29.686,000 фр.
„ 1880 „ . . . . .	39.840,000 „
„ 1881 „ . . . . .	51.274,000 „

<sup>2)</sup> *Теперь* вооруженное вниманіе въ Египтѣ необходимо; но можно надѣяться, что оно будетъ непродолжительно и еще болѣе упрочитъ дѣло мирнаго воздѣйствія Европы черезъ посредство мѣстнаго правительства. Оно вызвано не принципиальной непримиримостью такого воздѣйствія и не случайнымъ взрывомъ народнаго фанатизма или расовой ненависти; а дерзкими притязаніями пагубнѣйшихъ противообщественныхъ элементовъ, которые успѣли захватить власть, благодаря соперничеству вѣн-

фактъ выступаетъ изъ сопоставленія результатовъ воздѣйствія европейской мысли въ Алжирѣ и Триполи. Конечно, Алжиръ далеко впереди; но на этотъ относительный успѣхъ затрачены въ теченіе полустолѣтія тысячи энергическихъ людей и миллиарды денегъ; а между тѣмъ, французское правительство, несомнѣнно благонамѣренное, по настоящій день держится только штыками цѣлой арміи; а турецкое владычество крѣпко безъ посредства военной силы. Въ Бенгази, на всю Киренею и восточную часть пустыни, 80 человѣкъ пѣхоты и 30 всадниковъ; въ Мурзукѣ, на весь Феццанъ, 300 человѣкъ, которые обзавелись семьями и хозяйствомъ, и нигуда не могутъ двинуться по немнѣвнѣ лошадей и верблюдовъ. Между тѣмъ, турецкое правительство нельзя назвать благонамѣреннымъ; его не любятъ и не уважаютъ, и, по свидѣтельству Рольфа, противъ него вездѣ, даже въ средѣ его собственныхъ агентовъ накопилась масса неудовольствія. У Нахтигали, по поводу неискреннихъ стамбульскихъ начинаній, вырываются слѣдующія негодующія слова: «Къ чему честолюбивыя учрежденія, ежели народъ лишентъ возможности ими пользоваться, и только отдастъ на нихъ трудовые гроши? Всѣ реформы безплодны, пока народное образованіе повержено во прахъ и пока нѣтъ порядочнаго, честнаго управленія... Въ народѣ много честныхъ людей; но въ средѣ правительственныхъ чиновниковъ ихъ мало до крайности, и неподкуп-

ныхъ, болѣе или менѣе неблагонамѣренныхъ вліяній, и въ особенности благодаря ошибкамъ министерства Гладстона. Разжечь фанатизмъ и племенную ненависть вообще нетрудно, и поводы къ раздраженію въ данномъ случаѣ, конечно, были. Правленіе Исматла-паши было слонной оргіей мотовства и хищенія, въ которой европейскіе аферисты играли слишкомъ замѣтную роль. Эта оргія отошла въ прошлое, но не могла еще забыться; тѣмъ болѣе, что европейцы продолжали пользоваться несправедливыми фискальными льготами, и многіе европейскіе чиновники, по прежнему получали большія жалованья даромъ или при очевидной неспособности къ дѣлу. Съ другой стороны, мусульманскій фанатизмъ вообще разгорался послѣдніе годы, а незлобое воушевленіе французовъ противъ Туниса должно было дать ему новый толчекъ. За всѣмъ тѣмъ, дѣятельныя промышленныя сношенія съ Европой до такой степени жили въ плоть и кровь египетскаго населенія, и матеріальное его положеніе такъ улучшилось въ послѣдніе три года, благодаря англо-французскому финансовому контролю, что все трудящееся и миролюбивое отшатнулось бы отъ затѣяннаго смута если бы не страхъ дикой и варварской расправы. Проявленія національнаго самосознанія и достоинства, конечно, достойны поощренія, но въ Египтѣ они могутъ развиться и окрѣпнуть только подъ защитой Европы; а въ данномъ случаѣ націонализмъ знаменитъ прикрывается самымъ пагубнымъ и возмутительнымъ видѣмъ деспотизма — миссионеръ буйной столичной казармы, нагло требующей чиновъ и денегъ, каждаго минимума новыхъ противообщественныхъ плановъ и отвѣчающей насиліемъ на каждую попытку къ ея обузданію.

ность—рѣдкая добродѣтель даже въ духовномъ сословіи судей. Да и вообще, въ магометанскихъ странахъ, армія чиновниковъ есть всего чаще разбойничья шайка съ такими широкими развѣтвленіями, что народъ безпомощно отданъ ей на жертву. Генералъ-губернаторы являются въ край съ цѣлой ордой хищниковъ, и всѣ они *должны* обогатиться быстро, потому что вскорѣ будутъ замѣщены другими, такъ какъ продажа мѣстъ—одна изъ главныхъ статей дохода на всѣхъ ступеняхъ іерархіи. Возможность существованія такого правительства объясняется, конечно, помимо религіи, самымъ его безсиліемъ—взаимностью беззаконія. Можно подвергнуться съ его стороны всему; но можно и себѣ все противъ него позволить—и эту послѣднюю возможность общества, стоящаго на извѣстномъ уровнѣ развитія, цѣнять всего выше, какъ бы въ надеждѣ, что при взаимномъ обмѣнѣ такихъ услугъ они останутся въ выгодѣ. Какъ бы ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что даже правительство съ такими немощными орудіями воздѣйствія и съ такимъ неискреннимъ отношеніемъ къ европейскимъ идеямъ, какъ турецкое, все-таки оказывается полезнымъ, все-таки достигаетъ подъ вліяніемъ этихъ идей нѣкоторыхъ полезныхъ результатовъ. Подъ рукою турковъ наиболѣе дикія проявленія фанатизма оттѣсняются въ глубь пустыни, сношенія облегчены, нравы становятся мягче, благосостояніе мѣстами растетъ, невольничество ослаблено и приведено въ формы очень уже далекія отъ прежнихъ. Къ вопросу о невольничествѣ мусульманское правительство не можетъ относиться искренно, такъ какъ рабство допускается кораномъ и тѣснѣйшимъ образомъ связано съ многоженствомъ и гаремной жизнью. Вмѣстительство Европы въ этотъ вопросъ должно возбуждать скрежетъ зубовъ и въ тѣхъ, кому невольники нужны для гарема или плантацій, и въ тѣхъ, кто наживался торговлей ими или сборами съ невольничьихъ каравановъ. О трудности борьбы съ невольничествомъ можетъ, на примѣръ, свидѣтельствовать письмо Швейнфурта (23 февраля 1881), который говоритъ, что въ Дарфурѣ, послѣ всего сдѣланнаго Бекеромъ, Гордономъ и Гесси, опять возобновились прежніе порядки, набѣги, для которыхъ торговцы содержатъ тысячи вооруженныхъ людей, и осклопенія. И однакожь, подъ рукою турецкаго правительства, невольничество подалось въ самой существенной степени. Пусть изъ числа слугъ, съ которыми турецкіе сановники совершаютъ рейсы на пароходахъ большихъ европейскихъ компаній, нѣкоторые будутъ въ Константинополѣ проданы; пусть въ Триполи ежегодно проводятъ до 1200 невольниковъ и въ немногихъ переходахъ оттуда справочныя цѣны

на людей даютъ понятіе о состояніи рынка... Но ту же цифру 1200 чел., Рольфсъ, со словъ француза Солелье, даетъ для южной Алжиріи; и въ Триполи формы невольничества такіа, что людей вводятъ въ городъ ночью, по одиночкѣ, немедленно выдаютъ каждому отпускную грамоту и не стѣсняють въ женитьбѣ, причемъ невольники часто и не живутъ у хозяевъ. Между Триполи и Мурзукомъ, Нахтигаль встрѣчалъ невольниковъ сытыми и довольными, и говорить, что въ Мурзукѣ доходъ турецкихъ властей отъ невольничьяго промысла упалъ съ 40,000 талер. до 8,000 и даже до 5,000 талер. и что самый городъ обѣдѣлъ вслѣдствіе упадка этой важнѣйшей статьи торговли. Сущствующее еще зло, конечно, неприглядно; но оно уже очищено отъ картинъ, представляемыхъ дѣтскими трупами у колодца Биръ-Мешру, и на безконечное разстояніе удалено отъ сценъ, какія еще возможны въ Борну, гдѣ при государѣ очень твердомъ въ вѣрѣ, но, по добродушію, тяготящемся сообщеніями о неустройствахъ, популярный и ловкій министръ могъ собрать нѣсколько сотъ мальчиковъ и, подъ предлогомъ обрѣзанія, начисто ихъ оскопить, отчего многіе изъ нихъ умерли (Sahara und Sudan, 685).

Вотъ та степень мрака, съ какою приходится бороться; вотъ указаніе великости задачи, предстоящей Европѣ, и оправданіе даже сомнительныхъ орудій, которыя служатъ этому дѣлу! На африканскомъ побережьи Средиземнаго моря, такъ же какъ и въ остальной Африкѣ, эти орудія находили и находятъ широкое примѣненіе; но къ счастью теперь съ каждымъ днемъ растутъ силы добрыхъ силъ, которыя въ короткое время успѣли сдѣлать такъ много, и въ общественномъ сознаніи все крѣпче утверждается мысль, что бороться должно, и что успѣхъ достигимъ не путемъ насилія, а путемъ труда, путемъ осязательнаго доказательства превосходства европейской идеи и того свойства, которое покуда признано только въ глубинѣ Сахары, видѣвшей лишь немногихъ избранниковъ — европейской честности.

В. О.



---

# ЛИТЕРАТУРНЫЯ МЕЧТАНІЯ

■

## ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

ПО ПОВОДУ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МНѢНІЙ О НАРОДѢ \*).

---

IV.—Вліяніе ново-славянофильской агитаціи.—Гг. Евгений Марковъ, Ор. Милеръ и пр.

Въ «единственномъ выпускѣ» «Дневника Писателя» за 1880, —этомъ дѣйствительно «единственномъ» во всѣхъ смыслахъ выпускѣ,—Достоевскій, мечтая о гибели ненавистнаго «либерализма» и наступающемъ будто бы торжествѣ въ умахъ московско-самобытныхъ воззрѣній, патетически восклицаетъ: «Я слышу, я предчувствую, даже вижу, что возникаютъ новые элементы, жаждущіе новаго слова, истосковавшіеся отъ стараго, либеральнаго подхихиванія (?) надъ всякимъ словомъ надежды на Россію, отъ стараго, прежняго либерально-беззубаго скентизма (?), отъ старыхъ мертвецовъ»... Газета «Русь», съ своей стороны, также неоднократно съ гордостью и сознаніемъ торжества заявляла о приближающемся окончательномъ заключеніи «петербургскаго періода» нашей исторіи и о наступленіи новаго московскаго періода. Такимъ образомъ, по мнѣнію самихъ славянофиловъ нашего времени, ученіе ихъ обнаружило большое вліяніе на умы, нашло для себя въ обществѣ подготовленную почву и готово воплотиться въ жизнь, дать ей новое направленіе. Дѣйствительно,

---

\*) См. выше: февраль, 719 стр.

ново-славянофильская агитація, поднятая «Дневникомъ Писателя» Достоевскаго и «Русью» г. Аксакова, не осталась безплодною, отразившись и на общественной жизни, и въ печати. Но это вліяніе было ине, не то, которое мечтається славянофиламъ, и если по adeptамъ позволительно судить объ ученіи, выводы для него получаются далеко не утѣшительные.

О вліяніи самобытническихъ тенденцій собственно въ публикѣ говорить весьма затруднительно просто уже по недостатку данныхъ. Кто же возьмется судить о чувствахъ и мѣтніяхъ русской публики? Несомнѣнно, однако, что въ ученіи, зовущемъ къ «подъему духа», къ гордому національному самосознанію, къ самобытной жизни, было слишкомъ много привлекательнаго для обиженного исторією русскаго человѣка. Большинству публики некогда было разбираться, дѣйствительно ли сущность такъ-называемаго «западничества» допускаетъ какое-то «либеральное подихиваніе надъ всякимъ словомъ надежды на Россію», дѣйствительно ли «западничество» состоитъ въ «либерально-безубомѣ скептицизмѣ». Предстояло еще рѣшить, не есть ли пропаганда московской самобытности простое извращеніе и затемненіе понятія истинной самобытности народной, которая ни въ какомъ случаѣ не находится въ противорѣчій съ лучшими стремленіями истинной европейской образованности, такъ какъ усвоеніе идей и знаній, выработанныхъ вѣковыми усиліями общечеловѣческаго гелія, не способно убить ничью самобытность, а напротивъ можетъ только способствовать ея проявленію и развитію. Вопросы эти оставались въ сторонѣ. Между тѣмъ, московское ученіе освобождало отъ тяжелаго труда и заботы ознакомиться съ результатами всемірной цивилизаціи, утверждая, что народъ нашъ уже и такъ просвѣщенъ и образованъ, и нуждается только въ «показателяхъ пути» изъ бывшихъ помѣщиковъ, что Европа — вздоръ, что мы сами лучше всякой Европы. Тамъ живутъ просто люди; а русскій человѣкъ — «всечеловѣкъ» <sup>1)</sup>, носитель особенной, необыкновенной, всечеловѣческой «правды». Послѣ вѣкового униженія, въ которомъ жило русское общество, при постоянномъ сознаніи культурной отсталости отъ Европы, — проще говоря: нашего сравнительнаго безсилія даже въ борьбѣ съ природой, нашего постоянного голоданія на обширнѣйшихъ пространствахъ почти цѣлой трети обширнѣйшаго материка, при постоянномъ зрѣлищѣ общественнаго неустройства, «бѣдности и несовершенства нашей

<sup>1)</sup> Кстати, изобрѣтеніе этого термина принадлежитъ не Достоевскому, а Аполлоу Григорьеву.

жизни», говоря словами Гоголя, естественно и законно страстное стремление въ тому, что г. Аксаковъ называетъ «подъемомъ духа». И не вина общества, если стремление это приняло странныя формы, если оно повѣрило фантастическимъ и лишенымъ логики узко-самобытническимъ возгласамъ о «всечеловѣческихъ» свойствахъ русской души, хотя и странно, что сознаніе своего «всечеловѣческаго» достоинства появилось у насъ въ такое время, когда у насъ жалко недоразвито еще понятіе о достоинствѣ просто человѣческомъ, когда — да простить мнѣ читатель эту шутку — слова: «человѣкъ онъ былъ», едва ли имѣютъ у насъ какой-либо смыслъ рядомъ съ словами: «онъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ». Понятно, что въ публикѣ должны были явиться послѣдователи «Руси». Ихъ могла и должна была произвести та «тоска», та «жажда новаго слова», о которой говорить Достоевскій, неправильно истолковывая ее, тоска не отъ «либеральнаго скептицизма», а отъ гнета тягостной, полной неправдою, дѣйствительности нашей, проявляющейся въ изумительномъ всеобщемъ неуваженіи личности человѣческой и ея правъ, въ расхищеніи народнаго достоянія, какъ въ Оренбургскомъ краѣ, въ исторіяхъ подобныхъ Токаревской, вызвавшей неумолимые громы въ самой «Руси» и т. д.; тоска, наконецъ, отъ неизвѣстности, неопредѣленности будущихъ судебъ нашей родины, вѣчно закрытыхъ пеленою мрака, умственной немощи и беззащитности однихъ и вѣкового умственного сна другихъ. Ученіе Достоевскаго и «Руси» не могло пройти безслѣднымъ еще и потому, что «учители» являлись передъ публикою: одинъ — въ ореолѣ страданій за убѣжденія, съ силою огромнаго поэтическаго таланта и привлекательнаго гуманнаго направленія, сказавшагося съ перваго его произведенія «Бѣдные люди» и получившаго такое яркое выраженіе въ «Запискахъ изъ мертваго дома» и проч.; другой — въ ореолѣ безупречнаго и талантливаго литературнаго дѣятеля, вызывавшаго когда-то такое глубокое сочувствіе однихъ и *полный уваженія* протестъ со стороны другихъ. Само славянофильское ученіе, понятное и даже иногда симпатичное, какъ поправка одностороннимъ увлеченіямъ западною культурою, давшю не одни блага, не могло не возбуждать сочувствія среди людей, не замѣчавшихъ, что новое славянофильство уже не есть славянофильская теорія сороковыхъ годовъ, а политическое ученіе, вносящее въ общественную жизнь застой и затрудненія въ рѣшеніе насущнѣйшихъ вопросовъ времени, въ чемъ только и выражается теперь его вліяніе на наше общественное развитіе.

Мы говорили до сихъ поръ о возможности появленія искрен-

нихъ и честныхъ послѣдователей новаго славянофильства. Но среди нашей, не блестящей серьезнымъ образованіемъ публики, должны были явиться послѣдователи иного свойства. Тургеневскій Павелъ Кирсановъ замѣтилъ какъ-то въ разговорѣ съ Базаровымъ, что обращеніе многихъ нашихъ бесталанныхъ художниковъ въ отрицателей искусства, въ «нигилистовъ», понятно: «прежде они были просто болванами, а тутъ вдругъ всѣ стали нигилистами», сказалъ онъ. Минувъ рѣзкость самаго выраженія, въ словахъ романическаго джентльмена есть смыслъ: отрицаніе искусства освобождало нигилистовъ-художниковъ отъ тягостной необходимости сознаться въ собственной несостоятельности. Нѣчто подобное должно было случиться и въ вопросѣ о нашей самобытности. Многие изъ тѣхъ, кому, «передъ лицомъ всей Европы» было сказано слово «всечеловѣкъ», обрадовались случаю безъ труда и безъ науки испытать «подъемъ духа» и на даровщину сопричислить себя къ носителямъ особенной, всечеловѣческой «правды».

Вліяніе новаго славянофильскаго ученія въ публикѣ, во всякомъ случаѣ, подлежитъ спорамъ и сомнѣніямъ. За то совершенно опредѣленно можетъ быть выяснено это вліяніе на общественное мнѣніе въ истинномъ органѣ его, въ печати. Было бы слишкомъ неблагоприятною задачей останавливаться на низменныхъ литературныхъ органахъ, какъ нѣкоторые газеты; слишкомъ оппортунистическая измѣнчивость мнѣній ихъ, въ соединеніи съ полной беззащитностью, смѣлостью написать все, что можетъ вытерпѣть бумага, дѣлають эту задачу даже несовсѣмъ «не стоящею». Между тѣмъ, и эти газеты сыграли для «Руси» роль того Оомы, который становится дворяниномъ на безлюдь, и литературная исторія не поставитъ въ заслугу г. Аксакову отзывъ его о подобной газетѣ, какъ представительницѣ въ Петербургѣ самобытническаго направленія. А затѣмъ, послѣ этой газеты сообщниковъ по мнѣніямъ оказалось у г. Аксакова чрезвычайно немного. Возникшій въ Москвѣ журналъ съ славянофильскимъ оттѣнкомъ, «Русская Мысль» скоро стала съ «Русью» въ весьма нелюбезныя отношенія, сойдя на почву направленія для «Руси» «западническаго», для всѣхъ мыслящихъ людей—обыкновеннаго, здравомыслящаго, такъ какъ чистое «западничество» давно уже, какъ мы не разъ повторяли, перешло въ область литературныхъ воспоминаній. «Русская Мысль», этотъ славянофильскій журналъ, нанесъ «Руси» даже серьезнѣйшія вреденія. Всѣмъ памятна, напримѣръ, статья профессора Дятлова, съ историческими фактами въ рукахъ доказавшаго мечтательность и ложность воззрѣній «Руси» на роль въ нашемъ оте-

чествъ европейскаго просвѣщенія, на источникахъ нашихъ общественныхъ смуть и вообще на русскую исторію московско-царскаго періода. Г. Дятинъ встаетъ напоминать «Руси» крामолы, которыми такъ богатъ былъ этотъ періодъ, представляемый славянофилами въ такомъ идиллически-лучезарномъ блескѣ. Такимъ образомъ, въ литературѣ мы имѣемъ крупный фактъ, такъ сказать, самопораженія славянофильства въ его новомъ видѣ. Но, говоря о вліяніи ново-славянофильскихъ тенденцій въ печати, мы естественно должны искать фактовъ характера противоположнаго, т.-е. обращенія «западниковъ» въ «славянофиловъ». Переройте же всю нашу литературу послѣдняго времени, и вы найдете лишь нѣсколько мелкихъ примѣровъ частнаго соглашенія съ «Русью» въ томъ, никѣмъ неотрицаемомъ принципѣ, что народная самобытность составляетъ необходимое условіе развитія страны, что, наконецъ, заботы современной интеллигенціи должны быть направлены преимущественно въ пользу народныхъ, въ тѣсномъ смыслѣ, интересовъ. Но это только точка соприкосновенія всѣхъ возможныхъ политическихъ направленій, это — мысль, обратившаяся отъ частаго употребленія въ простую фразу съ темнымъ смысломъ, — фразу, которой приходится наконецъ сторониться серьезно думающему о средствахъ нашего общественнаго развитія.

Были, конечно, и болѣе ясныя завоеванія славянофильства въ западническомъ лагерѣ. Всѣ ихъ, однако, можно съ достовѣрностью пересчитать по пальцамъ и дальше двухъ-трехъ человѣкъ уйти невозможно. Намъ достаточно будетъ остановиться особенно на одномъ, весьма типичномъ, если не единственномъ. Не будемъ характеризовать литературныхъ фizioномій подобныхъ литературныхъ дѣателей. Пусть читатель судить по фактамъ, пусть факты говорятъ сами за себя.

Ревностнѣйшимъ прозелитомъ Достоевскаго и «Руси» явился, между прочимъ г. Евгенийъ Марковъ. Онъ — истинно типическій примѣръ въ этомъ случаѣ. Думаемъ, что и знакомство съ его дѣятельностью въ этомъ направленіи въ высшей степени поучительно. До возникновенія литературнаго похода на Европу и европейское просвѣщеніе, г. Евгенийъ Марковъ держался нѣсколько иныхъ мнѣній. По поводу сочиненій графа Льва Толстого, онъ не двусмысленно явился не только противникомъ идеализаціи «народа», но не видѣлъ въ немъ рѣшительно ничего. Онъ былъ «сильно противъ того распространеннаго мнѣнія, будто простой народъ есть какое-то священное, великое существо, полное неисчерпаемыхъ задатковъ силъ и здоровья, не только въ физическомъ, но и въ духовномъ смыслѣ». По тогдашнему мнѣнію

г. Маркова, таке воззрінє на народъ—«или чистѣйшая риторика, или извѣстный пріємъ моралистовъ, отлично знакомый еще древнимъ вѣкамъ. Тацитъ восхвалялъ добродѣтели дикаго германца, чтобы преподавать нравоученіе современному римлянину, изнѣженному и обезсиленному благами цивилизаціи» (?). Такой «наверъ», такую «адвокатскую тактику, *позволимъ* (?) *при отставленіи извѣстныхъ принциповъ, при политической борьбѣ*», г. Марковъ находилъ липшею, даже вредною, если она начинаетъ замѣнять собою безпристрастное пониманіе предмета. Онъ не понималъ, «въ чемъ будетъ эта высота и мистичность народной массы, если отбросить риторическія прикрасы», и выражаетъ слѣдующее пониманіе народа. «Народъ есть собраніе пужковъ, бабъ, солдатъ и т. п. Что есть въ мужикѣ и бабѣ, то *только* и есть въ народѣ—ни одной единицей ни менѣе, ни болѣе; народъ собственно есть отвлеченіе, общій законъ для множества частныхъ случаевъ». Г. Марковъ не ограничивается этимъ столь «философскимъ» опредѣленіемъ, а выражаетъ и не двусмысленное презрѣніе къ народу. Можно ли уважать массу, благоговѣть передъ нею?—спрашиваетъ онъ, и отвѣчаетъ такъ: «Вспомни, какія ея свойства—они всякому давно знакомы и всѣмъ давно оцѣнены. Стоитъ одному злонамѣренному плуту пустить великій слухъ во вредъ чему-нибудь или кому-нибудь—масса поднимается, какъ волны потопа, и громить неповинную голову своимъ *эпирскимъ правосудіемъ*: масса судить именно какъ *дикій жаръ*: ни разспроса, ни разъясненія, никакой осторожности, никакой отсрочки, одна яростная вспышка—и жертва растерзана, заглота, брошена въ огонь или въ воду. И судъ, и казнь одинаково животныя»... Съ такихъ прекрасныхъ сторонъ рекомендовалъ народъ г. Марковъ,—тотъ самый г. Марковъ, который такъ періодо похвалется своимъ знаніемъ народа, въ качествѣ курскаго помѣщика, землевладѣльца. Понятно, что на г. Маркова «масса народа производила всегда какое-то стихійное впечатлѣніе, въ которомъ менѣе всего уваженія и болѣе всего ужаса», какъ говоритъ онъ. Г. Марковъ знаетъ и уважаетъ иную «силу», двигающую эту инертную громаду; отъ нея-то, не смотря на дюжіе мускулы и огромное число, «масса находится въ постоянномъ *рибствѣ*». Такое положеніе массы г. Марковъ считаетъ вполне законнымъ и разумнымъ. Онъ говоритъ: «Въ массѣ народа, какъ въ слое жирнаго чернозема, разрастаются и обильно питаются *лиственные* корни суевѣрій всѣхъ сортовъ: религиозныхъ и политическихъ, научныхъ и общественныхъ. Масса, какъ гнилая трава, вытягиваетъ въ себя все, что стремится выѣзти выше ея

поверхности: всякій талантъ, всякую силу, недовольную воспріемъ въ грязи»... Вотъ свойства массы: пусть благоговѣютъ передъ ними тѣ, кому нравятся эти свойства, что касается до г. Маркова, — «тѣмъ дальше отъ этой Аркадіи, отъ этого лона природы, тѣмъ лучше» для него, и онъ — «слуга покорный!» — онъ безъ малѣйшихъ колебаній остается при нашей старой гинли» (цивилизациі). Г. Марковъ находилъ самой несправедливой посьловицу, называющую гласъ народа гласомъ божіимъ. Единицы, составляющія народъ, «то-есть мужикъ, солдатъ, баба» и пр. всегда ниже людей образованнаго сословія.

Г. Маркову естественно представлялись нѣкоторые возраженія, и онъ мудро ихъ предусматриваетъ и опровергаетъ. «Что такое умъ мужика?» напимѣрь. Помимо уже ограниченности сферы его дѣятельности («все о себѣ, о своей избѣ, о своей бабѣ, да о своей телушкѣ!»..), и въ ней-то онъ только «схитрить, скроетъ, обманетъ, и всѣ тогда говорятъ: уменъ, шельма, его не проведешь». Но вѣдь и «лисица умѣетъ притвориться мертвою, чтобы зарѣзать курицу». Даже смѣтливъ мужикъ лишь въ томъ, что привыкъ дѣлать съ покомъ вѣка: въ немъ «*вложенная способность работы, какъ у лаванаго ценна* порядочной породы наслѣдственная способность дѣлать стойку». Мыслить мужикъ и знаетъ не единично, а всею массою: отцы наши не глуше насъ были и пр., — вотъ его исключительный, мыслительный процессъ. Онъ упирается именно поэтому противъ всякаго нововведенія. Потому же самому въ немъ и недоверіе въ интеллигенціи: «баринъ нагналъ когда-то страху — вотъ и щетинится теперь мужикъ противъ всего, что на барина похоже». Всѣ понятія мужика объ общественныхъ отношеніяхъ укладываются въ слѣдующія правила: «*напался-продался! жена — такъ повинуйся, — протеста нѣтъ*». Еще прекраснѣе изображаются г. Марковымъ историческія судьбы русскаго народа: «оглянитесь назадъ, въ исторію: Андрей Первозванный, говорятъ, засталъ на Руси квасъ и паренье въ баняхъ; прошло 1800 лѣтъ — и все-таки у русскаго мужика *только и есть доброю*, что квасъ да субботняя баня въ печи, да изба по прежнему жильемъ пахнетъ». Но довольно. Всѣ эти «полемиическія красоты» г. Евг. Маркова любопытствующій найдетъ въ «Сочиненіяхъ» нашего автора, изданныхъ въ 1877 году, и съ предисловіемъ отъ 1876 года!

Не много, оказывается, нужно было времени, чтобы радикально измѣнить мнѣнія г. Маркова, высказанныя, правда, прежде, но санкціонированныя подписью автора еще такъ недавно. При появленіи «Руси», увѣряющей въ необычайныхъ достоинствахъ

русского народа, какъ существующаго нынѣ, такъ и историческаго, г. Марковъ привѣтствовалъ столь сходную съ его воззрѣніями «московскую школу» съ обычнымъ краснорѣчіемъ. Въ майской книжкѣ «Русской Рѣчи» за прошлый годъ появилась уже статья г. Е. Маркова: «Природа и утопія», замѣчательная именно крайней противоположностью проводимыхъ въ ней воззрѣній съ прежними мнѣніями автора.

Въ этой статьѣ авторъ уже противъ всего «европейскаго», и въ высшей степени за народъ. Правда, въ ней все уклончиво и неясно, однако же, русскій народъ является въ ней съ «удивительной экономической цѣпкостью, наполняющей духъ безпристрастнаго наблюдателя не слабонервнымъ женственнымъ состраданіемъ, а чувствомъ бодрости и отрады передъ зрѣлищемъ неистощимой, непобѣдимой ничѣмъ, надъ всѣмъ торжествующей, жизненной силы человѣка»... Народъ здѣсь сравнивается уже не съ лисицами, не съ дикими звѣрами, не съ гнилой трясिनной, засасывающей таланты, и не съ лагавыми щенками, одаренными племенной способностью дѣлать стойку, а съ «соснами и можжевельникомъ», торчащими на одуряющей высотѣ по отвѣснымъ обрывамъ, и авторъ смотритъ на нихъ «съ утѣшеніемъ». Вся эта поэтическая картина нарисована съ цѣлью восхититься передъ «Русью» вообще и въ частности передъ мнѣніемъ, что крестьяне въ увеличеніи земельных надѣловъ вовсе не нуждаются, что подобно «соснамъ», растущимъ по отвѣснымъ обрывамъ, мужикъ можетъ жить и безъ земли. Картина получается, дѣйствительно, превосходная: «цѣпкій мужикъ» и умиляющійся передъ нимъ «баринъ». Что касается до «интеллигенціи», такъ еще недавно бывшей во всякомъ случаѣ лучше звѣрообразнаго народа, — она превращается въ «дохлыхъ книжниковъ», за исключеніемъ весьма немногихъ (вѣроятно, фарисеевъ). Точки зрѣнія «Руси» оказываются «истинно народными». Нѣсколько прежде (въ 1880 г.), въ рядѣ статей, посвященныхъ произведеніямъ г. Островскаго, Добролюбовъ оказывается умомъ, «какимъ обладаетъ часто нашъ русскій простолюдинъ». Въ статьяхъ этихъ дышетъ уже преклоненіе передъ основами народнаго будто бы быта, отразившагося въ комедіяхъ и драмахъ Островскаго, и является защита такъ называемыхъ «основъ». Въ царствѣ самодуровъ онъ видитъ проявленія «религіозно-нравственныхъ основъ», глубоко ему симпатичныхъ. Ему нравятся нравственные понятія, выражающіяся въ словахъ дочери Коршунова: «на то воля батюшкина, чтобы я была замужъ. Должна я ему покоряться, такая наша доля дѣвочки. Не хочу я супротивъ отца идти». И не только нравятся



г. Маркову эти понятія, — онъ ихъ признаетъ едва ли не необходимыми, очень основательно опасаясь, что, если Любочки перестанутъ губить свою жизнь, выходя замужъ по волѣ батюшки за нелюбимыхъ людей, то свѣтъ рухнетъ и наступитъ время безправія. Г. Марковъ съ умиленіемъ останавливается передъ однимъ изъ персонажей Островскаго, отрезвившимся передъ прорубью подъ вліяніемъ колокольнаго звона; онъ энергично возражаетъ противъ взгляда Добролюбова, что въ фактѣ этомъ выразилось отсутствіе истинной и дѣятельной нравственности въ Петрѣ Ильичѣ. Добролюбовъ говоритъ: «Нужно что-нибудь чрезвычайное, крайнее, насильственное, хотя бы совершенно безтолковое, чтобы отрезвить ихъ (людей «темнаго царства»). Надо было Петру Ильичу обратиться въ прорубь на Москвѣ рѣкѣ именно въ то время, когда заблагоувѣстили къ заутренѣ — для того, чтобы очувствоваться»... Г. Марковъ напротивъ видитъ въ этомъ случайномъ обстоятельстве доказательство того, что въ Петрѣ Ильичѣ были живы начала нравственности, религіознаго чувства. Какъ извѣстно, подобныя воззрѣнія на произведенія Островскаго были высказаны и раньше писателями славянофильскаго направленія.

Любопытно, между прочимъ, что Добролюбовъ «не сказалъ, не отерылъ г. Маркову ничего новаго», и когда онъ появился «съ своими живыми критическими идеями», самъ г. Марковъ, «былъ уже настолько самостоятеленъ мыслію и волею, что положительнo не сочувствовалъ нѣкоторой односторонности и нетерпимости проповѣди Добролюбова». По этому поводу возникаетъ вопросъ, почему же «самостоятельный мыслію и волею» г. Марковъ тогда же не старался разъяснить обществу «нѣкоторой односторонности» Добролюбова, а вздумалъ сдѣлать это двадцать лѣтъ спустя, — очевидно, нѣсколько поздно, когда одностороннія идеи Добролюбова успѣли сдѣлать свое дѣло? Не позволительно ли усомниться въ самостоятельности мысли и воли г. Маркова, нынѣ тоже нѣсколько поздно присоединившагося къ «московской школѣ», столь ему сочувственной?

Да неужели же, въ самомъ дѣлѣ, воззрѣнія г. Маркова такъ быстро и радикально измѣнились подъ вліяніемъ московской агитациі? Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Въ декабрьской книжкѣ «Русской Рѣчи» за 1880 годъ, грома «мужиковствующую» литературу, г. Марковъ возвращается къ своимъ излюбленнымъ воззрѣніямъ на народъ. Въ этой статьѣ мужикъ является снова звѣремъ, иногда «добродушнымъ». Какъ прилично истому представителю буржуазныхъ, а совсѣмъ не западныхъ идейныхъ принциповъ, г. Марковъ третируетъ «толпу» безжалостно. «Толпа»,

не его мнѣнію, виновата въ сущности во всемъ злѣ, бышемъ и существующемъ въ мірѣ. «Суевѣрная толпа вопила даже на Спасителя: распни его! въ то время, какъ за его проповѣдью любви и мира шли только 12 избранныхъ изъ цѣлаго народа», — говорить г. Марковъ, забывавъ, что на Христа возстали «фарисеи», а не обманутая уже послѣ, боязливая толпа, всюду ходившая за нимъ и искавшая его поученій. Такимъ же презрѣніемъ къ «толпѣ» — не русской только, а вообще — дышетъ и статья о критикѣ Золѣ, въ іюльской книжкѣ «Русской Рѣчи» за 1881 годъ. Авторъ говорить объ «отрицаніи всего идеальнаго, о воцареніи безцеремоннаго обычая кабачковъ, базаровъ, казармъ и фабрикъ, о скудномъ воображеніи рабочаго, о базарныхъ читателяхъ, о низменныхъ инстинктахъ толпы» и о прочемъ, свидѣтельствующемъ, какъ опасно для славянофиловъ сообщество такихъ писателей, какъ г. Марковъ. Въ настоящемъ году, нашъ авторъ выступаетъ уже съ обвиненіемъ всего не-славянофильскаго, въ статьѣ «Смута умовъ».

Я вижу читателя, предающагося нѣкоторому недоумѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, какою логикою сведете вы въ одно цѣлое міровоззрѣніе къ «народу» и къ «толпѣ», съ одной стороны, и славянофильскій, хотя туманный, но вполнѣ оптимистическій взглядъ на народъ — съ другой? Скрывается ли въ славянофильскихъ тенденціяхъ высокомѣрное отношеніе къ народу, или вѣра въ народъ свойственна такъ буржуазно-аристократическому міровоззрѣнію? Если возможно допустить первое, то только въ виду славянофильскихъ тенденцій забрать въ свои руки народъ, назвавши ему разныхъ «показателей пути». Въ концѣ концовъ, совсѣмъ непріятны сообщники, въ родѣ г. Маркова. Но если нѣтъ логическихъ основаній для приобщенія г. Маркова къ славянофильству, то-есть полныя основанія практическія. Славянофильскія тенденціи возникли не вчера и не въ 1877 году, и однако г. Марковъ не былъ ихъ послѣдователемъ. Теперь эти тенденціи «въ случаѣ», «въ фаворѣ», и онъ является ихъ привѣтствовать. Есть и еще большее основаніе: въ сущности, новославянофильское ученіе раздѣляетъ многія вполнѣ буржуазныя *desideria*: и то и другія не хотятъ увеличенія крестьянскихъ надѣловъ, и то и другія мечтаютъ о руководителяхъ народныхъ въ «личныхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ», хотятъ автономныхъ независимыхъ уѣздовъ, гдѣ можно свободно и просторно заняться злѣніемъ на народъ и пр., и пр. Понятно, что ни одинъ представитель буржуазіи не откажется отъ подобныхъ благъ. И вотъ откуда-то — противоестественная дружба славянофиловъ съ крѣпост-

никами и обскурантами, отсюда и чудовищная непоследовательность воззрѣній г. Маркова, «самостоятельною мыслью и волею», но высказывающагося вполне лишь при весьма удобныхъ случаяхъ.

Не завидна, какъ видѣть читатель, побѣда славянофильства, не интересно завоеваніе симпатій г. Евгенія Маркова. Не болѣе завидно присоединеніе г. профессора Ореста Миллера, представляющаго второй типъ прозелитовъ новаго славянофильства. Дѣятельность профессора отличается, впрочемъ, замѣчательнымъ однообразіемъ, почти исключительно повтореніемъ передовыхъ статей «Руси» въ разныхъ обществахъ, изъ нихъ же первое — славянское благотворительное. На журнальной аренѣ съ особеннымъ великолѣпіемъ онъ выступилъ въ «Русской Мысли» (1880, январь), простодушно вѣдая въ читателя мысль, что Россія всѣмъ обязана славянофиламъ и что «западники» только мѣшали, завидовали и ничего не понимали. «Въ нападекахъ на славянофиловъ — писалъ онъ тогда, — часто ясно слышится затаенное: зачѣмъ тутъ *они*, а не *мы*». Если же и встрѣчаются голоса, въ которыхъ «не звучитъ эта нота *ревности или зависти*», то сказывается въ нихъ «какое-то искреннее заподозриваніе славянофильства въ чемъ-то такомъ, что должно непременно претить»... Столь блестящее пониманіе западныхъ теченій мысли само уже по себѣ способно указать, съ какимъ писателемъ имѣть дѣло читатель. Исторія литературной дѣятельности почтеннаго профессора еще ближе объясняетъ дѣло. Началъ онъ ее знаменитой «Нравственной стихіей въ поэзіи», нѣкогда разобранной Добролюбовымъ; отъ этого произведенія г. Орестъ Миллеръ впоследствии публично отказался. Затѣмъ нѣкоторое время профессоръ считался въ рядахъ любителей европейскаго просвѣщенія, можно сказать — почти западниковъ. Нынѣ онъ полный славянофилъ, раздѣляющій то великое мнѣніе, что народъ нашъ уже и такъ достаточно «просвѣщенъ и образованъ», а западники — тупоумные люди, завидующіе славянофильству..

Да, не блестящи — повторяемъ — завоеванія новаго славянофильства въ умственной борьбѣ, имъ затѣянной. «Русь» остается до сихъ поръ одинокой. Идеиная бесплодность агитаціи подтвердила только давно уже существовавшій фактъ, что для общества нашего прошло время «славянофильства» и «западничества». Въ дѣйствительности, въ нашемъ теперешнемъ обществѣ и нѣтъ чистыхъ западниковъ, какъ нѣтъ чистыхъ славянофиловъ, и самый основной пунктъ новаго славянофильства — «народничество» — представляетъ, сколько бы не отрещивалась отъ этого «Русь», ско-

уже всего западническое теченіе, какъ мы уже говорили объ этомъ. За то есть у насъ нынѣ «консерваторы», жѣрные обскуранты, и прогрессисты, сторонники реформъ. Въ обѣихъ этихъ партіяхъ есть элементы вполне буржуазнаго свойства, для которыхъ «народъ» — праздно вращающееся въ устахъ слово. Новославянофильство, отличающееся одной только исключительной чертою — стремленіемъ къ политическому и нравственному объединенію славянъ, (чертой не чуждой, однако, многимъ и не-славянофиламъ), по всему смыслу своего ученія является сторонникомъ консерваторовъ и ни въ какомъ случаѣ не народа. Борьба, возбужденная имъ, — чисто-политическаго свойства, выгоднаго для такъ называемыхъ «правлящихъ классовъ», чему нисколько не противорѣчитъ борьба противъ «чиновничества» — «бюрократіи». Вотъ потому-то въ ряды новославянофиловъ такъ охотно и становятся г. Марковы для «отстаиванія извѣстныхъ принциповъ въ полемической борьбѣ». Гете находилъ въ мірѣ мало голосовъ и много эха. И если судить по количеству и качеству эха, порожденнаго ново-славянофильствомъ, выводы получаются — повторяемъ — для него неутѣшительные, особенно въ виду того обстоятельства, что ново-славянофильское ученіе занимало привилегированное положеніе, облегчавшее приливъ къ нему всѣхъ элементовъ... «практическихъ».

Въ числѣ «литературныхъ мечтаній» о народѣ, намъ, по-видимому, слѣдовало бы говорить и о мнѣніяхъ западнической народнической литературы. Но она, вызванная сочувствіемъ къ обездоленнымъ безправнымъ народнымъ массамъ, не имѣла нужды высказывать категорическихъ характеристикъ народа и дѣйствительно ихъ не высказывала. Ей никогда не случалось рѣшать вопросы: хочетъ ли или не хочетъ народъ государствовать, единственный ли или не единственный онъ источникъ и носитель самобытной русской правды, и пр. Выражая свое сочувствіе народу и стремленіе понять его — почти исключительно путемъ беллетристическаго воспроизведенія его быта, беллетристы-народники этимъ самымъ уже вызываютъ критическій разборъ ихъ произведеній, минуя ихъ личныя мнѣнія о народѣ. Притомъ же въ большинствѣ случаевъ выводы изъ такихъ произведеній могутъ быть очень различны, да и сами авторы, рисуя одинаковыя картины народной жизни, понимаютъ ихъ различно. Что можетъ быть, напримѣръ, различіе отношенія къ народу гг. Глѣба Успенскаго и Златовратскаго? Вообще говоря, въ этой сферѣ

литературы преобладаетъ пока исключительно *стремленіе* понять народную душу, а никакъ не желаніе навязать читателямъ извѣстныя категорическія воззрѣнія на народъ. Поэтому намъ съ беллетристической народнической литературой дѣлать пока нечего.

#### V. — Дѣйствительность и ея задачи.

Что такое дѣйствительный, настоящій, не фантастическій русскій народъ? Безпримѣрный по своей трудности, этотъ вопросъ допускаетъ, по недостаточности и противорѣчивости данныхъ, въ высшей степени разнорѣчивые отвѣты. И нѣтъ ничего удивительнаго, что для Достоевскаго народъ былъ одно, для г. Маркова — диаметрально противоположное, потому что каждый долженъ былъ судить о немъ почти исключительно на основаніи личныхъ впечатлѣній, на основаніи своего субъективнаго чувства, принимая за «народъ» фантомы своего собственнаго воображенія, находя въ немъ по желанію присутствіе или отсутствіе тѣхъ или другихъ свойствъ и качествъ. Ни хвала, ни порицаніе народа, созданнаго на такихъ шаткихъ основаніяхъ, не имѣютъ смысла просто уже потому, что дозволительно и самыя качества и свойства эти цѣнить и понимать различно. Такъ, Достоевскому особенно нравились въ народѣ «терпѣніе» и «смирненіе». Между тѣмъ эти смиренныя и лѣнныя качества ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаны *общественными* добродѣтелями: видѣть зло и не противодействовать ему, не защищать своихъ правъ — значитъ поощрять почти безграничное развитіе общественной неправды. Къ чести русскаго народа, замѣтимъ, и эти качества его не болѣе, какъ фантазія: малороссійское козачество съ его суровыми свойствами и вѣковой борьбой противъ насильственнаго вторженія чуждыхъ началъ жизни, волжская вольница, расколъ и другія явленія народной жизни не свидѣлствуютъ о какомъ-то безконечномъ смирненіи и терпѣніи.

Дѣло даже и не въ неосновательности огульной хвалы или порицанія народа, а въ невозможности ихъ. Народъ — фактъ слишкомъ большой и сложный, чтобы допускать такое отношеніе къ себѣ. Въ народѣ есть всего: нельзя сказать, что такой-то народъ честенъ, любитъ правду, или нѣчто подобное. Въ народѣ есть и честные люди, и не честные, умные и глупые, правдивые и неправдивые, терпѣливые и нетерпѣливые, какъ даже въ одной семьѣ бываютъ совершенно различные по нравственнымъ и умственнымъ качествамъ люди. И кто можетъ сказать, преобладаютъ ли въ народѣ хорошіе элементы или дурные? Единствен-

ный способ сужденія о народѣ, о его массовой, собирательной силѣ—способъ историческій, когда рассматриваются дѣянія народа, проявленія его духа, въ связи съ вліяніемъ человѣка на природу и природы на человѣка.

Даже если бы мы и знали дѣйствительно качества народа и могли бы допустить ихъ всеобщность, принадлежность непременно каждому отдѣльному представителю его, то и тогда мы не могли бы прийти къ какому-нибудь опредѣленному цѣлому представленію о народѣ. Такъ, предположивши народъ нравственнымъ, мы въ сущности узнали бы не многое: нравственность—только форма, допускающая различное содержаніе; неудовлетворенная совѣсть—только чувство неисполненнаго долга, пониманіе котораго опять различно. Гдѣ-нибудь въ широкихъ степяхъ Америки считается доблестью добыть и развѣшать передъ жилищемъ какъ можно больше человѣческихъ шевелюръ; какой стыдъ долженъ чувствовать краснокожій диварь, упустившій случай изувѣчить или умертвить человѣка даже не вражескаго, а только чуждаго ему племени? И этотъ варварскій обычай не есть что-нибудь поворное съ условно-нравственной точки зрѣнія: онъ представляетъ собою только фактъ своеобразнаго развитія альтруистическихъ чувствъ, онъ вызванъ заботой о сохраненіи и силѣ своего племени; истребленіе врага—услуга роду. Кто же можетъ, на основаніи этого обычая, заключить о безнравственности цѣлаго племени, а между тѣмъ всякій имѣетъ право заключить о низкомъ уровнѣ нравственныхъ понятій его. Многочисленные свидѣтельства подтверждаютъ, что краснокожій американецъ дѣйствительно только невѣжественъ и потому жестокъ, но не безнравственъ; человѣкъ той же расы, «последній изъ могиканъ» является въ извѣстномъ романѣ глубоко симпатичною личностью. Факты скальпированія будутъ говорить совсѣмъ не о «дунѣ» человѣка, а о неразвитости его ума. Замѣчательно притомъ, что сильнѣйшіе умственно и нравственно представители племени всегда и будутъ выдающимися, ревностнѣйшими исполнителями жестокаго вѣчнаго обычая. Но намъ не за тѣмъ такъ далеко ходить за примѣрами. Бокъъ настойчиво доказывалъ, что наиболѣе честные и нравственные язычники были наиболѣе ревностными гонителями выросставшаго христіанства. Не подлежитъ сомнѣнію, что самые жестокіе инквизиторы бывали самыми ревностными приверженцами христіанства; наиболѣе жаждущіе вѣчнаго спасенія поджигали дрова подъ костры, на которыхъ сжигались лучшіе представители человѣчества. Словомъ, недовольно сказать, что человѣкъ, а тѣмъ бо-

лѣе народъ, нравственъ, нужно сказать, какъ онъ нравственъ, въ чемъ состоятъ его *нравственныя* понятія. Гуманное развитіе—не фраза и состоитъ именно въ томъ, что даетъ человѣку болѣе разумныя представленія о правахъ и обязанностяхъ человѣка, направляетъ человѣческія чувства и, согласно съ ними, преобразовываетъ бытъ. Въ русской жизни мы сейчасъ же находимъ примѣры подобнаго же рода: обезобразившій, взувѣчившій себя скопецъ совершилъ по его субъективному чувству доблестный подвигъ, совѣсть его удовлетворена; а мы ссылаемъ его за это простое невѣжество, за неразвитость нравственныхъ понятій—въ Сибирь. Кто нравственнѣе поступаетъ въ данномъ случаѣ—предоставляемъ судить читателю.

И такъ, въ серьезномъ вопросѣ, когда говорить о цѣломъ народѣ въ его прошломъ, настоящемъ и будущемъ, непозволительно отдѣлываться общими фразами о «душѣ» народа, о лежащихъ въ ней задаткахъ великаго будущаго, о ея «всечеловѣчности» и пр., потому что даже и самая «всечеловѣчность», всякія альтруистическія чувства въ дѣйствительности могутъ принять уродливѣйшія формы развитія, наполниться самымъ разнообразнымъ и не всегда хорошимъ содержаніемъ. Умиленіе передъ «душою» народа, опубликовываемое во всеобщее свѣдѣніе, можетъ свидѣтельствовать о чувствахъ автора, но ни въ какомъ случаѣ не объ умѣ его. «Душа» народа—только фраза, только одинъ разговоръ. Для того, чтобы хоть что-нибудь рѣшить и подвинуть въ общественномъ дѣлѣ, нужно говорить не о нравственныхъ качествахъ, а о нравственныхъ понятіяхъ, выразившихся въ бытѣ, въ юридическихъ и шире въ общественныхъ отношеніяхъ; нельзя говорить только о томъ, что народъ религіозенъ, полонъ вѣры, нужно сказать еще, въ чемъ, въ какихъ формахъ проявляется эта религіозность, потому что и религіозность при неправильныхъ понятіяхъ общественныхъ можетъ приводить къ Варолюмфевскимъ ночамъ, къ коврамъ инквизиціи, къ слопческимъ безуміямъ и т. д. Можно быть по «душѣ» превосходнымъ человекомъ и превосходнымъ народомъ, и въ то же время развить невыносимый общественный бытъ, невыносимыя общественныя отношенія. Прогрессъ человечества гораздо меньше состоитъ въ усовершенствованіи чувствъ и ума, чѣмъ въ движеніи, въ усовершенствованіи понятій. Древній міръ представляетъ намъ поразительные примѣры умовъ, силою своею превосходившихъ великихъ представителей нашихъ временъ и въ то же время не достигшихъ самаго элементарнаго въ наше время пониманія позорности рабства, и Аристотель владеть рабство въ основаніе

ідеального суспільного устрою в своїй знаменитій «республіці». Коли намъ говорити, що народъ нашъ умиє, сміє, чує, чи не умиє всіхъ народівъ землі, ми відповідаємо: тимъ краще, — значить онъ спосібъ скоріе усвоить гуманні ідеї, скоріе виробить кращі людські відносини, якщо, передбачається, онъ ще не знає їх; але якщо б цей умъ по своєму направленню шель на що-небудь шкідливе для розвитку суспільного і якщо його неможливо було б повернути на кращі задачі, то онъ не складав би вигідного властивості народу.

Характеризувати народъ і народну життя злишкомъ общими словами: «нравствені, умиє» і пр. — повторюємо — неможливо. Не в цьому лежить центр ваги питання в дане час. Будуть ли нравственні, релігійні і суспільні властивості народу хороші чи погані, умиє ли народъ чи неумиє — з цимъ фактомъ, в дану мить, в сутності намъ діяти нічого; його можна признати чи відкинути, але практичні задачі дійсності від цього змінюються дуже незначительно. Народъ умиє, краще багатьохъ народівъ світа, говорите ви: такъ дайте ж цьому уму широку і вільну сферу діяльності, не тримайте його під ґрунток вашихъ передвзятихъ поглядівъ і «показателівъ шляху» із курсовихъ помічників, ознайомте його з результатами справжньої вселюдської вищої діяльності мислі. Ви утверджуєте, що народъ неспівняльно краще і людськіше «інтелігенції», що його політичні поняття навіть по східному питанню вище понять інтелігенції: такъ зачемо ж йому ці «показателі шляху» і постійний суровий відказ йому в освіті, в дійсній можливості досягнути справжню суть політичнихъ і суспільнихъ відносин? Якщо ж народъ не такъ умиє, якъ ви говорите, вимоги залишаться ті ж: розвивайте умъ народу і знайомте його з світовимъ умомъ, дайте йому знання, можливість орієнтуватися в природі і суспільстві, надайте йому, хоч в майбутньому, жити своїмъ умомъ, а не умомъ «показателівъ шляху». Словомъ, во всіхъ можливихъ випадкахъ діяти о вільності і освіті народу, а ці останні важко досяжні без економічного благополуччя самого народу і без вільності інтелігенції, могутньої вносити в народу світ просвіщення. Не бійтеся впливу «ложної інтелігенції», якщо утверджуєте, що народъ умиє; онъ не поїде за нею саме тому; онъ зрозуміє, де правда. І тоді-то визначились б «справжні чи люди» народу — господа славянофіли, пропонували йому, замість вільності і просвіщення, своїхъ показателів



пути, а вмѣсто экономическаго обезпеченія—доказательство нравственности, необыкновеннаго смиренія и терпѣнія народныхъ, утвержденіе, что народъ можно держать «въ черномъ тѣлѣ», что поэтому можно оставить его въ томъ же экономическомъ положеніи.

Въ дѣйствительности, народное дѣло въ нашемъ отечествѣ далеко не такъ просто. Пусть умъ народа несомнѣненъ, но за недостаткомъ и теоретическихъ, и фактическихъ знаній, за недостаткомъ пониманія природы и общественной жизни, этотъ умъ безуспѣшенъ освободить народъ отъ совершенно ложныхъ представленій о природѣ и жизни. Пусть народъ, по своей психической организаціи, нравственъ, но его нравственныя понятія въ достаточной мѣрѣ первобытны, его бытъ, семейныя и общественныя отношенія совсѣмъ не идеальны. Пусть народъ религіозенъ, но его религіозныя представленія и понятія не отличаются ни определенностью, ни истинностью. На всей жизни народной лежитъ печать умственной неподвижности, отсутствія развитой умственной жизни и истиннаго критическаго отношенія къ окружающей дѣйствительности, рядомъ съ порываніями къ правдѣ, къ чему-то свѣтлому и истинному, чего, однако, не можетъ достигнуть лишенный знаній народный умъ. Объ экономическомъ положеніи народа и говорить нечего: факты вопіющей и возрастающей нищеты народной рѣбать въ глазахъ, приводятъ въ отчаяніе, а факты немовѣрной эксплуатаціи бѣдѣющаго народа, не находящагося, не умѣющаго даже отворъ поположеніямъ на его истощенныя силы, способны возбудить непримиримую ненависть къ эксплуататорамъ и страстное стремленіе дать народу правильное пониманіе его положенія. Напрасно идеальныя народолюбцы указываютъ на смиреніе и терпѣніе народа: такое положеніе его не можетъ не отразиться на его жизни разлагающимъ образомъ, и многочисленные свидѣтели, не исключая и московскихъ самобытниковъ, констатируютъ факты нравственнаго и физическаго вырожденія народа съ одной стороны и страстнаго протеста съ другой. При всемъ недостаткѣ данныхъ, опредѣляющихъ физиономію русскаго народа, можно подтвердить сказанное выше многими примѣрами, не допускающими разпорѣчивыхъ толкованій и довазывающихъ необходимость просвѣщенія въ народной массѣ и улучшенія ея положенія вообще. Проповѣдь status-quo народныхъ воззрѣній и народнаго быта въ большинствѣ отношеній есть проповѣдь невѣжества и обскурантизма, проповѣдь застоя, вѣрнѣе — движенія назадъ, упадка, умственнаго, нравственнаго и экономическаго.

Мы не хотимъ сказать, чтобы такъ-называемые интеллигентные классы были особенно великопны въ сравненіи съ народными классами. Интеллигентность нашихъ «образованныхъ» классовъ не весьма велика: въ нашемъ обществѣ очень мало, вообще говоря, и основательныхъ знаній, и нравственнаго развитія, и любви къ труду, всякихъ вообще общественныхъ добродѣтелей. Они также нуждаются въ свободѣ и просвѣщеніи, безъ которыхъ они не станутъ истинно-интеллигентными. Въ нихъ, какъ и въ народныхъ сферахъ, существуетъ только незначительное меньшинство съ разбухшей умственной жизнью и съ сознательной общественной нравственностью. Вполнѣ понятно, что стремленія этого меньшинства не противорѣчатъ стремленіямъ народнымъ, но только глубже, сознательнѣе и опредѣленнѣе формулируютъ ихъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если наша «интеллигенція» не отличается гуманнѣмъ развитіемъ. Безъ образованнаго народа не будетъ никогда устойчивой образованной «интеллигенціи», точно такъ же какъ безъ интеллигенціи не будетъ образованнаго народа. Въ вопросѣ о значеніи интеллигенціи, недавно въ странной формѣ поднявшемся у насъ, казалось въкоемъ недоразумѣніи, смѣшеніи понятій «образованныхъ» и такъ-называемыхъ «высшихъ классовъ», не всегда отличающихся истиннымъ образованіемъ. Принадлежать къ буржуазіи или дворянству еще не значитъ быть человѣчески развитымъ, а иногда значитъ совершенно противоположное, значитъ быть нравственно изуродованнымъ, всосать съ молокомъ матери массу предразсудковъ и ложныхъ понятій, надъ которыми окажется безсильнымъ благотворное вліяніе просвѣщенія. Развѣ сословная гордость и пренебрежительное отношеніе къ «черной вості» не есть результатъ барского наслѣдственнаго невѣжества? Развѣ не то же наслѣдственное невѣжество—въ стремленіи вѣчно держать народъ въ черномъ тѣлѣ, въ политической и экономической зависимости? Но среди предразсудковъ, эта же небезгрѣшная «интеллигенція» одна только и обладаетъ средствами народнаго развитія: наука, искусство, политическая сила—все въ ея рукахъ; въ ея же рукахъ,—въ меньшинствѣ, конечно,—и лучшія понятія объ общественной жизни. Безъ ея участія не разовьется народъ; и народническое направление и славянофиловъ, и не-славянофиловъ есть одинъ изъ симптомовъ движенія образованія въ интеллигенціи, одинъ изъ прикрѣповъ значенія интеллигенціи для народа, потому что безъ этого направленія, начавшагося вѣдѣть съ образованіемъ, у насъ не былъ перѣцъ царю бы крѣпостное право и, быть можетъ, даже не было бы критическаго отношенія къ нему, не была бы по-

ната позорность крѣпостничества. Пусть нехороша наша, какъ и вся европейская, интеллигенція, но свобода въ ней развязала бы руки людямъ, преданнымъ идеѣ свободного народа, которые нашли бы откликъ въ народной средѣ уже по внутреннему единству интересовъ народа и истиннаго образованія. И отъ этого бесконечно выиграли бы всѣ элементы общества.

Но возвратимся къ народу. Мы сказали, что умъ народа, при недостаткѣ знаній, не гарантируетъ его отъ заблужденій. Нужно прибавить, что заблужденія эти могутъ имѣть и дѣйствительно имѣютъ глубокое практическое значеніе, сильно вліяютъ на жизнь народа въ смыслъ неблагопріятномъ. Такъ, непониманіе народа съ законами природы, непониманіе ея явленій наноситъ ежегодный и даже ежедневный неисчислимый ущербъ народному благосостоянію. Въ народѣ, какъ извѣстно, существуетъ первобытно-религіозный взглядъ на явленія природы, возмѣненіе котораго, разумѣется, не было бы уничтоженіемъ истинной религіозности, но внесло бы много сознательнаго во всю дѣятельность народа. Обыкновенно думаютъ, что знаменитые «три кита», на которыхъ утверждена будто бы земля, только безвредная легенда. Едва ли это такъ, говоря вообще. Посмотрите, какъ отражается непониманіе природы на духѣ и бытѣ народныхъ. Всякое бѣдствіе, обусловливаемое природой, застаетъ народъ неподготовленнымъ къ борьбѣ, даже болѣе — иногда боящимся борьбы съ силами природы. Настаетъ засуха и единственное спасеніе деревни — въ молебнѣ о бездождіи. Молнія зажигаетъ избу крестьянина, и онъ безропотно подчиняется несчастію, видя въ молніи стрѣлу Иліи пророка. По мѣстамъ можно встрѣтить вѣрованіе, что пожаръ отъ «небеснаго огня» тушить грѣшно и бесполезно. Конечно, вѣра эта трогательна, но ошибочна. Народъ, создавшій пословицу: «Богъ-то Богъ, да и самъ не будь плохъ», — во многихъ случаяхъ оказывается именно плохъ. Предложите мужику принять мѣры противъ пожаровъ отъ молніи и отъ чего угодно, впрочемъ, и онъ посмотритъ на васъ, какъ на идущаго противъ божественнаго промысла; обычный отвѣтъ его: «коли Богъ захочетъ, никакія мѣры не спасутъ». Эта вѣра въ промыселъ — повторяемъ — трогательна, но она связываетъ руки народу; дѣлаетъ его безначальнымъ, лишаетъ его способности инициативы во многихъ случаяхъ. Кажется, можно думать, что знаніе природы было бы для него полезнымъ: онъ понималъ бы, что употреблять силы природы въ свою пользу и бороться съ ними позволительно и совсѣмъ не значитъ «идти противъ Бога». Очевидно, что умъ и нравственные качества народа тутъ не при

чемъ, что ложныя понятія нисколько не стѣсняются жить и дѣйствовать рядомъ съ умомъ, тормозя его дѣятельность.

Въ приведенныхъ примѣрахъ мы — въ сферѣ ежедневной жизни народа и его общихъ представленій о природѣ, какъ дѣйствующей не по опредѣленнымъ законамъ, знаніемъ которыхъ можно пользоваться, а по волѣ Божества. А рядомъ съ этимъ общимъ возрѣніемъ на природу и въ прямомъ противорѣчіи съ нимъ въ томъ же самомъ народѣ существуютъ разныя предсказанія, предзнаменованія погоды въ будущихъ лѣтнихъ мѣсяцахъ, основанныя на первобытныхъ практическихъ наблюденіяхъ. Умъ не спасаетъ народа отъ этого противорѣчія, проявляющагося не въ одной только сферѣ пониманія природы. Такъ, зная, что все въ волѣ божіей, тотъ же народъ идетъ къ знахарю и колдунѣ съ цѣлью измѣнить предопредѣленія промысла. Всѣ эти призражанія, заколдовыванія, вызываемыя невѣжествомъ суевѣріемъ, не смѣлѣютъ ли о живучести въ народѣ понятій еще додопоклонническаго періода нашей исторіи, — понятій, безусловно урѣдихъ въ настоящее время, создающихъ въ душѣ народа разладъ и вызывающихъ не особенно малочисленный классъ обманщиковъ. Правда, эти понятія въ народѣ исчезаютъ, но подѣ влияніемъ именно сближенія народа съ болѣе образованными классами и ихъ понятіями. Уже не говоримъ о томъ, какое благо было бы для народа въ болѣе специальныхъ значеніяхъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ его труду и средствамъ къ жизни: трудъ народа сталъ бы несомнѣнно сознательнѣе и плодотворнѣе, и улучшенія въ его сферѣ были бы не такъ рѣдки, какъ теперь, рутинна уступила бы мѣсто постоянному прогрессу. Мы знаемъ, что говоримъ вещи азбучно-извѣстныя. Но спрашиваемъ, не нужно ли забыть радикально эти вещи, чтобы утверждать, что народъ нашъ не нуждается ни въ какомъ просвѣщеніи, что онъ достаточно просвѣщенъ и образованъ и пр., и пр. Случается слышать и читать, что народъ знаетъ свой трудъ и его условія несравненно лучше теоретика-ученаго. Несомнѣнно, что одно теоретическое знакомство съ трудомъ недостаточно; но развѣ проиграло бы земледѣліе отъ соединенія теоріи и практики, и практики не барской, любительской, а обусловленной необходимостью въ средствахъ жизни и постоянно поддерживаемой опытомъ?

Было бы легкомысленной ошибкой думать, что народъ легко и свободно отшатнется отъ своихъ возрѣній на природу, станетъ къ болѣе сознательное и дѣятельное къ ней отношеніе. Ему необходимо пройти черезъ длинный процессъ послѣдовательной и упорной переработки мировоззрѣнія, чтобы отказаться отъ

вѣдьмъ, жѣнскихъ, домовыхъ и т. н., только въ сказкахъ безвредныхъ, а въ дѣйствительности тѣснящихъ народную мысль, жѣмлющихъ простому и ясному воображенію на природу, парализирующихъ дѣятельность въ ней человека, искажающихъ при томъ истинно-религіозныя представленія. А пройти чрезъ этотъ процессъ народу дѣйствительно необходимо, чтобы избѣжать, наприм., суевѣрнаго представленія о локомотивѣ, какъ о нечистой силѣ, которою воспользовался хитрый умъ «нехристей», и не остановиться съ иконою среди позолота жемчужной дороги въ увѣренности, что нечистая сила не устоитъ противъ святой иконы; чтобы не представлять себѣ чуму въ видѣ рысей англичанамъ, ѣдущей по Россіи на пагубу народа. Въ народѣ необычайно сильно развито недоверіе во всякому наученію природы, во всему новому, что превосходитъ его понятія и бѣдный, узкій опытъ къ ней. Всѣ усилія противодействовать развитію въ народѣ заразныхъ болѣзней разбиваются, какъ извѣстно, не объ одну экономическую несоосознательность народа; не малую роль играютъ въ этомъ случаѣ и предрассудки народа. Значило ли бы вредить народному уму и нравственности—раскрыть народу глаза на природу, поставить его въ правильныя сознательныя и пытливыя отношенія къ природѣ? Задача, предстоящая интеллигенціи на этомъ пути, громадна; отказъ отъ нея — позоренъ; утвержденіе, что народъ не нуждается въ измѣненіи своего природоуваженія, есть прямо желаніе держать народъ въ мракѣ и предрассудкахъ. И народъ, дѣйствительно, настолько уменъ, что, не отказываясь отъ своихъ ложныхъ представленій, вмѣстѣ съ тѣмъ протестуетъ противъ окружающаго его мрака, онъ знаетъ, что онъ «темный» народъ, ищетъ выхода, новыхъ путей для своей мысли и остается бессильнымъ безъ науки.

Семейный бытъ народа часто приводитъ въ восхищеніе и славянофиловъ, и западниковъ, искавшихъ въ немъ выраженія народной «правды». Рядъ очерковъ и всякой поэзіи выводитъ героев «патріарховъ», существующихъ нинѣ и говорящихъ за существованіе въ прошломъ нашего-то необыкновенно правдиваго склада народной семьи, представлявшей совершеннѣйшую идиллію и Аркадію. Но все подобныя представленія—только «идиллія», т. е. фальшивое и слащавое придумываніе идеала народной семьи, а не изображеніе семьи реально существовавшей и существующей. Мы не имѣемъ права и основаній отрицать безусловно существованіе хорошихъ семей въ народѣ и «патріарховъ». Но если, дѣйствительно, говорить о народной «правдѣ» въ семьѣ, необходимо судить не по отдѣльнымъ представителямъ

народа, а не всей совокупности понятий, лежащих в основании этой семьи. А современные понятия эти достаточно известны. Они предписывают полную зависимость будущей семьи от воли старших: ни мужъ жены, ни жена мужа не выбирают по свободному взысканію, а подчиняются выбору другихъ. Жена, вступающая въ чужую семью, не приобретает никакихъ правъ, а только одні обязанности. Она — безусловная раба мужа, главы дома, лично смотрящаго на женщину, какъ на существо низшее, не могущее имѣть воли, требующее до гробовой доски «ученья», т.-е. при современной мягкости нравовъ — битья. Это полное отсутствие свободы распространяется на всѣхъ принадлежнихъ и нѣмощихъ придти въ міръ членовъ семьи до правнуковъ включительно. Воля одного, чаще произволъ одного — вотъ основной устой семьи. Семья «темнаго царства», изображеннаго Островскимъ, и есть послѣдовательное практическое развитіе тѣхъ понятий, которые лежатъ въ основаніи народной семьи. Жизнь народа, впрочемъ, не такова, чтобы дозволить въ себѣ крайнее развитіе этихъ женщина въ ней часто является лицомъ слишкомъ дѣльнымъ, а иногда и самостоятельнымъ въ хозяйствѣ, чтобы могли удержаться всегда безумерчными взгляды на нее и отношенія къ ней, предписываемыя понятиями. И вотъ, въ одной половинѣ своей жизни, на полѣ, около печки она лицо свободное... работать до упаду, на то въ другой половинѣ — въ своихъ отношеніяхъ личныхъ къ мужу, она та же раба, которую бьютъ, которую «учатъ». Какъ бы ни былъ нравственъ человѣкъ народа, какъ бы ни былъ онъ по «душѣ» человѣкомъ, онъ раздѣляетъ эти воззрѣнія на женщину. И тѣмъ «нравственнѣе» онъ, тѣмъ съ бѣльшей энергіей онъ будетъ проводить свои понятія въ жизнь, тѣмъ положеніе женщины безотраднѣе, по крайней мѣрѣ тогда, когда у нея самой есть умъ и свой взглядъ на вещи — она должна безусловно отказаться отъ нихъ въ пользу или бы и дѣлкихъ ума и взглядовъ мужа. Не очевидно ли, что на народныхъ понятіяхъ о семьѣ есть многое, не заслуживающее похвалы. При ростѣ семьи, когда подѣ властію «патріарха» ступаютъ взрослые люди съ ихъ женами, положеніе становится еще запутаннѣе. Если «патріархъ» — самодуръ (а это, конечно, бываетъ не рѣдко), для многихъ членовъ семьи жизнь становится каторгой, выносимой только по необходимости. И вотъ, въ народной средѣ возникаютъ такіа явленія какъ снохачество съ одной стороны и ненависть въ старшему въ домѣ отъ его собственныхъ дѣтей и ихъ женъ. Намъ нѣтъ никакой необходимости доказывать это примѣрами; простые газетныя извѣстія достаточно

разъясняютъ дѣло. Убіиство нелюбимыхъ мужей, драмы снохатства и пр.—суть крайнія выраженія этого быта.

И опять самъ же народъ первый протестуетъ противъ гнета дѣйствительности, возникшей на «понятіяхъ». Народныя жизни богаты именно жалобами на весь этотъ нелюбимый семейный бытъ. Жалобы на необходимость идти за нелюбимого мужа, жалобы на свекра-батюшку и на свекровь, змѣю лютую, — все это, разумеется, только жалобы на судьбу, которая неизмѣнно является отвѣтственною за всѣ безобразія дѣйствительности. На однихъ жалобахъ, конечно, протестъ остановиться не могъ: жизнь сама опрокидываетъ многія изъ требованій понятій, оставляя ихъ сильными только въ обрядѣ, во внѣшности. По прежнему неизмѣнно идутъ сваты, отцы рѣшаютъ между собою дѣло и совершаютъ рукобитые, а между тѣмъ это только простая проформа, дѣло же рѣшено равнѣ самими будущими мужемъ и женою, заставляющими отцовъ принимать и ихъ волю. «Патріархальная» власть старшаго въ домѣ, какъ только это оказалось возможнымъ, послѣ паденія крѣпостного права, естественно пошатнулась. Частныя жалобы на дѣленіе семей, не смотря на очевидную экономическую невыгоду раздробленія рабочихъ силъ, свидѣлствуютъ только, что въ народѣ возникъ сильный протестъ противъ обезличенія «снохъ» и всѣхъ вообще младшихъ членовъ семьи: лучше жить въ бѣдности, да не подъ гнетомъ чужой воли — такъ сознательно или безсознательно должны думать всѣ эти прежнія несчастныя «снохи» и ихъ мужья. И снохенько бы ни возникало жалобъ на это явленіе, оно будетъ продолжаться по естественному ходу народной жизни. Прежняя сложная семья была не только сообществомъ для совмѣстнаго труда и общаго пользованія добытыми трудомъ благами, — она была народнымъ юридическимъ установленіемъ, принижавшимъ личность передъ деспотическою волею одного. Въ этомъ — источникъ разложенія народной семьи, которому не помѣшаютъ никакія проповѣди объ удобствахъ и выгодахъ совмѣстнаго, семейно-артельнаго труда. Этотъ процессъ разложенія идетъ быстро и выражается въ безобразнѣйшихъ явленіяхъ другой крайности: сыновья поднимаютъ руки на своихъ родителей въ свою очередь. Можно было бы удержать семью, измѣнивши понятія народа, воззрѣвша на «человѣка». Но это невозможно сдѣлать по произволу, сейчасъ, сегодня, и намъ суждено присутствовать при естественномъ, хотя и не радостномъ фактѣ. Старыя понятія отживаютъ, но новыя возникаютъ съ трудомъ. Народу предстоитъ трудная задача — отыскать новыя начала жизни, и рѣшеніе ея самимъ

трудно без помощи цивилизующихъ идей. Тамъ, гдѣ народная мысль проснулась, напр., въ расколѣ, ярко отличаются эти стремленія народа; но расколъ же и служитъ лучшимъ доказательствомъ, какъ легко народу придти къ заблужденіямъ, если только не истина — въ сплоченіи, въ «свальномъ грѣхѣ» и другихъ подобныхъ явленіяхъ жизни раскольничьей.

Намъ скажутъ, что и въ такъ-называемыхъ образованныхъ классахъ царятъ безправственность и пороки. Да, это такъ, но въ этихъ классахъ пороки и называются пороками, борются противъ нихъ можно во имя общественной нравственности; они идутъ противъ понятій общества, которое и можетъ исцѣлить мѣры противъ нихъ. Но что же вы сдѣлаете, когда противоположенія отношенія освящаются понятіями, утверждаются установленіями и законами? Тутъ нѣтъ уже и вопроса о мѣрахъ противъ пороковъ, они перестаютъ быть пороками въ глазахъ общества, увлеченнаго въ заблужденіе. И во всѣхъ представляемыхъ нами примѣрахъ дѣло не въ умѣ и не въ нравственныхъ качествахъ народа, а именно въ его понятіяхъ, возникшихъ на почвѣ мрака и первобытныхъ представлений о природѣ и роли въ ней человѣка. Мы готовы признать, что въ самыхъ заблужденіяхъ народныхъ сказываются и изобрѣтательный умъ, и нравственное чувство, ищущее удовлетворенія, не удовлетворяющееся современной безурядицей быта; но все это именно и подтверждаетъ нашу мысль. При этомъ умъ и это нравственное чувство, народъ, ища болѣе разумныхъ нравственныхъ отношеній между людьми, приходитъ къ результатамъ, въ большинствѣ случаевъ ложнымъ, изобрѣтая «Христовъ» и «Богородицъ», съ суровымъ деспотизмомъ и суевѣріями. Сколько бы ни восхищались важными справедливыми (собственно эконоическими) отношеніями сектантовъ между собою, но презрѣніе послѣдователей большинства ихъ къ неприндающимъ къ ихъ сектѣ, — презрѣніе до отказа ѣсть съ ними изъ одного блюда, — не свидѣтельствуешь ли объ убогости пониманія ими человѣческихъ отношеній? Намъ скажутъ опять, что и «интеллигенція» не въ силахъ до сихъ поръ выработать даже въ своей средѣ истинно-справедливыхъ отношеній. Но и это говорить не противъ, а за нашу мысль о необходимости народнаго развитія. Привлеченный къ участію въ общественной мысли, народъ прибавитъ слишвомъ много мыслительныхъ силъ, чтобы это осталось безплоднымъ. Безспорно, однако, что въ «интеллигенціи» идея справедливости получила широкое развитіе; несправедливость въ ней опять является скорѣе противорѣчіемъ общественнымъ понятіямъ, а не



ихъ выраженіемъ; здѣсь понятія переросли бытъ, обусловленный нездоровой атмосферой бездѣятельности, прожизнанія на счетъ народнаго труда. Развѣтіе понятій народа необходимо для развѣтія справедливости и въ интеллигенціи; развитой народъ самъ послѣдовательно устранялъ бы всякую возможность жить безъ труда или трудомъ безразличнымъ для общества.

Едва ли кто возьмется утверждать, что народъ правильно понимаетъ явленія общественной и государственной жизни. Здѣсь умъ народа сталкивается съ самымъ сложнымъ фактомъ, чтобы осмыслить его. Недавно впечатанное въ «Отеч. Зап.» и надѣлавшее шуму «письмо крестьянина» служитъ нагляднымъ доказательствомъ этому. Кто его друзья, кто враги — народъ не можетъ рѣшить даже приблизительно. Только одно массовое чувство влечетъ его въ ту или другую сторону, безъ анализа, безъ сознанія, безъ провѣрки. Государственная и политическая жизнь складывается силами народа, но безъ его активного участія. Его силы и средства, выработанные упорнымъ трудомъ, всего чаще слушаютъ ничтожному меньшинству, безъ его вѣдома и согласія. И это будетъ продолжаться ровно до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ въ состояніи сознательно относиться къ явленіямъ общественной жизни и вліять на нее своимъ мнѣніемъ, своею мыслью. Народъ знаетъ только ближайшихъ представителей общественнаго порядка и по нимъ судить, потерявъ весьма часто сознаніе своихъ правъ и своихъ обязанностей. Его представленія объ общественномъ строѣ уже поэтому въ высшей степени ограничены. Если бы народъ развился до пониманія обязанности властей быть защитниками его интересовъ, а не лицами, только отдающими приказанія, злоупотребленія ихъ потеряли бы много шансовъ на существованіе. Народъ съ своей стороны понималъ бы истинныя причины своихъ бѣдъ и ошибочно не переносилъ бы ненависти къ злоупотребляющимъ властью на самый общественный строй.

Есть сфера общественныхъ отношеній въ народѣ, подвергающаяся безусловному восхваленію; это — деревенскій «миръ». Онъ служитъ неистощимымъ источникомъ для восхваленій народной «души», проявляющейся въ немъ. Деревенскіе сходки, передѣлы полей — все это берется въ доказательство необычайной «правды», лежащей въ понятіяхъ народа. Къ социальнѣй, дѣйствительность мало оправдываетъ всѣ эти похвалы, и намъ извѣстно, волостныя правленія стали для народа однимъ изъ тѣхъ присутственныхъ мѣстъ, какихъ онъ нѣкогда такъ боялся. Обыкновенно винять въ этомъ посредниковъ и крестьянскія при-

существа и т. п. Не представляется вопросъ, почему же «народъ», вѣдающій въ волостныхъ правленіяхъ, такъ пассивенъ, что не можетъ противостоять не только посреднику, а даже и своему наемному писарю? Напрасно было бы думать, что не будь посредника, не будь писаря, все хорошо пошло бы въ народъ. Нужно кое-что отвести и на счетъ самого народа, на счетъ его понятій, вызывающихъ негласныя явленія въ общественной жизни деревни. Дѣло въ томъ, что народъ во-первыхъ неравногъ, и во-вторыхъ любитъ и почитаетъ богатство. Въ народѣ, какъ и вездѣ, живетъ культъ богатства; этимъ объясняется вліяніе кулаковъ не только не меньше, чѣмъ экономической отъ нихъ зависимость. Лишь рѣдкія исключенія, аскеты народа, признаютъ щету житейскихъ благъ. И это естественно. Какъ хотѣть и предполагать, чтобы народъ, вѣчно задавленный нуждою, оставался равнодушнымъ зрителемъ благосостоянія, не желалъ такого положенія экономического, которое освобождало бы его отъ непосильнаго труда и постоянной бѣдности и дало бы ему возможность наслажденій земными благами. Для народа, естественно, такое положеніе становится идеаломъ, къ которому онъ стремится. Кто же можетъ винить народъ въ желаніи благосостоянія?—Но есть въ этомъ народномъ воззрѣніи, съ перваго взгляда безобидномъ, нѣчто и не совсѣмъ невинное. Нужно не закрывать глазъ, чтобы не видѣть презрѣнія народнаго къ бѣдности; этотъ фактъ по личному опыту всѣмъ извѣстенъ. Человѣкъ народа, какъ и всѣ люди, дѣйствительно, способенъ уважать человѣка за богатство, преклоняться передъ нимъ и вліять презрѣніемъ «лишлаго», если, по крайней мѣрѣ, онъ не ходитъ съ сумою. Народъ не понимаетъ гордости бѣдняка. «Ничій» и гордъ — это для него какое-то непонятное противорѣчіе. И народъ уважаетъ своихъ богатѣй, онъ ихъ чествуетъ, онъ ихъ избираетъ себѣ въ начальство, онъ самъ идетъ къ нимъ въ кабалу. Это явленіе народной жизни несомнѣнно, и только крайніе идеалисты способны отрицать его. Слѣпое уваженіе къ богатству, въ связи съ неравногостью, и производитъ между другими причинами неравнину деревенскаго «міра», представляющаго собою въ мнѣшнорѣ все тотъ же обычный человѣческій міръ, съ богатыми и бѣдными, съ эксплуататорами и эксплуатируемой массой, которая сама проталкиваетъ шеею подъ ярмо богатаго. Словомъ, всѣ преимущества деревенскаго міра суть простая фантазія, а неравногость понятія о личномъ достоинствѣ человѣческомъ, независимомъ отъ кармана, дѣлаетъ въ немъ еще суровѣе и непригляднѣе картину «человѣческаго безчеловѣчія».

Говорятъ, что земледѣльческій трудъ самъ по себѣ уже воспитываетъ въ человѣкѣ какое-то особенное понятіе правды, которое и находятъ въ народѣ. Рядомъ съ этимъ обыкновенно свидѣтельствуется о гибельномъ влияніи на народную душу городовъ и городской жизни, которое немедленно и сказывается, какъ скоро человѣкъ оставляетъ землю. Но это — простое самопротиворѣчивое недоразумѣніе. Если дѣйствительно земля и трудъ на ней воспитываетъ въ народѣ сознательное понятіе правды, то куда же дѣвается эта правда, какъ скоро человѣкъ идетъ въ городъ? Вѣдь если говорить о «воспитательномъ» влияніи земледѣльческаго труда, то необходимо предположить, что онъ, этотъ трудъ, развиваетъ прочныя нравственныя понятія о человѣческихъ отношеніяхъ, которыя человѣкъ понесетъ съ собою всюду, куда бы ни пошелъ. Но понятія эти, по свидѣтельству самихъ восхвалителей деревенской правды, немедленно исчезаютъ въ городѣ; и этотъ фактъ самъ по себѣ уже свидѣтельствуешь о ложности мнѣнія на счетъ особеннаго воспитательнаго влиянія земли. Какъ мы сказали въ другомъ мѣстѣ, «земля» создаетъ скорѣе бытъ, чѣмъ сознательную нравственность. Дѣйствительно, земледѣльческій трудъ фатально создаетъ болѣе справедливыя экономическія отношенія; земля ничего не даетъ безъ труда, ее нельзя подкупить и упрости, все нужно взять трудомъ. Въ противоположность капиталистическимъ профессіямъ, земля сама собою ограничиваетъ экономическіе аппетиты: человѣкъ не можетъ обработать земли больше, чѣмъ это нужно для средней семьи. И человѣкъ, привязанный къ почвѣ, къ земледѣльческому труду, самою природою и силою непреодолимыхъ обстоятельствъ становится въ правильныя отношенія къ природѣ и людямъ. Но это не служитъ ручательствомъ, что тотъ же человѣкъ, не имѣя сознательныхъ понятій о нравственныхъ человѣческихъ отношеніяхъ, будетъ справедливъ и нравственъ во всѣхъ сферахъ дѣятельности, съ которыми онъ встрѣтится. И мы видимъ, что человѣкъ народа, оставивъ землю, немедленно же становится несправедливымъ членомъ народа, кулакомъ, міроѣдомъ, преслѣдуя общій для всѣхъ идеалъ личнаго благосостоянія и встрѣчая въ народѣ не ненависть, не презрѣніе, а уваженіе къ своему уму, умѣнью вести дѣло. Самая деревня совсѣмъ не служитъ ареною господства правды, такъ что и въ ней оказываются недействительными влиянія земледѣльческихъ идеаловъ. При недостаткѣ земли, которая обезпечила бы трудъ и жизнь семей, въ народѣ возникло общее явленіе: отдѣльныя личности изъ народа захватываютъ земли больше, чѣмъ имъ нужно, другіе — остаются

свѣтъ безъ земли. Гдѣ же хваленая правда общественныхъ отношеній деревни? Если и допустить широкіе альтруистическіе истиниты въ народѣ, и тогда окажется, что они недостаточно прочно развиты, чтобы сдерживать развитіе въ народѣ безобразнѣйшихъ истинитовъ личной пользы, далеко оставляющихъ за собою извѣстную пословицу народа: «моя изба съ краю»... и разрушающихъ общинныя истиниты. Мы видимъ опять тоже, что ни умъ, ни нравственность, ни альтруистическія чувства не спасаютъ народа отъ возмутительнѣйшихъ и несправедливѣйшихъ отношеній, въ которыхъ становится къ ближнимъ не худшіе члены его по недостатку развитія гуманныхъ нравственныхъ понятій.

Едва ли нужно говорить много о религіозныхъ представленіяхъ и понятіяхъ народа. «Религіозность» не спасаетъ народъ отъ неправильнаго пониманія своихъ обязанностей къ Богу и ближнему, какъ не спасаетъ отъ смѣшенія чисто языческихъ представленій съ христіанскими. Среди купечества, еще не удалявшагося отъ понятій народныхъ, существуетъ пословица: «не обмануть — не продать», и выходя на свой промыселъ обмана, религіозный, но неразвитой купецъ крестится и молится о помощи. Ошибочно думаютъ, что это — обычай только купцовъ. Разбойникъ изъ «народа» совершаетъ то же крестное знаменіе, идя въ лѣсъ на свой ужасный промыселъ. То же дѣлаетъ любой кулакъ изъ народа. Нечистую совѣсть успокоиваютъ свѣчю въ иконамъ, соразмѣряя ея размѣры съ величиною безнравственности проступка. Всѣ эти обрядовыя заблужденія народа — доказательство не безнравственности, не нерелигіозности, а именно только неразвитости, ложности нравственныхъ понятій. Конечно, разбойникъ, молящійся за удачу своего промысла, — преувеличенная характеристика народной «религіозности». Но это — только крайнее выраженіе общихъ понятій народной среды. Бѣже развитой мужикъ, не разбойникъ, будетъ молиться о томъ, чтобы Господь наказалъ сосѣда, обидѣвшаго его; онъ при удобномъ случаѣ скажетъ: «Богъ наказалъ его за меня». Намъ нѣтъ надобности приводить еще примѣры неразвитости нравственно-религіозныхъ понятій народа — они слишкомъ извѣстны всѣмъ. Раскольники, силою дѣятельной религіозной мысли дошедшіе до отрицанія современныхъ понятій народныхъ, думаютъ угождать Богу, между прочимъ, двуперстнымъ крестнымъ знаменіемъ вмѣсто трехперстнаго, освоеніемъ себя и пр., отдавая огромное мѣсто внѣшней обрядности. Для всѣхъ постъ состоитъ не въ отказѣ отъ пищи, а въ отсутствіи извѣстнаго рода пищи;

постигшіся крестьяннѣ напивается, при разрѣшеніи вина, и портить себѣ желудокъ непомятнымъ количествомъ постной пищи. Празднованіе памяти святыхъ состоитъ въ постановкѣ свѣчи, иной порцѣ желудка и распухѣ. Кажется, все это достаточно свидѣтельствуєтъ о первобытности релігіозныхъ представленій народа. Взглядъ народа на поповъ, между тѣмъ, опять свидѣтельствуєтъ о протестѣ, о желаніи, чтобы релігія служила ему истинной руководительницей въ жизни.

Мы не хотимъ сказать, что только въ этихъ безобразныхъ явленіяхъ и заключаются нравственность и релігіозность народа. Мы хотимъ сказать, что существованіе этихъ явленій свидѣтельствуєтъ о неразвитости нравственной и релігіозной мысли народа. Въ общемъ картина сложилась: вездѣ видны порывы къ выработкѣ новыхъ лучшихъ воззрѣній и относительное безсиліе народа создать что-нибудь прочное и разумное. Вѣковыя преданія, «упрямое воспоминаніе о протекшихъ дняхъ», мешаютъ намнемъ на умѣ народа, мало знающемъ, мало развитомъ и потому неумѣющимъ истинно-критически отнестись къ заблужденіямъ своимъ, вносимымъ и въ его новыя ученія. Предразсудки и рутинныя понятія крѣпко держатъ въ своихъ рукахъ народный умъ, не давая ему свободы. Винить народъ по этому поводу въ умственной несостоятельности никто не будетъ. Философъ (Декартъ), отказавшійся отъ всѣхъ понятій и знаній, данныхъ ему опытомъ и жизнью и бравшійся построить строго логическій цѣль понятій, все-таки приходитъ въ немъ ко многимъ заблужденіямъ времени. Нельзя же требовать отъ народа такой умственной свободы и независимости отъ вѣковыхъ понятій, насквозь пропятавшихъ всю его жизнь и все его міровоззрѣніе.

Прогрессъ понятій народа возможенъ только при расширеніи сферы его опыта, теперь узко ограниченнаго его личною жизнью. Дайте народу ознакомиться съ результатами мысли всего человѣчества; дайте ему знаніе того, что открыто о природѣ; познакомьте его съ жизнью другихъ народовъ, чтобы онъ могъ сравнить ее съ своею, словомъ, дайте ему хотя нѣкоторые элементы образованія, и вы введете его уже въ область сознательнаго отношенія къ природѣ и жизни; мысль народа проснется сильнѣе и пытливѣе. Это не значитъ навязывать народу что-нибудь. Не давайте ему чужихъ понятій, но дайте только знаніе, факты, и умъ народа будетъ дѣлать выводы по общимъ законамъ человѣческаго ума; его понятія будутъ улучшаться и смягчаться. Господа обскуранты не хотятъ этого и, чтобы замаскировать свои настоящія мысли, они претендуютъ, чтобы умъ народа

самъ, независимо отъ вѣковой работы человѣческой мысли, самъ донелъ до всего. Но вѣдь очевидна невозможность этого: тогда для народа нашего потребовались бы новыя тысячелѣтія, и нѣтъ ручательства за то, что онъ не придетъ черезъ эти тысячелѣтія къ культурѣ, въ родѣ китайской. А какъ же пережить эти тысячелѣтія мрака, пока мы подвинемся хоть въ китайской-то культурѣ? Иные говорили о томъ, что нашъ народъ и такъ хорошъ и не нуждается ни въ какой цивилизаціи, а европейская цивилизація ложна. Съ первой половиной мысли, очевидно, согласиться невозможно; относительно послѣдней можно признать, что европейская цивилизація имѣетъ много недостатковъ,—но только она представляетъ науку, какая только есть въ человѣчествѣ, и пока нѣтъ другой цивилизаціи, другой науки, то волей-неволей, какъ средствомъ, мы должны воспользоваться плодами ея для развитія народа. Пусть покажутъ намъ другія средства, другую науку, болѣе истинную, другія человѣческія отношенія, болѣе правильныя и свободныя, и мы согласимся признать наши мысли несостоятельными.

Но дѣло въ томъ, что господа обскуранты не желаютъ никакихъ средствъ. Большинство ихъ притворяется, говоря о какой-то новой самобытной цивилизаціи. Ихъ воззрѣнія, логически прослѣженные, указываютъ на признаніе ими хорошимъ всего того, что; по нашему мнѣнію, сейчасъ разъясненному, указываетъ на неразвитость, первобытность народныхъ понятій. Потому-то они и толкуютъ о «душѣ» народа, а не о проявленіяхъ ея, объ умѣ народа, а не о сферѣ дѣятельности и вообще не о дѣятельности его, о «нравственности» народа, а не о нравственныхъ понятіяхъ его, отражающихся въ бытѣ. Они закрываютъ глаза на протестъ народа противъ нынѣшнихъ условій и нравственной, и умственной, и экономической его жизни. Въ своихъ воззрѣніяхъ, желая удержать народъ въ томъ бытѣ и въ тѣхъ воззрѣніяхъ, и не желая видѣть его протеста, они, очевидно, идутъ противъ народа, противъ его стремленій. Потому-то они и безсильны выяснитъ хоть сколько-нибудь осмысленно фizioномію народа, оттого-то народъ и является у Достоевскаго впадающимъ все въ болѣе болѣе «развратъ», ведущій къ убійствамъ изъ-за гроша буквально, и въ то же время обладающимъ превосходною «душою», а у Л. Ансакова—народомъ, «не желающимъ господствовать», «самымъ разумнымъ въ мірѣ», «хранителемъ органической субстанции нашей земли» и пр. Въ дѣйствительности, народъ и въ «развратѣ» не идетъ особенно быстро, и умнѣетъ, и нравственнѣе, но «развратъ» болѣе всего ложностью, примитивностью понятій, тор-

мозящихся ему жизнь при современныхъ условіяхъ, вообще —страдаетъ неразвитостью и непросвѣщенностью. Пусть же господа московскіе народолюбцы не говорятъ отъ имени и во имя народа; они должны говорить только во имя *своихъ* мнѣній, должны сознаться, что не хотятъ прогресса народной мысли и нравственности, признаютъ правильными воззрѣнія народа: въ семьѣ —на обязанность мужа бить жену, въ религіи —на роль свѣчей передъ образами и помощи Божіей въ безнравственныхъ поступкахъ, въ общественной жизни —на права личности чело-вѣческой, помимо его власти и кармана. Мы, съ своей стороны, не беремся говорить отъ имени народа, быть можетъ, пока не понимающаго насъ; но говоримъ во имя прогресса народнаго, во имя расширенія и развитія его понятій, которыя теперь не кажутся намъ верхомъ чело-вѣческой мудрости, а просто въ боль-шинствѣ случаевъ невѣжественными. Такимъ образомъ споръ «либераловъ» съ нелибералами —не о словахъ только, а о са-момъ направленіи жизни. «Либералы» ожидаютъ отъ развитія народа и сильнаго прогресса экономическаго; развитіе и знанія дадутъ народу новые способы эксплуатаціи природы и освободятъ его отъ пассивнаго «терпѣнія» всеобщей эксплуатаціи на-родныхъ силъ во вредъ русскому народу, во всей широтѣ поня-тія, изображаемаго этимъ словомъ. Тогда будетъ возможенъ и справедливый общественный порядокъ; тогда народъ внесетъ въ жизнь свою «правду», которая теперь лежитъ зародышемъ на сухой и бесплодной почвѣ нашей современной общественной без-урядицы.

Ни свобода, ни просвѣщеніе народа невозможны при со-временномъ экономическомъ положеніи его. Обскуранты, не при-знающіе нужды въ народномъ просвѣщеніи, отрицаютъ последо-вательно и экономическое бѣдствіе народа. Они какъ бы гово-рятъ: довольно съ народа и того просвѣщенія и того благосо-стоянія, которыми онъ обладаетъ. Но факты говорятъ иное. На-примѣръ, даже проектъ министерства финансовъ о замѣнѣ по-душной подати другими налогами говоритъ объ «убѣдительныхъ доказательствахъ разстройства крестьянскаго хозяйства», о ни-чтожности надѣловъ многихъ крестьянъ и пр. Многочисленные факты и наблюденія говорятъ о физической и нравственной дегра-даціи (о послѣдней, какъ мы видѣли, говорятъ и Достоевскій, и Аксаковъ, и даже г. Евг. Марковъ, восхваляющійся «цѣпностью» русскаго народа), о вырожденіи. Всеобщая воинская повин-ность выяснила, какъ немного остается въ живыхъ изъ родив-шихся въ извѣстномъ году черезъ двадцать лѣтъ, какъ, потому

немного изъ этихъ живыхъ сохраняеть силы и здоровье для такого теперь въ сущности простого дѣла, какъ быть солдатомъ. Въ призывѣ 1881 года нужно было освидѣтельствовать 42% всего числа лицъ, вынимавшихъ жребій,—и при всей современной снисходительности къ физическимъ качествамъ солдатъ освобождено, по невозможности (на 21-мъ году) и болѣзненности, около 17% освидѣтельствованныхъ, значительно болѣе 50 тысячъ человекъ! Ежедневно на улицѣ мы встрѣчаемъ «мальчиговъ» изъ народа, которымъ оказывается лѣтъ по 18-ти. Рослое и здоровое русское племя мельчаетъ и гибнетъ въ болѣзняхъ. Нравственное вырожденіе характеризуется не «убійствами за грошъ» (Достоевскій), а полной потерей уваженія дѣтей къ отцамъ, о чемъ мы уже говорили выше. Люди теряютъ вѣру въ авторитетъ отцовъ, какъ давно потеряли уваженіе къ своимъ ближайшимъ руководителямъ, старымъ «показателямъ пути»,—и замѣнить эти авторитеты оказывается не легкимъ по отсутствію гуманныхъ развитыхъ нравственныхъ понятій въ прежнемъ быту народа. Онъ обращается къ прежнимъ авторитетамъ съ тѣмъ же самымъ орудіемъ физической силы и произвола, который практиковали вѣками по отношенію къ нему. И народъ бьетъ отцовъ, бьетъ евреевъ и говорить свободно о «своемъ судѣ» въ тѣхъ простыхъ случаяхъ, когда съ нимъ имѣютъ смѣлость не соглашаться. Пусть опять это—крайнія проявленія народной жизни, но они указываютъ во всякомъ случаѣ не на прогрессъ народной мысли и народнаго чувства и грозятъ въ будущемъ еще болѣе безурядицей, хотя и современная достаточно держитъ въ сѣтѣ всю нашу жизнь. Народъ мечтаетъ объ освобожденіи отъ гнета нищеты, изнуряющей и ожесточающей его, а мнимонародническая газета «Русь» и обскуранты доказываютъ въ это время о «благополучномъ обстояніи» народнаго благосостоянія!

Дѣйствительность, очевидно, не поощряетъ quasi-народническихъ фантазій, завладѣвшихъ-было нашей жизнью, не оправдываетъ «консервативныхъ», вѣрнѣе—обскурантныхъ вождельствій. Вся русскій народъ въ полномъ составѣ нуждается въ обновленіи, возрожденіи своей жизни. И первое, что представляется на этомъ пути, это—экономическое улучшеніе быта народа въ тѣсномъ смыслѣ и законная свобода, искорененіе произвола, т. е. возможность свободнаго развитія народной мысли и народнаго матеріальнаго благосостоянія. Въ этой задачѣ нѣтъ мѣста сословнымъ увлеченіямъ: нельзя народу быть свободнымъ и гарантированнымъ безъ свободы «интеллигенціи», какъ нельзя «интеллигенціи» быть здоровою и свободною при рабствѣ народа. Безъ



широкаго участія самого народа въ общественныхъ дѣлахъ этой свободы не будетъ, очевидно. Свобода принесетъ съ собою возможность прогресса народной мысли. При свободѣ каждый принесетъ на службу отечеству все, чѣмъ владѣтъ. Кто имѣетъ знанія, принесетъ ихъ. Вопросы общественные разъясняются, потому что они будутъ разъясняться свободно, безъ умолчаній, безъ того «эзоповскаго языка», какимъ нынѣ всѣ говорятъ и пишутъ. Мракъ исчезнетъ и при свѣтѣ легче будетъ идти по тернистому пути, на который насъ вывела исторія тысячелѣтняго «ига» рабства. Правда, вмѣстѣ съ благами науки, искусствъ и пр., «интеллигенція» извѣстнаго рода принесетъ на «алтарь отечества» и свою неоскудѣвающую способность эксплуатаціи народныхъ силъ. Но свободный народъ, у котораго раскроются глаза на общественныя явленія, сдумаетъ, нужно надѣяться, направить силы интеллигенціи на лучшія задачи,

Программа «либераловъ» проста и ясна, въ ней нѣтъ туманности и фантазій славянофильства, нѣтъ скрытаго презрѣнія къ народу обскурантовъ, старающихся удержать народъ въ statu quo экономическомъ и нравственномъ,—сколько бы ни старались навязать имъ это презрѣніе. И чѣмъ справедливѣе славянофильскія мнѣнія объ умѣ и нравственныхъ качествахъ народа, тѣмъ страстнѣе желаніе не-славянофиловъ, чтобы умъ и нравственныя качества народа не оставались въ забросѣ и подъ гнетомъ неблагоприятныхъ условій нашей поразительной и несчастной дѣйствительности, тѣмъ горестнѣе сознаніе трудности ихъ общественной задачи, препятствій къ ея осуществленію. При видѣ непониманія народомъ искренней преданности хорошаго меньшинства общества его интересамъ, при видѣ успѣха въ народѣ, если его предположить, грубой лести со стороны желающихъ держать народъ въ черномъ тѣлѣ и ограничить его интересы интересами родной деревни, невольно приходитъ на память горестное восклицаніе св. Августина: *vae coecis ducentibus, vae coecis sequentibus!* Этимъ восклицаніемъ, выражающимъ чувство, слышимое знакомое для современныхъ мыслящихъ людей русской земли, мы можемъ закончить нашу статью; лучше нельзя выразить горькаго и обиднаго сознанія, какими клеветами покрыты наши честныя стремленія.

Арс. Введенскій.



# ЗАПИСКИ СТЕПНЯКА

Окончаніе.

## О Т Р Ы В К И.

6 марта. Сумрачно и тепло.

Сегодня всю ночь въ логу ревіла вода и всю ночь не могъ заснуть я. Грудь колетъ, въ ушахъ непрестанный звонъ, нервы раздражены и натянуты подобно струнамъ... Ахъ, эта весна!

И вообразите, у меня поселилась тетка. Она старая-престарая, носъ у ней длинный и большой, походка мелкая и колеблющаяся... Но у ней большое горе и она вѣчно вздыхаетъ. Какое горе?—Я не признаю это горемъ: у ней есть сынъ, очень молодой человѣкъ, и этотъ молодой человѣкъ на далекомъ сѣверѣ. Мало ли молодыхъ людей на далекомъ сѣверѣ!.. А между тѣмъ, она мнѣ надрываетъ душу своими стenanіями и тѣмъ разсѣяннѣмъ и тяжелымъ взглядомъ своимъ, который не сводитъ по цѣлымъ часамъ съ его писемъ, съ его фотографіи, съ его наивнѣйшихъ игрушекъ, уцѣлѣвшихъ отъ мирнаго дѣтства.

И вотъ собрались мы, старый да больной, и зарылись въ глубину безмолвствующей степи и, каждый въ одиночку, томительно одолеваямъ гнѣкъ свой. Скучно и больно.

Впрочемъ, пройдетъ мартъ и расплывемся мы, и печальная снѣгъ уже не будетъ разстилать передъ нами необъятныя свои дни. Я поѣду къ голубому морю; буду видѣть голубое море, буду слушать гармоничный лепетъ тихо вздымающихся волнъ, буду цѣловать воздухъ, напоенный южнымъ солнцемъ и тонкимъ запахомъ александровъ, и цѣлительный воздухъ оживитъ меня... А когда я уѣду, тетка снова подыметъ свое имущество (старое піанино

съ пожелтѣвшей клавиатурой) и переселится въ Воронежъ, и снова наклеить на оборванную дверь своей квартирки увій билетикъ:

*Уроки музыки, 50 коп. въ часъ.*

*Г-жа Капитолина Каверина.*

Правда, ей хотѣлось бы, вмѣсто этихъ уроковъ, улепетнуть на сельское кладбище, вокругъ котораго такъ безпечно шумятъ ракеты и веселыя птицы поютъ звонкія свои пѣсни, и залечь тамъ въ глубокой могилѣ... Но ей *необходимо* жить. Безжалостенъ суровый сѣверъ и ея милый мальчикъ захирѣетъ безъ материнскихъ полтинниковъ, аккуратно высылаемыхъ по глухому почтовому тракту.

Но зачѣмъ я їду въ Ментону? Ахъ, это такая длинная и такая скучная исторія...

9 марта. Солнце. Таетъ. Вѣтеръ съ юга.

Утромъ Семенъ вошелъ ко мнѣ и ясно улыбулся.

— Жаворонки прилетѣли!—сказалъ онъ и протянулъ нѣкоторое подобіе птицы, испеченной изъ тѣста. Я отвѣдалъ: было вкусно и нѣсколько приторно. Тетя отломала кусочекъ. Поглядѣла на него долго и пристально, и заплакала.

— Тихій мой... Любилъ онъ этотъ обычай... Самъ, бывало, на стрѣху кидаетъ жаворонка и радуется...—произнесла она сквозь слезы, и сдерживала эти слезы и умиленно улыбалась.

Это хорошо: прежде она не могла плакать. Я не сталъ утѣшать ее. Я одѣлъ шубу и вышелъ изъ дома.

На дворѣ было пріятно. Солнце высоко стояло въ синемъ небѣ и блистало ослѣпительно. Снѣгъ синѣлъ, медленно разрушаясь. Желтая травка сквозила на проталинахъ. По косограмъ тихо звенѣли ручки. Куры хлопотливо разрывали кучи теплаго навоза и весело кудахтали. Пѣгухи будили тишину побѣдоноснымъ своимъ крикомъ. У застрѣхи суетились и чиркали воробьи. Съ пруда гулко и отчетливо разносились удары вальса.

Я усѣлся на бревно, съ незапамятныхъ временъ поверженное у конюшни, и лѣниво отдался тихимъ и задумчивымъ грезамъ. Солнце сильно пригрѣвало. Было тепло. Мягкіе лучи ласково скользили по мнѣ. Слабое дыханіе кожного вѣтра, нѣжно прикасалось къ лицу. Я сидѣлъ и смотрѣлъ кругомъ, и слушалъ.

По стѣнѣ конюшни, защищенной коноплею, бродили свѣтлыя пятна и сѣроватая поверхность бревна казалась бархатною.

Это бревно съ утра до заката нагрѣвалось солнцемъ. Снѣгъ около него уже растаялъ и земля обнажилась. Рыхлая и жирная, она какъ-то весело выдѣлялась своей чернотой, и пахла тонкимъ запахомъ. Слѣды моихъ ногъ отпечатѣлись на ней явственнымъ углубленіемъ. За растаявшей круговиной снѣгъ сутробъ. Еще недавно горделиво возвышался онъ строгимъ и холоднымъ очертаніемъ своей конусообразной вершины, едва не достигавшей до застрѣхи, теперь же явно поникъ и безпомощно опадая все ниже и ниже. Шероховатая ледяная кора образовалась у его подножія и тоненькіе ручейки сочились по ней, медлительно извиваясь къ тропинкѣ, ведущей въ ложбину. Съ застрѣхъ, тихо и однообразно, падали капли. Иныя изъ нихъ прихотливо сверкали, держась на концѣ ледяныхъ сосулехъ, нависшихъ съ крыши подобно сталактитамъ. Иныя ударялись звонко и правильно. Паденіе другихъ походило на шопотъ. Иногда сталактиты ломались и проносился звонъ, какъ отъ разбитаго стекла. Тогда воробьи испуганной стаей отлетали отъ застрѣхи и оглашали воздухъ безпокойнымъ чирканьемъ, а близъ проходящій птицъ поднималъ ногу и съ важнымъ недоумѣніемъ осматривался по сторонамъ. Разбитый же сталактитъ таялъ и мѣлялъ на солнцѣ и исходилъ слезами... За угломъ конюшни мѣрно и мечтательно булькала ручей. Пробѣгая мимо тоненькой ледяной пленки, кой-гдѣ застывшей у его края, онъ мелодично звенѣлъ мелкимъ и серебристымъ звономъ, и мнѣ чудились струнные звуки, таинственно колеблющіе чуткій воздухъ...

И тихія грезы мои вставали ярче и тѣснились мнѣ въ душу непрерывною вереницей. Все мое существо переполнялось неспокойною грустью. Непрестанные звуки, стоящіе въ воздухѣ, досаждали мнѣ своей невнятною и своимъ осторожнымъ и таинственнымъ лепетомъ. Ликующіе восторги птицъ раздражали. Снѣгъ, расточаемый щедрымъ солнцемъ, казался больнымъ и какъ бы замирающимъ въ какомъ-то чахоточномъ безсиліи, и острая теплота южнаго вѣтра непріятно стѣсняла мое дыханіе. Мнѣ казалось, природа, вмѣсто обновленія, умирала и жизненные ея силы поникали въ молчаливой покорности, и смерть эта была моею смертию.

Я всталъ и пошелъ въ поле, и долго шелъ спѣшнымъ шагомъ, не оглядываясь назадъ. А когда оглянулся, хуторъ былъ далеко. Крыши построекъ, занесенныя снѣгомъ, еще не успѣвшимъ растаять, смутно возвышались въ долинѣ и трубы чернѣли какъ точки. Пустынная окрестность кругомъ облегла меня. Близкая равнина однообразно замыкала дали. Я остановился

и прислушался. Въ далекомъ степномъ пруду шумѣла вода, извергаясь съ плотины. Я дошелъ до кургана и сѣлъ тамъ, подославъ шубу. Дали широко раздвинулись предо мною. На бѣлой равнинѣ засинѣли кусты и беспорядочно набросанные поселки замелькали тамъ и сямъ. Мертвая тишина властно царствовала въ пространствѣ. Молчали люди, молчали птицы, молчала степь, и необъятная даль безмолвствовала въ какой-то угрюмой задумчивости. Шумъ воды, глухо доносившійся до кургана, казалось, еще болѣе усугублялъ строгость и величіе этой тишины.

И неодолимая печаль охватила меня. Я чувствовалъ, какъ сердце мое расширялось въ какой-то тяжелой и мучительной истомѣ, и тоскливая жалость закрадывалась въ душу.

И долго сидѣлъ я недвижимо. Годы, прожитые въ этой степи, безшумнымъ рядомъ проходили предо мною. Вспомнились мнѣ мои встрѣчи, мои знакомства — люди, изуродованные вѣчной суетою, люди, пришибленные жизнью, погибшіе и погибающіе: Серафимъ Ежиковъ, офицерша, Поплешка, Харлампій, Лебедкинъ, Люба, Семень мой неизмѣнный, и на ряду съ ними превосходительные Гермогены, выложенные Карамышевы, европействующіе Липатки, воинствующіе Гундриевы, скотоподобные мельники изъ Криворожья... Повсюдные примѣры непосильной борьбы и лезущаго свирѣпства. Боже, Боже, гдѣ же выходъ изъ этой скорбной ночи, позабытой солнцемъ... Гдѣ же звуки, которымъ суждено пробудить эти деревни, изболѣвшія въ дремотѣ, эту изнемогшую въ косности степь!.. Весна придетъ и опять настанетъ весна, а мертвая тишь не прервется и не закипитъ бойкимъ ключомъ томительно разлагающаяся жизнь.

И даль неудержимо повлекла къ себѣ мои грезы. Уѣхать, позабыть, не видѣть этой степи съ ея вѣковѣчной печалью, съ ея курганами, угрюмо сторожащими окрестность, съ ея молчаливыми селами и деревнями. Довольно терзать душу этимъ заглаженнымъ пространствомъ и съ мелочной точностью отмѣчать жестокіе идеалы, наводняющіе глушь... Дальше, дальше! Пусть версты и версты безконечными точками вырастутъ на моемъ пути и бойкая жизнь закипитъ вокругъ меня... Пусть яркое небо и голубыя горы скорѣе встанутъ на смѣну этихъ необъятныхъ далей, тоскливо развѣдающихъ душу, и пускай поспѣвшій вырастаютъ башни и храмы зарубежныхъ городовъ въ ясной перспективѣ благотворнаго южнаго воздуха... Я хочу жить. Я не могу вдыхать пустоту и съ рабской покорностью подставлять мою спину героямъ дня. Я не въ силахъ, подобно автомату, съ неукоснительной аккуратностью вести перепись гадамъ, заполонившимъ

мою родину. Къ чему вести? Весна придетъ и снова настанетъ, и мертвая тишь не прервется...

Кончено. Прости, степь, и не поминай лихомъ. Буду искать на чужбинѣ счастья и воли. Буду испытывать въ себѣ «всецеловѣка». Замѣню сосѣдей моихъ, преуспѣвающихъ въ хищеніи чужого и въ расхищеніи своего добра, свѣтлыми образами «мировой» поэзіи—Шекспиромъ, Данте, Гёте, Пушкинымъ... Погружусь въ чудотворный источникъ святого искусства, не причастнаго злобѣ дня... Обойду галереи Дрездена и Рима. Осмотрю Венецію, побываю въ Луврѣ. Буду бродить по развалинамъ Помпей... И съ священнымъ трепетомъ восприму великую тайну античныхъ преданій и всецѣло проникнусь ими. И когда сердце мое закаменеетъ, когда лишь одинъ чистый и холодный идеалъ красоты получить въ нему доступъ—съ гордостью скажу, что я одолѣлъ мою скорбь и погибавшую душу мою сохранилъ на чужбинѣ.

И когда я сошелъ съ кургана, печаль покинула меня. Я забылъ боли и скорби, которыми жилъ доселѣ, и подъ гнетомъ которыхъ безпомощно замирала родная моя степь и безропотно погибали родные мнѣ люди. Въ моемъ воображеніи чуждый край ослѣнительно сіялъ и искрился, и манилъ меня невозмутимымъ своимъ покоемъ, гдѣ счастье, свобода, воля... Я бодро шелъ къ хутору, дерзко измѣрялъ даль, безъ конца убѣгавшую въ пространство, и безбоязненно будилъ угрюмую тишину прекрасными вѣмецкими словами:

Dahin, dahin, wo die Citronen blühen...

Слѣды мои четко обозначались на влажномъ снѣгу. Равнодушное солнце пронизывало воздухъ сверканіемъ.

Шумно вошелъ я въ комнату и... прismsирѣлъ. Грустные звуки піанино раздавались въ маленькомъ залѣ. Изрѣдка дрожащій голосъ тетюшки, преодолевая слезы, присоединялся къ этимъ звукамъ и наводилъ на душу невыразимое уныніе. И повторяла она одинъ и тотъ же куплетъ:

Прости же! Новой жизни  
Заря блеститъ и мнѣ,  
И встрѣтятся мы скоро  
Въ невѣдомой странѣ...

То было «Addio» Шуберта.

И солнечный лучъ, игравшій на бѣлой стѣнѣ, снова показавъ мнѣ лучемъ умирающимъ, и неодолимая печаль обняла мою душу...

10 марта. Облачно. Мороситъ дождь.

Сижу дома. На дворѣ мокро и выйти невозможно; свѣтъ подъ ногами проваливается; непріятная сырость пронизываетъ насквозь. Въ домѣ тихо и сухо, и неустанный маятникъ четко отбиваетъ тактъ... Тусклый свѣтъ лѣниво льется въ плачущія окна. Тетушка неутомимо вязетъ и гремитъ спицами. Я хожу по комнатамъ и подолгу останавливаюсь передъ окнами, и то-скливо гляжу въ нихъ. Сивыя тучи густо заслоняютъ небо. Опѣвываются подобно дыму и быстро уносятся въ даль безконечной чередой. Вдали мрачнымъ туманомъ встаютъ кусты, и разстилается бѣлое поле, изборожденное проталинами. Ближе зияетъ плотина, усаженная ракитами. Дружные ракиты печально преклоняются по волѣ вѣтра и беспомощно простираютъ гибкія вѣтви свои, какъ бы умоляя о пощадѣ. Еще ближе трепещетъ садъ. Жидкая сирень безпрестанно принимаетъ къ сугробамъ и цѣлуетъ ихъ, и плачетъ надъ ними холодными слезами; важныя яблони медлительно киваютъ и колеблются; синій вишненикъ разбѣгается безпокойными волнами, и цѣпляясь другъ за друга, переполняетъ воздухъ шумомъ; густой кустъ орѣшника, заслонившій одно изъ оконъ залы, отчаянно бьется и съ буйнымъ дребезгомъ хлещетъ стекла, словно оповѣщая садъ о дерзкой своей отвагѣ... Прудъ глухо реветъ, перебѣгая плотину. Мнѣ видно какъ ледъ на немъ посинѣлъ и безобразно вздулся, покрывшись трещинами, а вокругъ плотины выступила темная вода, отразившая въ сердитыхъ волнахъ своихъ изломанныя очертанія ракитъ и зловѣщее небо. Въ концѣ пруда мечется камышъ, беспорядочно помахивая мокрыми кистями своими...

Перехожу на другую сторону и смотрю на дворъ. На дворѣ пусто. Куда-то пробѣжала кухарка, фартукомъ заслонившись отъ вѣтра. Сиротливо протрусилъ и скрылся подъ крыльцо Волчокъ, недовольно отряхав мокрые лохмотья свои и уныло поджимая хвостъ. Быстро и осторожно пробѣжала кошка къ амбарамъ... И снова пусто. Вѣтеръ рветъ и щетинить застрѣхи, свободныя отъ свѣга, и сердито ударяетъ ставнемъ кухни. Въ небѣ крутятся тучи... Сумрачная даль замыкаетъ поле. Дозорный курганъ мрачно чернѣетъ.

Боже, какая скука! Никогда хуторъ не казался мнѣ такимъ склепомъ и никогда такой мракъ не угнеталъ меня. Ужъ не напиться ли мнѣ и не забыться ли въ пьяномъ весельѣ... О, еслибы скорѣе отсюда...

— Нѣтъ ли письма теперь?—робко освѣдомляется тетка, и съ тоскою глядитъ на меня слезящимися глазами.

Я первый раз вспомнил о почтѣ, и дыханіе мое радостно стѣснилось. Мнѣ даже показалось, что небо внезапно просвѣтлѣло, и повеселѣли комнаты, переполненныя сумракомъ. И вмѣстѣ съ этимъ мнѣ стало стыдно. Область отвратительнѣйшей душевной возни и мучительныхъ сомнѣній въ конфузѣ отступила на задній планъ, и величавый образъ необъятной отчизны всталъ и выросъ, и всецѣло заполонилъ мое воображеніе. Образъ этотъ пришелъ какъ бы навнѣ, свѣтлый и величественный. Внутренній мой міръ, казалось, совсѣмъ отсутствовалъ въ созиданіи этого образа, и ни одной печальной чертой не потревожилъ его ясныхъ очертаній. И когда я вспомнилъ—всѣ мои встрѣчи и мои наблюденія показались мнѣ мелкими и случайными, а выводы грѣшили преувеличенной мрачностью. Я въ трепетѣ ждалъ разоблаченій и поправокъ... И вдругъ мнѣ стало казаться, что именно эта почта, гдѣ лежатъ цѣлыя груды журналовъ и газетъ, упразднить мои скорби и примирить меня съ родиной. О, я не сожгу тогда свои корабли и пошлю къ чорту «святую красоту», со всѣми ея приманками и античными перспективами. Цѣлый мѣсяцъ не выдавъ я газеты и цѣлый мѣсяцъ хуторъ на Грязнушѣ отдѣленъ отъ міра.

Я кликнулъ Семена, который вѣчно подшивалъ подметки въ передней комнатѣ, но его не было. Тогда я закутался въ шубу и направился въ людскую. Тамъ облаками ходилъ дымъ, и мои домохозяцы плотно возсѣдали вокругъ стола. Водка въ зеленоватомъ полуштофѣ и ломоть чернаго хлѣба, круто посыпанный солью, улаждали ихъ души. Когда я входилъ, ораторствовалъ Яковъ.

— Прямое дѣло по указу!—говорилъ онъ:—уборка уборкой, а указъ указомъ... Сорокъ рублей бери за десятину и, пабашъ!.. А кто взялъ меньше, прямо, Господи благослови, къ исправнику. Тамъ, братъ, разговоръ короткій!

— Да ты видѣлъ указъ-то? — въ нѣкоторомъ недоумѣніи спросилъ Семенъ.

— Чего—видѣлъ?—огрызнулся Яковъ и молодцовато силкунулъ:—чай, видали! Я вотъ въ позапрошлую среду въ Липяги ѣздилъ—мужичекъ мнѣ встрѣтился: тотъ, мало того—слыхать—своими глазами видѣлъ. Висить, говорить, въ волостной на стѣнкѣ, и еще на счетъ земли висить...

— Это на счетъ прирѣзки?—живо отозвался Михайло.

— И на счетъ прирѣзки, и на счетъ—не болтать, чтобъ до шоръ, до времени... Дѣло извѣстное!



— Я вотъ тоже странницу встрѣтила... — начала было Анна; но тутъ домочадцы замѣтили меня, и нѣсколько перемонфузились.

— Что это вы затѣяли? — спросилъ я, указывая на полуштофъ.

— Да отъ скуки, малымъ дѣломъ... По стаканчику... Дѣловъ нѣту, мы и пристроились... — отвѣтили домочадцы, приводя въ порядокъ возбужденныя свои лица.

Я позвалъ Михайлу и возвратился въ домъ.

— Можно проѣхать въ городъ? — спросилъ я, когда Михайло пришелъ вслѣдъ за мною, и съ развязностью заперталъ руку въ карманы полушубка.

— Въ городъ?

— Да.

— Что-жъ... На Орликъ?

— На немъ.

— На Орликъ проѣдешь. Орликъ — лошадь добрая. На ѣмъ ежели не проѣхать, такъ прямо, надо сказать, въ родъ какъ убогій какой не проѣдетъ... Въ родъ какъ пухливый человѣкъ, на примѣръ.

— Ну такъ ступай, собирайся.

Но Михайло стоялъ и расточалъ убѣдительныя словеса.

— И ежели теперь Гаврюхину вершину взять — безпремѣнно прошла Гаврюхина вершина! — продолжалъ онъ: — и опять объѣхать возможно, ежели не прошла, на примѣръ. Взялъ и объѣхалъ. А Орликъ — лошадь добрая. Взять его ежели, да подсѣлать, такъ я не токмо въ городъ...

— Ну собирайся же и ступай.

— А на счетъ чего ѣхать?

— Почту привезешь.

Лицо Михайлы вдругъ изобразило тонкую улыбку.

— Это мы понимаемъ, ежели на счетъ почты, — сказалъ онъ, и поспѣшно выходя, добавилъ: — а что на Орликъ не сѣздить, такъ это бить надо такого человѣка, по мордѣ! Мы тоже очень хорошо понимаемъ...

Чрезъ полчаса фигура всадника мелькала въ полѣ. Орликъ горячился и порывался стать на дыбы. Темные слѣды рѣзко обозначались на снѣгу.

11 марта. Вѣтеръ. Морозъ. Въ небѣ тучи.

Зима соскучилась и внезапно возвратилась къ намъ. Боясь за садъ: толстый слой льда облѣпилъ деревья и вѣтви низко повисли подъ его тяжестью. Нѣкоторые сломались. Орѣшникъ, колеблемый вѣтромъ, немилосердно гремитъ за окномъ и съ кажимъ-то сердитымъ шорохомъ лѣзетъ въ стекла.

Въ вечеру прїѣдетъ Михайло. Не знаю, почему, но дышется какъ-то легче; теперь мнѣ ужъ навѣрное кажется, что это прожитое захолустье извратило мои понятія о вещахъ и что на самомъ-то дѣлѣ жизнь російская изобилуетъ благодатью. Непременно совершилась ошибка, думается мнѣ. Въ оптикѣ часты такія исторіи: ничтожная подробность заслонить общее и характеръ извращенности неизбѣженъ.

Однако, что за чудеса съ моими домочадцами? Лица ихъ явно торжественны; въ словахъ замѣчается подозрительная осторожность; часто за полночь длится у нихъ бесѣда, и аккуратный Семень вѣчно отсутствуетъ.

Наконецъ-то является Михайло. Боже, какъ рада ему тетка! Но изъ его сумки выгружаются газеты и журналы, а письма нѣту... Тетка покорно возводитъ взглядъ къ иконѣ и удаляется. Это хорошо—прежде она не могла молиться. Спустя полчаса, унылые звуки вторгаются въ залу, и старческій голосъ едва слышно поетъ:

...Кто здѣсь страдалъ, боролся,  
Какъ друга смерти ждетъ:  
Она ему свободы  
Святую вѣсть несетъ...

Въ передней я разслышалъ шопотъ.

— Скорѣй,—говорилъ Михайло Семену:—я одну газетину подѣлилъ... вѣдь! По селамъ, братъ, варомъ варятъ на счетъ улаза...

И Семень быстро накиннулъ на плечи кафтанишко и потрусилъ въ людскую. Я вспомнилъ, что Яковъ—грамотный. Между газетами недоставало одного номера «Руси».

3 часа ночи. На дворѣ буря.

Какая ночь!.. Я чувствую, какъ тѣло мое холодѣетъ отъ ужаса и невыразимая тоска сжимаетъ сердце. Я не могу читать болѣе... Куда уйти мнѣ отъ этой проклятой груды печатной бумаги и какъ убѣжать отъ ада, стремительно наводнившего мое воображеніе... Голова пылаетъ какъ въ огнѣ. Пустынная комната переполнена призраками и въ мертвой тишинѣ, прерываемой однообразными лязгомъ маятника, безостановочно несутся звуки. Стѣны оживаютъ... За голой ихъ поверхностью встаютъ и тянутся предо мною картины несказанной скорби. Мрачная ночь смотритъ въ окна и словно сторожитъ меня, подозри-

тельно сдвигая свои зѣницы. Въ тѣ стекла, гдѣ гремѣлъ орѣшникъ обледенѣвшими вѣтвями, упорно заглядываетъ привидѣніе и, неотступно потрясая раму, водить костистыми лапами и скребетъ ими, и киваетъ косматой головою. Половица скучно трепещетъ подъ моими шагами. Пламя свѣчи слабо трепещетъ и колеблется...

О, безпощадный духъ времени—духъ-Сфинксъ, пожирающій мудрецовъ! Зачѣмъ же ты съ такой непрестанной жестокостью куешь новыхъ и новыхъ враговъ всякимъ основамъ и устоямъ и, безжалостно устраняя наивные идеалы старины, необозримую пустоту воздвигаетъ имъ на смѣну?.. Теперь съ мучительной ясностью вижу я, какъ подъ бременемъ непрерывныхъ испытаний, ниспосланныхъ тобою, изнемогла моя бѣдная родина и въ истомѣ безсилія омертвѣла. Безнаказанно терзаетъ ее грозная семья болѣзней, предводительствуемыхъ голодомъ, и могущественный хабакъ изъ конца въ конецъ раскинулъ свои сѣти. Самая природа какъ-бы превратилась и насылаетъ бѣды. Красный пѣтухъ мрачно распростираетъ крылья свои и отъ Бѣлаго моря до Нѣмана оваряетъ небо зловѣщимъ заревомъ... И во всему къ этому, безъ конца, свирѣпствуетъ подлость. О, какая безшабашная, какая безпримѣрная подлость!.. Стыдъ устранить. Понятія о чести сотворены излишними. Культъ брюха провозглашенъ господствующимъ и ему въявь совершаются отвратительныя жертвы. Повальный грабежъ и холопство, возведенное въ доблесть, рука объ руку съ печатью, изборожденною прелестями гражданственныхъ сообщеній, развиваются на свободѣ, подобно ядовитымъ гадамъ и, подъ сѣнью всеобщей неурядицы, наглѣютъ до размѣровъ грандіозныхъ... Я вижу, какъ на тучной почвѣ всяческихъ недоразумѣній, смутно и съ поспѣшностью, слагаются типы съ клювомъ хищной птицы, съ прожорливымъ желудкомъ удава и съ цѣпкими, жадно распростертыми руками. Иные изъ нихъ дикіи и первобытны и по своей исконности соотвѣтствуютъ идеаламъ «Домостроя»; иные же нацѣпили европейскія одежды и во всеоружіи познаній европейскихъ вышли и стали подъ большую дорогу, по которой, крихты и изнемогая, хмѣльной и младенствующій плетется народъ русскій... Хищникамъ споспѣшествуетъ мракъ. Отовсюду безконечными вереницами ползутъ тучи. Жестокій вѣтеръ пронзительно воетъ въ деревьяхъ. Печальную землю полосуетъ холодный дождь. Тьма безъ просвѣта жутко сжимаетъ сердце...

Правда, эту ночь, переполненную ужасомъ, отъ времени до времени, быстро мигая, освѣщаютъ яркія зарницы, и иногда

упорный блескъ ихъ ослѣпляетъ жадныя до поживы очи; но оттого не легче, ибо за мимолетнымъ блистаніемъ угрюмая тѣнь сгущается еще настойчивѣй, вѣтеръ еще безжалостнѣй завываетъ въ деревьяхъ, и еще грознѣе надвигаются тучи...

И заполоненный всеобщимъ мракомъ, отуманенный общемою скорбью, истерзанный безнадежностью, царящею окрестъ, я уже забываю о томъ, что еще недавно культъ чистой красоты привлекалъ меня и дивный край манилъ къ себѣ ослѣпительнымъ своимъ свѣтомъ... Я, подобно многимъ, молю о вѣчномъ забвеніи, вѣчномъ примиреніи, вѣчномъ покоѣ, и жадно жду царицы смерти и таинственной перспективы превращенія въ ничто.

Молю... Но отчего же безконечная жалость внезапно проникаетъ все мое существо и такъ болѣзненно напрягаются тонкія нити, связывающія меня съ жизнью? Отчего съ такой невыразимой теплотою снова и снова обступаютъ меня родныя картины, и встаетъ широкое поле, по которому слабо колышется и играетъ съ вѣтромъ золотая рожь, и узкая, проселочная дорога безъ конца убѣгаетъ въ пространство? Отчего съ такою ласкою вдругъ развернулся предо мной необозримый степной просторъ, и привѣтливо засіяли села крестами церквей своихъ, и зеленые лѣса зашумѣли веселымъ шумомъ?

И я чувствую, какъ что-то странное ширится и растетъ во мнѣ и съ тоскующей болью щиплетъ сердце... Боже, какъ сладко мнѣ и грустно и какой мучительною нѣгой переполняется мое существо! Я вижу свое дѣтство. Вижу Троицынъ день и садъ, увязанный цвѣтами, и народъ съ цвѣтами въ рукахъ. Благовѣстъ разносится по окрестности медлительно и плавно. Дѣвки въ шелковыхъ платкахъ и яркихъ юбкахъ идутъ скромно и тихо, смиренно потупляя взоры. Парни спѣваютъ дѣловой походкой, укладкой поправляя сѣрыя, смушковые панталоны свои. Сивые старики солидно шествуютъ, важно опираясь на палки. Вся церковь въ зелени. Молодые березки украшаютъ крыльцо. Около иконостаса зеленѣютъ дубовыя вѣтви. На полу разбросано душистое сѣно. Дядечка Аксенычъ смочилъ квасомъ косичку и перешагнулъ торжествомъ ликъ свой. Умиленное лицо отца Акимъ сіяетъ благосклонностью. Въ открытыя окна синѣетъ небо и щебечутъ ласточки, и свѣжій утренній вѣтерокъ доноситъ запахъ сирени. Начинается обѣдня. Бѣдный тенорокъ Аксеныча трогательно дребезжитъ и уносится къ сводамъ, откуда величественно маршируетъ Саввакозъ. Отецъ Акимъ возглашаетъ внятно и явственно. Акимъ беретокъ слабо лепечетъ. Тонкія струйки ладона расходятся по аркамъ и тихо уплываютъ въ окна. Народъ, благого-

ѣйно вздыхая, преклоняетъ колѣни и отвѣшиваетъ низкіе поклоны, не спуская взора съ открытыхъ царскихъ вратъ, гдѣ въ облакѣ голубого дыма отецъ Акимъ воздвигаетъ святые дары. Угодники любовно глядятъ на народъ свой, щедро одѣвшіи ихъ въ кованныя ризы; Божественный младенецъ ласково тянетъ къ нему ручки. Но вотъ тишина. Завѣса съ шумомъ задергивается. Въ алтарѣ совершается что-то таинственное. Щебетанье ласточекъ ясно слышится за окномъ. Аксенычъ украдкой зѣваетъ въ руку и быстро креститъ ротъ. Разадается кой-гдѣ кашель. Церковный староста Иванъ Пареемычъ набожно преклонился предъ Владычицей, и приложившись къ ней, отвѣсилъ низкій поклонъ народу. И мелодичный звонъ колокольчика однообразно запросилъ жертвы. Въ потертый зеленый мѣшокъ застучали мѣдики... Пахнетъ воскомъ и ладаномъ.

Я стою въ самой толпѣ. Мнѣ нравится сосѣдство этихъ дубленыхъ полушубковъ и шарпавыхъ кафтановъ, отъ которыхъ несетъ такой славной затхлостью. Меня привлекаютъ эти серьезные лица, внимательно и строго обращенныя къ алтарю, эти крѣпкія и сильныя фигуры. И наивныя слова молитвъ, произносимыхъ ими внятными полупопотомъ, кажутся мнѣ чѣмъ-то особенно дѣйствительнымъ и особенно важнымъ. Мнѣ чувствуется, что здѣсь совершается нѣчто значительное и глубоко привлекательное, ибо не даромъ же одно прикосновеніе крестьянскаго полушубка повергаетъ меня въ какой-то самодовольный трепетъ, а слабый ударъ по плечу тоненькой свѣчкой, съ просьбой передать эту свѣчку «Ивану-Воину», наполняетъ мою душу гордостью. — «Ивану-Воину!» — торжественно говорю я сосѣду моему, сѣдому старику съ желтымъ лицомъ, изборозженнымъ морщинами, и въ нѣмомъ восхищеніи наблюдаю, какъ онъ съ серьезной осторожностью беретъ у меня свѣчку и передаетъ ее дальше, повторяя благоговѣйно: «Ивану-Воину». — Я какъ бы сознаю свою связь и свое сродство съ этой толпой, тѣсно обступившей меня и относящейся ко мнѣ съ такой трогательной равноправностью. И я высоко держу свою голову, обильно намазанную мамашей, и не сводя глазъ съ алтаря, истово осѣняюсь широкимъ крестомъ...

...Слышу задорныя соловьиныя пѣсни и гудѣнье пчелъ на далекомъ пчельникѣ, гдѣ такъ сытно кормить меня пчелинецъ Карпъ душистымъ медомъ. Развѣсистыя липы обступили поляну. Въ таинственной ихъ чащѣ сквозитъ ручей. Дѣдушка Карпъ сидитъ на порогѣ избушки и щурится отъ солнечныхъ лучей, обильнымъ потокомъ затопляющихъ поляну. — Кушай, кушай,

дитячо! — говорить онъ мнѣ и гладить мою голову каривой своей  
 ладошкой: — кушай на здоровье... Пчела — она святая, пища у  
 ней безгрѣшная; Богу отъ ней жертва великая: изъ воску  
 свѣчи льются... Кушай, родимый!.. И сидь вотъ тутъ — тутъ хо-  
 лодокъ-отъ, — посиди малость. А я огляжу пойду пчелку, про-  
 бѣдаю ее, божію работницу... Сиди, сиди, голубь! Сиди сми-и-  
 рно... Будешь смиреннѣе сидѣть — пчела къ тебѣ приобьенетъ,  
 кусать не будетъ, медкомъ будетъ баловать... Такъ-то-са!.. — И  
 колеблющейся походкой дѣдъ отправляется къ ульямъ, и съ лас-  
 ковымъ жестомъ наклоняется надъ ними, наблюдая непрестан-  
 ную работу пчелъ. А я одолевая громадный комоть хлѣба, на-  
 мазанный темнымъ медомъ, и гляжу въ вышину, гдѣ задумчиво  
 плыять липы, повлеченныя солнцемъ, и ходятъ носматныя облака.  
 И кажется мнѣ, что давно, давно видѣлъ я эти липы и эти  
 облака, и этотъ пчельникъ, по которому заботливо рассказываетъ  
 дѣдъ, и такъ же тогда щебеляли соловьи, а ручей сквозилъ за  
 деревьями. И чудится мнѣ, что все это грезы, и все, что я вижу  
 теперь, проходитъ предо мной въ сонномъ видѣніи... Странная  
 востра овладѣваетъ мною: мнѣ и хорошо, и грустно, и хочется  
 крикнуть дѣду, чтобы скорѣе шелъ онъ въ избушкѣ и разбу-  
 дитъ меня любовными своими рѣчами. А соловьи звенятъ и раз-  
 ливаются серебристыми трелями, и пчелы гудятъ неутомимо.

...Я вижу лугъ, надъ которымъ только прошла грозовая  
 туча и теперь ярко сіяетъ солнце! Вдали грохочетъ громъ... Въ  
 травѣ блеститъ роса и, подобно червонцамъ, мелькаютъ желтые  
 одуванчики. Мнѣ кажется, что лугъ дышетъ, и цвѣты, окроп-  
 ленные дождемъ, радостно улыбаются. За лугомъ роща тѣсно  
 обступила вершину. Стройныя березы ослѣпительно сверкаютъ  
 своею яркой бѣлизною и веселымъ глянцемъ кудреватыхъ  
 листьевъ своихъ. Съ этихъ листьевъ, подобно слезамъ, падаютъ  
 капли дождя. Въ рощѣ поютъ неутомимныя птицы, мелодично  
 переливается иволга и кукуетъ унылая кукушка. Всѣ эти звуки  
 встаютъ надъ лугомъ и замираютъ въ отдаленіи. Около  
 рощи серебрится рѣка. Она недвижима. Въ ней задумчиво отра-  
 зился камышъ, и старый садовникъ Артемій опрокинулся тамъ  
 съ своею вершей и съ своею лодочкой, обросшей зеленымъ мо-  
 хомъ. За рѣкой ветловый лѣсъ переполняетъ окрестность сует-  
 ливымъ грачиннымъ шумомъ и безпрестаннымъ трескомъ ломаю-  
 щихся вѣтвей. А тамъ большое село утопаетъ въ ракитахъ;  
 слышны звонкіе удары вальса; весело бѣлѣтъ стройная сель-  
 ская церковь... Узкая дорожка растворилась и вьется черной  
 лентой изъ села въ гору, а на горѣ зорко сторожитъ дали кру-

той курганъ, и зеленая рожь мѣстѣ въ лѣнливой истомѣ. Овою луга смачно чернѣетъ поле. Тамъ двоятъ подѣ гречиху. Я кожу по мягкой пашнѣ, высоко засучивъ штанишки, и свободно вдыхаю затхлый запахъ свѣжеразрытой земли и влажный аромат луговыхъ травъ. Я гляжу на блистающую окрестность, на лошадей, хлопотливо таскающихъ сохи, на мужиковъ, звонко покрикивающихъ: «возгѣ! возгѣ!», и мнѣ дѣлается какъ-то особенно хорошо и покойно.

Подхожу къ Мосѣичу. Мосѣичъ — добродушный старикъ и вѣчно говорить со мною. Онъ допахиваетъ полосу. Грачи вьются за нимъ и ковыряютъ носами землю; какія-то бойкія птички быстро мелькаютъ у самыхъ его ногъ, облѣпленныхъ грязью. — «Что, малецъ, благодать Господь наслалъ? — говоритъ мнѣ Мосѣичъ, останавливая пѣгую кобылу свою и очищая сверкающую палицу. — Эхъ, легка пахота-то!.. Гляди, земелька-то — малина!.. Вотъ уже засѣмъ гречихи — будетъ кашку ѣсть. Ты любишь кашку? — Какъ, поди, не любить... Будемъ, будемъ съ кашкой!» — И онъ весело понукаетъ кобылу и вонзаетъ въ рыхлую землю остріе сошника. А я иду за нимъ и смотрю какъ земля легко и однообразно разваливается подѣ его ногами, и проворныя птички мелькаютъ вдоль борозды, а синіе грачи неуклюже роются носами... Полоса допахана. Мосѣичъ садится на междѣ, достаетъ изъ мѣшочка круто посоленный хлѣбъ и, перекрестясь, начинаетъ медленно и осторожно ѣсть его. Я тоже ѣмъ. Хлѣбъ мнѣ кажется необыкновенно вкуснымъ и Мосѣичъ необыкновенно милымъ... Я тоже, подобно Мосѣичу, стараюсь жевать медленно и серьезно, и тщательно подбираю крошки, падающія на мои колѣни. Пѣгашка усердно щиплетъ влажную траву. — «Вотъ погоди, уже покосъ будетъ, приходи тогда, — говоритъ Мосѣичъ кончивъ свой завтракъ: — ягода всякая будетъ...» — А какъ нонѣ травы? — тономъ взрослого спрашиваю я, степенно утирая рукавомъ губы и набожно крестясь. — «Нонѣ травы хорошія, — отвѣчаетъ мнѣ Мосѣичъ, — нонѣ такія травы: копенъ тридцать какъ-бы не стало. Ишь, какую сырость Господь послалъ!.. Теперь она ботѣетъ, поди, матушка... Будемъ съ сѣнцомъ!» — Вы сымали гдѣ, ахъ нѣтъ? — вопрошаю я. — «Сымали есть которые — насъ семь себровъ <sup>1)</sup> на графской сняли. И-и, травы тамъ!.. Мы когда объ Тронцѣ были — ворона схоронится, такія травы... Теперь, гляди, по колѣно выботѣла, матушка... Да ѣдовая вся, сносовая, разнотравье!.. Сѣно-то медъ медомъ...» — Ну, а какъ

<sup>1)</sup> Шабри — сосѣди.

на счетъ цѣны? — «Цѣна, другъ, не то чтобы махонькая: пять рублей за кругъ, да курицу, чтобъ предоставить... Цѣна настоящая!.. Ну и травы же... Вож-же, какія травы»!..

...А вотъ холмы, встающіе непрерывной цѣпью... Дичь и глушь. Вечеръ. Заря угасаетъ. Въ долині тускло свѣтится Битокъ, разливаясь тихими заводями. Камышъ неподвижными купами смотрится въ воду. Въ воздухѣ мрачная тишина. Едва замѣтная тропинка бѣжитъ у подножія холмовъ и ведетъ невѣдомо куда нашу усталую тройку. Кудрявый кустарникъ заполонилъ скаты. Колокольчикъ тревожно бьется подъ дугой и бесильно замираетъ. Тарантасъ ныряетъ по кочкамъ. — «Гдѣ же мы, Господи?» — тоскливо шепчетъ мать и крестится и таинственно произноситъ: *живый въ помощи Божіей*...

Вдругъ лошади вздрагиваютъ и настораживаютъ уши: долгій и протяжный звукъ уныло будитъ тишину. Вдали послышался такой же отъѣвъ. То за холмами завывли волки. Неодолимый ужасъ охватываетъ меня. Я тѣсно прижимаюсь къ матери, а она торжественно произноситъ чудодѣйственный исаломъ блѣднѣющими устами, и въ ужасѣ спрашиваетъ равнодушнаго Илью: «Гдѣ же мы? Гдѣ же мы? Куда дѣвалась Боровая?»

Мы заблудили. Но вотъ холмы раздвигаются, и вмѣсто кустарника, мрачный сосновый лѣсъ поднимаетъ свои вершины. Сквозь темныя сосны краснѣютъ крыши, и суровымъ металлическимъ блескомъ блещутъ пруды. Вода однообразно шумитъ, нисвергаясь съ колесъ мельницы!.. Это и есть Боровая! Илья бойко свиснулъ и натянулъ возжи. Колокольчикъ зазвенѣлъ порывисто и звонко. Гдѣ-то за холмомъ раскатылось и мечтательно угасло въ отдаленіи тонкое эхо... Прогремѣлъ подъ тарантасомъ мостикъ, сколоченный на живую нитку... Отозвался довольнымъ гуломъ сонный боръ... Приѣхали. Бабушка сжимаетъ меня въ теплыхъ своихъ объятыхъ и ведетъ въ комнаты. Самоваръ бушуетъ. Яйца и масло аппетитно выглядываютъ съ тарелокъ. Дѣдушка-мельникъ привѣтливо улыбается и цѣлуетъ меня въ лобъ холодными устами...

Ночь. Сажу на крыльцѣ и суевѣрный ужасъ леденить мои жаны. Темныя очертанія холмовъ, обступившихъ долину, рѣзко выдѣляются на блѣдномъ небѣ. Неподвижный боръ сурово хмурился. Вдали дико завываютъ волки, на мельницѣ неустанно гремѣтъ жорновъ и вода переполняетъ лѣсъ таинственнымъ шумомъ. Подъ мельницей, тамъ, гдѣ неподвижнымъ оверомъ вѣетъ шумъ и оцѣпенѣвшія нвы дружно столпились и поникли въ зачаренной дремотѣ, печально стонетъ выпь. Мнѣ страшно, но



сердце мое сладостно замирает... А бабушка поджидает меня у моей постели и долго будет говорить со мной, когда я лягу, и до подробностей расскажет мнѣ про тѣ времена, когда была крѣпостною. Расскажет о помѣщикахъ, лакеяхъ и добрыхъ, о непосильныхъ крестьянскихъ работахъ, о Пугачевщинѣ, которую переживала ее мать... Повѣдаетъ мнѣ старинныя крестьянскія сказки, и проплетъ умиротвореннымъ полупомпотономъ простые крестьянскія пѣсни... И благословитъ, и поцѣлуетъ меня, а я долго буду лежать въ темной комнатѣ съ открытыми глазами, и прислушиваясь къ завыванію волговъ, буду вспоминать бабушкины рассказы.

...Снѣгъ небо молчаливо опренинулось надъ степью. Звѣзды сіяютъ дрожащимъ блескомъ и любовно смотрятъ на землю. Свѣжій аромат травы насыщаетъ воздухъ. Я въ таборѣ. Среди куруней весело потрескиваетъ огонь и носари плотной толпою домидаются камни. За таборомъ виднѣтъ волно распущенный табулъ, сположно комирающій отаву. Въ потномъ небѣ гордо видѣляются островерхіе стога. Я привинулъ къ широкой фигурѣ друга моего, вѣнчука Оедьки, и чутко вслушиваюсь въ разговоры. Идетъ толькъ объ урожаѣ, о цѣнахъ на повокъ, о достоинствахъ травы, о погодѣ... О томъ, что «разнотравье» лучше «тимошени» и что не дай Богъ, подъ молниевый годъ, сѣять рознь съ бороною. Я все слушаю. Мнѣ до есвательности становится ясно и преимущества ранней мѣтви пара, ибо Архилъ Гомозковъ всегда мечетъ рано свой паръ (который окимаетъ на сторонѣ) и всегда у него родится, — и непригодность мочни конопли весною, потому что еще у всѣхъ на памяти, какъ Акимъ Павленковъ погадилъ такимъ образомъ цѣлую пропасть «моченцу», — и неудобство мягкой пашни для проса, — у Андрея Дорошева выросъ на таковой пашнѣ страшнѣйшій соръ.

Но вогъ постѣла камна. Аппетитный паръ колышется надъ котломъ. Мозолистыя руки начисто умываются. Въ темному востѣку несутся наивныя молитвы; громадины ложки приступаютъ къ работѣ. Ёда совершается медлительно и достойно. Послѣ ужина рѣчи оживають. Слышится смѣхъ и шутки, сладковатый запахъ махорки стоитъ въ воздухѣ. Немного погоды затягиваются пѣсни. «Ночки темныя» звенятъ надъ степью долгимъ и протяжнымъ звукомъ. Оедька загибаетъ. Онъ молодцовато сдвинулъ на бекренъ шанку и нахмурилъ брови. Сильный голосъ его какъ бы тоскуетъ и переполненъ волненіемъ. А я сижу и чувствую, какъ при высокихъ нотахъ пѣсни, сердце мое сладко замираетъ и кака-то холодная дрожь мелкимъ оснобомъ про-

блещет по спинѣ... И думается мнѣ, что хороши эти мужицкія пісни и что ничего нѣтъ въ мірѣ привольнѣй степи русской, этого звѣздаго неба, мечтательно ноннишаго надъ степью...

А вода въ небѣ засераются стошары, мы садимся на коней и споняемъ табунъ. Оадыа зычно санситъ и милодеицкимъ окрикотъ будитъ спящую тишь. Конн рвутся подъ нами и грнзутъ удала. Какое-то особое наслажденіе дествляется мнѣ, когда я нютно прижимаю ноги въ горчичны бочамъ своего нвоходца; отъ санчатъ и въ гнѣбъ трепещетъ войтъ тѣломъ, високо подымаю голову. За моею спиною точно крылья вѣютъ; славная бодрость переквасиваетъ мое диханіе. Мнѣ во что бы то ни стало хочется протереть руки и, въ норыѣ счастья, обнять весь міръ... Табунъ сдвигается въ кучу. Слышны ржаніе, фирманье, мшны, звонкій топотъ копытъ... Вдали смутно свѣтлѣетъ прудъ и одинокій хуторскій огонекъ мелькаетъ въ темнотѣ. Недалеко же отъ насъ чернѣютъ курены другого табора. Костеръ въ намъ едва тлѣетъ, но при нашомъ приближеніи, овалу куреній дружно раздается дѣвичья пісня и мѣрный томотъ трепана бойко дернать тантъ. Табунъ разброедся по ноннамъ. Оадыа прерываетъ меня и значительно сообщаетъ свою тайну... О, намъ гордо подымаю я голову, и какою благодарностю переполняется мое сердце. Но я не изъясняю своимъ чувствамъ—я знаю, какъ смотреть на эти изъясненія мой герон: нудѣйцы въ романахъ Купера, и мужики, подобные Оадыѣ,—я только съ важностю подыгиваю нелода и небрежно роняю: «ладно!» Мы подѣвляемъ къ отдаленному стогу. Оадыа слѣзаетъ съ оадыа; я беру за нелода лондаю его и, чутьо приподнимаюсь въ стременахъ, зорнымъ взглядомъ пронзаю степь. Но въ таборѣ по прежнему звонятъ нлассовыя пісни и поднованные саюны все отбываютъ разубистый трепакъ. А за стегомъ слышнотъ мнѣ шопотъ, перерываемый поцѣлуями, и сдержанный смѣхъ и ругань, полный ливной ласки... Долго спустя я слышу веселый Оадыкинъ голосъ.—«Нуко-сь, Нивола, смотри наѣсто-то мое?»—говоритъ отъ. Серебристый смѣхъ прерываетъ его.—«Молчи, дьяволъ!..»—съ нѣжными упреномъ отивается Оадыа. Я саѣваю неловко, нутамъ въ стременахъ, и чувствую, какъ лицо мое пламенѣетъ.—«Глади сюда!»—советъ моя Оадыа и близко наклоняетъ въ своей возлюбленной. Я ощущаю горчичное диханіе и вижу темный блескъ глазъ, который намется мнѣ насмѣшливымъ. Губы мое застѣнливо лепечутъ что-то. Дѣвушка неудержанно хохочетъ, ливная роль рукой. Я санжусъ на мигное овно и глубоко нудѣваю: яѣтъ мѣры моему счастью и моему путливому довольству.

А Оедька говорить съ своей невѣстой и называетъ ее «Данкой» и беззащитно обнимаетъ ее. Впрочемъ, и она привыкаетъ къ моему присутствію. Она толкуетъ о томъ, сколько въ ихъ дворѣ ржи въ носѣхъ и сколько ярового и какъ много придется жать и вязать минѣйшимъ лѣтомъ, но за то осень будетъ весела и по самый Покровъ будутъ ветерушки. Она рассказываетъ, какъ долго и настойчиво «отливали» у нихъ капусту весной, и что у многихъ все-таки не выдержала она и посохла: весна была сухая и вѣтряная. Она говоритъ о томъ, какъ «балуюшка» перебилась прошлой зимой и не продавала овецъ, а у нихъ три арки пущены на «долгую», и невѣстка Арина будетъ красить шерсть... А стожары поднимаются все выше и выше, и на востокѣ тускло занимается заря. Свѣжо. Глаза мои слипаются; голова бессильно поникаетъ къ душистому сѣну; холодные поводья выскользаютъ изъ рукъ...—«Ѣдемъ, Николушка, пора!»—будитъ меня Оедька. Я съ усиліемъ отерпываю глаза и вижу возбужденное Оедькино лицо, низко наклоненное надо мною. Дашка исчезла. Заря пламенѣетъ узкой полосой. Въ росистой травѣ трещитъ коростель. Прохладный воздухъ напоенъ влагою. Алое сіяніе преодоливаетъ глин и кротно озаряетъ степь. Оедька гарцуетъ на конѣ и гремитъ на всю степь: «го-го-го!» Табуны дружно срываются съ мѣста. Земля гулко дрожитъ подъ копытами коней. Крѣпкій вѣтеръ развѣваетъ ихъ гривы. Снѣга даль встаетъ безконечнымъ туманомъ и медлительно курится...

О, какой свѣжестью и какимъ невозмутимымъ миромъ поглыбло на меня. Теперь бессильны скорби, такъ безжалостно терзавшія меня еще недавно. На долго ли?—Не знаю. Но я равнодушно смотрю на ворохъ газетъ, безпорядочно разбросанныхъ по столу, на всѣ эти новостіи корреспонденціи изъ Архангельска и Казани, Чернигова и Тамбова и иныхъ городовъ и всей обширной земли русской, и все это кажется мнѣ теперь *бумагой*, не болѣе... одной только бумагой. Не погибнетъ Русь до конца, тутъ не вслухъ восклицаю я, и почтеннѣйшій *духъ времени* неуносительно сползаетъ дуло!

Я легъ спать и долго лежала съ открытыми глазами. Долго старое, доброе время (о, какое доброе!) вставало предо мною рядомъ плѣнительныхъ картинъ, и непрерывно вѣяли нити, связывающія меня съ жизнью. Я чувствовала, какъ напрягались во мнѣ какія-то силы, дотошъ мнѣ невѣдомыя, и усталая моя мысль бодро и смѣло оживала. Я вспомнилъ мои думы на курганѣ... И до того сталъ мнѣ противенъ прекрасный чуждый край съ ослѣпительнымъ его солнцемъ и голубымъ меремъ, и такимъ же-

стоимъ холодомъ повѣяло на меня отъ античныхъ перспективъ всяческаго рода, что мнѣ стало стыдно, и явные признаки оскомины безпокойно начали осаждать меня... А когда я заснулъ, то будто со снѣгомъ подохнулъ на ослу, куда неотступно глядѣла подозрительная ночь, и пометрѣлъ въ темноту дерзкимъ взглядомъ. Тамъ призраки трусливо убѣгали, потрясая крыльями, и безвозвратно исчезали во мракѣ... Тамъ безсильно замирали звуки, нерешительные сморбъ и тоскою... И за далью непогоды, кроткій образъ родины возникъ предо мной. Онъ любовно простиралъ мнѣ объятъ, и звалъ меня мечальнымъ зовомъ и необходимыми обязаньемъ. Манить изъ себя. А вокругъ загоралась мря знаменующимъ свѣтомъ и протяжная мужицкая пѣсня звѣла безъ конца...

На дворѣ рвѣла бора.

12 марта. Вѣтра. Морозъ.

Зима окончательна возвратилась. Снѣгъ бьетъ изъ окна и крутится бѣлыми волнами. Въ трубѣ завываетъ вѣтеръ. Вокругъ дома рыхлыми бутрами встаютъ сугробы. Но на душѣ тихо и какъ-то странно веселитъ молочный свѣтъ, заливающий комнаты. Всѣ газеты забросилъ я въ дальній ящикъ и стараюсь не вспоминать ихъ длинные столбцы, всуурященные всякой мерзостью. Когда же вспоминаю, то ощущаю боль какъ отъ прикосновенія къ старой, не вполне еще зажившей ранѣ.

Семенъ привалъ ко мнѣ и сообщилъ, что солдатикъ, идущій на побывку, просится почевать. Я, конечно, позволилъ.

Быстро смеркается. Вѣтра гудитъ неуставая. Тетя задумчиво беретъ аккорды... Олука незамѣтно подрагивается и тягучей сѣтью охватывается комнаты. Семена снова вѣтъ въ переднюю. Я одѣваюсь и перебираюсь въ людскую. Тамъ по прежнему синей тучей ходитъ дымъ и мои домочадцы охужаютъ столъ. Лица ихъ изображаютъ жадное вниманіе. Въ почетномъ углу сидитъ солдатикъ. Оппій мундиръ небрежно накинутъ на его плечи, рижіе усы значительно топорщутся, изъ воротенькой трубочки вылетаетъ тонкая струйка дыма. На столѣ лежатъ номеръ «Руси», захватанный пальцами.

При моемъ входѣ происходитъ легкое волненіе. «Русь» исчезаетъ. Солдатикъ вытягивается и почтительно привѣтствуетъ меня «благородіемъ».

— Откуда ты? — спрашиваю я.

— Изъ Санктпетербурга, ваше благородіе!

— Тамъ и служилъ?

— Точно такъ, ваше благородіе.

- На побывку идешь?
- Точно такъ, ваше благородіе.
- Куда же?
- Въ Тамликъ, ваше благородіе.
- Въ какомъ полку служишь?
- Въ жандармскомъ дивизионѣ.

Я уговариваю всѣхъ садиться и самусь самъ. Мнѣ почему-то необыкновенно хочется говорить съ ними и узнать откровенные ихъ помыслы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ скучно и тяжело, и явственно вижу я, что домочадцы мои изображаютъ въ своихъ лицахъ тонкую таинственность. За что?—Я ли не любилъ ихъ, я ли не болѣлъ ихъ болѣзнями и не спорбилъ бездельемъ, управляющимъ ихъ существованіе... Въ чемъ моя вина? Въ томъ ли, что на мнѣ сюртукъ, а на нихъ посмѣнная рубашка, и не вѣрю я въ батюшку Царь-градъ, и не молюсь матушкѣ Великой Пятницѣ? Но вѣдь я знаю, что я нуженъ имъ, что безъ меня, безъ моихъ познаній сѣть безтолковѣйшихъ недоразумѣній готова опутать ихъ до конца... А между тѣмъ, эти недоразумѣнія любви имъ, и явнымъ недовѣріемъ встрѣчаютъ они мои попытки поговорить съ ними по душѣ. Прежде я легко относился къ этому, но послѣ той передыжки, которую довело мнѣ испытать прошлой ночью, во мнѣ ожила и настойчиво загормила почва. Въ фигурахъ домочадцевъ, знакомыхъ мнѣ до крѣпости, заскозило теперь какое-то иное выраженіе, и чѣмъ-то глубоко близкимъ повѣяло на меня отъ нихъ... А они пожимались и переглядывались и въ смущенія покряхивали въ руку. Сердце мое болѣло сосущей болью... Но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ мучительно не хотѣлось отступить. Я съ преувеличенной развязностью вынулъ и закурилъ папиросу я, какъ бы не замѣчая взглядовъ, съ недоумѣніемъ обращенныхъ на меня, послалъ Семена за водкой...

18 марта. День солнечный. Небо ясно. Тепло.

Сегодня всталъ поздно. Голова трещитъ. Во рту чувствуется отвратительная горечь. Грудь болитъ нестерпимо... Блескъ солнца кажется безпощаднымъ.

Что такое свершилось вчера? Что-то ужасно глупое и смѣшное. Да, я припоминаю: я былъ пьянъ и переполненъ своимъ домочадцевъ. Я помню какой-то туманъ въ глазахъ, помню ягучее ощущеніе вонючей водки, помню какіе-то рожи, и безтолковыя рѣчи, криками до неслѣпости. Рожи вертілись предо мной и кривлялись странно: чьи-то толстыя губы цѣловали меня мокрымъ подѣлуемъ; усы жандарма громко топорились въ раз-

ним стороны, и все это то исчезало въ какой-то туманной сутюжке, то снова выдвигалось и раздѣло, широко раскрывая ротъ, и извѣливо лѣло въ глаза... Иногда разговоры моихъ собеседниковъ доходили до меня отчетливо и ясно, и тогда я ихъ внимательно слушалъ; иногда же слезались въ какой-то смутный гулъ и протяжнымъ стономъ утруждали мои уши. Тогда я, въ свою очередь, осложняя сумятицу и надрывался въ крикахъ. Не мнѣ казалось, что это не я кричу, а кто-то другой ожившій во мнѣ, и я удивлялся отчаянной важности этого другого и тому, какъ онъ жестоко размахиваетъ руками. У меня же востершимъ кружилась голова и подымалось какое-то буйное жеманіе разбить граненный ставенчикъ, наваленный водкою.

— А съ какой съ такой стати вы, господишъ, съ нами, мужчинами, водку пьете? — садается мнѣ вопросъ красная рожа съ уснами, и страшно шевелить этими уснами, и низко наклоняется надо мною. Я чувствую, какъ внезапно пронизываетъ меня холодный треметь и лицо мое блѣднѣетъ. Я искательно позвожу глазами и улыбнусь красной рожѣ, стараюсь смягчить неподвижный блескъ ея прозорливыхъ очей. Мои воснѣвшія губы лепечутъ что-то о «дѣѣ святаго ангела», о хутореной скужѣ, о «православномъ» мужичѣ, котораго я, какъ оказывается, особенно уважаю за вѣрность и преданность...

— То-то, — изрекаетъ рожа, и великодушно наполняетъ мой ставенъ, — потому, мы принимаемъ, ежели бунтъ... Мы имѣемъ предписаніе...

Рожа видимо важничаетъ и видимо вретъ. Я слышу отрывочный рассказъ о нѣкоторыхъ подвигахъ рожи, и превосходно уловлю фантастическій элементъ этихъ подвиговъ. Но что-то непреодолимое по своей оцѣненности смиряетъ мою критику, и я усердно поддакиваю рожѣ и даже произношу одобрительныя замѣчанія. Это ошочительно умиротворяетъ рожу. Затѣмъ все мшляется туманомъ и подымается ужасный шумъ. Только спустя какое-то безобразно-длинное время, снова слова раздаются ясно и четко. Это говорю я. Я горячо доказываю, что никакой прищавки не будетъ, и что ожидаю ея нѣтъ резона. Я трогательно защищаю ошеченныя права собственности. Я упоминаю циркуляръ г. Малова — обвиняю домохозяевъ своихъ дураками и съ невидомо-откуда взявшейся злобой насмѣхаюсь надъ ихъ кривой дѣрой. Но цілый потокъ возраженій оглушаетъ меня. Я вижу, какъ раскраснѣвшійся Осенъ до невольности отвернулъ ротъ-губы, и гнѣвно сжосилъ кроткіе свои глаза, кричить на меня неподобными словами. Михайло въ самому носу мѣкну

сусть здоровенные свои кулаки. Яковъ ожесточенно сообщаетъ извѣщеніе какого-то отца Мисанга-Косоголаваго въ Одессѣ касательно «прирѣзанъ». Кухарка Анна произительно визжитъ и рассказываетъ про странницу, и про то, какъ передъ «волей» тоже говорили въ народѣ и по тому сбылось. Откуда-то возникшійся номеръ «Руси» снова подымается на столъ и кто-то глухо читаетъ въ немъ ничего не выражающій отрывокъ изъ передовой статьи. Тщето я вознижаю, голосъ и стараюсь перекричать неописуемый гвалтъ: мнѣ съ торжествомъ указываютъ на газету и побѣдоносно тычуть въ нее пальцами. Я слышу голосъ Михайлы:

— Небось, не надуетъ!— кричитъ онъ, размахивая кулаками и унылая меня зѣброподобный взглядомъ: — мужикъ - то, братъ, сѣръ, а умъ-то у него не чертъ съѣлъ... Вотъ она газетина-то!.. Мы тоже понимаемъ... Нонѣ тоже не хватать вашего брата!

— Прямое дѣло!— возглашаетъ Яковъ:— газетина господская, а по ней прямо выходитъ — прирѣзанъ. А умъ что баре скрываютъ—это вѣрно.

Я пытаюсь возражать, но меня не слушаютъ.

— Съ пономъ Яковъ земля вольная, — кричитъ Семенъ, давно уже охрипши съ натуги:—и дѣды, и прадѣды...

— Быть передѣлу! Быть передѣлу!.. Провалиться вамъ всѣмъ — быть передѣлу!.. — неудержимо стрекочетъ Анна и въ какомъ-то задорномъ раздраженіи толкаетъ Якова въ спину, какъ будто отъ него получая возраженія.

Я поднимаю голову и бѣзцѣльно смотрю, какъ на столѣ пролитая вода стоитъ лужами и беспорядочно разбросанныя крошки хлѣба молнуть въ этихъ лужахъ.

— Теперича какимъ же такимъ манеромъ, вы, господинъ, оспариваете насупротивъ газетъ и насупротивъ указа, напримѣръ?—радостся сильный вопросъ. Я поднимаю голову и снова встрѣчаю проникновенный взоръ рожи. Она самодевольно крутитъ усы и снова накинчивается.

— Какимъ же такимъ манеромъ, ась?

— Какъ же такъ?—возражаю я въ изумленіи.

— А вотъ точно такъ мы васъ и сираниваемъ: какимъ теперича манеромъ вы насупротивъ указа?.. И какъ мы имѣемъ предписаніе...—и рожа еще ближе наклоняется ко мнѣ, и еще проникновеннѣй поводитъ глазами.

Я терплю. Я вдыхаю безпомощно и устремляю взглядъ свой горѣ. Въ головѣ моей водарается нелѣпнѣйшій хаосъ. Дѣйстви-

тельность кажется мнѣ бредомъ. Я уже ничего не понимаю. Точно сны долетаютъ до меня многозначительныя рѣчи жандарма, и лица моихъ домохозяевъ, въ гробовомъ молчаніи внимающихъ этимъ рѣчамъ, тонутъ въ зыбкомъ туманѣ. По рѣчамъ выходятъ положительныя чудеса. Солдаты повѣствуютъ, что высшее начальство въ Санктпетербургѣ окончательно опредѣлило наслѣдъ земли, и что чуть ли не съ весны наступитъ прирѣза. Это солдаты слышатъ своими ушами. И про указ слышатъ. Имъ даже, какъ и всѣмъ прочимъ, читали его по изармамъ. Точно, тамъ прописано про землю и про передѣлъ, и что мужичи ждутъ передѣла. А такъ какъ они передѣла ожидаютъ, то впоследствии времени будетъ имъ наръзка. И еще наслѣдъ бунта прописано, ловить чтобы которыхъ, и чтобы ежи противъ передѣла — доставлять по начальству. Затѣмъ говорилъ солдатикъ, что еще такой указъ вышелъ: не работать по господамъ, а ежи жать, то не меньше какъ за 40 рублей. Впрочемъ, этого указа онъ не читалъ въ Санктпетербургѣ, потому, наслѣдъ цѣны только и прописано, что степнымъ мужикамъ, а по прочимъ губерніямъ рѣшенія никакого нѣтъ.

Дальше я уже ничего не помню. Было какое-то общее цѣлованіе и безнабавитѣльнее изъясненіе чувствъ. Затѣмъ мракъ... Охъ, какъ болитъ голова и какая жгучая жажда одолеваетъ меня. И затѣмъ сверкаетъ такъ ярко это солнце? Ручьи журчатъ, воробы чиркаютъ, небо сияетъ...

Тетка съ молчаливымъ упрекомъ поглядѣла на меня и болѣе продолжительно, чѣмъ когда-либо, терзала свое піанино. Нервы мои тоскливо ныли, сердце сжималось мучительно...

Скверная штука это похмѣлье!

18 марта. Солнце. Ростовель.

Всѣ эти дни я не зналъ, куда мнѣ дѣваться. Непрестанный солнечный блескъ какъ-то странно раздражаетъ меня. Какіе-то беспокойные порывы приливаютъ непрерывными волнами. Скука сдѣлается тоскою и снова скукою. Я опять перечиталъ газеты. На нихъ уже налетѣла нѣмъ толстая слоесь, и я неоднократно чихнулъ, перебирая ящики.

Нѣтъ спора — все скверно... Правда, есть рецепты, но отъ нихъ пахнетъ несомнѣннымъ мошенничествомъ. Въ лекарство выданы лишь отраву и въ качествѣ патентованнаго средства марки эту отраву онагѣвшею Россіи. Но странно: сердце мое точно оцѣпенѣло въ холодѣ, и ему недоступны гражданскія страсти. Предо мной, какъ въ калейдоскопѣ, проходитъ рядъ картинъ, зарисованныхъ кровью, изукрашенныхъ глупостью и



недлостью, а я равнодушно смотрю въ стеклышко и съ зѣвотой ожидаю скучнаго конца.

Не это ли англичане зовутъ ослиномъ? Тоска... Теперь ужъ и чужбина не манитъ меня. А между тѣмъ, чувствую—необходима она: грудь болитъ, нервы томительно тупѣютъ, капаю бѣсъ отчаянно...

А не замѣчали ли вы, что такъ-названная интеллигенція наша съ самыхъ временъ Чулкатурнина преимущественно вымираетъ отъ чахотки? Впрочемъ, *enigres nous, entre nous*: я вовсе не думаю умереть отъ чахотки,—я умру отъ скуки...

Сегодня тетунка разразилась трагической тирадой и въ концѣ концовъ истерически разрыдалась.

— Душно!—сдерживая вопли, произнесла она въ пессимъ,—безъ счастья и воли жизнь какъ въ мотылѣ темна... Буря бы гранула, что ли?..

— Чаша съ краями ровна! — согласился я, откладывая газеты, и повелъ проверять нѣкоторые мои подозрѣнія.

Увы, эти подозрѣнія подтвердились: графинчикъ наполовину стоялъ опорожненный, а когда я процѣдилъ тетунку, отъ нея пахнуло водкой. Это не хорошо,—прежде она не могла пить. Что если мой примѣръ?.. Нѣтъ, не хочу думать.

Вечеромъ долго погорала зари, и стѣнь, истекшая звонкими ручейками, пламенѣла въ кроткой задумчивости. Тетунка спала, обезсиленная хмѣлемъ. А въ полночь знакомый наѣвъ пробудилъ меня, тетунка пѣла:

О, вѣрь, мы не надолго  
Разстанемся съ тобой:  
Тоска угаситъ пламя  
Моей души больной!..

О сѣверь, сѣверь!..

23 марта. Тепло и ясно. Съ утра легкій морозъ.

Эти дни ѣздилъ по знакомымъ. Былъ въ деревняхъ, заѣзжалъ въ села, провѣдывалъ хутора... Странно, въ воздухѣ носится что-то тревожное и какія-то непонятныя ожиданія упорно бродить въ народѣ. Кабаны торжуютъ плоху. Улицы тихи. Мужики многосмыслительны и необычно серьезны. При появленіи сюртука наблюдается таинственность... Тонъ въ точъ, какъ мои домочадцы.

Бабы ожидаютъ сѣнопреставленія. Иныя критиковали бѣлье и вообще равнодушны, нынѣ же ноютъ на всѣхъ перекресткахъ.

О свѣтопреставленіи тоже сообщили газеты. Охъ, эти газеты! Ужъ не изгнать ли ихъ съ лица земли русской? Не отъ нихъ ли смута виситъ надъ Русью? Не они ли насытили воздухъ безпокойными ожиданіями?..

Много узналъ свѣжихъ и извѣстныхъ новостей. Господинъ Карамышевъ призванъ въ качествѣ свѣдущаго человѣка. Гермогенъ получилъ подлинное «превосходительство» и невступно щеголетъ теперь въ бѣлыхъ штанахъ. Имѣніе Обозинскихъ продали съ аукціона; поступило оно въ руки скотоподобнѣйшаго мельника въ Криворожьи. Серафимъ Ежиковъ застрѣлся въ Холмогерахъ...

Сегодня первый разъ услышалъ жаворонка. Быстро слетѣлъ онъ съ проталинки и затѣвѣлъ серебристыми трелями... Долго, долго воровскалъ я его взглядомъ. Въ высотѣ его врылся пронзало солнце и оно засвѣтилось и засверкало мелькающими сверканьемъ. И когда потонулъ онъ въ яркой небесной синевѣ, а жемчужные звуки все-таки достигали до моего слуха, мнѣ показавось—небо пѣло и вроткая благодать въ чудныхъ пѣсняхъ нисходила на землю... Солнце ласково сіяло. Необытная степь замирала въ сладостной дремотѣ... Сердце мое билось и тосковало.

24 марта. Въ небѣ вереницами ходятъ бѣлые облака. Тепло. Съ земли подымается паръ.

Докторъ осмотрѣлъ меня и покачалъ головою.

— Ъду, ѡду, любезнѣйшій эскулапъ, поберегите ваши упреки...

— Пора, давно пора!.. Есть кашель?

— Кашляю.

— Кровь замѣчаете?

— Бываетъ.

— Чувствуете лихорадочное состояніе?

— Иногда.

— По ночамъ потѣете?

— Да.

— Гм... Аппетитъ какъ?

— Никакого.

— Пора, давно пора уѣхать!.. Къ тому же у васъ и нервы валятъ... Очевидно, вы рискуете. Зачѣмъ эта музыка?

— Ахъ, эта музыка...

— Положительный вредъ. Берегитесь. Ступайте въ Ментону. Бувайте виноградъ. А главное—нервы... Вы непременно должны

охранять себя отъ всякихъ потрясеній. Музыка — Боже сохрани, любовь — окончательно воспрещается...

— Гдѣ ужъ намъ, дуракамъ, чай пить...

— Окончательно воспрещается. Вѣсти изъ Россіи — ни подѣ какими видами. Кушайте, смучайте, берегитесь сѣвера и благо вамъ будетъ...

— Ахъ, какъ это хорошо связано, милый докторъ! Такъ никакихъ вѣстей изъ Россіи?

— Ни-ни... Первый вредъ. Все остальное еще туда сюда, но вѣсти русскія... — докторъ многозначительно поднялъ палецъ и съ суровостью нахмурилъ брови: — ни за что не ручаюсь! — мрачно добавилъ онъ и усѣлся за кофе.

Прощай же, читатель! Съ докторомъ шутки короткія. Будетъ надѣяться, что встрѣтимъ другъ друга и единодушно проклянемъ минувшія времена. Если же нѣтъ, если и въ голубой Ментонѣ окончательно докажутъ меня «вѣсти изъ Россіи» — не поминай меня лихою. Вспомни, что я болѣлъ твоими болѣзнями и скорбѣлъ твоимъ горемъ, и за эту взаимную подѣляемость не забудь меня...

Что это, опять музыка? Ахъ, тетушка, тетушка... Но она не слышитъ. Она поетъ дрожащимъ голосомъ и напутствуетъ меня любимой своей пѣснью. О, какая печальная пѣсня! Сердце мое млѣетъ и тоскуетъ, и невольныя слезы выступаютъ на глаза. Она поетъ:

Близка пора разлуки,  
Послѣдній близокъ часъ,  
Въ страну, гдѣ нѣтъ печали  
Уходишь ты отъ насъ...

Addio! Addio!..

А. И. ЭРТЕЛЬ.

Мартъ, 1882.



---

# ЗАПОЗДАЛЫЙ ОТГОЛОСОКЪ РОМАНТИЗМА

---

НОВАЯ ДРАМА В. ГЮГО: «ТОРРЕВЕМАДА».

---

Всякому изъ насъ случалось видѣть тяжелые желѣзные доспѣхи, нѣкогда облекавшіе средневѣкового рыцаря, теперь неподвижно стоящіе въ углу какого-нибудь музея или арсенала. Между ними много красивыхъ, эффектныхъ; въ созерцаніи ихъ можно провести двѣ-три пріятныя минуты. Представимъ себѣ, что найдется охотникъ надѣть на себя эти доспѣхи, пройтись въ нихъ въ присутствіи многочисленной публики. Большинство зрителей пожалѣетъ о напрасномъ напряженіи, о бесплодно потраченной силѣ, или улыбнется противурѣчію между прошедшимъ и настоящимъ, между обстановкой и костюмомъ; болѣе сильнаго или глубокаго впечатлѣнія рыцарскій маскарадъ, по всей вѣроятности, не произведетъ. Самые доспѣхи, приведенные въ движеніе, покажутся менѣе внушительными, чѣмъ въ своемъ мечтательномъ покоѣ. Арсеналъ, наполненный латами, шлемами и щитами—это романтическая литература тридцатыхъ годовъ, вышнѣе проявленіемъ которой были трагедіи В. Гюго; выходецъ изъ арсенала, наряженный въ рыцарскіе доспѣхи—это новая драма того же автора, «Торревемада». Когда, сорокъ лѣтъ тому назадъ, на сценѣ французской комедіи торжественно пали «Бюргани», романтическая драма казалась отпѣтой и погребенной, или, лучше сказать, сданной въ литературный архивъ, въ музей запыленныхъ и окаменѣлыхъ литературныхъ формъ; ея незаконно-

рожденное потомство—бульварныя мелодрамы—не имѣло ничего общаго съ литературой; ея творецъ и глава перешелъ, повидимому, въ другія области творчества. Внезапно совершается поворотъ назадъ: «Торквемада» возвращаетъ насъ къ эпохѣ «Луcreціи Борджіа» и «Рюи-Блаза». Поэтъ, столько съ тѣхъ поръ пережившій, является здѣсь ничему не научившимся и ничего не забывшимъ. Но если не перемѣнился авторъ, то перемѣнилось время. «Торквемадѣ» не суждено возбудить ни прежней борьбы, ни прежнихъ восторговъ. Мы говорили недавно о крайностяхъ молодого реализма; любопытно сопоставить съ ними крайности дряхлаго романтизма.

Отличительной чертой романтизма всегда и вездѣ было стремленіе къ колоссальному, необыкновенному, чрезвычайному; его главныя фигуры—не люди, а нѣчто высшее или низшее. Таковъ и новый герой В. Гюго, Торквемада. Онъ исполненъ любовью къ человѣку и человѣчеству; ему невыносима мысль о людскихъ порокахъ, неизбежно ведущихъ къ бѣдѣ ады. Когда Франсуа-де-Полю говоритъ ему о молитвѣ, о вѣрѣ, о милосердіи, какъ о пути къ спасенію, онъ восклицаетъ: «Ты спасаешь только самого себя»!

*„Mais les autres, vieillard? Ah! l'éternelle chute  
Des âmes, nuit et jour, père, à toute minute  
Dans l'enfer, puits fatal, noir gouffre épanoui!  
Dans l'horreur, dans la flamme! Ah! tu te sauves, ouï!  
Mais qu'est-ce que tu fais de tes frères les hommes?*

*...Ombre, enfer, âmes maudites,  
Qu'est-ce que cela fait, pourvu que tu médites  
Avec ton lit de paille et ta cruche d'eau, seul...  
Tu n'as donc pas en toi, comme le Dieu qui crée,  
Une paternité formidable et sacrée?»*

Терзаясь за грѣшниковъ, считая своимъ призваніемъ найти избавленіе для человѣчества, Торквемада убѣждается въ то, что единственное средство освобожденія отъ вѣчныхъ, загробныхъ мукъ—это муки земныя, скоропреходящія. Огонь бостра, зажженного инквизиціей—единственная гарантія противъ адскаго огня. «Pour que l'enfer se ferme et que le ciel se ouvre, que faut-il? Le bûcher. Caûtériser l'enfer. Vaincre l'éternité par l'instant». За это убѣжденіе Торквемада готовъ умереть. Духовный судъ признаетъ исповѣдуемую имъ доктрину ересью, требуетъ отреченія отъ нея; онъ остается непоколебимымъ и спокойно сходитъ въ приготовленную для него могилу. Спасенный отъ смерти дономъ-Санхо съ донной-Розой, онъ склоняетъ на свою сторону папу, становится вселынымъ въ Испаніи и наполняетъ

тюрьмы и костры жертвами мрачнаго ученія. Смотри на страданія осужденныхъ, онъ видитъ только ихъ будущее блаженство; ихъ предсмертные стоны кажутся ему бѣшенными криками сатаны, изъ когтей котораго онъ вырываетъ ихъ души.

„Nous sommes deux sous l'oeil de Dieu, Satan et moi.  
Deux porte-fourches, lui, moi. Deux maîtres des flammes.  
Lui perdant les humains, moi secourant les âmes;  
Tous deux bourreaux, faisant par le même moyen  
Lui l'enfer, moi le ciel, lui le mal, moi le bien“.

Для мономана, всецѣло поглощеннаго одной предвзятой идеей, не существуетъ ни колебаній, ни сомнѣній. Единственное человеческое чувство, которое мы въ немъ видимъ—чувство благодарности къ молодымъ людямъ, освободившимъ его изъ монастырской тюрьмы-могилы—не мѣшаетъ ему обречь ихъ на смерть, какъ только онъ узнаетъ, что спасая его, они допустили неуваженіе къ святынѣ (донъ-Санхо воспользовался желѣзнымъ крестомъ, какъ рычагомъ для поднятія камня, заграждавшаго входъ въ тюрьму). Онъ обѣщалъ, передъ тѣмъ, извлечь ихъ изъ рукъ короля; услышавъ о совершенномъ ими «святотатствѣ», онъ восклицаетъ: «Une croix attachée! Une croix! C'est égal. Sauvons-les. Autrement»—и посылаетъ за ними палачей инквизиціи, появленіемъ которыхъ и оканчивается драма.

Таковъ Торквемада, задуманный В. Гюго. Какъ олицетворенная антитеза—къ антитезамъ романтики всегда чувствовали особое пристрастіе—онъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. «Je ferai flamboyer l'autodafé suprême, joyeux, vivant, céleste! O genre humain, je t'aime»—этотъ контрастъ оставляетъ за собою даже «червяка, влюбленнаго въ звѣзду», лакея, влюбленнаго въ королеву. Посмотримъ, однако, какою цѣною куплена эффектная антитеза. Прежде всего—цѣною жизни и движенія въ главномъ лицѣ, въ главномъ дѣйствіи драмы. У Торквемады одна только мысль, и эту мысль онъ повторяетъ на всѣ лады каждый разъ, когда является на сцену—въ монологѣ на кладбищѣ (прологъ), въ разговорѣ съ Франсуа-де-Поль (2-ой актъ), во время казни Фрескы (3-й актъ). Отсюда—крайняя монотонность, утомительныя варіаціи на тему, ясную съ первыхъ словъ, произносившихъ Торквемадой. Отсюда—отсутствіе внутренней борьбы, даже въ ту минуту, когда она была бы всего болѣе естественной; отсюда—быстрота и легкость, съ которою Торквемада предаетъ на смерть донъ-Санхо и донну-Розу. Сцена между Торквемадой, Фердинандомъ и Изабеллой могла нарушить однообра-

зіе картины, изобразивъ столкновение инквизитора съ королемъ, духовнаго деспотизма съ свѣтскимъ; но этотъ мотивъ едва затронуть авторомъ, и здѣсь спѣшащимъ перейти къ излюбленной параллели между двумя огнями. Наравнѣ съ драматизмомъ страдаетъ и историческая истина, понимаемая не въ смыслѣ строгого воспроизведенія фактовъ, а въ смыслѣ простой правдоподобности характера. Можно ли допустить, что средневѣковой испанскій монахъ, фанатикъ католицизма, признавалъ смерть на крестѣ залогомъ вѣчнаго спасенія не только для кающихся грѣшниковъ, но и для нераскаянныхъ еретиковъ, не только для нераскаянныхъ еретиковъ, но и для упорствующихъ въ своей вѣрѣ евреевъ? А Торквемада обѣщаетъ вѣчное блаженство именно сожигаемымъ евреямъ — евреямъ, въ моментъ смерти, какъ и при жизни, враждебнымъ христіанству. Въ числѣ странныхъ ученій, созданныхъ средними вѣками, можно, безъ сомнѣнія, найти и доктрину въ родѣ той, которую В. Гюго приписываетъ Торквемадѣ; но примѣненіе ея едва лишло такъ далеко, да и мѣстомъ происхожденія ея была не Испанія временъ Фердинанда и Изабеллы. Вѣроятно ли, чтобы тигръ въ образѣ инквизитора, ликующій при видѣ крови, приходящій въ экстазъ при свѣтѣ аутодафе, могъ любить человечество, болѣть душою за каждаго грѣшника, даже за не-христіанина, приходитъ въ отчаяніе при мысли о вѣчныхъ мукахъ, которыхъ онъ лично для себя не боится? Вѣроятно ли, чтобы суровый испанецъ XV-го вѣка могъ видѣть въ казняхъ только искупленіе для умирающихъ, а не устрашеніе для живущихъ? Вѣроятно ли, чтобы аскетъ, сокрушающійся надъ испорченностью эпохи, могъ вѣровать въ цѣлебную силу огня, какъ въ спасеніе для міра? Грѣшники, съ точки зрѣнія аскета—это всѣ или почти всѣ; если жечь, следовательно, такъ жечь всѣхъ и все, т.-е. уничтожить весь человѣческій родъ. Это уже не мысль фанатика — это бредъ сумасшедшаго; и дѣйствительно, Торквемада становится понятнымъ, только если признать его сумасшедшимъ. Сумасшествіе — возможный исходъ или эпизодъ драмы; но сдѣлать сумасшествіе главнымъ содержаніемъ, сумасшедшаго — главнымъ героемъ драмы, значить заранѣе перервать жизненный нервъ ея. Торквемада, болѣе близкій къ исторической дѣйствительности, менѣе замкнутый въ сферу непрерывныхъ галлюцинацій, могъ бы быть живымъ лицомъ; Торквемада В. Гюго — это фантастическій образъ, окрашенный въ одну яркую, слишкомъ яркую краску.

Та же погоня за антитезами, о которой мы уже говорили, заставляла романтиковъ выводить на сцену падшихъ людей, вне-

запно поднимаемыхъ любовью, злодѣевъ, въ сердца которыхъ сохранилось одно доброе, чистое чувство (таковы, напримѣръ, въ прежнихъ драмахъ Гюго: Маріонъ де-Лормъ, Тизбе, Трибуле, Лукреція Борджіа). Этому приему В. Гюго остался вѣренъ и въ «Торквемадѣ». Маркизъ де-Фуэнтель, воплощеніе всѣхъ возможныхъ пороковъ, сразу обращается въ агнца, какъ только до него доходитъ вѣсть о существованіи внука, котораго онъ передъ тѣмъ никогда не видѣлъ, котораго онъ еще вовсе не знаетъ. Объ этомъ превращеніи онъ самъ сообщаетъ читателямъ или зрителямъ въ длинномъ, чувствительномъ до наивности монологѣ:

„C'est mon enfant, le fils de mon fils! Oh! je n'ose  
Y croire encore. Je sens s'éveiller quelque chose  
Que je ne savais pas avoir en moi, le coeur.  
Coup de foudre bénit choc subit et vainqueur!  
Moi qui haïssais, j'aime... J'ai rompu mon dur lien.  
Je vivais pour le mal, je vivrai pour le bien.  
Ma conscience noire errait comme la louve,  
Je croyais avoir tout perdu. Ciel! je retrouve  
Tout! Je suis père, aieul! oh! je puis désormais  
D'en bas sourire aux purs et radieux sommets,  
Jeter furtivement un regard vers la cime,  
Où, né de mon fumier, croîtra ce lys sublime!..  
Je sens que cet enfant, avec tous ses rayons,  
Vient d'entrer dans ma brume, et que cette jeune âme  
A pris possession de mon coeur infâme“.

Въ сухую, черствую, глубоко-испорченную натуру можетъ закрасться чувство—мы этого не отрицаемъ; но можетъ ли оно овладѣть ею такъ полно, такъ внезапно и неотразимо, какъ оно овладѣваетъ маркизомъ? Можетъ ли оно превратить изверга въ праведника, человѣка, «жившаго для зла», въ человѣка, «живущаго для добра»? Допустимъ, что Фуэнтель могъ въ одну минуту всей душою полюбить донна-Санхо; это не помѣшало бы ему остаться по прежнему «слугою зла», по отношенію ко всѣмъ, кромѣ любимаго человѣка. Человѣческое сердце не измѣняется такъ быстро, какъ декорации на театральной сценѣ; такъ называемые «changements à vue» пора оставить на долю феерій въ царствѣ «щучьихъ велѣній».

Контрасты, дорогіе романтикамъ, могутъ не только слѣдовать одинъ за другимъ, но и уживаться одинъ подлѣ другого. Въ Фуэнтелѣ порокъ уступаетъ мѣсто добродѣтели; въ королѣ Фердинандѣ строгое спокойствіе и холодность чередуются съ полнѣйшею распущенностью и разнузданностью. Невѣроятнаго въ этомъ нѣтъ ничего; не совсѣмъ удаченъ только способъ



обрисовки Фердинанда, избранный поэтомъ. Мы узнаемъ его не изъ дѣйствій, а изъ словъ; онъ самъ опредѣляетъ себя въ разговорѣ съ Фуэнтелемъ. Какъ бы ничтоженъ ни былъ Фердинандъ, какъ бы велико ни было презрѣніе его къ собесѣднику, откровенность его слишкомъ велика, чтобы быть правдоподобной.

....„Marquis, j'aime affreusement les femmes.  
Ceci me plait de toi que tes mœurs sont infâmes...  
Nous avons l'un sur l'autre une obscure fenêtre  
Et nous voyons nos cœurs aînistrés...  
Être un mélange obscur de sang, de feu, de poudre,  
De caprices, pareil au faisceau de la foudre,  
Vouloir tout, essayer, *tout souiller*, tout saisir,  
Avoir soif d'une femme, avoir faim d'un plaisir,  
Ne pas voir une vierge, une proie, un désordre,  
Un cœur, sans tressaillir *du noir besoin de mordre*,  
Se sentir de la tête aux pieds l'homme de chair!..  
Et ma femme, ce monstre immobile! je suis  
L'esclave de ses jours, le forçat de ses nuits!“

Такъ говорить о себѣ и о своей женѣ можетъ Бальзаковский Вотренъ, но не Фердинандъ Католическій. Фигура короля, пылаго, страстнаго, полнаго жизни, но принужденнаго сдерживать себя, носить маску, притворяться невозмутимымъ, задумана В. Гюго прекрасно; но исполненію ея вредятъ, кромѣ только что указаннаго недостатка, преувеличенія формы и мысли, свойственныя романтической манерѣ. «Et j'ai, comme un dragon qui se dresse au soleil, l'épanouissement monstrueux du réveil... Plus de jong, je me rue à travers le mal et le bonheur, ayant pour but d'être animal!» Въ душѣ Фердинанда таится злоба противъ духовенства, какъ противъ единственной преграды, передъ которой должно иногда останавливаться его самовластіе. Сцена, въ которой Фуэнтель, рассчитывая на эту злобу и желая подвизаться подъ Торквемаду, рисуетъ передъ королемъ картину всемогущества инквизиціи — лучшая во всей драмѣ; В. Гюго, воодушевленный сюжетомъ, достигаетъ здѣсь иногда поразительной силы.

„Grandir est un abus, penser est un forfait;  
On est hardi de vivre, et c'est un péril d'être.  
Au centre de la toile obscure on voit le prêtre,  
Cette araignée, avec cette mouche — le roi...  
L'histoire un jour dira: ce fut l'âge du feu.  
Ce siècle fut un temps d'ombre et de vasselage.  
Qu'a-t-il fait? De la cendre. Au glaive de Pélage  
La fourche à remuer la braise succéda.  
Et comment se nommait le roi? Torquemada!“

Очень хороша, въ другомъ родѣ, и та сцена, въ которой Фердинандъ и Изабелла уступаютъ соблазну еврейскихъ денегъ. Блескъ золота, слова Фуэнтеля, давнишняя антипатія, все это кивстѣ взятое побуждаетъ Фердинанда возстать противъ ига Торкемады — помиловать евреевъ, отмигнуть аутодафе, похитить изъ монастыря донну-Розу. Но какъ скоро утасаетъ его мужество, его рѣшимость! Стоитъ только Торкемадѣ появиться и сказать нѣсколько словъ — и Фердинандъ опять у его ногъ, опять во всемъ съ нимъ согласенъ. Подчиненіе короля инквизитору вполне естественно и исторически вѣрно — но ему должна была предшествовать борьба, которой мы вовсе не видимъ. Источникъ этой ошибки мы уже указали; она объясняется односторонностью въ основномъ замыслѣ драмы, въ обрисовкѣ Торкемады.

Еще менѣе правдоподобнымъ, чѣмъ самообличеніе Фердинанда, представляется монологъ папы Александра VI-го (Борджіа), введеннаго на сцену опять-таки ради эффекта и контраста. Франсуа де-Поль и Торкемада олицетворяютъ собою два противоположные полюса католицизма — кротость и суровость, прощенье и казнь; для полноты картины рядомъ съ ними поставленъ еще индифферентизмъ, эксплуатирующий въ свою личную пользу свѣтскую власть церкви. Ходъ дѣйствія вовсе не требовалъ участія папы; онъ является на минуту только для того, чтобы высказать, безъ всякаго повода и безъ всякой надобности, свою *profession de foi*, одинаково отрицающую и надежды Франсуа-де-Поль, и вѣру Торкемады. Гдѣ, кромѣ романтической драмы, была бы возможна такая исповѣдь папы, хотя бы этотъ папа и былъ Александръ VI-ой:

“Fils, vous vous demandiez pourquoi l'homme est sur terre.

Moi, je vais en deux mots le dire. A quoi bon taire

La vérité? Jouir, c'est vivre. Amis, je vois

Hors de ce monde—rien, et dans ce monde—moi.

...Je prends à mon service

Ce qu'on appelle crime et ce qu'on nomme vice.

L'inceste, préjugé. Le meurtre, expédient...

Ayons donc de l'esprit. Profitons du temps. Rien

Etant le résultat de la mort, vivons bien!.

Je suis une faim, vaste, ardente, inassouvie.

Mort, je veux t'oublier. Dieu, je veux t'ignorer.

Oui, le monde est pour moi le fruit à dévorer“.

Къ главнымъ фигурамъ драмы примыкаютъ донъ-Санхо, донна-Роза и королевскій шутъ Гухо. Первые двое—ворующіе голубки, какихъ уже много разъ, постоянно одними и тѣми же красками, изображалъ поэтъ (Эрнани и донна-Соль, Родольфо

и Катарина, Маріи и Козетта, и т. д.); послѣдній — блѣдный снимокъ съ шекспировскихъ шутовъ, совершенно излишній для драмы, раздѣляющій съ другими дѣйствующими лицами страсть къ самообличенію («Moi, je suis hors de l'homme... Je rampe, je regarde et je suis inutile»). Въ его роли есть, впрочемъ, нѣсколько удачныхъ стиховъ — напримѣръ характеристива Фердинанда, насмѣшки надъ католическими монастырями («Tout couvent d'hommes confesse le couvent de femmes d'a côté, fait la faute, et l'absout, avec paternité, et régissant sur ces coeurs dans sa toute-puissance, leur ôte la vertu, puis leur rend l'innocence»).

Романтическая по замыслу и по характерамъ, новая драма В. Гюго подаетъ руку прежнимъ и по постройкѣ, и по внѣшней формѣ. Въ послѣдовательности сценъ, въ развитіи дѣйствія постоянно преобладаетъ стремленіе поразить, удивить, потрясти читателей или зрителей, потрясти ихъ не столько внутреннимъ драматизмомъ положенія, сколько неожиданностью, таинственностью, бьющею на воображеніе обстановкой. Король (въ прологѣ) входитъ въ монастырское кладбище не черезъ дверь, а черезъ отверстіе въ стѣнѣ; пріоръ, принимая его за бродягу, грозитъ ему смертию, пока король не бросаетъ своего инкогнито и въ свою очередь не переходитъ къ угрозамъ. Почему Фердинанду вздумалось избрать такой странный путь въ монастырь—это остается неизвѣстнымъ; автора очевидно прельстилъ контрастъ между пріоромъ приговаривающимъ и пріоромъ, приговариваемымъ къ казни. Торквемада два раза проходитъ по сценѣ, мрачный, загадочный и безмолвный, прежде чѣмъ выступить съ первымъ своимъ монологомъ. Епископъ Ургельскій, присланный въ монастырь для суда надъ Торквемадой, не призываетъ къ себѣ подсудимаго, а самъ, вмѣстѣ съ монахами, отыскиваетъ его на кладбищѣ и тамъ разбираетъ дѣло. Откуда—эффектная mise en scène. Темнѣетъ; Торквемада, произнеся свой монологъ, стоитъ въ экстазѣ, съ раскрытымъ ртомъ (la bouche béante), съ глазами, поднятыми къ небу; сзади него появляется безъ шума сначала одинъ монахъ—съ опущеннымъ капюшономъ, съ скрещенными на груди руками, потомъ другой, третій, цѣлыя десятки, всѣ съ закрытыми лицами; они образуютъ полукругъ около Торквемады, ничего не видящаго и не слышащаго; въ центрѣ полукруга становится, наконецъ, епископъ—и начинается судъ, заключеніемъ котораго служитъ постепенное нисхождение Торквемады въ заранѣе приготовленную могилу. Въ первомъ дѣйствіи по двору королевскаго замка проходитъ процессія инквизиторовъ, отправляющихся за новой жертвой—проходитъ только для того, чтобы зрители поняли ея значеніе, когда она придетъ, въ концѣ послѣдняго акта, за дономъ-

Санхо и донной-Розой. Описание процессіи весьма подробно; не забыто ничего, что может усугубить ея ужасъ,—тишина и торжественность шествія, мрачные костюмы монаховъ, черное знамя съ черепомъ и костями. Весь второй актъ, вовсе ненужный для драмы, наполненъ извѣстными намъ уже монологами Франсуа-де-Поль, Торквемады и папы. Въ третьемъ актѣ Торквемада, въ надлежащую минуту, отдергиваетъ занавѣсъ—и за нимъ видѣнъ горящій уже костеръ, съ сотней сожигаемыхъ евреевъ. Изъ среды несчастныхъ раздаются крики, которыхъ не было слышно, пока былъ спущенъ занавѣсъ. Четвертый—и послѣдній—актъ оканчивается, какъ мы уже сказали, появленіемъ инквизиторовъ, причемъ, для вѣщаго эффекта, они поднимаются по лѣстницѣ, скрытой за сценой; сначала видна только верхушка черного знамени, съ черепомъ и костями, потомъ все знамя съ знаменосцемъ, потомъ длинныя шеренги черныхъ и бѣлыхъ монаховъ. Не напоминаетъ ли это палача въ «Маріи Тюдоръ», злобный рогъ старика въ «Эрнани», мѣдное распятіе въ «Анжело» (вошедшее въ пословицу подъ именемъ «la croix de ma mère»), превращеніе нищаго въ императора въ «Бюргравахъ», пѣснь короля за сценой, прерывающую послѣдній монологъ Трибуле въ «Le roi s'amuse»? Романтическая драма свято хранитъ свои преданія,—но ея молніи и громы обратились за давностью въ простыя мелодраматическія «ficelles».

Не измѣнился, наконецъ, и языкъ романтической драмы; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить многое изъ приведенныхъ нами цитатъ. «Прижиганіе ада», «черная совѣсть, считающаяся какъ волчица», «величавая лилія, выростающая изъ навоза», «чудовищное сіяніе пробужденія»—все это переноситъ насъ въ то давнопрошедшее время, когда метафоры и образы «Эрнани» или «Маріонъ де-Лормъ» были событіями, волновавшими Парижъ, Францію, Европу. Одушевленія молодости болѣе нѣтъ, преувеличенія ея остались. Стремленіе къ картинности, къ силѣ, сплошь и рядомъ переходитъ въ вычурность, въ шаржъ; сравненія по-прежнему отличаются смѣлостью, но они чаще вымучены, чѣмъ мѣтвы. «Le nid du cormoran, le trou du basilic»,—говоритъ король Фуэнтелю,—«sont les points de départ possibles d'une vie comme la tienne, errante, envolée, asservie». «Sentir couler sur soi des fleuves»,—такъ изображаетъ онъ самого себя,—«voir des mers vous isoler dans l'ombre avec des plis amers, subir l'étouffement qu'a sous l'onde une flamme, et morne, voir le monde infiltré dans son âme!.. Je suis l'abîme, heureux d'engloutir l'alcyon! Je sens un tremblement d'extermination... Ma flamme obscure et fermée, j'ai dans l'âme un orage et cent

courants contraires. Le meurtre est mon ami; les Caïns sont mes frères». Франсуа де-Поль, смотря на черепъ, называетъ его «ce crâne hors du gouffre humain, comme un récif». Торквемада восклицаетъ, проводя параллель между собою и сатаной: «il est dans le cloaque et je suis dans le temple, et le noir tremblement de l'ombre nous contemple». Такихъ примѣровъ можно было бы привести еще массу. О достоинствѣ стиха съ технической стороны мы, конечно, судить не беремся; но не нужно быть французомъ, чтобы видѣть усиліе, съ которымъ иногда подбирается созвучіе, чтобы чувствовать прованчность нѣкоторыхъ—впрочемъ, немногихъ—мѣстъ драмы. Когда приоръ называетъ время «старымъ отступникомъ», то можно сказать утвердительно, что онъ обижаетъ его этимъ прозвищемъ только за непринсканіемъ другой, болѣе подходящей римы («Couvent mal gardé. Ronces et broussailles. Dégât que fait dans les lieux saints le temps, vieux renégat»). Когда король говоритъ приору: «mais l'évêque d'Urgel est ici», а приоръ отвѣчаетъ: «cet honneur, nous l'avons qu'un évêque est chez nous en visite», то явная тяжеловѣсность отвѣта можетъ быть объяснена только тѣмъ, что honneur римуется съ seigneur въ предыдущемъ, visite—съ vite въ послѣдующемъ стихѣ. Фраза равнина: «roi, ne nous faites pas chasser à coups de piques, et Dieu vous ouvrira des portes magnifiques» могла сорваться только съ пера, утомленного продолжительной работой.

Что же остается, затѣмъ, въ «Торквемадѣ»? Нѣсколько сильныхъ сценъ (къ названнымъ нами, можно прибавить еще сцену суда надъ Торквемадой), нѣсколько красивыхъ стиховъ, ничѣмъ не связанныхъ съ драмой (напримѣръ большая часть монологовъ Франсуа де-Поль). Цѣлое оставляетъ насъ холодными; на каждомъ шагу чувствуется непропорціональность между усиліемъ и результатомъ, между размахомъ и ударомъ. Въ демоническихъ натурахъ, задуманныхъ поэтомъ, мы видимъ или сумасшедшаго, какъ Торквемада, или мелкаго деспота и развратника, какъ Фердинандъ, или зауряднаго дипломата и куртизана, какъ Фуэнтель. Даже развязка, такъ тщательно подготовленная авторомъ, можетъ произвести впечатлѣніе развѣ на сценѣ, при хорошей обстановкѣ; донъ-Санхо и донна-Роза—восковныя куклы, участь которыхъ не возбуждаетъ въ насъ большого интереса. Романтическая драма несомнѣнно умерла, если даже такой талантъ, какъ В. Гюго, не могъ извлечь ее изъ гроба. Она сдѣлала свое дѣло, разрушивъ условныя формы псевдо-классицизма, расширивъ область искусства, освободивъ языкъ и слогъ отъ дѣйствія рутинныхъ, стѣснительныхъ правилъ. Ея заслуга, съ этой точки зрѣнія, ве-

лика и бесспорна; лучшіе ея образцы навсегда останутся достойными изученія какъ историческій памятникъ, какъ произведеніе замѣчательной во всѣхъ отношеніяхъ эпохи; но воскресить ее, въ смыслѣ повторенія сдѣланнаго ею, такъ же невозможно, какъ и призвать къ жизни героическую эпопею или классическую трагедію. «Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux», сказалъ Буало; къ исключенію, установленному имъ, можно прибавить еще одно—«le genre artificiel», т. е. все дѣланное, неестественное, натянутое, рассчитанное исключительно на внѣшній эффектъ. Подъ это опредѣленіе подойдетъ, конечно, не одна романтическая драма; оно захватитъ собою и кое-что изъ области новѣйшаго французскаго натурализма или реализма. Вполнѣ законный и въ высшей степени полезный, какъ реакція противъ романтизма, натурализмъ грѣшитъ иногда отступленіями отъ своего принципа, иногда—слишкомъ крайними выводами изъ него. Такіе эпизоды, какъ любовь Сержа и Альбины въ Параду («Проступокъ аббата Мурэ»), такіе эпитеты и сравненія, примѣры которыхъ были указаны нами въ статьѣ о Зола — это тотъ же романтизмъ, въ слегка измѣненной формѣ; правда, художественная простота и тамъ, и здѣсь принесены въ жертву погонѣ за новизной, за оригинальностью, за эффектомъ. Съ другой стороны, что преобладаетъ слишкомъ часто въ ультра-реалистическихъ описаніяхъ «Nana», «Pot-Bouille», «Assommoir», «Ventre de Paris»? Стремленіе поразить читателей картинами, прежде не находившими мѣста въ изящной литературѣ, неслыханною рѣзкостью и грубостью выраженій. Прежнему нагроможденію злодѣяній соотвѣтствуетъ теперь нагроможденіе грязи. Безспорно, послѣднее имѣетъ преимущество передъ первымъ, потому что оно ближе къ истинѣ, къ жизни; но переходя за извѣстную черту, оно также вступаетъ въ область «искусственнаго жанра», потому что въ основаніи его не лежитъ больше наблюденіе дѣйствительности. Каждое изъ подмѣченныхъ явленій, въ отдѣльности взятое, можетъ быть и совершенно вѣрно—шаржъ заключается въ извѣстной ихъ группировкѣ и окраскѣ (припомнимъ, напримѣръ, дѣлъ Вабровъ въ «Pot-Bouille»). Вполнѣ и безусловно связь нео-реализма съ романтизмомъ будетъ порвана только тогда, когда новая школа перестанетъ гоняться за небывалыми сочетаніями фактовъ и словъ, перестанетъ напрягать фантазію и мучить языкъ, чтобы облечь въ возможно совершенную, «мраморную» или «бронзовую» форму возможно болѣе низменное содержаніе.

Б. АРСЕНЬЕВЪ.



---

# ФИНАНСОВЫЙ РЫЦАРЬ.

СЦЕНЫ И ТИПЫ ИЗЪ КАРТИНЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ПРАВОВЪ, ЭДУАРДА  
ДЖЕНКИНСА.

---

## I.

Еще памятенъ страшный финансовый кризисъ, разразившійся въ Парижѣ зимой нынѣшняго года и повлекшій за собой отчасти полное разореніе, отчасти большое сокращеніе состояній у множества лицъ, принадлежащихъ въ высшему, преимущественно влерикальному и легитимистскому обществу Парижа. Мы разумѣемъ катастрофу финансовыхъ предпріятій Бонту́. Это событіе дало англійскому романисту Дженкинсу тему для романа подъ заглавіемъ: «A Paladin of Finance», изложеніе котораго мы предлагаемъ вниманію читателей.

Описаніе обширной аферы съ ея разнообразными отношеніями, и ея паденія, дало Дженкинсу поводъ нарисовать живую картину цѣлой области современной жизни, — области крупной аферы, — и вмѣстѣ рядъ ярко очерченныхъ типовъ и портретовъ дѣлового, журнальнаго и влерикальнаго Парижа. На этомъ и сосредоточенъ главный интересъ книги Дженкинса; романческіе эпизоды играютъ въ ней лишь второстепенную роль, поэтому и въ нашемъ очеркѣ они уступаютъ мѣсто основному сюжету романа.

---

Блестящая и разнохарактерная толпа наполняла дворъ Грандъ-Отеля. Былъ тотъ часъ дня, когда самые западалые изъ завтракавшихъ въ великолѣпной столовой, по пяти франковъ съ человѣка, съ виномъ, медленно выползали на террасу. Группы

и три, четыре человека вели оживленные разговоры. Мужчины, закуривая папирсы, съ лѣнивымъ видомъ потягивались на вѣнскихъ стульяхъ. Дамы, изъ которыхъ инны были молоды и красны, спускались по широкимъ ступенямъ въ своихъ башмачкахъ на высокихъ каблукахъ, производя на мостовой шумъ, обращавшій вниманіе джентльменовъ на стройныя ножки и изящную обувь, которыя искусно выставлялись на показъ съ помощью чуть-чуть приподнятой вышитой юбки. Инны выхода дѣлали знакъ старому, но проворному комиссіонеру, и на зовъ его мгновенно являлись со двора или съ бульвара разнообразныя экипажи, подѣвжали въ крыльцу и забирали нарядно одѣтыхъ дамъ и фашенебельныхъ кавалеровъ. Тутъ были представители почти всѣхъ національностей. Парижане съ неизбѣжной ленточкой въ петлицѣ, большими бантами вмѣсто галстука, съ наводченными усами, въ блестящихъ шляпахъ, плотно-охватывающихъ талю скортутахъ и сапогахъ съ высокими каблуками. Вотъ венгерецъ, не безъ успѣха облекшійся въ англійскій утренній костюмъ, хотя его темная кожа и большіе, закрученные сверху усы и выдають его національность. Вотъ двѣ прекрасныя дѣвушки, молодыя, высокія, съ почти величавыми движеніями, съ чертами, напоминающими женщинъ Рима, съ темными глазами, опущенными длинными, шелковистыми рѣсницами, говорятъ на музыкальномъ, но незнакомомъ языкѣ съ довольно безобразнымъ челоукомъ, лицо котораго, съ темными кругами подъ глазами, обнаруживаетъ признаки кутежа и связанной съ нимъ скуки. Это румынъ съ дочерью; они пріѣхали провести мѣсяца два и истратить большую часть годового дохода съ заложенныхъ и перезаложенныхъ имѣній въ этомъ раю своихъ единоплеменниковъ. Эта полнолѣсная дама въ темно-коричневомъ атласномъ платьѣ, разговаривающая съ высокимъ, худымъ, сѣдовласымъ господиномъ съ аристократической, но отпѣвшей фizioноміей, испанца. Это видно по движеніямъ ея маленькихъ, толстенькихъ, унизанныхъ кольцами рукъ, ногти которыхъ, повидимому, въ траурѣ по покойной щеткѣ, по чернымъ какъ уголь глазамъ и бровямъ, по блестящимъ волосамъ, собраннымъ въ густыя косы на ея красивой головѣ, по рту съ красными губами и мелкими, ровными, блестящими зубами, наконецъ, по ея шляпѣ, богатое кружево которой достаточно грязно, чтобъ вызвать восторгъ самаго пылаго знатока. Весело смѣются и болтають высокія сильныя, дѣвущія дѣвушки съ такимъ же, какъ онѣ, дѣвущимъ старымъ джентльменомъ. Это англичанки; ихъ большіе блестящіе зубы, голубые глаза съ славнымъ, яснымъ, прамодушнымъ вы-



раженіемъ, и прекрасный цвѣтъ лица составляютъ ensemble, нелишенный своеобразной прелести. Лица постоянно смѣняются точно въ калейдоскопѣ. Они входятъ въ читальню, выходятъ изъ нея, выходятъ изъ дверей ресторана, поспѣшно направляются на телеграфъ, въ контору отеля. Отъ времени до времени съ бульвара влетаетъ посыльный изъ магазина съ пакетами, куафёръ, посланный, возвращающійся съ какимъ-нибудь billet-doux, хорошенькая бонна съ дѣтьми, маклеръ съ биржи, или портниха съ громадной картонкой, заключающей въ себѣ какія-то тайны женскаго туалета. Это цѣлый мірокъ, этотъ Грандъ-Отель, съ его шестью этажами, сотнями слугъ—французовъ, англичанъ, нѣмцевъ, итальянцевъ, венгерцевъ, шведовъ, швейцарцевъ, креоловъ, арабовъ. Онъ самъ себя снабжаетъ газомъ, электричествомъ, паромъ, торгуетъ виномъ, сигарами, имѣетъ свои рестораны и cafés, отводитъ помѣщенія для баловъ, свадебныхъ завтраковъ, общественныхъ обѣдовъ. Всего изумительнѣе—его счеты.

Это также и дѣловой центръ. Онъ служитъ мѣстомъ rendez-vous для агентовъ финансистовъ. Сюда стекаются остроумные американцы съ патентами, благодаря которымъ должны составить себѣ колоссальныя состоянія. Вотъ джентльменъ изъ Бразиліи, владѣющій шестью золотonosными розсыпями или пространствомъ въ нѣсколько тысячъ квадратныхъ миль на рѣкѣ Уругвай, истиннымъ раемъ; онъ готовъ уступить свои сокровища всего за нѣсколько милліоновъ. Вотъ группа англичанъ, чающая невозможной концессіи для проведенія желѣзно-конной дороги по бульварамъ, и другая, которая ведетъ переговоры для заключенія контракта по устройству канала на югъ. Ежедневно въ этотъ удивительный каравансерай слетается съ полъ-дюжины джентльменовъ съ проектами въ карманѣ, и къ нимъ, какъ мухи къ меду, льнутъ мѣстные или натурализованные прожектеры, которыми изобилуетъ Парижъ.

Однажды, въ октябрѣ, у одного изъ столиковъ опустѣлаго ресторана отеля одиноко сидѣлъ джентльменъ. Стрѣлки часовъ показывали пять минутъ третьяго. Джентльменъ сидѣлъ тутъ уже болѣе получаса. Слуга гасконецъ подходилъ къ нему два раза и съ особеннымъ удареніемъ спрашивалъ:

— Угодно ли, monsieur, кофе, ликеру, сигаръ?

Monsieur отказывался отъ предлагаемаго жестомъ, и во второй разъ такимъ сердитымъ и повелительнымъ, что сконфуженный garçon, оскорбленный въ своихъ святѣйшихъ чувствахъ, отошелъ бормоча сквозь зубы: *zasc-g-é juif!* что не дѣлало чести его пропиа-

цательности. Единственнымъ оправданіемъ для него могло служить, что въ глазахъ лакея всякій, кто ничего не заказываетъ, жидъ.

Джентльменъ былъ не еврей. Довольно трудно было разгадать, кто это былъ. Одѣтъ онъ былъ какъ парижанинъ, правда, съ легкими преувелеченіями, что было особенно замѣтно на шляпѣ, сапогахъ и перехватѣ сюртука посрединѣ—утверждать, что у него имѣется талья, значило бы льстить ему; по фигурѣ, онъ смотрилъ человѣкомъ лѣтъ пятидесяти, который «пожилъ». Онъ былъ ниже средняго роста и сильно сложенъ. Правая рука его легко покоилась на маленькомъ желѣзномъ столикѣ, черезъ край котораго свѣшивалась кисть ея, небольшая, блѣлая, но мускулистая. Онъ вертѣлъ между пальцами свѣтло-сѣрую перчатку, и этия движеніемъ выказывалъ кольцо съ крупнымъ изумрудомъ. Другая рука была небрежно перекинута черезъ спинку стула, на которомъ онъ сидѣлъ бокомъ, рука эта была въ перчаткѣ, двумя пальцами ея онъ держалъ трость, съ великолѣпнымъ шаромъ изъ лапши-лазули, обвитымъ золотой змѣей вмѣсто набалдашника. Набалдашникъ этотъ онъ, въ разсѣянности, отъ времени до времени сосалъ, потомъ отнималъ отъ губъ, вынималъ карманные часы, взглядывалъ и на стѣнныя, и снова предавался размышленіямъ.

Всякій, кто случайно взглянулъ бы на этого человѣка, прошелъ бы мимо съ убѣжденіемъ, что онъ очень некрасивъ, но артистъ былъ бы пораженъ мощью, которая сказывалась во всѣхъ чертахъ его лица. Вотъ онъ снялъ шляпу, мы можемъ изучать его. Лицо это довольно большое; впечатлѣніе это, быть можетъ, усиливается округленностью линий. Его высокому лбу соответствуетъ широкій, почти квадратный подбородокъ. Густые, черные волосы, съ очень легкой просѣдью, покрываютъ его большую голову. Цвѣтъ лица у него смуглый, но яркій румянецъ играетъ на щекахъ, до половины которыхъ доходятъ короткіе, англійскіе бакенбарды. Нижняя часть лица и губы чисто выбриты, ротъ маленький, но суровый, съ полной, слегка нависшей верхней губой. Его темныя, красиво очерченныя брови нависли надъ черно-кариими глазами—глазами, въ которыхъ заключается странная, магнетическая сила. Невозможно читать въ этихъ глазахъ, такъ какъ цвѣтъ ихъ и выраженіе, повидимому, никогда не мѣняются. Какое бы душевное волненіе ни сказывалось въ остальныхъ чертахъ, въ сжатіи ноздрей большого носа, въ какой-то игрѣ бровями, въ глазахъ ничего прочесть нельзя было. Они оставались темными и загадочными.

Часы показываютъ четверть третьяго, половину. Люди при-

ходить и уходить. Джентльменъ надѣлъ шляпу, еще разъ взглянулъ на свои часы, но тутъ взглядъ его упалъ на фигуру, проходившую подъ аркой, которая составляла входъ въ ресторанъ.

Онъ быстро встаетъ, и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, снимаетъ шляпу и протягиваетъ вновь прибывшему обѣ руки, т.-е. въ сущности два пальца, такъ какъ въ одной держитъ шляпу, въ другой — палеку.

— Наконецъ, г. Дюмарескъ! Я боялся, что не увижу васъ сегодня. Я ждалъ цѣлый часъ, — сказалъ онъ на отличномъ, французскомъ языкѣ, хотя съ яснымъ иностраннымъ акцентомъ.

— Тысячу извиненій, г. Космо, — отвѣчалъ парижанинъ: — но я былъ занятъ нашимъ дѣломъ. У меня отъ разговоровъ пробудилась жажда. Сядемъ, выпьемъ чего-нибудь. Что прикажете?

— Ничего, благодарю васъ, я никогда не ѣмъ и не пью въ непозванное время.

— Diable! Вы пуританинъ или фратеръ? Garçon, рюмку вермута.

Слуга приостановился и взглянулъ на своего жида.

— А monsieur? — наивно спросилъ онъ.

— Monsieur проситъ васъ отправляться къ чорту и не надѣяться ему, — воскликнула жертва, въ глазахъ которой блеснулъ почти зеленый огонекъ, напугавшій лакея.

— Жидъ, да еще какой! — бармоталъ онъ, поспѣшно удаляясь за вермутомъ. — Вѣнскій!

— Эдакая масса негодяевъ-швейцарцевъ въ этомъ отелѣ. *Suisse de nation, aubergiste de profession et voleur par habitude*, какъ говорится гдѣ-то. Въ третій разъ этотъ человекъ у меня спрашиваетъ, что мнѣ угодно. Я живу въ отелѣ, сейчасъ здѣсь завтракалъ и имъ еще нужно грабить. Люди эти смотрятъ на всякаго, какъ на предметъ эксплуатаціи.

— А вы? — засмѣялся Дюмарескъ. — Вы не думаете, что человѣческія существа созданы для эксплуатаціи?

Собесѣдникъ его пожалъ плечами, щеки его на минуту слегка вспыхнули.

— Нѣтъ, — серьезно отвѣчалъ онъ. — Я не изъ тѣхъ людей, которые эксплуатируютъ своихъ собратій. Я честно предлагаю имъ свой умъ и опытность — за извѣстную плату. Плату я назначаю. Деньги не пропадутъ.

— Отлично, никогда не слѣдуетъ быть слишкомъ скромнымъ. Великіе геніи потерѣли неудачу за отсутствіемъ надлежащей самооцѣнки. Этимъ вы никогда не погрѣшите. Вы именно то, что

нужно для Парижа, въ который вы теперь вступаете при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ. Скромность въ мужчинѣ или женщинѣ уже болѣе не въ модѣ.

Ироническій тонъ говорившаго придавалъ истинный смыслъ этимъ замѣчаніямъ.

Дюмарескъ былъ высокій блондинъ, съ изящными манерами. Черты его длиннаго, узкаго лица были пріятны, но некрасивы. Его каштановые волосы влились. У него были очень густыя брови, покатый лобъ, сѣровато-голубые глаза, крупныя зубы, пріятно очерченный ротъ, красивая мягкая борода, подстриженная à l'espagnoles. Вообще лицо это могло нравиться женщинамъ. Онъ былъ молодъ, на видъ ему можно было дать около тридцати лѣтъ.

— Г. Космо, я видѣлъ маркиза.

— И монсиньора?

— И монсиньора и маркизу. О, маркиза, что за красота, что за остроуміе; что за дѣловитость!

— И что за скупость! — прервалъ собесѣдникъ, поглядывая на него сбоку.

— Вы слишкомъ практичны, въ васъ нѣтъ никакой поэзіи; можетъ быть, она и любитъ деньги...

— Къ дѣлу, что сказалъ монсиньоръ?

Дюмарескъ готовился отвѣчать, но Космо прижалъ палецъ къ губамъ.

— Тише! видите ли вы этого англичанина, что сейчасъ вошелъ, онъ слѣдитъ за нами.

— Это — Дарвель.

— Да, онъ порядочный финансистъ. Онъ подаль мысль въ родѣ моей идеи о созданіи крупнаго, католическо-финансоваго центра. Узнай онъ о нашихъ планахъ, онъ можетъ попытаться разрушить ихъ.

— Онъ не можетъ повредить намъ, синьоръ Космо. Увѣрю васъ, что письма его святѣйшества и кардинала Беретты произвели на монсиньора самое глубокое впечатлѣніе. Мы можемъ рассчитывать на него и, я думаю на маркизу. Все зависитъ отъ впечатлѣнія, которое вы на нее произведете. Я видѣлъ ее на часа тому назадъ и обѣщалъ привести васъ въ половинѣ четвертаго. Пора ѣхать.

Дюмарескъ расплатился; они вышли и сѣли въ одинъ изъ самыхъ нарядныхъ соупрѣ изъ стоявшихъ у крыльца.

Дарвель слѣдилъ за ними изъ окна читальни.

— Что-то затѣвается, — размышлялъ онъ. — Космо этого близкій

другъ Беретты, тотъ въ свою очередь близкій другъ и совѣтникъ его свѣтѣйшества; а Дюмарескъ, хотя онъ легитимистъ, ультрамонтанъ, полу-фанатикъ, полу-философъ, энтузіастъ и умный свѣтскій человѣкъ, пуританинъ, когда совѣсть его возбуждена, и развратникъ, когда ему удастся усыпить ее посредствомъ исповѣди; все же не дурной дѣлецъ, что доказывается успѣхомъ его журнала въ этой безумной республикѣ. Надо разузнать, что они затѣваютъ. Парижъ теперь точно только-что вснахванное поле, вороны всегда слетаются туда, гдѣ много червей.

Дюмарескъ и Космо быстро катили по итальянскому бульвару. Журналистъ воспользовался нѣсколькими минутами, оставшимися до свиданія съ маркизой, чтобы заочно познакомиться съ нею своего союзника.

— Въ качествѣ издателя и редактора, *добраю друа*,—говорилъ онъ,—мнѣ удалось проникнуть въ замкнутый кружокъ истой и притомъ глубоко-религіозной аристократіи. Маркиза де-Рошрѣ—одна изъ руководительницъ этого общества, которое, оставаясь вѣрнымъ *блгому знамени* и католической религіи—эти два понятія нераздѣльны—составляетъ въ Парижѣ маленький оазисъ религіозности и легитимизма. Маркиза—восторженно вѣрующая и вполнѣ свѣтская женщина. Это—сила. По утрамъ будуаръ ея полонъ епископовъ и духовныхъ лицъ, поздиѣ въ ея салонахъ толпятся самые блестящіе и веселые представители большого свѣта. Вліяніе ея громадно. У нея самыя солидныя связи въ Римѣ, Мадридѣ, Лондонѣ, Брюсселѣ, даже въ Берлинѣ и Петербургѣ, гдѣ мы, вообще, не можемъ похвастаться вліяніемъ. Она обладаетъ искусствомъ оставлять свое благочестіе въ своей молельнѣ; иностранные дипломаты и великіе мира сего считаютъ ее капривной свѣтской женщиной, а благочестивые католики признаютъ ее столпомъ и поборницей вѣры. Она неутомимая работница. Переписка ея огромна. Часть ея она ведетъ собственноручно, кромѣ того у нея два секретаря: одинъ—священникъ, ея капелланъ отецъ Taille-Méche, другой—Антуанъ де-ла-Гуть, свободный мыслитель, писатель, поэтъ, даже художникъ. Онъ ее боготворитъ, отдастъ бы за нее душу чорту, еслибъ вѣрилъ, что у него есть душа. Его обширный умъ совершенно въ ея услугамъ. Онъ отличнѣйшій дѣлецъ и управляетъ всѣми дѣлами маркиза.

— А велико ли состояніе маркиза? — вскользя спросилъ Космо.

— Не сужу вамъ сказать. Отъ десяти до сорока милліоновъ. Онъ очень скрытенъ.

— Что онъ, гдѣ нибудь директорствуетъ?

— Нѣтъ, его приглашали, послѣ войны, но онъ отказался. Онъ презираетъ и ненавидитъ республику. Но вотъ и отель де-Рошрѣ.

Купе въѣхалъ въ ворота на улицѣ St.-Dominique и остановился у подножія широкой мраморной лѣстницы. У входа посетителей встрѣтили два напудренныхъ лакея въ богатой ливреѣ, шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ, и съ поклономъ раздвинули передъ ними тяжелую портьеру изъ смирнскаго ковра.

— Гости подъ предводительствомъ солиднаго слуги во фракѣ прошли залу съ краснымъ ковромъ и мебелью изъ темнаго дуба, три роскошныхъ гостинныхъ, въ стилѣ Людовика XIV, Людовика XV и Людовика XVI—это оригинальное сопоставленіе было фантазіей маркизы—послѣ чего слуга, однимъ движеніемъ, растворилъ бѣлую съ золотомъ дверь и не громко, но отчетливо доложилъ:

— Г. Дюмарескъ, г. Космо.

Они поклонились, дверь за ними затворилась, и маркиза, сдѣлавъ за большими бюро, покрытымъ книгами и бумагами, поднялась со стула.

Космо былъ пораженъ ея красотой и свободой, простотой и достоинствомъ ея движеній. Она протянула руку Дюмареску, который пожалъ ее à l'anglaise, и остановилась, ожидая, чтобы онъ представилъ ей своего пріятеля.

— Маркиза, это—мой другъ синьоръ или лучше, такъ какъ онъ собирается сдѣлаться парижаниномъ—monsieur Космо.

Прежде чѣмъ маркиза отвѣтила на поклонъ посетителя, она замѣтила его лицо, фигуру, платье, и даже поставила себѣ о немъ мнѣніе.

Она опустила на мягкій стулъ и движеніемъ руки пригласила гостей послѣдовать ея примѣру.

Они сѣли. При этомъ движеніи итальянецъ обнаружилъ грацію и гибкость, свойственныя его націи. Къ нему возвратилось его самообладаніе. Маркизѣ нѣсколько минутъ казалось, что она ничего не видитъ кромѣ его глазъ. Онъ, дѣйствительно, смотрѣлъ на нее упорнымъ, магнетическимъ взглядомъ.

— Вы, вѣроятно, мало знаете Парижъ?—съ улыбкой сказала она, обращаясь къ итальянцу.

— Напротивъ,—съ легкимъ поклономъ отвѣчалъ онъ,—я хорошо его знаю. Я провелъ здѣсь годъ въ царствованіе Луи-Филиппа.

Дюмарескъ слегка вздрогнулъ. Маркиза осталась совершенно спокойной.

— Это было несчастное время, — замѣтила она, — для Франціи и для праваго дѣла. Но вы, вѣроятно, были тогда очень молоды?

— Я былъ въ іезуитской коллегіи, въ rue de Sévres. Потомъ, при имперіи, я нѣсколько разъ бывалъ здѣсь по дѣламъ — частью финансовымъ, частью политическимъ. Я былъ въ то время довѣреннымъ агентомъ кардинала Везинелли.

— А теперь вы другъ моего друга, кардинала Беретты, какъ видно изъ его письма.

— Его преосвященство дѣлаетъ мнѣ величайшую честь, позволяя мнѣ такъ называться.

— Лучшей рекомендаціей вы запастись не могли, какъ отъ него и г. Дюмареска.

— Я объяснилъ вамъ, маркиза, — вставилъ послѣдній, — цѣль пріѣзда г. Космо въ Парижъ и характеръ великой финансовой идеи, для развитія которой онъ сюда явился. Вы благосклонно разрѣшили мнѣ представить вамъ сегодня г. Космо. Едва ли вы будете расположены сразу вдаваться въ подробности; можетъ быть, вы пожелаете, чтобы г. де-ла-Гупъ присутствовалъ при этомъ разговорѣ. Мы будемъ къ вашимъ услугамъ во всякое время, какое вамъ угодно будетъ назначить.

— Нѣтъ минуты благопріятіе настоящей! — съ удареніемъ сказалъ Космо, прежде чѣмъ маркиза успѣла выговорить слово. — Дѣло колоссальное, не терпящее отлагательства. Не найдете ли возможнымъ, маркиза, посвятить ему теперь же нѣсколько минутъ?

Дюмарескъ не вѣрилъ ушамъ своимъ. Маркиза отнеслась къ этой выходкѣ очень милостиво.

— Вы правы, г. Космо, — отвѣтила она съ своей чарующей улыбкой. — Я горю нетерпѣніемъ слышать отъ васъ самихъ о вашихъ проектахъ. Г. Дюмарескъ, потрудитесь позвонить.

Жакъ явился.

— Меня нѣтъ дома ни для кого. Передайте мой поклонъ господину де-ла-Гупъ, и попросите его написать г. Дарвелю и пригласить его завтракать на завтра. Въ пять часовъ подайте намъ чаю.

Когда безмолвный слуга удалился, хозяйка спокойно успѣла въ своемъ креслѣ, скрестила руки на груди и съ улыбкой обратилась къ Космо со словами:

— Теперь я совершенно къ вашимъ услугамъ.

Космо поклонился и обнаружил больше наивности, нежели такта, сказавъ:

— Очень радъ, что разъ въ жизни встрѣтилъ женщину рѣшительную и дѣловую. Увѣренъ, что въ лицѣ вашемъ, маркиза, найду одну изъ самыхъ своихъ горячихъ и сильныхъ сотрудницъ.

Дюмарескъ со страхомъ посматривалъ на маркизу, которая осталась непроницаемой.

— Не будемъ тратить времени на комплименты, — спокойно замѣтила она. — Мнѣ хочется вполне усвоить себѣ вашъ проектъ. Я попрошу васъ объяснить мнѣ его во всѣхъ подробностяхъ.

Космо въ душѣ восхищался величавымъ спокойствіемъ и силой этой женщины. Ему хотѣлось произвести на нее впечатлѣніе. Пока онъ, задумавшись, собирается съ силами, мы набросаемъ портретъ его будущей слушательницы. Маргарита де-Рошрѣ была не только самая блестящая, она была одна изъ самыхъ прекрасныхъ женщинъ Парижа. Красота ея была въ своемъ зенитѣ. Это была не спокойная и симпатичная красота, это была красота поразительная, сіяющая, величавая. А между тѣмъ въ ней не было ничего надменнаго: она очаровывала людей, вызывала ихъ поклоненіе. Размѣры продолговатаго личика, отъ черты, гдѣ волны роскошныхъ каштановыхъ волосъ раздѣлялись надъ лбомъ, до прелестнаго подбородка съ ямочкой, и отъ лиса до виска, сводили художниковъ съ ума. Дивные каріе глаза, глубокіе, мягкіе; тонкія брови; лобъ таковой, что закройте вы ей все остальное лицо, и художникъ угадаетъ, что это лобъ прекрасной и умной женщины. Носъ почти чисто-греческій, такъ же какъ и губы, иногда складывавшіяся въ гримасу, то полу-дѣтскую, то выражающую гнѣвъ богини. Волосы просто причесаны, съ косой и локонами на затылѣ, какъ у греческой статуи. Ростъ средній, фигура достигла полнаго развитія только теперь, въ тридцать лѣтъ. Она безукоризненна, и по твердости своихъ очертаній напоминаетъ Діану. Маркиза слѣдитъ за модой настолько, насколько это необходимо, но рабски ей не подчиняется. И въ настоящую минуту платье ея падаетъ вокругъ ея стана граціозными складками.

Космо началъ съ того, что нѣсколькими мастерскими штрихами очертилъ положеніе католической церкви въ Европѣ, въ ряду различныхъ силъ Антихриста: англійскихъ протестантовъ, французскихъ, бельгійскихъ и швейцарскихъ атеистовъ, республиканцевъ и социалистовъ, нѣмецкой культуры, итальянскаго возмущенія противъ папскаго престола, славянъ, греческой церкви и, наконецъ, евреевъ. «Эти, говорилъ онъ, стоятъ всѣхъ осталь-



ныхъ, вмѣстѣ взятыхъ. Ихъ сила—финансы. Посмотрите, что происходитъ. Протестантизмъ чахнетъ подъ палящимъ солнцемъ науки, разума, достигшихъ своего зенита. Старые протестантскіе проповѣдники пытались вызвать раціоналистическій энтузіазмъ—но уже въ самыхъ этихъ словахъ заключается противорѣчіе. Нельзя разсуждать и вѣровать. Пуританскія вѣрованія въ Англіи, Шотландіи и Америкѣ сдаются, такъ какъ ихъ нельзя примирить съ исторіей и наукой,—не говоря о философіи, которая сама ни что иное какъ догадка, возведенная въ систему,—тогда какъ сами эти вѣрованія опираются на безусловный авторитетъ. Безбожіе распространяется повсюду на континентѣ. Безбожіе логичнѣе протестантизма. Помните, что безбожіе—естественный и старый врагъ католической церкви. Оно было побѣждено прежде, будетъ побѣждено и впредь. Соціализмъ,—это отрицаніе всякой власти,—въ его смягченныхъ формахъ: ограниченной монархіи, конституціоннаго правленія, республиканства, коммунизма, есть только протестантизмъ, доведенный до его логическихъ крайностей. Но еврей, маркисъ, это сила, превосходящая всѣ остальные. Почему? Потому что она предлагаетъ не однѣ надежды на всякія блага въ невѣдомой вѣчности, а наслажденіе настоящимъ. Сила эта есть сила денегъ, то-есть, правительственная власть, власть надъ полиціей, арміями, печатью. Какъ вы думаете, что болѣе всего способствовало усиленію протестантизма? Протестанты вамъ скажутъ: доказательства, энтузіазмъ и пр., и пр. Я говорю: громадныя богатства и дѣловая энергія протестантскихъ странъ. Посмотрите на чудовищное богатство Великобританіи! Она ежегодно тратитъ милліоны на одну религіозную пропаганду—имѣетъ хорошо оплаченныхъ миссіонеровъ по всему земному шару. Сколько сотенъ милліоновъ истратила эта нація на поддержку и распространеніе своихъ протестантскихъ мнѣній! Она тратитъ милліоны на свои любимыя идеи. Но, какъ финансисты, англичане—несмысленные младенцы въ рукахъ евреевъ. Далѣе, что способствовало поддержанію католичества во Франціи со времени революціи? Проповѣди? Литература? ваши полемическія газеты?—онъ вскользь взглянулъ на Дюмареска, который былъ совершенно уничтоженъ.—Нѣтъ, громадное богатство конгрегацій! Республиканскіе вожаки это поняли и стараются убѣдить народъ наложить кошунствующую руку на собственность церкви и превратить ее въ безсильную проповѣдницу догматовъ. Съ другой стороны еврей притягиваетъ все къ себѣ. Его второй исходъ страшнѣе перваго. Его новая *обътованная земля*—весь міръ. Они покупаютъ все: жатву крестьянина прежде, чѣмъ она

войдетъ, помѣстья аристократовъ. Въ Австріи, Венгріи, Румыніи въ ихъ рукахъ всѣ водочные заводы, такъ какъ они одни ухитряются платить налогъ только на 30% своего производства. Кому принадлежать лучшіе дома въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ? Евреямъ. Дѣй трети «Unter den Linden» — въ ихъ рукахъ, на глазахъ самаго императора Вильгельма. Сила ихъ все растетъ, вліяніе усиливается съ распространеніемъ роскоши и цивилизаціи. Степленныя бусы въ глазахъ обнаженнаго дикаря дороже золота, но по мѣрѣ того, какъ искусство и мода оказываютъ вліяніе на производство самыхъ обыденныхъ предметовъ, золото становится необходимостью. Сила эта, повторю маркиза, представляетъ величайшую опасность для католицизма. Она подрываетъ всякую религію, вызываетъ къ моднымъ страстямъ: къ алчности, честолюбію, жадѣ удовольствій, наживѣ, власти!»

Маркиза слушала эту рѣчь съ возрастающимъ вниманіемъ. Сначала она сидѣла наклонивъ голову, но по мѣрѣ того какъ онъ говорилъ и слова его лились точно расплавленная лава, она подняла голову, устремила на него глаза, слѣдила за движеніемъ его губъ, за его оживленными жестами, съ нескрываемымъ участіемъ. Да, онъ побѣдилъ. Онъ заставилъ ее выйти изъ своей раковинки и, наконецъ, обнаружить свои чувства!

Тутъ онъ коснулся великой *идеи*.

Церковь богата, очень богата. Богатства, завѣщанныя ей учредителями различныхъ религіозныхъ обществъ, неисчислимы. Но все это не организовано и не эксплуатируется. Лежащее втунѣ богатство теряетъ свою жизненность, становится не благомъ, а ядомъ. Евреи никогда не держатъ денегъ въ карманѣ. Если католицизмъ хочетъ постоять за себя, онъ долженъ побѣдить еврея.

— Какимъ образомъ? — спросила маркиза.

— О, это вопросъ чисто техническій, объяснять долго, — онъ взглянулъ на украшенные драгоценными камнями часы, стояшіе на столѣ: — вы приказали подать чай въ пять часовъ. Подробности мы отложимъ до другого раза. Слѣдуетъ слить во-едино капиталы всего католическаго міра, предпринять что-нибудь грандіозное, начать строить желѣзныя дороги. На востокъ Европы, въ Венгрію, на Балканскомъ полуостровѣ, въ нихъ нуждаются. Эксплуатировать каменный уголь, желѣзо, золото, ртуть. Надо обратить вниманіе на печать, составить компанію, скупить самыя вліятельныя газеты, заставить міръ смотрѣть на событія своими очами религіи.

Тутъ Жакъ вошелъ и разставилъ чайный приборъ севрскаго фарфора на небольшомъ крытомъ бархатомъ столикѣ возлѣ кресла

маркизы. Она сама разлила чай. Рука ея слегка дрожала, когда она подала чашку Космо.

Онъ это замѣтилъ.

— Но какъ же вы намѣрены осуществить вашъ проектъ? — спросила она.

— Этого вопроса я ожидалъ отъ вашей проницательности, маркиза. Во-первыхъ, я забылъ упомянуть объ очень важномъ дѣлѣ, о крайне интересномъ фактѣ. Его свѣтѣйшество папа, черезъ кардинала Беретту, удостоилъ подробно ознакомиться съ этимъ проектомъ. Онъ даже далъ ему *venerabilissima sanctio* своего одобренія — папское благословеніе. Онъ приказалъ письменно о томъ засвидѣтельствовать; вотъ копія съ этого документа, святаго кардиналомъ Береттой.

Онъ вынулъ ее изъ кармана съ благоговѣйной миной, развернулъ и прочелъ звучнымъ ваволнованнымъ голосомъ; затѣмъ передалъ бумагу маркизѣ, которая взяла ее точно это былъ волосъ святой Маргариты, ея особой покровительницы.

Пока она еще находилась подъ вліяніемъ этого замѣчательнаго документа, онъ съ новымъ жаромъ продолжалъ:

— Это не все, что я привезъ съ собой. У меня бездна предложений, проектовъ, двѣ концессіи на постройку желѣзныхъ дорогъ, одна на устройство новой компаніи пароходства по Дунаю: въ этихъ дѣлахъ сотни милліоновъ, которые мы отвоюемъ для католической церкви, для пропаганды, для вѣрныхъ; черезъ пять лѣтъ мы будемъ царить на европейскихъ биржахъ!

Онъ замолчалъ и взглянулъ на маркизу. Она была побѣждена. Ея умъ, смѣлый и восторженный отъ природы, сочувствовалъ человѣку, способному задумать и такъ искусно формулировать подобный проектъ. Она встала и протянула ему руку.

— Это по истинѣ великая идея, — сказала она, — идея великаго ума. Я совершенно къ вашимъ услугамъ. Г. Дюмарескъ, отъ всего сердца благодарю васъ, что вы доставили мнѣ такое интересное и пріятное знакомство. Научите меня, чѣмъ я могу быть вамъ полезна, и я всегда готова дѣйствовать съ вами и въ вашихъ интересахъ.

Дюмарескъ и Космо спускались съ лѣстницы. Космо сіялъ, хотя старался сѣрить свою радость; журналистъ былъ задумчивъ, онъ понялъ, что тотъ, кому онъ думалъ было покровительствовать, болѣе въ немъ не нуждается. Космо сознавалъ, что однимъ камнемъ убилъ двухъ зайцевъ.

## II.

По возвращеніи въ отель, Космо написалъ маркизѣ записку, въ которой просилъ ее, при свиданіи съ его *старымъ пріятелемъ* Дарвелемъ, ничего не говорить объ его проектѣ. Дарвелъ также не дремалъ: воспользовавшись благопріятной минутой, когда Космо былъ одинъ въ ресторанѣ отеля, онъ подошелъ къ нему и старался разузнать объ его намѣреніяхъ, что, конечно, ему не удалось. Космо сидѣлъ въ задумчивости, находясь еще подъ вліяніемъ этого разговора. Изъ раздумья его вывело появленіе новаго лица. Человѣчекъ этотъ, снявъ шляпу, молча кланялся ему. Ростомъ онъ былъ съ покойнаго Тьера, но этимъ сходство ограничивалось. У него были коротко подстриженные сѣдые волосы, низкій лобъ, широкое и плоское лицо. Одѣтъ онъ былъ очень тщательно, на видъ ему можно было дать лѣтъ шестьдесятъ.

— Вотъ и вы, г. Чекъ, отлично, пойдѣмте!

И дружески взявъ вновь прибывшаго подъ руку, Космо поспѣшно увлекъ его изъ отеля.

Черезъ нѣсколько минутъ они вошли въ простенькій ресторанъ, на двери котораго было написано «Vian». Главный гарсонъ, уважавшій въ лицѣ Космо почетнаго посѣтителя, провелъ ихъ въ отдѣльный кабинетъ. Только когда супъ былъ на столѣ и слуга кивнулъ, Чекъ заговорилъ:

— Я видѣлъ Пуловскаго.

— Чтоже онъ говорить?

— Онъ въ восторгѣ; говорить, что ваша идея—настоящее Колумбово айцо.

— Фразы; но что онъ сдѣлаетъ?

— Подпишется самъ на тысячу акцій, да для пріятелей возьметъ до пяти тысячъ. Онъ берется доставить двухъ директоровъ изъ «Argent Comptant», одного изъ крупнѣйшихъ финансовыхъ учреждений Парижа, гдѣ почти всѣ директора—католики.

— Отлично, вотъ это—дѣло!

— Но... я нахожу условія его несообразными.

— Чего онъ требуетъ?

— Пятьсотъ учредительскихъ акцій за помѣщеніе пяти тысячъ, и десять тысячъ франковъ деньгами, за каждаго изъ директоровъ.

Космо сдѣлалъ гримасу.

— Ну, хорошо дадимъ.

— Вилъ я у Перигора. Онъ занимается дѣлами францискан-

цевъ и многихъ высшихъ духовныхъ лицъ; сначала онъ былъ очень сдержанъ, но когда я ему показалъ письмо кардинала Беретты, обращеніе его совершенно измѣнилось. Онъ сказалъ, что совершенно въ вашимъ услугамъ. Онъ долженъ на дняхъ получить около милліона франковъ отъ своихъ довѣрителей и постарается хотя часть ихъ помѣстить въ наше дѣло. Онъ повѣдаетъ Галюшѣ, знаменитаго натариуса-іезуита, завтра.

— Браво, г. Чекъ—за ваше здоровье!

— И за успѣхъ нашего дѣла. Но условіе Перигора...

— Какъ, и онъ также? Сколько?

— Пять процентовъ въ бумагахъ французскаго банка.

— Онъ не беретъ акцій?

— Ни на одинъ франкъ.

— Скажу вамъ, г. Чекъ, это просто грабежъ!

— Завтракалъ я съ Стюкатеромъ; онъ объявилъ, что если будетъ подписка на весь капиталъ, солидное правленіе и участіе господъ Абрамъ и К<sup>о</sup>, вы получите гарантію—онъ за это ручается. Онъ имѣетъ большое вліяніе на своихъ товарищей по биржѣ.

— Прекрасно. Дѣло подвигается.

Чекъ слегка кашлянулъ.

— Но,—началъ онъ.

— Но что? Сказали же вы ему, что я заплачу 100,000 фр. деньгами, и дамъ 500 учредительскихъ акцій?

— Сказалъ, но онъ смѣется. Онъ говоритъ, что ваялъ бы столько съ небольшою поземельною компаніею въ Египтѣ, съ капиталомъ въ пять милліонновъ франковъ. Говоритъ, что надо заплатить нѣсколькимъ членамъ синдиката, и не акціями, а наличными деньгами. Одни М\* и Н\*, потребуютъ каждый по двадцати тысячъ, да еще четверо по десяти, по меньшей мѣрѣ. Кроме того, главный конторщикъ Х\*, его задобрить необходимо. Онъ и не посмотритъ меньше какъ на 10,000 фр. Да и самъ Стюкатеръ. Вообще необходимо раздать около 250,000 фр., не считая акцій.

Глаза Космо сверкали, онъ почти не видѣлъ своего собесѣдника. Воображеніе рисовало ему его враговъ, евреевъ, въ его власти. Онъ вскинулъ головой жестомъ, выражавшимъ силу и вызовъ, и бѣдному Чеку, показалось, что Космо видитъ въ его карманѣ портфель, а въ этомъ портфелѣ три письма, на которыхъ лица, о которыхъ только-что шла рѣчь, обязывались не забывать его. Тутъ же лежало письмо самого Космо, гдѣ выведены были хорошіе итоги «за комиссію»: и то сказать, зачѣмъ агенту или посреднику брать барыши одной рукой, когда Богъ для этой цѣли далъ ему дѣлѣ?

Изъ такихъ людей, какъ господинъ Чевъ, въ одномъ Парижѣ можно составить полкъ. Это—интересный продуктъ цивилизаціи. Они знакомятся съ министрами, аристократами, финансистами, публицистами. Нѣкоторые служили на дипломатическомъ поприщѣ, и найдя невыгоднымъ лгать въ интересахъ отечества, стали, какъ люди практичные, лгать для собственной пользы. Въ числѣ ихъ можно найти отставныхъ офицеровъ, бывшихъ секретарей министровъ, писателей, вышедшихъ изъ моды, и пр., и пр.

Пока Космо велъ свои апроприи, маркиза не переставала думать о немъ и его проектѣ. Ея взыщный и самодовольный секретарь, Антуанъ де-ла-Гупъ засталъ ее, на другой день послѣ ея свиданія съ краснорѣчивымъ итальянцемъ, въ задумчивой позѣ, у письменнаго стола. Маркиза была прекраснѣе чѣмъ когда-либо, въ этотъ ранній часъ красота ея всегда являлась въ полномъ блескѣ. Разсѣянно просматривала она полученныя наканунѣ письма, съ сдѣланными на нихъ рукою секретаря отмѣтками, и окончивъ съ этимъ, съ улыбкой проговорила:

— У меня вчера былъ Дюмарескъ и съ нимъ одинъ итальянецъ, Космо.

— Космо,—повторилъ съ недоумѣніемъ секретарь, — я его не знаю.

— Я васъ ему представляю.

— Меня? Чтожъ, я всегда очень радъ, маркиза, когда вамъ угодно представить мнѣ человѣка, въ которомъ вы принимаете участіе. Онъ ищетъ мѣста?

Маркиза съ увлеченіемъ принялась говорить ему о Космо, но странно, она чувствовала, что выходитъ нескладно. Она прекрасно понимала, что невѣрующаго, практическаго человѣка, стоящаго передъ ней, ей не увлечь поэтически-грандіозной стороною проекта Космо; ей хотѣлось выказать передъ нимъ во всемъ блескѣ практическую сторону его замысла и она не могла не сознавать, что сдѣлать это не легко. Между тѣмъ одобреніе де-ла-Гупа было ей необходимо, такъ какъ она знала, что безъ его совѣта мужъ ея, очень осторожный въ денежныхъ дѣлахъ, не сдѣлаетъ ни шагу. Онъ уважалъ де-ла-Гупа за безукоризненную честность и довѣрялъ ему вполне. Разъ, когда аббатъ Taille-Meshe, капелланъ маркиза, началъ ему доказывать, что присутствіе такого безбожника, какъ г. Антуанъ, въ его благочестивомъ домѣ есть чистый скандалъ, старикъ, сдѣлавшійся примѣрнымъ католикомъ только подъ старость, отвѣчалъ ему:

— Я знаю, что Антуанъ—не христіанинъ; боюсь, что у него оригинальныя понятія на счетъ нравственности, но онъ хоро-

шій дѣлецъ, онъ мнѣ полезенъ и не противенъ въ этой жизни, а такъ какъ вы, дорогой аббатъ, утверждаете, что въ будущей жизни онъ навѣрное не будетъ беспокоить меня своимъ присутствіемъ, да я по всей вѣроятности не буду тамъ нуждаться въ его услугахъ, то я намѣренъ удержатъ его у себя и буду просить васъ никогда болѣе мнѣ на это не намекать.

Маркиза сама дорожила своимъ секретаремъ, она дала себѣ трудъ объяснить ему, въ главныхъ чертахъ, колоссальный проектъ Космо. Уходя отъ своей повелительницы, умный и самолюбивый французъ искренно возненавидѣлъ снѣлаго прожектера, хотя еще въ глаза его никогда не видалъ. Посвѣщеніе Дарвеля утвердило его еще болѣе въ предположеніи, что прославленный Космо ничто иное, какъ авантюристъ. Хитрый англичанинъ, видѣвшій Космо въ обществѣ Дюмареска и знавшій, что блестящій журналистъ пользуется расположеніемъ маркизы, понялъ, что они оба постараются заинтересовать ее въ своихъ затѣяхъ, зная, какую пользу она можетъ имъ принести. Онъ нарочно явился въ отель Рошрѣ ранѣе назначеннаго часа, чтобъ переговорить съ де-ла-Гупъ и рассказалъ ему поучительный эпизодъ изъ жизни Космо, въ которомъ онъ, Дарвель, игралъ роль жертвы. Нѣсколько лѣтъ назадъ предприимчивый синьоръ затѣялъ компанію на акціяхъ для разработки золотиносныхъ россыпей, въ которыхъ, по ближайшемъ изслѣдованіи, не оказалось и крупинки благороднаго металла. Понятно, акціонеры не благословляли того, кто затѣялъ всю эту исторію. Дарвель обѣщалъ собрать обстоятельныя свѣдѣнія о дальнѣйшихъ походахъ финансоваго рыцаря и подѣлиться ими съ секретаремъ, взявъ съ него слово не замекаться маркизѣ о ихъ интимной бесѣдѣ.

А между тѣмъ судьба положительно благопріятствовала Космо. Въ то самое время какъ его враги заключали противъ него оборонительный и наступательный союзъ, онъ сидѣлъ, погруженный въ размышленія, за столомъ въ ресторанѣ отеля въ ожиданіи завтрака.

Его вывелъ изъ задумчивости музыкальный голосъ, говорившій по итальянски:

— Вы меня забыли, синьоръ Франческо?

— Біолетта! Ты здѣсь?

— Какъ видите.

— Ты покинула La Scala? что случилось съ...

— Тише, у васъ такой громкій голосъ, не называйте никого такъ громогласно.

— Davvero! ты все прекрасна, Біолетта, я никогда не ви-

дагъ тебя прекраснѣе—и туалетъ твой безукоризненъ. По край-  
ней мѣрѣ обмѣнъ выгодный, ты промѣнила бѣднаго итальянскаго  
mobile на... pardon! кто счастливый amico?

Прелестная дѣвушка вспыхнула. Это была блондинка, отли-  
чавшаяся поразительной, чувственной красотой.

— У меня прекрасная квартира въ улицѣ Penthievre, —  
отвѣчала она на вопросъ Космо. — У меня ангажементъ въ  
Opera Bouffe.

— Ты счастливица.

— Не всегда, — сказала она, многозначительно глядя своими  
большими глазами въ глаза собесѣднику, причемъ углы губъ  
ея слегка дрогнули. — Я не была счастлива, синьоръ Космо,  
когда встрѣтила бѣднаго студента, по имени Лионелло.

Лицо Космо на минуту покрылось смертельной блѣдностью.  
Онъ поспѣшно выпилъ воды и овладѣлъ собою.

— Онъ умеръ, — проговорилъ онъ необыкновенно кроткимъ,  
печальнымъ голосомъ и перекрестился. Дѣвушка послѣдовала  
его примѣру.

— Да отпустить Богъ его грѣхи. Мой бѣдный братъ! Говори  
о немъ безъ злобы, Виолетта.

На энергическомъ лицѣ итальянца отражалось истинное вол-  
неніе; потъ выступилъ на лбу, онъ отеръ его платкомъ и бро-  
силъ на Виолетту проникательный взглядъ.

— Ева соблазнила Адама, — сказалъ онъ, — сыны Адамовы  
не сильнѣе своего прародителя. Только тебѣ, ему да Богу из-  
вѣстно, на комъ изъ васъ лежитъ болѣе тяжкая отвѣтственность.  
По крайней мѣрѣ я старался отдать тебѣ должное.

— О да, — сказала дѣвушка, устремивъ мягкій, восторжен-  
ный взглядъ на его некрасивое лицо. — Я не забыла. Но карьера  
моя была разбита имъ — молодымъ священникомъ — да и я была  
обманута. Но, — проговорила она вдругъ, мѣняя тонъ, — это стран-  
ный разговоръ за завтракомъ въ Грандъ-Отелѣ. За нами наблю-  
даютъ. Можно узнать, что привело васъ въ Парижъ?

— Я думаю здѣсь поселиться.

— Вы покинули Римъ?

— Много лѣтъ тому назадъ. Я пріѣхалъ изъ Генуи. Теперь  
я богатъ — банкиръ.

— Какъ я рада! Это добрыя вѣсти; съ вами иногда можно  
будетъ видѣться?

— Я теперь серьезный человѣкъ.

— Вы и всегда имъ были, — съ беззаботнымъ смѣхомъ отвѣ-  
чала она. — Вамъ не стыдно говорить со мною?



— Отчего-жь? Но серьезно, Віолетта, если я могу быть тебѣ чѣмъ-нибудь полезенъ, я очень радъ. Кто твои парижскіе друзья?

— Во всякомъ случаѣ, — съ горечью проговорила она: — на этотъ разъ это не священникъ, переодѣтый студентомъ. Другъ мой — человѣкъ, который ни во что не вѣритъ.

— Русскій нигилистъ?

— Я не понимаю вашихъ мудреныхъ словъ. Онъ художникъ, писатель.

— А зовутъ его?

— Антуанъ де-ла-Гупъ.

Космо невольно вздрогнулъ, глаза его сверкнули.

— Вы его знаете? — спросила дѣвушка.

— Я никогда не видалъ его. Но вчера я случайно слышалъ его имя. Онъ — секретарь...

— Маркван де-Рошрѣ, первой красавицы Парижа. Онъ ее обожаетъ.

— Даувего! А тебя?

— О, я такъ себѣ, подставная. Что вы о немъ слышали?

— Рѣшительно ничего, кромѣ его имени и того, что ты мнѣ сейчасъ сказала. Но желалъ бы узнать больше. Знаешь ли что, Віолетта, поѣдемъ-ка покататься въ Булонскій лѣсъ. Мы обойдемъ озеро пѣшкомъ и ты возвратишься къ тремъ часамъ.

— Къ вашимъ услугамъ, синьоръ Космо.

Никто въ мірѣ не могъ похвастаться такимъ вліяніемъ надъ этой итальянкой, пѣвицей и танцовщицей, какъ Космо. Да оно и понятно. Когда братъ его, подъ вліяніемъ страха и раскаянія, покончилъ самоубійствомъ, а Віолетта должна была вскорѣ сдѣлаться матерью, одинъ Франческо Космо поддержалъ ее, не далъ ей умереть съ голоду, впоследствии доставилъ ей ангажементъ въ La-Scala. Ребенокъ ея жилъ не долго, но и до настоящей минуты она, утромъ и вечеромъ молясь за упокой его души, молилась и за своего живого благодѣтеля.

Космо, во время прогулки, объяснилъ ей, что ему необходимо привлечь на свою сторону Антуана. Віолетта была въ восторгѣ отъ мысли, что, въ свою очередь, можетъ пригодиться тому, кто такъ много сдѣлалъ для нея. Она объявила, что ручается за успѣхъ. Выходя изъ кареты, она улыбнулась своему другу торжествующей улыбкой и вѣрно пожала ему руку. Космо понялъ, что его два часа и его сорокъ франковъ не пропали даромъ.

День этотъ былъ необыкновенно счастливый. По возвращеніи

въ отель, Космо засталъ у себя карточку нотариуса Галютѣ съ слѣдующей припиской карандашомъ: «Необходимо видѣть г. Космо сегодня, въ 8 часовъ вечера. 38, Rue neuve des Petits Champs».

Едва Космо вошелъ въ свою комнату, какъ послышался стукъ въ дверь. Онъ отворилъ. Передъ нимъ стоялъ священникъ въ безукоризненной сутанѣ, въ очень тонкомъ и чистомъ бѣлѣ, въ башмакахъ съ серебрянными пряжками. Красивое, цвѣтущее лицо его было чисто выбрито, зубы отличались замѣчательной бѣлизной, въ глазахъ юморъ боролся съ напускной серьезностью.

— Тысячу извиненій! Я имѣю удовольствіе видѣть г. Космо? Голосъ былъ свѣжій, чистый, звучный.

Космо отвѣсилъ низкій поклонъ.

— Это я самъ, святой отецъ.

— Вотъ моя карточка. Я — аббатъ Taille-Mèche, секретарь и капелланъ маркизы де-Рошрѣ.

— Космо съ еще болѣе глубокимъ поклономъ далъ дорогу посѣтителю и, затворивъ за собою дверь, жестомъ попросилъ его сѣсть. У Космо было неизмѣнное правило сажать гостей лицомъ къ сѣту, а самому садиться къ нему спиной, чтобъ незамѣтно изучать игру ихъ физіомій. Аббатъ, казалось, не замѣчалъ невыгоды своего положеніе. Онъ съ улыбкой взглянулъ на Космо и проговорилъ:

— Вы объясняли маркизѣ де-Рошрѣ вашъ планъ слитія католическихъ финансовъ?

— Я только вчера, г. аббатъ, имѣлъ честь изложить маркизѣ мои идеи и намѣренія.

— Именно, она говорила мнѣ объ этомъ. Она, я увѣренъ, вѣрно и подробно передала мнѣ все вами сказанное. Надо вамъ сказать, что маркиза — женщина необыкновенно проницательная, съ чрезвычайно вѣрнымъ взглядомъ.

Космо поклонился и сказалъ:

— Достаточно разъ видѣть маркизу, чтобъ убѣдиться въ ея необыкновенныхъ способностяхъ.

— Именно, мнѣ онѣ хорошо, основательно извѣстны. Я — ея самый близкій другъ, духовный руководитель всѣхъ ея домашнихъ, собесѣдникъ ея мужа, совѣтникъ ея по многимъ дѣловымъ вопросамъ, раздаватель ея подавій.

Космо снова поклонился, не зная что отвѣчать. Видя, что аббатъ молчитъ, на всякій случай закинулъ комплиментъ:

— Каждый, кто имѣетъ хотя какое-нибудь понятіе о семействѣ де-Рошрѣ, непременно оцѣнитъ вліятельное положеніе, которое вы въ немъ занимаете, г. аббатъ.

— Маркиза, конечно, совѣтовалась со мной изъ первыхъ относительно вашей идеи. Она, я слышала, удостоилась вліятельной поддержки кардинала Беретты — и даже благословенія святѣйшаго отца?

— Я покажу вамъ документы, г. аббатъ. Они всегда при мнѣ. Ессе signum.

Бумаги явились на сцену. Аббатъ просмотрѣлъ ихъ съ глубокимъ вниманіемъ.

— Они убѣдительны, г. Космо, въ смыслѣ святѣйшей санкціи. Но съ практической, дѣловой, финансовой точки зрѣнія какъ-будто требуются еще нѣкоторыя разъясненія. Здѣсь-то обнаружатся колебанія, которыя еще могутъ существовать въ душѣ маркизы; этотъ-то пунктъ и будетъ строжайшимъ образомъ разслѣдованъ маркизомъ и другимъ лицомъ, которое къ несчастью пользуется слишкомъ большимъ вліяніемъ въ дѣловыхъ сообщеніяхъ этого дома. Конечно, вы, искренній и благочестивый католикъ, не безъ глубокаго сожалѣнія узнаете, что въ этой семьѣ, которая такъ отличается своей преданностью церкви, своей вѣрностью законнымъ представителямъ божественнаго права, — республиканецъ, безбожникъ, коммунаръ занимаетъ очень вліятельное положеніе.

Космо началъ понимать, что гость его ведетъ къ чему-то интересному.

Онъ спросилъ:

— Маркиза поручила вамъ, г. аббатъ, говорить со мной объ этомъ?

Румянецъ на щекахъ аббата слегка усилился, когда онъ отвѣчалъ:

— Нисколько. Я явился къ вамъ какъ человѣкъ, сознающій, что въ силу своего положенія обязанъ оказать возможное содѣйствіе предложеніямъ, удостоившимся покровительства святѣйшаго отца. Полагая, что вы можете потерпѣть неудачу тамъ, гдѣ для васъ крайне важно найти искреннюю и восторженную поддержку, я рѣшился довѣриться вашей чести — и предложить вамъ свое содѣйствіе для обезпеченія этой поддержки. Какъ видите, я питаю величайшее довѣріе къ вашей скромности; иначе я не былъ бы здѣсь.

— Откровенность, подобная вашей, дорогой аббатъ, — сказалъ Космо, быстро поднимаясь и беря собесѣдника за обѣ руки, — не можетъ не вызвать откровеннаго отвѣта. Благодарю васъ отъ всего сердца. Отбросимъ всякія условныя недомолвки и поговоримъ дружески. Очевидно, у васъ свои взгляды. Посовѣ-

тите, что слѣдуетъ дѣлать. — Аббатъ горячо отвѣтилъ на рукопожатіе финансиста.

— Г. Космо, я отнесусь къ вамъ какъ къ другу, съ которымъ могу говорить откровенно. Первое и главное — уничтожить вліяніе Антуана де-ла-Гупъ. Если онъ не будетъ удаленъ или не перейдетъ на вашу сторону, вы не можете рассчитывать на содѣйствіе съ этой стороны.

— Что же лучше всего посоветуете вы, г. аббатъ, чтобы облегчить достиженіе этой желаемой цѣли.

— Въ лицѣ г. Антуана, какъ мы его называемъ между собой, — сказалъ аббатъ, слегка кашлянувъ, — мы имѣемъ дѣло съ человекомъ сатанинской хитрости.

— Неужели?

— Да, онъ свѣтскій человекъ и циникъ съ самыми дурными правилами. Мнѣ издавна извѣстно, что онъ ведетъ самую скандальную жизнь.

— А маркиза этого не знаетъ?

— Я считъ своей обязанностью сообщить маркизѣ, такъ же какъ и г-ну де-Рошрѣ все, что узналъ объ его отношеніяхъ. Но они отвѣчали мнѣ, что поведеніе г-на Антуана у нихъ въ домѣ безукоризненно, что съ его именемъ не связано открытаго скандала, что онъ вѣрный и хорошій управляющій, словомъ, они не одобрили моего участія въ этомъ дѣлѣ. Я пошелъ далѣе и обратился за совѣтомъ къ духовнику маркизы, аббату Дюпре, и къ ея другу, монсиньору; но безуспѣшно. Они сочли не политичнымъ вмѣшаться въ это дѣло, тѣмъ болѣе, что г. Антуанъ увѣрилъ ихъ, что экономическое устройство громаднаго состоянія де-Рошрѣ — дѣло его рукъ.

— Вы этому не вѣрите?

— Мнѣ лучше знать. Довѣрь мнѣ маркизъ свои дѣла, я убежденъ, что съ помощью пріятеля, одного изъ опытнѣйшихъ нотаріусовъ Парижа, могъ бы управлять его дѣлами, съ болѣею экономіей. •

— Не будетъ нескромнымъ спросить имя этого господина?

— Нисколько. Г. Галюшѣ.

— Но вамъ не удалось удалить г. Антуана. Что вы теперь намерены дѣлать?

— Я вижу въ самомъ характерѣ вашего предложенія средство нейтрализовать, а, быть можетъ, и окончательно уничтожить вліяніе этой ненавистой личности. Ваши вчерашнія объясненія произвели на маркизу глубокое впечатлѣніе. Вамъ удалось живо затронуть главнѣйшія струны ея души. Она умна,

честолюбива, искренне-религіозна—истая католичка. Если вамъ удастся усилить эти впечатлѣнія, и въ то же время подать основательную надежду на практическій успѣхъ—она будетъ за васъ. Г. Антуанъ составитъ оппозицію. Вы побѣдите, и ему ничего болѣе не останется какъ удалиться съ поля битвы.

— Вы очень успокоили меня этимъ увѣреніемъ. Хотя торжество моей идеи не зависить отъ согласія де-Рошрѣ, я сознаю, какую громадную поддержку они могли бы оказать моимъ проектамъ. Надѣюсь, что могу положиться, г. аббатъ, на ваше неогнѣнное содѣйствіе?

— Я совершенно въ вашимъ услугамъ.

— Благодарю васъ. Такъ я могу разсчитывать, что вы воспользуетесь всѣми благопріятными случаями, какіе даетъ вамъ ваше положеніе, чтобы вселить въ умъ вашихъ патроновъ убѣжденіе, что, содѣйствуя этому великому проекту, они послужатъ священнѣйшимъ интересамъ, примутъ участіе въ новомъ крестовомъ походѣ противъ силъ ада, помогутъ оживленію ослабѣвшихъ силъ церкви?

— Не упущу ни одного случая, г. Космо. Это — дѣло благочестія.

Черные глаза Космо сверкнули.

— Но,—сказалъ онъ, положивъ руку на руку священника,—должно ли это быть, благоразумно ли, чтобы это было только дѣло благочестія? Вѣроятно у васъ, г. аббатъ, есть планы, въ которыхъ вы лично заинтересованы, добрыя дѣла, какія-нибудь любимыя благотворительныя учрежденія? Сказано: *трудящійся достоинъ награды своей*. Въ моемъ распоряженіи будутъ значительныя фонды для предварительныхъ расходовъ по этому обширному предпріятію. Они будутъ распределены между агентами; они — собственность тѣхъ, кто содѣйствуетъ созданію этого могучаго рычага церкви.

— Помилюйте! (жестъ отрицанія).

— Позвольте. Придя ко мнѣ, вы обнаружили безкорыстное желаніе дѣйствовать въ интересахъ церкви. Съ своей стороны я, какъ представитель тѣхъ же священныхъ интересовъ, считаю долгомъ предложить въ ваше личное распоряженіе нѣкоторую сумму, которую вы могли бы употребить по усмотрѣнію на какое-нибудь дѣло, близкое вашему сердцу.

— Вы великодушны, вы...

— Я только справедливъ, г. аббатъ.

— Признаюсь, что какъ ни неожиданно ваше предложеніе, есть дѣйствительно предметы, на которые я могъ бы употребить плоды

нашего заботливого великодушія. Могу ли спросить, составили ли вы себѣ понятіе, въ виду важности ожидаемыхъ услугъ, о цифрѣ, которую вы сочли бы себя въ правѣ назначить для этой цѣли?

— Я не смѣлъ бы предложить менѣе пятидесяти тысячъ франковъ, господинъ аббатъ.—Тѣнь мелькнула по улыбающемуся лицу аббата.

— Это... это... очень щедро,—прошепталъ онъ.

— Но позвольте, дорогой аббатъ,—сказалъ Космо,—это не все. Я хотѣлъ прибавить, когда вы меня прервали, что сумма эта будетъ уплачена чистыми деньгами. Къ ней я намѣренъ присоединить участіе въ новомъ дѣлѣ, номинально на ту же сумму, которая, надѣюсь, вскорѣ удвоится или утроится.

Тѣнь исчезла, аббатъ схватилъ руку щедрого финансиста.

— Все будетъ сдѣлано, что только въ силахъ человѣка и священника. До свиданья. Да благословить васъ Господь милосердый! Кстати — *vita brevis* — для заинтересованныхъ лицъ можетъ быть важно,—если вамъ все равно,—не дадите ли мнѣ коротенькую записочку, просто записочку, въ которой бы подтверждалось сдѣланное вами предложеніе?

Совершенно серьезно, безъ малѣйшаго измѣненія въ лицѣ, Космо присѣлъ къ столу, взялъ листъ бумаги, написалъ на немъ нѣсколько словъ твердымъ, четкимъ почеркомъ и, подписавъ, передалъ аббату.

### III.

Письмо, полученное изъ Рима, побудило нотариуса Галюшѣ искать сближенія съ Космо. Въ посланіи этомъ говорилось:—«Отсюда на дняхъ выѣхалъ человѣкъ, очень усердно посѣщавшій Ватиканъ за послѣднее время. Это—чрезвычайно замѣчательная личность. Зовутъ его Франческо Космо; родомъ онъ флорентинецъ, воспитанъ *нашимъ обществомъ*, хотя никогда не носилъ тонсуры. Служа въ банкирской конторѣ въ Миланѣ и дѣлая видъ, что энергически поддерживаетъ политику Кавура, онъ имѣлъ возможность оказывать неоцѣненные услуги интересамъ религіи и представителямъ божественнаго права. Занимаясь дѣлами въ Генуѣ, онъ, по слухамъ, нажилъ себѣ довольно солидное состояніе, около двухъ милліоновъ франковъ, хотя враги его утверждаютъ, что онъ въ долгу. Онъ намѣренъ поселиться въ Парижѣ и имѣетъ осуществить великую идею, которую такъ благосклонно призналъ адъѣс. Идея эта—употребить обширныя средства като-

лической церкви и партіи для пріобрѣтенія преобладающаго вліянія на европейскомъ денежномъ рынкѣ. Космо надѣется учредить солидное *кредитное общество* съ огромнымъ капиталомъ. Оно будетъ имѣть отдѣленія въ Римѣ, Мадридѣ, Вѣнѣ и Лондонѣ и, кромѣ веденія всевозможныхъ финансовыхъ дѣлъ, заведетъ банки, страховыя общества, займется постройкой желѣзныхъ дорогъ. Будущій учредитель уже получилъ здѣсь концессию на дорогу, которая будетъ проходить на равномъ разстояніи отъ Средиземнаго и Адриатическаго моря, она сократитъ путь въ Индію на 350 миль; рассчитано, что, благодаря ей, десять тысячъ богатыхъ англичанъ ежегодно пройдутъ черезъ нашъ полуостровъ. Любимый планъ Космо — провести желѣзную дорогу черезъ весь Балканскій полуостровъ по прямой линіи отъ Рагузы до Варны. Строить ее будутъ католики; по обѣ стороны линіи будутъ католическія поселенія; этимъ путемъ Космо рассчитываетъ отдѣлить магометанское населеніе отъ нашихъ враговъ славянъ, и пріобрѣсти преобладающее вліяніе на востокѣ. Когда эта дорога будетъ окончена, какъ и та что идетъ отъ Бѣлграда до Салоникъ, вы увидите, взглянувъ на карту, что онѣ образуютъ крестъ, знакъ подчиненія Балканскаго полуострова единой истинной вѣрѣ. Космо везетъ съ собою благословеніе святѣйшаго отца, и что важнѣе для дѣла, рекомендательныя письма отъ кардинала Беретты; не худо бы вамъ съ нимъ познакомиться да по пристальнѣе слѣдить за его дѣйствіями».

Письмо это подстрекнуло любопытство Галюшѣ. Продавъ нѣсколько дней посѣщенія Космо, онъ отправился къ нему самъ.

Космо въ свою очередь сознавалъ вполнѣ, какъ важно для него содѣйствіе присяжнаго совѣтника католическихъ конгрегацій, а потому въ 8 часовъ безъ 10 минутъ онъ выходилъ изъ кареты у большого дома въ Rue Neuve des Petits Champs. Ворота были заперты, онъ вошелъ въ маленькую калитку и, увидавъ въ стѣнѣ направо лѣстницу, направился было къ ней, какъ его окликнулъ рѣзкій голосъ. Тутъ только Космо замѣтилъ рядомъ съ калиткой комнату, полъ которой былъ ступени на двѣ ниже почвы; въ окошечко, занавѣска котораго была отдернута, онъ замѣтилъ человѣка, занятаго починкой скрипки. Это былъ повидимому рослый сильный человѣкъ, судя по его широкимъ плечамъ и большой головѣ. Въ дверяхъ стояла особа, окликнувшая посѣтителя, точно часовой. Это была женщина, необыкновенно высокаго роста, съ смуглымъ и некрасивымъ лицомъ.

— Куда изволите идти?

— Иду къ г. Галюшѣ.

— Ваше имя?

— Синьоръ Франческо Космо.

— Дюнись, проводи.

Человѣкъ, чинившій скрипку, взялъ небольшую лампочку и пошелъ впередъ. Зеленый зонтикъ закрывалъ ему почти все лицо.

Самъ нотариусъ отворилъ дверь.

— Я имѣю удовольствіе видѣть синьора Космо?

— Къ вашимъ услугамъ.

— Сдѣлайте одолженіе, войдите.

Космо вошелъ въ широкій корридоръ, откуда хозяинъ провѣлъ его черезъ очень большую, слабо освѣщенную комнату, со множествомъ столовъ, картоновъ и пр., очевидно, контору, — въ огромный, роскошно-меблированный кабинетъ. Съ потолка свѣшивалась лампа, ярко освѣщавшая всѣ окружающіе предметы. Среди комнаты стоялъ большой столъ изъ рѣзаного дуба, а на немъ бронзовая жардиньерка, украшенная прекрасной рѣзбой и наполненная цвѣтами. На каминной доскѣ красовались роскошные канделябры и великолѣпные часы въ стилѣ Людовика XIV. Комната была высокая. Стѣны оклеены воричневыми обоями, съ золотымъ узоромъ «геронре». По обѣ стороны каминна стояли книжные шкафы, украшенные одинъ бюстомъ покойнаго Піа IX, другой — кардинала Ришельё. Все убранство отличалось вкусомъ и богатствомъ.

Галюшій на видъ можно было дать лѣтъ шестьдесятъ. Его подстриженные подъ гребенку сѣдые волосы начинали рѣдѣть на темени. Высокій лобъ придавалъ ему особенно-глубокомысленный видъ. Глаза были маленькіе, темно-сѣрые, проникательные; носъ большой, орлиный; губы тонкія. Одѣтъ онъ былъ изящно, но изящество это не бросалось въ глаза.

Темные глаза Космо встрѣтились съ глазами нотариуса, на губахъ его появилась откровенная, симпатичная улыбка.

— Вамъ можетъ быть извѣстно, зачѣмъ я пріѣхалъ въ Парижъ, — сказалъ онъ.

— Я случайно узналъ, — высплывуъ отвѣчалъ нотариусъ, — отъ моего уважаемаго друга, г. Перигора, что нѣкто Чекъ сообщалъ ему о вашемъ пріѣздѣ въ Парижъ и о цѣли вашего прібытія. Я стелъ нужнымъ посѣтить васъ, такъ какъ предложенія ваши по существу своему должны глубоко интересовать человѣка, на которомъ лежитъ такая отвѣтственность, какъ на мнѣ.

— Мнѣ пріятно слышать это отъ васъ. Я понимаю, какъ



важно для меня заручиться вашимъ одобреніемъ въ этомъ великомъ предпріятіи.

Нотариусъ поклонился довольно сухо.

Итальянецъ продолжалъ:

— Безъ всякаго сомнѣнія, вы можете быть мнѣ чрезвычайно полезны. Правда, я имѣю самую вліятельную поддержку, какъ отъ тѣхъ, чьи желанія для насъ съ вами равняются приказаніямъ, такъ и отъ главныхъ финансистовъ; но мнѣ говорили, и я убѣжденъ, что ваше сочувствіе моимъ взглядамъ могло бы значительно облегчить достиженіе этихъ цѣлей. Кардиналъ Беретта навелъ меня на мысль посоветоваться съ вами. Онъ поручилъ мнѣ передать вамъ это письмо.

Нотариусъ быстро пробѣжалъ его, лицо его прояснилось.

— Очень вамъ благодаренъ за доставленіе этого письма, въ немъ очень ясно выражены мысли его преосвященства относительно роли, которую я, по его понятіямъ, долженъ играть въ этомъ дѣлѣ. Онъ говоритъ—вы, вѣроятно, читали письмо?..

— Нѣтъ,—сказалъ Космо, смотря ему прямо въ глаза.— Но я увѣренъ, что мысли моего друга кардинала не составляютъ для меня тайны.

— Вотъ, что онъ пишетъ: «Мы будемъ чрезвычайно довольны, если планы г. Космо окажутся осуществимыми на дѣлѣ. Мы вполне полагаемся на васъ относительно помѣщенія въ предполагаемое предпріятіе доходовъ католическихъ конгрегацій во Франціи, и убѣждены, что г. Космо, человѣкъ высокаго ума, сочтетъ необходимымъ для успѣха своего дѣла *соединиться съ вами для дальнѣйшаго развитія его*».

Сдѣлавъ особое удареніе на послѣднихъ словахъ, нотариусъ спокойно сложилъ письмо и положилъ его на столъ.

— Хотя я не читалъ письма кардинала,—сказалъ итальянецъ,—общій тонъ его былъ мнѣ извѣстенъ,—но я объявилъ его преосвященству, что не возьмусь осуществлять этотъ проектъ, если мнѣ не будетъ предоставлена полная свобода въ выборѣ союзниковъ. На одномъ кораблѣ нельзя имѣть двухъ капитановъ. Вамъ извѣстно, что кардиналъ Беретта какъ духовный и дипломатъ—одинъ изъ лучшихъ, но въ финансахъ онъ не экспертъ.

— Тѣмъ не менѣе, г. Космо,—съ улыбкой возразилъ нотариусъ,—вы воспользовались его услугами, чтобы ввести вашъ проектъ во Францію.

— Какъ воспользовался бы услугами апостола Петра, будь онъ живъ. Кардиналъ—мой другъ. Ему я объяснилъ политиче-

скую и религиозную сторону моего проекта; что же до финансовой — онъ совершенно положился на меня.

— Позвольте спросить, какъ вы намѣрены осуществить ваши колоссальные проекты во Франціи, не заручившись содѣйствіемъ тѣхъ, кому принадлежитъ дѣйствительный контроль надъ средствами католической партіи?

— Позвольте мнѣ пока не отвѣчать на этотъ вопросъ. Достаточно будетъ сказать, что ихъ поддержка не составляетъ для меня безусловной необходимости.

— Не составляет? — прервалъ нотариусъ. — Не можете же вы составить ваше громадное кредитное общество безъ денегъ!

— Извините меня, разъ, что это кредитное общество — это не деньги. Но дѣло не въ томъ. Я только хочу сказать, что благодаря высокимъ союзникамъ, какими я уже заручился, я вижу возможность собрать всю сумму, необходимую для полного развитія моего проекта.

— Вижу, — сказалъ нотариусъ, — что вы не шутите, но извините, если я позволю себѣ замѣтить, что ваше заявленіе кажется мнѣ парадоксомъ.

— Понятно, — сказалъ Космо выпрямляясь, — совершенно понятно! Финансы — мое ремесло, а не ваше. То, что мнѣ ясно, для васъ парадоксъ, точно такъ же какъ ваши сухіе, юридическіе пункты — для меня загадка, а потому мое дѣло осуществлять мой проектъ, а ваше — оказать мнѣ содѣйствіе въ силу репутаціи, которую вы приобрѣли по своей части.

— Вы дѣлаете мнѣ большую честь, г. Космо, — иронически возразилъ Галюшъ: — указывая мнѣ роль, которую я призванъ играть въ этой — я сказалъ бы: комедіи — или она должна имѣть трагическій характеръ? Но позвольте мнѣ замѣтить, что не смотря на ваше искусство въ качествѣ импрессаріо, я не привыкъ играть роль, определенную мнѣ другими.

— Именно, а затѣмъ и пришелъ сюда, чтобы просить васъ избрать любую роль, подъ условіемъ предоставить мнѣ мою — главнаго импрессаріо.

— Мы теряемъ время. Полагаю, что говорю съ человѣкомъ дѣловымъ: вопросъ въ томъ: чего вы отъ меня хотите?

— Да ничего!

— Помилуйте, вы пріѣхали ко мнѣ!

— Извините, я здѣсь по вашему приглашенію.

— У васъ было письмо...

— Котораго я не предъявлялъ, хотя уже десять дней въ Парижѣ.

— Но...

— Но, хотите вы сказать, г. Галюшá, какъ же вамъ удастся осуществить вашъ проектъ безъ моего содѣйствія? Позвольте мнѣ сказать вамъ, что это вполне возможно, но не такъ легко, какъ еслибъ мы могли придти къ соглашенію — чего бы я искренно желалъ. Признаюсь, что ваше содѣйствіе для меня крайне важно. Чтобы получить его, я готовъ на всякія благоразумныя уступки. Будемте работать вмѣстѣ.

Итальянецъ протянулъ руку нотаріусу съ торжествующей улыбкой.

Г. Галюшá былъ достаточно сильный человѣкъ, чтобы иногда позволить себѣ быть слабымъ. Онъ взялъ протянутую руку и пожалъ ее.

— Гармоническое сотрудничество въ интересахъ религіи и праваго дѣла—мое первое и единственное желаніе, — сказалъ онъ.

Успокоенный этимъ отвѣтомъ, Космо, со всѣмъ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, развилъ передъ нимъ весь свой проектъ. Нотаріусъ слушалъ какъ очарованный, и особенно его поразило, когда пылкій ораторъ заявилъ, что намѣренъ не отказываться отъ содѣйствія евреевъ, хотя все дѣло направлено противъ нихъ, — прибавивъ, что извѣстный банкирскій домъ Абрамъ и К<sup>о</sup> возьметъ съ нимъ  $\frac{1}{8}$  капитала.

— А имъ извѣстно, что это—учрежденіе католическое?

— Конечно, поэтому-то они и надѣются на успѣхъ. Деньги международны, онѣ примиряютъ всѣ интересы. А тутъ будутъ наживаться громадныя состоянія.

— Какъ же вы все это устроите?

— Очень легко. Четыре концессіи, о которыхъ я говорилъ вамъ, у меня въ рукахъ. Онѣ составятъ основу нашихъ операцій. Онѣ принесутъ чистой прибыли отъ двадцати до шестидесяти милліоновъ. Номинальный капиталъ нашъ въ сто милліоновъ. Нашъ первый выпускъ въ пятьдесятъ милліоновъ, въ ста тысячахъ акцій по пятисотъ франковъ каждая. Первый дивидендъ будетъ только по 125 франковъ на акцію. Синдикатъ возьметъ ихъ *à-la-part*. Прекрасно. Для того, чтобы общество было признано существующимъ на законномъ основаніи, мы, кажется, должны уплатить 10%, т.е. по 50 фр. съ акціи,—всего пять милліоновъ франковъ. Это ничего не значитъ. Когда общество будетъ организовано, синдикатъ объявитъ объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе, мы уже расположили въ свою пользу слишкомъ тысячу провинціальныхъ и столичныхъ газетъ. Мы объявимъ наши громадныя

концессии, а когда все будетъ готово, мы выпустимъ новыя акціи съ преміей въ 150 фр.

— 150 фр.—невозможно!

— Въ финансахъ невозможнаго нѣтъ, есть невѣроятное. Одно невозможно—измѣрить легковѣріе публики.

— Но что оправдываетъ эту громадную премію?

— Значеніе концессій, положеніе директоровъ, увлеченіе католическаго міра, алчность спекуляторовъ.

— Но каковыя образомъ учредители, положимъ вы, я, извлекутъ какия-нибудь выгоды изъ этого предпріятія.

Космо улыбнулся. Тутъ онъ былъ дома.

Онъ снялъ перчатку, взялъ листокъ бумаги съ бюро нотариуса, быстро написалъ расчетъ и подалъ его Галюшѣ. Маленькіе глазки нотариуса разгорѣлись.

— Вы считаете это возможнымъ?

— Я за это ручаюсь.

— А между кѣмъ подѣлятся эти учредительскія акціи?

— Тѣ, кто внесъ необходимый капиталъ, получать большую часть ихъ.

Тутъ снова посыпались цифры и внушительные и убѣдительные итоги.

Нотариусъ слушалъ, слушалъ и, наконецъ, сказалъ:

— Заявленіе ваше меня сильно заинтересовало. Если мнѣ удастся убѣдиться въ практической осуществимости вашихъ предложеній, я несомнѣнно могу существенно помочь вамъ. Дайте мнѣ время подумать. Вы не противъ того, чтобъ я собралъ необходимыя справки?

— Напротивъ. Вотъ моя карточка, вы на ней найдете два имени, которыя, вѣроятно, удовлетворятъ васъ. Абрамъ и К<sup>о</sup> и Péro fils уже подписались вмѣстѣ со мною на 10,000 акцій. Можете, не стѣсняясь, говорить съ ними объ этомъ. Они вамъ докажутъ, что наши средства соответствуютъ нашей задачѣ.

— Дома эти первостепенные, хотя одинъ еврейскій, а другой сильно поддерживаетъ республику.

— Цѣль освящаетъ средства.—Послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ Космо распростился.

#### IV.

Когда маркиза заговорила съ мужемъ о проектѣ Космо, онъ, выслушавъ ея объясненіе, тотчасъ спросилъ:

— Что говорить Антуанъ?

— Конечно, онъ противъ. Это не исключительно дѣловой вопросъ, тутъ замѣшаны другія соображенія, недоступныя такому безбожнику. Планъ — колоссальный.

— Не слишкомъ ли онъ колоссаленъ, чтобъ быть осуществимымъ?

— Тутъ надо взвѣсить многое. Сегодня утромъ я получила письмо изъ Фрошдорфа, гдѣ говорится очень сочувственно о проектѣ г. Космо.

— Надо, чтобъ Антуанъ съ нимъ познакомился.

Видя, что мужъ вообще холодно отнесся къ тому, чѣмъ она беззавѣтно увлеклась, прелестная маркиза рѣшила искать союзниковъ. Прежде всего она обратилась къ монсиньору. Это былъ кардиналъ и сенаторъ. Хотя ультрамонтанъ, онъ былъ ученый и писатель, и не смотря на свое благочестіе, былъ свѣтскій человѣкъ. Въ свое время онъ былъ друженъ съ такими разнохарактерными личностями какъ Монталамберъ, Гизо, Морни и Тьеръ. Въ сенатѣ онъ иногда говорилъ въ такомъ тонѣ, точно стоялъ за либеральныя учрежденія, но искренніе республиканцы замѣчали, что это случалось тогда только, когда его партія чего-нибудь ждала отъ либераловъ. Онъ также получилъ письма отъ кардинала Беретты и изъ Фрошдорфа и радъ былъ убѣдиться, что маркиза, пользовавшаяся его особеннымъ расположеніемъ, сходится съ нимъ въ мысляхъ. Онъ общалъ ей повліять на ея мужа. Отъ него маркиза, подъ предлогомъ какого-то дѣла, заѣхала къ Галюшѣ и завела съ нимъ рѣчь о Космо. Хитрый нотариусъ далъ ей высказаться,\*представился, что поддается на ея краснорѣчивые доводы и кончилъ тѣмъ же, чѣмъ и монсиньоръ, обѣщавъ оказать свое содѣйствіе для обращенія маркиза на путь истинный. Оба сдержали слово. Монсиньоръ только осторожно подготовилъ почву, когда явился Галюшѣ: онъ засталъ у маркиза, страдавшаго подагрой, его вѣрнаго Антуана, и послѣ обыкновеннаго, дѣловаго совѣщанія закинулъ словечко о Космо. Старого аристократа одно это имя начинало раздражать. Антуанъ разсказалъ, что Дарвель говорилъ ему о Космо какъ о мошенникѣ, нотариусъ вступился, замѣтивъ, что онъ собиралъ о немъ справки у Абирамъ и К<sup>о</sup> и получилъ отзывъ, что у итальянца огромная поддержка. Де-ла-Гупъ стоялъ на своемъ. Маркизъ, расположеніе духа котораго по случаю болѣзни было не особенно удовлетворительно, вступился за неизвѣстнаго ему проектируемаго какъ за человѣка, пользующагося покровительствомъ его жены. Секретаря замѣчаніе это такъ взбѣсило, что онъ попросилъ своего патрона уволить его отъ настоящей должности, такъ какъ

предложенія, которыя обсуждались за послѣднее время безъ всякаго участія съ его стороны, противорѣчать всѣмъ его убѣжденіямъ. Маркизь въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ изъяснилъ свое согласіе и, по уходѣ строптиваго секретаря, поручилъ нотаріусу собрать дальнѣйшія справки и прислать ему записку. Когда онъ сообщилъ женѣ о случившемся, она привадумалась и рѣшила, что уладить дѣло.

Она вернулась въ свой будуаръ и послала за де-ла-Гупомъ. Онъ явился красный и смущенный. Маркиза тотчасъ протянула ему руку:

— Неужели вы упорствуете въ томъ, что сказали маркизу, г. Антуанъ? — проговорила она самымъ кроткимъ, заискивающимъ тономъ. — Неужели же мы лишимся своего друга и совѣтника? Невозможно, чтобъ вы *такъ* оставили насъ.

Голосъ ея дрожалъ, прекрасные глаза слегка отуманились. Антуанъ готовъ былъ упасть передъ ней на колѣни и цѣловать ея ноги. Онъ невольно наклонился и поцѣловалъ ея руку.

Она не разсердилась.

Она болѣе чѣмъ удовлетворила фетиша Антуана, его *ego*.

— Чтожъ мнѣ дѣлать, — возразилъ онъ, наконецъ, — какъ не уйти, когда становится ясно, что во мнѣ здѣсь болѣе не нуждаются, когда къ моимъ совѣтамъ относятся презрительно?

— Совсѣмъ нѣтъ, любезный г. Антуанъ. Пока, какъ вамъ извѣстно, вы еще не выразили никакого мнѣнія, а въ вашихъ совѣтахъ дѣйствительно нуждаются. Мы думаемъ, маркизь и я, то вы получили небѣрные свѣдѣнія. Общаете ли вы мнѣ теперь изучить вопросъ основательно?

— Маркиза, — прошепталъ Антуанъ, опустивъ глаза: — я только и желаю жить, чтобы служить вамъ.

Она продолжала еще ласковѣе:

— Каковъ бы ни былъ результатъ, повѣрьте, я буду благодарна; и, во всякомъ случаѣ, мы съ маркизомъ отдадимъ справедливость вашей преданности нашимъ интересамъ. Еще одно условіе: никакихъ объясненій съ маркизомъ. Пусть, какъ говорится въ палатѣ, «случай этотъ будетъ признанъ законченнымъ».

Съ этой минуты взглядъ Антуана на предпріятіе Космо измѣнился, онъ невольно началъ подыскивать аргументы въ его пользу.

Съ облегченнымъ сердцемъ онъ вышелъ изъ дому и направился въ rue de Penthièvre. Каково же было его удивленіе, когда, войдя въ роскошную квартиру Віолетты, онъ засталъ у нея незнакомаго ему, пожилого господина, очень некрасиваго, но съ замѣчательно проницательными черными глазами.

Віолетта подбѣжала къ Антуану, похлопала его по щекѣ, поднялась на цыпочки, чтобы дать ему возможность поцѣловать ее, и проговорила:

— Позвольте мнѣ, м-г Антуанъ, представить вамъ очень стараго и очень хорошаго моего пріятеля, г. Космо.

Пока они обмѣнивались поклонами, Віолетта разразилась серебристымъ смѣхомъ.

— Какъ вы поражены! — воскликнула она, обращаясь къ Антуану. — Что случилось? Не можете же вы знать этого господина?

— Мнѣ кажется, — отвѣчалъ Антуанъ, съ трудомъ приходя въ себя, — что хотя я никогда не имѣлъ чести его видѣть, я кое-что о немъ слышалъ.

— Вы слышали о г. Космо, гдѣ, когда, отъ кого?

— Если я не ошибаюсь, — съ ледяной вѣжливостью проговорилъ секретарь, — вы никто иной какъ джентльменъ, пріятель г. Дюмареска, который нѣсколько дней тому назадъ видѣлся съ маркизой де-Рошрѣ.

— Это я самый, — съ поклономъ отвѣчалъ Космо.

— И теперь я имѣю честь встрѣтить васъ здѣсь, — саркастически проговорилъ Антуанъ.

Віолетта зажала ему ротъ со словами:

— Тихе, Антуанъ, я все расскажу тебѣ. Г. Космо — другъ, которому я всѣмъ обязана: жизнью, искусствомъ, состояніемъ, успѣхомъ, *тобой!* Сегодня я съ нимъ встрѣтилась на улицѣ; онъ былъ такъ добръ, что зашелъ потолковать со мной о старыхъ временахъ; я нарочно задержала его, чтобы васъ познакомить.

— Віолетта, — съ улыбкой подхватилъ Космо, — значительно преувеличиваетъ услуги, какія мнѣ удалось ей оказать въ ея ранней молодости, когда съ ней самымъ низкимъ образомъ поступилъ одинъ мой родственникъ, мой родной братъ, теперь умершій. Это — печальная исторія, которую мнѣ не хотѣлось бы и вспоминать. — Тонъ Космо былъ серьезенъ, голосъ дрожалъ. — Не знаю, какого рода участіе вы принимаете въ этой дамѣ, — продолжалъ онъ, — но надѣюсь, вы извините, что я зашелъ на нѣсколько минутъ узнать объ ея здоровьѣ, разспросить, каково ей живется?

Спокойствіе и достоинство, съ какими все это было сказано, произвели глубокое впечатлѣніе на впечатлительнаго парижанина; они разговорились, о маркизѣ, о дѣлѣ. Антуанъ далъ понять, что его мнѣніе имѣетъ большой вѣсъ въ глазахъ обитателей отеля де-Рошрѣ, а что онъ не имѣетъ еще пока опредѣленнаго

взгляда на знаменитый проект. Космо ввернулъ нѣсколько юзкихъ комплиментовъ. Черезъ часъ Антуанъ вспомнилъ, что зашелъ за Віолеттой, чтобы отправиться обѣдать въ Пале-Рояль, передъ спектаклемъ, и пригласилъ Космо раздѣлить ихъ трапезу. Двадцать минутъ спустя они сидѣли въ отдѣльномъ кабинетѣ у Вефура, и когда Віолетта ихъ оставила, чтобы отправиться въ театръ, они съ необыкновеннымъ одушевленіемъ обсуждали великую идею. Разговоръ затянулся чуть не до полуночи. Хитрый итальянецъ понялъ, что этого человека не подкупишь ни акціями, ни деньгами, ни обѣщаніями выхлопотать ему итальянскій графскій титулъ или австрійскій орденъ. Но онъ искусной рукой коснулся слабой струны Антуана, его эгоизма, его самоуверенности, его убѣжденія, что онъ—Улиссъ семейства Рошрѣ.

Разстались они очень довольные другъ другомъ.

— Онъ мой,—говорилъ себѣ Космо:—когда дѣло уладится, я подарю Віолеттѣ самое великолѣпное брилліантовое ожерелье, какое только найду.

— Да,—разсуждалъ Антуанъ, возвращаясь домой,—маркиза права. Не удивляюсь, что онъ произвелъ на нее впечатлѣніе, хотя, клянусь Юпитеромъ, онъ страшно дурень. Кажется, мнѣ удалось измѣнить его взглядъ на нѣкоторые пункты. Не легко опровергать его аргументы. Планъ его очень смѣлый, но удивительно умный, условія денежнаго рынка ему благопріятствуютъ, маркиза рѣшилась, зачѣмъ же мнѣ всѣмъ имъ противорѣчить?

Возвратясь къ себѣ, онъ засталъ записку отъ маркиза, который просилъ его зайти къ нему завтра по утру, тотчасъ послѣ доклада у жены.

Маркизу онъ засталъ въ отличнѣйшемъ расположеніи духа, она получила нѣсколько благопріятныхъ отвѣтовъ отъ друзей, которымъ уже писала о великомъ проектѣ. Антуанъ разсказалъ ей о своей встрѣчѣ съ Космо, и на вопросъ ея: удовлетворили ли его объясненія Космо? — отвѣтилъ:

— Вполнѣ!

Онъ тяжело перевелъ духъ. Да, Рубиконъ перейденъ. Отступать болѣе нельзя. Онъ, неожиданно для самого себя, высказался въ пользу проекта. Роковое слово было произнесено.

Маркиза схватила его руку, горячо пожала и проговорила:

— Какъ я рада!

Потомъ встала, вся дрожа, закрыла лицо платкомъ, перешла черезъ всю комнату къ своему prie-Dieu, бросилась на колѣни и уткнулась лицомъ въ подушку...

Блѣдный и взволнованный предсталъ Антуанъ передъ мар-



живомъ, въ его спальнѣ. Старикъ встрѣтилъ его весело, полу-извинился въ своей вчерашней вспышкѣ и сталъ просить Антуана убѣдить маркизу не увлекаться этимъ глупымъ крестовымъ походомъ. Вообще онъ высказывалъ взгляды, которые несказанно обрадовали бы секретаря сутками раньше. Теперь онъ съ ужасомъ слушалъ его.

— Но,—прошепталъ онъ наконецъ.

— Но что?

— Я сейчасъ отъ маркизы, она еще прежде приказала мнѣ повидать этого г. Космо...

— Ну?

— Я видѣлъ его, основательно обсудилъ съ нимъ его планъ...

— И нашли его совершенно неосуществимымъ?

— Напротивъ, его доводы произвели на меня благоприятное впечатлѣніе?

— Tonnerre!—воскликнулъ маркизъ, и кровать такъ и заходила отъ его конвульсій,—неужели весь домъ сошелъ съ ума? И вы, Антуанъ, передались врагу! Что это значитъ?

— Увѣрю васъ, маркизъ...

— Ничего слушать не хочу. Вчера вы рѣшительно были противъ этого плана, сегодня отказываетесь отъ своего мнѣнія; что это значитъ?

— Значитъ, что я ошибся, въ чемъ откровенно и сознаюсь.

— Странное это обращеніе, Антуанъ,—съ улыбкой проговорилъ старикъ. — Я скажу монсиньору, что онъ не долженъ въ васъ отчаиваться. Но вы не измѣните своего мнѣнія безъ основательныхъ на то причинъ. Будь по вашему. Я отдаю это дѣло въ ваши руки; но помните, *что на васъ же возлагаю и всю ответственность за послѣдствія.*

Ярко свѣтило осеннее солнце. Немногіе представители high-life, оставшіеся въ Парижѣ передъ отъѣздомъ въ свои замки или на берегъ Средиземнаго моря, катались по Булонскому лѣсу и Елисейскимъ полямъ. Антуанъ шелъ по направленію къ Arc de Triomphe, въ сильномъ раздумьѣ. Стулъ лошадиныхъ копытъ и громкій голосъ молодого человѣка заставили его поднять голову. Онъ узналъ барона Плума, одного изъ представителей золотой молодежи, щеголя и богача, что не мѣшало ему, однако, отлично вести свои денежные дѣла и лично проводить всякія сложныя финансовыя комбинаціи. Послѣднее было у него въ крови: дѣдъ барона былъ банкиръ. Въ настоящую минуту баронъ сидѣлъ въ высокомъ англійскомъ догъ-картѣ, запряженномъ парой великолѣпныхъ рыжихъ лошадей, которыми самъ правилъ.

На заднемъ сидѣннѣ помѣщался его маленькій грумъ, со скрепченными на груди руками, олицетвореніе комической серьезности. Туалетъ барона былъ безукоризненъ. Панталоны на немъ сегодня были темно-лавандоваго цвѣта, сюртукъ сѣраго, неопредѣленнаго оттѣнка. Шляпа, собственнаго изобрѣтенія, была необыкновенно высокая, съ довольно широкими, загнутыми кверху полями.

— Вольтерьянецъ, негодяй, поди-ка сюда, прокату по Булонскому лѣсу. Она уже проѣхала.

— Чтожъ, возница, — отвѣчалъ Антуанъ, — я не отказываюсь отъ предложенія, хотя очень доволенъ собственными лошадьми, которыя служатъ мнѣ хорошо и стоятъ не дорого.

— Вы готовы? Ѣдемъ. Мой милый Антуанъ, я очень радъ васъ видѣть.

— Вы желаете быть представленнымъ кому-нибудь въ Орѣга-Вуффе? — спросилъ Антуанъ, улыбаясь.

— Нѣтъ, нѣтъ, дѣло идетъ о двухъ серьезныхъ вопросахъ. Вообразите, дорогой де-ла-Гупъ, что я десять дней ищу лошадь и не могу найти.

— Sarpisti, что это значить? Вы не стоите за цѣной?

— Нисколько. Видите вы эти панталоны?

— Конечно, они почти пахнутъ лавандой.

— Кончено! вы на вѣки погубили ихъ въ моихъ глазахъ; вы правы, я самъ слышу запахъ. Не поѣхать ли домой переодѣться?

— Ни за что. Ѣдемъ въ Булонскій лѣсъ. Чтоже лошадь?

— Ахъ, теперь все равно.

— Отчего теперь?

— Видите-ли, затрудненіе состояло въ томъ, чтобы найти лошадь подъ цвѣтъ этихъ панталонъ. Это было положительно невозможно. Я былъ вездѣ, видѣлъ сотни прекрасныхъ лошадей, ни одна не подходила. Но вы, хвала небесамъ, разрѣшили проблему. Если я откажусь отъ невыразимыхъ, у меня лошадь въ эпомин.

— Значить, этотъ вопросъ поконченъ. Можно узнать, какое первое важное дѣло?

— Да, кстати, не знаете ли вы чего-нибудь о нѣкомъ господнѣ Космо?

— Конечно, и не мало.

— Другъ ея — а?

— Другъ — нѣтъ. Она видѣла его, кажется, всего одинъ разъ.

Онъ — даровитый человѣкъ, энтузіастъ, съ громаднымъ замысломъ въ интересахъ католичества. Она заинтересована.

— Увлечется она этимъ замысломъ?

— Я думаю, — осторожно отвѣтилъ секретарь.

— Что вы о немъ думаете? — неожиданно спросилъ баронъ, смотря своими пронизательными глазами прямо въ глаза де-ла-Гупа.

— Я еще не рѣшилъ окончательно. Маркизъ и маркиза поручили мнѣ изучить его.

— И они будутъ дѣйствовать на основаніи вашего заключенія?

— Я думаю.

— Г. Антуанъ, — торжественно сказалъ баронъ, — я не принялъ бы на себя вашей ответственности за десять милліоновъ франковъ, чистыми деньгами.

— Отчего, дорогой баронъ?

— Потому что честь и счастье семейства де-Рошпрё въ вашихъ рукахъ — ея честь и ея счастье. Намъ съ вами надо понять другъ друга. Я видѣлъ Дюмареска. Положеніе дѣлъ мнѣ извѣстно. Космо сильно взволновалъ маркизу. Если за нимъ тщательно не наблюдать, онъ можетъ вовлечь ее, и все находящееся подъ ея вліяніемъ, въ страшную катастрофу. Вы одинъ еще можете этому помѣшать; уступите вы...

— Это фактъ совершившійся, — воскликнулъ Антуанъ.

— *Jacta est alea!* Тогда остается одно: вы, Дюмарескъ и я должны образовать изъ себя нѣчто въ родѣ неофициальнаго комитета общественной безопасности, чтобы помѣшать нашей маркизѣ слишкомъ вдаться въ это дѣло. Всѣ мы честные люди — мы не можемъ заподозрить чистоты побужденій другъ друга. Понимаете ли вы меня, Антуанъ? Я обращаюсь къ человѣку, которому довѣряю, котораго уважаю. Если вы одобрили этотъ проектъ, я знаю, что вы искренне считаете его хорошимъ съ финансовой и нравственной точки зрѣнія. Убѣдите меня въ этомъ и я присоединюсь къ вамъ со всѣмъ моимъ состояніемъ и съ тѣми дѣловыми способностями, какими обладаю, съ тѣмъ, чтобы обезпечить этому дѣлу блестящій успѣхъ, ради ея.

Онъ сильно ударилъ по лошадамъ и замолчалъ.

— Вы совершенно правы въ своемъ предположеніи, баронъ, — медленно и рѣшительно отвѣчалъ Антуанъ: — я готовъ принести всякую жертву, чтобы оградить маркизу отъ какой бы то ни было опасности.

— Отлично, — рѣшилъ баронъ.

— Надо вамъ побывать у меня, объяснить мнѣ все дѣло; тогда мы примемъ свои мѣры. Вотъ и маркиза на своихъ хорошенькихъ пони. Надо ее догнать и раскланяться съ нею. Боже, какъ она великолѣпна! Какъ, по вашему, это пальто лучше—разстегнутое на первую пуговицу или на вторую?

## V.

Космо пустилъ въ ходъ всѣ пружины для успѣха своего дѣла. Въ Грандъ-Отелѣ онъ былъ слышеомъ на виду, а потому перѣхалъ въ отель Вестминистеръ. Газеты уже почуали богатое дѣло. Намеки на большое католическо-кредитное общество уже появились на столбцахъ Barbier de Séville, въ отдѣлѣ, озаглавленномъ Babilages, за подписью Fus-Fus. Одна изъ замѣтокъ была озаглавлена: *Католицизмъ въ акціяхъ*. Съ перваго взгляда можно было подумать, что она относится къ проекту критически, но она была такъ искусно составлена, что читатель выносилъ изъ нея убѣжденіе, что дѣло громадное, серьезное и успѣхъ обезпеченъ.

Чекъ являлся всюду. То разговаривалъ на биржѣ съ маклерами, то угощалъ завтракомъ въ Грандъ-Отелѣ какихъ-нибудь своихъ собратій, то поднимался по мраморной лѣстницѣ Argent Comptant, отправляясь на свиданіе съ маркизомъ Доденъ и графомъ Рококо, двумя очень нетвердыми столпами этого могущественнаго финансоваго зданія. Оба эти господина общали бы директорами. Маркизь Доденъ, старый *viveur*, большой, толстый, грубый, имѣлъ непріятности съ Jenpu изъ Variétés, такъ какъ издумалъ ограничить ея доходъ незначительной до смѣшного суммой десяти тысячъ франковъ въ мѣсяцъ. Маркизь находилъ, что не стоить жить безъ Jenpu, хорошенькой живой брешетки, которая забавляла его своими ребяческими выходками, и представляла живой контрастъ съ его супругой, холодной, высокой, не очень красивой, но утонченной и умной нормандкой. Маленькая Jenpu, которую искушалъ русскій князь, объявила Додену ультиматумъ, и тѣмъ почти довела его до отчаянія. Она грозилъ, что бросить его, если онъ не удвоитъ назначенной ей суммы. Въ эту-то критическую минуту явился на сцену Чекъ, хорошо извѣстный маркизу; понятно, что предложеніе Космо показалось послѣднему даромъ съ неба. Онъ ухватился за него и, пользуясь своимъ вліяніемъ на графа Рококо, втянулъ и его. Вообще правленіе Argent Comptant стояло за интересы Космо. Среди банкировъ не безъ успѣха вели пропаганду Абрамъ и К°.

Но былъ еще человекъ, которымъ необходимо было заручиться. Это былъ знаменитый Динандье, одинъ изъ самыхъ богатыхъ, самыхъ смѣлыхъ спекуляторовъ, когда-либо игравшихъ роль на финансовой сценѣ Парижа.

Онъ дебютировалъ въ жизни въ качествѣ колбасника, а закончилъ ее въ великолѣпномъ отелѣ въ Ракс Монсеаух. Тѣмъ не менѣе онъ занималъ огромное мѣсто въ парижскомъ финансовомъ мірѣ. Дѣльцы, биржевики, актрисы, все и вся поклонилось этому толстяку. Евреи, католики, протестанты и атеисты одинаково преклонялись передъ нимъ. Половина акцій парижскихъ конно-железныхъ дорогъ принадлежала ему, такъ же какъ четвертая часть водопроводныхъ; онъ имѣлъ серьезное участіе во всякомъ мало-мальски солидномъ дѣлѣ. Популярность его была понятна: при такихъ огромныхъ дѣлахъ Лазаръ и К<sup>о</sup> безпрестанно подбирали крохи со стола богача. Абрагамъ Абрамъ объявилъ Космо, что участіе Динандье особенно дорого для новаго дѣла, но приобрести его крайне трудно. Въ сущности есть одно только средство—бывшій колбасникъ жаждетъ быть членомъ жокей-клуба: тотъ, кто откроетъ ему двери этого святилища, гдѣ ему уже нѣсколько разъ отказывали въ приѣмѣ, стяжаетъ право на его вѣчную признательность. Космо далъ себѣ слово воспользоваться этимъ указаніемъ. Въ тотъ же день они съ Дюмарескомъ были у маркизы де-Рошрѣ, въ будуарѣ которой кромѣ ея мужа застали барона Плума и Антуана. На этотъ разъ объясненія прожектера были сдержаннѣе, спокойнѣе. Они дышали самоувѣренностью; многочисленные союзники, которыхъ онъ чувствовалъ у себя за спиной, придавали ему апломба. Маркиза сіяла. Баронъ Плумъ предложилъ Космо выбрать маркиза де-Рошрѣ предсѣдателемъ правленія, прибавивъ, что въ такомъ случаѣ и онъ самъ предложитъ обществу свои услуги. Итальянецъ съ восторгомъ ухватился за это предложеніе. Запла рѣчь и о Динандье.

— Безъ толстаго Динандье не обойтись,—рѣшилъ баронъ, —только какъ его приобрести-то?

— Говорятъ, его Ахиллесова пята—желаніе понасть въ члены жокей-клуба,—вернулъ Космо.

— Ха, ха, ха,—разразился маркизъ:—баронъ, вотъ вамъ случай себя показать; не можете ли вы это устроить?

— Онъ положительно невозможенъ,—энергически заявилъ Плумъ.

— Но вы *попытаетесь*? —спросила маркиза, бросивъ на молодого человека знаменательный взглядъ.

— Если вамъ этого угодно, я буду очень счастливъ, — съ помысломъ и улыбкой отвѣтилъ несчастный баронъ.

— Женатъ онъ? — спросила маркиза.

Мертвое молчаніе было ей отвѣтомъ, мужчины переглянулись. Де-ла-Гуть поспѣшилъ на выручку.

— Знаю, что у него есть дочь, — сказалъ онъ. — Кажется, она единственное существо въ мірѣ, которое онъ любитъ. Она будетъ его наслѣдницей. Говорятъ, онъ объявилъ, что выдастъ ее только за князя.

— За Балтазара! — воскликнулъ баронъ; они съ маркизой засмѣялись. — Предлагаю вамъ моего пріятеля князя Артура Балтазара, дорогой г. Антуанъ. Мнѣ, за коммиссію, только миліонъ.

— Но она слѣпая, — сказалъ Антуанъ.

— Боже! — воскликнула маркиза голосомъ, полнымъ состраданіемъ: — какое несчастіе! Бѣдная дѣвушка! Бѣдный отецъ!

Всѣ притихли.

— А толстый Динандъ любитъ свою слѣпую дочку? — спросила маркиза.

— Обожаютъ, — сказалъ Антуанъ. — Онъ окружилъ ее роскошью, далъ ей блестящее образованіе. Она отлично играетъ на арфѣ и на фортепьяно, прекрасно знаетъ языки. Говорятъ, что она очень религіозна и желала бы вступить въ монастырь, но старый Динандъ объ этомъ и слышать не хочетъ. Грозится покинуть съ собою, если она будетъ объ этомъ говорить, клянется, что она выйдетъ замужъ и выйдетъ за князя.

— Бѣдный Балтазаръ, что онъ будетъ дѣлать съ такой женой!

— Вы какъ будто увѣрены въ согласіи старика Динандъ? — улыбаясь спросила маркиза.

— Приказали же вы мнѣ сдѣлать это чудовище членомъ жоней-клуба. Я предпочелъ бы перелетѣть Средиземное море на воздушномъ шарѣ. Но въ качествѣ будущаго тестя князя Балтазара, онъ навѣрное былъ бы принятъ. Что до меня, то я считаю этотъ бракъ рѣшеннымъ... долги Балтазара заплачены. Я возмѣщаю въ жоней-клубѣ, что Динандъ — его тесть. Это очень умная комбинація.

— Мастерская, — сказалъ Дюмарескъ, который слушалъ со вниманіемъ. — Но, что если m-lle Динандъ отклонитъ эту честь?

— Но развѣ не папенька располагаетъ ея участію? — воскликнулъ баронъ.

— Я очень хорошаго мнѣнія о князѣ, — сказала маркиза, — но вы, господа, иногда позволите себѣ слишкомъ свободно от-

зываются о насъ. Мое любопытство возбуждено отъявомъ г. Антуана объ этой молодой особѣ; посмотрю, нельзя ли съ ней познакомиться. Предоставимъ г-ну Космо вести переговоры съ Динандѣ, не впутывая сюда молодой дѣвушки.

— Тысячу разъ прошу извинить меня, — покаялся баронъ. — Я обнаружилъ легкомысліе и безсердечіе; не слѣдуетъ шутить надъ несчастіемъ.

Тѣмъ разговоръ и кончился къ великому огорченію Космо, которому очень понравилась мысль барона. Въ качествѣ финансового рыцаря онъ не стѣснялся въ выборѣ оружія.

Каждое утро, до начала своего дѣлового дня, толстѣе Динандѣ тихо стучался въ дверь будуара Сесиль, своей сѣной дочери. Въ отвѣтъ раздавались слова: *entrez, rara*; тихій и кроткій голосъ дѣвушки напоминалъ воркованіе голубки. Она опускала голову на широкую грудь отца, онъ цѣловалъ ее въ обѣ щеки, садился возлѣ нея и болталъ съ нею съ полчаса. Любовь къ дочери была единственнымъ чистымъ чувствомъ въ душѣ этого человѣка; онъ всегда былъ съ нею кротокъ и ласковъ, такъ что эта хорошенькая, изящная дѣвушка, вкуса и чувства которой представляли полнѣйшій контрастъ съ вкусами и чувствами самого Динандѣ, питала въ немъ глубочайшую привязанность. Матери у нея не было, хотя она была жима. Динандѣ разстался съ женою уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Сесиль никогда особенно не любила матери, отъ нея одной слышала она горькіе упреки въ своей сѣпоти; отца, любовью и поощеніями, замѣнилъ ее вполне. Воспитаніе дочери онъ поручилъ особѣ хорошей фамиліи, отлично образованной, религіозной. Она была уполномочена приглашать лучшихъ преподавателей по всѣмъ отраслямъ наукъ и искусствъ. У нея были двѣ молодые помощницы, онѣ служили Сесиль компаньонками и секретарями. Отецъ исполнялъ всякую ея прихоть. Она однажды выразила желаніе слышать Альбани, которая пѣла въ Лондонѣ; Альбани заняли двадцать-пять тысячъ франковъ, она пріѣхала въ Парижъ въ воскресенье и пѣла для m-lle Динандѣ.

Спустя нѣсколько дней послѣ вторичнаго появленія Космо у г-жи де-Рошрѣ, Динандѣ, войдя къ дочери, привѣтствовалъ ее еще теплѣе обыкновеннаго:

— Здравствуй, милая Сесиль; хорошо ли спала?

Голосъ его слегка дрожалъ.

Она это тотчасъ замѣтила.

— Что съ тобой, папа? Случилось что-нибудь пріятное? Ты сегодня въ духѣ. Опять какое-нибудь удачное дѣло?

— Можешь быть, — сказал онъ, — если ты со мною согласишься.

— Что ты хочешь сказать, папа? Всякая твоя удача меня радуетъ. Съ меня довольно знать, что ты счастливъ.

Онъ потрепалъ ее по блѣдной щекѣ своей большой, толстой рукой, пригладилъ ея роскошные, свѣтло-каштановые волосы, распущенные по плечамъ и просто связанные на затылкѣ голубой лентой. Прелестно спитый ценьюаръ мнѣ бѣлаго кашемира съ шелковой отдѣлкой, окутывалъ ея тонкій станъ.

— Сесиль, мое сокровище, — сказалъ онъ. — Ты у меня взрослая, тебѣ почти двадцать два года.

— Большая, папа; мнѣ исполнилось двадцать два года три мѣсяца тому назадъ.

— Знаю, знаю, а старикъ-отецъ, Сесиль, все становится старше и старше — сѣдѣетъ, толстѣетъ съ каждымъ днемъ, походка его не такъ тверда, какъ бывало. Онъ не можетъ вѣчно жить.

Она схватила его за руку.

— Ты не боленъ, папа? Ничего не случилось?

— Здоровеекопеекъ, — засмѣялся Динардъ. — Но, Сесиль, это не можетъ длиться долго. Я долженъ подумать о твоей будущности, дитя. Ты втрое меня моложе. Что съ тобой будетъ, когда меня не станетъ?

— Но я совершенно дѣловита, папа. Мнѣ ничего не надо. Еслибъ Господу угодно было взять тебя, мнѣ осталась бы религія. Я и тогда могу быть счастлива, служа Богу и молясь за тебя.

На глазахъ толстѣла наворачнувшись слезы. Волненіе не давало ему выговорить слова.

— Ты огорченъ, отецъ, ты плачешь?

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, подавивъ волненіе. — Ты — ангелъ, Сесиль; твой голосъ, твоя доброта меня трогаютъ. Я не могу смирять, когда ты говоришь такіа вещи. Ты — моя единственная надежда въ этомъ мірѣ, а ты всегда говоришь со мною въ такомъ тонѣ, будто ты недовольна — будто стремишься въ другой міръ. Развѣ я не стараюсь доставить тебѣ все, что можетъ украсить твою жизнь?

— Да, да, отецъ. Чего мнѣ недостаетъ? Развѣ удовольствія чаще быть съ тобою.

— Нѣтъ, Сесиль, тебѣ еще кое-чего недостаетъ. Умри ты не замужемъ, я не оставлю наследниковъ. Все мое громадное богатство — знаешь ли ты, какъ оно велико? знаешь ли, что многіе короли гордились бы моими доходами? все это богатство пойдетъ — неизвестно куда.



— Но, папа, на что оно мнѣ? У меня такъ мало потребностей. Всего лучше было бы завѣщать его церкви.

— Церковь! — воскликнулъ Динанде, топнувъ ногой. — Никогда, тратить мои деньги на обѣдин, чтобъ на нихъ жирѣли попы, да кардиналы и епископы жили среди аристократической роскоши, да монастыри наполнялись... онъ во время остановился.

Сесиль рыдала, закрывъ лицо руками.

— Господи, Господи, отпусти ему!

— Сесиль, Сесиль, перестань. Ради Бога — не принимай этого такъ въ сердце. Я пошутить, прости старика-отца.

Онъ хотѣлъ встать и позвонить, но Сесиль остановила его.

— Нѣтъ, — сказала она. — Подожди. Почти прошло — сейчасъ. Это было очень глупо съ моей стороны. Мнѣ такъ было больно. Ты знаешь, отецъ, что есть вещи, относительно которыхъ мы не сходимся. Я увѣрена, что ты не думаешь всего, что говорить.

— Это этотъ аббатъ Дюпре, — сквозь зубы пробормоталъ старикъ, — вбиваетъ ей въ голову такіа вещи. Ужъ я отъ него какъ нибудь да отдѣлаюсь.

— Сесиль, — сказалъ онъ вслухъ: — будь благоразумна. Я беру свои слова назадъ. Но я скорѣй брошу свои деньги въ море, чѣмъ дамъ имъ такое назначеніе. Они должны достаться наслѣдникамъ, мальчику, прелестной дѣвочкѣ, моему внуку, моей внучкѣ. Развѣ не прелесть имѣть ребенка съ голубыми глазами, который обнималъ бы тебя рученкой за шею, и серебристымъ голоскомъ звалъ: татапа, татапа?

Слова эти произвели извѣстное впечатлѣніе. Сесиль задохнулась и покачала головой.

— Прелестное будущее, отецъ. — Но ему никогда не осуществиться для меня.

— Отчего, моя радость! — воскликнулъ старикъ. — Это совсѣмъ не невозможно. А что, еслиби эта игрушка семья называлась княземъ, княжной? — Князь Балтазаръ.

— Князь Балтазаръ — какъ странно!

— Что ты хочешь сказать? ты слышала объ этомъ молодомъ человѣкѣ?

— Неужели ты хочешь сказать, отецъ, что въ наши дни существуетъ кто-нибудь, носящій имя князя Балтазара?

— Существуетъ? — еще бы, джентльменъ высшего общества — членъ жюкей-клуба, высокій, элегантный, красавецъ, принадлежащій къ одной изъ самыхъ древнихъ фамилій Венгріи по отцу, а по матери къ древнѣйшему дворянству Анжу. У него въ гербѣ — лилія. Отчего ты спрашиваешь: существуетъ ли онъ?

— Такъ, жалость. Видишь ли: какъ-то мы всё три, моя компаньонка Моника, Флорибель Джанси и я придумывали: какія имена мы выбрали бы для нашихъ мужей? Уговоръ былъ выбрать изъ прочитанныхъ книгъ.

— А, такъ о такихъ вещахъ все-же иногда помышляютъ! — воскликнулъ сияющій Динандье. — Ну?

— Не смѣйся надо мной, надо же иногда подурачиться. У меня почему-то осталась въ памяти строфа англійскаго поэта Ламба, въ которой говорилось:

— And did to death the proud prince Balthazar,

и я выбрала это имя, какъ очень рѣдкое. Еслибъ я знала, что кто-нибудь его носить, я, конечно, никогда бы на немъ не остановилась.

— О, ла, ла, — вопилъ Динандье, — отлично, прекрасно; счастливѣйшее совпаденіе!

— Видишь, папа, какъ опасно читать стихи. Перестанемъ толковать объ этихъ пустякахъ. Между этимъ княземъ Балтазаромъ и мной никогда не будетъ ничего общаго.

— Напротивъ, — настаивалъ Динандье. — Это дѣло очень серьезное, онъ — просить твоей руки.

— Папа! — кровь бросилась ей въ лицо.

— Да, да, положительно. Нотариусъ Галиюшъ, человѣкъ серьезный, сдѣлалъ мнѣ это предложеніе.

— Какой ужасъ! онъ даже меня не знаетъ. Онъ, конечно, не знаетъ, что я слѣпая?

— Все знаетъ. Онъ даже тебя видѣлъ — въ Булонскомъ лѣсу. Онъ знаетъ, что ты ангелъ.

— Перестань! — съ повелительнымъ жестомъ воскликнула Сесиль. — Онъ также знаетъ, что я богата. Я все прекрасно понимаю. Если ты меня любишь, отецъ, ты меня избавишь отъ этого униженія. Эта судьба — не для меня. Богъ мнѣ *этимъ* сказалъ, — она граніознымъ жестомъ коснулась своихъ глазъ, — что я не принадлежу себѣ. Можетъ быть... еслибъ... — на лицѣ ея отразилось раздумье.

— Чтожъ, милая, еслибъ?..

— Нѣтъ, объ этомъ и думать нечего.

— Будь по твоему, Сесиль. Однако мнѣ пора ѣхать; въ одиннадцать часовъ у меня назначено свиданіе.

Онъ видѣлъ, что настаивать бесполезно, но *еслибы* Сесиль дала ему нѣкоторую надежду.

## VI.

Въ то самое время, какъ у Динанде съ дочерью происходилъ этотъ серьезный разговоръ, въ анпартаменты барона Плуа ворвался его пріятель князь Балтазаръ и, не выпуская изъ рукъ шляпы и палки, принялся вальсировать, восклицая:

— Поздравь меня, любезный Александръ; знаешь, что случилось?

— Конечно, ты сошелъ съ ума. Я всегда этого ожидалъ.

— Нѣтъ. Ну, еще разъ попытайся!

— Провершина взяла призъ на *steepie-chase* въ Берлинъ?

— Напротивъ, я получилъ телеграмму, что она сломала ногу, и ее пришлось застрѣлить.

— Такъ я положительно отказываюсь.

— Я женюсь, дружище.

— Дуракъ, и ты не платишь? Ясно, ты сошелъ съ ума.

— На богачкѣ, — и юный венгерецъ рассказалъ пріятелю о предложеніи, которое ему сдѣлалъ Галюша, о своемъ свиданіи съ старикомъ Динанде въ конторѣ почтеннаго нотаріуса. Наканунѣ онъ жестоко проигрался, а потому тѣмъ охотнѣе пошелъ на эту сдѣлку. Баронъ раскрылъ другу глаза, доказавъ ему какъ дважды-два четыре, что онъ въ этомъ дѣлѣ орудіе интригановъ Космо и Галюша, передалъ ему весь разговоръ, происходившій въ отелѣ де-Рошрѣ, сказалъ, что молодая дѣвушка находится подъ покровительствомъ маркизы, что честь запрещаетъ ему вступать въ бракъ при настоящихъ условіяхъ и пр. и пр. Князь, сначала погорячившись, сдался на его доводы, и баронъ отправился къ нотаріусу, для свиданія съ Динанде, въ качествѣ уполномоченнаго пріятеля. Ему тѣмъ легче было убѣдить миллионера и его совѣтника отнестись съ уваженіемъ къ чувствамъ его друга, который не желалъ воспользоваться исключительнымъ положеніемъ m-lle Динанде, чтобъ вступить съ нею въ бракъ, изъ тѣхъ, какіе сотнями ежедневно устраиваются во Франціи, гдѣ рѣшающій голосъ принадлежитъ родителямъ и нотаріусамъ, тогда какъ молодая дѣвушка является въ видѣ жертвы, ведомой на закланіе, — что и сама Осиль, какъ мы видѣли выше, и слышать объ этомъ не хотѣла. Затрудненіе возникло съ другой стороны. Динанде, успѣвшій въ первое свиданіе съ своимъ будущимъ зятемъ убѣдиться, что дѣла его запуганы, привезъ ему 250,000 фр. по пяти процентовъ, съ уплатой по усмотрѣнію, и растроганный рыцарскими чувствами князя къ дочери непре-

хитро хотѣлъ навязать ихъ барону для передачи князю Балтазару. Баронъ, понятно, отказывался, старикъ заупрямился и бросилъ деньги на полъ. Баронъ ихъ поднялъ и попросилъ исполненія передать ихъ маркизу де-Рошрѣ, для ея бѣдныхъ; онъ воспользовался случаемъ, чтобъ рассказать Динандѣ, что маркиза желаетъ познакомиться съ его дочерью и дать ему понять, что ей было бы очень пріятно, еслибъ онъ принялъ участіе въ операціяхъ новаго, католическо-кредитнаго общества, въ которомъ предсѣдителемъ правленія будетъ ея мужъ. Бывшій колбасникъ, восхищенный вниманіемъ извѣстной аристократки къ его Сесиль, вынулъ изъ конторы нотаріуса примиренный съ собою, судьбой и людьми.

Сесиль удивилась, когда ей доложили, что маркиза де-Рошрѣ желаетъ ее видѣть.

— Просите, — сказала она слегка взволнованнымъ голосомъ. — Я не имѣю чести знать эту даму. Можетъ быть, она желаетъ возлечь мои въ какое-нибудь доброе дѣло, съ разрѣшенія аббата Дюпре.

Шелестъ шелкового платья далъ знать Сесиль, что посетительница вошла, еще прежде чѣмъ слуга съ особеннымъ уданіемъ доложилъ: — маркиза де-Рошрѣ.

Она стояла въ выжидательной позѣ, маркиза взяла ее за руку, сказавъ:

— Простите, что являюсь къ вамъ безъ всякой рекомендаціи кромѣ нашихъ общихъ отношеній къ доброму аббату Дюпре.

Сесиль угадала ласку и кротость въжатіи маленькой ручки, которую, съ мягкой наивностью, поднесла къ губамъ.

— Мнѣ очень жалъ, маркиза, — сказала она своимъ нѣжнымъ, воркующимъ голосомъ, — что мое несчастіе мѣшаетъ мнѣ оказывать вамъ пріемъ, достойный вашей доброты. Но, я знаю, вы добры. Вы простите, если я не сумѣю выразить вамъ удовольствія, какое доставляетъ мнѣ ваше посѣщеніе. Не позволите ли мнѣ позвать м-м<sup>е</sup> Hortense?

— Madame Hortense! воскликнула маркиза удивленнымъ тономъ.

— Это моя компаньонка и другъ.

— Нѣтъ, дорогая, — сказала маркиза, очарованная простодушіемъ и красотой молодой дѣвушки. — Позвольте мнѣ на сегодня свѣсѣмъ завладѣть вами. Сядемъ. Позвольте мнѣ держать васъ за руку, тогда вы почувствуете, что говорите съ другомъ. Доносъ вашъ очень пріятный. У васъ прелестная рука... простите мою смѣлость, но не снимете ли вы перчатку? Мнѣ

такъ бы хотѣлось представить себѣ васъ. Прежде чѣмъ мы начнемъ говорить, не могу ли я слегка провести рукой по лицу вашему? Надѣюсь, вы не сердитесь...

Отвѣтомъ маркизы было взять маленькую ручку, которая протягивалась къ ней какъ бы нища сочувствія и положить ее себѣ на лобъ.

— Да! мнѣ кажется, вы прекрасны, — сказала Сесиль.

— Какого цвѣта ваши глаза и волосы? Я такъ люблю каштановые волосы. Вѣдь мои каштановые?

— Да, отвѣчала маркиза, — но ваши волосы гораздо свѣтлѣе моихъ, и мои, какъ вы сами можете убѣдиться, далеко не такъ тонки и шелковисты какъ ваши.

— Ахъ, маркиза, вы льстите бѣдной дѣвушкѣ изъ состраданія къ ея несчастію.

— Вы бы этого не сказали, еслибъ хорошо меня знали, — воскликнула маркиза, цѣлуя Сесиль въ обѣ щеки. — Вотъ вамъ искренніе, материнскіе поцѣлуи. Что-жъ, будемъ друзьями?

Она держала руки Сесиль въ своихъ рукахъ.

Молодая дѣвушка крѣпко ихъ сжала. Одинокая слеза скатилась по ея щекѣ, но лицо сіяло чуднымъ свѣтомъ.

— Вы дѣйствительно очень добры, — сказала она. — Что-жъ это, Богъ посылаетъ мнѣ такого друга?

— Надѣюсь, mademoiselle.

— Сесиль, зовите меня просто Сесиль.

— Да, Сесиль. Я слыхала о васъ отъ моего дорогого друга и духовника, аббата Дюпре; онъ говорилъ мнѣ о вашемъ благочестіи, о вашей добротѣ въ такихъ выраженіяхъ, которыхъ я привести не смѣю.

— Онъ слишкомъ добръ, — прошептала Сесиль.

— Но, — продолжала маркиза, — не отъ одного аббата слыхала я о васъ, Сесиль. Именно потому, что я случайно услышала ваше имя въ одномъ разговорѣ, я рѣшилась на смѣлый, скажу болѣе — на дерзкій шагъ явиться къ вамъ.

— Я увѣрена, что доброе намѣреніе привело васъ сюда.

— Объяснить все это очень трудно, Сесиль. Я слышала о вашемъ несчастіи, мое женское сердце было тронуто, я не могла вынести, чтобъ люди распорядились вашей будущностью, люди, которые, пожалуй, могли попытаться воспользоваться чистотой души вашей, чтобъ поставить васъ въ печальное и жалкое положеніе.

— Что вы хотите сказать? — воскликнула Сесиль, слегка отодвигаясь отъ маркизы.

— Кто может желать сдѣлать мнѣ зло, мнѣ, бѣдной, слѣвой дѣвушкѣ? Да у меня есть и отецъ.

— Именно, другъ мой, отецъ—вашъ естественный покровитель. Но скажите мнѣ откровенно, Сесиль: вѣдь не можете же вы раскрыть *все* свое сердце отцу? Отцу не понять *всѣхъ* стремлений и волнений этого сердца? не такъ ли?

Молодая дѣвушка покраснѣла и опустила голову.

— Моя жизнь, конечно, очень замкнутая,—сказала она.—Я вынуждена очень многое таить въ себѣ. Я это знаю, но...—она остановилась.

— Но вы удивляетесь, почему я думаю, что могла бы занять мѣсто друга, въ сердце котораго вы могли бы свободно изливать свои мысли?

— Нужно много времени,—уклончиво замѣтила Сесиль,—чтобъ подружиться, чтобъ вызвать довѣріе, о которомъ вы говорите.

— И мнѣ тѣмъ пріятнѣе видѣть,—отвѣчала маркиза,—что у васъ достаточно здраваго смысла, чтобъ это знать, и достаточно откровенности, чтобъ мнѣ это высказать. Увы! я уже смѣлая, свѣтлая женщина, и мое знаніе человѣческаго сердца въ несчастію даже слишкомъ полно. Вы застрахованы отъ этого соприкосновенія со свѣтомъ тѣмъ, на что другіе смотрятъ какъ на несчастіе. Съ другой стороны ваше простодушіе могло бы при нѣкѣторыхъ обстоятельствахъ поставить васъ въ опасное положеніе, еслибъ не было у васъ искренняго и опытнаго друга, который могъ бы защитить васъ.

— Въ такомъ случаѣ,—возразила Сесиль,—я всегда думала, что остается одно только средство. Посвятить себя Богу, я уйду отъ міра.

— Правда,—отвѣчала сильно растроганная маркиза.—Это средство доступно намъ, бѣднымъ женщинамъ, когда свѣтъ становится сильнѣе насъ. Но ваше положеніе исключительное. Отецъ, вѣроятно, и слышать не захочетъ о томъ, на что вы намекнули.

— Такъ вы знаете?—сказала Сесиль.—Вы что-нибудь слышали? Вы знаете, что онъ не хочетъ слышать о моемъ поступкѣ въ монастырь, что онъ говоритъ со мной о невозможныхъ бракахъ, что онъ имѣетъ смѣлную претензію оставить свое состояніе наслѣднику.—Она остановилась, покраснѣла и закрыла лицо руками.—Онъ очень добръ,—прошептала она,—я на него не жалуюсь, вы не должны думать о немъ дурно.

— Напротивъ, я о немъ все-что слышала, что дало мнѣ чрезвычайно высокое мнѣніе о его любви къ вамъ. А теперь,

чтобъ показать вамъ, сколько я знаю,—я очень хорошо знакома съ княземъ Артусомъ Балтазаромъ.

— Балтазаромъ!—воскликнула дѣвушка. — Вы знаете этого джентльмена.

— Коротко.

— Онъ красивъ... уменъ... рыцарь... джентльментъ?

— Онъ необыкновенно красивъ, не особенно уменъ, но не лишентъ здраваго смысла и прекрасно образованъ. Чувства его рыцарскія, онъ вполне можетъ быть названъ *демонимом*.

— Какая нелѣпость!—засмѣялась дѣвушка. — Знаете ли, что отецъ предлагалъ мнѣ его въ мужья? Чтобъ князь такой, каковаго вы описываете, желалъ жениться на бѣдной сиротѣ Сесиль! Развѣ это не смѣшно?

— Не знаю,—отвѣтила маркиза,—теперь, когда я васъ видѣла и говорила съ вами, мнѣ это не кажется особенно смѣшнымъ.

— Ахъ, если вы начнете такъ мнѣ льстить, я начну сомнѣваться въ дѣйствительности вашей дружбы.

— Это не лость, но вы тѣмъ не менѣе правы, дорогая. Признаться ли вамъ? прежде чѣмъ я васъ видѣла, я приняла на себя очень серьезную отвѣтственность. Узнавъ случайно, черезъ короткаго пріятеля князя, что вамъ, молодой и неопытной, будетъ сдѣлано предложеніе отъ его имени, я приняла нѣкоторыя мѣры, чтобъ помѣшать этому, пока я не увижу васъ, не узнаю вашихъ взглядовъ, не предложу вамъ—еслибъ вамъ угодно было принять ее—моей помощи, не отдамъ себя, въ качествѣ женщины опытной въ подобныхъ дѣлахъ, а между тѣмъ глубоко сочувствующей всѣмъ вашимъ чистымъ и святымъ стремленіямъ, въ ваше полное распоряженіе. Вотъ разгадка моего посѣщенія.

Сесиль опустила на колѣни и, обнявъ руками стройную талію маркизы, положила голову ей на грудь.

— Желала бы я,—сказала она,—чтобъ вы были моей матерью.

Изъ боковой двери вошла дама и остановилась, пораженная этой сценой. Маркиза подняла голову.

— Гортензія!

— Маргарита!

Онѣ бросились въ объятія другъ друга и горячо дѣловались.

— Боже мой, что привело тебя сюда?

— Господи, да ты откуда вышла? я такъ давно тебя ищу.

Гортензія опомнилась первая.

— Сесиль,—сказала она,—эта дама моя подруга. Мы вѣстѣ были въ *Sacré-Coeur* въ Анжерѣ. Ми не видались много лѣтъ.

— Вамъ бы хотѣлось поговорить?—спрашивала Сесиль.—Благодарю васъ, маркиза. Я чувствую, что вы действительно будете мнѣ другомъ.

Она поцѣловала маркизу и вышла изъ комнаты.

Подруги снова обнялись. Изъ ихъ разговора мы подслушаемъ только слова, которые сорвались съ устъ маркизы:

— Бѣдный Эдуардъ Реми; онъ былъ такой храбрый и добрый. Ничего ты не потеряла въ моихъ глазахъ изъ-за того, что вышла за него, хотя твое семейство никогда не могло тебѣ этого простить. Онъ былъ отличный преподаватель, ученый. Я также его любила. Но мы бѣдныя всегда страдаемъ, если послѣдуемъ влеченію сердца. Что ты должна была вынести! О, Гортензія, отчего ты не позволила мнѣ хоть немного облегчить его долгую агонію, а когда онъ умеръ, отчего ты не бросилась въ мои объятія?

И обѣ женщины плакали, вспоминая умершаго, которого обѣ любили.

Дѣло, вѣтъянное Космо, наконецъ, было пущено въ ходъ. Онъ сдѣлался героемъ дня, какъ и подобаетъ въ наше время, когда поклоненіе золотому тельцу достигло крайняго предѣла. Можно было иногда поймать улыбку, полную надежды, на губахъ обитателей Ватикана, которые давно разучились улыбаться. Вся та обширная категория людей, которая забавляется или живетъ биржевой игрой, приободрилась. На рынкѣ появились новыя акціи, которыми можно было покупать, продавать, акціи католическо-кредитнаго общества, акціи новаго андалусско-индійскаго банка, основаннаго въ Мадридѣ, акціи итальянской жемчужной дороги и пр. Послѣднихъ можно было имѣть сколько угодно, такъ же какъ и казначейскихъ пяти-процентныхъ облигацій перваго выпуска, по которымъ уплата производилась золотомъ, проданныхъ синдкату за 70, перепроданныхъ публикѣ за 92, а теперь продававшихся съ преміей, когда работы на будущей дорогѣ еще и начаты не были. Акціонеры католическо-кредитнаго общества набили себѣ карманы этими акціями. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ публика жаждала новыхъ выпусковъ, такъ удивительно поднялись фонды первоначальнаго предпріятія. Они быстро дошли до 700 съ 125. Новый выпускъ въ пятьдесятъ милліоновъ былъ пропущенъ какъ устрица. Католики, атеисты, легитимисты, бонапартисты, республиканцы, евреи интриговали наперерывъ, чтобы получить акціи Космо. Почти баснословныя вещи уже совершались. Какъ, почтенный слуга маркиза де-Рошрѣ, подписался на нѣ выпускъ. Теперь, черезъ годъ и два мѣсяца, онъ жилъ въ



Отѣйлъ и имѣлъ приличный доходъ въ 20,000 фр. Супруги Гюлотъ, ревностно охранявшіе квартиру нотариуса Галюпъ отъ всякихъ вторженій, владѣли 80,000 фр. *въ акціяхъ*. Ихъ кровныя 5,400 фр. всѣ были помѣщены въ новыя предпріятія. Привратникъ и жена его пользовались большимъ почетомъ въ околотеѣ, среди мелкаго люда, такъ какъ всегда могли добыть пріятелямъ такихъ акцій, какихъ тѣ пожелають, изъ новыхъ выпусковъ, благодаря любезности г. Космо. М-ше Гюлотъ завела даже нѣчто въ родѣ торговли, основанной на дружбѣ съ великимъ человекомъ. За комиссію она брала по 10 фр. съ акціи. Чекъ купилъ себѣ замокъ и заводъ лошадей.

Маркизъ де-Рошрѣ былъ предсѣдателемъ правленія. Баронъ Плумъ находился въ числѣ директоровъ. Динанде былъ членомъ жокей-клуба.

Космо былъ главнoзавѣдующимъ кредитнымъ обществомъ, вся власть была сосредоточена въ его рукахъ. Секретаремъ у него былъ графъ Мельо; этотъ красивый, умный молодой аристократъ, большой пріятель монсеньора, зналъ нѣсколько языковъ, объѣздилъ многое множество странъ, написалъ нѣсколько книгъ, изъ которыхъ одна была озаглавлена: «Политическая панацея для Франціи». Панацеей этой оказывалась легитимистская реставрація. Феноменъ этотъ сдѣлался правой рукой Космо, которому нуженъ былъ посредникъ съ изящными манерами для сношеній съ принцами, эрцгерцогами, посланниками, министрами.

Красивый домъ былъ купленъ въ Avenue de l'Oréga, его меблировали съ необыкновенной роскошью. Слова: *Католическое кредитное общество* всюду попадались на глаза. Космо владѣлъ рекламой какъ никто. Кромѣ того, что заведенное имъ въ Римѣ агентство: «Intelligence Catholique» печатало въ безчисленныхъ газетахъ статьи, телеграммы, замѣтки, критическіе отзывы о его финансовыхъ операціяхъ, онъ изстратилъ четыре милліона франковъ на подкупъ атеистической и еврейской части европейской печати. Въ этихъ газетахъ искуснымъ, даже художественнымъ перомъ, описывались путешествія Космо, его свиданія съ крупными банкирами Вѣны, Лондона. Специальные корреспонденты, на жалованьи, были разбросаны по всему балканскому полуострову. Они-то писали о предполагаемой желѣзной дорогѣ отъ Рагузы до Варны, то описывали боснійскія розньи. Космо въ тайнѣ скупалъ въ Вѣнѣ газеты у евреевъ и дѣлалъ ихъ архи-католическими. Въ Буда-Пестѣ онъ издавалъ газету, которая раздавалась даромъ по 20,000 экземпляровъ въ день.

Безпрестанно печатались газетныя утки, распускались негѣ-

ные служе; все это имѣло одну цѣль: обратить общее вниманіе на колоссальное предпріятіе. Говорили, что австрійскій императоръ и эрцгерцогъ Альбрехтъ взяли половину акцій новаго Триесто-Адриатическаго банка; говорили, что кредитное общество зарабатываетъ по два съ половиною милліона въ недѣлю.

Но самая серьёзная пропаганда велась черезъ нотариуса Гамона, черезъ странчихъ, священниковъ, дамъ. Деньги сыпались въ сундуки общества изъ рукъ добрыхъ легитимистовъ. Увлеченіе маркиза де-Рошрѣ достигло крайнихъ предѣловъ; оно приводило въ ужасъ комитетъ общественной безопасности.

— Я боюсь,—говорилъ Плумъ Антуану и Дюмареску, — я позволялъ себѣ говорить съ нею очень серьёзно; я доказывалъ ей, что вся эта дѣятельность совершенно лишняя. Люди и безъ того слишкомъ увлекаются этими акціями. Онѣ съ каждымъ днемъ лѣзутъ въ гору. Она приняла на себя колоссальную отвѣтственность. Всѣ ея друзья въ Австріи, Испаніи, Италіи, Германіи вовлечены въ операціи этого чертовскаго кредитнаго общества.

— Всѣ они разбогатѣли,—сказалъ Антуанъ.

— Да, на бумагахъ,—возразилъ баронъ.—Но они ихъ не реализуютъ. Сдѣлай они это—они разорятъ общество; не сдѣлать—рискъ громадный. Я просто сна лишился. Ясно, что Космо и эта обезьяна Мельо дѣлаютъ, что хотятъ; мы только констатируемъ. Все это дѣло точно пагода въ двадцать этажей.

— Изъ панье-маше,—прервалъ Антуанъ.

Никто изъ нихъ не улыбнулся. Всѣмъ имъ чудилось что-то зловѣщее.

## VII.

Маркиза и Сесиль подружились. Не смотря на то, что, благодаря развитію великой идеи, ея и безъ того дѣятельная жизнь стала еще полнѣе, маркиза часто находила время заѣзжать къ своей юной пріятельницѣ. Гортензія ни подъ какимъ видомъ не соглашалась сопровождать Сесиль въ ея поѣздкахъ къ маркизѣ; со времени смерти мужа она жила въ полномъ уединеніи, а потому Сесиль постоянно ѣздила въ улицу St.-Dominique съ своей компаньонкой, миссъ Моникой. О князѣ между ними болѣе не находили рѣчь. Молодой человѣкъ нерѣдко посѣщалъ отель де-Рошрѣ по дѣламъ, такъ какъ и онъ былъ директоромъ като-

лико-кредитнаго общества; образъ жизни его измѣнился, онъ еутилъ меньше, работалъ больше, — баронъ Паумъ утверждалъ, что онъ сталъ невыносимъ. Тревога барона росла не по днямъ, а по часамъ: чѣмъ ближе онъ присматривался къ операціямъ Космо, тѣмъ менѣе онъ внушали ему довѣрія. Худшія опасенія его оправдались, когда одинъ изъ финансовъ тузовъ, благоволившихъ къ нему, прислалъ за нимъ и убѣждалъ его понять, наконецъ, что все хваленое предпріятіе Космо — мыльный пузырь, и до краха недалеко. Толстая Динандъ получила тѣ же свѣдѣнія отъ одного преданнаго ему маклера и въ тотъ же день послалъ дочь съ Моникой предупредить маркизу о грозящей опасности.

Когда молодыя дѣвушки вошли въ гостиную отвая де-Ренфрѣ, тамъ не было никого кромѣ незнакомаго миссъ Моникѣ молодого человѣка. Маркиза сидѣла у себя въ будуарѣ съ монтаньоромъ. Англичанка многозначительно сжала руку Сесиль.

Молодой человѣкъ всталъ и поклонился.

Моника проговорила громкимъ шепотомъ, по-англійски:

— Это молодой джентльменъ, очень красивый.

Сесиль приостановилась.

— Уйдемъ, — сказала она тихо, также по-англійски.

Но едва она выговорила это слово, какъ оступилась, вскрикнула отъ боли и упала.

— Боже мой, что случилось? — воскликнулъ князь.

— Кажется, она вывихнула ногу.

Моника опустилась на колѣни и взяла въ руки маленькую ножку. Легкій стоиъ сорвался съ губъ Сесиль при этомъ прикосновеніи.

— Но, — продолжалъ князь Балтазаръ, — не можетъ же mademoiselle оставаться въ этомъ положеніи? Не позвонить ли горничную, или — не положите ли вы ее на диванъ, миссъ? не помочь ли вамъ?

Онъ совершенно растерялся, такъ же какъ и миссъ Моника. Сесиль лишилась чувствъ. Они уложили ее на диванъ. Князь побѣжалъ за маркизой, она тотчасъ явилась и въ одну минуту распорядилась всѣмъ.

— Князь, — сказала она, — потрудитесь позвонить; монтаньоръ, какъ видите, мое присутствіе тутъ необходимо. До свиданія. Князь, я должна поблагодарить васъ отъ имени m-lle Динандъ за оказанныя услуги.

Молодой человѣкъ стоялъ передъ нею глубоко растроганный.

— Такъ это m-lle Динандъ — прошепталъ онъ. — Алъ, мар-

леза, я одинъ во всемъ виновать. Я не замѣтилъ, что m-lle—слѣдая, я ее напугалъ.

— Такъ взгляните сколько-нибудь вашу невольную вину. Эпижажъ вашъ адѣйс? Поѣжайте сейчасъ-же за Віаномъ, разыщите его, гдѣ бы онъ ни былъ, и привезите его сюда силой, если нужно.

Князь исчезъ.

Сесиль очутилась въ объятіяхъ маркизы. Она спрятала лицо на груди друга.

— Кто это былъ? О, это ужасно.

— Что ужасно?

— Какой-то молодой джентльменъ взялъ меня на руки и поцѣловалъ. Кто это былъ?

— Князь Артузъ Балтазаръ, дорогая. Онъ поѣхалъ за докторомъ.

Врачъ успокоилъ маркизу. Серьезнаго не было ничего. Сесиль отъѣхала домой. Для нея этотъ случай былъ цѣлымъ событіемъ. Съ этой минуты въ сердце ея закралось чувство, котораго она не надѣялась навѣдать...

На другой день послѣ приключенія съ Сесиль, баронъ Плаумъ отправился въ отель де-Ронпрэ. Онъ твердо рѣшился предостеречь маркизу.

— А, навѣрующій, Діогенъ, — воскликнула она, — гдѣ ваша бочка? вы же принесли ее съ собой?

— Нѣтъ, маркиза, оставилъ дома вмѣстѣ съ фонаремъ. Я отказался отъ бесплодныхъ поисковъ за честнымъ человекомъ. Изъ моей бочки вывалили меня вы. Мнѣ предстоитъ исполнить миссію. Я — Іеремія, а онъ, надо вамъ сказать, хотя иногда и отличался непріятной откровенностью, но говорилъ правду.

Маркиза загнула уши.

— Я и слушать васъ не стану, если вы будете говорить что-нибудь непріятное. Вы вѣчно недовольны; г. Космо только то ушелъ отъ меня. Онъ торжествуетъ. Дѣла идутъ лучше, чѣмъ когда-либо.

— Да. Тоже было и въ Помпеи, наканунѣ изверженія. Это старая исторія. Но, маркиза, во имя нашей дружбы, прошу васъ меня выслушать.

— Ка, чему вѣдетъ это торжественное вступленіе? — надменно спросила она.

— Я получилъ новыя и точныя свѣдѣнія. Надо вамъ сказать, что я много разъ пытался ознакомиться съ настоящимъ положеніемъ кредитнаго общества, узнать, что мы получили, что

должны, какія имѣемъ обезпеченія, что намъ должны. Это вещи, которыя всѣ директора имѣютъ право знать, а между тѣмъ на наши распросы мы получали уклончивые отвѣты. Самъ маркизъ настаиваетъ, чтобы въ ожиданіи общаго собранія намъ былъ представленъ полный отчетъ о положеніи нашихъ дѣлъ.

— Это и будетъ исполнено.

Плумъ пожалъ плечами и съ отчаяніемъ продолжалъ:

— Премія на наши акціи совершенно ненормальны. Онѣ цѣнятся втрое выше своей стоимости. Тѣмъ не менѣе подъ эти акціи выдано, по этой фантастической цѣнѣ, отъ тридцати до пятидесяти милліоновъ чистыми деньгами; деньги эти, маркиза, — деньги вашихъ друзей, легитимистовъ, добрыхъ католиковъ. Неужели вы не видите, что это ставитъ насъ въ ужасное положеніе?

— Это неправда. Это выдумки нашихъ враговъ евреевъ.

— Полноте, маркиза, вы должны быть выше такихъ чудовищныхъ предразсудковъ. Теперь не средніе вѣка. Взгляните на вопросъ глазами благоразумнаго наблюдателя. Духъ, завоевавшій Палестину, защищавшій Иудею въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ угнетенія, не вымеръ въ этомъ народѣ, который далъ каждой европейской странѣ государственныхъ людей, полководцевъ, философовъ, ученыхъ, знаменитыхъ финансистовъ.

— Вы — краснорѣчивый адвокатъ, г. Плумъ, — саркастически перебила она: — давно ли вы стали поборникомъ евреевъ?

— Съ тѣхъ поръ какъ началъ читать и понимать историческія книги; съ тѣхъ поръ какъ имѣлъ возможность опровергнуть философію Спинозы, наслаждаться музыкой Мендельсона и Мейснера, остроуміемъ Генрика Гейне, философскою фантазіей Бертольда Ауэрбаха, игрою Рашель. Именъ я больше называть не стану. Достаточно будетъ сказать, что среди грубыхъ тевтоновъ — враговъ нашихъ, нѣмцевъ — множество замѣчательныхъ профессоровъ и публицистовъ вышло изъ того самого племени, которое принято презирать.

Она улыбнулась.

— Я не въ силахъ состязаться съ вами, но вы ошибаетесь. Чтобы вы ни говорили, люди эти намъ завидуютъ. Они насъ погубятъ, если смогутъ. Это борьба изъ-за господства. Теперь мы отступить не можемъ. Мы должны побѣдить или пасть. Отчего бы намъ не работать вмѣстѣ для обезпеченія дальнѣйшаго торжества этого великолѣпнаго замысла?

— Маркиза, — просто и кротко отвѣтилъ онъ, — мое сердце за васъ, мой разумъ противъ. Могу только повторить: *опасности есть!*

Когда онъ ушелъ она сначала задумалась, но скоро сказала себѣ: *Несомненно!* и успокоилась. Она слишкомъ была наэлектризована Космо, чтобы обращать вниманіе на іереміады барона. Космо, погруженный въ свои колоссальные замыслы, едва имѣлъ время оглянуться. Онъ стоялъ въ центрѣ круга, очерченного имъ самимъ, громаднаго, говоря относительно, но небольшого по сравненію съ обширнымъ финансовымъ міромъ. Обремененный заботами, онъ не въ силахъ былъ еще слѣдить за ходомъ политическихъ дѣлъ, а потому многое, что было ясно простымъ наблюдателямъ, ему было не видно. Работалъ этотъ человѣкъ какъ работаютъ одни энтузіасты. Съ маркизой де-Рошрѣ онъ видался ежедневно. Она первая отнеслась къ нему сочувственно. Энтузіазмъ ея до сихъ поръ не охлаждѣлъ. Какъ было ей не опираться на Космо? его геній соорудилъ это волшебное зданіе, онъ каждый день завоевывалъ новыя царства. Какъ могла она не поклоняться ему? Какъ могъ онъ не чувствовать прелести и силы этой женщины?

Маркиза, при первомъ свиданіи, впрочемъ, сообщила Космо о дошедшихъ до нея слухахъ. Онъ былъ извѣщенъ; тѣмъ болѣе, что тотчасъ сообразилъ, откуда вѣтеръ дуетъ.

— Это махинація враговъ, — рѣшилъ онъ. — Движеніе, вызванное нами, обратило на меня вниманіе республиканскаго правительства. До меня дошли слухи, что шпіоны слѣдятъ за нами. Съ тѣхъ поръ, какъ акціи наши поднялись до 2,500, евреи обратились съ ходатайствомъ къ министру финансовъ. У меня также есть свои сыщики. Каждое утро мнѣ извѣстно содержаніе всякой сколько-нибудь важной официальной бумаги составленной наканунѣ. Люди убѣдились, что имъ не разбить меня на биржѣ; такъ хотѣтъ этого достигнуть ложью. Мой отвѣтъ на эту клевету слѣдующій: на будущей недѣлѣ у насъ будетъ общее собраніе, и тогда я изложу акціонерамъ положеніе дѣлъ общества, докажу имъ, какъ блестяще это положеніе. Кто вамъ это все наговорилъ?

— Все равно, кто бы ни наговорилъ, другъ мой, — сказала она, протягивая ему руку. — Я не повѣрила.

Онъ взялъ ея руку и прижалъ къ губамъ.

— Вы съ самаго начала были въ этомъ предпріятіи моей вдохновительницей, моей Минервой. Ваше сочувствіе теперь служитъ лишь величайшей поддержкой. Повѣрьте, что ваше довѣріе мнѣ очень дорого; отнимите вы его у меня, я дѣйствительно былъ бы безпомощнымъ.

Она опустила глаза. Лицо ея слегка заалѣлось.

— Боюсь, — сказала она, сляясь улыбнуться, — что вы преувеличиваете значеніе моего скромнаго содѣйствія. Пріятно было идти за вами, за такимъ искуснымъ вожакомъ. Она взглянула на него. Лицо его свѣтилось улыбкой. — Да, продолжала она, устремивъ на него твердый взглядъ, — можно гордиться тѣмъ, что помогали вамъ, такъ какъ въ васъ мы нашли вѣрнаго поборника истины, настоящаго финансоваго рыцаря.

Итальянецъ схватилъ ея руку и нѣсколько разъ поцѣловалъ. Она не противилась.

— Ахъ, — вздохнулъ онъ, не выпуская ея руки: — что было бы, еслибъ всегда имѣть подлѣ себя такую помощницу!

Въ эту минуту слуга доложилъ:

— Г. Дюмарескъ.

Смѣтливый журналистъ тотчасъ догадался, что явился не во время. Космо немедленно простился и ушелъ. Иадатель газеты: «Добрый другъ» пріѣхалъ въ маркизъ по порученію комитета общественной безопасности. Въ утро этого самаго дня у нихъ съ барономъ и Антуаномъ происходило совѣщаніе. Антуанъ, предвидя близость катастрофы, уже давно убѣждалъ маркиза сбить часть своихъ акцій, которыхъ у него было 4,000 перваго выпуска, и столько же второго, умоляя его реализовать хотя бы половину по настоящимъ цѣнамъ. Старый аристократъ упорно отказывался послѣдовать этому доброму совѣту; онъ стоялъ на томъ, что такъ какъ онъ уговаривалъ всѣхъ своихъ друзей держаться, то съ его стороны было бы подлостью, будучи председателемъ правленія, постараться обезпечить себя отъ всякихъ случайностей. Антуанъ не находилъ возраженія противъ этихъ доводовъ. Они съ Плумомъ съ горькимъ чувствомъ вспоминали время, когда дали другъ другу слово спасти маркизу. Опаснялось, что это легче было сказать, чѣмъ сдѣлать. Маркизъ былъ слишкомъ честенъ, она слишкомъ увлечена. Дюмарескъ чувствовалъ, что и на немъ лежитъ нѣкоторая отвѣтственность, онъ даже помѣстилъ въ своей газетѣ замѣтку, гдѣ въ очень сдержанныхъ выраженіяхъ и очень осторожно давалъ понять, что не все обстоитъ благополучно. За это ему сильно досталось отъ монсеньора, Космо и кардинала Беретты. На знаменитомъ совѣщаніи проницательный Плумъ рѣшилъ, что единственное средство помочь горю, это — убѣдить маркиза отказаться отъ своей должности председателя, и это было тѣмъ легче сдѣлать, что старикъ все хворалъ, за послѣдній годъ постарѣлъ на десять лѣтъ и въ настоящую минуту не выходилъ изъ своей комнаты, гдѣ его удерживалъ сильный приступъ подагры. Избавившись отъ обузы,

маркизь могъ продать хотя бы часть своихъ акцій. Для этого необходимо было напугать маркизу серьёзной болѣзью мужа, утѣрить ее, что отдыхъ ему необходимъ. Съ этимъ-то дипломатическимъ порученіемъ и отправился къ ней Дюмарескъ. Рѣшено было, что онъ предложитъ ей замѣнить маркиза самимъ Космо, въ надеждѣ, что комбинація эта ей понравится и она тѣмъ охотѣе разыграетъ роль, которую друзья ея въ тайнѣ ей предназначали. Прекрасная маркиза встрѣтила Дюмареска упреками за его замѣтку.

— Мы нахватуи великаго торжества религін и порядка, — говорила она. — Все готово.

Дюмарескъ понялъ и внутренно содрогнулся. Неужели Космо околдовываетъ ея воображеніе такими бреднями?

Онъ перемѣнилъ разговоръ, заговоривъ о здоровьѣ маркиза и тутъ же исполнилъ возложенное на него порученіе. Маркиза какъ будто испугалась, она встала, точно собираясь сейчасъ идти къ мужу; журналистъ тоже поднялся, простился и уѣхалъ. Она осталась въ своемъ будуарѣ. Въ сердцѣ ея боролись различныя чувства. Наступила реакція послѣ знаменательнаго свиданія съ Космо. Она думала о томъ, что онъ сказалъ, о томъ, какъ онъ это сказалъ. Ахъ, еслибъ сильные люди всегда соединялись! Ей вспомнился мужъ — добродушный, не лишенный здраваго смысла, съ рыцарскимъ характеромъ, но онъ гораздо старше ея и совершенно неспособенъ оцѣнить, а тѣмъ менѣе раздѣлить ея честолюбивыя мечты, ея энтузіазмъ. А этотъ другой, даровитый, честолюбивый, восторженный и онъ... она пыталась заглушить эту мысль, прежде чѣмъ она сказала еѣ, вздрогнула, закрыла лицо руками и опустила на диванъ. Въ мысляхъ у нея было хаосъ. Она любила разъ въ жизни безмолвно, безнадежно молодого профессора Эдуарда Реми. Онъ полюбилъ Гортензію, а Маргарита вышла за стараго маркиза де-Рошрѣ, которому была вѣрной и доброй женой. Все это случилось двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Теперь передъ нею, въ воображеніи, стояло два чело-вѣка. Одинъ — баронъ Плумъ, старый другъ; другой — Космо, который явился и вызвалъ въ ней столько благородныхъ мыслей и стремленій... А сегодня, что онъ хотѣлъ сказать? Скажи онъ больше, она бы возненавидѣла его, но такъ какъ онъ этого не сдѣлалъ, она думала о немъ.

Разобраться въ своихъ мысляхъ она не могла и, чтобы раз-мыслиться, пошла навѣстить мужа.

Онъ сидѣлъ въ креслѣ, протянувъ ногу на скамейку. Лицо его было блѣдно и осунулось отъ страданія. Да, онъ боленъ,



онъ постарѣлъ. Онъ попытался улыбнуться, когда она стала на колѣни у его кресла, взяла его за руку и спросила:

— Вамъ не очень неадорвится?

— Не знаю, Маргарита, — сказалъ онъ. — Я не тотъ, какъ бывало. Я не такъ легко выношу боль. Голова также слаба. Но это пройдетъ.

Она не въ силахъ была долѣе сдерживаться, прислонилась головой къ ручкѣ его кресла и зарыдала.

Онъ заволновался, положилъ руку ей на голову и ласково гладилъ ея роскошные волосы.

— Маргарита, что случилось? Ты боишься за своего старика-мужа? Полно, милая, все обойдется. Миѣ надо оставить это колоссальное дѣло; Антуанъ тоже говорить. Намъ надо выбрать Космо предсѣдателемъ.

Она осушила слезы и подвела голову.

— Космо?

— Да, онъ одинъ можетъ занять это мѣсто.

— Правда, — прошептала ова.

## VIII.

Необыкновенное повышеніе акцій кредитнаго общества и различныхъ связанныхъ съ нимъ компаній не было вызвано естественными причинами. Съ цѣлью поднять курсъ на акціи, Космо отдалъ довѣреннымъ маклерамъ приказъ скупить для самого учрежденія 20,000 акцій, по цѣнамъ, доходившимъ почти до 2,500 франк. съ акціи, т.-е. принялъ на себя обязательство на 50 милліоновъ. Онъ также скупилъ всѣ акціи, которыя поступали на рынокъ, хотя ихъ, говоря относительно, было немного, благодаря усердствованію маркизы и всего ультрамонтанскаго и роялистскаго кружка. Число акцій, надъ которыми производилась эта операція, дошло почти до 10,000, что считая среднимъ числомъ по 2,500 съ акціи составляло около 25 милліоновъ, изъ которыхъ 22.500,000 были выданы изъ фондовъ общества. Далѣе, съ цѣлью поощрить спекулировавшихъ на акціи, Космо выдалъ имъ подъ нихъ еще 20 милліоновъ. Страшное количество денегъ лежало втунѣ на востокѣ, въ Венгріи, Румыніи, а также въ Италіи и Испаніи. Сундуки банка начинали пустѣть. Правда, послѣдствіемъ этой тактики было доведеніе акцій кредитнаго общества до 3,800. Правда также, что несчастная группа евреевъ и христіанъ не-католиковъ была прижата къ стѣнѣ. Справед-

ливо заключить, что операции Космо не могут долго продолжаться въ этомъ размѣрѣ, эти заговорщики спустили свои акціи по цѣнѣ отъ 1,500 до 2,000 и теперь были въ отчаяніи отъ колоссальной разницы, которая постепенно накопилась противъ нихъ. Они очутились въ тискахъ. Они не подумали о громадныхъ ресурсахъ кредитнаго общества, опирающагося на аристокрацію и на богатые конгрегаціи.

Вопросъ маркизы доказалъ Космо всю безусловную необходимость опровергнуть клевету. Общее собраніе приближалось. Космо совѣтовался съ Галюшѣ. Благодаря стараніямъ почтеннаго нотаріуса и различныхъ агентовъ, черезъ которыхъ Космо проводилъ свои операции, имъ удалось за нѣсколько дней до общаго собранія замѣнить акціи кредитнаго общества на сумму тридцати милліоновъ, да акціи различныхъ связанныхъ съ нимъ компаній приблизительно на такую же сумму, пятьюдесятью милліонами въ рентахъ и другихъ солидныхъ фондахъ. Спискомъ ихъ былъ представленъ предсѣдателю и совѣту. Барону Плуму тонкомъ саркастическимъ предложили пересмотрѣть ихъ, что онъ и исполнилъ. Къ его удивленію, какой свертокъ онъ ни развѣртывалъ ничего подозрительнаго не находилъ. Баронъ недоумѣвалъ. Онъ и не подозрѣвалъ, конечно, что всѣ эти фонды заняты на недѣлю, что 250,000 фр. заплачено за временное пользованіе ими.

Когда блестящій Мельо смѣялся вспоминая объ этомъ эпизодѣ, Космо очень хладнокровно замѣтилъ:

— Это была рисованная штука. Но когда нѣбось дѣло съ людьми, которые ничего не смыслятъ въ финансовой наукѣ, приходится принимать во вниманіе ихъ щеголивость. Знай они всю правду, они никогда бы не поняли нашихъ операций. Что касается до Плума, онъ — оселъ. Онъ погубилъ бы все дѣло. Теперь все въ нашихъ рукахъ. Намъ должны болѣе ста милліоновъ. Черезъ нѣсколько недѣль имъ придется расплачиваться. Абрамъ отлично попадетсѣ! Нѣмцы Штангеръ и Штингеръ должны намъ на разницу около восьми милліоновъ, Рейнсверъ семь. Это мщеніе за Седанъ. Скоро будетъ трауръ во всѣхъ синагогахъ. Мы поймали евреевъ въ ловушку. Когда мы проведемъ это, мы — царя парижской биржи.

Изъ этого монолога ясно, что отчаянный игрокъ не замѣчалъ опасности, заключавшейся въ ужасномъ положеніи, до котораго онъ довелъ сотни тысячъ спекуляторовъ...

Маркизъ де-Ропрѣ все не поправлялся; онъ отказался отъ предсѣдательства въ совѣтѣ кредитнаго общества. Космо

былъ единогласно выбранъ на его мѣсто. Баронъ Шлумъ вышелъ изъ директоро́въ, ему хотѣлось развязать себѣ руки; несмотря ни на что онъ не доверялъ магу, какъ онъ называлъ Космо. Баронъ, со свойственной ему осмотрительностью, даже принялъ нѣкоторые мѣры, распродалъ свои акціи, оставивъ себѣ только 500; три милліона франковъ лежало у него во французскомъ банкѣ—на всякій случай. Въ одно время съ нимъ отказался отъ директорства и князь Балтазаръ по совѣту, который равнялся приказанію, своего будущаго тестя Динандье. Мечта старика осуществилась, дочь его была невѣстой князя, приготовленія къ торжеству бракосочетанія дѣлались въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ.

Общее собраніе было торжествомъ Космо, но оно было также и торжествомъ маркизы. Она не могла воздержаться, чтобы не подтрунить надъ барономъ.

— Видите ли, — говорила она, — какой вы мудрецъ. Вы обязаны извиниться передъ господиномъ Космо. Подозрѣнія ваши оказались неосновательными.

— Повѣрите ли, что я и теперь въ этомъ не убѣжденъ.

— Ахъ, — съ досадою проговорила она, — вы безнадежно предубѣждены. Хорошо, что вы уходите. Признайтесь, нѣтъ ли тутъ досады сильнаго человѣка на преобладаніе сильнѣйшаго?

Баронъ печально взглянулъ на нее.

— Неужели дѣло дошло до того, — сказалъ онъ тихимъ, взволнованнымъ голосомъ, — что мы, маркиза, не находите болѣе благопріятнаго объясненія моему поведенію? Извѣстно ли вамъ, что въ эту самую минуту на биржѣ шопотомъ передаются странныя вѣсти? Космо прижалъ спекуляторовъ къ стѣнѣ. Имъ не перескочить черезъ нее. Для нихъ единственный выходъ вернуться вспять, растоптавъ его ногами. Они ему должны полтора мѣста милліоновъ. Чтб, если они не въ силахъ заплатить? А какъ вы думаете, сколько мы должны? Никто этого не знаетъ кромѣ Космо, если онъ знаетъ!

Въ эту минуту вошелъ Антуанъ; онъ былъ взволнованъ, не похожъ на себя.

— Маркиза, — сказалъ онъ, — я только-что съ биржи. Тамъ страшное волненіе. Андалузско-индійскій банкъ затрудняется въ платежахъ. Акціи упали на восемьсотъ франковъ. На нихъ нѣтъ никакого спроса. Это должно потрясти кредитное общество. Слѣдуетъ ожидать значительнаго пониженія...

— Знаю, — веревела маркиза, — г. Космо былъ здѣсь. Онъ

мнѣ все объяснилъ. Это только временное затрудненіе. Онъ принимаетъ свои мѣры. Я дала ему чекъ на французскій банкъ.

— Чекъ на французскій банкъ, — воскликнулъ Антуанъ, внѣ себя. — На сколько?

— На два милліона.

— Боже, вы разорены, — вскричалъ Антуанъ. — Известно ли вамъ, что эти два милліона — все ваше достояніе, внѣ кредитнаго общества?

— Чтожъ въ этого? у насъ остаются наши акціи. Г. Космо сегодня же пошлетъ десять милліоновъ въ Мадридъ андалузскому банку; все обойдется благополучно.

— Глупецъ! — вырвалось у возбужденнаго Плума. — Ему понадобится всякій сантимъ, какой онъ наскребетъ, чтобы въ Парижѣ-то распутаться. Идіотъ, негодай, плуть!

— Таше, баронъ, — проговорила маркиза, вставая и выпрямляясь. — Г. Космо — мой другъ. Вы слишкомъ много себя позволяете...

Плумъ поблѣднѣвъ, губы его задрожали.

— Простите, — прошепталъ онъ, — я совѣмъ растерялся.

Она бросилась на стулъ и поднесла руку ко лбу.

— Вы — мужчины, и смущаете меня, — говорила она. — Вамъ слѣдовало бы быть моею опорой, моими совѣтниками, а вы — мои самые жестокие критики!

— Напротивъ, — сказалъ Плумъ, рѣшаясь взять ея руку и горячо ее пожимая. — Мы — ваши слуги, ваши вѣрные рабы. Единственное наше желаніе служить вамъ, спасти васъ.

— Она это знала.

— Бѣгите, — сказала она, обращаясь къ Антуану: — отправляйтесь на биржу и предоставьте мнѣ одной справиться съ этимъ. Маркизъ слишкомъ боленъ, чтобы заниматься дѣлами. Что мнѣ было дѣлать? Г. Космо и г. Галюшъ здѣсь, а безъ васъ мнѣ не съ кѣмъ было посоветоваться кромѣ аббата.

— Маркиза, — сказалъ Антуанъ, — необходимо дѣйствовать рѣшительно. Надо сейчасъ продать часть вашихъ акцій. Мы должны быть готовы на всякія случайности. Разрѣшаете ли вы мнѣ, если возможно, продать достаточное количество акцій, чтобы возмѣстить взятую изъ банка сумму?

— Маркиза, — поддержалъ его Плумъ, — умоляю васъ принять этотъ совѣтъ Антуана.

— Но это не честно! Я только-что дала два милліона для поддержанія нашего кредита, а вы предлагаете мнѣ наводнить рынокъ нашими бумагами?

— Пойдите, — сказал баронъ, въ головѣ котораго блеснула счастливая мысль: — вчера меня пріятель спрашивалъ, не достану ли я ему на два съ половиной милліона этихъ фондовъ, которые ему нужны для уплаты по заключеннымъ уже контрактамъ. Это ужъ васъ нисколько не скомпрометируетъ. Можете просто дать ихъ ему взаймы, если желаете.

Послѣ легкаго колебанія она уступила, насморо дала Антуану довѣренность на полученіе и продажу бумагъ, и вскорѣ де-ла-Гупъ и Плумъ были на улицѣ и мчались во всю прыть въ французскій банкъ, гдѣ хранились фонды маркиза.

— Кто такой вашъ пріятель, которому въ такое время понадобилась такая пропасть именно этихъ бумагъ? — спросил Антуанъ барона.

Тотъ вспыхнулъ. Они заглянули въ глаза другъ другу.

Антуанъ протянулъ руку и крѣпко сжалъ руку своего спутника.

— Вы — истинный аристократъ, — сказал онъ, — аристократъ по душѣ, по сердцу.

— Полноте, — сказал баронъ. — Милый Антуанъ, все это вадоръ. Развѣ я не пожертвовалъ бы жизнью, чтобы избавить ее отъ минутнаго страданія? Поклянитесь мнѣ вашей совѣстью, что никогда не скажете ей, что я это сдѣлалъ.

— Клянусь! — воскликнулъ глубоко-растроганный Антуанъ.

— Стойте, — вскричалъ баронъ. — Намъ еще рано ѣхать во французскій банкъ. У меня тамъ лежитъ три милліона и если я переведу деньги прямо на имя маркиза, объ этомъ могутъ узнать. Поѣдьте въ Шампо. Теперь ровно одиннадцать часовъ. Мы тамъ застанемъ старика Динандье за завтракомъ. Онъ долженъ мнѣ это уладить.

Они дѣйствительно застали финансиста за столомъ. Онъ уписывалъ мелкихъ морскихъ раковъ въ ожиданіи завтрака. Страшное волненіе царило во всемъ районѣ биржи, во всѣхъ *cafés*, у Шампо. Цѣлыя толпы мужчинъ и женщинъ болтали, кричали, размахивали руками, иные плакали. Извозчики сходили съ козелъ и поднимались по лѣстницѣ, направляясь къ галлерей, въ погоню за сѣдоками, которые, подавшися общей тревогѣ, высказывали изъ экипажей и убѣгали, позабывши заплатить. У Шампо больше разговаривали, чѣмъ ѣли. Отъ времени до времени посланный подходилъ къ какому-нибудь извѣстному маклеру, шепталъ ему слова два и быстро удалялся. Многіе изъ этихъ маклеровъ, послѣ такого посѣщенія, вставали, не прикос-

нужались въ здѣ, и уходили блѣдые, встревоженные. Одинъ Динандъ сидѣлъ совершенно спокойно.

Плумъ и Антуанъ, до ушей которыхъ долетѣло много злобныхъ словъ, устѣрили шаги.

Динандъ поднялся имъ на-встрѣчу.

— А, баронъ, вы здѣсь? Счастье, что вы теперь не въ числѣ директоровъ католическо-кредитнаго общества. Слышали? Акціи упали на 650, въ вечеру упадутъ на тысячу. Биржа точно волнуемое море. Плонъ, Баресъ, Тимбалъ, всѣ несостоятельны. Точно свѣтопреставленіе—всемирная ликвидация. Садитесь, господа, позавтракаемъ.

— Извините, г. Динандъ,—сказала баронъ,—дѣло наше сѣбное. Сядьте и позвольте мнѣ объяснить его вамъ.

И Плумъ въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ, въ чемъ дѣло.

— Дѣло ясное!—воскликнулъ старикъ.—Не можете же маркиза страдать изъ-за этого итальянскаго негодая—Космо. Маркиза—святая, ангелъ. Она была добра, какъ мать, къ моей маленькой Сесиль. Господа, я совершенно въ вашемъ распоряженіи. Что вамъ угодно? три милліона? пять? десять? Хотя бы Динандъ пришлось заложить свой отель въ Рагс Мансеахъ—принимайте. Вдемъ; вы позволите мнѣ, баронъ, самому уладить это. Скорѣй, господа, скорѣй, три четверти двѣнадцатаго, банкъ закрыть.

Пріѣхавъ въ банкъ, Динандъ выдалъ чекъ на два съ половиной милліона и забралъ акціи. Онѣ ему были переданы по цѣнѣ, стоявшей наканунѣ—3,350 фр. Антуанъ этому противился, но баронъ настоялъ. Потомъ между молодыми аристократами и старыми финансистами возникъ большой споръ, каждый хотѣлъ, чтобы ему одному была предоставлена честь спасти маркизу. Баронъ принесть всю сумму, сполна, въ билетахъ и совалъ ее Динандъ. Тотъ не бралъ. Наконецъ Антуанъ, не безъ великаго труда, помирилъ ихъ, убѣдивъ раздѣлить между собою поровну эту честь; на томъ и порѣшили.

— А теперь, господа, — сказала Динандъ, — я опять на биржу. Всѣ эти деньги я верну черезъ нѣсколько часовъ. Смотрите, г. Антуанъ, ни слова маркизѣ, слышите: ни слова. Занимаетесь—онъ показывалъ Антуану геркулесовскій кулакъ—такъ ужъ не попадайтесь мнѣ. Акціи эти купилъ маклеръ Мартинъ, помните? Живое, кучеръ, ничего, я легонькій!—и старикъ расхотѣлся надъ собственной шуточкой...

На другой день Космо не явился въ отель де-Рошре. Парижъ

былъ въ волненіи. Акціи кредитнаго общества упали на 1200 фр., спросу на нихъ не было никакого. Акціи и облигаціи итальянской желѣзной дороги можно было бы скупить, еслибъ нашлись покупатели, почти по номинальной цѣнѣ. Космо велъ переговоры съ тѣми самыми евреями, которыхъ собирался было стереть съ лица земли...

Тѣмъ не менѣе онъ еще написалъ маркизѣ записку, убѣждая ее мужаться, прося написать всѣмъ друзьямъ, увѣрая, что дѣло еще не пропало. Записку эту она, едва пробѣжавъ, бросила на столѣ въ углу комнаты больного.

Передъ семейнымъ горемъ поблѣднѣли всѣ внѣшнія тревоги. Наконецъ вечеромъ ее, совершенно неожиданно, призвали къ постели мужа.

Онъ взглянулъ на нее, узналъ, попытался шевельнуть рукою, но воля уже болѣе не властвовала надъ этимъ старымъ тѣломъ, попытался шевельнуть губами, но звукъ замеръ. Тѣмъ не менѣе сознаніе еще его не оставило, отъ него не могли скрыть того, что происходило. Онъ читалъ газеты и тревожился; наконецъ онъ послалъ за Антуаномъ, расспросилъ его и... узналъ всю истину. Онъ не былъ нищимъ, но сравнительно съ прежнимъ богатымъ маркизомъ де-Рошрѣ превратился въ скромнаго *gentier*. Больной собралъ послѣднія силы и напустился на своего секретаря:

— Не вамъ ли я довѣрилъ мое состояніе?— говорилъ онъ.— Негодай, трусь! Васъ, вѣроятно, подкупилъ этотъ дьяволъ Космо. Да, я отлично понимаю. Я помню, что вы измѣнили свое мнѣніе въ двадцать четыре часа.

Съ тяжкимъ чувствомъ на сердцѣ вышелъ Антуанъ изъ комнаты больного, и вскорѣ очутился на улицѣ. Онъ самъ не зналъ, куда идти, не оглядывался, почти не замѣчалъ прохожихъ. Звѣзды ярко сіяли надъ головой, но не для него. Онъ ничего не сознавалъ. Ему вспомнились слова барона: «Счастье и честь де-Рошрѣ въ вашихъ рукахъ. Ея честь и ея счастье». Да, онъ слишкомъ хорошо ихъ помнилъ.

Онъ зашелъ въ *Café Voisin*, заказалъ себѣ изысканный обѣдъ, съ лучшими винами и заботливо обсудилъ меню. Кромѣ необычнаго блеска въ глазахъ, въ немъ не замѣчалось ничего особеннаго.

Гарсоны въ такихъ ресторанахъ очень смѣтливы. Они знали секретаря маркиза де-Рошрѣ и шопотомъ переговаривались.

— Говорятъ, Рошрѣ потеряли тридцать милліоновъ, а секретарь-то обѣдаетъ точно принцъ!

— Да ему-то какое дѣло! Онъ о себѣ позаботился. Онъ человекъ умный.

А Антуанъ сидѣлъ себѣ преспокойно, ѣлъ и пилъ медленно, выпилъ кофе, выпилъ коньяку, выкурилъ большую сигару. Было около десяти часовъ, когда онъ всталъ и спросилъ свое пальто. Изъ ресторана онъ зашелъ въ аптеку на Rue de la paix и спросилъ хлороформу. Аптекарь былъ знакомый.

— У меня болятъ зубы, — сказала Антуанъ, держась за щеку, — хочу натереть имъ десны.

— Будьте очень осторожны, г. де-ла Гупъ. Не вотрите слишкомъ много.

— Не бойтесь. Что вы называете *слишкомъ* мною? Чайную ложку?

— Помилуйте, да чайная ложка на мѣстѣ бы васъ убила.

Онъ заплатилъ за хлороформъ, положилъ его въ карманъ, закурилъ папиросу. Онъ направился въ Пале-Роялю, обогнувъ бульвары, на которыхъ толпились искатели удовольствій.

— Эфемериды, — говорилъ онъ себѣ улыбаясь, — одинъ приходитъ, другой уходитъ. Сегодня мы съ Виолеттой уходимъ. Завтра мѣста наши будутъ заняты другими безумцами. Кто по-мѣрять, чтобы для всѣхъ этихъ людей существовало что-нибудь кромѣ кратковременной жизни и уничтоженія! Да оно и хорошо. Всякая другая теорія дѣлаетъ проблему неразрѣшимой.

Все было кончено. Пагода изъ папье-маше рухнула. Разереніе пронизало въ тысячи семей, горе и отчаяніе свили себѣ гнѣздо въ сотняхъ тысячъ сердець.

Отель де-Рошрѣ не былъ въ рукахъ полиціи, благодаря Луиу, Динандѣ и покойному Антуану. Но въ немъ царили пустота и бѣсноты. Недавно изъ него вынесли тѣло маркиза. Похороны были скромныя. Только нѣсколько друзей мужчинъ слѣдовали за гробомъ, да три блѣдныя женщины, маркиза, Сесиль, Гортензіа.

Маркиза удалилась въ монастырь Sacré-Coeur, но она не собралась принимать постраженія.

Кромѣ ея стараго друга, Гортензіи Рима, надъ нею въ эти черныя дни востоянно бодрствовалъ другой другъ. Съ нимъ она совѣтовалась обо всемъ, онъ принялъ на себя всѣ распоряженія. Онъ получилъ полную довѣренность на управленіе остатками ея состоянія въ теченіе этого года, который она дала себѣ слово провести въ уединеніи.



Въ утро того дня, когда она должна была оставить отель, чтобы ѣхать въ Анжеръ онъ одинъ пришелъ ее проводить. Слугъ, за исключеніемъ ея горничной да привратника, который бродилъ по опустѣвшему дому, затворя ставни и спуская шторы, всѣхъ распустили. Экипажъ его ждалъ у дверей, она должна была ѣхать на станцію одна. Теперь она, въ своемъ траурномъ платьѣ съ длиннымъ, откинутымъ назадъ вуалемъ, сидѣла въ будуарѣ, гдѣ царствовали полныя, всегда предшествующій отъѣзду безпорядокъ.

— Другъ мой, — сказала она, протягивая ему руку: — намъ остается только нѣсколько минутъ для прощанія. Прежде чѣмъ я уйду, чтобы никогда, можетъ быть, болѣе съ вами не встрѣтиться, скажите, что вы меня простили.

— Маркиза, — сказалъ онъ тихимъ голосомъ, не выпуская ея руки изъ своей, — избавьте меня отъ этихъ извиненій, вы никогда не могли сдѣлать ничего неблагогого.

— Перестаньте, — сказала она глубоко взволнованная, съ глазами, полными слезъ. — Александръ, вы золотой другъ, вы, и вы одни въ теченіе этихъ ужасныхъ недѣль, спасли меня отъ полнаго отчаянія. Воспоминаніе объ этомъ послужить мнѣ утѣшеніемъ въ часы моего одиночества. Пока мое искупленіе не исполнится, вы не можете получать отъ меня извѣстій, но повѣрьте, что Маргарита де-Ронрэ никогда не забудетъ доброты и преданности своего лучшаго друга.

— Друга! — воскликнулъ баронъ.

— Ради меня и васъ самихъ, ничего не прибавляйте. Единственные возможныя для меня чувства — чувства скорби и униженія. Въ нихъ сильныя души почерпаютъ славу, а слабыя — силу. Черезъ годъ мы, можетъ быть встрѣтимся и тогда вы, быть можетъ, найдете во мнѣ болѣе смиренную, но лучшую женщину. Прощайте!

Она закрыла лицо платкомъ, онъ слегка прикоснулся губами къ ея рукѣ, всталъ и прошелся по длинному ряду гостинныхъ. На лицѣ его отражалось волненіе, но глаза горѣли. Когда она сошла внизъ съ опущеннымъ на лицо густымъ вуалемъ, онъ посадилъ ее въ карету; лошади уже готовы были тронуться, она на одно мгновеніе приподняла вуаль и не слышала, но только по движенію губъ его угадала, что онъ говоритъ ей:

— До свиданія, Маргарита!

Въ вечеръ того же дня Космо шелъ пѣшкомъ по дождю, на свиданіе съ нотариусомъ. Воротникъ его пальто былъ поднятъ, cache-nez до половины закрывалъ ему лицо, шляпа была накинута на самые глаза. Голова была занята новыми планами; энергическая, стальная натура итальянца сказывалась даже и въ эти странныя минуты.

Онъ добрался до знакомаго дома, на улицѣ никого не было. Было болѣе десяти часовъ, маленькая калитка была полуотворена, онъ толкнулъ ее и вошелъ. Слабый свѣтъ видѣлся изъ окна комнатки привратника. На лѣстницѣ огонь былъ погашенъ. Онъ сдѣлалъ три шага.

— Кто идетъ?—послышался голосъ г-жи Гюлотъ.

— Это я, Космо. Иду къ г. Галюшѣ. Дайте мнѣ огня.

Молча, осторожно проскользнула она за его спиной, заперла калитку и тихо позвала:—Діонись!

Черезъ мгновеніе, прежде чѣмъ Космо успѣлъ вскрикнуть, сильные руки этой женщины обвились вокругъ его шеи, привратникъ выбѣжалъ изъ своей комнатки, блеснулъ ножъ и... все было кончено.

Темная фигура лежала неподвижно, надъ нею стояла женщина съ лицомъ мегеры, а изъ комнатки привратника слышались звуки скрипки. Прошелъ часъ, музыка продолжалась, исполнитель походилъ на одержимаго. Красными воспаленными глазами онъ смотрѣлъ вдаль и, казалось, ничего не видѣлъ, а звуки все лились. Это былъ стонъ, похоронный гимнъ, дивная пѣсня торжества.

Послышался громкій, повелительный стукъ въ калитку. Женщина отдернула засовъ, показались фуражки жандармовъ.

— Что это за шумъ? Что вы здѣсь дѣлаете?

— Войдите, — спокойно отвѣтила она.

Они вошли и увидѣли распростертую фигуру.

— Онъ умеръ!—сказалъ одинъ изъ жандармовъ, наклоняясь надъ нею.

Суровая улыбка мелькнула на лицѣ женщины.

Жандармъ вошелъ въ комнатку привратника и положилъ ему руку на плечо. Гюлотъ пересталъ играть. Скрипка его съ рѣзкимъ стукомъ упала на полъ. Онъ обратилъ къ жандарму свѣрѣлое лицо, покрытое потомъ.

— Кто это?

Жандармъ кивкомъ головы на дверь указывалъ на тѣло.

— Г. Космо.

— Космо, финансистъ, вы его убили?

Гюлотъ только кивнулъ въ отвѣтъ.

— За что?

— За что? — повторилъ онъ вснакивая. — Онъ разорилъ меня, разорилъ ее, г. Галюшя, маркиза и маркизу де-Ромире, разорилъ тысячи бѣдныхъ людей. Онъ получилъ только то, что заслужилъ.

— Да, — сказала женщина со двора холоднымъ, спокойнымъ, твердымъ голосомъ: — онъ получилъ только то, что заслужилъ. .

О. П.



# ВЪ ВЕНЕЦІИ

---

## I.

### МОСТЪ ВЗДОНОВЪ.

Подъ мостомъ вздохомъ проплывала  
Гондола позднею порой  
И въ блѣдномъ сумрагѣ канала  
Раздумье овладѣло мной.  
Зачѣмъ таинственною сѣнью  
Нависъ такъ мрачно этотъ сводъ?  
Зачѣмъ такой зловѣщей тѣнью  
Подъ этимъ мостомъ обдастъ?  
Какъ много вздохомъ и стenanій,  
Должно быть, въ прежніе года  
Слышали стѣны этихъ зданій  
И эта мутная вода!  
Могли-бъ повѣдать эти своды,  
Какъ въ дни глубокой старины,  
Бывало, оглашались воды  
Паденьемъ тѣла съ вышины;  
И волнъ, и времени теченье  
Спѣшило тѣло унести:—  
То были жертвы отомщенья  
Совѣта трехъ и десяти...  
Но не болтливы стѣны камня,  
Не разговорчива вода,  
И лишь въ одномъ воображеніи  
Встаютъ минувшіе года.

Безмолвна мраморная арка,  
 Безмолвенъ сумрачный каналъ...  
 Крылатый левъ Святого Марка  
 Сномъ вѣковѣчнымъ задремалъ.

## II.

\* \* \*

Помнишь, порою ночью  
 Наша гондола плыла,  
 Мы любовались луною,  
 Всплескамъ внимая весла.

Помнишь, безмолвно дремала  
 Тихимъ Венеція сномъ,  
 Въ сонныхъ воды канала  
 Звѣзды глядѣлись кругомъ.

Мимо палаццо мы дожей,  
 Мимо пьядцетты возонитъ  
 Плыли съ тобою... О, Боже,  
 Что за чарующій сонъ!

Искрились волны лагуны...  
 Гдѣ-то въ дали голубой  
 Плакали нѣжныя струны,  
 Пѣлъ гондольеръ молодой,—

Пѣлъ онъ про мѣсяцъ, про море,  
 Про голубую волну,  
 Пѣлъ про блаженство и горе,  
 И про любовь, и весну.

Дивная пѣснь лавѣвала  
 Грезы блаженной любви,  
 Въ душу она проникала,  
 Страсть разжигала въ крови...

Помнишь, порою ночью  
Тихо гондола плыла,  
Мы любовались луною...  
О, что за ночь-то была!

## III.

## БАРКАРОЛЛА.

Плыви, моя гондола,  
Озарена луной,  
Раздайся баркаролла  
Надъ сонною волной.  
Настроена гитара;  
О, другъ, я въ честь твою  
Всего земного шара  
Всѣ пѣсни пропою!  
Смотри, ужъ на Пяццеттѣ  
Потушены огни,  
При яркомъ лунномъ свѣтѣ  
Съ тобою мы одни.  
Замолкли серенады  
И ставни заперты,  
Среди ночной прохлады  
Не спимъ лишь я, да ты.  
До Лидо недалеко,  
Мы быстро доплывемъ;  
Тамъ море такъ широко  
Раскинулось кругомъ;  
Тамъ мѣсяцъ волны любить:  
Смотри, какъ съ вышины  
Лучами онъ голубить  
Морскія глубины.  
Тамъ, въ голубомъ просторѣ,  
Въ лазоревой дали  
Забудемъ мы и горе,  
И бѣдствія земли—  
Пускай звукъ поцѣлуя  
Подслушаетъ волна,  
И какъ тебя люблю я,  
Пусть подглядитъ луна!

## IV.

## НАДПИСЬ КЪ КАРТИНѢ.

Съ какою кротостью и скорбью нѣжной  
Пречистая взираетъ съ полотна!  
Грядущій часъ печали неизбѣжной  
Какъ бы предчувствуетъ Она.

Къ груди Она младенца прижимаетъ  
И Имъ любитъ, о Немъ грусти—  
Какъ Богъ, Онъ вѣрою вѣчность проникаетъ  
И беззаботенъ, какъ дитя.

## V.

Скользила гондола моя надъ волной  
Морского широкаго лона...  
Заката малиновый лучъ надо мной  
Румянилъ лазурь небосклона.

Жемчужные, сверху, ряды облаковъ  
Глядѣлись въ спокойное море  
И слышался бой отдаленныхъ часовъ,  
Теряясь въ безбрежномъ просторѣ.

Желаніемъ сладостнымъ, нѣжной тоской  
Душа изнывала и мѣла:  
Хотѣлось слиться съ волной голубой,  
Летѣть выше неба предѣла,

Хотѣлось угаснуть какъ лучъ золотой,  
Застыть, какъ тѣ звуки въ просторѣ,  
Хотѣлось объять ненасытной душой  
Все небо и цѣлое море!

В. Р.



# ЗАПИСКИ О СИБИРИ

## I. — ОХОТА НА ВРОДЯГЪ.

Биологія, чтобы раскрыть тайну человеческой жизни, обратилась къ изученію низшихъ животныхъ организмовъ и только тогда получила правильную точку отправленія; социальная наука только тогда стала на ноги, когда обратилась къ сравнительному изученію народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи. Съ этой стороны крайне поучительно сравнительное изученіе русскаго народа, совершенно одичавшаго въ нашихъ захолустныхъ уѣздахъ и даже областяхъ, какъ Сибирь.

Сибирское населеніе слишкомъ часто, если не вообще — тупое и озлобленное: «ѣдятъ другъ друга и тѣмъ сыты бываютъ». Это одинаково какъ въ свѣтскомъ, такъ и въ духовномъ званіи, гдѣ, по пословицѣ, «попъ попа естъ, только глазомъ мигаетъ». Но самое пріятнѣйшее дѣло — это сожрать заѣзжаго человѣка, или, какъ здѣсь говорятся, «россійскаго». Не знаю, кого-то ужъ больно взорвало горе и онъ сообщалъ даже изъ западной Сибири, что у нихъ настало гѣто и со всѣми признаками, — съ появленіемъ насѣкомыхъ, особенно комаровъ, и прибавлялъ, что «къ чести этихъ гадовъ нужно сказать, что они вполне гармонируютъ съ мѣстнымъ населеніемъ — чрезвычайно навоиливы, ядовиты и самымъ нахальнымъ образомъ высасываютъ кровь» <sup>1)</sup>. Увеличьте этотъ приговоръ на нѣсколько градусовъ, и получится восточная Сибирь, гдѣ отъ Иркутска до Благовѣщенска только и видишь, что «каменные души» и «всѣ степени злодѣйства», гдѣ, напр., въ Благовѣщенскѣ (на Амурѣ) намъ говорятъ о трезвыхъ, честныхъ

<sup>1)</sup> Газета „Сибирь“, 1879, № 34.



и дѣятельныхъ молоканѣхъ: «это самые негодные и коварные люди».

Здѣсь одно спасеніе — цѣпныя собаки, которыхъ все-таки сосѣди отравляютъ сулемой, «чичилиубицей», лютикомъ, а то мясомъ съ иголками или со стеклами. Затѣмъ — безчисленное множество запоровъ, заряженныхъ ружья и револьверы; домъ, кругомъ замкнутый на ночь желѣзными болтами, словно это не жилище мирнаго человѣка, а казематъ; но и тутъ домашніе воры по ночамъ пробуравливаютъ стѣны (машинкой, называемой «перушко»), и воровство держать и селеніе въ вѣчномъ страхѣ. По ночамъ, когда все спитъ, растанувшись на полу на своихъ кошахъ (войлокъ), хоть раскричиси о помощи — никто и ни за что не выйдетъ на улицу. Здѣсь отъ голодovie одно спасеніе — огородъ, и исключая самыхъ крайнихъ бѣдняковъ, положительно нѣтъ ни одного дома безъ огорода. Наступила осень, все поспѣло, и начинается повальное, сплошное обворовываніе огородовъ, обыкновенно окруженныхъ высокимъ тыномъ, — но и тынъ не помогаетъ. Мало того, что украдутъ изъ огорода все съѣдобное, — на-смѣхъ еще, у какой-нибудь несчастной старухи, повыдергаютъ капусту и развѣсятъ ее по тыну. Спрашивается, что къ этому побуждаетъ? Да привычка къ злобѣ, — и обыкновенно подобная гадость возбуждаетъ не преслѣдованіе виновныхъ, а всеобщее злорадство. Здѣсь всѣ рады несчастію ближняго, и только и глядятъ «по окнамъ», чтобъ поживиться. Во время пожаровъ, напр., всегда идетъ отчаянный грабежъ. Горитъ и почти выгораетъ весь Иркутскъ, пожарнице представляется какимъ-то адомъ; среди этого страшнаго бѣдствія, казалось, должны бы были заглухнуть всѣ похоти и дикіе инстинкты, а сибиряки бросаются на грабежъ. Грабежъ и воровство — говорить мѣстная газета — были почти у всѣхъ погорѣльцовъ <sup>1)</sup>. Не торопитесь изумляться всему сказанному, не дочитавъ настоящей главы. Вѣдь былъ же случай въ самое недавнее время, что казначей въ Читѣ, Портнягинъ, еще не старый человѣкъ, и купецъ Костровъ на Шилѣ, оба, запутавшись въ деньгахъ, взяли да изрубили топорами своихъ женъ и дѣтей, а сами удавились. И поневолѣ повѣришь покойному профессору Щапову, что сибиряки еще недавно были людоедами, и жажда крови до сихъ поръ не исчезла изъ ихъ привычекъ.

Чтобъ здѣсь кто-нибудь оказалъ безкорыстно, безъ лицемѣрія (которое даже и пирами угощаетъ), какую-нибудь услугу или, по

<sup>1)</sup> Тамъ же, 1879, № 30.

крайней мѣрѣ, на сдѣланный ему вопросъ дать бы отвѣтъ, — этого не дожидаться во вѣки. Намъ давно говорили объ этомъ, но мы не вѣрили, и вотъ для опыта, вѣжливо кланаясь бабѣ, которая сегодня же была у своего исправника, только-что мимо нея проѣхавшаго, спрашиваемъ: «скажите, пожалуйста, кто это проѣхалъ?» — «Не знаю!» — отрѣзала она, и зашагала дальше, пощелкивая «сѣрку» <sup>1)</sup>. Мы продолжаемъ спрашивать, и получить цѣлый рядъ подобныхъ «не знаю», совершенно нечаянно спросили: «а что, носъ-то есть у тебя?» — и она опять отвѣтила «не знаю», но спохватившись обозлилась. Точно такое же поварное «не знаю» сплошь и рядомъ получаешь и отъ общества, если спросишь о подробностяхъ мѣстной жизни, а тѣмъ паче объ ея недостаткахъ.

— Ну, — спрашиваемъ, — а за горбачами-то сибиряки охотятся или нѣтъ?

При такомъ дерзкомъ вопросѣ начинается цѣлый взрывъ негодованія.

Поэтому-то самому, до послѣдняго времени крайне трудно было имѣть свѣдѣнія о страшной участи, постигающей бродягъ, такъ какъ и дѣло-то само по себѣ опасное и дурное, да и сибиряки все скрываютъ изъ-за гордости дикаря, что «они никакъ не хуже российскихъ». Посмотримъ же, насколько они «не хуже» послѣ того, какъ русскимъ писателямъ, заѣзжавшимъ въ Сибирь, удалось вытащить на божій свѣтъ множество вопиющихъ фактовъ о звѣрскомъ обращеніи сибиряка съ бродягой, носившимъ страдальческое и чисто мученическое имя «горбача», т. е., человѣка, горемъ и нуждой сгорбленного до земли.

Смыльно-каторжный, сколько бы ни упалъ онъ нравственно, всегда смотритъ «смысока» на сибиряка, особенно на сибирячку, и осмѣиваетъ ихъ насмѣшками: «сибиряки — соленые уши»; «сибиряки, какъ рождаются, три дня слѣпы бываютъ»; «никакого здѣсь образованія нѣтъ, — говоритъ поселенецъ изъ простыхъ людей, — одно слово — глушь; только тобольская губернія и похожа на Россію, да еще на Барабѣ увидишь российский народъ, а то все сибирячье» <sup>2)</sup>. Несомнѣнно, что подобное мнѣніе о сибирячѣ выработалось у смыльныхъ въслѣдствіе долговременнаго и тяжелаго опыта. Въ Сибири прежде было великое множество бродягъ. Бродяги эти, за извѣстными исключеніями, никому не дѣлають вреда и, замученные голодомъ и нуждою, думаютъ объ

<sup>1)</sup> Сибирячки, подобно дикарямъ, вѣчно жуютъ смолку отъ ливственницы, называемую «сѣркою», при этомъ щелкая челюстями.

<sup>2)</sup> «Дѣло», 1868, XI, 72.

одномъ, какъ бы скорѣе пробраться «домой», — дорогой занимаются всякими работами, а сибиряки рѣжутъ ихъ, и грабятъ.

Одинъ изслѣдователь, посвятившій себя специальному изученію положенія бродягъ въ Сибири сообщалъ слѣдующее. Въ Сибири у богатыхъ мужиковъ и мироздовъ жизнь работника вообще бѣдственна <sup>1)</sup>. Его обременяють трудомъ, какъ домовую лошадь, давая какъ можно меньше отдыха, и зажимиваютъ плату. Про такихъ хозяевъ говорятъ: «не дай Богъ жить у богатого мужика, — хуже его нѣтъ на свѣтѣ: онъ тебя всего выжметъ и денегъ не отдастъ». Обращаясь варварски съ вольнымъ работникомъ, такой мужикъ еще суровѣе обращается съ бродягой. Работая, бродяга часто теряетъ не только деньги, но и самую жизнь. Во многихъ мѣстахъ есть крестьяне, пользующіеся бродяжническимъ трудомъ бесплатно, и если бродяга проситъ денегъ, они его убиваютъ. Я видѣлъ, — говоритъ Семилужинскій, — латыша бродягу, которій показывалъ мнѣ на шеѣ слѣды петли. Онъ работалъ на пашиѣ у крестьянина; по окончаніи работы попросилъ у своего хозяина денегъ, а онъ, съ помощью другого своего работника, накинулъ на него петлю и началъ его давить. Кончилось тѣмъ, что латышъ съумѣлъ вырваться, бросился въ деревню и истребовалъ съ мужика 15 р. за покушеніе на убійство. Иногда сибиряки, хотя и даютъ плату бродягѣ, но вслѣдъ затѣмъ ѣдутъ по дорогѣ за нимъ, и въ лѣсу обирають его или убиваютъ.

«Сибирякъ, — откровенно рассказывалъ бродяга, — только и норовитъ, чтобъ тебя обокрасть, а украдь у него хоть топоръ, онъ не спуститъ, — въ такой азартъ войдетъ: «эй, сѣдлай кобылу, бери винтовку!» Заторопится, запутается. Сейчасъ въ погоню и отъ него не уйдешь; 200 верстъ будетъ гнаться и ужъ нагонитъ. Онъ выслѣдитъ, всѣ тропинки въ лѣсу объѣдетъ, гдѣ ты прошелъ, замѣтитъ; суки, шишка лежатъ не такъ, какъ вчера, ужъ онъ видитъ. Теперь довольно ему только разъ взглянуть на человека — упомнить, въ чемъ онъ проходилъ, каковъ собой, какія примѣты, и черезъ мѣсяцъ узнаетъ. Пронзительный этотъ сибир-

<sup>1)</sup> Семилужинскій, «Бродячее населеніе Сибири». «Дѣло», 1868. Другой писатель добавляетъ: «Лѣтомъ сибирякъ поселенца беретъ по нуждѣ — работы много, землей гонятъ, но и принявши его въ работники въ рабочую страдную пору, стѣсняетъ во всемъ и обижаетъ, тѣмъ ни пошло, — сибирякъ и за грѣхъ этого не считаетъ, зная тотъ коренной законъ, что поселщику нѣтъ вѣры и давать ему не велѣно. Условную заработную плату хозяинъ охотѣе даетъ поселенцу передъ праздникомъ и на кабацъ, и притомъ съ тѣмъ условіемъ, чтобъ „воду-то напимъ выпимъ вѣстѣ съ хозяиномъ“. (Максимовъ, I, 277).

ры! Какъ нагонить, сейчасъ кричитъ: «стой, варнаки! становись всѣ подъ одну пулю!» Разбойники, страсть бьютъ нашего брата. Убить ему ничего за всякую малость, а другіе такъ и ни за что, только бы обобрать у него деньги, а то и одеждой бродяческой не побрезгаютъ. «*Блава отъстоитъ пять копеекъ, — говоритъ сибирякъ, — а съ юрбача все на полтину возьми!*» И это говорится вслухъ, безъ стыда.

Вотъ другой подлинный рассказъ бродяги, какъ нельзя лучше рисующій занятія крестьянъ и казаковъ, заброшенныхъ въ тайгалы и на границѣ и занимающихся грабежомъ. «Ступайте, — даютъ совѣтъ бѣглымъ, — теперь прямо. На пути будетъ распадокъ, дорога пойдетъ въ него прямо — не ходите: тутъ казаки живутъ. Тамъ далеко есть занима, — въ ней казакъ живетъ. Хлѣба не съѣсть, а ходить съ ружьемъ за бѣлкой, и онъ охотно напимаетъ вашего брата, варнака, въ работу, да платитъ за посылку свинцомъ. Такъ вы это помните».

Зашли. Казакъ ласковый такой, встрѣтилъ, угощаетъ, суетится.

— Оставайтесь, — говоритъ. — Кормить васъ буду, вы только работайте, а спрячу такъ, что никакой сыщикъ не доберется.

Говоритъ — улачиваетъ. Проспали мы ночь. Поутру рано ушли такъ, что онъ и не примѣтилъ, — спалъ еще. Смотримъ, догоняетъ онъ насъ на лошади, и винтовка у него за спиной торчитъ. Сталъ подъѣзжать, винтовку въ руки, прицѣливается...

Не ему ничего не удалось, только потерялъ винтовку и, уйдя на коѣ, грозился:

— Такъ ли, не такъ ли, а выпу-де вину и свою-де обиду на другихъ варнакахъ вымещу! <sup>1)</sup>

Охота на бродягъ — не случайность какая-нибудь, а укоренившееся зло, къ которому сибирякъ привыкаетъ съ дѣтства. Крестьянскій мальчикъ вмѣсто того, чтобъ, по своему, наслаждаться жизнію, смотреть уже разбойникомъ, и, между прочимъ, просить отца убить бродягу изъ винтовки, чтобъ посмотреть, какъ юрбуна будетъ на юрбу вертѣться!..

Неудивительно, что такіе нравы могли явиться въ Сибири, выросшей на каторжно-инородческой почвѣ. Въ то время, говоритъ Максимовъ, когда производилось заселеніе Забайкалья (гдѣ потомъ возникли упомянутые ниже *Олентуй, Малета, Тарбогатый*) переселенцами съ зачетомъ за рекрута, промыселъ на горбачей былъ самымъ обычнымъ дѣломъ.

<sup>1)</sup> Максимовъ I, 188.

— Гдѣ мужчины?—спрашивалъ одинъ проѣзжій у бабы, случайно остановившись въ одной изъ по красноярскому тракту.

— На горбачей пошли!—спокойно объяснила баба и затѣмъ прибавила:—вчера ходили, промыслили только одного, да бѣднаго: поженились лопатинкой одной, а въ прошломъ году у одного нашли подъ стельбой 50 рублей <sup>1)</sup>.—«Гдѣ твой отецъ?»—спрашиваютъ у сибирской дѣвочки, и будущая сибирячка хладнокровно даетъ отвѣтъ: «уѣхалъ горбачей стрѣлять!» <sup>2)</sup>.

Мало убить бродягу—надо еще убитого истерзать. Убитыхъ бродягъ сибиряки рѣжутъ на части и разбрасываютъ ихъ, чтобъ не попался трупъ <sup>3)</sup>. Свидѣтельство это подтверждается другимъ писателемъ: «такъ какъ многія убійства бродягъ отрывались полиціей и крестьяне были судимы за это, то между ними вошло въ обычай—убивъ бродягу, вы скинуть съ него кожу и мясо, или рубить его трупъ на мелкіе куски и потомъ зарывать ихъ въ разныхъ мѣстахъ, чтобъ уничтожить слѣды убійства и всѣ признаки личности трупа». Это подтверждается разсказами, какъ бродягъ, такъ и самихъ крестьянъ <sup>4)</sup>.

Вслѣдствіе этого, отъ Томска и до Читы образовались цѣлыя мѣстности, прославившіяся охотою на горбачей. Въ томской губерніи есть цѣлыя деревни, только и живущія что грабежомъ бродягъ. Около Фингуля есть «волки» (рѣдкій лѣсъ), и про нихъ бродяги говорятъ: «здѣсь нѣтъ столько лѣсу, сколько нашего брата положено въ сырую землю». Про рѣчку Карасунъ въ томской губерніи отзываются: «Карасунъ ужъ провонилъ,—такъ его завалили нашими бродягами». Извѣстны даже имена сибиряковъ, прославившихся охотою на бродягъ. Таковъ былъ Битковъ, жившій и промышлявшій на Ангартѣ, Романовъ—въ Фингулѣ, Заворота—въ енисейской губерніи, и еще какой-то Волковъ. Романовъ, напр., выѣзжалъ за деревню и ложился въ волю поджидать бродягъ и стрѣлять проходящихъ по дорогѣ. Битковъ стрѣлялъ съ берега плывшихъ по рѣкѣ. Подобнымъ образомъ промышляли какіе-то два брата по Бирюсѣ, и, говорятъ, бывали такіе сибиряки, которые убивали въ свою жизнь по *шестидесяти*, по *девяносто* и болѣе бродягъ... <sup>5)</sup> Въ томской губерніи извѣстенъ былъ мужикъ Парамоничъ, всю жизнь занимавшійся истребленіемъ бродягъ, и закончившій свою участь

<sup>1)</sup> Максимовъ. I, 204.

<sup>2)</sup> Дѣло, 1873, X.

<sup>3)</sup> Вѣстн. Евр. 1875, XII, 547.

<sup>4)</sup> Отеч. Зап. 1867, XI, II, 270.

<sup>5)</sup> Дѣло, 1868, XI, 45, 107, 113.

тѣмъ, что одинъ бродяга нахлобучилъ ему на голову раскаленный мѣдный котелъ <sup>1)</sup>. Въ 15-ти верстахъ отъ Нижнеудинска жители специально занимались истребленіемъ бродягъ <sup>2)</sup>. Есть даже такой край въ Сибири, гдѣ охота на бродягъ помогла скопленію богатствъ въ рукахъ сибирскихъ кулаковъ. Начиная отъ Верхнеудинска и до Читы, и затѣмъ прямо на югъ, вплоть до самой китайской границы, на необозримомъ пространствѣ плодородныхъ долинъ по рѣкамъ Хилку и Чикюю, по Ингодѣ и Оному возникло множество богатыхъ деревень, раскинутыхъ иногда на нѣсколько верстъ и населенныхъ старовѣрами («семейскими») и сибиряками. Но эти плодородныя долины то, раздѣлены другъ отъ друга громадными хребтами горъ, какъ, напр., Становой и Яблоновыи между Хилкомъ и Ингодой, или одинъ изъ главныхъ отроговъ его, лежащій между рѣками Хилкомъ и Чикюемъ, то уже совершенно заброшены въ горной тайнѣ <sup>3)</sup>; и здѣсь, вмѣсто легка возможной цивилизаціи среди дѣятельнаго земледѣльческаго населенія изъ старовѣровъ, повсюду одна лишь глушь непроходимая, способная скрыть въ себѣ самыя темныя дѣла. Здѣсь, въ средѣ собственно сибирскаго населенія опять прошли два вліянія (вовсе незнакомыя старовѣрамъ), каторжное и инородческое, а при помощи ихъ, здѣсь выработались кулаки изъ сибиряковъ, совершенно завладѣвшіе судьбою окружающаго ихъ населенія, русскаго или инородческаго. Русскій типъ въ нихъ исчезъ; это все люди черные, съ черными волосами, люди дикіе и дерзкіе на всякое преступленіе. Это все богаты, нажившіе деньги преступленіями, безжалостной эксплуатаціей инородцевъ, или же охотой на бродягъ и рабочихъ, бѣгущихъ съ прискоковъ, для которыхъ вся эта страна представляетъ нѣкое неизбежное перепутье, такъ какъ краденое золото угодитъ въ Кяхту и Иркутскъ. Собрать подробныя свѣдѣнія, какъ здѣсь душатъ бродягъ и рабочихъ, совершенно невозможно во время проѣзда, — для этого здѣсь надо пожить; на новаго чело-вѣка смотрятъ дико и дѣлаются уже совершенно каменными, увидѣвъ записную книжку. Душатъ бродягъ и рабочихъ не старовѣры, а сибиряки. Проѣзжая по теченію роскошнаго Хилка, встрѣчаешь небогатыя деревни, домовъ въ 50—70, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ непремѣнно живетъ сибирякъ, имѣющій десятки и сотни тысячъ капитала. Не смотря на капиталъ, мужикъ живетъ без-

<sup>1)</sup> Русск. Миръ, 1860, 17.

<sup>2)</sup> Собр. 1868, VII, 90.

<sup>3)</sup> Тайга—дикое горное мѣсто, заросшее лѣсомъ. У карагазовъ Нижнеудинскаго округа Дайна—Бѣлогора (Зап. Ирк. стат. ком. IV, 24).

грамотнымъ, дикимъ, но такимъ не считается; онъ принять въ лучшихъ домахъ, онъ успѣлъ уже вступить въ родство и дружбу съ сосѣдними купцами и чиновниками. Таковы многіе мужики въ Тарбогатаѣ, Олентуѣ и пр. То, по всей вѣроятности, помѣсь поселенца съ инородцемъ: черные волосы, черные глаза на темно-желтомъ лицѣ, взглядъ дикій и мутный. Глава одного такого рода богачей нажилъ состояніе, грабя и убивая бродягъ и рабочихъ, возвращавшихся съ присловъ; за это онъ и поплатился: одни говорятъ, что его убили въ своихъ улусахъ бураты, которыхъ онъ успѣлъ закабалить, другіе же, что бродяги изрубили его на куски, положили въ мѣшокъ, перекинули черезъ сѣдо, и пустили коня везти его домой. Состояніе отца дополнилъ сынъ его, ставшій уже мѣстнымъ аристократомъ. Начальство его уважало; вся деревня была у него чуть не въ подданствѣ.

Вообще, вѣдшее глухое мѣсто служить давнишъ притономъ бродягъ. Работая на крестьянъ и рѣшительно никого не трогая, бродяги скрываются въ ямахъ и лагугахъ, — шьютъ корзины, шьютъ обувь, хомуты, плотничаютъ, столярничаютъ, дѣлаютъ посуду. Иные изъ нихъ, по обжившись, поставятъ ведра два властямъ и записываются мѣстными обывателями по именамъ поселенцевъ, которые разбѣжались. Но горе бродягъ, который вздумалъ пріютиться у кулака-мужика. Обыкновенно живетъ такъ, что, поработавъ у хозяина и получивъ расчетъ, бродяга отправляется дальше, куда лежитъ его путь; но бывшій его хозяинъ тотчасъ же скачетъ по его слѣдамъ, настигаетъ, убиваетъ и грабитъ. Бывали случаи, что узнаетъ кулакъ-сибирякъ, что ѣдетъ исправникъ для обыска — онъ разойдется бродягъ въ разныя стороны, сядетъ съ своими людьми на коней и перестрѣляетъ всѣхъ бродягъ поодиночкѣ. Бродягамъ и рабочимъ, возвращающимся съ присловъ съ золотомъ — смерть неминуемая. Есть селенія, гдѣ жители всѣ сплошь воры и разбойники, и проѣзжающіе только и стараются о томъ, чтобы какъ-нибудь миновать ихъ. Наживая этимъ путемъ богатства, сибиряки-кулаки умираютъ или отъ пьянства, или подъ ножомъ<sup>1)</sup>.

Кровожадность сибиряковъ доходила до того, что иркутскій губернаторъ Рупертъ велѣлъ заковать на смерть 13 такихъ охотниковъ за горбачами, и не такъ еще давно въ Ачинскѣ судился крестьянинъ за 14 убійствъ, совершенныхъ надъ бродягами. Такъ сибирякъ рассчитывается съ бродягой и до сей самой минуты<sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Сравни. Сиб. Вѣд. 1878, № 317, и сл.

<sup>2)</sup> „Сибирская газета“, 1881, № 8.

Несомненно, что съ примѣра коренныхъ сибиряковъ обычай охотиться на бродягъ перешелъ и къ буратамъ. Дикарь бурята не жалѣетъ бродягу и недавно сдѣлалъ его предметомъ охоты. «Худенькій бѣглый лучше доброй козы», давно уже повторяетъ бурята, а это значить: «съ козули снимешь одну шкуру, а съ бѣлаго двѣ или три», т.-е. полушубокъ, азамъ и рубаху <sup>1)</sup>. Иные изъ бурятъ, подобно сибирякамъ, даже цѣлью жизни своей вставляютъ охоту за горбачами. Звѣри эти отыскиваютъ свою жертву по огоньку, по костру. Засвѣтился таковой огонекъ въ сторону, далеко отъ жилого мѣста, бурята налетаетъ,—выстрѣломъ кладетъ одного; на всемъ лошадиномъ скаку еще разъ заряжаетъ винтовку, кладетъ другого, и затѣмъ третьяго, если этотъ не успѣлъ бѣжать. Еще алѣе бурятовъ—*карымы*, крещенные инородцы. Про одного такого «*мужика изъ карымовъ*» рассказывали: «увидите его—прячьтесь скорѣй: человекъ этотъ сердца не имѣетъ и пощады не вѣдаетъ». За то и казнѣ такимъ людямъ бываетъ страшная: «раскалится мой котелокъ до краснаго цѣта. Снялъ его съ огня, какъ онъ былъ красный-раскрасный, да и надѣлъ по братскому велѣнію шапелю—по самыя плечи прилился»—рассказывалъ бродяга <sup>2)</sup>.

Этому душегубству помогали нѣкогда самыя власти. Такъ, когда-то начальство петровскаго завода (обыкновенно набиравшееся изъ Нерчинска, т.-е. изъ *закаменскихъ*), гдѣ работало много каторжныхъ, платило за каждаго пойманнаго 10 р. ассиг., а за убитаго 5 руб. Вслѣдствіе этого, бурята, сосѣдніе заводу, сдѣлали изъ лова и убійства бродягъ родъ промысла, который, въ свою очередь, вызвалъ изъ среды Петровскаго населенія мстителя, нѣкоего Масленикова, объявившаго буратамъ войну и ежегодно ходившаго на охоту за ними <sup>3)</sup>. Въ 1870-хъ годахъ почти по всей Сибири шла отчаянная ловля бродягъ, такъ какъ крестьянамъ было объявлено отъ начальства, что имъ за каждаго пойманнаго бродягу будутъ платить 3 рубля, и платили. Поэтому, среди поселенцевъ и сибиряковъ сейчасъ явились особые ловцы бродягъ, и одинъ изъ такихъ считалъ на своей собственности до 100 человекъ, изъ которыхъ меньшая половина была имъ переиздана и представлена живыми, остальная, большая половина, была перебита и ограблена... Въ Забайкальѣ извѣстенъ былъ нѣкто Грудинкинъ, который, по представленію начальства,

<sup>1)</sup> Максимовъ, I, 197.

<sup>2)</sup> Тамъ же, 209.

<sup>3)</sup> Записки Басаргина. Москва, 1872, стр. 122.



имѣлъ за поимку ста бѣглыхъ золотую медаль на шеѣ <sup>1)</sup>... И вотъ ѣдетъ по дорогѣ (1872 г.), встрѣчается телѣга въ одну лошадь, въ ней лежитъ человекъ, связанный веревками, т.-е. пойманный бродяга; возлѣ сидятъ двое мальчишекъ—то сельскіе десятичники, и эти мальчишки везутъ человека на продажу въ казну за три рубля... Платили имъ, конечно, изъ мірскихъ капиталовъ, капиталы растратили, а потомъ слышно было, что, для пополненія ихъ, всѣ деньги, потраченные на поимку бродягъ, велѣно было разложить на крестьянъ... Ссылные все это знаютъ, и пѣсня ихъ огуломъ проваливаетъ всю Сибирь:

Охъ ты, горе, злая мачиха Сибири!

Протянулась снѣжной степью вдаль и ширь..

Но не изумляйтесь, когда сибирякъ простолюдинъ такъ хладнокровно занимается такими дѣлами, ибо не далеко ушло и остальное сибирское общество. Было время, когда въ Сибирь явилась обширная семья декабристовъ, и сибирское общество отнеслось къ нимъ съ крайнимъ недоброжелательствомъ,—оно оскорбляло и терзало ихъ, сколько могло, и точно также ругалось надъ политическими смѣльными XVIII вѣка и новѣйшихъ временъ. Все это всплываетъ на свѣтъ въ свое время.

## II. Старовѣры.

Проѣзжая по Сибири изъ конца въ конецъ и видя съ истиннымъ ужасомъ, какъ здѣсь собрались всѣ условія для окончательнаго вырожденія сибиряка, невольно останавливаешься на людяхъ, сохранившихъ себя здоровыми физически и нравственно и отличающихся отъ туземцевъ такъ же, какъ небо отъ земли. Это малороссы и старовѣры. Въ 1800 году переселяются сюда малороссы. Одни изъ нихъ остались жить по тракту, гдѣ-то въ енисейской губерніи, другіе двинулись дальше на востокъ и поселились здѣсь въ сторонѣ отъ Читы, вверхъ по Ингодѣ, подъ именемъ «капканцовъ». Тамъ ихъ нѣсколько селъ: *Тата, Николаевскъ, Бонзой, Орто, Кадакта, Черемхово*, и т. д. Они сберегли свой языкъ, свой русскій типъ, свою культуру; живутъ отлично, и среди одичалаго закаменскаго населенія являются какими-то людьми иного міра. Со времени прибытія ихъ сюда, они успѣли размножиться, и многія семьи перекочевали далѣе, на Амуръ и въ другія мѣста.

<sup>1)</sup> Максимовъ I, 205.

Принося съ собой и южно-русскую культуру, малороссы познакомили Сибирь съ плутомъ и литовками, тогда какъ здѣсь всѣ носили косую или горбушею. Тоже и въ другихъ концахъ Сибири. Сто восемьдесятъ человѣкъ запорожскихъ «черкасъ», высланныхъ при царѣ Михаилѣ на Лену за Киренскъ, вмѣстѣ съ чутовскими, курскими и воронежскими выходцами, положили основаніе Подкаменской волости изъ 145 деревень, носящихъ старыя названія съ памятью о родинѣ: *Чутовка*, *Гребенская*, и проч. Другое отрадное явленіе представляютъ цвѣтущія, богатые, высоко-нравственныя молоканскія общины на Амурѣ, и богатые села старообръвъ.

Слава Создателю, наконецъ стало можно говорить о старообрѣхъ, этой массѣ честнаго и трудолюбиваго народа, и безбоязненно указать ихъ мѣстожителство и обычаи... Всѣ теперь заговорили о народѣ, объ уваженіи къ народу, но все еще до 15 милліоновъ старообръвъ, иначе  $\frac{1}{4}$  всего великорусскаго народа (какая иллюстрація къ его исторіи), людей, считающихъ въ своей средѣ личности истинно-христіанскія и просвѣщеннѣйшія изъ всего простаго народа, преданы явнымъ, часто печатнымъ, безнаказаннымъ поруганіямъ и оскорбленіямъ, такъ какъ стоятъ внѣ закона, не считаются гражданами своей земли, не допускаются къ гражданской дѣятельности. Для нихъ сохраняются еще старыя законы, но давно уже просвѣщеннѣйшіе люди твердятъ, что лучше бы ихъ совсѣмъ не было, потому что эти законы ставятъ наше самое лучшее населеніе «ниже язычниковъ»<sup>1)</sup>. Ругаясь надъ старообрѣрами, нѣкто г. Субботинъ<sup>2)</sup> называетъ всѣ ихъ жалобы и стоны «живыми сказаніями о притѣсненіяхъ, гоненіяхъ и чуть не козняхъ», и то же самое утверждалъ когда-то слишкомъ извѣстный Ливановъ. Въ Россіи, въ послѣдніе годы старообрядство получило извѣстную терпимость. Въ Сибири пока нѣтъ и тѣни чего-либо подобнаго.

Слова «раскольникъ» въ Сибири не знаютъ; здѣсь не стара, живая еще доселѣ, Москва съ ея фанатизмомъ, и слово это распространяется здѣсь одними лишь миссіонерами, которые, не зная почему, особенно любятъ наставлять: «раскольникъ, раскольникъ!» Сколько извѣстно, на западѣ Сибири старообрѣры называются «каменьщиками», такъ какъ живутъ въ горахъ, или «на камнѣ», а на востокѣ — «семейскими». Но за то сибирское населеніе, по совершенной справедливости, рѣзко отличаетъ себя,

<sup>1)</sup> „Вѣстн. Европы“, 1879, VI, 785.

<sup>2)</sup> См. о немъ „Русск. Вѣд.“ 1879, № 327.

какъ отъ «семейскихъ», такъ и отъ «русскихъ», по здѣшнему «россійскихъ», которыхъ оно, по своей дикости, терпѣть не можетъ.—«Мы,—говорять,—сибиряки, а не семейскіе!» «Кто вы? семейскій?»—«Нѣтъ,—отвѣчаютъ,—я сибирякъ!» какъ будто этотъ семейскій, провармливающий хлѣбомъ чуть не всю Сибирь, не принадлежитъ Сибири.

Старовѣры издавна извѣстны въ Сибири. Въ 1687 году, старовѣры, жившіе въ тюменскомъ уѣздѣ, добровольно сожглись въ числѣ 300 душъ, въ пустынѣ, устроенной ими на рѣкѣ Тегенѣ, узнавъ, что для поимки ихъ посланы уже служилые люди <sup>1)</sup>. Видя такое стараніе о себѣ, старовѣры бѣжали чуть не на край свѣта. Такъ, при Екатеринѣ были отерты въ Бухтармѣ цѣлыя слободы бѣглыхъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ каменщиковъ, и были приняты въ русское подданство, «какъ инородцы» <sup>2)</sup>...

Въ альпійскихъ горахъ, на вершинѣ рѣки Бухтармы, впадающей въ Иртышъ и образующей границу съ Китаемъ, въ прошломъ столѣтіи являются старовѣры съ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, и въ дикихъ долинахъ рѣни Бухтармы и ея притоковъ, Язовой, Бѣловой и Черновой, среди скалъ, въ гѣсахъ, они строятъ скиты, и впослѣдствіи здѣсь появляются цѣлыя деревни (семнадцать) старовѣровъ, извѣстныхъ подъ именемъ каменщиковъ. Въ 1760 г. извѣстенъ былъ скитъ чернеца Некрасова по р. Убѣ, и другой скитъ по той же рѣкѣ, основанный чарыжскими крестьянами. Теперь здѣсь многочисленное населеніе. Объ этихъ скитахъ на скалахъ можно составить себѣ понятіе по одной изъ деревень каменщиковъ, называемой Фыкала. Селеніе лежитъ между крутыми горами, на утесахъ стоятъ по одиночкѣ избы, такъ какъ рядомъ строиться на обрывахъ нельзя; избы окружены зеленью, какъ въ Россіи, и съ высокихъ горъ, во время вѣтра, летятъ къ нимъ на дворъ цѣлыя груды бурелома. Несомнѣнно, что жители этой неслыханной глуши, какъ будто отрѣзанные отъ остального божьяго міра, должны были одичать. «Мы,—пишетъ Семигузинскій,—съ грустью оставили эти роскошныя мѣста Бухтармы, Ульбы и Шульбы, съ отступающимъ на допотопную степень крестьянствомъ. Мы бы совѣтовали явиться сюда Буше-де-Пертесу, Нильсону или Ларте, чтобъ увидѣть во-очію эпоху каменнаго періода». Перевравшись за границу, старовѣры поселились въ Джунгаріи, на

<sup>1)</sup> Допол. къ Агтамъ Истор., V.

<sup>2)</sup> „Вѣстн. Европы“, 1880, VI, 467.

Лобнорѣ, гдѣ ихъ было до 60-ти человекъ съ женами и дѣтьми, но, видно, все еще было близко, и они потомъ еще разъ переехали въ Турфанъ, какъ сообщалъ объ этомъ Пржевальскій въ своей «Монголіи». Бѣгство и скитанія старовѣровъ по сибирской тайгѣ продолжались до послѣдняго времени. Около Томска въ 1860 году открыли въ 60-ти верстахъ отъ города «тайное» старовѣрческое селеніе; многіе старовѣры, по обычаю, взяты были, какъ «безпаспортные», въ острогъ, другіе разбѣжались и ночью подожгли свое жилище. Въ 1857 году по р. Кирингѣ въ восточной Сибири открыто было старовѣрческое селеніе Каромъ со 114 душами. Тайга становится не безопасною для бѣглецовъ, до которыхъ все добираются «засѣдатели», набранные болѣею частью изъ поповичей, еле-грамотныхъ, вѣчно пьяныхъ и привыкшихъ въ Сибири травить людей, какъ травятъ дикаго звѣря. Старовѣры, поэтому, взявъ щепотъ родной земли на крестъ, стремятся въ какую-то неизвѣстную страну и говорятъ о какомъ-то «Бѣловодѣ» за границей западной Сибири съ Китаемъ. По послѣднимъ извѣстіямъ «Бѣловодье» дѣйствительно существуетъ, но его не открыли, такъ какъ за границу проникаютъ съ трудомъ. Сибирскіе крестьяне часто отправляются цѣлыми семьями искать эту обѣтованную землю <sup>1)</sup>...

Алтай—старинное гнѣздо старовѣровъ, раскинувшихъ тамъ свои богатые, хлѣбородныя села, и до сихъ поръ первыми врагами ихъ—попы и полиція. Еще въ 1852 году, генералъ-губернаторъ западной Сибири вынужденъ былъ формально запретить чиновникамъ ходить по старовѣрческимъ домамъ *облавою*, ночью, словно на звѣря, или виѣшиваться въ нихъ дѣла, отбирать книги и проч., но этого запрещенія и знать не хотѣли и не хотѣли, такъ какъ въ очень многихъ мѣстахъ Сибири живутъ еще первобытно: законовъ нѣтъ, властей не признаютъ и правленіе совершенно свободное... для насилій. Чиновники по прежнему продолжаютъ виѣшиваться, и исправники по прежнему получаютъ по 500 руб. за каждый молитвенный домъ. Ихъ варварское преслѣдованіе доходило до невыносимой степени <sup>2)</sup>... У старовѣровъ распространились такъ-называемые «сводные браки», записанные въ полицію; духовенство возмущено такимъ упорядоченіемъ жизни, и начались преслѣдованія. Это было въ 1868 году. Не говоря уже о святыняхъ вѣры, но самая святыня семьи—этой основы общества и государства,

<sup>1)</sup> Семилужинскій, „Дѣло“, 1868, V.

<sup>2)</sup> Максимовъ II, 237.

была нарушена, и люди невѣдомо какой нравственности стали врывать въ семью старовѣровъ, чтобъ ее опозорить и истребить. Духовенство «формальными требованіями» обязывало волостныхъ и сельскихъ начальниковъ разводить сводные браки, силой разводить по разнымъ мѣстамъ «супруговъ, жившихъ иногда по нѣскольку лѣтъ въ бракѣ и имѣвшихъ дѣтей», и строго слѣдить, чтобы разведенные не сходились между собою на «блудное житіе»... Полиція же, въ свою очередь, преслѣдуетъ волостныя власти за нерасторженіе такихъ браковъ и привлекаетъ ихъ къ «уголовной отвѣтственности»... Но одинъ засѣдатель поступилъ еще честнѣе и человѣколюбивѣе. Онъ собралъ до двадцати женщинъ-матерей, жившихъ въ сводномъ бракѣ, и посадилъ ихъ въ арестантскую, гдѣ и держалъ ихъ двѣ-три недѣли, не смотря на то, что у нихъ дома оставались грудные дѣти <sup>1)</sup>... Проходить годъ и повторяется то же самое. Въ 1879 году, въ сосѣдствѣ усть-каменогорскаго округа на Буктармѣ, въ бійской волости, гдѣ живутъ безпоповцы—тихое и безмятежное населеніе, отданное своей трудолюбивой жизни, вдругъ это населеніе возмущено было нашествіемъ засѣдателей и поповъ, вздумавшихъ начать «гоненіе» противъ «раскола», не смотря на то, что старообрядцы эти завѣдомо, съ самаго переселенія сюда въ 1750-хъ годахъ, пользовались правомъ исполнять свои обряды и молиться по старому уставу. «Гоненіе» началось съ расторгненія браковъ, отыскиванія поповъ, запрещенія богослуженія и т. д. «Нѣкоторые изъ старообрядцевъ живутъ семьями по нѣскольку лѣтъ и имѣютъ кучи дѣтей, и вотъ семейство разведено, мать съ дѣтми увозятъ отъ отца въ другую деревню и отдають подъ наблюденіе волостного начальства, подвергая ее при этомъ всевозможнымъ оскорбленіямъ». И такіе супруги разводятся послѣ десяти и пятнадцати лѣтъ брака... При «слѣдствіяхъ» засѣдатели дозволяютъ себѣ грубѣйшее обращеніе, отбираютъ и жгутъ «старыя книги», и грозятся вандалами <sup>2)</sup>... Между тѣмъ, въ одной томской губерніи въ 1878 году старовѣровъ считалось 10,048 душъ обоего пола. Въ дѣйствительности, ихъ несравненно больше.

За Байкаломъ поселились старовѣры или «семейскіе», принимающіе священство и безпоповцы. Послѣдніе—въ селеніяхъ Шарихѣ, Жиргамѣ и въ Обинскихъ ключахъ. Другіе старовѣры ушли еще дальше, на Амуръ, и живутъ блаженствуя вдали отъ

<sup>1)</sup> Газета „Сибирь“ 1878, № 91.

<sup>2)</sup> Русск. Вѣд., 1879, № 237.

вѣдательства властей... Ученый путешественникъ М. И. Венюковъ приводитъ замѣчательный фактъ, сообщенный ему въ 1868 г. въ Иркутскѣ бывшимъ начальникомъ штаба Кукелемъ въ присутствіи многихъ лицъ. Военный губернаторъ Амурской области Педименно однажды вздумалъ посѣтить старовѣрческія селенія, возникшія на призейской равнинѣ, въ 50—100 верстахъ отъ Амура, и нашелъ ихъ цвѣтущими уже на второй или на третій годъ существованія, тогда какъ казенные поселенцы на богатомъ Амурѣ помирали съ голоду. «Славно вы живете, братцы, — говорить онъ крестьянамъ, — гораздо лучше, чѣмъ казаки, даромъ, что у нихъ Амуръ подъ божомъ. Отчего бы эта разница? — А, батюшка, ваше п—ство, оттого, что мы отъ начальства подальше!» — «Какая горькая иронія!» — замѣчаетъ отъ себя Венюковъ <sup>1)</sup>.

Семейскіе, поселившіеся за Байкаломъ, раскинули свои богатые села въ плодородныхъ долинахъ отроговъ Яблоннаго хребта. Это старовѣры изъ Дорогобужа и Гомеля, сосланные сюда при Антѣ Ивановичѣ и при Екатеринѣ въ 1767 г., и съ тѣхъ поръ въ кривившія сюда «сѣмьи» разрослись въ очень значительное населеніе, которое и извѣстно подъ именемъ «семейскихъ». Всѣхъ забайкальскихъ старовѣровъ насчитываютъ до 40,000 <sup>2)</sup>.

Старовѣры рассказываютъ, что они переселялись съ Вѣтки и въ стародубскихъ слободѣ, и переселеніе совершилось такъ: ихъ собирали въ Калугѣ, гдѣ на берегу Оки, за городомъ, стояли нарочно выстроенные амбары. Въ амбарахъ этихъ много перемерло народу. Потомъ на судахъ везли до Казани. Въ Казани много взяли въ рекруты, а потомъ цѣлый полкъ изъ сѣнействъ былъ сформированъ въ Тобольскѣ. Часть ихъ осталась въ Алтайскихъ горахъ, въ бійскомъ округѣ, — населенное ими алтайское село отличается многолюдствомъ. За Байкалъ пришли уже малыми частями. Первая партія шла на Чикой въ 1755 г. Вторая, вышедшая съ марта 1765, пришла на Иро въ 1768, и оттуда за негодностью мѣста на Бичуру въ 1780. Третья въ 1780 г. ушла за хребты, гдѣ теперь двѣ волости: Тарбогатай и Мухорь-Шибирь. На Иро пришло только 26 семей — всего 70 душъ. Теперь же, — продолжаетъ г. Максимовъ, у котораго беремъ эти свѣдѣнія, — въ Бичурѣ, изъ 70 стало 1,300, и слышится уже жалоба на тѣсноту жилья въ одномъ селеніи. Бичура протянулась на 4 версты въ длину; старожилы, т.-е. первые пришедшіе, жи-

<sup>1)</sup> „Русск. Стар.“ 1879, II, 279.

<sup>2)</sup> „Ирк. Епарх. Вѣд.“ 1879, № 38.

вуть на горѣ. Казна,—разсказываютъ старовѣры, — дѣдамъ нашимъ не помогала. Привелъ ихъ на мѣсто чиновникъ (полковникъ Иванъ Ивановъ), стали его спрашивать: гдѣ жить?—указалъ въ горахъ. Стали пытаться: чѣмъ жить? чиновникъ сказывалъ: а вотъ станете лѣсъ рубить, полетятъ щенки—щенки эти и ѣшьте! Поблагодарили его; стали лѣсъ рубить; на другой годъ исподоволь другъ около друга стали кое-чѣмъ займываться, запасаться нужнымъ. На восемь дворовъ одна лошадь приходилась. Поселились. Земля оказалась благодатной. Ожили, повеселѣли. Приѣхалъ важный чиновникъ и руками развелъ: «вы-де еще не подошли? Жаль,—очень жаль, а васъ—чу! затѣмъ и послали, *чтобы вы съ перекотили!*» <sup>1)</sup>. Другіе изъ старожиловъ дополняютъ этотъ разсказъ иными подробностями. По ихъ словамъ, сначала они поселены были гдѣ-то около Байкала и бѣдствовали тамъ. Живши на родинѣ богато, они, идя въ Сибирь, тоже кой-что поприхватили, даже изъ скотинки много было,—свиней пригнали. Затѣдывать ими былъ поставленъ особый чиновникъ (изъ сибиряковъ) и назывался комиссаромъ. Звѣрь былъ—порокъ страсть какъ. Сколько ни просили комиссара перейти въ другое мѣсто,—ничего не выходило. Ходаковъ послали въ Иркутскъ,—ну, тамъ извѣстно ихъ постегали, да въ кандалахъ назадъ. Комиссаръ съ этого еще злѣе сталъ. Не въ моготу пришлось. Порѣшили старики тихонько послать выборныхъ «за хребты», поискать мѣстъ «настоящихъ» и, коли подойдутъ, перейти туда всѣмъ миромъ: все равно умирать—здѣсь ли отъ голоду, или тамъ отъ кнута, а все же назадъ-то всѣхъ не вернуть. Пошли наши смотреть и вотъ, рѣчкой-то нашей, Бичуркой, сюда и вышли.—Вторая-то партія нашихъ, шедши сюда, въ Бичуру, дороги ладила, чтобы весной или лѣтомъ всѣмъ можно было подняться со всѣмъ своимъ скарбомъ. Весной подошло нашихъ еще человѣкъ до 200, однаво безъ семей, съ волами, со всѣмъ инструментомъ. Всѣхъ-то, говорить, было поселено до семи тысячъ семей. Поселившись, долго вели войну съ «тварью», т.-е. съ монголами, которые не хотѣли имъ давать земли и гнали ихъ вонъ <sup>2)</sup>. Изъ всѣхъ этихъ подробностей, съ темными пока историческими данными, впоследствии выяснится одно—что переселеніе сюда старовѣровъ, силой оторванныхъ отъ родины и гонимыхъ безъ малѣйшей вины, было цѣлою эпопеей страданій, и не смотря на то, они не погибли въ Сибири, не одичали, не сдѣлались звѣроловами и не

<sup>1)</sup> Максимовъ I, 323; II, 217.

<sup>2)</sup> „Русск. Курьеръ“, 1880, № 337.

переродились въ націю хищниковъ, какъ сибиряки, но остались въ вѣкъ важными культурными дѣятелями. Всѣ эти обстоятельства мы слишкомъ забываемъ...

Поселились они, какъ мы сейчасъ увидимъ, на мѣстахъ, гдѣ тогда кочевали и проживали монголы. Жизнь ихъ съ самаго начала была жестокая. Въ совершенно дикой странѣ нужно было вновь заводить хозяйство, цивилизацію; другая народность тутъ вымерла бы отъ голода, но они вышли побѣдителями, по истинѣ совершили чудеса, и въ экономическомъ отношеніи стоятъ теперь несравненно выше сибиряковъ.

Прибывъ сюда, они посѣяли хлѣбъ въ долинахъ, мерзнуть. Стали подниматься выше, въ горныя закрытыя пади (лощины), тогда явились урожан.

Жизнь ихъ тогда потекла привольнѣе, они пустились въ торговлю, скорѣй построили себѣ церкви, разуврасили ихъ всякимъ «божїимъ милосердіемъ» и мирно молились христіанскому Богу, — что потомъ запрещено... Миновавъ городъ Верхнеудинскъ, встрѣчаешь слѣдующія деревни, населенныя одними «семейскими», или же въ смѣси съ сибиряками:

*Тарбогатай* (монг. *тарбоганз* — сурокъ, *Arctomys robustus*).

*Пестерево*, по р. Куйтунгѣ.

*Куналей* (монг. *хунилей* — холодный хіусъ, сырой вѣтеръ передъ ненастьемъ). Здѣсь есть церковь, теперь запечатанная, и декабристы, шедшіе въ 1830 г. изъ Читы въ Петровскій заводъ, шли въ воскресенье, какъ «всѣ шли въ моленную; мужчины въ длинныхъ армякахъ синяго сукна и въ хорошихъ собольихъ шапкахъ; женщины въ шелковыхъ душегрѣйкахъ, на головахъ шелковые платки, вышитые золотомъ и серебромъ». Теперь ничего этого нѣтъ.

*Надѣино*.

*Куйтунз* (монг. холодный, морозный вѣтеръ).

*Жиригъ* (монг. приступъ у сѣдла).

*Шариха*.

*Бурнашево*.

*Десятниково*.

*Барз*, при ней Барская станція.

*Мухорг-Шибирз* (монг. комолый ельникъ).

*Новый Заганз* (монг. *цаганз* — бѣлая глина).

*Шарагдай* (монг. *шаракулз* — желтый, желтые цвѣты) кул-тукъ (земля клиномъ).

*Хонсолон* (монг. *уланз-хонхорг* — красная глина). Здѣсь монахи срубили крестъ съ часовни. Казаки изъ бурятъ (горныя)



вѣзъ на крестъ и сталъ его рубить топоромъ. Одинъ изъ семейскихъ уже прицѣлился въ него изъ винтовки, но былъ удержанъ товарищами.

*Никольское.*

*Хораусъ* (монг. черная вода, по имени ключа, находящагося среди деревни).

Отъ Верхнеудинска на-лѣво, за хребтомъ:

*Старая Брянь*, на р. Брянкѣ.

*Новая Брянь.*

*Мухоръ-тала* (монг. комолая степь, круговина степная, обрешая лѣсомъ)—недавній выселокъ изъ Новой Бряни.

По тракту по Читѣ:

*Новокурбанское*,—выселокъ по р. Курбѣ.

*Уны Гытэй*,—выселокъ.

Въ хребтахъ:

*Хасурта* (монг. ельничъ),—семейскіе, т.-е. старовѣры изъ инородцевъ.

*Пономинское*,—выселокъ изъ Тарбогатая.

*Беклемишевская*,—выселокъ изъ Мухоръ-Шибиря и Тарбогатая, по вызову.

По системѣ р. Хилка:

*Бичура* (монг. *бушуръ*). Часть казаковъ изъ бурятъ сдѣлалась семейскими путемъ браковъ, какъ и инородцы. Здѣсь единовѣрческая церковь...

*Окино - Ключевское*, называвшееся прежде по-монгольски *Ухинъ-Булыкъ* (*Ухинъ*—имя родоначальника, *булыкъ*—ключъ). Поповцы и безпоповцы.

*Мариртуй* (монг. *мундуртуй*—сильный градъ).

*Билота* (монг. точильный брусъ).

По системѣ р. Чивоя:

*Урлокъ*. Есть преданіе, что когда тутъ шель Чингизъ-Ханъ, то разсердился, что по-монгольски: *урама*, отсюда—*Урлокъ*. Опять единовѣрческая церковь.

*Ключи.*

*Верхній Нарымъ*. Единовѣрческая церковь.

*Гутай.*

*Ланцово*, извѣстное своими красавицами женщинами.

*Красный Яръ.*

*Мало-Архателъскъ*. Единовѣрческая церковь.

*Кочены*. Единов. церковь.

*Барахоево.*

*Дурново.*

*Быково*, живутъ старовѣры, но ходять въ православную церковь, въ Боротково.

Далѣ: *Рычки. Омичево. Выпъжа. Захарово. Шамбелинъ. Тармиръ.*

*Савичи.* Единов. церковь.

По китайской границѣ:

*Укырз* (монг. «много коровъ»). Богатство звѣря, рыбы и хлѣба. Недавно они ограблены пограничными казаками, живущими богато, совершенно разнузданно и дико, которые силою отняли у нихъ всѣ пахатныя земли, даже съ посѣяннымъ на нихъ хлѣбомъ.

*Шонуй.*

Подъ Кяхтой:

*Мыльниково* или *Новодесятниково.*

По лѣвому берегу рѣки Уды:

*Нижнія Талицы* (талаа вода, ключи) <sup>1)</sup>.

Семейская церковь въ Куналеѣ давно запечатана, и жители собираются молиться въ молитвенные дома, конечно, безъ алтаря, тоже построенные въ давнее, счастливое время... Поправлять ихъ запрещено. При нѣкоторыхъ изъ нихъ былъ куполъ съ «вѣнчальнымъ» крестомъ, колокольня и колокола, но послѣдніе, вырѣзаясь деликатно, отобранны, а въ нѣкоторыхъ молитвенныхъ домахъ поломаны и самые кресты на куполѣ. Этимъ ломаньемъ «креста», — предмета столь драгоценнаго для христіанина, — соединеннымъ съ отнятіемъ чужого имущества (колокола, книги, и что попадетсѣ) занимались монахи Посольского монастыря у Байкала. Въ 1841 году прибыли оттуда монахъ съ заสѣдателемъ и привезли съ собою бурята-викреста (крещенаго), чтобъ онъ срубилъ топоромъ кресты на молебныхъ. «Пріѣхали, спрашиваютъ, будутъ ли бунтовать, когда станутъ ломать кресты? Сказали, что не будутъ, они сломали»; хотѣли запечатать самую молебню, но имъ не дали, за что были объявлены бунтовщиками и сосланы «безъ суда». И вотъ предъ нами крайне древняя изба съ развалившеюся оградой, ибо поправлять запрещено, даже ограду; надъ ней куполъ, но безъ креста, глядитъ какъ-то странно и дико, словно это не мѣсто молитвы христіанскому Богу, а какад-то «воганал» кумирня, хотя даже и кумирни у насъ уважаются закономъ, и больно становится за крестъ... Тѣ же безнаказанныя разгубательства надъ религіей совершаются и въ Западной Сибири

<sup>1)</sup> Слѣдствія эти взяты изъ нашей дорожной записной книги. Объясненіе монгольскихъ названій принадлежитъ мѣстнымъ жителямъ, говорящимъ по-бурятски.

засѣдателями изъ поповичей повыгнанныхъ изъ школы за негодность и безграмотность. Старообрядцы, живущіе близъ Барнаула, въ деревняхъ Краюшкиной, Новой Повалихъ, Окуловой, Андреевской, Крайчиковой, вызвали къ себѣ томскаго епископа и онъ освятилъ имъ мѣсто подѣ церковь, а служба пока производилась въ часовнѣ. На постройку церкви всѣ, богатые и бѣдные, несли, что могли, и готовилось великое мѣстное торжество... Построили церковь, стали водружать крестъ, но въ эту минуту неожиданно прискакалъ засѣдатель Пономаревъ. Приказавъ немедленно разобрать и разломать храмъ,—онъ ризы и утварь сложилъ въ ящики и отдалъ въ волость; у старообрядцевъ, напр., у главы общины, Платона Краюшкина,—личности высоко-нравственной, обобралъ всѣ книги, «запрещенныя» (?) и незапрещенныя. Но не въ одномъ этомъ мѣстѣ буйствовалъ Пономаревъ,—и въ другихъ, гдѣ зря отбиралъ все печатное, что попадалось подѣ руку, запрятанное отъ страха въ сѣнникахъ, въ амбарушкахъ, подѣ разнымъ хламомъ, на пасѣвахъ, и тому подобныхъ тайникахъ... Книги препровождались въ консисторію, сваливались безъ разбора, продавались и погибали отъ пожара, и, конечно, при такомъ варварствѣ, не маю утратилось древнихъ рукописей, которыя, должно думать, старообрядцы уносили съ собою изъ Россіи <sup>1)</sup>. Такъ, въ этомъ вандализмѣ засѣдателей и другихъ властей, свѣтскихъ и духовныхъ, нужно отчасти искать причину, отчего поиббли драгоцѣннѣйшія древнія рукописи, для отысканія которыхъ тщетно напрягаетъ свои силы русская наука... Старообрядцы же, нуждаясь книгами, вмѣстѣ съ тѣмъ слышатъ злорадныя рѣчи, какъ ихъ книги валяются въ Иркутскѣ: «въ Иркутскѣ хвастаютъ, что тамъ-де у архіерея нашихъ старопечатныхъ книгъ на десяти возахъ не свезешь; все наворовали отъ насъ семинаристы и поотобрали попы, и всякій, кому и не надо» <sup>2)</sup>.

Но какой оскорбительный и печальный видъ представляетъ сама церковь, которая запечатана! «Посреди большого, шумнаго села, на самой главной улицѣ, отойдя нѣсколько шаговъ въ сторону,—говоритъ одинъ сибирскій изслѣдователь,—вы видите высокій досчатый заборъ, потемнѣвшій отъ времени и непогоды. Изъ-за него поднимается крытый шатромъ, тоже почернѣвшій куполь, съ обитою бѣлою жестию маковицею и такимъ же крестомъ; поднимается колокольня съ безмолвными нынѣ колоколами. Вокругъ забора густо разрослась трава; только едва замѣтная

<sup>1)</sup> Газета „Сибирь“, 1879, № 19.

<sup>2)</sup> Максимовъ, II, 219.

тротуарка проведетъ васъ съ улицы къ небольшой калиткѣ, по другую сторону забора, возлѣ большихъ воротъ, вѣчно запертыхъ тяжелымъ засовомъ. Черезъ эту калитку вы входите въ обширный дворъ, сплошь поросшій бурьяномъ, крапивой, бѣленой и другими сорными травами. Ни во дворѣ, ни около церкви, нѣтъ обыкновенныхъ жильцовъ колоколенъ, — голубей или ласточекъ; въ травѣ не шелохнется ни одно насѣкомое; кругомъ все пусто и глухо. Нѣтъ никакого признака жизни; ничто не напоминаетъ того, что вотъ подъ бовомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ограды находится большое, богатое село съ разгульнымъ, богѣе чѣмъ тысячнымъ населеніемъ, съ своею обычною жизнью, съ деревенскимъ крадичнымъ шумомъ.

«Полустинившій, развалившійся помостъ, покрытый плѣсенью, проросшій травой, идетъ къ раскрытымъ дверямъ часовой паперти. Взойдите на паперть — и предъ вами большая створчатая дверь въ самую часовню. На двери пыль, паутина, веревочка и нѣсколько изломанныхъ кусочковъ дрянного красного сургуча. Этотъ-то сургучъ и есть причина такого запустѣнія. Этотъ же сургучъ помѣшаетъ и намъ войти въ часовню.

«Чтобъ увидать внутренность часовни, нужно повернуть съ паперти направо, въ небольшую коморку сторожа: тамъ въ стѣнѣ продѣлано небольшое окошечко, въ которое видна вся внутренность часовни. Страшнымъ, почти могильнымъ холодомъ нежилого мѣста пахнетъ на васъ вдругъ изъ этого окошечка, когда вы приложите къ нему лицо. Сначала глазъ, непривычный къ потемкамъ, не можетъ ничего различить, потомъ понемногу вы начинаете различать, какъ бѣлѣетъ полъ, покрытый толстымъ слоемъ пыли; видите, какъ по самой срединѣ часовни точенныя перила, черныя, поднимаются съ полу, да впереди что-то такое блеститъ, отражая слабый свѣтъ, едва пробивающійся сквозь щели на ставнѣ. На наше счастье одно окно впереди осталось какъ-то незаперто болтомъ. Его отворили; цѣлый потокъ горячаго свѣта хлынулъ въ часовню и освѣтилъ иконостасъ. Иконы въ пять ярусовъ такъ и заискрились, заблестали дорогими обладами и золоченымъ фономъ. Заблестали лампы, подсвѣчники и парчевыя одежды на столбахъ и наложкѣ. Даже самая пыль, столбами поднимаясь вверхъ, — и та, освѣщенная лучами солнца, такъ и сыпалась, такъ и ходила по часовнѣ золотисто-разноцвѣтнымъ столбами. Только по прежнему сурово и непривѣтливо смотрѣли темные лики иконъ, покрытые толстымъ слоемъ пыли, а вѣды, за перилами, около окошечка, казались еще темнѣе, еще гуще отъ свѣта, заливаемаго переднюю часть часовни. — Налон

стоятъ на своихъ обычныхъ мѣстахъ, покрытыя дорожными одеждами; подсвѣчники блестятъ, какъ только-что вычищенные наканунѣ; немного обожженные свѣчи стоятъ въ подсвѣчникахъ и лампадахъ. Еслибъ не пыль, которая цѣлые десятки лѣтъ ложится на все толстыми слоями, то можно бы было подумать, что мы посѣтили церковь въ день какаго-нибудь великаго праздника, между заутреней и обѣдней, и что стоитъ только подождать немного, какъ раздастся звучный, торжественный благовѣстъ съ колокольни, растворятся настежъ всѣ окна, зажгутся свѣчи, выгоняя отовсюду мракъ и пыль, растворятся съ шумомъ настежъ долго запертыя двери, и выйдетъ довольный народъ, разоудѣтый по-праздничному въ бархатъ, шелкъ и золото»<sup>1)</sup>).

Часовня эта запечатана по распоряженію генералъ-губернатора Руперта его адъютантомъ Б. за то, что старообрядцы не хотѣли указать, гдѣ скрывается ихъ попъ Баршевъ, котораго, однакожъ, они потомъ сами привели въ Б. Почтенный авторъ этого сокрушающаго душу описанія, какъ храмъ божій стоитъ замурованный для людей, не означилъ полной фамиліи адъютанта (хотя и названъ Рупертъ); но и въ Иркутскѣ, и во всемъ Забайкальѣ извѣстно, что тутъ разумѣется *Яковъ Безносиковъ*, который, по словамъ старожиловъ, ѣздилъ по семейскимъ селамъ съ пушками и войсками и заслужилъ память о себѣ въ народныхъ разсказахъ и легендахъ.

Хотя у семейскихъ заперты церкви и поломаны кресты, но сибиряки, по общему убѣжденію, *несравненно бѣднѣе религіознымъ чувствомъ*, чѣмъ старовѣры. Между послѣдними встрѣчаются люди истинно религіозные и благочестивые, т.-е. высоконравственные, тогда какъ между сибиряками о такихъ не слышно, если только не смѣшивать религіозность съ ханжествомъ, колдовствомъ и шаманствомъ. Не смотря на то, старовѣры, словно ловчей сѣтъю, окружены сибирскими миссіонерами, которые, вмѣсто проповѣди любви, братства, труда, науки, повстинѣ нарушаютъ земскій миръ, разсѣвая повсюду идеи о расколѣ, какъ о 'чемъ-то зловредномъ и достойномъ гоненія. Какъ ни трудно, но удержимся отъ желанія высказать о нихъ все, что удалось видѣть и узнать во время нашихъ разъѣздовъ по Забайкалью, и вмѣсто этого, приведемъ лучше мнѣніе одного просвѣщеннаго священника о подобныхъ миссіонерахъ, разъѣзжавшихъ для «собесѣдованія съ раскольниками». Миссіонеръ ѣдетъ съ исправникомъ. Прибыли въ село, вошли въ избу. Согнавъ «расколь-

<sup>1)</sup> Сборникъ газеты „Сибирь“, 1876, стр. 324.

никогда», «каждого мужчину и каждую бабу призывалъ къ себѣ исправникъ и начиналъ пороть, и насытившись досыта, посылалъ къ отцу протоіерею на увѣщаніе». — «Подпишись, — говорилъ отецъ протоіерей, — что желаешь быть православнымъ, и пороть тебя больше не будутъ, а за то, что я защищу тебя, дай мнѣ рублишко». Послѣ того исправникъ взымалъ съ нихъ по три рубля «съ рыла», и эти миссіонеры отправились дальше. — То же было и въ Сибири. Иностранцы, наученные вѣковымъ опытомъ, говорятъ: «русская вѣра дорога!» Случалось, что миссіонеры таки заставляли креститься при помощи земской полиціи, которая при этомъ не скупилась на розги <sup>1)</sup>. Другой протоіерей, — продолжаетъ священникъ, — тоже былъ миссіонеромъ. «То былъ Плюшкинъ, бѣлъ только рѣдѣю да панихидные бублики, но у него въ одномъ только банкѣ было до 50,000 р., и предполагалось, что есть и еще гдѣ-нибудь» <sup>2)</sup>. Перенесите этого Плюшкина на сибирскую почву съ ея трупобными понятіями, съ ея нравственнымъ неярешествомъ, съ ея безцеремонностью во всѣхъ отношеніяхъ, и вы получите сибирскаго миссіонера при единовѣрческой церкви. Старовѣры, какъ всѣмъ извѣстно, приобрѣтали себѣ покой и даже возможность распространять дальше свое ученіе тѣмъ, что «откупались» отъ поповъ, и этимъ давали имъ возможность наживать громадныя состоянія. «Не такъ давно, — пишетъ Максимовъ, — умеръ попъ, отправившій въ банкъ 36,000 р., и народъ объясняетъ это тѣмъ, что за дозволеніе не быть у исповѣди платятъ по 1 р. за душу, и что бывали примѣры, когда попы продавали право перехода изъ православія въ расколъ за такое ничтожное вознагражденіе, какъ, на примѣръ, фунтъ чаю. Одинъ, на примѣръ, единовѣрческій попъ больше ничего не дѣлалъ, какъ только подсматривалъ: не тайнодѣйствуютъ ли? Замѣтивъ, вторгался въ избы, вымогалъ отступное. Гдѣ не смогъ самъ, туда приглашалъ засѣдателя, обѣщая ему 300 р. наживы» <sup>3)</sup>. Не мудрено, что съ такимъ наростаніемъ богатствъ, нисколько не распространяется просвѣщеніе... Миссіонеръ изъ Селенгинскаго троицкаго монастыря пишетъ, какъ въ 1879 году, «въ одинъ прекрасный майскій день» онъ бѣжалъ учить старовѣровъ. По дорогѣ онъ замѣтилъ двухъ людей, рожениющихъ лѣсъ. Одинъ изъ нихъ былъ «драхлый старикъ».

<sup>1)</sup> У Подробно: Шашковъ, ист. вѣды, II, 233.

<sup>2)</sup> Русс. Старина. 1880, VIII, 705, и сл.

<sup>3)</sup> С. Максимовъ, II, 235, 236.

Онъ пригласилъ ихъ «подойти къ своему экипажу», и вслѣдъ за тѣмъ началось поученіе.

— У васъ нѣтъ священства, нѣтъ и спасенія! — гремитъ онъ.

Умный старовѣръ, недоумѣвая о такомъ понятіи о «спасеніи», отвѣтилъ скромно, но остроумно:

— Но мы надѣемся, что какого-нибудь попа современнаго намъ Богъ пошлетъ, и не отчаиваемся въ своемъ спасеніи.

— У васъ нѣтъ церкви!

Но тутъ старовѣръ уже рассердился.

— Какъ же нѣтъ церкви? И у насъ есть церкви, только не въ бревнахъ, а въ ребрахъ!

Въ другой разъ въ Куналеѣ, гдѣ стоитъ замурованная церковь:

— Вы удаляетесь отъ церкви?

— Нѣтъ, мы не уклоняемся отъ Христовой церкви, и она есть въ нашемъ селеніи, да только стоитъ занечатана <sup>1)</sup>.

Старовѣры своихъ покоевъ давно не имѣютъ и всѣ службы и требы исполняютъ уставщикои. Въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ указаны такіе уставщикои 1880-го года <sup>2)</sup>. Связи съ старовѣрами въ Россіи тоже давно не имѣютъ, о своихъ *архирейскъ* и не слыхивали, и нѣкоторая связь является только тогда, когда приходится добывать попа. Когда является такой попъ, обыкновенно ушедшій изъ православія и не слишивомъ крѣпкій въ убѣжденіяхъ, тогда церковь распадается на два стана и каждый начинаетъ собираться въ отдѣльную моленную. Прибытіе такого попа — праздникъ для исправниковъ и зашѣдателей, скачущихъ «ловить попа» и заставляющихъ старовѣровъ раскошеливаться...

По свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Максимовымъ, исторія добыванія семейскими покоевъ есть кровавая исторія. Въ 1812 г. отняли у нихъ попа въ куналейской церкви, Ивана Петрова. Съѣздили въ Москву и въ 1840 добыли себѣ другого. Попъ крестилъ младенцевъ, благословлялъ новоженцовъ и погребалъ умершихъ. Совершить онъ обрядъ и спрячется. Прознали, стали слѣдить, искать, нашли уже и мѣсто его пребыванія, но семейскіе успѣли спрятать его въ горахъ и рѣшились не выдать. Пришолъ генералъ Бовноскиновъ съ войскомъ и съ приказаніемъ взять попа силой. Семейскіе сначала не испугались, но когда главнѣйшихъ изъ нихъ, окруженныхъ толпою, солдаты вывели въ поле, и какъ въ бунтовщиковъ прицѣлились изъ ружей и

<sup>1)</sup> „Ирк. Епарх. Вѣд.“, 1879, № 36, 37.

<sup>2)</sup> Тамъ же, 1880, № 25.

направили дула, всё упали на колѣни и обѣщали выдать попа. Увели генерала въ горы; въ горахъ попа отдали; но опять бѣгъ попа стало жить «неможно, утѣснительно». Послали въ Россію и въ 1850 г. добыли новаго попа изъ Калуги. Начальство опять пустилось на поиски. Засѣдатель, узнавши отъ шпионовъ, что попъ такого-то числа побѣдетъ тайгой и скрытой дорогой, засѣлъ въ кустахъ и попа выждалъ,—схватилъ, связалъ, отдалъ своимъ провожатымъ, а самъ—въ Бичуру, но туда прежде его прискакалъ кто-то и разсказалъ въ селѣ о томъ, что творится.

Какъ только засѣдатель показался въ тарантасѣ на улицѣ, нѣсколько сотъ человѣкъ бросилось на него, вытащили изъ экипажа, и таща по улицѣ, били, мучали, насмѣхались надъ нимъ всевозможными способами. Привели засѣдателя въ избу и угрозы ему смертью, вымогли у него приказъ отпустить попа. Сторежъ, видя приказъ написаннымъ дрожащею рукою, не хотѣлъ попу отдать. Тогда всё опять накинудись на засѣдателя, но на этотъ разъ одинъ изъ стариковъ оборонилъ его. Засѣдатель написалъ второй приказъ, по которому попу и освободили. Но самого засѣдателя семейскіе все-таки заперли въ склепъ. Эстафета, извѣщавшая о событіи, «убѣжала» въ Иркутскъ, самъ главный начальникъ пріѣхалъ въ Бичуру, ласково поговорилъ съ старовѣрами, склонилъ на отпускъ засѣдателя и на выдачу попу, самыхъ же виновныхъ строго наказалъ. Попа этого посадили въ Иркутскій монастырь, и 1860 г. старовѣры стали думать, что «опять надо попу выписывать»<sup>1)</sup>. Такъ все шло до 1879 г. Въ это время является новый попъ, Лебедевъ. Сейчас же исправникъ, не теперешній, а прежній К. (уволентъ), и засѣдатель Смирновъ, изъ поповичей (изгнанъ)—на поиски. Попа не нашли, но деньги взяли хорошія. Попъ однако скоро померъ.

— Былъ у насъ попъ,—разсказываютъ семейскіе,—присланный изъ Москвы, чтó-ли; а въ ту пору засѣдателемъ у насъ былъ Ч., — вотъ онъ и прониухалъ какъ-то, что есть у насъ попъ, а гдѣ именно, не знаетъ. Обискивалъ-обискивалъ, да и напелъ гдѣ-то въ подпольѣ слѣды жилья. Случилось это у одной бабы. Арестовалъ онъ ее, спрашивать сталъ. Собрались старичи, потолоковали, да и порѣшили переговорить съ «баринъ» (такъ народъ зоветъ засѣдателя). «Баринъ» говоритъ, что можно. «Соберите завтра 5,000, — говоритъ, — ну и чортъ васъ мизини и съ попомъ, искать его не буду!» Мы было ему 2,000

<sup>1)</sup> Мамсиновъ II, 220.



—куда! и слышать не хочетъ. Еще 1,000 наенили,—вѣришь, вотъ какъ трудно было... Нѣтъ, уперся на 5,000. Между тѣмъ, засѣдатель до бабъ и дѣвокъ охотникъ былъ. Бабъ и вздумали его проучить. Пришелъ онъ къ дѣвкѣ въ баню, бабы-то накрыли его и избili такъ порядочно, а потомъ еще надругались: обгадили всего, какъ есть, да и ушли. Та же бабенка, къ которой онъ приходилъ, побѣждала въ правленіе и заявила, что какія-то бабы избili «барина» до смерти, пусть его унесутъ изъ ея бани. Онъ первое, какъ очнулся, послалъ донесеніе, что бунтъ, слышь, страшный изъ-за того, что онъ, «узнавъ, гдѣ скрывается попъ», хотѣлъ взять его, а крестьяне, молъ, «сопротивлялись и избili его мало не до смерти», и донесенье-то послалъ самому генералъ-губернатору въ Иркутскъ. Поругали мы бабъ, присмирѣли и сами: ждемъ, что будетъ, и вышло-то такъ, что теперь жутко вспомнить. Черезъ недѣлю прибылъ самъ генералъ-губернаторъ, графъ (Муравьевъ), съ нимъ много свиты: двѣ роты солдатъ, двѣ пушки, да казаки на придачу. Возы съ розгами были уже на площади. Началъ онъ съчъ кого попало, изъ мужиковъ, безъ милосердія. Бабъ и ребятишки подняли вой, крикъ—бѣда чистая, не даютъ мужиковъ, цѣпляютъ за нихъ. Тогда онъ приказалъ бабъ и дѣтей нагайками отгонять, и солдатамъ скомандовалъ—при насъ ружья зарядить пулями, и объявилъ, что «если черезъ десять минутъ попъ и зачинщики не выйдутъ, или ихъ народъ не выдастъ, то прикажетъ стрѣлять безъ разбору во всѣхъ». Стоитъ хмурый такой, на насъ не смотритъ, а въ рукѣ часы держать. Солдаты ружья держатъ на готовѣ. Вдругъ изъ толпы проталкивается и выходитъ къ генералу человекъ и говорить: «я попъ и есть». Вышли другіе и говорятъ: «мы—зачинщики». Такихъ набралось человекъ 15 или 17. Онъ тутъ же ихъ на площади велѣлъ заковать въ ручные и ножные кандалы. Подѣхало 10 троекъ, ихъ всѣхъ посадили съ солдатами, да кромѣ того, 50 человекъ конвою дали и увезли. Когда ихъ увезли, насъ выстроили въ ряды, а когда мы выстроились, велѣлъ каждому десятому человеку по 50 розогъ дать тутъ же. Пока насъ поролы, до тѣхъ поръ самъ смотрѣлъ. Драли долго, а кончили, онъ объявилъ, что двѣ роты солдатъ останутся у насъ жить, чтобы дали имъ квартиры и кормили бы ихъ во все время даромъ. «Когда,—говорить,—увиджу, что вы исправились, возьму солдатъ прочь, а до тѣхъ поръ, если будутъ жалобы на васъ, то все село переселю въ Якутскую область!» Вечеромъ онъ уѣхалъ. Такъ, — заключали они свой кровавый разговоръ,—мы вѣрнаго и

по сейчас не знаемъ, куда дѣвались онѣ нашихъ стариковъ — словно въ воду канули! <sup>1)</sup>).

Между тѣмъ, какъ совершались подобныя неистовства надъ людьми, старовѣры представляли собою не болѣе, какъ мирную религиозную общину, посвятившую себя не фанатизму, не сектаторской путаницѣ мысли, не лицемѣрію вмѣсто вѣры, а труду. Фанатизма, ненависти къ другимъ людямъ, къ другимъ вѣрамъ — нѣтъ и тѣни. Въ большихъ покояхъ самаго коренного старовѣра и въ присутствіи его и его семьи, кури табакъ, сколько хочешь, и только тамъ, гдѣ очень тѣсно и табакъ съ непривычки ѣстъ глаза, — скажутъ вѣжливо: «батьшка, выдь на дворъ, пожалуйста». Почтенный авторъ «Замѣтки о забайкальскихъ старообрядцахъ» <sup>2)</sup> собралъ слѣдующія подробности объ ихъ религиозной жизни.

«Къ забайкальскимъ старообрядцамъ едва ли примѣнимы понятія о раскольникѣ и сектаторѣ, такъ какъ они сами не выдумали никакого обряда, не сочинили ни одного догмата, не присвоили себѣ отъ духовенства никакой принадлежащей ему власти, — однимъ словомъ, ни одной іоты не прибавили и не убавили въ церковномъ уставѣ противъ того, какимъ онъ былъ въ древней Руси.

«Ученіе объ антихристѣ и близкой кончинѣ міра, — ученіе общее всякимъ сектамъ, и чѣмъ строже, запутаннѣе ученіе какой-нибудь секты, тѣмъ болѣе придается важности антихристу. У забайкальскихъ старовѣровъ ученіе это не набрасываетъ такой мрачной тѣни на жизнь и вѣру, какъ у другихъ. Объ антихристѣ упоминается только въ такихъ случаяхъ, въ какихъ помянуть его и всякій обыкновенный человѣкъ».

Въ то же самое время, эту религиозную семью людей слово «раскольникъ» рѣжетъ, словно ножомъ, по сердцу, — простѣе: наноситъ нравственное оскорбленіе.

«Какой вы вѣры? — спрашиваетъ ихъ засѣдатель на слѣдствіи. Слѣзъ себѣ бѣдняки, потупивъ голову и переминаясь съ ноги на ногу; имъ больно, досадно, стыдно; языкъ не ворочается выкинуть позорное, роковое слово.

— Сами знаете, ваше благородіе, такъ и пишите.

— Да почему же я знаю? Я напишу такъ, а тамъ окажется иначе. Ты скажи, такъ я и буду знать.

— Да мы, извѣстно, старой вѣры, ваше благородіе.

<sup>1)</sup> „Русскій Курьеръ“, 1890, № 337.

<sup>2)</sup> Сборникъ газетъ „Сибирь“, 1876, стр. 313—333.

— Да нѣтъ, братецъ, такой вѣры и по закону не полагается; ну, какой же?

— Куналейской, — брякнетъ какой-нибудь простякъ, думая хотя названіемъ своей родимой деревни отдѣлаться отъ прямого отвѣта.

— И этакой нѣтъ, а есть вотъ раскольники поповщинской секты.

— Эхъ, не пиши ты пожалуйста насъ раскольниками, — не любимъ мы этого... Не ругай насъ ни за что, ни про что.

— Чтожъ дѣлать, братцы, нельзя, законъ...

И выходитъ старообрядецъ отъ слѣдователя оскорбленный до глубины души, съ готовымъ проклятіемъ на губахъ, съ затаенною злобою противъ гонителей и еще съ большею увѣренностью въ своей правотѣ, большею твердостью въ убѣжденіи — вотъ-де и сейчасъ сподобилъ Господь пострадать за вѣру, — снесъ поруганіе.

«Вмѣсто попа служить уставщикъ. Уставщикъ служитъ, крестить, «исправляеть»; но онъ не можетъ ни вѣнчать, ни соборовать, ни служить обѣдин, и потому его никакъ не должно смѣшивать съ попами. Уставщикъ — просто грамотный чело-вѣкъ, хорошо изучившій церковный уставъ, не больше, и не имѣетъ никакого особеннаго мистическаго значенія, а если и пользуется общимъ уваженіемъ и довѣріемъ, то не какъ духовная особа, а какъ чело-вѣкъ ученый, знающій болѣе другихъ. Этотъ почетъ доставляетъ ему не санъ, не чинъ, а знаніе.

«Заутреня у нихъ начинается около десяти часовъ вечера. «Дьяки» впереди, передъ образами, раздѣляясь на два клироса; около нихъ, еще ближе къ образамъ, дьяки-мальчики; посрединѣ уставщикъ, а позади всѣ остальные богомольцы, женщины направо, мужчины налево. Уставщикъ покладитъ образа, положитъ началъ, и начинается длинная, до самаго разсвѣта, истинно всенощная заутреня. Къ образу, вынесенному, какъ и у насъ, на средину, подходятъ по-двое; кланяются образу; приложившись, опять такой же поклонъ; потомъ начинаютъ прощаться, то-есть кланяются тутъ же среди церкви другъ другу въ ноги; четвертый поклонъ уставщику тоже въ ноги и, наконецъ, пятый всему народу». Такъ, на дальней окраинѣ божьяго міра, въ глуши, въ краю, который весь пропитался хищничествомъ и лицемеріемъ, совершается высокій обрядъ братской любви, донесшійся отъ самыхъ первыхъ дней христіанства!

«Покойниковъ отпѣваютъ на дому. За похоронами слѣдуютъ поминки, на которые приглашается всякій желающій, такъ что

иногда богатые люди кормят поминających до самаго вечера. Но вина не полагается: «что-де за радость такая, чтобы вино пить!»—между тѣмъ какъ у насъ ныне поминки стоятъ хорошаго свадебнаго обѣда.

«Въ дни, называемые «родители» или родительскіе, женщины изъ каждаго дома нагружаютъ двухъ-колесную тележку-одноколку печенымъ хлѣбомъ, булками, калачами и тѣмъ отправляются въ молебную. Здѣсь, послѣ часовъ и панихиды, ихъ ожидаютъ старики и старухи побѣдѣе, преимущественно сибирячки или поселенцы, тоже съ одноколками, но только пустыми, и имъ раздается все привезенное».

Дополненіемъ въ этому можетъ служить то, что творится въ деревняхъ по тракту, гдѣ иногда встрѣчаются старовѣры. Идетъ по деревнѣ партія ссыльныхъ, жители выносятъ подаянія, — кусокъ хлѣба, булочку, яйцо, но у одного дома, гдѣ никого не видно, стоитъ столъ, накрытый бѣлой скатертью, и на немъ, мѣсто одной булки, наложена другъ на друга цѣлая гора большихъ хлѣбовъ, и арестанты спокойно подходятъ и берутъ.

— Что это такое?—спрашиваешь, и получаешь въ отвѣтъ: «Тутъ живутъ старовѣры»<sup>1)</sup>.

Спрашивается послѣ этого: какова же старовѣрамъ нужно «попа», или, иначе и вѣрнѣе: что же собственно желали бы видѣть старообрядцы въ священствѣ?

«Лучшій человѣкъ въ общинѣ, хорошо понимающій всѣ ея требованія и стремленія; человѣкъ, видѣвшій жизнь и съ дурной и съ хорошей стороны, но не потерявшій въ борьбѣ съ нею мягкости сердца и энергическаго стремленія къ добру; человѣкъ, хорошо знающій большинство членовъ общины, благосостояніе которой есть его собственное благосостояніе, съ которою онъ вполне связанъ и матеріальными, и нравственными интересами; вдобавокъ, человѣкъ свѣтлаго ума, безукоризненной нравственности, твердый въ своихъ убѣжденіяхъ, гуманный, религиозный, — вотъ какой священникъ нуженъ былъ бы для каждой общины. Или же человѣкъ, по своимъ познаніямъ и извѣстной степени нравственнаго достоинства получившій званіе священника, котораго община пригласила, за извѣстную плату, справлять у себя церковную службу, различныя требы, разрѣшать въ извѣстныхъ случаяхъ недоразумѣнія жителей и даже учить ихъ».

Что касается до обычнаго обращенія въ правовѣріе, то это

<sup>1)</sup> Сравни: Максимовъ I, 42.

жестокость. Н. Соколовскій въ «Нов. Времени» (январь 1881) говоритъ: «Вѣроятно, живущіе въ провинціяхъ обращали вниманіе на угрюмыя толпы сѣраго люда, по цѣлымъ днямъ, по цѣлымъ недѣлямъ, въ слякоть, зной и холодъ, чего-то ожидающія на консисторскихъ тротуарахъ; согнанный съ своихъ захоластьевъ, людъ этотъ безнадежно смотритъ на непривѣтливое зданіе; за то иначе смотреть на него консисторскіе чиновники. Кто же эти люди? Кто же эти мученики? Вся эта мученическая толпа состоитъ изъ совратившихся, и «ждетъ своей очереди идти» — на увѣщаніе!.. Было, — заключаетъ почтенный авторъ замѣтки, — нѣсколько случаевъ обращенія къ единовѣрію «извѣстными» мѣрами, но эти мѣры и результаты ихъ до того всѣмъ извѣстны, что говорить о нихъ совершенно лишне».

Понятно поэтому, что, при крѣпкой общинной жизни старовѣровъ, переходъ въ единовѣріе есть одно лишь разореніе чело-вѣка. Проѣзжая по семейскому Тарбогатаю, встрѣчаешь богатый домъ Чабунныхъ, но домъ разваливается, все въ немъ мрачно, народа нѣтъ, и живетъ въ немъ одна лишь старая дѣвушка, — единственный потомокъ богатой когда-то, обширной и почтенной семьи. Честолюбіе заѣло этихъ Чабунныхъ. Они поѣхали къ тогдашнему преосвященному съ просьбой устроить у нихъ единовѣрческую церковь. Единовѣрческій приходъ дѣйствительно учредился, но въ настоящее время едва ли наберется двадцать семей, посѣщающихъ единовѣрческую церковь въ Тарбогатаѣ; сами же Чабунны послѣ принятія единовѣрія разорились, а нѣкоторые даже угодили въ каторжную работу.

Таково вообще у старовѣровъ положеніе церкви, т.-е. общества вѣрующихъ, и только катастрофа 1-го марта случайнымъ образомъ принесла имъ нѣкоторое облегченіе, хотя и не надолго. При этой катастрофѣ, — какъ сообщили газеты, — былъ убитъ старообрядецъ Малевичъ, бывшій въ числѣ конвойныхъ, и онъ былъ первый изъ старовѣровъ, котораго дозволили публично отпѣть и похоронить по христіанскому обряду. «Отпѣваніе происходило на самомъ кладбищѣ, богослуженіе совершено старообрядческимъ священникомъ, въ присутствіи единовѣрцевъ покойнаго. Это было что-то необычное, потому что еще съ 1852 года запечатаны были всѣ старообрядческія молебни, а погребеніе усопшихъ дозволено было только на Волковомъ кладбищѣ, безо всякаго на-путствія усопшихъ» <sup>1)</sup>. Въ то же время въ Москвѣ въ первый разъ отърывается храмъ для старовѣровъ, гдѣ они служатъ

<sup>1)</sup> „Русс. Курьеръ“, 1881 № 64

«собрій», по случаю принесенія присяги. Послѣ первой службы въ Рогожскомъ кладбищѣ 5 марта, когда совершалась присяга, въ воскресный день, 8 марта, сюда стеклись старообрядцы со всей Москвы для торжественнаго богослуженія, которое совершали старѣйшіе старообрядческіе священники, отецъ Максимъ, отецъ Петръ и отецъ Григорій въ сослуженіи двухъ дьяконовъ и при стройномъ пѣніи пѣвчихъ, выписанныхъ изъ Гуслицъ...

Старообрядцы сберегли коренную русскую общинную жизнь; живутъ «общинами», которыя, размножаясь, отдѣляются отъ себя нова общины — выселки. Но община ихъ лишена свободы, власти, и отсюда — всѣ ея несчастія, все ея горе. Семейскіе оставлены ихъ общинные старосты (старшины), но въ волостныя власти, вмѣсто нихъ, избираются православные, т.-е. сибиряки; напротивъ того, единообрядцы избираются и въ волостныя чины. Что касается до остальныхъ «правъ» всего единообрядческаго населенія, то они пользуются правомъ — платить подати, давать рекрутъ, да отбывать неисчислимыя подводы подъ всевозможныхъ чиновниковъ, лекарей, арестантовъ, поповъ, коммиссіонеровъ, почтмейстеровъ и до послѣдняго приемщика на почтѣ, — подъ ихъ злыя, любовницъ, ребятъ, пріятелей и такъ далѣе безъ конца. Старообрядцы положительно находятся въ крѣпостной зависимости отъ засѣдателей, которые на практикѣ соединяютъ въ себѣ административную и судебную власть. Засѣдатели эти имѣютъ въ себѣ уже длинное историческое прошлое, все переполненное злодѣянiami, какъ, напр., *Затворницкій*, засѣдатель въ Урюмѣ, и потомъ чиновникъ при Муравьевѣ, съжигавшій розгами голову бадаевской волости, — какъ нерчинскій засѣдатель *Суровъ*, грабившій не только богатыхъ, но и нищихъ, попадавшихъ къ нему по дорогѣ, отнимая у кого рубль, у кого два, — какъ засѣдатель *Красноблудскій*, въ 1852 г. ограбившій на Енисей купца *Лантукова*, отнявшій у него 23,000 р., все имущество, даже ризы съ иконой, а все остальное отдавшій на разграбленіе казакамъ<sup>1)</sup>, и такъ безъ конца. Засѣдатели эти — разные *Поповы*, *Дьяконы*, *Пономарева*, выгнанные изъ школъ, а потомъ получившіе въ свое управленіе цѣлую «область», или уже истинные бараны, собравшіеся отовсюду. Таковъ былъ одинъ изъ засѣдателей, недавно изгнанный и оставившій за собою длинный шлейфъ всякаго позора. Безграмотный поповичъ, еще очень молодой, но жирный и нахальный, онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ обыкновенно въ красной рубахѣ, съ папачой на головѣ,

съ револьверомъ и пашкой, день и ночь скакалъ по мирнымъ семейскимъ селамъ, то, чтобы сорвать съ семейскаго, съ вѣтальца, съ бурата, съ сибиряка-цѣловальника, съ кого ни понало, — сорвать за пона, за мертвое тѣло, за позволеніе головѣ ограбить сундукъ; то ужъ напрямки объявить деревнямъ: сейчасъ давай каждая по столько-то; то, награвнувъ въ мирное и тихое селеніе, объявить «домамъ», что онъ намѣренъ здѣсь завести «домъ терпимости»; то добиться уже, что парни «любопо наладутъ» ему за своихъ дѣвушекъ, или, вслѣдствіе старой привычки травить людей, этотъ засѣдатель, здоровенный безграмотный мужикъ, посмѣетъ страдать простыхъ людей, что онъ — писатель, что онъ сотрудникъ «Ойбири», что онъ вотъ сейчасъ «на всякаго напишетъ стихи», и вслѣдъ за такимъ нахальствомъ — другое: перваго понавшагося бѣдняка изувѣчить, какъ это и сдѣлалъ онъ съ однимъ изъ семейскихъ. Скакалъ онъ такъ день и ночь безыказанно, пока деревось поповича не дошла до того, что онъ на скакалъ на одного губернатора, и его вѣжливо было прогнать. Въ рукахъ подобныхъ засѣдателей находится вся жизнь старовѣровъ, экономическая, социальная и даже — религіозная!..

Семейская община крѣпка остатками коренного народнаго обычнаго права, почти забытаго у сибиряковъ. «Семья» остается крѣпкимъ союзомъ родичей и не развращена, какъ у всего остальнаго сибирскаго населенія; поэтому старовѣры никогда не смѣшивались ни съ инородцами, ни съ каторжными, и сохранили въ себѣ основной типъ русскаго человѣка. Помѣси съ инородцами нѣтъ, — напротивъ того, сами инородцы, а вмѣстѣ съ ними и сибиряки, безъ всякихъ миссіонеровъ, безъ всякой пропаганды, однимъ лишь путемъ случайныхъ браковъ становятся семейскими, т.-е. старовѣрами.

Сибиряки давно уже начали періодъ своего вырожденія. Изучая, на примѣръ, сибирскую женщину, невольно замѣчаешь, что типъ ея распадается на двѣ рѣзкія и неравныя части, одна — русая, другая — черная, съ черными некрасивыми бровями. Первые, несравненно меньшія по числу, а въ иныхъ мѣстахъ Забайкалья, Нерчинска и по всей пограничной линіи составляющія совершенную рѣдкость, еще сохранили на себѣ русскія черты: они гораздо дѣятельнѣе, умнѣе, приличнѣе. Вторыя, составляющія большинство, т.-е. чистокровныя сибирячки, карими — или, мстительны, коварны, низкаго роста и съ брацкимъ (буратскимъ) или брацковатымъ типомъ. Вообще, восточный сибирякъ говорить, одѣвается, питается по-бурятски, женится на буряткахъ, и даже вѣруеть по-бурятски, ибо «шаманить» стало обычаемъ у сибир-

скаго населенія. Совсѣмъ не то старовѣры, сохранившіе себя чистыми отъ всякой помѣси. «Что за красавцы, что за богатыри!» — говоритъ одинъ изслѣдователь. «Указать теперь, какія именно черты я признаю въ этомъ народѣ за характерно-русскія, не могу, — но могу завѣрить въ одномъ: кто бы ихъ ни увидалъ, непременно сказалъ бы, что видѣлъ предъ собою чистокровнаго русака. Мало того, что красивыхъ между ними очень много — они въ тому же весьма крупный, сильный народъ. Я встрѣчалъ даже женщинъ, и не особенно рѣдко, вершковъ 8—8<sup>1/2</sup> и болѣе росту. Старики же бываютъ такіе красивые, что прямо просятся на полотно. Они могли бы послужить отличными натурщиками для библейскихъ сюжетовъ»<sup>1)</sup>.

Сибирячка тупа, непріятна и лѣнива до крайности, и вмѣстѣ странно нахальна. Родится у нея ребенокъ, и мать, отъ нечего дѣлать, начинаетъ тиранить его, то ежеминутно трясъ его въ качалкѣ, то болтая съ нимъ, дразня, зацѣловывая его, будто бы отъ любви, словомъ, не давая ему ни минуты покоя, пока иной разъ не замучитъ его до смерти. Остался живъ — тутъ новыя муки для ребенка, на котораго — отъ скуки, развѣдающей злобную сибирскую бабу — ежеминутно укаютъ, кричатъ, котораго толкаютъ, бьютъ и мучатъ, съ ранняго утра и до поздней ночи.

— Отчего ваши сосѣди такъ бѣдны? — спрашивалъ у семейскихъ одинъ изъ заѣзжихъ людей.

— Какъ же имъ не быть бѣдными, — отвѣчали ему: — имъ нѣтъ на работу въ поле съ плѣтухами, а сибирякъ варить себѣ кирпичный чай, и пока себерется работать, солнце успеетъ уже высоко подняться. Мы ужъ первую работу сдѣлаемъ и отдохнемъ, а сибирякъ въ самую жару мучить и лошадь, и себя.

Г. Максимовъ, въ своей дорожной книжкѣ, по горячимъ слѣдамъ записываетъ слѣдующія строки (16 янв. 1861): «сибиряками семейскіе недовольны. Встанетъ сибирякъ — чай пьетъ, въ поле идетъ — глядишь, опять домой тащится ѣсть, въ вечеру опять дома чай пьетъ. Хозяйство для нихъ второе дѣло. Казаки же (обурятавшееся населеніе) народъ совсѣмъ гиблый и недовольный; ни въ чемъ они на насъ не похожи»<sup>2)</sup>.

Семейская женщина работающа, а потому нравственна и интеллигентно не развращена, какъ сибирячка. Она благородна и горда. Одежда женщинъ — старинная: сарафанъ всегда яркихъ цвѣтовъ и китка, повязанная платкомъ въ видѣ чалмы. Пѣсня

<sup>1)</sup> „Русскій Курьеръ“ 1880, № 387.

<sup>2)</sup> Максимовъ I, 125.



и пласка—старинныя, камахи, поплауи, не сыщешь теперь и на Руси. Она необыкновенно дѣтельна, оттого и хозяйство у ней идетъ отлично; косить траву не хуже мужичины. «Дѣломъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, вы не встрѣтите въ старообрядческихъ селеніяхъ ни одной души: всѣхъ мужичинъ, женщинъ, даже дѣвокъ, точно кто метлой повнимелъ на работу»<sup>1)</sup>. Опираясь на свою женщину, домовитую, энергическую, дѣтельную и дома, и въ полѣ, и въ торговлѣ, семейскіе производятъ громадное количество хлѣба. Они, при Муравьевѣ, положительно спасли Амуръ отъ голодной смерти, и не будь семейскихъ, тамъ, при казенныхъ порядкахъ, если бы всѣ переселенцы не померли отъ голода, такъ стали бы ѣсть другъ друга, какъ это случалось. Съ 1857 года, въ теченіе девяти лѣтъ, семейскіе неустанно, безпрѣкословно, но и безъ большого ущерба для своего хозяйства, несли обязательную повинность кормить хлѣбомъ Амуръ, посылая туда отъ 300 до 500 тыс. и даже до милліона пудовъ ежегодно, и не только давали муку или зерно даромъ, но приплачивали еще по 10—20 к. на пудъ за доставку до Читы волынскими возчиками (казна давала за пудъ 60 к., доставка изъ Тарбогата стоила 70—80 к.). Все это забыто и не заплачено за это семейскимъ ни малѣйшимъ состраданіемъ къ ихъ участи. Выше видѣли мы, что продѣлывалось при Муравьевѣ по семейскимъ селамъ. Такъ,—пишетъ С. Максимовъ,—когда Амуръ легъ на семейскихъ овоею неожиданною тягостью, общинная справедливая раскладка по семействамъ помогла имъ выйти изъ борьбы побѣдителями, не смотря на то, что на хозяевъ средней руки приходилось ежегодно взносу по 40 пудовъ (на богатыхъ больше, на бѣдныхъ меньше). Хлѣбъ семейскихъ—на всѣхъ базарахъ отъ Иркутска до Нерчинска, и лучшіе продукты—мука, масло русское, чухонское (бѣлое), картофель, капуста, огурцы, овесъ, арбузы, конопляное сѣмя, горохъ, свиньи, утки, и т. д. принадлежать преимущественно семейскимъ. Повторяемъ, не будь семейскихъ, да еще бураты, усердныхъ хлѣбопашцевъ, все Забайкалье и Нерчинскій край съ Амуромъ, съ ихъ сибиряками, помѣшанными на одномъ лишь хищничествѣ, успѣли бы сто разъ «пропасть» отъ голоду.

Семейскіе лишены церкви, но высоко религіозны; у семейскихъ нѣтъ школъ,—не только гимназій и прогимназій,—но они несравненно грамотнѣе сибиряковъ. «Если сравнить,—говоритъ одинъ изслѣдователь,—сибирскую массу съ старовѣрческой по

<sup>1)</sup> Сборникъ газетъ „Сибирь“, стр. 322.

отношенію къ ихъ умственному развитію, то несомнѣнный переѣсъ останется на сторонѣ послѣдней. Правда, старообрядцы еще отказываются принять внѣшнія формы цивилизованной жизни, но за то, образовавъ сплоченную общину, они стремились къ внутреннему развитію, заботливо распространяли между своими послѣдователями грамотность, создавали хотя сухую, догматическую и схоластическую литературу, но тѣмъ не менѣе распространенную въ средѣ староѣровъ и извѣстную большинству;—касались такихъ философскихъ и социальныхъ вопросовъ, о которыхъ православно-сибирская масса никогда и не думала, и разрѣшали эти вопросы иногда по началамъ западнаго рационализма<sup>1)</sup>).

Словомъ, семейскіе рѣзко отличаются отъ сибиряковъ своимъ высокимъ умственнымъ, экономическимъ и социальнымъ благосостояніемъ, и сибиряки за это ихъ поносятъ. Забывая о злобѣ и зависти, пропитавшихъ сибиряка, нисколько не думая о томъ, чтобы поглядѣть на себя или прислушаться, что о нихъ твердитъ вся русская литература, кто-то изъ сибиряковъ сообщаетъ въ «Православномъ Собесѣдникѣ» (старыхъ годовъ), что «семейскіе злы и мстительны, лицемерны (?!) и жаждутъ къ богатству (а единоѣрческіе попы?), которое стараются приобрести всѣми возможными способами». Но дѣло въ томъ, что у староѣровъ есть *будущее*, у сибиряковъ же никакого; имъ остается вырождаться и вымирать. Семейскіе—это гранитные камни. Отъ вѣкового дѣйствія враждебныхъ стихій они, быть можетъ, вывѣтривались и исполнились недостатками, но доселѣ все еще стоятъ крѣпко и предстательно, неизмѣримо возвышаясь надъ всѣмъ остальнымъ сибирскимъ населеніемъ.

БЛАГОВЪЗЖИНСКІЙ.

<sup>1)</sup> Расса „Сибирь“, 1881, № 7.

## ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е сентября, 1882.

Новый законъ о пошлинахъ съ имущества, переходящихъ безсудными способами. — Препятствія, которыя ему пришлось преодолѣть; несостоятельность возраженій, которымъ подвергалось основное его начало. — Отдѣльныя постановленія закона; сильныя и слабыя ихъ стороны. — Учрежденіе губернскихъ комиссій по питейному дѣлу. — Мѣстные комитеты, предлагаемые авторомъ „Писемъ о современномъ состояніи Россіи“. — Фактическія данныя, необходимыя для составленія гражданскаго уложенія. — Переименованіе военныхъ гимназій въ кадетскіе корпуса.

Говоря въ прошедшій разъ о трехъ финансовыхъ реформахъ — гербовой, таможенной и табачной, — мы указали на паллиативный ихъ характеръ, на необходимость болѣе коренной перемѣны въ нашей финансовой системѣ. Утвержденное 15-го іюня положеніе о пошлинахъ съ имущества, переходящихъ безсудными способами, можетъ быть названо первымъ шагомъ къ такой перемѣнѣ. Облагая налогомъ переходъ наслѣдствъ, не только по завѣщанію, но и по закону, оно расширяетъ область податного обложенія именно въ томъ направленіи, которое всего больше соотвѣтствуетъ требованіямъ справедливости. Въ XVIII-мъ вѣкѣ переходъ недвижимаго имущества по наслѣдству, наравнѣ со всякимъ другимъ, оплачивался пошлюю, взимающеюся при справкѣ и отказѣ; но въ началѣ царствованія Александра I-го налогъ съ наслѣдствъ былъ совершенно отмененъ, причѣмъ мотивомъ этой мѣры было выставлено благоволеніе къ дворянству. Въ 1808 г. пошлыны съ наслѣдства по завѣщанію были восстановлены, но исключительно для тѣхъ случаевъ, когда имущество переходитъ къ дальнимъ родственникамъ, помимо ближайшихъ, или въ постороннія руки. Законъ 1808 года дѣйствовалъ до настоящаго времени; попытки распространить сферу примѣненія его постоянно оставались безъ успѣха. Еще въ 1821 г. министер-

ство финансовъ настанвало на обложеніи пошлинной всѣхъ наследственныхъ имуществъ, въ размѣрѣ отъ  $\frac{1}{2}$  до 4% при переходѣ имущества по завѣщанію, отъ  $\frac{1}{4}$  до 4% при переходѣ имущества къ наследникамъ по закону; но государственный совѣтъ высказался противъ реформы, и она не состоялась. „Въ Россіи всѣ дворяне, — читаемъ мы въ мнѣніи государственнаго совѣта, — будучи государственными постановленіемъ обращены на военную или гражданскую службу и получая весьма скудное жалованье, или, слѣдуя неразсчетливо предковъ своимъ древнему обычаю гостепріимства, обременяютъ достоинства свои долгами и передаютъ, по большей части, въ наследство мнѣнію съ великими прежней цѣнности ихъ ущербомъ. Строгая же справедливость требуетъ въ обремененіи дворянскихъ мнѣній новыми налогами соблюдать крайнюю осторожность и внимательность. Дворянскія мнѣнія платятъ уже высокую дань государю и обществу“. Въ этихъ словахъ заключается разгадка противудѣйствія, встрѣченнаго преобразовательною мыслью министерства финансовъ. Сословныя соображенія ввали веркъ надъ государственными; интересы казны были принесены въ жертву интересамъ дворянства. Давно уже свободные отъ обязательной службы, дворяне были выставлены изнемогающими подъ ея бременемъ; подати, платимыя помѣщичьими крестьянами, превратились въ дань, платимую дворянскими мнѣніями. Само собою разумѣется, что для поддержанія уже-дворянскихъ взглядовъ были пущены въ ходъ и другіе, болѣе общіе аргументы. Пошлины съ наследства завлечены именемъ налога, „народный мнѣніемъ и доказательствомъ людей мудрыхъ опровергнута“, причемъ, къ сожалѣнію, не названы имена опровергавшихъ его мудрецовъ; приведенъ примѣръ Англіи, которая „исчислила всю респіснъ возможныхъ налоговъ, но не коснулась до наследственныхъ мнѣній“, — между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ пошлины съ наследства были введены въ Англію еще въ XVII-мъ вѣкѣ и въ первой четверти нашего столѣтія достигли уже широкаго развитія; предсказана скорая отиѣна наследственныхъ пошлинъ во Франціи, въ которой онѣ, однако, преспокойно взимаются и теперь въ большемъ, чѣмъ тогда, размѣрѣ. „Достоѣрно сказать можно, — читаемъ вубликаціонный пунктъ филиппики противъ венавистнаго налога, — что, если бы пошлина на наследство принята была, то она привела бы чувствительнѣйшее огорченіе и всеобщее негодованіе, ибо она поразяетъ въ начальномъ основаніи право собственности и оскорбляетъ природу „вдохновенный между кровными законъ“.

Если вспомнить характеръ эпохи, наступившей вскорѣ послѣ 1831 года, то не трудно понять, почему реформа, признанная вредною для дворянства, опасною для семьи и несовмѣстною съ правомъ

собственности, была осуждена на долгое забвение. Вопросъ объ установленіи пошлннъ съ наслѣдствъ былъ поднятъ вновь только въ концѣ шестидесятихъ годовъ, въ податной комиссіи. Вѣрная традиціямъ министерства финансовъ, комиссія съ самаго начала предположила разрѣшить этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ; но проектъ, составленный ею, возбудилъ сильную оппозицію и долго не могъ пройти первыиъ ступеней законодательной лѣстницы. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что большинство противниковъ реформы руководилось, въ сущности, тѣми же побужденіями, изъ-за которыхъ она была отвергнута въ 1821 году; но въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, на первый планъ были выдвинуты возраженія иного рода. Съ одной стороны была сдѣлана попытка отсрочить все дѣло *à sine die*, до общаго пересмотра законовъ о наслѣдственномъ правѣ (о составленіи новаго гражданскаго уложенія въ то время не было еще и рѣчи); съ другой стороны было улажено на то, что пошлнна съ наслѣдства равносильна пошлннѣ съ капиталомъ, т.-е. постепенному уменьшенію объема облагаемыхъ имуществъ, что она не соответствуетъ важности услуги, оказываемой государствомъ при переходѣ имущества отъ наслѣдодателя къ наслѣднику, что она противурѣчитъ юридическому воззрѣнію, по которому наслѣдникъ есть продолжатель личности наслѣдодателя, и, слѣдовательно, имущество послѣдняго должно переходить къ первому безъ всякаго уменьшенія въ объемѣ. Весьма интересны доводы противъ налога на наслѣдства, приведенные г. Побѣдоносцевымъ въ его „Курсѣ гражданскаго права“. Первый изъ нихъ — отсутствіе у насъ историческаго основанія для подобнаго налога, такъ какъ въ западной Европѣ онъ происходитъ изъ феодальныхъ отношеній, а въ Россіи пошлнны, сопряженныя съ справкой и отказомъ, взымались, въ XVIII вѣкѣ, при всякомъ переходѣ недвижимыхъ имѣній, безъ specialнаго приуроченія къ наслѣдству. „Въ настоящемъ состояніи нашего экономическаго быта и нашего законодательства, — читаетъ мы дальше (курсъ, часть вторая, стр. 337—338, изданіе 1871 года), — нельзя примѣнять къ нимъ правила, которыя прилагаются удобно въ совсѣмъ иныхъ условіяхъ быта и законодательства у другихъ народовъ. Прежде всего нельзя не принять въ соображеніе крайнюю неопредѣленность цѣнности нашихъ недвижимыхъ имуществъ, которыя въ западныхъ государствахъ приобрѣли цѣнность почти рыночную, всегда доступную учету безъ затрудненія <sup>1)</sup>. Можно, пожалуй, и у насъ

<sup>1)</sup> По буквальному смыслу этой фразы можно предположить, что рыночную цѣнность въ западныхъ государствахъ имѣютъ наши недвижимыя имущества; но авторъ, безъ сомнѣнія, относитъ вторую часть предложенія къ недвижимымъ имуществамъ западной Европы.

установить нормальную цѣну десятины для каждой мѣстности, но эта оцѣнка непремѣнно будетъ произвольная... Далѣе: законодатели наши какъ будто забываютъ принять въ соображеніе юридическія черты нашего наслѣдства. Эти черты столь смутны и неопредѣлительны, что не на чемъ покуда утвердить справедливую мѣру налога... Наслѣдство есть у насъ одно изъ самыхъ смутныхъ и рискованныхъ приобрѣтеній. Законъ не даетъ способа наслѣднику — ни привести въ ясность наслѣдственные долги, ни оградить себя отъ безграничной ответственности. Нерѣдко случается, что принятое наслѣдство, по матеріальному составу значительное, оказывается въ рукахъ у наслѣдника привратною цѣнностью. Въ такихъ условіяхъ, конечно, было бы несправедливо и неблагоразумно, но крайней мѣрѣ до общихъ преобразованій въ законахъ нашихъ о наслѣдствѣ, прилагать къ нему мѣру цѣнности, отвлеченно взятую изъ чужого экономического и юридическаго быта, и требовать для насъ такого налога, который въ самомъ вниманіи сопряженъ будетъ не только съ крайнимъ стѣсненіемъ для частной собственности, но и съ крайними затрудненіями учета и всей операціи для самой казны".—Разборъ этихъ разсужденій будетъ представленъ нами ниже, при общей оцѣнкѣ новаго закона; теперь замѣтимъ только, что они не могли не составить крупнаго камня преткновенія на пути реформы. Ея защитники ссылались на повсемѣстное существованіе повинны съ наслѣдствъ, на вниманіе ихъ, нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, въ самой Россіи; г. Побѣдоносцевъ отрицалъ послѣднее и доказывалъ несправедливость у насъ западно-европейскихъ порядковъ. Если прибавить къ этому доводы другихъ противниковъ реформы, если принять во вниманіе тѣ предрассудки и интересы, съ которыми она должна была бороться, то успѣхъ ея нельзя не признать явленіемъ исключательно-счастливымъ.

Законъ 15-го іюля ставитъ наслѣдство по закону, относительно уплаты повинны, на одинъ уровень съ наслѣдствомъ по завѣщанію и другими способами безвозмезднаго приобрѣтенія имущества. Освобождается отъ уплаты повинной, между прочимъ, всѣ имущества, цѣность которыхъ не превышаетъ одной тысячи рублей, и всѣ имѣнія, отведенныя въ надѣлы лицамъ сѣльского сословія, вмѣстѣ съ находящимися на этихъ земляхъ крестьянскими домами и хозяйственными строеніями и принадлежностями. Въ силу этой льготы, налогъ на наслѣдство упадетъ почти всецѣло именно на тѣ общественныя классы или группы, которые, будучи въ состояніи платить финансово много, пользовались до сихъ поръ привилегіей платить финансово мало. Констатировать этотъ фактъ, значитъ, съ нашей точки зрѣнія, доказать справедливость новаго закона. Отгѣна по-

душной подать только въ такомъ случаѣ достигнута своей цѣль, если пробѣль, образуемый ею въ бюджетѣ, будетъ пополненъ бѣмъ новаго отягощенія массы народа. Налогъ на наслѣдство, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ регулированъ закономъ 15-го іюня, соответствуетъ этому условію. Тѣ изъ числа крестьянъ, которые владѣли помимо надѣла имуществомъ, стоящимъ болѣе тысячи рублей, живутъ, очевидно, не однимъ личнымъ трудомъ, и уплата пошлины, устанавливаемой закономъ, не ляжетъ непосильнымъ бременемъ на ихъ семейство. Тоже самое можно сказать и о лицахъ другихъ сословій, въ особенности, если припомнить, что освобождена отъ пошлины и домашняя движимость (кромя капитала), не приносящая дохода и не составляющая предмета торговли или промысла.

Если налогъ справедливъ самъ по себѣ, то вопросъ о томъ, есть ли у него *историческая почва*, представляется, въ сущности, довольно празднымъ. На исторической почвѣ вырастаетъ много безобразнаго, уродливаго—и, наоборотъ, въ ней не живутъ корни многи разумныя и полезныя нововведенія. Въ данномъ случаѣ, однако, отрицаніе исторической почвы основано на явномъ софизмѣ. Намъ говорятъ, что пошлина при справкѣ и отказѣ взыскивалась не съ однихъ только наслѣдствъ; но развѣ „историческая почва“ и „спеціальность“ налога—понятія, необходимо связанныя между собой? Если для перехода имущества по наслѣдству и для перехода его другими способами существовали одни и тѣ же правила, то это не даетъ еще права утверждать, что понятіе о налогѣ на наслѣдство чуждо нашему законодательству; безусловно новымъ оно могло бы быть признаваемо въ такомъ лишь случаѣ, если бы переходъ имущества по наслѣдству никогда и ни въ какомъ видѣ не былъ обложенъ сборомъ въ пользу государства. Специальнымъ, въ смыслѣ исключительности, налогъ на наслѣдства нигдѣ не бывалъ и не бываетъ; ничего спеціальнаго нѣтъ и въ томъ налогѣ, который установленъ закономъ 15-го іюня. Переходъ имущества изъ однихъ рукъ въ другія—вотъ настоящій поводъ къ взысканію пошлины; форма перехода—обстоятельство второстепенное, имѣющее значеніе только на размѣръ пошлины и способъ взысканія ея. Представимъ себѣ, что у насъ былъ бы отиѣненъ гербовый сборъ съ прошеній, подаваемыхъ въ общія судебныя мѣста, а черезъ нѣсколько времени возникъ бы вопросъ о его восстановленіи. Показалось ли бы кому-нибудь серьезнымъ возраженіе противъ этой мѣры, основанное на томъ, что наравѣ съ прошеніями въ общіе суды подлежали гербовому сбору всѣ другія прошенія, подаваемые въ присутственныя мѣста, и что, слѣдовательно, гербовый сборъ съ прошеній перваго рода, никогда не былъ спеціальнымъ, не имѣетъ подъ собою исторической почвы? А какъ

тѣмъ, это воображаемое возраженіе ничуть не слабѣе того, которое действительно было дѣлаемо противъ налога на наслѣдства и—какъ знать?—можетъ быть, замедлило его введеніе. Феодалныя отношенія—обыкновенный, но не единственный источникъ налога на наслѣдства въ западной Европѣ; лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то, что въ Англіи пошлинны съ наслѣдствъ появляются лишь въ концѣ XVII вѣка. Смысла на происхожденіе налога могла бы имѣть извѣстный смыслъ, если бы онъ отзывался феодализмомъ, если бы онъ поддерживалъ устарѣлые порядки или носилъ на себѣ ясный ихъ отпечатокъ. Ничего подобнаго пошлина съ наслѣдствъ не представляетъ; откуда бы она ни произошла, она соответствуетъ многимъ условіямъ и требованіямъ современнаго общественнаго строя, империруя сословныя перегородки и допуская только одну, вполне законную привилегію—привилегію бѣдности.

Остальныя возраженія противъ налога на наслѣдства могутъ быть раздѣлены на двѣ главныя категоріи—возраженія юридическія и возраженія экономическія. Главное изъ числа первыхъ, это—указаніе на юридическую фикцію, въ силу которой наслѣдникъ является продолжателемъ личности наслѣдодателя, и, слѣдовательно, имущество послѣдняго должно переходить въ первомъ безъ всякаго уменьшенія въ объемѣ. Юридическія фикціи—плодъ законодательства, болѣе или менѣе развитого; существуя только на его почвѣ, онѣ могутъ быть имъ видоизмѣяемы и регулируемы. Обезпечивая за наслѣдникомъ возможность стать на мѣсто наслѣдодателя, государство, очевидно, имѣетъ право опредѣлять условія этой перемѣны; неприкосновенность наслѣдственнаго имущества вовсе не разумѣется при этомъ сама собою. Разсматривая фикціи какъ реальности и извлекая изъ нихъ до конца всѣ логическіе ихъ выводы, можно придти къ совершенно неожиданнымъ и даже наглымъ заключеніямъ. При продажѣ имущества продавецъ, говоря отвѣчно, имѣетъ право получить всю цѣну имущества сполна, покупатель—заплатить только эту цѣну, не болѣе; между тѣмъ, выкупленіе крѣпостныхъ пошлинъ можетъ за собою или получеіе продавцемъ суммы меньшей противъ цѣны имѣнія, или уплату покупателемъ суммы болѣе противъ этой цѣны. Итакъ, крѣпостная пошлина есть нарушеніе права собственности? Поидемъ далѣе. Что имущество принадлежитъ всецѣло своему хозяину, это—положеніе, по меньшей, мѣрѣ столь же твердое, какъ законъ о продолженіи наслѣдникомъ личности наслѣдодателя. Если наслѣдственное имущество не можетъ быть уменьшено безъ воли и согласія наслѣдника, то въ силу тѣхъ же основаній никакое имущество не можетъ быть уменьшено безъ воли и согласія хозяина. Другими словами, если налогъ на наслѣдство несовѣстенъ съ пра-



вомъ наслѣдника, то всякій налогъ вообще (немыслимый безъ уменьшенія имущества) несовмѣстенъ съ правомъ хозяина или собственника. Итакъ, налогъ, въ чемъ бы онъ ни состоялъ, есть нарушение права собственности? Вотъ къ какимъ абсурдамъ можетъ привести перенесеніе условныхъ цивилистическихъ понятій въ область государственнаго права!

Другое возраженіе юридическаго свойства, это—неопредѣленность состава и цѣны наслѣдственнаго имущества, зависящая отъ отсутствія у насъ такъ-называемаго *bénéfice d'inventaire*, т.-е. возможности точно и своевременно привести въ извѣстность активъ и пассивъ наслѣдства. Бесспорно, положеніе наслѣдника въ Россіи не такъ удобно, чѣмъ въ западной Европѣ; это не мѣшаетъ, однако, спокойному переходу громаднаго большинства наслѣдствъ, не мѣшаетъ принятію ихъ наслѣдниками, не смотря на рискъ обнаруженія долговъ, превышающихъ стоимость наслѣдства. Сравнительно съ этимъ рискомъ, рискъ уплаты наслѣдственной пошлины, не соответствующей цѣнѣ наслѣдства, долженъ быть признанъ ничтожнымъ уже потому, что высшій размѣръ пошлины всегда можетъ быть опредѣленъ заранее, а сумма долговъ, тяготящихся на наслѣдствѣ, ничѣмъ не ограничена и представляетъ полный просторъ для самыхъ непріятныхъ сюрпризовъ. Предпринятый пересмотръ нашихъ гражданскихъ законовъ позволяетъ ожидать, что интересы наслѣдниковъ, по отношенію къ принятію наслѣдства, будутъ ограждены у насъ въ той же мѣрѣ, какъ и за границей; но откладывать до этого времени установленіе налога на наслѣдства не было достаточнаго основанія. Справедливо было бы только, быть можетъ, дополнить законъ 15-го іюня разрѣшеніемъ наслѣднику просить о возвращеніи излишне внесенныхъ въ счетъ пошлины денегъ, если послѣ уплаты налога открылись новыя, безусловныя долги, лежащіе на наслѣдствѣ<sup>1)</sup>. Съ общимъ духомъ закона такое разрѣшеніе было бы согласнo; возвращеніе излишне внесенной пошлины уже допущено имъ, въ случаѣ утвержденія въ правахъ наслѣдства другихъ наслѣдниковъ, кромѣ того, который первоначально уплатилъ всю пошлину.

Экономическія возраженія противъ налога на наслѣдство построены отчасти на общихъ соображеніяхъ, отчасти на данныхъ, относящихся собственно къ Россіи. Указаніе на не-пропорціональность между услугой, оказываемой государствомъ, и платой за эту услугу заслуживало бы вниманія лишь въ такомъ случаѣ, еслиби

<sup>1)</sup> По ст. 11-й закона 15-го іюня, изъ цѣнности наслѣдства, опредѣляемой для уплаты пошлины, исключаются, между прочимъ, долги наслѣдодателя, подлежащія образамъ удостовѣренію.

единственнымъ основаніемъ въ обложеніи наслѣдствъ было вознагражденіе государства за охраненіе правъ наслѣдника. На самомъ дѣлѣ это основаніе не только не единственное—оно даже не главное, не существенное. Переходъ имущества изъ однихъ рукъ въ другія составляетъ вообще удобный для государства и не слишкомъ обременительный для частныхъ лицъ поводъ къ взысканію налога; государство, опредѣляющее порядокъ наслѣдованія и наслѣдственное право, можетъ опредѣлить и обязанности наслѣдника по отношенію къ государству; лицо, безсмысленно получающее не имъ самимъ приобретенное имущество, должно поступиться частью этого имущества на общую пользу—частью тѣмъ болѣею, чѣмъ меньше естественная связь между прежнимъ и новымъ владѣльцемъ и чѣмъ значительнѣе обогащеніе послѣдняго: вотъ настоящія опоры налога на наслѣдство, не нуждающіяся ни въ какомъ искусственномъ подкрѣпленіи. Говорятъ, что этотъ налогъ падаетъ на капиталъ и влечетъ за собою уменьшеніе національнаго имущества. Безспорно, налогъ съ дохода раціональнѣе, чѣмъ налогъ съ капитала; но налогъ съ капитала несравненно раціональнѣе и справедливѣе, чѣмъ налогъ на трудъ, составляющій такую значительную часть нашего бюджета. Не стѣняясь въ обложеніи труда, странно было бы стѣняться въ обложеніи капитала. Во многихъ случаяхъ, притомъ, налогъ съ наслѣдствъ упадетъ, въ сущности, не на капиталъ, а на доходъ, въ особенности при допущенныхъ закономъ отсрочкахъ и разсрочкахъ. Платить изъ капитала придется, болѣею частью, только дальнимъ родственникамъ и постороннимъ лицамъ, т. е. именно тѣмъ, для которыхъ полученіе наслѣдства равносильно случайному обогащенію. Уменьшить національное имущество налогъ съ наслѣдствъ можетъ не болѣе и не меньше, чѣмъ всякій другой. Замѣчательно, что противники налога съ наслѣдствъ не возстаютъ противъ взысканія крѣпостныхъ пошлинъ, между тѣмъ какъ послѣднія съ гораздо болѣею правотою, чѣмъ первый, могутъ быть признаваемы налогомъ съ капитала.

Послѣднее экономическое возраженіе, заимствованное изъ условій русскаго быта, основано на неопредѣленной, колеблющейся цѣнѣ нашихъ недвижимыхъ имѣній. Это возраженіе могло бы быть направлено и противъ крѣпостныхъ пошлинъ, которыя, однако, взыскиваются издавна, не возбуждая особаго неудовольствія или ропота. Затруднительность оцѣнки предмета обложенія не можетъ служить сама по себѣ достаточнымъ основаніемъ къ освобожденію его отъ налога. Наши недвижимыя имѣнія, часто переходящія изъ рукъ въ руки, не смотря на крѣпостныя пошлины, въ состояніи вынести и налогъ съ наслѣдства. Весь вопросъ заключается въ правильной

оцѣнкѣ, не легко достигаемой, но безъ сомнѣнія достижимой. Съ этою цѣлью законъ 15-го іюня вмѣняетъ въ обязанность министру финансовъ „составить и внести на утвержденіе въ законодательный порядокъ таблицъ, опредѣляющую законную оцѣнку земель въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи для исчисленія пошлинны безсѣднаго перехода имуществъ этого рода, имѣя при томъ въ виду, что оцѣнка должна по возможности ближе соответствовать дѣйствительной ихъ стоимости“. Слѣдуетъ полагать, что новая табель будетъ принята въ основаніе и для исчисленія крѣпостныхъ пошлинъ, такъ какъ табель, дѣйствующая до сихъ поръ, крайне устарѣла и не выражаетъ собою настоящей стоимости земель. Выраженіе: *съ различныхъ мѣстностяхъ имперіи*, позволяетъ думать, что цѣны имѣній будутъ опредѣлены въ табели не по уѣздамъ, а по единицамъ болѣе мелкимъ, сообразно съ дѣйствительнымъ различіемъ условій. Благодаря земскимъ оцѣнкамъ, составленіе табели окажется дѣломъ гораздо болѣе легкимъ, чѣмъ оно было бы десять или пятнадцать лѣтъ тому назадъ.

Размѣръ пошлинъ, установленныхъ закономъ 15-го іюня, обуславливается близостью отношеній между лицами, отъ котораго и къ которому переходитъ имущество. При переходѣ имуществъ отъ одного супруга къ другому, къ родственникамъ въ прямой восходящей или нисходящей линіи, къ усыновленнымъ дѣтямъ и къ супругамъ дѣтей взимается одинъ процентъ съ цѣны имущества; при переходѣ имуществъ къ пасынкамъ и падчерицамъ, къ братьямъ и сестрамъ и къ дѣтямъ умершихъ братьевъ и сестеръ—четыре процента; при переходѣ имуществъ къ остальнымъ родственникамъ третьей степени, а также къ родственникамъ четвертой степени (т.е. двоюроднымъ братьямъ и сестрамъ) — шесть процентовъ; при переходѣ имуществъ къ болѣе дальнимъ родственникамъ и къ постороннимъ лицамъ—восемь процентовъ. Сравнительно съ западно-европейскими государствами, пошлина съ наслѣдствъ установлена у насъ, вообще говоря, въ нѣсколько низшихъ размѣрахъ. Такъ, на примѣръ, во Франціи наслѣдство, переходящее къ брату или сестрѣ, оплачивается почти 8%; максимумъ пошлинны въ Австріи—9½, въ Англіи—10, во Франціи—11, въ Бельгіи—13%. Болѣе льготными для наслѣдниковъ представляются только законодательства прусское (при переходѣ имуществъ по прямой линіи пошлинъ не взимается вовсе; максимумъ сбора, какъ и у насъ, 8%, но ему подлежатъ родственники только начиная съ седьмой степени) и сѣверо-американское (максимумъ пошлинны—6%). Размѣръ пошлинны съ имуществъ, переходящихъ къ дальнимъ родственникамъ и постороннимъ лицамъ, безъ всякаго неудобства могъ бы быть значительно повышенъ; въ перво-

начальномъ проектѣ онъ былъ опредѣленъ въ 9% — нельзя не сказать, что не удержана хоть эта цифра. Пошлина съ наслѣдствъ, переходящихъ къ супругамъ и дѣтямъ, правильно ограничена небольшимъ процентомъ, потому что для лицъ, столь близкихъ къ наслѣдодателю, получение наслѣдства рѣдко бываетъ общаіемъ; имущественное положеніе ихъ болѣею частью или остается безъ измѣненія, или даже измѣняется къ худшему — если, напримѣръ, умираетъ отецъ, содержавшій семью не только доходомъ съ имущества, но и личнымъ трудомъ. Къ совершенному освобожденію отъ пошлины наслѣдствъ этого рода тѣмъ не менѣе не представлялось оснований, какъ въ виду общихъ соображеній, оправдывающихъ налогъ на наслѣдство, такъ и въ виду значительности цѣнностей, которыя остались бы внѣ обложенія. Наслѣдство всего чаще переходитъ именно къ супругамъ и дѣтямъ; въ Англіи, напримѣръ, цѣнность такихъ наслѣдствъ простиралась въ 1865 г., до 60 милліоновъ фунтовъ, цѣнность всѣхъ остальныхъ — до 38 милліоновъ; во Франціи, въ 1868 г., эти двѣ цифры составляли: первая — почти три милліарда, вторая — менѣе одного милліарда франковъ. Въ обѣихъ странахъ пошлина съ наслѣдствъ, переходящихъ къ супругамъ и дѣтямъ, равнялась, приблизительно, одной четверти всего, поступившаго съ наслѣдствъ, налога. Одинъ процентъ съ цѣны имущества — въ особенности при освобожденіи отъ налога имущества малоцѣнныхъ — не разорить ни одной семьи, а государству доставитъ значительную сумму. Замѣтимъ еще, что для супруговъ новый законъ въ общемъ итогѣ выгоднѣе существующаго; такъ — называемая указная часть была до сихъ поръ свободна отъ налога, но за то при полученіи супругомъ по завѣщанію болѣе, чѣмъ указной части, онъ означивалъ получаемое четырьмя процентами. Теперь достоящееся супругу — все равно, по завѣщанію или по закону — будетъ оплачиваться только однимъ процентомъ. Общая сумма дохода, получаемого путемъ обложенія наслѣдствъ, могла бы быть значительно увеличена, безъ всякаго нарушенія справедливости и безъ чрезмѣрнаго отягощенія платящихъ, еслибы размѣръ пошлины былъ поставленъ въ зависимость не только отъ близости родства, но и отъ стоимости наслѣдства. Тѣ же самыя соображенія, въ силу которыхъ вовсе освобождены отъ налога малоцѣнные наслѣдства, говорятъ въ пользу обложенія богатыхъ наслѣдствъ сборомъ, сравнительно болѣе высокимъ, особенно при переходѣ ихъ дальнимъ родственникамъ наслѣдодателя или къ постороннимъ лицамъ. Наслѣдованіе по закону въ отдаленныхъ степеняхъ родства (начиная примѣрно съ шестой или седьмой) основано на фикціи, рѣдко соответствующей фактамъ; связь между членами рода, какъ нѣчто постоянное и прочное, давно

уже отошла въ область прошедшаго. Имущества, къ которымъ тѣмъ болѣе близкихъ наслѣдниковъ, равно или поздно, по всей вѣроятности, будутъ признаны выморочными (если владѣлецъ не распорядился ими путемъ завѣщанія); переходной ступенью къ этой тѣрѣ было бы обложеніе ихъ высокой пошлиной, растущей не пропорціонально ихъ стоимости, а прогрессивно. Движимость, притомъ, могла бы быть обложена выше недвижимости, такъ какъ уплатить пошлину въ первомъ случаѣ легче, чѣмъ въ послѣднемъ, не прибѣгая къ продажѣ имѣнія въ пользу его составѣ.

Съ изытіями, допущенными новымъ закономъ, мы уже отчасти знакомы. Предѣлъ, съ котораго начинается уплата пошлины, установленъ у насъ болѣе высокій, чѣмъ во многихъ западныхъ государствахъ. Такъ, напримѣръ, въ Англіи освобождены отъ пошлины только имущества, стоящіе менѣе двадцати фунтовъ (около двухсотъ рублей), въ Бельгіи и Италіи — имущества, стоящіе менѣе тысячи франковъ (около четырехъ сотъ рублей), въ Пруссіи — имущества, стоящіе менѣе ста пятидесяти марокъ (около семидесяти пяти рублей). У насъ предполагалось первоначально освободить отъ пошлины имущества, стоящіе менѣе пяти сотъ рублей; возвышеніе этой цифры до тысячи рублей и распространеніе льготы на земли крестьянскаго надѣла, съ строевыми и хозяйственными принадлежностями, составляетъ бесспорную заслугу нашего высшего законодательнаго учрежденія. Правда, земли крестьянскаго надѣла, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, были бы изъяты отъ налета уже въ силу цѣнности своей, рѣдко доходившей до тысячи рублей; но безусловное освобожденіе ихъ отъ оплаты пошлиною имѣетъ, тѣмъ не менѣе, весьма существенное значеніе, избавляя крестьянъ отъ хлопотъ и затрудненій, сопряженныхъ съ процедурой оцѣнки. Изытіе отъ налога домашней движимости, не приносящей дохода и не составляющей предмета торговли или промысла, едва ли можно признать *отоманъ* правильнымъ. Оно справедливо и цѣлесообразно, когда домашняя движимость стѣмъ дешево, ограничивается предметами первой необходимости или обывовеннаго обихода; но оно перестаетъ быть основательнымъ, когда въ составъ домашней движимости входятъ предметы роскоши — статуи, картины, серебряные или фарфоровые сервизы, дорогая мебель, изящные ювры и т. п. Намъ кажется, что изытіе для домашней движимости слѣдовало бы допустить лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ допущено освобожденіе отъ налога цѣлой наслѣдственной массы — т. е. въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда движимость эта стѣмъ не болѣе тысячи рублей. При томъ разрѣшеніи вопроса, на которомъ остановилась законодательная власть, цѣнности весьма значительныя и вполне удобныя для

обложенія останутся внѣ круга дѣйствій новаго налога, и привилегій, установленной въ интересахъ недостаточнаго класса, будутъ пользоваться, безъ всякой надобности—и безъ всякаго основанія—богатые люди.

Въ виду затрудненій, сопряженныхъ съ единовременной уплатой наслѣдственной пошлины, законъ 15-го іюня допускаетъ отсрочку или разсрочку уплаты—не свыше трехъ лѣтъ для недвижимости, не свыше одного года для движимости; съ неуплаченной суммы взыскивается, при этомъ, по полупроценту въ мѣсяцъ. Это правило вполне рачіонально; интересы государства не страдаютъ отъ отсрочки (тѣмъ болѣе, что одновременно съ нею принимаются мѣры къ обезпеченію взысканія), а наслѣдникамъ предоставлена, въ большинствѣ случаевъ, возможность уплатить пошлину изъ доходовъ съ наслѣдственного имущества. Противники реформы много говорили о томъ, какъ тяжело будетъ наслѣдникамъ, ничего еще не получившимъ, платить пошлину съ наслѣдства; законъ 15-го іюня избралъ самый простой и легкій путь для устраниенія этого неудобства и доказалъ еще разъ, что затруднительность исполненія никогда не можетъ служить возраженіемъ противъ мѣры, однажды признанной полезною и справедливою. Не менѣе удачно разрѣшенъ вопросъ о томъ, могутъ ли быть принимаемы въ расчетъ, при оцѣнѣ наслѣдства и опредѣленіи пошлины, претензіи наслѣдодателя къ третьимъ лицамъ. По ст. 6-ой закона 15-го іюня, въ составъ цѣны наслѣдства долговое имущество входитъ наравнѣ съ наличнымъ, но съ долговыхъ претензій повинина взыскивается лишь при дѣйствительномъ полученіи наслѣдникомъ слѣдующихъ ему денегъ.

Исчисленіе пошлинъ съ имущества, переходящихъ по наслѣдству, возлагается закономъ на опредѣленныхъ для того должностныхъ лицъ вѣдомства министерства финансовъ. Мы придаемъ этому правилу большое значеніе, потому что видимъ въ немъ предвѣстіе новыхъ финансовыхъ реформъ, еще болѣе важныхъ. Исключительно для исчисленія пошлинъ съ наслѣдствъ особые чиновники едва ли были бы необходимы; оно могло бы быть исполнено казенными палатами, которыя и призываются къ тому, на первое время, закономъ 15-го іюня. Это ведетъ насъ къ догадкѣ, что новымъ должностнымъ лицамъ предострѣить дѣятельность болѣе обширная—напримѣръ, взиманіе подоходнаго налога. Подтверждается наша догадка и тою внутреннею связью, которая существуетъ между подоходнымъ налогомъ и налогомъ на наслѣдства. Подоходный налогъ—главное средство прибавить къ податному бремени тѣ классы и группы, которые до сихъ поръ, вопреки справедливости и государственной пользы, были отъ него почти свободны; налогъ на наслѣдства имѣетъ тотъ же

характеръ. Подоходнымъ налогомъ не облагаются, болѣею частью, лица крайне недостаточныя; тоже изъятіе свойственно и налогу на наслѣдства. Подоходный налогъ, какъ и налогъ на наслѣдства, не принимаетъ въ расчетъ сословныхъ различій, не раздѣляетъ народъ на состоянія податное и неподатное. Дорога, ведущая къ обонимъ налогамъ, долго казалась закрытой для нашего законодательства; однажды вступивъ на нее, оно—нужно надѣяться—не ограничится однимъ первымъ шагомъ. Самое взиманіе налога на наслѣдства сдѣлается гораздо проще и легче, когда рука-объ-руку съ нимъ будетъ идти взиманіе подоходнаго налога. Оцѣнка имущества, произведенная и постоянно повѣряемая при жизни плательщика, облегчитъ оцѣнку оставляемаго послѣднимъ наслѣдства. Таковы предположенія и ожиданія, возбуждаемыя въ насъ закономъ 15-го іюня; остается желать, чтобы дѣло, имъ начатое, было доведено до конца, какъ можно рѣшительнѣе и скорѣе.

Питейный вопросъ, съ такимъ шумомъ поднятый около года тому назадъ, получилъ недавно весьма скромное, правда—только предварительное разрѣшеніе. Мнѣніемъ государственнаго совѣта, Высочайше утвержденнымъ 8-го іюня и обнародованнымъ въ половинѣ іюля, учреждены почти повсемѣстно особыя губернскія областныя по питейному дѣлу комиссіи. Предсѣдательство въ нихъ предоставлено губернатору; въ составъ комиссій введены высшія должностныя лица губернскаго управленія и представители земства, города и дворянства. Дѣятельности комиссій должно предшествовать истребованіе отзывовъ отъ уѣздныхъ земскихъ управъ, а гдѣ ихъ нѣтъ—отъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій; какъ въ комиссіи, такъ и въ уѣздныя присутствія или управы могутъ быть приглашаемы для сообщенія свѣдѣній мѣстные землевладѣльцы, заводчики, виноторговцы и другія свѣдущія лица. На обязанность комиссій возложено собраніе свѣдѣній о числѣ и распредѣленіи въ городахъ и уѣздахъ заведеній съ раздробительною продажей крѣпкихъ напитковъ и составленіе, сообразно съ мѣстными потребностями и условіями, предположеній о пользѣ и возможности сокращенія числа этихъ заведеній, о способахъ содержанія ихъ и устройства, объ условіяхъ производства питейной торговли и объ урегулированіи ея, въ видахъ огражденія народной нравственности. Для окончанія работъ комиссій предположено назначить опредѣленный срокъ, а самыя работы разсмотрѣть въ министерствѣ финансовъ, сообразивъ ихъ съ проектами, составленными совѣщаніемъ свѣдущихъ людей. Затѣмъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта имѣетъ быть внесенъ проектъ общихъ правилъ о торговлѣ крѣпкими напитками, въ связи

съ соответственными измѣненіями въ положеніи о трактирномъ промыслѣ.

Когда, въ сентябрѣ прошедшаго года, собрались „свѣдущіе люди“ второго призыва, питейный вопросъ признавался не терпящимъ отлагательства, требующимъ немедленнаго и окончательнаго разрѣшенія. Предполагалось, что новый законъ будетъ обнародованъ не позже первыхъ мѣсяцевъ текущаго года, вслѣдствіе чего и было сдѣлано распоряженіе о выдачѣ патентовъ съ 1 января 1881 г., не на годъ, какъ обыкновенно, а только на одно полугодіе. Теперь торопливость уступила мѣсто медленности, неизбѣжной при избранномъ способѣ движенія. Работы комиссій безъ сомнѣнія не будутъ окончены настолько быстро, чтобы законопроектъ, основаніе котораго онѣ должны составить, могъ получить утвержденіе въ продолженіе предстоящей сессіи государственнаго совѣта. Все останется по старому по меньшей мѣрѣ до 1883—1884 г.,—а къ тому времени удобный моментъ для реформы весьма легко можетъ быть пропущенъ. Представляетъ ли, на крайней мѣрѣ, новое направленіе вопроса больше шансовъ для правильнаго его разрѣшенія? Едва ли. Свѣдѣнія, собраніе которыхъ служить первой задачей комиссій, имѣются на лицо и теперь въ дѣлахъ финансовыхъ, полицейскихъ, земскихъ и городскихъ учреждений. Можно ли допустить, чтобы акцизному вѣдомству не было извѣстно число и распредѣленіе въ городахъ и уѣздахъ заведеній съ раздробительною продажей ерѣпкихъ напитковъ? Можно ли допустить, чтобы всѣ свѣдѣнія по этому предмету не были сгруппированы въ министерствѣ финансовъ? Если рѣчь идетъ не столько о собраніи, сколько о повѣрѣ свѣдѣній, то въ распоряженіи комиссій не будетъ такихъ для этого средствъ, которыя не были бы доступны и для акцизныхъ управленій. Что касается до *предположеній*, требующихъ отъ комиссій, то къ нимъ примѣнимо вполне сказанное нами въ прежнихъ обзорѣніяхъ о передачѣ общегосударственныхъ вопросовъ на обсужденіе земскихъ собраній. Масса противурѣчивыхъ, несогласованныхъ, между собою мнѣній скорѣе затруднитъ, чѣмъ облегчитъ выборъ пути, ведущаго къ желанной цѣли. Каждая комиссія, дѣйствуя отдѣльно отъ прочихъ, потратитъ много времени на исполненіе одной и той же работы, на мотивированіе предложеній, надъ опроверженіемъ которыхъ успѣшно, можетъ быть, трудится ея сосѣди. Взглядъ, выраженный въ заключеніи комиссій, не можетъ быть разсматриваемъ какъ послѣднее ея слово; онъ измѣнился бы, быть можетъ, весьма существенно, если бы комиссія познакомилась съ другими мнѣніями о томъ же предметѣ. При такой разрозненности и вынужденной односторонности отзывовъ, мысль, выраженная большинствомъ комиссій, не будетъ имѣть никакого пре-



имущества передъ мыслью меньшинства; оцѣнку той и другой, во внутреннему содержанію, придется произвести въ Петербургѣ, въ канцеляріяхъ, рискуя при этомъ впасть въ ошибки, предупрежденіе которыхъ было, безъ сомнѣнія, главною цѣлью учрежденія комиссій. Земскія собранія, спросъ которыхъ по одиночкѣ (въ вопросахъ не мѣстнаго характера) всегда казался намъ пріемомъ далеко не практичнымъ, состоятъ, по крайней мѣрѣ, изъ представителей разныхъ группъ мѣстнаго населенія; губернскія комиссіи не удовлетворяютъ и этому условію. Въ предсѣдатели и члены губернской земской управы избираются почти всегда дворяне или личные землевладѣльцы, и притомъ не тѣ, которые всего лучше знакомы съ положеніемъ народа, а тѣ, которые желаютъ и умѣютъ заниматься земскою администраціей. Городской голова, особенно въ губернскомъ городѣ, сплошь и рядомъ не знаетъ, и не хочетъ знать, интересовъ массы городского населенія. Всѣ члены комиссій, притомъ какъ правительственные, такъ и выборные—люди, обремененные текущими дѣлами; нельзя ни требовать, ни ожидать, чтобы они посвятили себя всецѣло изученію чуждаго имъ болѣею частью питейнаго вопроса. То же самое слѣдуетъ сказать и объ уѣздной земской управѣ и тѣмъ болѣе объ уѣздномъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи—этомъ мертворожденномъ учрежденіи, которое никакъ не можетъ справиться и съ непосредственными своими обязанностями. Отъ свѣдущихъ лицъ, по буквальному смыслу закона, ожидаются только свѣдѣнія, а не мнѣнія и предложенія; но если практика и допустить болѣе широкое толкованіе закона, то большой пользы призывъ „свѣдущихъ людей“ въ губернскія комиссіи и уѣздныя земскія управы, по всей вѣроятности, не принесетъ. Это будетъ, во-первыхъ, призванъ, а не выборъ,—призывъ, притомъ со стороны учрежденія, не пользующагося большимъ авторитетомъ въ глазахъ призванныхъ. Мнѣніямъ свѣдущихъ людей, далѣе, будетъ предстоять незавидная участь—потеряться въ массѣ отзывовъ, представляемыхъ со всѣхъ концовъ Россіи. Такія условія не располагаютъ къ дѣятельности, и если бы комиссіямъ и управамъ удалось даже спросить *всѣхъ* компетентныхъ людей, то изъ полученныхъ отвѣтовъ едва ли составилось бы нѣчто цѣльное и полное. Учрежденіе губернскихъ комиссій—это, по нашему мнѣнію, не что иное, какъ отсрочка въ разрѣшеніи питейнаго вопроса; дальнѣйшая его судьба будетъ зависеть не отъ того, что сдѣлаютъ комиссіи, а отъ общаго движенія нашей государственной жизни.

Мысль о мѣстныхъ комиссіяхъ или комитетахъ, какъ о необходимой инстанціи въ дѣлѣ преобразованій, крѣпко держится въ нашей литературѣ. Мы еще разъ встрѣтились съ нею въ припискѣ къ

вышедшему недавно новому (четвертому) изданію извѣстных „Писемъ о современномъ состояніи Россіи“. Мѣстнымъ земскимъ комитетамъ—избраннымъ, впрочемъ, не существующими земскими учреждениями, а непосредственно сословіями (?) землевладѣльцевъ и торговыхъ людей—авторъ „Писемъ“ предлагаетъ поручить выработку основаній для переустройства земства, или, лучше сказать, для объединенія земли и государственной власти. Тѣсно связано съ этимъ предложеніемъ другое, выраженное авторомъ въ слѣдующихъ словахъ: „для того, чтобы двинуть великое преобразование, для того чтобы направлять работу комитетовъ въ предѣлахъ правительственной программы, для того, чтобы свести ее, наконецъ, въ одно цѣлое, созвать опять для того главныхъ мѣстныхъ дѣятелей—но уже нового земства—необходимо центральное учрежденіе въ родѣ дѣйствующаго при освобожденіи крѣпостныхъ, безъ тайны на этотъ разъ“. Не смотря на существенно-важный коррективъ, заключающійся въ этомъ второмъ предложеніи, мы все-таки не можемъ согласиться съ первымъ, не можемъ признать цѣлесообразнымъ раздробленіе работы, прежде всего требующей единства. Примѣръ губернскихъ комитетовъ, существовавшихъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ, не имѣетъ въ нашихъ глазахъ доказательной силы, потому что положеніе дѣлъ тогда было совершенно другое. Въ матеріалахъ, въ фактическихъ данныхъ, необходимыхъ для подготовленія великой реформы, былъ полнѣйшій недостатокъ; нужно было начать съ собранія и группировки ихъ на мѣстѣ—нужно было также, съ другой стороны, дать время и случай для выясненія взглядовъ, публичное выраженіе и обсужденіе которыхъ до тѣхъ поръ было невозможно. Теперь нѣтъ такого острого вопроса, который не былъ бы разработанъ вдоль и поперекъ журналисткой, литературой, земскими ходатайствами, сенаторскими ревизіями, административной статистикой. Начинать съ азбуки нѣтъ больше никакой надобности; открывать, рядомъ съ существующими, еще сорокъ или четыреста совѣщательныхъ собраній (смотря по приуроченію ихъ къ губерніямъ или уѣздамъ), значило бы только, по старой поговоркѣ, приносить совѣ въ Аѳины. Въ качествѣ избирательныхъ коллегій правильно организованные мѣстные комитеты могли бы принести несомнѣнную пользу, въ виду недостатковъ дѣйствующей земской избирательной системы; но собиравшись для составленія цѣлыхъ проектовъ или только для выбора уполномоченныхъ—разница очень большая. Само собою разумѣется, однако, что еслибы вопросъ былъ поставленъ такимъ образомъ: или застой и неподвижность, или предварительное обсужденіе реформъ мѣстными комитетами, мы предпочли бы послѣднее, такъ какъ что-нибудь все-таки лучше, чѣмъ ничего. Голодный человѣкъ не откажется, въ

крайнемъ случаѣ, отъ плохо приготовленнаго, мало питательнаго блюда; но это еще не значитъ, чтобы онъ не умѣлъ цѣнить качества предлагаемой ему пищи.

Авторъ „Писемъ о современномъ состояніи Россіи“ справедливо придаетъ большое значеніе способу образованія мѣстныхъ комитетовъ: „каковъ будетъ составъ мѣстныхъ выборныхъ,—говоритъ онъ,—таковъ будетъ и всероссійскій порядокъ, который имъ предстоитъ заложить снизу“. Тѣмъ болѣе страннымъ представляется дѣленіе на сословія, рекомендуемое „Письмами“ какъ основаніе для выборовъ. Между землевладѣльцами, земледѣльцами и торговыми людьми не оказывается мѣста ни для ремесленниковъ, ни для городскихъ рабочихъ, ни для образованныхъ людей, не занимающихся торговлей и не владѣющихъ недвижимою собственностью. Зачеркнувъ съ легкимъ сердцемъ цѣлые общественные классы и въ томъ числѣ такой, безъ участія котораго немислимъ успѣхъ реформы,—авторъ, къ удивленію, обнаружилъ заботливость о другой группѣ, которая до сихъ поръ рѣдко удостоивалась подобной чести; онъ высказался противъ „отстраненія искусственными мѣрами такъ-называемыхъ міроѣдовъ, которые потому и міроѣды, что смышленіе другихъ (!), а въ политическомъ отношеніи совершенно благонадежны“. Чего можно было бы ожидать отъ мѣстныхъ комитетовъ, въ которыхъ отсутствовала бы интеллигенція (кромѣ случайныхъ представителей ея изъ числа землевладѣльцевъ), а уполномоченными сельскаго населенія являлись бы міроѣды — это не требуетъ поясненій. Предложенія „Писемъ о современномъ состояніи Россіи“—настоящіе „дары данайцевъ“; они внушаютъ невольный страхъ, невольное недовѣріе. За красивыми формами виднѣется содержаніе совершенно другого сорта. Не даромъ же въ припискѣ повторяется еще разъ старая пѣсня о „средѣ, одинъ конецъ которой называется либеральной партіей, другой — нигилизмомъ“, о „либеральной опричинѣ, поддерживаемой всякими инородческими стихіями“, о „набившейся на столичныя мостовыя разнородной толпѣ, лишенной всякой связи съ какою-либо почвой“. „Письма о современномъ состояніи Россіи“, особенно въ настоящемъ своемъ видѣ—одно изъ самыхъ яркихъ порожденій „народной политики“, угадавшей нѣкоторыя ближайшія причины зла, пріискавшей нѣкоторыя средства къ его устраненію, но растворившей небольшую долю правды въ цѣлой массѣ ошибокъ и предразсудковъ, оттолкнувшей отъ себя естественныхъ своихъ союзниковъ и осудившей себя этимъ самымъ на неизбѣжную неудачу.

Мы говорили въ прошедшій разъ объ учрежденіи комитета для пересмотра дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ и для составленія

проекта гражданского уложения. Редакционная комиссия, избранная изъ среди комитета, приступила уже къ своимъ занятіямъ, но окончанія ихъ, въ виду сложности работы, слѣдуетъ ожидать еще не скоро. Намъ кажется, что параллельно съ ними могло бы идти собраніе нѣкоторыхъ свѣдѣній, весьма важныхъ для успѣха предприятия дѣла. Если уголовная статистика сдѣлала у насъ въ послѣднее время довольно значительные успѣхи, то о статистикѣ гражданскихъ дѣлъ нельзя, повидимому, сказать того же самаго; но если бы она и была развита гораздо больше, то для законодательныхъ цѣлей ея численныя данныя все-таки были бы недостаточны. Чтобы извлечь изъ гражданскихъ дѣлъ указанія на пробѣлы и несовершенства гражданскихъ законовъ, необходимо изучить поводы къ началу процессовъ, обстоятельства, противудѣйствующія *справедливому* ихъ разрѣшенію (справедливому не въ смыслѣ формальной законности, а въ смыслѣ внутренней правды), столкновенія между жизнью и писаннымъ правомъ. Матеріаломъ для такого изученія могутъ служить не цифры, а самыя рѣшенія судебныхъ мѣстъ и подлинныя ихъ производства. Въ рукахъ комиссіи и комитета находятся, правда, рѣшенія гражданского кассационнаго департамента сената, драгоценныя не только по юридическому, но и по фактическому своему содержанию. Ограничиться этими рѣшеніями невозможно, однако, уже потому, что они обнимаютъ собою только ничтожную часть всей массы гражданскихъ дѣлъ и вовсе не затрагиваютъ нѣкоторыхъ изъностей имперіи. Обстоятельства дѣла въ сенатскихъ рѣшеніяхъ часто излагаются, притомъ, лишь настолько, насколько это необходимо для выясненія поводовъ къ кассациі. Въ кругъ пособій, которыми пользуется комиссія, должны быть введены, поэтому, рѣшенія судебныхъ палатъ, окружныхъ судовъ и мировыхъ установленій. Путь къ достиженію этой цѣли можетъ быть двойной: или отвѣтъ каждаго суда на вопросы, предложенные ему комиссіей, или разсмотрѣніе рѣшеній и дѣлъ особо назначеннымъ для того лицомъ, съ цѣлью извлеченія изъ нихъ свѣдѣній, намѣченныхъ комиссіей. Возможно—и, по нашему мнѣнію, всего болѣе цѣлесообразно—и соединеніе обоихъ средствъ, такъ какъ каждое изъ нихъ имѣетъ свои удобства и свои неудобства. Отвѣтъ цѣлаго суда, данный въ промежутокъ между другими занятіями, рѣдко можетъ отличаться желанною опредѣленностью и полнотой; онъ можетъ за-то заключать въ себѣ квинтъ-эссенцію тѣхъ выводовъ и заключеній, къ которымъ пришла судей коллективная ихъ опытность. Работа отдѣльнаго лица, по необходимости лишенная этого послѣдняго достоинства, можетъ зато истернать и освѣтить всѣ предметы, включенные въ ея программу. Способъ дѣйствій, наиболѣе въ нашихъ глазахъ практичный,

заклучался бы такимъ образомъ въ слѣдующемъ: вопросы, вышесказанные были бы признаны полезными, могли бы быть разосланы во всѣ общія судебныя мѣста и мировые сѣзды, и вмѣстѣ съ тѣмъ на одного изъ членовъ каждой судебной палаты и каждого окружного суда, или на одно изъ лицъ прокурорскаго при палатѣ и судѣ надзора могло бы быть возложено извлеченіе изъ дѣлъ и рѣшеній подробныхъ данныхъ, относящихся къ вопросамъ. Членъ окружного суда или товарищъ прокурора могъ бы исполнить эту работу и по отношенію къ дѣламъ и рѣшеніямъ мировыхъ судей, и мирового сѣзда того города, гдѣ находится окружной судъ.

Чтобы сдѣлать нашу мысль болѣе понятной, укажемъ на нѣкоторые вопросы, по которымъ желательно было бы собрать возможно точныя и полныя фактическія свѣдѣнія. Таковы, напримѣръ, изъ области семейнаго права—вопросъ объ обязательности совмѣстнаго жительства супруговъ и о правѣ жены на полученіе содержанія отъ мужа; изъ области вещнаго права—вопросъ о родовомъ свойствѣ имѣнія; изъ области права по обязательствамъ—вопросъ о разрывѣ договорной неустойки, вопросъ объ обязательности для одного лица сдѣлокъ, заключенныхъ другимъ отъ его имени и въ его интересахъ, но безъ формальнаго отъ него уполномочія. Чтобы установить на разумныхъ и справедливыхъ началахъ юридическія отношенія между супругами, далеко не излишне знать, чѣмъ оспариваются обыкновенно требованія мужа о возвращеніи къ нему жены, требованія жены объ уплатѣ ей содержанія. мужемъ; долго ли продолжается фактическое разлученіе супруговъ, прежде чѣмъ подать поводъ къ судебному между ними разбирательству; затрудняются ли супруги въ раскрытіи передъ судомъ семейныхъ тайнъ, если отъ этого можетъ зависѣть исходъ начатаго однимъ изъ нихъ дѣла и т. п. Чтобы правильно оцѣнить различіе между родовыми и благопріобрѣтенными имуществами, не мѣшаетъ привести въ ясность, много ли встрѣчается попытокъ обойти законъ, дѣйствующій по этому предмету, часто ли приходится суду, въ силу закона, отказывать лицамъ, близкимъ къ наслѣдодателю, и удовлетворять требованія лицъ, соединенныхъ съ нимъ слабою, сравнительно, связью. По вопросу о неустойкѣ важно раскрыть злоупотребленія, вызываемыя неограниченностью ея размѣровъ, и приемы, съ помощью которыхъ суды стараются иногда отклонить или понизить явно преувеличенныя взысканія. По вопросу о сдѣлкахъ, совершаемыхъ безъ довѣренности, судебная практика должна показать, насколько и въ какихъ преимущественно случаяхъ онѣ вызываются необходимостью, насколько признаніе ихъ угрожаетъ опасностью лицу, отъ имени котораго, —непризнаніе—лицамъ, съ которыми онѣ совершены. Такихъ примѣровъ

можно было бы привести еще много по разным отраслям гражданскаго законодательства.

Помимо судебных дѣлъ, много драгоценныхъ для вѣщности материаловъ могутъ дать и нотаріальныя архивы, въ особенности, если пополнить извлеченныя изъ нихъ данными свѣдѣніями, почерпнутыми изъ дѣлъ земскихъ и городскихъ управъ. По вопросу о родовыхъ имуществѣхъ, напримѣръ, весьма любопытно было бы опредѣлить, какой процентъ этихъ имуществъ, сравнительно съ другими, переходитъ въ постороннія руки путемъ продажи, т.-е. теряетъ свое родовое свойство. Общее число родовыхъ имуществъ въ губерніи или уѣздѣ можетъ быть приведено въ извѣстность не вездѣ; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ особенно процвѣтаетъ земская статистика, такое извѣщеніе не представляетъ ничего неудобноисполнимаго. Недостатки свѣдѣній, какъ по этому вопросу, такъ и по другимъ, не менѣе важнымъ, не отказались бы, вѣроятно, собрать земскія управы и другіе органы самоуправленія. Чѣмъ раньше и полнѣе общество будетъ призвано къ участию въ работѣ, непосредственно касающейся каждаго изъ его членовъ, тѣмъ больше будетъ основаній ожидать успѣшнаго ея окончанія.

Состоявшееся мѣсяцъ тому назадъ переименованіе военныхъ гимназій въ кадетскіе корпуса прошло бы незамѣченнымъ, какъ всякая чисто внѣшняя переимѣна, если бы оно не заставляло предполагать дальнѣйшихъ шаговъ назадъ, къ мало привлекательной эпохѣ. Военныя гимназій, какъ общеобразовательныя учебныя заведенія успѣли сослужить, въ тяжелый періодъ нашей исторіи, такую службу, которую никакъ не можетъ забыть русское общество. Онѣ широко открыли свои двери желающимъ учиться, не предвѣщая ихъ судьбу, не требуя отъ нихъ никакихъ преждевременныхъ обязательствъ. Интересы военной службы, какъ это съ достаточною ясностью доказала послѣдняя война, нисколько не страдали отъ разобщенія военныхъ гимназій и военныхъ училищъ, общаго образованія и спеціальнаго. Въ военныхъ гимназіяхъ воспитывались и учились не будущіе офицеры, а просто будущіе образованные люди. Сдѣлана ли будетъ попытка возстановить порядокъ, единогласно осужденный двадцать лѣтъ тому назадъ—это покажетъ ближайшее будущее. Покаместъ можно только спросить себя, что станетъ съ военными прогимназіями, о которыхъ актъ переименованія военныхъ гимназій въ кадетскіе корпуса вовсе не упоминаетъ. Военныя прогимназіи служили для насъ порѣ приютомъ для наименѣе способныхъ дѣтей и спасали отъ исключенія, т.-е. часто отъ гибели, многихъ воспитанниковъ военныхъ гимназій. Одна изъ прогимназій—вольская—была предназначена въ особенности для испорченныхъ въ нравственномъ отно-

женіи мальчиновъ, которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, не удержало бы въ своихъ стѣнахъ никакое другое учебное заведеніе. Между кадетскими корпусами стараго типа для такихъ школъ не было мѣста; остается надѣяться, что возвращеніе въ прошедшему не будетъ полнымъ и что работа послѣднихъ двадцатилѣтія не будетъ забракована вся цѣлкомъ, рѣшительно и безусловно.



## СЪ ВСЕРОССИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ВЫСТАВКИ.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

### VII \*).

Если у московскаго губернскаго земства есть грѣхи, то много ихъ можетъ быть отпущено за инициативу устройства выставки кустарной промышленности. Большое спасибо можно сказать комиссіи, подъ предсѣдательствомъ князя В. А. Долгорукова, по изслѣдованію этой промышленности. Многимъ было извѣстно, что она служитъ подспорьемъ земледѣлію; но судить о размѣрахъ этой промышленности, представить себѣ ея силу, ея жизненность было невозможно. Статистическое бюро при московскомъ губернскомъ земствѣ положило починъ изслѣдованія кустарной промышленности. Нѣкоторые земства, въ районѣ которыхъ она заявляетъ себя, послѣдовали благому примѣру. Такимъ образомъ получился цѣнный матеріалъ, дающій возможность представить себѣ размѣры кустарной промышленности. Всероссийская выставка дала поводъ ознакомить наглядно по образцамъ съ характеромъ кустарныхъ издѣлій, съ уровнемъ технической подготовки ея производителей, почти со всѣмъ обиходомъ, въ которомъ производится работы по разнымъ ея отраслямъ.

Отдѣленіе московскаго земства рѣшительно не оставляетъ желать ничего лучшаго. Заботливо составленныя коллекціи, пояснительные рисунки, изображающіе помѣщеніе и обстановку, въ которыхъ идутъ

\*) См. выше: августъ, 799 стр.

разныя производства, цифровыя данныя, показывающія размѣры — все это сопоставлено такъ обдуманно, такъ рассчитано, что картина получается полная, отчетливая, способная производить весьма сильное впечатлѣніе.

И картина, надо признаться, грандіозная.

Я указалъ уже въ предыдущемъ письмѣ по даннымъ московскаго земства цифру, опредѣляющую значеніе кустарныхъ промысловъ въ общей суммѣ заработковъ сельскаго населенія московской губерніи. Теперь я приведу очень любопытную таблицу, указывающую, между прочимъ на относительное значеніе разныхъ отраслей кустарной промышленности и отношеніе ихъ къ прочимъ способамъ заработка.

	Сумма оборо- та.	Число само- стоятельныхъ промысловъ.	Общее число работнхъ.	Средній годо- вой заработ.	Число рабо- чихъ мѣся- цевъ въ году.	Число отком- работниковъ.	Общая сумма заработка.
1. Обработка метал. . . .	2.575,000	1,056	4,882	90	6—12	4,865	1.109,050
2. Издѣлія изъ стек. и глинъ	2.464,200	1,535	6,518	90	6—9	4,532	1.222,000
3. Обработка дерева . . .	2.352,500	4,285	12,083	94	3—10	6,423	1.893,080
4. Обработка животн. про- дуктовъ. . . . .	2.914,150	1,654	7,974	124	6—10	5,280	1.562,260
5. Женскіе промыслы . . .	4.822,700	80,768	55,946	18	8—10	184	1.002,076
6. Текстильн. . . . .	22.409,000	21,054	48,344	60	8—10	80,960	4.630,000
7. Обработ. химич. продук. .	46,000	77	158	90	7	53	20,800
8. Разныя промыслы . . .	1.206,100	1,740	4,825	81	5—2	10,273	1.470,600
9. Горючаб. . . . .	—	—	2,892	100	—	12,423	1.541,000
10. Извозъ . . . . .	—	—	15,781	70	—	11,893	2.800,000
11. Торговой промыселъ . .	—	2,300	4,314	200	—	4,970	1.818,000
12. Личныя услуги . . . .	—	—	1,151	80	—	10,146	904,000
13. Работы на фабрикахъ .	—	—	8,682	120	—	31,781	4.856,000

Таблица эта представляетъ картину заработковъ, получаемыхъ сельскимъ населеніемъ московской губерніи, помимо земледѣлія. Изъ нея видно то значеніе, которое имѣетъ кустарная промышленность на экономическій бытъ.

Чтобы судить о разнообразіи производствъ, усвоенныхъ кустарни, я подробно перечислю ихъ виды въ московской губерніи, какъ наиболее типичной.

I. Кузнечно-слесарное производство. Видѣются сошники, палы, подковы, экипажные винты; разный скобяной товаръ и разныя иждія для фабрикъ.

II. Издѣлія изъ листового желѣза и жести: самовары, кофейники, сѣринцы, чайники, плевалницы, чернильницы, фонари, козлосы, юбарды, искусственныя церковныя свѣчи и т. п. Все это отчасти получено, отчасти окрашено и расписано.



III. Проводочныя надѣлія: булавы, крючки, грохота, мышеловки.

IV. Мѣднолатейное и латуиное: мѣдные склады, кресты, яконы, мѣдные канделябры, подсвѣчники, полоскательницы, мѣдныя высебрянныя столовыя, чайныя и разливательныя ложки, ложки вызолоченныя, спичечницы, колокольчики.

V. Производство изъ золота и серебра, разныхъ чеканенныя вещи.

VI. Сусальное производство: выдѣляется сусальное золото, употребляемое для золоченія по дереву, кожѣ, бумагѣ.

VII. Капитальное производство: капиталъ, ссуды.

VIII. Производство оптическихъ приборовъ: аптекарскіе ящики, готовальни, разные хирургическіе инструменты, очки, лупы.

IX. Часовое производство: мелкіе стѣнные часы.

X. Фольговое производство: разныхъ видовъ фольга, идущая на образныя ризы и отдѣлки разныхъ предметовъ, гдѣ при дешевизнѣ требуется затѣйливая, блестящая отдѣлка.

XI. Добываніе разныхъ металловъ изъ сора (соровщики). Въ высшей степени любопытный и оригинальный промыселъ, оборотъ котораго опредѣленъ въ таблицѣ, имѣющейся при коллекціи, въ 16,000 р. Промышляющіе этимъ занятіемъ особенно обращаютъ свое вниманіе на соръ и мусоръ послѣ пожаровъ. Ходоки, люди опытные являются послѣ пожара на мѣсто происшествія и подбираютъ соръ, мусоръ, предварительно осведомляясь о положеніи и занятіяхъ погорѣвшихъ. Поэтому они судятъ приблизительно, чего можно ждать отъ мусора. Иногда они забираютъ соръ даромъ, иногда приходится платить. Соръ этотъ промывается, сортируется, просѣивается и такимъ образомъ механически отдѣляется годное. Затѣмъ отсортированный матеріалъ подвергается химической обработкѣ.

Подивился я, да и нельзя не подивиться, глядя на образцы окончательной обработки продуктовъ этого производства. Небольшой кусокъ чистаго золота, таковой же серебра, кристаллъ, довольно красивый, сѣрномѣдной соли, слитокъ олова, свинца.

XII. Гончарное производство, дѣлящееся на глянцанное, фарфоровое, фаянсовое. Выдѣляются разные горшки обливные и простые, плоскія, кувшины, тазы, разноколерныя и расписанныя фаянсовыя издѣлія.

XIII. Зеркальное производство: небольшія зеркала, способныя удивлять своею дешевизной.

XIV. Камушное производство и штампованіе стекла—выдѣляются разные издѣлія изъ бѣлаго и окрашеннаго стекла: серьги, запонки, бусы, прачныя ручки для дверныхъ и оконныхъ рамъ, гранаты, мундштуки подъ янтаръ.

XV. Гранильное производство—стразы, издѣлія изъ граничныхъ камней.

XVI. Столярное производство—разнаго рода мебель.

XVII. Токарное производство, между прочимъ большое количество торговых счетовъ.

XVIII. Рѣзьба по дереву,—между прочимъ большое количество разныхъ образковъ, крестиковъ изъ кипариса, лозажъ.

XIX. Производство музыкальных инструментовъ: сериакки, гитары разнаго достоинства и разныхъ цѣнъ.

XX. Разныя издѣлія изъ дерева: птичьи клѣтки, сапожники, колодки, корыта, прессы-бювары.

XXI. Плетенье изъ прутьевъ, лыка и корней: корзины, коробы, дѣтскія тѣлѣжки и т. п.

XXII. Выдѣлка кожъ.

XXIII. Саможиро-баншачное производство.

XXIV. Разныя издѣлія изъ кожи: чемоданы, баулы, возжи, аралники, хлысты, трости.

XXV. Скорняжное производство: полущубки, разные мѣха, между прочимъ спиваемые изъ лоскутовъ, обрѣзковъ, овчины разной дубки.

XXVI. Шерстобойный и шерстовалальный промыселъ: валяная обувь, разнаго рода войлоки.

XXVII. Шляпное производство. Приготовление пуховыхъ колпаковъ, вторые частью отдѣливаются въ шляпы дома, частью же сбываются въ магазины. На выставкѣ, въ коллекціи московскаго земства имѣется валяная изъ пуха куртка или пиджакъ. Производство доведено некоторыми производителями до высокой степени совершенства, и покупая шляпу за 8, 9 рублей у Вондрага, Лемерсье или другого какого извѣстнаго московскаго шляпника, въ голову не придетъ, что шляпа сдѣлана въ какомъ-нибудь селѣ Кленовѣ подольскаго уѣзда.

XXVIII. Кистоватное производство: разныя кисти, весьма разнообразнаго вида и разнообразнаго назначенія.

XXIX. Производство щетокъ—половыхъ, платяныхъ, головныхъ, картонныхъ, сапожныхъ.

XXX. Гребенное производство: гребни и гребенки изъ кости и черепахи.

XXXI. Пуговичное производство—утилизируетъ роговую и костяную мелочь, копытъ, переделывая ихъ въ разныхъ видовъ пуговицы.

XXXII. Производство музыкальных струнъ.

XXXIII. Издѣлія изъ кости: счеты, ножи, ложечки и т. п.

XXXIV. Крахмально-паточное производство.

XXXV. Картузное и портняжное производство. Работаютъ шляпы, картузы и шапки на московскихъ торговцевъ.

XXXVI. Производство лакированныхъ издѣлій изъ панъ-маше: подносы, портъ-сигары, табачницы, табакерки и т. п.

XXXVII. Картонажное производство: разнаго рода коробки, между прочимъ аптекарскія.

XXXVIII. Производство бичевы, шнурковъ и веревокъ.

XXXIX. Живописное производство. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, занятыхъ этимъ производствомъ, оно выражается раскрашиваніемъ картинокъ, въ другихъ—писаніемъ иконъ.

XL. Игрушечное производство—дѣтскія игрушки: деревянные, металлическія, бумажныя, лѣпныя, мастичныя.

XLI. Ткацкое производство—разная бумажная тесьма, агранаты, холстинка, фланель, ластикъ, камлотъ, твинъ, серидина, тканьева одѣяла, шерстяныя, полушерстяныя, шелковыя, полушелковыя ткани, разные позументы, ленты.

Кустарное ткачество держится въ московской губерніи, производя такіе предметы, которые почему-нибудь пренебрегаются мануфактурой. Работа производится по „свѣтелкамъ“ на ручныхъ станкахъ и представляетъ очень крупное по размѣрамъ производство. Свѣтелокъ насчитывается 21,054 съ 48,844 ткацкими станками. Цѣнность годового производства кустарныхъ станковъ исчисляется въ 22½ милліона рублей. Самостоятельныхъ, за свой счетъ работающихъ кустарей—немного. Большинство получаетъ матеріалъ отъ крупныхъ фабрикантовъ. Крупное производство пользуется услугами кустарей и терпитъ ихъ потому, что отъ той или другой причины пользованіе ихъ трудомъ выгодноѣ, чѣмъ выработка тѣхъ же продуктовъ мануфактурой. Такимъ образомъ кустарное ткачество осуществляетъ все рѣже и рѣже встрѣчающуюся теперь домашнюю систему крупнаго производства.

XLII. Химическая обработка продуктовъ: деготь, скипидаръ, нашатырный спиртъ и т. п.

XLIII. Женскіе промыслы—представляются въ четырехъ видахъ:

а) вязаніе изъ нитей: чулки, фуфайки, платки; б) плетеніе кружевъ; в) шитье перчатокъ и г) гильзовое производство. Кромѣ того женщины подъ обозначеніемъ „двѣтильщицъ“ весьма существенно участвуютъ въ „живописномъ производствѣ“.

Кромѣ московской губерніи, образцы издѣлій кустарной промышленности выставили еще слѣдующія:

1) Архангельская: обрабатываются ленъ, пеньва, кожи, шерсть, оленьи шкуры.

2) Владимирская: замки, кузнечныя издѣлія, разнаго рода ножи,

изяще изъ шерсти чулковъ и варежь. Валажныя издѣлія, игрушки, ткацкое производство.

3) Вологодская губернія. Промышленность, судя по разнообразію выставленныхъ предметовъ, весьма развита. Она представляется шестнадцати промыслами:

а) Кружевное. Разные сорта кружевъ. Большая часть кружевицъ принадлежитъ къ городскому населенію. Кружева разныхъ матерей: брусель, валансіеннъ, клюнн.

б) Шватулочное производство: извѣстныя шватулки, обитыя травяною жестию.

в) Гребенное производство: гребни, вежи, костяные портъ-сигары.

г) Шетинный промыселъ и издѣлія изъ свиного нуха. Признаюсь, только впервые узналъ, что у свиныи есть нухъ, и увидѣлъ издѣлія изъ него, выставленныя великоустюжскимъ производителемъ И. Бѣленинъ. Выставлены нитки изъ него, несмоленные веревки, хомуты, стельки, коврики.

д) Гончарный промыселъ—горшки разныхъ видовъ, блюда, чашки, кружки, водоочистительныя машинки.

е) Бондарный промыселъ и деревянная посуда.

ж) Вурачный промыселъ: лукошки и бураки изъ бересты, шватулки.

з) Сундучный промыселъ.

и) Кушачный и поясной промыслы. Шерстяные, полушерстяные и бумажные кушаки.

й) Войлочный и валажный промыселъ: сапоги, валенки, шлемы войлочные.

к) Чулочный промыселъ. Чулки нитяные, шерстяные и бумажные.

л) Издѣлія изъ мочалъ.

м) Производство рыболовныхъ сѣтей и мережь.

н) Корзиночный промыселъ.

о) Охотничій промыселъ. Выставлены модели разныхъ снарядовъ и приборовъ для ловли птицъ и звѣрей.

4) Въ воронежской губерніи имѣются промыслы: вязальный, плетный, ткацкій, портняжный, сапожно-баумачный, кожевенный, кузнечно-слесарный, гончарный, бондарный, колесной, овчинный, живописный.

5) Вятская губернія: весьма разнообразныя производства съ преобладаніемъ издѣлій изъ дерева и металла, мѣди. Издѣлія вятской кустарной промышленности изъ кана имѣютъ очень хорошую репутацію, и попадая въ видѣ папиросницъ, спичечницъ въ столичные магазины, продаются очень дорого.

6) Гродненская губернія: зачатки кустарной промышленности,

зависающей себя обработкой разнаго материала, доставляемаго дѣсами. На выставкѣ имѣются недурно вырѣзанныя изъ дерева „дѣсныя сцены“.

7) Казанская губернія: рогажи, ободья, кожа.

8) Калужская губернія имѣетъ довольно развитую кустарную промышленность, выражающуюся шестнадцатью видами промысла: а) сусальный, б) столярный въ связи съ токарнымъ, в) бондарный, г) клѣточный, д) гребенный, е) жѣдно-железное производство, ж) издѣлія изъ кости, з) бумажно-текстильное производство, и) вязаніе, і) шерсто-текстиль и валацкія издѣлія, к) овчинный промыселъ, л) издѣлія изъ бумаги—цѣпты, м) портяжничій, н) вышиваніе, о) вязаніе и плетеніе, п) гоштарное производство, р) издѣлія изъ лыка и кори.

9) Самарская губернія: кушаніа, фисъ-гармоніи.

10) Тверская губернія въ своей кустарной промышленности имѣетъ отрасль, занимающую въ оборотахъ внутренней торговли весьма видное положеніе. Множество обуви, изготовляемой тою или другою извѣстной фирмой, дѣлается по деревнямъ тверской губерніи въ уѣздахъ корчевскомъ, калезинскомъ, кашинскомъ (съ центромъ—знаменитыми кимрами) и весьегонскомъ. Сапожно-башмачнымъ производствомъ занимается около 26,000 сапожниковъ, изготовляющихъ до 3 милліоновъ паръ разной обуви на сумму приблизительно 7 милліоновъ. Кимрская обувь идетъ по всей Россіи на всемъ пространствѣ нашего отечества; вездѣ, гдѣ есть торговля готовой обуви, сапоги, штилеты, башмаки кимрацкаго производства непремѣнно имѣются. На нихъ накладываются разныя клейма, ихъ продаютъ подъ разными названіями, но всѣ они неизмѣнно производятся кустарнымъ порядкомъ по крестьянскимъ избамъ тверской губерніи. Кимрацкій сапожно-башмачный промыселъ завелся давно и, развивался все больше и качественно, и количественно подъ вліяніемъ спроса. Дѣлались и сейчасъ дѣлаются грубые тяжелые сапоги, клалась и сейчасъ кладется въ подошву вмѣсто кожи дубокъ, картонъ. Но изготовляется обувь и вполне добротная по матеріалу, вязанно-щеголеватая по фасону и отдѣлкѣ. Нѣкоторые ремесленники, имѣющіеся на выставкѣ, могутъ съ честью фигурировать въ „витринѣ“ любого магазина.

Кимрская обувь, кромѣ Россіи, идетъ и на Кавказъ, и въ Сибирь, и въ Ташкентъ. Работаютъ кустари товаръ по цѣнамъ часто, невѣроятно дешевымъ въ сравненіи съ тѣми цѣнами, по которымъ продается обувь даже не въ первоклассныхъ магазинахъ. Напримѣръ, рыболовные сапоги со штанами, въ которые упрятывается чуть не весь человекъ до самой шеи, стоятъ на мѣстѣ у кустаря-производителя около четырехъ рублей. Какъ во всякой неправильно устро-

свой промышленности, такъ и въ кустарномъ сапожно-башмачномъ производствѣ отъ этой дешевизны ничего не выигрываютъ тѣ, въ интересахъ кого, главнымъ образомъ должно идти производство. Надсаживается производитель-кустарь, поставленный въ необходимость работать за непомерно дешевую плату, не выигрываетъ потребитель, на которомъ эта дешевизна производства нисколько не отражается. Львиную долю забираетъ себѣ посредникъ и торговецъ и предприниматель-аферистъ, держащій непосредственного производителя въ своихъ рукахъ, снабжая его и матерьяломъ, и деньгами на случай какой-нибудь нужды.

Кромѣ сапожно-башмачнаго промысла въ тверской губерніи кустарнымъ способомъ идутъ дегтарно-смолокурное производство, выдѣлка полотна, холста, рыболовныхъ сѣтей, папиросныхъ гильзъ, кружевъ, гвоздей и вообще издѣлій изъ желѣза. Но всѣ они ступаютъ передъ сапожно-башмачнымъ производствомъ, которое можетъ считаться вполне окрѣпшимъ, вызывающимъ на участіе къ себѣ для направленія его въ интересахъ непосредственного производителя.

11) Тульская губернія. Здѣсь кустарная промышленность сосредоточена главнымъ, почти исключительнымъ, образомъ на обработкѣ металловъ; затѣмъ сравнительно въ недавнее время развилось до значительныхъ размѣровъ производство гармоникъ. Кому на Руси и вообще тамъ, гдѣ есть русскіе, неизвѣстны тульскіе самовары, тульскіе отопные приборы, тульскіе замки, по преимуществу дверные. Еще до недавняго времени было кустарное производство охотничьихъ ружей, но въ послѣднее время конкуренція съ мануфактурнымъ производствомъ стала невозможна для кустарей, у которыхъ главный исполнительный механизмъ — руки, а двигатель — мускульная сила не всегда хорошо питаемаго тѣла. „Я, — говорилъ экспонентъ ружейникъ — кого ни спроси, былъ не изъ послѣднихъ, долго приходилось работать надъ иной штукой, за то и штука выходила и — деньги знатоки платили. А теперь нѣтъ, не въ могу. Бросилъ ружье, взялся за самоваръ“. Онъ жаловался, главнымъ образомъ, на ружье англійскаго издѣлія: складно и дешево.

Металлическое производство въ Тулѣ, а потомъ и въ тульской губерніи, имѣетъ начало въ оружейномъ производствѣ, введенномъ здѣсь правительствомъ. Часть населенія участвовала въ производствѣ оружейныхъ заводовъ въ качествѣ крѣпостныхъ заводскихъ людей, часть принимала участіе, какъ вольные работники по найму. Крестьянское населеніе занималось выплавкою чугуна, выдѣлкою желѣза, а потому было въ волю и обращеніе было съ ними свободное.

Такимъ образомъ получала распространеніе привычка обращенія

съ металлами, и усвоивались приемы ихъ обработки. Разъ, что возникло сознание возможности работы и была въ ней потребность, то не занятые на оружейныхъ заводахъ люди стали пробовать свои силы на другихъ подѣлкахъ. Начавшееся такимъ образомъ производство шло сначала робко, потомъ стало крѣпнѣть, наконецъ оарѣбло и сложилось въ весьма серьезную промышленность съ миллионными оборотами. Въ послѣднее время начинаетъ заявлять себя кустарное производство земледѣльческихъ машинъ и орудій, и нѣкоторыя производства даютъ такія произведенія, которыя не боятся выступать на земледѣльческихъ конкурсахъ, соперничая, и удачно, съ нашими наиболѣе извѣстными фирмами. Въ отдѣлѣ сельско-хозяйственной механики я и теперь замѣтилъ одного экспонента этой категоріи кустарей. Специалисты изъ публики очень интересовались молотилкой и вѣялкой тульской крестьянской работы, если не ошибаюсь, г. Теплякова изъ крапивненскаго уѣзда, и дивились ея дешевизнѣ сравнительно съ произведеніями столичныхъ механическихъ заводовъ.

Кромѣ самоварнаго, замочнаго, скобочнаго и гармоннаго производства, въ тульской губерніи довольно распространена обработка дерева и встрѣчается оригинальное занятіе—насычка золотомъ, серебромъ, мѣдью по чугуну. Очень оригинальныя издѣлія: красиво, изящно. Игрушечное производство, надо думать, тоже имѣетъ почтенные размѣры.

Затѣмъ губерніями съ исключительно развитою кустарною промышленностью слѣдуетъ считать: 12) нижегородскую, 13) ярославскую, 14) курскую и 15) калужскую.

Въ нижегородской губерніи, какъ и въ тульской, преобладаетъ обработка металловъ. Но какъ тамъ оно почти исключительно направилось на выдѣлку самоваровъ, вообще мѣдной посуды и скобянаго товара, такъ здѣсь оно сосредоточилось главнымъ образомъ на ножевомъ товарѣ и преимущественно всячески замкѣ. Особенно типиченъ въ промышленномъ отношеніи горбатовскій уѣздъ, въ районѣ котораго находятся села Павлово и Ворсма. Замочно-ножевое производство занимаетъ около 6,000 семей, давая имъ почти исключительно средства къ жизни. Изъ среды кустарниковъ успѣло выдѣлиться въ этомъ производствѣ нѣсколько производителей, превратившихся въ „фабрикантовъ“, но большинство остается все тѣми же бѣдняками, положеніе которыхъ далеко не завидно, ибо зависить отъ колебанія цѣнъ на центральныхъ рынкахъ и произвола мѣстныхъ скупщиковъ и торговцевъ, у которыхъ кустарю приходится одолажаться матеріаломъ и часто отдавать свой товаръ за цѣну, низшую той, въ которую обошелся изведенный на нее матеріалъ. По-

инится, когда-то писали, что въ Павловѣ едва ли не при пособіи правительства устроилась артель, но затѣмъ артель эта не осуществила надеждъ, на нее возлагаемыхъ, и положеніе мелкаго кустаря осталось тѣмъ же, какимъ было до этой заботы о немъ. Очевидно, и заботиться надо умѣючи, а то желая ослабить кулака въ интересахъ нуждающейся части мѣстнаго населенія, можно прибавить ему силы. Нѣчто въ этомъ родѣ, надо думать, случилось и съ Павловской артелью. Существуетъ ли она? не знаю; на выставкѣ не имѣется на нее ни малѣйшаго намека. Вѣроятно, нѣтъ, ибо ей всего естественнѣе было бы явиться желательною представительницею важнѣйшей отрасли нижегородскаго кустарничества.

Въ уѣздахъ макарьевскомъ и семеновскомъ имѣется скорняжный промыселъ, валяльный и производство разныхъ издѣлій изъ дерева, преимущественно деревянной посуды и ложекъ.

Главною отраслью кустарнаго производства Ярославской губерніи является льноткачество. Ярославское полотно имѣетъ очень хорошую репутацію: оно ручной пряхи и иногда достигаетъ удивительной тонины. Вообще производство, не располагая никакими усовершенствованіями, почти совсѣмъ не имѣя улучшенныхъ техническихъ приѣмовъ бѣленія и отдѣлки, даетъ продукты весьма хорошаго качества и производитъ оборотъ въ нѣсколько миллионъ рублей. Производство замѣчательно тѣмъ, что весь матеріалъ, имъ потребляемый, получается въ хозяйствѣ самого производителя. Полотно въ большинствѣ случаевъ ткется изъ льна, выращеннаго дома. Вотъ промышленность, заслуживающая участія и поощренія.

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ занимаются выдѣлкою разныхъ предметовъ изъ желѣза; жести; между прочимъ, работаютъ жестяные самовары. Въ пошехонскомъ уѣздѣ довольно развито производство сусальнаго золота, а Ростовъ составилъ себѣ репутацію довольно громкую у невзыскательныхъ потребителей—производствомъ финифти.

Въ курской губерніи имѣются промыслы: кожевенный, скорняжный, войлочный, шерстопрядильный и шестоткацкій, волосяной и щетинный, телѣжный и экипажный, бондарный, столярный и плотничный, гончарный, кузнечный, иконописный, сапожный, вязальный. Всѣ эти промыслы, не смотря на свое разнообразіе, не достигаютъ большого развитія.

Въ калужской губерніи мы встрѣчаемся опять съ тѣми же производствами. Особенно выдающеюся и для губерніи характерною отраслью промышленности является сравнительно очень распространенное, но по дешевизнѣ товара нещеголяющее размѣрами оборота, производство роговъ, рогожнаго куля и кулька. Мосальская рогожа



имѣть почти такую же репутацію, какъ вяземскій пряникъ, кievское варенье, коломенская пастила и т. п.

Надо согласиться, что въ сознаніи и правительства, и общества не имѣлось яснаго представленія о той сферѣ народнаго труда, который выражается кустарною промышленностью. Много раздаются вздоховъ о плохомъ экономическомъ положеніи народа, много толкуется строгими ригористами объ упадкѣ нравственности, какъ причинѣ, создающей это положеніе; но въ сумбурномъ хаосѣ этихъ толковъ рѣдко раздаются здравыя указанія, рѣдко даются дѣльные намеки и указанія.

Такимъ намекомъ можно не обинуясь считать устройство отдѣла кустарной промышленности, который какъ нельзя болѣе наглядно и убѣдительно показываетъ, сколько нетронутыхъ силъ, способныхъ къ производительной дѣятельности, сознательной и энергичной таится въ нашемъ простомъ народѣ.

Проходя по довольно просторному помѣщенію, отведенному въ двухъ мѣстахъ выставки подѣ кустарный отдѣлъ, я невольно поддавался чему-то въ родѣ обаянія подѣ вліяніемъ этихъ нестрыхъ, не всегда изящныхъ, чаще грубыхъ произведеній простого русскаго человѣка. Чтѣ, думалось мнѣ, еслибы этой промышленности было оказано цѣлесообразное пособіе, своевременная поддержка, какъ это дѣлается у насъ нерѣдко и безъ особенно основательныхъ поводовъ?

Важность кустарной промышленности указана, благодаря трудамъ упомянутой комиссіи и московскаго губернскаго земства, самымъ яснымъ образомъ. По приблизительнымъ вычисленіямъ, можетъ быть нижшимъ дѣйствительности, но во всякомъ случаѣ не высшимъ, стоимость производства исчисляется въ 200 милліоновъ рублей.

И такое производство основалось, окрѣпло безъ всякой внѣшней поддержки, единственно благодаря энергіи, способности къ труду, природной ловкости и находчивости. Напротивъ все складывалось и стоитъ такъ, чтобы сила пропадала въ трудной борьбѣ. Нѣтъ знаній, средствъ, нѣтъ благоприятнаго сбыта, нѣтъ образцовъ, чтобы совершенствовать свои произведенія. До рѣшенія всякаго частнаго вопроса въ практикѣ производствъ приходилось доходить самому. По истинѣ трогательно было, напримѣръ, выслушивать разсказъ одного производителя „живописнаго промысла“, повѣствовавашаго о томъ, какъ онъ учился писать масляными красками. И какою искреннею робостью звучалъ его отвѣтъ на совѣтъ обратиться къ художникамъ, въ училище, какое, молъ, и въ Москвѣ есть: тамъ потолковалъ бы о своемъ дѣлѣ, увидалъ, какъ настоящіе живописцы пишутъ. „Очень кому нужно съ нашимъ братомъ толковать; у нихъ, небойсь, тоже свое дѣло есть... Опять же какъ это ни съ того, ни съ сего придти“.

По истинѣ безпомощенъ кустарь по отношенію къ общему развитію и къ технической подготовкѣ. Безпомощенъ онъ и въ сферахъ производства. Въ коллекціяхъ, имѣющихся въ отдѣлѣ кустарной промышленности, на нѣкоторыхъ предметахъ выставлены цѣны. Такъ, напр., московское губернское земство, въ виду трудности привлечь кустарниковъ явиться съ своими произведеніями лично, такъ сказать за свой счетъ, а также и въ виду предполагаемаго устройства музея по кустарной промышленности, составляло коллекціи, приобретаая предметы производства въ собственность. При этомъ продавался товаръ по свободнымъ цѣнамъ, и все-таки цѣны неизмѣримо дешевы, въ такой степени, что даже при надбавкѣ 20% — 25% — приобрести ихъ у торговцевъ нѣтъ возможности. Почему же, надо думать, приобретаются эти вещи, когда пригонить кустаря къ скупщику нужда. А вѣдь эта нужда, можно сказать, слѣдомъ ходить за русскимъ крестьяниномъ. Такимъ образомъ можно съ вѣроятностью сказать, посредническій барышъ скупщика — торговца въ оборотахъ съ продуктами кустарнаго производства высокъ какъ нигдѣ. Возьму для примѣра два предмета. Въ одной изъ коллекцій московскаго земства стоятъ глѣбные вѣсы, по цѣнѣ въ 5 р. 50 к. Мнѣ передавали знающіе дѣло люди, когда зашелъ разговоръ объ этомъ почти необходимомъ въ сельскомъ хозяйствѣ снарядѣ еще задолго до выставки, что вѣсы эти изготовляются для оптико-механическихъ магазиновъ кустарями. Въ магазинахъ вѣсы стоятъ отъ 20—25 р. Лакированные издѣлія, какъ извѣстно, продаются очень дорого: за то, что у кустаря стоитъ 7 или 8 р., въ магазинѣ надо отдать 30—40. Въ этомъ я убѣдился, между прочимъ, на крышкахъ къ альбомамъ для фотографій.

И такихъ примѣровъ можно набрать многое множество. Слишкомъ высокій посредническій процентъ можетъ безошибочно считаться указателемъ неправильной постановки производителя: теряетъ производство, ибо оно стѣсняется въ своемъ развитіи, теряетъ потребленіе, ибо сколько переплачивается посреднику, какъ разъ настолько слабѣетъ потребительная способность населенія.

Русское общество, даже въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, не знало кустарной промышленности. Ничего нѣтъ удивительнаго, что не только въ интересахъ ея ничего не предпринималось, но даже и упоминаніе о ней встрѣчалось весьма рѣдко и въ чертахъ смутныхъ, неясныхъ. Теперь фактъ ея наличности выступилъ во всей своей яркости. Это несомнѣнная услуга выставки русскому общественному сознанию, неоцѣнимая услуга передъ обществомъ тѣхъ людей, благодаря которымъ предпринять и такъ цѣлесообразно осуществитъ отдѣлъ кустарнаго производства. Неужели оно и теперь оста-

нется въ томъ же пренебреженіи, законѣ. Это было бы самою характерною непослѣдовательностью въ виду столь распространенныхъ теперь толковъ о необходимости поднять условія народнаго труда. Вѣдь дѣло дошло даже до образованія общества съ специальною цѣлью улучшенія народнаго труда.

Вотъ для начала цѣлесообразный шагъ по дорогѣ, намѣченной обществомъ.

Но вопросъ о содѣйствіи кустарной промышленности можетъ, почти навѣрно встрѣтить именно на основаніи знаменитыхъ экономическихъ „законовъ“ многое противъ себя.

Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ надо хлопотать въ благоустроенномъ государствѣ? О развитіи мануфактуръ. Онѣ содѣйствуютъ накопленію капитала; онѣ, пользуясь всѣми усовершенствованіями, даютъ странѣ громадную экономію времени. Нельзя же биться на ручномъ станкѣ, когда хлопчато-бумажная мануфактура даетъ матеріалъ для бѣлья за сравнительную ничтожную плату и ужъ, конечно, дешевле, чѣмъ будетъ стоить производство этого матеріала дома. Долой ручное ткачество. Что поддерживать его, когда замѣна его мануфактурнымъ есть прямая выгода, и въ силу сознанія этой выгоды первое не только можетъ быть, но должно быть раздавлено вторымъ. То же самое, во имя тѣхъ же „неизмѣнныхъ законовъ“, можетъ быть сказано о каждомъ производствѣ. Всѣ они должны погибнуть, привѣтствуя полный захватъ всѣхъ экономическихъ силъ страны крупнымъ капиталистическимъ производствомъ, которому и слѣдуетъ въ видахъ этого оказывать исключительно заботливую помощь, какъ выразился одинъ ораторъ, предприниматель-мануфактуристъ, на засѣдающемъ теперь въ Москвѣ съѣздѣ: „пока не минуетъ въ томъ надобности“.

Все это такъ. Но вотъ какой вопросъ можетъ приходить по этому поводу умнымъ людямъ. Одинъ англійскій писатель, Самуэль Лэнгъ, наблюдавшій Данію и хорошо знакомый съ ея экономическимъ бытомъ, по аналогичному почти случаю спрашиваетъ:

„Сбереженіе времени и труда нельзя отрицать, но что дѣлать съ сбереженнымъ временемъ?“ Это и является главнымъ вопросомъ въ странѣ настолько существенно земледѣльческой.

Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлать?..

## VIII.

Одинъ изъ великихъ мыслителей-политиковъ, Монтескьё, въ своемъ *Esprit des lois* высказалъ, между прочимъ, такое положеніе: *les pays ne sont pas cultivés en raison de leur fertilité, mais en raison*

de leur liberté. Я смутно чувствовалъ всегда правду этого классическаго изреченія, но никогда оно не было мнѣ такъ очевидно ясно, такъ убѣдительно, какъ послѣ знакомства съ финляндскимъ отдѣломъ всеросійской выставки. Правъ и тысячу разъ правъ великій французъ!

Что такое Финляндія? Каменная скала, расположенная въ предѣльныхъ широтахъ „успѣшнаго земледѣлія“, а частью и за этимъ предѣломъ. Что такое, судя по наружности, населеніе Финляндіи? Не заявляетъ себя въ немъ бойкая талантливость француза, сознательная гордость англичанина, типичная многодумность нѣмца. Это совсѣмъ простой, незатѣйливый типъ людей, выработанный суровою природою, людей, окрѣпшихъ въ борьбѣ съ разными невзгодами, привывшихъ брать все съ бою... И, по истинѣ, много взято и берется съ помощью этой привычки.

Предметы финляндскаго отдѣла расположены въ одной изъ галлерей центральнаго зданія выставки. На аркахъ галлерей начертанъ девизъ—*industria, ager, labor*; надъ входами въ отдѣлъ укрѣплены гербы съ изображеніемъ якора съ крестомъ. Внутренность помѣщенія относительно декорирована производитъ впечатлѣніе домовитой уютиости. Видно, что устроителямъ дорогъ успѣхъ ихъ отечества, что отдѣлъ устраивался не только лицами, для того командированными отъ начальства, а людьми, для которыхъ дѣло было близко къ сердцу, освѣщалось сознаніемъ его значенія. Въ этомъ проявлялся жгучій патріотизмъ, и Финляндія справедливо можетъ считать себя удовлетворенною: ея выставка удалась вполне, оказываясь притомъ вполне національною, народною. Народъ, въ лицѣ своихъ представителей, ассигновалъ на ея устройство и пособія къ перевозкѣ вещей до 150,000 марокъ; народъ, въ лицѣ своихъ производителей, наполнилъ своими предметами помѣщеніе, выстроенное опять финнами, мастерами и рабочими, нарочно для того привезенными изъ Финляндіи.

Такимъ образомъ финляндскій отдѣлъ представляется наиболѣе типичнымъ. И нельзя сказать, чтобы въ эту типичность замѣтно входили признаки бѣдности страны, которые столь естественно было встрѣтить въ промышленномъ представительствѣ страны, повидимому, поставленной въ столь невыгодныя условія природою.

Перечислять все, что выставляется финляндцами, нѣтъ возможности. Это бы заняло много мѣста и все-таки не дало понятія о промышленномъ развитіи страны. Чтобы судить о немъ, надо видѣть не разнообразіе продуктовъ, которыми представляется промышленность Финляндіи, надо ознакомиться съ характеромъ произведеній, съ незатѣйливыми, но правдивыми и этнографическими группами,

послушать хоровое пѣніе финляндцевъ—и тогда уже судить о производительной состоятельности, объ экономической жизнеспособности этой бѣдной по природѣ страны, этого съ виду вялаго, флегматичнаго народа.

Выставка финляндскаго отдѣла должна, во-первыхъ, считаться весьма характерною по разнообразію родовъ промышленности, въ ней представленныхъ, во-вторыхъ очень оригинальною по характеру этихъ предметовъ. Чего только нѣтъ въ немъ. Желѣзо, сталь, чугунъ, сахаръ, стекло, бумага, картонъ, вагоны, табакъ, толь, спиртные напитки, разные ткани, портеръ (бут. 28 к.,  $\frac{1}{2}$  бут. 14 к.), табакъ, вкусъ, обувь, земледѣльческія орудія, молочный скотъ и т. д.

Трудно представить себѣ производство, представителя котораго не оказалось бы на выставкѣ. И все это носить отпечатокъ дѣловитой хозяйственности, практичности, расчета на условія сбыта ровно идущаго, опредѣляемаго экономическимъ бытомъ массы населенія. На выставкѣ вовсе отсутствуютъ предметы, удовлетворяющіе только до крайности доведенной роскоши. И это не значитъ, что отсутствуютъ предметы, удовлетворяющіе потребностямъ эстетическаго вкуса и комфорта. Это ставится внѣ всякаго сомнѣнія присутствіемъ нѣкоторыхъ предметовъ и въ художественномъ отдѣлѣ выставки, и въ частномъ финляндскомъ.

Весьма характерны, между прочимъ, этнографическія группы, выставленныя студентами гельсингфорсцами. По нимъ можно знакомиться и съ народнымъ типомъ финляндскаго населенія, и съ его бытовою обстановкой. Вотъ изба изъ тавастгусской губерніи, вотъ изъ абовской. Обѣ почти въ натуральную величину. Низкіе потолки, бревенчатыя стѣны. Тѣсно, бѣдно, но не убого. Изба—дѣйствительно человеческое жилище, а не хлѣвъ плохо содержимаго рабочаго скота. Въ ней опрятно, уютно. Имѣется необходимая мебель. Въ обѣихъ избахъ представлены финляндскія семьи. Члены ихъ работаютъ и слушаютъ чтеніе. И тамъ, и здѣсь старшій членъ семьи читаетъ большую книгу, и чтеніе внимательно слушается какъ взрослыми членами семьи, такъ и дѣтьми.

И въ истинность этихъ бытовыхъ сценъ вѣрится. Доказательство на лицо. Книга должна непременно быть необходимымъ предметомъ домашняго обихода финляндской семьи. Народъ, у котораго нѣтъ этого, не можетъ проявлять въ такой степени и такъ разумно своихъ производительныхъ силъ, столь успѣшно борясь съ условіями климата, почвы, вообще естественною обстановкою своего быта; онъ не въ состояніи такъ цѣлесообразно пользоваться преимуществами своего гражданско-политическаго устройства.

## IX.

О второй группѣ—научно-учебныя пособія—право не знаю что и сказать. Задача ея организаціи, надо думать по ея наименованію, заключалась въ томъ, чтобы съ одной стороны представить состояніе учебнаго дѣла въ Россіи, съ другой—уровень, на которомъ стоитъ научное развитіе. Надо признаться, что вторую часть задачи я совсѣмъ не понимаю. Сильно сомнѣваюсь, чтобы представленіе о наукѣ было ясно у самихъ устроителей научнаго отдѣла. Въ самомъ дѣлѣ, что такое „научныя произведенія“, другими словами, произведенія науки? Можно, конечно, расширять понятіе, представленное сочетаніемъ этихъ двухъ словъ, но во всякомъ случаѣ на первомъ планѣ этой до бесконечности даже расширенной перспективы позволительно ожидать встрѣтить ученыя сочиненія, аппараты для научныхъ изслѣдованій и т. п. Но отчего научное произведеніе—роль или труба, почему научное произведеніе—печатный прессъ, употребляемый въ конторахъ, фотографическіе портреты, гармоникки или принадлежности для типографіи? Не понимаю. За исключеніемъ нѣкоторыхъ предметовъ, хотя бы съ натяжкой оправдывающихъ искусственное обозначеніе „произведеній науки“, остальное можно считать помѣщеннымъ въ группу единственно потому, что ихъ некуда было дѣть.

Чтобы судить объ отдѣлѣ произведеній науки, я позволю себѣ перечислить классы, по которымъ расположены собранные въ немъ предметы. Вотъ ихъ перечень.

а) Приборы и мѣрительные инструменты, служащіе для производства научныхъ изслѣдованій.

б) Медицинскія принадлежности; преобладающій предметъ—искусственные зубы и челюсти: изъ десяти четыре экспонента.

в) Музыкальные инструменты: гитары, рояли, духовые инструменты, скрипки, барабаны.

г) Приложение художества къ промышленности: картины на фарфорѣ, иконы, образцы выѣсочной живописи, лѣпныя и рѣзныя издѣлія, наконецъ вазы изъ пера, кожи и матеріи.

д) Приложенія электричества къ промышленности: разныя принадлежности, употребляемыя въ разныхъ видахъ электро-техники; произведенія гальванопластической фабрикаціи; электрическіе звонки, электромагнитные регуляторы.

е) Приборы и принадлежности для типографіи и вообще печатанія.

ж) Фотографія.

Какія же это „произведенія науки“?

Что касается до учебной части второй группы, то ее нельзя упрекнуть въ малообиліи матерьяла, особенно со стороны такъ называемыхъ учебныхъ пособій.

Примѣненъ, правда, не совсѣмъ удачно или удачно только отчасти, способъ ознакомленія со школою по результатамъ своей дѣятельности, выражаемымъ работами учениковъ. О школахъ, призванныхъ давать общее образованіе, какъ низшихъ—городскихъ, такъ и среднихъ, сказать что-нибудь, судя по выставленнымъ нѣкоторыми школами образцамъ, трудно, почти невозможно. Но о профессиональныхъ—можно. Успѣхи по практическимъ работамъ механическаго характера весьма удовлетворительны, и нельзя не признать, что это дѣло у насъ развивается, крѣпнеть: видно, что оно поставлено на надлежащую почву. Даже нѣкоторые реальныя училища, имѣющія механическіе дополнительные классы, выставили работы, указывающія на цѣлесообразность подготовки учениковъ этихъ училищъ къ продолженію своего спеціальнаго образованія.

Что касается до народной школы, точнѣе сельской, то она отсутствуетъ на выставкѣ. Да и на какой выставкѣ можетъ найтись мѣсто этому пасынку нашей несомнѣнно развивающейся культуры? Модели школьныхъ домовъ, образцы школьной мебели, разнообразныя учебныя пособія имѣли исключительно показной характеръ. Такимъ образомъ вынести какое-нибудь представленіе о состояніи учебнаго дѣла вообще и народнаго образованія въ частности нѣтъ возможности. Приходится оставаться при томъ мнѣніи, что народное образованіе слѣдуетъ считать у насъ еще въ зачаточномъ состояніи, что правильно постановленная общеобразовательная народная школа отсутствуетъ.

Затѣмъ возникаетъ вопросъ: можно ли ожидать какихъ-нибудь результатовъ отъ введенія въ народную школѣ ремеслъ, сельскаго хозяйства и т. п., о чемъ такъ много толкуютъ въ послѣднее время? Разсуждая хотя бы апріорно, но добросовѣстно, или строя свои сужденія на указаніи опыта другихъ странъ, отвѣтъ приходится дать одинаково отрицательный. Слѣдуетъ облегчить возможность дѣтямъ народа получать общее образованіе, а послѣ того, когда дѣло это окрѣпнеть, можно будетъ говорить о ремесленномъ и сельскохозяйственномъ образованіи. А до того всѣ сужденія и частныя, и публичныя—безплодны.

При этомъ невольно приходитъ въ голову невеселое соображеніе, что общему образованію въ дѣйствительномъ смыслѣ въ народныхъ школахъ не положено даже начала! Въ послѣднемъ нисколько не разубѣждаетъ и выставка. Въ ея учебномъ отдѣлѣ нѣтъ ничего,

что хоть сколько-нибудь намекало бы на эту сторону дѣятельности народной школы, на выполнение этого существеннѣйшаго ея назначенія.

О военномъ отдѣлѣ и морскомъ, въ качествѣ человека, вполне гражданского, судить не берусь. Бросаются въ глаза чудовищныя пушки; собираетъ около себя публику автоматически дѣйствующая торпеда. Въ общемъ эти отдѣлы мнѣ показались не особенно обильными; да и то сказать, какая выставка можетъ производить впечатлѣніе величія, въ виду тѣхъ громаднѣхъ суммъ, которыхъ стоятъ обществу современныя постоянныя арміи и флоты?

Въ заключеніе не могу не остановиться на маленькомъ павильонѣ, устроенномъ обществомъ спасенія на водахъ. Объ этомъ обществѣ совсѣмъ мало слышно, а между тѣмъ цѣль его осуществляется въ соотвѣтственно весьма почтенныхъ размѣрахъ. Въ періодъ съ небольшимъ за 10 лѣтъ оно спасло отъ гибели 3500 человекъ! И существуетъ общество на частныя средства—на взносы членовъ. Не всякая частная инициатива и у насъ гибнетъ, хотя многіе думаютъ иначе и готовы хоть бы и вовсе изгнать возможность ея изъ практики нашей общественной жизни.

Въ концѣ концовъ, сводя итогъ всему видѣнному на всероссийской выставкѣ, позволительно собрать свои ощущенія и дать отвѣтъ на естественно возникающій вопросъ: удалась ли выставка?

Какъ осуществившійся фактъ—да!

Но, при оцѣнкѣ удачи выставки, и такой грандіозной выставки, одно осуществленіе факта еще значить не много. Такія національныя событія, каковы въ гражданско-экономическомъ значеніи надо считать настоящую выставку, способны вліять на общественное сознаніе, вызывать новые запросы отъ внутренней жизни, ставить обществу новыя цѣли, новыя стремленія: такія событія могутъ дѣлаться эрами общественного развитія... Отразится ли чѣмъ-нибудь подобнымъ выставка—дѣло будущаго. А безъ этого, конечно, она пройдетъ бесслѣдно и, пожалуй, при нынѣшнихъ скудныхъ временахъ придется пожалѣть о средствахъ, потраченныхъ на ея устройство и правительствомъ, и обществомъ.

Лучше бы, замѣтитъ какой-нибудь обыватель-экономъ, деньги эти употребить на усиленіе общаго для имперіи продовольственнаго капитала. И что сказать? Вѣдь обыватель будетъ, пожалуй, не совсѣмъ не правъ...

Да, фактъ выставки еще ничего не значить. Вотъ, напр., какое впечатлѣніе произвела на умнаго человека и проникательнаго наблюдателя, уже разъ цитированнаго нами Самуэля Лэнга, лондонская всемірная выставка 1851 г. „Выставка въ хрустальномъ дворцѣ про-



мышленности всѣхъ націй была большимъ обманомъ. Она не показала ничего изъ предметовъ промышленности, которыми каждая нація дѣйствительно пользуется, но только предметы, которыми имѣютъ средства и вкусъ пользоваться ничтожно малая пропорція, изъ наиболѣе высшихъ и богатыхъ людей между многими милліонами народа" <sup>1)</sup>.

На осуществленіе такихъ цѣлей тратиться очевидно не стоило. Но можетъ быть еще худшее. Успѣхъ выставки можетъ привести къ заключенію, что отечественное благосостояніе таково, что желать чего-нибудь лучшаго, значить заявлять неосновательныя претензіи, думать объ удовлетвореніи которыхъ не стоитъ труда... Такой исходъ тоже возможенъ...

Н. Богомоловъ.

## КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ВѢНЫ.

Августъ, 1882.

### Домашнія австрійскія дѣла.—Львовскій процессъ.

За послѣдніе мѣсяцы, когда вниманіе всей Европы было почти всецѣло поглощено египетскими дѣлами, вопросы австрійской политики едва ли могутъ имѣть особенный интересъ для русскихъ читателей. Даже въ глазахъ самихъ австрійцевъ эти вопросы кажутся чрезвычайно мелкими и мало интересными, и на время какъ бы отодвинулись на задній планъ. Но за то эти мѣсяцы были чрезвычайно богаты отдѣльными фактами, не носящими политическаго характера и успѣвшими привлечь къ себѣ вниманіе общества. Съ нѣкоторыми изъ этихъ фактовъ, въ извѣстной степени характеризующими дѣльную общественную жизнь, постараюсь познакомить читателя въ настоящемъ письмѣ.

Изъ недавнихъ событій, относящихся къ вѣнской скандальной хроникѣ, среди вѣнскихъ бюргеровъ и австрійскихъ аристократовъ произвело особенный шумъ трагическое самоубійство двухъ молодыхъ французовъ, происшедшее мѣсяца два тому назадъ, но продолжающее и до сихъ поръ интересоватъ вѣнское общество. Сама исторія весьма немногосложна и повторяется притомъ слѣдующимъ

<sup>1)</sup> S. Laing, Notes on Denmark and the Duchies. 1852.

чисто, чтобы о ней самой стоило распространяться, но она обилует отдельными эпизодами, несущими специфически-австрийский характер и почти немислимыми въ какой-либо другой странѣ.

Въ началѣ прошлаго года 18-ти лѣтняя актриса Марія Дамэнъ (ея театральное имя—Дальмонъ) пріѣхала изъ Парижа въ Вѣну, чтобы усовершенствоваться въ пѣніи и поступить на оперную сцену. Одаренная красотой и талантами, беззаботная, жаждущая жизни парижанина сразу попала въ кружки вѣнскихъ молодыхъ аристократовъ, въ тѣ кружки, которые парижанинъ окрестилъ непочтительнымъ названіемъ *la haute gomme*, но которые добродушный вѣмскій бюргеръ не безъ благоговѣнія называетъ *die hohen Cavalieren-Kreise*. Для Маріи Дамэнъ начался непрерывный рядъ веселыхъ праздниковъ и торжествъ; на всѣхъ масленичныхъ балахъ и маскарадахъ она являлась въ сопровожденіи своей подруги Алины Ренвилъ, которая изъ привязанности къ своей младшей соотечественницѣ отправилась съ ней вмѣстѣ въ Вѣну и раздѣляла ея образъ жизни. Она стала появляться въ салонахъ вѣнскихъ аристократовъ, гдѣ въ качествѣ любительницы участвовала въ концертахъ и театральныхъ представленіяхъ. Около этого времени она стала появляться также на подмосткахъ одного маленькаго вѣнскаго театра, который для приличія называется „театральной школой“, но въ сущности имѣетъ спеціальнымъ назначеніемъ постановку содержанокъ для „высокихъ кавалеровъ“. Съ легкомысліемъ и беззаботностью мюзжеровской *Musette*, Марія Дамэнъ окунулась въ эту жизнь, полную внѣшняго блеска и удовольствій, но лишенную содержанія. Будь она обыкновенной парижанкой актрисой безъ большого таланта, она бы пошла по торной дорогѣ; но дальнѣйшая судьба ея и оставленныя ею письма доказываютъ, что при всей ея беззаботности, при всей любви къ веселости и блеску, ея натура не удовлетворялась одной только мимолетной обстановкой, въ которой она вращалась, и ставила жизни болѣе серьезныя требованія.

Въ упомянутой „театральной школѣ“, она познакомилась съ однимъ изъ *habitués* этого разсадника искусства, 23-лѣтнимъ графомъ фонъ-Геденомъ, отпрыскомъ одной изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ австрийскихъ фамилій. Молодые люди полюбили другъ друга и со-мѣсяцѣ нѣскольکو мѣсяцевъ продолжалось ихъ блаженство. Марія впа-ла въ любовь графа и сама любила его искренно и безкорыстно. Несмотря на ограниченныя средства, которыми она располагала, она не за что не соглашалась пользоваться матеріальной поддержкой графа и даже отказывалась брать отъ него цѣнные подарки, — хотя несомнѣнно рѣдкій, принимая во вниманіе ея легкомысліе и среду, въ которой она вращалась). Далекое не такъ серьезная

была любовь молодого графа къ ней, хотя и нельзя утверждать положительно, что чувство его было неискренне. Современная jeunesse dorée въ Австріи такъ измѣлчала и выродилась, что проявленіе какого бы то ни было сильнаго серьезнаго чувства почти немислимо въ этой средѣ, гдѣ серьезнымъ занятіемъ, *d'homme* считаются скачки и бѣга, а все остальное забавой. Очень можетъ быть, что графъ любилъ дѣвушку настолько сильно, насколько позволяла это его мелкая душонка. „Безцѣнная моя,—пишетъ онъ ей въ періодъ медового мѣсяца ихъ любви,—твое письмо меня очень ошастливило; я вижу, какъ сильно ты меня любишь, и т. д. Мы не можемъ видѣться въ назначенный день, потому что дома случилось несчастье: у моей любимой лошади растяженіе коленной связки!“—Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Дамэнъ почувствовала себя матерью, и это заставило влюбленныхъ призадуматься о будущемъ. Молодой гошменъ сталъ уже охладѣвать къ Маріи и, испугавшись послѣдствій своего увлеченія, началъ избѣгать ея; но по малодушію и трусости не рѣшился сразу порвать съ ней и продолжалъ письменно увѣрять ее въ своей любви и въ своей рѣшимости объявить все родителямъ и жениться на ней. Когда же она возвратилась съ ребенкомъ изъ Италіи, молодой Cavalier скрылся въ родовой замокъ Оттенсгеймъ, близъ Линца, гдѣ прибѣгнувъ къ покровительству своего отца, и всѣ старанія Дамэнъ видѣть его и говорить съ нимъ оставались тщетны, письма ея оставались безъ отвѣта. Она уже не добивалась, чтобы графъ загладилъ свою ошибку женитьбой на ней; она хотѣла только заставить его признать своимъ ребенка, передъ которымъ она считала себя виновной. Горечь за даромъ потраченную любовь, стыдъ за недостойное поведеніе любимаго человѣка, стыдъ передъ свѣтомъ и своими родными, сознаніе своей вѣчной и неискупимой вины передъ собственнымъ ребенкомъ окончательно привели ее въ отчаяніе; въ половинѣ іюля она отправилась въ Линцъ, и въ теченіе трехъ дней все выжидала случая повидаться съ молодымъ графомъ Куденговымъ; но старый графъ слишкомъ хорошо оберегалъ своего сына, и каждый день она съ отчаяніемъ возвращалась къ себѣ, не добившись цѣли. Наконецъ, чаша ея страданій переполнилась, и на 4-й день ночью она застрѣлилась въ оттенсгеймскомъ паркѣ, передъ самымъ дворцомъ графа. Изъ оставленнаго ею завѣщанія видно, что она рѣшилась на самоубійство съ цѣлью обратить общественное вниманіе на поступокъ графа Куденгова и заставить его признать ребенка своимъ. „Я не вижу возможности дать моему ребенку нѣмъ иначе какъ пожертвовать своей жизнью, и я ее отдаю тѣмъ охотнѣе, что она стала бременемъ для меня“.—Чрезвычайно странной и до сихъ поръ невыясненной является личность подруги Маріи Дамэнъ, Алины

Реннль, которая сопровождала ее всюду, всегда утѣшала, насколько могла, и вмѣстѣ съ ней застрѣлилась. Одни говорятъ, что Алина Реннль была въ связи съ графомъ Куденговымъ два года тому назадъ и также была брошена имъ; по мнѣнію другихъ, она страдала ипохондріей и убѣдила свою подругу застрѣлиться, — но все это одни предположенія.

Такова фабула этой грустной исторіи, подобныя которой въ социальнѣмъ случаются слишкомъ часто, и публикѣ уже такъ притерпѣлись, что пропускаются ею безъ вниманія. Но въ настоящемъ случаѣ интересъ былъ возбужденъ, во-первыхъ, романтичностью обстановки, и, во-вторыхъ, выдающимся положеніемъ замѣшанныхъ въ ней лицъ. Изъ вниманія къ послѣднимъ вѣнскія газеты первое время писали объ этомъ событіи довольно осторожно, не называя именъ, дѣлая на каждомъ шагу оговорки и т. п., но страсть къ нелепнымъ новостямъ и конкуренція между отдѣльными газетами черезъ весьма немногіе дни заглушили первоначальную деликатность, и Affaire Ottensheim сдѣлалось главной темой разговоровъ въ обществѣ. Газеты стали посылать репортеровъ на мѣсто самоубійства, — и всѣ детали этого дѣла, детали крайне некрасивыя, выплыли наружу къ неудовольствію „der hohen Cavalieren-Kreise“. Выяснилось, напримѣръ, что въ этомъ дѣлѣ приняла участіе вѣнская полиція. Когда Дамэнъ пріѣхала въ Вѣну со своимъ ребенкомъ, ее призвали въ полицейскую контору, гдѣ комиссаръ въ весьма оскорбительныхъ выраженіяхъ предложилъ ей подписать бумагу, въ которой бы она удостовѣрила, что графъ Куденговъ не есть отецъ ея ребенка; въ вознагражденіе за это онъ ей предлагалъ 4,000 гульденовъ. Получивъ негодующій отказъ, комиссаръ далъ ей понять, что если она станетъ упрямиться, *ее могутъ выслать изъ Австріи за безнравственное поведеніе*. Черезъ нѣсколько дней она получила повѣстку явиться въ полицейскую дирекцію къ совѣтнику Ландштейнеру, тому самому Ландштейнеру который фигурировалъ въ качествѣ обвиняемаго въ процессѣ по дѣлу о пожарѣ Рингъ-театра и приобрѣлъ извѣстность своей знаменитой фразой: „Alles ist gerettet“. Онъ въ нѣсколько болѣе приличной формѣ повторилъ предложеніе Деблингскаго комиссара. Несчастная Марія Дамэнъ обратилась къ защитѣ одного молодого адвоката Бергрюнера, который потребовалъ отъ Ландштейнера объясненія основаній, по которымъ полицейская власть считаетъ нужнымъ вмѣшаться въ частное дѣло. Послѣдній струсилъ и, разсуждая въ любезностяхъ, объяснилъ, что онъ вмѣшался въ это дѣло не въ качествѣ чиновника, но какъ частный человѣкъ и другъ семейства Куденгова, старавшійся уладить дѣло безъ скандала, что только за неимѣніемъ времени онъ поручилъ комиссару поговорить

съ Дамэнъ и т. д., — словомъ, старался представить свое участіе въ самомъ невинномъ свѣтѣ. Тѣмъ не менѣе, это грубое вмѣшательство не мало способствовало отчаянному шагу гордой француженки. Говоря объ этомъ эпизодѣ, „Neue Freie Presse“ остроумно замѣчаетъ: „Полицейское вмѣшательство г. Ландштейнера, въ интересахъ графской фамиліи, послѣдовало еще осенью прошлаго года, т.-е. передъ пожаромъ Рингъ-театра. Отсюда видно, какія многостороннія занятія были у г. совѣтника, и какъ онъ тогда уже заботился о всеобщемъ спасеніи“.

Но если охранительная власть сыграла по новоду этой исторіи роль, напомнившую всѣмъ добрымъ до-мартовскимъ времена, то глава семейства Куденгова своимъ поведеніемъ напоминаетъ эпоху еще болѣе отдаленную. Я уже замѣтилъ, что черезъ нѣсколько дней послѣ самоубійства Дамэнъ, газеты съ жадностью набросились на Affaire Ottensheim, разбирая поведеніе замѣшанныхъ въ ней лицъ, рассказывая самыя интимныя подробности отношеній графа Куденгова къ Маріи Дамэнъ, выставляя перваго извергомъ, а вторую образомъ всевозможныхъ добродѣтелей. Конечно, либеральная вѣнская печать руководствовалась въ этомъ случаѣ не столько нравственными мотивами, сколько желаніемъ кинуть камень въ огородъ политическихъ своихъ противниковъ, феодаловъ, и, главнымъ образомъ, желаніемъ услужить публикѣ какъ можно болѣе пикантными новостями. Нѣсколько времени старый графъ Куденговъ оставлялъ безъ отвѣта нападки либеральныхъ газетъ, но, наконецъ, онъ не вытерпѣлъ и въ началѣ іюля, въ свою очередь, обратился къ общественному мнѣнію, объясняя поведеніе свое и своего сына. Но для австрійскаго феодала, не претендующаго на мѣсто депутата и поэтому не нуждающагося въ „толпѣ“, общественное мнѣніе имѣетъ совершенно другое значеніе и смыслъ, чѣмъ для обыкновенныхъ смертныхъ. Вмѣсто того, чтобы изложить свои аргументы и опроверженія въ печати, благородный графъ разослалъ гектографированный циркуляръ наиболѣе выдающимся представителямъ австрійской аристократіи. Письмо не было предназначено для печати, но благодаря пронирливости вѣнскихъ репортеровъ, оно попало въ газеты, и всѣмъ доставлена была возможность познакомиться съ этимъ любопытнымъ документомъ и узнать, какъ аристократы говорятъ между собою, когда они чувствуютъ себя безъ свидѣтелей. Свой циркуляръ графъ начинаетъ съ разныхъ жалобъ на несправедливость либеральной прессы. „За то, въ чемъ мой сынъ дѣйствительно провинился, — говорится въ немъ, — за любовную связь его съ Дальмонъ, его въ печати нисколько не осуждали, — суровыя безжалостныя нападки прессы обрушились на него лишь за его послѣдующее поведеніе, направленное на то, чтобы предохра-

ить имя Куденговыхъ отъ честолюбивыхъ посягательствъ авантюриста, словомъ, на тѣ поступки его, которые были сдѣланы по моему волѣ и по моему приказанію". Но заботливый отецъ старается смягчить и эту вину сына, выставляя на видъ его неопытность и молодость (по австрійскимъ законамъ совершеннолѣтіе для наследованія ленныхъ дворянскихъ владѣній считается 24-лѣтній возрастъ, и 23-лѣтній графъ Куденговъ по буквѣ закона еще несовершеннолѣтенъ). „Впрочемъ,—замѣчаетъ старый графъ,—проступокъ, въ которомъ провинился мой сынъ, въ нашихъ кругахъ встрѣчается весьма часто и къ нему привыкли относиться довольно легко". Дальше онъ нѣсколько не стѣсняется оклеветать погибшую дѣвушку, утверждая, что она имѣла не одного любовника еще до знакомства съ молодымъ графомъ и, вступая въ связь съ послѣднимъ, рассчитывала только на титулъ графини. „Между тѣмъ, мой сынъ не давалъ Дамонъ даже обѣщанія содержать ее какъ свою метрессу". Съ благородной строгостью онъ рассказываетъ, какъ узналъ о связи своего сына съ перехваченнаго имъ письма, какъ съелъ своимъ долгомъ тогда же выѣхать въ дѣло, сдѣлавъ сыну строжайшій репримандъ и поручивъ своему адвокату отдѣлаться какъ можно дешевле отъ Дамонъ и т. д. Въ заключеніе графъ-отецъ выражаетъ надежду, что общество не перестанетъ видѣть въ его сынѣ вполне достойнаго человека. Что же касается Дамонъ, то она, по мнѣнію графа, не хуже и не лучше другихъ проходницъ; она добивалась титула графини и для этой цѣли поставила все на карту: планъ не удался, и авантюристка окончила преждевременно съ жизнью. Смерть ея должна вызвать столько же сочувствія, сколько гибель сотенъ другихъ неудавшихся спекулянтовъ, о которыхъ мы слышимъ каждый день. Рѣшившись на такой грѣхъ, какъ самоубійство,—говорится въ циркулярѣ,—эта особа выказала чрезвычайную бесполезную жестокость и недальновидность, избравъ способъ смерти, который еще больше усилилъ скандалъ и сдѣлалъ благородное имя Куденговыхъ мишенью для уличныхъ остротъ и предметомъ поруганія для безмысленной толпы".

Письмо это, появившееся впервые въ вѣнскомъ „Tagblatt", поджало масла въ огонь, и либеральныя газеты воспользовались имъ, чтобы съ удвоенной силой и безпощадностью напасть на графа Куденгова, на аристократію и клерикаловъ. Негодованіе общества съ особенной силой обрушилось на линцскаго архіепископа Ридигера, вѣстнаго столпа австрійскихъ клерикаловъ, который не соглашался на то, чтобы тѣла самоубійцъ были похоронены на линцскомъ кладбищѣ; онѣ были похоронены безъ обычныхъ обрядовъ за оградой кладбища, и затѣмъ перевезены черезъ двѣ недѣли въ Вѣну. Послѣ

обнародованія письма графа, въ газетахъ появилось письмо бывшего адвоката Дамонъ, д-ра Бергрюнера, гдѣ онъ, отъ имени родныхъ погибшей французкини, протестовалъ противъ оскорбленій, заключающихся въ циркулярѣ графа, и заявлялъ намѣреніе начать противъ послѣдняго процессъ, какъ для снятія пятна съ имени Дамонъ, такъ и въ виду матеріальнаго обезпеченія ребенка. Такимъ образомъ этой грустной исторіи предстоитъ вскорѣ развязка въ залѣ суда.

Истекшая часть года была обильна крупными уголовными процессами, въ которыхъ были замѣнены лица, выдающіеся по своему общественному положенію. Въ началѣ года всеобщее вниманіе обратило на себя дѣло члена городского совѣта Люгера, возникшее изъ разоблаченій, сдѣланныхъ имъ въ народномъ собраніи по поводу проекта австрійской городской желѣзной дороги. Изъ этихъ разоблаченій оказывается, что предприниматель этой дороги, англичанинъ Фогерти, подкупилъ трехъ или больше членовъ совѣта и предлагалъ взятку ему, Люгеру. Правда, на судѣ его разоблаченія остались юридически недоказанными, тѣмъ не менѣе они съ весьма нехорошей стороны освѣтили дѣятельность многихъ членовъ городского совѣта и ихъ неблаговидныя сношенія съ дѣятелями биржи, особенно съ фирмой Ротшильдовъ. За этимъ процессомъ идетъ не менѣе скандальный—по дѣлу крупнаго фабриканта Абелеса, обвинявшагося въ покупкѣ завѣдомо краденыхъ вещей, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Любопытно отношеніе къ этому процессу вѣнскихъ газетъ: за исключеніемъ лишь одной, онѣ печатали „смягченные“ отчеты, изъ уваженія къ „заслуженной дѣятельности“ обвиняемаго (алле янки говорятъ, что газеты руководились въ этомъ случаѣ болѣе реальными мотивами). Далѣе слѣдуетъ процессъ по поводу театральной катастрофы, достаточно извѣстный изъ газетъ, и легкій исходъ котораго, скажемъ въ слову, далеко не удовлетворилъ требованіямъ общественнаго мнѣнія.

Довольно характерно для Вѣны, что значительный процентъ уголовныхъ процессовъ, разбирающихся судомъ присяжныхъ, имѣетъ предметомъ не простое воровство, какъ это бываетъ у насъ въ Россіи, напримѣръ, но утонченное мошенничество. Изъ числа 25 дѣлъ, разбиравшихся въ теченіе іюля мѣсяца, восемь, т.-е. почти одна треть, приходится на долю преступленій этого рода. Самымъ крупнымъ и типическимъ процессомъ этого рода, обратившимъ на себя особенное вниманіе вѣнскаго общества, былъ процессъ Карла Гофмана или, какъ онъ себя называлъ, *chevalier de Hoffmann*, обвинявшагося въ цѣломъ рядѣ мошенническихъ продѣлокъ.

Гофманъ выдается изъ массы своихъ собратовъ шириною раз-

нах и геніальностью выполненія своихъ полу-коммерческихъ, полумаклерскихъ, полумошенническихъ предпріятій. Сынъ довольно зажиточныхъ купцовъ въ Карлсбадѣ, Гофманъ еще въ молодыхъ лѣтахъ отправляется въ Англію и Америку путешествовать и учиться. Въ концѣ 1860-хъ годовъ онъ возвращается уже джентльменомъ, задаетъ тонъ въ своемъ родномъ городѣ, разсказываетъ о своихъ богатствахъ и связяхъ. Въ это же время женится на богатой полькѣ изъ Варшавы, отправляется съ молодой женой на ея родину, гдѣ и дѣлается, какимъ-то несмысленнымъ до сихъ поръ способомъ, генеральнымъ консуломъ Соединенныхъ Штатовъ въ Варшавѣ. Мало того: онъ пользуется уваженіемъ высшаго общества, получаетъ концессию на постройку желѣзныхъ дорогъ и даже казенные подряды при постройкѣ какихъ-то укрѣпленій на австрійской границѣ. Дѣятельность его въ Россіи не вполне выяснилась на судъ, но по всей видимости онъ адѣсь подвизался не безъ успѣха, и если у него были крупныя купки, то онъ, по всей вѣроятности, „заработалъ“ ихъ въ Россіи. За 8-лѣтній періодъ, 1873 — 81 годовъ, онъ является попеременно во всѣхъ столицахъ Европы, вездѣ приобретаетъ знакомство и расположеніе высокопоставленныхъ особъ (въ Лондонѣ, напр., онъ успѣлъ познакомиться съ принцемъ Уэльскимъ, въ Вѣнѣ онъ сошелся съ гр. Гензелемъ, председателемъ сѣзовскаго сейма, въ Парижѣ — съ бывшимъ секретаремъ кн. Бисмарка, тайнымъ совѣтникомъ Вагенеромъ, и др.). Онъ съ необыкновенной ловкостью умѣетъ выставить въ выгодномъ свѣтѣ свои знакомства и связи и щегольнуть передъ легковѣрной публикой своими фивитивными титулами и орденами. Въ Вѣнѣ онъ выдаетъ себя за норвежскаго *chevalier de Heffman*, въ Берлинѣ и Лондонѣ — за барона Гофмана, племянника бывшаго австрійскаго министра финансовъ. Благодаря своей необыкновенной ловкости, онъ за этотъ 8-лѣтній періодъ времени успѣлъ безнаказанно и большей частью удачно продѣлать рядъ самыхъ смѣлыхъ аферъ. Такъ напр. онъ торгуетъ у гр. Генделя его четырехмилліонное имѣніе въ Каринтіи и получаетъ право осмотрѣть его по всѣмъ частямъ, затѣмъ отправляется туда вмѣстѣ съ агентами большого англійскаго литейнаго завода, показываетъ имъ имѣніе, выдавая его за свою собственность, и закладываетъ компаніи лѣсъ и другія статьи инвентаря за 25,000 фунт. стерл.; взаимѣ этого онъ обязывается взять у компаніи рельсы для желѣзной дороги, которая будто бы должна пройти черезъ его имѣніе. Въ это время у него въ наличности не было достаточно денегъ, чтобы заплатить своему сапожнику. Затѣмъ заказываетъ у одного шотландскаго судостроителя двѣ паровыя яхты: одну — для подарка австрійскому кронпринцу, другую — какъ будто по порученію румынскаго короля, и



получаетъ за эти заказы 1,600 ф. стерл. мажорскихъ денегъ. Что побудило его заказать такой дорогой подарокъ, какъ паровая яхта, за которую онъ навѣрно не могъ заплатить, и какая гениальная комбинація съ этимъ была связана, — на судѣ не выяснилось. На судѣ Гофманъ выказалъ необыкновенную талантливость и массу самыхъ разнообразныхъ познаній; оказывается, что онъ хорошій химикъ, прекрасный чертежникъ, механикъ, желѣзно-дорожный техникъ, инженеръ, судостроитель и пр. (во части судостроительства онъ даже за одно изобрѣтеніе получилъ золотую медаль отъ берлинской академіи наукъ). Находчивость его не истиннѣ изумительна; на самые неожиданные вопросы и возраженія у него сію же минуту является готеній отвѣтъ, иногда и бездоказательный, но всегда болѣе или менѣе логическій. Благодаря его умѣнью защищаться, многіе пункты обвиненія остались совершенно недоказанными. Во всякомъ случаѣ выяснилось вполне, что это вѣнское „дѣтя вѣка“ избрало предметомъ своихъ ловкихъ операцій не массу, несущую добровольно свои скудные заработки въ сѣти разныхъ Бонту, Струсберговъ и т. п. Его „кlienty“—если можно такъ выразиться — все люди богатые, журующіе и сорящіе деньгами, или такіе же спекулянты, какъ онъ самъ, но еще не попавшіе на скамью подсудимыхъ. Въ этомъ обстоятельствѣ, да еще въ необыкновенной смѣтливости и талантливости Гофмана, кроется главная причина того, что онъ нисколько не возбудилъ общественнаго негодованія, а напротивъ того, во все время процесса пользовался вниманіемъ и даже сочувствіемъ общества. Даже лица, наиболѣе потерпѣвшія отъ его операцій, смотрѣли на него безъ особеннаго негодованія и, виѣстъ со всей вѣнской публикой, выражали сожалѣніе, когда слишкомъ строгій судъ приговаривалъ его въ семи годамъ тамжекаго тюремнаго заключенія. И въ самомъ дѣлѣ, если мы оставимъ точку зрѣнія нелицепріятнаго правосудія, отъ времени до времени избирающаго жертву, чтобы доказать, что оно не дремлетъ, то Гофманъ явится ни болѣе ни менѣе, какъ ловкимъ спекулянтомъ, увеличенной копіей того многообразнаго люда, который выѣзжаетъ на снѣгахъ своихъ ближнихъ подъ знаменемъ торговли, промышленности, биржевыхъ операцій. Если смотрѣть не сквозь пальцы на haute finance вообще и на вѣнскую въ особенности, то много ли найдется среди этого почтеннаго сословія людей, не заслуживающихъ, по крайней мѣрѣ, такого же строгаго наказанія какъ и Гофманъ? Развѣ вся суть биржевой игры не заключается въ томъ, что продавецъ продаетъ покупателю цѣнности, которыми онъ de facto не владѣетъ? Развѣ въ торговомъ мірѣ не встрѣчаются сплошь и рядомъ случаи закладыванія имущества, еще не принадлежащаго закладывающему? Все это извѣстно

всегому, кто только имѣлъ случай познакомиться съ биржевыми дѣлами. Весьма возможно, что если бы Гофману удалось извернуться въ этотъ разъ, какъ онъ сумѣлъ это дѣлать въ теченіе многихъ лѣтъ, онъ бы успѣлъ наконецъ выйти въ крупные туны, достигъ „степеней извѣстности“, и тогда, конечно, темное прошлое его кануло бы въ вѣчность. Въ пользу этого предположенія говоритъ то обстоятельство, что какъ разъ въ день его ареста, одно изъ крупныхъ предпріятій, для котораго имъ было затрачено не мало труда, окончилось удачно: онъ выѣхавъ съ другими получилъ отъ министерства концессию на постройку желѣзной дороги отъ Офена до Рааба. Понятно, что арестъ Гофмана разрушилъ этотъ блестящій проектъ.

Отмѣтимъ здѣсь кстати одинъ фактъ, касающійся австрійскаго и, пожалуй, еще въ большей степени, французскаго правосудія, который съ особенной рѣзкостью выступилъ въ процессѣ Гофмана. Я говорю о роли, занимаемой во время разбирательства председателемъ суда. Въ то время, какъ въ теоріи председатель суда долженъ являться безпристрастнымъ посредникомъ между сторонами и руководителемъ судебныхъ вѣнъ, въ дѣйствительной судебной практикѣ онъ чаще всего—моралистъ и чаще всего становится на сторону обвиненія. Каждую минуту онъ своимъ образомъ дѣйствій заявляетъ свою солидарность съ обвинительной властью, какъ охранительницей закона, и свою враждебность къ подсудимому и защитнику. Это можно прослѣдить во всякомъ почти процессѣ. Онъ не стѣсняется послѣ объявленія приговора, когда его роль, строго говоря, уже кончена, обращаться къ подсудимому съ моралью: „Присяжные были слишкомъ снисходительны къ вамъ, вы заслужили гораздо болѣе строгаго наказанія“ и т. д.

Въ дѣлѣ Гофмана, председатель суда, Мейеръ, также выказалъ крайнее пристрастіе и враждебность къ обвиняемому—онъ поминутно останавливалъ адвоката и самого Гофмана, приправлялъ свою рѣчь выраженіями: „безстыдство“, „нахальство“, „мошенничество“, „я вамъ не позволю“ и проч. Подобный образъ дѣйствій со стороны чловека, который по закону долженъ олицетворять собою безпристрастіе и справедливость, часто являются совершенно ненужной жестокостью, и общество безозвательно протестуетъ противъ этого, относясь къ подсудимымъ съ большей симпатіей, чѣмъ даже они того заслуживаютъ.

Переходя теперь къ наиболее выдающимся фактамъ политической жизни за послѣднее время, останавлиюсь въ настоящемъ очеркѣ на политическомъ процессѣ, недавно окончившемся въ Львовѣ. Въ Вѣнѣ этотъ чудовищно-длинный процессъ (разбирательство продолжалось около 6 недѣль) не обратилъ на себя особеннаго вниманія публики

и имъ интересовались только заботные политики, такъ какъ онъ касался только борьбы политическихъ партій Галиціи. Но для насъ, русскихъ, онъ представляетъ интересъ, во-первыхъ, вслѣдствіе племенного сродства въ разной степени съ обѣими сторонами національнаго галицкаго спора; во-вторыхъ, главный пунктъ обвиненія касался сношеній недсудимыхъ съ нашими славянофилами, и наконецъ, всего болѣе потому, что въ этомъ процессѣ ясно отражаются всѣ политическія ошибки старой Австріи.

Весь процессъ является ничѣмъ инымъ, какъ попыткой примѣнить къ современной политической жизни страны старое отжившее свой вѣкъ мѣрило; оправдательный вердиктъ, вынесенный присяжными, можетъ служить лучшимъ доказательствомъ справедливости сказаннаго.

Суть процесса достаточно извѣстна читателямъ изъ русскихъ и иностранныхъ газетъ, поэтому не будемъ останавливаться на фактической сторонѣ дѣла. Напомнимъ только главнѣйшіе моменты его. Обвинялись 11 человекъ русиновъ въ государственной измѣнѣ, въ стремленіи отдѣлиться отъ Австріи, въ сношеніяхъ и конспираціяхъ съ находящимися въ Австріи лицами и учрежденіями, съ конечной цѣлью нарушенія цѣлости австрійской территоріи; въ выслѣживаніи и съемѣ плановъ съ австрійскихъ укрѣпленій, съ преступной цѣлью воспользоваться ими противъ Австріи; въ пропагандѣ славянофильскихъ и анти-австрійскихъ тенденцій среди народа; въ пропагандѣ православія среди униатскаго населенія Галиціи, съ цѣлью всаить политической антагонизмъ между народностями, обитающими въ странѣ; въ нарушеніи общественнаго спокойствія и т. д. Личности обвиняемыхъ представляютъ тотъ интересъ, что всѣ они, за исключеніемъ двухъ крестьянъ, Шпундера и Залусскаго, принадлежать къ интеллигентнымъ слоямъ русинскаго общества; на оканѣ недсудимыхъ находились: 1 гофратъ, 2 священника, 4 редактора русинскихъ газетъ и журналовъ (т.-е. почти всѣхъ періодическихъ изданій, выходящихъ въ Галиціи на русинскомъ языкѣ).

Фактическая подкладка этого дѣла заключается очевидно въ несомнѣнномъ антагонизмѣ двухъ преобладающихъ въ Галиціи національностей, русиновъ и поляковъ,—антагонизмѣ, идущемъ еще изъ далекой древности и красной нитью тянущемъ вплоть до нашихъ временъ. Задача такого государства, какъ Австрія, должна бы заключаться въ стремленіи наладить вражду отдѣльныхъ національностей созданіемъ такого государственнаго строя, который дозволил бы свободно развиваться каждой изъ составныхъ частей государства. Но этотъ принципъ, единственно возможный для такого этнографически-сложнаго государственнаго организма, какъ Австрія, имѣлъ

лись весьма мало сторонниковъ среди людей, въ разное время управлявшихъ судьбами Австріи. Большинство этихъ людей никогда не умѣло стать выше избитой маккиавелловской государственной мудрости, къ тому же понимаемой узко и односторонне. Альфа и омега внутренней политики старой Австріи заключалась въ „divide et impera“, т.-е. въ австрійскомъ переводѣ: „усиливай вражду между отдѣльными народностями, создай раздоръ искусственно, гдѣ его нѣтъ, держи одну народность въ страхѣ и невольномъ нуткѣ напавши на нее другой, враждебной народности,—и абсолютизмъ правительства обезпеченъ“. Такие государственные люди, которые усматривались бы въ цѣлесообразности самой формулы, встрѣчаются въ исторіи Австріи въ видѣ крайне рѣдкихъ исключеній.

Такимъ образомъ политика старой Австріи состояла изъ ряда послѣдовательныхъ коалицій правительства съ одними народностями для борьбы съ остальными, причемъ само собою разумѣется, правительство должно было подкупить расположеніе тѣхъ народностей, на которыя оно опиралось въ каждый данный періодъ, давая имъ тѣ или другія привилегіи и преимущества, которыми остальные не пользовались. Но подъ вліяніемъ ли внѣшнихъ событій или внутреннихъ пертурбацій, отношенія политическихъ силъ въ государствѣ измѣнялись, и старая коалиція становилась невозможной: тогда правительство создаетъ новую комбинацію, вчерашніе соперники становятся опорой правительства, вчерашніе союзники—врагами; старый антагонизмъ продолжаетъ искусственно поддерживаться и усиливаться стараниями государственныхъ людей; но выгоду изъ него извлекаютъ уже не прежнія народности и личности, но другія, противъ которыхъ еще такъ недавно велась самая ожесточенная борьба.

Такова была внутренняя политика старой до-конституціонной Австріи. Принципы конституціонализма не самой сущности своей не могли согласоваться съ такой системой; поэтому старая формула должна была, помимо желанія отдѣльныхъ лицъ, уступить мѣсто новой. Но тѣмъ не менѣе старыя традиціи весьма часто оказываются сильнѣе логики, и правительство Австріи все еще иногда придерживается старины. Само собою разумѣется, что такая политика правительства оказываетъ чрезвычайно губительное вліяніе на отдѣльныя народности Австріи. Развивая въ одной народности вражду къ другой, некривляя одну въ ущербъ другой, раздавая пощадки и обѣщанія, правительство достигало лишь возможности продержаться со дня на день: государство представляло изъ себя нѣчто совершенно неоформившееся и неустойчивое, среди народностей стало развиваться недолюбіе къ правительству, къ его силѣ, къ его обѣщаніямъ, народности теряли общую идею, связующую ихъ въ одно государственное

цѣлое; въ нѣкоторыхъ окраинахъ стали развиваться центробѣжные стремленія. Болѣе сильныя и самостоятельныя народности, пользуясь періодами своего союза съ правительствомъ, старались упрочивать за собою полученныя уступки и привилегіи для того, чтобы или совсѣмъ освободиться отъ правительственной опеки (какъ, напр., мадьяры), или приобрести болѣе или менѣе прочное автономное положеніе (какъ поляки, хорваты и др.). Менѣе же сильныя народности или менѣе самостоятельныя оказывались всегда въ нападѣ: относительно нихъ правительство не считало нужнымъ церемониться; даваемыя обѣщанія болѣею частью оставались обѣщаніями, политическія уступки и привилегіи, ими полученныя отъ правительства, имѣли силу, пока правительство въ нихъ нуждалось, и тотчасъ отнимались, какъ только надобность въ нихъ миновала. Вражда между соединенными народностями все болѣе росла и усиливалась, развивая въ угнетавшей народности крайнія централистскія тенденціи, стремленіе выжать какъ можно больше пользы изъ своего временно-выгоднаго положенія, крайнюю исключительность, а въ угнетенныхъ—вражду въ угнетателей и исканіе иной внѣшней опоры своей національности.

Отношеніе правительства въ русинахъ имѣло именно такой характеръ. Когда абсолютистской Австріи нужно было браться въ Венгрію съ мадьярами, а въ Галиціи съ поляками, правительство направляло на нихъ русиновъ и словаковъ. Это повторилось периодически въ теченіе всей первой половины этого столѣтія. Особенно много шансовъ вышло на долю русиновъ въ до-революціонный періодъ, когда между абсолютизмомъ правительства съ одной стороны, и польскими и мадьярскими патриотами съ другой,—шла непрерывная глухая борьба. Во время революціи, правительство систематически направляло русинскихъ и словацкихъ крестьянъ на восставшихъ венгерцевъ, причемъ травля происходила не только въ области литературы, но проявлялась и въ видѣ самаго грубаго насилія. Въ настоящее время не трудно встрѣтить людей, которые помнятъ, какъ въ 1848 году австрійскіе чиновники спускали водной словацкихъ крестьянъ и посылали ихъ грабить и жечь имущество нѣстныхъ мадьярскихъ патриотовъ. Сами русины тоже хорошо помнятъ, какъ австрійское правительство ухаживало за ними, какъ они считались опорой престола и спасителями Австріи, какъ заклятыхъ враговъ мадьяръ и поляковъ награждали чинами и орденами именно за ихъ вражду въ этихъ двухъ національностейъ. Главный обвиняемый въ львовскомъ процессѣ, гофратъ Добрянскій, игралъ въ 1848 году выдающуюся роль въ качествѣ австрійскаго военнаго комиссара при главной квартирѣ русскихъ войскъ, принадлежавшихъ въ Вен-

грѣхъ для усиленія резолюціи. Въ то время руссофилство считалось въ Австріи чуть ли не признакомъ патриотизма, и Добрянскому незатѣмъ было скрывать своей приверженности въ Россіи и ненависти къ мадьярамъ, особенно во время пребыванія русскихъ войскъ въ Венгріи. Послѣ 1848 года его имя сдѣлалось ненавистнымъ для мадьяръ; его особенно ненавидѣть за его суровое и даже, какъ утверждаютъ, безчеловѣчное обращеніе съ мадьярами, вѣзными въ плѣнъ русскими войсками во время капитуляціи при Виллагосѣ. Но съ теченіемъ зрѣнія тогдашнихъ государственныхъ людей такого именно воззрѣнія требовали интересы имперіи. Добрянскій былъ одновременно награжденъ русскими и австрійскими правительствами. То же самое повторялось нѣсколько разъ за періодъ времени 1848—67 годовъ; всякій разъ, какъ правительство начинало борьбу противъ мадьярскихъ или польскихъ автономистовъ, оно исхло и находило союзниковъ въ венгерскихъ и галицкихъ русинахъ. Но теперь прежніе способы были неудобны и правительство прибѣгло къ болѣе утонченной, но не менѣе развращающей тактикѣ: русинамъ стали покровительствовать на службѣ, давали выгодныя мѣста и награды, подстрекали ихъ противъ поляковъ. Свидѣтель Клемартевичъ, одинъ изъ со-редиторовъ львовской газеты „Слова“, главнаго органа старо-руси-ской партіи, показывается на судѣ, что въ началѣ 1860-хъ годовъ, тогдашній намѣстникъ Галиціи, гр. Менсдорфъ-Пулау явился къ нему въ редакцію и предложилъ ему усилить коленную противъ поляковъ. „Теперь какъ разъ время для того, чтобы задать баню ит. поля-камъ“ (den Hetzen Polen einheizen), выразился объ этомъ намѣстникъ. Аналогическіе факты были разсказаны на судѣ и другими сотруд-никами русинскихъ газетъ, и это сближеніе правительства съ руси-нами повторалось за конституціонный періодъ исторіи Австріи вся-кій разъ, когда оно начинало борьбу за абсолютизмъ власти про-тивъ польскихъ или мадьярскихъ автономистовъ. Благодаря этому обстоятельству у поляковъ русинской народности выработалось убѣж-деніе, что абсолютная власть австрійскаго правительства вообще обез-печиваетъ ихъ самостоятельность, въ то время, какъ ослабленіе этой власти равносильно угнетенію русинской національности. Гефратъ Добрянскій въ своей защитительной рѣчи касается общихъ причинъ, обусловливающихъ незавидное современное положеніе русиновъ. „До 1848 г.,—говоритъ онъ,—сильная неограниченная власть правитель-ства всегда могла и умѣла быть одинаково справедливой ко всѣмъ народностямъ и защищала болѣе слабыя народности отъ притѣсне-ній сильныхъ сосѣдей. Соревъ восьмой, 61-й и 67-й годы, ограничивъ власть правительства, создали конституціонныя формы правленія, т.-е. правительство большинства, которое держится только соблюде-

ніемъ интересовъ большинства и принесеніемъ ихъ въ жертву самымъ насущнымъ интересамъ меньшинства. Но въ Австріи политическія большинства—это болѣе сильные или болѣе организованныя народности, а меньшинства—менѣе численныя и менѣе сильныя. Къ числу послѣднихъ, выданныхъ со связанными руками на произволъ болѣе сильныхъ противниковъ, принадлежатъ и мы, русины<sup>4</sup>. Фактическая сторона этого замѣчанія совершенно справедлива: когда послѣ 1867-го года борьба правительства съ мадьярами и поляками сдѣлалась немислимою, русины были дѣйствительно выданы головой своимъ противникамъ. Но виноваты въ этомъ не новыя конституціонныя учрежденія, а старая политика, которой правительство все еще продолжаетъ держаться въ извѣстныхъ вопросахъ.

Въ настоящее время многолѣтняя борьба между правительствомъ и автономистами кончилась въ пользу послѣднихъ. Мадьяры пользуются въ Венгріи національною самостоятельностью въ возможно широкихъ размѣрахъ; поляки въ Галиціи достигли почти полной автономіи. Австрійское правительство имѣетъ весьма мало вліянія на внутреннее управленіе Галиціей, и поляки распоряжаются тамъ почти безконтрольно. Но именно теперь и слѣдовало бы правительству употребить свое вліяніе на внутреннія дѣла Галиціи для огражденія политической равноправности другой галицкой народности, — русиновъ. Поляки, защищая въ парламентѣ принципы автономіи отдѣльных австрійскихъ народностей, у себя дома угнетаютъ менѣе сильную русинскую народность не меньше, чѣмъ сами были прежде угнетаемы абсолютистскимъ правительствомъ, пользуясь при этомъ тѣми же средствами и той же аргументаціей, какія пускаются въ ходъ австро-нѣмецкими централистами. Давленіе происходитъ беспрестанно на всѣхъ поприщахъ политической и духовной жизни народа. 2 1/2 милліона галицкихъ русиновъ имѣютъ всего на все 3 представителей въ палатѣ депутатовъ; въ мѣстностяхъ съ сплошнымъ русинскимъ населеніемъ русинскій (малорусскій) языкъ преподается лишь въ народныхъ школахъ. Въ Львовѣ до сихъ поръ нѣтъ школы, гдѣ бы языкъ преподаванія былъ только русинскій, а между тѣмъ высшая судебная инстанція, имперскій судъ, еще года полтора тому постановилъ рѣшеніе, по которому требованіе русинами основанія такихъ школъ было признаваемо вполне согласнымъ съ основными государственными законами. Въ судахъ и администраціи русины и ихъ языкъ тоже оказывались обдѣленными. Каждый шагъ правительства, по вѣдуніи прямо и исключительно въ пользу поляковъ, а тѣмъ болѣе что-либо несогласное съ національнымъ самолюбіемъ, — будь то, напр., простое замѣщеніе чиновника поляка нѣмцемъ или русиномъ, — рассматривается господствующею партіей едва ли не какъ святотатство. Поль-

изъ въ странѣ своимъ политическимъ перевѣсомъ, поляки стараются и въ дѣлахъ церковныхъ дать перевѣсъ католической церкви въ Галиціи. Уніатская церковь, къ которой принадлежатъ огромное большинство галицкихъ русиновъ, не имѣетъ въ Римѣ своего представителя, и интересы ея, какъ незаконнаго дѣтища, принесены въ жертву политическимъ интересамъ законныхъ дѣтей католической церкви — поляковъ. Отсюда все болѣе возрастающее давленіе іезуитовъ, гонима интриги, вѣчные допросы въ Римѣ на русинскихъ священниковъ изъ-за каждой несоблюденной формальности, или якобы нововведенія въ уніатскихъ богослуженіяхъ. Въ свою очередь галицкіе іезуиты, прикрываясь маской національных благодѣтелей и спасителей, преслѣдуютъ свои чисто орденскія цѣли; такъ, въ недавнее время они основали въ Галиціи орденъ, которые ставятъ собою цѣлью открытіе школы „для воспитанія русинскаго юношества въ вѣрности престолу и въ уваженіи къ католической религіи“. Для этой цѣли они получили даже, какъ видно изъ недавней рѣчи русинскаго депутата Куличковскаго, 10,000 гульденовъ субсидій отъ галицкаго сейма, не смотря на то, что фонды страны далеко не въ блестящемъ положеніи.

Борьба народностей до того обострилась, что всякая уступка, малая попытка къ разумному соглашенію считается каждой изъ сторонъ неизмѣнно знаменемъ. Стоить только прислушаться къ тому, что говорятъ другъ о другѣ даже лучшіе представители каждой изъ этихъ національностей, чтобы ясно увидѣть невозможность компромисса, не крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ. Вопли естественны, что русинская партія, не видя благоприятнаго исхода изъ этой неравной борьбы, не находя защиты и покровительства въ австрійскихъ правительствѣ и потерявъ надежду вернуть старые до-конституціонные порядки, ищетъ друзей внѣ Австріи и возлагаетъ надежды на страну, наиболѣе близкую имъ по племениному родству, по языку и по культурѣ. Такую страну они видятъ въ Россіи и надежныхъ друзей они думаютъ найти въ русскихъ славянофилахъ. — Еще въ 1861 году, старо-русинская партія или, какъ ее называютъ, партія св. Георгія, стала особенно энергически стремиться къ сближенію съ русскими славянофилами и съ славянскими благотворительными комитетами. Сближеніе это происходило преимущественно на почвѣ литературы и журналистики, а также на почвѣ религіозной. Подсудимый г. Наумовичъ вполне откровенно признаетъ, что пропаганда православія и критика уніатства велась имъ и другими русинами съ единственной цѣлью навугать римскую курію и приводить къ латинизированію края іезуитами и ресуррекціонистами. На почвѣ литературы старо-русины стараются переработать



народный малорусскій языкъ въ языкъ болѣе сложный съ великорусскимъ (т.-е. вѣрнѣе, дѣлаютъ изъ того и другого уродливую помѣсь) и знакомили русинскихъ читателей съ русской литературой вообще и съ немногочисленными произведеніями славянофильскихъ авторовъ—въ особенности. Замѣтимъ при этомъ, что вожди старо-русиновъ, какъ люди „бывалые и опытные“, не забывали себя и умѣли извлекать изъ своихъ сношеній съ славянофилами еще и порядочную долю матеріальной выгоды для себя лично: имъ удалось получить изъ Россіи какія-то пособія и стипендіи, пристраивать дѣтей своихъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, приобретать подписчиковъ для своихъ газетъ и журналовъ и получать дозволеніе на безцензурную высылку въ Россію этихъ газетъ и журналовъ, получать газетныя и вообще литературныя работы и т. д. Что касается до политическихъ выгодъ, какія они извлекали изъ этихъ связей, то объ этомъ пока никому ничего неизвѣстно, если не придавать вѣры разнымъ сенсационнымъ слухамъ польскихъ газетъ. Напротивъ, не нѣкоторымъ признакамъ можно даже заключить, что въ этомъ отношеніи они послѣднихъ двадцати лѣтъ успѣли доказать русинамъ всю безплодность тѣхъ надеждъ, которыя они возлагали на русскихъ славянофиловъ; одинъ изъ обвиняемыхъ, редакторъ „Слова“, Плондзскій, говоря о славянскихъ комитетахъ въ Россіи, не безъ горечи замѣчаетъ: „Вообще говоря, здѣсь въ Австріи привыкли придавать слишкомъ большое значеніе дѣятельности этихъ комитетовъ. Какъ здѣсь, такъ и въ Россіи ни для кого не составляетъ тайны, что эти комитеты абсолютно бездѣтельны; но временамъ они устраиваютъ чрезвычайныя собранія, на которыхъ кое о чемъ говорятъ и очень много спорятъ, но изъ которыхъ рѣшительно ничего практическаго не происходитъ“.

Таково фактическое положеніе старо-русинской партіи и отношеніе ея къ другимъ политическимъ факторамъ въ Галиціи, положеніе при которомъ, какъ мы видѣли, страдательнымъ лицомъ является больше всѣхъ сами русины. А между тѣмъ, на этихъ-то фактахъ австрійская администрація въ Галиціи сумѣла воздвигнуть длинный рядъ самыхъ грандіозныхъ и фантастическихъ подозрѣній, на основаніи котораго австрійская прокуратура посмѣшила обвинить вождей партіи св. Георгія въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ и требовать смертной казни ихъ. Австрійскому правительству не могло быть пріятнымъ заготѣніе галицкихъ русиновъ въ Россію и ихъ симпатія къ славянофиламъ; но во-первыхъ австрійскій подданный возмужавъ не обязанъ по закону дѣлать только пріятное канцеляріямъ, а во вторыхъ—пока эта симпатія и заготѣніе носятъ столь платоническій характеръ, что никакъ не могутъ представлять серьезной опасности ни для австрійскаго правительства, ни для дѣлости

австрійской территоріи. Если же, не смотря на это, обвинительная часть рѣшилась выступить противъ русиновъ съ такимъ тяжкимъ обвиненіемъ, то это произошло по двумъ причинамъ: во-первыхъ, обвиненіе касалось не уголовного, но политическаго преступленія, а въ политическихъ процессахъ всё вообще прокуроры склонны дѣйствовать легкомысленно, не запасшись предварительно достаточнымъ количествомъ доказательствъ и рассчитывая на политическія симпатіи и антипатіи извѣстной части самого общества и на дѣйствіе страшныхъ словъ въ родѣ: „цѣлость имперіи“, „государственная необходимость“ и т. под. Во-вторыхъ, слѣдуетъ замѣтить, что какъ органы администраціи, расслѣдовавшіе дѣло русиновъ, такъ и всѣ юсти органы прокуратуры и вообще судебной власти, дѣйствовавшіе въ процессѣ, принадлежатъ къ польской національности и по этому одному заранее предрасположены смотрѣть враждебно на русиновъ и видѣть государственную измѣну въ каждой попыткѣ послѣднихъ къ національной самостоятельности. Поляки еще не забыли прежнихъ временъ, когда австрійское правительство угнетало и унижало ихъ, предоставляя русинскимъ чиновникамъ властвовать въ странѣ, а теперь именно и представлялся случай унечъ какъ разъ прежнихъ враговъ; поэтому-то польская администрація и польская прокуратура поспѣшили вѣзвать это дѣло, не имѣя даже въ рукахъ достаточныхъ доказательствъ.

И дѣйствительно, рѣдко приходится слышать или читать о процессѣ (не исключая даже политическихъ), гдѣ бы обвиненіе было построено на такихъ слабыхъ доказательствахъ, и гдѣ бы результаты судебного слѣдствія такъ мало подтвердили тяжкія обвиненія, пришедшими обвинительнымъ актомъ. Не задаваясь цѣлью прослѣдить весь ходъ и всѣ пункты обвиненія, ограничусь нѣсколькими примѣрами.

Поводомъ къ началу слѣдствія по этому дѣлу послужило такъ-называемое гниличское дѣло, заключавшееся въ томъ, что крестьянская община заявила желаніе перейти изъ униатства въ православіе; среди крестьянъ другой деревни, Збаража, обнаружилось то же самое стремленіе. Польскія власти перепугались, послали слѣдователей, и оказалось, что на рѣшеніе гниличскихъ крестьянъ повліялъ скалатскій священникъ, от. Наумовичъ, одинъ изъ столповъ партіи св. Киріи, и редакторъ „Слова“, Площанскій. Замѣтимъ, что свобода исповѣданій гарантирована австрійской конституціей, такъ что каждый австрійскій подданный воленъ перейти въ какое угодно исповѣданіе или даже объявить себя состоящимъ внѣ всякаго исповѣданія (confessionslos). Между тѣмъ, обвинительная власть поставила это дѣло въ такомъ свѣтѣ, какъ будто бы переходъ

въ православіе (или, какъ вообще католики говорятъ, въ „схизму“) самъ по себѣ уже заключалъ нѣчто противузаконное и противугосударственное <sup>1)</sup>. Судебное слѣдствіе вполне выяснило, что гниличское и збаражское дѣло началось не по инициативѣ интеллигенціи русинской, но вслѣдствіе недовольства крестьянъ мѣстными уніатскими священниками Костецкими; что первую мысль перейти въ православіе подавъ крестьянамъ сосѣдній помѣщикъ, гр. Делла-Скала, не принадлежащій къ русинской народности и не имѣющій ничего общаго съ старо-русинской партіей; только впоследствии, когда переходъ въ православіе былъ вслѣдствіемъ рѣшенъ крестьянами, е. Наумовичъ и Площанскій дали имъ нѣсколько совѣтовъ, касавшихся лишь необходимыхъ формальностей. Нѣтъ сомнѣнія (да этого не скрывали и сами Наумовичъ и Площанскій), что старо-русины, помогая крестьянамъ въ ихъ попыткахъ перейти въ православіе, руководствовались политическими мотивами: съ одной стороны, это было угрозой Риму и иезуитамъ, съ другой—они думали сдѣлать пріятное своимъ друзьямъ, русскимъ славянофиламъ; но какіе бы мотивы ни руководили ими, въ ихъ дѣйствіяхъ не заключалось ничего противугосударственнаго. Въ этомъ согласны были и судьи, и присяжные, такъ что четыре подсудимыхъ, привлеченныхъ по поводу гниличскаго дѣла, от. Наумовичъ, Площанскій и крестьяне Шлуандеръ и Залусскій были оправданы по обвиненію въ государственной измѣнѣ и присуждены только по обвиненію въ нарушеніи общественнаго спокойствія къ сравнительно легкимъ наказаніямъ: о. Наумовичъ — къ 8 мѣсяцамъ тюрьмы, Площанскій — къ 5, Шлуандеръ и Залусскій — къ 3 мѣсяцамъ. Что касается самихъ крестьянъ, то судебное слѣдствіе неопровержимо доказало, что ихъ стремленіе къ переходу въ православіе лишено всякой политической или даже религіозной подкладки и вызвано чисто мѣстными причинами, какъ-то: самоуправствомъ мѣстныхъ уніатскихъ священниковъ и т. п. <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Не лишено интереса, что большинство присяжныхъ дѣйствительно считали православіе недоузданной въ Австріи „схизмой“, и чрезвычайно удивились, когда свидѣтель о. Митрофановичъ объяснилъ имъ, что въ Австріи живетъ нѣсколько миллионовъ православныхъ; что переходъ въ православіе не заключаетъ въ себѣ ничего противузаконнаго; что главой православной церкви въ Австріи считается не русскій императоръ, какъ думаетъ большинство поляковъ, но австрійскій; что въ Австріи существуютъ два православныхъ митрополита и т. д. Изумленіе присяжныхъ было велико, и по вопросамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ видно было, что они не вполне доверили объясненіямъ о. Митрофановича!

<sup>2)</sup> Для характеристики взглядовъ крестьянъ на этотъ предметъ, не безинтересны нѣкоторыя прошенія ихъ, прочтенныя на судѣ. Въ одномъ изъ этихъ прошеній крестьяне села Зарѣччя жалуются на то, что приходъ ихъ слишкомъ великъ и потому просятъ разрѣшенія перейти въ православіе; если же начальство не най-

Дальнѣйшій пунктъ обвиненія, касающійся расслѣдованія и снятія вѣнскихъ съ австрійскихъ укрѣпленій, оказался настолько бездоказательнымъ и смѣшнымъ, что прокуроръ принужденъ былъ отказаться его поддерживать. Другое обвиненіе, въ анти-австрійской пропагандѣ среди народа, также не было доказано на судѣ; это обвиненіе было построено на данныхъ о разговорахъ г. Наумовича и о. Третяцкаго съ крестьянами, въ которыхъ первые ясно выказывали свое дружеское расположеніе къ Россіи, а, можетъ быть, и платоническое желаніе, чтобы восточная Галиція перешла въ Россію. Даже напротивъ, на судѣ совершенно ясно обнаружилось, до какой степени старо-русины, благодаря изобрѣтенному ими языку, отрицали себѣ возможность сближенія съ народомъ и широкаго вліянія на него. Слуга Добрянскаго, русинъ, показывается въ качествѣ свидѣтеля, что его господинъ часто велъ разговоры съ своими гостями, Наумовичемъ, Плоцанскимъ и др. „О чемъ они разговаривали?“ — спрашиваетъ предсѣдатель. „Я не понималъ ихъ разговоровъ“. „Да нѣтъ они же говорили по-русински!“ „Да, они говорили на русинскомъ языкѣ, но на *другомъ* русинскомъ языкѣ, котораго я не знаю“.

Затѣмъ слѣдуетъ главное обвиненіе въ составленіи тайнаго общества съ цѣлью отдѣлаться отъ Австріи,—обвиненіе, касавшееся почти всѣхъ подсудимыхъ, главнымъ же образомъ—Добрянскаго и Наумовича. По этому пункту все обвиненіе построено опять не на раскрытыхъ фактахъ, но на свѣдѣніяхъ, собранныхъ негласнымъ путемъ, донесеніяхъ полиціи и вообще административныхъ учреждений, случайныхъ доносахъ и, наконецъ, остроумныхъ догадкахъ.

Главный матеріалъ свой относительно Добрянскаго обвинительная власть черпала изъ записки венгерскаго министра-президента Тиссы, которую послѣдній послалъ судебному слѣдователю для характеристики Добрянскаго. Тисса зналъ его лично во время его дѣятельности въ Венгріи въ теченіе 1848—67 г., т.-е. въ то время, когда Добрянскій считался усерднымъ австрійскимъ чиновникомъ и занимался укрощеніемъ мадьярскихъ автономистовъ. Если съ одной стороны вспомнить репутацію, приобрѣтенную Добрянскимъ въ Венгріи, а съ другой—принять во вниманіе, что Коломанъ Тисса—одинъ изъ самыхъ рьяныхъ поборниковъ независимой Венгріи, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что замѣтка его полна голословныхъ обвиненій и смѣлыхъ бездоказательныхъ обобщеній. У Добрянскаго собирается много русиновъ, слѣдовательно, онъ организуетъ тайное общество; Добрянскій покупаетъ большое имѣніе, слѣдовательно, онъ

для возможнаго разрѣшить имъ это, они просятъ позволенія *перейти изъ католическую церковь*.

приобрѣлъ его на деньги, полученныя отъ славянофиловъ; Добрянскій ведетъ переписку съ Россіей, слѣдовательно, онъ конспирируетъ противъ Австріи и т. д. Совершенно справедливо замѣтилъ Добрянскій, что еслибы Тиссъ пришлось дать свои показанія на судѣ подъ присягой, то они существенно разнились бы отъ того, что онъ говоритъ въ своей замѣткѣ. Такихъ же пристрастій и бездоказательностью отличаются свѣдѣнія о подсудимыхъ и ихъ предполагаемой дѣятельности, доставленныя польскою администраціей въ Галиціи<sup>1)</sup>.

Судебное слѣдствіе выяснило, что большинство подсудимыхъ имѣетъ симпатіи къ Россіи и стоитъ въ болѣе или менѣе тѣсныхъ сношеніяхъ съ русскими славянофилами; что они изъ этой дружбы и сношеній извлекаютъ также нѣкоторую долю матеріальной пользы. Но каковы бы ни были симпатіи и антипатіи подсудимыхъ и каково бы ни было ихъ нравственное достоинство, въ ихъ поступкахъ нельзя найти ничего противузаконнаго. Мало того, процессъ ясно показалъ всю слабость старо-русинской партіи и всю безнадежность ея политическихъ стремленій, основанныхъ не на тѣсной связи съ народомъ, но на вѣнскихъ связяхъ съ славянофилами и эфемерныхъ планахъ на помощь послѣднихъ. Теперь, послѣ всего того, что на процессѣ выяснилось, австрійское правительство могло вполне убѣдиться въ безопасности „панславистической“ или руссофильской агитаціи, по крайней мѣрѣ, относительно галицкихъ русиновъ.

Если бы дѣло это разсматривалось не судомъ присяжныхъ, а профессиональными судьями, т. е. опять польскими чиновниками, то

<sup>1)</sup> Для примѣра приведу нѣкоторые изъ этихъ свѣдѣній, на основаніи которыхъ прокуратура составила обвинительный актъ. Збаранскій почтмейстеръ доноситъ прокурору во время производства предварительнаго слѣдствія, что подсудимый Залусскій велъ небольшую переписку и почти не получалъ денежныхъ писемъ, но тѣмъ не менѣе „онъ—пройдоха, который дѣйствуетъ осторожно“. Окружной начальникъ въ Станиславовѣ пишетъ въ своемъ донесеніи о подсудимомъ Ничаѣ, что обыскъ у него не раскрылъ ничего подозрительнаго, но на это положиться нельзя: „Ничай такъ ловко ведетъ свою руссофильскую агитацію, что его никакъ поймать нельзя“. Австрійскій офицеръ Лозинскій, полякъ родомъ, ѣдетъ въ одномъ вагонѣ съ Добрянскимъ и замѣчаетъ, что послѣдній на каждой почти станціи выходитъ изъ вагона и на дебаркадерѣ здоровается и разговариваетъ съ разными лицами, „даже съ евреями“. Лозинскій чувствуетъ государственное преступленіе и немедленно доноситъ о своихъ наблюденіяхъ самборскому окружному начальнику; послѣдній въ своемъ отчетѣ сообщаетъ полученныя свѣдѣнія въ канцелярію замѣстника, прибавивъ къ нимъ свое собственное заключеніе: „Гофратъ Добрянскій, между невниманными разговорами разспрашивалъ Лозинскаго о положеніи дѣлъ въ Босніи и Герцеговинѣ; это обстоятельство является особенно подозрительнымъ въ виду того, что Добрянскій, какъ русинъ, могъ собирать эти свѣдѣнія съ цѣлью предать ихъ русскому правительству“, и т. д.!

не подлежит ни малѣйшему сомнѣнію, что послѣдніе отнеслись бы къ дѣлу такъ же пристрастно и односторонне, какъ чиновники, производившіе слѣдствіе, и приговоръ былъ бы совершенно иной. Даже теперь, при полной публичности дѣла, члены суда и въ особенности председатели не могли скрыть своего пристрастного отношенія къ дѣлу: подсудимыхъ постоянно останавливали; одному изъ трехъ защитниковъ, Искрицкому, запретили веденіе защиты, когда процессъ былъ доведенъ до половины; не смотря на протестъ подсудимыхъ, на судѣ были прочитаны документы и допрошены свидѣтели, о которыхъ не было упомянуто въ обвинительномъ актѣ; вообще председатель суда не упускалъ случая заявить свою солидарность съ обвинительной властью. Но присяжные, хотя большинство ихъ были поляки, низвели всѣ пункты обвиненія до ихъ истиннаго значенія и оправдали всѣхъ подсудимыхъ, кромѣ четырехъ, признанныхъ виновными въ „нарушеніи общественнаго спокойствія“ (т.-е. въ распространеніи слуховъ о близкомъ присоединеніи Галиціи къ Россіи).

Однако, мы въ приговорѣ находимъ одну кажущуюся несообразность. Всѣ 11 подсудимыхъ были оправданы по обвиненію въ государственной измѣнѣ; а между тѣмъ, на вопросъ о виновности дочери Добрянскаго, Ольги Грабаръ, въ знаніи и недонесеніи о дѣйствіяхъ, заключающихъ въ себѣ государственную измѣну, присяжные единогласно отвѣтили: „да, виновна, но не подлежитъ наказанію, вслѣдствіе родства съ преступникомъ“. Такимъ образомъ оказывается, что подсудимые невиновны въ государственной измѣнѣ, тѣмъ не менѣе это преступленіе было совершено. Кто же, совершилъ его?

Для объясненія этой нелогичности замѣтимъ, что переписка между обвиняемыми старо-русинами съ одной стороны и русскими славянофилами съ другой—велась не непосредственно, но черезъ сына Добрянскаго, Мирослава, находившагося уже нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ и не временамъ пріѣзжавшаго въ Галицію; вся же переписка Мирослава велась на имя его сестры, Ольги Грабаръ. Логическій выводъ, вытекающій изъ приведенной части приговора тотъ, что присяжные находятъ М. Добрянскаго виновнымъ въ государственной измѣнѣ, а сестру его въ недонесеніи объ этомъ преступленіи,—и если это не было сформулировано такимъ образомъ, то только потому, что австрійское законодательство не допускаетъ заочнаго рѣшенія въ уголовныхъ дѣлахъ.—Обвинительный актъ придаетъ дѣйствиительно весьма важное значеніе агитаціонной дѣятельности М. Добрянскаго; и на судебномъ слѣдствіи этой дѣятельности было посвящено не мало времени; но то, что вполне выяснилось на судѣ,

никоимъ образомъ не можетъ служить доказательствомъ его виновности въ этомъ преступленіи. Выяснилось, напримѣръ, что онъ—членъ славянскаго благотворительнаго комитета въ Петербургѣ, но насколько намъ извѣстно, этотъ комитетъ вовсе не ставитъ собою соціальной цѣлью гибель Австріи, и поэтому одно участіе въ немъ не можетъ быть признано государственной измѣной. Къ тому же М. Добрянскій своей перепиской и своей „агитационной“ поѣздкой преслѣдовалъ совсѣмъ другія цѣли, гораздо болѣе современныя, нежели нѣсколько уже устарѣвшія славянофильскія самоуслажденія. Его цѣль заключалась въ полномъ и всестороннемъ изученіи современнаго положенія социализма, въ качествѣ ученаго и сотрудника „откровенныхъ“ газетъ. Для этого онъ избралъ нѣсколькихъ своихъ соотечественниковъ, вѣнскаго студента Влад. Наумовича, редактора русинскаго журнала „Другъ дѣтей“ Трембицкаго и др., которые за определенное мѣсячное жалованье помогали ему въ его ученыхъ изслѣдованіяхъ, реферирова о положеніи социализма и истонахожденіи социалистовъ. Жалованье платилось небольшое (одному 50 р. въ мѣсяцъ, другому 20 р. и т. д.), но высылалось весьма аккуратно. Въ одномъ письмѣ М. Добрянскій увѣряетъ, что „если будутъ оказаны хорошія услуги, то будетъ хорошо заплачено“. Такимъ образомъ мы видимъ, что дѣло стояло на чисто научной почвѣ. Возможно, впрочемъ, что Добрянскій, отправляясь въ Галицію, имѣлъ въ виду двойную цѣль, т.-е. заготовить нужными помощниками для „изученія социализма“ и въ то же время собрать данныя для „панславистскаго комитета“ о „нашихъ братьяхъ“ въ Галиціи. Но участвовалъ ли комитетъ въ расходахъ по изученію социализма и къ какимъ результатамъ пришелъ М. Добрянскій,—этотъ вопросъ на судѣ не выяснился. Можетъ быть, впрочемъ, что онъ сообщитъ намъ эти и другія интересныя свѣдѣнія въ своихъ ученыхъ трудахъ, если только онъ когда-нибудь ихъ опубликуетъ.

Разъ таинственная поѣздка и переписка М. Добрянскаго объясняются такъ удовлетворительно его научной любознательностью, обвиненію въ государственной измѣнѣ рѣшительно не на чемъ держаться. И нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что если бы онъ былъ пригнанъ къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, присяжные оправдали бы и его по всѣмъ пунктамъ обвиненія.

Оправдательный приговоръ, произнесенный поляками-присяжными въ львовскомъ процессѣ, составляетъ формальное осужденіе того пристрастнаго и враждебнаго отношенія, какое выказано по этому дѣлу какъ со стороны польскихъ органовъ печати, такъ и со стороны судебныхъ и административныхъ властей въ Галиціи. Но кромѣ этого, мы имѣемъ право сдѣлать изъ этого приговора и другой выводъ,

иціоній вполнѣ положительный характеръ. Онъ доказалъ, что при всей кажущейся ожесточенности національной борьбы въ Галиціи, она касается преимущественно извѣстныхъ кружковъ людей, прямо заинтересованныхъ въ этой борьбѣ, какъ-то журналистовъ, чиновниковъ, политиковъ и др.; въ массѣ же общества, если національная вражда и существуетъ, она не настолько сильна, чтобъ заглушить чувство справедливости и безпристрастія къ политическому противнику.

Въ началѣ августа вѣнское общество было чрезвычайно извѣщено извѣстіями о покушеніи, произведенномъ въ Триестѣ во время открытія выставки, 2 августа. Читателямъ, конечно, уже извѣстны подробности этого дѣла, насколько по крайней мѣрѣ объ этомъ говорилось въ газетахъ. Не смотря на всѣ старанія властей, до сихъ поръ не открыты ни непосредственные виновники покушенія (т.-е. лицо или лица, которыя кинули бомбу), ни даже ихъ связь съ партией австро-итальянскихъ ирредентистовъ. Но если принять, во вниманіе съ одной стороны, что бомба была кинута въ моментъ открытія выставки (къ которой ирредентисты относились враждебно изъ національно-политическихъ и національно-коммерческихъ мотивовъ), а съ другой—что она была кинута прямо въ ряды извѣстнаго своимъ австрійскимъ патріотизмомъ „союза ветерановъ“, то не остается сомнѣнія, что покушеніе было сдѣлано съ политической цѣлью.

Въ первый моментъ въ здѣшнихъ политическихъ сферахъ сильно опасались возникновенія всякаго рода осложнений, революціонныхъ, дипломатическихъ, коммерческихъ и др.; но прошли первые моменты негодованія и страха, и къ этому прискорбному событію стали относиться спокойнѣе. Въ самомъ Триестѣ этому успокоенію не мало содѣйствовалъ тактъ правительственныхъ органовъ. Первая недѣля послѣ покушенія была, непрерывнымъ рядомъ шумныхъ патріотическихъ демонстрацій, направленныхъ противъ ирредентистовъ и сопровождавшихся драками, погромами ирредентистскихъ редакцій, кафе и даже частныхъ домовъ; триестскіе охранители, австрійская партія городского совѣта, испугавшись этихъ демонстрацій, потребовали отъ магистрата Триеста объявленія осаднаго положенія, массовыхъ обысковъ и пр. Магистръ отвѣтилъ отрицательно, подкрѣпляя свой отказъ тѣмъ, что принятіе чрезвычайныхъ мѣръ въ подобный моментъ всеобщаго возбужденія скорѣе всего можетъ усилить озлобленіе въ обѣихъ партіяхъ и довести дѣло до уличной войны. Фактъ доказалъ, что онъ былъ правъ: теперь порядокъ восстановленъ безъ всякихъ экстраординарныхъ мѣропріятій, и если со стороны ирредентистовъ не будетъ новыхъ вызововъ, политическую часть этой пе-



чальной исторіи можно будетъ считать оконченной; на-дняхъ происшедшій захватъ новыхъ разрывныхъ бомбъ и прокламацій, на бывшемъ изъ Венеціи пароходѣ, облегчилъ только расслѣдованіе виновниковъ покушенія 2 августа, но не могъ уже снова возбудить прежнихъ уличныхъ беспорядковъ.

С. К.

## РИМЪ И АБРУЦЦЫ.

Изъ археологическаго путешествія по Италіи \*).

### I.

Римъ въ 1880 г. — Главное управленіе по дѣламъ археологическихъ раскопокъ и музеевъ Италіи. — Встрѣчи съ римскими учеными. — Сборы въ дорогу. — Посѣщеніе города Чивита-Кастеллана. — Терини.

Въ началѣ семидесятихъ годовъ, политическое преобразованіе Италіи еще не успѣло сильно измѣнить старой, тысячелѣтними созданной наружности Рима; но по мѣрѣ того какъ ненавидимые Ватикану „узурпаторы“ укрѣплялись въ Римѣ, физіономія города стала измѣняться съ поразительной быстротою. Всего шесть лѣтъ прошло между моимъ первымъ и вторымъ посѣщеніемъ Италіи, а какъ многого уже нѣтъ теперь въ Римѣ изъ того, что мы видѣли раньше, и какъ поразительно-много новаго появилось здѣсь въ этотъ короткій промежутокъ времени! Королевская резиденція быстро сбрасываетъ съ себя неприглядныя лохмотья папскаго Рима и спѣшитъ хотя до нѣкоторой степени приблизиться къ другимъ столицамъ Европы въ отношеніи блеска, красоты и богатства своихъ формъ.

Не говоря о тѣхъ, кто еще на долгихъ вѣзжалъ въ Римъ чрезъ Porta del Popolo, даже путешественники, не бывшіе здѣсь лѣтъ десять, съ изумленіемъ встрѣтятъ теперь этотъ новый городъ, эту Roma Nuova, какъ называютъ въ настоящее время цѣлый рядъ кварталовъ, возникшихъ на Эсквилинѣ и на смежныхъ съ нимъ возвышеніяхъ и

\*) Настоящая статья имѣетъ связь съ рассказами автора объ его археологическихъ странствіяхъ и изученіяхъ въ южной Италіи, напечатанными въ „Вѣстникѣ Европы“ прошлаго года. Ред.

люцинахъ. На мѣстѣ прежнихъ овощныхъ огородовъ, виноградниковъ и большихъ пустырей, по которымъ спокойно прогуливались коровы и козы, на мѣстѣ этой захолустной деревни, существовавшей въ стѣнахъ большого города, теперь стелются широкія, правильныя, по строго выдержанному плану вытянутыя улицы, колоссальныя дома съ зеркальными окнами, изящныя кафе, рестораны, магазины и проч. Смотря на постоянное движеніе по новорожденной Via Nazionale, идущей теперь по этимъ прежде пустыннымъ мѣстамъ вплоть до Корсо, едва вѣришь своимъ глазамъ: какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ назадъ здѣсь ничего этого не было, работы по разчисткѣ Эсквилина только начинались и лишь кое-гдѣ возводились остовы нѣвышнихъ корпусообразныхъ, много-этажныхъ и много-оконныхъ громадъ.

Несомнѣнно, что никакой другой городъ не преобразовывался такъ быстро, и едва ли въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ строительная компанія отличалась такой лихорадочной посѣпностью въ своихъ операціяхъ, какъ въ этомъ Новомъ Римѣ.—Не столь радикально и не такъ скоро, но измѣняется внѣшность и прочихъ окраинъ города.

Полицейскія правила, едва извѣстныя въ старомъ Римѣ, начинаютъ теперь входить въ силу и налагать печать однообразія и порядка повсюду, причиняя этимъ много горя большинству природныхъ римлянъ и тѣмъ изъ иностранцевъ-художниковъ, которые, живя здѣсь давно, привыкли считать Римъ своимъ городомъ и гдѣ теперь стало и шумно, и тѣсно, и дорого, и далеко не такъ свободно какъ прежде. Многіе изъ нихъ не вынесли новаго режима и навсегда выѣхали отсюда, переселившись въ Брюссель, Парижъ, Мюнхенъ или же въ глухія провинціи Италіи. Мы видѣли одного нѣмецкаго живописца, который, послѣ многихъ лѣтъ жизни въ Римѣ, перенесъ свою студию на островъ Капри.

Новыя времена, естественно, должны были отозваться большими перемѣнами въ ходѣ римскаго просвѣщенія, римской науки и, что лично меня интересовало болѣе, въ характерѣ римской археологіи. Изъ очерченной нами прежде исторіи нѣмецкаго археологическаго института видно, что это учрежденіе было главнымъ центромъ учености этого рода,—центромъ, съ которымъ не могла соперничать ни латинская академія, ни какое другое ученое общество. Съ водвореніемъ здѣсь новаго правительства, археологія получаетъ характеръ государственной науки: учреждается главное управленіе по дѣламъ археологическихъ раскопокъ и музеевъ Италіи (Direzione Generale degli Scavi di Antichità e de' Musei), вся страна дѣлится на множество мелкихъ округовъ съ правительственными инспекторами, на обязанности которыхъ лежитъ слѣдить за ходомъ раскопокъ и за всѣми

открытіями и доводить о нихъ до свѣдѣнія главнаго управленія. Последнее, въ свою очередь, помѣщаетъ эти отчеты въ специальномъ ежемѣсячномъ изданіи: *Notizie degli Scavi di Antichità*. Учреждены новыя штаты служебнаго персонала по вѣдомству государственныхъ древностей и музеевъ, составлены и изданы новыя правила относительно метода раскопокъ и пр. Все это потребовало новыхъ издержекъ, и потому правительство обложило всѣ музеи и собранія древностей, составляющія собственность государства, пошлиной — по франку съ каждаго посѣтителя <sup>1)</sup>. Свободный входъ отнесенъ теперь лишь на воскресенья и нѣкоторые большіе праздники. Исключеніе сдѣлано только для ученыхъ и художниковъ, которые по прежнему пользуются правомъ посѣщать всѣ учрежденія подобнаго рода безъ всякой платы.

Во главѣ этого вѣдомства сталъ уже извѣстный намъ сенаторъ Джузеппе Фиорелли, переселившійся изъ Неаполя въ Римъ. Прошлымъ лѣтомъ (1880) намъ довелось видѣть его на этомъ новомъ посту: онъ — все тотъ же неутомимый труженикъ, не знающій, не смотря на высоту своего положенія и значительное матеріальное обезпеченіе, что такое дачная жизнь и что такое деревня лѣтомъ. И здѣсь, въ этомъ раскаленномъ Римѣ, онъ первымъ является въ свою археологическую канцелярію, и здѣсь, какъ бывало въ неаполитанскомъ національномъ музеѣ, послѣднимъ оставляетъ свой служебный постъ: сношенія съ провинціальными археологическими комиссіями, чтеніе отчетовъ о ходѣ раскопокъ, редижированіе вышеупомянутаго журнала *Notizie degli Scavi*, переписка съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, руководство раскопками, производящимися въ стѣнахъ Рима, — все это лежитъ на его отвѣтственности. Мы не говоримъ уже объ отношеніяхъ его къ туземнымъ и иностраннымъ археологамъ и ученымъ, изъ которыхъ рѣдкій, попавши въ прежній монастырь *Sopra Minerva* (гдѣ помѣщается главное управленіе) за полученіемъ билета на бесплатное посѣщеніе археологическихъ собраній и богатствъ Рима, удовольствуется бесѣдой съ немногочисленными чиновниками канцеляріи Фиорелли и не посѣтитъ самого директора въ его рабочемъ кабинетѣ.

Новую заслугу Фиорелли составляютъ усилія пробудить отъ продолжительнаго летаргическаго сна одну изъ римскихъ академій, такъ-называемую *Accademia dei Lincei*. Съ его появленіемъ въ Римѣ, это учрежденіе имѣетъ правильныя засѣданія, у него существуетъ теперь свой *дѣйствительный* литературный органъ, *Atti*.

Былъ даже слухъ, что Фиорелли вмѣстѣ съ другими итальянскими учеными намѣренъ былъ создать изъ этого учрежденія соперника

<sup>1)</sup> Посѣтители Помпей вносятъ два франка.

нѣмецкому археологическому институту, и мотивомъ этого выставялась національная ревность къ научнымъ успѣхамъ иноземцевъ. Не знаемъ, насколько справедливы эти толки, потому что слышать ихъ намъ пришлось въ кругу молодыхъ нѣмецкихъ археологовъ, путешествующихъ по Италіи; но сомнѣваемся въ успѣхѣ такого начинанія по крайней мѣрѣ для ближайшаго будущаго. Для дѣйствительнаго соперничества нужно располагать такимъ же количествомъ превосходныхъ силъ, каковымъ владѣетъ археологическая наука Германіи, не говоря уже о другихъ, иностранныхъ членахъ этого института. А этого не создашь въ такое время, когда, для объясненія сокровищъ римскихъ музеевъ студентамъ римскаго университета, министерство народнаго просвѣщенія вынуждено приглашать нѣмецкаго археолога.

Но что успѣхи капитолійскаго института симпатичны не всѣмъ мѣстнымъ ученымъ, стало для насъ яснымъ изъ недавней встрѣчи съ однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей итальянской археологіи, извѣстнымъ писателемъ іезуитомъ, отцомъ Раффаэле Гарручи. Считаю своимъ долгомъ сказать объ этомъ ученомъ здѣсь нѣсколько словъ. Продолжая изданіе памятниковъ письменности древнихъ италійцевъ, весной 1880 г. мы должны были снова отправиться въ Италію. На этотъ разъ главнымъ полемъ нашего усиленнаго изученія была центральная полоса Апеннинскаго полуострова, съ ея сабинянами, марсами, вольсками и прочими древними обитателями этой страны, изъ которыхъ каждый нѣкогда имѣлъ свою культуру, свою исторію, свой языкъ. Въ числѣ этихъ народовъ намъ необходимо было обратить вниманіе и на небольшой народецъ фалисковъ съ ихъ главнымъ городомъ Falerii (нынѣ Civitā-Castellana), жившій верстахъ въ пятидесяти на сѣверѣ отъ Рима, на границѣ Этруріи, Сабинской земли и Лація. Незначительный по своей численности, не игравшій видной роли въ древней исторіи страны и доселѣ представлявшій интересъ для историковъ Рима лишь своей приверженностью къ Этруріи, сторону которой онъ обыкновенно принималъ въ войнахъ ея съ римлянами,—этотъ народъ возбудилъ особенное вниманіе ученыхъ дѣтъ двадцать назадъ, съ открытіемъ ряда могилъ на пространствѣ между нынѣшнимъ городомъ Чивита-Кастеллана и селеніемъ Санта-Марія ди-Фаллери. Эти могилы были высѣчены въ скалистыхъ холмахъ и внутри по стѣнамъ представляли ряды нишъ, какія въ римскихъ катакомбахъ служили для погребенія умершихъ. Каждая ниша была закрыта нѣсколькими плитами изъ обожженной глины,—вотъ эти-то плиты, покрытыя надписями, вмѣстѣ съ другими остатками письменности фалисковъ, найденными въ тѣхъ же мѣстахъ, и привлекли интересъ специалистовъ.

Надписи знакомили съ языкомъ, вѣрваніями и политическою жизнью этого народа.

Честь открытія этихъ памятниковъ принадлежитъ о. Гарруччи, несомнѣнно лучшему знатоку археологическихъ богатствъ итальянскихъ провинцій, въ которыхъ онъ путешествовалъ много разъ и подолгу. Онъ первый изъ ученыхъ обратилъ вниманіе на землѣ фалисковъ и убѣдилъ ея нынѣшнихъ владѣльцевъ возобновить раскопки, начатія въ пятидесятыхъ годахъ съ корыстной цѣлью и неумѣлою рукою. Раскопки дали должные результаты, и заслуга открытія вмѣстѣ съ посильнымъ объясненіемъ фалисскихъ текстовъ остается безспорно за этимъ ученымъ <sup>1)</sup>.

Къ нему посвѣтовали намъ обратиться нѣмецкіе археологи, когда въ Римѣ мы стали наводить справки о мѣстѣ нахожденія этихъ памятниковъ и о настоящемъ ихъ владѣльцѣ. Но при этомъ они пожелали намъ особеннаго счастья въ сношеніяхъ съ ученымъ, который, по ихъ словамъ, не любитъ дѣлиться своими свѣдѣніями съ иностранцами. Подробности, сообщенныя при этомъ, были таковы, что я въ невеселомъ настроеніи духа вступалъ въ калитку дома іезуитовъ за Тибромъ, неподалеку отъ площади св. Петра, и не ожидалъ ничего хорошаго для успѣха моего дѣла. Черный крестъ Распята, висящій надъ входомъ, темная и узкая лѣстница, ведущая въ одинъ изъ верхнихъ этажей, гдѣ находилась квартира о. Гарруччи, и мертвая тишина, царившая во всемъ конвентѣ, только усиливали во мнѣ внутреннее стѣсненіе. Меня ввели въ крошечную приемную залу и заставили подождать выхода почтеннаго отца. Это ожиданіе почему-то затянулось, такъ что я уже начиналъ таготиться своимъ положеніемъ. Наконецъ, за дверью послышались чьи-то быстрые шаги и въ залу вошелъ сѣдой старикъ въ черномъ полукафтани и треугольномъ своеобразнаго покроя беретѣ. Необычная живость движеній, быстрота рѣчи и блестящіе черные глаза сразу показывали въ немъ уроженца неаполитанской провинціи.

Съ первыхъ же словъ, однако, стало для меня ясно, что мои страхи были ложны и что все полученныя мною свѣдѣнія объ этомъ ученомъ по меньшей мѣрѣ односторонни. Узнавъ о моихъ отношеніяхъ къ московскому университету, о. Гарруччи повелъ рѣчь о Москвѣ, о московскомъ археологическомъ обществѣ, о гр. Уваровѣ и ученыхъ трудахъ послѣдняго. Въ концѣ концовъ, онъ не только заявилъ сочувствіе моимъ цѣлямъ, но и выразилъ полную готов-

<sup>1)</sup> См. его статьи въ *Annali dell'inst di Corresp. Arch.* 1860, стр. 211 и слѣд., въ его сборникѣ *Dissertaz. Archeol. Roma* 1864, стр. 69 и слѣд., въ журналѣ *Civiltà Catolica*, ser. VII, vol. IX, 478 и слѣд., въ англійской *The Archaeologia*, t. XL, III p. 43 и слѣд. и его книгѣ *Sylloge inscript. Latin.* Torino 1875, p. 194 и слѣд.

ность содѣйствовать мнѣ всѣмъ, чѣмъ только можете. А это содѣйствіе было для меня тѣмъ важнѣе, что большая часть нацисей, сверхъ ожиданія, оказалась у него, въ его личномъ владѣніи, чего доселѣ не зналъ ни одинъ изъ ученыхъ, къ которымъ я обращался въ Римѣ, и поэтому я могъ приступить къ изслѣдованію оригиналовъ сейчасъ же.

Нуждаясь въ помощи рисовальщика, я попросилъ у о. Гарруччи позволенія привести съ собою моего соотечественника, художника Реймана. При звукѣ этого не-русскаго имени, лицо почтеннаго археолога вдругъ приняло суровое выраженіе и затѣмъ послѣдовалъ вопросъ: „да это русскій, а не нѣмецъ?“ Я долженъ былъ объяснить, что не-русскаго здѣсь одно имя, что онъ дѣйствительно мой соотечественникъ, давно живущій въ Римѣ и проч. Первый мой визитъ кончился приглашеніемъ придти вмѣстѣ съ моимъ помощникомъ въ тотъ же день, часовъ около пяти, послѣ ихъ братскаго обѣда и обычной итальянской сьесты (послѣобѣденный сонъ).

Въ назначенное время мы звонили въ ворота конвента, и минутъ черезъ пять послѣ экзамена, даннаго г. Рейману относительно его національности, о. Гарруччи повелъ насъ въ самый верхній этажъ зданія, туда, гдѣ, по его словамъ, хранились фалисскіе оригиналы. Зная этого ученаго, какъ владѣльца многихъ археологическихъ цѣнностей, мы ожидали, что сейчасъ увидимъ его частный музей; но каково же было наше удивленіе, когда вмѣсто того мы очутились на чердакѣ, подъ самой кровлей, гдѣ въ беспорядкѣ валялись поломанная мебель, дохмоты монашескихъ одеждъ, старія шляпы, пустыя бутылки и прочій домашній скрабъ. Отворивши маленькую дверь и введши насъ въ такую обстановку, о. Гарруччи не безъ смѣха замѣтилъ: „вотъ вамъ музей мой!“ Тутъ онъ съ грустью рассказывалъ намъ, какъ сильно пострадали его собранія древностей при конфискаціи Collegio Romano и всей прежней резиденціи іезуитовъ въ Римѣ, въ пользу новаго правительства.

— „Предметы мелкіе и рѣдкіе,—между прочимъ говорилъ онъ,—я еще храню кое-какъ у себя, въ моей комнатѣ, большіе же камни частью здѣсь на чердакѣ, частью на лѣтней нашей дачѣ въ Кастель-Гандольфо близъ Альбано. Что дѣлать? времена переменчивы“. Около десяти дней провели мы затѣмъ подъ слуховымъ окномъ этого чердака, читая и катальгируя фалисскіе камни, и хозяинъ, усердно въ ту пору работавшій надъ своимъ монументальнымъ трудомъ *Storia dell' arte Cristiana*, по нѣскольку разъ въ день приходилъ къ намъ и помогалъ своими указаніями, совѣтами и книгами <sup>1)</sup>. Познакомившись

<sup>1)</sup> Черезъ его посредство мы имѣли возможность познакомиться и съ нашимъ соотечественникомъ, о. П. О. Пирлингомъ, принадлежащимъ тому же католическому

ближе, онъ пригласилъ насъ и въ свою личную квартиру: не безъ удивленія мы смотрѣли на эту *единственную комнату*, занимаемую семидесятилѣтнимъ ученымъ, котораго знаетъ всякій, имѣющій соприкосновеніе съ римской исторіей и археологіей. Та маленькая гостинная, въ которой мы видѣли его въ первый разъ, оказалась общей пріемной для цѣлаго этажа; изъ живущихъ же здѣсь никто не имѣетъ болѣе одной комнаты. Здѣсь помѣщаются книги, которыхъ, насколько мы могли видѣть изъ корридора, раздѣляющаго эти квартиры на двѣ половины, у каждаго изъ нихъ много; рабочіе столы и конторки, гардеробъ и постель. Въ этой комнатѣ о. Гарруччи помѣщается съ своей бібліотекой, нумизматической и другими археологическими коллекціями. Смотря на эту тѣсноту квартиръ и бѣдность обстановки, нельзя было не убѣдиться въ скромности ученыхъ ордена, денежныя средства котораго, какъ говорятъ, не оставляютъ желать ничего лучшаго...

Неоднократныя бесѣды о. Гарруччи ясно показали намъ, что этотъ ученый—не сторонникъ нѣмецкихъ археологовъ, работающихъ на Капитоліѣ, особенно тѣхъ молодыхъ докторовъ, которые являются въ Италію на короткое время и спѣшатъ, по его словамъ, заявить свою эрудицію полемикой съ итальянскими авторитетами... <sup>1)</sup>

— „Эти ребята (ragazzi),—говорилъ онъ,—каждый годъ пріѣзжаютъ сюда цѣлыми компаніями и, не успѣвъ осмотрѣться во всемъ разнообразіи сокровищъ, представляемыхъ нашей страной, хватаются за первый вопросъ; дѣлая здѣсь свою ученую карьеру, они стараются удивлять своихъ профессоровъ отрицаніемъ нашихъ авторитетовъ и грубымъ обращеніемъ съ нашей итальянской наукой. Я прежде ревностно посѣщалъ собранія этого прусскаго института и печаталъ свои изслѣдованія въ его органахъ, но послѣ увидѣлъ, что въ мои лѣта не стоитъ ломать перьевъ и тратить время на препирательства съ этими ребятами“.

ордену. Уроженецъ Петербурга и воспитанникъ петербургской гимназіи, онъ еще въ ранніе юношескіе годы уѣхалъ въ Римъ слушать лекціи въ знаменитомъ Collegio Romano и, поступивъ здѣсь въ орденъ іезуитовъ, уже не имѣлъ возможности воротиться въ Россію. Въ о. Пиррингъ орденъ имѣетъ теперь дѣятельнаго ученаго. Специальность его—исторія и преимущественно русская въ ея сношеніяхъ съ Римомъ. Лѣтомъ 1880 г. онъ много работалъ въ архивахъ и бібліотекахъ Рима. Изъ печатныхъ трудовъ пользуется извѣстностью его большая монографія: *Rome et Démétrius—d'après des documents nouveaux*. Paris 1878. Изъ центра Россіи теперь мы пошлемъ ему сердечную благодарность за устройство нашихъ научныхъ дѣлъ въ римскомъ іезуитскомъ конвентѣ въ такую минуту, когда въ авторитетной помощи мы сильно нуждались.

<sup>1)</sup> Впрочемъ, кто читалъ его сочиненіе: *De' Canonici Epigrafici di Federico Ritschl* (Roma 1870) и знакомъ съ его *Sylloge inscriptionum Latinarum* (Torino 1875), тотъ знаетъ отношеніе его и къ корифеямъ нѣмецкой науки.

Мы не будемъ вдаваться въ критику приведенныхъ здѣсь словъ; для ясности скажемъ только, что этому ученому, писавшему въ теченіе пятидесяти лѣтъ литературной дѣятельности чрезвычайно много и касавшемуся въ своихъ многочисленныхъ монографіяхъ, мемуарахъ, замѣткахъ, большихъ и малыхъ сборникахъ, всевозможныхъ вопросовъ италійской, классической и христіанской археологій, естественно приходилось потомъ болѣе всѣхъ другихъ, нынѣ дѣйствующихъ, италіанскихъ ученыхъ подвергаться нападкамъ и полемика́мъ этихъ „*gagazzi tedeschi*“, изъ которыхъ каждый избираетъ для своихъ изслѣдованій обыкновенно вопросы спеціальные и небольшіе по объему и потому имѣетъ возможность разработать задачи со всею обстоятельностью и полнотою—до самыхъ мелкихъ деталей.

Съ окончаніемъ римскихъ работъ, мы должны были приготовиться къ путешествію внутрь Апеннинскаго полуострова, въ прежнія земли фалисковъ, сабинянъ, пелигновъ, марсовъ и пр. Всѣ эти мѣста лежать въ сторонѣ отъ дороги обычныхъ путешественниковъ, и потому необходимо было собрать предварительныя свѣдѣнія о характерѣ жителей и заранѣе замѣтить археологическія станціи. Здѣсь оказали намъ любезное содѣйствіе два римскіе ученые: чиновникъ главнаго управленія по дѣламъ раскопокъ, Ф. Барнабен, и членъ нѣмецкаго археологическаго института, Генрихъ Дрессель.

Зная близко тѣ провинціи, по которымъ долженъ былъ проходить мой путь, они снабдили меня подробнымъ маршрутомъ, указали мнѣ мѣстныхъ ученыхъ и антикваріевъ, помощь которыхъ могла быть для меня особенно полезной, обозначили наиболѣе интересные въ археологическомъ отношеніи пункты, которыхъ я не долженъ былъ забывать или игнорировать и т. п. Эти подробныя указанія, вмѣстѣ съ рекомендательными письмами и визитными карточками къ правительственнымъ инспекторамъ раскопокъ и начальникамъ музеевъ, такъ облегчили мою задачу, что почти все дальнѣйшее путешествіе было уже скорѣе пріятной прогулкой, чѣмъ дѣломъ болѣе или менѣе тяжелаго труда. Сверхъ всего этого, чтобы сберечь время въ предстоявшей поѣздкѣ, гг. Барнабен и Дрессель посовѣтовали мнѣ предварительно списаться съ лицами, наиболѣе для меня нужными, и просить ихъ содѣйствія въ разысканіи надписей какъ уже изданныхъ и извѣстныхъ филологической наукѣ, такъ и матеріаловъ новыхъ, почему-либо еще не появившихъ въ печать. Скорость полученія отвѣтовъ и обязательный тонъ ихъ напередъ говорили намъ, что мы будемъ имѣть дѣло съ учеными, любезными и готовыми на помощь иностранцу. Но, какъ увидимъ дальше, дѣйствительность далеко превзошла мои ожиданія.

Мнѣ оставалось обойти въ послѣдній разъ главные пункты древ-



няго Рима, сдѣлать нѣсколько прещальныхъ визитовъ и отправиться въ путь. Кто бывалъ здѣсь самъ и успѣлъ ознакомиться съ характеромъ города, гдѣ что ни шагъ, то достойное исторіи, тотъ знаетъ, какъ трудно разставанье съ Римомъ, какъ выѣздъ обыкновенно оглаживается со дня на день и какъ въ эти послѣдніе дни овладѣваетъ вами та же безпомощность, которую вы испытывали здѣсь въ вервыя недѣли вашихъ антикварскихъ и художественныхъ увлеченій...

Но время не ждало и оставить великій городъ было необходимо.

Слѣдуя маршруту, мы должны были отправиться прежде всего въ землю фалисковъ, лежавшую между горою Сорактомъ на В. и Циминскимъ озеромъ (нынѣ Lago di Vico) на З. и занимаемую нынѣ городомъ Чивита-Кастеллана и окрестными селеніями, принадлежащими къ римской провинціи. Между разными путями, ведущими въ эту мѣстность, наиболѣе короткій—по римско-флорентинской желѣзной дорогѣ до станціи Боргетто и оттуда влѣво—съ почтой.

Городъ расположенъ на высокомъ волнообразномъ плато; бѣдный на видъ, онъ представляетъ для ученаго интересъ болѣе окружающихъ его холмами, которые въ своихъ могилахъ должны скрывать остатки давняго прошлаго этихъ мѣстъ. Но къ сожалѣнію матеріальная скудость и недостатокъ мѣстныхъ интеллигентныхъ силъ до сихъ поръ препятствуютъ не только дальнѣйшему изученію этихъ холмовъ въ археологическомъ отношеніи, но и служатъ причиной нерадѣнія къ тому, что уже открыли случай и счастье чужихъ ученыхъ, въ родѣ о. Гарруччи.

Синдизъ города, къ которому мы обратились за содѣйствіемъ въ указаніи могилъ, разрытыхъ двадцать лѣтъ назадъ, вынужденъ былъ сознаться, что едва ли кто-нибудь изъ мѣстныхъ жителей способенъ помочь имъ въ этихъ исканіяхъ... „Наша муниципія, замѣтилъ онъ, употребляетъ всѣ усилія на то, чтобы имѣть исторію своего города, но доселѣ существуетъ одна брошюра г. Тарквини, написанная дилеттантомъ и весьма поверхностно“. Справка съ этой попыткой на исторію <sup>1)</sup> хотя и не привела насъ ни къ чему, такъ какъ, повидимому, внѣ цѣлей автора было заниматься подробно вопросомъ объ интересовавшихъ насъ фалисскихъ гробницахъ, но все же нельзя отрицать относительныхъ достоинствъ этой книжки, написанной человекомъ, не принадлежащимъ къ классу ученыхъ и руководимымъ въ своемъ трудѣ любовью къ своему отечественному городу и уваженіемъ къ его многовѣковой исторіи.

Впрочемъ, какъ бы то ни было, но намъ пришлось отыскивать

<sup>1)</sup> Francesco Tarquini, Notizie Istoriche e Territoriali di Cività Castellana 1874.

фалисское кладбище самимъ, при помощи лишь карабиньера, данного спидомъ въ наше распоряженіе, и одного молодого человѣка, г. Даль-Фрате, учителя рисованія мѣстной школы, приглашеннаго нами для сниманія рисунковъ.

Фалисскія могилы найдены въ полуверстѣ отъ Чивитѣ-Кастеллана за мостомъ Террано (ponte Terrano) по обѣимъ сторонамъ дороги, ведущей въ Санта-Марія ди-Фаллери. Слѣдуя топографическому описанію, составленному о. Гарруччи, мы долго ходили по указанной мѣстности и, въ концѣ-концовъ, нашли здѣсь утѣшительнаго весьма мало. Половина могилъ употреблена на починку шоссеиной дороги, причемъ, разумѣется, погибли и надписи, высѣченныя и нарисованныя по стѣнамъ усыпальницъ. Другія служатъ для пригона ковъ и овецъ въ холодное время года: загрязненныя и темныя, эти могилы не представляли для изслѣдованія никакой возможности. Третьи—сыры и росли ползучими растеніями, такъ что оставаться въ нихъ долго было не безопасно. Четвертыя обращены во временныя сараи и служатъ для храненія соломы и сноповъ не за долго передъ тѣмъ сжатаго хлѣба. Наконецъ, нѣкоторыя изъ нихъ находились въ состояніи полнѣйшаго разрушенія.

При такихъ обстоятельствахъ, работа была невозможна и потому найденное нами на этомъ кладбищѣ было столь мало по своему числу и такъ незначительно въ качественномъ отношеніи, что едва ли стоитъ и упоминанія.

Будущій изслѣдователь древности этихъ мѣстъ, если таковой найдется между нашими молодыми археологами, долженъ будетъ остаться здѣсь на болѣе продолжительное время, чтобы прислушаться къ толкамъ престолюдиновъ о разныхъ случайныхъ находкахъ, слѣдить мѣсто ихъ открытія и пр. Это чисто народное руководство приводитъ въ Италіи нерѣдко къ поразительнымъ результатамъ.

Дѣлаемъ это замѣчаніе потому, что и два наши вышеуказанные спутника, карабиньеръ и учитель элементарной школы, послѣ неудачныхъ поисковъ въ сторону ponte Terrano указывали намъ на необходимость обслѣдованія холмовъ, съ другихъ сторонъ обрамляющихъ городъ: по ихъ словамъ, тамъ на разныхъ высотахъ существуютъ извѣстанія, похожія на буквы. Тщательному изученію должна быть подвергнута и территорія селенія Санта-Марія ди-Фаллери, находящагося на мѣстѣ Municipium Faliscum, основаннаго римлянами (въ 515 г. города) съ цѣлю выселенія покоренныхъ фалисковъ изъ ихъ неприступной твердыни Фалерій, которую съ тѣхъ поръ римляне заняли своими колонистами. Обстоятельства отзываютъ насъ въ Абруццы и затѣмъ въ Россію и потому мы не имѣли возможности провѣрить эти сообщенія, основанныя очевидно на народной молвѣ.

Археологическія богатства Італіи неистощимы, и поэтому нечего удивляться, что кто-либо изъ отечественныхъ ученыхъ, хотя бы изъ сосѣднаго Рима, не поселится здѣсь на достаточно продолжительный срокъ и не откроетъ для науки тайнъ этихъ любопытныхъ холмовъ. Случайность въ ходѣ археологическихъ открытій продолжаетъ такъ играть роль и до сихъ поръ, не смотря на всѣ послѣднія старанія правительства регулировать это дѣло на пользу науки и славу страны... Иностранцы и притомъ нерѣдко простые туристы случайно дѣлаютъ здѣсь такія приобрѣтенія, которыя могли бы служить вознагражденіемъ продолжительныхъ исканій специалистовъ и которыя послѣ пополняютъ значительные пробѣлы науки.

Дальнѣйшій путь нашъ лежалъ въ страну народовъ сабинскаго происхожденія — сабинявъ, пелинговъ, марсовъ, пицентовъ и пр., жившихъ въ центральныхъ и сѣверныхъ Абруццахъ. Наиболѣе удобнымъ способомъ сообщенія было доѣхать до станціи Терни по выше-названной желѣзной дорогѣ, и оттуда съ почтовымъ omnibusомъ отправиться въ Абруццы до города Аквила, первой нашей археологической станціи тѣхъ мѣстъ.

Терни, древняя Interamna, предполагаемая родина историка Тацита, расположена въ живописной долинѣ, обильно орошаемой двумя рукавами рѣки Неры. Своимъ внѣшнимъ видомъ этотъ городъ производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Роскошныя поля, обширныя виноградники, апельсиновые и лимонныя сады, поросли маслинъ и аллеи пирамидальныхъ тополей и кипарисовъ окружаютъ его съ разныхъ сторонъ. А шумъ знаменитыхъ водопадовъ сосѣдней рѣки Велино, наполняющій собою въ вечернюю и ночную пору весь городъ, невольно вызываетъ въ путешественникѣ, ѣдущемъ изъ Рима, живое воспоминаніе о волшебномъ Тиволи и о всемірно прославленныхъ каскадахъ его бурныхъ, пѣнящихся водъ. Печать обезпеченности и довольства лежитъ на всемъ населеніи, источники доходовъ котораго составляютъ винодѣліе и богатые сборы съ хорошо обработанныхъ полей. Положеніе на большомъ римско-флорентинскомъ трактѣ отразилось значительной облагоустроенностью формъ жизни. Чистота улицъ, опрятное содержаніе общественныхъ зданій и частныхъ домовъ, изысканная обстановка кофеенъ и ресторановъ, — всѣ эти, далеко незаурядныя свойства для обыкновеннаго провинціального города Італіи здѣсь бросаются въ глаза. Сборными пунктами въ вечернюю и праздничную пору служатъ такъ-называемая piazza и бульваръ, съ отличнымъ видомъ на городъ, долину и окрестныя горы съ ихъ водопадами. Кромѣ удовольствія прогулокъ, публику привлекаетъ сюда еще и разнообразная музыка, играющая въ кофейняхъ и остеріяхъ, обыкновенно переполненныхъ тогда посѣтителями: тутъ

улыните вы и шарманку съ неизмѣнной аріей изъ „Лючіи“, и мандолину съ гитарой, и романсы, исполняемые хоромъ и соло. Мѣстная аристократія по вечерамъ собирается въ опрятномъ и богато освѣщенномъ Caffè Americano на пьядцѣ и здѣсь за чашкой кофе или мороженымъ и газетой слушаетъ игру на фортепьяно. Любители упражняются въ кости и шахматы. Вечеръ здѣсь оканчивается поздно, за полночь.

Такимъ показался намъ уютный городокъ Терни въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ здѣсь нами въ ожиданіи отхода поезда въ сторону Абрुццъ.

Еще двумя часамъ по-полуночи пассажиры, ѣхавшіе по одному съ нами направленно, собрались въ конторѣ дилижансовъ—и чрезъ нѣсколько минутъ омнибусъ, запряженный сытымъ восмерникомъ, двинулся въ путь. Проѣхавъ долину, на значительномъ пространствѣ представлявшую собой сплошной садъ изъ оливокъ и винограда, дилижансъ началъ понемногу подниматься вверхъ. Этотъ подъемъ становился затѣмъ все замѣтнѣе и не смѣнялся никакимъ спускомъ. Какъ это обстоятельство, такъ и свѣжесть воздуха, не смотря на начало іюля заставлявшая ежиться чувствительныхъ къ холоду итальянцевъ, показывали, что мы вступили въ горную область.

Этими горами были Абрुццы.

## II.

Дорога до Аквилы.—Аквила.—Экскурсія въ Аматернъ.—Мѣстныя ученныя.

Съ именемъ Абрुццъ обыкновенно возникаетъ представленіе о странѣ дикой, о грубыхъ нравахъ, о разбойничествѣ, которымъ прославили себя жители этихъ горъ въ былую пору. Отправляясь сюда, почему-то не ждешь ни хорошихъ путей сообщенія, ни прочихъ удобствъ, всегда возможныхъ въ другихъ путешествіяхъ. Разказы объ абруццескихъ разбойникахъ, читанные въ школьные годы и потомъ давно забытые, сами собою выступаютъ теперь наружу и сильно дѣйствуютъ на воображеніе. Въѣзжая въ эти горы, въ первое время не можешь отвязаться отъ мысли, что настоящее путешествіе не конше на всѣ остальные, что оно не обойдется безъ непріятныхъ встрѣчъ и лишеній. Успокоительныя рѣчи вашихъ итальянскихъ знакомыхъ, съ которыми вамъ раньше приходилось говорить объ Абруццахъ, кажутся при этомъ не болѣе какъ любезнымъ желаніемъ ободрить незнающаго мѣстности иностранца. Присутствіе въ омнибусѣ вооруженнаго карабиньера и оружіе, лежащее вблизи кучера,

только усиливаютъ это ожиданіе чего-то недобраго въ пути, но которому рѣдко проходятъ иностранцы и о которомъ они знаютъ такъ мало.

Но по мѣрѣ того какъ утро начинало становиться яснѣе, эти мрачныя мысли разсѣивались сами собою. Такъ, прежде всего должна была остановить наше вниманіе широкая и гладкая дорога, которая поднималась разнообразными зигзагами все выше и выше. Это шоссе, съ которымъ, по исправности и гладкости, не можеть сравниться ни одна большая дорога Россіи, не исключая и окрестныхъ мѣстъ Петербурга, Москвы, Кіева, Варшавы и другихъ видѣнныхъ нами большихъ городовъ <sup>1)</sup>, свидѣтельствовало о громадной затратѣ труда, употребленнаго на проложеніе его среди скалъ и часто на такихъ крутизнахъ, что спиральная форма пути оставалась единственно возможной. Впрочемъ свойства почвы Апеннинскаго полуострова пріучили его жителей издавна къ обращенію съ камнемъ, и потому, можеть быть, нѣтъ другого народа въ Европѣ, столь способнаго къ миннымъ и инженернымъ работамъ, какъ итальянцы. Кто ѣзжалъ по желѣзнымъ дорогамъ Италіи и бывалъ около Болоньи съ ея сорока-шестью туннелями или на линіи Спеція-Генуя съ ея ста-тремя туннелями, изъ которыхъ нѣкоторые тянутся на два—на три километра,—тотъ знаетъ, сколько они должны были долбить свои горы и каково страшнаго труда должно было это имъ стоить. Итальянецъ, не находя земляныхъ работъ дома, уходитъ далеко за-границу: такъ, въ 1874 г. мы видѣли большую партію землекопцовъ-итальянцевъ въ Турніи, которые работали здѣсь на строившейся тогда желѣзной дорогѣ. Несомнѣнно также, что итальянцамъ принадлежитъ первенствующая роль и въ дѣлѣ прорытія С. Готардскаго и другихъ швейцарскихъ туннелей,—но мы уклонились въ сторону.

Хотя тихо, но безостановочно взбирался нашъ делижансъ въглубъ Абруццъ. Города Ріэти, Читтадукале, Антродоко, Колпито и нѣкоторые другія селенія проходили предъ нами одинъ за другимъ, и такъ какъ наша дорога постоянно дѣлала неизбежныя повороты, то мы могли любоваться ихъ видами по нѣскольку разъ, съ различныхъ сторонъ и высотъ. Большинство этихъ городковъ и селеній, за исключеніемъ Ріэти, смотрять такъ бѣдно, что Терни предъ ними могъ считаться столицей. Скудость этихъ мѣстъ должны были чувствовать особенно тѣ изъ насъ, кто не запасся ничѣмъ събытнымъ на дорогу и потому долженъ былъ платить за плохую ветчину, дурно приготовленный сыръ и вино—единственныя продукты, которые

<sup>1)</sup> Исключеніе составляетъ наша военно-грузинская дорога, принадлежащая къ числу замѣчательнѣйшихъ созданій инженернаго искусства.

можно было достичь на этомъ пути — тройнымъ цѣнымъ противъ дѣйствительной стоимости ихъ въ большихъ городахъ.

Съ города Коппито дорога стала ровнѣе, и мы скоро въѣхали въ горную долину рѣки Атерна. Эта равнина, послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды, закончилась высокимъ холмомъ съ большимъ городомъ на его вершинѣ. То была ближайшая цѣль нашей пѣздки — Аквила, главный городъ провинціи этого имени.

При видѣ всякаго большого города Италіи, уже напередъ ждешь, что вотъ снова охватитъ васъ тотъ нескончаемый шумъ и гамъ, который возможенъ только въ этой странѣ и нигдѣ болѣе въ Европѣ, — странѣ, гдѣ на улицахъ не просто говорятъ, а непременно кричатъ, не просто бесѣдуютъ и толкуютъ о своихъ обыденныхъ интересахъ, но какъ будто всѣ горячо спорятъ и ссорятся до готовности вступить каждую минуту въ рукопашный бой, гдѣ торговцы вмѣсто печатныхъ и всевозможными способами размалеванныхъ рекламъ и объявленій, пускаютъ въ ходъ свое крѣпкое горло и несказанной высотой голосовъ привлекаютъ вниманіе публики къ своимъ товарамъ. Все это ожидали мы, приближаясь къ широко и живописно разстланвшейся предъ нами Авилѣ.

Ничего подобнаго, однако, здѣсь не оказалось. Городъ, при своемъ семнадцатитысячномъ населеніи, своей необыкновенной тишиной сдѣлалъ бы честь любой захолустной мѣстности Германіи. Мы не встрѣтили ни этихъ надоедливыхъ зазываній въ свои лавки со стороны торговаго люда, ни пронзительныхъ выкрикиваній по поводу чудесныхъ свойствъ тросточекъ, спичекъ, ваксы, водъ, овощей и фруктовъ, — ничего, что неизбежно для всякаго другого города Италіи и что тамъ носится и гудитъ около васъ съ ранняго утра и до глубокой ночи.

Аквила — городъ исключительно земледѣльческій и служитъ главнымъ хлѣбнымъ рынкомъ провинціи, вслѣдствіе чего въ день нашего пріѣзда, оказавшійся кануномъ недѣльнаго базара, вся площадь была выстлана цыновками съ разнымъ зерномъ. Стояли первыя числа іюля и потому изъ всѣхъ окрестностей съѣзжались сюда торговать новымъ, только-что снятымъ хлѣбомъ. Вокругъ этихъ рогожъ и цыновокъ толпились продавцы и покупатели и толбовали о товарѣ тихо, безъ криковъ и спора, точно въ какомъ-нибудь углу Баваріи. Не похожа была Аквила на итальянскій городъ и на другой базарный день недѣли. За ночь навезли хлѣба столько, что площадь и сосѣднія центральныя улицы представляли сплошную житницу: зерно лежало на возахъ, въ куляхъ, разсыпано было по цыновкамъ и рогожамъ. Оказо ходить и толпился народъ, собравшійся сюда изъ сосѣднихъ горныхъ селеній — и опять тѣни сходства не было съ итальянскимъ

рынокъ: торговля шла совершенно тихо и спокойно. Покупали и продавали хлѣбъ, косы, серпы, плуги, топоры, пралки и прочія орудія, необходимыя въ селско-хозяйственномъ быту.

Необыкновенной сдержанностью и приличіемъ тона отличаются здѣсь и кофейни съ простонародными остеріями: ни пьяныхъ, ни безобразнаго гадѣнья и ругательства, безъ чего не обходится, къ нашему стыду, ни одинъ русскій провинціальный базаръ и безъ чего немислимы наши мрачные и грязные трактиры, харчевни и шитейные дома...

Смотря на это повсюду разсыпанное зерно, на эти селско-хозяйственныя орудія и на эту массу черныхъ, загорѣлыхъ хлѣбопашцевъ, единственную заботу которыхъ составляли, повидимому, хлѣбъ и поле, трудно было предполагать, чтобы въ этомъ земледѣльческомъ городѣ существовали другіе, высшіе интересы науки, литературы и прочее. А между тѣмъ, ничего не могло быть обиднѣе такого предположенія для города, о которомъ идетъ рѣчь.

Не говоря о высшемъ техническомъ училищѣ, гимназій, нормальной школѣ, нѣсколькихъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, каковы городскія школы, о мѣстной провинціальной газетѣ, муниципія Аквили въ послѣдніе годы приступила къ постройкѣ огромнаго зданія для помѣщенія гимназій, музея мѣстныхъ древностей и картинной галлерей, находящейся теперь, вмѣстѣ съ большою коллекціей портретовъ „знаменитыхъ аквиланцевъ“, въ зданіи думы. Въ числѣ двигателей этого дѣла видную роль играетъ нѣкто Рафаэль Каварокки, одинъ изъ чиновниковъ мѣстной префектуры. Филологъ по образованію, штудировавшій въ молодости въ пизанскомъ университетѣ, онъ много работаетъ для собиранія разбѣянныхъ памятниковъ сабинской земли во-едино. Мечту его жизни, по его словамъ, составляетъ тотъ день, когда будетъ открытъ новый, просторный и удобный музей, въ который потекутъ приношенія владѣльцевъ антиварныхъ коллекцій и отдѣльных предметовъ классической древности. Съ этою цѣлью онъ ведетъ обширную переписку со всѣми, кто только можетъ быть полезенъ для этого дѣла, склоняя ихъ на пожертвованіе своихъ, часто безъ всякой пользы и невѣдомо для науки лежащихъ, остатковъ римской и италійской старины. Онъ слѣдитъ за народной молвою о случайныхъ археологическихъ находкахъ и всячески пронагандируетъ необходимость правильныхъ раскопокъ территорій сосѣдняго Аматерна, который былъ главнымъ городомъ сабинской земли и, по преданію, метрополіей многихъ народовъ сабелло-самнитскаго корня. Имя г. Каварокки въ настоящее время неразрывно связано съ успѣхами аквиланской археологій. Страстно увлеченный „величіемъ“ и трудностью своей добровольной задачи, онъ представляетъ собою свое-

образный и въ высшей степени симпатичный типъ любителя-антикварія своихъ мѣстъ. Горячность темперамента, направляющаяся у него на столь почтенныя цѣли, дѣйствуетъ заражающимъ образомъ на собесѣдника, и потому воодушевленная пропаганда его не останется безъ благотворныхъ результатовъ для науки. Камни съ надписями, предметы домашней утвари древнихъ обитателей этихъ мѣстъ и разные архитектурные фрагменты, въ томъ или другомъ отношеніи представляющіе интересъ для исторіи римскаго зодчества, мало-помалу поступаютъ уже и теперь въ магазины строящагося музея.

Предварительными свѣдѣніями объ этомъ археологъ-любителѣ мы обязаны были гг. Барнабен и Дресселю, отзывавшимся о благородныхъ чертахъ его характера съ большими сочувствіемъ. Отвѣтъ его на наше письмо, посланное ему изъ Рима, тоже говорилъ намъ, что въ Аввилѣ мы найдемъ любезнаго и надежнаго руководителя по этой полосѣ абруццской территоріи. И личная встрѣча съ нимъ убѣдила насъ, что мы далеко не ошиблись въ нашихъ скромныхъ ожиданіяхъ.

Стоило мнѣ показаться въ префектурѣ и заявить одному изъ чиновниковъ о своемъ прибытіи сюда ради г. Каварокки, какъ послѣдній сейчасъ же оставилъ свою службу и повелъ меня въ магазинъ древностей, приготовляющихся для музея. Надписи, о которыхъ мы просили его раньше, были готовы и лежали на виду, готовы были и матеріалы, неизбежныя при снимкахъ копій. Вслѣдствіе этого мы могли приступить къ работѣ, не теряя ни минуты.

Пока бумажные слѣпки съ надписей должны были сохнуть, г. Каварокки предложилъ отправиться въ зданіе муниципалитетѣ для осмотра хранящейся тамъ издавна коллекціи римскихъ древностей и для ознакомленія съ двумя картинными галереями. Одна изъ нихъ состоитъ изъ произведеній туземныхъ живописцевъ и уже этимъ однимъ должна будетъ привлекать вниманіе историка итальянской живописи. Вторая заключаетъ въ себѣ длинный рядъ портретовъ знаменитыхъ аквиланцевъ, когда-либо прославившихъ отечественный городъ своей дѣятельностью на различныхъ поприщахъ службы. Эти портреты заслуживаютъ вниманія какъ со стороны художественной, такъ и въ особенности по тѣмъ благороднымъ и на невольное уваженіе вызывающимъ мотивамъ, которые заставляли жителей этого города чествовать лучшихъ своихъ гражданъ увѣковѣченіемъ ихъ изображеній.

Любовь аквиланцевъ къ искусствамъ доказывается существованіемъ здѣсь и частныхъ галлерей, каковы картинная галлерей такъ назыв. палаццо Торресъ съ нѣсколькими произведеніями Доменикино, Тиціана, Паоло Веронезе, Гвидо Рени, и коллекція картинъ



въ палаццѣ маркиза Драгонетти, интересъ которой составляютъ произведенія Сильвестро и Помпео д'Аквила, Бола д'Аматриче, Рибера, Доменикино, Вивіани и др.

Желая сдѣлать мое пребываніе въ Аквила́ наиболѣе пріятнымъ, г. Каварокки представилъ меня семейству окружного инспектора учебныхъ заведеній, г. Ребеккини, состоящему изъ мужа и жены, нашей соотечественницы, урожденной фонъ-Штейнъ <sup>1)</sup>.

Эти любезные люди сдѣлали все, чтобы показать намъ свое гостепріимство: оказалось, что моего прибытія они уже ждали нѣсколько дней. Здѣсь, между прочимъ, на слѣдующее утро назначена была поѣздка на развалины древняго города Анитерна и послѣ въ пять часовъ пополудни обѣдъ въ тѣсномъ дружескомъ кружкѣ у г-жи Ребеккини.

Вечеръ этого дня мы провели въ семьѣ самого г. Каварокки. Чрезвычайная скромность тѣсной квартиры, и полки съ книгами, между которыми особенно выдавались волюминозныя и дорого стоящія собранія латинскихъ и итальянскихъ надписей, какъ *Corpus inscriptionum Latinarum*, изданія берлинской академіи наукъ, и *Corpus inscriptionum italicarum* Фабретти, кромѣ всего остального, говорили объ ограниченности матеріальныхъ средствъ и о научности стремленій этого заолустнаго и малозвѣстнаго труженика. Просматривая вмѣстѣ съ нимъ его археологическіе инвентари, мы имѣли случай убѣдиться, между прочимъ, въ томъ, съ какимъ вниманіемъ слѣдитъ онъ за остатками древней письменности своей и смежныхъ провинцій.

Любезность хозяина и его многочисленной семьи, собравшейся въ полномъ составѣ въ крошечной гостиной, ихъ рассказы о родныхъ Абруццахъ, разспросы о Россіи, посвященіе насъ самимъ Каварокки въ его научные планы,—все это вызываетъ теперь свѣтлое и благодарное воспоминаніе. Около полуночи хозяинъ проводилъ меня до моей квартиры и обѣщалъ явиться завтра въ пять часовъ утра, чтобы затѣмъ вмѣстѣ поѣхать на территорію Анитерна.

Въ указанное время ночтовая коляска уносила гг. Каварокки, Ребеккини и меня изъ города по направленію къ столицѣ древнихъ сабинянъ и родинѣ Саллюстія. Дорога пролегала по долинѣ, культура которой сдѣлала бы честь подгородной мѣстности любой изъ европейскихъ столицъ. При видѣ этихъ зеленѣвшихъ луговъ съ роскошной, сочной травой, [этихъ превосходно распаханыхъ и выкошенныхъ полей съ занимавшейся вторичной нивой въ однихъ мѣ-

<sup>1)</sup> Имя г-жи Ребеккини извѣстно въ итальянской литературѣ и между прочимъ по переводу историческаго труда, появившемуся въ прошломъ году подъ заглавіемъ: «La letteratura italiana alla corte d'Austria del Dr. Marco Landau. Aquila 1880.

стакъ, и золотистой, снимавшейся въ другихъ, трудно было воздержаться отъ восторга, и краска стыда выступила сама собою при мысли, что не далѣе какъ три-четыре дня назадъ Абрुццы представлялись мнѣ страной чуть не дикой, крайне бѣдной и небезопасной для путешествія...

Черезъ часъ мы были на мѣстѣ древняго Амитерна. Въ настоящее время здѣсь разстилаются поле и обширный лугъ съ остатками большого амфитеатра и нѣсколькими другими незначительными руинами, да на сосѣднемъ холмѣ стоитъ церковь въ честь св. Викторина, мѣстнаго епископа, стяжавшаго себѣ мученическій вѣнецъ въ правленіе императора Траяна. Когда мы подъѣзжали сюда, на колокольнѣ звонили къ обѣднѣ. Въ храмѣ находились двѣ-три поселенки изъ ближайшей деревни и преклонныхъ лѣтъ старикъ-священникъ, готовившіеся приступить къ богослуженію. Увидя въ нашихъ спутникахъ своихъ знакомцевъ, онъ сейчасъ же вызвался показать намъ достопримѣчательности своего мѣста и въ особенности небольшія катакомбы, находящіяся на 15 ступеней ниже храма. Со свѣчами въ рукахъ мы спустились въ подземелье и здѣсь подлѣ саркофага св. Викторина выслушали разсказъ о главныхъ чертахъ жизни и мученичествѣ повровителя этого храма.

Тутъ же почтенный старикъ повелъ рѣчь о себѣ самомъ, о своей болѣе чѣмъ пятидесятилѣтней службѣ въ званіи священника этой деревни и, въ заключеніе, пригласилъ насъ къ себѣ—отвѣдать вина его собственныхъ лозъ и попробовать его домашнего сыра. Въ виду ранняго времени и особенно того, что маленькая паства любезнаго патера еще ждала своей мессы, мы неспѣшили отказаться отъ неожиданнаго гостепріимства.—Подобно деревенскимъ священникамъ Абруццы, и этотъ старикъ, кромѣ средствъ съ бѣднаго прихода, живетъ своимъ садомъ и маленькой остеріей, которую онъ держитъ въ своемъ домѣ. Въ воскресные и праздничные дни богомольцы, собирающіеся изъ сосѣднихъ селеній, послѣ обѣдни обыкновенно завертываютъ къ батюшкѣ и здѣсь за ничтожную плату получаютъ вино, сыръ, ветчину, яйца и тому подобные продукты. Духовный пастыръ превращается теперь въ хозяина сельской рестораціи и самъ прислуживаетъ гостямъ. Наши спутники серьезно завѣряли, что при этомъ не бываетъ никакихъ злоупотребленій ни со стороны хозяевъ, ни со стороны всегда почтительныхъ и пристойно держащихъ себя гостей, а потому ни населеніе, ни власти не заявляютъ протеста противъ этого давняго, съ незапамятныхъ поръ укоренившагося обычая.

Какъ церковь св. Викторина, такъ и въ особенности подлѣ стоящая башня (такъ назыв. Torre d'Amiterno) выстроены изъ какого-то общественаго зданія города Амитерна. Камни съ большими и длин-

ныни надписями при этомъ шли въ работу, какъ простой кирпичъ, и вѣдлись въ стѣны, какъ приходились удобнѣе, вслѣдствіе чего надписи лежать то бокомъ, то вверхъ ногами. Изученіе ихъ, которыми занимались здѣсь не разъ пріѣзжавшій сюда профессоръ Мозенъ и нѣкоторые изъ многочисленной фаланги его молодыхъ учениковъ, возможно только съ лѣстницы. Эти написанные камни да развалины вышеупомянутаго амфитеатра, стоящаго въ долинѣ, до послѣдняго времени служили единственными свидѣтелями существованія большого города, исчезнушаго подъ полемъ, похожимъ теперь на всѣ остальные поля. Пива съ него еще не вся была снята въ ту пору, когда мы ходили по этимъ мѣстамъ. Какъ и когда былъ окончательно разрушенъ городъ и вслѣдствіе какихъ причинъ развалины его ушли такъ глубоко въ землю, что на новомъ слоѣ земли уже давно спокойно пахутъ и сѣютъ, никто и ничто не дастъ теперь отвѣта...

Археологическія раскопки начались здѣсь только съ недавняго времени и главнымъ образомъ по настоянію г. Каварокки. Доселѣ открыто зданіе публичныхъ термъ и въ концѣ минувшаго года найдены остатки значительнаго по своимъ размѣрамъ театра. „Касательно Амистерна,—пишетъ намъ г. Каварокки отъ 21 января,—спѣшу сообщить, что недавно, подъ моимъ руководствомъ и съ помощью одного изъ начальниковъ помпейскихъ раскопокъ, произведены здѣсь раскопки, давшія намъ поразительные результаты. Мы открыли театръ, который по размѣрамъ гораздо больше геркуланскаго. Нижнія ступеньки хорошо сохранились и представляютъ номера мѣстъ. При этомъ найдены большая герма Геркулеса, значительный фрагментъ гермы какой-то богини и сверхъ этого въ одномъ изъ внутреннихъ крытыхъ ходовъ—большое число человѣческихъ костей,—обстоятельство, наводящее меня на мысль, что этотъ театръ служилъ кладбищемъ, послѣ того, какъ языческій городъ сдѣлался христіанскимъ,—и повсюду масса архитектурныхъ украшеній, замѣчательныхъ своими большими размѣрами. Все это я храню для будущаго музея. Окончивъ дѣло съ театромъ, приступлю къ разрытію мѣстности, которая была несомнѣнно кладбищемъ Амистерна“.

Около пяти часовъ пополудни, у нашей соотечественницы г-жи Ребеккини собрался опять кружокъ знакомыхъ. Скоро завлазавшая и быстро достигшая, какъ это обыкновенно бываетъ у итальянцевъ, сильнаго оживленія бесѣда имѣла своимъ предметомъ вопросы народнаго просвѣщенія Италіи, тамошнія среднія и высшія учебныя заведенія, сельскія школы и проч. Экономическая бѣдность страны, низкая ступень многихъ существенныхъ отраслей отечественной промышленности и, какъ неизбежное слѣдствіе этого, постоянная зави-

симость отъ иностранцевъ, не говоря уже о глубокой умственной тѣмѣ сельскаго люда Италіи, заставляли аквиланскихъ педагоговъ желать своему отечеству большаго развитія реальныхъ и техническихъ знаній, умноженія элементарныхъ школъ по всѣмъ провинціямъ и вообще поднятія народнаго образованія надъ тѣмъ уровнемъ, на которомъ стоитъ оно здѣсь въ настоящее время.

При этихъ горячихъ рѣчахъ, высказывавшихся съ силой полного убѣжденія людьми уже пожилыми и близко знающими свой народъ, невольно отъыпались въ душѣ и наши родные дѣбаты о тѣхъ же народныхъ нуждахъ, той же общей бѣдности, о нашихъ народныхъ язвахъ и, какъ причинѣ всѣхъ золъ и несчастій—глубокихъ умственныхъ и нравственныхъ потемкахъ, въ которыхъ бродитъ нашъ простолудный. Одинаковое горе и одинаковыя нужды и здѣсь, и тамъ ставятъ ребромъ вопросы: „что дѣлать? гдѣ искать средствъ для лучшаго будущаго?“

На другой день, съ раннимъ поѣздомъ аквила-сульмонской желѣзной дороги, мы отправились въ страну древнихъ пелигновъ съ ихъ городами Корфиніемъ и Сульмоной. Ближайшей нашей станціей была Сульмона, древ. Sulmo, родина поэта Овидія.

### III.

Сульмона.—Ея ученье.—Корфинійская долина.—Поѣздка въ сѣверные Абруцци.

Пять лѣтъ назадъ центральная полоса Абруццъ прорѣзана желѣзной дорогой, идущей отъ станціи Пескара адріатической линіи до города Аквила. Это первая вѣтвь, проведенная въ страну, считавшуюся наиболѣе обособленной и уединенной. Въ скоромъ времени предполагается проложить здѣсь и другой путь, который будетъ соединять эти горы прямо съ Римомъ. Дорога пойдетъ отъ Сульмоны окрестностями Фучинскаго озера къ Тиволи, гдѣ уже теперь существуетъ конно-желѣзное сообщеніе.

Желѣзныя дороги, какъ извѣстно, болѣе всего остального способствуютъ нивелировкѣ народной жизни въ разныхъ областяхъ страны, и потому не подлежитъ сомнѣнію, что съ появленіемъ локомотивовъ въ этихъ своеобразныхъ горныхъ кантонахъ будутъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе испаряться вѣковые обычаи, и всѣ тѣ оригинальныя формы народной жизни, которыя рѣзко отличали абруццинина отъ всѣхъ другихъ жителей Италіи; эти стародавнія формы будутъ теперь уступать мѣсто новымъ, заимствуемымъ отъ соседей близкихъ и дальнихъ. Въ виду этой близкой реформы, пред-

стоящей Абруццанъ, этнографы должны скорѣе знакомились съ этой доселѣ малонзвѣстной и нетронутой чужими вліяніемъ областью—собирать народныя пѣсни и легенды, записывать обычаи и преданія абруццанъ.

Важность такой задачи раньше другихъ понялъ учитель технической школы и овидіевской коллегии города Сульмони, Антоніо де-Нино. Ученый-самоучка, исключительно себѣ обязанный всѣмъ образованіемъ, не бывшій ни въ гимназій, ни въ университетѣ и добившійся диплома гимназическаго преподавателя собственными усиліями, онъ представляетъ собою одинъ изъ благородныхъ и наиболѣе замѣчательныхъ типовъ провинціальной интеллигенціи Італіи. Почтенная его литературная дѣятельность, выражающаяся цѣлымъ рядомъ трудовъ, относящихся къ поэзій, лингвистикѣ, педагогикѣ, этнографіи и мѣстной археологіи, принесла бы должную пользу любой изъ болѣе просвѣщенныхъ странъ Европы <sup>1)</sup>.

Глубокій почитатель своей родины, онъ исходилъ Абруццы вдоль и поперекъ съ цѣлю изученія нравовъ и обычаевъ своихъ земляковъ. Каждая каникулы употребляетъ онъ на такіа этнографическія экскурсіи. Издавна занятый мыслью опубликовать сборникъ народныхъ обычаевъ Абруццъ, онъ записываетъ все нужное для такого труда—обычаи и обряды свадебные, крестинные, похоронные, разныя религіозныя суевѣрія и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рука объ руку шло у него и составленіе этнографическаго музея той же мѣстности. Недавняя выставка этого богатаго и единственнаго въ своемъ родѣ собранія въ Миланѣ по достоинству оцѣнена была знатоками дѣла и отечественной литературой.

Успѣшный собиратель-этнографъ, де-Нино необыкновенно счастливъ и на полѣ археологій, къ которой онъ обратился въ послѣдніе годы. Окрестности Сульмони, по его словамъ, издавна поражали обиліемъ разныхъ античныхъ руинъ: тамъ выглядывалъ изъ земли высѣченный и обдѣланный камень, въ другомъ мѣстѣ видѣлся какъ бы остатокъ стѣны, въ третьемъ существовали несомнѣнные признаки кладбищъ съ ихъ могилами и т. д. Число такихъ остатковъ древности увеличивалось по мѣрѣ приближенія къ нынѣшнему селенію Пентима, расположенному, по народному преданію, на мѣстѣ древняго Корфинія.

Но все это, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ Італіи, не обращало ничьего вниманія серьезно. Древніе камни и здѣсь шли на разныя постройки, переносились съ одного мѣста на другое, разби-

<sup>1)</sup> Перечень его сочиненій и отчетъ объ его новѣйшемъ трудѣ „Usi Abruzzesi“, см. „Истор. Вѣстн.“ 1881, № 3.

мались и пр. О раскопках никто не заботился, между прочимъ, и потому, что каждый аршинъ здѣшной земли цѣнится чрезвычайно высоко по причинѣ ея необычайнаго плодородія и по особенному свойству почвы, дающей одинъ изъ лучшихъ сортовъ винограда страны. Вино, производимое здѣсь, идетъ за границу, — преимущество, которымъ пользуются сравнительно весьма немногія мѣстности Италіи.

Антоніо де-Нино первый поднялъ передъ правительствомъ вопросъ о необходимости правильнаго и продолжительнаго археологическаго изслѣдованія территоріи Корфинія, города, игравшаго столь важную роль въ войнѣ италійцевъ противъ Рима (такъ-называемая союзническая война) въ 90 — 88 г. до Р. Х. Въ виду убѣдительности доводовъ, главное управленіе по дѣламъ археологіи назначило де-Нино инспекторомъ раскопокъ этой мѣстности и дало ему небольшую субсидію на производство этихъ работъ.

Съ 1877 г. начались здѣсь методическія раскопки, и не смотря на краткость времени и неизбежную экономію въ наймѣ рабочихъ, усилія страстнаго искателя вѣнчаются замѣчательными результатами. Назавши на нѣсколько кладбищъ въ корфинійской долинѣ, онъ вырылъ на ряду со многими другими нѣсколько десятковъ исписанныхъ камней, цѣнность которыхъ тѣмъ выше въ глазахъ специалистовъ, что вмѣстѣ съ ними является новый доселѣ неизвѣстный діалектъ древней Италіи. Это такъ-называемый діалектъ пелигновъ (Peligni), по грамматическому строю близко примыкающій къ осскому, но уклоняющійся отъ него, какъ и отъ всѣхъ другихъ италійскихъ нарѣчій, своимъ лексическимъ составомъ.

Появленіе ученаго, посвящающаго свои досуги на археологическое изслѣдованіе этой почвы, стало вызывать вниманіе къ остаткамъ древности и со стороны мѣстнаго населенія. Встрѣчая въ стѣнахъ своихъ домовъ, въ огородахъ или просто на своихъ поляхъ камни, несущіе признаки письма, или какіе-либо архитектурные орнаменты, жители этой провинціи пріобрѣтаютъ обычай доводить объ всемъ этомъ до свѣдѣнія де-Нино и нерѣдко отдаютъ свои, ненужныя для нихъ, находки въ его личное распоряженіе. Вслѣдствіе всего этого, дворникъ дома гимназическаго учителя мало-по-малу превращается теперь въ цѣнный эпиграфическій музей, достойный лучшей участи, лучшаго помѣщенія.

Независимо отъ домашней коллекціи, у г. де-Нино существуетъ складъ древностей на мѣстѣ самаго Корфинія, въ селеніи Пентима. Исканные камни сложены пока рядами на дворѣ дома коммунальнаго правленія, вещи же мелкія, какъ монеты, вещи изъ стекла, эмальи, вазочки и т. п., обыкновенно находимыя въ древнихъ могилкахъ, хранятся въ одной изъ комнатъ, гдѣ все это расположено

въ большомъ порядкѣ старательною рукою собирателя. Де-Нино уже мечтаетъ о постройкѣ спеціального Корфинійскаго музея, — и дѣйствительныя открытія на этой территоріи несомнѣнно заставляютъ правительство и мѣстную коммуну исполнить его справедливое желаніе.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи сульмонскаго археолога къ иностранцамъ, посѣщающимъ эти мѣста съ ученой цѣлью, насколько мы можемъ судить объ этомъ по личному опыту и разсказамъ другихъ очевидцевъ. Имѣя рекомендательныя письма къ де-Нино отъ его неаполитанскихъ и римскихъ знакомыхъ, я, тотчасъ, по прибытіи въ Сульмону, отправился разыскивать его по городу. Начальникъ мѣстной почтовой конторы, къ которому я обратился съ просьбой указать мнѣ адресъ г. де-Нино, далъ мнѣ въ проводники почтальона — и черезъ какихъ-нибудь пять минутъ мы уже входили въ небольшой дворикъ, похожій на мастерскую каменныхъ дѣлъ мастера. Здѣсь всюду лежали мраморы и куски песчаника, расположенные и симметрично, и какъ конало: тутъ были и правильные квадраты, и треугольники, и безформенные фрагменты, остатки статуй, и архитектурныя украшенія въ родѣ карнизовъ, капителей колоннъ и пр. Только темный и желтый цвѣтъ всего этого да сами собой бросавшіеся въ глаза надписи говорили, что это — коллекція антикварія.

Хозяинъ былъ дома и садѣлъ за работою въ своей библіотекѣ, численность и разнообразіе которой сдѣлали бы честь и не ученому мало кому извѣстной Сульмонѣ. Мы познакомились и разговорились о цѣли моего путешествія по провинціямъ Италіи. Матеріалы, о которыхъ я просилъ его прежде, были мнѣ осмотрѣны, выдѣлены изъ массы другихъ и приготовлены для моего пользованія; составленъ былъ и списокъ всѣхъ камней, которые имѣли для меня спеціальныя интереса, обозначены мѣста первоначальнаго нахожденія этихъ надписей и имена ихъ нынѣшнихъ владѣльцевъ и пр. Словомъ, сульмонскій любитель археологій сдѣлалъ въ этомъ случаѣ все, что было необходимо въ интересахъ науки и что, вѣроятно съ тѣмъ, ясно указывало на значительную опытность г. де-Нино въ обхожденіи съ эпиграфическими матеріалами.

Узнавъ, что я могу пробыть въ этихъ мѣстахъ лишь самое короткое время, онъ сейчасъ же отдалъ приказаніе привести почтовый экипажъ и предложилъ мнѣ отправиться съ нимъ на мѣсто древняго Корфинія и въ его окрестности. Надписи, ради которыхъ я прибылъ въ эту провинцію, находились въ нѣсколькихъ рукахъ, а потому намъ пришлось объѣхать всю долину, бывшую въ союзническую войну сборнымъ пунктомъ италійцевъ, подымавшихся знамя противъ римскаго деспотизма.

Долина Корфинія или, какъ она называется нынѣ, la Valle di Salmopа, окружена плотнымъ кольцомъ Абрудскихъ горъ и имѣетъ около двѣнадцати итальянскихъ миль (около 18 верстъ) въ длину и отъ четырехъ до пяти миль въ ширину. Въ общемъ видѣ она представляетъ собою сплошной, громадный виноградникъ, но мѣстами прерываемый широкими площадями полей, гдѣ въ изобиліи растутъ пшеница, рисъ, кукуруза, бобы, фасоль и пр. Хлѣбъ здѣсь родится самъ - двѣнадцать и въ хорошіе годы самъ - пятнадцать; въ теченіе года съ одного и того же поля бывають два сбора: за сборомъ пшеницы сейчасъ же сѣется фасоль, послѣ кукурузы непосредственно идетъ посѣвъ бобовъ и т. д. По словамъ г. де-Нинно, въ послѣднее время размѣры винодѣлія расширяются все болѣе и болѣе, такъ какъ дознано, что виноградники еще лучше вознаграждаютъ труды земледѣльца, чѣмъ даже два сбора съ полей <sup>1)</sup>. Каждый собственникъ имѣетъ здѣсь свой погребъ съ чаномъ вина. Размѣры этихъ чановъ, само собою разумѣется, бывають различны, но обыкновенная вмѣстимость ихъ начинается отъ сорока и доходитъ до двухъ сотъ гектолитровъ (болѣе 320—1600 ведеръ). Въ самой Сульмонѣ, въ одномъ изъ такихъ погребовъ (detta di Gramata) этотъ чанъ вмѣщаетъ въ себѣ четыреста девяносто гектолитровъ (болѣе 3,920 ведеръ) и считается самымъ большимъ въ Абрудцахъ. Вино вывозится за-границу чрезъ посредство комиссіонеровъ сѣверной Италіи. Въ послѣдніе годы стали вывозить въ огромномъ количествѣ и самый виноградъ.

Чрезвычайное богатство почвы съ ея роскошными садами и нивами, красота горъ, облегающихъ эту благородную долину, легкость и дешевизна жизни для владѣльцевъ этихъ мѣстъ и отдаленность отъ Рима дѣлають и теперь понятными патріотизмъ и любовь къ свободѣ древнихъ обитателей этой страны и ихъ горячую ненависть къ деспотическому римлянѣ, налагавшихъ на всю Италію свою желѣзную руку. Смотри на эти горы и на эту долину, легко представить себѣ этотъ центръ революціи итальянцевъ 90-го года до Р. Х., съ крайнимъ возбужденіемъ умовъ, пламенными рѣчами и военными приготовлениями въ походъ противъ Рима...

Съ тѣхъ поръ много воды утекло и смѣнили другъ друга многія сотни здѣсь жившихъ поколѣній. Теперь въ этомъ мѣстѣ здѣсь все тихо и спокойно. Богатая земля принадлежитъ нѣсколькимъ крупнымъ владѣльцамъ и обрабатывается множествомъ мелкихъ арендаторовъ-колонистовъ, спускающихся сюда со всѣхъ Абрудцъ. Глав-

<sup>1)</sup> Таково же свойство этой почвы было и въ древности, какъ видимъ изъ свѣдѣній Овидія, говорившаго о своей родинѣ:

*Terra ferax Cereris, multoque feracior uvae.*



ными центрами населенія служатъ Сульмона, Пополи и Пратела-Пеллинья; нѣсколько деревень и сотни отдѣльныхъ виллъ покрываютъ это обширное поле, отъ котораго между прочимъ, и археологическая наука ждетъ себѣ большой добычи.

Антоніо де-Нино выводилъ меня по всѣмъ вилламъ, представлявшимъ какой-либо интересъ для моего собранія и самъ принималъ въ заготовленіи снимковъ съ надписей живое участіе. Работа производилась на дворахъ, въ садахъ и въ поляхъ, прилегающихъ къ этимъ вилламъ; жаркое іюльское солнце давало при этомъ чувствовать себя во всей своей силѣ—и любезный археологъ то держалъ зонтъ надо мною въ то время, когда производилась очистка и снимки съ надписей, то принимался обмывать и обдѣлывать бумагой камни и дѣлать все нужное для того, чтобы слѣпокъ выходилъ отчетливѣе и яснѣе.

На мой вопросъ, почему онъ не соединить въ одномъ мѣстѣ и эти разбѣянные по разнымъ владѣльцамъ камни, представляющіе такой же интересъ какъ и всѣ другіе, которые наводятся какъ въ его личномъ собраніи, такъ и въ селеніи Пентима, въ этомъ будущемъ Музео Корфиніезе, онъ не безъ хитрой усмѣшки сказалъ мнѣ: „Необходимо терпѣнье, будетъ время—и всѣ эти надписи займутъ мѣсто въ нашей коллекціи; но для этого нужно выждать время и умѣть пользоваться обстоятельствами. Жителя Абрудцѣ нитѣ нельзя такъ вооружить противъ себя, какъ навоинность; лаской же сдѣлаешь изъ него все. Что касается до этихъ камней, то они найдены недавно: хозяева ихъ теперь нова любуются своею находкой и слишкомъ высоко ее цѣнятъ. Но пройдетъ годъ-другой, интересъ ихъ къ этимъ „сокровищамъ“ ослабѣетъ—и тогда уже ничего не будетъ стоить получить ихъ въ даръ для музея. Нѣкоторые камни лежатъ на виллахъ еще и потому, что богатые владѣльцы ихъ живутъ далеко отсюда. Переписываться съ ними не стоитъ труда: не выдавши предметовъ сами, они возмечтаютъ на счетъ ихъ большой цѣнности и распорядятся перевезти ихъ въ мѣсто своего постоянного жительства, а тогда простись уже съ этой находкой навсегда. Нужно поэтому дожидаться пріѣзда этихъ господъ сюда, и тогда мы безъ труда выпросимъ ихъ для здѣшняго или какого-нибудь другого общественнаго собранія. Dunque, pazienza, signore: senza pazienza non si fa niente“,—заклучилъ онъ.

Въ этомъ путешествіи по Корфинійской долиנѣ прошелъ весь день—и какимъ же вкуснымъ показался послѣ этого обѣдъ изъ баранины и голубей, которымъ угощались мы въ сельской тракторіи! Когда подали фрукты, де-Нино поднялся съ мѣста и провозгласилъ тостъ за союзъ итальянскихъ и русскихъ ученыхъ и за нашу

личную дружбу... Последствия показали, что это не было простой любовью и что лишній стаканъ выпитого мѣстнаго вина былъ здѣсь ни при чемъ...

Было уже темно, когда мы воротились изъ Пентимы въ Сульмону. Обстоятельства не позволяли мнѣ оставаться здѣсь доѣе завтрашняго дня, и потому намъ необходимо было сейчасъ же приступить къ снимкамъ съ камней, находившихся во дворикѣ дома г. де-Нино. Всѣ нужные надписи заранѣе были отобраны и лежали виѣстѣ. При свѣчах и лампахъ его домашніе вымыли камни и мы облѣпили ихъ бумагой, оставивъ просушиваться эти слѣпки до завтра.

Около 11 часовъ вечера г. де-Нино предложилъ мнѣ отправиться къ ректору овидіевской коллегіи, отцу Дорруччи. Зданіе этой гимназій было близко, и чрезъ нѣсколько минутъ мы уже входили въ обширный залъ бібліотеки, гдѣ почтенный ректоръ сидѣлъ за какой-то книгой. Отецъ Леопольдо Дорруччи принадлежитъ къ вымирающему теперь типу филологовъ добраго стараго времени, когда занимавшіеся классической древностью изучали только латинскихъ и греческихъ писателей, умѣли мастерски говорить по-латыни и мало интересовались археологіей, не знали ни науки о надписяхъ, ни сравнительнаго языкознанія, ни другихъ обязательныхъ теперь дисциплинъ. Ограничивши кругъ своего изученія нѣкоторыми излюбленными авторами, они за то знали ихъ до мельчайшихъ деталей. Такимъ любимцемъ отца Дорруччи явился его соотечественникъ, уроженецъ той же Сульмоны, поэтъ Овидій. Болѣе тридцати лѣтъ занимаетъ его этотъ писатель, вызывая время отъ времени на исправленіе стихотворнаго перевода его произведеній, сдѣланнаго имъ еще въ концѣ сороковыхъ годовъ. Опубликовать этотъ трудъ онъ рѣшился только въ самое недавнее время. Первый томъ его перевода вышелъ во Флоренціи въ 1879 г. подъ заглавіемъ: *Opere di P. Ovidio Nasone tradotte da Leopoldo Dorrucchi Sulmonese*.

Почувствительна многолѣтняя преданность разъ избранной задачѣ въ ученостъ, живущемъ въ большомъ умственномъ центрѣ страны, но тѣмъ болѣе достойна уваженія эта упорная энергія въ преслѣдованіи научно-художественной цѣли въ безвѣстномъ учителѣ и потомъ ректорѣ захолустной гимназій. Въ самомъ дѣлѣ, кто же знаетъ Сульмону и каково значеніе этого города въ сравненіи съ Римомъ, Неаполемъ, Флоренціей, Миланомъ и другими большими городами Италіи? А между тѣмъ, здѣсь, въ этихъ кругомъ облегающихъ и отдѣляющихъ отъ всего цивилизованнаго міра горахъ школьный учитель посвящаетъ свои досуги отъ тяжелаго труда на художественную переработку произведеній знаменитаго согражданина—и въ такой работѣ проводить многіе, долгіе годы... Какъ въ этой привязанности къ

научному труду, такъ и въ самомъ выборѣ произвольной задачи есть что-то глубоко симпатичное и вызывающее на невольное удивленіе.

Въ полночь мы откланялись сульмонскому педагогу и уже не ожидали встрѣтиться съ нимъ болѣе, такъ какъ намъ выѣздъ назначенъ на шесть часовъ утра слѣдующаго дня. Но сверхъ всякаго чаянія, въ половинѣ шестого часа, когда весь городъ еще спалъ, у нашей гостиницы стояла коляска отца Дорруччи, явившагося вмѣстѣ съ г. де-Нино отдать мнѣ визитъ и проводить до вокзала желѣзной дороги, который находится приблизительно въ верстѣ отъ Сульмони. Дорогой благодушный филологъ указывалъ на одномъ изъ окрестныхъ холмовъ виллу, которую народное преданіе зоветъ Овидіевой... „Здѣсь,—сказалъ онъ намъ,—подъ журчанье свѣтлыхъ струй нашего fonte d'amore и подъ тихій шелестъ маслинъ я перевелъ всего моего Овидія. Вмѣстѣ съ народной молвою я вѣрилъ, что это мѣсто дѣйствительно принадлежало вѣкогда Овидію и подъ вліяніемъ этой вѣры мой бѣдный переводъ нигдѣ не слагался удачнѣе, какъ здѣсь“.

Но вотъ подошелъ желѣзно-дорожный поѣздъ, и мы должны были расстаться. Де-Нино, при прощаньи, напомнилъ о вчерашнемъ гостѣ въ сельской тавернѣ и первый обѣщалъ писать намъ въ Россію. Дальнѣйшія обстоятельства показали, что обѣщаніе абруццскаго ученаго не было пустнымъ звукомъ. Не прошло и мѣсяца послѣ этого, какъ въ Москвѣ нами полученъ былъ цѣлый свертокъ бумажныхъ слѣпковъ съ новыхъ и нигдѣ еще не изданныхъ надписей. Изъ длиннаго и обстоятельнаго письма его было видно, что г. де-Нино только-что открылъ ихъ при раскопкахъ Корфинія и, въ силу даннаго слова, счелъ нужнымъ послать копію съ нихъ въ Россію одновременно съ отправленіемъ официального отчета въ Римъ. Эта услуга была только началомъ его ученой и дружеской корреспонденціи: нужно ли навести справку о какой-нибудь частности, касающейся древностей его мѣстъ, требуется ли знакомство съ кѣмъ-либо изъ другихъ владѣтелей антикварныхъ коллекцій центральной полосы Италіи, г. де-Нино служить всегда вѣрнымъ и въ высшей степени аккуратнымъ посредникомъ. И это *послѣ одного дня* личнаго знакомства!

Уѣзжая изъ Сульмони, мы еще разъ имѣли случай окинуть взглядомъ мѣста, гдѣ родился и выросъ знаменитый римскій поэтъ. Какъ видѣ этихъ родныхъ ему горъ и долинъ, такъ и неожиданная встрѣча съ новѣйшимъ его переводчикомъ невольно вызвали въ нашей памяти его воспоминанія объ отечественномъ городѣ и о годахъ его ранней юности. Вотъ одно изъ таковыхъ (Trist. IV, 10, ст. 3 и слѣд.).

Sulmo mihi patria est, gelidis uberrimus undis  
Milia qui novies distat ab Urbe decem.

*Editas hinc ego sum, nec non ut tempora noris,  
Cum cecidit fato consul uterque pari:  
Si quid id est, usque a proavis vetus ordinis heres,  
Non modo fortunae munere factus eques.  
Nec stirps prima fui. Genito sum fratre creatus,  
Qui tribus ante quater mensibus ortus erat.*

*Protinus excolimur teneri, curaеque parentis  
Imus ad insignes Urbis ab arte viros.*

Попадъ по направленію къ восточной линіи двигался быстро, и черезъ два часа мы увидѣли издали голубыя и свѣтлыя воды Адриатика.

Въ нашемъ маршрутѣ далѣе стояло имя сѣверно-абруцскаго археолога, барона Гундобальди. Отъ соединительной станціи Пескара, нужно было подняться на сѣверъ до Торторето и оттуда проѣхать съ ночью до Нерето, мѣстопробыванія этого ученаго.

Нерето—маленькій и бѣдно высматривающій городокъ провинціи Терано. По наружности его трудно отличить отъ села или деревни. Главнымъ занятіемъ служить земледѣліе: въ тотъ часъ, когда нашъ почтовый фургончикъ повсемногу поднимался въ этому городу, жители или снимали ниву на ближайшемъ полѣ, или же молотили кѣнами пшеницу на своихъ гумнахъ. Путешественники заходятъ сюда, вѣроятно, рѣдко, да если бы и явились они, то вопросъ о размѣщеніи и ночлегѣ долженъ былъ бы рѣшаться развѣ любезностью кто-нибудь изъ мѣстныхъ обывателей. На весь городъ одна локанда—рядъ меблированныхъ комнатъ, которыхъ всего три, но и тѣ при нашемъ прибытіи были заняты постоянными жильцами, такъ что хозяйка, послѣ долгаго размышленія и оживленныхъ толковъ, очистила для меня какой-то верхній чуланъ, находившійся подъ самой крышей, безъ потолка и мебели.

Но послѣ нѣсколькихъ бессонныхъ предшествующихъ ночей это размѣщеніе было дороже и удобнѣе всякаго отеля. Старушка-хозяйка достала курицу, вино и фрукты—и этотъ вкусный обѣдъ приправила своей словоохотливостью, ни мало не стѣсняясь тѣмъ, что духъ третьей ея своеобразнаго жаргона я понять былъ не въ состояніи. Помню только, что она благодарила Бога за богатый урожай хлѣба въ нынѣшнемъ (1880) году, хвалилась прекраснымъ видомъ изъ ихъ дома на вдаль синѣвшее море, высказывала сожалѣніе, что я пріѣхалъ въ такое время, когда всѣ ея три комнаты заняты и что поэтому она не можетъ дать мнѣ помѣщенія съ этимъ прекраснымъ видомъ. Чтобы, однако, показать мнѣ панораму, открывающуюся изъ оконъ ея дома, она повела меня въ квартиру жившаго здѣсь учителя мѣстной школы и въ то время находившагося

на службѣ. Когда я спросилъ ее о баронѣ Гундобальди, она распалась въ похвалахъ его благородству и знатности и нашла мнѣ мальчика, который долженъ былъ довести меня до его дома.

Доменико Гундобальди, нынѣшній инспекторъ раскопокъ и древностей провинціи Абруццо Терамано, болѣе сорека лѣтъ трудится на полѣ итальянской археологической науки. Въ настоящее время это уже преклонный старикъ, вступившій въ восьмое десятилѣтіе своей дѣятельной жизни. Труды его разсѣяны по разнымъ археологическимъ журналамъ и выходили во множествѣ мелкихъ брошюръ, печатавшихся частью въ Неаполѣ, частью въ родной его провинціи. Читая его почтенную по размѣрамъ книгу „Александръ и Бусефалъ“ (Alessandro e Bucefalo. Napoli, 1851) и разнообразныя его изслѣдованія, касающіяся латинскихъ и діалектическихъ надписей, нельзя не убѣдиться въ обширной и разносторонней начитанности его какъ въ древнихъ текстахъ, такъ и въ новой археологической и филологической литературѣ.

Эта энергія и страсть къ прогрессу любимой науки не оставляютъ его и до сихъ поръ. Не далѣе какъ четыре года назадъ лингвисты получили отъ него изданіе и объемистый комментарий одной надгробной надписи древнихъ пичентовъ, народа сабинскаго происхожденія, населявшихъ эту область <sup>1)</sup>, комментарий, который представляетъ всѣ обычные свойства его большой начитанности.

Правда, современный ученый не найдетъ въ его трудахъ достаточной критики, не встрѣтитъ должнаго разграниченія между дѣйствительнымъ научнымъ фактомъ и нѣмнѣющей значенія догадкой иногда незрѣлаго, лишь только начинающаго автора, и потому самую начитанность и эрудицію сочтеть какой-то хаотической и конфузной, самыя изданія его латинскихъ и другихъ текстовъ недостаточно точными... Именно по поводу ученой дѣятельности барона Гундобальди профессоръ неаполитанскаго университета д'Овидіо, воспитанный уже при другихъ условіяхъ и требующій отъ научнаго изслѣдованія прежде всего строгости выводовъ и точности сообщаемыхъ фактовъ, съ грустью говорилъ намъ о существованіи въ Італіи цѣлаго класса ученыхъ, которые въ большемъ количествѣ прочитанныхъ книгъ полагаютъ всю свою заслугу и для которыхъ „всякое печатное слово“ имѣетъ одинаково серьезное и научное значеніе: оттого, по словамъ г. д'Овидіо, въ ихъ сочиненіяхъ всегда масса цитатъ изъ самыхъ разнообразныхъ и иногда по направленію и внутреннему достоинству взаимно себя исключавшихъ книгъ, а въ

<sup>1)</sup> Breve Commentario di una iscrizione arcaica rinvenuta in Castel S. Andrea di Bellante. Torino 1876. Ср. также у Fabretti, въ его Terzo Suppl. al Corp. insc. Ital.

передать существенно важныхъ фактовъ весьма частая неточность рядомъ съ поспѣшностью заключеній, основанныхъ на матеріалѣ, имѣ же самими невѣрно сообщенномъ.

Лично мы не можемъ вполне раздѣлить этихъ сѣтованій молодого неаполитанскаго профессора. Люди, о которыхъ идетъ рѣчь, принадлежать къ поколѣнію уже сходящему со сцены, и потому несправедливо было бы требовать отъ нихъ той строгости къ самимъ себѣ, какая становится неизбежной для ученаго послѣдняго времени, и было бы совсѣмъ неумѣстно прилагать къ нимъ мѣрку, о которой въ провинціяхъ Италіи, въ цвѣтущую пору жизни этихъ труженниковъ, не могло быть и рѣчи. Всему своя пора и свой образъ дѣйствій... Правда, графъ Бартоломео Боргези, работая въ своемъ маленькомъ Санъ-Марино, умѣлъ и тогда царить въ археологической наукѣ и своей истинно научной эрудиціей заставлялъ приходить къ себѣ для изученія современныхъ вождей латинской эпиграфики и археологіи, Моммзена и Генцена, не говоря о многихъ другихъ нѣмецкихъ и французскихъ ученыхъ; но этотъ человекъ по своему общественному положенію, по матеріальнымъ средствамъ и по дарованіямъ составляетъ исключительное явленіе и какъ исключеніе не можетъ идти здѣсь въ счетъ. Мы говоримъ въ данномъ случаѣ только о скромныхъ любителяхъ науки, о захолустныхъ ученыхъ и антикваріяхъ, которые никогда о видной роли и не мечтали.

При сужденіи о людяхъ этой категоріи, необходимо брать во вниманіе не то, чего они не имѣли, чего у нихъ не было, нужно не высчитывать отрицательныя стороны ихъ дѣятельности, а напротивъ постоянно имѣть въ виду ихъ дѣла, которыя всегда были благородны и научны. Живя въ провинціяхъ, глушь и уединенность которыхъ въ былое время не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ тѣмъ, что мы тамъ видимъ теперь, когда весь полуостровъ покрывается сѣтью желѣзныхъ дорогъ, они сумѣли воспитать въ себѣ любовь и уваженіе къ наукѣ, никогда ничего имъ не дававшей кромѣ нравственнаго удовлетворенія. А между тѣмъ, благодаря успіямъ этихъ мало кому извѣстныхъ антикваріевъ, многое спасено для науки отъ неистовства темнаго люда, многое избавлено отъ неизбежнаго разрушенія. Ватиканъ и Капитолій, музеи Неаполя, Парижа, Лондона и другихъ городовъ многими своими сокровищами обязаны не кому иному, какъ этимъ захолустнымъ археологамъ.

Именно съ этой точки зрѣнія нужно смотрѣть и на благородную дѣятельность барона Доменико Гуидобальди. Любя свои сѣверныя Абрудци, онъ съ давнихъ поръ, время отъ времени, доводилъ до свѣдѣнія ученаго міра о разныхъ случайныхъ находкахъ археологическаго характера, подобно тому какъ то же самое дѣлалъ на югѣ

Абруццѣ Амброджо Караба. Они, по мѣрѣ силъ и знаній, слѣдили за открытіемъ всякаго новаго замѣчательнаго камня римско-италійской эпохи и давали объ этомъ знать въ Римъ или Неаполь. Такъ, между прочимъ, этимъ антикваріямъ наука обязана нѣсколькими драгоценными остатками самнитской и сабинской письменности; они первые обращали вниманіе специалистовъ на эти рѣдкіе отзвуки давно исчезнувшей жизни: Моммзенъ и другіе, свои и иностранные, филологи шли къ этимъ памятникамъ уже по ихъ указаніямъ.

Когда мы явились въ старый и весьма скромный домикъ перетинскаго ученаго, хозяинъ былъ дома. Черезъ полчаса времени онъ подробно и съ большимъ увлеченіемъ рассказывалъ намъ объ археологическихъ достопримѣчательностяхъ сѣверной полосы Абруццѣ и, между прочимъ, объ одномъ сабинскомъ камнѣ, который онъ открылъ около тридцати-пяти лѣтъ назадъ и который доселѣ находится во владѣніи сосѣдняго помѣщика, синьора Спиниоци. И когда Гундобальди узналъ, что именно этотъ камень былъ главной причиной моего прибытія въ сѣверныя Абруццы, то онъ сейчасъ же предложилъ мнѣ отправиться вмѣстѣ съ нимъ для осмотра этой интересовавшей меня надписи. Черезъ какія-нибудь двадцать минутъ мы втроемъ, въ прежнемъ почтовомъ фургончикѣ, катились по ровной горной долинѣ по направленію къ помѣстью г. Спиниоци. Старога барона сопровождалъ его молодой племянникъ.

Рекомендація г. Гундобальди широко открыла намъ двери богатаго землевладѣльца этихъ мѣстъ. Въ наше распоряженіе предоставленъ былъ не только нужный мнѣ камень, но и вся семья вышла принять участіе въ оживленной бесѣдѣ, которая завязалась вокругъ насъ у барона съ хозяиномъ. Древній камень лежитъ въ домашней церкви и хранится какъ драгоценность, за которую этотъ помѣщикъ не хочетъ взять никакихъ денегъ. Неаполитанскій музей уже предлагалъ ему тысячу лиръ, но напрасно: своеобразный патріотизмъ препятствуетъ ему уступить эту для самого владѣльца неопытную вещь ученому учрежденію, въ которомъ она приносила бы несравненно болѣе пользы для науки и гдѣ этотъ сабинскій камень не остался бы безъ специальныхъ изслѣдованій болѣе двадцати-пяти лѣтъ, какъ это случилось теперь.

Пока заготавлился снимокъ, наступилъ вечеръ, и потому необходимо было отложить окончаніе работы до завтра. Любезные хозяева принесли къ дверямъ церкви вина своихъ лозъ и домашнего сыру. Откланиваясь, я просилъ позволенія явиться снова завтра часовъ въ семь утра, и когда баронъ замѣтилъ, что въ это время едва ли можно будетъ достать почтовый фургонъ, то все семейство начало просить остаться и переночевать у нихъ. Дорожа бесѣдой съ Гундо-

балде, я вынужденъ былъ отказаться отъ этого гостепрѣимства, сказавши, что отсутствіе почтовыхъ лошадей не помѣшаетъ мнѣ завтра придти сюда *мышко*. Эти послѣднія слова произвели эффектъ, какого я и предположить не могъ: всѣ, и мужчины, и особенно дамы, засыпали насъ вопросами и восклицаніями: „какъ, пѣнкомъ въ этотъ жаръ, такую даль!“ и пр. Особенной жары въ шесть часовъ утра въ этой горной мѣстности быть не могло, даль же равнялась всего какому-нибудь пяти-шести верстамъ.

Но дѣло въ томъ, что итальянцы боятся и не любятъ ходьбы. Тамъ послѣдній бѣднякъ сколачиваетъ средства для того, чтобы избавиться отъ этой непріятности и станетъ виснуть у самаго колеса несчастной таратайки, выпоса при этомъ какія угодно неудобства, а пѣнкомъ не пойдетъ. Тѣмъ менѣе понятны здѣсь удовольствія пѣшихъ людямъ состоятельнымъ и синьорамъ.

Свою роль играло въ этомъ наумленіи гг. Спиноцци моему настрѣенію и абруцское гостепрѣимство. Оттого-то на слѣдующее утро хозяинъ не утерпѣлъ и выѣхалъ намъ на-встрѣчу.

Этотъ день былъ базарнымъ въ Нерето: уставлялись на рынокъ первыя цѣны на новый хлѣбъ, и потому синьоръ Спиноцци, какъ одинъ изъ главныхъ землевладѣльцевъ этой мѣстности, долженъ былъ отправиться туда вмѣстѣ съ другими братьями. Дома остались однѣ дамы—старушка мать, ея замужняя дочь и зять. Хозяйки не хотѣли отпереть мнѣ своей церкви, гдѣ находился мой слѣпокъ съ надписи, раньше, чѣмъ конченъ былъ утренній кофе, который онѣ затягивали какъ можно долѣе своими разспросами о Россіи. Эта своеобразная бесѣда продолжалась и послѣ, когда вся семья, включая и женскую прислугу, перебралась въ церковь и усѣлась здѣсь на полу. Каждое новое свѣдѣніе приводило ихъ всѣхъ, повидимому, въ большую радость и громкій смѣхъ вмѣстѣ съ жаргонными восклицаніями оглашать своды капеллы. Любопытство ихъ касалось всего и, между прочимъ, нашихъ деревянныхъ домовъ, существованія которыхъ допустить онѣ никакъ не хотѣли, и названій домашнихъ животныхъ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ не могли взять въ толкъ, почему ихъ *gallo* называется по-русски пѣтухомъ, *galina* курицей, *asino* осломъ, *cavallo* лошадыо и пр.; чтобы удовлетворить ихъ разспросамъ, я долженъ былъ рассказывать, во что одѣваются наши синьоры, синьорины и крестьянки и т. д. Описаніе костюма нашихъ дамъ, должно быть, задѣло моихъ хозяекъ за живое, потому что онѣ сейчасъ же всѣмишленно сообщили гостю, что онѣ не всегда носятъ такое платье, въ которомъ онѣ засталъ ихъ теперь, что, напротивъ, бывая въ городѣ, онѣ надѣваютъ шелковые и дорогіе костюмы, сшитые у модистки, что у нихъ много колець, серегъ и пр., а что если тепереш-



нее ихъ одѣяніе не похоже на платье синьоръ, то это происходитъ отъ того, что теперь лѣто, онѣ у себя дома, въ деревнѣ, гдѣ онѣ желаютъ пользоваться полной свободой. Все это говорилось по той простой причинѣ, что костюмъ монахъ хозяекъ не указывалъ на принадлежность ихъ къ классу благородныхъ ни качествомъ матеріи, ни чистотой; ситцевыя платья и покроемъ, и опрятностью мало чѣмъ отличались отъ костюма ихъ собственныхъ служанокъ.

Чтобы убѣдить въ своемъ богатствѣ, онѣ повели насъ осмотрѣть ихъ новыя, только-что отдѣливавшійся тогда домъ. Палаццо выведенъ въ нѣсколько этажей, большой и свѣтлый, со множествомъ комнатъ. Все указывало на значительныя средства хозяина и на желаніе обставить себя возможной роскошью. Стѣны выкрашены были внутри пестрыми и яркими красками, потолки расписаны въ мифологическомъ стилѣ, много денегъ положено на раскраску половъ и пр. Купидоны, нимфы и всѣ другія аллегорическія фигуры плафоновъ бросались въ глаза своей необычайной дорожностью и яркостью красокъ; стиль живописи говорилъ, что мѣстный художникъ, писавшій эти картины, отличался болѣе смѣлостью, чѣмъ мастерствомъ. Но... вѣжливость требовала всѣмъ этимъ восхищаться и хвалить вкусъ хозяевъ дома...

Любезность матери этого семейства простерлась до того, что она начала просить меня пріостановить путешествіе на недѣлю и остаться погостить у нихъ.

— „На дняхъ я жду,—говорила старушка,—моего младшаго сына и другихъ родственниковъ. У насъ будетъ праздникъ, съѣдутся знакомые изъ Нерето и окрестностей: посмотрите, какъ мы живемъ,—право, вамъ будетъ у насъ весело; молодежь, которой съѣдется сюда много, устроить фейерверки, катанья, игры; будутъ танцы, музыка и пѣсни“.

Какъ ни ласковъ былъ этотъ зовъ, къ которому шумно присоединились и другіе члены семьи, бывшіе на лицо, и какъ ни любопытно было познакомиться съ домашнимъ бытомъ провинціальныхъ итальянскихъ помѣщиковъ средней руки, но мнѣ необходимо было спѣшить. На этотъ разъ хозяйки рѣшительно воспротивились моему намѣренію дойти до Нерето пѣшкомъ. Модный и щегольской кабриолетъ, запряженный отличнымъ рысакомъ, стоялъ у крыльца; роль кучера исправлялъ зять синьоры Спинноцци, который никакъ не хотѣлъ сѣсть рядомъ со мной и, не смотря на всѣ мои просьбы, оставался все время на козлахъ, говоря, что съ этого мѣста и видъ на окружающія горы и вдаль блестящую полосу Адріатическаго моря, и не такъ жарко и душно на возвышеніи...

Мнѣ нужно было поблагодарить г. Гундобальди за любезную помощь въ необходимомъ для меня дѣлѣ. Ученый баронъ подарилъ

намъ нѣсколько напередѣвшихся у него брошюръ его сочиненій и обѣщала писать обо всемъ, что будетъ относиться къ кругу моей задачи. Чезъ двѣ недѣли онъ сдержалъ свое обѣщаніе.

Почтовый фургонъ скоро спустился къ берегу Адриатическаго моря. Ближайшій поѣздъ желѣзной дороги захватилъ меня съ собою и чрезъ Анкону, Болонью и Венецію доставилъ на итальянско-австрийскую границу.

Нужно ли прибавлять, что прощанье съ Италіей тяжело для всякаго жителя сѣвера? Тѣмъ болѣе оно было грустно послѣ продолжительнаго и неоднократнаго пребыванія въ этой чудной странѣ, послѣ общенія съ людьми, которые такъ безкорыстно, лишь въ силу научныхъ интересовъ и стремленій, всячески помогали въ нашемъ дѣлѣ... Величавыя картины пройденныхъ мѣстъ и симпатичныя образы итальянскихъ ученыхъ не оставляли меня въ дальнѣйшемъ пути.

Сказать благодарное и правдивое слово объ этихъ людяхъ на страницахъ родной литературы было дѣлю предлагаемыхъ замѣтокъ и воспоминаній.

1881.

И. Цвѣтаевъ.

## ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е сентября, 1882.

— В. Трирогов. Община и подать. Собрание исследований. Петербургъ, 1882.

Статьи г. Трирогова, вошедшія въ составъ этого сборника, были напечатаны въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ разныхъ журналахъ, а отчасти и отдѣльными брошюрами. Относясь, болѣею частью, къ одному и тому же предмету, дополняя и разъясняя одна другую, онѣ выигрываютъ отъ соединенія въ одну книгу, — но выиграли бы еще больше, если бы соединеніе это не было чисто внѣшнее. Когда статьи, печатаемыя въ журналахъ, составляютъ, если можно такъ выразиться, прямолинейный рядъ, когда послѣдующая служитъ непосредственнымъ продолженіемъ предыдущей (назовемъ, для примѣра, статьи г. В. В., вышедшія въ свѣтъ подъ заглавіемъ: „Судьбы капитализма въ Россіи“), тогда изданіе ихъ отдѣльной книгой не требуетъ предварительной переработки; но г. Трирогову часто случалось возвращаться къ одной и той же темѣ, повторять сказанное и всѣ эти повторенія, увеличивая объемъ сборника, нѣсколько затрудняютъ чтеніе его. Само собою разумѣется, что этимъ не уменьшается значеніе выводовъ, къ которымъ привело автора многолѣтнее, тщательное и безпристрастное изученіе крестьянскаго быта. Область этого изученія ограничивается нѣсколькими уѣздами саратовской губерніи, но за то обнимаетъ собою всѣ главныя стороны народнаго хозяйства. Труды г. Трирогова способствовали какъ нельзя больше выясненію народной податной раскладки, вслѣдствіе которой ступеньвается и исчезаетъ искусственное различіе между разными, падающими на крестьянъ прямыми налогами и сборами. Прочитавъ статьи о податной душѣ, податной десятинѣ, народномъ кадастрѣ, податной недомкѣ въ общинѣ и государствѣ, никто не усомнится въ томъ, что для крестьянина безразлично официальное наименова-

не платежа, безразлично назначеніе его; что подушная подать, государственный поземельный налогъ, выкупной платежъ, земскій и мірской (волостной и сельскій) сборы сливаются для него въ одну общую цифру, что съ души платится не одна подушная подать, что *окладная душа* не имѣетъ ничего общаго съ ревизской. Отвѣтъ крестьянъ на предложенный имъ г. Трироговымъ вопросъ о порядкѣ уплаты ими разнородныхъ сборовъ: „это въ казнь, слышать, разнида, а у насъ все подушно“—выражаетъ, въ короткихъ словахъ, истинно народный взглядъ на податное обложеніе. Мы узнаемъ у г. Трирогова и о тѣхъ способахъ, которыми образуются, уменьшаются или растутъ недоимки различныхъ сборовъ. Крестьяне платятъ деньги въ счетъ оклада, не заботясь о томъ, пойдутъ ли онѣ въ счетъ подушныхъ, или выкупныхъ, или другого сбора; направленіе уплаченныхъ денегъ въ ту или другую сторону зависитъ преимущественно отъ сельскаго и волостного начальства. Отсюда недоимка въ земскихъ сборахъ, о которыхъ всего меньше заботится полиція и за неименіемъ вторыхъ всего меньше достается волостнымъ и сельскимъ властямъ; отсюда безнедоимочное поступленіе мірскаго сбора, въ исправномъ взиманіи котораго прямо заинтересованы эти власти. Случается, однако, что судьба, въ лицѣ сельскаго писаря, улыбнется и земскимъ сборамъ—если писарь, напримѣръ, состоитъ въ то же время сельскимъ учителемъ и въ этомъ качествѣ самъ получаетъ жалованье изъ земскихъ сборовъ, или если онъ особенно принимаетъ къ сердцу интересы земскихъ почтарей, голодающихъ при опустѣніи земской кассы. Правильное, т.-е. пропорціональное къ суммѣ каждаго сбора распредѣленіе взысканныхъ денегъ производится развѣ уѣзднымъ назначеніемъ, когда сельскія власти, почему-нибудь равнодушныя къ судьбѣ представляемыхъ ими денегъ, не укажутъ сами, куда онѣ должны быть зачислены. Иностранцы (напр. мордва), которыхъ такъ много въ саратовской губерніи, не знаютъ даже названій различныхъ сборовъ, означая ихъ общимъ именемъ: *дана*.

Говоря, два года тому назадъ <sup>1)</sup>, о брошюрѣ г. Трирогова: „Народный кадастръ“ (вошедшей въ составъ настоящаго сборника), мы несли уже случай замѣтить, что онъ придаетъ преувеличенное значеніе различію между многосемейными и малосемейными хозяйствами, имѣя одному изъ возможныхъ основаній податного обложенія. То же самое мы должны сказать и теперь по поводу многихъ мѣстъ сборника: „Нерѣдко высказываемыя понятія, какъ то, что земель нельзя облагать, что онѣ и безъ того уже слишкомъ обложены, оказываются ложными и почвы и смысла“. Эта мысль автора, повторяемая имъ

<sup>1)</sup> „Вѣстникъ Европы“ 1880 г. № 6, литературное обозрѣніе, стр. 754—755.

неоднократно, составляющая одинъ изъ краугольныхъ камней его системы, построена на томъ, что податное бремя каждого крестьянскаго семейства опредѣляется сообразно съ его платежной силой, зависящей въ свою очередь отъ его численнаго состава. Мы узнаемъ, однако, изъ словъ самаго г. Тригорова, что пропорціонально платежной силѣ каждого домохозяйства распределяются и земельныя угодья, что число долей повинностей, уплачиваемыхъ домохозяйствомъ, всегда соответствуетъ числу долей земли, получаемыхъ домохозяйствомъ не только въ разныхъ родахъ полей, но и въ разныхъ видахъ мелкихъ участковъ земли (стр. 474, 61). Не слѣдуетъ ли отсюда, что въ основаніи раскладки, практикуемой крестьянскими обществами, лежитъ мѣра владѣнія землею, что прямые налоги всѣхъ наименованій упадаютъ, въ концѣ концовъ, именно на землю, что говорить о чрезмѣрномъ обложеніи крестьянской земли, о невозможности дальнѣйшаго обложенія ея не только можно, но и должно? Если бы многосемейное хозяйство платило больше малосемейнаго *при равномъ количествѣ земли*, тезисъ г. Тригорова могъ бы считаться доказаннымъ по крайней мѣрѣ настолько, чтобы поставить многосемейность въ число условий, опредѣляющихъ *иногда* размѣръ податнаго обложенія; но фактовъ этого рода мы въ разбираемой нами книгѣ не находимъ. Правда, тамъ, гдѣ доходъ съ земли меньше упадающихъ на нее платежей, многосемейность, приводя къ увеличенію надѣла, приводитъ и къ увеличенію податнаго бремени; но есть же селенія, въ которыхъ между доходностью земли и размѣромъ платежей существуетъ обратное отношеніе—а между тѣмъ мы не видимъ, чтобы многосемейныя хозяйства надѣлались тамъ землей въ меньшихъ, относительно, размѣрахъ. Пропорціональность между величиной надѣла и числомъ работниковъ въ семьѣ не всегда, такимъ образомъ, служитъ источникомъ болѣе высокаго обложенія много семейныхъ хозяйствъ, сравнительно съ малосемейными или одиночными.

Если г. Тригоровъ востаетъ противъ взглядовъ, констатирующихъ невозможность дальнѣйшаго обложенія крестьянской земли, то это объясняется исключительно любимой его идеей о народномъ кадастрѣ; обременительность для народа существующей податной системы онъ признаетъ вполне. Перечисляя шесть *атмосферъ*, тяготящихся надъ крестьяниномъ — домохозяйственной, общинной, волостной, уѣздной земской, губернской земской и государственной—онъ считаетъ необходимымъ, чтобы давленія всѣхъ этихъ атмосферъ были подчинены извѣстному плану равномернаго давленія: „въ противномъ случаѣ не слѣдуетъ удивляться, если податной домохозяйствъ, подъ неравномѣрнымъ давленіемъ шести различныхъ атмо-

сферу, будетъ постепенно переходить изъ типа *домохозяина* въ типъ *податного мищана въ общинѣ и въ государство* \*. Съ писателями, отрицающими малоземелье, оспаривающими пользу крестьянскаго поземельнаго кредита, нападающими на общину, жалующимися на распущенность рабочихъ, г. Трироговъ не имѣетъ вообще никакихъ точекъ соприкосновенія; его книга, не смотря на полнѣйшее отсутствіе тенденціозности, заключаетъ въ себѣ богатый арсеналъ фактовъ, разбивающихъ нео-крѣпостническія стремленія и общія мѣста устарѣлыхъ политико-экономическихъ воззрѣній. Систематическую защиту общиннаго владѣнія г. Трироговъ нигдѣ на себя не принимаетъ, но совокупность данныхъ, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ книги, производитъ впечатлѣніе именно таковой защиты. Мы узнаемъ, какъ хорошо община справляется съ лѣснымъ хозяйствомъ, какія удобства представляетъ арендованіе ею земли, пастьба скота на общинномъ полѣ, даже самая дробность и разбросанность полосъ, какія снисхожденія оказываются нуждающимся членамъ общины. Мы видимъ, какъ частное владѣніе переходитъ иногда въ общинное (исторія общины Плешивцевыхъ—въ селѣ Карабулакѣ, саратовскаго уѣзда—состоящей изъ дворянъ или однодворцевъ), какъ выходъ изъ общиннаго владѣнія совершается иногда только на бумагѣ. Крестьянинъ дер. Злобовеи Герасимъ Губановъ выкупилъ свой надѣлъ, но продолжаетъ пользоваться клочками земли въ разныхъ мѣстахъ, нѣ разнѣ съ другими крестьянами, подвергался выѣстѣ съ ними даже передѣлу. Въ одной изъ волостей аткарскаго уѣзда такихъ крестьянъ, какъ Губановъ, оказывается восемь—и это не исключенія, а скорѣе, судя по собраннымъ г. Трироговымъ фактамъ, общее правило. Въ кузнецкомъ уѣздѣ крестьянинъ Осиповъ выкупилъ свой участокъ съ тѣмъ, чтобы онъ былъ отведенъ къ одному мѣсту—но даже и въ этомъ случаѣ сестрѣ Осипова пасется на общинной землѣ, крестьянскій скотъ—на землѣ Осипова; полное раздѣленіе интересовъ между общиной и ея бывшимъ членомъ не осуществилось.

Постоянно выставляя на видъ преимущества семейныхъ домохозяйствъ надъ одиночками, г. Трироговъ не можетъ сочувствовать семейнымъ раздѣламъ; онъ не предлагаетъ, однако, никакихъ искуственныхъ противъ нихъ мѣръ и называетъ клеветой обвиненіе общины въ содѣйствіи семейнымъ раздѣламъ. Констатируя фактъ эксплуатаціи крестьянъ сдачей имъ въ аренду необходимыхъ для нихъ помѣщичьихъ земель по явно-преувеличеннымъ цѣнамъ, г. Трироговъ настаиваетъ на необходимости крестьянскаго поземельнаго кредита и не опасается, чтобы онъ разорилъ крестьянъ. Еще сильнѣе осуждаетъ онъ другой видъ эксплуатаціи—наемъ крестьянъ въ работѣ по низкой цѣнѣ въ то время, когда они наиболѣе нуж-

даются въ деньгахъ. „Тѣ хозяйства, — таковы заключительныя слова статьи г. Тригорова: „подрядчикъ и кабала“, — въ которыхъ изъ земли извлекаются непронизводительны, безвозвратно всѣ производительные элементы, необходимыя для развитія нужныхъ намъ растений, Либихъ называлъ химическими. Намъ остается ожидать указаній о томъ, какъ должны мы назвать тѣ хозяйства, которыя ведутся на началъ кабалономъ, хронически разрушающіе экономическія силы цѣлыхъ семей, а нерѣдко и цѣлыхъ земельныхъ общинъ нучаснаго нами края“.

Остановимся, въ заключение, на двухъ вопросахъ, по которымъ мы не раздѣляемъ мнѣній почтеннаго автора. Говоря объ указанной уже выше причинѣ неисправнаго поступленія земскихъ сборовъ, г. Тригоровъ связываетъ съ этою неисправностію установленіе пени за несвоевременный взносъ земскаго сбора землевладѣльцами: „не имѣя въ кассѣ денегъ, — замѣчаетъ онъ, — и приписывая неоступленіе земскихъ сборовъ тому обстоятельству что землевладѣльцы ихъ не платятъ, нѣкоторые земства придумали штрафовать неисправныхъ плательщиковъ надъ именемъ пени“ (стр. 41). Мы должны признаться, что это замѣчаніе для насъ непонятно. Привычка сельскихъ и волостныхъ властей пренебрегать земскими сборами и обращать несоразмѣрно большую часть вносимыхъ крестьянами денегъ на покрытие сборовъ казенныхъ и мірскихъ не имѣетъ ничего общаго съ установленіемъ пени, касающійся однихъ только личныхъ землевладѣльцевъ. Причины пустоты земской кассы никогда не могутъ быть загадкою для земства; оно никогда не можетъ принимать винѣ землевладѣльцевъ то, что зависитъ на самомъ дѣлѣ отъ вины крестьянскихъ учреждений. Земскія окладныя книги показываютъ съ полною ясностію, за кѣмъ именно числятся недоимки, и не позволяютъ возлагать затруднительное состояніе земскихъ финансовъ съ большой головою на здорovou. Установленіе пени было вызвано тѣмъ печальнымъ, но несомнѣннымъ фактомъ, что многіе, весьма многіе личные землевладѣльцы — и при томъ крупныя еще чаще малыя — отличались (и отличаются до сихъ поръ) крайнею неисправностію въ уплатѣ земскихъ сборовъ. Намъ извѣстны уѣзды саратовской губерніи, въ которыхъ на землевладѣльцахъ еще недавно числились и абсолютно, и относительно (т.-е. пропорціонально къ общей суммѣ сбора) болѣе высокая недоимка, чѣмъ на крестьянскихъ обществахъ. Въ „бѣтованіи землевладѣльцевъ двѣнадцатью-процентнымъ взносомъ за каждый просроченный рубль“ (выраженіе г. Тригорова) мы не видимъ, поэтому, ровно ничего несправедливаго и можемъ жалѣть только о томъ, что оно не всегда приводитъ къ желанной цѣли. Само собой разумѣется, что въ накопленіи недоимокъ на землевладѣльцахъ не-

новата и полиція, недостаточно энергическая во взысканіи съ нихъ земскаго сбора; но это ничуть не оправдываетъ недомысликовъ, въ большинствѣ случаевъ имѣющихъ полную возможность уплатить слѣдующую съ нихъ сумму.

Г. Трироговъ сожалѣетъ о томъ, что земству не предоставлено право облагать крестьянъ денежными сборами или натуральными повинностями на специально-крестьянскія нужды (напр. на пополненіе хлѣбныхъ магазиновъ или образованіе продовольственныхъ капиталовъ). Намъ кажется, что такое право было бы несовмѣстно съ несомнѣннымъ характеромъ земства и съ смысломъ земскаго, т. е. общаго дѣла. Большинство въ земскихъ собраніяхъ почти вездѣ принадлежитъ не-крестьянамъ; предоставить ему установленіе сборовъ, падающихъ на однихъ крестьянъ; было бы далеко не безопасно. Говоря объ общественной западнѣ, г. Трироговъ совершенно правильно признаетъ ее полезной лишь подъ условіемъ введенія ея по доброй волѣ и собственному почину крестьянъ; между тѣмъ, именно въ саратовской губерніи уѣздныя земскія собранія неоднократно пытались сдѣлать ее обязательною для крестьянъ. По этому прикѣру можно догадываться о томъ, тѣмъ сдѣлалось бы въ рукахъ земства — при настоящемъ его устройствѣ и составѣ — право спеціальнаго обложенія крестьянъ. Въ виду недостаточности существующихъ средствъ обезпеченія народнаго продовольствія, всего болѣе правильнымъ представляется намъ обращеніе на этотъ предметъ части общихъ земскихъ сборовъ, съ соотвѣтствующимъ повышеніемъ ихъ цѣны (конечно по инициативѣ отдѣльныхъ земствъ, а не въ силу общаго закона). Г. Трироговъ высказывается противъ этой мѣры, такъ какъ часть добавочнаго сбора, предназначеннаго единственно на нужды крестьянъ, упала бы на личныхъ землевладѣльцевъ; но мы не видимъ въ этомъ ни несправедливости, ни неудобства. И теперь нѣкоторые земскіе расходы — напр., по начальнымъ школамъ — вызваны почти исключительно потребностями крестьянъ; никто, однако, противъ нихъ съ этой точки зрѣнія не возражаетъ. Въ предохраненіи крестьянъ отъ крайней нужды заинтересованы, притомъ, и личные землевладѣльцы. Послѣ такихъ голодовокъ, какія были недавно, напримѣръ, въ саратовской губерніи, уменьшаются площадь посѣва не только на крестьянскихъ, но и на помѣщичьихъ земляхъ (значительная часть которыхъ арендуется крестьянами и засѣвается собственными ихъ ошменами), и въѣстъ съ тѣмъ увеличивается несправность крестьянъ во взносъ арендной платы.



— *Всесолюдъ Даневскій*. Системы политическаго равновѣсія и легитимизма и начало національности въ ихъ взаимной связи. Историко-догматическое изслѣдованіе. Спб. 1882.

Задача, избранная г. Даневскимъ, весьма интересна; онъ взялся прослѣдить исторію главныхъ идей, подъ вліяніемъ которыхъ развивалось въ последнее время европейское международное право. До вѣнскаго конгресса господствующая роль принадлежала теоріи политическаго равновѣсія; затѣмъ наступило кратковременное преобладаніе международнаго легитимизма, т.-е. стремленія поддерживать, не только у себя, но и у другихъ, существующій государственный строй, независимо отъ желаній и симпатій населенія. Съ 1830 года перевѣсъ начинаетъ переходить на сторону національной идеи, сдержавшей, въ третьей четверти нашего вѣка, такіа крупныя побѣды, какъ объединеніе Италіи и Германіи. Въ изложенію событій, въ которыхъ отразилась всего ярче та или другая идея, и аргументовъ, которыми каждая изъ нихъ поддерживалась и опровергалась, авторъ присоединяетъ критическій ихъ разборъ, безусловно благопріятный для начала національности и неблагопріятный для двухъ другихъ. Нельзя не пожалѣть, что богатый матеріалъ, которымъ пользовался авторъ, распределенъ имъ далеко неравномѣрно. Говоря о международномъ легитимизмѣ, т.-е. именно о томъ принципѣ, который окончательно сошелъ со сцены, потерявъ всякое практическое значеніе, г. Даневскій приводитъ массу излишнихъ подробностей, обращается иногда въ простое разсказчикъ фактовъ, отчасти общеизвѣстныхъ, отчасти не имѣющихъ прямого отношенія къ вопросу. Дѣятельность вѣнскаго конгресса давно уже оцѣнена по достоинству; полемизировать съ защитниками его—какъ это дѣлаетъ г. Даневскій по отношенію къ Флассану—трудъ совершенно напрасный. Исторія системы политическаго равновѣсія страдаетъ у г. Даневскаго, наоборотъ, явною неполнотою. Онъ слишкомъ послѣпивно покоронилъ эту систему; она еще живетъ или, по крайней мѣрѣ, жила весьма недавно—въ умахъ государственныхъ людей, въ традиціяхъ кабинетовъ, и даже не однихъ кабинетовъ. Новѣйшіе трактаты, говоритъ г. Даневскій, умалчиваютъ о политическомъ равновѣсіи, игнорируютъ даже это слово; совершенно справедливо, но текстъ трактатовъ не всегда выражаетъ собою всѣ мысли договаривающихся сторонъ. Примѣръ мирныхъ договоровъ виллафранкскаго и пражскаго, приводимый г. Даневскимъ, можетъ быть обращенъ скорѣе противъ него, чѣмъ въ его пользу. Уже самый фактъ заключенія виллафранкскаго мира зависѣлъ отчасти отъ колебаній Наполеона III между новымъ принципомъ и старымъ, между началомъ національно-

сти и теоріей политическаго равновѣсія. Колебанія эти сдѣлались еще болѣе замѣтными, когда обнаружилось косвенныя, отдаленныя послѣдствія войны 1859 года—присоединеніе къ Піемонту средне-итальянскихъ государствъ, части Церковной области, королевства обѣихъ Сицилій. Сочувствіе къ національной идеѣ уступило мѣсто опасеніямъ передъ объединенной, сильной Италіей—опасеніямъ, прямо заимствованнымъ изъ дипломатическаго наслѣдства другой эпохи. Тѣ же опасенія, съ болѣею еще силой, были вызваны по отношенію къ Пруссіи событіями 1866 года. Отступленіе отъ преданій Ришельё и Людовика XIV, революціи и первой имперіи было поставлено въ вину Наполеону III не однимъ только Тьеромъ; самъ императоръ испугался послѣдствій своей политики, и война 1870 года была, со стороны французскаго правительства, попыткой загладить ошибку, сдѣланную за четыре года передъ тѣмъ. Нужно ли напоминать тѣ упреки, которые столько разъ раздавались противъ русской политики 1866 и 1870 года, допустившей усиленіе Пруссіи и восстановленіе германской имперіи? Нѣтъ, идея политическаго равновѣсія не исчезла; она только испытала на себѣ дѣйствіе измѣнившихся условій и ступевалась среди новыхъ взглядовъ, оттѣснившихъ ее на второй планъ и уменьшившихъ ея важность. Въ основаніи ея лежитъ, какъ и прежде, противудѣйствіе силъ, вышедшей или грозящей выйти изъ своихъ естественныхъ границъ, несовмѣстной, повидимому или на самомъ дѣлѣ, съ независимостью и безопасностью другихъ государствъ. Въ этомъ противудѣйствіи есть элементъ законный, неизбежный. Политическое равновѣсіе, какъ неподвижная, замкнутая система, какъ искусственно возведенное и поддерживаемое зданіе, немислимо, невозможно; въ этомъ смыслѣ оно никогда не существовало, развѣ въ воображеніи тѣхъ историковъ, которые еще недавно видѣли въ немъ центръ тяжести новѣйшей государственной жизни. Какъ формула для инстинкта самосохраненія, свойственнаго не только отдѣльнымъ лицамъ, но и государствамъ, какъ протестъ слабыхъ противъ сильныхъ, или лучше сказать, какъ протестъ слабыхъ и сильныхъ противъ стремленія къ всемогущію, къ господству, оно имѣло внутренній смыслъ и не совсѣмъ утратило его въ наше время. Его нисколько часто прикрывались поползновенія, не имѣвшія съ нимъ ничего общаго—но отъ злоупотребленій не ограждены и идеи, несравненно болѣе высокія; припомнимъ предсмертное восклицаніе 1-го Романа: „о liberté, que de crimes on commet en ton nom!“ Г. Даневскій едва ли правъ, обращая на начало политическаго равновѣсія значительную долю отвѣтственности за ошибки или несправедливости въ родѣ той, какою было въ 1864 году разрѣшеніе шлезвиг-гольштинскаго вопроса. Здѣсь было просто торжество грубой силы,

не встрѣтившей ни съ чьей стороны, по тѣмъ или другимъ причинамъ, достаточно энергическаго сопротивленія. Теорія политическаго равновѣсія говорила въ данномъ случаѣ безусловно за Данію, и дѣйствительно была призвана на помощь защитниками маленькаго государства; не ея вина, если оружіе, кинутое на вѣси, оказалось тяжелѣе платоническихъ аргументовъ. Не можемъ мы согласиться съ г. Даневскимъ и въ томъ, что теорія политическаго равновѣсія причинила человѣчеству больше золь, чѣмъ принесла бы ему добра въ случаѣ практическаго ея осуществленія. Зло было причинено войнами, предпринятыми *подъ предлогомъ* поддержанія или восстановленія равновѣсія (напр. война за австрійское наслѣдство, семилѣтняя война); войны, предпринятыя противъ дѣйствительныхъ нарушеній равновѣсія, т.-е. противъ стремленій къ господству надъ Европой, несомнѣнно принесли долю пользы, обезпечивъ возможность самостоятельнаго развитія государствъ и народовъ. Елизаветѣ и Вильгельму III принадлежитъ именно заслуга этого рода въ борьбѣ противъ Испаніи и Франціи. Еслибы Генрихъ IV не былъ остановленъ смертію въ приготовленіяхъ къ войнѣ съ Австріей, Германія не испытала бы, быть можетъ, всѣхъ ужасовъ тридцатилѣтней войны.

Лучшимъ отдѣломъ книги г. Даневскаго мы считаемъ тотъ, который посвященъ національной идеѣ. Отвергая завоеваніе, отстаивая право населеній располагать своей судьбой, признавая за международнымъ союзомъ обязанность охранять независимость національностей и свободное ихъ объединеніе, авторъ стоитъ на почвѣ тѣхъ началъ, которымъ несомнѣнно принадлежитъ будущее. Намъ кажется, однако, что онъ нѣсколько преувеличиваетъ значеніе національности. Въ основѣ социальныхъ группъ должны, по его мнѣнію, лежать комбинаціи физическихъ и физиологическихъ элементовъ, образуяція національность; прочное государственное единеніе между жителями сосѣднихъ территорій, принадлежащими къ разнымъ національностямъ, кажется ему невозможнымъ. Въ доказательство противнаго приводится обыкновенно Швейцарія; г. Даневскій старается опровергнуть этотъ доводъ аргументами, почерпнутыми изъ сочиненія г. А. Градовскаго. По мнѣнію обоихъ авторовъ, государственное общеніе швейцарскихъ нѣмцевъ, французовъ, итальянцевъ не создало швейцарской національности; отдѣльныя народности Швейцаріи не желаютъ слиться въ одинъ народъ. Это замѣчаніе справедливо, но оно не разрѣшаетъ спорнаго вопроса. Рѣчь идетъ не о томъ, могутъ ли, въ настоящее время представители трехъ различныхъ національностей соединиться въ одну націю, а о томъ, могутъ ли они оставаться въ предѣлахъ одного и того же государства, не чувствуя тяготѣнія къ главнымъ массамъ своего племени. Вотъ этотъ

то вопросъ и разрѣшается утвердительно примѣромъ Швейцаріи. Къ тому же выводу приводитъ примѣръ Эльзаса, жители котораго, несомнѣнно нѣмцы по національности, упорно не хотятъ соединенія съ Германіей. Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что рѣшающее значеніе въ вопросахъ государственнаго объединенія—при извѣстной степени политическаго и общественнаго развитія—имѣетъ сумма чувствъ, привычекъ и интересовъ, соединяющихъ составныя части цѣлаго или, наоборотъ, мѣшающихъ ихъ сближенію? Понятіе объ этой суммѣ совпадаетъ съ понятіемъ о національности *большою частью, но не всегда*; безусловно замѣнять первое послѣднимъ, безусловно отождествлять ихъ нѣтъ правильного основанія. Самъ г. Даневскій признаетъ, въ другомъ мѣстѣ, важность свободной воли, какъ одного изъ факторовъ „политической національности“; онъ допускаетъ, другими словами, что двѣ группы, принадлежащія къ одной и той же національности, могутъ не хотѣть объединенія и имѣть право уклоняться отъ него. Логическій выводъ отсюда—возможность такихъ политическихъ комбинацій, въ которыхъ прочно утѣшаются другъ подлѣ друга различныя національныя группы.

Объемъ книги г. Даневскаго увеличивается, не къ ея пользѣ, чрезвѣрнымъ обиліемъ цитатъ и ссылокъ. Говоря о политическомъ равновѣсіи, онъ излагаетъ, напримѣръ, весьма подробно содержаніе давно и заслуженно забытой брошюры нѣкоего полковника Фонъ-Шлейттера. Фактъ бѣгства неаполитанскаго короля передъ войсками Гарибальди извѣстенъ всѣмъ и каждому; г. Даневскій считаетъ нужнымъ подкрѣпить его ссылкой на сочиненіе Делюша: „Du principe des nationalités“. Кантонъ Граубинденъ г. Даневскій напрасно называетъ *Гризонамъ* (стр. 279); кто не знаетъ французскаго имени этого кантона, тотъ не пойметъ, о какой мѣстности идетъ здѣсь дѣло. Укажемъ, въ заключеніе, на двѣ немаловажныя ошибки автора. Извѣстнаго моралиста временъ Людовика XIV-го, Малебранша онъ причисляетъ къ сонму теоретиковъ абсолютной власти и легитимизма, жившихъ въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка—Бональда, де-Местра, Штала; „торжество реакціи,—говоритъ г. Даневскій,—нашло свое выраженіе въ ученіи Малебранша, обобщившаго и возвысившаго до стройной теоріи начала, вложенныя въ актъ священнаго союза“ (стр. 214). Въ другомъ мѣстѣ авторъ смѣшалъ зауряднаго французскаго публициста и экономиста Кошю (Cochut) съ венгерскимъ диктаторомъ Кошутомъ (Kossuth); ссылаясь на книгу, написанную первымъ, онъ вездѣ называетъ его Кошутомъ и говоритъ о немъ какъ объ „извѣстномъ революціонерѣ, сражавшемся за національную идею въ Венгріи“ (стр. 288, 286, 292).

— А. В. Лихачевъ. Самоубійство въ Западной Европѣ и Европейской Россіи. Опытъ сравнительно-статистическаго изслѣдованія. Спб., 1882.

Книга г. Лихачева представляетъ собою весьма полное обзорнѣе статистическихъ данныхъ, относящихся къ самоубійству. Польза такихъ трудовъ не требуетъ доказательствъ; исполненіе, въ данномъ случаѣ, отличается большою добросовѣстностью. Собраніе и группировка свѣдѣній, касающихся Россіи, очевидно, стоили автору большаго труда; избранный имъ вопросъ до сихъ поръ былъ разработанъ у насъ весьма мало, да и самая регистрація фактовъ оставляетъ желать весьма многого. Скучнымъ матеріаломъ, нашедшимся въ его распоряженіи, г. Лихачевъ воспользовался, какъ нельзя лучше. Чрезвычайно любопытны приложенныя къ книгѣ письма и записки самоубійцъ передъ самоубійствомъ.

Въ Россіи число самоубійствъ, пропорціонально къ населенію, всего больше на западѣ, всего меньше на востокѣ. Въ западныхъ губерніяхъ (если относить къ нимъ губерніи петербургскую и московскую) оно достигаетъ сорока, въ центральныхъ губерніяхъ—тридцати двухъ, въ сѣверныхъ и южныхъ—двадцати пяти, въ восточныхъ—восемнадцати на миллионъ жителей. Самыя большія цифры (102 и 77) упадаютъ, конечно, на долю столичныхъ губерній, петербургской и московской; послѣ нихъ слѣдуютъ губерніи острѣвскія (65), полтавская (50), витебская (45), вятская (44), подольская (44) и харьковская (43). На послѣдней ступени стоятъ губерніи самарская (12), саратовская (10), астраханская (10) и уфимская (9). Для Финляндіи и Царства Польскаго средняя цифра самоубійствъ—31, для всей европейской Россіи—30. Ниже тридцати число самоубійствъ падаетъ только въ Португаліи, Испаніи, Румыніи и Ирландіи; въ Англіи оно восходитъ до 66 (въ Лондонѣ до 84; слѣдовательно, лондонская цифра ниже петербургской), въ Австріи—до 130, въ Пруссіи—до 133, во Франціи—до 150 (въ Парижѣ—до 359), въ Саксоніи—до 311. Число самоубійствъ растетъ почти вездѣ, между прочимъ и въ Россіи, и притомъ растетъ, болѣею частью, быстрѣе, чѣмъ цифра населенія; обратное движеніе замѣчается только въ Норвегіи.

Значительная часть книги г. Лихачева посвящена изслѣдованію условій, отъ которыхъ зависитъ наклонность или тенденція къ самоубійству. Къ точнымъ, положительнымъ выводамъ придти здѣсь весьма трудно, какъ вслѣдствіе недостаточности фактическихъ данныхъ, такъ и въ особенности вслѣдствіе сложности, многочисленности и разнородности причинъ, отъ которыхъ зависитъ расположеніе къ самоубійству. Опредѣлить сравнительную важность каждой изъ нихъ

не всегда возможно. Такъ, на примѣръ, число самоубійствъ всего выше въ средней полосѣ Европы; но это еще не даетъ права утверждать, что укрѣпленный климатъ благоприятствуетъ самоубійству больше, чѣмъ холодный или жаркій, такъ какъ увеличенію числа самоубійствъ въ данной полосѣ могутъ способствовать и дѣйствительно способствуютъ другія условія, отчасти физиологическія, отчасти социальныя. Понятно, что лучшіе изъ числа западно-европейскихъ писателей, занимавшихся вопросомъ о наклонности къ самоубійству—Морзелли, Эттингенъ, Вагнеръ, Бриеръ-де-Буамонъ—не идутъ дальше догадокъ, къ которымъ, въ большинствѣ случаевъ, примыкаетъ и г. Лихачевъ. Значенія ихъ изслѣдованій это не уменьшаетъ; на пути столь новымъ догадки неизбѣжны, онѣ составляютъ первый шагъ къ болѣе достовѣрнымъ положеніямъ. Есть факты, и теперь уже установленные довольно твердо; таково, на примѣръ, повышеніе числа самоубійствъ весной и лѣтомъ (между тѣмъ какъ прежде думали, что всего больше располагаетъ къ самоубійству осень—самое мрачное время года), повышеніе числа самоубійствъ въ ранніе утренніе и послѣ-обѣденные часы (между тѣмъ какъ прежде самыхъ подходящихъ временемъ для самоубійства считалась ночь). Изъ числа національностей, по мнѣнію Морзелли, наибольшую тенденцію къ самоубійству имѣютъ нѣмцы; за ними слѣдуютъ скандинавы, кельторыяны (французы), англосаксы, славяне, итальянцы. Изъ вѣроисповѣданій наименьшимъ оплотомъ противъ самоубійства служитъ протестантизмъ.

Одно изъ самыхъ любопытныхъ явленій, констатированныхъ статистикой самоубійства—это высокая тенденція къ нему въ саксонскомъ королевствѣ; въ Дрезденѣ число самоубійствъ больше даже чѣмъ въ Парижѣ (365 и 359), въ Саксоніи вообще оно достигаетъ, какъ мы уже видѣли, максимальной, сравнительно съ прочими государствами, цифры 311 (въ 1878 г.—уже 408) на миллионъ жителей. Г. Лихачевъ объясняетъ это явленіе, согласно съ Вагнеромъ, особенностями саксонской народности, наиболѣе развитой въ религіозномъ, политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ; онъ указываетъ также на развитіе социальной демократіи, приверженцамъ которой „пришлось встрѣтить самыя тяжелыя разочарованія, отринуть семейныя связи“. Не отвергая безусловно перваго изъ этихъ объясненій, нельзя не замѣтить, что саксонское племя населяетъ не одну Саксонію, а весь сѣверо-западъ Германіи; между тѣмъ въ Ганноверѣ, на примѣръ, число самоубійствъ въ 1878 г. не превышало 153 на миллионъ. Что касается до социаль-демократіи, то въ Дрезденѣ она развита меньше, чѣмъ въ Берлинѣ, гдѣ число самоубійствъ—278; да и вообще увлеченіе новой доктриной едва ли можетъ усилить тенденцію къ само-

убійству, если только на нее не вліяетъ интензивность преслѣдованія, которой мы въ Саксоніи не видимъ. Въ Германіи, гдѣ большинство социаль-демократовъ принадлежитъ къ рабочему классу, разрывъ семейныхъ связей едва ли составляетъ обычный результатъ социаль-демократическихъ убѣждений. Саксонія—одно изъ тѣхъ государствъ Германіи, въ которыхъ всего болѣе развита фабричная промышленность, съ обычными ея спутниками—накопленіемъ населенія въ главныхъ центрахъ, контрастами между бѣдностью и богатствомъ; не въ этомъ ли — вмѣстѣ съ условіями религіи и расы — заключается причина увеличенія здѣсь числа самоубійствъ? Чтобы повѣрить эту догадку, необходимо было бы, конечно, знать цифру самоубійствъ въ такихъ городахъ, какъ Лейпцигъ, Хемницъ, Фрейбергъ, сравнительно съ цифрой ихъ въ земледѣльческихъ, сельскихъ округахъ такъ-называемой саксонской Швейцаріи. Мало убѣдительными кажутся намъ еще два предположенія г. Лихачева. Высшую, сравнительно, тенденцію къ самоубійству между бѣлоруссами, малороссами и литвинами онъ объясняетъ близостью Европы; но географическая близость здѣсь ничего не значитъ — а вліяніе западно-европейскихъ условій на бытъ названныхъ племенъ ничѣмъ не доказано, да едва ли и можетъ быть доказано. Въ другомъ мѣстѣ г. Лихачевъ утверждаетъ, что многіе толки безпоповщины усиливаютъ тенденцію къ самоубійству—и въ доказательство этого указываетъ на самосожиганіе раскольниковъ въ началѣ XVIII вѣка. Но развѣ теперь существуютъ условія, вызвавшія это ненормальное явленіе? Намъ кажется, что располагать къ самоубійству могутъ развѣ такіа выродженія раскола, какъ хлыстовщина, а отнюдь не другіе, наиболѣе распространенные его виды. Къ числу губерній, въ которыхъ всего больше раскольниковъ, принадлежатъ, безъ сомнѣнія, губерніи саратовская, самарская, востромская, пермская, нижегородская, псковская; числа самоубійствъ въ этихъ губерніяхъ — 10, 12, 15, 16, 16, 17, т.е. близкія къ минимуму.

— Современные церковные вопросы. Т. Филиппова. Спб. 1882.

Книга г. Филиппова состоитъ изъ двухъ частей. Одна, за небольшимъ исключеніемъ, посвящена греко-болгарскому церковному вопросу; другая—нашему расколу и въ особенности единовѣрію. Труды, здѣсь собранные, уже извѣстны были въ печати, и, безъ сомнѣнія, заслуживали быть собранными изъ книгъ старыхъ журналовъ или мало извѣстныхъ публикѣ изданій: предметъ ихъ, и особенно тѣхъ статей, которыя наполняютъ вторую часть, столь важенъ, что не мѣняло напоминать о нихъ еще разъ нашему читающему обществу.

Главныя статьи первой части: „Вселенскій патріархъ Григорій VI и греко-болгарская распра“; „Рѣшеніе греко-болгарскаго вопроса“; „Опредѣленіе константинопольскаго собора по вопросу о болгарскомъ экзархатѣ“. Всѣ онѣ относятся къ тому церковному раздору между болгарами и греками, который, начавшись уже давно, привелъ въ наши дни къ отдѣленію болгаръ отъ константинопольской патріархіи. Этотъ раздоръ, о которомъ немало было говорено и въ русской литературѣ, былъ несомнѣнно прискорбнымъ событіемъ въ церковномъ отношеніи; но прискорбно было и то, что отреченіе болгаръ отъ повиновенія константинопольской патріархіи имѣло сильныя поводы въ дѣйствіяхъ греческой іерархіи и духовенства въ средѣ болгарскаго народа. Накопившаяся издавна племенная антипатія наконецъ вырвалась наружу, когда въ болгарскомъ народѣ, до того въ значительной степени полусознательное существованіе подъ турецкимъ игомъ стало пробуждаться національное и общественное чувство. Волненіе, вызванное церковнымъ споромъ съ греками, было однимъ изъ признаковъ и проявленій національнаго болгарскаго возрожденія. Споръ съ греками, возстаніе противъ гнета, несомнѣнно испытаннаго болгарами съ ихъ стороны, были свидѣтельствомъ, что въ болгарскомъ народѣ начинало крѣпнуть чувство общественнаго и національнаго сознанія, рѣшимость защищать свое право и свое достоинство. Такимъ образомъ, вопросъ съ самаго начала и донынѣ могъ представляться въ двухъ видахъ, по двумъ разнымъ точкамъ зрѣнія: съ одной, это было явленіе прискорбное какъ церковный раздоръ между единовѣрными и (въ то время) одинаково подневольными народами, раздоръ, отрывавшій мѣсто вліяніямъ и интригамъ, враждебнымъ православію; съ другой точки зрѣнія, могли вызывать сочувствіе эти первыя проявленія общественнаго чувства въ народѣ, до тѣхъ поръ молча сносившемъ двойное порабоженіе—политическое и іерархическое, турецкое и греческое.—Г. Филипповъ давно, еще въ шестидесятыхъ годахъ, вмѣшался въ греко-болгарскій споръ очень ревностно и даже болѣе, чѣмъ только какъ публицистъ. Всѣ его симпатіи были на греческой сторонѣ, и вопросъ представлялся ему съ той первой точки зрѣнія, которую мы упоминали. Авторъ едва намѣчаетъ, какъ представлялся вопросъ съ другой стороны, именно со стороны давней фактической роли греческой іерархіи въ болгарской церковной жизни и вообще со стороны греко-болгарскихъ національных и бытовыхъ отношеній. Г. Филипповъ установилъ центръ тяжести своихъ сужденій на теоретической защитѣ древнихъ правъ константинопольской патріархіи, и въ результатѣ оказывается, что болгары совершали нарушеніе всякихъ церковныхъ законовъ, когда воспротивились власти этой патріархіи; но не нарушали ли церков-



ныхъ законовъ дѣйствія самой греческой іерархіи относительно болгаръ?—Русская церковная власть, по взгляду г. Филиппова, совершила большую ошибку, отнесшись къ греко-болгарской распрѣ уклончиво и заявляя дружелюбное отношеніе къ обѣимъ сторонамъ, которыя другъ друга отрицали и хулили. Мы согласимся съ авторомъ, что наилучшимъ, въ церковномъ порядкѣ, способомъ рѣшенія распри было бы сужденіе ея на вселенскомъ соборѣ, и что русская церковная власть сдѣлала ошибку, когда отвергла мысль о соборѣ, высказанную патріархомъ константинопольскимъ,—но затѣмъ, цѣлая постановка вопроса г. Филипповымъ остается односторонней.

Въ спорахъ, которые вызваны были болгарскимъ стремленіемъ къ автономной церкви, съ обѣихъ сторонъ выставлены были между прочимъ аргументы историческіе и каноническіе—о существовавшей нѣкогда болгарской самостоятельной церкви, и понятно, что обѣ стороны толковали историческія данныя каждая въ своемъ смыслѣ. Г. Филипповъ снова пересматриваетъ эти данныя и мнѣнія сторонъ, принимаетъ однѣ, отвергаетъ другія, обнаруживая и хорошее знаніе предмета, и ловкую, изворотливую критику. Въ концѣ концовъ, онъ приходитъ къ заключенію о малой основательности болгарскихъ притязаній и о предосудительности ихъ неповиновенія константинопольскому престолу.—Все это прекрасно,—но при этомъ возбуждаются нѣкоторыя недоумѣнія. Можетъ ли вообще „историческое право“ или преданіе,—какъ бы ни было оно доказано въ *старой* исторіи,—быть безусловно переносимо въ отдаленныхъ вѣкахъ на современную жизнь и быть абсолютнымъ рѣшителемъ въ судьбѣ народовъ? Еслибъ только это было возможно, это или произвело бы страшную борьбу человеческихъ обществъ,—потому что каждый народъ могъ бы выставить то или другое (разновременное) историческое право, которое стояло бы въ радикальномъ противорѣчій съ правомъ другихъ народовъ; или, если бы оно было вообще признано, оно положило бы предѣлъ развитію, остановило бы его на одномъ пунктѣ и создало бы новые примѣры китайской неподвижности.—Скажутъ, что рѣчь идетъ о бытѣ церковномъ, гдѣ храненіе преданія бываетъ священною обязанностью; но въ болгарскомъ вопросѣ дѣло идетъ никакъ не о существѣ исповѣданія, а чисто только о внѣшнихъ формахъ церковнаго управленія, къ которому упомянутая обязанность вовсе не относится. Для болгаръ, въ защиту ихъ стремленій, довольно указать въ этомъ отношеніи, что нѣкогда ихъ церковь имѣла свою автономію, и это достаточно выяснитъ возможность для нихъ искать ея и въ настоящее время. Противники всячески стараются ослабить этотъ аргументъ своими разъясненіями и перетолкованіями; но насколько это оружіе сильно, можно судить по тому, что если сторонѣ болгарской недостаетъ

иногда точныхъ свѣдѣній о древнихъ временахъ, то и греческой приходится прибѣгать къ тонкимъ ученымъ догадкамъ, которыя играютъ довольно плачевную роль въ доказательствѣ права, предполагаемаго абсолютнымъ и непререкаемымъ. Наконецъ, предположивъ даже, что болгарскія притязанія были исторически несправедливы относительно константинопольской патріархіи, можно спросить: если въ прежнее время извѣстныя *историческія, внѣшнія* условія (сила государства, превосходство въ образованности) создали значеніе именно *константинопольскаго* патріарха и поставили болгаръ въ прямую отъ него зависимость, отчего другія, такія же внѣшнія историческія условія не могутъ создать для нихъ другихъ формъ церковнаго быта, — какъ создались онѣ для другихъ православныхъ народовъ, для русскихъ, для сербовъ? — Притомъ, учрежденія, противъ которыхъ возставали болгары и которыя защищаются ихъ противниками, имѣютъ до такой степени характеръ практическій (административный и *финансовый*), что надо съ большою осторожностью защищать права греческой іерархіи въ Болгаріи — въ интересахъ достоинства самой этой іерархіи...

Административныя учрежденія церкви до такой степени были созданиємъ исторіи, такъ много зависѣли отъ обстоятельствъ внѣшнеполитическихъ, что наставлять на нихъ, только на основаніи канонической археологін, едва ли согласно съ христіанской истиной и съ требованіями современной жизни христіанскаго общества. Учрежденія служатъ для людей, а не люди для учреждений.

Какъ мы сказали, эти учрежденія имѣютъ въ большой степени чисто практическій характеръ, и въ немъ заключается одно изъ главныхъ оснований распри. Не разбирая откуда идетъ въковыя и чрезвычайная племенная вражда болгаръ къ грекамъ (и обратно), несомнѣнно, что денежные вымогательства греческихъ іерарховъ, правившихъ въ Болгаріи, вымогательства, — какъ извѣстно изъ *исторіи*, — доходившія иногда до крайняго насилія и безстыдства, очень помогли этой племенной враждѣ разростись до непримиримости. Неужели такая власть должна была сохраняться? И отчего авторъ, собирая упреки противъ болгаръ, не хотѣлъ остановиться на этой сторонѣ дѣла? Онъ, правда, не отрицаетъ греческихъ „несправедливостей и грустныхъ ошибокъ“, „притѣсненій и обидъ“, не защищаетъ „тѣхъ сторонъ въ характерѣ греческаго народа, отъ которыхъ было бы пріятно видѣть его свободнымъ“, — но ему кажется „злорадствомъ“, когда эти стороны греческаго характера, эти притѣсненія и несправедливости изображаются другими во всей ихъ отратительности. Авторъ не хочетъ видѣть, что „злорадство“ происходило именно отъ того, что явилась, наконецъ, впервые возмож-

ность раскрыть безобразныя отношенія, указать никому прежде невѣдомыя страданія угнетеннаго народа, высказать слово защиты, которое должно было диктоваться простымъ человеколюбіемъ. Греческій іерархъ, церковный учитель, — угнетающій свою духовную паству виѣстъ съ турецкимъ пашой и не хуже его, — это и есть едва ли не единственная причина греко-болгарской распри, и ее нельзя затушевать никакой канонической казуистикой.

Вторая часть книги заключаетъ, во-первыхъ, разборъ (въ формѣ письма) историческаго изслѣдованія раскольниковскаго ученія о бракѣ, г. Нильскаго. Опять должно отмѣтить въ этой статьѣ хорошее знакомство съ источниками и вѣрный критическій тактъ, съ которыми авторъ указываетъ ошибки разбираемаго изслѣдованія и даетъ правильную оцѣнку фактовъ. Изъ замѣчаній г. Филиппова отмѣтимъ въ особенности одно, которое относится къ цѣлому тону г. Нильскаго относительно раскольниковъ и которое можно рекомендовать также вниманію многихъ другихъ изслѣдователей раскола. Г. Филипповъ высказываетъ справедливое негодованіе противъ того презрительнаго высокомернаго тона, въ которомъ г. Нильскій говоритъ о старообрядцахъ, по поводу ихъ брачныхъ обычаевъ.

„Всѣ, читавшіе вашу книгу, съ кѣмъ только я имѣлъ о ней разговоръ (обращается авторъ къ Ивану Федоровичу Нильскому), согласно отзываются съ невыгодной для васъ стороны о томъ тонѣ, въ который вы нерѣдко впадаете при изображеніи непривлекательныхъ и предосудительныхъ чертъ изъ жизни раскольниковскихъ обществъ. Къ этимъ отзывамъ вполне присоединяюсь и я, тѣмъ болѣе, что впадая по временамъ въ этотъ тонъ, вполне свойственный комедіантѣ и водевилямъ и отнюдь не допускаемый въ серьезныхъ ученыхъ разсужденіяхъ<sup>1)</sup>, вы нисколько не искупаете своей ошибки потребнымъ для этого искусствомъ, которымъ въ высшей степени владѣетъ другой мой добрый пріятель, тоже Иванъ Федоровичъ (Горбуновъ). Жребіи человѣческіе раздѣлены, и лучше всего держаться каждому своей доли, какава она есть, не преступая въ предѣлы братень; по латыни это выйдетъ: *sumus sicutque*“.

Этотъ совѣтъ автору академической богословской диссертациі не вступать въ соперничество съ И. О. Горбуновымъ весьма характеристиченъ и, къ сожалѣнію для г. Нильскаго, справедливъ и умѣстель.

„Несоответствіе этого тона серьезному содержанію вашего сочиненія еще ярче выступаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда вашъ отзывъ о томъ или другомъ явленіи изъ жизни беспоповцевъ является при-

<sup>1)</sup> „Я разумѣю тутъ ваше: „здраву моему не препятствуй“ и тому подобныя изреченія“... (Прим. г. Филиппова).

томъ, и по сущности своей, несправедливымъ или, по крайней мѣрѣ, неравномѣрнымъ. Такъ, напримѣръ, говоря о совершеніи въ безпововицкомъ согласіи безсвященнословныхъ браковъ, вы выражаетесь такъ: „главная *фабрикація* раскольниковъ въ безпововскихъ браковъ въ С.-Петербургѣ совершалась на Охтѣ, въ бывшей здѣсь покровской молельнѣ“.

Эти и другія сему подобныя уничижительныя выраженія о безсвященнословномъ бракѣ, во-первыхъ, съ вашей же точки зрѣнія, несправедливы...; во-вторыхъ, непріятны, ибо они приводятъ на память другія вами же упоминаемыя и справедливо осуждаемыя выраженія (о тѣхъ бракахъ) нѣкоторыхъ епархіальныхъ архіереевъ, отъ коихъ намель нужно воздержать ихъ даже св. синодъ.

Меня въ этомъ дѣлѣ оскорбляетъ главнымъ образомъ то, что подобнаго выраженія никто изъ насъ не позволитъ себѣ, говоря о бракѣ, напримѣръ, лютеранскомъ; между тѣмъ какъ, по суду церковному, онъ не имѣетъ никакого преимущества передъ бракомъ покровской часовни. Какъ тотъ, такъ и другой совершается простою, т. е. лицомъ, не имѣющимъ благодати рукоположенія, — и вся разница, стало быть, въ томъ, что тамъ нѣмецъ и докторъ богословія, передъ которыми мы чувствуемъ трепеть, а здѣсь русскій простолюдинъ, котораго мы неоправдано презирать, сколь возможно, глубже. Это презрѣніе проявляется въ большей части сочиненій, писанныхъ противъ раскола, гдѣ нерѣдко попрекаютъ его наставниковъ тѣмъ, что они мужики. Это — черта какой-то аристократической брезгливости, носящей на себѣ печать шляхетскихъ нравовъ и занесенной къ намъ, какъ мнѣ кажется, кіевскими и вообще западно-русскими учеными. Не говоря о крайнемъ неприличіи такихъ попрековъ, нужно было бы брать во вниманіе хоть то, что раскольники съ необыкновеннымъ искусствомъ умѣютъ обращать эти попреки въ свою пользу, указывая на то, что „худородная міра и уничиженная нѣбра Богъ, и не сущая, да сущая оправданы“ (и т. п.).

„Разсчитливо ли давать своимъ противникамъ новое на себя оружіе?“

Мы замѣтили бы, что для объясненія этого презрительнаго отношенія къ „мужику“ едва ли нужно вспоминать западно-русскихъ ученыхъ: довольно было и своего помѣщичьяго и чиновничьяго логикъ и надмывательства надъ „мужикомъ“, чтобы оно сообщилося и духовному сословію, нѣкогда бывшему ксати и рабовладѣльческимъ.

Затѣмъ помѣщены во второй части четыре „чтенія — о нуждахъ единовѣрія“. Въ 1873—74 г., — говоритъ г. Филипповъ въ предисловіи, — мнѣ суждено было принять участіе въ разсмотрѣніи весьма

важнаго церковнаго вопроса „о нуждахъ единовѣрія“. Изслѣдованіе его началось сперва въ средѣ с.-петербургскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія, а потомъ съ большимъ оживленіемъ продолжалось въ печати, и еще съ большимъ въ устныхъ народныхъ собесѣдованіяхъ, о коихъ въ свое время сообщались любопытныя свѣдѣнія въ нѣкоторыхъ повременныхъ изданіяхъ. Вопросъ этотъ возбудилъ къ себѣ вниманіе во всѣхъ концахъ русской земли и даже за ея предѣлами. Константинопольская церковь, въ лицѣ своихъ избранныхъ ученыхъ, ознакомившись съ нимъ въ 1875 году по изданіямъ общества любителей просвѣщенія, выразила свое возвышенное воззрѣніе на предметъ въ соизволеніи основать для проживающихъ въ селѣ Майнось (кизической епархіи) русскихъ старообрядцевъ православный храмъ, съ правомъ служить въ немъ по московскимъ старопечатнымъ книгамъ и содержать бывшіе въ Москвѣ до патріарха Никона обряды, безъ присвоенія сими новыи чадомъ церкви какого-либо особаго именованія и вообще безъ всякаго различія послѣдователей до-нивоновскаго московскаго обряда отъ другихъ членовъ православной церкви, содержащихъ общій восточный обрядъ“.

„Такъ какъ вопросъ этотъ,—продолжаетъ г. Филипповъ,—и самъ по себѣ, и по его многоразличнымъ соотношеніямъ съ другими вопросами, имѣетъ великое значеніе для церкви, для нашего государственнаго общества и для духовной будущности нашего народа и ради сего требуетъ особеннаго къ себѣ вниманія отъ всякаго, кто заботливо помышляетъ о благѣ русской земли, то читатель безъ труда пойметъ и оправдаетъ мою рѣшимость въ этомъ изданіи помѣстить мою „Чтенія о нуждахъ единовѣрія“, отъ которыхъ нельзя отнять той, по крайней мѣрѣ, заслуги, что ими было дано движеніе самому вопросу“.

Важность предмета и заслуга объясненій, собранныхъ г. Филипповымъ, не подлежатъ сомнѣнію. Вопросъ о „нуждахъ единовѣрія“ поставленъ имъ въ широкомъ церковномъ смыслѣ, и отъ единовѣрія распространяется вообще на все старообрядчество. Г. Филипповъ утверждаетъ, что положеніе единовѣрія, установленное сначала при Екатеринѣ II и потомъ при Павлѣ въ правилахъ 1800 г., и послѣдовательно и несправедливо, потому что въ сущности при этомъ для такъ названныхъ „единовѣрцевъ“ совершена была отиѣна запрещеній стараго обряда соборами XVII вѣка и совершена некомпетентно, а затѣмъ неполнота церковныхъ правъ, имъ данныхъ, не согласна съ „общимъ православнымъ началомъ свободы обряда“; и авторъ наставляетъ, что это положеніе должно быть пересмотрѣно, т.-е. должны быть вообще пересмотрѣны постановленія старыхъ соборовъ, а это послѣднее возможно однимъ путемъ—созваніемъ новаго

яленскаго собора (каковы были соборы XVII вѣка, положившіе клятвы на старинъ до-никоновскій обрядъ). Новый соборъ можетъ разрѣшить, и безъ сомнѣнія разрѣшилъ бы наложенныя прежде клятвы, и это совершенно измѣнить церковное и государственное положеніе всего старообрядства и внести миръ въ русскую церковь, что составляетъ горячее желаніе и самихъ старообрядцевъ.

Взглядъ г. Филиппова на этотъ предметъ былъ выраженъ имъ въ точности въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) По буквальному смыслу соборнаго опредѣленія 13-го мая 1667 г. употребленіе до-никоновскаго обряда воспрещено было на будущее время *безусловно*. Отлученіе отъ церкви и клятва собора, не касаясь лицъ, употребившихъ эти обряды до соборнаго о нихъ рѣшенія, изречено было на всякаго, кто *послѣ* сего рѣшенія отказывался принять нововсправленный церковный обрядъ.

2) Этому опредѣленію вполне соотвѣтствуютъ... послѣдующія постановленія духовной и мірской власти до временъ Екатерины II, равно какъ и полемическіе приемы обличителей раскола.

3) Разрѣшеніе употреблять до-никоновскій обрядъ, данное обратившимся къ церкви старообрядцамъ сперва при Екатеринѣ II, безъ опредѣленныхъ условій, а потомъ при Павлѣ I на условіяхъ, изложенныхъ въ 16 правилѣхъ 1800 г., съ точнымъ смысломъ соборнаго опредѣленія 1667 г. *не согласно*.

4) Ограниченіе церковныхъ правъ единовѣрцевъ, изложенное въ 11-мъ и нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ правилъ митрополита Платона, ставить ихъ въ такое положеніе, которому въ православной церкви нѣтъ никакого подобія и которое во всякомъ случаѣ не согласуется съ постояннымъ и всеобщимъ *православнымъ началомъ свободы обряда*.

5) Для устраненія этихъ противорѣчій, которыя связываютъ не только единовѣрцевъ, но и насъ самихъ, необходимо пересмотръ соборнаго опредѣленія 1667 г., въ которомъ не было предвидѣно случаевъ искренняго обращенія къ церкви на условіи сохраненія прежняго обряда.

6) Наиболее удовлетворительнымъ способомъ для пересмотра этого опредѣленія было бы созваніе новаго собора, который необходимъ православной церкви и по другимъ не менѣе важнымъ причинамъ" (стр. 359—360).

Г. Филипповъ очень обстоятельно изложилъ эти положенія, сопровождая ихъ подробнымъ разборомъ историческихъ свидѣтельствъ и предложивъ на обсужденіе въ средѣ общества духовнаго просвѣщенія. Положенія г. Филиппова встрѣтили здѣсь по разнымъ пунктамъ нѣсколькихъ упорныхъ противниковъ; это были извѣстные гг.

профессора петербургской духовной академіи Нильскій, Чистовитъ, Чельцовъ, и покойный о. Іосифъ Васильевъ. Ни одно изъ положеній г. Филиппова не осталось безъ возраженій; съ особливою ревностью спорилъ противъ нихъ г. Нильскій, который однако же незадолго передъ тѣмъ самъ высказывался о значеніи соборныхъ опредѣленій 1667 г. тождественно со взглядомъ г. Филиппова. Смыслъ возраженій вообще клонился къ тому, чтобы отвергнуть необходимость той логической постановки вопроса г. Филипповымъ, которая казалась противникамъ слишкомъ радикальной, и защитить настоящее положеніе вещей: положеніе единовѣрія вовсе не таково, чтобы его можно было называть несправедливымъ; основаніе единовѣрія при Елатеринѣ и Павлѣ было совершенно правильно; постановленія старыхъ соборовъ XVII вѣка не были такими категорическими, чтобы нужна была теперь формальная и торжественная отмѣна наложенной имъ клятвы, и въ созваніи новаго вселенскаго собора не настоятъ необходимости.

Г. Филипповъ подробно и, можетъ быть, даже слишкомъ методически разобралъ выставленные противъ него возраженія, и по нашему мнѣнію опровергъ ихъ вполне доказательно, за исключеніемъ двухъ-трехъ второстепенныхъ и не существенныхъ подробностей. Онъ доказалъ, что соборъ 1667 г. былъ настоящій вселенскій; что соборъ произнесъ клятвы на будущихъ приверженцевъ стараго обряда самыя ясныя и категорическія; что онѣ могутъ быть отмѣнены лишь властью равносильнаго собора, а никакъ не административнымъ распоряженіемъ единичной мѣстной церкви; что по настоятельности исправленія положенія единовѣрія и старообрядства вселенскій соборъ является необходимостью для внутреннего мира русской церкви.

Изложеніе г. Филиппова очень доказательно; толкованія каноническихъ постановленій, споръ съ противниками ведены съ немалой полемической ловкостью и, иной разъ, — ядовитостью, несмотря на благочестивый предметъ изслѣдованія. Но и здѣсь, какъ въ разборѣ греко-болгарскаго вопроса, авторъ остается только въ области каноническаго права и за его тонкостями цѣлый вопросъ нашей церковной исторіи и современности освѣщается только съ одной стороны. Углубляясь въ букву каноническихъ постановленій, онъ забываетъ, что церковныя событія объясняются не только этою буквою, но цѣлыми условіями времени и степенью образованности. Существованіе буквы не мѣшало совершаться и *быть признанными* въ самой церкви такимъ фактамъ, которые весьма противорѣчили не только буквѣ, но и всему заявляемому существу церковной православной идеи. Авторъ говоритъ о „постоянномъ и всеобщемъ православіи и началѣ свободы обряда“, и, однако, это начало было очень грубымъ

образомъ отвергнуто въ XVII-мъ вѣкѣ, и авторъ находитъ это послѣднее правильнымъ. Петръ Великій, по мнѣнію автора, натворилъ много „тяжкихъ грѣховъ“ противъ церкви, и, однако, эти тяжкіе грѣхи вошли въ церковный бытъ и до сихъ поръ не отвергнуты. Основанія, принятые при учрежденіи единовѣрія, были канонически неправильны и, однако, возымѣли силу и никто въ средѣ церкви имъ не противорѣчилъ. Старый обрядъ проклять на соборѣ 1667 г., имѣвшемъ характеръ вселенскаго, — клятвы не были отложены, — и однако константинопольская церковь, безъ ихъ отиѣны и безъ всякаго новаго собора, разрѣшала въ Майносѣ этотъ старый обрядъ, и т. д. Читатель блуждаетъ среди противорѣчій, между которыми съ искусной казуистикой лавируетъ авторъ. Что же, наконецъ, управило этия событіями въ области церкви?

Общая исторія давно и хорошо знаетъ, какое вліяніе на судьбу учреждений имѣетъ измѣненіе общественныхъ и народныхъ понятій въ слѣдствіе развитія образованности и историческаго опыта. Не протестуется ли и сюда, въ область церкви, это вліяніе, и не слѣдуетъ ли откровенно дать общему историческому закону мѣсто и въ судьбѣ каноническихъ идей, соборныхъ рѣшеній (которые фактически ослабѣваютъ отъ вліянія времени и перестаютъ исполняться, хотя пока еще не были отиѣнены компетентной властью), и т. д.?

Повторимъ, что въ спорѣ о смыслѣ соборныхъ рѣшеній XVII-го вѣка и необходимости ихъ отиѣны новымъ соборомъ положенія автора кажутся намъ логически болѣе вѣрными, чѣмъ мнѣнія его противниковъ, ученыхъ профессоровъ и о. Васильева. Но противники его съ своей консервативной точки зрѣнія, настаивая на *status quo* и отвергая необходимость собора, по своему, быть можетъ, дальновиднѣе. — Авторъ и самъ ясно замѣчаетъ у своихъ противниковъ „вынужденное и притворное одобреніе идей соборовъ“ и рядомъ „страхъ и смущеніе передъ тою мыслию, что для осуществленія этой идеи придетъ когда-либо роковая минута“; онъ приводитъ также по этому вопросу отзывъ „Современныхъ Извѣстій“, наприимѣръ, такой отзывъ (1874, № 28):

„Едва ли не болѣе года въ Петербургѣ, въ отдѣлѣ общества любителей духовнаго просвѣщенія, продолжается *оригинальный споръ*, замѣчательный болѣе всего *отращеніемъ*, которое обнаруживаютъ (не въ первый разъ и не при одномъ этомъ случаѣ) представители образованнаго духовенства къ мысли о созваніи собора“ (Совр. Церк. Вopr., 481).

Этотъ страхъ, это смущеніе, это отвращеніе дѣйствительно очевидны, но откуда же они? Почему осуществленіе собора, если оно состоится, будетъ роковой минутой? Авторъ предполагаетъ страхъ



малодушный; но можетъ быть и страхъ иного рода—опасенія благо-разумія, страхъ людей, видящихъ роковыя послѣдствія, которыхъ не видятъ люди легкомысленные. Этотъ послѣдній страхъ можетъ быть вовсе не личный и своекорыстный, а, напротивъ, страхъ за миръ и спокойствіе общества. Не будемъ разбирать, котораго рода страхъ былъ у тѣхъ или другихъ противниковъ мнѣнія г. Филиппова; до-вольно сказать, что опасенія второго рода очень возможны.

Опасеній могло бы не быть, если бы соборъ былъ собранъ для тѣсно опредѣленной задачи, каково, напр., примиреніе греко-болгарской распри, или у насъ отиѣна клятвъ 1667 г. Послѣднее могло бы быть непріятно закоснѣлымъ консерваторамъ и любителямъ преслѣдованія, но порадовало бы людей истиннаго христіанскаго взгляда. Но соборъ могъ бы, и въ сущности долженъ бы, поставить и другіе не менѣе важные вопросы. Какъ мы видѣли, самъ г. Филипповъ намекалъ, что вселенскій соборъ былъ бы необходимъ и по другимъ вопросамъ кромѣ греко-болгарской распри и нашего старообрядства. И въ самомъ дѣлѣ, вселенская православная церковь такъ давно не собиралась на соборѣ, что въ умахъ человѣческаго общества, между прочимъ и православнаго, произошелъ громадный переворотъ съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній соборъ велъ свои разсужденія. Накопилось столько новыхъ мнѣній, эти мнѣнія столь распространены, столь близко касаются вопросовъ вѣры и догмата, и иногда становятся къ нимъ въ такое противорѣчіе, смущающее искренніе умы и сердца, что и для „увѣренныхъ“ и для „испытующихъ“ можно было бы желать и ожидать, чтобы вселенскій соборъ высказался объ этихъ предметахъ. Можно представить себѣ много разныхъ шансовъ какъ относительно состава будущаго предполагаемаго собора, такъ и относительно его рѣшеній; но, не разбирая этихъ шансовъ, можно, кажется, съ увѣренностію сказать, что, если только соборъ не останется внѣшне формальнымъ и дѣйствительно вникнетъ въ упомянутые вопросы, поставленные временемъ, то рѣшенія его не могутъ не взволновать общество, неизбѣжно возобновивъ борьбу идей, разбудивъ старую вражду, поднявъ новыя вопросы, поставивъ ребромъ тѣ противорѣчія, которыя теперь живутъ пока рядомъ—по крайней мѣрѣ въ „худомъ мирѣ“, который считается все-таки лучше „хорошей ссоры“.—Съ логической точки зрѣнія, соборъ, созданный въ XIX столѣтіи, не могъ бы обойти этихъ задачъ, объясненіе которыхъ должно быть глубокой потребностью искренно вѣрующихъ, и это объясненіе необходимо было бы для дѣла истины. Но люди, способные разсчитывать послѣдствія, по справедливости могутъ ощущать и страхъ, и смущеніе... Церковь католическая, имѣющая свои соборы, поставила эти вопросы и рѣшила ихъ, и „Syllabus“ ясно

опредѣлилъ положеніе католицизма относительно современной науки и современной жизни. Тѣ же вопросы стали бы и передъ соборомъ православнымъ...

Такъ ли проста эта многотрудная задача, чтобы поставить ее съ легкимъ сердцемъ теперь же, когда, быть можетъ, въ области современной теологической науки собрано еще недостаточно матеріаловъ для ея рѣшенія?

Въ частности, не долженъ ли будетъ вселенскій соборъ вскрыть наконецъ тѣ вопіющія противорѣчія, которыя, какъ мы видѣли, накопились въ практикѣ церковной жизни? Быть можетъ (даже совершенно вѣроятно), люди лицемерные и малодушные опасаются истины, которая можетъ быть сказана при этомъ; но трудность вопроса можетъ останавливать пока и людей совершенно искреннихъ, потому что трудность—несомнѣнна.



## ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е сентября, 1882.

Такъ называемый періодъ затишья.—Жалобы на равнодушіе общества, на туманъ, застилающій всѣ дороги.—Лекарство противъ крайностей пессимизма.—„Либералентъ“ и г. Энгельгардтъ?—Главныя достоинства „Писемъ изъ деревни“.—Слухи о прекращеніи приѣма на женскіе врачебные курсы.—Кадетскіе корпуса и военныя гимназій.

*Періодъ затишья*—такъ принято называть переживаемую нами минуту. Если остановиться только на внѣшнихъ признакахъ ея, это названіе можетъ показаться подходящимъ. О задуманныхъ или приготавливаемыхъ реформахъ ничего не слышно; неизвѣстно даже, будетъ ли продолжаться преобразовательная работа, начатая въ 1880-мъ году и выразившаяся, въ первые мѣсяцы 1882-го г., цѣлымъ рядомъ новыхъ, не лишенныхъ значенія законовъ. Никто не знаетъ, чего слѣдуетъ ожидать въ ближайшемъ будущемъ. Читая газеты извѣстнаго оттѣнка, можно подумать, что всѣ насущные интересы русскаго народа сосредоточены теперь въ Каирѣ и Александріи, что судьба Россіи тѣсно связана съ тѣмъ или другимъ разрѣшеніемъ египетскаго вопроса. Въ газетахъ много лагерь оплакивается равнодушіе русскаго общества, какъ истинная и глубокая причина установившагося застоя. Таково ли, однако, положеніе дѣлъ, какимъ представляетъ

его молчаніе однихъ, жалобное сѣтованіе другихъ? Что произошло въ три послѣдніе мѣсяца такого, вслѣдствіе чего могли бы успокоиться умы, улечься внутреннія, невидимыя волненія? Уменьшилось только, быть можетъ, число голосовъ, провозглашающихъ необходимость движенія; ссузились границы, опредѣляющія свободу рѣчи. Выводить отсюда перемену въ самомъ настроеніи общественнаго духа было бы крайне рискованно. *Затмѣсь* не идетъ дальше поверхности; преувеличивать его значеніе, толковать его въ смыслъ усталости, апатіи общества, въ смыслъ безусловнаго преобладанія „шкурныхъ инстинктовъ“, значить играть въ руку тѣмъ, кому нужна или дорога неподвижность. Чѣмъ менѣе подозрителенъ источникъ, изъ котораго идутъ подобныя толкованія, тѣмъ больше сопряженная съ ними опасность. Когда „Московскія Вѣдомости“, два года тому назадъ, доказывали невозможность „общественнаго содѣйствія“, отсутствіе въ обществѣ живыхъ силъ и сознательныхъ убѣжденій, имъ можно было отвѣтить: „Vous êtes orfèvre, monsieur Josse!“ Когда тоже самое доказываетъ теперь газета, не имѣющая ничего общаго съ органомъ г. Каткова, ея слова могутъ найти вѣру именно потому, что они идутъ въ разрѣзъ съ ея обычнымъ девизомъ. Если равнодушіе общества констатируется тѣмъ, кто всегда возлагалъ свои надежды именно на общество, то можно ли сомнѣваться въ томъ, что наиболѣе цѣлесообразна политика, игнорирующая общество и систематически обходящаяся безъ его поддержки? Вотъ логическій выводъ, къ которому ведетъ излишній пессимизмъ,—выводъ настолько же фальшивый, насколько несостоятельна его исходная точка.

Самымъ яркимъ выраженіемъ пессимизма, противъ котораго мы протестуемъ, служитъ письмо, напечатанное недавно въ одномъ изъ фельетоновъ „Голоса“. Если бы оно было приведено газетой какъ одно изъ тѣхъ безчисленныхъ мнѣній, которыя появляются въ смутный моментъ общественной жизни, всплываютъ наверхъ и тотчасъ же безслѣдно исчезаютъ, то мы оставили бы его безъ возраженій; мало ли что приходитъ на умъ и слишкомъ поспѣшно выкладывается на бумагу! Но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ простымъ фактическимъ сообщеніемъ; письмо, о которомъ идетъ рѣчь, рекомендуется намъ какъ произведеніе „одной изъ наиболѣе выдающихся умственныхъ силъ“, сопровождается словами: „убійственная логика! Въ послѣдовательномъ ходѣ мысли автора трудно было бы найти сколько-нибудь слабое звено“. Главныя черты этого „послѣдовательнаго хода мысли“ заключаются въ слѣдующемъ. „Въ фizioноміи современнаго общества нѣтъ ни малѣйшаго намека на потребность дѣйствія и того, что можно бы назвать жизнью общественною. Если въ обществѣ слышится еще говоръ, то онъ не служитъ уже выра-

женіемъ извѣстнаго строя понятій. Общество твердитъ *слова* либеральныя и консервативныя, твердитъ ихъ по старой памяти и какъ будто съ просонья... Въ дѣйствительности у насъ отворены двери всякой политикѣ; ни одни изъ нихъ не встрѣтять въ массѣ общества ни серьезнаго противодѣйствія, ни искренней поддержки... Изъ какова бы пункта ни отправлялась общественная мысль и къ какому пункту она бы ни стремилась, вездѣ по дорогѣ она встрѣчается съ какою-нибудь загадкою. Отправляется ли она отъ идеи „твердой власти“, она попадаетъ на старую и избитую дорогу „бюрократіи“, защитительныя и охранительныя силы которой, въ послѣднее время, подверглись сильному сомнѣнію. Отправляется ли она отъ „народной самостоятельности“, слѣдовательно отъ отрицанія бюрократіи, она входитъ въ область тумановъ, гдѣ случайныя просвѣты образуютъ разныя кабалистическія слова. Исходитъ ли она изъ понятія человѣческаго развитія, она робко останавливается у понятія „правового порядка“, смыслъ котораго остается невыясненнымъ. Въ краткомъ итогѣ: „твердая власть“ — туманъ; „народныя начала“ — туманъ; „правовой порядокъ“ — туманъ... Общество не знаетъ, ни куда ему идти, ни даже чего ему желать“. Въ заключеніе авторъ письма сводитъ всѣ внутренніе вопросы къ одному — „какъ поднять гражданскій духъ націи, при поразительной убыли котораго мы присутствуемъ“; но вопросъ этотъ такъ и остается безъ отвѣта.

Чтобы открыть *слабое звено* или слабыя звенья приведенной нами аргументаціи, не нужно ни большой проицательности, ни большихъ усилій. Представимъ себѣ, что толпа путешественниковъ стоитъ на перекресткѣ, откуда идутъ три дороги. Одна, извѣзженная вдоль и поперекъ, упирается въ безвыходный лѣсъ или возвращается, кружась, къ точкѣ отправленія. По другой дорогѣ свободно носились развѣдчики, но никакъ не могли опредѣлить, куда она ведетъ, да и ведетъ ли она куда-нибудь. Третья дорога загорожена крѣпкой рогаткой, за которой виднѣется, однако, довольно ясно широкій, удобный путь; извѣстно, притомъ, что по этому пути съ успѣхомъ двигались другія группы путниковъ и если не приходили, то приближались къ желанной цѣли. Правъ ли былъ бы тотъ, кто подвелъ бы всѣ три дороги подъ одинъ уровень, отнесся бы къ нимъ съ одинаковымъ скептицизмомъ? Авторъ письма вездѣ, на всѣхъ трехъ дорогахъ, видитъ туманъ и только туманъ; въ этомъ его первая, существенно важная ошибка. Дорога, отправляющаяся отъ идеи „твердой власти“ и ведущая къ бюрократіи (или, лучше сказать, никуда не ведущая, такъ какъ до бюрократіи мы дошли уже давно и стоимъ именно на ея почвѣ), освѣщена ослѣпительно ярко свѣтомъ нашего прошедшаго, и недавняго, и болѣе отдаленнаго; о туманѣ здѣсь не

можетъ быть и рѣчи. Онъ господствуетъ только на второй дорогѣ, господствуетъ на ней послѣ полутора-голичинныхъ усилій, оставшихся безплодными, не смотря на самую благоприятную обстановку. Попутный вѣтеръ долго раздувалъ паруса „народной политики“; ничто не мѣшало ей высказаться вполне, произнести свое послѣднее слово—но этого слова мы такъ и не дождались, и, вѣроятно никогда, не дождемся. Выяснилось съ очевидностью только то, что „народная политика“ во многихъ отношеніяхъ вовсе не народна, что отталкивая бюрократію одной рукой, она поддерживаетъ ее другою, что даже въ пресловутой „организациі уѣзда“ она не идетъ дальше властной заботы или посреднической опеки. Третья дорога никогда не пользовалась преимуществами, недавно еще принадлежавшими второй; попытки точнаго нанесенія ея на карту постоянно встрѣчали неодолимую преграду. Тумана надъ ней, тѣмъ не менѣе, нѣтъ, по крайней мѣрѣ того напускного тумана, о которомъ мы только-что говорили. Вынужденныя недоумовки—совсѣмъ не то, что добровольный отказъ отъ ясности; какъ онѣ ни прискорбны, онѣ не мѣшаютъ видѣть общія очертанія предмета. Заканчивая аллегорію, замѣтимъ, что третья дорога имѣетъ множество развѣтвленій; нѣтъ такой группы путешественниковъ, потребностямъ и средствамъ которой не соответствовало бы хоть одно изъ этихъ развѣтвленій. Незнаніе куда идти, чего желать, было бы понятно только въ такомъ случаѣ, если бы были испытаны всѣ дороги, и испытаны одинаково неудачно—или, по меньшей мѣрѣ, еслибы теоретическое изслѣдованіе ихъ, ничѣмъ не связанное и не стѣсненное, привело къ одинаково отрицательнымъ результатамъ. Ничего подобнаго нѣтъ на самомъ дѣлѣ—нѣтъ поэтому и того непрогляднаго, все-застылающаго тумана, который мерещится автору письма. Стоить только поискать—и опредѣленныя желанія найдутся; стоитъ только снять рогатку, воздвигнутую поперекъ третьей дороги—и опредѣленныя указанія пути не заставятъ себя ждать; останется только повѣрить ихъ на опытѣ.

Ни одна политика—утверждаетъ авторъ письма—не встрѣтитъ у насъ ни серьезнаго противодѣйствія, ни искренней поддержки. Съ первымъ можно согласиться, если понимать противодѣйствіе въ смыслѣ активной оппозиціи; пассивное сопротивленіе—по справедливому замѣчанію той самой газеты, которая такъ сочувственно отнеслась къ разбираемому нами письму—явленіе, знакомое нашей новѣйшей исторіи. Что касается до *искренней поддержки*, то сомнѣнія въ ея возможности слѣдовало бы предоставить всецѣло „Московскимъ Вѣдомостямъ“, вмѣстѣ съ избитою фразой о *словахъ*, машинально, по старой памяти повторяемыхъ обществомъ. Когда же общество приносило ихъ съ бѣльшимъ сознаніемъ, чѣмъ въ настоящее время?

Когда оно было болѣе богато горькимъ опытомъ, когда оно понимало яснѣе необходимость перейти отъ словъ къ дѣлу? Двадцать лѣтъ тому назадъ надеждами, увлеченіями общество было богаче, чѣмъ теперь; но именно тогда громадное большинство наслаждалось новизною и блескомъ словъ, внутренній смыслъ которыхъ былъ вполнѣ ясенъ только для ничтожнаго, въ численномъ отношеніи, меньшинства. Съ тѣхъ поръ интересъ новизны давно исчезъ; страшныя для однихъ, пріятныя для другихъ, слова потеряли свою магическую силу—за то созрѣли и опредѣлились убѣжденія, установились программы, обрисовались если не партіи, то группы, служащія основой для будущихъ партій. Судить о нихъ по степени производимаго ими шума было бы крайне странно, когда знаешь, что и въ полголоса-то имъ говорить не всегда удобно. Гдѣ же доказательство апатіи, равнодушія, упадка „гражданскаго духа націи“? Мы не утверждаемъ, чтобы онъ стоялъ особенно высоко—для этого условія настоящей минуты слишкомъ неблагоприятны; но между подъемомъ и паденіемъ есть середина. Намъ говорить, что общество покровительствуетъ хищенію, поощряетъ самый наглый обманъ, допускаетъ кулачную расправу. Все это до известной степени справедливо — но что же тутъ новаго, характеризующаго специально настоящую минуту? Это наше стародавнее наслѣдство, отъ котораго мы вполнѣ отдѣляемся еще нескоро. Печальнымъ, тревожнымъ признакомъ было бы только обостреніе зла, безъ соответствующаго усиленія реакціи противъ него; но такого признака современное положеніе дѣлъ не представляетъ. „Общество,—говорятъ намъ дальше,—беретъ подъ свою защиту товарищество г. Рагозина, и если разразятся судебныя громы надъ рыцарями несправедливой наживы, то это будетъ сдѣлано только по настоянію прокуратуры, а ужъ никакъ не по настоянію общества“. О какомъ обществѣ идетъ здѣсь рѣчь? Если объ обществѣ пайщиковъ, то всѣмъ извѣстно, какъ устроивается въ немъ искусственное большинство; если объ обществѣ въ обширномъ смыслѣ слова, то органы его—ежедневныя газеты—способствовали и, вѣроятно, будутъ способствовать еще раскрытію злоупотребленій. Брать на себя роль прокуратуры общество не можетъ; привести въ движеніе „судебныя громы“ въ правѣ только обвинительная власть. Совершилось дикое, безобразное нападеніе на редактора-издателя „Русскаго Курьера“; главный его виновникъ напечаталъ въ газетахъ письмо, въ которомъ онъ оправдываетъ свой поступокъ. Какъ ни прискорбенъ этотъ фактъ, для характеристики нашего общества онъ не даетъ матеріаловъ; въ громадномъ большинствѣ оправданія г. Свентцкаго не уменьшили чувствъ негодованія и презрѣнія, вызванныхъ глупостью о кулачной расправѣ. Выходи нѣкоторые газеты, прозвуч-

чавшія рѣзко фальшивой нотой, должны быть поставлены на счетъ только этимъ газетамъ; настроеніе общества онѣ выражаютъ въ данномъ случаѣ такъ же мало, какъ и во всѣхъ другихъ.

Составные элементы общества вездѣ неустойчивы и разнообразны; отношеніе между ними безпрестанно измѣняется; господствующее теченіе идетъ то въ одну, то въ другую сторону; хорошія стремленія то уступаютъ дурнымъ, то берутъ верхъ надъ ними. Зрѣлость общества, способность его къ самостоятельной дѣятельности не можетъ быть опредѣляема по отдѣльнымъ, случайнымъ фактамъ, не можетъ быть измѣряема даже болѣе постоянными явленіями, если они зависятъ, въ большей или меньшей степени, отъ тѣхъ же причинъ, которыми стѣснено свободное развитіе общественной жизни. Какъ велика подобная зависимость у насъ—это знаетъ всякій. Ожидать подъема гражданскаго духа націи, ничѣмъ его не вызывая и даже не устраняя препятствующихъ ему условій—значить замыкать себя въ очарованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода. Закрывать себѣ глаза на счетъ недостатковъ общества, отрицать очевидныя его несовершенства не слѣдуетъ, да и нѣтъ надобности; необходимо только избѣгать опасныхъ преувеличеній. Безспорно, въ нашемъ обществѣ много нездороваго — но есть и здоровыя силы, готовые идти впередъ и вынести на плечахъ всякое хорошее дѣло. Главная наша болѣзнь — не апатія, не равнодушіе, а нервное разстройство, произведенное недостаткомъ воздуха и свѣта. Авторъ письма, противъ котораго мы возражаемъ, говоритъ о преобладаніи у насъ „шкурныхъ инстинктовъ“; они сильно развиты, это правда—но даже изъ нихъ, при движеніи впередъ, можно извлечь большую пользу. Ихъ вызываетъ наружу неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ — заручиться ихъ поддержкой можетъ, слѣдовательно, энергическая инициатива, общающаяся обезоруженіе крайнихъ мнѣній, восстановленіе довѣрія и прочное внутреннее единство.

Цѣну чистаго воздуха никогда не чувствуешь такъ живо, какъ при выходѣ изъ комнаты больного, особенно если болѣзнь его не столько дѣйствительная, сколько воображаемая. Къ сожалѣнію о бѣднягѣ, добровольно увеличивающемъ духоту безъ того уже спертой комнатной атмосферы, присоединяется желаніе побѣдить его нителъность, отворить замыкаемые имъ окна и двери. Мы испытывали нѣчто похожее на это желаніе, читая книгу А. Н. Энгельгарда: „Изъ деревни“<sup>1)</sup>. Свѣжесть, которою она дышетъ, составляетъ по-

<sup>1)</sup> Въ составъ этой книги вошло одиннадцать писемъ, написанныхъ между 1872 и 1881 г. и напечатанныхъ, по мѣрѣ написанія, въ „Отечественныхъ Запискахъ“.

разительный контрастъ съ вялостью слабонервнаго, близорукаго пессимизма. Что-то бодрое, сильное слышится въ каждой строкѣ, что-то обнадеживающее, вызывающее на дѣятельность. Письма г. Энгельгардта—это настоящее лекарство противъ унынія, лекарство, которое такъ и хотѣлось бы предложить каждому мнимому больному,—да и другимъ больнымъ, болѣе серьезнымъ. Подобно тому, какъ доктора посылаютъ городскихъ жителей in's Grüne, мы хотѣли бы послать многихъ, весьма многихъ въ „деревню“ г. Энгельгардта. Это—не та деревня, куда приглашали насъ лѣтъ пять или шесть тому назадъ, куда еще раньше зазывали славянофилы; это—не та деревня, въ которой предполагалось найти неисчерпаемо-глубокій колодезь народной мудрости, вѣковья, утраченныя нашимъ обществомъ основы народнаго быта. Это—деревня простая, реальная, въ которой мы многому можемъ научиться, но которая, въ свою очередь, многому можетъ научиться и у насъ; это—деревня со всѣми своими недостатками и даже пороками, но и со всѣми привлекательными чертами, свойственными труду, землѣ, природѣ. Миръ, изображаемый г. Энгельгардтомъ, для насъ не новъ, какъ не нова и руководящая мысль автора; онъ идетъ по той же дорогѣ, по которой шли до него и рядомъ съ нимъ лучшіе изъ числа нашихъ „народныхъ“ беллетристы. Оригинальна и своеобразна манера г. Энгельгардта; больше напоминающая дружескую бесѣду, чѣмъ обработанное литературное произведение; поразительно мастерство, съ которымъ масса мелкихъ фактовъ укладывается у него въ стройную мозаическую картину; въ высшей степени симпатиченъ свѣтлый юморъ, никогда не измѣняющій автору. Намъ случалось слышать, что письма г. Энгельгардта написаны уже черезъ-чуръ безыскусственно, что въ нихъ слишкомъ много растянутости, повтореній и отступленій; можетъ быть, это и такъ, но мы любимъ ихъ такими, какія они есть, со всѣми ихъ техническими несовершенствами. Непринужденность языка соответствуетъ, въ нашихъ глазахъ, правдивости содержанія, повторенія усиливаютъ впечатлѣнія, эпизоды связаны между собою и съ главной темой—единствомъ основного взгляда.

Намъ приходится на память курьёзное мнѣніе, высказанное недавно на счетъ отношеній „либеральной“ печати къ письмамъ г. Энгельгардта (еще до выхода ихъ въ свѣтъ отдѣльной книгой). „Петербургской прессой“,—читаемъ мы въ „открытомъ письмѣ“, адресованномъ г. Энгельгардту однимъ изъ сотрудниковъ и поклонниковъ „Руси“,—вы живо причислены къ лику либеральныхъ слыхихъ, вамъ ставятся свѣчи, но вмѣстѣ съ тѣмъ говорить о васъ, разсуждать ваши взгляды, анализировать ваши выводы стараются какъ можно меньше. Молодежь знаетъ васъ наизусть, а между тѣмъ, ука-



жите мнѣ, пожалуйста, хоть одну серьезную критическую статью о васъ въ какомъ-нибудь либеральномъ органѣ? Укажете мнѣ хоть одну выдающуюся въ литературѣ либеральную единицу, которая была бы согласна съ вами и выразила это совершенно откровенно? Вы можете смѣло смѣяться надъ тѣмъ, что съ извѣстной условно-либеральной точки зрѣнія считается святымъ—и ни одинъ „либералъ“ не посмѣетъ при этомъ васъ выругать, потому что вы серьезно причислены и молодежью, и журналистикой къ либеральному петербургскому лагерю, считаетесь тамъ однимъ изъ своихъ столповъ<sup>1)</sup>. Изъ молчанія критики,—молчанія, притомъ, вовсе не безусловнаго и выпадающаго на долю не одного г. Энгельгардта<sup>1)</sup>,—дѣлается здѣсь выводъ, претендующій на ядовитость, но въ сущности только смѣшной. „Либеральный лагерь“—понятіе крайне широкое и эластичное; оно обнимаетъ собою множество оттѣнковъ, не одинаково близкихъ къ образу мыслей г. Энгельгардта. Есть, конечно, черты, общія всѣмъ этимъ оттѣнкамъ; есть начала, безъ которыхъ немислимы какой бы то ни было „либерализмъ“; но мы желали бы знать, какія именно изъ этихъ началъ были предметомъ отрицанія или насмѣшки со стороны г. Энгельгардта? Пока они не указаны намъ опредѣленно и ясно, мы считаемъ достаточнымъ отмѣтить главные точки соприкосновенія между г. Энгельгардтомъ и „либерализмомъ“, главные пункты разногласія между нимъ и „націоналами“, напрасно пытающимися установить какую-то съ нимъ солидарность. Извѣстно мнѣніе „націоналовъ“ объ интеллигенціи, отрѣшившейся отъ народа и имъ отверженной, безсильной дать ему что-либо другое, кромѣ смѣянь, порчи и разложенія. Что говорить по этому поводу авторъ „Писемъ изъ деревни“? „Мужику нуженъ интеллигентъ. Мужику нуженъ земледѣлецъ-агрономъ, земледѣлецъ-врачъ, земледѣлецъ-мушкетеръ, земледѣлецъ-учитель. Мужику нуженъ интеллигентъ-земледѣлецъ, самолично работающій землею. Россіи нужны деревни изъ интеллигентныхъ людей... Русскій интеллигентъ долженъ внести свѣтъ въ русское земледѣліе... Интеллигентный человѣкъ нуженъ землѣ, нуженъ мужику. Онъ нуженъ потому, что нуженъ свѣтъ для того, чтобы разогнать тьму. Великое дѣло предстоить интеллигентнымъ

<sup>1)</sup> Лѣтъ двадцать тому назадъ ни одна почти книжка толстаго журнала не выходила безъ критическаго разбора статей, помѣщенныхъ въ другихъ журналахъ. Этотъ обычай имѣлъ свои неудобства, но имѣлъ и свои хорошія стороны, и нельзя не пожалѣть, что онъ совсѣмъ вышелъ изъ употребленія. Отсутствие отдала, косвеннаго обзорнаго выдающихся явленій текущей журналистики—вотъ естественная причина, по которой письма г. Энгельгардта, наравѣ съ многими другими замѣтельными статьями, не были до сихъ поръ предметомъ подробной оцѣнки въ нашихъ журналахъ.

людямъ. Земля ждетъ ихъ и мѣсто найдется для всѣхъ". Націоналы относятся свысока къ существующимъ земскимъ учрежденіямъ, мечтаютъ о преобразованіи уѣзда и о мелкой всесословной, но административной, а не самоуправляющейся единицѣ, во главѣ которой стоялъ бы воскресшій изъ мертвыхъ мировой посредникъ. Г. Энгельгардтъ—также невысокаго мнѣнія о земствѣ въ его настоящемъ видѣ, и не прочь посмѣяться надъ его непрактичностью, надъ его бумажнымъ отношеніемъ къ дѣлу; но уже давно, когда вопросъ о всесословной волости былъ едва поднятъ—и поднятъ преимущественно нашими феодалами—авторъ „Писемъ изъ деревни“ стоялъ за установленіе свободной, живой земской единицы, обнимающей всѣхъ жителей данной мѣстности и составляющей первую ступень народнаго самоуправления. „Если бы земскіе люди были дѣйствительно люди, приближенные земскими обывателями,—читаемъ мы во второмъ письмѣ, написанномъ еще въ 1873-мъ или 1874-мъ году,—если бы это дѣйствительно были представители лицъ, живущихъ на извѣстныхъ пространствахъ, если бы это были лица, которыя бы знали, для чего ихъ избираютъ, если бы и избиратели знали, зачѣмъ избираютъ—тогда другое дѣло... Вотъ если бы волость—единица, волостной старшина выборный, свой волостной судья, въ волости живущій, свои выборы поимъ волостные, своя внутренняя волостная полиція, свой волостной сѣвътъ! Тогда бы скорѣе могъ явиться свой волостной докторъ, своя волостная школа, своя волостная ссудная касса"... Націоналы недовольны существующей народной школой, желали бы оградить ее отъ тлетворнаго вліянія интеллигенціи; г. Энгельгардтъ стоитъ за широкое, свободное развитіе простой крестьянской школы, съ учителями, выбранными деревней и стоящими на одномъ съ нею уровнѣ—но онъ далекъ отъ мысли, чтобы это былъ самый лучший типъ народной школы. „Плохи, конечно, мужицкія школы,—говоритъ г. Энгельгардтъ,—плохи учителя, не скоро выучиваются дѣти даже крѣпкой грамотѣ, но важно то, что эта школа близка, что она у себя въ деревнѣ, что она *своя*. Положимъ, въ земской школѣ учать лучше, но гдѣ она, эта земская школа? За десять верстъ гдѣ-нибудь!.. Все дѣло интеллигентныхъ людей состоитъ въ томъ, чтобы способствовать развитію мужицкихъ школъ, поддерживать, наставлять мужицкихъ учителей. Необходима хорошая школа съ хорошимъ учителемъ, но этотъ учитель долженъ знать всѣ школы своего участка, помогать имъ, направлять учителей“. Націоналы выбиваются изъ силъ, чтобы опровергнуть фактъ крестьянскаго малоземелья, приписываютъ народную бѣдность варварскому мужицкому хозяйству, ратуютъ противъ крестьянскаго поземельнаго банка, проповѣдуютъ всеспасающую силу искусственныхъ туковъ; г. Энгельгардтъ, вооруженный не

только опытомъ, но и наукой, признаетъ „возрѣнія мужика на хозяйство въ общемъ правильными“, смѣется надъ вѣрою въ туки и вмѣняетъ интеллигенціи въ заслугу ея вниманіе къ вопросу о малоземельѣ. „Малоземелье, по словамъ „Руси“,—восклицаетъ г. Энгельгардтъ,—выдуманно либералами. Пусть же „Русь“ и меня причтетъ къ либераламъ, но пусть со мной причтетъ къ либераламъ и всего мужика, который стонетъ отъ малоземелья“.

Констатированіе причинъ, мѣшающихъ развитію народнаго хозяйства и увеличенію народнаго благосостоянія, указаніе пути, на которомъ можетъ быть найдено примиреніе враждебныхъ интересовъ — вотъ въ чемъ заключается главная сила „Писемъ изъ деревни“. Сдѣйствіе переходу земель въ руки крестьянъ, поднятіе умственнаго уровня народа посредствомъ общенія его съ интеллигенціей — вотъ основныя черты программы г. Энгельгардта. Надъ этой программой стоить призадуматься и правительству, и обществу. Значительная часть ея можетъ быть осуществлена только путемъ реформъ въ законодательствѣ и администраціи; но многое можетъ быть сдѣлано и свободной общественной или личной инициативой. Примѣръ г. Энгельгардта, нашедшаго въ деревнѣ широкое примѣненіе для своихъ знаній, не останется или, лучше сказать, не остался уже безъ подражателей. Какъ всякій новаторъ, всей душой преданный своему дѣлу, г. Энгельгардтъ впадаетъ иногда въ преувеличенія, нисколько, впрочемъ, не уменьшающія значенія его взглядовъ. Нетрудно замѣтить, напримѣръ, что дорога, за которую такъ горячо стоитъ г. Энгельгардтъ, не единственная, достойная мыслящаго и чувствующаго человека, что всей интеллигенціи или хотя бы только всей молодой интеллигенціи незачѣмъ идти въ деревню, что для нея есть дѣло и въ городахъ, не менѣе важное, чѣмъ работа на землѣ и надъ землею. Даже въ деревнѣ можно быть полезнѣйшимъ учителемъ, врачомъ, акушеромъ, не будучи, вмѣстѣ съ тѣмъ, земледѣльцемъ, не умѣя „самолично работать землю“. Пускай г. Энгельгардтъ припомнитъ столь симпатично и живо изображеннаго имъ мужика Ефѣра, душа котораго лежала ко всякой работѣ, только не къ земледѣльческой. Такихъ Ефѣровъ найдется немало и между интеллигентами, немолодыми и даже молодыми; къ чему же призывать ихъ за плугъ, за косу, которыми они все равно порядочно владѣть не научатся? Не будетъ ли время, проведенное ими въ полѣ, отнято у другого, болѣе производительнаго труда? „Странно,—говоритъ г. Энгельгардтъ про собственнаго своего сына (бывшаго тогда ученикомъ классической гимназіи),—что проживая каждое лѣто въ деревнѣ, гдѣ все пропитано хозяйственными интересами, мальчикъ нисколько хозяйствомъ не интересуется, и до сихъ поръ, кажется, не умѣетъ отли-

чить ячменя отъ овса, не знаетъ, какъ обрабатывается паровое поле, никогда не бываетъ на скотномъ дворѣ, которымъ я интересуюсь болѣе всего". Намъ кажется, что здѣсь нѣтъ ничего страннаго, что это только наглядный аргументъ противъ поголовной вербовки въ хлѣбопашцы. Чѣмъ выше притомъ уровень требованій, которымъ долженъ удовлетворять деревенскій судья, деревенскій врачъ, деревенская акушерка, тѣмъ труднѣе ожидать, чтобы всѣ эти занятія были совмѣстимы съ земледѣліемъ, съ умѣньемъ и досугомъ, необходимыми для „самоличной обработки земли“. Повторяемъ еще разъ, опасаться всеобщаго обращенія интеллигентовъ въ хлѣбопашцы нѣтъ причины; сила вещей возьметъ свое и не допустить загроможденія одной дороги въ ущербъ всѣмъ прочимъ. Убѣжденная, глубоко-искренняя проповѣдь г. Энгельгардта можетъ имѣть только благіе результаты; она можетъ вызвать отливъ силъ отъ переполненныхъ, безъ всякой надобности и пользы, городскихъ профессій, приливъ силъ въ деревню, которая въ нихъ такъ нуждается. Интеллигентныя сельскія общины, о которыхъ говоритъ г. Энгельгардтъ — не фантазія мечтателя, а вполне серьезная мысль, исполненіе которой было бы громаднымъ шагомъ впередъ для Россіи. Пока ихъ нѣтъ, въ деревнѣ найдется много работы и для отдѣльныхъ, разобщенныхъ дѣятелей, прошедшихъ сначала черезъ школу умственнаго, потомъ черезъ школу физическаго труда и почерпнувшихъ въ послѣдней все то, чего не можетъ дать одна первая. Въ замѣнъ иллюзій, школа физическаго труда дастъ дѣйствительное знаніе народа—то знаніе, которымъ такъ силуетъ г. Энгельгардтъ. Чтобы понять значеніе этого знанія, достаточно припомнить все сказанное г. Энгельгардтомъ о работѣ на артельныхъ началахъ. Отлично понимая и объясняя всѣ громадныя преимущества артельной работы („О! если бы крестьяне изъ своей общины сдѣлали пчелиный улей, развѣ они тогда ходили бы въ лаптахъ?“), г. Энгельгардтъ признаетъ, что разобщенность между крестьянами въ послѣднее время скорѣе увеличивается, чѣмъ уменьшается, что хорошо работаютъ крестьяне болѣею частью тогда, когда каждый работаетъ на себя, что дойти до артельной обработки земли крестьяне могутъ еще не скоро, что для этого нуженъ сильный подъемъ ихъ образовательнаго уровня.

Въ одномъ только отношеніи г. Энгельгардтъ подходитъ, повидимому, ближе къ націоналамъ, нежели къ либераламъ—въ отношеніи къ войнѣ, къ восточному вопросу. „Нытью и страху“, господствовавшимъ въ Петербургѣ передъ войною, онъ противопоставляетъ своей твердость мужика. „Неужто-жъ наша сила не возьметъ, какъ на рукопашъ пойдетъ? Какъ денегъ нѣтъ, зачѣмъ деньги? Не имѣетъ денегъ, царь еще велитъ надѣлать. И Кастиноль возьмемъ,

и турецкую землю заберемъ,—полно турку бунтовать! И англичанки въ хвостъ ударимъ". Подъ влияніемъ такихъ крестьянскихъ изреченій, г. Энгельгардтъ говоритъ иногда и самъ отъ себя языкомъ, отчасти напоминающимъ манеру московскихъ патриотовъ. „И Константинополь возьмемъ, и Европу расколотимъ. И въ Европѣ мужикъ за насъ будетъ. Кто пишетъ противъ насъ? Англіійскіе, нѣмецкіе, венгерскіе, турецкіе баре". Рядомъ съ этими въ „Письмахъ изъ деревни" разсыпана масса фактовъ, ясно свидѣтельствующихъ о томъ, что такое война для мужика, какія бѣдствія она вноситъ въ крестьянское семейство. Нашъ крестьянинъ не дорого цѣнитъ свою жизнь—но это еще не причина, чтобы ее дешевле цѣнили другіе. Крестьянинъ полагаетъ, что денегъ можно надѣлать сколько угодно—но это еще не причина, чтобы такъ же думали люди, знакомые съ значеніемъ бумажныхъ денегъ. Крестьянинъ можетъ, по-суворовски, возлагать надежду на штыкъ или кулакъ—но это еще не причина забывать, что прежде, чѣмъ дойти до рукопашнаго боя, приходится подвергаться чуть не четверть часа дѣйствію скорострѣльныхъ и далеко бьющихъ ружей. Крестьянинъ можетъ говорить о ваятін Кастинполя, объ ударѣ въ хвостъ англичанки, какъ о вещахъ самыхъ простыхъ и легкихъ—но этотъ взглядъ не обязателенъ для тѣхъ, кому извѣстны силы западно-европейскихъ государствъ. Мы знаемъ, что наивное, несокрушимое довѣріе крестьянъ можетъ имѣть обязательную силу, мы понимаемъ, почему оно такъ заразительно подѣйствовало на г. Энгельгардта; но иллюзія все-таки остается иллюзіей, и фразы о томъ, что „мы расколотимъ Европу", все-таки остаются опасными фразами. Надежда, что „за насъ въ Европѣ будетъ мужикъ"—слишкомъ шаткое основаніе для рискованнаго шага. Во Франціи, до іюля 1870 г., также, можетъ быть, были люди, рассчитывавшіе на сочувствіе или, по меньшей мѣрѣ, на нейтралитетъ нѣмецкаго рабочаго; въ какой степени основательнымъ оказался этотъ расчетъ—это слишкомъ хорошо извѣстно. А между тѣмъ, внутренняя связь между французскими и нѣмецкими рабочими безъ сравненія несомнѣнно больше, чѣмъ между нѣмецкими и русскими мужиками. Допустимъ, что Россію ненавидятъ только западно-европейскіе баре; въ походѣ противъ нея, если бы онъ былъ предпринятъ, двинулся во всякомъ случаѣ вслѣдъ за офицерами и солдаты, вслѣдъ за барамъ и рабочіе, и крестьяне. Отношеніе нашихъ крестьянъ къ войнѣ, какимъ оно изображено у г. Энгельгардта, достойно всякаго подражанія, когда война уже начата или, по крайней мѣрѣ, рѣшена—но отнюдь не тогда, когда идетъ вопросъ—быть или не быть войнѣ.

Мы едва коснулись богатаго содержанія „Писемъ изъ деревни"; чтобы исчерпать его, нужно было бы написать цѣлый радъ обшир-

ныхъ статей. Отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, способъ веденія хозяйства у тѣхъ и другихъ, самостоятельный и наемный крестьянскій трудъ, понятія крестьянъ о собственности, такъ-называемое народное пьянство, обиліе праздниковъ, народная пища, медицинская помощь въ деревнѣ, спеціальныя крестьянскіе промыслы, семейные раздѣлы, роль урядниковъ, какъ крестьянскаго начальства— все это иллюстрировано у г. Энгельгардта цѣлымъ рядомъ картинъ и разсужденій, сплетенныхъ въ одно безыскусственное, но гармоническое цѣлое. Мы не можемъ останавливаться на деталяхъ, перечислять такія прелестныя страницы, какъ, напримѣръ, характеристика „ландитера“ Савельича, какъ эпопея баттшевскихъ собакъ, какъ починка дороги передъ проѣздомъ губернатора; уважемъ только на поразительный, не смотря на всю свою простоту, расказъ о томъ какъ г. Энгельгардту вездѣ стали мерещиться начальническія кепки (стр. 353—367). Когда, наконецъ, жизнь въ деревнѣ и работа вмѣстѣ съ крестьянами перестанутъ быть сами по себѣ источникомъ недоумѣній и подозрѣній?

Два мѣсяца тому назадъ мы выражали надежду, что кризисъ, угрожавшій существованію женскихъ врачебныхъ курсовъ, миновалъ благополучно; теперь намъ приходится занести въ хронику печальный слухъ о прекращеніи приѣма на курсы. Сообщая этотъ слухъ, вмѣстѣ съ воззваніемъ „Медицинскаго Вѣстника“ о пожертвованіяхъ въ пользу курсовъ, „Русь“ (№ 33) прибавляетъ отъ себя слѣдующее замѣчаніе: „трудно предположить, чтобы это воззваніе могло хотъ сколько-нибудь помочь дѣлу, не имѣющему за собой *крупныхъ серьезныхъ результатовъ за все время своего существованія*“. Вотъ въ такихъ-то замѣчаніяхъ, ни на чемъ не основанныхъ и не имѣющихъ въ сущности никакого смысла, слагается атмосфера, въ которой легко задуть любое хорошее дѣло. Если бы женскіе врачебные курсы просто увеличили число лицъ, способныхъ подать медицинскую помощь, то и это одно было бы уже результатомъ „серьезныхъ и крупныхъ“, въ виду крайняго недостатка врачей въ уѣздахъ. Если бы дѣятельность женщинъ-врачей была извѣстна только по однимъ отчетамъ и корреспонденціямъ военнаго времени, то и этого было бы уже достаточно, чтобы дорожить дальнѣйшимъ развитіемъ полезнаго учрежденія. Но это только небольшая доля того, что можно сказать въ защиту женскихъ врачебныхъ курсовъ. „Серьезные и крупные“ ихъ результаты извѣстны каждому, кто имѣлъ случай видѣть женщинъ-врачей на земской службѣ или вообще въ деревнѣ, кто знаетъ, съ какимъ довѣріемъ обращаются къ нимъ и

крестьянамъ, и крестьяне. Идеализировать женщинъ-врачей мы вовсе не намѣрены; мы знаемъ по опыту, что между ними, какъ и во всякой другой профессіи, есть лица выдающіяся и заурядныя, самоотверженныя и эгоистичныя, всей душой преданныя своему дѣлу и относящіяся къ нему спуста рукава. Весь вопросъ заключается въ томъ, какъ высокъ средний ихъ уровень—и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть данъ весьма благопріятный для курсовъ. Отдѣльный голосъ, въ дѣлахъ такого рода, конечно не можетъ имѣть большого значенія, если онъ идетъ въ разрѣзъ съ господствующимъ теченіемъ; обнаружить „серьезныя и крупныя“ результаты врачебныхъ курсовъ должны отзывы *учрежденій*—клиникъ, больницъ, земскихъ управъ и собраній. Многія изъ нихъ имѣли уже случай высказаться за женщинъ-врачей; но въ заявленіяхъ этого рода, сдѣланныхъ съ разныхъ сторонъ, въ одно и то же время, мы видимъ необходимый противовѣсъ скептическимъ замѣчаніямъ о безрезультатности курсовъ. Предположеніямъ слѣдуетъ противопоставить факты; они краснорѣчивѣе всякихъ воззваній. Частныя пожертвованія едва ли обезпечать существованіе женскихъ врачебныхъ курсовъ; нужно доказать ихъ право на государственную поддержку.

Благодаря тому обстоятельству, что у насъ преобразованія, или, вѣрнѣе сказать, перемѣны, совершаются быстрѣе и повторяются чаще, нежели въ исторіи какого-нибудь другого общества,—одно и то же поколѣніе у насъ бываетъ иногда свидѣтелемъ полнѣйшаго осужденія того или другого порядка вещей, послѣдовавшей за тѣмъ отміны его, и восстановленія того же, что осуждалось на памяти еще живущихъ поколѣній. Это—одна изъ характеристическихъ чертъ въ развитіи нашего общества,—и ее никакъ нельзя отнести къ числу благопріятныхъ. Между тѣмъ, ни одно общество, какъ русское, не несетъ столько упрековъ въ легкомыслію, неустойчивости, отсутствіи здраваго консерватизма; но едва ли какое другое общество живетъ при такихъ условіяхъ, которыя дѣлають всѣ упомянутыя качества почти неизбѣжными. Всего любопытнѣе, при этомъ, бываетъ наблюденіе за нашею печатью; одной и той же редакціи газетъ приходилось, какихъ-нибудь лѣтъ пять, шесть тому назадъ, писать самыя убѣдительныя статьи о необходимости того или другого преобразованія, говорить рѣшительно о недостаткахъ какого-нибудь порядка вещей, наконецъ, по отміны его, представить, хотя и заднимъ числомъ, всѣ его безобразія; и вскорѣ, почти тѣмъ же самымъ перомъ она заноситъ на свои столбцы извѣщеніе о восстановленіи того самаго факта, который былъ недавно осуждаемъ въ этой же газетѣ, на памяти тѣхъ же самыхъ ея читателей. Конечно, восстановленіе факта не сопровождается въ печати такими же ис-

креними комментаріями, какими было напутствовано его уничтоженіе; это понятно само собою; но самая неискренность отзывовъ, которыми снабжаются подобныя извѣщенія, и нѣкоторая фигуральность выраженій, сопровождаемая недомолвками—служать свидѣтельствомъ, насколько въ подобныхъ случаяхъ печать чувствуетъ себя въ неловкомъ положеніи предъ читателемъ, котораго она такъ еще недавно и съ такою силою убѣждала во вредъ возстановляемаго факта,—а теперь о томъ же предметѣ она говоритъ съ полнѣйшимъ спокойствіемъ и, какъ будто, равнодушно.

Съ нынѣшняго учебнаго года, „военныя гимназіи“ переименованы въ „кадетскіе корпуса“. Этой переимѣнѣ „Голось“ посвящаетъ цѣлую передовую статью, которая начинается восклицаніемъ: „Нѣтъ у насъ болѣе военныхъ гимназій; зато *опять* есть кадетскіе корпуса“. Затѣмъ, газета, памятуя, что она сама, и вмѣстѣ съ нею вся печать (за исключеніемъ развѣ „Московскихъ Вѣдомостей“) говорила еще не такъ давно о кадетскихъ корпусахъ и вообще о кадетскомъ образованіи,—старается цѣлою статьею опровергнуть вышеприведенное восклицаніе и доказать, что у насъ, несмотря на совершившуюся переимѣну терминологіи, нѣтъ и не будетъ *опять* кадетскихъ корпусовъ. Во-первыхъ, газета ссылается на свое незнаніе—„возстановлено ли только прежнее названіе, или же вслѣдъ за этимъ воскресшимъ названіемъ должно послѣдовать и возвращеніе къ тому *типу* военно-учебныхъ заведеній, который представляли собой наши старые кадетскіе корпуса, распавшіеся въ эпоху реформъ гр. Д. А. Милютина на военныя гимназіи и военныя училища?“ Но незнаніе газеты нельзя считать убѣдительнымъ доводомъ въ пользу того, что настоящая переимѣна ограничивается одними словами. Поэтому она старается привести болѣе солидные доводы противъ мысли, будто у насъ теперь „опять есть кадетскіе корпуса“. Во-первыхъ, говоритъ газета, „въ то время, когда правительство, въ началѣ шестидесятихъ годовъ, занялось реформою военно-учебныхъ заведеній, въ обществѣ не было слышно ни одного голоса сколько-нибудь благопріятнаго для тогдашнихъ кадетскихъ корпусовъ; они, повидимому, были осуждены навѣки“. А „Московскія Вѣдомости“?—спросятъ мы; имъ не давало спать уже одно греческое названіе Милютинскихъ военныхъ школъ, и они всегда отстаивали французскихъ *soldats*. „Недостатки кадетскаго образованія,—продолжаетъ „Голось“, —были такъ явны, такъ очевидны для каждаго, что защитники его, если они и были (и еще сколько ихъ было!), выступать въ то время не рѣшались“. Указавъ нѣкоторые изъ недостатковъ кадетскаго образованія, и притомъ слегка,—вѣроятно, во избѣжаніе повтореній того, что было въ свое время сказано о томъ же предметѣ подробно,



—газета приводитъ, наконецъ, главный свой доводъ въ пользу невозможности возстановленія кадетскихъ корпусовъ на дѣлѣ, а не только по одному имени. „Для полнаго возстановленія кадетскихъ корпусовъ, — говоритъ „Голось“, — пришлось бы снова слить воедино то, что было разъединено (т.-е. военныя гимназіи и военныя училища), и что довольно долгое время пользовалось самостоятельнымъ существованіемъ“; а это, по мнѣнію газеты, „показываетъ, что вполне возстановить кадетскіе корпуса не такъ будетъ легко, какъ, можетъ быть, нѣкоторые полагаютъ... Какая предстояла бы при этомъ ломка всей нашей учебной системы!“ Намъ кажется, что „Голось“ разрѣшилъ благополучно поставленный имъ же вопросъ, благодаря только тому, что онъ нѣсколько нивѣнилъ самую постановку вопроса, при окончательномъ его разрѣшеніи. Газета въ началѣ задалась мыслью доказать *невозможность* полнаго возстановленія кадетскихъ корпусовъ, а заключила убѣжденіемъ, что „вполне возстановить кадетскіе корпуса не такъ будетъ легко“. Большая разница: „невозможно“ — и „не такъ легко“. Гаданіе идетъ о томъ, возможно или невозможно такое возстановленіе, а не о томъ, легко ли оно, или не такъ легко? Впрочемъ, газета приводитъ въ заключеніе статьи такіе уже совершившіеся факты — и весьма важныя, — какъ то, что „гражданскіе воспитатели уволены и оставлены за штатомъ, а все воспитательная часть въ военныхъ гимназіяхъ или корпусахъ — будетъ уже ихъ такъ называть — вѣрнется офицерамъ; не указываетъ ли это на существующее намѣреніе снова придать кадетскому воспитанію *военный типъ*?.. Мы (т.-е. „Голось“) считаемъ мало вѣроятнымъ, чтобы это случилось, и полагаемъ, что новые корпуса останутся только общеобразовательными заведеніями съ военнымъ характеромъ воспитанія“.

Что же касается до насъ, то мы откладываемъ совершенно въ сторону всякія гаданія, считая ихъ бесполезными; но заключеніе „Голоса“ намъ представляется совершенно невѣроятнымъ, такъ какъ въ немъ мы усматриваемъ *contradictio in adjecto*: новые корпуса никакъ не могутъ „остаться только общеобразовательными съ военнымъ характеромъ воспитанія“, — ибо утверждать что-нибудь подобное значило бы утверждать попсепа, а именно, что новые корпуса останутся общеобразовательными заведеніями, безъ того, однако, чтобы давать общее образованіе!

Намъ кажется, что гарантіи въ пользу сохраненія реформы военно-учебныхъ заведеній 60-хъ годовъ, если не заключаются, то должны бы заключаться совсѣмъ въ иныхъ соображеніяхъ, и изъ нихъ нѣкоторыя — весьма императивнаго свойства. Во-первыхъ, двадцатилѣтнее существованіе военныхъ гимназій доказало, благодаря послѣдней Восточной войнѣ, веденной уже ихъ питомцами самыми

блестящимъ образомъ, что общеобразовательное развитіе корпуса офицеровъ представляетъ только одніъ выгоды, нисколько не умаляя чисто-военныхъ качествъ лица; питомцы военныхъ гимназій не сложились въ тотъ типъ, который обезсмертилъ себя въ лицѣ одного изъ героевъ Грибоѣдовской комедіи. Во-вторыхъ — и это несравненно важнѣе — реформа военно-учебныхъ заведеній была зрѣло обдумана въ связи со всѣми другими военными реформами; для возстановленія „кадетскихъ“ корпусовъ, необходимо возстановить и ту среду, въ которой они вращались прежде; надобно уничтожить общую воинскую повинность, такъ какъ она поставитъ лицомъ къ лицу солдата, кончившаго курсъ въ университетѣ, или въ гимназій, съ начальникомъ, пользовавшимся не болѣе, какъ кадетскимъ образованіемъ; положимъ, на это не посмотрятъ, но какъ примирить чисто-военную выправку корпуса офицеровъ съ краткосрочною службою солдата? — для воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ нуженъ и солдатъ съ 25-лѣтней службой. Возстановить опять старый срокъ 25 лѣтъ, — но это уже не такъ легко, какъ замѣнить военные гимназій корпусами. Это — слишкомъ серьезный вопросъ, напоминающій серьезное правило мудрости: *respice finem*, — подумай о послѣдствіяхъ, прежде нежели рѣшаешься на что-нибудь.

Мы имѣемъ еще третье соображеніе, не уступающее въ важности предыдущему. Изъ всѣхъ внутреннихъ реформъ, одна военная — имѣетъ, такъ сказать, международныя свойства, т. е. при военной реформѣ важно не только одно ея отношеніе къ внутреннимъ вопросамъ, но также и ея отношеніе къ положенію военныхъ порядковъ за-границею. Войско предназначается, главнымъ образомъ, для охраны государства, для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, съ арміями сосѣднихъ народовъ. Если у насъ считаютъ, и весьма справедливо, невозможнымъ имѣть худшее вооруженіе, нежели какое представляютъ иностранныя арміи, то какъ же не позаботиться прежде всего о томъ, чтобъ нашъ корпусъ офицеровъ не стоялъ ниже, по своему общему образованію и развитію, корпуса офицеровъ иностранныхъ?! А между тѣмъ, это непременно случится, если общее образованіе русскаго офицера обставлено будетъ менѣе выгодно — чѣмъ образованіе офицеровъ въ Германіи, Франціи, Англіи. Уничтожить это неравенство составляло, повидимому, главную идею военно-учебной реформы гр. Милютина и ея великую заслугу; если гр. Милютинъ вынужденъ былъ дать болѣе широкое мѣсто общему образованію въ военныхъ гимназіяхъ, то это объясняется тѣмъ, что у насъ вообще уровень общаго образованія ниже, чѣмъ за-границей, а потому военное вѣдомство увидѣло себя въ необходимости — не только солдатъ обучать грамотѣ, но и давать будущимъ офицерамъ

болѣе солидное общее образованіе. За-границей военное вѣдомство принимаетъ въ свои спеціальныя школы несравненно болѣе развитыхъ молодыхъ людей. Пойти теперь назадъ, это значило бы то же, что возвратиться къ кремневымъ ружьямъ, на томъ основаніи, что въ прошедшемъ столѣтіи, благодаря имъ, мы вели побѣдоносныя войны, и что вообще „пуля дура, а штыкъ — молодецъ“! Въ отношеніи ружей, правда, такъ никто уже не разсуждаетъ: но во сколько разъ было бы опаснѣе разсуждать такъ, когда вопросъ идетъ о необходимости имѣть усовершенствованныхъ людей? Это мы можемъ предоставить судить каждому, такъ какъ двухъ мнѣній, мы надѣемся, тутъ образоваться не можетъ.

---

Наша хроника была уже окончена, когда въ газетахъ появился слухъ о предстоящемъ дополненіи законовъ о печати. Отлагая разборъ предположенныхъ мѣръ до другого раза, мы замѣтимъ только, что и по важности своей и по самому своему свойству онѣ должны были бы составить предметъ законопроекта, подлежащаго обсужденію, на общемъ основаніи, въ Государственномъ Совѣтѣ, а не въ комитетѣ министровъ.

Учрежденіе *высшей коммисіи*, облеченной правомъ прекращать изданіе, было бы не дополненіемъ къ дѣйствующему закону о печати, а прямой отрицкой того правила, въ силу котораго прекращеніе изданія предоставлено первому департаменту сената.

---

Пока печаталась наша общественная хроника, прекращеніе приѣма на женскіе врачебныя курсы стало, къ сожалѣнію, совершившимся фактомъ. Остается надѣяться, что въ тѣ пять лѣтъ, по истеченіи которыхъ предстоить окончательное закрытіе курсовъ, найдется исходъ, предусмотрѣнный въ третьемъ пунктѣ Высочайшаго повелѣнія 5-го августа, и учрежденіе, въ высшей степени полезное, сохранится такимъ образомъ для Россіи.

---

Издатель и редакторъ М. Стасюлевичъ.

# РАЗВЯЗКА

...Ему уже нужна была не истина, а отходня...

## I.

...Общество собралось довольно большое. Петербургскій салончикъ сиялъ и радовался, обсуждая, отрицая, констатируя, трепеща и ликуя. «Были тутъ послы, софисты, и архонты, и артисты», были и простые смертные, были, наконецъ, и просто прохвосты, и все это всѣхъ оттѣнковъ, видовъ, подвиговъ и направлений, за исключеніемъ развѣ «ретроградовъ». «Ретроградовъ» не было ни одного. Впрочемъ, виновать, былъ одинъ. Не кто же могъ подумать, что онъ, Максимъ Николаевичъ Порошинъ, очень недавно лишь «возвращенный», составлявшій на этотъ день новостъ и украшеніе салона, кто могъ подумать, что онъ «ретроградъ». Еслибъ кому-нибудь забралась въ голову такая дикая мысль, хозяйка, высокая, стройная дама не молодыхъ лѣтъ, съ сіяющимъ лицомъ и улыбкой, — она бы обидѣлась. Какъ? Она, благодаря лишь счастливому случаю, встрѣтилась, а затѣмъ уже благодаря, конечно, своей находчивости и энергіи, отыскала, «вытянула», привела и посадила здѣсь, въ салонъ, его, своего стариннаго знакомаго, лѣтъ за пять, за шесть, кажется? — И вдругъ, «ретроградъ»! Да еслибъ и точно это было такъ, что за безтактность, затѣмъ портить вечеръ? Это все равно, еслибъ кто-нибудь началъ донсикаться — гнилой внутри или нѣтъ, монстръ-ананасъ, вѣнчающій собой «для красы» вазу посреди стола. Въдъ его все равно не стануть ѣсть; кончится обѣдъ и его уберутъ, и объ немъ забудутъ; кому же какое дѣло, что у него «внутри». Кончится салонъ и «его» уберутъ, забудутъ, «обро-

нять», даже не замѣчая, какъ роняютъ съ руки поблекшую перчатку...

Но, конечно, никому и въ голову не приходила такая дикая идея. Хозяйка соображала: когда онъ эффектиѣе «украшалъ» ея салонъ, тогда, нѣсколько лѣтъ назадъ «освобожденный», или теперь «возвращенный»; гости разсматривали его, какъ разсматриваютъ только-что появившуюся новинку, будь то новая «головомека» или новая прокламація, или новая запрещенная книжка. Мнѣнія были, впрочемъ, разнорѣчивы; но всѣ сходились на одномъ, что это мертвецъ какой-то, такъ отъ него и несетъ склепомъ. Дамы же почти всѣ находили его «эффектнымъ». Пожалуй, дамы были и правы. Кряжистый, неуклюжій, съ тяжелыми движеніями, немного сторбленный, съ неподвижнымъ, какъ гипсовая маска снятая съ мертвеца, лицомъ, съ непріятно давящимъ взглядомъ мутноватыхъ глазъ, онъ сразу бросался въ глаза. Что положило печать на это лицо? Безсонныя ли ночи, проведенныя за книгами, или безсонныя оргіи съ «дамочками» неудовлетворенныхъ стремленій; муки ли скорбной мысли или муки затаенной обиды и злобы, а, можетъ быть, и все это вмѣстѣ, неразрывно и органически сплетенное—кто знаетъ?..

Однако, позвольте! Неужто онъ точно «ретроградъ»? Совсѣмъ нѣтъ. «Ретроградомъ» его можно было назвать лишь на языкъ салона; потому что еслибъ салонъ зналъ, что вотъ и сейчасъ, сидя здѣсь, онъ совершенно безучастно, развѣ лишь съ усталой ироніей, относится ко всѣмъ «ликованіямъ» и «ожиданіямъ», ко всѣмъ «отрицаніямъ» и «возмущеніямъ»; что мелькавшіе здѣсь люди не производятъ на него ни малѣйшаго впечатлѣнія,—еслибъ салонъ зналъ все это, то навѣрное обозвалъ бы его «ретроградомъ». Но салонъ ничего этого не зналъ, и Максимъ Николаевичъ ничѣмъ себя не обнаруживалъ, сидя молча въ своемъ углу. Онъ усталъ. Онъ давно ужъ успѣлъ побывать и на сценѣ, и за кулисами... Все это было такъ давно знакомое, давно намозолившее глаза... Ему хотѣлось отдохнуть. И вотъ гулъ толпы, ярко освѣщенная комната, мягкое кресло, въ которомъ онъ такъ удобно примостился,—все это какъ-то закачивало, какъ зимой, въ саняхъ, въ длинную, длинную дорогу. Въ головѣ смутно мелькаетъ что-то безформенное и неопредѣленное, не затрогивая, не волнуя. По временамъ, прислушиваясь къ обрывкамъ разговоровъ, онъ полуулыбался и вновь погружался въ то же забытье. Говорили обо всемъ: «народъ» и «интеллигенція», «Нана» и натурализмъ, «славянофилы» и «конституція», надежды и ликованія—все это перемѣшивалось въ какомъ-то сумбурѣ фразъ, возгласовъ, зауче

ныхъ словъ и передразненнаго тона. Говорить было легко. У большей части собравшихся здѣсь людей вмѣсто души былъ оставленъ фельетонъ изъ той или другой газеты—что же могло затруднять? О, рѣчи человѣческія! Это мучительная вещь. Но и въ человѣческія, т.-е. плоть и кровь наша, наши чувства, вымученныя до словъ, формулъ и опредѣленій. Но тутъ не было человѣческихъ рѣчей, тутъ были рѣчи «фельетонныхъ душъ» и журчали онѣ плавно и мѣрно, никого и ничего не задѣвая...

Говорили, между прочимъ, о какомъ-то новомъ романѣ и, по поводу его, о «больныхъ и разбитыхъ» людяхъ. Негодовали на «условія»...

Вдругъ Максимъ Николаевичъ совершенно неожиданно вмѣшался въ разговоръ.

— Позвольте,—заговорилъ онъ вяло, не покидая мѣста:—при чемъ же тутъ условія?

Всѣ повернулись къ нему. Онъ молчалъ весь вечеръ. Интересно было послушать.

— Какъ причемъ? Это ясно...

— Я не вижу ничего яснаго,—продолжалъ все еще совсѣмъ вяло и какъ бы нехотя, Максимъ Николаевичъ.—Вѣдь ссылаться на «условія»... это просто—недостатокъ самоуваженія...

— Это довольно оригинально... но требуетъ поясненія,—усмѣхнулся кто-то.

— Что же тутъ пояснять? Правда, теперь какъ-то въ модѣ романы писать, гдѣ жизнь героя разбивается по предписанію такого-то полицейскаго управленія, за номеромъ такимъ-то,—продолжалъ онъ, съ легкой усмѣшкой.

Всѣ улыбнулись.

— Удачная острота не отвѣтъ,—замѣтилъ кто-то.

Но Максимъ Николаевичъ, будто спохватившись, торопливо проговорилъ:

— Да вѣдь я, собственно, это только такъ... намекнулъ... Отвѣчать—это долго...

И онъ вдругъ всталъ и принялся отыскивать шляпу.

— Что это? Уходите?—удивилась хозяйка.

— Да... Поздно ужъ... Да и расклеился я какъ-то...

И онъ точно почувствовалъ, что «расклеился»; такъ расклеенный пришелъ домой и усталый, едва сбросивши пальто, повалялся на диванъ.

Онъ, впрочемъ, уже привыкъ къ этому, привыкъ къ этимъ неожиданнымъ приступамъ болѣзни и тоски. Онъ лежалъ такъ, съжившись, съ тупою болью въ сердцѣ, въ мозгу, во всемъ

тѣлѣ. Не хотѣлось ни раздѣваться, ни зажигать свѣчи. Затѣмъ? Чтобы увидѣть все тѣ же стѣны, тотъ же столъ, тѣ же стулья, всю ту же опротивѣвшую обстановку. Не хотѣлось и думать, да и не объ чемъ было. Все, все ужъ давно передумано, пережито, все переболѣло и замерло. Не было ужъ иллюзий, но за то не было и ничего больше, ничего, чѣмъ можно жать, дышать: ни надеждъ, ни желаній, ни ожиданій. Жизнь не ждетъ опоздавшихъ, а вѣдь онъ опоздалъ вездѣ и во всемъ...

И вотъ, осталось теперь одно — глухая боль. Не о чемъ даже вспоминать... Въ прошломъ — какой-то давящій кошмаръ, что-то давно мертвое, давно истлѣвшее... Люди живы, конечно, но для него они давно, давно умерли. Кто тамъ въ самомъ дѣлѣ? Кто? Тамъ, гдѣ-то у него есть мать, жена... вонъ изъ образы, и сейчасъ въ туманѣ полузабытыя встаютъ не вызывая ничего, не врѣзываясь ничѣмъ въ ту глухую боль... Кто же еще? Вотъ цѣлая вереница знакомыхъ лицъ, холодно и безразлично мелькающихъ, какъ китайскія тѣни; а тамъ еще и другая вереница погибшихъ... погибшихъ глухо, глупо...

Вонъ еще та, Зоя... Пожалуй, теперь ужъ и это мертво, ушло въ туманъ, затерялось въ общей, глухой боли...

Онъ повернулся на диванѣ и потомъ, тяжело приподнявшись, неровными шагами перешелъ комнату и зажегъ свѣчу. Пузырекъ съ бромомъ никакъ не отыскивался. Онъ досадливо приподнял свѣчу, блуждая глазами по столу. На столѣ лежало письмо. Вѣрно почтальонъ принесъ безъ него и вотъ кто-нибудь положилъ его здѣсь. Съ какимъ-то даже непріязненнымъ изумленіемъ взялъ онъ его и, взглянувъ на адресъ, тотчасъ же узналъ почеркъ своей матери.

«Милый другъ Максъ! Хотя ты въ послѣднее время совсѣмъ забылъ насъ и вотъ ужъ сколько лѣтъ не отвѣчаешь на мои письма, но все-таки я не забыла, что ты мнѣ сынъ, а потому извѣщаю тебя о нашемъ несчастіи. Петръ Степановичъ скоро ужъ полгода какъ умеръ и мы съ Вѣрой остались теперь совсѣмъ одиѣ. Послѣ Петра Степановича остался домъ и немного денегъ, такъ мы и живемъ. Вѣру изъ института я взяла и она теперь дома. Отвѣть хоть на это письмо. Я не знаю, отчего ты, вотъ ужъ сколько лѣтъ, не отвѣчаешь на мои письма. Неужели я ужъ такъ передъ тобой виновата, что и этого не стою. Но чѣмъ же? Остатокъ любящая и благословляющая тебя мать твоя Евкатерина Опольская».

Максимъ Николаевичъ бросилъ письмо на столъ и заходилъ по комнатѣ. Вотъ она, эта женщина, его мать, женщина съ

птичьимъ умомъ, съ птичьимъ сердцемъ... Было одно коротенькое мгновеніе въ его жизни, когда онъ почти ненавидѣлъ ее, но и это прошло, какъ прошло все... Да и полно, такъ ли? Развѣ онъ когда-нибудь ненавидѣлъ кого или любилъ? Такъ, нервничалъ. Вѣдь въ сущности всегда царствовалъ въ душѣ «какой-то холодъ тайный, когда огонь горѣлъ въ крови»...

Было одинъ разъ, кажется, да и то не вышло... Это такъ, съ этимъ надо примириться, да онъ давно уже и примирился...

«Неужели я ужъ такъ виновата?.. Но чѣмъ же?..»

Онъ разсмѣялся. И до сихъ поръ не поняла «чѣмъ», и никогда не пойметъ: птичій умъ, птичье сердце...

Но какъ бы то ни было, вѣдь она любить его всею любовью, какою только можетъ... И вотъ теперь ея мужъ, а его отчимъ, умеръ—этого препятствія нѣтъ. Теперь у него есть свой уголокъ, родное гнѣздо, которое приютитъ его. Вѣдь у него цѣлый вѣкъ, какъ у прибудной собаки, не было своего угла, куда бы можно было спрятаться отъ жизни и отъ самого себя...

— Поѣду-ка я туда,—рѣшилъ Порошинъ.

«Да и некуда больше», шептало что-то внутри: «или туда, или въ воду»...

Онъ опустился въ кресло передъ столомъ, машинально взялъ въ руки брошенный конвертъ и принялся его разсматривать. Черная печать... Это заняло его и будто удивило. Но тутъ же онъ слабо улыбнулся. Какъ онъ отвыкъ отъ того, давнишняго, тамошняго... отъ той жизни, оформленной: жизни съ черными печатями, траурными приглашеніями, похоронными обѣдами, гдѣ хоронятъ со свѣчами, съ цвѣтами, съ попами, съ суетливо заплаканными лицами, съ возней на весь домъ... Отвыкъ, «отрѣзался»... Какъ за глухой стѣной... И вотъ только иногда вспоминается... да и не иногда, а разъ всего... И странно, вотъ теперь *тотъ* разъ опять припомнился по случаю черной печати... А вѣдь было совсѣмъ напротивъ, совсѣмъ не черная печать, а, казалось, жизнь, любовь, счастье... Давно... Года три назадъ, впрочемъ, а вотъ теперь кажется будто уже безконечно давно... будто и не здѣсь совсѣмъ, а гдѣ-то на томъ свѣтѣ... влюбился онъ... онъ, Максимъ Николаевичъ Порошинъ... Что ему? лѣтъ двадцать восемь было... Но вѣдь и тогда уже избитый, изломанный, исковерканный; вѣдь ужъ и тогда душа-то вся сгнила, вся истлѣла... Но полюбилъ, кажется, вразправду, еще въ первый разъ въ жизни вразправду, безъ ломанья, безъ ядовитой задвѣй мысли, какъ всегда, «съ безумною тоскою»... Какъ это?.. «Еще хочу любить съ безумною тоскою»... Да, вотъ именно



такъ и хотѣлось... А и умная дѣвчѣнка была эта Зоя Александровна, даромъ что красивая... Вѣдь угадала, всего угадала, гниль-то всю, мертвечину, ложь... Трудно было угадать, потому что вѣдь ожилъ онъ тогда, красиво ожилъ... а вотъ же угадала...

Ну, и что жъ? «Онъ ее любилъ, она его не любила»... «Старая сказка»... Гдѣ это? У Гейне, кажется... Тоже, «сидѣлъ мастеръ»... И какъ еще? «Лучше бы тому не родиться, съ кѣмъ она сбыться должна»... Да, лучше... Можетъ, и вообще лучше не родиться?.. Впрочемъ, пустяки... Помнится, застрѣлился хотѣлъ, и револьверъ досталъ, маленький такой, трехъ-ударный, вонъ и сейчасъ въ столѣ лежитъ... Трудно было достать, тогда оружіе запретили... а досталъ... Только вотъ, не застрѣлился же... и не застрѣлишься никогда, врешь... такіе не стрѣляются... такіе, что въ душѣ и Сивестинская Мадонна и обнаженная бабенка, съ аппетитными формами, уживаться могутъ... Небо и грязь, бездну надъ собой и бездну подъ собой... А вѣдь ты изъ такихъ... А, да что!.. Да, такъ тогда, до этого «никогда»... (такъ вѣдь, этимъ самымъ словечкомъ и объявля: «никогда»... Ну, чортъ!..) еще во времена надеждъ и иллюзій, когда отъ живой жены, да еще на деньги этой самой живой жены, жениться хотѣлъ, вотъ тогда-то... еще въ саду было, зблони цвѣли... вдругъ захотѣлось тамошняго, давнишняго... Флёръ д'оранжъ, фата, цвѣты, пѣвчіе, все блеститъ, сіяетъ... а потомъ, въ каретѣ, домой...

Онъ, глухо закашлявшись, тяжело повернулся въ креслѣ и вдругъ почувствовалъ, что ему холодно, ужасно холодно, такъ что губы посинѣли. «Северно», подумалъ онъ, «куда жъ это я его задѣвалъ»...

Онъ приподнялся и пошелъ, съ трудомъ переступая, согнувшись. Наконецъ, пузырекъ отыскался гдѣ-то за окномъ. Не хотѣлось перейти комнату, чтобы взять стаканъ. Онъ хлебнулъ прямо изъ пузырька, такъ, на угадъ...

— Вотъ такъ-то оно дѣло вѣрнѣй, раздѣться да лечь... а то еще схватишь что-нибудь здѣсь, въ этомъ болотѣ проклятомъ, да и того...—бормоталъ онъ, сбрасывая съ себя платье.

«А не все ли равно гдѣ?» апатично прошло въ мозгу.

И вдругъ онъ почувствовалъ, что не «все равно», что ему не хочется «вздыхать» *здѣсь*, а хочется «умереть» *тамъ* — умереть со свѣчами, съ попами, съ цвѣтами, съ дымомъ ладона, утопающимъ въ солнечныхъ лучахъ...

«Фу, глупо какъ!» подумалъ онъ, весь дрожа отъ озноба и плотнѣе закутываясь въ одѣяло.

Но заснуть онъ еще долго не могъ. Все мерещилось что-то, кошмаромъ...

## II.

На другой день Порошинъ всталъ довольно поздно. Голова была какъ свинцомъ налитая, все тѣло ныло. «Какъ бы не заболѣть дорогой», съ безпокойствомъ подумалъ онъ, «впрочемъ, все равно, лишь бы скорѣе уѣхать».

Хозяинъ, отставной поваръ изъ бывшихъ крѣпостныхъ, принесъ самоваръ.

— Вотъ что, я сегодня уѣзжаю,—сказалъ Порошинъ.

— Какъ такъ?—удивился хозяинъ.

— Совсѣмъ изъ города...

— Неужто?

Порошинъ молчалъ.

— Ну, покорно благодарю,—сказалъ хозяинъ.

— Это за что?

— Какъ-же? Который мѣсяцъ... тихо, смирно, шуму нѣтъ...

Опять же деньги къ числу...

— Да, вотъ что... Не за что...

«Тихо, смирно, деньги къ числу... вотъ тебѣ и весь человѣкъ», подумалъ Порошинъ, «а впрочемъ, и не лучше ли такъ-то?»

Онъ надѣлъ пальто и вышелъ. Погода была скверная: пронизывающій, сырой туманъ лежалъ надъ городомъ. Былъ уже второй часъ. Порошинъ вспоминалъ, что давно уже хотѣлъ купить себѣ фотографію или гравюру съ картины одного «почти-тельно» забытаго русскаго художника. Необыкновенно элегантный приказчикъ въ магазинѣ эстамповъ даже поморщился, когда онъ сказалъ названіе.

— Нѣтъ-съ, этого нѣту...

— Отчего же?

— Мало спрашиваютъ, да и гравюры хорошихъ съ нея нѣтъ, а плохихъ держать не стоитъ... Вотъ «русская школа»,— продолжалъ онъ, вываливая кипу на прилавокъ,—Крамской, Ге, Семирадскій... Вотъ «французская»... очень идетъ!.. Ничего не выберете?

— Нѣтъ, не выберу,—сказалъ Порошинъ.

Онъ безцѣльно пошелъ по Невскому, потомъ зашелъ просмотрѣть газеты. Но въ газетахъ, по обыкновенію, ничего не было, только, по обыкновенію же, кто-то съ глупѣйшимъ видомъ

ораль «скандалъ!...» Вотъ каковой-то процессъ: «Вы?...» «Я-съ, точно такъ»... Защитникъ распинаясь: «господа присяжные, войдите въ его положеніе»... Прокуроръ горячится: «не входите въ его положеніе»...

Онъ бросилъ листокъ и хотѣлъ было уйти, но въ дверяхъ столкнулся съ какимъ-то старымъ товарищемъ. Тотъ неизвѣстно чему обрадовался.

— А, Максимъ Николаевичъ! Что-жъ это ты, братъ, до сихъ поръ ко мнѣ не заглянешь? Общались, общались...

Порошинъ что-то пробормоталъ.

— А я и квартиру перемѣнилъ. Помнишь, тогда все жаловался... Теперь адресъ другой...

Слѣдуетъ адресъ.

— Премиленькая квартирка. Комнаты, хоть небольшія, за то уютныя. Зайди какъ-нибудь, жена рада будетъ.

— Ну, твоя жена мнѣ рада не будетъ, — буркнулъ Порошинъ и пошелъ.

«Старый товарищъ» посмотрѣлъ ему вслѣдъ и про себя выругался: «вотъ, ты въ человѣку со всей душой, а онъ»...

«И нанесъ же его чортъ на меня», думалъ Порошинъ, шагая по улицѣ. «Комнаты небольшія, уютныя», передразнилъ онъ, «черти!»

— На хлѣбъ... подайте...

Онъ прошелъ мимо; лѣвъ было разстегивать пальто. «А ну, какъ и я когда-нибудь»... дивно промелькнуло въ головѣ. Онъ вернулся и, не глядя, бросилъ мелкую монету.

Такъ онъ безцѣльно пробродилъ по городу до поздняго вечера. Прийдя домой, тотчасъ же вытащилъ чемоданъ и принялся укладываться.

Вошелъ хозяинъ.

— Я вамъ помогу.

— Благодарю васъ, я самъ...

— Нѣтъ, какъ можно...

Онъ начинаетъ помогать, суетится и только мѣшаетъ.

— Дочку за мужъ выдаю! — вдругъ неизвѣстно для чего объявляетъ онъ.

— А-а!

— Артельщикъ, у васъ за стѣной живетъ, двѣ тысячи у него...

— Вѣдь онъ пьяница...

— Ничего, выпрезвится... Жаль, на свадьбѣ не будете, свадьбу первый сортъ справимъ.

— Ну, а она что?

— Известно, дѣвка — востъ...

«Хоть бы ушелъ, надоѣлъ», подумалъ Порошинъ.

Но хозяинъ не уходилъ. Укладыванье продолжается.

— Веревка у васъ есть?

— Нѣтъ. Затѣмъ? Замокъ есть.

— Какъ можно! Увязать... не дай Богъ! Вы знаете, какъ тамъ... вынулъ и правъ... Я сейчасъ...

Хозяинъ исчезаетъ и является съ веревкой. Онъ пробуетъ ее объ колѣно.

— Нѣтъ, доѣдетъ... Держите... тѣмъ бокомъ... Нѣтъ, постоите, сюда... Ишь, шельма... Ну, готово...

Онъ весь красный поднимается съ полу.

— Теперь крѣпко...

Онъ приподнимаетъ чемоданъ.

— Все ли?

— Все, — говорить Порошинъ.

— А те не забыть бы чего?

— Нѣтъ...

— Ну, теперь хоть и на машину...

— Да, пора...

— Развѣ пора?

На машину еще совсѣмъ рано, но Порошину ужасно надоѣлъ хозяинъ и онъ уѣхалъ. На вокзалѣ онъ сдалъ вещи артельщицу, а самъ присѣлъ къ столу и спросилъ себѣ чаю. Онъ сидѣлъ такъ, задумавшись, положивши голову на руки, опустивши глаза. Слуга принесъ и началъ устанавливать чай. Онъ приподнял голову и вдругъ такъ и застылъ, задохнувшись, обомлѣвши. На другомъ концѣ стола, какъ разъ противъ него, сидѣла Зоя Александровна. Она, очевидно, тоже только-что замѣтила его. Ее вдругъ всю сразу колыхнуло назадъ, будто она хотѣла уйти, спрятаться. Но она лишь вспыхнула и не ушла. Вспыхнула потому, что стыдно и досадно ей стало на свой даже мгновенный испугъ.

— Максимъ Николаевичъ! Вы ли? — выговорила она слабо, протягивая руку.

Онъ взялъ эту руку, слабо, слабо пожалъ ее, неловкимъ движеніемъ опрокинулъ стаканъ, машинально, не глядя, поднялъ его и поставилъ. Его рука безсильно упала на залитое мѣсто скатерти; онъ не замѣтилъ этого. Онъ все смотрѣлъ на нее безумнымъ, лихорадочнымъ взглядомъ; глаза его сдѣлались налиты какъ у пьянаго. И вдругъ онъ почувствовалъ, что въ груди у него что-то распалось, судорога свела лицо и губы,

спазма сжала горло... Нестройное рыданіе готово было вырваться изъ груди, но онъ подавилъ его. Хотѣлось ему, вотъ сейчасъ, безсильно припасть къ ея ногамъ, положить голову на ея колѣни и замереть такъ. А потомъ заплакать. И плакать долго, долго, и изойти слезами, и выплакать все, все, казалось, давно замершее, всѣ муки заснувшія, все теперь разбуженное, растрепанное...

И тутъ же ему почудилось и еще, что чудилось давно, и что тоже давно замерло... опять та же дикая и безумная, какая-то томительная вѣра въ «чудо»... Мнилось, что вотъ сейчасъ что-то такое случится, что-то такое скажется, отчего все прошлое пройдетъ, страшется какъ дурной сонъ... И онъ ждалъ съ мучительной тоской...

— Вы уѣзжаете?—спросила она.

— А вы?—только могъ выговорить онъ.

— Нѣтъ... я встрѣчаю...

Она запнулась, но тотчасъ же, гнѣвно сдвинувъ брови, докончила «отчеканивши»:

— Мужа встрѣчаю...

Его будто варомъ обдало, но въ то же время онъ совершенно спокойно подумалъ: «ну, и прекрасно, чего же сердиться», и тутъ же выговорилъ очень тихо и глухо:

— Давно?

— Годъ назадъ,—сказала она, еще суровѣе сдвигая брови. Лицо ея затуманилось. Она досадовала на себя. Затѣмъ она сидитъ тутъ и говоритъ, хотя это ей непріятно. Надо просто сказать: «прощайте» — встать и отойти. И затѣмъ онъ самъ не встанетъ и не уйдетъ? Чего ему нужно?

Онъ все смотрѣлъ на нее. Она еще похоронѣла. Но все та же, такое же, теперь суровое, говорящее лицо. А за то, когда это лицо, эти глаза не смотрятъ сурово, за то, когда они загораются лаской или радостью... Она мало перемѣнилась на первый взглядъ: только все осмыслилось и опредѣлилось, совсѣмъ уже не было того, тогдашняго, загадочнаго и вуалированнаго...

Онъ все смотрѣлъ на нее и вдругъ подумалъ: «вотъ ты хочешь встать и уйти, а что, если я сейчасъ возьму да тебѣ пулю въ лобъ пуну?.. Револьверъ-то вотъ онъ, здѣсь, въ карманѣ, тотъ самый»...

Но тутъ къ нимъ подошла какая-то дамочка, блѣднѣющая, небольшая и костлявая, востроносая и востроглазая, совсѣмъ безцвѣтная, неопредѣленныхъ лѣтъ и будто вся ужасно озабочен-

ная. Подойдя, она тотчас же начала «отбивать», обращаясь къ Зоя Александровнѣ:

— Поѣздъ опоздалъ. Узнавала. Досадно. Коля вѣрно плачетъ. Нянька дура, не сумѣетъ рожокъ...

— Вашъ сынъ?—вдругъ выѣшался онъ.

Бровь ея дрогнула. Она взглянула на него почти съ ненавистью и молча отвѣтила едва замѣтнымъ движеніемъ головы.

— Сами, значить, кормите? — продолжалъ онъ сдержанно, глядя нѣз-подлобья, будто допрашивая.

— Да... сама...

И потомъ прибавила, обращаясь къ подошедшей дамѣ:— господинъ Порошинъ. Лизавета Ивановна, сестра моего мужа...

Та тотчасъ же ужасно вѣжливо пожала ему руку своей костлявой рукой и снова принялась «отбивать».

— Порошинъ? Слышала. Были замѣшаны?

— Да, былъ...

— Знаю. Слышала отъ Зака. Зака знаете? Рада познакомиться...

И, всмотрѣвшись въ него, продолжала:

— На васъ лица нѣтъ! Нездоровы? И руки холодныя...

— Я здоровъ,—сказалъ онъ.

Но она не обратила вниманія.

— Пустяки. Надо домой, напиться горячаго и въ постель...

— Поѣздъ пришелъ, — перебила Зоя Александровна, — вотъ, кажется, и...

«Запнулась!»—вдругъ тревожно заметалось у него внутри... «Запнулась!»...Глаза его лихорадочно заблестѣли... А она точно запнулась и, вспыхнувши гнѣвнымъ румянцемъ, тотчасъ же опять рассердилась и на себя, и на него, рассердилась, зачѣмъ не можетъ сбросить съ себя эту каную-то неловкость.

«Чего онъ торчитъ, чего ему нужно?»

Точно, началась легкая суета, а тамъ, уже довольно близко, отдѣлившись отъ толпы, приближался къ нимъ вѣжливый, среднего роста, превосходно сложенный блондинъ, съ чрезвычайно аккуратными волосами и бородой. Порошинъ тотчасъ же догадался, что это и есть «онъ».

Онъ подошелъ кѣмного развалистой походкой, улыбаясь и что-то говоря пріятнымъ, мягкимъ, неторопливымъ голосомъ и пожалъ ея руку, не поднимая; такъ жмутъ руку женѣ, любовницѣ...

— О, да! все отлично,—говорилъ онъ, присаживаясь къ столу.

— Подождемъ немного, я велѣлъ принести багажъ... У васъ карета? Ну, и прекрасно...

И окинувши Порошина, который все торчалъ тутъ, восвѣннымъ взглядомъ, онъ продолжалъ:

— Что это ты... хмурая?.. Что Коля? — ужъ съ легкимъ безпокойствомъ прибавилъ онъ.

— Ничего... все хорошо... Я устала...

— Да? Напрасно выѣхала...

И, снова окинувши взглядомъ Порошина, онъ, наклонившись къ ней, тихо спросилъ:—твой знакомый?

— Да...

И потомъ, она прибавила представляя ихъ другъ другу:— Максимъ Николаевичъ Порошинъ, нашъ давній знакомый... Ты знаешь, я тебѣ говорила... Мой мужъ...

Онъ пожалъ Порошину руку, не сильнымъ, но мягкимъ, длиннымъ, «сочувственнымъ» пожатіемъ.

Теперь Порошинъ рассмотрѣлъ его лучше. «Одно изъ славныхъ русскихъ лицъ», довольно красивое, свѣжее, открытое, мягкое, съ блестящими, ровными зубами, со свѣтлыми и ясными, ужасно быстро отражающими впечатлѣнія глазами. Но и въ лицѣ, и въ глазахъ что-то «себѣ на умѣ», даже жесткая черточка, только закутанная, совсѣмъ закутанная. Вѣрно сдержанъ, говорить мало, но дѣльно; вѣрно «свои мысли» есть лишь о близкихъ и нужныхъ вещахъ, но ужъ за то *свои* и непоколебимыя; объ остальномъ—по мѣрѣ надобности... Можетъ быть, адвокатъ «изъ честныхъ», можетъ, еще что... Тысячи три-четыре въ годъ... по-петербургски—не много... «Я бы больше... еслибъ захотѣлъ», на самое крохотное мгновеніе подумалъ Порошинъ.

— Радъ познакомиться,—говорилъ между тѣмъ онъ, ужасно любопытно, внимательно, и, какъ показалось Порошину, даже жалостливо всматриваясь...—Много разъ слышалъ отъ Зои...

И этотъ жалостливый взглядъ, и это «я тебѣ говорила», и это «слышалъ отъ Зои» вдругъ вихремъ закрутились въ мозгу Порошина. Что-то ударило ему въ голову. Онъ почувствовалъ приступъ того давнишняго, глухого бѣшенства, не дающагодохнуть, сводящаго судорогами... Онъ съ трудомъ приподнялъ руку, будто къ ней привязана была десятицудовая гиря и, опустивши въ карманъ, сжалъ револьверъ, такъ что пальцы хрустнули. «Убить его, ее, себя, сразу вончить, сразу уйти изъ этого невыносимаго томленія, изъ этого ада»... Но ни голоса, ни движенія не было, сухія губы беззвучно шевелились, безсиль-

ная рука будто замёрзла и не поднималась, какъ бываетъ во снѣ, въ кошмарѣ...

Вотъ подошелъ кто-то — кажется артельщикъ... Что-то говорить, встаютъ, собираютъ... Кто-то, кажется, «сестрица», жметъ ему руку, онъ чувствуетъ ея костлявые пальцы... Вотъ и онъ...

— Уѣзжаете? Какъ жалъ! Вернетесь, не забудьте къ намъ, адресъ узнать легко...

«Дуракъ!» вдругъ глухо грохнуло внутри у Порошина. Лицо Зои Александровны тоже слегка неприятно дрогнуло, можетъ быть—зачѣмъ пригласилъ, а можетъ быть, и отъ чего другого...

Порошинъ все стоялъ и чего-то ждалъ. Вотъ и она, не глядя, протянула ему руку и онъ вновь почувствовалъ то же слабое и нервное пожатіе, какъ тогда, въ послѣдній разъ, когда ей было такъ жалъ его...

И вдругъ Порошинъ, немного подождавши, машинально пошелъ за ними, вышелъ на крыльцо. Онъ на ходу оглянулся. Но сдѣлавъ видъ, что не замѣтилъ... Зоя Александровна шла не оглядываясь: она чувствовала, что Порошинъ идетъ за ними, это можно было замѣтить по ея нахмуренному лицу и взгляду. На крыльцѣ Максимъ Николаевичъ остановился. Зоя Александровна первая быстро вошла въ карету; мужъ хотѣлъ ее посадить, но не успѣлъ. За ней «сестрица». Онъ, стоя уже на подножѣ, вдругъ оглянулся на Порошина и любезно приподнял шляпу. Максимъ Николаевичъ слышалъ, какъ захлопнулась дверца. Карета тронулась, покатила и съ замирающимъ грохотомъ скрылась за угломъ. Порошинъ все стоялъ, съ напряженно вытянувшейся шеей, съ обнаженной головой—шляпу онъ забылъ на столѣ—глядя все въ томъ же направленіи, по которому поѣхала карета. Мимо него шли, толкали его—онъ не замѣчалъ этого. Такъ простоялъ онъ долго, долго,—минутъ десять... Потомъ медленно повернулся и пошелъ снова въ залу. Онъ присѣлъ къ тому же столику, положилъ скрещенныя руки на колѣни и сидѣлъ такъ, весь вытянувшись какъ палка.

— Прикажете убирать?—спросилъ подошедшій слуга.

Онъ сперва не понялъ и не разслышалъ, но немного погодя, гдѣ-то, совсѣмъ въ туманѣ, смутно, какъ что-то не нужное, вспомнилось, что надо расплатиться, взять билетъ и ѣхать. Онъ молча отдалъ деньги слугѣ, потомъ всталъ и пошелъ, не спросивши, гдѣ касса. Такъ переходилъ онъ изъ одной залы въ другую, стараясь не упустить изъ памяти, что надо спросить объ ессѣ или смотрѣть на надписи, но постоянно упускалъ и не смотрѣлъ, и не спрашивалъ. Такъ бы вѣрно пробродилъ онъ



долго, еслибъ его не замѣтилъ артельщикъ, которому онъ сдалъ вещи. Тотъ побѣждалъ за нимъ и позвалъ: «господинъ, господинъ!»

Порошинъ машинально остановился, глядя на него и все не понимая, все вспоминая.

— Поѣздъ-то ушелъ,—говорилъ артельщикъ,—вездѣ васъ исхвалъ, думалъ, уже взяли билетъ.

— Что жъ дѣлать?—вдругъ спросилъ Порошинъ.

— До завтра ужъ,—сказалъ артельщикъ:—прикажете, вещи снесу до извозчика, а то здѣсь извольте оставить, я приберегу.

— Пусть здѣсь,—сказалъ Порошинъ, и, кивнувши ему, пошелъ въ выходу.

— Двадцать четвертый номеръ!—вслѣдъ ему кричалъ артельщикъ; но онъ не обернулся.

Онъ перешелъ площадь и направился въ гостиницу. Тамъ его сперва не хотѣли пустить, спросили видъ, но видъ, на счастье, оказался при немъ. Слуга со свѣчкой проводилъ его въ номеръ, опасливо оглядывая страннаго постояльца.

— Нездоровъ, видно!—спросилъ онъ нерѣшительно, жалостливо вглядываясь ему въ лицо.

— Да, нездоровъ... Ничего не нужно,—прибавилъ онъ на вопросъ слуги.

Онъ сѣлъ, не сбрасывая измокшаго пальто, и сидѣлъ опять такъ же, весь вытянувшись, подперши голову ладонями, пристально глядя на обугленный фитиль свѣчи, съ яркою раскаленною головкой на концѣ. Въ горлѣ было что-то неловкое, будто застрявшее, мѣшавшее глотнуть. Онъ нѣсколько разъ пальцами сдавливалъ горло, будто хотѣлъ что-то поправить. Ни мысли, ни чувства, ни ощущенья не было. Только какая-то тяжесть вездѣ, которую никакъ нельзя сбросить. Грудь заложило. Въ головѣ, временами, что-то мелькнетъ и тотчасъ же пропадетъ. Мелькнетъ глухо, не затрогивая, будто гдѣ-то далеко. Какіе-то клочки, обрывки, то изъ давнишняго, то изъ сейчасъ случившагося. Но все вертится около того же, бессмысленно и смутно. Потомъ онъ забылся, какъ въ кошмарѣ, какіе-то образы выплываютъ, плывутъ и, тотчасъ, недоконченные исчезаютъ. И все около того же. Зоя, ея мужъ... И образы циничные, грязные, и опять-таки все недоконченное и тѣмъ болѣе циничное, что не доконченное... Какая-нибудь подробность, съ странной комбинаціей тѣла, ярко стонетъ и не уходитъ... Уйдетъ и тотчасъ же опять выплыветъ... Временами онъ вздрагивалъ, будто начинающая пробуждаться, но тотчасъ же опять впадалъ въ то же забытье...

Потомъ вдругъ онъ вспомнилъ, что надо раздѣться и лечь и тутъ же, вспомнивши, почувствовалъ ужасную усталость и истому... Онъ быстро всталъ, но голова ужасно закружилась, до тошноты, такъ что онъ крѣпко схватился за край стола. Переждавши минуту, онъ сорвалъ съ себя платье, сапоги, свѣща, чувствуя, что вотъ-вотъ повалится такъ, нераздѣтый. И только, что легъ, тотчасъ же впалъ въ то же забытѣ, и опять тѣ же недоконченныя картины. Онъ не помнилъ, какъ и когда заснулъ. Сонъ и дѣйствительность до того перемѣшались въ общемъ болѣзненномъ кошмарѣ, что когда онъ проснулся, съ короткимъ и отчаяннымъ крикомъ, то еще нѣсколько мгновений не могъ придти въ себя и опомниться, объятый паническимъ ужасомъ: что-то страшное, безмѣрно страшное, хотя безформенное и неуловимое, не отходило, стояло еще здѣсь. Сердце у него почти остановилось, попробовалъдохнуть—и не могъ.

Холодный потъ крупными каплями катился по лицу, весь онъ дрожалъ какъ въ лихорадѣ. Онъ хотѣлъ зажечь свѣчу, но вспомнилъ, что она на столѣ и всталъ. Свѣча, медленно разгораясь, тускло освѣщала выступающіе изъ мрака предметы... Вдругъ онъ вскрикнулъ и чуть не выронилъ подсвѣчникъ; но тотчасъ же, овладѣвъ собой и сился улыбнуться, заглянулъ въ стоявшее на столѣ зеркало. Въ зеркалѣ отражалось блѣдное, искаженное ужасомъ, омоченное слезами лицо...

«Вотъ бы актеру для послѣдней сцены Франца Моора», подумалъ онъ, но тотчасъ же досадливо поморщился и поставилъ свѣчу на столъ...

Онъ подошелъ къ окну, открылъ форточку и долго дышалъ холоднымъ, влажнымъ воздухомъ. На дворѣ было пасмурно, тою особенной пасмурностью, какая бываетъ въ короткій промежутокъ, когда ночь уже кончилась, а день еще не наступилъ... Онъ все стоялъ, всматриваясь въ хмурые силуэты и очертанія. Онъ чувствовалъ себя совсѣмъ здоровымъ, «въ полномъ умѣ и твердой памяти», даже усталости не было, а что-то серьезное, почти строгое, будто со всѣхъ сторонъ охватившее его... Онъ не думалъ и не вспоминалъ, но выходило такъ, будто все, что есть, что было и что будетъ, сосредоточилось и остановилось, здѣсь, въ этомъ мгновеніи, остановилось очищенное, безъ ненужныхъ и случайныхъ подробностей... И въ самой глубочайшей глубинѣ, не выговоренное, не выговоренное даже въ мимолетной мысли, встало, заняло мѣсто и остановилось что-то роковое, неизбежное... Онъ неуловимымъ движеніемъ отклонилъ голову и вдругъ въ глазахъ его обозначилась совсѣмъ новая, холодно-свѣ-

такая точка... И если бы опытный человекъ взглянулъ теперь въ эти глаза, онъ бы безошибочно прочелъ въ нихъ:—смерть...

И это не было то, что довольно часто съ нимъ случалось прежде; думы о смерти до томительнаго сладострастiя, въ образахъ, въ картинахъ... Теперь не было образовъ и картинъ, было что-то неподвижное, такое же холодное, такое же суровое, какъ этотъ пасмурный свѣтъ между ночью и днемъ...

### III.

...Курьерскiй поѣздъ несся съ однообразнымъ утомляющимъ гуломъ, едва останавливаясь на станцiяхъ. Порошинъ лежалъ на диванѣ въ углу вагона съ закинутыми подъ голову руками, съ закрытыми глазами. Онъ не заболѣлъ, какъ боялся: такie уже не заболѣваютъ. На диванѣ противъ него сидѣли старикъ и молодая дѣвушка. Они вошли не очень давно и заняли этотъ диванъ. Они что-то говорили, потомъ примолкли, потомъ опять говорили. Иногда Порошинъ улавливалъ какое-нибудь слово, фразу...

— Заѣдемъ, папа, — говорила дѣвушка, — ну что, одинъ день...

— Ахъ, Сашенька, ну затѣмъ...

— Папочка, милый, заѣдемъ...

— Ну какая ты, право; недѣли не можешь подождать... Вѣдь черезъ недѣлю въ Москвѣ...

— А если я общалась?—перебила она.

— Кому это?—улыбаясь спросилъ старикъ.

— Ну, ужъ я знаю кому... Вѣдь онъ ждетъ, папа, — прибавила она тихо.

— Ну что съ тобой дѣлать...

Она захолопала въ ладоши, смѣясь и что-то говоря...

— Саша! Сумасшедшая! Тутъ кто-то есть...

— Онъ спитъ, — сказала она и прибавила тише: — Какое странное лицо...

— Чѣмъ это странное?..

— Будто мертвое, — сказала она, всматриваясь.

Вдругъ Порошинъ открылъ глаза и, не двигаясь, пристально и длинно посмотрѣлъ на нее. Она сперва вспыхнула и смутилась, а потомъ, съ испуганною всероккою въ глазахъ, отшатнулась въ уголокъ дивана. Свистокъ, станцiя. Старикъ и дѣвушка вышли. Порошинъ почему-то тоже всталъ и пошелъ за ними.

На площадѣ ихъ встрѣтилъ какой-то молодой человѣкъ. Они жмутъ другъ другу руки, смѣются.

— Вы тройкой,—говорить она.

— Ну, конечно...

— Вотъ отлично... Только чтобъ шибко...

Порошинъ стоялъ на площадѣ вагона и все смотрѣлъ на нее. Будто чувствуя на себѣ этотъ взглядъ, она повернула голову. Тѣ же холодные, мертвые глаза пристально смотрѣли на нее. Она испуганно отвернулась и что-то зашептала молодому человѣку... Поѣздъ тронулся, платформа со всѣми стоявшими на ней задвигалась и пошла,—все исчезло...

Порошинъ опять улегся, закинувъ руки за голову. Поѣздъ все съ тѣмъ же глухимъ гуломъ несется дальше и дальше. Свистки, остановки, гдѣ-то людской говоръ, дребезжащій стукъ молотка объ желѣзо. Кондукторъ проходитъ, громыхая дверями. Ночь. Тускло мерцаетъ одинокій фонарь, освѣщая притиснутыя другъ къ другу головы, торчащія откуда-то сапоги. Посреди тишины по временамъ вырвется рѣзкій и отрывистый хрипъ; изрѣдка кто-нибудь проснется, кашляетъ, плюетъ... Порошинъ все лежалъ, не перемѣняя позы, въ полузабытьѣ... Ему было холодно, а голова, между тѣмъ, горѣла и на языкѣ чувствовалась сухая, горячая шарпавость, «лихорадка, кажется»... Онъ зарылся головой въ подушку и старался заснуть. Мало-по-малу онъ впалъ въ то странное, полу-летаргическое состояніе ни сна, ни бдѣнія, когда человѣкъ, не спя, въ то же время совершенно теряетъ сознаніе мѣста, времени, всего окружающаго... Вкругъ темная рама, а въ полузабытьѣ все что-то чудится, вспоминается, проходятъ какіе-то образы,—образы безъ лицъ, безъ границъ и протяженія... Такъ и пролежалъ онъ всю ночь, уткнувшись головой въ подушку, изрѣдка лишь машинально поворачиваясь...

Кто же такой былъ Максимъ Николаевичъ Порошинъ? По званію — дворянинъ, по воспитанію — бывшій медицинскій студентъ, по соціальному положенію — когда-то, гдѣ-то и въ чемъ-то замѣшанный, претерпѣвшій-таки довольно много, праздношатающийся человѣкъ и, наконецъ, по внутреннему содержанію — «сынъ больной больного вѣка». Широкая натура безъ особой геніальности — препагубная вещь, замѣтилъ кто-то; а Максимъ Николаевичъ именно и обладалъ такою широкою натурой. Ребенкомъ впечатлительный, отзывчивый на всѣ вліянія, добрый и мягкій, Максимъ Николаевичъ еще въ раннемъ дѣтствѣ былъ

немного вывихнуть. Вывихнули его и уже разлагающіеся, смердающіе остатки крѣпостныхъ порядковъ, и вся обстановка помѣщичьей семьи, съ глупыми и чванливыми претензіями на аристократизмъ, и даже раннее, подъ вліяніемъ безтолковаго чтенія, развитіе не ума, а воображенія и поверхностной сообразительности. Мать его, въ молодости женщина легкомысленная и сентиментальная, только и передала ему эту сентиментальность, которая въ нервномъ, впечатлительномъ ребенкѣ развилась въ болѣзненную чувствительность, безпутную и неосмысленную. И вотъ съ такимъ-то умственнымъ и нравственнымъ багажомъ вступилъ онъ въ жизнь, одинъ, совсѣмъ одинъ, безъ поддержки, безъ опоры. Со всѣмъ приходилось справляться самому, и вотъ онъ, какъ наивный и доверчивый щенокъ, лѣзъ всюду и во всѣмъ, не предвидя грозящей затрепщины. А затрепщины сыпались одна за другой — такіа обычныя жизненныя затрепщины — сыпались, не отрезвая, не научая, а лишь оскорбляя и озлобляя, потому что вѣдь его не научили ничему: ни вѣрять, ни любить, ни мыслить, ни трудиться. Все приходилось брать съ бока: каждый шагъ въ области чувства, мысли, сознанія. Но въ то же время, стремленіе быть лучшимъ, стремленіе къ какому-то туманному, несознанному идеалу, вѣчно жившее въ его, съ дѣтства изъязвленной язвами страшными, язвами позорными, душѣ, спасало его, вѣчно мучая, вѣчно не давая покоя. А тутъ подвернулись разныя «новыя слова». Друзья и товарищи его какъ-то очень хорошо умѣли справляться съ этими «новыми словами». Они всегда твердо помнили, что правда хороша, а счастье лучше, и что жрать тоже нужно, а потому и доходили какъ разъ лишь до той черточки, за которую переступать не безопасно. Но съ Порошинимъ было не такъ. Природной доброты въ немъ не было, это правда, но за то было великодушіе, и притомъ онъ никогда и ничему не умѣлъ отдаваться съ задней мыслью, съ притаенной гдѣ-нибудь лазейкой «на всякій случай». Кромѣ того, быть можетъ, здѣсь имѣла вліяніе и струйка личнаго горя и страданія, красной ниткой прошедшая сквозь все его дѣтство — но, какъ бы то ни было, «новыя слова» обошлись ему очень дорого... А потомъ, тамъ, «въ мракѣ и холодѣ», началось мучительное переживание всего прошлаго, иллюзіи мало-по-малу рушились, жизнь представлялась въ ея настоящемъ видѣ... А потомъ опять и опять рядъ новыхъ ошибокъ, новыхъ иллюзій и новыхъ разочарованій. Въ концѣ концовъ Максимъ Николаевичъ пришелъ къ тому, къ чему приходитъ всякій, кто «жилъ и мыслилъ»: онъ остался одинъ. Такое одиночество не

страшно для людей, у которыхъ есть за что уцѣпиться внутри себя, есть завѣтная вѣра, есть завѣтныя убѣжденія. Но такіе люди вообще рѣдки и Максимъ Николаевичъ не принадлежалъ къ ихъ числу. Переживши періодъ юношескихъ иллюзій, онъ выработалъ себѣ извѣстный кругъ очень твердыхъ и опредѣленныхъ общественныхъ и нравственныхъ убѣждений — въ общемъ это были убѣжденія и взгляды лучшихъ представителей русской образованности — но все это было не то. Все это было чисто разсудочное, холодное, мертвое, не то, чѣмъ можно было бы жить, дышать... Думалъ онъ было уйти изъ своего одиночества въ личное счастье, въ счастье любви,—думалъ даже—была такая минута—что къ этому и все остальное приложится, оживши и воскреснувши—но и это не удалось... И вотъ, въ концѣ концовъ, онъ очутился передъ глухой стѣной, разбитый и исковерканный, съ тяжестью обидныхъ и мучительныхъ воспоминаній...

Онъ уже не метался какъ прежде, онъ уже ничего не искалъ, не было уже того, давнишняго стремленія къ истинѣ, къ истинѣ всезахватывающей, поднимающей всю силу, всю, какая только есть въ человѣкѣ,—до подвига, до жертвы... Теперь «ему нужна была уже не истина, а отходная», да и самъ онъ смутно сознавалъ это... И вотъ онъ ѣхалъ... Куда? Домой, въ родное гнѣздо? Нѣтъ, просто «никуда», въ пространство... Русская жизнь часто выбрасываетъ людей «никуда», въ пространство...

А поѣздъ все несея и несея... Полный день уже смотрѣлъ въ окно, когда Порошинъ, утомленный долгимъ лежаньемъ, очнулся и всталъ. Шурясь и мигая отъ хлынушаго въ глаза свѣта, онъ потянулся, расправляя замѣтныя члены... Вошелъ кондукторъ, выкрикивая станцію. Оказалось, что они уже подъѣзжаютъ къ Крутогорску. Порошинъ открылъ окно и сталъ глядѣть. Мимо мелькаютъ зеленѣющія поля, совсѣмъ опустившіяся деревья. Здѣсь уже стояла полная весна. Наконецъ поѣздъ, громяхая цѣпами, медленно подвигалъ къ крутогорскому вокзалу. Порошинъ, выждавъ, пока прекратилась суeta и толкотня, взялъ свои вещи и вышелъ. Вотъ знакомыя улицы, переулки. Извозничья кляча тащилась медленно и Порошинъ могъ довольно насмотрѣться на городъ. Вотъ и глухая улица, гдѣ ихъ домъ, вотъ и самъ домъ съ рѣшетчатымъ полисадникомъ... И странно! Сколько горя, сколько страданья перенесъ Порошинъ въ этомъ самомъ домѣ, въ этой самой улицѣ, но вотъ теперь, при видѣ всего этого, въ немъ шевельнулось печальное, но тихое чув-

ство. Здѣсь прошла его юность: тоскливая, одинокая, юность, въ которой нѣтъ ни одной свѣтлой точки, ни одного свѣтлаго воспоминанія—но все же юность.

Онъ вошелъ въ калитку, въ сѣни...

— Кто тамъ?—раздался изнутри такой знакомый голосъ.—  
Максъ! Господи!

И мать безсильно повисла у него на шеѣ. Она плакала. Теперь не было ничего взгляда, который бы заставлялъ ее оглядываться и бояться, и вотъ она плакала, повиснувши на шеѣ сына, къ отравленной чашѣ котораго, сама не зная, прибавила еще лишній глотокъ. Онъ смотрѣлъ на нее, смотрѣлъ на это почти дѣтское лицо, хотя уже изрѣзанное старческими морщинами, смотрѣлъ въ эти добрые, боящіеся глаза, на всю фигуру, вотъ-вотъ, казалось, готовую пригнуться, ступешаться—смотрѣлъ на все это и то, что раньше понималъ разсудкомъ, теперь онъ почувствовалъ сердцемъ, всѣмъ существомъ своимъ:—почувствовалъ, что ее нельзя судить, значить, нельзя ни обвинить, ни оправдать...

И вотъ ея руки обвивались вокругъ его шеи, лицо касалось его лица, ея слезы скатывались ему на руки...

— Господи!—говорила Катерина Алексѣевна,—какъ же это ты, откуда?

Онъ опустился на диванъ. Онъ сильно усталъ и чувствовалъ себя совсѣмъ разбитымъ. Горькое и скорбное чувство шевельнулось въ немъ. Онъ поднималъ на нее свои болѣзненные, изстрадавшіеся глаза...

— Умирать пріѣхалъ,—проговорилъ онъ съ невыразимой грустью.

Онъ не хотѣлъ этого сказать; слова какъ-то сорвались съ языка.

Катерина Алексѣевна поняла буквально.

— Максъ, родной мой,—заговорила она тревожно:—что съ тобой, ты боленъ? И не написать, и не сказать...

— Ахъ, нѣтъ,—проговорилъ онъ досадливо.—Я совсѣмъ здоровъ. Я не то хотѣлъ сказать...

— Худой какой, голубчикъ ты мой, блѣдный... Охъ, боленъ ты, Максъ...

— Да нѣтъ-же! Просто съ дороги усталъ, не спалъ...

— Ты лягъ, отдохни... Сколько не спавши... Ты откуда ѣхалъ-то...

— Изъ Петербурга... Только я теперь спать не хочу...

— Максъ, на долго-жъ ты?—робко спросила она.

— На долго... Годъ пробуду, можетъ быть, больше...  
Все лицо ея освѣтилось радостью.

— Милый ты мой... Письмо-то ты получилъ ли мое?..

— Получилъ...

— Ахъ, Господи! Я и забыла! За Вѣрой надо послать...

— А гдѣ она?

— Къ Александрѣ Васильевнѣ пошла... Помнишь ты?..

— Да, помню... Ты за Вѣрой не посылай... Послѣ...

— Хорошо, хорошо, голубчикъ... А я насилу вѣдь адресъ твой достала. Женѣ твоей написала, она, спасибо ей...

Она запнулась. «Господи, что же я про жену... ну, какъ ему неприятно»...

Она робко заглянула ему въ лицо—нѣтъ, ничего. А Порошинъ подумалъ: «ну да, конечно, всегда знала и слѣдила». И прежде, быть можетъ, это раздражило бы его, а теперь онъ подумалъ уныло, почти съ тоской...

Прибѣжала Вѣра, хорошенькая дѣвочка лѣтъ шестнадцати. Опять лобзанія.

— Ты какъ узнала, что я пріѣхалъ?

— Да Арбузовъ зашелъ къ Александрѣ Васильевнѣ и говорить: Максимъ Николаевичъ пріѣхалъ. Я и побѣжала...

— Онъ почему знаетъ?

— Въ лавкахъ слышалъ...

Порошинъ разсмѣялся:

— Просто плюнуть нельзя!..

И опять подумалъ, какъ онъ отвыкъ отъ всего здѣшняго.

Вошла Дуняша, горничная.

— Катерина Алексѣевна! Маврушка пришла...

— Сколько разъ говорила: придетъ—накормите...

— А у тебя опять страннопріимный домъ,—сказалъ Порошинъ.

— Опять,—улыбнулась она.—То Петръ Степановичъ не любилъ...—Она потупилась.

— Ты давно Вѣру изъ института взяла?..

— Да ужъ съ полгода: теперь въ гимназію ходитъ. Ты вѣдь знаешь, я ее не хотѣла отдавать, да Петръ Степановичъ...—Она опять потупилась.

Пришелъ Емельянъ Абрамовичъ Арбузовъ: мѣщанинъ, со-сѣдъ,—маленькій, круглый, рожа тоже круглая, плутоватая и добродушная. Онъ зналъ Порошина еще мальчикомъ.

— Максимъ Николаевичъ! Здорово! Въ наши палестины? Хвалю, давно бы... Вона онъ трефовый-то король съ дальней дороги, ишь, Александра Васильевна нагадала, мастерица... А я



это иду по базару, говорятъ: Катерины Алексѣевны сыночекъ прѣхалъ. Ну я сейчасъ въ Александрѣ Васильевнѣ: зналъ, что тамъ Вѣрочка, потомъ забѣжалъ домой сказать, да и сюда: дай, думаю, посмотрю...

Еще было довольно рано, когда Порошинъ, усталый, съ удовольствіемъ улегся въ чистую постель. Онъ чувствовалъ себя дома. Въ маленькой комнатѣ пахло какою-то травой, въ углу теплилась лампадка, трепетно освѣщая мерцающія ризы иконъ. Какая-то сладкая нѣга разлилась по его тѣлу и онъ полу-закрывъ глаза. И грезится ему въ полу-снѣ богато-убранная комната, и въ ней, теперь такая сморщенная старушка, тогда — красавица-женщина, и онъ самъ, маленький мальчикъ — и она стоитъ, передъ нимъ, растеряннымъ и испуганнымъ, на коленяхъ, и мечется въ страшной тоскѣ, и плачетъ, и цѣлуетъ его маленькія ручки и проситъ простить ей что-то... А тамъ, въ мрака, выступаетъ и еще одно лицо, ненавистное, гаденское... Но тутъ глаза его начали слипаться, такъ онъ и заснулъ, съ увлажненными выдавившеюся слезой рѣсницами...

А бѣдная старушка еще не спала. Она тихонько прокралась къ двери, беззвучно проскользнула въ комнату и остановилась у постели... Мерцающій свѣтъ лампадки какъ-то фантастически освѣщалъ лежавшую передъ ней фигуру. Темноватые волосы, обрамлявшіе лицо, рѣзко отбѣляли его отъ подушки — и она смотрѣла на это блѣдное, казалось, мертвое лицо, на эту скорбную черту, глубоко врѣзавшуюся около губъ и глазъ, и думала: гдѣ онъ былъ, что онъ перенесъ? Доходили о немъ только какіе-то отрывочные, искаженные слухи... Нѣтъ, это не тотъ, совсѣмъ не тотъ Максъ, котораго она видѣла лѣтъ восемь назадъ...

Она нагнулась надъ постелью, прильнула губами къ его лбу и, нѣсколько разъ перекрестивши его, потихоньку вышла...

А Порошинъ, проснувшись на другой день, вдругъ почувствовалъ то же, что и часто прежде чувствовалъ: что незатѣмъ и не хочется вставать, хотя тоже не хочется и лежать. Онъ вяло приподнялся на локтѣ и хотѣлъ уже спустить ноги, но задумался. И задумался почему-то о той ночи въ гостинницѣ, или, скорѣе, объ одномъ послѣднемъ ощущеніи той ночи, тамъ у окна, послѣ сна... И вдругъ, сейчасъ, на одно лишь мгновеніе, всплыло и остановилось то же, неподвижное и суровое, какъ тотъ пасмурный свѣтъ между ночью и днемъ...

Но онъ тотчасъ же встрахнулся и принялся молча одѣваться...

А по городу пошли разговоры.

— Вы слышали? Катерины Алексѣевны сынъ пріѣхалъ...

— Да. Больной онъ какой-то, говорятъ...

— Помилуйте! Какой больной, просто социалистъ.

— Вы знаете, онъ былъ замѣшанъ...

Слѣдуетъ длинный разговоръ.

Въ другомъ мѣстѣ:

— А къ Катеринѣ Алексѣевнѣ сыновъ пріѣхалъ, — ядовитничаютъ кто-то.

— Да, до какихъ лѣтъ дожилъ, а что отъ него? Имѣнныце мое хорошенькое было — промоталъ, теперь къ матери на хлѣба... Вотъ они нынѣшнія дѣти-то!

— Жаль бѣдную! Въѣсто того, чтобы опора...

Еще гдѣ-то:

— Слышали, барышня, нигилистъ пріѣхалъ, — говорить молодой адвокатикъ барышнѣ.

— Ха, ха, ха! Какой?

— Лохматый...

— Неправда, *они* теперь не лохматые...

— Ну, все равно...

— Ха, ха, ха! Да вы сами нигилисты...

— Я?!

— Да. Вотъ любовь отрицаете...

#### IV.

— Чтожъ? — говорила Катерина Алексѣевна, — такъ и живемъ... Денегъ послѣ Петра Степановича немного осталось, потому я уроки музыки даю...

— Я бы взялъ какіе-нибудь уроки, — сказалъ Порошинъ, — еслибъ нашлись.

— Только скажи, съ руками оторвуть! — сказала Катерина Алексѣевна, питавшая твердую увѣренность, что Макса вездѣ и всегда съ руками оторвуть.

Но уроки точно скоро нашлись.

И все потекло обычнымъ порядкомъ. Катерина Алексѣевна, привыкшая всю жизнь кого-нибудь слушаться, совершенно было уже приготовилась слушаться сына, но онъ, къ ея великому огорченію, ничего не приказывалъ, а потому въ ея жизни оставался пробѣлъ, который она ничѣмъ не могла наполнить, и хотя совершенно явственно чувствовала, что ей теперь лучше и сво-

боднѣе, но все же была огорчена. Въ концѣ концовъ она стала слушаться Вѣру и тогда нѣсколько успокоилась. Дни шли за днями. Приходила Александра Васильевна, разорившаяся купчиха, большая пріятельница Катерины Алексѣевны, и въ сотый разъ рассказывала, какъ она, двадцать лѣтъ назадъ, разорилась; заходилъ иногда Арбузовъ или отецъ Петръ, который до того постарѣлъ, что едва уже волочилъ ноги, но и до сихъ поръ все же шлепался въ сопровожденіи цѣлой толпы ребятишекъ, которые, казалось, еще больше стали любить его.

— Что, друже, зеленый такой, — сказалъ разъ старикъ Порошину: — злишься все. Ай не уходился?..

— Не уходился, — буркнулъ тотъ.

Отца Петра Порошинъ очень любилъ и глубоко уважалъ. Старикъ зналъ его еще ребенкомъ, носилъ на рукахъ, отъ него только и видѣлъ заброшенный мальчикъ ласку и участіе. Отецъ Петръ былъ старинный попъ, не ученый, едва грамотный: — теперь этотъ типъ уже почти совсѣмъ вымеръ. Цѣлый вѣкъ онъ таскался изъ прихода въ приходъ, цѣлый вѣкъ не могъ никому угодить, цѣлый вѣкъ былъ бѣднякомъ, потому что раздавалъ все, что получалъ, цѣлый вѣкъ возился съ ребятишками, которыхъ любилъ до страсти. И Порошинъ, подходя къ нему подъ благословеніе — отецъ Петръ любилъ, чтобы все это строго исполнялось — почти съ благоговѣніемъ цѣловалъ жесткую, грубую руку полуумнаго старика, сѣмившаго среди бурсы, палокъ, архіереевъ и всякаго другого начальства сохранить свою свѣтлую, высокую, благородную человѣческую личность. Теперь отецъ Петръ былъ уже безъ прихода, получалъ какую-то крошечную пенсію, которую почти цѣликомъ тратилъ на своихъ любимцевъ — ребятишекъ.

Забѣгалъ еще изрѣдка жившій у нихъ же во флигелѣ докторъ Имшецкій, оказавшійся товарищемъ Порошина по университету, а теперь служившій здѣсь земскимъ.

Порошинъ будто немного пришелъ въ себя и сталъ поспокойнѣе. Онъ ходилъ на урокъ, занимался съ Вѣрой, много и пристально работалъ. Иногда цѣлыми ночами просиживалъ за книгами, читая, дѣлая выписки, а днями за микроскопомъ, такъ какъ вновь началъ заниматься естественными науками. Но работа не давала ему ни удовлетворенія, ни успокоенія, ни даже забвенія. Она играла ту же роль, какъ горчичникъ, который ставятъ для того, чтобы оттянуть боль. И онъ зналъ, что это именно такъ. Жизнь текла очень однообразно. Утромъ Дуныша приносила чай и говорила: «здравствуйте, баринъ», на что онъ

отвѣчалъ: «здравствуйте». Напившись чаю, онъ шелъ на урокъ, или садился за микроскопъ, послѣ обѣда занимался съ Вѣрой, и потомъ читалъ, читалъ, читалъ... безъ интереса, безъ желанья, безъ цѣли... Вѣра только его развлекала. Дѣвочка молчаливая и немного будто угрюмая, она сперва дичилась его, но потомъ ужасно привязалась и мало-по-малу начала разговаривать, спрашивать... Иногда она поражала его совсѣмъ неожиданными вопросами. Приходилось поднимать многое, начинать издали, искать смыслъ какого-нибудь событія. Въ концѣ концовъ большею частью оказывалось, что никто не виноватъ, а было сплѣненіе разныхъ случаевъ...

— Какъ же узнать правду?—спросила разъ дѣвочка.

— Правды нельзя узнать, въ нее надо вѣрить...

— Вѣрить? Какъ въ Бога?..

— Богъ и есть правда, въ немъ все и объясняется, въ немъ все и понятно,—сказалъ Порошинъ.

— А ты... вѣришь?—вдругъ спросила она.

Онъ дико, испуганно, посмотрѣлъ на нее и, не отвѣчая, прошелъ по комнатѣ.

— Вѣрить, по крайней мѣрѣ, въ правду своего помысла, въ правду своего чувства...—Онъ не докончилъ, снова, будто испуганно взглянулъ на нее и вышелъ. Онъ прошелъ въ садъ и сѣлъ въ любимомъ своемъ уголку—въ куртинѣ цвѣтущей сирени. Послышались легкіе шаги. Это была Вѣра. Она усѣлась около него, и, положивъ ему руки на плечи, заглянула въ глаза.

— Максъ, ты не хочешь сказать мнѣ... Ты думаешь, я совсѣмъ дѣвочка... Максъ, вѣдь ты очень несчастенъ...

Онъ, немного волнувшись, посмотрѣлъ на нее.

— Почему ты знаешь?—выговорилъ онъ тихо.

— Я вижу... И я слышала, я много слышала... И тогда, давно ужъ, еще я маленькая была, мама съ Александрой Васильевной говорили потихоньку... А я слышала... И мама плакала много... А потомъ, вотъ недавно, у насъ была твоя жена...

— Моя жена?—переспросилъ онъ.

Она запнулась.

— Да... Мама не велѣла говорить, ну все равно... Ахъ, она хорошая, я люблю ее... И она говорила съ мамой, а я слышала... и что ты любишь другую... Мама говорила, что это дурно, а она говорила, что ты не виноватъ...

И дѣвочка вся взволнованная, съ слезинками на рѣсницахъ, остановилась. Порошинъ смотрѣлъ на нее будто разсѣяннымъ взглядомъ.

— А ты знаешь, что значить любить?—вдругъ спросилъ онъ.

— Знаю,—выговорила она тихо и твердо, прямо глядя ему въ глаза своими блестящими, умными глазами.—Какъ Маргарита Фауста,—прибавила она, все смотря ему въ глаза.

— Ты знаешь Фауста?—удивленно спросилъ онъ.

— Знаю... у мамы есть маленькая книжка, нѣмецкая...

Онъ взялъ ее за голову обѣими руками, и, немного отклонившись, пристально заглянулъ ей въ лицо. И потомъ, сжавши ее руку, съ дрогнувшимъ и измѣнившимся лицомъ выговорилъ тихо и глухо:

— Никогда не спрашивай меня объ этомъ...

Разъ, вечеромъ, пришла Александра Васильевна.

— Максимъ Николаевичъ,—сказала она,—хотите, батюшка, новый урокъ? Хорошій и притомъ барышню обучать...

— Какая тамъ еще барышня?—спросилъ Порошинъ.

— А акцианнаго управляющаго Болотникова дочка, Дашенька.

— Какимъ же это она наукамъ обучаться вздумала?

— Ну, ужъ это, батюшка, ваше дѣло, на то вы и ученый, а она всякимъ согласна...

Порошинъ разсмѣялся.

— Да по мнѣ, чортъ съ ней, лишь бы деньги платила...

А дѣло вышло очень просто. Дашенька, довольно зрѣлая дѣвица съ возвышенными чувствами и неудовлетворенными стремленіями, прослышавши, что въ городѣ есть нигилистъ, да еще такой, который гдѣ-то и въ чемъ-то былъ замѣшанъ—значить, ужъ самый настоящій нигилистъ—воспылала страстнымъ желаніемъ его посмотреть. Но Импецкій сказалъ ей, что нигилиста никакими судьбами вытащить нельзя и хотя онъ увѣрялъ, что на немъ ничего не написано, значить, смотрѣть нечего, но любопытство Дашеньки вслѣдствіе препятствій еще больше разпалось. Тутъ она узнала отъ Александры Васильевны, что нигилистъ даетъ уроки—и все было рѣшено. Дашенька тотчасъ же проникнулась страстнымъ желаніемъ изучать естественныя науки, и таки добилась своего—увидѣла нигилиста. Но нигилистъ былъ неподатливъ. Отсидѣвъ часъ, онъ поспѣшно бралъ шляпу и уходилъ. Посторонніе разговоры тоже поддерживалъ неохотно и отвѣчалъ больше односложными фразами. Но Дашенька не унывала. На первомъ же урокѣ она спросила:

— Правда, что вы были замѣшаны?

— Нигдѣ я не былъ замѣшанъ,—съ злостью отвѣчалъ онъ.

Прощаясь, она сказала:

— Приходите къ намъ по вечерамъ. У насъ бываетъ много народу, но, право, не съ кѣмъ говорить.

По вечерамъ, однако, онъ не ходилъ.

Разъ, уже смеркалось, Порошинъ шелъ по бульвару. Навстрѣчу попалась Дашенька: она каталась. Приказавши кучеру остановиться, она подовзвала Порошина.

— Вы куда идете?

— Домой...

— Садитесь, я васъ подвезу...

Онъ сѣлъ.

— Ну, — засмѣялась она, — теперь я васъ не отпущу: покатаемся и къ намъ...

Онъ молчалъ.

— Вы разсердились?

— Нѣтъ... Но, право, мнѣ у васъ совсѣмъ нечего дѣлать...

— То-есть, вы хотите сказать, что вамъ будетъ скучно.

— Пожалуй, и скучно...

Она звонко рассмѣялась.

— Ну, видно правду говорятъ, что вы нигилистъ! Какіе комплименты вы мнѣ говорите...

— А вы разсердитесь и отпустите меня...

— Ну, нѣтъ, и не думайте! А вы лучше скажите: признаете вы въ любви что-нибудь кромѣ чувственности?..

— Это какъ для кого, — неохотно сказалъ онъ.

— Какъ это?..

— Ну если кто не доразвился дальше чувственныхъ побужденій... «Вотъ ты не доразвилась», — подумалъ онъ.

— Ахъ, какъ это хорошо! — обрадовалась Дашенька. — Мы вчера весь вечеръ спорили съ Блюмомъ! Задамъ же я ему... Ахъ, какой вы умный!

— Покорно благодарю, — сказалъ онъ.

— Ну, вотъ мы и дома — идемте...

Народу было дѣйствительно много. Были тутъ и адвокаты, и акцизные, и земцы, и прокуроры. Нѣкоторыхъ Порошинъ звалъ, большую часть — нѣтъ. Къ нему подошелъ Имшецкій.

— А, Максимъ Николаевичъ? Насилу-то вы вышли изъ заключенія...

— Представьте, — перебила Дашенька, — вѣдь я его почти насильно затащила...

— Вотъ, Максимъ Николаевичъ, — говорилъ ховяинъ, подходитъ: — батюшка желаетъ съ вами познакомиться...

Батюшка былъ въ франтовской шелковой рясѣ, лицо имѣлъ совершенно елейное, волосы и бороду немного подстриженные и старательно расчесанные. Вообще, онъ, очевидно, принадлежалъ къ батюшкамъ новѣйшей формациі.

— Давно искалъ случая!—любезно сказалъ батюшка, протягивая свою бѣлую и пухлую руку.—Матушка ваша моя прихожанка...

Порошинъ пожалъ ему руку.

Батюшка вступилъ въ разговоръ.

— Знаете,—говорилъ онъ между прочимъ,—при все болѣе и болѣе распространяющемся безвѣріи, мы, служители алтаря, обязаны стать на стражѣ... Какъ вы объ этомъ думаете?

Порошинъ что-то промычалъ.

— И не только какъ служитель алтаря, но и какъ гражданинъ.

— «Гражданина» вѣрно почитываете?—сказалъ Порошинъ улыбаясь.

Батюшка недоумѣвалъ: обидѣться ему или нѣтъ? Но не обидѣлся, а, разсмѣявшись разсыпчатымъ смѣхомъ, провизнесъ:

— О, да вы каламбуристъ, Максимъ Николаевичъ, каламбуристъ...

И, окинувъ Порошина лучезарнымъ взглядомъ, батюшка отбылъ.

Подожла Дашенька.

— А вы все наблюдаете? Вы, вѣрно, пишете?

— Нѣтъ, не пишу...

— Скромничаєте... А я жду Блюма, чтобы поразить...

И она исчезла.

Мимо проходятъ дама и кавалеръ,

— И вы никогда не любили?—говоритъ она тихо.

— Нѣтъ!—отвѣчаетъ онъ мрачно.

— Отчего же?

— Когда посвящаешь себя общественному благу, некогда думать о любви...

Прошли. Бѣжить Имшецкій. Онъ замѣтилъ Порошина.

— Что это вы спрятались?..

— Да такъ... скучно...

— А вотъ я васъ развеселю... Видите, вонъ дама съ кавалеромъ... Ну, вонъ рыжій, красивый, сейчасъ около васъ были...

— Что же?

— Какой онъ карамболь недавно отмочилъ! Вотъ у этой самой барыни была гувернанточка... Ну, дѣвчонка изъ инсти-

туда только-что... Вотъ онъ ее и увези. Понятно: «кувыркомъ!» Ну, да это что? Все равно: «придется пасть когда-нибудь»... Только теперь онъ ее въ отставку, а у нея долговъ здѣсь, въ городѣ, рублей на двѣсти... Какъ она у него жила, ей въ лавкахъ и вѣрили. Ей-то говорилъ: «бери», а въ лавкахъ ничего не говорилъ. Купцы теперь къ нему. Я, говорить, не знаю...

— Гдѣ-жъ она теперь?

— Кто-то изъ милости въ деревню взялъ, къ дѣтямъ же...

— И это всѣ знаютъ?

— Что за секретъ...

— И эта барыня, съ которой онъ?..

— Она-то первая... Чувствительная дама. Все Альфреда-де-Мюссе читаетъ...

— Докторъ, докторъ, куда вы пропали, — раздалось откуда-то.

— Тутъ барыньку одну лажу, — шепнулъ Имшецкій, убѣгая.

— Прелесть! Нервы тамъ у нея, что ли...

Опять мимо промелькнула Дашенька и на минутку остановилась:

— Максимъ Николаевичъ, что вы все прячетесь? Я васъ искала, искала... Такая досада, сегодня такъ много гостей, некогда и поболтать...

И она вновь исчезла. Недалеко присѣли два господина: одинъ — членъ суда, другой — земецъ.

— Вчера это, у Николая Алексѣевича... Ну, онъ, знаете, человѣкъ добрый, хлѣбосольный, да и кавалеровъ мало, дѣвицы сидятъ, — пригласилъ отца Александра сына... Ну, мальчишка, семинаристикъ... И представьте, въ благодарность, сидѣлъ, сидѣлъ, да и бадни: «Бога, говорить, нѣту, все матерія»...

— Что-жъ Николай Алексѣевичъ?

— Уже отдѣлалъ онъ его... Во-первыхъ, говорить, это ты прешь: Богъ есть; а во-вторыхъ, какъ ты, щенокъ, смѣлъ въ моемъ домѣ неприличіе себѣ такое позволить? Ну что, если это куда слѣдуетъ донести, куда тебя, по нынѣшнему времени, за эти слова можно?

— Ловко! Что-жъ онъ?

— Обыкновенно, присѣлъ! Ха, ха, ха! Это, говорить, съ ученой точки...

— То-то съ ученой точки...

— Нѣтъ, теперь какъ-то все пошло... Знаете, какъ Иларіона Степановича дочка-то одолжила?

— Что такое?

— Какъ же? И вѣдь жалъ! Пикантенъская такая дѣвчонка...



Приходить это въ нему... Я, говорить, папаша, въ академію хочу, въ Петербургъ... «Въ какую академію?» — Въ медицинскую...

— Одолжила? Да что-жъ? Всѣ теперь такъ...

— Нѣтъ, а Иларіонъ Степановичъ посмотрѣлъ этакъ на нее, да и отрѣзалъ: «ну, говорить, коли тебѣ, моя милая, голыхъ мужчинъ такъ посмотрѣть захотѣлось, такъ ты, лучше за мужъ выходи, тамъ все увидишь»...

Оба они захлебываются отъ смѣха.

— Ха, ха, ха! Что-жъ она?

— Обыкновенно—въ слезы...

Онъ едва можетъ произносить слова.

— Охъ, Господи! Дайте духъ перевести... Нѣтъ, а тутъ еще курьёзъ... Петьку знаете? Ну, мальчишка, племянникъ Иларіона Степановича... Туда же... Какъ, говорить, вамъ не стыдно оскорблять ее... Это, говорить, подло...

Порошинъ всталъ: «Вотъ мѣста себѣ не найду».

Всѣ эти разговоры, все это закорузлое хамство, вся эта самодовольная пошлость тупого непониманія—все это было такое давнишнее, знакомое, обычное; все это когда-то такъ волновало, такъ раздражало, такъ мучило и мучило. Но тогда былъ какой-то просвѣтъ впереди, тогда, казалось, стѣбитъ лишь тронуть всю эту мертвечину и она разсыплется прахомъ... Теперь было только противно. Онъ досадовалъ, зачѣмъ пошелъ сюда. Развѣ онъ впердѣ не зналъ, что все это только разведредить, раздражить его и больше ничего. Онъ прошелъ въ кабинетъ хозяина—тамъ было прохладнѣе—и, усѣвшись въ кресло, закурилъ папиросу. Ему хотѣлось отдохнуть, но не тутъ-то было. Вошла Дашенька.

— Ну, насилу вырвалась,—сказала она.—Теперь поболтаемъ на свободѣ...

Она взяла его за руку и потянула къ креслу.

— Я домой пойду...

— Куда вы? Всего первый часъ... Ужинать...

— Голова разболѣлась...

Она, незамѣтно оглянувшись кругомъ, приложила ему ко лбу обѣ руки.

— Да, у васъ въ самомъ дѣлѣ жаръ. Я сейчасъ велю лошадей запречь...

— Нѣтъ, пожалуйста, не надо,—сказалъ Порошинъ и вышелъ.

«Чего еще этой бабенкѣ отъ меня надо», подумалъ онъ выходя.

Свѣжій ночной вѣтерокъ пахнулъ ему въ лицо. Это его

енного освѣжило. Онъ нѣсколько разъ съ напряженіемъ вдохнулъ въ себя струю свѣжаго, ароматнаго воздуха и оглянулся. Полная луна смотрѣла на него съ чистаго, казалось, бездоннаго неба, фантастически освѣщая своимъ неясственнымъ, холодноватымъ свѣтомъ окружающіе предметы; ночь была дивная, совсѣмъ голубая, прозрачная... Онъ приподнялъ голову и долго смотрѣлъ и на луну, и на небо, и на далеко разстилающійся, казалось, застывшій въ прозрачномъ сумракѣ горизонтъ. И вдругъ, еще разъ, что-то давно замершее казалось и прошло по душѣ и еще разъ такъ глухо и больно тронуло давно порванные струны... Онъ медленно, опустивши голову, пошелъ домой по пустыннымъ улицамъ. Окна гостиной были освѣщены и отворены; звонкій серебристый смѣхъ и болтовня Вѣры слышались съ улицы. Онъ заглянулъ въ окно. Въ гостиной, какъ и почти каждый вечеръ, Катерина Алексѣевна съ Александрой Васильевой, усѣвшись за столикомъ, гадали замусоленными и избитыми картами. Гадали онѣ серьезно, съ полнымъ сознаниемъ важности дѣла, съ спорами и препирательствами. Тутъ же вертѣлась и Вѣра, вѣчно подтрунивавшая надъ гадальщицами... И вновь что-то прошло у него внутри и болѣзненно сжало сердце...

— Вотъ и Максъ! — крикнула Вѣра, завидя входящаго брата:—гдѣ это ты былъ?

Онъ сказалъ:

— Барышня меня эта затащила... Скучно ужасно тамъ...

Онъ присѣлъ въ кресло около гадальщицъ, которыхъ Вѣра опять принялась теревить.

— Ну,—смѣялась она,—сейчасъ будетъ червонное угощеніе при треномъ домѣ, при печальномъ интересѣ...

— Отстань ты, егоза,—сердилась Александра Васильевна:—вотъ будетъ тебѣ печальный интересъ, какъ завтра единицу схватишь...

— А вы погадайте, чтобъ не схватила...

— Молода еще гадать-то, подожди...

Порошинъ притянулъ дѣвочку къ себѣ и, обнявъ ее за шею, прижалъ ея розовую, свѣжую щечку къ своей щекѣ. Вѣра, примостившись къ брату на колѣни, продолжала пересмѣиваться съ старушками.

— Вы бы мнѣ погадали,—улыбаясь сказалъ Порошинъ.

— Что вамъ гадать, вы не вѣрите,—сказала Александра Васильевна.

— Почему вы знаете, можетъ, и вѣрю... Ну погадай ты, мама, а то Александра Васильевна точно жрець...

— А и въ самомъ дѣлѣ, погадать, — сказала Катерина Алексѣевна:— да вѣдь ужъ сколько я на тебя перегадала...

Она подала ему карты.

— Перетасуй...

— А шептать надо?—спросилъ онъ.

— Все равно, какъ хочешь...

Онъ съ полуулыбкой тасовалъ карты, шутливо говоря:

— Ну, хорошо, трефовый король—я, Максимъ Николаевичъ Порошинъ, что со мной случится до конца этого мѣсяца... Такъ, мама?

Вѣра смѣялась, обвиняя и теребя брата.

— Ахъ, Вѣра, да замолчишь ли ты,—говорила Катерина Алексѣевна, заботливо и внимательно раскладывая карты. Вдругъ она поблѣднѣла и судорожно смѣшала разложенное гаданье.

— Что же ты?—спросилъ Порошинъ.

— Нѣтъ... Не такъ разложила...

И она, какъ-то вся выпрямившись и не глядя ни на кого, принялась ужасно быстро тасовать колоду.

Порошинъ хотѣлъ улыбнуться, но почувствовалъ, что только губы его скривились, а улыбки не вышло. Вдругъ онъ рѣзкимъ движеніемъ отодвинулъ кресло, такъ что Вѣра едва успѣла соскочить съ его колѣнъ, и быстро пошелъ.

— Максъ, Максъ, въ дурачки,—кричала Вѣра ему вслѣдъ.

— Нѣтъ, Вѣра...

— Въ англійскіе,—протянула она.

Но онъ уже вышелъ.

Онъ вышелъ въ садъ и началъ нервно ходить взадъ и впередъ по дорожкѣ, временами прижимая пальцы обѣихъ рукъ къ напрягшимся вискамъ. «Какъ, однако, я развинулся,—досадливо думалъ онъ,—совсѣмъ по-женски»...

Онъ все ходилъ по дорожкѣ, а та же ночь, та же луна, то же бездонное небо разстигались надъ нимъ и вокругъ него... «Да, жизнь дразнить... Все что-то тревожить, будить... Старые, несбывшіеся сны, старыя грѣзы... всю эту сладкую ложь... О, еслибъ начать съ начала»...

Онъ поднялъ голову и усмѣхнулся...

«А вѣдь какая, однако, живучая гадина человѣкъ... Вотъ, кажется, совсѣмъ раздавленъ, а все копошится, ерошится... какъ червь дождевой»...

Онъ вышелъ изъ сада и по крутой, узенькой лѣстницѣ прошелъ къ себѣ «на вышку». Дверь на маленькій балкончикъ была открыта, изъ сада вновь пахнулъ на него легкій, душистый

вѣтерокъ. Онъ прилежъ, не раздѣваясь, и такъ провалялся часа два, то забываясь, то снова просыпаясь. Наконецъ онъ всталъ и вышелъ на балконъ. Утренній, весенній воздухъ пахнулъ ему въ лицо. Онъ жадно вдыхалъ его, прислонившись головою къ столбу балкона. Утро только-что занималось; кое-гдѣ на бѣловато-сѣромъ фонѣ, дышавшемъ какою-то сумрачною свѣжестью, прорѣзывались кроваво-туманныя полосы занимающейся зари; кругомъ было все тихо; изрѣдка раздавался отдаленный говоръ и скрипъ воевъ: то ѣхали на базаръ. Откуда-то доносился однообразный благовѣстъ одинокаго колокола, а тамъ, вдали, за стальнымъ изгибомъ рѣчки, выдѣлялась сплошная, туманно-синеватая стѣна лѣса...

Онъ все стоялъ и смотрѣлъ туда, въ даль, ловя отрывистые звуки, вдыхая струи свѣжаго воздуха... И вдругъ ему стало такъ хорошо, такъ пріятно въ этой чудной, бодрящей тишинѣ... Глазъ такъ привольно ожиживаетъ сѣрѣющую даль, и тамъ, въ этой дали, чувствуется что-то такое родное, такое знакомое, отъ чего сердце сжимается такъ сладостно и такъ грустно, такъ смертельно грустно...

Онъ запыхалъ взадъ и впередъ, изъ комнаты на балконъ и назадъ...

— Да, вонъ тамъ бы, одному, чтобъ никто и ничто не трогало...

Онъ остановился, и едва замѣтная, горькая улыбка тронула его губы...

— Надо жить... Нѣтъ, не жить;—жить можно было бы тамъ, за рѣкой, за лѣсами, гдѣ-то въ волшебной сказкѣ... А тутъ... «Влачить свое существованье»...

Онъ остановился и опять улыбнулся...

— Ахъ, не все ли равно?

Онъ опять вышелъ на балконъ. Туманъ уже разсѣлся и стался только гдѣ-то внизу, а тамъ, надъ синеватою стѣною лѣса, подымался яркій, дышавшій холодною свѣжестью, багрово-красный шаръ солнца, мягкими тонами золота верхушки деревьевъ, отдаваясь въ за клубившейся паромъ рѣкѣ...

Онъ какъ очарованный глядѣлъ на эту картину, и опять вспоминается что-то старое, забытое и замершее... Вотъ такое же утро и также встаетъ солнце, обдавая багровыми лучами за клубившуюся равнину, а по прибитой росой дорогѣ звонко отбиваетъ тройка сытыхъ, бодрыхъ лошадей, и на возлахъ сидитъ слѣпой, только-что умывшійся изъ-подъ ключа, дородный ямщикъ и изъ-подъ шапки торчатъ еще мокрые волосы. И все такъ и

дышать и весною, и жизнью... И онъ самъ, маленькій, кудрявый мальчикъ протираетъ заспанные, блестящіе глазенки, и не жаль уже ему, что разбудили, и недовольная, полупроснувшаяся миная сбѣгаетъ съ лица, и смотритъ онъ и назадъ, и впередъ, и на ямщика, и на солнце, и на огромныя, бѣгущія по землѣ тѣни колесъ, и на несущееся мимо болото съ кричащими птицами, и на потонувшую въ молодой зелени, пріотившуюся при дорогѣ усадьбу, и хочется ему знать, кто здѣсь живетъ, и какъ живутъ, и хочется остановиться и пойти туда, въ мелькающій между деревьями домъ. И запомнить онъ и домъ, и деревья, и прудъ—и потомъ долго будетъ чертить все это на попавшемся клочкѣ бумаги и приставать: «мама, похоже?» А солнце идетъ все выше и выше и ужъ не красное, а желтое совсѣмъ сдѣлалось и горячее... И глазенки у него слипаются, и головка, покачиваясь туда и сюда на обезсилѣвшей вспотѣвшей шеѣ, невольно, мало-по-малу, склоняется къ матери на плечо... «Не спи, Маеся, пріѣхали ужъ», смѣясь говорить чей-то голосъ. «Гдѣ, гдѣ?» «Вонъ Просяное, сейчасъ за горой»... И ужасно хочется полѣзть къ ямщику на облучокъ и посмотреть... «Маеся, Маеся, упадешь»... Вотъ вѣхали въ село. Весело бѣгутъ по сторонамъ бѣлыя избы, съ отброшенными далеко по землѣ темными тѣнями, и сажени, и церковъ, и поповъ домъ, а вотъ и знакомый постоялый, и дѣдъ Архипъ, и лавѣсъ, и подъ навѣсомъ такая тѣнь и прохлада...

И дѣдъ Архипъ плететъ лесы изъ бѣлыхъ, лошадиныхъ волосъ, и идутъ у нихъ безконечныя разговоры и о рыбѣ, и объ удочкахъ, и о томъ, кто живетъ тамъ, въ бѣлѣвшемъ межъ деревьевъ домѣ... А лошади подъ навѣсомъ, пофыркивая и помахивая хвостами, жуютъ овесъ, и тихо, тихо, въ этой полуденной жарѣ, какъ въ заколдованномъ царствѣ...

Онъ поднялъ упавшую на руки, отяжелѣвшую голову и твердо прошелся по балкону, потомъ остановился, опять опершись локтями о перила.

«Да, жизнь хороша, и все, что въ ней зло и ложь—все это мелкія, едва замѣтныя пятна на дивномъ созданіи художника... И не жизнь виновата, и не люди... Что же все то, что меня притиснуло къ глухой стѣнѣ... Все это такое обычное и заурядное, и все дѣло лишь въ «стеченіи странныхъ случаевъ». Да въ этомъ. Здѣсь и весь трагизмъ и все торжество жизни... Ни прощать, ни проклинать некого... Нѣтъ больше ни злобы, ни ненависти, ни презрѣнія. Вотъ, вотъ оно, что давно чулось

наболевшимъ сердцемъ, что желалось и снилось — «примиреніе»... И неужели же все-таки...»

Въ головѣ опять какіе-то обрывки и клочки мелькають, будто гонимые вихремъ, ничего яснаго и опредѣленнаго, но мысль еще разъ бессознательно пробѣжала по тому же, давно пройденному кругу, и кругъ этотъ снова замѣнился ясно и отчетливо...

«Да, жить нельзя...»

Тускло смотрѣлъ помутившійся взглядъ темноватыхъ, ввалившихся глазъ, и этотъ тусклый взглядъ, снова машинально остановился на развернувшейся въ дали картинѣ...

И опять поднялось все, что желалось и снилось, въ чемъ было такъ много и жизни, и счастья, такого, казалось, близкаго, возможнаго счастья, въ чемъ теперь такъ много и муки, и боли, и безысходной, смертной тоски...

«Поздно! Жизнь не ждетъ опоздавшихъ!»

И все: и солнце, и лѣсъ, и рѣка, и вся жизнь, чудно могучая, величаво-спокойная жизнь, казалась, слилась въ одинъ аккордъ:

«Жизнь не ждетъ опоздавшихъ...»

Голова его безсильно упала на руки, нестройное рыданье вырвалось изъ груди, а по щекамъ покатались тяжелыя, одинокія, быть можетъ, послѣднія въ жизни слезы...

Онъ приподнялся, тяжелыми шагами прошелъ въ комнату и сѣлъ къ столу...

«Нѣтъ, жить еще можно...»

Онъ притянулъ къ себѣ листъ почтовой бумаги и написалъ на немъ:

«Нина, пріѣзжай сюда. Ты одна — больше никого у меня не осталось».

Это было письмо къ женѣ...

## V.

На другой день Порошинъ зашелъ на почту, отправилъ письмо къ женѣ, а оттуда пошелъ на урокъ...

— Ну что ваша голова?—спросила Дашенька.

— Ничего, прошла...

Начался урокъ. Но вдругъ она его перебила.

— Послушайте, правда, что вы женаты?

Порошинъ вспыхнулъ.

— Да, женатъ...

— И...—она запнулась,—съ женой не живете?

На языкѣ у него уже вертѣлась дерзость, но онъ удержался.

— Черезъ недѣлю моя жена вѣрно будетъ здѣсь...

— Да?

Она закусила губы.

Вдругъ она спросила:

— Хороша ваша жена?

Порошинъ взглянулъ на нее съ изумленіемъ, потомъ усмѣнулся.

— Красавица,—сказалъ онъ.

Максимъ Николаевичъ, когда писалъ и даже уже отправилъ письмо къ женѣ, дѣйствовалъ какъ-то инстинктивно, ничего не обдумавши, схватившись лишь за что-то смутно мелькнувшее въ головѣ. Но теперь, на досугѣ, онъ обдумалъ цѣлый планъ—планъ, чрезвычайно логично выведенный изъ всего предшествующаго. И вотъ онъ уже съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ поджидалъ жену. Онъ бросилъ всѣ уроки, бросилъ заниматься. Его беспокоило, что, можетъ быть, онъ написалъ неправильный адресъ, такъ какъ не зналъ вѣрнаго, а сообразилъ самъ. Онъ думалъ, что Нина Аркадьевна лѣтомъ вѣрно у себя въ деревнѣ въ N—ской губерніи, гдѣ она проживала круглый годъ, мѣсяца на два лишь уѣзжая въ Москву или за-границу. Теперь же онъ вспомнилъ, какъ гдѣ-то, уже довольно давно, отъ кого-то слышалъ, что она, получивши какое-то наслѣдство, что значительно увеличило ее и безъ того порядочныя средства, собиралась уѣхать надолго за-границу. Между тѣмъ онъ написалъ въ N—скую губернію. Онъ подозрѣвалъ и даже былъ увѣренъ, что у матери существуютъ съ ней постоянныя сношенія, и что она, значить, всегда знаетъ ее адресъ; но тогда ему спросить не хотѣлось, а теперь онъ жалѣлъ, что не спросилъ. Наконецъ, черезъ недѣлю, Нина Аркадьевна пріѣхала. На дворѣ попалась ей Дуняша.

— Максимъ Николаевичъ дома?

— Они тутъ, недалеко, я сбѣгаю...

— Нѣтъ, не надо... Дайте мнѣ умыться, да гдѣ комната Максима Николаевича...

Она вошла на его «вышку», опустила въ кресло и полукрыла глаза. Видно было, что она сильно устала.

Нина Аркадьевна была немного выше средняго роста, строй-

ная, нѣсколько полная женщина лѣтъ двадцати-восьми. Она была не красавица, но красива. Открытое, доброе лицо, грустное и задумчивое, прекрасно очерченный ротъ съ постоянной полупрезрительной, полугрустной усмѣшкой, а большіе, сѣрые глаза свѣтились холоднымъ блескомъ. Вся ея красивая, изящная фигура носила легкій отпечатокъ апатіи, вялости...

— Барыня молодая пріѣхала, — взвизгнула между тѣмъ Дуняша на кухнѣ.

Пришелъ Порошинъ. На дворѣ его поймала Дуняша.

— Онѣ пріѣхали...

— Кто?—спросилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Барыня молодая...

Онъ опрометью бросился въ комнаты. Заглянулъ въ гостиную—нѣтъ. Онъ взбѣжалъ къ себѣ, на вышку. Онъ не могъ говорить. Онъ цѣловалъ ея лицо, руки, платье и плакалъ, плакалъ какъ ребенокъ, всхлипывая.

— Нина, милая, ты пріѣхала-таки, — бормоталъ онъ безсвязно.

— Конечно пріѣхала, — усмѣхнулась она.

— А я думалъ... боялся...

— Глупо думалъ... О, — продолжала она, всматриваясь въ него: — да какъ же ты постарѣлъ, вонъ и сѣдые волосы... Узнать нельзя...

— Да?

— Да... Впрочемъ, это и лучше...

— Какъ же ты тамъ жила, что дѣлала?

— Какъ жила? «День за день, нынче какъ вчера»... Вѣдь это вы, герои чувствительные... А я привыкла... Школа тамъ у меня, отъ скуки занималась...

— Отъ скуки?

— А отъ чего-жъ больше? — и она подняла на него свои большіе, такіе умные глаза; онъ потупился.

— Ну, а теперь мнѣ чаю хочется. Да вонъ и мама идетъ, — прибавила она, взглянувъ въ окно.

Поздно вечеромъ, Порошинъ съ папирсой въ рукѣ, быстро шагаль по своей комнатѣ, а Нина Аркадьевна сидѣла въ креслахъ у стола. Лампа подъ абажуромъ тускло освѣщала комнату.

— ...И вотъ, — говорилъ Порошинъ — послѣ этой ночи я написалъ тебѣ... Я зналъ, что ты возьмешь меня... Я все обдумалъ... Все тоже, что говорилъ тебѣ четыре года назадъ, помнишь, тогда у печки, когда ты отняла у меня револьверъ... Про ту любовь и что она значила... Мнѣ нуженъ былъ свой уголъ, свое, куда-бъ я могъ уходить отъ жизни... Я думалъ найти это



въ любви... Не удалось... Я съ этимъ примирился... Любовь для меня уже невозможна, можетъ быть, и не нужна... Но мнѣ все же нужно *свое*, мнѣ нужно спокойствіе и ты дашь мнѣ его...

— Помнишь,—вдругъ заговорила она медленно и тихо:— помнишь, очень давно, когда ты тогда пріѣхалъ... послѣ *того*, когда ты говорилъ, что все еще любишь меня...

— Я помню,—перебилъ онъ,—ты мнѣ сказала тогда, что ты хочешь только спокойствія...

— И ты обѣщалъ мнѣ дать его...

Что-то дрогнуло у него въ лицѣ.

— Я не въ упрекъ говорю это, Максъ... Все это прошло и давно ужъ... если не умерло, то замерло... Я не въ упрекъ говорю... Ты видишь, ты позвалъ и я пришла...

Она на минуту остановилась и потомъ продолжала:

— Но ты съ этимъ не примирился... Ты и теперь любишь ее...

Онъ не отвѣчалъ прямо.

— Зоя Александровна для меня тяжелое и постыдное воспоминаніе,—сказалъ онъ.

— Постыдное? Такъ ты понялъ это?..

Въ лицѣ его опять что-то дрогнуло.

Она встала и остановилась противъ него. Матовый свѣтъ лампы необыкновенно эффектно отбѣлялъ всю ея красивую фигуру, лицо, холодные, теперь свѣтящіеся глаза.

— Ты позвалъ, и видишь, я пришла,—заговорила она задержаннымъ, необычнымъ голосомъ.—Можетъ быть, раньше я бы не сдѣлала этого... Но теперь... Можетъ быть, мы оба виноваты, можетъ быть, я даже виновнѣе тебя... Да, можетъ быть,—перебила она его.—Я пришла. Я дамъ тебѣ все, что могу дать... Тебѣ нужна сидѣлка — я буду твоей сидѣлкой; тебѣ нуженъ другъ — я буду твоимъ другомъ... Но, Максъ... женой, — она подчеркнула, — женой я тебѣ быть не могу... Теперь...

— Нина!

— Прости меня! Но это надо было сказать... Тебѣ я имѣла право... нѣтъ, основаніе сказать это... Припомни, Максъ... Правда, теперь ты переѣхалъ, ты много перестрадалъ... — она снова опустилась въ кресло. Онъ стоялъ, опустивши голову...

— Она вышла замужъ,—вдругъ сказала Нина Аркадьевна и тотчасъ же ужасно раскаялась, и тотчасъ же готова была Богъ знаетъ что дать, чтобы воротить сказанное.

— Я знаю,—очень тихо проговорилъ онъ,—я видѣлъ ее и

ея мужа недавно, въ Петербургѣ, на вокзалѣ, мелькомъ...—Она вдругъ вскочила и съ глухимъ крикомъ выговорила:

— Ты видѣлъ, ты говорилъ.

— Да, видѣлъ и говорилъ...

Она стояла, вся вздрагивая, тяжело дыша. Обидная, горькая мысль, молніей пронесшаяся въ мозгу, нестерпимой болью сжала сердце, до сухихъ, рѣжущихъ слезъ, почти до крика. И сдѣлавши надъ собой усиліе, она, вся поблѣднѣвшая, съ омрачившимся, недобримъ взглядомъ, вдругъ проговорила напрягшимся, холоднымъ, металлическимъ голосомъ:

— Смотри, Максъ! Не ошибись! Ты хочешь сдѣлать изъ меня ту соломенку, за которую хватается утопающій... Смотри—оборвешься...—и она, все еще трудно дыша, тяжело опустилась въ кресло.

Онъ постоялъ съ минуту молча, глядя на нее помутившимся, взглядомъ, вдругъ мертвенная блѣдность разлилась по его лицу. Безсильно, какъ подкошенный, опустился онъ къ ея ногамъ, положилъ голову къ ней на колѣни, да такъ и остался недвижимый...

Нина Аркадьевна опомнилась.

— Максъ, милый, бѣдный мой мальчикъ, прости, я глупая, злая,—говорила она тревожно, съ небывалой въ ней нѣжностью.

Она обняла его за шею, прижала его голову къ своей груди, цѣловала эту безсильно припавшую къ ней голову. Она не много отклонила его отъ себя: ей тревожно хотѣлось видѣть его лицо...

И она увидѣла: мертвые, остановившіеся глаза, пристально уперлись въ нее и смотрѣли...

— Максъ!—съ ужасомъ вскрикнула она.

Она теребила его, все повторяя: «Максъ, Максъ!» Онъ наклонялся туда и сюда, безвольно, какъ трупъ... а все тѣ же мертвые, остановившіеся глаза неподвижно смотрѣли на нее...

И вдругъ она, охвативъ его руками, безсильно упала головой къ нему на плечо, и заплакала тихо, тихо, съ прерывистымъ рыданьемъ.

Прошло минуты двѣ, три. Онъ очнулся и, безъ труда высвободившись отъ нея, устало приподнялся, вялый и разбитый.

— Ничего, Нина, ничего, голубушка,—говорилъ онъ мягко и ласково.

Онъ взялъ ее за руку, приподнялъ и обнялъ за талию.

— Ничего, все пройдетъ...

Она вынула платокъ, вытерла слезы и смотрѣла на него со всѣмъ растерянно, по-дѣтски.

— Ты устала, тебѣ пора лечь...

Онъ, все держа ее за талию, свелъ ее съ лѣстницы и провелъ до ея комнаты. Она, послушно, молча, шла за нимъ. На порогѣ онъ остановился, прикоснулся губами къ ея лбу и, повернувшись, пошелъ къ себѣ.

Долго еще ходилъ онъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ. Да, вѣдь она подсказала ему то затаенное, что онъ давно сознавалъ и что такъ страшно было выговорить. Будто что произошло въ мозгу, въ сердцѣ, и вотъ онъ думалъ спокойно и холодно: «Ты хочешь сдѣлать изъ меня соломенку... Смотри, обрвешься»... Лучше, о лучше, еслибъ она этого не сказала... но, такъ или иначе, вѣдь оно все равно пришло бы рано или поздно...

А по городу на другой день разговоры:

— Слышали? Порошина жена приѣхала...

— Прелесть бабенка...

— Вотъ примажьтесь.

— А мужъ? Пожалуй, ребра обломаетъ...

— Съ какой стати? Вѣдь онъ нигилистъ...

И еще:

— Но кто она? Нигилистка, вѣрно...

— Само собой... Вѣдь они всѣ на нигилистахъ женаты.

И т. д., и т. д.

## VI.

На другой день, подъ вечеръ, Порошинъ безцѣльно шелъ по улицѣ. На встрѣчу попался Арбузовъ.

— Максимъ Николаевичъ, куда?

— Такъ, гуляю...

— А воли гуляете, пойдемъ ко мнѣ на дровяной дворъ, я туда иду...

— Пожалуй...

Они пошли.

— А мы гимназію рѣшили, между прочимъ, — сказалъ Арбузовъ. Онъ былъ гласный.

— Да?

— Какъ же! Вотъ и мужики, можетъ, будутъ посылать... Земская гимназія.

— Ну, мужики, вряд ли, — разсѣянно сказалъ Порошинъ: — вотъ спросите...

Арбузовъ расхохотался.

— И то спросить... Павлюкъ, а Павлюкъ!..

Подошелъ Павлюкъ.

— Вотъ баринъ спрашиваетъ — отдашь сына въ гимназію?

— Кое мѣсто? — спросилъ Павлюкъ.

— Гдѣ барчаты учать...

Павлюкъ туло посмотрѣлъ на нихъ.

— Гдѣ ужъ... Намъ бы хотѣ сытымъ быть...

Арбузовъ разсердился.

— Сытымъ быть! Прикидывайся... Не бось тоже, сейчасъ ему чай подай...

— Чай? — спросилъ Порошинъ.

— Какъ же! Два раза въ день. По куску сахару тоже. Самъ пьешь, ну, и ему сейчасъ. Сколько они, скажу я вамъ, блюдцевъ однихъ у меня переколотили отъ необразованія отъ своего... Павлюкъ! Вѣрно я говорю?

— Чай — это точно...

— Изволите видѣть? Теперь не дай я ему чаю, онъ сейчасъ задралъ хвостъ и маршъ... Зимой-то еще съ пола-горя, ну, а лѣтомъ, гдѣ я его возьму? Павлюкъ, вѣрно я говорю?

— Что-жъ? На счетъ чаю въ твоей волѣ. Дашь — хорошо...

— Нѣтъ, не дай я ему, — горячился Арбузовъ, — сейчасъ пахать: три вершка надо, а онъ норовитъ въ вершокъ. За нимъ развѣ усмотришь? А потомъ хватъ за хлѣбъ, а хлѣба нѣту... Такъ вотъ онъ чай-то...

Арбузовъ вдругъ расхохотался.

— Чай-то вотъ онъ понимаетъ, образованіе это, а какой срамъ у нихъ заведенъ — это ничего...

— Какой срамъ? — спросилъ Порошинъ.

— Обыкновенно отъ необразованія... — Онъ опять приснулъ. — Бабы дерутъ... И комедія, скажу вамъ... Пропштрафится это баба что-нибудь — сейчасъ на сходъ. Старники ихніе тутъ стоятъ, напримѣръ — судьи... Ну рассудятъ — дратъ...

— А она не дури, — вдругъ буркнулъ Павлюкъ.

— Не дури! — строго заговорилъ Арбузовъ. — Нешто такъ можно? Примѣрно въ женскомъ полѣ и вдругъ — хвостъ на голую... Дуракъ, дубина! Стыдъ-то въ васъ есть...

— Миѣ что? — бормоталъ съонфуженный Павлюкъ. — Я не драгъ...

— Я не драгъ! — передразнилъ Арбузовъ. — А кто же драгъ?

Изволите видѣть,—обратился онъ къ Порошину:—онъ свою супругу, скажемъ такъ—даму... И вдругъ при полномъ стеченіи народа... Тыфу...

Арбузовъ ходилъ по двору, бодро покрикивая, то переругиваясь, то пересмѣиваясь съ рабочими.

— Ну что, Митюха, какъ сынишка?—спросилъ онъ, подходя къ одному изъ рабочихъ.

— Плохъ... Помретъ, видно...

— Съ чего это онъ?..

— Съ мякны, полагать надо... Попроламъ ужъ мѣшаемъ, хлѣба нѣту...

— Сходимъ-ка, Максимъ Николаевичъ,—сказалъ Арбузовъ.—Посмотрите на мальченку... Вы же по медицинской части обучались...

— Что-жъ я? Доктора бы...

— Какой тутъ докторъ! Пойдемте... Иди впередъ, Митюха...

Они спустились подъ гору и вошли въ маленькую покревившуюся хатку. Воздухъ былъ спертый, удушливый. На лавкѣ лежалъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, безъ кровинки въ лицѣ, прикрытый рванымъ полусубкомъ. Услыхавъ, что вошли, онъ открылъ глаза.

— Татъка... пить...

Отецъ подаль.

— Что-жъ онъ у васъ, такъ цѣлый день одинъ?—спросилъ Арбузовъ.

— Кому-жъ быть? Баба тоже на работѣ...

Порошинъ, видѣвшій много умирающихъ, тотчасъ же замѣтилъ, что мальчикъ въ агоніи. Въ полубреду метался онъ по лавкѣ, что-то безсвязно бормоча. Вдругъ онъ широко открылъ глаза! Они были тусклы и безжизненны.

— Мамка... Гдѣ... Глянь... ушла, ушла... Корова... Мамка!—обрывисто вскрикнулъ онъ и замолкъ.

Порошинъ взялъ пульсъ, приложилъ ухо къ сердцу.

— Умеръ,—сказалъ онъ, поднимаясь.

Мужикъ пошатнулся. Подойдя къ лавкѣ, онъ опустился на колѣни, взявъ въ свои руки мертвую руку сына, долго, пристально смотрѣлъ на его спокойное, холодящее лицо. Потомъ онъ обернулся. Онъ не плакалъ. Жалкая улыбка тронула его лицо...

— Парень былъ... хорошій, смирный...

И онъ поникъ головой на трупъ.

У Арбузова были слезы на глазахъ.

— Ну что-жь? Богъ далъ—Богъ взялъ,—заговорилъ онъ. Порошинъ постоялъ и молча, повернувшись, вышелъ.

— Максимъ Николаевичъ! Куда вы?..

Но онъ не обернулся.

Когда онъ пришелъ домой, Нина Аркадьевна, пристально въ него всмотрѣвшись, безпокойно сказала:

— Что съ тобою, Максъ, на тебѣ лица нѣтъ?..

— Ничего... Я усталъ...

Онъ прилежъ на диванъ, положилъ ей голову на колѣни и закрылъ глаза. Но только-что видѣнная картина смерти отъ голода не отходила отъ него. Онъ всталъ и нетвердыми шагами прошелся по комнатѣ. Нина Аркадьевна безпокойно слѣдила за нимъ: онъ былъ въ какомъ-то странномъ лихорадочномъ возбужденіи...

— Ты видѣла, какъ умираютъ съ голоду?—вдругъ спросилъ онъ остановившись.

Она, удивленно и тревожно взглянувши на него, хотѣла что-то сказать, но онъ продолжалъ:

— А я *сейчасъ*,—онъ подчеркнулъ,—видѣлъ...

И онъ безсвязно и отрывисто разсказалъ. Она молчала, не зная, что сказать, вся встревоженная.

Онъ опять прошелся по комнатѣ.

— Видишь,—заговорилъ онъ вдругъ съ сосредоточеннымъ до злобы спокойствіемъ:—видишь, взяться за каменья, это, конечно, послѣдовательно, но вѣдь это послѣдовательность идіотовъ...

И онъ вновь заходилъ, запрятавши руки въ обшлага и ежась будто отъ холоду. Взглядъ у него былъ воспаленный, губы совсѣмъ сухія... Немного похаживши, онъ опять остановился и заговорилъ съ глухимъ раздраженіемъ:

— Надо вѣрить хоть въ какую-нибудь глупую басню... Но изъ всѣхъ глупыхъ басенъ самая глупая, что сытый скотъ лучше голоднаго... Нѣтъ того, во имя чего можно крикнуть: «да здравствуетъ разрушеніе!» Значить, надо вѣрить въ жизнь, въ ея правду и красоту...

Онъ говорилъ отрывисто, безсвязно, путаясь.

— А если нѣтъ такой вѣры?—сказала она робко и осторожно.

— Тогда надо умереть... или «примириться»... «Примириться» на почвѣ легализированнаго грабежа, шампанскаго и пикантной кокетки...

— Ты же не хотѣлъ примириться на этомъ...

-- Почему знать? Можетъ быть, не могъ и не сжумѣлъ, —

сказалъ онъ, и его плотно сжатія, будто сразу высохшія губы странно скривились.

И снова пройдясь по комнатѣ, онъ, остановившись противъ висѣвшей на стѣнѣ гравюры Пожалостина «Несеніе креста», выговорилъ безсвязно, глядя помутившимися, налитыми глазами:

— Онъ страдалъ и умеръ не за себя...

И вдругъ онъ присѣлъ къ женѣ, прижался къ ней какъ ребенокъ, испуганно, будто прячась...

— Нина! Уѣдемъ отсюда... Куда-нибудь... Далеко, дальше... За-границу, что ли,—заговорилъ онъ лихорадочно, съ жалкимъ, растеряннымъ взглядомъ.

— Что ты, Максъ? Ты боленъ, милый...

— Нѣтъ я не боленъ,—рѣзко и недовольно. сказалъ онъ.

— Максъ, Максъ! Куда хочешь, я всюду съ тобой,—говорила она тревожно и нѣжно, обхвативъ его голову руками, цѣлуя его лицо, лобъ, губы.

— Всюду?—переспросилъ онъ, разсѣяннo, сжимая ея руку.

— Куда хочешь, милый...

Она приподняла его руку и поцѣловала. Онъ будто на минуту забылся.

— Или къ тебѣ въ деревню?—сказалъ онъ, очнувшись.

И потомъ, сжавъ руками голову, будто силясь вспомнить что-то, пошелъ къ дверямъ, но, снова веротившись, сѣлъ около жены, обнялъ ее рукой и долго смотрѣлъ ей въ глаза... Потомъ поцѣловалъ въ губы длиннымъ поцѣлуемъ... и вставъ, пошелъ по комнатѣ, но снова остановился.

— Нина...

— Что, милый...

Онъ вновь сжалъ голову, будто припоминая, но тутъ же повернулся и быстро пошелъ къ дверямъ.

— Максъ, Максъ! Куда ты?—безпокойно позвала она.

Онъ остановился.

— Я пойду, прилягу, я усталъ,—проговорилъ онъ отрывисто и тихо, и вышелъ.

Проходя черезъ переднюю, онъ слышалъ голоса въ сѣняхъ, остановился и прислушался. Катерина Алексѣевна и Вѣра шли ко всенощной. Катерина Алексѣевна, по обыкновенію, что-то ворчала, Вѣра смѣялась. Онъ постоялъ, пока голоса замолкли, и поднялся къ себѣ. Онъ прилегъ и задремалъ. Нина Аркадьевна потихоньку отворила дверь, заглянула и опять ушла... Такъ продремалъ онъ, полулежа, съ часъ, потомъ проснулся сразу,

будто что толкнуло его. На окнѣ стояла вода съ вареньемъ, онъ выпилъ весь стаканъ и сѣлъ къ окну.

Начинало уже темнѣть. Онъ все смотрѣлъ куда-то въ садъ. Легкій вѣтерокъ гналъ струйки пыли по дорожкѣ, тополи тихо шуршали... И вдругъ онъ почувствовалъ то же самое, что тогда, въ гостиницѣ, послѣ сна... Точно также чувствовалъ онъ себя здоровымъ, въ «полномъ умѣ и твердой памяти». Такъ же какъ и тогда, онъ не думалъ и не вспоминалъ, но выходило такъ, будто все, что есть, что было и что будетъ, сосредоточилось и остановилось, неподвижное, очищенное отъ случайныхъ, ненужныхъ подробностей, отъ всей лжи... И вотъ теперь, тамъ, въ глубочайшей глубинѣ, выговорилось то, роковое и неизбежное, такое же холодное, такое же суровое, какъ тотъ пасмурный свѣтъ между ночью и днемъ...

Онъ опустилъ руку въ карманъ и досталъ револьверъ, тотъ самый, маленький револьверъ. Какъ и когда попалъ онъ къ нему въ карманъ, онъ вѣрно не могъ бы сказать...

Онъ приложилъ руку къ сердцу, нащупалъ, гдѣ оно билось, и такъ, взведя курокъ, приставилъ дуло... На мгновение у него перервалось дыханье...

И вотъ въ этотъ коротенькій промежутокъ, вдругъ, совсѣмъ не такъ какъ прежде, передъ нимъ промелькнула вновь и вновь вся жизнь—вся, со всею ея ложью...

Онъ придавилъ пружину. Онъ почувствовалъ, будто сразу сильно наткнулся на что-то тупое, и упалъ ничкомъ... Но, почти тотъ часъ же вскочилъ, и, слабо застонавши, придерживая рану рукой, шатаясь, опустился въ кресла...

Вошла Нина Афеадьевна. Она поднималась уже по лѣстницѣ, чтобы заглянуть еще разъ, спитъ ли онъ, какъ услышала легкій трескъ выстрѣла.

— Максъ, зачѣмъ ты это сдѣлалъ?..

Она поспѣшно вышла. Въ передней попалась ей Дуняша.

— Скорѣй, за докторомъ...

Она опять вошла къ нему. Лицо ея было блѣдно какъ платокъ, но она была спокойна и совершенно владѣла собой.

Минутъ черезъ пять прибѣжалъ Имшецкій. Дуняша сказала ему, что случилось, и онъ захватилъ все нужное. Онъ осмотрѣлъ и перевязалъ рану.

— Ну что?—спросилъ Порошинъ.

Имшецкій сказалъ что-то по-латыни и прибавилъ, смотря въ сторону:

— Чай, тетрадки-то еще не забыли?..



— Значить, часа три проживу?

Импецкій не отвѣчалъ.

— Я ухожу,—сказалъ онъ,—надо будетъ, пришлите, я дома буду...

— Нѣтъ,—сказалъ Порошинъ,—подите пожалуйста на-встрѣчу матушкѣ, она въ церкви...

— Хорошо... Да говорите вы поменьше, — прибавилъ онъ по привычкѣ и вышелъ.

Нина Аркадьевна стояла блѣдная, нѣмая, безъ слезъ, какъ окаменѣлая. Вдругъ она подошла къ его креслу, опустилась на колѣни и взяла его руки въ свои.

— Какъ я любила тебя, Максъ,—тихо проговорила она.

Въ голосѣ ея слышалась такая тоска, что Порошинъ вздрогнулъ.

— Какъ я рада была, когда ты позвалъ меня... Я думала, что ты воскреснешь... мы оба такъ устали, намъ надо было успокоиться... А теперь... Максъ, Максъ, затѣмъ ты это сдѣлалъ!..

Это былъ отчаянный, тоскливый вопль о даромъ погибшемъ чувствѣ, несбывшихся желаніяхъ, разбитыхъ надеждахъ... Вся жизнь этой всегда сдержанной, такой на видъ холодной женщины вылилась въ этомъ стонѣ...

— Поздно,—сказалъ онъ тихо, съ трудомъ. — Я самъ не думалъ, что такъ... Прости, Нина... Умирающимъ все прощаютъ...

— Мнѣ нечего тебѣ прощать,—твердо выговорила она.

— А теперь... конецъ... можетъ, такъ и надо...

Онъ замолчалъ и закрылъ глаза. Потомъ опять заговорилъ:

— Нина! Если ты кого полюбишь...

Она будто не слушала.

— Слушай меня, Нина...

— Слышу...

— Если ты кого полюбишь, смотри, чтобы у него душа цѣлая была, не сгнившая...

Онъ опять замолкъ и сидѣлъ съ полузакрытыми глазами, все не выпуская ея рукъ.

Вдругъ онъ сказалъ:

— Поцѣлуй меня, Нина...

Она привстала и поцѣловала его.

Онъ будто удивленно космотрѣлъ ей въ лицо.

— Вотъ я всю жизнь отыскивалъ героевъ да героинь,—съ горечью проговорилъ онъ,—а вотъ она, героиня-то...

Пришла мать. Она старалась сдерживать себя, но не могла. Слезы катились у нея изъ глазъ.

— Сынъ мой, милый мой сынъ...

Онъ пожалъ ея руку.

— Я не хотѣлъ огорчить тебя, мама, — выло проговорилъ онъ.

Вѣра, испуганная, вся дрожащая, забила въ уголъ.

— Вѣра, дѣвочка моя милая! — позвалъ онъ.

Она подошла и, опустившись на колѣни, взяла его руку. Слезы неудержимо катились изъ ея глазъ.

— Жаль тебѣ меня, моя дѣвочка!

— Маеся, Маеся, голубчикъ мой, — бормотала она, заливаясь слезами.

— Помни меня, дѣвочка моя... Люби ее, съ ней всегда... — онъ не въ силахъ былъ договорить, но она поняла, что онъ говорить объ женѣ...

— Я люблю ее, я люблю ее, — говорила она все сильнѣй и сильнѣй рыдая.

Катерина Алексѣвна все собиралась что-то сказать, но колебалась; наконецъ, она выговорила:

— Маеся, дитя мое... Я никогда не вмѣшивалась...

Онъ посмотрѣлъ на нее.

— Ты хочешь, чтобы я приобщился... Хорошо... Только отца Петра...

Пришелъ отецъ Петръ; всѣ вышли изъ комнаты. Старикъ молча подошелъ къ умирающему и началъ его исповѣдывать. Онъ исповѣдывалъ по старинному, по заповѣдямъ.

— Противъ всѣхъ грѣшенъ, — говорилъ Порошинъ съ горькою улыбкой, — и боговъ у меня много было, и кумировъ себѣ создавалъ, и жену ближняго желалъ...

Онъ на мгновеніе остановился и, съ тоской заюмзивши руки, выговорилъ съ прерывавшимся сухимъ рыданьемъ:

— Хотѣлъ любить... всѣхъ...

— Здѣсь весь законъ и пророки, — сказалъ отецъ Петръ и приобщилъ его.

— Маеся, — сказалъ потомъ старикъ, — какъ же это ты, за что?

Умирающій открылъ глаза. Взглядъ былъ мутный, почти бессмысленный...

— За себя... А *тотъ* за всѣхъ...

— Кто?

— *Тотъ*... тамъ... Христосъ, — бормоталъ онъ путаясь и куда-то показывая.

Вошли мать, Вѣра и Нина Аркадьевна.

Отецъ Петръ подошелъ къ Катеринѣ Алексѣвнѣ.

— Въ рай будешь! — сказалъ ей полубезумный старикъ.

Порошинъ, не отрывая глазъ, взялъ руку жены, поднесъ ее къ губамъ и потомъ все время не выпускалъ. Онъ лежалъ молча, откинувшись на спинку кресла, по временамъ глаза его открывались, тусклымъ взглядомъ обводили комнату и снова закрывались. Отецъ Петръ началъ читать отходную...

Вдругъ умирающій открылъ глаза и посмотрѣлъ на жену. Та поняла и наклонилась.

— Зоё, скажи... любилъ ее... Прости...—И двѣ крупныя слезы медленно потекли по его щекамъ. Онъ говорилъ едва слышно, но она уловила. И, наклонившись еще, также тихо прошептала:—Все скажу... а простить... давно простила...

Онъ слабо сжалъ ее руку и закрылъ глаза. Такъ онъ лежалъ минутъ пять. Нина Аркадьевна почувствовала, что рука его холодѣетъ. Вдругъ онъ широко открылъ глаза: не то ужасъ, не то изумленіе отразилось въ нихъ. Онъ вытянулся во весь ростъ, и, что-то ища рукой въ воздухѣ, вскрикнулъ отчетливо и громко: «темно! не вижу!» И опять упалъ въ кресло. По лицу пробѣжала болѣзненная судорога, голова бессильно свѣсилась на бокъ... Нина Аркадьевна закрыла ему глаза...

...Все сбылось такъ точно, какъ захотѣлось Порошину въ ту памятную ночь передъ отъѣздомъ изъ Петербурга. Его похоронили со свѣчами, съ попами, съ цвѣтами, съ курящимся въ солнечныхъ лучахъ ладономъ. На могилѣ его посажены цвѣты, вокругъ нея—деревца. Сѣрая, гранитная плита, прикрывающая могилу, терается между зеленью. На плитѣ Нина Аркадьевна велѣла вырѣзать коротенькій текстъ: «Мнѣ отпущеніе и Азъ воздамъ»...

Г. О.

# АГРАРНЫЯ ОТНОШЕНІЯ

ВЪ

## ПОЛЬШѢ

Существующее въ Польшѣ поземельное устройство и вообще движеніе земельной собственности въ этой странѣ, помимо своего бытового значенія, имѣетъ большой экономическій интересъ, служа матеріаломъ для изученія аграрнаго вопроса, въ его общей и широкой постановкѣ.

Исключительныя особенности исторической жизни Польши, отразившіяся на своеобразности государственнаго устройства, отразились еще въ болѣе степени на условіяхъ земельной собственности и отношеніяхъ, возникшихъ между владѣтельной шляхтою и безземельнымъ крестьянствомъ.

Личная свобода и полнѣйшее экономическое рабство, безпримѣрная роскошь дворянства, отступающаго политическія права народа и, выходящая за предѣлы всякаго вѣроятія, экономическая кабала самаго народа нигдѣ не шли до такой степени рядомъ, какъ въ старой Польшѣ. Иноземное господство, преслѣдуя политическія цѣли, сдѣлало цѣлый рядъ попытокъ къ улучшенію быта сельскаго сословія. Въ этомъ отношеніи реформа, проведенная въ 1864 году нашимъ правительствомъ, имѣетъ особо важное значеніе. Какъ принципы, легшіе въ основу этой реформы, такъ и самое проведеніе ея въ жизнь представляетъ много фактовъ, полныхъ глубокаго интереса.

Между тѣмъ, не смотря на такой интересъ, въ значительной степени увеличивающійся близостью нашихъ отношеній къ Польшѣ, въ литературѣ нашей мы не встрѣчаемъ почти нива-

кихъ изслѣдованій поземельнаго устройства въ царствѣ Польскомъ. Даже князь Васильчиковъ, спеціально посвятившій себя ознакомленію русскихъ читателей съ разнообразными видами земельной собственности въ Европѣ, ни однимъ словомъ не обмолвился о польскомъ земельномъ устройствѣ. Не будучи солидарны съ нѣкоторыми изъ взглядовъ почтеннаго автора, мы тѣмъ не менѣе не можемъ не высказать, что въ интересахъ защищаемой имъ мелкой культуры, земельное устройство Польши могло бы представить для него множество любопытныхъ и поучительныхъ фактовъ.

Восполнить отчасти существующій пробѣлъ и дать читателямъ сжатый очеркъ земельного устройства Польши и историческаго хода землевладѣнія, составляетъ задачу настоящей статьи <sup>1)</sup>.

## I.

Находящаяся на рубежѣ европейскаго востока и запада Польша рано восприняла въ себя условія феодальнаго строя романо-германскихъ народовъ. Связанная съ западомъ единствомъ вѣры, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ западными соседями, Польша, какъ и другія западно-славянскія земли, приняла и усвоила обычаи западныхъ народовъ, особенности ихъ общественнаго и государственнаго строя.

Однако, особенности польскаго народнаго характера придали заимствованной съ запада системѣ феодализма своеобразный отбѣнокъ. Заключавшіяся въ сущности феодальныхъ правъ двѣ стороны политическая и экономическая, приняли въ Польшѣ особое развитіе. Политическая сторона феодализма не развилась въ Польшѣ въ томъ видѣ, какъ это было на западѣ, и привела къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Той борьбы съ королевскою властію и возвышенія послѣдней, при посредствѣ свободныхъ городовъ, въ Польшѣ не было и по строю польскаго

<sup>1)</sup> При составленіи настоящей статьи мы пользовались слѣдующими, собранными нами на мѣстѣ и официальными данными, заключающимися въ журналахъ Учредительнаго Комитета, отчетахъ крестьянскихъ комиссій и т. п. Кроме этого, въ исторической части мы пользовались многими сочиненіями польскихъ экономистовъ и историковъ. Изъ числа ихъ считаемъ нужнымъ упомянуть слѣдующія:

- 1) *Adam Krzysztopor, O urzadzeniu stosunków rolniczych.* 1861.
- 2) *Sewerin Urusky, Sprawa wlosciąska.* 1863.
- 3) *Lubomirski, Rolnicza ludność w Polsce.* 1862.
- 4) *Moller, Situation de la Pologne au 1 janvier 1865.* Paris 1865.
- 5) *Waleri Prsyborowski, Wlosciane u nas i gdzie inde.* Wilno. 1881.

государственного организма не могло быть, такъ какъ прежде всего не было элементовъ, на которые могла опереться королевская власть. Свободныхъ городовъ не существовало, а всѣ они находились въ извѣстной доминантной зависимости отъ феодальныхъ владѣльцевъ. Гораздо раньше, чѣмъ на западѣ феодализмъ былъ вытѣсненъ абсолютизмомъ королевской власти, феодальный строй въ Польшѣ принялъ то направленіе, послѣдствіемъ котораго явилось совершенное уничтоженіе наследственной монархіи и созданіе идеальной государственной власти въ видѣ Рѣчи-Посполитой, съ выборнымъ королемъ, безсильнымъ передъ всемогущей шляхтой, составлявшей польское феодальное дворянство.

Напротивъ того, экономическая сторона феодализма, заключавшаяся въ полномъ господствѣ небольшого числа феодальныхъ собственниковъ надъ землею и живущими на ней, проявилась въ Польшѣ въ томъ же видѣ, но въ значительно большемъ объемѣ, чѣмъ въ другихъ государствахъ запада. Эта экономическая сторона феодальныхъ правъ далеко пережила не только политическую сторону феодализма, но даже политическое существованіе самой Польши. Многія изъ нихъ сохранились до самаго послѣдняго времени. Достаточно сказать, что только въ 1865 г. города царства Польскаго были изъяты изъ обладанія частныхъ лицъ и введены въ систему самостоятельныхъ государственныхъ элементовъ. Понятны становятся послѣ этого тѣ корни, которые экономическая сторона феодализма пустила въ общественный строй старой Польши.

Такой порядокъ вещей не могъ несомнѣнно не отразиться и на историческомъ ходѣ существовавшихъ въ Польшѣ земельныхъ отношеній.

Землевладѣніе въ Польшѣ прошло тѣ же фазисы, какъ и у всѣхъ другихъ народовъ Европы. Историческіе памятники заставляютъ въ Польшѣ слѣды общины и родового быта. Общинное владѣніе предшествовало введенію феодальной системы, а продолжительность его существованія доказывается вліяніемъ этой формы землевладѣнія на цѣлый рядъ народныхъ воззрѣній и обычаевъ, проявляющихся главнымъ образомъ въ области наследственного права. Отсутствіе въ Польшѣ маіоратнаго наследованія и субституціи несомнѣнно объясняется продолжительнымъ существованіемъ общины и родового быта.

Владѣніе родовое допускало равенство правъ и основывалось на томъ, что для владѣнія землею нѣтъ разницы между сыновьями одного отца, членами одного рода. Съ принятіемъ христіанства

замѣчаются въ Польшѣ первые признаки феодальной системы. За заслуги, оказанныя королевской власти, за отбываніе военной службы, служилое сословіе награждалось землями. Изъ этого служилого сословія создавалось польское рыцарство, позднѣе шляхта. Но организація рыцарскаго сословія имѣла въ Польшѣ и нѣкоторыя отличныя отъ остальныхъ государствъ особенности. Вездѣ на западѣ принципъ феодализма выдвигалъ на первый планъ право вотчинное, но не личное. Первенствующее значеніе играли феодалы, но не рыцари. Феодалъ, т.-е. земля, давала рыцарю права, съ нею связанныя и даже самое имя. Не то было въ Польшѣ. Тамъ главное значеніе имѣла личность рыцаря. Привилегіи рыцарства и связанныя съ нею права были привязаны къ личности, земля же сама по себѣ не имѣла никакого значенія <sup>1)</sup>. Въ этомъ надо видѣть отчасти причину и первоначальный зародышъ чрезвычайнаго развитія политическихъ правъ польской шляхты.

Съ развитіемъ сословія рыцарей земля мало-по-малу выходитъ изъ сферы частной собственности остальныхъ владѣльцевъ, изъ области гражданскаго оборота, и сосредоточивается въ рукахъ рыцарей и духовенства. Въ моментъ наибольшаго развитія феодализма въ XII, XIII и XIV столѣтіяхъ обезземеленіе всего польскаго народа было уже полное. Вся земля находилась во владѣніи привилегированныхъ лицъ, собственниковъ же крестьянскаго сословія уже не встрѣчается.

Соціальное положеніе крестьянства въ то время было такое же, какъ и въ другихъ странахъ съ господствующей системой феодализма. Зависимость отъ феодальнаго владѣльца была имущественная, основывавшаяся на принципѣ доминантной власти лица надъ землей, со всѣмъ ея населеніемъ. Зависимость эта прекращалась съ момента оставленія земли: прикрѣпленія къ землѣ, въ рассматриваемый нами первичный періодъ феодализма, не существовало. Юридическое положеніе, какъ и повсемѣстно, сводилось къ полному безправію и могло во всякомъ случаѣ простирались только на личность, такъ какъ имущества крестьянскаго *de jure* не существовало. Собственно же экономическое положеніе польскаго крестьянства въ ту отдаленную эпоху не могло быть сколько-нибудь опредѣленно регулировано. Однако, уже въ то время сложились нѣкоторыя особенности отношеній крестьянъ къ помѣстнымъ вотчинникамъ, которыя получили широкое развитіе въ послѣдствіи. Къ такимъ отличительнымъ чер-

<sup>1)</sup> *Lelewel, Początkowe prawodawstwa polskiego.*

тамъ не только въ Польшѣ, но и во всей западной славянщинѣ, слѣдуетъ отнести двойственный характеръ земель: *закупнымъ* и *незакупнымъ*, т. е. такихъ, которыя находились во владѣніи обрабатывающихъ ихъ земледѣльцевъ и такихъ, которыя принадлежали непосредственно къ двору владѣльца. Упоминаемая уже въ Вислицкомъ статутѣ <sup>1)</sup> двойственность эта тянется непрерывною нитью во всѣхъ измѣненіяхъ, какія испытывали отношенія крестьянъ при польскомъ правительствѣ. Эта двойственность проявила практическія послѣдствія при вторженіи въ Польшу и въ западно-славянскія земли нѣмецкаго права и получила особое развитіе въ имѣніяхъ королевскихъ и духовныхъ, въ которыхъ, какъ увидимъ, положеніе крестьянъ было лучше, сравнительно съ имѣніями частныхъ владѣльцевъ. Закупныя земли, заселенныя на нѣмецкомъ правѣ, считались хотя и ограниченной, но *фактической* собственностью владѣющихъ ими кметей, тогда какъ земли, заселенныя на польскомъ или русскомъ правѣ, оставались всегда полною собственностью вотчиннаго владѣльца; крестьяне же имѣли въ этихъ земляхъ лишь право временнаго пользованія.

Существовавшая въ первомъ періодѣ феодализма свобода перехода крестьянъ съ однихъ земель на другія практиковалась рѣдко, и свойство находившихся во владѣніи крестьянъ земель во многомъ препятствовало фактическому осуществленію этого права. Экономически польскія земли дѣлились на ланъ осѣдлый (*mensus possessionatus, sessionatus, ossessus*), ланъ пустой (*m. desertus, absus*), и ланъ бесплодный (*m. sterilis*). Осѣдыми землями были лучшія земли, требовавшія менѣе расхода и труда при обработываніи. Пустыми были всѣ худшія, болотистыя, песчаныя, неразработанныя ндвы, требовавшія для обработки большихъ издержекъ и труда, причемъ самая обработка ихъ производилась обыкновенно за уменьшенную цѣну. Наконецъ ланомъ бесплоднымъ называлась та земля, которую рѣшительно нельзя было обработывать. Фактическая невозможность перейти съ земли худшей на землю лучшаго качества и опасеніе получить землю худшую той, когорая находилась уже въ пользованіи, останавливали польскаго крестьянина отъ перехода. Первоначально прирѣшеніе въ землѣ являлось въ Польшѣ фактомъ чисто-экономическимъ. Позднѣе, въ XIV и XV столѣтіяхъ, съ расширеніемъ владѣній Польши путемъ включенія въ нее богатыхъ южно-русскихъ областей, для кметей открылась возможность переселиться на болѣе плодородныя земли и стряхнуть съ себя ярмо феодаль-

<sup>1)</sup> 1342 года.



наго господства. Въ памятникахъ того времени существуютъ указанія на усиленное переселеніе кметей во вновь завоеванныя земли: дворы и цѣлыя деревни Великой Польши пустѣли. Тогда-то чисто личные стремленія помѣстныхъ вотчинниковъ были направлены къ прегражденію возможности такого перехода и къ прикрѣпленію крестьянъ къ землѣ. Уже въ привилегіяхъ XIV вѣка встрѣчаются предписанія, чтобы кметы лично жили на отведенныхъ имъ ланахъ, подъ страхомъ потери права на землю и строенія. Наконецъ статутъ 1492 года Казимира Великаго окончательно прикрѣпилъ крестьянъ къ землѣ и ввелъ de jure крѣпостное право въ Польшѣ.

Самъ по себѣ фактъ закрѣпленія крестьянъ, при существованіи сильно развитой феодальной системы, мало повліялъ на измѣненіе экономическаго быта польскаго крестьянства, но въ длинный, болѣе 400-лѣтній періодъ существованія крѣпостного права, окончательно сложились и опредѣлились тѣ разнообразныя отношенія, въ которыхъ земледѣльцы находились къ помѣстнымъ вотчинникамъ. Поучительна и интересна исторія польскаго крестьянства въ эту эпоху. Въ то время, когда шляхта на сеймахъ въ отстаиваніи политическихъ правъ доходила почти до полнаго отрицанія государственной власти, когда политическая свобода каждаго шляхтича не знала ни малѣйшихъ ограниченій въ законахъ, въ это самое время крѣпостная зависимость <sup>4</sup>/<sub>5</sub> польскаго народа отнимаетъ у него даже сознаніе общечеловѣческихъ правъ и держитъ его въ непросвѣтной тѣмѣ невѣжества и экономическаго гнѣта. Издаваемые сеймами, съ цѣлью улучшить положеніе крестьянъ, законы, при самоволіи шляхты и безграничности ея феодальныхъ правъ, усиленныхъ статутомъ Казимира и характеромъ самого государственнаго строя, болѣею частью оставались мертвою буквою и рѣдко осуществлялись въ жизни.

Въ это описываемое нами время сельское сословіе дѣлилось на нѣсколько степеней, представлявшихъ рядъ переходовъ отъ полнѣйшаго раба до полусвободнаго солтыса, обязаннаго военною службой. По степени принадлежащихъ сельскому сословію незначительныхъ личныхъ и имущественныхъ правъ, всѣхъ крестьянъ Польши можно было раздѣлить на 4 разряда: солтысовъ, кметей, обыкновенныхъ крѣпостныхъ и рабовъ. Мѣра свободы, идя отъ солтыса до невольника, постепенно уменьшалась: солтысъ пользовался болѣею свободою противъ кмета, послѣдній болѣею противъ крѣпостного и наконецъ совершенное отсутствіе свободы замѣчалось въ положеніи раба. Два первые класса: солтысы и кметы, хотя по статутамъ Казимира и были вмѣстѣ съ

прочими прикрѣплены къ землѣ, но сохранили большія права и своимъ положеніемъ напоминали прежнюю доминіальную зависимость отъ феодальныхъ владѣльцевъ. Различались солтысы и кмети тѣмъ, что солтысы имѣли право общей судебной защиты и участія въ судѣ, кмети этого права не имѣли. Свобода кметей и крѣпостныхъ ограничивалась въ отношеніи имущества и земледѣльческой работы, рабы находились въ полнѣйшей личной неволѣ. Повинности солтысовъ были: военная и судебная; повинности кметей, крѣпостныхъ и рабовъ были экономическія, но кметь отправлялъ свои повинности безъ барщины, крѣпостные съ барщиной, рабы исключительно только барщиной. Всѣ безъ различія подчинялись суду владѣльца, но солтысы и кметь могли жаловаться на владѣльца и искать защиты въ правѣ земскомъ, тогда какъ два другіе вида не имѣли этого права и жалобы ихъ на владѣльца не могли быть принимаемы не только судами, но даже самимъ королемъ. Солтысы несъ обязанности военной службы; кметь не служилъ въ войскѣ, но пользовался правомъ имѣть оружіе; крѣпостные и рабы лишены были этого права и, въ случаѣ судебного поединка, употребляли вмѣсто меча палки. Военная служба освобождала солтыса отъ подати, кмети же и крѣпостные платили ее въ томъ размѣрѣ и видѣ, какъ она установлена владѣльцемъ, рабы же за неимѣніемъ никакого имущества подати не платили, считались вещью и отбывали тѣ работы, которыя назначены владѣльцемъ. Солтысы и кмети сравнительно были въ неизмѣримо-лучшемъ экономическомъ положеніи, чѣмъ два другіе вида, и не рѣдко достигали даже значительной зажиточности. Солтысы имѣли право распоряженія имуществомъ, но при продажѣ уплачивали въ пользу владѣльца извѣстную часть. Остальные разряды права распоряженія не имѣли. Солтысы и кмети имѣли право свободного вступленія въ бракъ, крѣпостные и рабы могли вступать въ бракъ съ разрѣшенія владѣльца.

Тяжелая судьба польскаго крѣпостного была чужда общественной жизни, она заключалась въ тѣсныхъ рамкахъ жизни семейной. Задавленные экономически, забытые нравственно, они пребывали въ полнѣйшемъ невѣжествѣ, въ рѣдкихъ лишь случаяхъ находя себѣ защиту во власти короля и духовенства.

Католическому духовенству крестьяне много обязаны облегченіемъ своей участи. Съ страшнымъ оружіемъ отлученія отъ церкви духовенство громило жестокость и притѣсненіе феодальными собственниками подвластныхъ имъ крѣпостныхъ, постепенно выхлопывая для нихъ различныя льготы. Оно выхлопотало и укрѣпило за крестьянами право соблюдать воскресенье и празд-

ничные дни, оно же устраняло произволъ владѣльцевъ при разрѣшеніи браковъ. Въ сожалѣнію надо сказать, что такое вліяніе духовенства, весьма сильное въ началѣ, совершенно утратило свое значеніе въ періодъ наибольшаго развитія крѣпостного права. Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ духовенство почти совершенно утратило принадлежавшую ему власть охраненія интересовъ наиболѣе безправныхъ крѣпостныхъ.

Солтисы и кметы, какъ мы сказали, имѣли право судебной защиты. Судебная земская власть назначала особенные сроки для слушанія дѣлъ кметей, такъ какъ иначе множество дѣлъ владѣльческихъ препятствовало бы слушать дѣла кметей.

Когда приговаривалось воротить кмета на землю, предписывалось, чтобы владѣлецъ не смѣлъ его мучить, но поступалъ бы по закону. Когда владѣлецъ отнималъ у кмета землю, выгонялъ его, не выдавалъ ему скота, причинялъ убытокъ въ посѣвѣ—кметъ приносилъ жалобу въ судъ. Въ дѣлахъ гражданскихъ власть суда распространялась на договоры, залоги и продажу; судъ же утверждалъ мировыя сдѣлки между владѣльцами и кметами. При уголовномъ обвиненіи кметю предоставлялись широкія средства къ оправданію, присутствие въ судѣ шляхты не стѣсняло защиты кмета.

Беззащитность отдѣльной личности и невозможность для нея, въ періодъ такого полнаго безправія, какимъ представлялись средніе вѣка, противостоять произволу и насилию болѣе могущественнаго лица, создали на западѣ цехи, какъ союзы людей и союзы отдѣльныхъ городовъ. Въ Польшѣ такіе союзы заимѣлись поручительствомъ (круговой порукой). Порука одного за другого не знала различія въ сословіяхъ, она соединяла неразрывною связью членовъ общества; вытекавшія изъ поручительства обязательства сглаживали различія, выходящія изъ привилегій и рожденія. При поручительствѣ сословія были равны между собою: было одно сословіе, одна община—община поручительства.

Еще до изданія статута Казимира, право вступленія въ поручительство было вполне возможно для кмета; такое вступленіе постоянно практиковалось и составляло для кмета, такъ сказать, *первую ступень гражданственности*. Съ другой стороны потеря поручительства была какъ бы приговоромъ къ вступленію въ низшій разрядъ крѣпостныхъ, или же въ совершенное рабство. Иначе и не могло быть. При всѣхъ гражданскихъ сдѣлкахъ личныхъ и имущественныхъ отъ кмета требовалось поручительство. Передъ плебаномъ (приходскимъ священникомъ) онъ

долженъ былъ имѣть поручителя въ томъ, что уплатить десятину, передъ правительствомъ—что явится въ положенный срокъ, передъ владѣльцемъ—что выполнить договоръ, передъ евреемъ—для избѣжанія лихвы. Самъ кметъ служилъ поручителемъ: за кмета, за владѣльца земли, на которой жилъ, за войта, суду котораго былъ подчиненъ, и взаимно пользовался поручительствомъ и владѣльца, и войта. Поручительство имѣло высокое нравственное вліяніе; оно требовало вѣрности въ данномъ словѣ, сглаживало отчасти сословную рознь, предупреждало чрезмѣрное обремененіе долгами. Въ ту отдаленную эпоху вѣкового насилія, только благодаря одному поручительству кметы могли сохранить слабый оттѣнокъ общечеловѣческихъ правъ. Съ теченіемъ времени, съ увеличеніемъ народонаселенія и осложненіемъ гражданскихъ правоотношеній поручительство стало постепенно исчезать и въ XVIII вѣкѣ, въ которомъ крѣпостное право достигло своего апогея, уже больше не встрѣчается.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ крѣпостной строй старой Польши. Разстройство государственнаго организма, происшедшее вслѣдствіе безпрестанныхъ войнъ и внутреннихъ неурядицъ, не могло не отразиться самымъ невыгоднымъ образомъ и на судьбѣ крестьянства. Объединеніе крестьянскихъ массъ, явившееся слѣдствіемъ произвольныхъ поборовъ со стороны вотчинныхъ владѣльцевъ и ихъ управляющихъ (экономовъ), отразилось прежде всего на несостоятельности кметей и крѣпостныхъ уплачивать установленный за землю чиншъ и другія денежные повинности. Послѣдствіемъ этого былъ переходъ бѣльшей части не только собственно крѣпостныхъ, но и кметей отъ повинностей денежныхъ къ натуральнымъ, отъ чинша и оброка къ барщинѣ. При видѣ сросавшейся въ глаза бѣдности и нужды кмета, полнѣйшей несостоятельности его уплачивать чиншъ, вотчинникъ неизбѣжно долженъ былъ хвататься за другой источникъ дохода—барщину. Съ XVI столѣтія уже ясно замѣчается уменьшеніе чиншевого владѣнія и оброчныхъ крестьянъ и соотвѣтственное увеличеніе барщины. Кромѣ объединенія кметей этому способствовалъ и существовавшій въ Польшѣ способъ раскладки податей. Естественно, что при маломъ развитіи промышленности, земледѣліе должно было составить главный источникъ дохода казны. Между тѣмъ, шляхетскія земли, обрабатываемыя на собственный дворъ владѣльца, были освобождены отъ уплаты земельного налога и таковой собирався только съ земель кметей, находившихся на чиншомъ или оброчномъ правѣ. Естественнымъ слѣдствіемъ такой податной системы явилось стремленіе вотчинныхъ владѣльцевъ

уменьшить количество земель, выпущенныхъ на чиншъ, и увеличить свободныя отъ платежа повинностей земли, обрабатываемыя непосредственно на фольваркѣ.

Съ переходомъ вметей съ чиншевыхъ и оброчныхъ повинностей на барщинныя, они утрачивали тѣ слабыя остатки принадлежавшихъ имъ правъ, которыми пользовались прежде. Положеніе ихъ дѣлалось одинаковымъ со всѣми остальными разрядами чисто крѣпостныхъ людей. Барщина была тяжела. Съ развитіемъ крѣпостного права тяжесть ея болѣе и болѣе возрастала, такъ что не оставляла крестьянину времени на обработку своего собственнаго участка земли. Законъ 1520 г. устанавливалъ барщину по одному дню въ недѣлю, поздѣе количество дней возрасло до 2, 3, 4, и наконецъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ размѣръ барщины дѣлался недѣльнымъ, т.-е. обнималъ собою все рабочее время, оставляя работнику только одинъ праздничный день на собственные работы. Впрочемъ, надо сказать, что въ Польшѣ при обязательныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между вотчинными владѣльцами и крестьянами, въ весьма лишь рѣдкихъ случаяхъ практиковалась какая-либо единичная система повинностей. Напротивъ того, уже съ XV столѣтія въ источникахъ встрѣчаются указанія на смѣшеніе повинностей денежныхъ и натуральныхъ. Такое смѣшеніе, развиваясь все болѣе и болѣе, создало многосложную систему самыхъ разнообразныхъ повинностей, которыми крестьяне были обложены въ пользу помѣстныхъ вотчинниковъ, и эта система господствовала не только въ послѣдній періодъ существованія крѣпостного права, но удержалась и послѣ личнаго освобожденія крестьянъ до самаго позднѣйшаго времени и, какъ увидимъ, была окончательно уничтожена только въ 1864 году. Сложность этой системы обложения состояла не только въ томъ, что одинъ и тотъ же крестьянинъ несъ на себѣ и денежные и натуральныя повинности, но главнымъ образомъ въ томъ, что и сами повинности имѣли до крайности разнообразный характеръ. Такъ, денежные повинности выражались въ платежѣ чинша или окупа и сверхъ того усложнялись платежемъ всякаго рода данней, состоявшихъ какъ въ деньгахъ, такъ и въ различнаго рода сельско-хозяйственныхъ продуктахъ, сходившихъ съ того же самаго лица. Еще болѣе разнообразіе замѣчалось въ повинностяхъ натуральныхъ. Рядомъ съ барщиной урочной или обыкновенной шелъ длинный рядъ такъ называемыхъ даремщинъ (даровыхъ работъ въ пользу владѣльца). Такія даремщины въ своемъ развитіи дошли до колоссальныхъ размѣровъ, и мы еще будемъ имѣть случай въ нихъ

возвратиться. Крімъ того, выработалась до крайности обременительная система принудительныхъ наймовъ, а сама барщина усложнялась разнаго рода сгонами, гвалтами и т. п. Всѣ эти повинности были для крестьянина тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ менѣе состоятеленъ былъ самъ вотчинный владѣлецъ. Чѣмъ больше разорялась шляхта, чѣмъ больше разстраивались помѣстья, тѣмъ тяжелѣе становилось положеніе крестьянина, тѣмъ изысканнѣе и жесточе была система его обложенія, тѣмъ ощутительнѣе для него становился экономическій гнетъ.

Описанное нами тяжелое положеніе земледѣльческаго класса ухудшалось въ значительной степени постояннымъ измѣненіемъ престацій. Отведенные крестьянину надѣлы были измѣняемы по произволу вотчинника, а иногда и отбираемы совершенно. Едва крестьянинъ успѣвалъ усиленнымъ трудомъ и стараніемъ улучшить свою запашку, какъ она отъ него отбиралась и отдавалась другому, снискавшему болѣе расположеніе владѣльца или его управляющаго. По единогласному отзыву польскихъ экономистовъ, измѣненіе престацій, продолжавшееся въ извѣстной степени до самаго 1864 года, было зломъ, наиболѣе разрушительно вліявшимъ на земледѣльческую культуру.

Прямымъ слѣдствіемъ такой экономической подавленности, въ которой было поставлено польское крестьянство, и того безправія, въ которомъ протекло его вѣковое существованіе, явилось, съ одной стороны, доходящее до послѣднихъ предѣловъ матеріальное обнищаніе всего сельскаго сословія, а съ другой—крайняя вражда и полнѣйшій антагонизмъ между нимъ и шляхтой. Сословная ровнь, всегда являвшаяся слѣдствіемъ гнета однихъ сословіемъ другого, нигдѣ не достигала такихъ предѣловъ какъ въ Польшѣ. Совершенное разореніе крестьянства неизбежно должно было отразиться и на общемъ строѣ государственнаго организма. Запутавшаяся въ долгахъ шляхта расточительностью своего образа жизни, отсутствіемъ всякаго улучшенія въ хозяйствѣ, дополняла общую картину экономического разстройства Рѣчи-Посполитой. Такая экономическая несостоятельность должна была повліять на уменьшеніе государственныхъ доходовъ и на исправность ихъ поступленія. Вслѣдствіе уменьшенія земель, явившихся предметомъ обложенія, доходы казны Рѣчи-Посполитой были и такъ невелики, а неисправность ихъ поступленія и увеличеніе размѣра недоимокъ привели государственные финансы Польши въ полнѣйшее разстройство. Въ связи съ этимъ, для достиженія фискальныхъ цѣлей, мы замѣчаемъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ усилія законодательной власти

улучшити економічний бытъ страны, путемъ ограниченія произвола вотчинныхъ владѣльцевъ надъ вѣрными и улучшенія быта этихъ послѣднихъ. Къ такимъ попыткамъ слѣдуетъ прежде всего отнести постановленія сеймовъ, вклонившіяся къ ограниченію развитія барщины и къ облегченію ея исполненія. Однимъ изъ средствъ, долженствовавшихъ удержатъ владѣльцевъ отъ перевода чиншевыхъ и оброчныхъ земель въ барщинныя, было изданіе закона, по которому земельная подать съ чиншевыхъ земель должна была уплачиваться владѣльцемъ пополамъ съ кметемъ. Законъ этотъ, изданный въ 1531 году и повторенный въ 1668 г., не принеся ожидавшихся результатовъ. Всею своею тяжестью онъ легъ на кмета и не уменьшилъ развитія барщины. Затѣмъ для облегченія собственно барщинной повинности и улучшенія быта поселянъ были одновременно издаваемы законы, имѣвшіе цѣлью уменьшить тяжелыя послѣдствія барщины. Запрещенъ былъ наемъ барщины внѣ границъ помѣстья, запрещено собраніе крестьянскихъ подводъ для возки чужого хлѣба и вообще для дальнихъ перевозовъ, позволено было собираніе подводъ только на такое разстояніе, которое можно было проѣхать въ одинъ день. Была уничтожена денная стража; бывшихъ на ночной стражѣ запрещено было обременять въ это время какой-либо работой. Уничтожены охотничьи дни, уничтожена большая часть сверхъ-барщинныхъ уроковъ, оставшіеся зачислены въ недѣльные дни. Запрещено лѣтомъ брать дни, слѣдующіе зимою; запрещено употреблять лошадей кметей для работъ на мельницахъ. Ограниченъ произволъ назначенія экстренныхъ работъ и принудительныхъ наймовъ. Для ухода за пчелами и по разнымъ непредвидѣннымъ домашнимъ обстоятельствамъ было постановлено обязательно увольнять кмета на нѣсколько дней домой. Если случалось на недѣлѣ два дня праздника, одинъ должно было исключать изъ барщины. Постановлено было выходить на барщину съ солнечнымъ восходомъ или часъ сиусти, два часа въ полдень опредѣлялись на отдыхъ; за часъ до заката или, въ случаѣ отдаленности отъ фольварка, за два—работы должны были кончатся. Мѣра работы была опредѣлена. Наконецъ было постановлено вообще, чтобы исполненіе барщины было сообразуемо съ силами кмета.

Рядомъ съ этими постановленіями, направленными къ улучшенію матеріальнаго быта и условій экономическаго существованія, были издаваемы на сеймахъ постановленія, имѣвшія цѣлью оградить личность крестьянъ отъ насилія и произвола вотчинныхъ владѣльцевъ. Къ числу такихъ постановленій относится наданіе

закона о свободѣ брака. Вліянію духовенства слѣдуетъ отчасти приписать установленіе этого неотъемлемаго права каждаго чело-вѣка. Далѣе сеймовое постановленіе 1725 года, развитое въ 1768 году, направлено къ огражденію жизни крѣпостного. За-конами этими устанавливалась смертная казнь дворянину за убійство крестьянина. Однако, всѣ такія постановленія сеймовъ, при безсиліи правительственной власти Рѣчи-Посполитой, осо-бенно въ послѣдній періодъ ея существованія, при вошедшихъ въ пословицу самовласти и своеволіи шляхты, имѣли слишкомъ ничтожное значеніе въ жизни, слишкомъ малое практическое примѣненіе. Рѣчь-Посполитая издавала постановленія, а прожи-вавшая въ своихъ владѣніяхъ шляхта, не признавая никакого права, кромѣ своего личнаго произвола, продолжала по прежнему и нравственно, и экономически угнетать беззащитное крестьян-ство. Возрастаніе разнообразныхъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей продолжало разрушительно вліять на экономическое существованіе крестьянина, а жизнь и личность его по прежнему оставались внѣ права и законной защиты. Случаи убій-ства и изувѣченія крѣпостныхъ, засѣченіе ихъ на смерть раз-гами встрѣчались постоянно. Польскій юристъ прошлаго сто-лѣтія Островскій, въ своемъ «Prawe Ciwilnem» (1787), указывая на это, говоритъ: «есть кой-какіе законы, но судей, которые бы безпристрастно ихъ примѣняли, отыскать невозможно».

Восемнадцатый вѣкъ, вѣкъ политическаго паденія и прекра-щенія самостоятельнаго государственнаго существованія Польши, былъ и вѣкомъ наибольшаго развитія крѣпостного права. До крайности интересна эта эпоха. Въ то время, когда, хотя и разорявшаяся, но гордая своимъ прошедшимъ шляхта, утопая въ роскоши, зачитывалась и теоретически развивала гуманныя идеи французскихъ энциклопедистовъ, въ принадлежавшихъ той же шляхтѣ деревняхъ ихъ управляющіе и уполномоченные изоб-рѣтали новыя средства къ высасыванію изъ народа послѣднихъ соковъ, и расширяя крѣпостничество, обратили въ поголовное рабство почти все сельское населеніе. Въ эту эпоху, благодаря крайнему развитію барщины, крѣпостная зависимость въ своей полной силѣ распространилась на всѣ разряды поселянъ. Не только, какъ мы видѣли, были закрѣпощены вполнѣ кметы, но то же закрѣпощеніе было распространено и на высшій разрядъ сельскихъ жителей—солтысовъ. Со введеніемъ въ томъ или дру-гомъ помѣстьѣ барщины, прежніе рабы, крѣпостные, кметы и солтысы были уравнены въ отношеніи исполненія обязанностей. Барщина сдѣлалась общою имъ всѣмъ. Въ выигрышѣ оста-



лись только прежніе невольники: они сдѣлались равны въ своемъ безправіи съ остальными видами крѣпостныхъ.

Соотвѣтственно увеличившейся барщинѣ, увеличивались и фольварки вотчинныхъ владѣльцевъ. Надѣлы крестьянскіе были уменьшаемы, множество крестьянъ было обезземелено совершенно, а земли ихъ присоединены къ мызамъ и фольваркамъ вотчинниковъ. Небольшія, но нерѣдко превосходно устроенныя усадьбы солтысовъ быстро исчезли въ Польшѣ и въ ругахъ шляхты приняли размѣры обширныхъ фольварковъ. Примѣръ частныхъ владѣльцевъ повліялъ на духовенство и учрежденія, которыя въ своихъ имѣніяхъ стали вводить ту же систему. Арендаторы довели этотъ порядокъ до послѣдней крайности.

Почти обезземеленные, разоренные путемъ всякаго рода поборовъ, изнуренные физически непосильной работой, задавленные нравственно положеніемъ вѣкового безправія, польскіе крестьяне оставались равнодушными къ политическимъ судьбамъ своей родины. Соціальныя и политическія условія ихъ существованія были таковы, что не могли дать мѣста активному участию въ политическихъ пертурбаціяхъ, переживавшихся Рѣчью Посполитой въ послѣдніе годы ея существованія. Хлѣба и отдыха просилъ польскій крестьянинъ и сталъ бы на сторону всякаго правительства, которое дало бы ему эти необходимыя условія существованія. Вотъ почему польское крестьянство равнодушно относилось къ предсмертной агоніи Рѣчи - Посполитой. Фактъ перваго раздѣла, прекратившаго политическое существованіе Польши, не вызвалъ протеста съ его стороны; онъ прошел незамѣченнымъ. Истерзанная внутренними распрями, разоренная войнами и междоусобіями, истощенная экономически страна не въ силахъ была поддержать свое существованіе. Она пала, склонивъ свою побѣжденную голову такъ же, какъ склонялъ ее долгіе вѣка польскій крестьянинъ, этотъ «сѣятель и кормилецъ», изстрадавшійся морально и матеріально.

## II.

Ненормальность экономического строя и крайняя нищета польскихъ крестьянъ обратили на себя вниманіе правительствъ Австріи и Пруссіи, къ которымъ, по первому раздѣлу, была отнесена и та часть Польши, которая въ настоящее время образуетъ царство Польское. Въ Австріи были изданы законы, которыми воспрещалось отбирать отъ крестьянъ находившіяся въ ихъ

пользованіи земли, замѣнять ихъ другими и вообще какимъ бы то ни было образомъ видоизмѣнять существовавшія престаціи. Было также воспрещено возвышать крестьянскія повинности. Вообще австрійское законодательство стремилось распространить на польскія крестьянскія земли основной принципъ нѣмецкаго права, по которому вотчинный владѣлецъ считается лишь идеальнымъ собственникомъ земель, находящихся въ пользованіи крестьянъ. Сами же крестьянскія усадьбы (Bauerngut) никогда не могли уже быть присоединены къ землямъ фольварка. Постановленія австрійской регуляціи вообще признаютъ помѣстнаго вотчинника идеальнымъ собственникомъ капитала, представляемого суммою ежегодныхъ обязанностей крестьянъ. Въ Пруссіи также заботились объ улучшеніи участи польскихъ крестьянъ. Изданные для Познани аграрные законы признали, при регуляціи, собственностью крестьянъ половину пространства находившихся въ ихъ пользованіи земель.

Къ сожалѣнію, всѣ эти предполагавшіяся улучшения въ аграрныхъ отношеніяхъ и экономическомъ быту Польши болѣею частью не проникли въ жизнь и не получили широкаго практическаго осуществленія. Они носили характеръ полумѣръ и частью не были вовсе введены, частью же хотя и ввелись, но игнорировались шляхтой, по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ не признавались и не осуществлялись ею многія постановленія прежнихъ сеймовъ.

Образованіе герцогства Варшавскаго пробудило національное чувство поляковъ. Казалось, польскими патриотами,—а недостатка въ нихъ никогда не было въ Польшѣ,—была признана та непреклонная истина, что могущество и сила государства заключаются не во внѣшнемъ, часто вполнѣ призрачномъ обаяніи, а во внутреннемъ устройствѣ, въ матеріальной обезпеченности каждаго гражданина, въ богатствѣ, достигаемомъ развитіемъ экономическихъ и умственныхъ силъ страны. Первые дѣйствія правительства герцогства Варшавскаго были направлены къ государственному, общественному и экономическому обновленію Польши. Уничтоженіе крѣпостнаго права, введеніе французскаго кодекса, коренное преобразование судовъ, введеніе ипотеки—вотъ тѣ результаты, которыхъ достигло правительство герцогства Варшавскаго въ кратковременный періодъ своего существованія. Законъ 22-го іюня 1807 года, прекратившій крѣпостную зависимость крестьянъ отъ помѣстныхъ вотчинниковъ, былъ безспорно самымъ важнымъ актомъ, изданнымъ правительствомъ герцогства Варшавскаго. Но личное освобожденіе крестьянъ еще не было аграрной реформой.

Польша прежде всего нуждалась въ регуляціи аграрныхъ отношеній, въ признаніи за крестьянами правъ собственности на землю, а этого сдѣлано не было. Отчасти воспрепятствовали этому непрекращавшіяся въ теченіе всего существованія Варшавскаго герцогства войны, отчасти другія причины; но закономъ 1807 года, давшій личную свободу польскому крестьянству, оказался вполнѣ безсильнымъ улучшить условія экономическаго быта страны.

Періодъ времени отъ 1807 до 1864 года, въ которомъ аграрный вопросъ былъ разрѣшенъ болѣе радикальнымъ способомъ, представляется весьма интереснымъ и поучительнымъ. Онъ съ очевидностью указываетъ на безсиліе существующихъ на бумагѣ правъ личности, при отсутствіи матеріальной обеспеченности. Лично свободный, но лишенный земли и принужденный изымать средства къ существованію изъ обработки той же земли, польскій крестьянинъ дошелъ до экономической неволи, быть можетъ, худшей, чѣмъ та, которая существовала при крѣпостномъ правѣ. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Принципы, легшіе въ основу закона 1807 года были слѣдующіе: 1) уничтожаемая закономъ неволя простирается только на крѣпостную зависимость крестьянъ, ихъ прикрѣпленіе къ землѣ; 2) личная свобода крестьянъ и собственность промысла и заработка должны быть вполнѣ обеспечены; 3) съ другой стороны вотчинныя права владѣльцевъ на находящіяся въ пользованіи крестьянъ земли должны остаться неприкосновенными, и 4) отношенія, которыя должны установиться между помѣщиками и крестьянами, должны быть опредѣлены особыми, составленными согласно кодексу Наполеона, договорами.

Эти основныя начала были развиты въ утвержденномъ высочайшею властью и получившемъ силу закона постановленіи государственнаго совѣта 21 декабря того же 1807 года. Основаніемъ къ изданію этого послѣдняго закона послужило предложеніе государственнаго секретаря, данное государственному совѣту, въ которомъ былъ выраженъ личный взглядъ и желанія герцога варшавскаго — короля саксонскаго. Въ этомъ предложеніи, между прочимъ, высказано, что было бы весьма желательно, еслибы можно было надѣлать крестьянъ собственностью посредствомъ продажи или вѣчной аренды съ уплатою за земли, пропорціонально ихъ достоинству, чинша наличными деньгами, хлѣбомъ или же строго опредѣленной земледѣльческой работой. Для обеспечения обѣихъ сторонъ и предупрежденія всякаго нарушенія, заключенные владѣльцами съ крестьянами договоры должны бы

были получить характеръ публичныхъ актовъ и совершаться подъ надзоромъ правительства. Далѣе выражено, что *въ виду невозможности* немедленно произвести полную регуляцію отношеній, долженствующихъ установиться между помѣщиками и крестьянами, заключенные въ извѣстный срокъ, подъ правительственнымъ наблюденіемъ, договоры, опредѣляющіе ихъ отношенія, должны носить характеръ *временный*. Вмѣстѣ съ тѣмъ было сказано о необходимости производства переписи всѣхъ земледѣльцевъ и образованія изъ нихъ обществъ съ взаимнымъ поручительствомъ членовъ, «чтобы, — какъ сказано въ предложеніи, — могущее развиться вслѣдствіе личной свободы бродяжничество и безцѣльное перекочевываніе съ одного мѣста на другое, не отрывало отъ земледѣлія людей, связанныхъ съ пашней». Наконецъ было сказано о необходимости собрать подробныя свѣдѣнія о положеніи крестьянъ въ разныхъ частяхъ герцогства, о различіи условій ихъ существованія и обычаевъ, изыскать способы къ облегченію для крестьянъ пріобрѣтенія земли и вообще представить соображенія для дальнѣйшаго, требующаго большаго времени и знакомства, окончательнаго устройства отношеній крестьянъ къ владѣльцамъ. Предложеніе это, какъ мы сказали, было принято и получило силу закона, изданнаго въ развитіе акта 22-го іюля.

Уже изъ поверхностнаго взгляда на законы 1807 г. видно, что устанавливаемое ими крестьянское устройство носило характеръ *временный* и должно было замѣниться впослѣдствіи болѣе полнымъ и прочнымъ регулированіемъ земельныхъ отношеній вотчинныхъ владѣльцевъ къ крестьянамъ. Твердое будущее устройство крестьянъ должно было наступить позднѣе, когда были бы изысканы способы и средства для *пріобрѣтенія земель въ собственность* и для замѣны временныхъ договоровъ постоянными, составленными уравнительно, пропорціонально стоимости земли и ея произведеній съ одной стороны и земледѣльческаго труда — съ другой. Такимъ образомъ очевидно, что договорамъ, которые должны были пресѣчь созданную крѣпостнымъ бытомъ связь между помѣщиками и крестьянами, придавали характеръ лишь временнаго опыта. При этомъ надо замѣтить, что на успѣшный ходъ такихъ договорныхъ соглашеній было разсчитываемо потому, что свобода переселенія должна была побудить къ уступчивости собственниковъ, а опасеніе потерять земли должно было склонить къ болѣе стоворчивости крестьянъ. Однако, такія надежды не оправдались, и договоры, горячо принятые въ началѣ, были совершенно забыты въ концѣ 1808 года и практическаго

значенія не получили. Такъ какъ, собственно говоря, заключеніе такихъ договоровъ ни мало не вліяло на измѣненіе условій аграрнаго быта, то несомнѣнно, что никакой оппозиціи со стороны вотчинныхъ владѣльцевъ къ ихъ совершенію не существовало; причина же ихъ малаго развитія заключается въ слѣдующемъ: почти одновременно съ обнародованіемъ закона объ освобожденіи крестьянъ, декретомъ герцога варшавскаго, были введены въ Польшу французскіе кодексы гражданского права и процесса, ипотечные и нотаріальныя уставы. Договоры, которые заключаемы были владѣльцами съ крестьянами, должны были совершаться на основаніи этихъ вновь введенныхъ законовъ. Между тѣмъ, общественный строй Польши и существовавшія между владѣльцами и крестьянами исторически сложившіяся отношенія, которыя неизбѣжно должны были лечь въ основу договорныхъ отношеній, были совершенно чужды законодательству Наполеона. Это законодательство не нашло въ Польшѣ тѣхъ общественныхъ отношеній, для которыхъ было составлено. Во Франціи всѣ личныя повинности крестьянъ были уничтожены въ 1789 году. Послѣдовавшая за этимъ продажа имѣній казны, духовенства и эмигрантовъ, при существовавшей системѣ дробленія и раздѣла, неслыханнымъ образомъ увеличила количество мелкихъ землевладѣльцевъ. Напротивъ въ Польшѣ была закоренѣлая барщинная система; почти совершенное отсутствіе промышленности и торговли приковывало къ пашиѣ едва ли не все населеніе, между тѣмъ какъ число вотчинныхъ собственниковъ было до крайности ограничено. Огромное большинство населенія должно было содержаться путемъ обработки чужой земли. Барщина, какъ юридическое учрежденіе, совершенно неизвѣстна кодексу Наполеона. Она не можетъ быть подведена ни подъ аренду, ни подъ личный наемъ. Очевидно, что заключать письменныхъ договоровъ о барщинѣ было невозможно. Для этого прежде всего необходимо было совершенно уничтожить барщину, замѣнивъ ее какой-либо иной системой отношеній крестьянъ къ владѣльцамъ; но такого уничтоженія барщины сдѣлано не было. Правительство ея не отмѣнило, а помѣстные собственники, разоренные тремя послѣдовательными войнами, въ дѣйствительности встрѣчали затрудненія, безъ полнаго разрушенія хозяйства, перейти къ какой-либо иной системѣ. Несомнѣнно, что старанія объ этомъ самихъ крестьянъ ни въ какомъ случаѣ не могли увѣнчаться успѣхомъ. Глубоко пустившая корни барщинная система просуществовала еще долго, до самаго указа 1864 года. Рядомъ съ Наполеоновскимъ кодексомъ, какъ дѣйствующимъ матеріальнымъ правомъ,

просуществовала въ Польшѣ система, совершенно чуждая его началъ.

Такимъ образомъ представляется несомнѣннымъ, что законъ 1907 года имѣлъ практическое значеніе лишь въ сферѣ личной свободы и права переселенія. Однако, и это послѣднее право было осуществимо въ видѣ довольно рѣдкихъ исключеній. Крестьяне, если и переселялись, то въ очень незначительномъ числѣ, въ одиночку, и далеко не повсемѣстно. Въ провинціяхъ, принадлежавшихъ по раздѣлу Пруссіи, случаи переселенія встрѣчались довольно часто, въ остальныхъ же мѣстностяхъ Польши крестьяне остались на прежнихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ можно сказать, что по крайней мѣрѣ во время, ближайшее къ отмѣнѣ вѣрностного права, повсемѣстно остался прежній хозяйственный порядокъ, прежняя экономическая подавленность крестьянства. Принципъ, на которомъ основанъ былъ ненормальный строй старопольскихъ экономическихъ отношеній, остался непоколебленнымъ. Вездѣ сохранены были тѣ же повинности, тѣ же обязанности крестьянъ по отношенію къ владѣльцамъ, не только въ томъ же самомъ видѣ и размѣрѣ, но нерѣдко подъ тѣми же самыми наименованіями. Мало этого: даже повинности, отмѣненные прусскою или австрійскою властью, вновь возникли и продолжали свое существованіе. Вѣковое существованіе такого порядка создало, какъ въ владѣльцахъ, такъ и въ самихъ разоренныхъ крестьянахъ, своего рода увѣренность въ роковой необходимости и неизмѣнности существующаго порядка. Крестьянинъ напрягалъ усилія, чтобы выйти изъ экономической кабалы, но онъ оказывался бессильнымъ для этого; а шляхтичу мѣнять положеніе вещей не представляло ни выгоды, ни цѣли. Можно сказать, что либеральные законы 22 іюля и 21 декабря 1807 г. и введеніе въ высшей степени прогрессивнаго французскаго законодательства въ дѣйствительности дали личную свободу и гражданскую равноправность всему польскому народу; но такъ какъ эти законы не получили дальнѣйшаго развитія, остановились, такъ сказать, въ своемъ зачаточномъ состояніи, то не привели къ разрѣшенію аграрнаго вопроса и не внесли въ тяжелыя условія крестьянскаго быта ни одного реальнаго улучшенія. Иначе не могло и быть. Лично свободный, но обезземеленный крестьянинъ, вынужденный снискивать пропитаніе исключительно хлѣбопашествомъ, неизбежно попадетъ въ экономическую кабалу. Право переселенія почти всегда оказывается правомъ фиктивнымъ. Для крестьянина эмиграція въ лучшую страну почти совершенно немисляема; этому препятствуетъ языкъ, привычки, необразованность

и крайняя бѣдность; а свобода передвиженія въ той же самой странѣ, находящейся въ одинаковыхъ экономическихъ условіяхъ, никогда не доставитъ крестьянину лучшихъ условій существованія, а потому представляется для него мало выгодной и безполезна. Таковы были результаты, которыхъ достигли законы, выданные въ кратковременный періодъ существованія Варшавскаго герцогства. По присоединеніи его въ Россіи задача переустройства земельныхъ отношеній выпала на долю этой послѣдней.

Группировка крестьянскаго сословія на разряды, по принадлежности бывшихъ въ пользованіи крестьянъ земель различнымъ владѣльцамъ, представлялась въ слѣдующемъ видѣ: 1) крестьяне, поселенные на земляхъ казенныхъ; 2) поселенные на земляхъ, принадлежащихъ церквамъ, духовенству, учрежденіямъ и частнымъ владѣльцамъ, и наконецъ 3) совершенно безземельные крестьяне. Послѣдній разрядъ былъ, впрочемъ, первоначально не особенно многочисленъ.

Лучше другихъ было положеніе крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ. Мы считаемъ необходимымъ сказать объ этихъ крестьянахъ нѣсколько словъ, такъ какъ устройство ихъ послужило образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ мѣропріятій нашего правительства, вплоть до самаго указа 1864 года.

Въ казенныхъ имѣніяхъ, называвшихся прежде королевскими, правительство, основывая новыя селенія и посады, предоставляло имъ разныя права и налагало нѣкоторыя обязанности, которыя опредѣлялись въ жалованныхъ грамотахъ или привиллегіяхъ. Подобныя привиллегіи давались и неимѣвшимъ еще жалованныхъ грамотъ, опредѣлявшихъ ихъ повинности; иногда же сами старосты давали крестьянамъ жалованныя грамоты или заключали съ ними сдѣлки, а короли ихъ утверждали. Сверхъ того, отъ времени до времени составляемы были, спеціально назначенными для того комиссарами, люстраціи и инвентари королевскихъ имѣній, въ которыхъ, между прочимъ, опредѣлялись крестьянскія земли и повинности, а закономъ 1766 г. постановлено, что всѣ доходы, чинши, данины и слѣдующая съ крестьянъ барщина, должны быть соразмѣряемы съ дѣйствительною цѣнностью земли (*Voluntaria legum*, VII, 368).

Постановленіемъ сейма 1562 г. предписано составленіе люстрацій съ цѣлью опредѣлить количество подати, называемой квартою; люстраціи эти полагалось производить каждыя пять лѣтъ, но въ теченіе 225 лѣтъ онѣ произведены были только всего 6 разъ, а именно въ 1564, 1570, 1616, 1664, 1765 и 1789 годахъ. Инвентари составлялись при сдатѣ прежнимъ содержате-

земь королевскихъ имѣній новому; строгое соблюденіе этой формальности было обязательно безусловно (*Volumina legum*, IV, 12).

Старосты, обыкновенно управлявшіе королевскими имѣніями и извлекавшіе изъ нихъ доходы, не могли ни возвышать опредѣленныхъ люстраціями и инвентарями крестьянскихъ повинностей и данинъ, ни самовольно уменьшать надѣлы крестьянъ; въ случаѣ нарушенія этихъ условий, крестьяне могли подавать жалобы непосредственно королю. Крестьяне королевскихъ имѣній считались безсрочными держателями обрабатываемой ими земли, съ которой они не могли быть произвольно устраняемы и имѣли право свободно распоряжаться землею, если этимъ не нарушались права владѣльца. Составшія въ пользованіи казенныхъ крестьянъ земли находились въ гражданскомъ оборотѣ и могли быть переуступаемы въ другія руки.

Такое положеніе крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ, какъ видятъ читатели, хотя и было далеко отъ того, чтобы назваться обеспеченнымъ, во всякомъ случаѣ было неизмѣримо лучше того положенія, въ которомъ находилась вся остальная масса польскаго крестьянства.

Совершенная ненормальность аграрныхъ отношеній царства, крайняя нищета и экономическая несостоятельность крестьянства, наконецъ сознаніе, что предпринятая правительствомъ герцогства Варшавскаго реформа остановилась въ самомъ началѣ и не получили надѣжащаго развитія, вынудили русскую правительственную власть обратить вниманіе на положеніе польскихъ крестьянъ, еще задолго до уничтоженія крѣпостного права въ самой Россіи. Прежде всего правительство обратило вниманіе на права крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ, и не только строго наблюдало, чтобы земледѣльцы не были удаляемы изъ своихъ усадебъ, но приняло мѣры къ улучшенію ихъ быта, отмѣняя обременительныя обязанности поселянъ, хотя таковыя и происходили изъ прежнихъ жалованныхъ грамотъ, или основывались на обычѣ. Важнѣйшая изъ относившихся сюда мѣръ заключалась въ уничтоженіи, съ 1 іюня 1817 г., въ казенныхъ имѣніяхъ всѣхъ такъ называемыхъ не-постоянныхъ повинностей, а именно: *даремцинь*, *сторожки*, *жалтовъ*, *стоенъ*, очередныхъ поѣздовъ, разсыловъ, принудительныхъ наймовъ и всѣхъ чрезвычайныхъ повинностей, не вошедшихъ въ prestaціонныя табели <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Дневникъ законовъ 1817 и 1818 годовъ. Истор. обзоръ распоряженій правительства, относящихся къ казеннымъ крестьянамъ. Постановленія учредительнаго сеймика, т. II.



. Производимыя, отъ времени до времени, ревизіи казенныхъ имѣній постепенно приводили въ извѣстность и опредѣляли права крестьянъ на обрабатываемыя ими земли, но окончательное устройство крестьянъ и утверженіе ихъ правъ на землю произведено при помощи очиншеванія, которое съ 1820 года производилось поочередно въ казенныхъ имѣніяхъ. При этомъ устройствѣ, права каждаго крестьянина были повѣрены и утверждены актомъ. Такимъ образомъ регулированіе крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ, путемъ очиншеванія на вѣчныя времена, наступило гораздо раньше и въ несравненно болѣе степени, чѣмъ это было сдѣлано въ имѣніяхъ частныхъ вотчинниковъ. Устройство крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ послужило прецедентомъ для изданія мѣръ, направленныхъ къ улучшенію быта крестьянъ во владѣльческихъ помѣстьяхъ. Къ сожалѣнію, правительственная инициатива въ этомъ важномъ дѣлѣ носила характеръ полумѣръ и, какъ увидимъ, имѣла самое ограниченное практическое значеніе. При этомъ надо замѣтить, что прошли цѣлыя десятилѣтія прежде, чѣмъ русское правительство проявило серьезное намѣреніе улучшить положеніе крестьянъ въ частныхъ имѣніяхъ. Только въ 1846 году былъ изданъ законъ, имѣвшій цѣлю прекратить до извѣстной степени произволъ вотчинныхъ владѣльцевъ и, путемъ очиншеванія, обезпечить крестьянамъ пользованіе ихъ земельными участками. Главнѣйшими побудительными причинами къ изданію этого закона было непомѣрное увеличеніе числа безземельныхъ крестьянъ. Частные владѣльцы не только непрерывно мѣняли крестьянскіе участки, но и отбирали ихъ совершенно, увеличивая тѣмъ экономическую неволю крестьянъ и развивая въ обширныхъ размѣрахъ сельскій пролетаріатъ. Въ слѣдующей главѣ, при разсмотрѣніи аграрнаго строя царства Польскаго въ томъ видѣ, въ которомъ засталъ его указъ 1864 года, мы приведемъ нѣкоторыя относящіяся сюда статистическія данныя.

Ближайшія цѣли, которыя преслѣдовались изданіемъ указа 26 мая (7 іюня) 1846 г., прямо въ немъ выражены: «Поселяне-хлѣбопашцы въ Царствѣ Польскомъ, — говорится въ указѣ, — послѣ дарованной имъ свободы получили въ казенныхъ имѣніяхъ многія облегченія въ своихъ обязанностяхъ и бытъ ихъ постепеннымъ устройствомъ упрочивается, тогда какъ, напротивъ, живущіе во владѣльческихъ имѣніяхъ, по неопредѣленію закономъ ихъ правъ и обязанностей, зависятъ единственно отъ произвола владѣльцевъ. Владѣльцы же, пользуясь этимъ положеніемъ, удаляютъ поселянъ изъ своихъ имѣній, перемѣняютъ и уменьшаютъ находившіеся изстари у нихъ участки по собственному произволу,

отъ чего происходитъ умноженіе безземельныхъ крестьянъ и частые ихъ переходы, крайне вредно вліяющіе на ихъ благосостояніе и нравственность. Съ своей стороны, поселяне, изъ опасенія лишиться обрабатываемыхъ ими издавна участковъ, нерѣдко бывають вынуждены принимать на себя и нести отяготительныя повинности, установленныя обычаемъ или произволомъ владѣльца<sup>1)</sup>.

Закономъ 1846 года были установлены слѣдующія положенія:

1) Крестьяне-хлѣбопашцы во владѣльческихъ городахъ и селеніяхъ, обрабатывающіе не менѣе 3 морговъ земли, до тѣхъ поръ, пока будутъ исполнять въ точности лежащія на нихъ обязанности, пользуются безпрепятственно занимаемыми ими участками земли и другими угодьями, и владѣльцы не могутъ по произволу удалить ихъ изъ своихъ имѣній, или же отнимать и уменьшать находящіеся въ пользованіи тѣхъ крестьянъ участки и сервитуты. Напротивъ того, крестьяне сохраняютъ право переселяться и ограничиваются въ этомъ отношеніи лишь полицейскими правилами и обязанностью предупредить объ этомъ владѣльца за 3 мѣсяца до начала хозяйственного года.

2) На участки земли, которые будутъ оставаться свободными послѣ выбывающихъ поселянъ, владѣльцы обязаны, не позже двухъ лѣтъ, пріискать и водворить новыхъ поселенцевъ, не присоединяя покинутыхъ участковъ къ собственнымъ господскимъ полямъ.

Далѣе указъ постановлялъ, что всѣ существующіе во владѣльческихъ имѣніяхъ даремщины и принудительные наймы, коль скоро они не имѣютъ законнаго основанія, должны быть уничтожены съ 20 декабря 1846 года. Временное исключеніе допущено только для имѣній, находящихся въ арендѣ, въ случаѣ, если арендный контрактъ заключенъ былъ до 20 декабря 1845 года. Въ такихъ имѣніяхъ даремщины должны были уничтожиться по истеченіи срока контрактовъ. Далѣе указъ постановляетъ, что для разбирательства и разрѣшенія взаимныхъ между помѣщиками и поселянами споровъ, порядкомъ, болѣе сокращеннымъ, чѣмъ тотъ, который дѣйствуетъ, совѣтъ управленія царства обязанъ издать особыя правила, съ менѣе сложными процессуальными формами и вмѣстѣ съ тѣмъ возложить на административныя власти наблюденіе за тѣмъ, чтобы обязанности крестьянъ, въ отношеніи владѣльцевъ, не выходили за предѣлы тѣхъ повинностей, которыя, за уничтоженіемъ даремщинъ и принуди-

<sup>1)</sup> Dziennik Praw, № 38.

тельныхъ наймовъ, признаны будутъ правильными. Наконецъ, указъ постановляетъ, что владѣльцамъ, которые бы пожелали произвести очиншеваніе поселенныхъ на ихъ земляхъ крестьянъ, всѣ административныя власти должны оказывать всякаго рода содѣйствіе, съ тѣмъ, однако, чтобы составленныя при очиншеваніи престаціонныя табели были представлены на утвержденіе правительства.

Вникая глубже въ сущность этого законодательнаго акта, мы видимъ, что законодатель не задался широкой задачей разрѣшенія аграрнаго вопроса и созданія новой группировки земельныхъ отношеній. Напротивъ того, указъ очевидно имѣлъ характеръ временный и до крайности палативный. Онъ не шелъ дальше прекращенія произвола вотчинныхъ владѣльцевъ и ограниченія развитія безземельнаго пролетаріата.

Къ сожалѣнію, и въ такомъ несовершенномъ видѣ проектированное улучшеніе положенія крестьянъ не принесло ожидавшихся результатовъ и имѣло слишкомъ малое практическое примѣненіе. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ законъ 1846 года оставался мертвою буквою, не проникалъ въ жизнь и не вліялъ на улучшеніе экономическаго быта польскаго крестьянина. На основаніи этого указа совѣтъ управленія царства 14 ноября того же 1846 года уничтожилъ *сто-двадцать-одну* даремщину; между тѣмъ, многія изъ нихъ продолжали существовать по прежнему и въ полномъ своемъ развитіи были застигнуты изданіемъ указа 1864 года. По прежнему практиковалось частое и произвольное измѣненіе престацій крестьянскихъ участковъ и совершенное обезземеленіе крестьянъ, съ присоединеніемъ ихъ участковъ къ землямъ фольварковъ. Очиншеваніе производилось до крайности медленно и въ общемъ было почти незамѣтно. Только въ предшествовавшіе повстанію 1861 г. годы, наиболѣе передовые и претендовавшіе на извѣстную народно-политическую роль, владѣльцы приступили къ очиншеванію крестьянъ.

Причины малаго примѣненія и полного неуспѣха закона 1846 года заключались, какъ въ палативномъ его характерѣ, не разрѣшавшемъ сущности аграрнаго вопроса, такъ въ особенностяхъ и въ тогдашнемъ общественномъ строѣ царства Польскаго. Исполненіе указа 1846 года было возложено на тѣхъ же самыхъ вотчинныхъ владѣльцевъ, для ограниченія произвола которыхъ онъ былъ изданъ. Естественное, что точное исполненіе указа совершенно не было обезпечено. Наблюденіе, возложенное на административныя власти, оказалось совершенно фиктивнымъ. Не говоря уже о томъ, что вся администрація состояла изъ той же

вольской шляхты, непосредственно заинтересованной въ ходѣ земельной регуляціи, крестьянинъ, по самому положенію вещей, былъ лишенъ возможности принести жалобу на вотчиннаго владѣльца. Сохранившаяся въ рукахъ послѣднихъ патримоніальная юрисдикція сосредоточивала въ рукахъ ихъ, какъ войтовъ, не только управленіе дѣлами гмины, но и судъ надъ всѣми живущими въ ея предѣлахъ. Отъ помѣстнаго вотчинника жившій на его землѣ крестьянинъ зависѣлъ и экономически, и юридически; трудно допустить, чтобы при такихъ условіяхъ онъ рискнулъ привести на него жалобу.

Еще менѣе правтческаго значенія имѣли законы, изданные въ 1858 и 1861 годахъ. Совпавшіе по времени изданія съ періодомъ предшествовавшаго повстанію возбужденія страстей и политическихъ демонстрацій, законы эти для своего практическаго осуществленія въ дѣйствительности встрѣтили препятствія, выставленныя эпохой террора. Законъ 1858 г. устанавливалъ обязательное очиншеваніе крестьянъ во владѣльческихъ имѣніяхъ, сходно съ тѣмъ, какъ очиншованы были крестьяне въ имѣніяхъ казенныхъ и маіоратныхъ. Въ 1861 г., въ разгаръ самыхъ жгучихъ революціонныхъ манифестацій, былъ изданъ законъ объ окупѣ (оброкѣ), которымъ крестьяне были избавлены отъ барщины со всѣми ея развѣтвленіями. Оба эти закона, а второй безусловно, остались не приведенными въ исполненіе.

По прежнему подъ гнетомъ экономической неволи и гражданскаго безправія тянулася жизнь польскаго крестьянина и быть можетъ, протянулася бы, еще долгіе годы, если бы охватившее Польшу открытое повстаніе не повліяло на быстрое разрѣшеніе аграрнаго вопроса, сдѣлавъ изъ него сильнѣйшее орудіе политической борьбы и могущественнѣйшую опору русской государственной власти. Указъ 1864 года былъ вызванъ причинами политическими, а послѣдствіемъ своимъ имѣлъ измѣненіе аграрнаго строя и иную комбинацію общественныхъ элементовъ.

### III.

Указъ 19 февраля 1864 года засталъ въ царствѣ Польскомъ слѣдующія три группы крестьянъ-хлѣбопашцевъ: 1) поселенныхъ на земляхъ казенныхъ и маіоратныхъ, 2) на земляхъ, принадлежащихъ духовенству, церквамъ, учрежденіямъ и частнымъ лицамъ и 3) совершенно безземельныхъ крестьянъ.

О положеніи крестьянъ въ имѣніяхъ казенныхъ мы уже го-

ворили. Сходно съ очиншеваніемъ и устройствомъ крестьянъ въ этихъ имѣніяхъ, былъ устроенъ и бытъ крестьянъ въ имѣніяхъ маіоратныхъ, образовавшихся изъ конфискованныхъ послѣ повстанія 1830 года владѣльческихъ помѣстій. Къ быту этихъ крестьянъ мы возвращаться не будемъ, а перейдемъ прямо къ разсмотрѣнію тѣхъ отношеній, которыя существовали между крестьянами и владѣльцами въ частныхъ имѣніяхъ.

Крайнее разнообразіе и большой интересъ представляютъ эти отношенія. Прежде всего указъ 1864 года засталъ въ царствѣ Польскомъ, хотя и въ самомъ ограниченномъ числѣ, *лановыхъ* владѣльцевъ. Это были потомки старопольскихъ солтысовъ, ка-кимъ-то чудомъ сохранившіе свои земельные участки до послѣд-  
няго времени. О солтысахъ мы говорили въ первой главѣ. Земли эти въ юридическомъ отношеніи не составляли полной собствен-  
ности солтысовъ. Доминіальное право (*dominium supremum s. етіпепs*) надъ землею по прежнему принадлежало вотчиннику, хотя земля фактически, со всѣми атрибутами правъ собствен-  
ности, принадлежала солтысу. Прежняя обязанность военной службы въ 1726 году была замѣнена денежною повинностью, подъ названіемъ лановой подати. Въ послѣднее время польской республики, именно въ 1766 году, всѣ упомянутыя владѣнія были оцѣнены и обложены податю по оцѣнкѣ, такъ что самое владѣніе приняло характеръ вѣчнаго чинша. Размѣръ такихъ лановыхъ владѣній былъ различенъ, но никогда не превосходилъ размѣра одной уволоки <sup>1)</sup>. Отношенія лановыхъ владѣльцевъ къ помѣстнымъ вотчинникамъ почти всегда ограничивались уплатой лановой подати, но были случаи, что съ нихъ взималась и особая подворная подать. Всѣхъ лановыхъ владѣльцевъ во всемъ царствѣ Польскомъ было 167. Всѣ они были въ имѣніяхъ, первоначально принадлежавшихъ казнѣ.

Слѣдующую группу составляютъ *отчныя чиншевики*, владѣвшіе землями на правѣ эмфитевтическомъ, которое рассматри-  
валось какъ ограниченная собственность (*dominium utile*). Этотъ видъ владѣнія землею, первоначально самый распространенный и общій всѣмъ старопольскимъ кметямъ, во время изданія указа 1864 года представлялъ довольно рѣдкое исключеніе. Вслѣдствіе указанныхъ нами причинъ, заключавшихся какъ въ постоянномъ измѣненіи престацій, такъ и въ полномъ присоединеніи крестьянскихъ земель къ землямъ фольварковъ, а также вслѣдствіе за-  
мѣны денежныхъ повинностей натуральными, количество вла-

<sup>1)</sup> Уволока=30 моргамъ; 2 морга почти=1 десятинѣ.

дѣльцевъ на правѣ вѣчно-чиншевомъ постоянно уменьшалось и въ концѣ концовъ сохранилось лишь за тѣми крестьянами, которые были вѣчными чиншевниками въ моментъ изданія указа 1846 года. Измѣненіе престацій вѣчно-чиншевыхъ владѣльцевъ послѣ изданія этого указа было уже довольно рѣдкимъ явленіемъ. Во всякомъ случаѣ, число такихъ владѣльцевъ было незначительно и сосредоточивалось главнымъ образомъ въ той части царства, которая, послѣ раздѣла Польши, находилась подъ властью Австріи. Надо, наконецъ, замѣтить, что и въ этомъ ограниченномъ количествѣ чиншевыхъ владѣльцевъ, значительная часть находилась на повинности барщинной, такъ что по отношенію къ характеру пользованія землею, принципъ эмфитевтического права былъ совершенно нарушенъ. Единственнымъ отличіемъ такихъ владѣльцевъ отъ другихъ видовъ крестьянъ было то, что послѣ указа 1846 года права ихъ на землю были внесены въ ипотечныя книги.

Далѣе идутъ *колонисты*. Къ разряду ихъ относились болѣею частью иностранцы, главнымъ образомъ нѣмцы, пользовавшіеся землею или на основаніи договора купли, или же въ силу краткосрочныхъ арендныхъ контрактовъ. Такіе колонисты владѣли главнымъ образомъ фольварочными землями. Коренное различіе ихъ отъ прочихъ владѣльцевъ заключалось въ томъ, что право пользованія на земли установилось для нихъ не путемъ обычая, не силою давностнаго, въ теченіе вѣковъ, пользованія землею, а на основаніи формальныхъ и строго опредѣленныхъ контрактовъ.—Такія земли не подходили подъ указъ 1846 года, такъ какъ владѣніе и пользованіе ими основывалось на началѣ свободного договорнаго соглашенія, по общимъ правиламъ гражданского кодекса. Доминиальной зависимости такихъ колонистовъ отъ помѣстныхъ владѣльцевъ *de jure* не существовало, хотя *de facto* установленныя договоромъ права ихъ не имѣли прочной гарантіи.

Разсмотрѣнные нами три разряда земледѣльцевъ составляли, такъ сказать, привилегированные виды крестьянства и были исключеніемъ изъ общаго правила. Въ неизмѣримо худшемъ положеніи находилась вся остальная масса польскихъ крестьянъ-хлѣбопашцевъ. Всѣ они пользовались земельными участками или въ силу указа 1846 года, т.-е. такими землями, которыя издавна находились во владѣніи крестьянъ и *никогда не принадлежали къ землямъ дворскимъ или фольварочнымъ*, или же, напротивъ того, землями фольварочными, состоявшими въ полной и неограниченной собственности вотчинныхъ владѣльцевъ. Въ небольшомъ

числѣ владѣльческихъ имѣній было произведено очиниваніе крестьянъ и составлены престаціонныя табели; въ большей же части случаевъ владѣніе опиралось на силу обычая.

Крестьянъ, пользовавшихся землями перваго рода, т.-е. собственно крестьянскими, можно раздѣлить на три рода: *кметей или хлѣбопашцевъ* (rolników), *полу-хлѣбопашцевъ* (polrolników) и *халупниковъ*. Различіе между ними было чисто экономическое и зависѣло отъ величины надѣла, количества живого и мертваго сельско-хозяйственнаго инвентаря и отбывавшихся за это повинностей. Эти три разряда крестьянъ составляли земледѣльцевъ-хозяевъ (господарей).

Рольники владѣли большимъ количествомъ земли и упряжки сравнительно съ двумя другими разрядами, но во время, предшествовавшее изданію указа 1864 года, количество ихъ было до крайности ограничено. Между жмудью августовской губерніи <sup>1)</sup> встрѣчались еще зажиточные кметы, владѣвшіе уделовой землей, но такое явленіе составляло исключеніе. Вообще же говоря, повсемѣстное уменьшеніе крестьянскихъ земель повело къ вытѣсненію разряда кметей и къ распространенію полурольниковъ, которые и составляли ядро польскаго земледѣльческаго класса. Полурольники имѣли запашку, не превышавшую размѣромъ 6 морговъ, причемъ количество земли было обратно пропорціонально ея производительности: тѣмъ земля удобнѣе и плодороднѣе, тѣмъ меньшее количество ея находилось въ рукахъ полурольниковъ; на Подлясѣ, гдѣ вообще земля хуже, крестьяне владѣли ею въ большемъ количествѣ, тѣмъ въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Варшавѣ. Повинности, отбывавшіяся этими полурольниками, были смѣшанныя, какъ денежныя, такъ и натуральныя, заключавшіяся въ барщинѣ, отправляемой въ неодинаковомъ размѣрѣ. Минимумъ барщины заключался въ 3 дняхъ въ недѣлю, — максимумъ доходилъ до 5 и 6 дней. Повинность эта всегда отбывалась на собственныхъ харчахъ и упряжкѣ. Эти же крестьяне несли на себѣ всю тяжесть уничтоженныхъ закономъ, но сохранившихся въ сельско-хозяйственномъ быту, даремщинъ, принудительныхъ наймовъ, гвалтовъ и тому подобныхъ экстраординарныхъ услугъ вотчинному владѣльцу. Третій родъ польскихъ крестьянъ назывался «халупниками». Халупники имѣли въ пользованіи не болѣе, какъ отъ 1<sup>1</sup>/<sub>2</sub> до 2 морговъ въ однихъ рукахъ, всѣ были на барщинѣ и отбывали за это по 3 дня пѣшихъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже по 4. Собственно запряжку, хотя и не

<sup>1)</sup> По прежнему дѣленію царства Польскаго августовская губернія состояла изъ нынѣшнихъ губерній лодзинской и сувалеской.

большую, не болѣе одной пары воловъ, они имѣли, но не употребляли ея на господскую работу, а отработывали ею только собственное поле. Положеніе этихъ халупниковъ было во всякомъ случаѣ хуже положенія полурольниковъ, и отсутствіе нищеты, составлявшей удѣлъ этого рода крестьянъ, замѣчалось лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ рядомъ съ ограниченнымъ доходомъ, даваемымъ папшей, они могли заниматься различными промыслами, или же вести мелкую, но прибыльную торговлю скотомъ и домашнею птицею. Сверхъ земельныхъ участковъ, всѣ эти крестьяне-хозяева пользовались въ вотчинныхъ земляхъ различными сервитутами, крайне разнообразными по характеру и объему. Всѣ права ихъ на землю и сервитуты находились въ гражданскомъ оборотѣ и могли быть переуступаемы другимъ лицамъ.

Къ разряду крестьянъ, пользовавшихся землями фольварочными, принадлежали прежде всего *коморники* и *копаржи*.

Учрежденіе это — исключительно польское. Въ другихъ странахъ не встрѣчается ничего подобнаго, развѣ нѣчто похожее можно найти въ Силезіи, въ которой до сихъ поръ сохранились слѣды польской жизни. Такого учрежденія, среднего между прежними дворовыми и обыкновенными безземельными батраками, имѣющаго недостатки и того, и другого положенія, а выгодъ никакихъ, не было создано ни однимъ бытомъ, кромѣ польскаго.

Положеніе коморниковъ было слѣдующее. Они были люди женатые, живущіе въ дворовыхъ избахъ, занимая обыкновенно только половину ея и имѣя огородъ, величиною отъ четырнадцати до тридцати загоновъ<sup>1)</sup>. При этомъ они получали 2 копы ржи, одну копу ячменя и по нѣскольку загоновъ гороху и картофеля. Капуста и ленъ выдавались имъ съ барскаго поля. Имѣли они наконецъ право собирать въ лѣсу валежники, а въ землѣ выкапывать пещи. Въ луговыхъ мѣстахъ имъ отводилась небольшая часть луга. За все это они обязаны были работать въ лѣтнюю пору 5 дней, а въ зимнюю 4 дня въ недѣлю. Иногда, впрочемъ, лѣтомъ работали и по 6 дней. Имъ дозволено было пасти на господскихъ лугахъ двѣ штуки рогатаго скота и одну свинью съ поросатами, или же стадо гусей.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Польши коморники вовсе не засѣвали своихъ огородовъ; въ такомъ случаѣ накопленный ими навозъ вывозился на господское поле, за что они обыкновенно пользовались извѣстною частью урожая съ такой земли, или же получали деньгами отъ 1 до 2 злотыхъ (15 до 30 к.). Кромѣ всѣхъ вышеуказанныхъ обязанностей, на коморникѣ тяготѣло

<sup>1)</sup> 14 загоновъ — мадеб. моргу.



обыкновенно еще отправленіе 4—12 дней женской барщины и обязанность стрижки овецъ, за что обыкновенно никакого вознагражденія не полагалось; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, впрочемъ, платили по одному или по два гроша со штуки.

Въ прежнихъ маленькихъ, деревенскихъ избахъ жило по два семейства коморниковъ; впоследствии же, при постройкѣ избъ болѣе обширныхъ, въ нихъ помѣщалось по 4, а иногда по 6 семействъ, отчего и произошло названіе двойниковъ, четверниковъ, шестерниковъ. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ практиковалась даже постройка известнаго рода казармъ, вмѣщавшихъ несравненно большее число семействъ. Кромѣ коморниковъ, экономическому быту Польши известны были коморницы. Это были болѣею частью вдовы или пожилыя незамужнія женщины. Разница въ положеніи ихъ и коморниковъ состояла въ томъ, что онѣ получали все слѣдующее по положенію послѣднимъ въ половинномъ противъ нихъ размѣрѣ.

Въ сходномъ съ коморниками положеніи находились и «копяржи». Они проживали у вотчинныхъ и арендныхъ владѣльцевъ на слѣдующихъ условіяхъ: владѣлецъ давалъ имъ избу, одинъ моргъ пахатной земли подъ огородные овощи, удобривъ таковую своими средствами, одну копу ржи, копу ячменя, по одному загону гороху, гречихи и овса, позволялъ имъ содержать каждому по одной коровѣ и другихъ нерабочихъ животныхъ. Иные изъ помѣщиковъ, въ видѣ поощренія, отводили копяржамъ, по своему усмотрѣнію, малое количество пустопорожней земли, съ тѣмъ, чтобы земля эта была удобряема средствами крестьянъ; землю эту, по мѣрѣ удобренія, помѣщики отбирали отъ крестьянъ для своего употребленія, а крестьянамъ указывали, въ замѣнъ отобранной, опять пустопорожнюю же землю. За эти надѣлы землею копяржи обязывались работать помѣщику два дня барщины безвозмездно, а остальные дни могли работать за плату 12<sup>1</sup>/<sub>2</sub> коп. въ день; къ работамъ съ платою копяржи не были, повидимому, привуждаемы, но находясь подъ вліяніемъ помѣщика и видя, что онъ, по своему усмотрѣнію, можетъ безнаказанно изгнать ихъ изъ своего имѣнія, они обыкновенно не рисковали не являться на работы.

Разсмотрѣнные нами виды пользованія крестьянъ землями во владѣльческихъ помѣстьяхъ составляютъ основныя господствующія формы земельныхъ отношеній, но ими далеко не исчерпываются всѣ созданныя экономическимъ бытомъ Польши разряды крестьянъ-земледѣльцевъ. Изъ добытыхъ по этому предмету свѣдѣній видно, что кромѣ пользованія постоянными усадебными и полевыми участками, основаннаго на prestaціонныхъ табеляхъ,

формальныхъ контрактахъ, или же установленнаго путемъ обычая, во всѣхъ мѣстностяхъ царства распространились и упрочились между помѣщиками и крестьянами-земледѣльцами многіе другіе виды пользованія небольшими участками земли. Изъ нихъ главные слѣдующіе: 1) Пользованіе огородами, находящимися большею частью при домахъ крестьянъ; 2) Пользованіе изъ навоза (съ гною или на «odgobek»), состоящее въ томъ, что изъ фольварочныхъ земель отводится крестьянину одинъ или нѣсколько загоновъ земли, которые онъ удобряваетъ своимъ навозомъ и затѣмъ засаживаетъ картофелемъ или какимъ-либо хлѣбомъ; по уборкѣ крестьяниномъ урожая въ свою пользу, удобренные загоны возвращаются фольварку и нерѣдко въ ту же осень засѣваются озимымъ хлѣбомъ, а крестьянину на слѣдующій годъ отводятся другіе неудобренные загоны въ иныхъ мѣстахъ. 3) Пользованіе изъ урожая (wybiegne), состоящее въ томъ, что крестьянину предоставляется убрать въ свою пользу созрѣвшій хлѣбъ съ нѣсколькихъ загоновъ или прентовъ фольварочныхъ полей, обработанныхъ и засѣянныхъ на счетъ фольварка, смотря по условію съ возвратомъ или безъ возврата фольварку употребленныхъ на посѣвъ сѣмянъ. 4) Такъ называемая «копа или копияна», состоящая въ томъ, что крестьянинъ пдлучаетъ въ свою пользу условное количество жогъ хлѣба въ снопахъ или корцевъ хлѣба въ зернѣ.

Всѣ такіе виды пользованія встрѣчаются отдѣльно, но чаще въ совокупности. Обыкновенно всѣ эти разнообразныя виды поземельнаго пользованія сопровождались также пользованіемъ сервитутами.

Повинности, отбывавшіяся крестьянами за предоставленныя въ ихъ пользованіе мелкіе земельные участки и огороды, какъ и вообще повинности всѣхъ польскихъ крестьянъ, были чрезвычайно разнообразны, начиная отъ денежной платы до всѣхъ видовъ издѣльныхъ работъ и всякаго рода данинъ.

Изложенное нами въ довольно подробныхъ чертахъ разнообразіе въ условіяхъ осѣдлости и пользованія землями, соединяясь одно съ другимъ и сверхъ того осложняясь разнообразными степенями хозяйственной состоятельности поселянъ, привело къ тому, что въ средѣ сельскаго быта царства образовались многія группы земледѣльцевъ съ весьма существенными, болѣе или менѣе рѣзкими отличіями и отгѣнками въ условіяхъ своего экономическаго положенія. При этомъ нельзя не обратить вниманія на то, что повсемѣстно, почти во всѣхъ владѣльческихъ помѣстьяхъ царства, замѣчалось, что помѣщики употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы изъ крестьянъ-хлѣбопашцевъ (рольниковъ, полурольниковъ

и халупниковъ) сдѣлать огородниковъ, коморниковъ и копаржей или же мелкихъ работниковъ. Встрѣчались деревни и даже цѣлыя гмины, систематически, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, сведенныя на положеніе копаржей и земледѣльцевъ другихъ низшихъ степеней. Такъ, въ одномъ имѣніи, при введеніи указа 1864 года, копаржи объяснили крестьянской комиссіи, что они сами или ихъ отцы были земледѣльцами-хозяевами и имѣли полныя участки по 30 морговъ или сидѣли по-двое на такомъ участкѣ; лѣтъ 20 тому назадъ трое изъ нихъ были переведены помѣщикомъ въ другую деревню, а черезъ два года потомъ обѣ деревни были посажены на копизну, крестьянскіе же участки присоединены къ фольварку <sup>1)</sup>. Подобные же случаи встрѣчались и въ другихъ мѣстахъ. Вообще повсемѣстно наблюдалось такое явленіе: чѣмъ мелкопомѣстнѣе извѣстная мѣстность, тѣмъ между крестьянами встрѣчалось меньше хозяевъ, а больше копаржей, коморниковъ и другихъ выработанныхъ Польшей низшихъ земледѣльческихъ видовъ. Бѣдность всего этого многочисленнаго класса земледѣльцевъ самымъ разительнымъ образомъ бросалась въ глаза; а между тѣмъ, все это были потомки прежнихъ хозяевъ, нерѣдко вполне самостоятельныхъ экономически. До чего доведено было обезземеленіе крестьянъ, можно видѣть, напримѣръ, изъ факта, отмѣченнаго калишской крестьянской комиссіей, при объѣздѣ ею состоящаго въ ея завѣдываніи округа: въ цѣлой гминѣ Кваскувъ, состоящей изъ 10-ти селеній, оказалось всего 4 крестьянина-хозяина, всѣ остальные были коморники, жившіе по 2, по 3, а болѣею частію по 4 семьи въ одной хатѣ, перегородженной по числу живущихъ въ ней семействъ. Рѣдко при хатахъ находились сѣни, въ которыхъ могъ помѣщаться скотъ, всего же чаще домашняя скотина помѣщалась вѣстѣ съ своими владѣльцами. Въ селеніи Кодевице, въ 19 халупахъ жило 38 семействъ, въ числѣ которыхъ не было ни одного крестьянина-хозяина <sup>2)</sup>.

Многочисленность своеобразныхъ частныхъ фактовъ земледѣльческаго быта польскихъ крестьянъ могла образоваться несомнѣнно только благодаря тѣмъ историческимъ и бытовымъ условіямъ, которыми былъ порожденъ ненормальный порядокъ усадебнаго и вообще дробнаго земельного пользованія.

За этими видами крестьянъ-земледѣльцевъ, хотя и до крайности малоземельныхъ, но во всякомъ случаѣ осѣдлыхъ, идетъ многочисленный классъ крестьянъ совершенно безземельныхъ.

<sup>1)</sup> Постановленія урядительнаго комитета, т. I, стр. 266.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

Всѣхъ безземельныхъ крестьянъ въ царствѣ Польскомъ въ 1864 году считалось 1.338,827 душъ обою пола. Для улучшенія быта этого многочисленнаго класса сельскаго пролетаріата предшествовавшими законоположеніями не было предпринято ничего, между тѣмъ нищета и тяготѣвшій надъ ними экономическій гнетъ доходилъ до послѣдней крайности.

Безземельные крестьяне, привязанные къ сельско-хозяйственному быту, представляли слѣдующіе три вида:

1) *Дворовые служители или челядинцы* (szeladnicy). Помѣщики дворяне, вообще классъ дворовыхъ людей, рѣдко гдѣ достигалъ такого большого развитія, какъ въ Польшѣ. Существованія при крѣпостномъ правѣ въ Россіи дворяне представлялись совершенно ничтожными въ сравненіи съ дворянами польскими. Польскіе писатели и поэты, изображающіе идиллически старопольскую жизнь, восторгаются отношеніями, существовавшими между шляхтой и дворней, поэтизируя такія отношенія и называя ихъ патріархальными. Если бы спросить по этому предмету нѣкіе самихъ дворовыхъ, то едва ли бы они раздѣляли эти ультра-патріотическія иллюзіи.

Чрезмѣрное развитіе класса челядинцевъ, какъ и вообще всего безземельнаго крестьянства, объясняется прежде всего причинами обще-экономическими, заключающимися въ постоянномъ дробленіи находившихся въ пользованіи крестьянъ земельныхъ участковъ и совершенномъ ихъ отбيرانіи. Другую причину распространенія дворянъ слѣдуетъ видѣть въ условіяхъ польскаго быта, барства и роскоши шляхты.

Понятіе челяди весьма обширно и обнимаетъ собою не однихъ слугъ вотчиннаго владѣльца, но всѣ разнообразныя виды хозяйственной службы, не заключающейся въ обработкѣ земли въ тѣсномъ значеніи слова. Вообще челядь составлялась изъ множества разнообразныхъ вѣтвей, соотвѣтствовавшихъ условіямъ и обычаямъ той или другой мѣстности. Въ первомъ разрядѣ челядинцевъ слѣдуетъ поставить *овчарниковъ*, которые, со времени увеличенія въ Польшѣ овцеводства, получили большое распространеніе. Затѣмъ идутъ *пастухи*. Пастухи рогатаго скота стояли вообще на самой низкой ступени; въ пастухи выбирались негодные для другой работы старики или же молодые мальчишки, и платилось имъ очень дурно. Далѣе идутъ кучера или, какъ ихъ называютъ, *форналы*. Барскому кучеру принадлежало обыкновенно право надзора за остальными форналями. Форнальская служба вообще считалась самою тяжелою челядинскою службою. Далѣе шли корчмари, кирпичники, столяры, кузнецы, всякаго

рода сторожа, егеря, музыканты и, наконецъ, ближайшая къ дому помѣщика прислуга и всякаго рода официалсты.

2) *Поденщики* (*wugownicy*). Этотъ разрядъ безземельнаго крестьянства состоялъ изъ лицъ, нанимавшихся по уговору управлять извѣстную работу на условіяхъ краткосрочнаго найма или же поденно. Кромѣ условленной платы, помѣщикъ не обязанъ былъ давать такимъ виробникамъ рѣшительно ничего и не несъ въ отношеніи ихъ никакихъ обязанностей.

Отношенія между владѣльцами и поденщиками сводились къ словесному договору, по старой формѣ *de ut facias*. Поденщики были болѣею частью люди женатые, они селились въ деревняхъ, смежныхъ съ фольварками, нанимая квартиры у чиншевыхъ крестьянъ. Всякій поденщикъ приобреталъ отъ владѣльца фольварка право пасти одну корову и собирать въ лѣсу важенникъ. Источникомъ существованія служилъ наемъ, который доставлялъ фольваркъ. Различались виробники отъ обыкновенныхъ наемныхъ работниковъ тѣмъ, что помѣщикъ считалъ нѣкоторымъ образомъ своею обязанностью доставлять имъ наемъ на всякую работу, которую не въ состояніи былъ выполнить средствами барщины. Кромѣ того, помѣщики болѣею частью оставляли для нихъ наиболѣе выгодную работу, а въ случаѣ совершеннаго ея отсутствія не отказывали въ выдачѣ части денегъ впередъ. Такимъ образомъ принципиальнаго различія между виробникомъ и наемникомъ не существуетъ, но въ сельскомъ быту различіе было довольно существенное и заключалось въ томъ, что при полученіи работы первые всегда имѣли преимущество передъ вторыми.

3) *Наемники*. Различіе этого класса рабочихъ отъ обыкновенныхъ поденщиковъ нами уже указано. Въ селско-хозяйственномъ быту Польши наемниковъ было вообще мало, всѣ они болѣею частью переходили въ разрядъ поденщиковъ; къ наемникамъ же главнымъ образомъ относились рабочіе, приходившіе изъ Бѣлоруссіи, Галиціи и Силезіи.

Этимъ мы оканчиваемъ изложеніе земельнаго устройства Польши и быта польскихъ крестьянъ въ моментъ изданія указа 1864 года. Въ заключеніе считаемъ нужнымъ привести нѣкоторыя относящіяся къ этому предмету статистическія данныя. Общее число сельскаго народонаселенія царства Польскаго въ 1864 г. считалось 3.761,848; жили они въ 465,715 жилыхъ дворахъ, находившихся въ селеніяхъ разныхъ наименованій, изъ которыхъ образовывалось въ свою очередь 3038 сельскихъ гминъ. Изъ этого числа крестьянъ безземельныхъ, какъ мы видѣли, считалось 1.338,827. Вычитая эту цифру изъ общаго числа сельскихъ жителей, получимъ, что въ царствѣ Польскомъ было 2.423,021

крестьянъ-хлѣбопашцевъ, пользовавшихся земельными участками на основаніи изложенныхъ нами разнообразныхъ отношеній, установившихся между ними и вотчинными владѣльцами.

Огромное большинство этихъ крестьянъ обладало крайне малыми участками и до послѣдняго времени имѣло столь мало гарантіи въ безпрепятственномъ осуществленіи права пользованія ими въ будущемъ, при этомъ настолько было подавлено разнообразными повинностями, что положеніе ихъ было далеко отъ того, чтобы назваться обезпеченнымъ. Пауперизмъ крестьянскихъ массъ достигъ своего крайняго напряженія. Но не разбогатѣла и шляхта отъ такого всеобщаго обѣднѣнія крестьянъ. Владѣльческія хозяйства были въ упадкѣ, а параллельно съ уменьшеніемъ крестьянскихъ участковъ шло и дробленіе земельной собственности вообще. При этомъ надо замѣтить, что крупныя владѣльческія имѣнія подверглись вообще значительно меньшему дробленію, чѣмъ мелкопомѣстныя. Послѣднія дошли до крайне малыхъ размѣровъ. Изъ добытыхъ крестьянскими комиссіями свѣдѣній оказалось, что мелкихъ владѣній, пространствомъ не больше 60 морговъ, въ царствѣ Польскомъ въ 1864 году было 33,360, заключающихъ въ общей сложности 704,154 морговъ, слѣдовательно, на каждое такое имѣніе среднимъ числомъ приходилось по 21<sup>1</sup>/<sub>2</sub> морга <sup>1)</sup>. Болѣе крупныхъ имѣній считалось: пространствомъ отъ 3 до 10 уволокъ—2,608; отъ 10 до 100 уволокъ—6,514; отъ 100 до 500 уволокъ—1,641; отъ 500 до 1000 уволокъ—92; свыше 1000 уволокъ—29. Цифры эти сами по себѣ доказываютъ крайнее развитіе мелкопомѣстности въ Польшѣ.

Многосложныя земельныя отношенія, создавшія самые разнообразные виды крестьянскаго быта, разрушительно вліявшіе на экономическое развитіе страны, неминуемо требовали кореннаго измѣненія. Польская интеллигенція, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, въ обширной публицистической и экономической литературѣ, сочиняла и обсуждала разнообразныя рѣшенія аграрнаго вопроса, но реформа земельныхъ отношеній была все-таки далека отъ осуществленія и неизвѣстно, когда была бы выполнена, если бы чисто внѣшнія, исключительно политическія причины не повліяли на изданіе указа 19 февраля 1864 года, которымъ аграрный вопросъ разрѣшенъ въ принципѣ радикально, чѣмъ могли надѣяться самые либеральные экономисты.

Ев. Карцовъ.

<sup>1)</sup> Постановленія учредительнаго комитета, т. IV, стр. 463.

# РАЗСТРИГА

СЦЕНЫ И ЭПИЗОДЫ ИЗЪ НОВАГО РОМАНА ЭРНЕСТА ДОДЭ.

Эрнестъ Додэ въ своей книгѣ, озаглавленной: «*Mon frère et moi*», говоря о характерѣ современнаго романа, выражается такъ: «Современное поколѣніе требуетъ отъ художниковъ дѣйствительности, жизни. Романъ въ собственномъ смыслѣ слова, т.-е. романъ-вымыселъ умеръ. Читатель желаетъ найти въ книгахъ самого себя, свои пороки, добродѣтели, свой собственный образъ». Изъ этихъ словъ можно заключить, что и Эрнестъ Додэ, подобно Альфонсу, черпаетъ вдохновеніе въ дѣйствительности. Но талантъ братьевъ далеко не равносильнъ, и потому, при одинаковомъ взглядѣ на задачи искусства, быть можетъ, даже при одинаковыхъ приемахъ, результаты получаются различной силы. Дѣйствующія лица романовъ Альфонса Додэ — живые люди, ихъ характеры, душевный складъ, весь ихъ обликъ такъ врызаются въ памяти читателей, что онѣ сживаются съ ними совершенно, всѣ изгибы души ихъ ему открыты, они его знакомые, друзья, враги. При одномъ имени д'Аржантона, королеви Фредерики или Дезирѣ Делобель намъ тотчасъ представляется яркій, законченный образъ. Героевъ и героинь романовъ Эрнеста Додэ можно сравнить съ той разнохарактерной толпой, которую человѣкъ встрѣчаетъ въ свѣтѣ: въ головѣ вашей тѣснится множество образовъ, инныя лица живо представляются вамъ, но въ всего чаще вспоминаете ихъ только по внѣшнимъ признакамъ, ихъ внутренняя жизнь вамъ неясна, о ней вы только догадываетесь. Такое точно впечатлѣніе выносилось, бывало, по прочтеніи романа Эрнеста Додэ. Укажемъ для примѣра на самое объемистое изъ его произведеній: «*Daniel de Kerfons*». Это интимная

исторія молодого дворянина, который, проведя дѣтство и раннюю молодость въ замкѣ своихъ предковъ въ Бретани, въ уединеніи и постоянныхъ серьезныхъ занятіяхъ, попадаетъ въ вихрь парижскаго high-life, съ деньгами въ карманѣ, и беззабѣтно увлекается чарами всевозможныхъ красавицъ. Интригъ, хитросплетеній, эпизодовъ бездна, но все это передано слишкомъ внѣшнимъ образомъ и не оставляетъ прочнаго впечатлѣнія. Этой внѣшней манерой изображенія отличались и другія произведенія этого писателя; исключеніе, по нашему мнѣнію, составляетъ его новый романъ: «Défroqué». Интересный по сюжету, романъ имѣетъ и положительныя достоинства изложенія: чувствуется, что все рассказанное въ этой книгѣ взято прямо изъ жизни. Жакъ Ореганъ — живой человѣкъ; романъ блещетъ живостью и яркостью психологическаго анализа, не смотря на нѣкоторую неполноту, — напр., паденіе Жака мало или совсѣмъ не мотивировано. Главный недостатокъ новаго произведенія Э. Додэ — отсутствіе объективности, свойственной большинству истинныхъ художниковъ. Авторъ читаетъ наставленія своему герою, комментируетъ его дѣйствія, что вовсе не нужно для развитія сюжета. Но рассказъ хорошъ. Картины природы есть такія, отъ которыхъ не отказался бы самъ знаменитый «братъ». Въ общемъ романъ, кромѣ интереса психологическаго, представляетъ и общественный интересъ, рисуя взглядъ французскаго общества на явленія, подобныя тому, которое составляетъ фабулу романа, — взглядъ, по правдѣ говоря, довольно узкій и совершенно совпадающій со взглядами самого автора, который ставитъ въ упрекъ своему герою отреченіе отъ прежнихъ идеаловъ, тогда какъ правильнѣе было бы осудить его, еслибъ онъ продолжалъ исповѣдывать ихъ на словахъ, отрекшись отъ нихъ въ душѣ: лицемеріе не есть добродѣтель. Авторъ видимо хотѣлъ наказать пороки; но мораль басни остается обоюдоострой. Въ данномъ случаѣ Жакъ обнаруживаетъ только слабость характера. Тѣмъ не менѣе, такъ ярко изобразить душевное состояніе своего героя, въ истинно трагическія минуты, могъ только человѣкъ съ недюжиннымъ талантомъ, а потому мы и предлагаемъ читателямъ ознакомиться съ этимъ романомъ въ рядѣ бѣглыхъ очерковъ.

## I.

Наступали сумерки дождливаго дня въ концѣ зимы. Придворные лакеи зажигали лампы въ капеллѣ Тюльерійскаго дворца, куда стекались статсъ-дамы, высшіе придворные чины, камер-



геры и очень небольшое число приглашенныхъ. Дрожащіе огоньки тонули въ блѣдныхъ лучахъ дневного свѣта и становились все ярче и ярче по мѣрѣ того, какъ на дворѣ ступался мракъ. Вскорѣ они засіяли, отражаясь, какъ въ зеркалѣ, на мраморѣ и позолотѣ стѣнъ, освѣщая всѣ богатства окружающей обстановки. Темные ковры придавали капеллѣ характеръ свѣтской гостиной, иллюзія поддерживалась смутнымъ гуломъ разговоровъ, заводившихся вполголоса въ ожиданіи прибытія императора и императрицы.

Пробило шесть часовъ.

Всѣ головы обратились къ каяедрѣ, на которую только-что взошелъ доминиканскій монахъ, отецъ Ореганъ, которому, въ этомъ году, выпала на долю честь говорить при дворѣ проповѣди въ теченіе поста. Онъ медленно опустился на колѣни, положивъ локти на край каяедры, обтянутой краснымъ бархатомъ; его бѣлая раса рѣзко выдѣлялась на этомъ фонѣ, и опустивъ голову на руки, онъ, казалось, погрузился въ благоговѣйное размышленіе. Когда онъ въ первый разъ вступалъ на эту каяедру, онъ испыталъ потрясающее впечатлѣніе. Торжественная обстановка, окружающая великихъ міра сего даже у подножія престола Божьяго, изящество дамскихъ туалетовъ, звѣзды и ленты на фракахъ, появленіе императора,—все это, вмѣстѣ взятое, поразило и смутило его. Только съ помощью величайшаго усилія, удалось ему тогда овладѣть собой. Мысль его вылилась въ изящѣйшую форму; онъ замѣтилъ на лицахъ слушателей слѣды вѣ восторга. Возвратясь къ себѣ въ келью, онъ упалъ на колѣни передъ распятіемъ и воскликнулъ:

— Господи, удали отъ меня славу и всю ея суету.

Теперь, послѣ двадцати проповѣдей, онъ успокоился и даже улыбался, вспоминая свой недавній страхъ.

У дверей засуетились. Появился фурьеръ со шляпой при бедрѣ, съ цѣпью на шеѣ, со шляпой подъ мышкой. Онъ прокричалъ громкимъ голосомъ:

— Императоръ, императрица!

Присутствующіе встали. Царственная чета, отвѣчая легкимъ наклоненіемъ головы на почтительные поклоны, медленно прошла въ самую глубь капеллы, гдѣ и заняла мѣста. Проповѣдникъ стоялъ, скрестивъ руки подъ бѣлымъ плащомъ, окидывая слушателей увѣреннымъ взглядомъ. Раса широкими складками падала вокругъ стройнаго стана. Лучъ свѣта отъ лампы падалъ прямо на лицо, выказывая тонкія черты, матовый цвѣтъ лица, черные глаза съ страстнымъ и ласковымъ выраженіемъ. Верхняя

часть выпуклаго лба сливалась съ монашеской tonsурой, которая оставляла только узкую полоску волосъ, шелковистыхъ и бѣлыхъ.

— *In nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti*, — началъ отецъ Ореганъ, крестясь. Предметомъ своихъ проповѣдей онъ, въ этотъ постъ, выбралъ «честь», доказывая, что то, что католическая церковь разумѣетъ подъ этимъ словомъ, есть самое благородное, самое плодотворное изъ человѣческихъ чувствъ. Доказательства онъ почерпнулъ въ священномъ писаніи, въ національной исторіи. Слова его дышали неподражаемымъ краснорѣчіемъ, когда онъ выставилъ честь, рассматриваемую съ религіозной точки зрѣнія, какъ самый могучій двигатель патріотизма. Сегодня его ожидало новое испытаніе. По заведенному вѣстаршѣ обычаю, въ страстную пятницу—день, въ который начинается нашъ разсказъ—проповѣдникъ долженъ прервать бесѣду о предметѣ, который избралъ темой своихъ великопостныхъ поученій, чтобы говорить съ вѣрными о страстяхъ Христовыхъ. Въ теченіе восемнадцати вѣковъ, въ катакомбахъ первыхъ христіанъ и въ средневѣковыхъ соборахъ, въ бѣдныхъ сельскихъ церквахъ и въ роскошныхъ городскихъ храмахъ, съ безчисленныхъ кафедръ слышится этотъ чудесный разсказъ; казалось бы, что трудно, почти невозможно, касаясь все тѣхъ же струнъ, вызвать въ сердцахъ холодныхъ, образованныхъ слушателей всереннее, сердечное чувство. Отецъ Ореганъ сумѣлъ это сдѣлать. Очертивъ нѣсколькими сильными чертами страсти Христовы, онъ заговорилъ, въ видѣ параллели страданіямъ Царя Небеснаго, и о страданіяхъ царей земныхъ—противупоставляя имъ страданія народовъ, претерпѣвшихъ многое для искупленія своей свободы, подобно тому, какъ Христосъ пострадалъ для искупленія грѣховъ міра. Живое и глубокое впечатлѣніе вызвала эта поразительная картина; подъ сводами капеллы еще, казалось, звучали послѣднія слова монаха, онъ еще не успѣлъ сойти съ кафедры, какъ въ церкви раздались похвалы, осужденія, критическія замѣчанія, порицанія смѣлости проповѣдника...

— Это прекрасныя поученія, которыя слѣдуетъ усердно распространять, — вполголоса проговорилъ императоръ, отлававъ дежурному камергеру приказаніе выразить отцу Орегану его удовольствіе.

Слова эти заставили критиковъ умолкнуть. Слышались однѣ похвалы, онъ сопровождалъ проповѣдника, когда онъ сошелъ съ кафедры и скрылся за дверь ризницы.

Отецъ Ореганъ удалился въ маленькую гостиную, гдѣ отды-

калъ обыкновенно послѣ своихъ проповѣдей. Метръ д'отель подалъ ему чашку кипяченаго молока и ушелъ. Монахъ пилъ молоко небольшими глотками, и отъ времени до времени ставилъ чашку на каминъ, чтобы отереть потъ съ лица.

Послышался легкій стукъ въ дверь. Онъ всталъ и отворилъ. Вошла женщина, вся въ черномъ. Со шляпы ея спускался длинный, креповый вуаль, почти совершенно скрывавшій ея черты.

— Могу ли я побесѣдовать съ вами одну минуту, отецъ мой?—спросила она дрожащимъ голосомъ.

— Потрудитесь сѣсть,—отвѣчалъ онъ удивленный.

— Я не задержу васъ. Скажите мнѣ только, гдѣ и когда вамъ угодно будетъ выслушать мою исповѣдь?

— Развѣ у васъ нѣтъ духовника?

— Я слушала всѣ ваши проповѣди, отецъ мой, и желаю довериться вамъ.

— Я къ вашимъ услугамъ, но только здѣсь...

— О, нѣтъ, не здѣсь,—воскликнула незнакомка.

— Не пожалуете ли завтра, въ монастырь?

— Прекрасно. Въ какомъ часу?

— Я буду тамъ все утро, пошлите за мной въ капеллу, я тотчасъ же сойду.

— Вамъ передадутъ мою карточку въ конвертѣ. Я не желаю обратить на себя вниманіе того, кто пойдетъ вамъ докладывать. Я—графиня Валлорисъ, статсъ дама е. в. императрицы.

Отецъ Ореганъ поклонился. Графиня направилась къ двери, на порогѣ она обернулась къ нему съ легкимъ поклономъ, какъ вдругъ на галлерей послышался шумъ шаговъ.

— Служба кончилась,—прошептала она.—Итакъ, до завтра.

Но было поздно,—появился камергеръ въ мундирѣ.

— Вы здѣсь, графиня,—съ улыбкой проговорилъ онъ, давая ей дорогу.

— Хотѣла переговорить съ отцомъ Ореганомъ, у меня было порученіе, не выдавайте меня,—поспѣшно отвѣтила она ему и присоединилась къ императорскому кортежу, который двигался вдали.

Камергеръ передалъ проповѣднику поздравленія императора.

— Благочестивая женщина эта милая гр. Валлорисъ, прекрасная душа, вполне достойная вашего сочувствія,—сказалъ онъ, исполнивъ свое порученіе.

— Въ первый разъ имѣю честь ее видѣть.

— Въ первый разъ! Но вы слышали о ней?

— Никогда.

— О, какъ далеко живете вы отъ людей. Какъ, ея исторія вамъ неизвѣстна?

— Какъ и многія другія, — улыбаясь, отвѣтилъ отецъ Ореганъ.

— Но исторія-то необыкновенная...

— Вамъ, кажется, хочется мнѣ ее рассказать, — сказалъ монахъ, указывая собесѣднику на кресло и самъ садясь на прежнее мѣсто.

— Представьте, что эта молодая женщина — вдова человека, котораго обожала и который умеръ ужасной смертью. Однажды утромъ его нашли заколотымъ въ кровати. Графиня тогда была въ деревнѣ; въ самый день совершенія преступленія она возвратилась въ Парижъ для дежурства при императрицѣ. Пришлось объявить ей о смерти мужа; отчаянію ея не было предѣловъ. Она хотѣла удалиться отъ свѣта. Теперь, какъ вы сами могли убѣдиться, она спокойна. Говорятъ, что она нашла утѣшеніе въ молитвѣ.

— Убийцу мужа нашли? — спросилъ отецъ Ореганъ, заинтересованный разсказомъ.

— Въ первую минуту думали, что это — самоубійство, но несостоятельность этого предположенія скоро обнаружилась. Изъ-за чего было богатому, любимому, здоровому Валлорису убивать себя? Докторовъ, которые сначала легкомысленно отнеслись къ дѣлу, пригласили вторично произвести вскрытіе. Они пришли къ заключенію, что тутъ было преступленіе. Но кто преступникъ? Послѣ восьмимѣсячныхъ тщетныхъ поисковъ судебная власть нашла, благодаря двумъ письмамъ, найденнымъ въ бумагахъ покойнаго, на слѣдъ женщины съ двусмысленной репутаціей, которую арестовали въ моментъ, когда она готовилась покинуть Францію. Было начато слѣдствіе. Женщину эту уличили въ томъ, что она — бывшая любовница графа Валлориса, была у него въ ночь преступленія и похитила у него сумму въ двадцать тысячъ франковъ, вѣроятно, передъ тѣмъ убивши его.

— Вѣроятно? Значить, эту несчастную не удалось уличить и въ убійствѣ?

— Нѣтъ, въ продолженіе всего слѣдствія она энергически отрицала свою виновность. Отношенія свои къ графу она признала, объяснила, что была у него однажды вечеромъ съ цѣлью потребовать отъ него денегъ, которыя онъ ей обѣщалъ, а потомъ отказывался уплатить. Она утверждаетъ, что, по ея просьбѣ, онъ добровольно отдалъ ей эту сумму и они примирились. Ушла она отъ него около двѣнадцати часовъ, черезъ садъ, какъ и пришла;

Валлориса она оставила живымъ. Неправда ли, очень странная исторія?

— Дѣйствительно, очень странная, — отвѣтилъ отецъ Ореганъ, вставая, чтобъ взять свой плащъ. — Въ какомъ же теперь положеніи это дѣло?

— Женщину эту будутъ судить.

— Желая, чтобы люди были къ ней снисходительны, если она виновна, или чтобъ Богъ показалъ ея невинность, если совѣсть ея ни въ чемъ ее не упрекаетъ, — задумчиво проговорилъ монахъ, прощаясь съ случайнымъ собесѣдникомъ, который проводилъ его до кареты.

## II.

Отецъ Ореганъ медленно расхаживалъ въ тѣсной вельѣ, отведенной ему въ монастырѣ, который пріютилъ его на время его пребыванія въ Парижѣ. Вся меблировка состояла изъ стула, стола, заваленнаго книгами и бумагами, бѣлой, деревянной кровати и распятія на стѣнѣ.

Онъ обдумывалъ проповѣдь, которую долженъ былъ говорить сегодня въ Тюльери, по случаю праздника Пасхи. Не смотря на утомленіе отъ великопостныхъ службъ, онъ всталъ до зари, и отслуживъ обѣдню въ монастырской капеллѣ, возвратился къ себѣ въ комнату, чтобъ тамъ работать на свободѣ. Въ цѣломъ домѣ не слышно было ни звука, шумъ съ улицы смутно доносился до ушей монаха. Время и мѣсто благоприятствовали размышленіямъ. Приближаясь къ концу длиннаго послушанія, готовясь увѣнчать энергическимъ заключеніемъ сдѣланные имъ выводы и нанести послѣдній ударъ душамъ, потрясеннымъ его рѣчами, онъ яснѣе сознавалъ величіе и трудность своей задачи. Сомнѣніе тяготило его душу. Достигнулъ ли онъ своей цѣли? Обратилъ ли онъ души къ Богу? Что останется въ нихъ отъ его усилій? Вопросы эти, представляясь его мысли, возбуждали его краснорѣчіе, наполняли благороднымъ вдохновеніемъ.

Однако, какъ онъ ни былъ поглощенъ этими возвышенными размышленіями, ихъ иногда внезапно нарушало воспоминаніе, которое онъ тщетно пытался отогнать. Съ неба онъ падалъ на землю, отъ идеаловъ переходилъ къ мучительной дѣйствительности. Тогда онъ останавливался, услужливое воображеніе рисовало ему образъ женщины, молодой и красивой, плачущей у его ногъ. Она униженно исповѣдовалась ему, молила о прощеніи и быстро

поднималась съ гнѣвнымъ взглядомъ, возмущенная необходимостію условіемъ этого прощенія, условіемъ, предписаннымъ имъ согласно съ каноническими правилами.

Образъ этотъ одинаково волновалъ и священника, и человѣка. Онъ возносился душой къ Богу, молилъ его возвратитъ ему миръ, принимался за прерванную работу; но воспоминаніе возвращалось и отдавало его на жертву сомнѣніямъ. Его состояніе дѣлалось невыносимымъ, надо было положить ему конецъ. Отецъ Ореганъ сошелъ въ садъ, отыскалъ тамъ настоятеля и подошелъ къ нему со словами:

— Мнѣ надо поговорить съ вами, отецъ мой.

— Готовъ васъ выслушать, — отвѣтилъ настоятель. Онъ обратился съ нимъ какъ съ гостемъ, а не какъ съ подчиненнымъ, и видѣлъ въ немъ будущую славу ордена.

— Я въ большомъ затрудненіи, — продолжалъ отецъ Ореганъ: — случайно узналъ я, что въ уголовномъ судѣ должна вскорѣ судиться женщина, по обвиненію въ убійствѣ, — женщина, въ невинности которой я убѣжденъ.

— Убѣждены?

— Виновный пришелъ ко мнѣ въ исповѣдальню и во всемъ мнѣ признался. Убитого зовутъ графъ Валлорисъ; имя обвиняемой, которую теперь будутъ судить, мнѣ неизвѣстно, но узнать его легко, такъ какъ она содержится въ тюрьмѣ; мнѣ извѣстно только, что ее связывали съ графомъ преступныя узы. Это обстоятельство и придаетъ обвиненію немалую правдоподобность. Но, повторяю, обвиненіе это лишено всякаго основанія. Всѣ подробности преступленія мнѣ извѣстны. Но мнѣ ихъ довѣрили на исповѣди. Я доказывалъ кающемуся, что приговоръ, произнесенный надъ невинной, безконечно усилитъ его преступленіе, говорилъ объ угрызѣніяхъ совѣсти, которыя будутъ мучить его, объ отчетѣ, котораго Богъ отъ него потребуетъ на порогѣ вѣчности. Я не могъ добиться, чтобы онъ отдался въ руки правосудія. — Женщину эту оправдаютъ, — утверждалъ онъ, — за недостаткомъ уликъ. — А если нѣтъ? — возражалъ я. — Тогда я скажу правду. — Большого я добиться не могъ и не считъ себя въ правѣ отпустить ему грѣхи. Что мнѣ дѣлать, отецъ мой? Несчастную обвиняемую необходимо спасти, но какъ? Мнѣ уже приходило въ голову одно средство: будь я простой священникъ, я бы не колебался, прямо объявилъ бы прокурору или предсѣдателю суда, что преступникъ мнѣ извѣстенъ, что обвиняемая невинна, но я монахъ, у меня есть другія обязанности, я не могу самъ рѣшить этотъ вопросъ.

— И я того же мнѣнія, а такъ какъ вы раскрыли мнѣ свое сердце, то мнѣ надо посоветоваться съ нашимъ отцомъ провинціаломъ. Я объясню ему этотъ сложный вопросъ, онъ, вѣроятно, призоветъ васъ и, выслушавъ, укажетъ, какъ вы должны поступить. А до тѣхъ поръ, я вамъ приказываю не думать о томъ, что васъ смущаетъ. Вамъ надо вновь обрѣсти душевное спокойствіе, чтобы окончить ваши проповѣди такъ же усильно, какъ вы ихъ начали. Возвратитесь къ себѣ, размышляйте, молитесь, чтобы Господь освободилъ васъ отъ тревожныхъ воспоминаній. Идите, братъ мой.

Прошло уже пятнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Баптистъ-Жакъ Ореганъ вступилъ въ монашество. Въ то время онъ былъ въ цвѣтъ молодости. Единственный сынъ разбогатѣвшихъ крестьянъ, онъ по окончаніи курса, жилъ у родителей, на старой фермѣ, безъ всякихъ другихъ развлеченій, кромѣ чтенія, охоты, работъ въ родовомъ имѣніи, управленіе которымъ охотно предоставлялъ ему отецъ, да путешествій зимою, когда пребываніе въ деревнѣ становилось черезъ-чуръ скучно. Такъ онъ видѣлъ Парижъ, не ощутивъ желанія поселиться въ немъ, воображая, что въ нѣсколько недѣль извѣдалъ всѣ удовольствія и ощущенія, какія можетъ доставить большой городъ. Возвратясь домой, онъ болѣе прежняго полюбилъ свой домъ, свои поля, не освободился и отъ мистицизма, который таился въ душѣ его и выражался изученіемъ религіозныхъ вопросовъ, чтеніемъ твореній отцовъ церкви и жизнеописаній святыхъ, сдержаннымъ, но искреннимъ благочестіемъ, которое онъ наслѣдовалъ отъ матери.

Ему исполнилось двадцать-пять лѣтъ. Родители принесли ему невѣсту, образованную, хорошенькую, изъ почтеннаго семейства, богатую. Она ему понравилась, и когда мать начала представлять къ нему съ разспросами, онъ отвѣчалъ:

— Если мнѣ надо жениться, то лучше на ней, чѣмъ на другой. Я согласенъ.

Шли уже приготовленія къ свадьбѣ, когда мѣстнаго священника посѣтилъ пріятель, доминиканскій монахъ. Ореганъ-отецъ пригласилъ его обѣдать, въ угоду священнику, съ которымъ жилъ въ дружбѣ. Въ назначенный день, въ семь часовъ, въ большую гостиную, которую открывали только въ торжественныхъ случаяхъ, вошелъ старикъ-монахъ съ исхудалымъ лицомъ, глубокимъ и кроткимъ взглядомъ. Звали его отецъ Ла-Шене. Это былъ одинъ изъ сотрудниковъ Лавордера, откликнувшійся изъ первыхъ на призывъ молодого священника, когда онъ возстановлялъ во Франціи орденъ братьевъ-проповѣдниковъ. Сорокъ лѣтъ

носилъ онъ бѣлую рясу св. Доминика, безъ усталы трудился на пользу ближняго, не упускалъ случая защищать церковь и монаховъ словомъ и перомъ, поучалъ юношество, проповѣдуя ему терпимость, любовь къ родинѣ и свободѣ.

Жакъ Ореганъ почувствовалъ необыкновенное влеченіе къ отцу Ла-Шене. Мысли ученаго монаха приводили его въ восторгъ. Разговоръ, какъ и слѣдовало ожидать, возмущалъ монашескихъ орденовъ, правилъ, которымъ они подчиняются, вліянія, какое они имѣютъ на общество. Одинъ изъ присутствующихъ довольно безтактно замѣтилъ, что главное, что можно поставить имъ въ упоръ—это, что обычай ихъ противенъ духу современности.

— Аргументъ этотъ мнѣ извѣстенъ, — улыбаясь, возразилъ отецъ Ла-Шене. — Онъ не новъ. Давно уже учитель мой, Лакордеръ, сказалъ: «Мы живемъ въ такое время, когда человѣку, который пожелалъ бы обнищать и служить всѣмъ, труднѣе исполнить свое желаніе, чѣмъ составить себѣ состояніе и имя. Никогда свѣтъ такъ не боялся человѣка босого и прикрытаго жалкимъ рубищемъ». Вы ставите намъ въ упоръ нашу уставъ. Но какое вамъ дѣло до него, когда вы вовсе не обязаны исполнять его? Мы отказываемся отъ житейскихъ радостей; но что вамъ за дѣло до этого, — мы вамъ ихъ предоставляемъ. Повѣрьте, у насъ есть другія радости, которыя равны имъ, выше ихъ. Что касается до меня, я сорокъ лѣтъ ношу иго Господне, и не жалѣю ни о чемъ, что принесъ ему въ жертву, рѣшительно ни о чемъ; я уже здѣсь вознагражденъ, не считая награды, которую надѣюсь получить «тамъ».

Глубокое молчаніе встрѣтило эти слова. Отецъ Ла-Шене продолжалъ:

— Какое понятіе составили вы себѣ о нашихъ монастыряхъ? Не воображаете ли вы, что это долина плача, годная только для инвалидовъ жизни? Я скажу вамъ, что тамъ преобладаютъ души здравыя и сильныя. Монашество—дорога сильныхъ, а не убѣжище слабыхъ.

Долго говорилъ онъ въ томъ же тонѣ, рисовалъ яркія картины монашеской жизни, упомянулъ о любви монаховъ къ человечеству, о дружбѣ, соединяющей ихъ между собой.

Жакъ Ореганъ слушалъ его, заставивъ дыханіе, глаза его горѣли. Когда вышли изъ-за стола, мать Жака подошла къ монаху и умоляла его не волновать воображеніе ея единственнаго сына своими разсказами. — Онъ и безъ того склоненъ къ религіознымъ увлеченіямъ, — говорила она, — онъ въ состояніи бросить насъ стариковъ, бросить домъ, невѣсту и сдѣлаться монахомъ. Этого я не переживу.



Отецъ Ла-Шене, растроганный просьбой бѣдной матери, обѣщалъ ей обратить вниманіе ея сына на мѣтѣ радужныя стороны монашеской жизни, что и постарался исполнить. Но было уже поздно. При прощаніи Жакъ пожалъ ему руку и сказалъ вполголоса:

— Богъ послалъ васъ сюда, отецъ мой, открыть мнѣ, что путь, на который я готовился вступить—не мой путь.

— Берегитесь обмануть надежды вашихъ родителей, сынъ мой,—отвѣтилъ взволнованный отецъ Ла-Шене.—Вы ничего не должны рѣшать...

— Ранѣе года,—прервалъ Жакъ.—Но я не женюсь. Черезъ годъ я открою вамъ мое сердце.

Онъ сдержалъ слово; черезъ годъ онъ былъ послушникомъ въ одномъ изъ доминиканскихъ монастырей, а когда прозвучалъ окончательный обѣтъ, былъ переведенъ въ другой, гдѣ нашелъ отца Ла-Шене.

Прошло пятнадцать лѣтъ, и отецъ Ореганъ ни разу не пожалѣлъ о принятомъ рѣшеніи. Онъ привыкъ къ послушанію, къ ежечаснымъ жертвамъ, составляющимъ самое существо монашескаго устава, приобрѣлъ обширныя знанія въ богословіи, исторіи, языковѣдѣніи. Его считали однимъ изъ первыхъ современныхъ духовныхъ ораторовъ. Все ему улыбалось. Старшіе братья видѣли въ немъ надежду ордена. Ему писали изъ Рима, что святой отецъ выразилъ желаніе съ нимъ познакомиться. Иллюстрированные журналы помѣщали его біографію, портретъ, отрывки изъ его проповѣдей.

Къ несчастью, онъ совсѣмъ не зналъ жизни. Приѣмъ, оказанный ему въ Тюльери, придворная роскошь, красота женщинъ начинали смущать его. Къ довершенію бѣды, онъ не чувствовалъ въ себѣ прежней энергіи для борьбы.

### III.

День, посвященный допросу свидѣтелей, близился къ концу. Удушливая атмосфера стояла въ залѣ засѣданія, наполненной пестрой толпой, среди которой, кромѣ журналистовъ и адвокатовъ, можно было замѣтить и свѣтскихъ людей, обычныхъ слушателей всякаго скандальнаго процесса. Обвиняемая не сдавалась. Когда прокуроръ своими комментаріями подчеркивалъ свидѣтельскія показанія, съ ея дрожащихъ губъ срывались лаконическія возраженія, которые задѣвали присяжныхъ за живое.

— Прошу вашего покровительства, господа, — воскликнула вестная, протягивая къ нимъ руки. — Кажется, будто я искупаю смерть графа Валлориса, но я только искупаю свое прошлое. Честь правосудія требовала виновнаго, за немѣнимъ его выбрали меня, съ тѣмъ чудовищнымъ расчетомъ, чтобы, въ виду моихъ недостатковъ, вы, господа присяжные, скорѣй увидѣли во мнѣ преступницу и осудили меня.

— Выразайтесь сдержаннѣе, — прервалъ ее предсѣдатель.

Она продолжала, не слушая его:

— Клянусь передъ Богомъ, что я не убивала графа; когда я вышла отъ него, въ ту роковую ночь, онъ былъ живъ.

Она опустила на скамью, совсѣмъ обезсиленная.

— Господа присяжные, — объявилъ предсѣдатель, — вы слышали всѣхъ свидѣтелей. Завтра мы услышимъ обвинительную власть. Но прежде, чѣмъ объявить засѣданіе закрытымъ, я долженъ предъ-  
ложить вамъ письмо, которое мнѣ только-что передали.

Онъ громко прочелъ слѣдующее:

«Господинъ предсѣдатель, считаю долгомъ предупредить васъ, что имѣю возможность просвѣтить совѣсть присяжныхъ, передъ которыми явилась теперь г-жа Шеренъ, обвиняемая въ убійствѣ графа Валлориса. До моего свѣдѣнія дошелъ важный фактъ, имѣющій отношеніе къ настоящему дѣлу. Я изложилъ его въ письменномъ показаніи, которое готовъ предоставить въ ваше распоряженіе, если вы не сочтете нужнымъ, чтобы я устно высказалъ его предъ судомъ. Примите и пр.

«Братъ Жакъ Ореганъ, монахъ ордена братьевъ проповѣдниковъ».

— Приставъ, введите отца Орегана.

Всѣ глаза обратились къ дверямъ. Отецъ Ореганъ вошелъ и приблизился къ рѣшеткѣ, окинувъ однимъ взглядомъ судъ, присяжныхъ, публику и обвиняемую.

— Письмо это писано вами? — съ поклономъ спросилъ предсѣдатель.

— Да, г. предсѣдатель.

— Имя ваше?

— Жакъ Ореганъ, тридцати-девяти лѣтъ, монахъ.

— Властью, мнѣ данной, освобождаю васъ отъ присяги. Тѣмъ не менѣе, вы должны говорить всю правду, одну правду.

— Г. предсѣдатель, я могу обѣщать говорить правду, одну правду, но не всю.

— Объяснитесь, я не понимаю.

— Я явился сюда не въ качествѣ свидѣтеля, а добровольно,

съ единственной цѣлью сдѣлать заявленіе. Вотъ оно: честью священника и монаха удостоверяю, что г-жа Шерентъ, адѣсь присутствующая, не совершила преступленія, въ которомъ ее обвиняють.

— Что вамъ даетъ право утверждать это?

— Настоящій виновный на исповѣди сознался мнѣ въ своемъ преступленіи.

— Заявленіе ваше имѣетъ значеніе нравственное, но не юридическое.

— Объ этомъ судить не мнѣ; назвать убійцу я не могу; что бы ни случилось, я исполнилъ свою обязанность.

Всѣ присутствующіе, начиная съ предсѣдателя, поняли, что этого имени нельзя вырвать у монаха.

Предсѣдатель вполголоса посоветовался съ членами суда, и снова обратился къ отцу Орегану съ вопросомъ:

— Не можете-ли вы, по крайней мѣрѣ, указать, въ какое время вамъ было сдѣлано это признаніе?

— Нѣсколько дней тому назадъ.

— Почему-жъ вы до сихъ поръ молчали?

— Узнавъ подробности этого дѣла, я могъ сдѣлать заявленіе свое прокурору, онъ вызвалъ бы меня въ качествѣ свидѣтеля, я долженъ былъ бы принять присягу, но это было бы невозможно для меня, такъ какъ, зная фактъ по исповѣди, я не имѣю права говорить всей правды. Поэтому я считъ лучшимъ явиться въ послѣднюю минуту.

— Вы ничего не имѣете прибавить?

— Могу только повторить сказанное: виновный мнѣ извѣстенъ, это не обвиняемая.

— Гг. присяжные разсудятъ; можете удалиться.

Отецъ Ореганъ поклонился и уже направлялся къ дверямъ, когда его остановилъ возгласъ блѣдной какъ смерть обвиняемой:—вы знаете того, кто долженъ бы быть на моемъ мѣстѣ, — кричала она, — и нарушаете священную обязанность, представляя меня на волю судей, которые обвинять меня.

— Напротивъ, они васъ оправдаютъ, — воскликнулъ отецъ Ореганъ. — Было бы оскорбленіемъ для французскихъ гражданъ предположить, что они не обратятъ вниманія на слова священника. Надѣйтесь, положитесь на Бога.

Съ этимъ онъ вышелъ.

Слова его произвели глубокое впечатлѣніе; все кругомъ заволновалось. Обвиняемая упала на скамью съ сжатыми губами и тревожнымъ взглядомъ. Адвокатъ вполголоса успокаивалъ ее.

Прокуроръ потребовалъ было, чтобъ дѣло отложили до слѣдующей сессіи, но защитникъ горячо вступился и восторжествовалъ. Предсѣдатель объявилъ:

-- Продолженіе преній—завтра. Засѣданіе закрыто.

— Это оправданіе,—радоство шепнулъ адвокатъ своей кліенткѣ,—монахъ васъ спасъ.

Отецъ Ореганъ готовился въ отъѣздъ; черезъ нѣсколько часовъ онъ долженъ былъ возвратиться въ себѣ въ монастырь, такъ какъ его, за послѣднее время, только и задерживало въ Парижѣ дѣло Шеренъ. Привратникъ принесъ ему два письма. Первое была записка за подписью этой женщины. Она писала: «Я оправдана, отецъ мой. Мое недостоинство мѣшаетъ мнѣ лично выразить вамъ мою глубокую благодарность. Но я хочу вамъ сказать, что никогда не забуду того, что вы для меня сдѣлали. Вы—святой, молитесь за бѣдную женщину, которая, среди всѣхъ своихъ несчастій, утѣшается только мыслью, что обязана вамъ своимъ спасеніемъ».

Другая записка была безъ подписи и заключала въ себѣ одну строчку, писанную женскимъ почеркомъ:

«Согласны ли вы теперь дать мнѣ отпущеніе?»

Долго сидѣлъ онъ неподвижно у стола, склонивъ голову на руки. Наконецъ онъ вдохнулъ, бралъ перо и началъ писать—«Вамъ надо благодарить не меня,—писалъ онъ г-жѣ Шеренъ,—а Бога. Да послужить вамъ въ пользу испытаніе, черезъ которое вы теперь прошли, и да обратитъ васъ въ Нему. Только у ногъ Его обрѣтете вы утѣшеніе, въ которомъ нѣтъ обмана. Буду молиться за васъ». Отвѣтъ его на анонимную записку былъ еще короче. «Я ѣду завтра, въ девять часовъ утра. Въ семь, послѣ обѣдни, вы найдете меня въ исповѣдальнѣ».

Небо, рѣка, лѣса еще горѣли заревомъ заката. Рѣка Дорюнь, катясь между цвѣтущихъ береговъ, сверкавшихъ золотистыми блестками, которыми были осыпаны покрытыя цвѣтомъ деревья, благоухающіе вустарники, луга поросшіе свѣжей, весенней травой, какъ будто увлекала въ своемъ потоцѣ огненныхъ жгѣй. Вечернія тѣни начинали окутывать окрестность. Въ воздухѣ поднимался свѣжій вѣтерокъ; пѣніе птицъ сливалось съ его шелестомъ. Безмолвіе предвѣщало ночь. Монахи, въ ожиданіи ужина, прогуливались по своему обширному саду. Среди нихъ находился и отецъ Ореганъ, наканунѣ возвратившійся изъ Парижа; онъ дѣлился съ братіей своими впечатлѣніями. Много прелесть придаетъ монашеской жизни духовное общеніе. Не одинъ Ореганъ провелъ постъ внѣ монастырскихъ стѣнъ. Многие

изъ братіи говорили проповѣди въ приходскихъ церквахъ большихъ многолюдныхъ городовъ. Разказы ихъ отличались, приблизительно однимъ характеромъ. Тотъ упоминалъ о законнѣломъ грѣшникѣ, котораго внезапно коснулась благодать; другой съ грустью говорилъ о безбожникѣ, которому не помогли его молитвы. Не то слышалось въ повѣствованіи Ореганъ, да и тема его была иная. Онъ описывалъ придворный церемоніаль, рисовалъ портреты высокопоставленныхъ лицъ, повторялъ поздравленія, съ какою обратился къ нему императоръ.

Всѣ эти подробности возбуждали любопытство монаховъ. Они слушали его какъ очарованные, а онъ останавливался на минуту, чтобы перевести духъ, отвѣтить на вопросы, которыми его осыпали, а затѣмъ еще съ большимъ увлеченіемъ продолжалъ свою одиссею, которая увѣнчалась внимательствомъ въ дѣлѣ г-жи Шеренъ. По живости его рѣчи, по его жестамъ, по радостно-блестящимъ глазамъ ясно было, что воспоминанія эти его волнуютъ, собственныя слова оцѣняють, что онъ возвратился въ монастырь болѣе проникнутый сознаніемъ собственного достоинства, чѣмъ былъ въ минуту отъѣзда. Тогда онъ съ грустью прощался съ своей кельей, съ садомъ, съ отцомъ Ла-Шене, боялся предстоявшихъ ему опасностей. Теперь у него была одна забота: возвратится ли онъ въ Парижъ? На этой обширной сценѣ и ему найдется мѣсто. Въ немъ сказывался новый человѣкъ. Этотъ человѣкъ чувствовалъ въ себѣ силу, искалъ борьбы. Она его уже не пугала, а напротивъ, привлекала.

Онъ шелъ медленно, торжественно, окруженный слушателями точно свитой, высоко поднимая голову. Онъ такъ былъ занятъ разговоромъ, что и не замѣчалъ выраженія грустнаго удивленія на лицѣ отца Ла-Шене. Еще сильный, не смотря на свои восемьдесятъ лѣтъ, прямой, какъ молодой человѣкъ, старшій монахъ шелъ нѣсколько позади, склонивъ голову. Благодаря своей остротѣ, онъ читалъ въ думѣ друга, какъ въ открытой книгѣ. Когда Ореганъ поднималъ голову, взглядъ его встрѣтился со взглядомъ настоятеля.

— Отецъ Ореганъ, — сказалъ послѣдній, — понавѣдайтесь въ кухню, не нуждаются ли тамъ въ вашей помощи?

Монахи остановились и тотчасъ же разошлись безъ всякихъ комментариевъ. Отцу Орегану неказалось, что ему дали пощечину; кровь прилила къ щекамъ и только. Нѣсколько минутъ спустя, его можно было видѣть въ огородѣ, у колодца; надѣвъ свѣтлыя расы передникъ и засучивъ рукава, онъ усердно мылъ въ чашкѣ зелень для ужина братіи. Прежде отецъ Ореганъ охотно преда-

вался подобнымъ занятіямъ, видя въ нихъ глубокій, духовный смыслъ; сегодня онѣ были ему ненавистны. Невольно сравнивалъ онъ настоящее съ недавнимъ прошедшимъ. Неужели его заставить искушать блестящіе успѣхи? Поступокъ настоятеля онъ приписывалъ зависти, недостатку ума, узкимъ взглядамъ. Что-жъ, если иго станетъ слишкомъ тяжелымъ, онъ съумѣетъ и сбросить его. Онъ свободенъ. Прошло время, когда возмущившихся монаховъ бросали въ тюрьму, навлекая ихъ оттуда только затѣмъ, чтобы вести на костеръ. Общая вечерняя молитва, ночная служба не возвратили мира душѣ его. Церковь съ своими голыми стѣнами, деревянными скамьями, едва освѣщеннымъ алтаремъ, казалась ему тюрьмой. Пѣніе раздирало ему уши. Заснуть онъ никакъ не могъ и метался на своемъ жесткомъ ложѣ. Раздался благовѣстъ въ заутреню; онъ былъ такъ разбитъ душой и тѣломъ, что не могъ встать. Одинъ изъ братьевъ пришелъ его навѣстить; черезъ него онъ просилъ настоятеля разрѣшить ему не идти къ службѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ отецъ Ла-Шене посѣтилъ его въ его кельѣ, сѣлъ у кровати и началъ его расспрашивать. Отецъ Ореганъ былъ еще слабъ, но онъ спалъ, сонъ унесъ лихорадку; онъ былъ въ состояніи выслушать своего старого друга.

— Вы меня тревожите, дорогой мой сынъ, — говорилъ старикъ: — боюсь, чтобы пребываніе въ Парижѣ не было вамъ вредно. Ваши вчерашнія рѣчи огорчили меня, онѣ были недостойны дѣлателя Господня. Вы говорили о своей задачѣ, точно обязаны исполненіемъ ея самому себѣ, а не Духу Святому. Онъ вдохновлялъ васъ нѣкогда. Ему одному слѣдуетъ приписать успѣхъ вашей миссіи. Боюсь, не забыли ли вы этого. Чувствую, что тайный врагъ угрожаетъ вамъ. Наблюдайте за собой, охраняйте сердце ваше; если врагъ овладѣетъ имъ, вамъ трудно будетъ изгнать его. А тогда, что случилось бы съ вами?

Долго говорилъ въ этомъ тонѣ отецъ Ла-Шене, умоляя своего брата вооружиться для борьбы.

— Не отравляйте моихъ послѣднихъ дней горестью видѣть васъ несчастнымъ, несчастнымъ по вашей собственной винѣ, а можете быть, и по моей, — сказалъ онъ ему въ заключеніе. — Я пробуждалъ въ васъ призваніе. Не заставьте меня опасаться, чтобы мое вниманіе не привело къ непоправимой бѣдѣ.

— Вамъ нечего опасаться, — воскликнулъ Жакъ Ореганъ, стараясь сдержать смущеніе, вызванное проникательностью отца Ла-Шене: — неужели вы считаете меня способнымъ измѣнить моему долгу?

— Не отрицайте, что эта изгѣна представлялась вамъ дѣломъ прощительнымъ и возможнымъ. Я знаю, до чего можетъ довести оскорбленная гордость. Шесть недѣль тому назадъ, когда міръ еще былъ для васъ закрытой книгой, я ничего не боялся; но теперь....

Онъ остановился, боясь опредѣленнѣе выразить свои опасенія. На глазахъ Жака навернулись слезы.

— Плачьте, плачьте,—продолжалъ отецъ Ла-Шене:—благословляю эти слезы, если ихъ у васъ исторгаетъ раскаяніе. Я буду молиться, чтобъ Богъ просвѣтилъ и утѣшилъ васъ.

Онъ всталъ, собирався уходить. Отецъ Ореганъ удержалъ его движеніемъ руки.

— Вы не можете такъ покинуть меня,—сказалъ онъ измѣнившимся голосомъ:—мнѣ такъ необходима помощь! Отецъ мой, безъ васъ я бы погибъ. Не покидайте меня, помогите мнѣ, поддержите меня. Ваши слова внесли свѣтъ туда, гдѣ царилъ мракъ. Вы правы, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ гордость владѣла мной. Помогите мнѣ побороть ее.

— Не моею помощи надо вамъ просить. Безъ Бога люди бессильны.

На другой день, когда монахи собрались въ залу и, по предписанному учредителемъ ордена порядку, исповѣдовались вслухъ настоятелю, боясь въ различныхъ нарушеніяхъ устава, въ проступкахъ, могущихъ послужить предметомъ соблазна или дурнымъ примѣромъ для братіи, отецъ Ореганъ, когда очередь дошла до него, опустился на колѣни передъ настоятелемъ и сталъ раскрывать ему сокровеннѣйшіе изгибы души своей, чего строгіе подвижники, основатели орденовъ и не требуютъ. Цѣлью ихъ было, съ помощью этого обряда, постоянно напоминать монахамъ о строгомъ соблюденіи устава, а вовсе не заставлять ихъ раскрывать свою совѣсть для всѣхъ. Отецъ Ореганъ, въ видѣ добровольно наложенной на себя эпитеміи, придавъ своей исповѣди характеръ искупленія, вызваннаго глубокимъ раскаяніемъ.

— Я внутренно возмущаюсь противъ вашей власти, отецъ мой,—сказалъ онъ.—Озлобленіе мое продолжалось нѣсколько часовъ; оно внушило мнѣ осужденіе устава, насмѣшки надъ вами. Я приписывалъ вамъ дурныя мысли.

Онъ остановился, ожидая наказанія.

— Сегодня вечеромъ, до заката солнца, вы отправитесь в монастырское кладбище,—просто сказалъ настоятель:—и про-

стояте два часа на волѣняхъ на могилѣ брата Иларія, размышляя о суетѣ житейской и о значеніи смерти.

Послѣ этого кризиса миръ, казалось, возвратился въ душу Орегана.

#### IV.

Блѣдный, слабый, обезображенный болѣзью, лежалъ отецъ Ла-Шене на тонкомъ соломенномъ тюфякѣ, служившемъ ему постелью. Онъ умиралъ, и зналъ это. Онъ такъ давно готовился къ смерти, что она нисколько не пугала его. Онъ встрѣчалъ ее какъ друга, какъ освободительницу. Братія молилась за него въ церкви.

Ореганъ сидѣлъ у изголовья умирающаго. Теперь, когда развязка приближалась, онъ чувствовалъ въ сердцѣ жестокую боль. Онъ нѣжно любилъ этого старика, съ которымъ его связывали узы дружбы и благодарности. Ему онъ былъ обязанъ своими лучшими радостями, своими чистѣйшими утѣшеніями. Онъ привыкъ смотрѣть на него какъ на опору и зналъ, что пока живъ этотъ вѣрный другъ, онъ обезпеченъ отъ всякой серьезной опасности. Страхъ наполнялъ его душу, слезы текли изъ глазъ. За стѣнами кельи все дышало миромъ. Природа привирадилась. Горячее весеннее солнце поднималось на голубомъ небѣ; радостно проникало оно въ безмолвную келью; свѣтъ его говорилъ о жизни передъ лицомъ смерти. На деревьяхъ дрожали свѣжіе листочки, цвѣты раскрывали свои чашечки; лодки бороздили рѣку; на берегу, вплоть до холмовъ, озаимлявшихъ горизонтъ, на вспаханной почвѣ выбивался стебель будущихъ колосьевъ.

— Откройте окно, сынъ мой,—вдругъ сказалъ отецъ Ла-Шене,—хотѣлось бы въ послѣдній разъ взглянуть на эти веселыя картины, на которыхъ такъ часто отдыхалъ мой глазъ.

Ореганъ открылъ окно; еще болѣе яркій свѣтъ залилъ келью, которая наполнилась теплымъ и благоуханнымъ воздухомъ.

— Лучше ли вамъ?—заботливо спросилъ онъ.

— Я счастливъ, ухожу понемногу, безъ страданій; сейчасъ я спалъ, небесныя видѣнія являлись мнѣ во снѣ. Эти красоты природы ничто передъ тѣмъ, что я увижу сейчасъ, если божіе милосердіе откроетъ предо мной блаженную вѣчность, для которой я трудился.

Онъ говорилъ слабо, медленно, съ улыбкой на губахъ.



— Я уйду безъ страха, — продолжалъ онъ, — потому что не знаю угрызений совѣсти.

— Приближеніе невѣдомаго міра васъ не пугаетъ? — спросилъ отецъ Ореганъ.

— Міръ этотъ невѣдомъ только тому, кто не хотѣлъ его видѣть. Я никогда въ немъ не былъ, но вѣра, меня одушевляющая, открыла мнѣ его; я знаю, что я тамъ найду. Да и чего мнѣ бояться, я такъ давно служу Христу.

— Вы не думаете о несчастіи, котораго оставляете здѣсь, — съ горечью сказалъ отецъ Ореганъ. — А безъ васъ, что станетъ со мной!

— А Богъ? — отвѣтилъ отецъ Ла-Шене. Божественный учитель нашъ васъ не оставитъ. Мужайтесь, сынъ мой. Перестаните бояться, вѣрьте. — Рѣчь его оборвалась, взоръ отуманился, голова упала на жесткую подушку.

— Позвать? — спросилъ отецъ Ореганъ, склоняясь надъ нимъ.

— Это еще не смерть, но она приближается.

Отецъ Ореганъ пошелъ за настоятелемъ, который явился немедленно.

— Чувствуете ли вы себя готовымъ предстать предъ Богомъ? — Вы ничего не забыли на вашей послѣдней исповѣди?

— Ничего, отецъ мой; непомолویی надѣюсь, что Господь мой приметъ меня.

— Такъ приготовьтесь открыть ему душу вашу. Я позову братью, чтобъ она помогала вамъ молитвой, пока я буду васъ соборовать и приобщать. — Настоятель хотѣлъ удалиться, но удержавшій удержалъ его, сказавъ, что у него есть къ нему просьба. Онъ умолялъ его замѣнить его отцу Орегану, за котораго онъ боится, и теперь, въ эту великую минуту, умолялъ его щадить его самолюбіе, быть снисходительнымъ къ его слабостямъ.

Настоятель успокоилъ его обѣщаніемъ заботиться о томъ, кто ему дорогъ.

— Дайте мнѣ мое распятіе, — сказалъ отецъ Ла-Шене, — хочу держать его въ рукахъ, пока онъ не пошевелится.

Настоятель взялъ со стола крестъ и подалъ его старину, который приложился къ нему и держалъ передъ собой, погруженный въ созерцаніе. Монахи входили въ келью и осматривали кровать. Тѣ, которымъ не удалось войти, стояли на коленяхъ въ корридорѣ. Настоятель совершилъ послѣдніе обряды, произнесъ священныя слова. Отецъ Ла-Шене повторилъ ихъ за нимъ. Потомъ его приобщили. Лицо его преобразилось, оно сіяло радостью.

По знаку настоятеля колѣнопреклоненные монахи встали, чтобы удалиться.

Онъ еще не умеръ, но агонія начиналась. Тогда четыре монаха и въ числѣ ихъ отецъ Ореганъ подняли старика и торжественно перенесли въ церковь, гдѣ положили на ложе, приготовленное для него заранѣе. Вскорѣ онъ умеръ. Ореганъ провелъ конецъ этого дня и всю ночь у тѣла друга. Онъ страдалъ гораздо меньше, когда умерла его мать. Въ лицѣ отца Ла-Шене, онъ терялъ и дорогого человѣка, и твердую опору. Онъ былъ въ отчаяніи. Монастырь казался ему пустымъ, уставъ тяжелымъ и строгимъ, будущности—пустыней безъ оазиса. Онъ испытывалъ тѣ же муки, тѣ же сомнѣнія, какъ и по возвращеніи изъ Парыжа. Онъ удалился къ себѣ въ келью больной тѣломъ и душой, легъ и заснулъ лихорадочнымъ сномъ.

На другой день онъ присутствовалъ на похоронахъ отца Ла-Шене и читалъ заушійныя молитвы одними губами. Въ концѣ обряда ему подали депешу. Онъ раскѣйно распечаталъ ее. Это было извѣщеніе о смерти отца. Его приглашали выѣхать немедленно, если онъ желаетъ проводить тѣло на кладбище. Онъ тотчасъ испросилъ и получилъ разрѣшеніе выѣхать. Въ томъ настроеніи, въ какомъ онъ находился, худшаго съ нимъ ничего не могло случиться.—Уже мѣсяцъ жилъ Жакъ въ опустѣломъ родительскомъ домѣ, не видя никого, кромѣ своихъ слугъ. Необходимость привести въ порядокъ дѣла удерживала его вдали отъ монастыря. Его сыновняя скорбь была непродолжительна и неглубока. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ онъ только три раза видѣлся съ отцомъ. Суровый крестьянинъ умеръ, не простивъ Жаку его вступленія въ монастырь; между ними уже давно исчезла всякая внутренняя связь.

Теперь, получивъ богатое наслѣдство, монахъ задавался вопросомъ: что онъ будетъ съ нимъ дѣлать?—онъ, давшій обѣтъ нищеты? Прежде одной его заботой было бы: какъ бы передать все, что онъ имѣетъ, своему ордену. Теперь другія мысли ронились въ головѣ его. Онъ жаждалъ независимости, свободы; каждая эта пробудилась въ немъ въ тотъ моментъ, когда онъ почувствовалъ на своихъ рукахъ дыханіе графини Валлорисъ. Въ лицѣ этой женщины какъ бы воплотились всѣ наслажденія, которыхъ онъ добровольно лишилъ себя въ молодости. Съ этой минуты онъ въ сущности выздоравливалъ, хотя при жизни отца Ла-Шене обманывалъ себя. Теперь онъ богатъ, ему принадлежатъ недвижимыя на днѣ стараго бюро цѣнности, деньги, брилліанты. Ему принадлежатъ эти земли, поля, луга, рѣка со множествомъ рыбы;

густолиственные лѣса—также его собственность. Сама скромная ферма преобразилась; теперь она скорѣй напоминаетъ маленький замокъ: комнаты переполнены дорогой, старинной мебелью, которую отецъ его, въ теченіе тридцати лѣтъ, скупалъ всюду, гдѣ только было можно. Снопидомство было страстью старика, онъ по грошамъ скопилъ себѣ состояніе; скупая клочки земли, пріобрѣлъ обширныя владѣнія. На конюшнѣ стояло двадцать лошадей, въ сараяхъ множество экипажей. Все это неоспорно принадлежало ему. Подобно тому, какъ сходя съ извозки въ Тюльери, онъ впервые мечталъ о славѣ, такъ теперь мечталъ о наслажденіяхъ. Монастырь казался ему тюрьмой; обѣтъ—клятвой безумца. Но эти чувства еще срывались въ глубинѣ души его, съ виду, все было по-прежнему. Онъ носилъ монашеское платье, каждый день служилъ обѣдню въ деревенской церкви, у себя въ домѣ строго соблюдалъ уставъ своего ордена. Слуги не замѣчали ничего, они его прежде не знали. Пока онъ одинъ только зналъ, въ какое жалкое нравственное состояніе онъ впадалъ.

## V.

Такъ проходили дни въ мучительной, ежеминутной борьбѣ. Воображеніе неотступно рисовало ему улакательныя картины, онъ видѣлъ себя въ Тюльери—и не на извозкѣ, а въ рядахъ великихъ міра сего, въ однихъ съ ними условіяхъ. Въ грезѣ этихъ постоянно носился передъ нимъ чарующій образъ графини Сусанны Валлорисъ; днемъ и ночью онъ преслѣдовалъ его, драгилъ и манилъ. По ночамъ видѣніе садилось у его изголовья и смѣялось надъ нимъ.

— Возвращайся къ себѣ въ келью, монахъ,—говорило оно:—откажись отъ свѣта, отъ блестящей будущности, которая открылась бы передъ тобой, еслибъ только ты захотѣлъ толкнуть полу-открытую дверь; не раскрывай своего сердца низкимъ теловѣческимъ чувствамъ, побѣждай бичеваніемъ и востомъ свою бунтующую плоть. Ты состаришься, не узнавъ счастья, вызвавъ улыбку на розовыхъ губахъ; смерть сравнитъ тебя, не успѣшаго ни любви, ни славы; въ послѣднюю минуту ты познатѣшься объ этихъ благахъ, отъ которыхъ добровольно отказался, захочешь схватить ихъ, но будетъ поздно, рука не поднимется.

Онъ почти не боролся и уже былъ побѣжденъ въ то время, какъ увѣрялъ себя, что соберется съ силами и отразитъ опасность. Трудно выйти изъ подобнаго положенія: назадъ вернутся

невозможно, сдѣлать рѣшительный шагъ—тяжко. Необходимъ былъ толчокъ извнѣ; онъ явился ранѣе, чѣмъ онъ бы этого желалъ. Прошло больше двухъ мѣсяцевъ со дня его отъѣзда изъ монастыря, отпускъ ему былъ данъ настолько времени, насколько это окажется необходимымъ. Начальство знало, что получение большого наслѣдства требуетъ соблюденія различныхъ формальностей и не стѣсняло его. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ времени прошло много, а онъ не только не возвращался, но и не писалъ, настоятель рѣшился письменно напомнить ему, въ очень мягкомъ тонѣ, что продолжительное пребываніе внѣ стѣнъ монастырскихъ вредно для монаха; приказывалъ отпу Орегану поспѣшить окончаніемъ своихъ дѣлъ, а еслибъ встрѣтились какія затрудненія, хотъ прійхать погостить къ нимъ. Письмо это было искрой, попавшей въ бочку пороку. Оно напомнило ему, что онъ болѣе себѣ не принадлежитъ; оно заставляло его или исполнить приказаніе или отказаться отъ повинovenія. Онъ отказался.

Это была знаменательная ночь; онъ заперся у себя въ комнатѣ, все въ домѣ спало. Въ его потрясенной душѣ всплывали однѣ безплодныя мысли. Онъ ходилъ большими шагами по обширной комнатѣ, гдѣ жилъ молодымъ человѣкомъ. Статуэтки святыхъ, распятіе напоминали ему мистическія стремленія его юности. Письмо настоятеля лежало на столѣ. Онъ останавливался только затѣмъ, чтобъ перечестъ его, и перечтя, съ досадой бросалъ на прежнее мѣсто. Наконецъ онъ рѣшился и сѣлъ къ столу. Долго сидѣлъ онъ неподвижно, съ перомъ въ рукѣ, передъ бѣлымъ листомъ бумаги, потомъ лихорадочно набросалъ нѣсколько строкъ. Къ чему фразы? изъ-за чего утаивать истину? Наскучивъ своимъ итогъ, онъ сбрасывалъ его. Тщетно прибавлялъ онъ, что прежде, чѣмъ явно порвать съ доминиканскимъ ордемомъ, онъ проживетъ годъ въ полномъ уединеніи, чтобъ имѣть возможность безпристрастно обсудить свою рѣшимость,—истерзаніе совѣсть покончить сквозило между строкъ. Онъ вложилъ письмо въ конвертъ, запечаталъ и поднялся съ мѣста съ заскрипнѣвшими глазами.

Во дворъ воективлаго отеля въ Avenue d'Antin въѣхали сани, запряженные великолѣпной, вороной лошадыю. На парижскихъ улицахъ уже пять недѣль какъ лежалъ снѣгъ. Сани подъѣхали къ крыльцу; высокій мужчина, закутанный въ мѣха, вышелъ изъ нихъ. Это былъ Жакъ Ореганъ. Онъ медленно поднимался по лѣстницѣ, направляясь къ стекляннымъ дверямъ, которыя поспѣшно

отворилъ ему слуга. На верхней ступенькѣ онъ остановился и обернулся назадъ, заботливо слѣдя глазами за лошадейю.

— Славная лошадь, — сказала онъ вполголоса, тономъ знатока.

По тому, какъ онъ стоялъ на крыльцѣ, ожидая удивленнымъ и надменнымъ взглядомъ все окружающее, можно было видѣть, что онъ у себя дома, что лошадь и отель ему принадлежать.

Никто не узнавалъ бы суроваго монаха въ этомъ джентльменѣ, одѣтомъ по послѣдней модѣ. Преждевременная полнота сдѣлала его походку тяжелой, на лицѣ видѣлись слѣды жизни въ довольствѣ, утомленія отъ бессонныхъ ночей, посвящаемыхъ удовольствіямъ, тогда какъ нѣкогда онъ посвящалъ ихъ размышленію и молитвѣ. Черты утратили свою аскетическую тонкость. Нижняя часть лица казалась шире отъ башенбардъ. Тонсура выросла коротко подстриженными волосами, густые усы закрывали ротъ. Всей фигурѣ недоставало изящества, на пальцахъ было слишкомъ много колець. Монахъ былъ великолѣпенъ, блан риса облагороживала его; теперь Жакъ былъ только вульгаренъ.

Когда экипажъ скрылся изъ виду, онъ вошелъ въ отель. Лакей, отворившій ему дверь, снялъ съ него шубу и почтительно ожидалъ приказаній.

— Я не обѣдаю дома, — сказалъ Жакъ, — одѣваться въ семь часовъ, выѣду въ половинѣ восьмого, запречь карету.

— Васъ наверху ожидаютъ, — нервнительно проговорилъ слуга.

— Кто?

— Какой-то монахъ, я никогда его не видалъ, онъ не хотѣлъ назваться.

Ореганъ позеленѣлъ. Глаза его гнѣвно засверкали.

— Монахъ! — воскликнулъ онъ. — Кто его принялъ? кто ему сказалъ, что я вернусь? Кто позволилъ ему дожидаться? Я не хочу его видѣть; скажите ему, что я сегодня не возвращусь. Когда онъ уйдетъ, придите мнѣ сказать.

— Я не хотѣлъ его пускать, — оправдывался слуга: — я нѣсколько разъ повторялъ ему, что васъ нѣтъ дома, что вы изволите возвратиться поздно вечеромъ. Онъ отвѣчалъ, что подождать, что если мы его не выпустимъ, онъ будетъ ждать во дворѣ, — на улицѣ, если его сгонять со двора; тогда я попросилъ его войти въ маленькую гостиную.

— Такъ они, значить, не оставятъ меня въ покое, — сказалъ зубъ пробормоталъ Ореганъ. — Чужезъ, койду, у насъ будетъ рѣшительное объясненіе, одинъ копецъ.

У дверей гостиниой онъ остановился, простоялъ нѣсколько минутъ неподвижно, и тогда почувствовалъ, что' успокоился, тихо вошелъ. Среди роскошно убранной комнаты, вдоль стѣны которой, увѣшанныхъ картинами извѣстныхъ мастеровъ, красовались дорогая, старинная мебель, статуи, этажерки, наполненные художественными бездѣлушками, сидѣлъ на стулѣ настоятель нѣкогда родного Жаку монастыря, съ обнаженной головой; одну руку онъ держалъ подъ расой, другая лежала на столѣ. Поза его была позою человека, который вооружился терпѣніемъ, рѣшившись исполнить свой долгъ.

— Это вы, отецъ мой!—сказалъ Жакъ.—Знаете ли, что вы сильно рисковали прождать меня напрасно, я долженъ былъ вернуться вечеромъ; случай раньше привелъ меня домой.

— Не случай, — серьезно отвѣтилъ монахъ, вставая, — а Богъ. Хотя бы мнѣ пришлось всю ночь просидѣть здѣсь, я бы не ушелъ, не повидавшись съ вами.

— Въ такомъ случаѣ я радъ, что вернулся. Значить, вы хотите сообщить мнѣ что-нибудь спѣшное?

— Судите сами. Я пришелъ говорить съ вами о вашихъ обязанностяхъ, которыми вы такъ страшно пренебрегли.

— Безъ громкихъ словъ, отецъ мой!—воскликнулъ Ореганъ.—Обязанности, о которыхъ вы говорите, я ихъ не знаю, скажу больше—не хочу знать. Принимая ихъ на себя, я совсѣмъ не зналъ жизни; но она отерлась передо мной; я понялъ, что ошибся, что не могу болѣе быть монахомъ, одушевленнымъ истиннымъ духомъ Христовымъ. Тогда я честно порвалъ съ вами. Чтоже, развѣ лучше было бы притворяться благочестивымъ, и говорить о себѣ, имѣя въ сердцѣ адъ?

— Слѣдовало подождать, положиться на Бога, молить его помочь вамъ въ борьбѣ съ искушителемъ. Неужели вы думаете, что другіе не знали этихъ испытаній? но они не хотѣли пасть, они боролись и побѣдили.

— Или, вѣрнѣе, были побѣждены вашими убѣжденіями, привычкой, трудностью разбить свои цѣпи. Я былъ энергичнѣе, рѣшительнѣе ихъ, и не сожалѣю объ этомъ.

— Подумали ли вы о скорби, которую причиняете матери нашей, церкви, о радости, которой наполняете сердца ея враговъ? Подумали ли вы о страшной отвѣтственности, которая тяготеетъ надъ вами, объ отчетѣ, какой вамъ придется дать, когда Богъ приззоветъ васъ предъ свое судилище? Подумали ли вы о смерти, которая можетъ придти прежде, чѣмъ раскаяніе проникнетъ въ вашу душу? Она придетъ и лишитъ васъ этихъ благъ,

обладаніе которыми васъ обяыняетъ и заставило васъ забыть священныя обязанности. Вы ихъ не знаете, говорите вы, но вы ихъ знали, когда отецъ Ла-Шене бесѣдовалъ съ вами о нихъ. Будь онъ на моемъ мѣстѣ, осмѣлились ли бы вы отвѣтить ему такъ, какъ отвѣтили мнѣ?

— Бѣдный отецъ Ла-Шене! — просто сказалъ Ореганъ: — его смерть меня сгубила.

Искренность, звучавшая въ этомъ восклицаніи, обманула настоятеля.

— Вы еще можете стать достойнымъ его.

— Вы напрасно наставляете, отецъ мой, усилія ваши тщетны. Вы пришли слишкомъ поздно или слишкомъ рано. Правъ я или нѣтъ, дѣло сдѣлано. Всякія уступки съ моей стороны не измѣнили бы соблазна, если онъ былъ. Повѣрьте, мы уже не говоримъ однимъ языкомъ. Что вы мнѣ предлагаете? Однообразную монастырскую жизнь, добровольное отреченіе отъ своей воли, и думаете, что я этому привесу въ жертву блага, которыми наслаждаюсь? Какъ же вы хотите, чтобы я васъ понималъ? Я совершенно счастливъ, все мнѣ улыбается, — зачѣмъ мнѣ возвращаться въ монастырь, что я сталъ бы тамъ дѣлать? Подумайте, вчера вечеромъ я былъ въ оперѣ, за кулисами, сейчасъ вернулся изъ Булонскаго лѣса, сегодня обѣдаю у кокоши. Могу ли я вернуться къ вамъ съ другого берега? Простите; я вижу, что огорчаю васъ, но вы говорили со мной какъ монахъ, а я отвѣчаю вамъ какъ свѣтскій человѣкъ.

Настоятель слушалъ его, не прерывая.

— Теперь, когда я знаю въ какой средѣ вы живете, я приношу, что посѣщеніе мое преждевременно, — сказалъ онъ. — Желаю, чтобы вамъ не пришлось искупать ужасныхъ словъ, которыя вы произнесли теперь чуть не съ улыбкой, точно дѣло идетъ не о спасеніи вашей души, точно вы неповинны въ преступномъ предательствѣ.

— Отецъ мой! — воскликнулъ Жакъ, оскорбленный этими словами.

— Вы выслушаете меня до конца. Вы утверждаете, что говорите со мной языкомъ свѣтскаго человѣка, я готовъ признать за вами право на эту избитую кличку, и съ увѣренностью говорю вамъ: свѣтъ будетъ васъ презирать, если уже не презираетъ. Свѣтъ всегда ставилъ на одну доску солдата, который не отставляетъ своего знамени, и священника, который нарушаетъ свои обѣты. Не знаю, есть ли у васъ друзья, и не хочу знать, но утверждаю, что если и есть, это люди безъ вѣрованій, безъ убѣ

деній. Честные люди не уважають васъ. Ваше прошлое запрещаетъ вамъ удовольствія, на которыя вы бросились съ такою жадностью. Свѣтъ можетъ простить паденіе не менѣе глубокое, чѣмъ ваше, но онъ никогда не проститъ забвенія долга, отягченнаго отреченіемъ отъ всякаго достоинства. Эта-то кара васъ ожидаетъ.

Во время этой рѣчи, каждое слово которой было для него ударомъ бича по лицу, Жакъ дѣлалъ надъ собою страшныя усилія, чтобы не обнаружить бѣшенства, влоктавшаго въ души его.

— Перестанете ли вы оскорблять меня? — спросилъ онъ, когда настоятель замолчалъ.

— Я кончилъ.

— Если миссія ваша исполнена, уходите и не возвращайтесь. Не подвергайте болѣе моего терпѣнія такому тяжкому испытанію. Если я — зачумленный, оставьте меня съ моей чумой, не пытайтесь меня исцѣлить, это вамъ не удастся.

Настоятель медленно подходилъ къ двери, отворилъ ее и, стоя на порогѣ, обернулся къ нему со словами:

— Богу удастся то, что не удастся человеку; можетъ быть, для васъ было бы лучше добровольно вернуться къ нему. Когда пробьетъ часъ, назначенный имъ, средства, къ которымъ онъ прибѣгнетъ, чтобы сломить вашу гордость и вашу волю, пожалуй, будутъ ужаснѣе. А до тѣхъ поръ, постарайтесь быть счастливымъ.

Мовахъ медленно удалился. Жакъ слѣдилъ за нимъ изъ окна, видѣлъ, какъ онъ перешелъ дворъ, какъ ворота затворились за нимъ.

— Кончено, наконецъ-то! — воскликнулъ онъ и сильно позвонилъ. — Никогда не принимать этого человека, — приказалъ онъ слугѣ, — ни его и никого, кто носитъ одинаковое съ нимъ платье. Помните мое приказаніе; если вы забудете его, я васъ прогоню.

Нѣсколько часовъ спустя онъ садился въ карету. Въ этотъ вечеръ онъ обѣдалъ у Орелі Шеренъ.

## VI.

Теперь намъ необходимо бросить взглядъ назадъ и посмотреть, какъ жилось Орегану съ той минуты, какъ онъ порвалъ свои цѣпи. Приѣхавъ въ Парижъ на нѣсколько дней, онъ остановился въ мало-извѣстной гостинницѣ, снялъ монашеское платье и



отправился въ дальнее путешествіе; онъ зналъ, что общественное мнѣніе возстанетъ противъ него, и хотѣлъ дать ему время успокоиться. Нѣсколько мѣсцевъ провелъ онъ въ Швейцаріи, Германіи, Россіи. Изъ Петербурга, гдѣ онъ прожилъ долго, онъ, путемъ газетъ, возвѣстивъ міру о своемъ разрывѣ съ церковью. Событіе это вызвало во французской печати сильную полемику: одни утверждали, что поступокъ Жака былъ вызванъ униженіями, которымъ подвергало его церковное начальство; другіе серьезно сообщали, что онъ мечталъ о широкихъ реформахъ въ мірѣ монашества и что клерикальная партія встрѣтила его попытки чудовищными угрозами и нелѣпой клеветой. Это былъ прекрасный случай возстать противъ монашества, безбрачія духовенства и пр., упустить его было невозможно.

А онъ, между тѣмъ, молчалъ, зная, что шумъ стихнетъ. Такъ и случилось. Общественное мнѣніе перестало заниматься разстригой, доминиканцы отказались отъ него. Тогда онъ рѣшился вернуться во Францію. Онъ поручилъ своему управляющему приобрести изящный отель въ самомъ богатомъ кварталѣ Парижа. Здѣсь Жакъ разбилъ свою палатку. Въ одно прекрасное утро его увидали въ Булонскомъ лѣсу, верхомъ. Онъ стоялъ на берегу озера, любясь пробѣжавшими экипажами. Этотъ смѣлымъ шагомъ онъ думалъ бросить перчатку свѣту. Общественное мнѣніе отнеслось къ нему враждебно. Онъ этого ожидалъ и заранѣе закалилъ себя противъ насмѣшекъ и злобныхъ осужденій; онъ встрѣтилъ ихъ съ циническимъ равнодушіемъ. Его осуждали за то, что онъ катается по Булонскому лѣсу толико спортсменъ; онъ сталъ бывать тамъ каждый день, щеголяя лошадьми и экипажами. Онъ появлялся въ оперѣ, въ церквѣ, въ маленькихъ театрахъ; однажды вечеромъ даже появился въ Мабилѣ. Онъ покупалъ картины для своего отеля, тратилъ большія деньги на его убранство, знакомился съ репортерами, которымъ рассказывалъ свою исторію, резюмируя ее такъ: «Я ошибся, избравъ монашескую жизнь, и оставилъ ее». Шумъ, вызванный этимъ скандаломъ, продолжался двѣ недѣли, а черезъ три мѣсяца никто уже не заботился о Жакѣ. Къ нему привыкли. Тѣмъ не менѣе онъ не былъ счастливъ. Совершенно другою представлялъ онъ себѣ жизнь въ свѣтѣ, мечтая о ней въ тиши монастыря и позже въ опустѣломъ родительскомъ домѣ. Тогда ему казалось, что и ему откроется путь къ славѣ, что онъ займетъ на трибунѣ то же мѣсто, которое занималъ на церковной кафедрѣ, опровергнуть имя свое ореоломъ. Ничего изъ этого не сбылось. Едва онъ почувствовалъ себя свободнымъ, какъ и

всёцѣло овладѣла грубая жажда чувственныхъ удовольствій. Онъ былъ такъ нивенъ, что теперь уже не могъ подняться до точки, на которой хотѣлъ бы удержаться. Въ холодности мужинъ, въ улыбахъ падшихъ женщинъ, въ несчетныхъ мелочахъ онъ угадывалъ общее презрѣніе; при случаѣ оно выражалось еще яснѣе. Онъ хотѣлъ сдѣлаться членомъ одного изъ извѣстныхъ клубовъ, его не приняли; знаменитый писатель пригласилъ его къ себѣ вечеромъ, потомъ до него дошли слухи, что многіе не пріѣхали, узнавъ, что онъ тамъ будетъ.

Не смотря на богатство, на смѣлость, ему не удалось завоевать людское уваженіе; разговоръ съ настоятелемъ разбередилъ эту всегда свѣжую душевную рану. Тяжелое впечатлѣніе еще не изгладилось, когда карета его остановилась у дверей Орелі Шеренъ.

Бывшая любовница графа Валлориса вошла въ моду благодаря своему процессу; теперь въ ея жизни было что-то таинственное; никто изъ кутилъ, составлявшихъ ея обычное общество, не сумѣлъ бы назвать того, кто расплачивался за ея роскошную обстановку; называли многихъ, англійскаго министра, папу, имперскаго банкира, даже короля, но никто навѣрное не могъ опредѣлить, изъ чьихъ рукъ падалъ золотой дождь на эту современную Даная.

Одно можно было сказать положительно: главной цѣлью ея жизни, ея заветнѣйшей мечтой стало — розыскать убійцу графа Валлориса. Она считала, что приговоръ присяжныхъ былъ произнесенъ скорѣй подъ вліяніемъ состраданія, чѣмъ убѣжденія, и стремилась доказать свою невинность. Носились слухи, что она содержитъ на свой счетъ полицейскихъ агентовъ, которые помогаютъ ей въ ея поискахъ.

Жакъ Ореганъ встрѣтился съ ней въ Булонскомъ лѣсу, черезъ двѣ недѣли послѣ своего переселенія въ Парижъ. Онъ дружески поклонился ей, но она его не узнала. Увидавъ его на другой день, на томъ же мѣстѣ, она приказала кучеру остановиться.

— Кто вы такой? — спросила она. Онъ себя назвалъ. Холодное выраженіе ея лица замѣнилось улыбкой.

— Такъ это вы! — горячо воскликнула она, — какъ я рада! Я узнала только изъ газетъ о перемѣнѣ, которая произошла въ вашей судьбѣ, и съ тѣхъ поръ васъ искала. Я могла бы написать вамъ, но мнѣ хотѣлось убѣдиться, насколько вы забыли женщину, которая вамъ обязана своимъ спокойствіемъ.

— Положеніе мое трудное, — отвѣтилъ онъ, — я никому не

хочу навязываться. Я знаю людей, которые не вѣрятъ ни въ Бога, ни въ чорта, а тоже находятъ меня преступнымъ.

— Я не изъ числа ихъ. Я не ханжа. Вы имѣли полное право снять съ себя расу, если она васъ стѣсняла. Когда-жъ вы навѣстите меня?

— Вскорѣ.

— Это слишкомъ неопредѣленно.

— Когда хотите.

— Въ такомъ случаѣ я вернусь домой къ пяти часамъ и буду ждать васъ.

Онъ поѣхалъ; они должны были понять и поняли другъ друга. Орелі была умна, образована, всѣ свои чары испробовала она надъ человѣкомъ, котораго считала слабымъ и безоружнымъ передъ женщиной. Онъ ушелъ отъ нея опьяненный. Это была не любовь, но сильное желаніе. А она, оставшись одна, прошептала, съ торжествующей улыбкой:

— Наконецъ-то я узнаю имя убійцы!

Съ этой минуты сближеніе пошло быстро. Орелі Шеренъ изучала характеръ, складъ ума Орегана, давала ему совѣты, дѣла видъ, что признаетъ въ немъ руководителя. Чтобы обезпечить себѣ право на его откровенность, она сама отъ него ничего не скрывала, и даже открыла ему имя своего таинственнаго друга, прибавивъ:

— Онъ меня очень любитъ, мои малѣйшія желанія для него законъ, но потребуйте отъ меня завтра, чтобы я пожертвовала имъ для васъ, это будетъ исполнено.

Она не давала ему чувствовать тяжести его цѣпей, не оспаривала его у другихъ, вполне убѣжденная, что онъ всегда вернется къ ней.

Жакъ засталъ у нея нѣсколько человѣкъ избранныхъ гостей—генерала, очень известнаго въ томъ кругу, который въ Парижѣ называется: «Le monde ou l'on s'amuse», члена ученаго общества, знаменитаго журналиста, гордаго аристократа. Потому ли, что герой нашъ желалъ забыть свой разговоръ съ настоятелемъ и все, смущавшее его совѣсть, или потому, что понималъ, чего ждутъ отъ него гости Орелі, только онъ выказалъ во всемъ блескѣ свое краснорѣчіе, свою эрудицію. Съ генераломъ онъ толковалъ о лошадяхъ, съ ученымъ о языковедѣніи, съ журналистомъ о полетѣхъ, съ аристократомъ о дворянскихъ грамотахъ, и очаровалъ ихъ всѣхъ. Но когда разговоръ перешелъ на другую почву и зашла рѣчь о женщинахъ, онъ вос-

мutilь ихъ своимъ цинизмомъ. Журналистъ уѣхалъ послѣдній, г-жа Шеренъ провожала его за дверь гостиной.

— Ну, знаете ли, — сказалъ онъ ей, — не приглашайте насъ, когда у васъ будетъ вашъ монахъ. Намъ гадко было его слушать. Меня никто не заподозритъ въ суевѣріи, но вѣроотступничество монаха — положительно скверная вещь, особенно, когда при этомъ забывается всякое достоинство.

Слегка озадаченная Орелі вернулась къ Орегану, сѣла противъ него у камина и молчала.

— О чемъ вы думаете? — спросилъ онъ.

— О сомнѣніи, которое возникло въ душѣ моей на вашъ счетъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Всякій разъ, какъ со мной говорятъ о васъ, я задаю себѣ вопросъ: удастся ли вамъ заставить свѣтъ простить вамъ ваше поведеніе?

— Что навело васъ на эту мысль?

— Дурное впечатлѣніе, какое вынесли мои друзья.

— Чтѣ они вамъ сказали, — надѣюсь, ничего оскорбительнаго?

— Ничего, только дали мнѣ понять, что непринужденность вашихъ выраженій и манеръ имъ не понравилась. Они сравниваютъ то, чтѣ вы есть, съ тѣмъ, чтѣмъ вы были.

— Вѣчно одно и то же, — нетерпѣливо перебилъ онъ. — Положимъ, я былъ монахомъ, но теперь я пересталъ имъ быть.

— Увѣрены ли вы въ этомъ? а если «да», отчего бы вамъ не доказать этого на дѣлѣ.

— Чѣмъ могу я доказать...

— Мало ли чѣмъ... Отчего бы вамъ, напримѣръ, не открыть имени убійцы графа Валлориса? Передъ судомъ вы прикрылись тайной исповѣди, а если вы сегодня раскроете эту тайну, всѣ убѣдились бы, что вы дѣйствительно вышли изъ лона церкви, безъ мысли о возвратѣ.

— Я долженъ скрывать это имя, — отвѣтилъ онъ.

— Даже еслибъ я васъ умоляла сообщить мнѣ его? вы бы мнѣ его не сказали?

— Никогда, — воскликнулъ онъ съ удивленіемъ и ужасомъ, замѣчая западню, въ которую Орелі старалась вовлечь его. — Никогда; дѣло идетъ о моей чести, не о чести священника, но о чести человека. Я былъ бы пегодай, еслибъ выдалъ тайну, которую мнѣ довѣрили только потому, что довѣравшій ее видѣлъ во мнѣ представителя Бога на землѣ.

Жакъ возвратился къ себѣ разбитый физически и нравственно.

До сихъ поръ онъ вѣрилъ въ привязанность Орелі, теперь въ головѣ его блеснула мысль, что она все время стремилась къ опредѣленной цѣли. Онъ твердо рѣшился или порвать съ нею всякія отношенія или, еслибъ это оказалось выше силъ его, постоянно быть на-сторожѣ.

## VII.

Жакъ сталъ отдаляться отъ Орелі и жизнь его стала еще печальнѣе прежняго. Онъ боролся съ одиночествомъ, съ невозможностью найти себѣ мѣсто въ великомъ потокѣ, который уноситъ людей къ цѣли ихъ честолюбивыхъ стремленій. Настала весна; со времени катастрофы прошелъ уже годъ, а онъ не подвинулся ни на шагъ. Онъ по прежнему былъ паріей въ этомъ обществѣ, презрѣніе котораго тяготѣло надъ нимъ. Онъ искалъ забвенія въ мимолетныхъ развлеченіяхъ, въ наукѣ, литературѣ, искусствѣ, удовольствіяхъ. Забвеніе не приходило. Такъ прошли первые, лѣтніе мѣсяцы. Въ концѣ іюля Жакъ покинулъ Парижъ и переселился въ Трувилль, въ сосѣдство Орелі, которая наняла дачу на дорогѣ въ Гонфлёръ. Потянулась обычная, однообразная жизнь парижанина, переселеннаго на нѣсколько недѣль на морской берегъ. Утромъ прогулка по морскому берегу, среди дня экскурсія по окрестностямъ, вечеромъ казино или театръ, концерты, игра. Черезъ недѣлю имъ снова овладѣла мучительная тоска, которая теперь всюду слѣдовала за нимъ по пятамъ. Орелі онъ видалъ рѣдко, ей было не до него, ее окружала блестящая свита обожателей, каждый день затѣвавшая шумныя поѣздки. Жакъ въ нихъ не участвовалъ, боясь стѣснить своимъ присутствіемъ веселую компанію. Единственнымъ его развлеченіемъ были прогулки верхомъ, для которыхъ онъ всегда выбиралъ глухія, тѣнистыя дорожки; ему только тогда и жило хорошо, когда онъ, несясь на конѣ, чувствовалъ на лицѣ свѣжій морской воздухъ, ускорявшій его кровообращеніе. Тутъ, по крайней мѣрѣ, ему нечего было бояться людской злобы. Онъ обыкновенно сходилъ съ лошади у какой-нибудь гостиницы, завтракалъ и садился на берегу моря, гдѣ иногда оставался очень долго. Однажды онъ попалъ въ Гульгэтъ, и сидя любовался морскимъ приливомъ. Солнце высоко стояло на небѣ, озаряя золотистымъ свѣтомъ землю и воды. Громадное водное пространство тянулось справа до самыхъ предѣловъ горизонта. Слѣва красовались бѣленькіе домики Кабура, казавшіеся, благодаря разстоя-

нiю, игрушечными. Ореганъ сидѣлъ неподвижно, подавленный величiемъ картины. Вдругъ послышался шумъ шаговъ и шелестъ платья. Онъ поднялъ глаза и увидалъ женщину, которая сразу поразила его изяществомъ своего туалета и походомъ, даже прежде, чѣмъ онъ успѣлъ различить ея черты, полузакрытыя бѣлымъ, газовымъ вуалетъ. Онъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на нее, но когда она подошла совсѣмъ близко, онъ отпепенѣлъ отъ удивленiя. Въ этой одиноко прогуливавшейся женщинѣ онъ узналъ графиню Валлорисъ. Онъ такъ быстро поднялся на ноги, что она испугалась и подалась назадъ.

Жакъ снялъ шляпу.

— Неужели я такъ измѣнился, что пугаю васъ?—спросилъ онъ сдвленнымъ отъ волненiя голосомъ.

Она остановилась и съ минуту смотрѣла на него. Вдругъ все лицо ея передернуло, она пошатнулась, вся блѣдная.

— Извините,—выговорила она, наконецъ,—не васъ я думала найти здѣсь. Скажите, вы съ намѣренiемъ стали у меня на дорогѣ?

— Я попалъ сюда случайно; я не зналъ, что вы въ Гультѣ, но я очень радъ васъ видѣть.

— Я здѣсь провожу лѣто, а вы откуда?

— Живу въ Трувиллѣ съ начала сезона.

Онъ пожималъ ее глазами, находилъ, что она похорошѣла. Она сняла трауръ. Свѣтлое платье удивительно шло къ ея сияющей молодости и гордой красотѣ. Выраженiе лица преобразилось.

— Вы покинули дворъ?—спросилъ онъ, не столько изъ любопытства, сколько изъ желанiя прервать неловкое молчанiе.

— Послѣ извѣстнаго вамъ процесса жизнь въ Парижѣ стала для меня ненавистна, я просила е. в. уволить меня отъ моей должности и поселилась у себя въ деревнѣ, близъ Рамбуля.

— Такъ вотъ почему я тщетно искалъ васъ въ Парижѣ.

— Въ Парижѣ! Да, правда, вы теперь тамъ живете. Вы меня искали? зачѣмъ? что имѣли вы сообщить мнѣ?

Въ словахъ ея звучала тревога.

— Ничего, хотѣлъ васъ видѣть, и только. Я часто о васъ думаю; вы внушили мнѣ горячую и глубокую симпатiю.

Графиня въ душѣ возмущалась его дерзостью, но помня, что тайна ея жизни въ его рукахъ, отвѣтила только:

— Я благодарна вамъ за эту симпатiю.

— Такъ вы не считаете меня отверженнымъ, зачумленнымъ?—воскликнулъ онъ.

— Мнѣ жалъ васъ, но я не въ правѣ васъ судить.

— Это значить, что вы не одобряете моего образа дѣйствій, — съ горечью возразилъ онъ, — еслибы я не встрѣтилъ васъ въ Тюльери, я не оставилъ бы однажды избранной дороги. Вы, сами того не подозрѣвая, открыли мнѣ всю силу чувствъ, которыхъ я тогда не зналъ. Чтобъ извѣдать ихъ, я порвалъ свои цѣпи.

Она съ изумленіемъ смотрѣла на него. Онъ продолжалъ:

— Повѣрьте, я ни въ чемъ не упрекаю васъ. Я только хотѣлъ дать вамъ понять, что вамъ слѣдовало бы быть ко мнѣ снисходительной и позволить мнѣ иногда бывать у васъ.

— Думаю, что съ вашей стороны было бы благоразуміе не бывать у меня, — сказала она, — такъ какъ ваше присутствіе въ моемъ домѣ подало бы поводъ къ толкамъ, которыхъ я желала бы избѣжать. — Ей показалось, что въ глазахъ его мелькнуло гнѣвное выраженіе и она поспѣшно прибавила: — Но если вы на это смотрите иначе, дверь моя для васъ всегда открыта.

Это было сказано кроткимъ и смиреннымъ тономъ.

Разговоръ ихъ былъ прерванъ появленіемъ молодого человѣка, который подошелъ къ Сусаннѣ со словами:

— Вы ждали меня, графиня; простите, меня задержали въ казино.

— Маркизь дю-Сомре, — сказала она Жаку, и, обратясь къ вновь прибывшему, прибавила: — г. Ореганъ.

Представленіе это сдѣлано было быстро, вполголоса, точно Сусанна исполняла тяжелую обязанность. Маркизь холодно поклонился, и предложивъ руку графинѣ, увелъ ее, не сказавъ ни слова.

— Такъ вы знакомы съ этой жалкой личностью? — спросилъ онъ, когда они отошли довольно далеко.

— Я знала его, когда онъ говорилъ проповѣди въ Тюльери, — отвѣтила Сусанна, — но была совершенно поражена, когда онъ осмѣлился заговорить со мной, такъ поражена, что окончательно растерялась.

— Я это замѣтилъ, когда вы насъ познакомили, чего вы могли бы и не дѣлать, между нами будь сказано; вы были блѣдны...

— Къ счастью, знакомство это васъ ни къ чему не обязываетъ.

— Конечно. Мнѣ нѣтъ надобности вступать въ сношенія съ человѣкомъ, котораго всѣ презираютъ. Во имя моей давней и глубокой привязанности умоляю васъ не видаться съ нимъ.

— Я ничего не имѣю противъ этого, а все-таки его жалъ.

— Мнѣ онъ не внушаетъ никакого состраданія; но если честные люди отъ него отворачиваются, кто же виноватъ?

— Довольно, несчастный этотъ все стоитъ на прежнемъ мѣстѣ и, кажется, догадывается, что мы говоримъ о немъ. Встрѣча эта потрясла меня, проводите меня домой.

— Какъ же мнѣ не ненавидѣть этого господина, — воскликнулъ разочарованный маркизъ: — изъ-за него у меня испорченъ цѣлый день.

— Я васъ вознагражу, — отвѣтила Сусанна съ грустной улыбкой.

Ей хотѣлось поскорѣй увести его; она боялась, что Жакъ не проститъ ему его дерзости. Опасенія ея были преувеличены. Хотя Ореганъ и догадывался, что этотъ блестящій, молодой маркизъ — поклонникъ Сусанны, онъ такъ былъ обрадованъ встрѣчей съ ней, что сдержалъ себя и прикинулся равнодушнымъ къ навесенному ему оскорбленію.

Черезъ нѣсколько часовъ онъ возвратился въ Трувилль, а въ тотъ же вечеръ, не повидавшись съ Орелі, выѣхалъ въ Парижъ.

### VIII.

Чтобы понять страхъ, который внушалъ блестящей графинѣ ея бывшій духовникъ, слѣдуетъ обратиться въ прошлomu Сусанны. Знаменательное событіе совершилось въ ту эпоху ея жизни, когда она, молодая, прекрасная, уже три года была женой богатаго, взысканнаго милостями императора, графа Валлориса. Свѣтъ считалъ ее вполне счастливой и, какъ всегда, ошибался. До брака она любила молодого маркиза дю-Сомре и общалась ему быть его женой; когда Валлорисъ сталъ искать руки ея, она ему сказала, что сердце ея несвободно. Но онъ былъ слишкомъ въ нее влюбленъ, чтобы ее понять, и недостаточно великодушенъ, чтобы ей уступить. Кромѣ того, онъ надѣялся на поддержку ея отца, г. Лобеспенъ, стараго слуги юльскаго монархія, сдѣлавшагося сенаторомъ при имперіи, разорившагося въ спекуляціяхъ, своекорыстнаго и честолюбиваго. Сусаннѣ было всего восемнадцать лѣтъ, матери она давно лишилась, поддержать ее было неловко; долго боролась бѣдная дѣвушка и, наконецъ, уступила. Сдѣлавшись женой графа, Сусанна искала утѣшенія въ строгомъ исполненіи своихъ обязанностей; въ угоду мужу она поступила во дворъ, пустилась въ свѣтскій водоворотъ, а онъ вознаграждалъ ее за всѣ жертвы тѣмъ, что черезъ годъ бросилъ и снова сдѣлался пустымъ, легкомысленнымъ человѣкомъ, какимъ былъ до женитьбы. Обманутая и покинутая, Сусанна могла бы найти



утѣшеніе, она не любила мужа, но она невольнo сравнивала свою настоящую участь съ тою, какая выпала бы ей на долю, еслибъ она вышла за маркиза дю-Сомре, и жаждала одного, свободы. Гнѣвъ, презрѣніе, ненависть овладѣли ея гордой душой. Мало-по-малу она привыкла считать смерть недостойнаго мужа необходимымъ условіемъ своего счастья. Въ теченіе трехъ лѣтъ она скрывала подъ улыбкой свои сердечныя раны.

Лѣтомъ она часто, по долгу, жила одна въ имѣніи мужа, замкѣ Валлорисъ, близъ Рамбулье. Въ одно изъ такихъ пребываній ей случайно попало подъ руку письмо, изъ котораго она узнала, что у мужа ея есть любовница, Орелі Шеренъ, женщина самаго легкаго поведенія, и что она сегодня должна быть у него. Извѣстіе это положило конецъ ея колебаніямъ; она не желала позволять мужу принимать въ ея домѣ своихъ любовницъ, и положила развестись съ нимъ.

Но прежде надо было удостовѣриться, правда ли это? Она поѣхала въ Парижъ, гдѣ ее ждали на другой день, одна, никого не предупредивъ, на станціи желѣзной дороги взяла экипажъ и доѣхала до своего дома. Вошла она черезъ садъ, калитку котораго нашла отворенной. Люди всѣ спали; никѣмъ не замѣченная, пробралась она въ комнаты мужа, и здѣсь, стоя въ темномъ корридорѣ, была свидѣтельницей такой сцены, что когда Орелі ушла, а графъ преспокойно засыпалъ, Сусанна, блѣдная, съ налитыми кровью глазами и зажатымъ въ рукѣ кинжаломъ, который схватила съ ближайшей этажерки, очутилась у постели мужа...

Черезъ нѣсколько минутъ она шла по улицѣ, не помня, какъ вышла изъ отеля. Ей казалось, что она склонилась надъ несчастнымъ, который открылъ испуганные глаза... дагѣ все смѣшалось. Она не помнила даже, нанесла ли она ударъ. Пустая извозничья карета ѣхала мимо, Сусанна бросилась въ нее, крикнувъ кучеру адресъ отца.

Почтенный сенаторъ былъ очень изумленъ появленіемъ дочери, которая объявила ему, что она узнала, что мужъ ее обманываетъ, и намѣрена съ нимъ разстаться; г. Лобеспенъ уговорилъ ее лечь, успокоиться. Онъ все еще надѣялся, что гроза пройдетъ мимо, но на разсвѣтъ его разбудилъ посланный отъ префекта, съ извѣстіемъ объ убійствѣ зятя.

Это-то трагическое воспоминаніе и тяготѣло надъ жизнью Сусанны. Въ минуту безумія она страшно отомстила за себя. Благодаря ея хладнокровію, подозрѣніе даже не коснулось ея. Оправданіе Орелі Шеренъ облегчило ея совѣсть. Отпущеніе

церкви возвратило ей внутренній миръ и право думать о счастьи. Свѣтлая будущность открывалась передъ ней, благодаря любви маркиза дю-Сомре. Весь этотъ, дорогой цѣной купленный, покой вдругъ нарушило появленіе Орегана.

Годъ тому назадъ Сусанна, узнавъ о похожденияхъ своего бывшаго духовника, страшно испугалась. «Отступить ли этотъ человѣкъ, совершившій одно преступленіе, передъ другимъ?» думалось ей. Она рѣшилась покинуть дворъ, свѣтъ, удалиться въ такую глушь, чтобъ человѣкъ, котораго она боялась и проклинала, не могъ ее тамъ и розыскать. Въ новой обстановкѣ, къ ней по-немногу возвратился миръ душевный; страхъ ея разсѣялся. Но теперь этотъ страхъ пробудился снова. Она поняла, что Жакъ ее любитъ, и какъ ей быть, если онъ потребуетъ, чтобъ она отвѣчала на его страсть? Она дрожала при одной мысли объ этомъ. Лѣто прошло среди этихъ тревоженій, пришлось покинуть Гульгѣтъ. Грустно простилась Сусанна съ маркизомъ. Выѣхавъ изъ Гульгѣта въ одно прекрасное сентябрьское утро, она въ тотъ же день вечеромъ была у себя въ замкѣ. Она очень устала съ дороги, но прежде чѣмъ лечь, велѣла позвать къ себѣ управляющаго и выслушала его докладъ; въ концѣ онъ сказалъ:

— Долженъ сообщить вамъ, графиня, что у васъ новый сосѣдъ. Какой-то парижанинъ снялъ на три года охоту въ La Renardière. Онъ поселился въ павильонѣ, у него двое слугъ, пять собакъ и три лошади. Показывается онъ рѣдко, но каждое утро, до разсвѣта, отправляется на охоту.

— Какъ его зовутъ?

— Жакъ Ореганъ. Говорятъ, онъ былъ монахомъ, но это трудно себѣ представить, судя по его наружности.

— Какое намъ дѣло, — вздохнула она. — Лишь бы онъ былъ добрымъ сосѣдомъ, сострадательнымъ къ бѣднякамъ, да не охотился на нашей землѣ, мы и будемъ довольны.

Оставшись одна, она намочила свѣжей водой свое пылающее лицо и принялась думать горькую думу. Чего онъ хочетъ? на что надѣется? Сколько она ни думала, она постоянно встрѣчала одну и ту же неумолимую проблему; ей предстояло или сдѣлаться любовницей вѣроотступника, или предстать передъ судомъ въ качествѣ убійцы мужа. Она проплакала всю ночь, а на зарѣ, совсѣмъ разбитая продолжительной бессонницей, сошла на террасу. Небо на востокѣ окрашивалось золотомъ и пурпуромъ. Капли росы дрожали на листьяхъ и цвѣтахъ. Туманная завѣса, закрывавшая ландшафтъ, медленно разрывалась

или, вѣрнѣе, таяла подѣ влияніемъ свѣта. Изъ лѣсу поднимался шопотъ пробужденія; легкій утренній вѣтерокъ пробѣгалъ по верхушкамъ деревьевъ, между стволами которыхъ видѣлись голубоватыя пруды и зеленые луга; таинственныя благоуханія поднимались въ воздухѣ точно кадильный дымъ.

Сусанна съ наслажденіемъ вдыхала утреннюю свѣжесть. Она мысленно обратилась съ молитвой къ Богу и какъ будто успокоилась. Тутъ ей пришла въ голову простая мысль: прежде чѣмъ отчаяваться, надо узнать, чего, собственно, слѣдуетъ опасаться. Она не могла этого опредѣлить, не повидавшись съ Ореганомъ. Графиня возвратилась къ себѣ въ комнату, сѣла къ столу и написала:

«Только что узнала, что вы мой сосѣдъ. Если это такъ, то вѣроятно не случай привелъ васъ сюда,—вы искали сближенія со мной. Если вы этого непременно хотите, приходите. Я васъ жду». Она вложила записку въ конвертъ, приказала сейчасъ же доставить ее по адресу и стала ждать. Отъ этого разговора зависѣла ея судьба.

Жакъ, который съ минуты знаменательной встрѣчи въ Гульгэтѣ только и жилъ, что мыслью о той, которая одна въ цѣломъ мірѣ сулила ему счастье, радостно бросился на зовъ Сусанны. Она ждала его въ маленькой гостиной у каминна, въ которомъ пылалъ яркій огонь. Блѣдность говорила о бессонной ночи; но эти слѣды утомленія придавали красотѣ ея еще болѣе плѣнительный характеръ.

Заслышавъ его шаги, она положила на столъ книгу, которую пробовала читать, указала ему на стулъ и, не отвѣчая на его разспросы о здоровьѣ, сказала:

— Жаль, что вы не захотѣли понять, что намъ лучше не видаться. Признаюсь, я сильно встревожилась, узнавъ, что вы здѣсь, и пригласила васъ къ себѣ, такъ какъ вы одинъ можете сказать мнѣ—лишена ли эта тревога основанія или нѣтъ. Отвѣчайте мнѣ откровенно. Каковы ваши намѣренія? я имѣю право ихъ знать.

— Мои намѣренія!—повторилъ онъ съ удивленіемъ.

— Но вѣдь не безъ намѣренія поселились вы въ La Nardière.

— Намѣреніе это не имѣетъ ничего оскорбительнаго для васъ.

— Увѣрены ли вы въ этомъ? Во время нашего короткаго разговора въ Гульгэтѣ вы обнаружили, сами того не сознавая, чувство, характеръ котораго меня пугаетъ, а теперь поселились

въ моемъ ближайшемъ сосѣдствѣ. Чѣмъ объяснить мнѣ ваше поведеніе, какъ не желаніемъ играть роль въ моей жизни?

— Неужели дружба—преступленіе въ вашихъ глазахъ?

— Нѣтъ, но развѣ вы стремитесь играть роль друга?

— Никакой роли я не играю,—воскликнулъ онъ.—Я несчастливъ, я слишкомъ скоро пресытился всѣми развлечениями, какія могъ доставить мнѣ свѣтъ. Одного я не извѣдалъ: отрады, которую такой человѣкъ, какъ я, можетъ найти воелѣ такой женщины, какъ вы, и безъ всякихъ расчетовъ, безъ предвзятыхъ намѣреній позволилъ своему сердцу увлечь меня въ ваши края. Да, мнѣ показалось, что видя васъ часто, я буду менѣе несчастливъ. Дайте этому чувство какое угодно имя, вамъ нечего его бояться, оно искренне. Къ тому же, развѣ вы не имѣете права принимать кого захотите?

— Я имѣю всѣ права честной женщины, но также и всѣ ея обязанности. Не забудьте, что я одна на свѣтѣ, отецъ мой давно уже не покровитель для меня.

— А маркизъ?—насмѣшливо возразилъ Жакъ:—развѣ вы не собираетесь выйти за него?

— Маркизъ давно меня любитъ, но до сихъ поръ судьба была противъ насъ; отправляясь въ Гульгэтъ я было надѣялась, что моя мечта осуществится. Неожиданно встрѣтивъ на пути моемъ единственнаго человѣка, который можетъ обличить меня, я поняла, что счастье для меня не существуетъ, и рассталась съ вѣрнымъ другомъ, не давъ ему слова, котораго онъ просилъ. Я не лгу, говоря вамъ, что я одна на свѣтѣ и обязана, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, выказывать сдержанность и осторожность, несовмѣстимыя съ вашими частыми посѣщеніями.

— Другими словами, вы меня боитесь,—воскликнулъ Жакъ,—да, боитесь, вы мнѣ это сказали при нашей послѣдней встрѣчѣ, и это было правда. Вы опасаетесь, чтобъ я не употребилъ во зло признаній, которыя вы мнѣ сдѣлали въ тиши исповѣдальни. Значитъ, вы считаете меня негоднымъ?

Сусанна печально покачала головой.

— Я считаю васъ тѣмъ, что вы есть, человѣкомъ, который, судя обо мнѣ на основаніи признанія, сдѣланнаго священнику, подумалъ, что я одна изъ тѣхъ женщинъ безъ стыда и чести, съ которыми ничего не стоить завязать романъ. Такъ какъ у васъ въ рукахъ есть страшное оружіе противъ меня, вы должны бы быть святымъ, чтобъ не пустить его въ ходъ, еслибъ я своимъ отказомъ раздражила страсть, которую вы обнаружили, сами того не замѣчая.

— Вы приписываете мнѣ отвратительные расчеты.

— Вамъ ли упрекать меня въ этомъ? Зачѣмъ вы искали свиданія со мной, послѣ нашей случайной встрѣчи въ Гульгетъ? Вспомните, когда я узнала васъ, вы проповѣдовали слово Божье; теперь, забывъ свою священную миссію, свои обязанности, обѣты, вы говорите мнѣ о чувствѣ, которое въ устахъ другого оскорбило бы меня, а въ вашихъ пугаетъ! Какъ же мнѣ не вѣрить въ расчетъ, существованіе котораго вы отрицаете? Мы съ вами знали, что я въ вашей власти, что однимъ словомъ вы могли погубить меня; мнѣ сказали, что вы дружны съ Орелі Шерентъ, которая, говорятъ, со времени своего оправданія не перестаетъ розыскивать преступника; какъ же мнѣ не бояться, чтобъ она не попыталась вырвать у васъ имя, извѣстное только вамъ? Кто знаетъ, не выдали ли вы его ей?

— Довольно,—надменно прервалъ ее Жакъ:—вы женщина и я не могу потребовать отъ васъ удовлетворенія за оскорбленіе, котораго не снесъ бы ни отъ кого. Повѣрьте, воображеніе ваше увлекаетъ васъ за предѣлы возможнаго, выставляя меня въ вашихъ глазахъ существомъ, достаточно презрѣннымъ, достаточно падшимъ, чтобы прибѣгнуть къ подобнымъ средствамъ. Предположенія ваши и несправедливы и оскорбительны, съ вашей стороны большая неосторожность сообщать мнѣ ихъ. Какъ непослѣдовательны женщины! Вы меня боитесь и вы же сами указываете мнѣ путь, который я долженъ бы былъ избрать, чтобы достигъ цѣли моихъ желаній, еслибъ разсудокъ мой совершенно помутился подъ вліяніемъ моихъ чувствъ къ вамъ. Успокойтесь, вамъ нечего меня бояться. Совѣсть еще упрекнетъ васъ, когда, узнавъ меня ближе, вы сознаетесь, что судили обо мнѣ несправедливо.

— Я ничего такъ не желаю какъ убѣдиться, что ошибаюсь.

— Какъ же мнѣ убѣдить васъ, если вы прогоните меня отъ себя?—воскликнулъ Жакъ.—Я знаю, что я отверженный, что монахи возбудили противъ меня общественное мнѣніе. Но какъ поступили бы они сами, эти строгіе судьи, еслибъ передъ ними, среди монашескихъ подвиговъ, предстали, въ лицѣ прелестной женщины, невѣдомыя радости, отъ которыхъ они отказались, не узнавъ ихъ? Что же касается до меня, я не захотѣлъ лгать, не захотѣлъ измѣнить своимъ обѣтамъ, сохранивъ одежду, которая позволяла бы думать, что я имъ вѣренъ. Я мужественно призналъ свою слабость, вотъ мое преступленіе.

— Чего-жъ вы ждете отъ меня?—кротко спросила она.

— Немного сочувствія, позволенія иногда видать васъ. Чего

вамъ бояться? Злобныхъ толкованій? Я обязуюсь окружить наши отношенія непроницаемой тайной. Моей докучливости? Но, теперь когда я узналъ, что сердце ваше не свободно, чувство мое возысится, очистится, приметъ братскій характеръ.

Она не могла не улыбнуться при этихъ словахъ.

— Желаю, чтобъ вы не ошиблись, — сказала она. — Что бы ни случилось, я не хочу мѣшать вамъ видѣть меня. Если вы меня обманываете, если вы преслѣдуете другую цѣль, а не желаете найти во мнѣ друга, если, по вашей винѣ, со мной случится несчастіе...

— Не доканчивайте, не сомнѣвайтесь въ моей искренности.

— Я вамъ вѣрю, я хочу вамъ вѣрить. Если уже вы поселились въ этомъ краю, живите здѣсь. Пока я одна, я васъ всегда приму, когда бы вы меня ни навѣстили. Но еслибы какія-нибудь непредвидѣнныя обстоятельства заставили меня уѣхать или попросить васъ прекратить ваши посѣщенія, я жду отъ васъ полнѣйшей покорности. Обѣщаете?

— Обѣщаю. Подвергните меня испытанію, требуйте отъ меня жертвъ...

— Жертвъ, говорите вы; одной я потребую теперь же. Эта женщина, съ которой вы дружны...

— Орелі?

— Да, Орелі Шеренъ, — мнѣ было бы непріятно думать, что вы говорите ей то же, что мнѣ.

— Я ее уже давно не видалъ. Клянусь вамъ, что болѣе ее не увижу, и это мнѣ ничего не стоитъ.

Съ этимъ они расстались, довольные другъ другомъ.

## IX.

Они видались каждый день. Сусанна успокоилась, понявъ, что самая страсть Жака служить ей порукой ея вліянія надъ нимъ. Онъ становился ей симпатиченъ. Ей пріятно было принимать его, бесѣдовать съ нимъ, забывать его прошлое, видѣть въ немъ просто умнаго, высоко-образованнаго человѣка. Ореганъ жилъ изо дня въ день, повидимому, довольный своей судьбой. Въ будущее онъ не заглядывалъ. Жизнь его преобразилась. Въ Парижъ онъ ѣздилъ рѣдко, по дѣламъ, и то на нѣсколько часовъ; съ Орелі не видался, на письма ея не отвѣчалъ. Ничто, кромѣ Сусанны, его не занимало. Она всецѣло владѣла имъ. Графиня часто совершала длинныя прогулки, цѣлью которыхъ

обыкновенно былъ лѣсъ въ Рамбулѣ. Съ своей золотистой листвою, пожелтѣвшимъ мохомъ, длинными аллеями, освѣщенными блѣднымъ солнцемъ, лѣсъ такъ и сіялъ. Блѣдные полевые цвѣты издавали сладкій ароматъ, сухіе листья, падая съ деревь, ложились на землю, образуя коверъ, сѣроватый фонъ котораго отличалъ изумрудомъ и мѣдью. Лѣсное эхо отличалось металлической звучностью. Въ самой срединѣ лѣса, въ трехъ километрахъ отъ замка, разстилался обширный прудъ. На берегу его, на темномъ фонѣ лѣса, выдѣлялся крытый красной черепицей домикъ лѣсника, съ своимъ бѣлымъ фасадомъ и деревянными, украшенными рѣзьбой, балконами, обвитыми виноградной лозой и уже увядшими розами. Сусанна издавна любила это убѣжище, затерянное среди лѣса. До встрѣчи съ Ореганомъ она часто ѣздила сюда то одна, то съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ рѣдкихъ гостей, выходила изъ экипажа у домика лѣсника и углублялась въ лѣсъ. Среди торжественнаго безмолвія она думала о настоящемъ, о будущемъ. Здѣсь она страдала и плакала. Теперь, когда намѣренія Жака ее болѣе не смущали, она сюда же приносила свои ожившія надежды, свою вѣру въ близкое счастье.

Жакъ зналъ объ этихъ прогулкахъ, но не смѣлъ просить у нея позволенія ее сопровождать; разъ онъ, какъ бы случайно, попался ей на-встрѣчу верхомъ. Они раскланялись, и только. На другой день онъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ ѣхалъ рядомъ съ ея экипажемъ и разговаривалъ съ нею. Она нашла его общество приятнымъ и дала ему это понять. Съ этого дня онъ привыкъ сходить съ лошади, когда она выходила изъ коляски, и гулять съ нею, прогулки эти составляли его жизнь. Онъ рассказывалъ ей свое прошлое, описывалъ свою благочестивую юность, встрѣчу съ Ла-Шене, поступленіе въ монастырь, ораторскіе успѣхи и наконецъ переворотъ, произведенный въ его жизни ею. Говорилъ также о своихъ отношеніяхъ къ Орелі, стараясь ихъ оправдать. Могъ ли онъ жить одинъ, безъ друзей, безъ любви, когда свѣтъ подавлялъ его презрѣніемъ, не естественно ли, что его тронула благодарная привязанность Орелі? Но какъ скоро онъ убѣдился, что подъ этой привязанностью скрывается западня, онъ порвалъ съ ней, не желая выдать тайны, которая умретъ съ нимъ.

Все это говорилось просто, но горячо. Сусанна слухала и приходила къ убѣжденію, что онъ лучше своей репутаціи. Она знала, что онъ несчастливъ, и жалѣла его. А онъ, убаюканный этой добротой, увлекся до того, что счелъ ее признакомъ любви. Онъ упивался ея красотой и уже начиналъ мечтать о счастьи.

Она, своимъ довѣрчивымъ и ласковымъ обращеніемъ, поддерживала его въ этомъ заблужденіи.

Быль конецъ ноября, а Ореганъ, подъ предлогомъ охоты, все еще жилъ въ деревнѣ. Однажды онъ получилъ записку отъ Сусанны, въ которой она просила его зайти къ ней послѣ обѣда; утромъ этого дня онъ былъ у нея, по заведенному порядку, но его не приняли. Въ назначенный часъ онъ явился въ замокъ. Его ждали. Слуга ввелъ его въ гостиную, смежную съ комнатою графини, освѣщенную двумя лампами. Сусанна, въ темномъ, шерстяномъ платьѣ, сидя у бюро, разбирала бумаги.

— Позвольте мнѣ продолжать это занятіе, — сказала она когда Ореганъ вошелъ: — я тороплюсь, къ счастью это не мѣшаетъ мнѣ разговаривать. Знаю, что вы были сегодня утромъ, но я не могла васъ принять; надѣюсь, что вы на меня не сердитесь.

— Вы были нездоровы? — спросилъ Жакъ, садясь возлѣ нея.

— Нездорова, нѣтъ, озабочена. Я была въ Парижѣ, откуда только-что вернулась. Но дѣло не въ томъ, я должна сообщить вамъ одну новость, которой даже отецъ мой не знаетъ.

— Какую новость? — тревожно спросилъ онъ.

Сусанна встала, сдѣлала шагъ по направленію къ нему и остановилась. Тутъ только онъ замѣтилъ, что она очень блѣдна и что руки ея дрожать.

— Цѣлыхъ два мѣсяца вы твердите мнѣ, что вы мой другъ, — сказала она. — Узнайте же первый, что я выхожу замужъ.

— Вы, вы! — воскликнулъ онъ, быстро поднимаясь съ мѣста.

Она торопливо продолжала:

— Вы знаете, что я уже много лѣтъ люблю маркиза дю-Сомре. Онъ потребовалъ исполненія давняго обѣщанія, потребовалъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя не позволяли мнѣ отвѣтить ему отказомъ, если я не хотѣла порвать съ нимъ окончательно. Сегодня мы видѣлись въ Парижѣ, гдѣ онъ былъ проездомъ; черезъ мѣсяцъ я буду его женой. Завтра утромъ я возвращаюсь въ Парижъ, куда меня призываютъ приготовленія къ свадьбѣ, и не хотѣла уѣхать, не простясь съ вами.

— Это — милое вниманіе, за которое я вамъ очень благодаренъ, — насмѣшливо сказалъ Жакъ, когда она замолчала.

Сусанна со страхомъ смотрѣла на него, выраженіе лица его ее пугало.

— Вы уѣзжаете, — продолжалъ онъ: — а я? что станетъ со мной?



— Я васъ не понимаю.

— Такъ я выражусь яснѣе. Я васъ люблю, люблю какъ безумный, любовь эта началась не со вчерашняго дня, изъ-за нея бѣжалъ я изъ монастыря, попраля свои обѣты. Потому что я васъ любилъ и отчаялся васъ встрѣтить, влчилъ я свою опозоренную жизнь. Встрѣтивъ васъ, я поселился здѣсь, радуясь каждой вашей улыбкѣ, какъ нищій радуется подаванію. И теперь, когда вся жизнь моя сосредоточилась въ васъ, когда я пожертвовалъ всѣмъ достоинствомъ, дарованіями, угрызёніями совѣсти, почестями, удовольствіями, чтобъ превратить ихъ въ подножіе для васъ, моего кумира, вы хотите уѣхать, покинуть меня. Да развѣ это возможно!

— Такъ вотъ какъ вы держите слово,—съ горькой и надменной улыбкой сказала графиня.—Помните, я честно вызвала васъ на объясненіе. Вы такъ краснорѣчиво увѣрили меня въ чистотѣ вашихъ намѣреній, что я растрогалась. Я предложила вамъ свою дружбу, но подъ однимъ условіемъ, которое вы торжественно приняли. Вы обѣщали поворотиться, еслибъ непредвидѣнные обстоятельства заставили меня разстаться съ вами. Часъ этотъ насталъ, я напоминаю вамъ ваше обѣщаніе.

— Не въ моей власти сдержать его. Вы заставили меня его забыть. Цѣлыхъ два мѣсяца вы опыняли меня. Я васъ люблю, вы не можете меня покинуть.

— Опомнитесь, не наказывайте меня за мое состраданіе къ вамъ, доказавъ мнѣ, что вы его недостойны. Если вы меня любите, то поймите, что покорность, которой я отъ васъ требую, будетъ самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ этой любви.

— Избавьте меня отъ вашихъ совѣтовъ,—сурово отвѣтилъ онъ.—Я васъ люблю, не протестуйте. Что суждено, то и случится. Не знаю, полюбите ли вы меня, будете ли вы моею, но знаю одно, что вы никогда не будете принадлежать другому.

— Довольно,—воскликнула она.—Сколько я понимаю, вы желаете помѣшать моему браку. Желала бы я знать, какъ вы это сдѣлаете?—Онъ молчалъ, она продолжала:—Ваше беснѣіе равняется вашей низости, и я васъ не боюсь. Уходите, не заставляйте меня выгнать васъ изъ моего дома.

— А вы не доводите меня до крайности,—прошепталъ Жакъ.—Вы когда-то сказали мнѣ, что вы въ моей власти. Не заставляйте меня это вспомнить; не искушайте меня...

— Негодяй,—сказала Сусанна,—вы хотите заставить меня купить ваше молчаніе. Чтожъ, такъ какъ я въ вашей власти, разбейте мою послѣднюю надежду. Это будетъ лишняя низость,

но она не заставитъ меня склонить голову передъ вами. Даже, чтобъ спасти мое счастье, я не прибавлю новаго преступленія къ прежнему. Я васъ болѣе не удерживаю, идите—выдавайте меня.—Она позвонила, вошелъ лакей.

— Проводите,—сказала графиня.

## Х.

Жакъ вышелъ изъ замка черезъ полчаса послѣ того, какъ переступилъ его порогъ. Только полчаса! Ему казалось, что прошла цѣлая вѣчность. Все, все погибло. Страшныя, горькія мысли тѣснились въ головѣ его. Ночь давно уже спустилась на землю, а онъ и не думалъ возвращаться домой; вздохи, восклицанія срывались съ губъ его, рыданья разрывали грудь, чистый образъ любимой женщины носился передъ глазами...

Когда онъ наконецъ вошелъ къ себѣ въ садъ, то, къ крайнему своему удивленію, увидалъ у подъезда карету.

— Что вы здѣсь дѣлаете?—спросилъ онъ у кучера.

— Жду даму, которую привезъ изъ Рамбулье, съ желѣзной дороги.

Онъ вошелъ къ себѣ, озадаченный этимъ отвѣтомъ; слуга, снимавшій съ него пальто, объявилъ:

— Г-жа Шеренъ дожидается въ гостиной.

Онъ быстро вошелъ. Орелі дремала въ креслѣ у камина. Жакъ дотронулся до ея руки, она проснулась и улыбнулась.

— Наконецъ-то, я жду васъ цѣлый часъ и задремала.—Она протянула ему руку, прибавивъ:—очень рада васъ видѣть, хотя захожу васъ очень блѣднымъ для человѣка, живущаго въ тиши юлей.

— А я очень удивленъ вашимъ посѣщеніемъ, — холодно отвѣтилъ онъ.—Что привело васъ сюда?

— Желаніе васъ видѣть, узнать, почему вы такъ внезапно удалились отъ меня; я исполнила это желаніе, какъ только узнала, гдѣ вы находитесь.

— Но кто вамъ сказалъ?...

— Это мое дѣло, а не ваше; вопросъ вашъ нескроменъ. Я хотѣла отереть ваше убѣжище и отергла.

— Такъ вы пріѣхали только съ цѣлью удовлетворить ваше любопытство?—сказалъ Ореганъ.

— Я пріѣхала спросить у васъ отчета въ вашемъ поведеніи,—отвѣтила она довѣрчивымъ тономъ.—Отчего вы уѣхали

изъ Трувилля, не предупредивъ меня? Отчего не отвѣчали на мои письма?

— Я уѣхалъ изъ Трувилля, не предупредивъ васъ, потому что вы были окружены поклонниками и вамъ было не до меня. Съ тѣхъ поръ событія, не зависящія отъ моей воли, наполнили мою жизнь, удерживали меня вдали отъ Парижа, не позволяли мнѣ ни быть у васъ, ни писать вамъ.

— И только?

— Только.

— Значитъ наши добрыя отношенія возобновятся, мы снова будемъ друзьями.

— Развѣ мы перестали ими быть?—спросилъ онъ.

— Боюсь, что такъ, но вы можете доказать мнѣ, что я ошибалась.

— Какимъ образомъ?

— Если будете навѣщать меня.

— Это невозможно, условія моей жизни измѣнились.

— Прекрасно, я знаю, что хотѣла знать,—сказала Орели вставая:—меня не обманули, вы не желаете разставаться съ вашей любовницей, графиней Валлорисъ.

— Вы лжете!—воскликнулъ онъ, пораженный.

— Да, да, отрекайтесь. Вы въ правѣ это дѣлать, а я въ правѣ остаться при своемъ убѣжденіи. Что-жъ, вы также станете отрицать, что графиня живетъ въ двухъ шагахъ отсюда, что вы видите съ нею каждый день, совершаете вмѣстѣ длинныя прогулки, что вы ее любите?

— Женщина, которую вы подозреваете—святая,—пробормоталъ онъ.

— Святая? рассказывайте это другимъ, а не мнѣ. Я знаю ей цѣну, вашей цѣломудренной Сусаннѣ, все знаю, не даромъ она мнѣ врагъ, ей я обязана своимъ арестомъ, она совершила преступленіе, за которое меня преслѣдовали. Ваша святая убила своего мужа.

При этихъ словахъ Жакъ пошатнулся.

— Вы съ ума сошли!—прошепталъ онъ.

— У меня есть неопровержимыя доказательства. Чтобы собрать ихъ, нужно было время, терпѣніе, но я поклялась разыскать убійцу и отомстить ему. Я на все пошла, прикинулась, что люблю человека, у котораго надѣялась вырвать необходимыя свѣдѣнія, и это мнѣ удалось. Я узнала, что за нѣсколько времени до моего оправданія графиня Валлорисъ исповѣдовалась вамъ, потомъ къ вамъ писала и вы вторично съ нею видѣлись, знаю

также, что вы полюбили вашу духовную дочь, а она по-царски вознаградила васъ.

Она стояла у дверей въ шляпѣ, съ плащомъ на рукѣ и улыбкой удовлетворенной мести на лицѣ. Ореганъ слушалъ ее, не прерывая.

— Что вы думаете дѣлать?—спросилъ онъ.

— Сама не знаю.

— Отвѣтъ этотъ васъ спасаетъ. Если бы вы продолжали угрожать, вы не вышли бы отсюда.

— Вы бы меня убили?—спросила она тономъ сомнѣнія, хотя поблѣднѣла какъ смерть.

— Какъ убью, если съ графиней Валлорисъ случится какое-нибудь несчастье. Я люблю ее, вы не ошиблись, и хотя она сейчасъ выгнала меня изъ дому, хотя она вторично выходить замужъ, я такъ люблю ее, что сумѣю отстоять ея спокойствіе при жизни, ея память послѣ смерти. Знайте это и откажитесь отъ мысли преслѣдовать ее вашей ненавистью. А теперь прощайте, я болѣе васъ не удерживаю.

Онъ отвернулся, чтобы скрыть волненіе. Орелі хотѣла броситься къ нему, но взглянувъ на него, поняла, что все между ними кончено. Она вышла, сердито хлопнувъ дверью.

Скрипъ колесъ по песку возвѣстилъ Орегану, что она уѣхала.

Прошло три дня. Жакъ жилъ въ полномъ уединеніи, страдая физически и нравственно. Самыя противорѣчивыя намѣренія зарождались въ умѣ его, оставаясь безъ исполненія. Онъ былъ безсиленъ, какъ побѣжденный на другой день пораженія. Онъ ждалъ одного уединенія, боялся свѣта, Орелі, самого себя, всего. Медленно тянулись длинные дни и безсонныя ночи. Послѣ одной изъ такихъ ночей онъ всталъ, совсѣмъ измученный, и сѣлъ писать по старой привычкѣ, ища въ работѣ минутнаго забвенія. Такъ просидѣлъ онъ съ часъ, потомъ всталъ, дотронулся до окна, открылъ его и сталъ полной грудью вдыхать холодный воздухъ.

— Письмо изъ замка,—послышался за его спиной голосъ слуги.

Ореганъ схватилъ конвертъ, надписанный рукой Сусанны, распечаталъ, вырѣзка изъ газеты упала къ ногамъ его. Онъ ее поднялъ и прочелъ слѣдующее:

«Сильное волненіе въ высшемъ парижскомъ обществѣ. Со дня говорить обвиняемыми объ обвиненіи, представителемъ прокурору сенскаго департамента противъ графини Х.

Полагаемъ, что не измѣнимъ обязательной, въ этихъ случаяхъ, сдержанности, препятствующей намъ назвать по имени эту аристократку, если напомнимъ, что мужъ ея умеръ отъ руки убійцы, два года тому назадъ, при обстоятельствахъ, тайны которыхъ не могли раскрыть всѣ изслѣдованія судебной власти. Если вѣрить слухамъ, преступникъ — сама графиня; обвинительница ея, — женщина, пользующаяся большою извѣстностью въ полу-свѣтѣ, — сама сначала арестованная въ качествѣ обвиняемой, была оправдана на судѣ лишь благодаря показанію монаха, снявшаго съ тѣхъ поръ расу и часто показывавшагося съ нею прошедшей зимой. Всѣ помнятъ, что передъ судомъ монахъ заявилъ, что онъ узналъ истину отъ самого убійцы и отказался объявить ее, ссылаясь на неприкосновенность тайны исповѣди. Съ трудомъ можно повѣрить, чтобъ его сомнѣнія разсѣялись, чтобъ онъ присоединилъ къ своимъ прежнимъ ошибкамъ поступокъ, который честные люди всѣхъ странъ осудятъ съ одинаковой строгостью, давъ матеріалъ для обвиненія, которое дастъ судебной власти возможность дѣйствовать и прибавить новую, потрясающую главу къ этой драматической исторіи».

— Несчастная, она сдержала слово и отомстила и ей, и мнѣ, — прошепталъ Ореганъ.

Крикъ ужаса сорвался съ губъ его, когда онъ развернулъ записку изъ четырехъ строкъ, слѣдующаго содержанія:

«Поступокъ вашъ низокъ. Я умру и отвѣтственность за мою смерть вѣчно будетъ тяготѣть надъ вами. Не знаю, угодно ли будетъ Богу простить васъ, я же вамъ не прощаю.

«Сусанна».

## XI.

Какъ безумный бросился Жакъ изъ дому. Въ замѣтъ онъ своими разспросами перепугалъ всю прислугу, которая ничего не подозрѣвала, и въ сопровожденіи горничной графини и прочихъ слугъ подошелъ къ дверямъ ея спальни. Онѣ были заперты, Ореганъ постучался разъ, другой — молчаніе, попробовалъ отворить дверь — она не поддавалась, онъ ее выломалъ и вошелъ. Всѣ кинулись за нимъ. Комната была пуста, постель не смита.

— Поздно! — простоналъ Жакъ, прислонясь къ стѣнѣ, чтобы не упасть. Онъ вдругъ вспомнилъ, какъ во время одной изъ ихъ прогулокъ Сусанна, указывая ему на прудъ съ его поросшими ивнякомъ берегами и водными лиліями, сказала: — «Какое

прекрасное мѣсто, чтобъ умереть! Прийти сюда ночью, обратиться къ Богу съ послѣдней мольбой и броситься въ воду, глядя на звѣзды. Это была бы прекрасная развязка для сильнаго отчаянія».

— Она утопилась, — рѣшилъ онъ и сообщилъ свою мысль окружающимъ.

Сначала никто не вѣрилъ, однако управляющій пожелалъ сопровождать Жака; имъ подали верховныхъ лошадей и они поехали.

Предчувствіе не обмануло Орегана; онъ вытащилъ изъ пруда бездыханное тѣло любимой женщины.

Мертвая Сусанна была прекрасна какъ спящая нимфа. Жакъ положилъ ее въ лодку, которую нашелъ посреди пруда, и началъ грести, глядя на нее сквозь слезы, которыхъ не пытался удерживать. Онъ говорилъ ей: «Если ты съ неба можешь читать въ душахъ, ты знаешь, что я неповиненъ въ твоей смерти, знаешь, что я не хотѣлъ испортить твою жизнь, разбить твое сердце, оповорочить твое имя!»

Причалили къ берегу; отъ группы присутствующихъ отделилось два человѣка. Одинъ, незнакомый Жаку старикъ, пошатнулся и упалъ безъ чувствъ на руки зрителей. Это былъ отецъ Сусанны. Другой, молодой человѣкъ, не смотря на свою скорбь, лучше владелъ собой, онъ схватилъ брошенное ему весло и держалъ лодку въ равновѣсіи, пока Ореганъ выходилъ изъ нея со своей ношей, а когда утопленницу положили на траву, сталъ на колѣни и поцѣловалъ ее въ лобъ.

Тутъ только Жакъ узналъ въ немъ маркиза дю-Сомре; онъ подошелъ къ нему и протянулъ ему руку. Маркизь, не сказавъ ни слова, даже не взглянувъ на него, повернулся къ нему спиной. Шествіе двинулось. Жакъ, которому необходимо было обогрѣться и переменить платье, остался въ домикѣ лѣсника. Онъ самъ не зналъ, спитъ онъ или бодрствуетъ. Черезъ нѣсколько часовъ онъ отправился въ замокъ и спросилъ маркиза дю-Сомре; тотъ его принялъ въ библіотекѣ, стоя, и не предложилъ ему стула. Жакъ попросилъ позволенія въ послѣдній разъ взглянуть на покойницу, маркизь отвѣтилъ презрительнымъ отказомъ и сказалъ ему, что ему не мѣсто среди честныхъ людей.

Ореганъ не былъ трусомъ, но отчаяніе его было такъ велико, доказать его невинность было такъ трудно, что онъ даже не возмущался.

Къ себѣ онъ возвратился полу-сумасшедшимъ, разбитый горемъ, униженіями, безсильной злобой, бросился на полъ въ

сильнѣйшемъ припадкѣ отчаянія и бѣшенства, кричалъ, плакалъ, рвалъ на себѣ волосы. За этимъ припадкомъ послѣдовалъ полнѣйшій упадокъ силъ, который продолжался нѣсколько дней.

Оправившись, онъ казался постарѣвшимъ на десять лѣтъ, лобъ покрылся морщинами, въ волосахъ показалась сильная сѣдина.

Въ монастырской церкви идетъ торжественная, вечерняя, пасхальная служба. Согласно древнему обычаю, церковь въ этотъ день открыта для всѣхъ окрестныхъ жителей; толпа молящихся наполняетъ ее. По ту сторону рѣшетки монахи поютъ священные гимны, слышатся мелодичные аккорды органа. Цвѣты, которыми украшенъ престолъ, ярко выделяются на зеленомъ фонѣ лавровъ и пальмъ.

Въ темномъ уголку капеллы стоитъ на колѣняхъ какой-то человѣкъ, поза его выражаетъ страшную усталость. Что привело его сюда: утомленіе, привычка, отчаяніе? — онъ самъ не знаетъ. Одѣтъ онъ въ черное, волосы коротко подстрижены, онъ безъ бороды и безъ усовъ. Онъ плачетъ, но не молится.

Служба кончилась, богомольцы расходятся. Братъ-привратникъ проходитъ, съ фонаремъ въ рукѣ, по опустѣлой церкви, и увидѣвъ человѣка въ углу, подходитъ къ нему.

— Пора уходить, — говорить онъ кратко.

— Я желалъ бы видѣть отца настоятеля, — слышится въ отвѣтъ.

При звукахъ этого голоса братъ-привратникъ вздрогнулъ, поднялъ фонарь въ уровень съ лицомъ говорившаго, вскрикнулъ и быстро исчезъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился съ настоятелемъ.

— Это я, — прошепталъ Жакъ.

— Жакъ Ореганъ, вы заслужили отлученіе отъ церкви, вы не можете оставаться въ этомъ святомъ мѣстѣ.

Ореганъ падаетъ на колѣни и шепчетъ:

— Отецъ мой, не гоните меня, я не знаю куда укрыться.

Настоятель колеблется, но вспомнивъ утѣшительныя слова Христа, что «на небѣ болѣе радуются объ одномъ грѣшникѣ кающемся, чѣмъ о девяти о праведникахъ, не имѣющихъ нужды въ покаяніи», беретъ его за руку и уводитъ за собой.

Побывавъ въ Римѣ, Жакъ получилъ отпущеніе грѣховъ, но на тяжелыхъ условіяхъ. Доминиканскій уставъ напалъ слѣпымъ

легкимъ для него и послали кающагося монаха въ монастырь траппистовъ, въ Сардиніи. Стоитъ обитель эта на скалѣ, точно крѣпость. Монахи, большинство которыхъ составляютъ итальянцы, занимаются воздѣлываніемъ виноградной лозы и разведеніемъ вѣвъ. Отецъ Ореганъ, для ихъ жизни, раздѣляетъ съ ними и вѣчное, уставомъ имъ предписанное, молчаніе. Онъ лишенъ даже прогулокъ, такъ какъ дороги, окружающія монастырь, почти непроходимы. Онъ ничего не видитъ, кромѣ узкихъ келій съ доской вмѣсто кровати, кромѣ огорода, да моря.

Здѣсь живетъ онъ забытый, но не счастливый. Вѣра не снизошла въ его душу. Онъ хотѣлъ бы вѣрить, но не можетъ. Хотѣлъ бы забыть прошлое, но оно постоянно воскресаетъ. Вѣчно видитъ онъ передъ собой Сусанну, пробуетъ молиться, но молитва, сходящая съ устъ его, его не облегчаетъ: она не исходитъ изъ сердца.

На него находятъ минуты изступленія, онъ стремится убѣжать изъ этого безмолвнаго монастыря, захватить общей жизнью, искать забвенія, но вспомнивъ жалкую развязку своей первой попытки, боясь насмѣшекъ и презрѣнія свѣта, остается въ ненавистномъ уединеніи.

О. П.





# ПЕРЕСЕЛЕНІЕ ТАТАРЪ ИЗЪ КРЫМА

ВЪ

## ТУРЦІЮ

Изъ записокъ Г. П. Левицкаго<sup>1)</sup>.

Крымскій или Таврическій полуостровъ, извѣстный еще въ глубокой древности подъ именемъ Херсониса Таврійскаго или Таврикійскаго, состоитъ изъ двухъ совершенно разнородныхъ по свойству мѣстности, почвы и климата частей. Пересѣченный почти на всемъ протяженіи цѣпью горъ, имѣющихъ какъ и всѣ первостепенныя горы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, независимо отъ главнаго хребта, рядъ второстепенныхъ возвышеній, образующихъ какъ бы уступъ главнаго, онъ раздѣленъ на двѣ части: на степную и нагорную. Степная часть отличается отъ нагорной преимущественно свойствомъ почвы: въ уѣздахъ бердянскомъ и мелитопольскомъ преобладаетъ черноземъ; въ днѣпровскомъ — почва песчаная и солонцоватая; въ переконскомъ — большею частью

<sup>1)</sup> Настоящая записка доставлена редакціи наслѣдниками покойнаго генерал-лейтенанта Григорія Павловича Левицкаго (умеръ въ августѣ 1879), оставившаго по себѣ память безупречной, рѣдкой честностью (напр. на службѣ въ интендантскомъ вѣдомствѣ). Записка о крымскихъ татарахъ, чрезвычайно любопытная и поучительная своими фактами и выводами, составлена была, повидному, въ началѣ шестидесятихъ годовъ и имѣла полу-официальное названіе; была представлена нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ, но не получила хода, какъ говорятъ, по разнымъ соображеніямъ относительно лицъ, принимавшихъ участіе въ описываемомъ у Левицкаго дѣлѣ. Записка печатается здѣсь безъ перемѣнъ.—Ред.

глинистая; между тѣмъ какъ въ степныхъ частяхъ евпаторійскаго, оеодосійскаго и симферопольскаго уѣздовъ встрѣчаются, особенно въ первомъ, много мѣстъ, имѣющихъ известково-каменистую почву. Нагорная часть—каменистаго песчаниковаго образованія. Различіе въ почвѣ, не говоря уже о вліяніи другихъ характеристическихъ условій, должно было естественнымъ образомъ породить различіе и въ хозяйствѣ отдѣльныхъ частей этой разнообразной губерніи. И дѣйствительно, хозяйства, которыхъ нельзя не признать какъ бы выраженіемъ человѣческаго труда въ какой-либо странѣ, въ различныхъ частяхъ Таврической губерніи между собою рѣзко отличаются. Въ сѣверныхъ—господствуетъ степное хозяйство; въ средней двойное—степное и садовое; въ нагорной—только садоводство: виноградное и фруктовое. Независимо отъ сихъ трехъ главныхъ подраздѣленій жители сѣверной части Таврической губерніи, такъ щедро надѣленной природою и принадлежащей, безъ всякаго сомнѣнія, къ числу плодороднѣйшихъ губерній Россіи,—занимаются еще значительнымъ скотоводствомъ, въ главѣ котораго должно поставить овцеводство. Лѣснаго хозяйства и вытекающихъ изъ онаго лѣсныхъ промысловъ въ Крыму по малолѣсію <sup>1)</sup> вообще и недостатку путей сообщенія быть не можетъ. Что же касается правильного лѣсоводства, то оно вводится еще только по вѣдомству министерства государственныхъ имуществъ въ лѣсахъ казенныхъ, приписныхъ или общественныхъ, т.-е. казенно-крестьянскихъ.

Такое разнообразіе почвы и благорастворенность климата, при рѣдкихъ удобствахъ сбыта, какъ водою, такъ и сухимъ путемъ, имѣли слѣдствіемъ то, что и въ отношеніи естественныхъ произведеній усматривается также величайшее разнообразіе. Ни въ одной части Россіи флора не представляетъ, можетъ быть, такого богатства и роскоши. Продукты умѣренныхъ полосъ Европы произрастаютъ рядомъ съ плодами самыхъ жаркихъ странъ, какъ бы выказывая этимъ счастливое свое мѣстоположеніе на рубежѣ двухъ частей свѣта. Еще въ глубокой древности страна эта славилась своимъ плодородіемъ и цвѣтущимъ состояніемъ земледѣлія. Доказательствомъ этому служить то, что когда въ IV в. до Р. Х. Греціи, постигнутой неурожаемъ, угрожали страшныя бѣдствія, Левконъ I, царь босфорскій <sup>2)</sup>, не затруднился снабдить ее 210,000 аттическихъ медимновъ пшеницы.

<sup>1)</sup> Кромѣ нагорной части, гдѣ произрастаютъ превосходные корабельные лѣса.

<sup>2)</sup> Босфоръ Киммерійскій. Это царство, главнымъ городомъ котораго была Пантикапея или нынѣшняя Керчь, принадлежало къ числу древнѣйшихъ.

Но не вдавался въ историческое изслѣдованіе, чтобъ рассмотреть перемѣны, которымъ этотъ край подвергался вслѣдствіе своего богатства и плодородія, возбуждая торговую корысть однихъ, соперничество и зависть другихъ, на пути вѣкового переселенія народовъ, и различныя эпохи его существованія подъ властью грековъ, генуэзцевъ, венеціанъ и множества царственныхъ династій, необходимо однакожъ бросить взглядъ на положеніе, въ которомъ онъ находился до присоединенія его въ 1783 году къ руссійской державѣ. Этотъ историческій обзоръ необходимъ для изученія прошедшаго и поясненія настоящаго, а главное, чтобъ, придерживаясь положительныхъ данныхъ, перейти съ большею отчетливостью къ горестному положенію, въ которомъ находится въ настоящую минуту Крымъ. Для сего слѣдуетъ вернуться къ концу прошлаго столѣтія, т.е. къ эпохѣ, предшествовавшей присоединенію его къ Россіи.

Въ это время, находясь подъ владычествомъ хановъ, крымскіе татары утратили уже военное и политическое значеніе, коими они пользовались въ былыя времена своего величія, когда, владычествуя неограниченно надъ дикимъ вочующимъ народомъ, ханъ собиралъ полчища для набѣговъ въ ближайшія руссійскія и польскія владѣнія. По мѣрѣ того какъ крымскіе татары утрачивали свою воинственность, на полуостровѣ водворялась мало-по-малу гражданственность; люди привыкали къ осѣдлости и сопряженному съ нею земледѣлію, такъ что при послѣднихъ ханахъ замѣчается уже нѣкоторое гражданское благоустройство.

Станиславъ Сестренцевичъ въ своей исторіи говоритъ: «Жители Тавріи раздѣлялись на людей свободныхъ и на невольниковъ. Люди свободные были: дворяне или мурзы, и мѣщане. Въ первой степени принадлежали потомки древнихъ завоевателей Крыма, ихъ было только пять родовъ; во второй принадлежали, которые возведены были въ эти достоинства ханами за оказанныя ими услуги». Понятно послѣ этого, что сословіе мурзъ было весьма незначительно.

Владѣніе поземельною собственностью было основано на личномъ правѣ.

Земли, находившіяся въ частномъ владѣніи, раздѣлялись на три категоріи, а именно:

- 1) Помѣстья дворянскія.
- 2) Помѣстья людей служилыхъ, т.е. присвоенныя извѣстнымъ государственнымъ должностямъ.
- 3) Помѣстья мѣщанскія, т.е. такія, которыя раздавались ханами людямъ, желавшимъ заняться воздѣлываніемъ земли. Эти

земли въ небольшихъ размѣрахъ отдавались въ видѣ дара людямъ свободнымъ.

Дворянскія помѣстья были совершенно независимы и не платили никакихъ податей. Въ случаѣ похода ханъ взималъ съ нихъ на военныя потребности известную сумму и по одной фурѣ съ сухарями или просомъ для продовольствія воинства. Дворяне обрабатывали свои земли невольниками или отдавали ихъ въ наемъ или пользованіе вольнымъ людямъ, которые платили имъ десятую часть урожая и приплода, или 5 скотинъ со ста изъ своихъ стадъ, гуртовъ и табуновъ. При этомъ земли эти были столь малаго пространства, что самый богатый изъ мурзъ не получалъ въ годъ болѣе 500 голландскихъ червонцевъ. Большая часть земель была раздроблена на мелкія мѣщанскія помѣстья. Въ царствованіе императрицы Екатерины II, до присоединенія этого края къ имперіи, Крымъ сталъ уже ощущать вліяніе русскаго оружія и политики петербургскаго двора, хотя Шагинъ-Гирей, вступившій на престолъ подъ такимъ вліяніемъ, не пользуясь сочувствіемъ мурзъ древнихъ родовъ, окружилъ себя людьми не-дворянскаго происхожденія и избралъ на главнѣйшія должности людей разнаго рода, лишенныхъ въ краѣ всякаго значенія. По присоединеніи Крыма въ 1783 г., всѣ эти личности не имѣли поземельной собственности и, пользуясь участками земли, присвоенными занимаемымъ ими должностямъ, они превратились въ потомственныхъ владѣльцевъ и сдѣлались мурзами, беями и проч. Такимъ образомъ помощью политическаго переворота возродилось однимъ разомъ многочисленное крымское дворянство нагометанскаго, но даже не все татарскаго происхожденія, какъ, напримѣръ, въ послѣднее время владычества хановъ Асланъ-Бей-Ташъ и Оглу, происходящихъ отъ искателя приключеній, выходца изъ Турціи.

Со дня присоединенія Крыма къ Россіи началась на этомъ полуостровѣ, еще при фельдмаршалѣ князѣ Потемкинѣ Таврическомъ, раздача земель русскимъ дворянамъ и по вызову правительства переселившимся грекамъ; земли эти, составляя обширныя пространства, поступали иногда въ руки людей, не желавшихъ или неумѣвшихъ извлекать изъ нихъ возможную пользу, и потому лежали болѣею частью неразработанными или отдавались за известную плату или вознагражденіе мѣстному татарскому населенію.

Умноженіе частныхъ владѣній возродило споры между сосѣдями; скоро сдѣлалось необходимымъ опредѣлить въ точности границы каждаго отдѣльнаго помѣстья; явились землемѣры, которые,

обозначая границы каждаго помѣщичьяго владѣнія одною окружною межою, не обращали никакого вниманія на то, что въ этой окружной межѣ захвачены и дробныя или такъ-называемыя мѣщанскіе участки, съ незнаматныхъ временъ по даннымъ ханамъ сенетамъ (запискамъ) принадлежавшіе простымъ татарамъ. Генеральное межеваніе, начавшееся въ Крыму въ 1830 г., не измѣнило этихъ беспорядковъ. Придерживаясь принятому обыкновенію, землеѣры, проходя окружною межою владѣнія помѣщичьяго, не обращали вниманія, что внутри дачи находился участокъ, принадлежащій какому-нибудь татарину въ личную собственность. Когда нужно было дѣлать повѣрны или изслѣдованія, они сымали понятыхъ изъ околота и снимали съ нихъ присяжныя показанія о давности и законности владѣнія. Изъ дѣлъ таврической палаты государственныхъ имуществъ о спорахъ татаръ съ казною видно, что въ 1822, 34, 35, 37, 39 и 44 годахъ производилось много дознаній такого рода.

Землеѣры, чтобъ не увеличивать своего труда обозначеніемъ межи каждаго дробнаго участка, обращались къ несвѣдущимъ татарамъ съ вопросомъ: не принадлежатъ ли эти земли всему обществу? Татары, не понимавшіе большею частью сущности вопроса и послѣдствія, какія могли для нихъ отъ этого произойти, отвѣчали обыкновенно утвердительно, и тогда эти земли вносились на планъ съ обозначеніемъ общественной, т.-е. принадлежащей такому-то аулу. Вотъ какимъ образомъ множество татарскихъ участковъ перестали быть частною собственностью и превратились въ собственность казны.

Въ 1837 году Крымъ былъ постигнутъ повсемѣстнымъ неурожаемъ и послѣдовавшимъ за нимъ голодомъ, отъ котораго въ нѣмоторыхъ селеніяхъ вымерло до половины народонаселенія. Это бѣдствіе способствовало еще захвату татарскихъ земель тѣмъ, что послѣ смерти кого бы то ни было, если нѣтъ наслѣдниковъ, имѣніе дѣлалось выморочнымъ и поступало въ казну. Такое насильственное завладѣніе производится и по нинѣ, не только въ имѣніяхъ, принадлежащихъ помѣщикамъ-мусульманъ, грекамъ и русскимъ, но даже вѣдомству государственныхъ имуществъ. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только бросить взглядъ на громадныя дѣла таврической палаты государственныхъ имуществъ. Всякій легко удостовѣриться можетъ, что нѣтъ почти деревни въ нагорной части и на южномъ берегу Крыма, у которой не было бы спорнаго дѣла съ казною о принадлежности татарамъ земель въ личную собственность. Это фактъ, подтверждающійся бумагами и дѣлами. Между тѣмъ въ недавнее время министерство государ-

ственныхъ имуществъ въ объясненіи на записку генераль-адъютанта Тотлебена утверждало самымъ положительнымъ образомъ, что жалобъ такого рода къ нему не поступало. Въ министерство — можетъ быть! только ужъ не въ палату, гдѣ сотни такихъ дѣлъ <sup>1)</sup>. Должно вообще замѣтить, что права казны на эти спорныя земли основаны на самыхъ шаткихъ юридическихъ основаніяхъ, ибо эти тѣжбы, продолжающіяся уже безъ малаго 40 лѣтъ, опираются на какую-то опись казенныхъ дачъ и лѣсовъ, составленную въ 1804 и 1805 годахъ, и которая, какъ частный документъ, не можетъ быть признана законной, тѣмъ болѣе, что изслѣдованіемъ 1844 г. доказано, что эти описи были составлены совершенно ошибочно. Изъ дѣлъ видно также, что примѣры произвольнаго захвата земли казною не остались безъ подражателей и что помѣщики, большіе и малые, мусульмане и православные, соревнуя въ этомъ отношеніи обычаю самоправнаго присвоенія чужой собственности, освященному самими представителями и блюстителями законовъ, неоднократно присвоивали себѣ насильно отнятыя у бѣдныхъ татаръ, поселянъ, значительныя земли. Эти захваты какъ помѣщиками, такъ и казеннымъ управленіемъ породили во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ и даже въ правительствующемъ сенатѣ огромную переписку и нескончаемое дѣлопроизводство. Не говоря уже о томъ, что бѣдный татаринъ, живущій въ глуши своихъ крымскихъ степей или горъ, лишенъ всякой возможности отстаивать свои права въ с.-петербургскихъ или московскихъ департаментахъ сената, куда весьма часто не доходятъ записки на татарскомъ языкѣ, свидѣтельствующія о пожалованіи этой земли кажимъ-нибудь ханомъ; онъ не понимаетъ, какимъ образомъ простой вопросъ, принадлежитъ ли имъ или нѣтъ какая-нибудь спорная десятина, можетъ тянуться 20 или 30 лѣтъ сряду и, теряясь въ тщетныхъ догадкахъ, приходитъ, наконецъ, къ горькому убѣжденію, что у него отнята собственность, на которую онъ имѣетъ неотъемлемыя права не только по наслѣдству, но и на основаніи указа 1833 г., по-

<sup>1)</sup> Правда и то, что нѣсколько строкъ ниже, въ этомъ же самомъ объясненіи, министерство государственныхъ имуществъ говоритъ: что претензіи, объявленныя татарами деревень Віюкъ, Кучукъ-Кременчикъ и Улусала-Авджійской по разсмотрѣніи признаны неосновательными. Но и тутъ опять усматривается легкая несообразность: отныя министерства государственныхъ имуществъ послѣдовалъ въ ноябрѣ, а въ декабрѣ того же 1860 г. межевая канцелярія утвердила права одной изъ сихъ деревень, а именно Улусала-Авджійской. Со всѣмъ тѣмъ это нисколько не помѣшало тому, что рѣшеніе, объявленное таврической палатѣ въ томъ же декабрѣ, въ февралѣ 1861 года было еще тайною для самихъ татаръ означенной деревни.

становившаго, что земли, которыми владѣли 10 лѣтъ до изданія означеннаго закона, дѣлаются полною собственностью того, въ рукахъ котораго онѣ находятся. Всѣмъ татарамъ извѣстно существованіе этого закона: всѣ они видятъ въ немъ несомнѣнное доказательство милостиваго вниманія къ нимъ царя, но къ прискорбію, они убѣдились, что происками помѣщиковъ и недобросовѣстностью чиновниковъ, законъ этотъ остается мертвою буквою, не имѣющею значенія.

Напрасно ходатайствовалъ покойный князь Воронцовъ о прекращеніи этихъ нескончаемыхъ процессовъ и на основаніи вышеупомянутаго указа 1833 года о признаніи священныхъ правъ татаръ: правительствующій сенатъ отказалъ ему на томъ основаніи, что въ указѣ этомъ не сказано, чтобъ и начатые дѣла считать уже оконченными.

Послѣ такого рѣшенія невольно приходишь къ вопросу: съ какою же цѣлью изданъ въ 1833 г. этотъ законъ, если, не вѣрая на него, оставлена по прежнему возможность, по приговору судебныхъ мѣстъ отнимать собственность у татаръ, на томъ лишь основаніи, что въ доказательство своего права они не представляютъ документовъ, отъ предъявленія которыхъ они освобождаются этимъ же самымъ закономъ? Тутъ явное противорѣчіе! Не менѣе того никто не обратилъ на это вниманія! Такимъ образомъ продолжалось и продолжается безплодное и вредное для татаръ дѣлопроизводство, захватившее чуть ли не всѣ помѣстья Крымскаго полуострова. Не должно однакожъ думать, чтобы эта эпидемія сутяжничества и стремленіе къ жалобамъ и просьбамъ улучшили положеніе дѣлъ и водворили желаемую законность въ правахъ собственности; рѣшительно нѣтъ! Болѣе чѣмъ когда-либо жители имѣли основаніе считать себя обижеными и быть недовольными существующимъ порядкомъ, выгоднымъ только для повѣренныхъ и факторовъ нѣкъ евреевъ, грековъ, караймовъ, отставныхъ или уволенныхъ чиновниковъ, зарабатывающихъ себѣ такимъ образомъ, всѣми правдами и неправдами, не только насущный, но даже и весьма прибыльный хлѣбъ.

Неудовлетворительность или, лучше сказать, вопіющая несправедливость, отличавшая всѣ распоряженія мѣстнаго начальства, какъ только дѣло касалось поземельной собственности татарскаго народонаселенія, отразилась также, если только не съ большею еще силою, и на всѣмъ прочемъ его достоинствѣ. Ничто не избѣгнуло насилія и произвола, ни лѣса, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ татары имѣли полное право считать своими собственными,

ни вода, которая, когда дѣло идетъ о водопоѣ и орошеніи луговъ и садовъ въ странѣ маловодной, какъ большая часть Крымскаго полуострова, не можетъ быть исключительною собственностью какого-нибудь одного лица, то-есть, чтобы предметъ всеобщей необходимости превращался въ источникъ дохода для одного. Но вѣковая истина, что частная польза должна уступить общему благу, никогда не имѣла примѣненія къ бѣдному татарскому народонаселенію въ Крыму.

Повинности, отправляемыя этимъ народомъ, какъ въ отношеніи помѣщичьихъ, на землѣ которыхъ они были поселены, такъ и относительно исправленія дорогъ и другихъ общественныхъ обязанностей, представляютъ не менѣе плачевное зрѣлище. Какъ и въ поземельной собственности, являются тутъ притѣсненія, насилие, самоуправство, отказъ въ должной справедливости и защитѣ, жадность и невниманіе начальства, которому ввѣрена вся ихъ жизнь, и высокоумѣрный деспотизмъ въ связи съ какимъ-то тупоумнымъ религіознымъ презрѣніемъ. Вотъ каковъ былъ удѣлъ тѣхъ, которыхъ правительство желало видѣть счастливыми, и жизнь которыхъ, по весьма естественнымъ причинамъ, кроющимся въ зараженныхъ нѣдрахъ нашей всеобъемлющей и всеискажающей бюрократіи, въ предѣлахъ Крымскаго полуострова превратилась напротивъ того въ почти невыносимый илотизмъ.

Не смотря на это, вѣрные своей болѣе лѣнливой, чѣмъ дѣятельной, даже апатичной натурѣ, всегда склонной къ кейфу и созерцанію, а болѣе еще къ молчаливому долготерпѣнію, естественному послѣдствію ихъ фаталистическихъ вѣрованій: *чему быть, того не миновать*, татары, тихіе и кроткіе по правамъ и обычаямъ, обусловленнымъ благорастворенностью климата и чуднымъ плодородіемъ страны, безропотно переносили всѣ несправедливости и обиды, и въ продолженіе долгаго ряда лѣтъ, протекавшихъ между присоединеніемъ Крыма къ Россіи и послѣднею войною (1853—54), едва ли можно указать между татарскимъ народонаселеніемъ хотя на одинъ случай неповиновенія или строптиваго сопротивленія начальству и властямъ. Если и проявлялись случаи какой-либо важности, то они прекращались скорѣе, нежели вспыхивали, никогда не обнимали цѣлыя массы, но ограничивались единицами, а главное имѣли всегда подстрекателями или тайною пружиною своего появленія людей не-татарскаго происхожденія. Смѣло можно сказать, что всякій другой народъ, будь даже наше русское народонаселеніе, не перенесло бы безъ ропота или явнаго сопротивленія и десятой части обидъ и несправедливостей, претерпѣнныхъ татарами, которыхъ, однакожъ,



не только люди низшихъ слоевъ администраціи или мѣстнаго управленія, но и лица, вліятельныя по значенію и занимаемому мѣсту, безъ всякихъ убѣжденій, считали вредными и дурными. Впрочемъ, всѣ эти порицанія и клеветы суть ничто иное, какъ благовидная личина, подъ которою эти благомысленные политики въ чадѣ своего религіознаго фанатизма скрывали тайное желаніе исторгнуть Крымъ изъ рукъ татаръ и заселить его народонаселеніемъ православнаго исповѣданія. Однимъ словомъ, это не была несправедливая оцѣнка народа, а одинъ только неблаговадный предлогъ, которому однакожъ по несчастію повѣрили лица, незнакомыя съ Крымомъ.

Вотъ въ какомъ положеніи застала этотъ край послѣдняя война 1853—1856 годовъ.

Забывая, что ни справедливость, ни административная добросовѣстность не позволяютъ брать отдѣльные случаи для того, чтобы возводить хулу или клеветать на цѣлый народъ, враги татаръ воспользовались двумя или тремя случаями изъ послѣдней войны, доказывающими только, что и между ними есть тоже недогая, чтобы осудить всѣхъ мусульманъ Крымскаго полуострова и свалить на нихъ неуспѣшный исходъ послѣдней кампаніи.

Посмотримъ же теперь, чѣмъ ихъ упрекали и дѣйствительно ли заслуживали татары произнесенныя противъ нихъ обвиненія. Ихъ осуждаютъ:

1) За то, что между татарами евпаторійскаго и еедосіискаго уѣздовъ были измѣнники, перебѣжчики и нѣсколько случаевъ явной вражды или нерасположенія къ русскимъ.

2) Потому, что масса этого народа осталась какъ бы холодною зрительницею изумительныхъ эпизодовъ этой достопримѣтельной борьбы и выказывала предпочтительно нѣкотораго рода сочувствіе своимъ единовѣрцамъ, туркамъ.

3) За то, что по отплытіи союзныхъ армій изъ Крыма большая часть татарскаго народонаселенія двухъ вышеозначенныхъ уѣздовъ покинула полуостровъ и послѣдовала за непріателемъ.

Какъ видно, всѣхъ этихъ обвиненій недостаточно для того, чтобы порицать цѣлое народонаселеніе. Дѣйствительно, эти случаи преступны и заслуживаютъ строгаго наказанія, но въ такомъ случаѣ пусть наказаніе падаетъ на однихъ виновныхъ и минуется невинныхъ. Дѣйствовать противнымъ образомъ значило бы выскрывать со всего рода человѣческаго за то, что какой-нибудь отдѣльный человѣкъ нарушилъ законы или содѣялъ преступленіе. Развѣ и въ нашей арміи, высокое достоинство которой оцѣ-

нивалось врагами, можетъ быть, еще выше, нежели самими нами, не было измѣнниковъ, грабителей, дезертировъ, однимъ словомъ—примѣровъ вѣроломства, отвратительнаго сребролюбія, гнуснаго забвенія чести и долга и низкаго предательства? А развѣ послѣ этого кто-нибудь дерзнетъ не только сказать, потому что этого никто не посмѣетъ, но даже подумать, чтобъ въ минувшую кампанію наша армія не была достойна имени доблестнаго воинства русскаго? Нѣтъ! военная исторія другихъ народовъ не представляетъ болѣе возвышеннаго, можно даже сказать, такого святого исполненія священнаго долга защиты отечества. На чемъ же основываются теперь обвиненія, негодованіе, подозрѣніе и клеветы, которыми осыпали въ послѣднее время татаръ Крымскаго полуострова? Какимъ закономъ необходимости или заслуженной кары оправдать притѣсненія и вопіющія несправедливости, которымъ они подверглись? Какимъ образомъ узаконить тайные пути, которыми слѣдовали, чтобъ переполнить мѣру оскорбленія, а главное, на какихъ раціональныхъ началахъ политической экономіи или административной логики основать старанія, чтобъ подстрекнуть татаръ повинуть полуостровъ; и непостижимое равнодушіе нѣкоторыхъ, когда все татарское народонаселеніе, какъ бы объятые паническимъ страхомъ, бросивъ свои жилища и имущество, захваченное спекуляторами за полцѣны или даромъ, устремилось къ морскому берегу, чтобъ искать спасенія въ человѣколюбивой Турціи, оставивъ край, до того цвѣтущій и спокойный, обезлюденнымъ, съ неразработанными полями—въ настоящемъ, съ нищетою и голодомъ—въ недалекомъ будущемъ?

Трудно показать въ двухъ или трехъ словахъ, какимъ образомъ все это произошло. Тутъ дѣло идетъ о татарахъ, какъ и всѣхъ поклонникахъ исламизма, вѣрующихъ въ догматы фатализма, слѣдовательно, о народѣ, довольно нравственно направленномъ и способномъ многое переносить, а поэтому можно себя представить, какую сумму обидъ онъ претерпѣлъ и сколько нужно было побудительныхъ горькихъ причинъ, чтобъ поднять его, наконецъ, на ноги и заставить бѣжать изъ родного края. И дѣйствительно, причинъ этихъ такъ много, что рука затрудняется въ ихъ выборѣ; но вотъ главнѣйшія изъ нихъ:

1) Въ продолженіе всей минувшей войны казацкіе патрули, развѣзжая по губерніи, безпрестанно захватывали несчастныхъ татаръ подъ предлогомъ, что они намѣреваются перейти къ непріятелю и заставляли ихъ откупаться, а въ случаѣ отказа представляли ихъ начальству, какъ дезертировъ и измѣнниковъ. Этотъ

предлогъ сдѣлался для казаковъ источникомъ вѣрнаго дохода и безнаказаннаго грабежа. Едва зажиточный татаринъ выходилъ изъ деревни хотя бы за водою; казакъ ловилъ его на арканъ и требовалъ отъ 10 до 50 руб. сер. выкупа; если онъ не заплатитъ, представить его какъ перебѣжчика, покушавшагося пробраться къ непріятелю. Разумѣется, что большинство, понимая невозможность доказать свою невинность, отплачивалось, а тотъ, кто не могъ, не хотѣлъ или слишкомъ полагался на свою невинность, передавался въ руки военнаго начальства, которое, не имѣя ни возможности, ни времени разбирать подобнаго рода дѣла, и кромѣ того болѣе склонное предполагать въ татаринѣ измѣнника, отправляло всѣхъ безъ разбору за предѣлы Крыма. Въ послѣдствіи, хотя и наряжены особые коммисіи для разбора этихъ арестантовъ, но былъ ли какой-нибудь способъ повѣрить доказательства злонамѣренности или невинности тамъ, гдѣ не было ни документовъ, ни свидѣтелей, ни возможности уликъ на очной ставкѣ, потому что едва ли сотый изъ представленныхъ татаръ зналъ имя казака, его невинно захватившаго. Такимъ образомъ и по настоящее время находится въ губерніяхъ: орловской, курской, полтавской, екатеринославской и херсонской множество несчастныхъ татаръ, преимущественно изъ числа вполне невинныхъ, потому что они откупались менѣе другихъ, заброшенныхъ вдали отъ своихъ семействъ и родныхъ, въ положеніи, которому едва ли позавидуетъ и ссыльный въ Сибири. Если вопль этихъ несчастныхъ не слышенъ въ Крыму, все-таки онъ имѣетъ сильный отголосокъ въ сердцахъ оставшихся на родинѣ едино-вѣрцевъ, потому что каждый изъ нихъ имѣетъ или мать, или жену, или дѣтей, или кого-нибудь изъ родныхъ, которымъ извѣстна его горькая участь, а бесполезная, безчеловѣчная жестокость оставляетъ навсегда слѣды въ душѣ всякаго человѣка, какой бы вѣрѣ или націи онъ ни принадлежалъ.

2) Неуравнительность пособій или вознагражденія за убытки, понесенные во время войны.

а) Татары евпаторійскаго уѣзда получили страхового вознагражденія за разореніе домовъ только по 24 р. 50 к. на каждый дворъ. Этой суммы, очевидно, недостаточно не только для того, чтобъ постройиться окончательно, но даже и на покупку лѣсного матеріала, необходимаго для возобновленія разрушенныхъ строеній. Впрочемъ, маловажность или незначительность суммы не есть еще то, на что жалуются татары; если они недовольны, то это потому, что всякій разъ, когда дѣло шло о

вознагражденіи какого-нибудь жителя не-татарскаго происхожденія, пособие или ссуда были всегда гораздо значительнѣе.

б) Пособіе хлѣбомъ изъ сельскихъ запасныхъ и центральныхъ магазиновъ выдано заимообразно, изъ первыхъ—съ возвратомъ натурою, а изъ послѣднихъ—деньгами, по дорогимъ покупнымъ цѣнамъ. На такомъ же основаніи выдана поселянамъ мука, пріобрѣтенная отъ интендантскаго вѣдомства. За хлѣбъ, выданный изъ центральныхъ магазиновъ, взысканіе производилось съ надбавкою 10 и 20%. Взысканіе этихъ ссудъ послѣдовало почти вслѣдъ за раздачею, а именно съ 1858 года <sup>1)</sup>, такъ что за сѣмена ржи нѣкоторымъ поселянамъ пришлось возвратить ссуду еще до самаго урожая, между тѣмъ какъ часть татаръ евпаторійскаго и нѣкоторыхъ селеній другихъ уѣздовъ не могли заняться земледѣліемъ не только въ теченіе двухъ лѣтъ пребыванія войскъ въ Крыму, но и въ два послѣдовавшіе года, по причинѣ неполученія надлежащаго разрѣшенія селиться на прежнихъ мѣстахъ. Справедливость требовала бы возвратить эти ссуды по прошествіи 6 или по крайней мѣрѣ 4 лѣтъ, послѣ двухъ урожайныхъ годовъ и по существующимъ цѣнамъ. Вся эта ссуда, т.-е. подлежащая къ возврату деньгами, простиралась до 172,032 руб. Несообразность такого распоряженія бросается въ глаза, а потому можно легко себѣ представить какое оно произвело впечатлѣніе на татаръ.

в) За воловъ, павшихъ во время частой перевозкѣ для военныхъ потребностей, поселяне получили новыхъ, но не болѣе одной пары на каждаго домохозяина и одного вола за потерянную пару. Не только самая раздача, но и предварительная побѣрка, предшествовавшая вознагражденію, послужили поводомъ ко многимъ несправедливостямъ; но такъ какъ противъ этого значительныхъ жалобъ не поступало, то и говорить объ этомъ болѣе нечего.

г) За потерю цѣлыхъ стадъ овецъ, ковъ, коровъ, телятъ и всего хозяйственнаго обзаведенія татары евпаторійскаго, симферопольскаго и еодосійскаго уѣздовъ, воспользовались льготою не платить податей, но только на сумму 1 р. 78 к. на душу въ два года, тогда какъ въ 1856 году одинъ уже мірской сборъ дошелъ до 1 р. 97 к. съ души. Льготы же, которыми воспользовались русскіе поселяне, живущіе на казенной землѣ, простирались до 7 р. 6 к. на душу. Поселяне сѣверныхъ уѣздовъ, ко-

<sup>1)</sup> За одинъ интендантскій хлѣбъ взыскано до 1859 года изъ 73 т.—63,828 р., а во 1-е октября 1859 г. еще 4,648 руб.

торые не только не пострадали отъ войны, но даже имѣли выгоды отъ дорогой продажи своихъ произведеній, получили льготы: русскіе—на 5 р. 29<sup>1</sup>/<sub>2</sub>, татары—на 4 р. 51<sup>1</sup>/<sub>2</sub>, ногайцы—на 1 р. 8 к. — Можеть ли быть что-нибудь несправедливѣе этого пособія? Между тѣмъ оно ускользнуло отъ вниманія начальства. Пособіе заключалось въ избавленіи отъ платежа оброчной подати, которую платятъ только русскіе поселенцы и татары сѣверныхъ уѣздовъ, водворенные на казенной землѣ; но татары, живущіе на владѣльческихъ земляхъ, уплачиваютъ свой оброкъ помѣщикамъ деньгами или работою, и вслѣдствіе этого, не будучи изъяти отъ этой обязанности, не получили въ дѣйствительности никакого вознагражденія или пособія. Несообразность такого распоряженія обнаружилась только впоследствии, когда татары евпаторійскаго уѣзда стали приносить жалобы на недостаточность пособія.

д) Пособіемъ изъ вспомогательныхъ кассъ, не говоря уже о томъ, что оно выдавалось займообразно и за извѣстные проценты, могло воспользоваться только весьма незначительное число поселянъ и то, какъ бываетъ обыкновенно, одни богатые, а не дѣйствительно нуждавшіеся. Въ 1856 году жителямъ, болѣе пострадавшимъ, евпаторійскаго уѣзда обѣщано было правительствомъ, независимо отъ страхового за дома вознагражденія, еще по 25 р. на хозяйственное обзаведеніе; но это осталось только однимъ обѣщаніемъ. Ошибка непростительная, потому что въ глазахъ простолюдина неисполненіе обѣщанія, а тѣмъ болѣе даннаго правительствомъ, составляетъ не только обманъ или подлогъ, но какъ бы насильственное отнятіе собственности, за которую въ душѣ онъ невольно попрекаетъ начальство и теряетъ всякое довѣріе къ правительству. Вообще должно замѣтить, что всѣ эти пособія и вознагражденія за понесенные убытки во время войны въ Крыму произведены самымъ несправедливымъ образомъ и сильно поколебали привязанность татарскаго народонаселенія къ русскому правительству. Люди, которымъ поручено было исполненіе этой примирительной политической мѣры, излившейся такъ-сказать изъ царскаго милосердія и должнаго человѣколюбія, не поняли или не хотѣли понять своей святой обязанности и дѣйствовали въ этомъ важномъ случаѣ съ пагубнымъ легкомысліемъ и обычною недобросовѣстностью! Они не дѣлали различія между дѣйствительно пострадавшимъ и тѣмъ, который понесъ только незначительные убытки, между крестьяниномъ, поселеннымъ на казенномъ участкѣ, или татаринномъ-собственникомъ и бѣднякомъ, живущимъ на помѣщичьей землѣ. — Когда дѣло коснулось вознагражденія владѣльцевъ или помѣщи-

бывъ, они исключили изъ числа оныхъ простыхъ татаръ, не принадлежащихъ къ роду мурзъ или дворянскому сословію, и тѣмъ умножили число недовольныхъ и сумму обидъ, нанесенныхъ мусульманскому народонаселенію этого полуострова. Для при-  
мѣра возьмемъ одинъ изъ многихъ случаевъ, встречаемыхъ на  
каждомъ шагѣ. На основаніи отзыва министра внутреннихъ дѣлъ  
1859 года о томъ, что г. Симферополю назначается вспоможе-  
ствованіе по 22,314 р. въ годъ въ теченіе 6 лѣтъ, объявлено  
было жителямъ, какъ Высочайшая милость въ видѣ льготы послѣ  
военнаго времени, что они освобождаются отъ платежа квартир-  
ной повинности, въ продолженіе такого же срока. Но каково  
было ихъ удивленіе, когда въ 1860 г. имъ объявили, что это  
*ошибка*, и когда приказано было не только снова обложить го-  
родъ этою повинностью, но даже собрать съ гражданъ слѣдующія  
съ нихъ деньги за два предшествовавшіе года, за которые сбора  
производимо не было. Между тѣмъ жителямъ этого города при-  
читается еще за наемъ домовъ подъ госпитали военнаго времени  
26,344 р., которыхъ они еще *не получили*.

3) Разсматривая положеніе, въ которомъ находилось крымско-  
татарское народонаселеніе до начала послѣдней войны, мы по-  
казали въ общемъ очеркъ преобладавшее тамъ стремленіе исторг-  
нуть изъ рукъ этого класса всю находившуюся у нихъ поземель-  
ную собственность. Мало-по-малу стремленіе это сдѣлалось все-  
общимъ; частные случаи насильственного захвата чужихъ земель  
умножились до того, что сдѣлались какъ бы закономъ, а воз-  
держаніе отъ подобнаго своеволія какъ бы извѣтійемъ или исклю-  
ченіемъ. Насиліе и угнетеніе слабого проявлялись со всѣхъ сто-  
ронъ. Подъ разрушительнымъ вліяніемъ мѣстнаго управленія  
министерства государственныхъ имуществъ, собственные наслѣд-  
ственные участки государственныхъ крестьянъ изъ татаръ пре-  
вращались въ общественные, принадлежащіе не отдѣльнымъ  
лицамъ, а цѣлому обществу, а изъ сихъ послѣднихъ уже — въ  
казенные, т. е. въ землю, предоставленную попечительнымъ пра-  
вительствомъ въ пользованіе какому-нибудь сельскому обществу.  
Русскіе помѣщики изъ дворянъ, мурзы, греки, водворившіеся въ  
Крымъ, и переселенцы всѣхъ націй, имѣющіе право пріобрѣтать  
поземельную собственность, не отставали отъ заманчиваго при-  
мѣра, подаваемого имъ казною; всѣ устремились на пріобрѣте-  
ніе земли; вводы во владѣніе и купчія крѣпости посыпались  
какъ градъ, превратившій, наконецъ, въ грязь всѣ неотъемлемыя,  
священные права татаръ. Счастливы былъ еще тотъ, земля ко-  
торого изъ собственной превратилась только во временное вла-

дѣніе съ правомъ пользованія; — обыкновенно продѣля такого рода оканчивались совершенною потерей земли, а иногда и изгнаніемъ съ оной. Невольно приходимъ въ ужасъ при видѣ громадной массы спорныхъ дѣлъ такого рода, наводняющихъ судебныя мѣста Крымскаго полуострова, и разнообразіе средствъ и изворотовъ, къ коимъ прибѣгали эти безсовѣстные похитители татарской собственности. Напримѣръ <sup>1)</sup>: одинъ, не имѣвшій до того въ Крыму ни одного клочка земли, превращается вдругъ во владѣльца 13,000 десятинъ. Имѣеть ли какой-нибудь бѣдный татаринъ орѣховое дерево, приносящее въ годъ до 20,000 орѣховъ, — помѣщикъ, близъ земли котораго растетъ это соблазнительное дерево, проводитъ свою межу такъ, что въ одно прекрасное утро столѣтній пенъ и плоды оказываются уже на его участкѣ. Бѣдный татаринъ видитъ и не понимаетъ, какимъ образомъ дерево его могло перекочевать; онъ обращается къ начальству или въ судъ, а ему отвѣчаютъ, что подобные феномены весьма естественны и не требуютъ какого-либо особеннаго поясненія. Въ другомъ мѣстѣ помѣщики, продавая свое имѣніе, не показывали въ купчей крѣпости количество принадлежащей имъ собственной земли и тѣмъ давали новому приобрѣтателю возможность захватить и участки сосѣднихъ татаръ. Другіе имѣли дерзость показать въ завѣщаніяхъ, будто бы вся земля принадлежитъ имъ исключительно, а татары проживаютъ только на ней и пользуются своимъ участкомъ съ ихъ дозволенія. Были даже примѣры, что владѣльцы продавали земли своимъ родственникамъ-наслѣдникамъ, чтобы такимъ образомъ передать имѣніе съ правами на всю землю и на повинности татаръ. Если сравнить сумму земель двадцать пять лѣтъ тому назадъ, по праву собственности въ Таврической губерніи принадлежащихъ поселянамъ изъ татаръ, съ количествомъ, оставшимся въ ихъ рукахъ до начала минувшей войны, окажется, что она уменьшилась болѣе чѣмъ на половину, а послѣ кампаніи, въ особенности послѣ первыхъ примѣровъ переселенія въ Турцію, пропорція эта увеличилась по крайней мѣрѣ еще на одну четверть. Между тѣмъ, кто не знаетъ, что ничто не даетъ землѣ такой неподвижности и постоянства какъ земледѣліе, которое не можетъ согласоваться съ частымъ переходомъ изъ рукъ въ руки, который для него вреднѣе землетрясенія и почти всегда приводитъ къ упадку. Когда посмотришь на эти отвратительныя беззаконія, освященныя не только потакатель-

<sup>1)</sup> Какъ было уже сказано, нѣтъ ни одного изъ приведенныхъ случаевъ, который не подтвердился бы письменнымъ доказательствомъ.

ствомъ и лицепріятіемъ должностныхъ лицъ, но и рѣшеніями судебныхныхъ мѣстъ, невольно придетъ на память латинское изреченіе: *uae victis*, горе побѣжденнымъ, а въ русскомъ переводѣ—худо быть татаринномъ и жить въ Крыму! При таковомъ убѣжденіи вопросъ, почему татары покидаютъ Крымъ, перестаетъ уже быть загадочнымъ.

4) Въ горной части и на южномъ берегу полуострова, татары, въ ожиданіи рѣшенія процессовъ, пользовались бесплатно лѣсами, приписанными въ ихъ деревнямъ. Многіе изъ нихъ имѣли и до сихъ поръ имѣютъ планы генеральнаго межеванія, или опредѣленія межевой комиссіи 1800 года, на которыхъ имена нѣкоторыхъ изъ нихъ показаны собственниками лѣсныхъ дачъ, хотя на дѣлѣ сін послѣднія и не были отмежеваны отъ казенныхъ. Должно также замѣтить, что со введеніемъ правильнаго лѣснаго хозяйства, вслѣдствіе котораго они лишились права рубить по произволу лѣсъ, татары остались недовольны этимъ распоряженіемъ, а въ особенности вмѣшательствомъ лѣсничихъ. Въ 1859 г. поражаетъ ихъ новое ограниченіе: по распоряженію начальства, съ нихъ стали выскрывать небывалый до того налогъ или пошлину за пользованіе лѣсными матеріалами изъ казенныхъ дачъ. По сдѣланному въ палатѣ расчету, этотъ новый налогъ присчитали къ податямъ и стали взимать сборщиками податей на общемъ основаніи, не обращая никакого вниманія на то, пользуется ли нѣтъ лѣсомъ какой-нибудь татаринъ. Только въ послѣдствіи, когда начали поступать отъ разныхъ обществъ объявленія, что они въ этомъ лѣсѣ не нуждаются и брать его не желаютъ, освободились они отъ налога. Впрочемъ, изъ дѣлъ видно, что не всѣ, отказавшіеся отъ пользованія лѣсомъ, освободились въ то же время и отъ налога, установленнаго въ 1859 г. Понятно, что обязанность платить за лѣсъ, растущій на спорныхъ участкахъ, и на которые, по ихъ мнѣнію, они имѣютъ вѣспоримыя права, должна была возродить въ нихъ неудовольствіе и досаду. Къ этому обстоятельству присоединилось еще другое, не менѣе важное стѣсненіе. Казна, отмежевавъ свои лѣса, предложила татарамъ пользоваться изъ нихъ матеріалами за извѣстную плату; но татары отъ этого отказались, говоря, что они живутъ на собственныхъ участкахъ и въ казенномъ лѣсѣ не нуждаются. Однако это нimalo не помѣшало тому, что для окопки канавами этихъ же самыхъ лѣсовъ стали гонать татаръ за 3, 4, 30, 40 и 80 верстъ отъ дома. Эта тягостная барщина въ пользу казны стоитъ татарамъ при исполненіи ея натурою, съ каждаго дома, въ которомъ считается по ревизіи 4 души, до



8 р. въ годъ, такъ что домохозяинъ, не пользующійся ни казенною землею, ни казеннымъ лѣсомъ, уплачиваетъ до 27 р. с. въ годъ разныхъ налоговъ и податей. Врядъ ли существуютъ гдѣ-либо такіе обременительные налоги и подобнаго рода барщина. Простой мужикъ, будь онъ русскій или татаринъ, не смотритъ глазами, какъ смотритъ на вещи правительство; для него прошедшее и будущее—первое какъ вещь уже миновавшая, а второе какъ загадка, которую онъ разгадать не можетъ и не имѣетъ почти никакой возможности; все его вниманіе обращено на настоящее, а потому весьма естественно, что мѣра, принятая министерствомъ государственныхъ имуществъ для приведенія лѣсовъ въ порядокъ, вовсе не убѣдила татаръ въ необходимости дѣйствовать съ ними такимъ образомъ. Они понимаютъ, знаютъ и чувствуютъ только одно, что ихъ обижаютъ, отнимая лѣса, которые они считали своими <sup>1)</sup>, такъ какъ имѣютъ на нихъ планы и за обмежеваніе которыхъ недавно взысканы съ нихъ деньги; что ихъ безжалостно разоряютъ, налагая на нихъ оброкъ или пошлину за пользованіе, отъ котораго они отказываются, или что, наконецъ начальство посягаетъ на ихъ благосостояніе, заставляя ходить за десятки верстъ не только для работы, пользы которой они не видятъ, но еще для работы трудной по каменистой почвѣ и, по ихъ показаніямъ, совершенно имъ ненужной. Справедлива ли эта логика или нѣтъ—вопросъ не въ томъ. Дѣло идетъ тутъ о положеніи татаръ, а въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться, что управленіе государственныхъ имуществъ сдѣлало все, чтобъ быть ненавистнымъ татарамъ (въ этомъ оно вполне успѣло) и чтобъ расширить до предѣловъ возможнаго пагубное для края стремленіе татаръ выселиться изъ Крыма.

5) Какъ было уже сказано выше, въ Крыму нѣтъ почти предмета, на которомъ не лежало бы печати насилія и своекорыстнаго желанія извлечь для себя пользу. Причиняется ли чрезъ это величайшій вредъ татарамъ или нарушаются ли этихъ ихъ права, какое до того дѣло! была бы прибыль *мѣстному начальству*, а остальное не заслуживаетъ никакого вниманія.

Такимъ образомъ нѣкоторые владѣльцы сочли для себя выгоднымъ отвѣчь воду, потребную для водопоя или поливки садовъ, и тѣмъ поставить сосѣднихъ татаръ въ необходимость обращаться

<sup>1)</sup> Число татарскихъ селеній, имѣющихъ планы на лѣсныя дачи,—какъ, напримеръ, деревни Мисхари и Курацъ, представившія планы 1884 года,—довольно значительно. Крестьяне сихъ деревень показали въ то же время и копію съ просьбы, поданной ими 4 января 1860 г., въ которой они просили о назначеніи въ натурѣ границы ихъ дачамъ; но до января 1861 г., къ этому не было еще приступлено.

въ нимъ. Отъ этого рождаются новыя денежные сборы или повинности, тѣмъ тягостнѣе, что они касаются предмета первой необходимости, на который всѣ безразлично имѣють неотъемлемое право. Въ мѣстахъ, изобилующихъ водою, такого рода требованія со стороны помѣщиковъ были бы напрасны или смѣшны; но надобно припомнить, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Крымскаго полуострова въ лѣтнее время большая часть колодцевъ высыхаетъ, и что рѣдкіе ауны (пруды), въ которыхъ остается еще вода, въ это время года прѣхнутъ или наполняются водянными насекомыми, отъ чего вода въ нихъ почти негодна для питья, не только людямъ, но даже для животныхъ. Здѣсь встаетъ упомянуть о нѣкоторой особенностях, весьма важной, когда возникъ вопросъ о заселеніи этого края новыми поселенцами; именно, что только мѣстные жители могутъ безнаказанно пить въ лѣтнее время воду изъ этихъ ауновъ, — на всякаго новопришельца она дѣйствуетъ губительнымъ образомъ. Изъ этого видно, какое существенное стѣсненіе претерпѣвають нѣкоторые татары отъ сосѣднихъ владѣльцевъ, воображающихъ, что отвести воду, прорыть новое ложе ручью или скоплять воду въ особенномъ резервуарѣ, не составляетъ противозаконнаго присвоенія общей собственности, и что они только пользуются своимъ правомъ. Конечно, это — право, но право сильнаго, стоящее въ Крыму выше всѣхъ законовъ, и отъ котораго съ ужасомъ бѣжитъ все татарское народонаселеніе.

6) Но тамъ, гдѣ болѣе всего обнаруживается бѣдственное положеніе татаръ Таврической губерніи, это тягость налоговъ и разнаго рода казенныхъ повинностей деньгами, доходящихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ утверждаютъ татары, до 10 р. с. съ души. Чтобы убѣдиться въ справедливости этого упрека, стоитъ только бросить взглядъ на прилагаемую при семъ сравнительную вѣдомость окладовъ сбора съ души государственныхъ крестьянъ изъ татаръ ятинскаго уѣзда, не пользующихся ни казенною землею, ни казеннымъ лѣсомъ, ни какими-нибудь другими угодьями, слѣдовательно, совершенно свободныхъ отъ всякихъ матеріальныхъ повинностей. Изъ этой вѣдомости видно, что менѣе тѣмъ въ двадцать-пять лѣтъ налоги болѣе чѣмъ удвоились, а число чиновниковъ или чиновъ управленія государственныхъ имуществъ болѣе чѣмъ учетверилось <sup>1)</sup>. Изъ этого можно себѣ пред-

<sup>1)</sup> До учрежденія палаты государственныхъ имуществъ.

Съ поступленіемъ въ управленіе министерства государственныхъ имуществъ.

Въ 1860 году.

	Ассигнац.		Серебромъ.
Подушныхъ . . . . .	1 р. 50 к.	Податей . . . . .	— р. 72 к.
Земскаго сбора . . . . .	1 „ 24 1/2 „	Земскаго сбора . . . . .	1 „ 53 1/2 „

ставить, до чего доходятъ налоги крестьянъ, надѣленныхъ казенною землею и пользующихся какими-нибудь другими угодьями. Достаточно только сказать, что одно управленіе государственныхъ имуществъ въ Крыму стоитъ казеннымъ крестьянамъ 102,489 р. въ годъ. Страшная сумма, когда сравнить ее съ пользою, которую имѣетъ народъ отъ этого учрежденія, несообразнаго уже ни съ духомъ времени, ни съ характеромъ татаръ и дѣйствительными нуждами края. Что же касается крестьянъ, поселенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ, то положеніе ихъ въ этомъ отношеніи едва ли удовлетворительнѣе потому, что въ опредѣленіи налога царствуетъ еще болѣе произволъ. Есть владѣльцы, которые независимо отъ денегъ и отбыванія различныхъ повинностей, обложили женщинъ извѣстнымъ сборомъ, яйцами, нитями, птицею и проч., а потому нѣтъ почти никакой возможности опредѣлить хотя приблизительно величину сборовъ, производимыхъ помѣщиками. Есть даже помѣщики, которые взимаютъ деньги за переѣзды черезъ ихъ дорогу. Это какъ бы дорожныя заставы,

На волостныя правленія . . . . .	— „ 15 „	Мірскаго сбора . . . . .	1 „ 7 1/2 „
На земскіе суды . . . . .	— „ 80 „	Общественнаго сбора . . . . .	— „ 61 1/4 „
На топливо . . . . .	2 „ 54 3/4 „	Въ продовольственный ка-	
На устройство городовъ . . . . .	1 „ 50 „	питаль . . . . .	— „ 6 „
На гвардейск. эскадронъ . . . . .	— „ 44 1/4 „	На устройство городовъ . . . . .	— „ 43 „
Итого . . . . .	7 р. 69 к.	Вмѣсто сбора хлѣба . . . . .	— „ 15 „
или . . . . .	2 р. 19 к. с.	Страхового, по меньшей	
		мѣрѣ . . . . .	— „ 12 „
		На гвардейск. эскадронъ . . . . .	— „ 12 3/4 „
		Итого . . . . .	4 р. 83 „

Съ помѣщичьихъ крестьянъ взимается податей по 1 р. 98 к. съ души.

#### Ч и с л о ч и н о в ъ :

	До учрежденія министерства.	Съ учрежден. министерства.
Въ налѣтѣ . . . . .	11	51
„ округахъ . . . . .	0	23
„ волостяхъ . . . . .	111	114
„ сельскихъ обществахъ . . . . .	477	659
„ сельскихъ расправахъ . . . . .	0	187
Итого . . . . .	599	1084
Сверхъ того:		
Лѣсной стражи . . . . .		220
Полицейскихъ управленій . . . . .		1519
		2716

Что на 229,706 ревизскихъ душъ мужскаго пола государственныхъ крестьянъ, составленъ по одному чиновнику на 82 души.

черезъ которыхъ безъ платежа не можетъ проѣхать ни возъ съ дровами, ни возъ съ сѣномъ.

7) Ни въ одной части не обнаруживается въ такой безобразной наготѣ насиліе, своеволие и безчеловѣчная жестокость, какъ въ повинностяхъ, отбываемыхъ татарскимъ народонаселеніемъ въ Крыму. Неопредѣлительность и безпорядки, господствующіе въ этой части, превосходятъ всякое вѣроятіе. Владѣльцы, чиновники управленія государственныхъ имуществъ, мѣстные сельскія власти, земская полиція, всѣ отъ малаго и до большого бичуютъ наперерывъ бѣдное мусульманское народонаселеніе этого края и довели его до отчаянія. Спасенія не было и оно обратилось въ бѣгство.

Такъ какъ размѣры, довольно сжатые, сего описанія не позволяютъ объять всѣхъ пунктовъ этого пространнаго поля беззаконія, то надобно ограничиться указаніемъ главнѣйшихъ изъ нихъ и уже по единицамъ судить объ итогѣ. Но прежде нежели мы приступимъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ пунктовъ, необходимо бросить взглядъ на одно обстоятельство, имѣвшее сильное вліяніе на татаръ. Вскорѣ послѣ послѣдней (т.-е. крымской) войны и заключенія мира, именно въ 1856 году, правительство, желая оградить татарское народонаселеніе отъ неопредѣлительности и несоразмѣрности повинностей, отправляемыхъ поселянами помѣщичьихъ земель, учредило особую комиссію для составленія по этому предмету особаго положенія. Татары сначала съ величайшею радостью узнали о такомъ распоряженіи, но не долго продолжалась ихъ надежда. Землевладѣльцы, имѣя въ виду на правленіе, данное вопросу объ уничтоженіи крѣпостного состоянія, стали опасаться, чтобы труды особой комиссіи не привели и ихъ къ тому же результату, т.-е. если не къ надѣлу землею, то къ дарованію прочной освѣдлости. Эти опасенія имѣли слѣдствіемъ, что многіе изъ нихъ стали объявлять татарамъ, что они болѣе не желаютъ имѣть ихъ на своихъ земляхъ, и требовать, чтобы они выселились куда пожелаютъ, такъ какъ они люди свободные, не крѣпостные. Такое грустное, хотя законное распоряженіе окончательно убѣдило нѣкоторыхъ татаръ, что они безвозвратно лишились земель, которыя они считали своими. Это обстоятельство, какъ можно себѣ представить, только понудило ихъ къ выселенію, но, касаясь исключительно крестьянъ, поселенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ, оно далеко не было такъ чувствительно, какъ повинности, отбываніе которыхъ поражаетъ все народонаселеніе вообще. Одна изъ самыхъ тягостныхъ повинностей въ Крыму есть отбываніе подводъ, потому что неза-

висимо отъ денегъ, которыя взимаются для содержанія лошадей на станціяхъ, большую часть времени обыватели принуждены отправлять ее натурою. Наемъ лошадей для разъѣздовъ чиновниковъ всегда обходился довольно дорого, особенно въ 1856 году. Мірской сборъ на этотъ предметъ простирался до 2 р. с. съ души. Въ 1859 году онъ хотя и упалъ, но все-таки превышалъ еще 1 р. с. Эта повинность была особенно обременительна въ симферопольскомъ уѣздѣ, гдѣ пара лошадей контрактовалась отъ 600 до 700 р., а число лошадей на станціяхъ доходило до 12 и болѣе. Подъ предлогомъ недостатка лошадей на станціяхъ брались отъ татаръ обывательскія. Вонечно, это обстоятельство не ново и встрѣчается также и въ другихъ губерніяхъ Россіи; но за то сборъ деньгами для содержанія лошадей никогда не доходилъ тамъ до такой баснословной высоты. Говоря о лѣсахъ, мы видѣли, до какой степени справедливы жалобы татаръ; обязанность отправляться по наряду на лѣсные работы иногда за цѣлыя десятки верстъ для окопки дать каменистой почвы канавами или постройки сторожевыхъ домовъ, въ размѣрѣ, превосходящемъ число дней, определенное 573 ст. уст. лѣсн., и въ дачахъ, не только прилегающихъ или приписныхъ, но и въ казенныхъ, изъ которыхъ поселане вовсе не пользуются дровами, есть и будетъ всегда одною изъ самыхъ обременительныхъ повинностей. Этимъ не ограничиваются однакожъ притѣсненія, претерпѣваемыя татарами отъ такъ-называемаго правильнаго лѣсного хозяйства. Захватъ или загонъ скотины, пасущейся въ казенныхъ лѣсахъ, съ тѣмъ, чтобы сорвать съ бѣдняка штрафъ, доходящій до 1 р. и болѣе съ каждой головы, производится казенными лѣсничиками точно такъ же, какъ и объѣзчиками помѣщиковъ. Кромѣ того татарамъ, живущимъ около казенныхъ лѣсовъ, запрещено держать козъ, вредящихъ будто бы молодой подросту <sup>1)</sup>, — что для нихъ крайне обременительно по немѣнѣю, напримѣръ, на южномъ берегу на отведенныхъ выгонахъ, на сѣновосахъ для прокормленія рогатой скотины зимою. Въ отбываніи дорожной повинности усматривается точно такая же неуравновѣшенность и произволъ. Но ничто не можетъ сравниться съ тягостью повинностей, возложенныхъ помѣщиками на крестьянъ, живущихъ на ихъ землѣ. Не довольствуясь деньгами или извѣстною работою за право пастись скотъ на нѣкоторыхъ участкахъ, помѣщики безпрестанно загоняютъ въ себѣ скотъ и берутъ съ крестьянъ за возвратъ выкупъ.

<sup>1)</sup> Подростъ эта растетъ на мѣстахъ каменистыхъ, гдѣ и безъ того никогда лѣсу быть не можетъ, по недостатку растительнаго слоя для корней деревьевъ.

ную плату, доходящую иногда до 1 р. съ каждой штуки. Иногда же они задерживаютъ скотъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней и употребляютъ его для своихъ работъ. Въ отношеніи же повинностей, отбываемыхъ крестьянами натурою, во время посѣва, сѣновоса или другихъ хозяйственныхъ работъ, господствуетъ также добрая воля и произволъ землевладѣльца:—положеннаго числа дней—нѣтъ, иные требуютъ съ крестьянъ 20, другіе 30, 40, 50 и болѣе дней въ году <sup>1)</sup>. Понятно послѣ этого, что для татарскаго народонаселенія такое положеніе сдѣлалось невыносимымъ и что оно рѣшилось искать спасенія въ Турціи, хотя бы это переселеніе было сопряжено для нихъ съ совершеннымъ разореніемъ.

8) Не менѣе влиянія имѣло на переселеніе татаръ судоустройство и судопроизводство въ Крыму, а въ особенности многосложность и неудовлетворительность управленія государственныхъ имуществъ. И дѣйствительно, несообразность съ духомъ и характеромъ этого народа формъ административнаго устройства управленія, множество начальниковъ, ихъ злоупотребленія, при отсутствіи всякаго попечительства и покровительства, не могутъ нравиться добродушной и честной натурѣ татаръ Крымскаго полуострова, припоминающихъ съ любовію не только простую форму своего прежняго мусульманскаго управленія кадіями, но и счастливое, по ихъ понятіямъ, время, когда они были подчинены министерству финансовъ <sup>2)</sup>. До какой степени татары ожесточены противъ множества различныхъ начальниковъ, видно уже изъ того, что жители подгородныхъ Ялтѣ селеній Айвалель, Лутеи и Дерикой, имѣющіе собственные крѣпостныя земли, стоящія до 500 р. с. десятина, отдають ихъ городу, дабы только перечислиться въ мѣщане и тѣмъ избавиться отъ толпы чиновниковъ и сопряженнаго съ этимъ обремененія подводами, квартирами и другими требованіями. По той же причинѣ проселане Алушты просятъ объ обращеніи этого мѣстечка въ городъ, а ихъ самихъ въ мѣщане. Страшно подумать, что надъ каждымъ татаринимъ, какъ мечъ надъ головою, виситъ произволъ и прихоть 34 чело-

<sup>1)</sup> Надобно замѣтить, что всѣ эти данныя не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію. Множество жалобъ, какъ словесныхъ, такъ и на бумагѣ, съ обозначеніемъ именъ владѣльцевъ и претензій крестьянъ, свидѣлствуютъ о горестномъ положеніи сихъ послѣднихъ.

<sup>2)</sup> Сложность и неудобство, проистекающія отъ подобнаго управленія, были еще признаки бывшимъ министрамъ государственныхъ имуществъ графомъ Киселевымъ и имъ предполагалось уничтожить окружающаго управленія, а также и одну изъ сельскихъ инстанцій. Последнее уже было введено въ нѣкоторыхъ губерніяхъ.

вѣкъ разнаго рода начальства, которое не только не удовлетворяетъ никакимъ просьбамъ и не ограждаетъ его отъ притѣсненій, а напротивъ того само ему причиняетъ тѣмъ обидъ и оскорбленій. Для примѣра можно привести, что удостовѣреніе на получение паспорта обходилось каждому просителю въ 25, 35 и 50 р. с. Вредъ, произведенный этою бюрократіею и представителемъ ея, чиновнымъ классомъ, неисчислимы; можно даже сказать, что они убили въ сердцахъ татарскаго населенія въ Крыму всякую любовь къ отечеству, довѣріе и преданность къ русскому правительству.

9) Татары акеобинскаго, айкинскаго и апаскаго сельскихъ обществъ акшійской волости еодосійскаго уѣзда имѣютъ съ небольшимъ по одной десятинѣ общественной земли на душу, нѣкоторые даже живутъ на помѣщичьихъ участкахъ, а другіе занимаютъ полъ-пахши, сѣнокосы или выгоны земли отъ сосѣднихъ владѣльцевъ. Обременительныя повинности, отлаки и загонъ или захватъ скота, которые были слѣдствіемъ такой зависимости, заставили ихъ обратиться къ начальству съ просьбою надѣлать ихъ землею въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи, изъ приписанныхъ ногайцамъ, гдѣ съ давнихъ лѣтъ проживало значительное число семействъ этой волости. Въ этомъ было имъ отказано предписаніемъ департамента сельскаго хозяйства отъ іюня мѣсяца 1859 года съ предложеніемъ, если пожелаютъ получить надѣлъ земли, то въ оренбургской губерніи. Понятно, что такое неожиданное предложеніе, основанное, можетъ быть, на какихъ-нибудь высшихъ соображеніяхъ, будучи сдѣлано въ минуту, когда татары, сознавая свое безвыходное положеніе и идея о переселеніи сдѣлалась у нихъ почти общемою, могло только усилить движеніе и увѣрить татаръ, что правительство имѣетъ дѣйствительное намѣреніе изгнать ихъ изъ Крыма. Какъ можно было ожидать, этою неполитическою ошибкою (потому, что это была ошибка непростительная) воспользовались люди, но какимъ бы то ни было побужденіемъ желавшіе удаленія татаръ, большая часть которыхъ еще колебалась и не приступала къ выполнению этой пагубной для края мѣры.

10) Весною 1859 года, а, можетъ быть, и немного прежде, отъ имени намѣстника кавказскаго предложено было закубанскимъ горцамъ переселеніе въ оренбургскую губернію съ тѣмъ, что тотъ изъ нихъ, кто этого не пожелаетъ, можетъ отправиться въ Турцію, а для облегченія переселенія даны имъ были пароходы русскаго общества пароходства и торговли. Толпы этихъ горцевъ, боясь переселенія въ незнакомую имъ оренбургскую

губернію, двинулись къ различнымъ портамъ Азовскаго моря и къ городу Керчи, чтобы сѣсть на пароходъ и искать убѣжища въ Турціи. Это сильно подѣйствовало не только на татаръ, но и на ногайцевъ и убѣдило ихъ, что это первый шагъ къ общей мѣрѣ выселенія магометанъ за предѣлы російской имперіи.— «Мы вѣрно служили русскому царю,—говорили нѣкоторые изъ нихъ,—указывая на свои медали и шашку,—а онъ насъ гонить! Вотъ мы и ѣдемъ къ своему государю турецкому султану». Не успѣвши отправиться за-границу осенью 1859 г., переселившіеся изъ закавказья татары перезимовали въ сѣверныхъ уѣздахъ Таврической губерніи и только весною слѣдующаго года могли уже исполнить свое намѣреніе. Понятно, какое дѣйствіе должны были произвести на умы татарскаго народонаселенія Крыма возмутительныя слова и примѣръ единовѣрцевъ въ продолженіе всей этой зимы. Даже и тѣ, которые до того, можетъ быть, и не думали о возможности покинуть родной край, стали помышлять о необходимости скорѣе выселиться въ Турцію къ народу, соединенному съ ними узами религіознаго родства, подъ защиту державы, бывшей нѣкогда ихъ законною повелительницею. Впрочемъ, такое намѣреніе было весьма понятно. Еще въ 1803 году, въ бытность графа Кочубея министромъ внутреннихъ дѣлъ, была сдѣлана первая попытка очистить Крымъ отъ татаръ. По счастью мѣра эта осталась безъ послѣдствій. Татары готовились къ выѣзду и получили уже паспорта, какъ вдругъ генералъ-лейтенантъ дюкъ де-Ришельё, объѣзжавшій тогда Крымъ, убѣдился, что при такихъ мѣропріятіяхъ край совершенно опустѣетъ, представилъ о томъ правительству и въ 1804 году послѣдовало новое распоряженіе, въ слѣдствіе котораго движеніе остановлено, а выданные наспорты отобраны отъ татаръ. Замѣчательно, что въ дѣлахъ канцеляріи таврическаго губернатора по сему предмету нѣтъ бумажка отъ 30 октября 1804 г., въ которой бывшій херсонскій военный губернаторъ Розенбергъ предписывалъ таврическому гражданскому губернатору внушить русскому крѣпостному населенію сѣверныхъ уѣздовъ этой губерніи, что разрѣшеніе къ выселенію въ Турцію, данное татарамъ, на нихъ не распространяется <sup>1)</sup>!

11) Къ числу мѣръ, произведшихъ непріятное вѣдѣніе на татарское народонаселеніе, должно отнести распоряженіе тав-

<sup>1)</sup> При этомъ дѣлѣ нѣтъ описи имуществу, проданному татарами перекопскаго уѣзда въ 1804 году. Оцѣненное въ 35,080 р. асс., оно было продано только за 15,462 р., отъ чего татары понесли убытку на 19,618 р. Эта цифра можетъ служить указаніемъ на то, что произошло теперь при продажѣ имущества татарскаго народонаселенія,



рической палаты государственныхъ имуществъ относительно отрѣзки излишнихъ и запасныхъ земель и переоцѣнки оныхъ для обложенія ихъ новымъ налогомъ въ пользу казны. Эта мѣра, въ исполненію которой приступлено уже послѣ последней войны въ минуту, когда мысль о переселеніи въ Турцію пробудилась, не могла нравиться татарамъ. Какъ она ни рациональна, правильна или законна, если судить объ ней съ экономической или хозяйственной точки зрѣнія, — будучи разсматриваема со стороны политической или административной, она лишена всякаго основанія или благоразумной необходимости. Главная задача всякаго хорошаго управленія въ подобныхъ обстоятельствахъ состоитъ не въ возбужденіи спорныхъ вопросовъ, не въ несвоевременномъ подстрекаваніи и раздуваніи огня неудовольствія въ сердцахъ массъ, а въ терпѣливомъ выжиданіи болѣе благоприятнаго времени и случаевъ, въ успокоительномъ, примирительномъ образѣ дѣйствій, въ административномъ тактѣ, условливающимъ ничего не предпринимать, что не можетъ быть произведено безъ потрясенія. Вотъ почему не слѣдовало мѣстному начальству, отъ вниманія котораго не могло скрыться общее направленіе умовъ, приступить въ это время къ новымъ преобразованіямъ и ограниченіямъ. Такъ и сбылось, какъ можно было ожидать. Поселенне остались недовольны, во-первыхъ потому, что эти мѣры для нихъ непонятны и непріятны, какъ всякая непонятная новизна; во-вторыхъ потому, что они предвѣдѣли, или лучше сказать, предугадывали, что слѣдствіемъ ихъ будетъ не пониженіе, а возвышеніе налоговъ, и въ-третьихъ потому, что въ опредѣленіи ихъ отношеній къ помѣщикамъ они подозрѣвали прикрѣпленіе ихъ къ землѣ. Впрочемъ здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, можно сказать, что всегда и вездѣ ошибки низшаго класса происходятъ не столько отъ собственной его вины, сколько отъ оплошности и по ошибокѣ тѣхъ, кто имъ руководить. Будь мѣстное управленіе въ Крыму, а въ особенности государственныхъ имуществъ, болѣе достойно своего высокаго назначенія, никогда не видалъ бы свѣтъ въ XIX вѣкѣ, въ царствованіе милосерднаго царя, зрѣлище, сродное только первымъ вѣкамъ исторіи, грустное и страшное перекочеваніе столычнаго народонаселенія, бросающаго христіанскую землю, чтобы искать убѣжища въ странѣ, почитаемой варварскою.

12) Къ нововведеніямъ, пагубнымъ образомъ подѣйствовавшимъ на татаръ, можно отнести также мѣры, предпринятія во второй половинѣ 1858 и началѣ 1859 годовъ относительно распространенія между ногайцами и татарами русскаго языка и устройства школъ. Не странно ли такое предпріятіе въ минуту,

когда всѣ усилія мѣстнаго начальства блонились только къ тому, какъ бы выжить татаръ изъ Россіи? Странное противорѣчіе: оно вдругъ устремляетъ все вниманіе на ихъ моральное и умственное образованіе, хлопочетъ о распространеніи между ними русскаго языка, дабы они могли и въ самой Турціи выражаться этимъ милымъ для нихъ нарѣчіемъ, съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаетъ высшее начальство о томъ, что татарское народонаселеніе воснѣтъ въ грубѣйшемъ невѣжествѣ и ревностно принимается за устройство школъ <sup>1)</sup>. Надобно сознаться, что такой поворотъ не лишенъ комизма; но можно ли смѣяться тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ участи цѣлаго народа и благоденствіи цѣлаго края? Тѣмъ не менѣе мѣры эти, къ выполненію которыхъ приступлено было безъ всякой осторожности, совпадая нѣкоторымъ образомъ съ носившимися уже фальшивыми слухами о какомъ-то тайномъ намѣреніи правительства искоренить исламизмъ, вооружили магометанскій фанатизмъ, и безъ этого встревоженный республиканіемъ высочайше утвержденнаго устава Общества распространенія православія за Кавказомъ. Все это, въ сплетеніи одно съ другимъ, будучи истолковано въ превратномъ видѣ или злонамѣренно искажено нѣкоторыми фанатиками и распространителями вредныхъ слуховъ, дало не маловажный толчекъ переселенію.

13) По мнѣнію многихъ, главнѣйшею причиною, побудившею татаръ переселиться въ Турцію, былъ мусульманскій фанатизмъ; но въ какой мѣрѣ это справедливо, того съ достовѣрностью никто не показывалъ. Конечно, между татарами-есть также ревностные послѣдователи корана, честолюбцы, жаждущіе вліянія на умы и дѣла своихъ согражданъ, чтобъ чрезъ то подчинить ихъ своей власти и своимъ личнымъ интересамъ, люди безпокойные и строптивые, вѣчно недовольные существующимъ, проповѣдники лживыхъ началъ, мнимо вдохновенные, волнующіе народъ и стремящіеся къ какой-то несбыточной цѣли,—но религіозныхъ фанатиковъ въ тѣсномъ значеніи этого слова, по существу уже самаго исламизма, нѣтъ и быть не можетъ. Въ этой вѣрѣ нѣтъ стремленія въ общности, все ограничивается буквальнымъ или слѣпымъ исполненіемъ

<sup>1)</sup> Не говоря уже о крестьянахъ, живущихъ на помѣщичьей землѣ, если сравнить грамотность татаръ съ грамотностью государственныхъ крестьянъ, то преимущество останется на сторонѣ первыхъ. Изъ свѣдѣній, имѣющихся въ Вольно-экономическомъ Обществѣ, видно, что число татарскихъ училищъ въ Крыму весьма значительно, а именно: однихъ медресъ (высшихъ училищъ) 47; въ нихъ учащихся 2,200 учениковъ, 1 на 45 человекъ мужского пола,—обучаются и дѣвочки. Такая пропорція не встрѣчается и между крестьянами нѣкоторыхъ великороссійскихъ губерній.

единицами правилъ, закономъ постановленныхъ, нѣтъ ни различнаго ученія потому, что секты, какъ, напримѣръ, Алія или Омара, не касаются догматовъ, ни религіозныхъ обрядовъ, ни пропаганды или прозелитизма. Хотя, въ августѣ 1859 года и получено управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ донесеніе оеодосійскаго окружного начальника, будто бы въ окрестностяхъ Керчи показались какія-то прибывшія изъ Турціи духовнаго званія лица, призывающія особымъ воззваніемъ на арабскомъ языкѣ татаръ къ выселенію изъ Крыма, однакожь, какъ оказалось впослѣдствіи, никто этихъ людей не видалъ, а потому сомнительно даже, чтобы вышеупомянутое воззваніе или прокламація была дѣйствительно прислана изъ Турціи. Можно даже скорѣе предположить, что это былъ плодъ какого-нибудь мѣстнаго фанатика, — тѣмъ вѣроятнѣе, что прокламаціи эти были написаны на бумагѣ, фабрикованной въ Россіи, — и онѣ не имѣли существеннаго вліянія на общій ходъ переселенія. Причины или доводы, приводимые этимъ воззваніемъ, какъ, напримѣръ: что между государями заключено 36 статей (условій), что девятнадцатою изъ нихъ разрѣшается свободное переселеніе всякому, кто куда пожелаетъ, что надобно стараться выселиться до истеченія срока, постановленнаго этими условіями, что мусульманинъ, лишенный возможности или свободы исполнять шаріатъ и всѣ его религіозно-гражданскіе обряды, долженъ переселиться и т. п., суть ничто иное, какъ общія мѣста воззваній такого рода, ходившихъ по рукамъ въ предѣлахъ Кавказа, съ тѣхъ поръ какъ тамъ проповѣдывали казаватъ (священную войну противъ не вѣрныхъ) и какъ образовался мюридизмъ. Что глава магометанскаго духовенства и турецкое правительство не принимали почти участія въ этомъ движеніи, видно уже изъ горестнаго положенія, въ которомъ находились въ теченіе лѣта и осенью 1859 г. закубанскіе горцы, прибывшіе въ Константинополь <sup>1)</sup>. Они считались по улицамъ, кочуя подъ открытымъ небомъ и прокармливались подаваніемъ и 15 к. въ недѣлю, выдаваемыми имъ изъ состраданія на пропитаніе султаномъ Абдулъ-Меджидомъ. Все это подтверждено показаніями очевидцевъ. Нѣтъ также особеннаго основанія думать, что шейхъ-уль-исламъ участвовалъ въ этомъ. Что же касается магометанскаго духовенства въ Крыму, число котораго простирается до

<sup>1)</sup> Изъ дипломатической переписки турецкаго правительства 1859 года видно, что оно признавало для себя обременительнымъ свободное переселеніе русскихъ подданныхъ магометанскаго исповѣданія въ Турцію, просило наше правительство, чтобы это переселеніе было приостановлено и не разрѣшалось безъ предварительнаго согласенія обомъ правительствамъ.

3,284 душъ (муж. пола), можно почти утвердительно сказать, что оно нисколько не сочувствовало переселенію и что ни муфтіи, ни кади-эскеръ, ни прочіе члены, ни тайно, ни явно не подстрекали своихъ согражданъ къ мѣрѣ, признаваемой ими гибельною какъ для самихъ татаръ, такъ и для себя. Напротивъ того, они были бы готовы противодѣйствовать этому движенію, еслибы не боялись чрезъ то подвергнуться отвѣтственности или заслужить негодованіе правительства, повидимому, не только не препятствовавшего, но и способствовавшего ему. Справедливость требуетъ сказать, что магометанское духовенство Крыма всегда строго исполняло свой долгъ и никогда не становилось враждебнымъ образомъ противъ правительства, хотя со стороны мѣстнаго начальства и были случаи, въ которыхъ духовенство, терпѣливое менѣе татарскаго, не осталось бы равнодушнымъ. Напримѣръ: деньгами магометанъ, не имѣющихъ хорошихъ мечетей, построены въ Ялтѣ и Алуштѣ православныя церкви, стоившія 70,200 р. 50 коп. <sup>1)</sup>. На счетъ такъ-называемаго татарскаго сбора воспитываются въ одесскомъ институтѣ и гимназій дѣти дворянскаго сословія различныхъ губерній <sup>2)</sup>. Все это извѣстно магометанскому духовенству, но оно никогда настойчиво не жаловалось противъ этихъ явныхъ несправедливостей. Надобно замѣтить, что въ этомъ отношеніи и самый народъ, слѣдуя благому примѣру своего духовенства, всегда являлъ собою примѣръ кротости, вѣрности и преданности русскому правительству. Изъ этого не слѣдуетъ даже исключать и время войны въ Крыму, потому что частныя случаи противнаго, проявившіеся въ продолженіи кампаній, ни мало не уничтожаютъ общаго правила и могутъ быть опровергнуты сотнями примѣровъ рѣдкой честности и вѣрно-подданническаго долга. И дѣйствительно, въ чемъ можно упрекнуть татаръ вообще? Развѣ въ томъ, что нѣкоторые жители Евпаторіи и Керчи, увлеченные своимъ пристрастіемъ къ единоплеменникамъ туркамъ и оболъченные громкими обѣщаніями союзниковъ, расточавшихъ предъ ними и деньги и краснорѣчіе, тогда какъ русскіе обращались съ ними съ холодною суровостью и явнымъ недоброжелательствомъ, боясь наказанія, послѣдовали за непріятельскими арміями, когда заключенъ былъ миръ? Развѣ за то, что жители нѣкоторыхъ селеній, болѣе приближенныхъ къ театру военныхъ дѣйствій, удалялись, скрывая свои позитки, когда приближались наши войска, или за то, что все татарское

<sup>1)</sup> Въ г. Симферополѣ каменная ограда около соборной церкви.

<sup>2)</sup> И много палатъ государственныхъ имуществъ Таврической губерніи!

народоначеліе въ чаду какаго-то невозможнаго съ его стороны патріотизма не принесло въ жертву торжеству нашего оружіа самихъ себя, женъ, дѣтей и все свое состояніе? Признаться, такіа требованія не имѣютъ смысла, а между тѣмъ въ сущности вотъ въ чемъ упрекаютъ татаръ, забывая, что такую сверхъестественную доблесть и примѣрное самопожертвованіе требуютъ отъ народа покореннаго, не имѣющаго съ нами ничего общаго, ни вѣру, ни языкъ, ни обычаи, ни нравы, отъ племени угнетеннаго, не утратившаго еще памяти того, чѣмъ онъ былъ прежде и чѣмъ онъ теперь! Негодовать и сѣтовать на татаръ за то, что каждый изъ нихъ по мѣрѣ силъ не сдѣлался въ своемъ родѣ какимъ-нибудь Мининымъ, Пожарскимъ или Сусанинымъ, можетъ только придти въ голову человѣку, не знающему ни исторіи, ни времени, въ которомъ мы живемъ, ни племени, про которое говоримъ, ни сердца человѣческаго, одинаковаго у всѣхъ народовъ, когда касается общихъ побужденій. Указывая на одни только пятна и не выставляя въ то же время и хорошихъ сторонъ, эти порицатели татарскаго народонаселенія забываютъ, что они прегрѣшаютъ предъ правительствомъ, требующимъ отъ нихъ не угодливости или религіознаго поборничества, а истины и справедливой оцѣнки народа и дѣйствительныхъ нуждъ края, что они преступаютъ законы христіанской церкви, въ основаніи которой лежитъ милосердіе и вытекающая изъ оной вѣротерпимость, и что, наконецъ, они виновны предъ всѣмъ человѣчествомъ, посягая на покой и благосостояніе дѣлаго народонаселенія. Называя татаръ дурными и вредными, эти клеветники не говорятъ о множествѣ примѣровъ честности и преданности своимъ помѣщикамъ, ни о томъ, что имущество нѣкоторыхъ изъ нихъ во время войны спасено отъ расхищенія стараніями простыхъ татаръ. Достоинно замѣчанія еще и то, что въ Крыму было до 40 волостей и болѣе 20 вспомогательныхъ и сберегательныхъ кассъ и что суммъ ихъ не были разграблены, а напротивъ того сохранены въ совершенной цѣлости, даже въ ближайшихъ къ Евпаторіи волостяхъ усердіемъ и честностью должностныхъ лицъ изъ татаръ. Во время войны всякій разъ, когда требовались подводы для различныхъ потребностей, татары отбывали эту повинность съ величайшею готовностью, тогда какъ готовность эта не всегда встрѣчалась въ русскомъ народонаселеніи. Не доказываетъ ли это, что народъ этотъ вовсе не заслуживаетъ всѣхъ нареканій, коими осыпали и осыпаютъ его приверженцы выселенія татаръ изъ Крыма? Если такъ сильно напираютъ на этотъ пунктъ, то единственно для того, чтобы показать, до какой степени было справед-

ливо сужденіе о татарахъ, а вслѣдствіе этого фальшиваго мнѣнія, какъ бесполезна и вредна для края мѣра, предпринятая правительствомъ, допустивъ выселеніе татаръ. Вопросъ этотъ такъ важенъ, что нельзя объ немъ довольно говорить. По несчастью, ударъ уже нанесенъ, а потому намъ остается только посмотрѣть, какимъ путемъ совершилось это переселеніе, какихъ оно достигло размѣровъ, какое вліяніе оно имѣло на край вообще и есть ли возможность помочь протекающему отъ этого злу.

Изъ всего вышесказаннаго видно, какія побудительныя причины понудили татаръ переселиться, и что движеніе это, не говоря уже о малочисленныхъ партіяхъ, послѣдовавшихъ за союзными арміями, началось въ аккобевскомъ и апакскомъ сельскихъ обществахъ, айкишской волости, еодосійскаго уѣзда. Извѣстно также, что сигналомъ къ этому перекочеванію былъ отказъ таврической палаты государственныхъ имуществъ, по распоряженію департамента сельскаго хозяйства, въ надѣлѣ ихъ землею, а, можетъ быть, и предшествовавшее этому отказу еще въ 1856 г. изъ С.-Петербурга предписаніе <sup>1)</sup> не препятствовать ни явному, ни тайному переселенію татаръ въ Турцію. Слова: «можетъ быть», употреблены здѣсь потому, что означенное предписаніе на имя губернскаго начальства было секретное и не могло слѣдовательно имѣть видимаго вліянія на обнаружившееся стремленіе къ переселенію. Но слово: секретное, когда посмотришь на бюрократическую форму нашей администраціи, не доказываетъ еще, чтобъ это секретное рѣшеніе правительства осталось дѣйствительно таковымъ. Канцелярскихъ тайнъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, которые имѣютъ выгоду знать намѣренія правительства и какимъ образомъ оно смотритъ на какой-нибудь вопросъ. Удивительно ли послѣ этого, что люди, по различнымъ побужденіямъ предвидѣвшіе для себя пользу отъ выселенія татаръ, воспользовались словами: «не препятствовать ни

<sup>1)</sup> Какъ понять это предписаніе министерства внутреннихъ дѣлъ? Бѣгству одного татарина воспрепятствовать никогда нельзя, и предписывать не-препятствовать этому не значить ли предписывать и узаконить безпорядокъ? Съ другой стороны, если татаринъ станетъ явнымъ образомъ готовиться къ переселенію, общество, къ которому онъ принадлежитъ, потребуетъ напередъ отъ него и за все семейство уплаты податей и повинностей. Это его законное право. На какомъ же основаніи можетъ начальство лишить его этого права? Если же оно станетъ на сторонѣ общества, не значить ли это препятствовать выселенію? Это дилемма, изъ которой не всякій выутянется.

явному, ни тайному переселенію», и перетолковали ихъ по своему. Изъ пассивнаго разрѣшенія или простаго дозволенія: можно—они сдѣлали непремѣнную обязанность: должно, и вслѣдъ за этимъ распространился слухъ, будто бы правительство намѣрено очистить Крымъ *отъ вреднаго и бесполезнаго народонаселенія татаръ* и выселить ихъ въ самарскую, оренбургскую или какую-нибудь другую отдаленную губернію Россіи. Распространители этихъ ложныхъ слуховъ назначили даже срокъ добровольному переселенію *каждаго* татарина, прибавляя, что тотъ изъ нихъ, кто не выселится въ теченіе трехъ лѣтъ, будетъ понужденъ къ тому силою. Понятно, что таковая злоумышленная подготовка, согласовавшаяся съ индивидуальными видами спекуляторовъ, будучи какъ бы освящена желаніемъ самаго правительства, не могла долго остаться безъ послѣдствій. Когда же въ эту массу горячихъ веществъ брошена была искра различныхъ обстоятельствъ, пожаръ сдѣлался всеобщимъ и охватилъ весь Крымскій полуостровъ. Отказъ въ надѣлѣ земли, когда притѣсненные на помѣщичьихъ земляхъ татары обратились къ правительству съ просьбою, и неумѣстное предложеніе переселиться въ оренбургскую губернію, и вслѣдъ затѣмъ и появленіе за-кубанскихъ горцевъ, слѣдовавшихъ въ Турцію, были первымъ сигналомъ перекочеванія за предѣлы имперіи. За татарами поднялись ногайцы, потомъ движеніе перешло на южный берегъ и въ перекопскій уѣздъ, въ коемъ считалось 320 селеній съ мусульманскимъ народонаселеніемъ. Не прошло и года, какъ уже болѣе 300 изъ этихъ деревень перестали засѣвать поля; другіе, какъ будто перемѣнивъ прежнее намѣреніе остаться на родинѣ, стали вдругъ вытравлять свои озимые всходы рогатымъ скотомъ или лошадьми; живущіе же на общественныхъ и казенныхъ земляхъ поднялись всѣ безъ исключенія. Фальшивые слухи умножились<sup>1)</sup>; стали поговаривать о томъ, что настало время гджерства (переселенія правовѣрныхъ), что султанъ воздвигаетъ новые города и приглашаетъ туда поклонниковъ пророка, что русское правительство, по прошествіи льготнаго времени, дарованнаго имъ манифестомъ Екатерины II-й въ 1783 г., подвергнетъ народъ рекрутству или выселить всѣхъ мусульманъ изъ

<sup>1)</sup> Изъ дѣлъ канцеляріи начальника губерніи и таврической палаты государственныхъ имуществъ видно, что слухи эти по оеодосійскому уѣзду распускались татарами деревень: Кулакъ-мечеть, Варіемъ и Кимешинъ-Абдулаемъ, Челеби, даже извѣстными уѣздному начальству своимъ неблагонамѣреннымъ и предосудительнымъ поведеніемъ. То же самое дѣлали въ гор. Феодосіи, Эфендіи Аджигалъ, Муратъ и Эфендіи Абдулаемъ Челеби.

Крыма: однимъ словомъ не было почти селенія въ цѣлой губерніи, гдѣ бы не волновались умы. Сначала губернское начальство, воображая, что это добровольное выселеніе татаръ совпадетъ съ желаніемъ самого правительства и, слѣдуя, впрочемъ, буквальному смыслу приказаній свѣше, придало скоро этому дѣлу характеръ общей мѣры и затребовало по уѣздамъ, волостямъ и сельскимъ обществамъ списки желающихъ переселиться въ Турцію. Были даже мѣстности, гдѣ слишкомъ усердные исполнители, не понимая опасности такого образа дѣйствій, собирали народъ и читали имъ на площадяхъ о дозволеніи оставить Крымъ и отправиться въ турецкія владѣнія; другіе же, недовольствуясь громогласнымъ чтеніемъ, сопровождали его барабаннымъ боемъ, какъ это случилось въ г. Евпаторіи. Но когда движеніе сдѣлалось повсемѣстнымъ, виновники этого неестественнаго опустѣнія края какъ бы испугались своей неосторожности; когда къ татарамъ присоединились еще и ногайцы, они вздумали вернуться назадъ и различными ограниченіями удерживать народъ<sup>1)</sup>, но было уже слишкомъ поздно. Нерѣшительность предпринятыхъ мѣръ и противорѣчіе распоряженій не имѣли желаемаго результата, напротивъ того, бѣгство татарскаго народонаселенія отъ этого только усилилось. Массы въ 1000 семействъ являлись разомъ просить о дозволеніи ѣхать въ Турцію и о снабженіи ихъ заграничнымъ паспортомъ; были даже дни, когда съ одною почтою получалось начальникомъ губерніи, съ прискорбіемъ смотрѣвшимъ на это выселеніе, до 170 прошеній по тому же предмету. Но какъ было уже сказано, размѣры этого очерка не позволяютъ изложить во всей полнотѣ и съ должною постепенностью исторію этого бѣдственнаго для края событія, тѣмъ болѣе, что одна уже переписка въ канцеляріи симферопольскаго военнаго губернатора по сему предмету занимаетъ болѣе 1000 листовъ. Если къ этой массѣ присоединить еще кипу дѣлъ о томъ же, находящихся въ другихъ судебныхъ и присутственныхъ мѣстахъ полуострова, окажется, что для полнаго изложенія потребуется по крайней мѣрѣ столько же бумаги. Поэтому надобно довольствоваться краткимъ обзоромъ и остановить вниманіе на общихъ выводахъ. Вообще все это дѣло ведено было такъ, что еслибъ мысль о переселеніи до того въ народѣ и не существовала, промахи и злоупотребленія, сопро-

<sup>1)</sup> Въ мартѣ 1860 г. въ видахъ огражденія края отъ совершеннаго опустѣнія послѣдовало изъ С.-Петербурга предписаніе, по силѣ котораго дозволялся выпускъ съ каждаго татарскаго сельскаго общества только  $\frac{1}{10}$  части всего народонаселенія.



вождавшіе дѣйствія всего мелко-чиновнаго класса и землевладельцевъ въ Крыму въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, неминуемо привели бы татарское народонаселеніе къ этому результату. Трудно вообразить, не только описать, положеніе плачевнѣе того, въ какомъ находились несчастные татары. Съ иныхъ, чтобъ доволить имъ выселиться въ Турцію, сельскія общества, къ которымъ они принадлежали, требовали уплаты податей и повинностей за нѣсколько лѣтъ впередъ, по 100 и по 150 р. Съ другихъ владѣльцы, на землѣ которыхъ они проживали, не соглашались на ихъ выселеніе, пока не внесутъ имъ деньгами за отбываемую въ натурѣ повинность, хотя весьма естественнымъ образомъ съ прекращеніемъ пользованія землею прекращались и вытекающія изъ онаго обязанности. Съ третьихъ, мѣстное начальство подъ разными предлогами вымогало значительную сумму денегъ, то за выдачу свидѣтельствъ, что препятствій къ выѣзду нѣтъ, то для полученія заграничнаго паспорта, то за гербовую бумагу, на которой должны быть написаны прошенія. Часто эти свидѣтельства рвались подъ предлогомъ, что они не по формѣ, чрезъ что заставляли татаръ дѣлать новыя расходы и снова хлопотать по инстанціямъ<sup>1)</sup>. Напрасно военный губернаторъ и нѣсколько еще другихъ лицъ высшаго управленія губерніи старались поставить преграду разливу вымогательства, своеволю и противузаконностей чиновниковъ земской полиціи, а въ особенности окружныхъ, волостныхъ и сельскихъ управленій и нѣкоторыхъ владѣльцевъ. Усилія ихъ остались тщетными! Пользуясь этимъ почти безпримѣрнымъ случаемъ, мелкое чиновничество вышло изъ всѣхъ границъ! Во всѣхъ административныхъ инстанціяхъ закипѣла неимоверная дѣятельность, между ними возникли даже споры и несогласія, конечно въ личныхъ выгодахъ, о томъ, кому принадлежитъ право выдавать удостовѣренія для полученія паспортовъ; всѣ они стали входить съ представленіями къ начальнику губерніи, доказывая каждая, что безъ ея содѣйствія нѣтъ никакой возможности выдавать татарамъ удостовѣреніе въ неимѣніи препятствій. Отступленіе отъ предлагаемаго

<sup>1)</sup> Нельзя себѣ представить, до какихъ страшныхъ размѣровъ дошли грабежи, насиліе и излючничество съ карасубазарскихъ мѣщанъ, изъявлявшихъ желаніе выселиться. Дума задумала независимо отъ положенныхъ за паспортъ 8<sup>1</sup>/<sub>2</sub> р. взимать съ семейства еще по 10 р. Съ татаръ, выселившихся изъ деревень Орсунки и Бегели-Бази, помѣщикъ требовалъ, для того чтобы выдать имъ свидѣтельства, чтобы они совершенно рассчитались съ нимъ по 21 р. съ каждаго семейства. Другой, выжидая продажу татарамъ всего ихъ имущества и держа ихъ такимъ образомъ въ своей зависимости, требовалъ отъ нихъ по 12 р. съ семейства или остаться убирать постан.

каждою изъ нихъ порядка должно было повлечь къ нескончаемымъ безпорядкамъ. Отъ этого движеніе въ мусульманскомъ народонаселеніи дѣлалось съ каждымъ днемъ сильнѣе, а положеніе его тягостнѣе и невыносимѣе. Иначе и быть не могло. Высшее правительство, введенное въ заблужденіе ошибочными и невѣрными донесеніями о край и народѣ, которыхъ оно не знало, рѣшилось на мѣру, по трудности выполненія почти невозможную. Постановленіе комитета гг. министровъ удостоилось высочайшаго утвержденія и мѣра, задуманная еще, какъ было сказано выше, въ началѣ текущаго столѣтія, воспріяла законную силу пятьдесятъ лѣтъ спустя. Не касаясь причинъ, убѣдившихъ въ необходимости привести ее въ исполненіе, и доводовъ, коими ее оправдываютъ, скажемъ только, что эта мѣра имѣла и не могла не имѣть самыхъ гибельныхъ послѣдствій для края. Такое важное предпріятіе никогда не осуществляется, не произведши сильнаго потрясенія тамъ, гдѣ оно проявилось! Земля и люди, на ней обитающіе, не могутъ быть измѣнены со дня на день; для этого требуются десятки лѣтъ и цѣлыя поколѣнія. Опасно приступать къ ниспроверженію стараго, пока не заготовлены матеріалы для сооруженія новаго, потому что какъ ни ветха изба, все-таки она лучше совершеннаго неимѣнія крова. Дѣйствовать вопреки этимъ вѣковымъ истинамъ значить стремиться къ положенію, въ какомъ теперь мы видимъ Крымъ. Въ дѣлахъ или хозяйствѣ частнаго человѣка опрометчивость и ошибки оплачиваются имъ самимъ; но... \*) неосторожность въ дѣлахъ государственнаго управленія оплачиваются уже не виновникомъ, а иногда благосостояніемъ цѣлаго края и народа. Это весьма простое заключеніе опять приводитъ насъ къ Таврическому полуострову. Онъ опустѣлъ и поля стоятъ не засѣянными!

Прилагаемая при семъ таблица <sup>1)</sup>, почерпнутая изъ дѣлъ

\*) Слово не разобрано въ рукописи.—Ред.

<sup>1)</sup> Изъ народонаселенія въ 126,022 душъ мужскаго и 101,606 женскаго пола, состоявшихъ на оладѣ, видно, что по 1 января 1861 года:

	Число душъ:	
	Муж. пола.	Женск. пола.
Получили паспорта и покинули Крымъ . . .	76,294	61,159
Получили паспорта и остались на зиму . . .	10,601	8,575
Оставшихся еще на мѣстѣ. . . . .	39,127	31,871
Итого . . .	126,022	101,605
Изъ оставшихся имѣютъ осѣдность въ уѣздѣ:		
1. Симферопольскомъ . . . . .	8,806	6,640
2. Ялтанскомъ . . . . .	10,580	9,294

начальника губерніи и палаты государственныхъ имуществъ, показываетъ, какихъ сильныхъ размѣровъ достигло переселеніе татаръ изъ Крыма въ Турцію. Величина этой цифры покажется еще страшнѣе, когда припомнить, что Таврическій полуостровъ всегда ощущалъ недостатокъ въ рабочихъ силахъ и что дворянство этой губерніи неоднократно, а именно въ 1838 и 1841 годахъ, ходатайствовало о разрѣшеніи или дарованіи ему возможности заселить обширныя свои владѣнія русскимъ народонаселеніемъ. Просьбы эти остались безъ послѣдствій. Только весьма незначительное число изъ нихъ успѣли переселить на свои земли нѣсколько крѣпостныхъ крестьянъ, такъ что въ настоящее время находится 115 владѣльцевъ, имѣющихъ 364,195 десятинъ земли, на которыхъ поселено только 1,615 мужского пола и 1,543 женскаго пола душъ, исправляющихъ барщину. Перекопскій уѣздъ и часть мелитопольскаго, посвященные преимущественно тонкорунному овцеводству, и остальная часть мелитопольскаго и весь бердянскій, отличающіеся превосходствомъ своей черноземной почвы, а слѣдовательно, воздѣлываніемъ пшеницы, сбываемой прежде по выгоднымъ цѣнамъ въ бердянскомъ портѣ, — поставлены выселеніемъ татаръ въ самое затруднительное положеніе. Съ уничтоженіемъ крѣпостного права рушится и послѣдняя опора, которую находятъ помѣщики сихъ уѣздовъ въ мѣстномъ осѣдломъ крѣпостномъ народонаселеніи <sup>1)</sup>, доставляющемъ имъ и нужныхъ пахарей, и чабановъ къ стадамъ. Но положеніе землевладѣльцевъ этихъ уѣздовъ несравненно лучше положенія, въ которому приведенъ этотъ классъ въ частяхъ Крыма, гдѣ въ

3. Евпаторійскомъ . . . . .	6,872	5,075
4. Феодосійскомъ . . . . .	9,728	8,062
5. Перекопскомъ . . . . .	3,583	2,763
6. Днѣпровскомъ . . . . .	58	52
7. Мелитопольскомъ . . . . .	89	30
и 8. Бердянскомъ . . . . .	11	5
Итого . . . . .	39,127	31,871

Слѣдствія о томъ, сколько переселилось мурзъ, духовенства, купцовъ и мѣщанъ, еще не собраны. Надобно еще замѣтить, что  $\frac{3}{4}$  части выселившагося въ Турцію народонаселенія проживала на владѣльческихъ земляхъ, а остальная  $\frac{1}{4}$  — на казенныхъ, между тѣмъ число ушедшихъ съ помѣщичьихъ земель превышаетъ только 2000 число бросившихъ свою родину поселянъ казенныхъ земель. Изъ этого ясно видно, что между сими послѣдними выселеніе въ Турцію было болѣе, чѣмъ вътрое сильнѣе, нежели между первыми, именно 43,000 съ помѣщичьихъ, 41,000 съ казенныхъ.

<sup>1)</sup> 70 землевладѣльцевъ имѣютъ 566,298 дес. земли; на нихъ душъ, отбывающихъ барщину, 9,489 муж. пола и 7,270 женск. пола, слѣдовательно на каждого помѣщика приходится по 134 работника и по 62 дес. на душу.

иѣстномъ хозяйствѣ существуютъ совершенно другія условія и вслѣдствіе этого потребности другого рода. Тѣ изъ нихъ, въ которыхъ преобладаетъ садоводство и виноградарство, не имѣютъ, какъ сѣверные уѣзды Крымскаго полуострова, возможности пользоваться содѣйствіемъ своихъ работниковъ, на лѣтнее время приходящихъ для заработка изъ сосѣднихъ губерній. Чѣмъ дальше къ югу, тѣмъ менѣе приходится туда рукъ. Къ тому же они являются только на лѣто, а воздѣлываніе винограда требуетъ независимо отъ знанія и навыка болѣе продолжительнаго ухода <sup>1)</sup>. Не смотря на то, что переселеніе татаръ изъ Крыма послѣдовало въ самомъ недавнемъ времени, гибельныя послѣдствія, которыя оно имѣло для края, видны уже на каждомъ шагѣ <sup>2)</sup>. Можно смѣло сказать, что нѣтъ части, которая не страдала бы отъ этой неполитически задуманной и опрометчиво выполненной мѣры. Когда запасы истощатся, дороговизна сдѣлается по всѣмъ вѣроятностямъ еще гораздо ощутительнѣе. Эта горькая будущность наводитъ какое-то уныніе на жителей полуострова, славившагося нѣкогда своимъ благосостояніемъ, и заставляетъ всѣхъ страшиться окончательнаго опустѣнія. Но что всего прискорбнѣе — это то, что для того, чтобъ привести Крымъ на прежнюю точку благоденствія и процвѣтанія, пройдутъ не два и не три года, какъ полагаютъ нѣкоторые, а, можетъ быть, цѣлыя десятилѣтія. Въ этомъ убѣждены всѣ тѣ, которые не по однимъ бумагамъ знакомы съ краемъ и были сами свидѣтелями быстрого его упадка. Для тѣхъ, по несчастію, сомнѣнія не существуетъ.

Этого мало! Если въ отношеніи бѣдственнаго положенія Таврическаго полуострова въ настоящую минуту нельзя уже имѣть малѣйшаго сомнѣнія, то касательно возможности исправить зло или врачеванія ранъ, нанесенныхъ этой странѣ, существуетъ еще менѣе надежды. Такіе удары не отвращаются однимъ желаніемъ. Для возвращенія благосостоянія краю, потрясенному до основанія, все равно какъ и для исцѣленія больного, въ организмъ котораго произошло существенное разстройство, необходимо время и рядъ хорошо обдуманыхъ удачныхъ средствъ. Для этого недостаточно перваго попавшагося палліатива, какой-нибудь на удачу взятой административной мѣры или заглазнаго предписанія врача. Нѣтъ! леченіе должно быть радикальное, сообразное

<sup>1)</sup> Въ Турціи плата за окошку винограда не превышаетъ 9 к. сер. въ день. Въ Крыму эта же самая работа стоитъ теперь отъ 40 до 50 к. въ день.

<sup>2)</sup> Четверть овса стоитъ нынѣ 4 р. 20 к. с. вмѣсто 2 р. Пудъ сѣна поднялся съ 15 на 20 и 25 к. — Дрова 20 р. за трехъ-погонную сажень. Во всѣхъ предметахъ, безъ исключенія, усматривается такое же страшное возвышеніе цѣнъ.

дѣйствительной степени болѣзни, а не ограничиваться кой-какими министерскими распоряженіями, не всегда удачными, въ особенности, когда дѣло—заочное и приводится въ исполненіе людьми, иногда не вполне понимающими намѣреніе правительства. Кто не знаетъ еще, что вредъ наносится скоро, а польза растетъ медленно, что разрушить легко, а воссоздать мудрено, и что поэтому нельзя предвидѣть въ скоромъ времени дѣйствительнаго улучшения въ положеніи Крымскаго полуострова.

Жалобы и вопль отчаянія, подымавшіеся со всѣхъ сторонъ въ Крыму послѣ удаленія татаръ, обратили, наконецъ, на себя вниманіе высшаго начальства. Не взирая на упорство нѣкоторыхъ поборниковъ изгнанія мусульманскаго народонаселенія изъ предѣловъ Таврическаго полуострова и ослѣпленіе тѣхъ, которые не видятъ въ этомъ существеннаго зла, стали однакожъ поминать о томъ, какъ бы возвратить спокойствіе краю, пострадавшему отъ этого во сто разъ болѣе, нежели сколько онъ потерялъ отъ цѣлой минувшей войны. Для достиженія этой цѣли слѣдовало принять скорыя, дѣятельныя мѣры, но, вѣроятно, онѣ не были признаны нужными. Не менѣе того по волѣ Государя Императора приступлено, наконецъ, къ исправленію. Первымъ шагомъ къ этому благонамѣренію было повелѣніе прекратить между татарами выдачу заграничныхъ паспортовъ для переселенія въ Турцію. По несчастью, эта полезная мѣра не принесла еще видимыхъ плодовъ потому, что какъ ни сгнанно слово: секретъ, когда дѣло идетъ о священной волѣ Государя, однакожъ она проникла въ Крымъ почти незамѣченною и оставалась тайною для всего края, за исключеніемъ губернатора и управляющаго палатою государственныхъ имуществъ. Удивительно ли послѣ этого, что татарское народонаселеніе не измѣнило прежнее свое намѣреніе и продолжаетъ просить разрѣшенія переселиться въ Турцію? Вторая мѣра, къ которой сочли нужнымъ прибѣгнуть, состояла въ томъ, чтобы пригласить иностранныхъ переселенцевъ изъ-за границы. Но и тутъ едва ли можно ожидать успѣха, потому что облегчительныя правила, изданныя теперь для этихъ новыхъ колонистовъ на помѣщичьихъ земляхъ, до такой степени стѣснительны въ сравненіи съ существовавшими донынѣ по закону, что никто не вѣритъ въ возможность привлечь на татарскихъ основаніяхъ кого-либо изъ-за границы, тѣмъ болѣе, что по картѣ, изданной военнымъ министерствомъ, такъ сообщило по-крайней-мѣрѣ министерство государственныхъ имуществъ, всѣ почти мѣста, годныя для винодѣлія (къ чему русскій народъ едва ли способенъ), запрещено заселять иностранцами.

Третья мѣра, хотя и согласовавшаяся съ желаніемъ, о которомъ было говорено, заселить Крымъ христіанскимъ чисто-русскимъ народонаселеніемъ, не имѣла также большаго успѣха. Изъ переселенцевъ, въ прошлую осень призванныхъ изъ другихъ губерній на казенныя земли собственно полуострова, только одна часть получила должную осядлость; другая возобновила въ Крыму зрѣлище кочующаго народонаселенія, отъ какого образа жизни уже давно отказались и татары, и ногайцы. Вотъ какъ произошло это странное, неожиданное явленіе. Сообразивъ, что если предоставить лучшія земли первымъ переселенцамъ, худшія останутся незанатыми, министерство государственныхъ имуществъ приняло новую, наукою еще непризнанную систему заселенія, заключающуюся въ томъ, чтобы первыхъ добровольныхъ переселенцевъ водворять силою на самыхъ отвратительныхъ, бесплодныхъ, каменистыхъ мѣстахъ. Эти переселенцы, которымъ на родинѣ обѣщано чуть ли не эльдорадо, видя разницу между тѣмъ, что сулили, и тѣмъ, что дано, стали приносить жалобу мѣстной палатѣ, которая разрѣшила имъ отправиться по Крыму для пріисканія болѣе удобныхъ мѣстъ. По возвращеніи, всѣ высмотрѣнныя ими мѣста въ Байдарской долинѣ, въ мелитопольскомъ и бердянскомъ уѣздахъ оказались, какъ бы на зло, уже обѣщанными другимъ и имъ осталось только поселиться на первоначально отведенныхъ участкахъ, о которыхъ крестьяне говорятъ, что въ нихъ и могилы для покойниковъ нельзя рыть лопатой, а надобно рубить топоромъ, и что вода такого дурного качества и такъ мало ея, что по прибытіи на мѣсто скотина оставалась безъ водопоя въ теченіе трехъ сутокъ. Это ловкое и практическое хозяйственное распоряженіе вѣдомства государственныхъ имуществъ разрѣшаетъ однимъ разомъ загадку, почему переселенцы, не желавшіе первоначально водвориться на помѣщичьихъ земляхъ, рѣшились вдругъ идти на зиму въ избы, принадлежащія помѣщикамъ и наниматься у нихъ на работы. Пространствовавъ, такимъ образомъ, по всему Крыму, эти несчастные переселенцы обращались отъ одного начальника къ другому, чтобы вымолить себѣ какое-нибудь удобное для водворенія мѣсто и остались, не достигнувъ цѣли, безъ засѣянныхъ полей и, слѣдовательно, и безъ хлѣба. Во время своего долгаго странствованія для отысканія клочка обѣщанной имъ на родинѣ ханаанской земли, переселенцы <sup>1)</sup> наткнулись вдругъ на вольноотпущенныхъ

<sup>1)</sup> Число всѣхъ переселенцевъ изъ Россіи не превышаетъ 4,560 душъ. Но какъ они еще не водворены, то и не могутъ называться осядлыми.

людей помѣщика Шатилова въ числѣ 60 семействъ, какъ и они бродившихъ по Таврической губерніи для пріисканія прочной осѣдлости и водворенія. Видя, что и этимъ не поспѣстилось, они обращались въ другую сторону, но и тутъ поражаетъ ихъ новая встрѣча съ другими допотопными искателями постоянной осѣдлости въ числѣ 76 семействъ болгаръ-грековъ, пришедшихъ изъ Турціи въ Крымъ по билету, выданному имъ еще въ 1829 году покойнымъ фельдмаршаломъ Дибичемъ Забалканскимъ, и съ того времени ищущихъ водворенія на правахъ колонистовъ. Всѣ просьбы, поданныя этими болгарами по сему предмету, оставались до сихъ поръ тщетными. Должно сознаться, что подобная перспектива не можетъ служить заманкою для новыхъ переселенцевъ.

Этими тремя мѣрами ограничиваются распоряженія, сдѣланныя по сіе время для того, чтобъ удержать оставшихся еще въ Таврической губерніи татаръ и пополнить недостатокъ рукъ или рабочей силы, бывшій слѣдствіемъ упомянутаго переселенія. Неэффективность, или лучше сказать, недостаточность этихъ средствъ, съ перваго взгляда бросается каждому въ глаза. Первая изъ нихъ приводится въ исполненіе какъ бы подъ секретомъ, между тѣмъ, какъ будучи по волѣ Государя Императора, она должна была быть объявлена, если не всенародно, то по крайней мѣрѣ такъ, чтобы ни одинъ изъ жителей Крымскаго полуострова не могъ сомнѣваться въ намѣреніи царя. Вторая ограничивается пустымъ обѣщаніемъ выгодъ или льготъ, весьма незаманчивыхъ, потому что въ сущности онѣ ниже тѣхъ, коими пользовались бы уже по закону заграничные колонисты, которые возымѣли бы намѣреніе поселиться въ какой-нибудь другой части Россіи. Чтобъ заманить иностранцевъ поселиться предпочтительно въ Крыму, надобно, чтобъ и привилегіи или льготы, которыя имъ даруются, представляли также особенную выгоду. Что же касается третьей мѣры, т.-е. русскихъ переселенцевъ изъ другихъ губерній, то мы видѣли, какимъ порядкомъ—и естественнымъ образомъ, въ какихъ микроскопическихъ размѣрахъ—она осуществлялась. Макиавеличeskій изворотъ и замысловатые уловки мѣстнаго управленія государственныхъ имуществъ могли обмануть ожиданія первыхъ переселенцевъ, но теперь едва ли оно имѣетъ право льстить себя надеждою найти много легковѣрныхъ, которые приняли бы за чистую монету или какъ даръ нищенскую сумму, кою оно наградило первыхъ жертвъ. Не справедливо ли послѣ этого замѣчаніе, что для Крыма по сіе время почти не-

чего не сдѣлано! Но для большей ясности и окончательнаго убѣжденія возьмемъ неопровержимый авторитетъ чиселъ и цифръ:

	Мужского пола.	Женскаго пола.
Число окончательно покинувшихъ Крымъ . . . . .	76,294	61,159
Число получившихъ уже паспорта . . . . .	10,601	8,575
	<hr/> 86,895	<hr/> 69,734

Всего же обоого пола. . . 156,629 душъ.

Зная, какимъ образомъ исполняются иногда мѣстнымъ начальствомъ какого-нибудь отдаленнаго края или губерніи предписанія, получаемыя свыше, можно ли поручиться, что изъ большого числа оставшихся въ Крыму татаръ не окажется еще не мало переселенцевъ въ Турцію, вовсе не внесенныхъ или не обозначенныхъ въ спискахъ?

Привыло въ Крымъ:

Переселенцевъ изъ сосѣднихъ губерній, но еще неводворенныхъ. . . . .	4,540 душъ.
На время работъ изъ 5-го корпуса нижнихъ чиновъ . . . . .	1,000 „
Итого . . . . .	<hr/> 5,540 „

Такового итога, видимо, недостаточно для того, чтобы пополнить убыль въ народонаселеніи Таврической губерніи, въ которой сумма земель, годныхъ къ воздѣлыванію, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, простирается уже до 2,000,000 десятинъ. Количество же земли, за исключеніемъ лѣсовъ, казнь принадлежащей, въ уѣздахъ евпаторійскомъ, перекопскомъ, симферопольскомъ, ялтинскомъ и оеодосійскомъ превышаетъ уже 450,000 десятинъ. Въ это число включены земли, собственно казеннымъ крестьянамъ принадлежащія, податныя или казенно-общественныя и, наконецъ, казенныя. Количество этой послѣдней въ продолженіе минувшихъ двухъ лѣтъ значительно увеличилось, потому, что, какъ извѣстно, министерство государственныхъ имуществъ приобрѣло покупкою послѣ переселенія татаръ еще 13,000 десятинъ земли <sup>1)</sup>. Здѣсь кстати упомянуть о странномъ требованіи этого вѣдомства. Оно хотѣло постановить за правило, чтобы земли, принадлежавшія переселившимся татарамъ, не могли быть

<sup>1)</sup> По справкѣ въ таврической палатѣ оказалось, что купцы, колонисты и мѣстные чиновники купили у татаръ въ 1860 году 15,320 десятинъ на сумму 114,918 р. 50 к., то-есть по 7 р. 50 к. за десятину; мѣстные дворяне—12,195 дес. за 76,827 р. 65 к., т.-е. по 6 р. 30 к. за десятину; помѣщики другихъ губерній и дворяне, до того въ Крыму не владѣвшие землями,—9,681 десят. за 59,629 р., т.-е. по 6 р. 15 к. за десятину, вѣдомство государственныхъ имуществъ приобрѣло 12,728 дес. за 50,495 р. 50 к., т.-е. по 3 р. 96 к. за десятину.



покупаемы частными людьми, пока палата государственныхъ имуществъ не объявитъ, хочетъ ли она или нѣтъ оставить ихъ за собою. Какъ не понять, что такимъ требованіемъ она присвоиваетъ себѣ довольно сомнительное право ограничивать права другихъ въ отношеніи приобрѣтенія поземельной собственности, и что этимъ она нарушаетъ одинъ изъ основныхъ законовъ всякаго благоустроеннаго просвѣщеннаго государства. Требованіе это по возникшей вслѣдствіе этого огромной и весьма жарвой перепискѣ сдѣлалось поводомъ значительныхъ злоупотребленій. Сличая всѣ эти цифры, приходишь къ убѣжденію, что настоящее положеніе Крыма—самое грустное и что неудовлетворительность этого положенія будетъ только увеличиваться до тѣхъ поръ, пока не будутъ приняты какія-нибудь радикальныя мѣры. И дѣйствительно, какую существенную пользу могутъ принести какіе-нибудь 5,540 временныхъ работниковъ,—потому что, какъ было сказано, ни одинъ изъ нихъ еще не водворенъ въ край, лишившемся вдругъ болѣе 85,000 рабочихъ рукъ? Можно ли однимъ разомъ, то-есть такъ, чтобы это не было ощутительно для края, замѣнить выбывшее татарское народонаселеніе новымъ изъ-за границы или внутреннихъ губерній? Сомнѣнія въ этомъ отношеніи быть не можетъ! Недостатокъ или убыль въ народонаселеніи какой-нибудь страны, не говоря уже о размѣрахъ или величинѣ этого пополненія и о трудностяхъ такого предпріятія, не можетъ быть восполнено, какъ пополняется недочетъ въ ладрахъ какого-нибудь полка или дивизіи. Первымъ условіемъ такого заселенія вновь есть постепенность. Постепенность же требуетъ много времени, а время или медленность вредитъ тамъ, гдѣ нужна быстрота и скорое замѣщеніе, потому что земля сама по себѣ не измѣнилась и осталась тою же, какъ до того и послѣ выселенія татаръ. Въ теченіе сколькихъ лѣтъ можетъ быть заселенъ Крымскій полуостровъ, того никто, даже ни само правительство сказать не можетъ, на томъ основаніи, что нѣтъ никакой возможности опредѣлить въ точности пропорцію между рабочею силою и землею, между трудомъ и матеріальнымъ фондомъ, между производительностью труда одного и работою другого; однимъ словомъ потому, что нѣтъ масштаба, посредствомъ котораго можно было бы опредѣлить сумму рабочей силы, потребной для достиженія извѣстной степени производительности. Всѣ цифры, существующія по сему предмету, суть только приблизительныя, потому что земля и рабочая сила, хотя взаимно и условливаются, но все-таки совершенно независимы одна отъ другой. Къ этой невозможности присоединяется еще невозможность означить навѣрно,

во сколько именно лѣтъ новое народонаселеніе акклиматизируется въ странѣ, потому что, какъ ни благорастворенъ климатъ Крымскаго полуострова, онъ имѣетъ, однакожъ, свои особенности, въ которыхъ должно сперва привыкнуть, и скоро ли оно ознакомится или усвоитъ себѣ мѣстныя работы, которыя въ этой странѣ также не одинаковы съ тѣми, какія встрѣчаются въ другихъ губерніяхъ Россіи? Необходимо, чтобы люди и земля между собою сперва сроднились; а родство такого рода требуетъ иногда жизни цѣлаго поколѣнія. Все это доказываетъ, что нѣтъ никакой возможности заселить Крымъ однимъ разомъ, такъ, чтобы не было ощутительно въ немъ вреднаго застоя, и означить а priori, до какой величины должно простираться новозаселеніе края. На всѣ эти вопросы можно отвѣчать только приблизительно или гадательнымъ образомъ, тѣмъ болѣе, что и до переселенія 85,000 татаръ въ турецкія владѣнія Крымскій полуостровъ ощущалъ недостатокъ въ рабочихъ рукахъ.

Но еслибы и была какая-нибудь возможность однимъ разомъ вновь заселить полуостровъ, то и тогда не устранились бы всѣ вредныя послѣдствія, какія имѣетъ уже и будетъ безъ всякаго сомнѣнія еще имѣть для края неосторожное удаленіе татаръ, пагубное не только въ хозяйственномъ или экономическомъ отношеніи, но даже, когда разсматривать этотъ вопросъ съ политической и моральной сторонъ. Съ этихъ двухъ послѣднихъ точекъ зрѣнія, можетъ быть нѣкотораго рода разногласіе во мнѣніяхъ, но результатъ однако же тотъ, что стотысячное народонаселеніе внезапно поднялось и побѣжало изъ предѣловъ образованнаго государства, чтобы искать убѣжища въ странѣ полу-варварской. Отъ добра добра не ищутъ, а тѣмъ паче зла. И едва ли такое почти безпримѣрное въ новѣйшей исторіи событіе не послужитъ упрекомъ Россіи въ глазахъ просвѣщенной Европы. Если же смотрѣть съ экономической точки, то мы уже видимъ горькіе плоды этой мѣры. Крымъ стоитъ на краю бездны, которую не въ силахъ завалить никакая человѣческая премудрость. Производительность края разрушена или потрясена до основанія; финансы и средства истощены; потребности его между тѣмъ остались почти тѣ же, какъ и до переселенія татаръ. Крыму необходимы дороги, множество общественныхъ учрежденій, отбываніе различныхъ повинностей или деньгами или натурою, однимъ словомъ, онъ имѣетъ свой годовой бюджетъ на расходъ, который, если и измѣнился, то измѣнился только въ весьма немногихъ статьяхъ и въ размѣрахъ, едва ощутительныхъ, между тѣмъ какъ приходъ ни въ какихъ уже случаяхъ не можетъ быть

тотъ же, что и до выселенія 85,000 душъ податного состоянія <sup>1)</sup>. На это возразять, можетъ быть, что предполагаемое новое заселеніе края имѣетъ именно цѣлью устраненіе всѣхъ этихъ неудобствъ. Но такое возраженіе не можетъ быть признано основательнымъ, потому что, не говоря уже о весьма значительныхъ расходахъ для казны, съ которыми сопряжено водвореніе новыхъ поселенцевъ <sup>2)</sup> и которыхъ она не имѣла бы нужды дѣлать, еслибъ не переселились татары, — новое народонаселеніе никакимъ образомъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе не малаго числа лѣтъ не можетъ быть подчинено тѣмъ же податямъ, сборамъ и повинностямъ, какими было обременено старое, ибо въ такомъ случаѣ казна не найдетъ ни одного охотника переселиться въ Крымъ. Только выгодною и льготами можно заманить новыхъ переселенцевъ и уговорить ихъ бросить свои дома, мѣсто, гдѣ они родились и похоронены ихъ предки, землю, которую они обрабатывали и съ которою они какъ бы сроднились. Для иностранныхъ переселенцевъ условія или кондіціи должны быть еще выгоднѣе и заманчивѣе, такъ какъ безъ такого ручательства ни одинъ колонистъ не рѣшится на страшное предпріятіе ѣхать въ неизвѣстную ему далекую Россію. Этого мало! Для того, чтобы удержать Крымскій полуостровъ на краю бездны и не допустить его до окончательной гибели, необходимо сдѣлать, независимо отъ издержекъ по предмету водворенія новыхъ переселенцевъ, еще немаловажныя пожертвованія и относительно стараго оставшагося на мѣстѣ народонаселенія. Конечно, отъ этого расходи только возрастутъ; но это единственный способъ для правительства, чтобы достигнуть желаемой цѣли возрожденія погибающаго края. Опредѣлить, какого рода должны быть эти пожертвованія или, лучше сказать, пособія и въ какихъ размѣрахъ они должны

<sup>1)</sup> Если принять, что число выселившихся въ Турцію татаръ изъ государственныхъ крестьянъ не превышаетъ 50,000 ревизскихъ душъ и вычислить подати, взимаемыя каждымъ въ теченіе одного года, напр.

1) Податей по 72 к. сер. съ души съ 50 т. . . . .	36,000 р.
2) Общественнаго сбора 50 <sup>1</sup> / <sub>2</sub> . . . . .	25,250 "
3) Земскаго сбора до . . . . .	8,750 "
4) Въ продовольственный капиталъ по 6 к. съ души. . . . .	3,000 "
5) Мірскаго сбора по 95 к. съ души. . . . .	46,000 "
Итого . . . . .	119,000 р.

Между тѣмъ мы видѣли, что одно уже управленіе министерства государственныхъ имуществъ въ Таврической губерніи стоить до 102,489 р. с. въ годъ.

<sup>2)</sup> Каждому семейству, переселяющемуся изъ внутреннихъ губерній Россіи, положено выдавать одновременно по 100 р. на обезпеченіе, независимо отъ другихъ преимуществъ и льготъ.

быть произведены, зависить уже отъ благоусмотрѣнія правительства, чѣмъ существеннѣе будетъ польза, которую онѣ принесутъ краю. А потому затрудненіе состоитъ не столько въ выборѣ, сколько въ надлежащемъ примѣненіи. Къ числу мѣръ наиболѣе дѣйствительныхъ должно отнести: 1) временное расположеніе или квартированіе значительнаго числа войскъ, какъ на примѣръ дивизіи, съ тѣмъ, чтобы нижніе чины могли за поденную плату исправлять нѣкоторые работы; 2) уменьшеніе налоговъ, лежащихъ на оставшихся татарахъ, и упрощеніе казеннаго надъ ними управленія; 3) привлеченіе изъ-за границы переселенцевъ болѣе пространными льготами; 4) понужденіе помѣщиковъ къ большей дѣятельности и сложеніе съ нихъ или разсрочку нѣкоторыхъ долговъ, отнимающихъ у нихъ всякую возможность и охоту заниматься и улучшать свое хозяйство; 6) сооруженіе желѣзной дороги; 7) денежные ссуды землевладѣльцамъ и тому подобное. Но какъ было уже сказано выше, всѣ эти мѣры входятъ въ кругъ дѣйствій правительства, въ настоящую минуту вполне уже ознакомившагося съ бѣдственнымъ положеніемъ страны и по этому имѣющаго полную возможность опредѣлять и способы и величину пособія, чтобы возродить изъ пепла Феникса погибшаго процвѣтанія края.

---

# АМЕРИКАНЦЫ — ДОМА.

ОЧЕРКИ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ.

## СТАТЬЯ ВТОРАЯ <sup>1)</sup>.

Этюды изъ женской жизни и женскій вопросъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

### I.

Страна, гдѣ люди глупше отсутствуютъ. — Откуда взялся американскій типъ новаго времени? — Трудность опредѣленія характера американской женщины. — Методы добровольныхъ реформаторовъ женской жизни. — Сблнчивость фактовъ и явленій. — Американскіе туристы въ Европѣ. — Отсутствие оригинальности въ американкахъ — дома. — Псевдо-аристократизмъ американскихъ лѣди. — Неустойчивость общественныхъ слоевъ. — Неудобства приложенія своихъ уставовъ къ чужому монастырю.

Замѣчательно вѣренъ и характеристиченъ былъ отвѣтъ одного талантливаго американскаго журналиста на случайный мой вопросъ: отчего это, при значительномъ контингентѣ лицъ, выдающихся по уму и способностямъ, и при такомъ количествѣ разнообразныхъ посредственностей, такъ рѣдко здѣсь можно встрѣтить не только глупаго, но мало-мальски тупого человѣка? — «Да, — отвѣчалъ мнѣ, смѣясь, мой собесѣдникъ: — глупыхъ людей вы у насъ едва ли много найдете; съ моей стороны было бы, конечно, рискованно увѣрять васъ, что дураковъ у насъ не бываетъ, но дѣло въ томъ, что имъ у насъ не дается ходу. Жизнь здѣсь бьетъ такимъ сильнымъ ключомъ, что положительно затираетъ слабоумныхъ — the fools are trodden down — they cannot assert themselves»...

<sup>1)</sup> См. выше, июль, 110 стр.

Не разъ въ теченіе слишкомъ двухлѣтняго вращенія во всевозможныхъ сферахъ американскаго народа, приходилось мнѣ вспоминать это замѣчаніе моего пріятеля-журналиста и отдавать справедливость его безошибочной вѣрности. Нѣтъ, кажется, страны, гдѣ бы такъ явственно и ежечасно подтверждалась въ повседневной жизни теорія процвѣтанія сильнѣйшаго на счетъ слабѣйшихъ. Что хорошо, здорово или сильно само по себѣ, то растеть, вѣрнѣе и достигаетъ могущественнаго развитія подъ благодатною охраною законовъ, вызванныхъ и сформированныхъ требованіями самой жизни, выработанныхъ посредствомъ народа и на пользу народа, или, по словамъ самой конституціи — словами, которыми американцы съ такой неизмѣнной гордостью цитируютъ каждому европейцу: *a government of the people, by the people and for the people.*

Было бы, однако, ошибочно предполагать, что право на развитіе и матеріальное процвѣтаніе монополизировано истинно достойными того лицами, являясь ихъ исключительною принадлежностью. Правда, что слабоуміе — а зачастую съ нимъ заодно скромность и робость — затираются, забиваются въ углы, боясь выглянуть на свѣтъ Божій въ безсознательномъ ожиданіи того неотвратимаго времени, когда ошеломляющій водоворотъ общественной жизни, къ которой сами они непричастны, совершенно свернетъ ихъ робкій, неустойчивый умъ и откроетъ имъ настель двери въ домъ умалишенныхъ или въ пріюты идиотовъ, которые до такой чрезвычайной степени переполнены въ Соединенныхъ Штатахъ. Но между этими двумя крайностями весьма комфортабельно умѣщается несравненно болѣе многочисленный контингентъ — посредственностей.

Скажу, однако же, оговорится. Американская посредственность отнюдь не подходитъ къ представленію, связанному съ этимъ терминомъ въ старой Европѣ. Хотя и здѣшняя посредственность «звѣздъ съ неба не хватаетъ», но за то почти сплошь состоитъ изъ такъ-называемыхъ здѣсь *smart fellows* — «шустрыхъ ребятъ», — тѣхъ, что, по нашему отечественному изреченію, охули на руку не положить. Неудачниковъ среди этого класса вы не найдете; что есть въ нихъ ума, не разбивается на мелочь, не стремится ни къ какому отвлеченному идеалу; вся ихъ *smartness*, вся ихъ смѣлѣе, исключительно на то и направлена, чтобъ извлечь возможную матеріальную выгоду изъ того, что находится подъ рукой; а въ этой способности, какъ извѣстно, и кроется залогъ успѣха. Въ американскомъ *smart fellow* нѣтъ мѣста сомнѣнію; въра его въ свою способность побороть всѣ препятствія

равносильна развѣ его увѣренности въ томъ, что живетъ онъ въ наилучшемъ изъ міровъ и что Америка давно опередила устарѣлую Европу какъ въ сферѣ матеріальнаго благосостоянія, такъ и въ области наукъ и искусствъ. Онъ десять разъ разбогатеетъ — десять разъ обанкротится, и останется все тѣмъ же беззаботнымъ съ виду, добродушнымъ эгоистомъ, на котораго даже и года какъ-то не кладутъ отпечатка. «The allmighty dollar» — альфа и омега его жизни; но быстрота наживы развивается въ немъ щедрость, граничащую съ полнымъ пренебреженіемъ къ «презрѣнному металлу». Живетъ онъ на всѣхъ парахъ; демонстративная самонадѣянность его способна покоробить челоука непривычнаго, надѣленнаго нервной щевотливостью, но при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ нельзя не отдать справедливости его неистощимой предпримчивости, непрестанному труду, его сердцу, а подчасъ — и его высокимъ гражданскимъ добродѣтелямъ. Жаль только, что, за недосугомъ, самыя чувства въ немъ сплосны и рядомъ переводятся на доллары, которыми онъ оснажаетъ близкихъ людей, не входя въ разсмотрѣніе душевныхъ потребностей наиболѣе, въ сущности, дорогихъ ему лицъ. Истинне, мнѣ кажется, и присовокуплять, что сентиментальной добротѣ и отзывченности чувствъ онъ рѣдко поддается; не поощряетъ этого и взглядъ на вещи, сложившійся въ обществѣ: *chacun pour soi et Dieu pour tous...* «A smart fellow» не почтетъ за грѣхъ обойти своего ближайшаго друга, увѣренный въ томъ, что симпатія общества всегда склонится въ пользу того, кто окажется ловчѣе; самъ же первый и похочетъ, если пріятель, въ свою очередь, оплатитъ ему тѣмъ же.

Если таково бываетъ дѣйствіе склада общественной жизни на болѣе устойчивую, самостоятельную природу мужчинъ, то само собою слѣдуетъ, что на болѣе впечатлительныхъ, нервныхъ и импульсивныхъ женщинахъ складъ этотъ отзывается еще ярче и рельефнѣе. Среди нихъ, хорошее сплосъ и рядомъ становится благороднымъ, самоотверженнымъ, иногда — величественнымъ; но, съ другой стороны, посредственность среди нихъ, за частымъ отсутствіемъ облагораживающаго вліянія труда, проявляется во всей своей безграничной широтѣ, бьетъ въ глаза, не зная себѣ ни границъ, ни препятствій.

Откуда же взялись эти неизвѣстные въ Европѣ типы? Не видимъ ли мы здѣсь потомковъ тѣхъ же англичанъ, нѣмцевъ, ирландцевъ, итальянцевъ, которые переселились сюда изъ нашей же европейской среды?

Да, это дѣйствительно потомки нашихъ европейскихъ народ-

ностей—но до того видоизмѣненные при новыхъ условіяхъ жизни и при постоянномъ скрещеніи расъ, что въ нихъ мы уже не можемъ прослѣдить ничего цѣльнаго, ничего намъ извѣстнаго, ничего, напоминающаго особенности представителей того или другого европейскаго народа: родившись здѣсь, американцы едва ли чтѣ цѣлкомъ заимствуютъ изъ особенностей отцовъ европейцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не проявляютъ ничего особенно рѣзкаго—ничего исключительно своего.

Строго нравственные, выносливые «отцы республики» и ихъ достойныя сожительницы сдѣлали свое дѣло: высокій примѣръ ихъ жизни, самоотверженіе, предусмотрительность ихъ не только создали республику, но укрѣпили введенное ими зданіе на твердыхъ основаніяхъ, передавъ потомству извѣстный кодексъ здоровыхъ принциповъ, которые устояли среди измѣнявшихся слоевъ населенія и справедливость которыхъ до сихъ поръ составляетъ аксіому нравственнаго міросозерцанія каждаго американца. Но самый типъ—какъ первыхъ поселенцевъ, такъ и незабвенныхъ «отцовъ республики»—исчезъ совершенно; позднѣйшій типъ семей Новой Англіи подвергся радикальному измѣненію; послѣдніе могикане изъ прежнихъ квакеровъ, пуританъ и «кнйкербокеровъ» (knickerbockers)<sup>1)</sup> кроются теперь въ такихъ закоулкахъ, что можно годами жить въ Пенсильваніи, Новой Англіи или Нью-Йоркѣ—ихъ прежнихъ твердыняхъ—и не встрѣтить ни одного цѣльнаго типа этихъ прежнихъ представителей американской народности. Первобытный типъ—англо-саксонскій—весьма мало пополняется свѣжимъ приливомъ эмигрантовъ этой расы: сюда вообще прибываетъ менѣе англичанъ, чѣмъ нѣмцевъ, ирландцевъ и итальянцевъ; а тѣ, которые и переселяются сюда, держатся особнякомъ, пренебрегая американцами и ихъ обычаями, почти никогда не натурализируются, рѣдко вступаютъ въ браки съ природными американцами и почти всегда кончаютъ тѣмъ, что переходятъ въ Канаду, или же, наживъ здѣсь хорошій капиталъ, возвращаются въ Англію. Не такъ поступаютъ нѣмцы и ирландцы. Хотя эти послѣдніе въ первомъ поколѣніи, переселившемся сюда, проявляютъ страстную привязанность къ покинутой по нуждѣ родиной, но это нисколько не подрываетъ ихъ преданности новому отечеству, которое само по себѣ патріотизма, въ обычномъ примѣненіи этого слова, внушить отнюдь не можетъ даже роднымъ, не только пріемнымъ своимъ дѣтищамъ. Природные американцы дорожатъ своей свободой и учрежде-

<sup>1)</sup> Потомки первыхъ голландскихъ поселенцевъ въ Нью-Йоркѣ.



ніями, гордятся ими, грудью стануть въ ихъ защиту; но имъ отнюдь неважнѣе тотъ непреодолимый инстинктъ горячей любви къ родинѣ, вопреки полному сознанію всѣхъ ея недостатковъ и неудобствъ существованія въ ея предѣлахъ. Ранняя, впечатлительная природа ирландца не довольствуется любовью къ утробѣ и потому, даже во второмъ поколѣніи переселенцевъ этой народности замѣчается тяготѣніе къ Ирландіи, хотя, по внѣшности и обычаямъ своимъ, они уже нисколько не отличаются отъ другихъ своихъ согражданъ. Нѣмцы продолжаютъ свое стремленіе къ далекому Vaterland и того сворѣе. Прибывъ сюда молодыми людьми, они къ старости забываютъ свой родной языкъ, не приобретаая, впрочемъ, основательнаго познанія англійскаго, который повергается ими ужаснымъ образомъ. Но, будучи проникнуты глубокимъ уваженіемъ къ порядкамъ страны, въ которую переселились, нѣмцы скоро здѣсь обживаются, переводятъ сюда оставленныхъ позади родныхъ, держатся сначала нѣмецкими общинами, но скоро расходятся по всей странѣ и во второмъ поколѣніи не проявляютъ почти ничего рѣзко германскаго. Если принять притомъ во вниманіе, что за послѣдніе года цѣлая четверть переселяющихся сюда эмигрантовъ состояла изъ нѣмцевъ (въ прошломъ, 1881 году ихъ прибыло 210,485 человекъ, тогда какъ даже ирландцевъ прибыло не болѣе 72,342), — напомнимъ уяснить себѣ, почему настоящее поколѣніе американцевъ такъ мало проявляетъ чертъ, свойственныхъ англичанамъ. Болѣе или менѣе чистокровные отпрыски англо-саксонской расы еще встрѣчаются мѣстами въ восточныхъ штатахъ, но въ южныхъ среднихъ и западныхъ положительно преобладаютъ черты латинской, кельтической и германской народностей. Можно, не рискуя ошибиться, сказать, что въ настоящемъ поколѣніи американцевъ на одну пятую англо-саксонской крови найдется четыре пятыхъ ирландской и нѣмецкой: итальянская иммиграція не оставляетъ никакихъ слѣдовъ на національномъ характерѣ, такъ какъ итальянцы, подобно китайцамъ, являясь въ Соединенные Штаты лишь на заработокъ и, скопивъ небольшой капиталъ, возвращаются проживать его на родину, а французы селятся по южнымъ окраинамъ или отдѣльными коммунами, да и число ихъ такъ незначительно, что едва ли можетъ приниматься въ расчетъ.

Такимъ путемъ, чуть ли не на нашихъ глазахъ, въ теченіе съ небольшимъ одной четверти столѣтія, прежніе, ортодоксальные американскіе типы исчезаютъ, даютъ мѣсто новому поколѣнію людей, съ новыми идеалами, съ новыми вкусами, которому, въ свою очередь, суждено видоизмѣниться — а можетъ, и совсѣмъ сту-

шеваться — подъ вліяніемъ неустойчивыхъ условій жизни, порождаемыхъ гигантскими размѣрами все увеличивающагося наплыва эмигрантовъ изъ Европы, ассимилировать который природному народонаселенію, пожалуй, окажется въ послѣдствіи и не по силамъ.

Какъ ни трудно бываетъ при такихъ условіяхъ вѣрно схватить черты особенностей американскихъ нравовъ, еще труднѣе оказывается опредѣлить характеръ американскихъ женщинъ. Многочисленныя затрудненія, встрѣчаемыя наблюдателемъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи, значительнѣе усложняются тѣмъ обстоятельствомъ, что лучшіе мѣстные авторитеты, по условіямъ женской жизни и развитія въ Соединенныхъ Штатахъ, неизмѣнно противорѣчатъ одинъ другому въ своихъ самыхъ важныхъ заявленіяхъ. И это — какъ мнѣ довелось убѣдиться послѣ многихъ досадныхъ недоразумѣній — происходитъ отнюдь не оттого, чтобы эти авторитеты не сходились до взглядахъ своихъ на положеніе и характеръ мѣстныхъ женщинъ — а единственно до какой-то преувеличенной, фальшивой деликатности. Американцы вообще терпѣть не могутъ слышать что-нибудь невыгодное относительно себя, а женщины ихъ и подавно не допускаютъ неподкрашенной истины касательно себя. Вслѣдствіе этого, даже самые искренніе, испытанные друзья женщинъ не иначе приступаютъ къ указанію желательныхъ измѣненій въ настоящихъ правахъ и возрѣніяхъ женщинъ, какъ новолотикъ пилкою до такой степени, что самое поглощеніе ея представляется излишнимъ въ виду всѣхъ остальныхъ совершенствъ, которыя, при этомъ же случаѣ, приписываются женщинамъ. — «Наши женщины не должны проявлять въ работѣ, называясь ей гнилыми традиціями Европы», возгласилъ, въ моемъ присутствіи, ораторъ на одномъ митингѣ, стремясь побудить рабочихъ женщинъ къ заявленію требованій на одинаковую заработную плату съ мужчинами: «наша женщина — дочь свободной страны, равноправная съ мужчиною гражданка, не уступающая ему — а пожалуй, и превосходящая его — по развѣтѣ своему, по всесторонности и полнотѣ своего образованія»...

— «Сердце наше обливадается кровью при сознаніи того, какъ копируются гражданскія права нашихъ женщинъ», — доносился до меня, въ другомъ общественномъ собраніи, слова громогласнаго поборника женскаго голосованія: «какъ безстыдно глумятся мужчины надъ справедливыми требованіями женщинъ касательно того, чтобы имъ предоставлено было право голоса на защиту самыхъ священнѣйшихъ своихъ интересовъ! Женщинамъ нашимъ слѣдуетъ поборотъ въ себѣ чувство застѣнчивости и самоотверженія — порождаемыя ихъ женственностью и врожденнымъ

благородствомъ души — надо поборотъ, вырвать съ корнемъ эти чувства, неумѣстныя тамъ, гдѣ они являются препятствіями къ заявленію женщинами законныхъ своихъ правъ, къ облегченію условій жизни для ихъ дочерей. Какъ по образованію, такъ и по развитію наши женщины оставили далеко за собою своихъ сестеръ, погрязшихъ въ тинѣ предрасудковъ драхмы Европы: дайте имъ только избирательный билетъ въ руки — и вы увидите, какъ скоро исчезнетъ продажность въ нашихъ законодательныхъ собраніяхъ, какъ водворится повсемѣстная нравственность и трезвость и устранится всякая возможность кровавыхъ войнъ для насъ на всѣ будущія времена»...

— «Если бы наши женщины, при своемъ природномъ умѣ и практичности, отложили хотя на время въ сторону свои сумасбродныя прихоти и мотовство, не посвящали столько дорогого времени на штучатурку Богомъ даннаго лица и хотъ бы въ этотъ поздній часъ серьезно отнеслись къ тѣмъ интересамъ, которые успѣли войти въ кровь и плоть мужчинъ, тогда бы и въ нашему движенію относились съ большимъ уваженіемъ и въ конгрессѣ уже не отдавали бы женскія права на разсмотрѣніе «комитета о кладбищахъ»<sup>1)</sup>...—говорила одна ревностная защитница женскихъ правъ, очевидно выведенная изъ терпѣнія непріязненнымъ отношеніемъ самихъ женщинъ къ дѣлу ея партіи.

— Наши женщины—самыя изящныя, самыя умныя, самыя красивыя на свѣтѣ», заявлялъ профессоръ Pagke Godwin на митингѣ, созванномъ въ видахъ развитія стремленія къ высшему образованію среди женщинъ: «намъ слѣдуетъ также добиться и того, чтобъ онѣ были и самыя образованныя... Путемъ высшаго образованія мы должны выработать своихъ женщинъ какъ Веспасія, Викторія Колонна, г-жа Сталь».

Чѣмъ словамъ отдать предпочтеніе? которому изъ этихъ заявленій приходится вѣрить?

Замѣчательнѣе всего, что во всей этой лести, расточаемой женщинамъ, и во всѣхъ упрекахъ, возводимыхъ на нихъ, мнѣ за два года не удалось слышать именно о тѣхъ достоинствахъ и недостаткахъ ихъ, которые наиболѣе бросаются въ глаза иностранцу. Никто здѣсь какъ-то не замѣчаетъ ихъ непоколебимой вѣры въ свои силы, ихъ неутомимости въ физическомъ трудѣ, ихъ безхитростнаго отношенія къ вѣшнему міру, ихъ таланта

<sup>1)</sup> Ссылка на дѣйствительное происшествіе, когда, въ 1869 году одинъ шуточный членъ конгресса предлагалъ поручить разсмотрѣніе вопроса о „женскихъ правахъ“ несуществующему „комитету о кладбищахъ“.

примѣняться ко всѣмъ обстоятельствамъ, — съ одной стороны, а съ другой никто не придаетъ значенія чрезвычайно легкому ихъ отношенію къ жизни и людямъ, измѣнчивости ихъ взглядовъ, отсутствію чистосердечія въ обыденныхъ сношеніяхъ и непризнанію съ ихъ стороны каковаго бы то ни было отвлеченнаго кодекса требованій, выгоды котораго не могутъ быть прямо переведены на сенты и доллары, шелки и брилліанты.

Ко всей сбивчивости встрѣчаемыхъ заявленій и фактовъ еще прибавляется, за первое время пребыванія въ странѣ, воздѣйствіе собственныхъ предвзятыхъ идей наблюдателя во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда эти идеи встрѣчаютъ малѣйшее подтвержденіе со стороны. Хорошо помнится мнѣ, какъ, въ первыя недѣли моего пребыванія въ странѣ, пришлось мнѣ бесѣдовать съ одною замѣчательно развитою американкой — г-жей M. Sullivan, — ирландкой, какъ по происхожденію, такъ и по симпатіямъ, которая занимаетъ мѣсто редактора въ главномъ печатномъ органѣ Запада — въ Chicago Times. Затронувъ какъ-то вскользь вопросъ о политической агитаціи въ пользу женскаго голосованія, она прямо мнѣ сказала, что на это движеніе нельзя смотрѣть серьезно, такъ какъ ни одна рассудительная американка не стремится къ осуществленію этой химеры, тѣмъ болѣе, что всякая женщина, сознательно сочувствующая тому или другому направленію въ политикѣ, всегда имѣетъ возможность проводить свои взгляды черезъ посредство голосованія близкихъ ей мужчинъ — мужа или братьевъ и это бываетъ даже гораздо дѣйствительнѣе прямого голосованія, такъ какъ женщина, способная переубѣдить мужчину и воздѣйствовать на него такъ, чтобъ онъ подавалъ голосъ за того или другаго кандидата — однимъ разомъ отнимаетъ лишній голосъ отъ противниковъ и присоединяетъ этотъ голосъ къ спискамъ той партіи, успѣхомъ которой дорожить. Такъ какъ это заявленіе г-жи Селливанъ вполне соответствовало моему собственному взгляду на предметъ, то я имъ вполне удовлетворилась — тѣмъ болѣе, что въ ту пору еще вѣрила на слово американцамъ, которые всѣ въ одинъ голосъ утверждаютъ, что женщина у нихъ стоитъ выше, имѣетъ большее вліяніе на мужчинъ и вообще пользуется несравненно большими привилегіями, тѣмъ ее сестры въ Европѣ. То же самое такъ часто повторялось европейскими авторами статей объ американской жизни, что сомнѣніямъ въ этомъ не было и мѣста. А какъ легко предвзятое мнѣніе принимаетъ видъ непреложной истины, лишь только въ подтвержденіе его является самое пустое обстоятельство — испытано было мною на себѣ, когда послѣ кратковременнаго

пребыванія въ Огайо, мнѣ случилось разъ выйти осматривать достопримѣчательности города въ обществѣ одного моего пріятеля-адвоката — слѣдовательно человѣка, принадлежащаго къ лучшему провинціальному кругу — и его кузины дѣвicy лѣтъ тридцати, которая завѣдывала его домомъ и только-что передъ тѣмъ снянула свой передникъ, въ которомъ потовѣла и подавала намъ обѣдъ, надѣла шляпу и плащъ и вышла съ нами на прогулку. Проходи одною изъ наиболѣе многочисленныхъ улицъ, гдѣ спутники мои ежеминутно встрѣчали знакомыхъ, у нашей дѣвicy развязалась ботинка на ногѣ. Не долго думая, она поставила свою ногу на выступъ перваго попавшагося дома и голосомъ, не допускающимъ возраженія, приказала своему кузену завязать шнурки своего башмака, что тотъ и исполнилъ какъ свою прямую обязанность, хотя мнѣ со стороны тяжело было смотрѣть на бѣднаго толстака, согнувшагося въ три погибели надъ ботинкомъ кузины.

Не упрощаетъ задачи наблюденія и преждевременное знакомство съ американками въ Европѣ. Американскія женщины у себя дома такъ мало подходятъ подъ то представленіе, какое сложилось объ нихъ у европейцевъ, что онѣ поражаютъ всякаго новоприбывшаго сюда, какъ сильная неожиданность. Бѣ изъ обычныхъ скитальцевъ по Европѣ не сталкивался на каждомъ шагѣ съ самыми разнокалиберными партіями американскихъ туристовъ? Вотъ, помнится, надвигается какъ буря лѣтняя, развязная прудна семей съ дальняго запада или изъ области Миссиссипи: какъ дѣвicy, такъ и молодые люди забавляются, шутятъ, хохочутъ не обращая вниманія ни на что окружающее; они, какъ здѣсь говорится — *are having a jolly time*; веселье, юность, здоровье такъ и бьютъ изъ нихъ ключомъ. *Paterfamilias* самъ сообщаетъ извѣстный «*entertain*» всему обществу, намѣиваетъ, такъ сказать, общій тонъ, сталкивая въ придорожную канаву крупный подростокъ — дочь свою, которая вназничъ, барахтается, спѣшитъ отплатить виновнику своихъ дней той же монетой, при гомерическомъ смѣхѣ остальныхъ и въ особенности дородной *materfamilias*, подмигивающей публикѣ и подталкивающей сестѣй докторъ, чтобъ обратить ихъ вниманіе на неистощимое остроуміе «*dear Pa*», и на находчивость запыхавшейся Бессы, тогда какъ другіе члены интимнаго кружка публично бросаютъ другъ въ друга апельсинными зернышками, а пара запоздалыхъ молодыхъ супруговъ спѣшитъ къ нимъ въ догонку въ омнибусъ, нѣжно обнявшись и не обращая никакого вниманія на негодующіе взгляды не то шѣмки, не то англичанки, которая всѣми фибрами своей крупной особы вызываетъ въ Провидѣнію о новомъ мѣстѣ,

малы окъ скандальной четы. Эта группа jolly folks смѣняется въ свое время партіей респектабельныхъ, хотя и вызывающихъ съ виду, maiden ladies и подбитыхъ вѣтеркомъ кавалеровъ, которые осматриваютъ всякій камешекъ ручья, всякую мелочь, упомянутую въ Bradshaw, считаютъ съ длинными альпійскими носами по горамъ, не зная усталы, все обсуждая, во всему прилагая свой за-атлантический масштаб и неизменно поучая всѣхъ встрѣчныхъ на счетъ превосходства всего американскаго надъ европейскимъ. Большинство людей этой категоріи осматриваетъ Европу, такъ сказать, съ душою въ рукахъ, точно вѣѣвая и исследуя отдѣльныя явленія, но отнюдь не схватывая общей связи между людьми и вещами; притомъ онѣ неизменно записываютъ безапелляціонныя сужденія свои въ угрожающихъ размѣрахъ дневники — въ гуманныхъ видахъ позднѣйшаго превращенія этихъ записокъ въ гремучія журнальныя статьи или же въ темы популярныхъ чтеній на пріученіе своихъ менѣе счастливыхъ земляковъ, не бывавшихъ за предѣлами штатовъ. Еще другая категорія американокъ въ Европѣ, — объѣхавъ ее изъ конца въ конецъ и спѣшно обозрѣвъ различныя страны изъ окна вагона, — поселяется въ Италию, въ Парижѣ или Лондонѣ; эти люди проводятъ все свое время въ закупкѣ и выставкѣ на себѣ поражающихъ своимъ богатствомъ туалетовъ, эксцентричность которыхъ въ большинствѣ случаевъ некупается чудною красотою ихъ модницъ, ихъ самобытною прелестью и остроумною, непрерывною болтовнею, обескураживающею всякаго строгаго критика. Какъ бы то ни было, въ какому бы разряду туристовъ встрѣчаемыя нами въ Европѣ американки ни принадлежали — онѣ поражаютъ насъ своею оригинальностью: присущая всѣмъ американкамъ смѣливость быстро подсказываетъ имъ, что есть вещи, которыя по нѣтию выше не даются; что на условной почвѣ европейскихъ воззрѣній состязаніе имъ было бы не подъ стать, и онѣ немедленно избираютъ другой путь: поражаютъ напускною эксцентричностью, заинтересовываютъ рискованными экспериментами, вызывая смѣхъ надъ европейскими предрассудками, возводятъ себѣ тысячу вещей, которыя имъ въ Америкѣ и на умъ не приходили — словомъ, все берутъ штурмомъ во имя своей республиканской свободы и оригинальности.

Этой-то именно оригинальности по прибытіи сюда и не надолго: женщины какъ-то всѣ на подборъ похожи другъ на друга, рѣдко которая осмѣлится заявить свою индивидуальность. Всякая чего-то остерегается, вѣчно оглядывается назадъ, будто не довѣряя тому, какое производитъ впечатлѣніе. Насквозь про-

нижнутыя тѣмъ убѣжденіемъ, что своеобразность характера въ женщинѣ европейскимъ кодексомъ приличій не допускается, что европейски хорошаго круга свисока смотрять на американокъ потому только, что встрѣчаютъ между ними такъ много «loud, jolly girls», здѣшнія женщины, претендующія на благовоспитанность, въ стараніяхъ своихъ достичь нес plus ultra коммѣфотности, сплошь и рядомъ впадаютъ въ другую крайность — дѣлаются вполне безцвѣтными: походка ихъ подводится подъ какое-то бульварное па, онѣ впархиваютъ въ комнату какъ птички, присаживаются на край стула, не говорятъ ни о чемъ, кромѣ никиговъ, баловъ, туалетовъ и своихъ дѣйствительныхъ или воображаемыхъ болѣзней; впадаютъ въ какой-то слащаво-томительный шопоть, а затѣмъ забываются до рѣзкихъ тоновъ, въ концѣ подрываютъ ваши нервы и хотя обращаютъ васъ въ постыдное бѣгство, за то списываютъ удивленіе и поклоненіе мѣстныхъ представителей «не-прекраснаго» пола, которые въ одинъ голосъ твердятъ, что американскія женщины всѣ — аристократки по рожденію.

Особенно излюбленъ этотъ аргументъ въ доводахъ мужчинъ, восстающихъ противъ уравнинія гражданскихъ правъ обоихъ половъ; они часто высказываются въ томъ смыслѣ, что дай женщинамъ право голосованія, онѣ скоро положатъ конецъ республикѣ, провозведутъ *coup d'état* въ пользу установленія наследственной монархіи со всѣми ея атрибутами — придворными выходами, должностями, сословными различіями и проч. Подобныя обвиненія можно бы было отнести къ шуткамъ, если бы они одно время не были направлены и на мужчинъ, а именно на партію, подготовлявшую избраніе экс-президента Гранта на третье членствіе: эту партію здѣсь упрекаютъ въ томъ, что она стремилась сдѣлать президентское званіе наследственнымъ. Что же касается американскихъ женщинъ, то можно съ увѣренностью сказать, что — дай имъ волю — преданность каждой изъ нихъ монархической формѣ правленія обуславливалась бы исключительно тѣмъ почетомъ, которымъ бы сама она пользовалась при дворѣ. Вскому, кто наблюдалъ жизнь американскихъ туристовъ за-границей, извѣстно ихъ необъяснимое стремленіе быть представленными царственнымъ особамъ; лишь только американка прїѣзжаетъ въ какую столицу, она немедленно является къ своему послу и требуетъ, чтобъ тотъ представилъ ее ко двору, при которомъ аккредитованъ; и это требованіе — насколько мнѣ приходилось замѣчать — рѣдко встрѣчаетъ отказъ, такъ какъ американскіе дипломатическіе представители при европейскихъ дворахъ сами

признають извѣстную долю справедливости въ распространенномъ между нихъ соотечественниками убѣжденіи въ томъ, что за американскими представителями въ Европѣ въ сущности и дѣла никакого нѣтъ, кромѣ сопровожденія ихъ прекрасныхъ землячекъ ко двору владѣтельныхъ особъ. Не менѣе замѣчательно и то, что стремясь на дворцовый выходъ изъ простаго любопытства, множество американокъ съ одного взгляда на царственныхъ особъ становятся пламенными приверженицами монархизма. Конечно, мужья и братья ихъ и это ставятъ на счетъ ихъ врожденнаго аристократизма; мнѣ же кажется, что аристократизмъ и здѣсь опять не при чемъ. Американки любятъ роскошь, блескъ и шумъ до крайности; всего этого, правда, много и въ средѣ колоссальныхъ богачей Нью-Йорка, но тамъ это отнюдь не имѣетъ въ глазахъ женщинъ существенной цѣны, по той простой причинѣ, что все это доступно каждой счастливой обладательницѣ милліоновъ; при европейскихъ же дворахъ этотъ блескъ пріобрѣтаетъ особенную притягательную силу уже по тому одному, что общество, гдѣ этотъ блескъ проявляется, стоитъ особнякомъ, и не всякому и при деньгахъ доступно. Монархическая атмосфера Европы до того сильно дѣйствуетъ на впечатлительныхъ гражданокъ, что оставляетъ невгладимые слѣды на складѣ ихъ возрѣній, по которымъ иностранцу легко бываетъ признать американку, бывавшую въ Европѣ и успѣвшую тамъ приложиться къ рукамъ королевы Викторіи.

Если этого рода аристократизма американкамъ — не смотря на всѣ опасенія мужчинъ — еще не удалось вполне усвоить, то это уже никакъ не по винѣ поклонницъ европейскихъ нравовъ, а потому, что здѣсь, при обще-принятомъ равномерномъ раздѣлѣ состоянія между дѣтьми и при всеобщей страсти къ спекуляціямъ, милліоны рѣдко остаются въ тѣхъ же семействахъ, и на смѣну вчерашнихъ богачей неизмѣнно является фаланга новыхъ набобовъ съ дальняго запада, которые разбогатѣли гонимой гуртовъ рогатаго скота, бойнею свиней, разжились на подрадахъ, на желѣзно-дорожныхъ и другихъ аферахъ или же — въ исключительныхъ случаяхъ — собственными руками вскрыли чрезвычайно богатую залежь золотой или серебряной руды.

Какъ уже замѣчено мною выше, американцы не любятъ копить денегъ: они любятъ ихъ наживать и проживать. Потому, внезапные баловни фортуны, очутившись владѣтелями милліоновъ, немедленно покупаютъ себѣ дома на пятой авеню въ Нью-Йоркѣ, переселяютъ туда свои семьи, и отнюдь не оставляя своего прежняго дѣла, вступаютъ въ высшій столичный кругъ. Благодаря



врожденной американкамъ способности быстро приобретать извѣстный лоскъ, жены вчерашнихъ гуртовщиковъ и рудокоповъ весьма скоро впадаютъ въ колея нью-іорской жизни, а это непрерывное возникновеніе новыхъ миллионеровъ принуждаетъ самыхъ зрыхъ поклонницъ монархизма отлагивать здѣсь свои аристократическія тенденціи и исключительность подъ сукно и не выставлять токовыхъ на показъ—хотя бы нѣ простого чувства самосохраненія. Уашингтонское общество болѣе подходитъ къ европейскому, благодаря близкому соприсносновенію тамошнихъ американцевъ съ дипломатическимъ кружкомъ иностранцевъ, а также и потому, что уашингтонская жизнь не привлекаетъ «новыхъ богачей». Но Уашингтонъ стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ особнякомъ и въ немъ не мѣсто изучать исключительно американскія особенности нравовъ. Во многихъ мѣстностяхъ союбществуютъ, правда, богатыя семьи профессиональныхъ людей—кружки, проявляющіе поползновеніе къ составленію отдѣльныхъ образованныхъ слоевъ; но общее теченіе жизни здѣсь такъ сильно и непрерывно, что кружкамъ этимъ не удастся надолго держаться въ сторонѣ отъ другихъ, тѣмъ болѣе, что такъ-называемыя «респектабельныя профессіи» миллионеровъ не даютъ, состоянія дробятся между дѣтьми, и эти послѣднія неминуемо заражаются въ свою очередь общою горячкою спекуляціи. Да и какъ же имъ поступать иначе въ странѣ, гдѣ успѣхъ обуславливается богатствомъ и не признается помимо его?

Въ виду этого вѣчнаго круговращенія капитала является, впрочемъ, не одно только хваленое равенство, но и чрезвычайная неустойчивость общественныхъ слоевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отсутствіе связующаго звѣна между членами того или другого круга. Постоянныя дружескія сношенія одной семьи съ другою изъ поколѣнія въ поколѣніе—вещь положительно неизвѣстная. Имена пріятелей отца остаются навѣки неизвѣстными его дѣтямъ, а друзья этихъ послѣднихъ являются въ семью, не знающую, въ свою очередь, ничего о прошедшей жизни и связяхъ ихъ родителей. Понятное дѣло, что при такихъ условіяхъ здѣсь не встрѣтить той семейной атмосферы, къ которой насъ приучила жизнь европейская. Изъ этого, однако, отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ американскій семейный очагъ былъ открытъ для всякаго пришлаго. Напротивъ того. Быстрая нажива, доступная всякому, по неволѣ развиваетъ во всякой порядочной семьѣ желаніе оградить себя отъ непріятныхъ вторженій, развиваетъ подозрительность и мѣшаетъ свободному сближенію, а это, въ свою очередь, вызываетъ весьма своеобразныя черты въ характерѣ американ-

цевъ. Такое заявленіе можетъ показаться неѣдымъ тѣмъ, кто видалъ, какъ легко американцы сближаются съ новыми знакомыми въ Европѣ; но въ Америкѣ—это фактъ. Впервые вниманіе мое было привлечено на эту особенность вскорѣ по прибытіи въ эту страну. При переѣздѣ изъ Европы мнѣ пришлось близко сойтись съ капитаномъ нашего парохода, скромнымъ и серьезнымъ англичаниномъ, котораго всѣ наши пассажиры перваго класса осыпали любезностями и осаждали приглашеніями посѣтить ихъ въ Нью-Йоркѣ. Въ разговорѣ съ тѣмъ же капитаномъ, съ полгода спустя, мнѣ случилось у него спросить о нѣкоторыхъ американцахъ, которые пріѣхали сюда вмѣстѣ со мной. Оказалось, что онъ никого изъ нихъ съ тѣхъ поръ не видалъ. Я было принялась упрекать его въ лѣни и нелюбезности, но отвѣтъ его скоро положилъ конецъ моимъ разсужденіямъ: «Видно, что вы еще новичокъ въ этой странѣ: поживите съ мое—увидите. Я вотъ уже въ теченіе десяти лѣтъ перевожу американцевъ изъ конца въ конецъ по океану и знаю ихъ вдоль и поперекъ. Въ началѣ я понималъ ихъ любезности и приглашенія въ томъ же смыслѣ, какъ понимаются подобныя вещи между англичанами, хотя, признаться, и становился нѣсколько втупикъ отъ ихъ неистощимаго радушія. Я счелъ долгомъ урвать часъ-другой отъ своего досуга, сдѣлалъ визитъ тѣмъ и другимъ семьямъ, взявшимъ съ меня торжественное обѣщаніе ихъ навѣстить, и повсюду былъ принятъ хотя и вѣжливо, но при видимомъ недоумѣніи хозяевъ насчетъ цѣли моего посѣщенія... Много разъ пробовалъ я держать данное имъ слово побывать у нихъ и всегда съ тѣмъ же результатомъ... Теперь я къ ихъ споровкамъ привыкъ—общаю имъ, что угодно, и не двинусь съ мѣста, чтобъ ихъ розыскать». Слушая безстрастную, неторопливую рѣчь добродушнаго англійскаго моряка, я, однако, не сдалась на его доводы и хотя не упрекала его больше въ нежеланіи сдѣлать пріятное любезнымъ американкамъ, но мысленно рѣшила, что такая холодность между нимъ и американцами порождается тѣмъ, что онъ англичанинъ. Подтвержденіе словъ капитана не заставило себя, однако, долго ждать. По прибытіи моемъ въ семью моихъ американскихъ родственниковъ въ провинціальный городъ штата Огайо, я внезапно очутилась въ завидномъ положеніи капитана на пароходѣ. Меня чуть ли не каждый встрѣчный на улицѣ приглашалъ къ себѣ. Прибывъ въ провинцію въ обществѣ двухъ моихъ пріятельницъ-европеекъ, мы заняли отдѣльный домъ, и къ намъ рѣдкій день не являлись мѣстные дамы, которыя, дѣлая намъ визитъ, рекомендовали себя, объясняли, кто ихъ

супруги и папеньки, и брали съ насъ неизмѣнное обѣщаніе ихъ посѣтить. Обезпеченныя, наконецъ, быстрымъ накопленіемъ не отданныхъ визитовъ, мы обратились за совѣтомъ къ моимъ американскимъ родственникамъ; тѣ намъ, однако же, объяснили, чтобъ мы отнюдь не смущались: никакихъ отъ насъ визитовъ никто не ожидаетъ, приглашаютъ насъ къ себѣ только изъ вѣжливости, отнюдь не рассчитывая на исполненіе обѣщаннаго. Оказывалось, что мѣстныя обывательницы являлись къ намъ совсѣмъ не съ тѣмъ, чтобъ завязать съ нами знакомство, а просто съ тѣмъ, чтобъ взглянуть на европейцевъ и удовлетворить своей любознательности. Я хорошо помню, какъ заявленіе это скандализировало мою пріятельницу-румынку, привыкшую къ строгому деборуму общества въ офранцуженномъ Бухарестѣ; непріятно дѣйствуютъ подобныя проявленія американской самобытности и на всѣхъ европейцевъ; но мало-по-малу съ этимъ свыкаешься, тѣмъ болѣе, что во всемъ этомъ нѣтъ и тѣни желанія польстить или навязать свое знакомство: это дѣлается какъ-то по-дѣтски, единственно въ силу удовлетворенія минутной прихоти, въ которыхъ заурядныя американки рѣшительно не считаютъ нужнымъ себя стѣснять; любезныя же приглашенія, насколько я могла судить, сыплются такъ щедро единственно «*par maniere de parler*», изъ утрированного представленія о томъ, что требуется приличіями хорошаго общества. Не слѣдуетъ забывать и того, что у себя дома американцы,—въ полную противоположность англичанамъ,—отнюдь не придаютъ особаго вѣса своимъ словеснымъ заявленіямъ и даже смѣются надъ простынями, которые на таковыя полагаются: каждый американецъ—слову своему господинъ, не хуже нашего доморожденного столбового дворянина.

Не мало времени прошло, пока я, наконецъ, научилась правильно понимать взаимныя отношенія людей, какъ сложились они подъ вліяніемъ своеобразныхъ условій здѣшней жизни, и убѣдилась, наконецъ, въ томъ, что большинство проявленій, вызывающихъ наше удивленіе, а подчасъ и негодованіе, есть ни что иное, какъ результатъ недоразумѣній, вызываемыхъ нашей европейской манерою смотрѣть на вещи. Дѣло въ томъ, что европейецъ, впервые пріѣзжающій въ Америку, долгое время, и совершенно для себя незамѣтно, осужденъ на роль ребенка, впервые учащагося соразмѣрять протяженіе своей руки съ разстояніемъ того предмета, за которымъ тянется. Чуть ли не труднѣе всего бываеетъ иностранцу оцѣнить по достоинству взаимныя отношенія мужчинъ и женщинъ въ этой странѣ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, не превознести утонченной деликатности, благородства американ-

цель, не гнушающихся исполнять самыя необычныя вещи, лишь бы только облегчить трудъ своихъ болѣе слабыхъ сожительницъ, когда вамъ то-и-дѣло попадаетъ на глаза мужъ, ухаживающій съ ловкостью женщины за недѣльнымъ ребенкомъ; усталый фермеръ, идущій прямо съ пашни донѣ корову, или не поворотливый адвокатъ, рискующій получить апоплексическій ударъ, вызывая на многолюдной улицѣ ботинку своей кузины, которой ничего бы не стоило сдѣлать это самой? И вотъ европеецъ приходитъ въ восторгъ, восхищается и воспѣваетъ рыцарскія добродѣтели американскихъ мужичинъ. Но приглядѣвшись къ этой жизни, начинаешь распознавать и обратную сторону медали; видишь, какъ кузина самоотверженнаго адвоката, завѣдуя его домомъ, проводитъ по пяти-семи часовъ, спины не разгибая, за бортомъ, затѣмъ жарится за утюгами и плитой, не присаживаясь, не перехватывая ни куска, пока не убогочинитъ адвоката и братьевъ его, которые ѣдятъ и, не стѣсняясь, требуютъ то того, то другого отъ прислуживающей имъ лѣди; живя въ маленькомъ городкѣ или на фермѣ и проводя весь день въ безпредѣльной лѣни на открытомъ воздухѣ, въ хамакѣ, вдоволь насмотрѣвшись на то, какъ жена торговца или фермера, получающаго отъ трехъ до пяти тысячъ дохода, весь день свой работаетъ какъ волъ, чистить, скоблить, стираетъ, ухаживаетъ за скотомъ, варить, печетъ, собираетъ обѣдъ на многочисленную семью, весь день проводитъ на ногахъ, второпяхъ перехватывая кусокъ, оставшійся отъ обѣда, сготовленнаго для мужичинъ, а затѣмъ снова спѣшить за мытье посуды, уборку кухни и проч.; какъ проводитъ женщина вечера и часть ночей за швейною машиною, обшивая всю семью, пока благовѣрный рѣшаетъ судьбу вселенной съ пріателями въ сосѣдней лавкѣ или, подъ вліяніемъ невѣстнаго духа спекуляціи, замышляетъ аферу, въ которой ставить на рискъ все свое состояніе, всю будущность своей семьи. Но дѣло въ томъ, что сами американки вполне довольствуются немногими внѣшними проявленіями заботы о нихъ и не замѣчаютъ того, что, чѣмъ сложнѣе становятся интересы мужа или брата, тѣмъ меньше у него съ женою или сестрою остается общаго. На какой бы ступени общественной лѣстницы американецъ ни стоялъ—жена его почти никогда ничего не знаетъ о положеніи его дѣла, не интересуется знать, какъ добываются деньги, лишь бы недостатка въ нихъ не было; и женщины, въ одинъ хоръ съ мужьями, повторяютъ, что Соединенные Штаты—женскій рай; что здѣсь женщина—сила, тогда какъ въ Европѣ она все еще безответная раба.

Насколько вѣренъ такой взглядъ на этотъ предметъ, представляю судить каждому безпристрастному читателю, у котораго достанетъ досуга и терпѣнія на то, чтобъ познакомиться съ тѣми данными, какія предлагаются ниже въ той же безыскусственной формѣ, какъ онѣ представлялись на мой глазъ, и которыя имѣютъ за себя лишь то достоинство, что собраны на мѣстѣ при искреннемъ желаніи добиться правды относительно положенія женщинъ въ этомъ раю.

## II.

Предполагаемая эмансипація обитательницъ „рая“. — Партія „женскаго голосованія“. — Благоговѣніе американцевъ передъ своею конституціей. — Эмансипація въ Уайоминга. — Пронски партія „женскаго голосованія“ въ Соединенныхъ Штатахъ. — Что породило партію недовольныхъ.

Вдалась я въ подробное разсмотрѣніе положенія женщинъ въ странѣ совершенно случайно и увлеклась своими наблюденіями, прежде чѣмъ распознала, какъ далеко они меня завели. По странному стеченію обстоятельствъ мнѣ пришлось начать свои систематическія наблюденія надъ жизнью здѣшнихъ женщинъ съ изслѣдованія тѣхъ мѣръ, которыя предлагаются для полного переустройства настоящаго положенія женщинъ въ странѣ. Переѣзжая изъ одного штата въ другой, многое приходилось, конечно, видать, но все видѣнное складывалось въ умѣ какъ ненужный скръбъ, пока не потребовалось собрать и провѣрить всѣ эти прошлыя впечатлѣнія, чтобъ узнать, насколько есть основанія для того движенія, которое возникло здѣсь въ видахъ эмансипаціи женщинъ. Незамѣтно воспринятое понятіе о женскомъ раѣ какъ-то плохо вязалось въ моей головѣ съ крикомъ о необходимости женской эмансипаціи, и невольно хотѣлось дознаться, которое изъ этихъ двухъ положеній исключаетъ другое.

Впервые было вниманіе мое привлечено на дѣятельность общества «женскаго голосованія» (Woman Suffrage Society) нѣкоторыми крупными и вліятельными нью-іоркскими газетами, въ которыхъ, съ полгода тому назадъ, мнѣ попались заявленія о томъ, что извѣстная дѣятельница по «женскому вопросу» въ Нью-Йоркѣ, миссисъ Лилли Деверѣ Блэкъ (m-rs Lilli Devereux Blake), выхлопотала себѣ право даромъ воспользоваться на одинъ вечеръ громадному залу Chickering Hall, включая полное освѣщеніе, и устроиваетъ въ ней митингъ съ цѣлью пріобрѣсти себѣ общественное содѣйствіе для ходатайства о назначеніи жен-

ещи на мѣста надзирательницъ надъ ночлежными отдѣленіями при полицейскихъ домахъ. Отъ себя газеты посвящали этому извѣстію передовыя статьи, въ которыхъ остроумно обсуждали послѣдствія того, что поборницы женскаго голосованія вступятъ на полицейскую службу, и картинно изображали прелесть результатовъ, когда въ послѣдствіи времени, дойдетъ дѣло до того, что по городу будетъ расхаживать патруль женщинъ-полицейскихъ, вооруженныхъ нагайками и полагающихъ всѣ свои силы на возможно-быстрый подборъ пьяныхъ, валяющихся на улицахъ. Не смотря на видимую утвривку этихъ предположеній, газетныя статьи были переполнены такимъ заражающимъ юморомъ, что невозможно было не раздѣлять отчасти ихъ скептическаго взгляда на затѣю предпринимчивыхъ лѣди, и я отправилась на митингъ точно въ какой нибудь театръ-буффъ—единственно ради развлечения и изъ желанія посмотреть на этихъ американскихъ амазонокъ.

Предсѣдательствовала на митингѣ сама зачинщица новаго дѣла, г-жа Л. Деверѣ Блэкъ — дама лѣтъ тридцати пяти, съ прорѣдью въ волосахъ и тонкими, нѣжными чертами молодого лица, облеченная въ бархатъ, шелкъ и кружева, съ внушительныхъ размѣровъ букетомъ водяныхъ лилій на лѣвой сторонѣ корсажа. Встрѣченная взрывомъ привѣтственныхъ аплодисментовъ, лѣди приняла ихъ весьма свысока и прямо приступила къ изложенію своего дѣла. Говорила она безъ обычныхъ риторскихъ приѣмовъ дрессированныхъ американскихъ ораторовъ, нѣсколько спѣшно, но весьма толково и внятно, а главное, засыпала слушателей статистическими данными—логичными, сильными заявленіями, хотя и рѣзкими въ устахъ женщины, но основанными на фактахъ и потому не подлежащими опроверженію. У ней, что ни фраза, то была вполне законченная мысль, истекающая изъ предыдущаго и неизмѣнно ведущая къ послѣдующему развитію отстаиваемой ею идеи. Остановясь нѣсколько минутъ на неизбежномъ въ такихъ случаяхъ опроверженіи упрековъ въ томъ, что женщины, стремясь расширить сферу своей дѣятельности, поступаютъ своими семейными обязанностями и утрачиваютъ свою женственность, г-жа Блэкъ перешла къ доказательствамъ того, что въ данномъ случаѣ, со стороны женщинъ нѣтъ даже и желанія расширить сферу своей дѣятельности, а является лишь стремленіе восполнить недостатокъ въ системѣ, касающейся интересовъ весьма большой части населенія такого значительнаго промышленнаго центра, какъ Нью-Йоркъ. Посвятивъ сама значительную долю времени на изу-

ченіе статистическихъ данныхъ и порядка внутреннего устройства нью-іоркскихъ ночлежныхъ домовъ, г-жа Блэкъ объяснила, что далеко не большинство женщинъ, ночующихъ въ этихъ послѣднихъ, состоитъ изъ завѣдомыхъ бродягъ и порочныхъ женщинъ, что многія попадаютъ въ ночлежные дома случайно или вслѣдствіе какого непредвидѣннаго несчастнаго случая, или, наконецъ, по бѣдности, и проводятъ ночь подъ охраною извѣстныхъ своею грубостью полицейскихъ, не имѣя подъ рукою ни одной женщины, которая могла бы помочь имъ въ случаѣ болѣзни или какого затрудненія. Приведя въ подтвержденіе своихъ словъ нѣсколько ужасающихъ случаевъ изъ практики полицейскихъ домовъ, гдѣ нерѣдко даже скоростная смерть слабыхъ женщинъ бывала прямымъ слѣдствіемъ грубаго непониманія и безтактности полицейскихъ служителей, г-жа Блэкъ кончила свою дѣловитую рѣчь воззваніемъ къ чувству самосохраненія своихъ слушателей, замѣтивъ, что ни одинъ самый мирный, даже и самый богатый гражданинъ не огражденъ отъ губительныхъ послѣдствій настоящей системы: «у каждого изъ слушателей,—говорила она,—вѣроятно есть жена, сестра, дочь или мать, которыя не болѣе всѣхъ другихъ смертныхъ застрахованы отъ возможности внезапнаго припадка недорозья на улицѣ, среди незнакомыхъ людей, лишившихъ чувствъ или возможности дать самимъ необходимыя о себѣ свѣдѣнія,—такія женщины, хотя бы самыя респектабельныя съ вида, неизмѣнно препровождаются въ ближайшее полицейское отдѣленіе, гдѣ нѣтъ никого, кромѣ тѣхъ же полисменовъ, чтобъ подать имъ первую помощь въ ожиданіи врача и опредѣлить, не угасла ли въ нихъ жизнь». Затѣмъ леди-ораторъ приступила къ изложенію средствъ къ достиженію желаемого назначенія женщинъ на службу при полицейскихъ домахъ, настаивая на томъ, чтобы таковыя получали жалованье равное жалованью мужчинъ-полисменовъ, а именно по 900 долларовъ въ годъ, такъ какъ за меньшую плату ни одна уважающая себя женщина не рѣшится принять на себя такую непривлекательную должность, а женщины двусмысленной репутаціи принесли бы дѣлу болѣе вреда, нежели пользы, въ случаѣ занятія ими мѣстъ полицейскихъ матроновъ. На покрытіе первоначальныхъ расходовъ по агитаціи въ пользу предпринимаемаго дѣла тутъ же, на митингѣ, открыта была подписка и собрана почтенная сумма денегъ. Вслѣдъ за рѣчью президента, вполне исчерпавшею предметъ, на подмостки выступило поочередно еще нѣсколько дамъ съ рѣчами, болѣе или менѣе умѣстными, но главнымъ образомъ касавшимися уже «женскаго вопроса» вообще.

Это послѣднее обстоятельство, однако, не ослабило прекраснаго впечатлѣнія рѣчи г-жи Блэкъ—что же касается до меня, митингъ возбудилъ во мнѣ желаніе ближе ознакомиться съ дѣятелями этой партіи, съ настоящимъ положеніемъ женскаго вопроса въ странѣ; мнѣ захотѣлось также прослѣдить, насколько это влияніе отражается на женщинахъ, прямо въ немъ не участвующихъ.

Естественнѣе всего было обратиться за свѣдѣніями по интересующему меня предмету къ той самой предпримчивой лѣди, рѣчь которой на митингѣ возбудила во мнѣ желаніе изслѣдовать представленный ею предметъ. Такъ я и сдѣлала. Но къ удивленію моему, частный разговоръ съ г-жой Блэкъ далеко не оказался столь удовлетворительнымъ, какъ ея рѣчь съ платформы. Правда, что и здѣсь рѣчь ея велась свободно, какъ по писаному, въ теченіе болѣе часу; она охотно передала мнѣ всю исторію возникновенія и развитія женскаго движенія въ странѣ, видимо изученную ею до мельчайшихъ подробностей, но однообразие тона и спѣшность дикціи, наконецъ, до того огуманили меня, что я стремилась перевести разговоръ съ древней исторіи этого движенія на болѣе интересный его фазисъ въ настоящее время; но это оказалось далеко не легко. Къ счастью моему, воспоминаніе о лично перенесенныхъ въ этомъ дѣлѣ неудачахъ, очевидно, было еще слишкомъ свѣжо на памяти моей собесѣдницы; рѣчь ея, наконецъ, утратила свою спѣшную быстроту—на мою долю выпало ее разспрашивать. «Если бы вы знали, что я переживаю въ дни выборовъ—когда мимо моихъ оконъ то-и-дѣло проходятъ толпы невѣжественныхъ ирландцевъ, грубыхъ нѣмецкихъ буршей, не знающихъ ровно ничего о томъ, въ пользу или противъ чего имъ приходится подавать голоса! Вѣдь вамъ, конечно, извѣстно, что въ горячее время выборовъ у насъ ухитряются даже новоприбывшихъ эмигрантовъ прямо производить въ избиратели, отнюдь не дожидаясь истеченія условленнаго закономъ пятилѣтняго предварительнаго пребыванія ихъ въ странѣ до натурализаціи. И вотъ эти-то подонки европейскіхъ народовъ, столько же смыслящіе въ системѣ нашего правленія, сколько «the man in the moon» (обитатели луны), отправляются подавать голоса, устанавливать законы для всѣхъ насъ и для меня въ томъ числѣ—тогда какъ я должна здѣсь сидѣть и любоваться изъ окна на этихъ «лѣрдовъ творенія»! Нѣтъ, я и теперь хладнокровно объ этомъ вспомнить не могу: а въ дни выборовъ у меня положительно разливается желчь»...

Дѣйствительно, и теперь у нея отъ волненія захватило духъ и неудержимый потокъ рѣчи внезапно прервался, чѣмъ я и вос-



пользовалась, чтобъ вставить давно просившійся у меня съ языка вопросъ.

— Но не думаете ли вы, г-жа Блэкъ, что предоставленіе права подачи голоса женщинамъ можетъ и не улучшить положеніе дѣла въ странѣ? Вы подали мнѣ примѣръ откровенности и, конечно, позвольте и мнѣ сказать, что по моимъ наблюденіямъ, громадное большинство американскихъ женщинъ не болѣе свѣдуще въ законахъ и требованіяхъ страны и пожалуй еще менѣе ими интересуется, чѣмъ любой новоприбывшій ирландецъ. Неужели же васъ самихъ не пугаетъ мысль сразу удвоить число нечужденныхъ избирателей лицами, ни мало не подготовленными къ той огромной отвѣтственности, которая падетъ на нихъ?

— Извините меня, — съ легкою досадою вступилась г-жа Блэкъ, — но вы повторяете давно избитый доводъ, который уже не имѣетъ рѣшительно никакой силы. Тѣ же самыя опасенія въ свое время возникали при мысли о послѣдствіяхъ эмансипаціи негровъ. И что же? Не пала же республика отъ освобожденія рабовъ? Такъ точно будетъ и при эмансипаціи женщинъ. Мы твердо увѣрены, что относительно женщинъ повторится именно то, что и теперь уже замѣчается относительно мужчинъ; право голоса на выборахъ, прямое участіе въ управленіи страню скоро ихъ воспитаетъ. — всякому своя рубашка ближе къ тѣлу; наши женщины смѣлѣе и скоро поймутъ тогда, что отъ нихъ самихъ зависитъ оградить себя отъ грабежа, которому ихъ теперь подвергаютъ мужчины — онѣ не замедлятъ, на примѣръ, взмѣнить существующіе теперь порядки въ обложеніи налогами недвижной собственности женщинъ.

— А развѣ женщины подвергаются какимъ-нибудь несправедливостямъ въ этомъ отношеніи?

— Несправедливостямъ, говорите вы? — Вы слишкомъ мягко выражаетесь... Ихъ просто-на-просто стригутъ какъ овецъ — ихъ презираютъ, ихъ грабятъ, и все потому, что женщина у насъ — нуль. Вліяніе и сила мужчины обуславливаются тѣмъ, сколькими голосами можетъ онъ косвенно располагать: въ прямой къ тому пропорціи ему оказывается и почетъ. Поживите у насъ — увидите, что недвижимая собственность фабрикантовъ, хозяевъ торговыхъ фирмъ, употребляющихъ сотни рабочихъ-мужчинъ, все еще обложена налогами въ томъ же объемѣ, въ какомъ они взиались десять лѣтъ тому назадъ; но такъ какъ расходы по городскому ховайству увеличиваются, то весь требуемый излишекъ разлагается на собственность женщинъ, у которыхъ нѣтъ мужей, способныхъ отстаивать ихъ интересы.

— Какія же мѣры употреблены вашею партіей, чтобъ добиться права голоса?

— Все наше движеніе построено на незабвенномъ заявленіи нашихъ великихъ «отцовъ республики», которые въ своемъ «Провозглашеніи Независимости» на вѣки вѣчные провозгласили непреложную истину, что «обложеніе кого бы то ни было налогами безъ предоставленія ему права представительства — есть тираннія» (*«taxation without representation—is tyranny»*). Опираясь на это, мы нѣсколько разъ пытались измѣнить конституцію нашего и другихъ штатовъ, старались добиться того, чтобъ изъ конституцій вычеркнуто было слово «мужескаго пола» въ опредѣленіи избирательной правоспособности гражданъ. Но измѣнить конституцію штата въ нашу пользу еще нигдѣ не удалось. Для того, чтобъ достигнуть этого — какъ вамъ, конечно, извѣстно — требуется, чтобъ поправка прошла на народныхъ выборахъ большинствомъ двухъ третей голосовъ — этого же положительно невозможно намъ достичь. Все, что есть невѣжественнаго и эгоистичнаго среди избирателей — все горюю стоитъ противъ насъ. Какой-нибудь нагруженный пивомъ нѣмецъ или ирландецъ, который въ своей странѣ велъ скотоподобную жизнь, попираемый, какъ червякъ, фалангой развращенныхъ землевладѣльцевъ-аристократовъ, попавшій сюда какъ въ царство небесное, сразу приравненный въ правахъ къ наилучшимъ гражданамъ страны — этотъ самый ирландецъ, еще и имени своего неспособный подписать — сейчасъ же задираетъ носъ, провозглашаетъ себя «лордомъ творенія» и отказывается довѣрять избирательный шаръ женщинамъ, изъ которыхъ у каждой больше ума въ одномъ мизинцѣ, чѣмъ во всей неуклюжей персонѣ этого новопеченнаго гражданина... Нѣтъ, измѣненія конституціи намъ не добиться. Мы теперь стараемся дѣйствовать черезъ законодательныя собранія. Такъ какъ нигдѣ въ конституціяхъ прямо не оговорено, что женщины не имѣютъ права голоса на выборахъ, то мы стали обращаться къ законодательнымъ собраніямъ различныхъ штатовъ съ петиціями о томъ, чтобы за нами были утверждены права избирателей, которыми мы доселѣ не пользовались, не смотря на то, что женщины никогда не были внесены конституціей въ разрядъ преступниковъ и тѣхъ лицъ, у которыхъ отнято право подачи голоса при выборахъ. Разъ дѣло наше поставлено на эту почву — успѣхъ гораздо вѣроятнѣе: для того требуется только, чтобъ мѣстное законодательное собраніе, большинствомъ голосовъ въ обѣихъ палатахъ, признало за нами право голоса, которымъ «мы до сей поры не пользовались».

Это послѣднее сообщеніе г-жи Блэкъ бросило для меня совершенно новый свѣтъ на дѣло. До сей поры я и не предполагала, чтобъ мечты партіи женскаго голосованія могли осуществиться *ex statuta* иначе какъ посредствомъ измѣненія конституціи каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, и потому не предусматривала никакой вѣроятности успѣха затѣяннаго ими движенія. Американцы, какъ народъ практичный, отнюдь не любятъ отъ добра добра искать. Выработанный ими образецъ конституціи, принятой съ незначительными измѣненіями всѣми штатами, такъ хорошо ограждаетъ свободу личности и содѣйствуетъ развитію общаго благосостоянія, что американцы какъ огня боятся измѣнять эту конституцію. Неприкосновенность конституціи оберегается каждымъ гражданиномъ такъ же ревниво, какъ неприкосновенность собственнаго очага. Американцы отнюдь не составляютъ націи; въ нихъ нѣтъ той привязанности къ мѣсту, тѣхъ общихъ историческихъ преданій, подъ вліяніемъ которыхъ складывается народный характеръ, вырабатывается то чувство, которое мы въ Европѣ называемъ именемъ патріотизма. Да и какъ можетъ въ народѣ развиваться общность взглядовъ, проявиться опредѣленные національныя тенденціи, при такомъ громадномъ наплывѣ эмигрантовъ всевозможныхъ европейскихъ народностей? За одинъ май мѣсяцъ настоящаго — 1882—года въ одномъ нью-іоркскомъ портѣ высажено 94,000 новоприбывшихъ эмигрантовъ, которые всѣ явились сюда съ тѣмъ, чтобъ основаться здѣсь окончательно. Не смотря на всю неразвитость, на всю негѣжественность прибывающихъ массъ, онѣ скоро начинаютъ, если не сознавать, то ощущать на себѣ благое дѣйствіе американскихъ учрежденій. Они встрѣчаютъ старыхъ друзей, родственниковъ, успѣвшихъ уже стать на ноги со времени переселенія въ Новый Свѣтъ—иногда даже и разбогатѣть; они во-бщю убѣждаются, что въ этой странѣ шансы на жизнь, развитіе и благосостояніе — одинаковы для всѣхъ; а когда, пораженные этимъ непривычнымъ явленіемъ, они обращаются къ прежде-прибывшимъ сюда друзьямъ съ вопросомъ, чему приписать эти великіе результаты — то имъ неизмѣнно отвѣчаютъ, что все эти права даны и ограждены конституціей для всѣхъ и для каждаго. Наталкивается затѣмъ эмигрантъ на вопіющія злоупотребленія, безхитростная душа европейскаго селянина возмущается хищеніемъ и грабительствомъ, происходящимъ вокругъ него, и онъ старается постичь причину такого, какъ ему кажется, «растлѣнія нравовъ»; но въ удивленію его, никто изъ старожиловъ не раздѣляетъ его ужаса, никто не видитъ въ этомъ

«растлѣніи нравовъ» ничего губительнаго; напротивъ того, каждый лишь смѣется — «какъ котъ, смотря на то, какъ мыши разыгрались» (по выраженію одного знакомаго мнѣ нѣмца-механика, недавно переселившагося сюда изъ Баваріи): чѣмъ тоньше ведена мошенническая продѣлка, тѣмъ болѣе огражденъ ее авторъ отъ ostracизма со стороны общества—американецъ преклоняется передъ «успѣхомъ», какимъ бы путемъ онъ ни былъ достигнутъ. «Гдѣ же искать правды, — гдѣ же искать защиты?» спрашиваетъ ошеломленный европеецъ. — «Ничего, не беспокойтесь, — отвѣчаютъ ему: — конституція наша неприкосновенна; еще два-три мѣсяца, и мы избавимся отъ этихъ продажныхъ чиновниковъ, отъ этихъ мошенниковъ-монополистовъ: стоитъ намъ только хорошенъко того захотѣть»... И вотъ, въ новоприбывшемъ возникаетъ какое-то инстинктивное преклоненіе передъ общественными учрежденіями страны, передъ «конституціей», и тѣмъ, кажется, глубже его благоговѣніе передъ нею, чѣмъ темнѣе и непонятнѣе для него ея настоящій смыслъ. «Конституція» кажется ему какимъ-то сказочнымъ «сезамомъ», открывающимъ доступъ ко всему, какимъ-то талисманомъ, оберегающимъ его ото всякихъ золъ; развивающееся затѣмъ сознание собственного участія — хотя и самаго ничтожнаго — въ управленіи страной вырабатываетъ въ немъ самостоятельность, увѣренность въ себѣ, желаніе поддержать свою респектабельность, воспитываетъ въ немъ любовь къ законности и всегдашнюю готовность грудью стать за неприкосновенность своего основного талисмана — конституціи. И вотъ, не смотря на полное отсутствіе «народности», въ американскихъ массахъ проявляется сплоченность, обнаруживается строгая дисциплина — и въ результатъ является народная сила, поддерживаемая во всей своей свѣжести вѣчнымъ приливомъ новыхъ общественныхъ дѣятелей, изъ низшихъ, здоровыхъ слоевъ европейскаго народонаселенія, подготовляемыхъ затѣмъ къ общественной жизни образованіемъ, доступнымъ здѣсь каждому бѣдняку.

Такимъ образомъ, самый терминъ «конституція» служитъ неразрывнымъ цементомъ, сплочающимъ разнородныя массы въ одно крѣпкое цѣлое; отсюда понятно всеобщее нежеланіе вносить какое-нибудь измѣненіе въ существующій порядокъ вещей; и то, что составляетъ настоящую «силу» народа, является тормазомъ на пути ко введенію женскаго голосованія въ странѣ.

Отказываясь отъ посягательствъ на конституцію, поборники женскихъ правъ выказываютъ практичность, общающую много хорошаго для того дѣла, которому они посвятили свою дѣятель-

ность. Для опредѣленія возможностей, открывающихся для этой партіи при такой новой тактикѣ, я приведу примѣръ того, какимъ способомъ женское голосованіе было введено въ предѣлахъ территоріи Уайомингъ (Wyoming) — единственной части Союза <sup>1)</sup>, гдѣ женщины, въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, пользуются полною политическою равноправностію съ мужчинами.

Уайомингъ, какъ территорія, не возведенная еще въ категорию штатовъ, не имѣетъ собственной конституціи, а управляется губернаторомъ, назначаемымъ отъ президента, и мѣстнымъ выборнымъ законодательнымъ собраніемъ. Какъ гласитъ преданіе, за вѣрность котораго ручались мнѣ авторитетныя лица — въ одинъ прекрасный день, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, одинъ мѣстный трактирщикъ, пренебрегающій благоговѣніемъ передъ достоинствами своей дражайшей половины, обратился къ ней съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Бетти, а вѣдь это просто стыдъ, что я состою членомъ законодательнаго собранія и вырабатываю законы для тебя, тогда какъ ты сама такъ много выше и лучше меня». Конечно, миссисъ Бетти вполне раздѣлила это мнѣніе своего супруга и стала его поддерживать въ его благомъ расположеніи. Когда этотъ трактирщикъ принялся проводить свой билль о распространеніи избирательныхъ правъ на женскую часть населенія территоріи, надъ усиліями его смѣялись и мужчины — избиратели, и его товарищи — члены законодательнаго собранія. Но трактирщикъ былъ малый не промахъ. Онъ смѣло внесъ билль и приступилъ къ демократическимъ членамъ собранія, говоря: «отчего бы вамъ не подать голоса за новый билль? вѣдь, если онъ и пройдетъ — что, между нами говоря, весьма сомнительно — губернаторъ нашъ, республиканецъ, конечно наложитъ на него свое veto, а «это доставитъ вамъ, какъ и мнѣ, пріятный случай выказать свой либерализмъ». Своихъ друзей, республиканскихъ членовъ, онъ тѣмъ временемъ увѣрялъ, что билль внесенъ имъ по требованію одного изъ избирателей его округа, но что онъ вполне увѣренъ, что билль ни въ какомъ случаѣ не пройдетъ; самъ онъ все-таки подастъ голосъ за билль и совѣтуетъ сдѣлать то же и всѣмъ республиканскимъ членамъ, такъ какъ это равно ни къ чему не приведетъ, а между тѣмъ закрѣпитъ за республиканцами вѣчную признательность женщинъ и тѣмъ обеспечить ихъ избраніе и на слѣдующихъ выборахъ. Результатъ ухищреній трактирщика-дипломата былъ тотъ, что внесенный

<sup>1)</sup> Женщины территоріи Утаха, занятой мормонами, также пользуются у себя правомъ голоса при нѣкоторыхъ исключительныхъ ограниченіяхъ.

имъ билль прошелъ въ законодательномъ собраніи громаднымъ большинствомъ голосовъ, а губернаторъ—Джонъ А. Камель—(Campbell) тутъ же и подписалъ его безъ всякихъ отговорокъ. Слѣдующее затѣмъ законодательное собраніе пыталось было отмѣнить этотъ билль, ставшій закономъ, но усилія его оказались безуспѣшными, и женщины территоріи Уайомингъ съ тѣхъ поръ регулярно подаютъ свои голоса на выборахъ не хуже мужчинъ.

Билль о распространеніи избирательныхъ правъ на женщинъ прошелъ въ свое время въ одной палатѣ нью-іорскаго законодательнаго собранія, но былъ забаллотированъ въ другой палатѣ большинствомъ одного лишь голоса. Такой результатъ чрезвычайно поднялъ духъ партіи женскаго голосованія, и я, приступивъ къ изученію ихъ дѣла, встала ихъ за самой горячей подготовительной работой касательно проведенія новаго билля въ столицѣ штата—въ Албани. Чтобы не возвращаться болѣе къ этому предмету, я расскажу здѣсь въ краткихъ словахъ участь, постигшую этотъ билль, такъ какъ исторія его служить лишь повтореніемъ того, что изъ года въ годъ происходитъ въ большинствѣ штатовъ Союза. Сущность билля заключалась въ томъ, что «право голоса имѣетъ быть распространено на женщинъ» на тѣхъ же условіяхъ, которыя опредѣляютъ избирательное право для мужчинъ, и что «различіе пола не должно быть ни малѣйшимъ препятствіемъ для подачи голоса на общихъ выборахъ, на городскихъ собраніяхъ, на школьныхъ митингахъ или при какихъ бы то ни было выборахъ правительственныхъ чиновниковъ». Послѣ двоекратнаго прочтенія въ нижней палатѣ законодательнаго собранія билль этотъ былъ переданъ на разсмотрѣніе «комитета о жалобахъ» (committee on grievances) и, одобренный имъ, былъ переданъ въ главный комитетъ (committee of the whole). Тѣмъ временемъ ревностные поборники билля съѣхались въ Албани, гдѣ засѣдаетъ законодательное собраніе, и стали косвенно дѣйствовать на членовъ. Послѣ краткихъ дебатовъ, билль подверженъ былъ третьему чтенію, причемъ сторонники его настаивали на томъ, что вопросъ о женской эмансипаціи будетъ имѣть ту же участь, какъ и вопросъ объ эмансипаціи негровъ: въ началѣ ихъ требованія будутъ подняты на смѣхъ, потомъ возбудятъ негодованіе и опасенія «подрыва основъ», а въ концѣ концовъ дѣло ихъ все-таки восторжествуетъ. Дѣйствительно, этотъ билль, внесенный въ нью-іорское собраніе, снова прошелъ въ нижней палатѣ 2 мая нынѣшняго года и переданъ былъ въ верхнюю палату, т.-е. въ мѣстный сенатъ. Здѣсь, однако, сторонники новой мѣры получили отпоръ съ такой стороны, откуда никакъ его не ожи-

дали. Билль былъ переданъ генеральному прокурору штата съ тѣмъ, чтобы тотъ разсмотрѣлъ его и далъ свое мнѣніе относительно того, не противна ли новая мѣра духу и буквѣ конституціи. Юристъ этотъ заявилъ, что самая буква конституціи вполне устраняетъ весь предметъ, постановляя, что подавать голосъ при выборахъ, по удовлетвореніи нѣкоторыхъ другихъ условий, могутъ только граждане мужского пола по достиженіи 21 года. Постановленіе это не можетъ быть истолковано иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что *граждане* страны облечены избирательными правами въ противоположность иностранцамъ, этого права лишеннымъ; *совершеннолѣтіе*, требуемое въ избирателяхъ, исключаетъ всякую возможность подачи голосовъ со стороны несовершеннолѣтнихъ, точно также и «мужескій полъ» устанавливается для избирателей въ полное устраненіе пола женскаго. Если же распространить избирательныя права и на женщинъ на томъ основаніи, что конституція прямо не воспрещаетъ имъ этой привилегіи, то это создастъ пагубный прецедентъ, въ силу котораго несовершеннолѣтніе и иностранцы могутъ также, въ свою очередь, пожелать быть занесенными въ списки избирателей, основываясь на томъ, что они не входятъ въ категорію преступниковъ и другихъ лицъ, которымъ подача голоса при выборахъ конституціей прямо возбраняется.

Такая радикальная постановка дѣла положила конецъ всѣмъ дальнѣйшимъ преніямъ по биллю, хотя передъ тѣмъ многіе члены собранія полагали, что онъ, какимъ-то чудомъ, все же можетъ пройти; опасеніе этого заставило нѣкоторыхъ предусмотрительныхъ членовъ внести въ этому биллю поправку, въ томъ смыслѣ, что избирательное право распространяется лишь на женщинъ 50-ти лѣтъ, послѣ чего авторы поправки совсѣмъ ободрились, полагая, что ею погубленъ весь билль, такъ какъ при этомъ условіи рѣдкая женщина, моложе семидесяти лѣтъ, захочетъ воспользоваться избирательнымъ правомъ и тѣмъ публично заявить, что достигла, наконецъ, поры «зрѣлости и разсудка».

Было бы, однако ошибочно полагать, что партія женскаго голосованія сложила оружіе. Исходя изъ того предположенія, что вода по каплѣ пробиваетъ камень, поборники женскихъ правъ внесутъ новый билль въ будущемъ году—еще билль въ слѣдующемъ — и такъ далѣе *ad infinitum*, ежегодно заставляя законодательное собраніе удѣлять часть своего времени на обсужденіе этого вопроса; препятствовать имъ въ томъ никто не можетъ. То же самое повторяется изъ года въ годъ въ штатѣ Массачусетсѣ; каждое тамошнее законодательное собраніе уже

съ давнихъ поръ неизмѣнно «уничтожаетъ» въ каждую сессію по одному женскому биллю, изъ пепла котораго также неминуемо возрождается черезъ нѣсколько мѣсяцевъ новый билль.

Точно также неизмѣнно направлены баттарей женской партіи и на союзный конгрессъ, отъ котораго, главнымъ образомъ, зависить устранить неспособность женщинъ. Хотя отдѣльные штаты имѣютъ право допустить женщинъ къ голосованію по избранію мѣстныхъ чиновниковъ и представителей своихъ въ союзный конгрессъ, они не могутъ идти противъ прямыхъ постановленій союзной конституціи, которыми постановляются тѣ условія, при которыхъ гражданинъ Союза допускается къ участию въ президентскихъ выборахъ. Послѣ освобожденія негровъ къ союзной конституціи прибавлена была пятнадцатая поправка, гласящая, что никому изъ гражданъ не должна воспрещаться подача голоса на основаніи его расы, цвѣта кожи, или предшествовавшаго состоянія рабства. Друзья женскаго голосованія давно стремятся ввести подобную же поправку къ конституціи, соответствующую цѣлямъ ихъ партіи. Въ настоящую сессію конгресса членъ отъ Нью-Йорка, мистеръ Лэпгеймъ, предложилъ новую «поправку» въ слѣдующей формѣ: «граждане Соединенныхъ Штатовъ, при общей подачѣ голосовъ, не должны быть устраняемы или ограничены въ правахъ своихъ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ или же отдѣльныхъ штатовъ на основаніи пола того или другого изъ гражданъ».

Для того, чтобъ эта поправка стала закономъ, она должна пройти въ обѣихъ палатахъ конгресса и затѣмъ быть утверждена законодательными собраніями двухъ третей штатовъ Союза — изъ этого ясно, какъ мало шансовъ на ея успѣхъ; но это нисколько не охлаждаетъ сторонниковъ этихъ попытокъ. Ихъ система въ томъ и состоитъ, чтобъ ни на минуту не складывать оружія, заваливать конгрессъ и мѣстныя законодательныя собранія биллями, петиціями, вносить постоянныя поправки къ конституціи въ союзный конгрессъ, однимъ словомъ, не давать «ни отдыха ни срока» своимъ злополучнымъ законодателямъ. Во что, въ общей сложности, обходится странѣ эта постоянная потеря времени, которой подвергаются ея законодательныя собранія — исчислить не легко; интересно было бы, если бы, однако, нашелся охотникъ подвести итоги тому, сколько гдѣ потрачено законодателями часовъ на обсужденіе женскаго вопроса и во сколько обходится плательщикамъ податей каждый часъ времени законодательной сессіи. Все это прекрасно понимаютъ «дѣятели» женскаго вопроса; они на то именно и бьются,



кажется, чтобъ этимъ путемъ довести мужчинъ-законодателей до полной деморализаціи, въ припадѣхъ которой они уступили бы женщинамъ право голоса, лишь бы только отъ нихъ отвязаться. До какой степени доходить въ этомъ отношеніи систематическая настойчивость поборниковъ женскаго голосованія, явно стало и для меня самой, когда на одномъ изъ недавнихъ засѣданій «нью-іорскаго общества женскаго голосованія» одинъ изъ ораторовъ настаивалъ на томъ, что каждая женщина, сочувствующая дѣлу, должна писать какъ можно чаще письма представителямъ своего штата въ конгрессъ и представителямъ своего округа въ мѣстномъ законодательномъ собраніи штата, требуя, чтобъ эти представители стояли за женскіе биллы, если не хотятъ чтобъ женщины употребили на ближайшихъ выборахъ все свое вліяніе на то, чтобъ помѣшать ихъ новому избранію. Неизвѣстно, насколько можетъ быть дѣйствительна такая угроза, но что невесело членамъ собраній получать ежедневно по нѣскольку десятковъ подобныхъ писемъ—въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Такая система «воздѣйствія» тѣмъ болѣе страшна, что активныя сторонницы женской эмансипаціи по болѣе части—женщины досужія, вполне обеспеченныя, которыя, конечно, имѣютъ всѣ средства на то, чтобъ завербовывать десятки тысячъ другихъ женщинъ на это дѣло, которое является достойной параллелью ирландскому «бойкоттированію».

Но чего же, въ сущности, добивается партія женской эмансипаціи? Неужели же вся эта упорная, тридцатилѣтняя агитація ведется единственно ради эксцентрическаго желанія немногихъ досужихъ леди снискать для себя право подачи голосовъ, при очевидномъ равнодушіи къ этому дѣлу громаднаго большинства всѣхъ остальныхъ женщинъ, на которыхъ это право имѣетъ быть распространено.

Отвѣтъ на эти вопросы найденъ былъ мною наконецъ въ исторіи этого движенія и въ тѣхъ результатахъ, которые достигнуты этой партіей со времени ея возникновенія и правильной организаціи.

Прародительницей «женскаго движенія» въ Соединенныхъ Штатахъ считается жена второго президента республики—Эбигаль Адамсъ (Abigail Adams), которая еще въ 1774 году писала своему мужу, засѣдавшему на первомъ континентальномъ конгрессѣ въ Филадельфіи: «прекрасно было бы, если бы въ новомъ сводѣ законовъ приняты были во вниманіе интересы женщинъ и если бы вы указали болѣе великодушія по отношенію къ намъ, чѣмъ ваши предки. Не утверждайте безгранич-

вой власти за мужьями. Попрудитесь вспомнить, что всё мужчине готовы стать тиранами, если только это въ ихъ власти. Если женщинамъ не будетъ удѣлено должнаго вниманія, мы твердо рѣшились произвести восстаніе; мы не будемъ почитать себя связанными никакими законами, которые лишаютъ насъ права голоса и представительства».

Не смотря на полухитливый тонъ этого письма, въ основѣ заявленія г-жи Адамсъ лежала весьма серьезная мысль, какъ извѣствуетъ изъ послѣдующаго ея письма къ мужу, гдѣ она упрекаетъ его за то, что ничего не было сдѣлано въ пользу женщинъ, надъ которыми мужья хотѣтъ удержать «неограниченную власть»: «вы должны помнить, — писала она, — что власть неограниченная, подобно большинству другихъ вопіющихъ золъ — скорѣе всякой другой бываетъ и сломлена».

Судя по этимъ выдержкамъ, можно бы заключить, что гражданки этой свободной страны въ концѣ прошлаго столѣтія содержались мужьями по всѣмъ правиламъ Домостроя. Неужели же жена одного изъ лучшихъ патріотовъ страны, ставшаго затѣмъ президентомъ республики, способна была вдаваться въ такіе преувеличенія? Вопросъ былъ такъ интересенъ, что я стала спрашивать объ этомъ предметѣ людей знающихъ, и то, что я услышала, такъ мало соотвѣтствовало обычному представленію о либеральности американскаго законодательства, что, въ желаніи доискаться истины, я прибѣгла къ спеціальнымъ сочиненіямъ о положеніи женщины по американскимъ законамъ <sup>1)</sup> и должна была наконецъ прийти къ тому заключенію, что жизнь ихъ складывалась здѣсь въ прежнія времена ничѣмъ не лучше какъ по нашему, блаженной памяти, Домострою.

Почему американскія женщины грозили возбудить общественное движеніе — содѣйствовать мятежникамъ противъ порядка, существовавшаго въ 1774 году? Потому, что онѣ чувствовали на себѣ всю тяжесть несправедливыхъ законовъ и не видѣли вы-

<sup>1)</sup> Hon. Samuel E. Sewall. Legal condition of women in 1875. (Положеніе женщины по закону въ 1875 году).

— John Proffat, L. L. B. Woman before the Law. (Женщина передъ закономъ).

— Wells L. L. D. Treatise on the separate property of married women. (Трактатъ объ отдѣльной собственности замужнихъ женщинъ).

— Harriet H. Robinson. Massachusetts in the Woman Suffrage Movement. (Массачусетсъ въ дѣлѣ женскаго движенія).

— William J. Bowditch. Taxation of Women. (Подати, уплачиваемыя женщинами).

— Professor Henry Hitchcock, L. L. D. Modern Legislation touching marital-property rights. (Новѣйшее законодательство касательно имущественныхъ правъ лицъ, въ бракѣ состоящихъ).

хода изъ своего невыгоднаго положенія, ставившаго ихъ въ абсолютную и неконтрольную зависимость отъ каприза возбалованнаго мужа, мужа-пьяницы или мужа—завѣдомаго негодяя. Почему броженіе между частью образованныхъ женщинъ держится во всей своей силѣ и въ 1882 году, послѣ того какъ наиболѣе вопіющія несправедливости законовъ касательно женщинъ измѣнены, власть мужей ограничена и права собственности обоихъ супруговъ значительно уравнины? А потому, что старые законы относительно женщинъ, признанные недействительными, замѣнены цѣлою массою самыхъ разнохарактерныхъ статутовъ, выработанныхъ въ разныя времена и подъ давленіемъ различныхъ обстоятельствъ; статуты эти по сближенности своей вызываютъ существованіе цѣлаго легіона кліуэзниковъ—адвокатовъ, которые изъ личныхъ расчетовъ только еще болѣе отуманиваютъ юридическое пониманіе своихъ кліентовъ—прямо во вредъ интересамъ этихъ послѣднихъ. Однородныя причины повсемѣстно вызываютъ одинаковыя слѣдствія, и женской агитаціи, очевидно, суждено развиваться, укрѣпляться и отзываться огромною потерей во времени и деньгахъ общества до той поры, пока, во всей законодательной системѣ штатовъ, затрогивающей интересы женщинъ, не введенъ будетъ строгій порядокъ, не допускающій злоупотребленія властью и закономъ, или же пока не даны будутъ самимъ женщинамъ избирательныя ихъ права и съ ними возможность имѣть такихъ представителей, которые бы дѣйствительно отстаивали интересы женщинъ, а не однихъ только мужчинъ.

### III.

Что легло въ основу американскихъ законовъ о женщинахъ.—Сближенность законовъ.—Бракъ.—Законы о собственности.—Смягченіе законовъ о женщинахъ за послѣдніе тридцать лѣтъ.—Разводъ: гдѣ и по какимъ причинамъ они допускаются.—Эпидемія разводовъ въ Соединенныхъ Штатахъ.—Ставка сыщиковъ и ходатаевъ по бракоразводнымъ дѣламъ.—Отчего такъ крѣпко держится зло, публично изобличаемое со всѣхъ сторонъ.—Организація законной агитаціи противъ невыгодныхъ для женщинъ порядковъ.

Опредѣлить сущность американскаго законодательства относительно женщины не особенно легко. Хотя въ основу законовъ всѣхъ штатовъ, за исключеніемъ Калифорніи, Техаса и Луизианы, легли постановленія стариннаго англійскаго «обычнаго права» (Common Law); однако же, каждый штатъ удерживалъ изъ англійскихъ законовъ лишь то, что признавалось необходи-

нить для прочнаго фундамента, на которомъ возводилось затѣмъ собственное зданіе муниципальных законовъ. Американскіе законы для англійскаго законовѣда были бы уже неузнаваемы, а между тѣмъ, въ спорныхъ вопросахъ, американскіе юристы постоянно прибѣгаютъ къ авторитету англійскаго Common Law, или же ссылаются на постановленія судовъ справедливости (Courts of Equity) позднѣйшаго времени, введенныхъ въ Англію въ огражденіе правъ лицъ, которыя наиболѣе страдали отъ несправедливости прямыхъ законовъ и «обычнаго права», отмѣнить которые все еще не представлялось возможнымъ.

За полною невозможностью привести, въ предѣлахъ журнальной статьи, хотя въ краткихъ чертахъ сбивчивыя и вѣчно измѣняющіяся законодательныя постановленія касательно женщинъ въ отдѣльных штатахъ, я ограничусь бѣглымъ опредѣленіемъ ихъ правъ по закону въ штатѣ Нью-Йоркѣ и Массачусетсѣ, какъ наиболѣе мнѣ знакомыхъ, упоминая о законахъ другихъ штатовъ лишь по мѣрѣ того, какъ эти послѣдніе уклоняются отъ общаго понятія о правѣ, котораго держатся въ штатахъ восточныхъ. Надо, однако, впередъ оговориться, что хотя Нью-Йоркъ и Массачусетсѣ составляютъ центры умственной жизни страны, старинное Common Law оставило на нихъ наиболѣе слѣдовъ, тогда какъ законодательство нѣкоторыхъ изъ «молодыхъ» штатовъ, не столь связанное преданіями англійскаго законодательства, сразу стало въ болѣе либеральное отношеніе къ женщинамъ — какъ, напр., въ Канзасѣ, гдѣ всѣ права женщинъ ограждены такъ же крѣпко, какъ и права мужчинъ.

Ни въ чемъ такъ рѣзко не выдается недостаточность и сбивчивость американскихъ законовъ, какъ въ приложеніи къ бракамъ и разводамъ гражданъ. Союзное законодательство отнюдь этого не касается, предоставляя каждому штату выработать свои законы какъ по браку, такъ и по разводу. Гражданскій бракъ признается дѣйствительнымъ повсюду, скрѣпляясь церковною церемоніей лишь по желанію брачующихся, — въ однихъ штатахъ требуется предварительное оглашеніе, въ другихъ этой проводочки нѣтъ, и довольно одного свидѣтельства (licence) отъ священника или мѣстнаго судьи. Во многихъ мѣстахъ пасторы вѣнчаютъ совсѣмъ незнакомыхъ имъ людей по первому востребованію, не требуя для того ничего, кромѣ устнаго заявленія жениха и невесты въ томъ, что препятствій къ ихъ браку не существуетъ. Такъ, на дняхъ въ газетахъ попало мнѣ сообщеніе о томъ, какъ пара влюбленныхъ явилась къ пастору во второмъ часу утра, разбудила его, и онъ ихъ повѣнчалъ, получилъ деньги и вернулся

снова въ постель. Подобные случаи повторяются изо дня въ день, а проникаютъ въ печать и возбуждаютъ толки лишь тогда, когда подобные слѣшныя браки являются связанными съ какимъ-нибудь проступкомъ уголовного характера. Въ штатѣ Нью-Йоркѣ браки совершаются и того легче: для того, чтобъ бракъ былъ здѣсь дѣйствительнымъ, достаточно, чтобъ мужчина жилъ въ одномъ помѣщеніи съ женщиною, выдавая ее за свою законную жену, или, чтобъ заинтересованныя въ дѣлѣ лица заявили въ присутствіи какихъ-нибудь свидѣтелей: «I do take you, to be my lawful wife (or husband)» <sup>1)</sup>. Такой бракъ вполне законенъ, хотя бы и безъ сожителства. в послѣдствіи лицъ, въ этотъ бракъ вступившихъ. Общее правило касательно браковъ состоитъ въ томъ, что законность брачнаго союза обусловливается примѣненіемъ къ постановленіямъ на этотъ счетъ того штата, въ которомъ бракъ заключенъ. Нерѣдко случается и такъ, что одна изъ сторонъ состоитъ мужемъ или женою гражданина другого штата, выплываетъ себѣ разводъ на мѣстѣ, хотя бы въ формѣ, въ его прежнемъ штатѣ недействительной, и заключаетъ бракъ съ другимъ лицомъ въ другой мѣстности Союза. Такимъ образомъ въ судебной практикѣ встрѣчаются спорные случаи, гдѣ одинъ и тотъ же человѣкъ имѣетъ разомъ двухъ вполне законныхъ женъ въ двухъ различныхъ штатахъ, но каждая изъ нихъ дѣлается однако простою наложницею, будучи перевезена въ штатъ, гдѣ законнымъ образомъ повѣнчана ея соперница. Надо замѣтить впрочемъ, что въ спорныхъ случаяхъ судьи руководятся тѣмъ правиломъ, что если люди бравосочетаются въ иностранномъ государствѣ или другомъ штатѣ, вопреки прямому законодательству своей страны или мѣстности—ихъ бракъ дѣйствительнымъ не признается. Такъ, на примѣръ, если подданный Великобританіи пріѣдетъ сюда съ тѣмъ, чтобы заключить бракъ съ сестрою своей покойной жены—что положительно воспрещено въ Англіи—то бракъ его не можетъ быть признанъ законнымъ. Тотъ, кто получилъ разводъ, будучи признанъ виновнымъ, не имѣетъ права жениться вновь въ томъ же штатѣ; но если онъ женится въ другомъ штатѣ, бракъ его считается вполне дѣйствительнымъ, но не даетъ ему наслѣдственныхъ правъ въ томъ штатѣ, гдѣ онъ прежде былъ разведенъ.

Согласно римскому праву и англійскому Common Law, тѣ же законныя лѣта для вступленія въ бракъ признавались и въ штатахъ; а именно: 14 лѣтъ для мужчины и 12 лѣтъ для

<sup>1)</sup> Смыслъ, я признаю тебя моею законною женою (или мужемъ).

женщины; лица достигшія этого возраста могли вступать въ бракъ и безъ разрѣшенія своихъ родителей. Теперь, однако, въ нѣкоторыхъ штатахъ этотъ возрастъ постановляется различно: въ Огайо, Индіанѣ и Мичиганѣ, для мужчины—18 лѣтъ, для дѣвушки—14; въ Иллинойсѣ—17 и 14. Обязательство жениться или выйти замужъ имѣетъ силу лишь тогда, когда лицо дало это обѣщаніе уже по достиженіи 21-го года. Свойство препятствіемъ къ браку въ Соединенныхъ Штатахъ не почитается, но кровное родство признается помѣхою въ бракахъ; степень же родства, при которой бракъ не дозволяется, въ каждомъ штатѣ опредѣляется различно.

Въ основу старинныхъ англійскихъ законоположеній выработанныхъ главнымъ образомъ подъ давленіемъ условій феодальныхъ временъ, какъ извѣстно, легло то предположеніе, что женщина, выходя замужъ, утрачиваетъ свое легальное существованіе. По англійскому Common Law мужъ и жена — одно лицо, права котораго сосредоточиваются въ мужѣ. Несправедливость такого принципа, признанная большинствомъ новѣйшихъ юристовъ, повела къ большому или меньшему отступленію отъ него въ разныхъ штатахъ; но это основное воззрѣніе на бракъ удержалось, какъ весьма полезное во многихъ отношеніяхъ, въ особенности, когда злоупотребленія имъ ограничены строгимъ контролемъ. Правоспособность замужней женщины въ Соединенныхъ Штатахъ значительно расширена за послѣднія 25 лѣтъ, но все-таки она и теперь довольно ограничена въ сравненіи съ той широкою свободою, которою здѣшнія женщины пользуются въ своихъ общественныхъ отношеніяхъ. Чтобы составить себѣ вѣрное понятіе объ этихъ правахъ, утвержденныхъ за замужней женщиною въ ея обыденной жизни, лучше всего разсмотрѣть нѣкоторыя изъ главныхъ положеній, въ связи съ недавно лишь измѣненными законами о правахъ замужнихъ женщинъ.

Первымъ является вопросъ о наиболѣе обыденномъ а) правѣ жены заключать обязательства. По прежнимъ американскимъ законамъ жена отнюдь не имѣла сама по себѣ права заключать контракты, давать росписки, обязательства. Но жена могла — и до сихъ поръ можетъ — дѣйствовать въ качествѣ агента мужа — причемъ, въ большинствѣ случаевъ, это качество въ ней лишь подразумѣвается, какъ, напримѣръ, въ случаѣ заказа вещей и припасовъ для дома, найма прислуги и проч. Мужъ этого права у жены отнять не можетъ, но она не должна дѣлать заказовъ, превышающихъ ихъ средства; средства же супруговъ опредѣляются мужемъ, и потому, если онъ предупредитъ поставщиковъ

о томъ, что жена его тратить деньги безразсудно—съ него денегъ затѣмъ стрбовать нельзя. Но съ другой стороны, если мужъ выгнать изъ дома жену или выживетъ ее дурнымъ обращеніемъ — онъ тѣмъ открываетъ ей кредитъ во всей своей мѣстности, хотя бы предварительно и отказался платить, и жена имѣетъ право требовать въ такомъ случаѣ отъ мужа приличное содержаніе. Если, съ другой стороны, жена—хотя и ни въ чемъ не провинившаяся — добровольно оставляетъ своего мужа, онъ не обязанъ ее содержать; но лишь только она предложитъ ему вернуться, онъ обязанъ ее содержать, хотя бы самъ и отказался ее принять обратно въ свой домъ. Законодательные акты, выработанные въ Нью-Йоркѣ въ 1848—1849 годахъ и дающіе женщинамъ исключительное право на свою собственность, не устраняютъ, однако же, ея неспособности заключать обязательства, которыя считаются недействительными, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда у замужней женщины, давшей такое письменное обязательство, есть отдѣльная собственность, на которую она въ обязательствѣ этомъ специально ссылается, какъ на подлежащую взысканію по заключаемому долгу. Действительны также письменныя обязательства и тѣхъ женщинъ, которыя имѣютъ свою торговлю или занимаются какимъ ремесломъ — занятія, обезпеченныя за дѣйствующими женщинами нью-йоркскимъ закономъ 1860 года.

Затѣмъ является б) право женщины быть истцомъ или ответчицомъ по искамъ. Опять въ силу постановленія Common Law касательно того, что личность жены не можетъ законно признаваться отдѣльно отъ мужа, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда женщина возбуждаетъ процессъ, это должно было дѣлаться отъ имени мужа. Если противъ нея возбуждается искъ, то таковой предъявляется совмѣстно и на ея мужа, и въ рѣшеніи имя мужа должно быть также упомянуто. Такое странное постановленіе «обычнаго права» нерѣдко ведетъ къ весьма забавнымъ послѣдствіямъ. Такъ какъ разъ уже признано, что мужъ ответствененъ за проступки жены—то съ него за нихъ и полагается взысканіе; сварливая жена, въ сердцахъ, оскорбитъ словомъ или дѣломъ сосѣдку—а мужа ея заключать за это въ тюрьму. Невмѣняемость жены не распространяется, однако, на тѣ случаи, когда женою совершаются тяжкія преступленія, каковы убійство, грабежъ, государственная измѣна и проч. По старому «обычному праву» мужнина при женитьбѣ принималъ на себя всѣ долги жены, заключенные ею до брака. Но въ Нью-Йоркѣ этотъ законъ измѣненъ статутомъ 1853 года, такъ что теперь искъ по долгамъ жены до замужества предъявляется противъ обоихъ

супруговъ, но взыскивается долгъ лишь съ отдѣльнаго имущества жены. Со вступленія въ силу статутовъ 1848—1860 года въ Нью-Йоркѣ жена можетъ тягаться и быть отвѣтчицей по своей торговлѣ или ремесленнымъ сношеніямъ и помимо мужа, равно какъ она можетъ теперь сама возбуждать и процессы за клевету или оскорбленіе личности, хотя бы мужъ ея и не хотѣлъ доводить дѣла до суда.

в) Что касается до правъ жены на содержаніе отъ мужа, то они расширены до такой степени, что лучшаго, казалось бы, американкамъ нечего и желать. Если мужъ обанкротится, онъ все-таки обязанъ содержать жену; обязанъ ее содержать даже и тогда, когда онъ живетъ малымъ заработкомъ, она же имѣетъ большое состояніе; владѣя отдѣльнымъ имѣніемъ, она не обязана по закону ничего удѣлять мужу, хотя бы онъ умиралъ съ голода. Если жена оставитъ свой домъ потому, что мужъ въ домъ свой поселилъ женщину завѣдомо легкаго поведенія, всѣ могутъ открывать ей самый широкій кредитъ и за все требовать по закону съ мужа.

г) Права совершать духовныя завѣщанія старинныя англійскіе законы за женщиной замужней отнюдь не признавались; этотъ законъ весьма долго держался и въ Америкѣ, но на практикѣ постоянно обходился; завѣщая недвижимую собственность замужней женщиной, мужчина въ духовной дѣлалъ оговорку, которою обуславливалось право женщины передать впослѣдствіи эту собственность кому она захочетъ по завѣщанію. Такимъ образомъ женщина какъ бы получала право дѣлать завѣщаніе отъ правоспособнаго лица — мужчины. Теперь эта фикція уже не нужна, такъ какъ въ Нью-Йоркѣ по закону 1849 года всякая замужняя женщина имѣетъ полное право завѣщать всякое имущество кому пожелаетъ. Въ прежнія времена, по смерти жены, дѣшій мужъ окончательно пріобрѣталъ все ея имущество; если же умиралъ мужъ, то жена получала одну треть его состоянія, когда оставались дѣти, и половину его состоянія — если дѣтей не было. Такъ было до 1867 года, когда въ Нью-Йоркѣ былъ проведенъ новый законъ, по которому, въ случаѣ смерти жены при дѣтахъ, мужъ получаетъ одну треть ея состоянія; если же дѣтей нѣтъ, то по прежнему все состояніе: послѣднее составляетъ, однако же, какъ кажется, еще спорный вопросъ. Въ штатѣ Массачусетсѣ, гдѣ упорнѣ всего держатся преданія англійскаго законодательства, жена можетъ оставить по завѣщанію кому хочетъ свое личное состояніе, но если отъ брака былъ хотя одинъ живой ребенокъ, жена не можетъ лишить



мужа пожизненнаго пользованія доходами со своего имѣнія — въ силу стариннаго англійскаго закона; въ послѣднемъ случаѣ она также не можетъ безъ его письменнаго согласія завѣщать другому болѣе половины своего состоянія на случай смерти мужа, имѣющаго пользоваться всѣми доходами пожизненно.

д) Право женщинъ подавать въ суды жалобы на дурное обращеніе мужей также должно быть отнесено къ улучшеніямъ новѣйшаго времени. Старинные законы вполне допускали право мужа повелѣвать женѣ во всемъ и руководить ея дѣйствіями, что и было, конечно, вполне рационально въ виду того, что мужъ по закону почитался ответственнымъ за дѣйствія жены. Законъ, однако, ограничивалъ произволъ мужа, постановляя, что онъ можетъ наказывать свою жену тростью «не толще большаго пальца своей руки». Этотъ законъ, хотя и не поддерживается уже въ своей силѣ, отмѣненъ никогда не былъ; но теперь, при жестокостяхъ мужа, жена можетъ по суду обязать его «жить съ ней въ мирѣ» въ теченіе обусловленнаго срока, во исполненіе чего мужемъ выдается денежный залогъ. Все же мужъ считается распорядителемъ и главою жены, такъ какъ онъ ее содержитъ и домъ его считается по закону мѣстопробываніемъ и женою его. Вообще, американцы смотрятъ довольно равнодушно на тотъ странный фактъ, что старые законы о битѣхъ жены остаются неотмѣненными чуть ли не во всѣхъ штатахъ; благонамѣренное большинство гражданъ полагается на то, что боязнь общественнаго ostracismъ должна въ значительной мѣрѣ сдерживать подобныя проявленія мужниной власти, думая, что со временемъ этотъ прискорбный обычай падетъ самъ собою, подъ вліяніемъ цивилизаціи и просвѣщенія. Едва ли можно раздѣлять такой оптимистическій взглядъ на этотъ предметъ, когда въ наиболѣе интеллигентной части Союза происходятъ случаи жестокаго обращенія съ женами, даже публично, на улицѣ, и производящіе ихъ не подвергались за то ни взысканію со стороны власти, ни ostracismу отъ сосѣдей.

Ни на чемъ такъ ясно не проявляется прогрессъ американскаго законодательства, какъ на расширеніи имущественныхъ правъ замужнихъ женщинъ. По старому Common Law, если жена при замужествѣ своемъ имѣла недвижимое имущество, она отнюдь не могла пользоваться доходами съ него во время брачнаго сожителства—въ то время, которое обозначается англійскимъ законодательствомъ и періодомъ coverture; всѣ доходы поступали въ распоряженіе мужа, онъ же управлялъ по своему усмотрѣнію женинымъ имѣніемъ, домами, землею и получалъ

ихъ, при ея смерти, въ пожизненное владѣніе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда отъ ихъ брака былъ рожденъ когда-либо живой ребенокъ. Но рядомъ съ вопіющими несправедливостями прямыхъ законовъ и «обычнаго права», которые уничтожить англичане все-таки не рѣшались, въ видахъ огражденія правъ слабыхъ возникли такъ-называемые «суды справедливости», Courts of Equity, которые ревниво ограждаютъ интересы замужнихъ женщинъ. Этими «законами справедливости» — принятыми и здѣсь — создана система «довѣренныхъ лицъ» (trustees), и женщина замужняя получала возможность владѣть своимъ имуществомъ, пользоваться доходами съ него и распоряжаться по своему усмотрѣнію всѣмъ недвижимымъ имуществомъ, которое завѣщено ей и отдано подѣ попечительство опекуна или довѣреннаго лица. Такою своею собственностью женщина могла и можетъ располагать такъ же свободно, какъ если бы она была незамужняя. Даже и самъ мужъ можетъ быть этимъ trustee. Если у мужа нѣтъ долговъ при вступленіи въ бракъ, то онъ можетъ самъ создать таковой trust-estate для жены по контракту передъ бракомъ, и имущество, переданное ей такимъ путемъ, не отвѣтственно за его послѣдующіе долги. То же въ правѣ мужъ сдѣлать и послѣ женитьбы, при томъ, однако, условіи, если у него нѣтъ долговъ, такъ какъ законъ все еще удерживаетъ прекрасное правило, что справедливость должна предшествовать великодушію; и не допускаетъ никого отдавать другому того, что принадлежитъ не ему самому, а его кредиторамъ.

Замужняя женщина по «законамъ справедливости» получила право заключать контракты и располагать своею личною собственностью, которая числилась подѣ охраною довѣреннаго лица. «Суды справедливости», съ своей стороны, такъ строго оберегаютъ интересы замужнихъ женщинъ, что даже если богатая жена поручится за мужа, ея имѣніе не будетъ допущено до продажи по этому поручительству иначе, какъ по ея предварительному письменному обязательству въ томъ, что она отвѣчаетъ за такой-то долгъ мужа своею недвижимою собственностью.

По старому Common Law вся личная собственность женщины при замужествѣ ея переходила въ неотъемлемую собственность мужа; даже платье, надѣтое на ней, принадлежало отнюдь не ей, а мужу; принадлежало также мужу все, что ей предстояло получить въ будущемъ, какъ, напримѣръ, вещи по наслѣдству, спорные векселя и т. под. Мужъ могъ отдавать въ полную собственность жены не болѣе чѣмъ на двѣ тысячи долларовъ личныхъ вещей. Все это теперь, отмѣнено. Да и самая система

«trustees», удержавшаяся въ нѣкоторыхъ частяхъ Союза, не имѣетъ болѣе значенія въ Нью-Йоркѣ, а въ большинствѣ другихъ штатовъ законодательство по собственности замужнихъ женщинъ также подверглось радикальному измѣненію.

Въ 1848 году въ Нью-Йоркѣ проведенъ законъ, по которому постановлено окончательно 1) что вся движимая и недвижимая собственность, которою женщина владѣла при своемъ замужествѣ, остается ея личною собственностью, не подлежащею ни контролю, ни распоряженію ея мужа и не подлежащею взысканію за его долги 2) замужняя женщина можетъ получать въ наслѣдство, по дарственной записи или просто изъ рукъ въ руки всякое имущество, помимо мужа, въ полную свою собственность.

Въ 1849 году постановлено, наконецъ, что замужняя женщина можетъ завѣщать все свое имущество кому хочетъ помимо мужа, точно такъ же, какъ если бы и не была замужемъ. Нью-йоркская женщина не утрачиваетъ теперь этого права даже въ томъ случаѣ, если отъ ея брака былъ живой ребенокъ. Если завѣщанія жена не оставляетъ, старые законы остаются во всей силѣ. Но и теперь мужъ долженъ скрѣпить подписью жены своею собственною, когда та закладываетъ или передаетъ кому свое собственное недвижимое имущество.

Наиболѣе вопіющія злоупотребленія въ брачномъ сожителствѣ вызывались старинными постановленіями Common Law насчетъ того, что весь личный заработокъ женщины по закону принадлежалъ ея мужу. Какъ твердо держатся здѣсь нѣкоторыя изъ самыхъ варварскихъ постановленій британскаго «обычнаго права», видно изъ того, что этотъ законъ держался въ Нью-Йоркѣ во всей своей силѣ до 1860 года, когда, наконецъ, новый законъ, дозволилъ замужней женщинѣ полное пользованіе своимъ заработкомъ: она можетъ теперь продавать, покупать, передавать свое личное имущество, вести торговлю, заниматься ремесломъ за свой собственный счетъ, и ея заработокъ принадлежитъ ей одной. Массачусетсъ утвердилъ за женщиной эти привиллегіи въ 1855 году, но онѣ и теперь введены далеко не во всѣхъ штатахъ: есть многія мѣстности, гдѣ пьяница-мужъ можетъ пропивать весь заработокъ жены, оставляя дѣтей безъ куска хлѣба, а въ штатѣ Нью-Гампширѣ, въ Новой Англіи, суды въ 1865 году постановили, что весь заработокъ жены принадлежитъ мужу.

Чрезвычайно трудно прослѣдить законодательство по этому предмету во всѣхъ штатахъ, такъ какъ каждый изъ нихъ вырабатываетъ законы для себя, измѣняетъ и пополняетъ ихъ по требованію времени. Однако же, вообще говоря, на западѣ, ко-

торый не былъ впервые сплошь заселенъ англичанами, какъ восточные штаты Новой Англіи, англійскій Common Law, столь жестокій къ женщинамъ, не имѣлъ такой силы: замужнія женщины тамъ раньше приобрѣли независимость, если и не по закону, то на практикѣ.

Мы видѣли выше, какъ легко заключаются въ Соединенныхъ Штатахъ браки: столь же легко они и расторгаются. Въ этомъ отношеніи невозможно даже отличить причину отъ слѣдствія и опредѣлять, оттого ли свободное совершеніе брачныхъ союзовъ не обставлено рѣшительно никакими предосторожностями, что узъ эти можно такъ же скоро сбросить какъ и надѣть на себя; или же разводы сдѣланы столь доступными потому, что нельзя же серьезно требовать пожизненнаго союза людей, вступающихъ въ бракъ подъ вліяніемъ минуты.

Законы по разводу чрезвычайно различны въ разныхъ штатахъ — смотря по тому, кѣмъ эти штаты были впервые заселены. Въ Новой Англіи, заселенной пуританами, разводъ дается по прелюбодѣйству и въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ изъ супруговъ добровольно и на цѣлые года покидаетъ семью (desertion); въ Мэрилендѣ, заселенномъ католиками, въ Виргиніи и Южной Каролинѣ, заселенныхъ католиками и епископалами, разводы чрезвычайно трудны, особенно въ послѣднемъ штатѣ, гдѣ развода нельзя получить ни по какой причинѣ. Нельзя, однако, сказать, чтобъ это служило къ поднятію общественной нравственности: въ Каролинѣ дѣло дошло до того, что наконецъ былъ изданъ законъ, опредѣляющій, какую именно часть своего состоянія мужъ можетъ безнаказанно отдать своей любовницѣ.

Вообще говоря, въ Соединенныхъ Штатахъ — и въ Нью-Йоркѣ въ особенности — разводъ постановляется по слѣдующимъ причинамъ: за супружескую нечѣстность, за долговременную и добровольную отлучку изъ семьи, практически прекращающую брачное сожительство; за чрезвычайную жестокость въ обращеніи, при которой совмѣстное жительство сопряжено съ опасностью для одной изъ сторонъ; пожизненное — а иногда и временное — тюремное заключеніе по доказанному преступленію и, наконецъ, пьянство, когда оно сдѣлалось порокомъ хроническимъ и доказаннымъ.

Въ прежнія времена въ большинствѣ штатовъ мѣстныхъ законодательныхъ собраній постановляли разводы исключительно по своему усмотрѣнію и по причинамъ, признаваемымъ этими собраніями за удовлетворительныя; но этотъ обычай приводилъ къ такимъ частымъ злоупотребленіямъ, что онъ теперь отмѣненъ

конституціями двадцати-трехъ штатовъ — въ томъ числѣ и въ Нью-Йоркѣ. Учѣлѣло прежнее специальное законодательство по веденію бразоразводныхъ дѣлъ — въ Пенсильвоніи и въ Коннектикутѣ. Супружеская невѣрность считается достаточной причиною для развода во всѣхъ штатахъ, кромѣ Южной Каролины, и составляетъ единственную причину, допускающую разводъ въ Нью-Йоркѣ. Во избѣжаніе преступной стачки между супругами и преднамѣреннаго устройства невѣрности, въ Нью-Йоркѣ и нѣкоторыхъ другихъ штатахъ бразоразводныя дѣла повергаются на судъ присяжныхъ. На время продолженія тяжбы по разводу судъ присуждаетъ женѣ содержаніе въ извѣстномъ размѣрѣ — иногда изъ части дневного заработка мужа. Сплошъ и рядомъ встрѣчаются случаи, что, въ ожиданіи развода, съ мужа выскинають расходы жены по путешествію для развлеченія и переменны климатъ въ видахъ поправленія здоровья.

Въ Массачусетсѣ достаточно того, чтобъ одна изъ сторонъ была присуждена къ принудительнымъ работамъ въ исправительной тюрьмѣ на пять лѣтъ, а въ Вермонтѣ — на три года, для того, чтобъ произвести разводъ между супругами. Прощеніе преступника дѣла не измѣняетъ. Если мужъ или жена подвергается пожизненному тюремному заключенію — ихъ бракъ въ большинствѣ штатовъ расторгается и не возобновляется въ случаѣ полученія прощенія. Даютъ также въ Нью-Йоркѣ ограниченный разводъ — «separation from bed and board» — въ случаяхъ отказа мужа содержать свою жену приличнымъ образомъ. Достаточною причиною для развода можетъ также служить жестокое обращеніе какъ со стороны мужа, такъ и жены, «брань, угрозы, нанесеніе побоевъ, плеванье въ лицо, подношеніе кулава въ лицо, сообщеніе болѣвней» и проч. Если нью-йоркскій мужъ или жена отсутствуютъ пять лѣтъ — бракъ ихъ считается расторгнутымъ и покинутое такимъ образомъ лицо имѣетъ полное право вступить въ новый бракъ. Въ другихъ штатахъ установлены на тотъ же случай различныя сровы. Если первый мужъ или жена впоследствии вернется, то первый бракъ, по ихъ взаимному желанію, можетъ вновь быть признанъ законнымъ, а дѣти отъ второго брака — также остаются законными. Въ другихъ штатахъ и того легче получить разводъ. Такъ, въ Коннектикутѣ добровольное отсутствіе одной изъ сторонъ на три года ведетъ къ разводу, а въ томъ же штатѣ и въ Илинойсѣ разводъ по закону можетъ быть постановленъ за «каждый проступокъ, окончательно разстроивающій супружеское счастье и нарушающій цѣли брачнаго союза», что привело въ этихъ мѣстностяхъ къ чрезвычайно

растяжимому толкованію закона и вслѣдствіе того въ самымъ печальнымъ результатамъ.

При разводѣ, невиновной женѣ даютъ  $\frac{1}{3}$  или  $\frac{1}{4}$  дохода мужа. Если мужъ не захочетъ уплачивать содержанія жены и переѣдетъ въ другой штатъ, дѣло переносится въ союзные суды. Дѣти поручаются одному изъ родителей — по усмотрѣнію суда. Въ нѣкоторыхъ штатахъ, виновная сторона не можетъ вступить въ новый бракъ при жизни того лица, съ которымъ разведена. Такимъ образомъ, если человѣкъ, разведенный въ Нью-Йоркѣ здѣсь же и женится вновь, его новый бракъ признается недействительнымъ, но почитается не двоеженствомъ, а лишь проступкомъ противъ общественной нравственности — «a misdemeanor». Чтобы избѣжать обвиненія въ этомъ, стоитъ лишь переѣхать черезъ рѣку въ ближайшій штатъ и совершить бракъ тамъ.

Къ довершенію сбивчивости существующихъ законоположеній о разводѣ, до сей поры здѣсь нѣтъ закона, по которому разводъ, (подобно браку) признанный дѣйствительнымъ тамъ, гдѣ полученъ, считался бы дѣйствительнымъ во всѣхъ частяхъ Союза. Потому нерѣдко случается слышать о человѣкѣ, разведенномъ въ одномъ мѣстѣ, считающемся женатымъ въ другомъ и готовящемся вступить въ бракъ въ третьемъ. Въ прошломъ году здѣсь судился одинъ человѣкъ, имѣвшій 14 женъ въ различныхъ мѣстахъ Союза: онъ былъ присужденъ въ нѣсколькимъ годамъ въ исправительномъ домѣ. Много толкуютъ здѣсь о томъ, чтобы регулировать разводы проведеніемъ новаго закона, обязательнаго для всѣхъ частей Союза; но юристы не признаютъ возможности осуществленія подобнаго законодательства.

Недавно происходили оживленные дебаты въ законодательномъ собраніи штата Массачусетса по поводу чрезвычайнаго скопленія бракоразводныхъ дѣлъ въ мѣстномъ верховномъ судѣ, тормозящихъ дѣятельность суда по всѣмъ другимъ дѣламъ. Оказывается, что мѣстности, гдѣ большинство — потомки прежнихъ пуританъ, быстро начинаютъ выступать на первый планъ по количеству разводовъ. Эпидемія разводовъ захватила всѣ части Массачусетса и всѣ сословія; она проявляется главнымъ образомъ среди коренного населенія Новой Англіи, среди потомковъ пуританъ, тогда какъ ирландцы и канадцы французскаго происхожденія, состоящіе рабочими въ мануфактурныхъ центрахъ, будучи католиками, разводовъ у себя не допускаютъ.

То же самое происходитъ и въ старомъ Мэнѣ (Maine), откуда сообщаютъ, что державшееся тамъ предубѣжденіе про-

тивъ развода и лицъ разведенныхъ значительно смягчилось за послѣдніе годы. Въ прежнія времена, опасеніе остракизма со стороны общества многимъ супругамъ мѣшало искать развода. Въ особенности страшилась женщина того клейма, что должно было лечь на нее въ случаѣ развода, хотя бы сама она была ни въ чемъ неповинна. Многихъ удерживала отъ развода и мысль о послѣдствіяхъ такого шага для дѣтей. Теперь же, особенно въ Новой Англіи и въ западныхъ штатахъ, общество такъ привыкло слышать о разводахъ, что они не производятъ уже никакого впечатлѣнія.

Легкость, съ которою можно теперь получить разводъ въ большинствѣ штатовъ и территорій, вызвала существованіе цѣлой клики экспертовъ и специалистовъ по бракоразводнымъ дѣламъ. Надо замѣтить, что уважающіе себя адвокаты не берутся за такіе дѣла; и потому лица, желающія развестись обращаются къ ходатаямъ, исключительно занимающимся этими дѣлами. Адвокаты этого рода раскинули, какъ пауки, цѣлую хитросплетенную сѣть по всему Союзу; нѣтъ закоулка, гдѣ бы у нихъ не было имъ подобнаго сообщника адвоката или бракоразводнаго сыщика. Этотъ послѣдній разрядъ сыщиковъ (въ томъ числѣ, женщинъ) быстро наживается: многіе изъ нихъ уже домогательцы въ Нью-Йоркѣ. Женщины-сыщики являются драгоценными пособниками тамъ, гдѣ требуется доказать виновность мужа: онѣ не только выслѣживаютъ преступленіе, но нерѣдко сами и вызываютъ его. Большинство этихъ сыщицъ одарено, какъ увѣряютъ, красивою наружностью и большою развязностью, которая въ Америкѣ считается признакомъ хорошаго тона и свѣтскаго воспитанія.

Лишь только какой мужъ или жена начинаетъ томиться брачными узами, онъ или она немедленно нанимаетъ сыщика, чтобъ выслѣдить, не подаетъ ли другая сторона какого повода къ разводу. Такъ какъ громадное большинство подобныхъ сыщиковъ — мошенники по призванію, или же старые преступники, отсидѣвшіе свой срокъ въ исправительной тюрьмѣ, они пользуются всѣми возможными и невозможными средствами къ тому, чтобъ стричь тѣхъ глупыхъ овецъ, что попадаютъ въ ихъ когти, весьма часто служатъ обвинъ сторонамъ, донося имъ другъ на друга, измышляя доказательства, доставляя свидѣтелей и проч., и проч. Бракоразводные адвокаты составляютъ между собою одну крѣпкую лигу, къ которой примыкаютъ и сыщики. Одинъ адвокатъ ведетъ дѣло со стороны мужа, другой — со стороны жены, во втайнѣ они дѣйствуютъ сообща, подѣляя наживу, помогая другъ другу грабить своихъ кліентовъ, которымъ они же рекомен-

дуютъ и сыщиковъ; эти послѣдніе, въ свою очередь, поддерживаютъ каждый своего адвоката.

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда желающіе развода живутъ въ штатѣ, гдѣ онъ трудно получается, они добиваются его при помощи сыщиковъ и адвокатовъ, переходя временно въ другой штатъ. Это скандальное положеніе дѣлъ значительно поощряется тѣмъ обстоятельствомъ, что ни судья, ни священникъ, заключающіе брачную церемонію, не считаются по закону отвѣтственными за то, что вѣнчаютъ людей, не имѣющихъ права вступать въ бракъ. Вся отвѣтственность ложится на брачующихся, да и тѣхъ законъ не трогаетъ, пока дѣла не возбудить—на свой страхъ—какая-нибудь изъ сторонъ пострадавшихъ. Достаточно желанія мужа или жены получить разводъ, чтобъ добиться этого съ помощью хорошаго сыщика и ловкаго адвоката, причемъ другая сторона подчасъ узнаетъ объ этомъ лишь тогда, когда разводъ совершенъ, а иногда пребываетъ въ неизвѣстности о томъ въ теченіе долгаго времени, часто цѣлыхъ годовъ.

Какъ ни кричать за послѣднее время противъ этихъ злоупотребленій, однако же, разводы съ каждымъ днемъ умножаются, и одинъ Богъ знаетъ, какія замѣшательства происходятъ изъ-за этого во всѣхъ отношеніяхъ и въ собственности американскихъ протестантскихъ семей. Адвокатамъ, конечно, все это доставляетъ обильную жатву, а сыщиковъ употребляютъ люди всевозможныхъ состояній и профессій, даже сами судьи и пасторы, не смотря на то, что сами они выражаютъ глубочайшее презрѣніе къ тѣмъ людямъ, которыхъ они употребляютъ, для достиженія своихъ цѣлей.

Можно себѣ безъ труда представить, какія удобства представляетъ такое положеніе вещей для женщинъ легкомысленныхъ, всю душу полагающихъ на развлечения и на наряды; но за то сколько и горя приносить оно наилучшимъ изъ американскихъ женъ и матерей, сколько разбиваетъ семей и разрушаетъ молодыхъ жизней! Неудивительно, что партія недовольныхъ и пострадавшихъ съ каждымъ днемъ усиливается и въ ея рядахъ насчитывается немало людей обоого пола, посвящающихъ всю свою жизнь на агитацію противъ этихъ вопіющихъ золъ. Глухое, и въ началѣ почти безсознательное, недовольство существующимъ законодательствомъ вызвало сначала робкій протестъ со стороны людей совѣстливыхъ, возмущенныхъ тѣмъ, что происходило у нихъ на глазахъ, которые не могли спокойно смотреть на то, какъ пьяный мужъ искалѣчивалъ жену, какъ алчные опекуны сиротъ отнимали ихъ у матери, вышедшей вторично замужъ, какъ вдовѣ богатаго человѣка приходилось жить



чуть ли не подавляемъ и какъ развращенный мужъ, заручась содѣйствіемъ ловкихъ сыщиковъ и адвокатовъ, губилъ репутацію жены и бросалъ ее на произволъ судьбы, чтобъ дать полное удовлетвореніе своимъ низкимъ страстямъ. Нѣкоторые изъ самыхъ ярыхъ изобличителей зла, совершавшагося именемъ закона, обратились наконецъ въ совершенныхъ фанатиковъ своей идеи, подвергли себя насмѣшкамъ и тѣмъ принесли болѣе вреда, чѣмъ пользы тому дѣлу, которому рѣшились послужить. Число такихъ фанатиковъ, однако, довольно незначительно. Средства къ мирной и законной агитаціи въ пользу измѣненія законодательства такъ разнообразны въ Соединенныхъ Штатахъ и до того всемъ доступны, что въ весьма скоромъ времени по пробужденіи общественнаго самосознанія на этотъ счетъ организовалась партія огражденія женскихъ правъ, незамѣтно слившаяся затѣмъ съ партіей «женскаго голосованія». Дѣятельности этой послѣдней партіи и обязаны американскія женщины всеми тѣми улучшеніями въ законодательствѣ на ихъ счетъ, которыя указаны мною на предшествовавшихъ страницахъ; но, не смотря на эти заслуги, сторонницы этой партіи непопулярны даже въ средѣ самыхъ женщинъ, большинство которыхъ боятся всего, что отступаетъ отъ повседневной рутины и можетъ, какъ онѣ думаютъ, быть причислено къ проявленіямъ «дикости американскихъ нравовъ» и набросить на нихъ тѣнь, какъ на ренегатовъ женственности и буржуазной респектабельности.

В. МАЕЪ-ГАХАНЪ.

# ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА

---

## I.

Наконецъ, любезный другъ, я опять въ деревнѣ! Вырвался сюда изъ душнаго Петербурга, какъ только докторъ благословилъ въ путь.

Хочу писать тебѣ много, и есть о чемъ, но перо плохо слушается. За нѣсколько мѣсяцевъ болѣзни совсѣмъ отвыкъ отъ писательства, какъ отвыкаетъ рука владѣть кистью, пальцы бѣгать по клавишамъ рояля. Въ тому же умъ мой и сердце находятся подъ давленіемъ особенныхъ личныхъ обстоятельствъ, созданныхъ болѣзнию. Ты знаешь и помнишь, съ какимъ глубокимъ участіемъ не одни друзья и близкіе, но и печать слѣдили за ходомъ моего недуга и выздоровленія. Сколько эти выраженія сочувствія доставили мнѣ блаженныхъ минутъ посреди тяжелыхъ страданій, — ты это видѣлъ и понимаешь; изъ-за этихъ минутъ и болѣзнь казалась легкой. Но теперь, когда она миновала, я поставленъ въ самое затруднительное и деликатное положеніе. Друзьямъ можно выразить чувства словами, взглядомъ, пожатіемъ руки; а какъ ихъ выразить незнакомымъ и прессъ? Благодарить печатно? Ты поймешь всю невозможность и неловкость такого поступка! Вѣдь это значило бы создать самому себѣ вовсе незаслуженный пьедесталъ, да и вскарабкаться на него на посмѣище всего читающаго міра, изображая собою комическаго непризнаннаго божка, самодовольно вдыхающаго эниміамъ общественнаго вниманія. Молчать — тоже нельзя: кто же въ силахъ молчать, когда ему выражено столько теплыхъ чувствъ и оказано столько почета? По крайней мѣрѣ я не могу, не смѣю, не въ силахъ отъ нихъ отмолчаться. А при томъ, подумай,

сколько справедливыхъ нареканій я скопилъ бы на свою голову, еслибъ сталъ отмалчиваться! Не значило ли бы это принять общественное участіе въ критическую минуту жизни какъ нѣчто должное, заслуженное, подобающее по праву? Это было бы чуть ли не хуже, чѣмъ благодарить! И вотъ, я поставленъ между Сциллой и Харибдой: и такъ не хорошо, и такъ дурно. Не знаю и не придумаю, какъ поступить. Помоги мнѣ умнымъ совѣтомъ снять тяжелое бремя съ души. Тогда легко станеть на сердцѣ, я вдохну свободно и бодро передамъ тебѣ, какъ умю, мои путевыя и деревенскія впечатлѣнія.

## II.

Вся минувшая зима, весна и лѣто были какія-то необыкновенныя, подъ пару нашему настоящему необыкновенному положенію. Зима была безснѣжная; пыль заслѣпляла глаза пробѣжши въ ноябрѣ. Зимой было тепло и Ока выступала изъ береговъ. Весна и весеннія работы начались, какъ не бывало никогда, въ началѣ апрѣля. Весеннего половодья почти не было. Бездождіе и жара предвѣщали полный неурожай. За то съ конца весны и лѣтомъ были сильныя паводки, ливни, грозы и грады, причинившіе много пагубы, затопившіе луга, унесшіе много сѣна, разоравшіе сельскихъ хозяевъ и крестьянъ. Въ Окѣ вода подымалась семь разъ за лѣто. Два раза, въ короткій промежутокъ времени, всѣ до единой мельницы были снесены, такъ что негдѣ было хлѣбъ молоть. Между страхомъ и надеждой прошло все лѣто. Письма управляющаго приводили въ недоумѣніе. То онъ предавался отчаянію и пророчилъ прескверный урожай, то, напротивъ, предсказывалъ обиліе плодовъ земныхъ. Плохой урожай травъ и клевера заставлялъ крестьянъ и хозяевъ носить носы и головы; а кто былъ подогатливѣе и не убиралъ сѣна въ обычное время, тотъ въ августѣ накопилъ его больше, чѣмъ въ хорошіе годы — такъ исправились и заросли луга въ исходу лѣта. Никогда не бывало прежде въ нашемъ краю, чтобы озимое, яровое и сѣно убирались въ одно время; а нынче это случилось. Вторая трава и клеверъ на скошенныхъ лугахъ и поляхъ, въ августѣ, стояли превосходные. Корма для скота и лошадей было въ поляхъ, лѣсахъ и на лугахъ великое изобиліе; а между тѣмъ, въ маѣ коровы давали гораздо больше молока, чѣмъ въ іюнѣ и іюлѣ; кто надаивалъ съ своего стада въ маѣ 26 пудовъ, получалъ въ іюнѣ и іюлѣ по 18-ти; у кого въ

маѣ было 20 ведеръ молока, тому коровы въ іюнѣ и іюлѣ приносили по 11-ти ведеръ. Этого прежде тоже никогда не бывало. За августъ я не имѣю свѣдѣній; а болѣе чѣмъ вѣроятно, что количество молока за этотъ мѣсяцъ опять поднялось.

Всѣ эти чуда чудныя, дива дивныя отразились и на урожаѣ хлѣбовъ. Рожь, уцѣлѣвшая отъ градовъ, вышла посредственная, скорѣй даже плохая, ужиномъ—и отличная зерномъ и умолотомъ. Пшеница—тоже. Овесъ уродился плохо и оказался легковѣснымъ. Гречиха поздняя растетъ великолѣпно и, если ее не убьетъ морозъ, дастъ много зерна. Раннюю и среднюю схватило жарой, побилو ливнями и градомъ и заросло обильной травой.

Будь я Титъ Ливій или лѣтописецъ Несторъ — писавшіе впрочемъ *argēs soup* — я бы увидѣлъ въ этихъ отступленіяхъ отъ обыкновеннаго хода вещей предзнаменованіе чрезвычайныхъ событій въ ближайшемъ будущемъ. Но я не Титъ Ливій и не Несторъ, да и въ предзнаменованія современные люди извѣрили.

### III.

Мое деревенское хозяйство идетъ, слава Богу, недурно. Рожь дала по 12 копенъ на кругъ, пшеница... Но я отсюда вижу какъ ты начинаешь ѣздить, читая, сколько я убралъ и вымолотилъ хлѣба, сколько надоилъ ведеръ молока, наварилъ сыру и надѣюсь собрать кормовой кукурузы. Тебя все это мало интересуетъ, да и согласишься ты въ этомъ не много. Ну, пожалуй и тебя и поговорю о другомъ, болѣе тебѣ понятномъ и доступномъ.

Каждый разъ, что я оставляю Петербургъ и переносусь въ наши медвѣжьи углы, меня поражаетъ непереступаемая пропасть между взглядами, стремленіями и оцѣнкою вещей и событій здѣсь и тамъ. Въ Петербургѣ, какъ и быть слѣдуетъ, мѣстные подробности ступеньваются, размѣры ихъ уменьшаются, значеніе умалется. Въ провинціи—я разумѣю огромную массу провинціаловъ—только и свѣта что въ ихъ окошкѣ. Они погружены въ свой муравейникъ и интересуются общими дѣлами только когда они касаются ихъ личности или кармана. Все это въ порядкѣ вещей, и изъ различныхъ точекъ зрѣнія Петербурга и провинціи, обусловленныхъ нахожденіемъ въ центрѣ или периферіи, не происходило бы никакого замѣшательства, недоразумѣнія и антагонизма, еслибъ не примѣшивались побочныя обстоя-

тельства, поселяющія раздоръ и даже вражду. Кто стоитъ въ центрѣ, тотъ естественно болѣе склоненъ къ обобщеніямъ и отвлеченнымъ взглядамъ; мѣстный обыватель также естественно преувеличиваетъ размѣры того, что ему ближе и непосредственно его касается. Но при нашей политической и общественной неразвитости мы не умѣемъ и не можемъ оцѣнить, какъ должно, вѣсъ и значеніе мѣстнаго и центральнаго элементовъ, ихъ тѣсную связь, взаимовдѣйствіе и отношенія. Еще въ древнемъ республиканскомъ мірѣ старикъ Агриппа ясно понимаетъ, что всѣ части и слои государства составляютъ одно органическое цѣлое, и должны работать другъ другу въ руку; а мы, въ 1882 году по Рождествѣ Христовѣ, этого еще не понимаемъ! Покойный Н. Ф. Павловъ говаривалъ въ шутку, еще въ сороковыхъ годахъ, что Петербургъ есть огромная компанія на акціяхъ для разработки Россіи. Съ тѣхъ поръ мы, правда, подвинулись впередъ, но очень мало. Общій интересъ, существующій для блага всѣхъ, продолжаетъ у насъ разсматриваться какъ особенный личный и частный интересъ тѣхъ, кому вѣрено веденіе общихъ дѣлъ. Кто въ центрѣ, т.-е. въ Петербургѣ, тотъ смотритъ на провинцію свысока, не думаетъ о ея нуждахъ и пользахъ и во имя общаго блага устроиваетъ какъ нельзя лучше свои личные дѣла. Это разумѣется раздражаетъ провинцію, которая съ явною досадою и тайной завистью смотритъ на благодатную жизнь бюстителей общихъ интересовъ; послѣдніе оказываются не тяжкимъ бременемъ для ихъ носителей, а какимъ-то чудомъ превращаются для нихъ въ источникъ манны небесной. Провинціаламъ тоже до смерти хотѣлось бы вкусить отъ земныхъ благъ, которыми такъ щедро вознаграждается участіе въ общихъ дѣлахъ, и сами, когда могутъ, не упускаютъ случая попользоваться благостыней, соединенной съ завѣдываніемъ общими интересами провинціи, конечно, не такой обильной какъ въ столицѣ. Прибавь къ этому незнаніе положенія, безпечность, лѣнь, наши русскія «авось» и «ничего», и ты легко поймешь, отчего у насъ все не клеится, все идетъ въ разбродъ, въ распыленіе, общіе интересы представлены такъ плохо, формы, которыми они обставлены, такъ притѣснительны и не соотвѣтствуютъ ни обстоятельствамъ, ни нравамъ и привычкамъ людей.

Собираюсь я въ деревню. Надо мнѣ ѣхать на Москву и оттуда на Мценскъ. Памятуя, что Кукуевская насыпь не существуетъ, стараюсь, еще въ Петербургѣ, узнать какъ теперь ходятъ поѣзды по московско-курской желѣзной дорогѣ — и не могу. Вѣду справиться на петербургскую станцію николаевской

железной дороги,—тамъ тоже ничего не знаютъ. Прежнее росписание, говорятъ, отъ насъ отобрали, а новаго не прислали. По слухамъ поѣздъ № 3 (ночной) совсѣмъ не ходитъ. Только это я и успѣлъ узнать въ Петербургѣ. Приѣзжаю въ Москву: тамъ мнѣ показываютъ новое росписание. Оказывается, что отправление всѣхъ поѣздовъ изъ Москвы и Курска измѣнено. Чего бы стоило правленію курской железной дороги разослать новое росписание на другія железныя дороги и пропечатать по нѣскольку разъ во всѣхъ газетахъ? Такъ нѣтъ же! Теряешь время понапрасну, приѣзжаешь не тогда, когда надо, пропускаешь поѣздъ, — словомъ, не только часы, а цѣлые дни пропадаютъ даромъ. А почему? Потому только, что железнодорожному управленію нѣтъ никакого дѣла до нужды и пользы пассажировъ. Узнаютъ они случайно о перемѣнѣ поѣздовъ — хорошо; а не узнаютъ — тѣмъ хуже для нихъ.

Это невниманіе къ нуждамъ людей, о которыхъ надо бы позаботиться и по обязанности, и въ интересъ собственнаго дѣла, приводитъ подъ часъ въ отчаяніе. Газеты наполнены извѣстіями, что мировой судья, мировой съѣздъ вызвали тажущихся или подсудимыхъ къ суду, а сами не явились. Непремѣнные члены уѣздныхъ присутствій, слѣдователи вызываютъ такимъ же образомъ цѣлыя деревни въ рабочую пору и томятъ людей многіе дни понапрасну, заставляя ихъ ждать себя. Что это какъ не признакъ совершеннаго невниманія къ своимъ обязанностямъ и къ нуждамъ ближняго? Изволь-ка съ такими людьми поговорить объ общихъ интересахъ! Они знаютъ твердо только тѣ дни, когда имъ выдается жалованье.

На той же московско-курской железной дорогѣ меня поразила и другая странность. Обыкновенно вездѣ, у насъ и за границей, при каждой остановкѣ поѣзда у станціи или полустанка, кондукторъ проходитъ вдоль всѣхъ вагоновъ и громко провозглашаетъ названіе станціи и на сколько времени поѣздъ остановился. На московско-курской дорогѣ этого объявленія, необходимаго для пассажировъ, особливо безграмотныхъ или ѣдущихъ въ первый разъ этимъ путемъ, не дѣлается. Халатное отношеніе къ публикѣ простирается по этой дорогѣ на все. Да кажется и къ своимъ собственнымъ интересамъ дирекція дороги относится также халатно. Можно проѣхать по этой дорогѣ много станцій безъ того, чтобы кто-нибудь озаботился узнать, есть ли у пассажира билетъ. Значитъ, можно ѣхать и проѣхать по этой дорогѣ на довольно значительное разстояніе безъ билета, чѣмъ, вѣроятно, иные и пользуются. Если дирекція московско-курской

дороги такъ невнимательна къ своимъ собственнымъ интересамъ, то ужъ объ удобствахъ, нуждахъ и пользахъ пассажировъ и говорить нечего. Пренебрегать ими и Богъ велить.

## IV.

Приѣхалъ я къ себѣ въ имѣніе, и точка врѣнія вдругъ переимѣнилась. Въ Петербургѣ я смотрѣлъ на все сверху внизъ; въ медвѣжьихъ углахъ естественно смотришь снизу вверхъ. Но отъ этой переимѣны на душѣ не стало легче.

— Слышали вы, — говорить мнѣ знакомый сосѣдъ, — скоро у насъ будетъ война.

— Богъ съ вами, — говорю я ему. — Съ кѣмъ, за что и главное — чѣмъ намъ воевать? Я прямо изъ Петербурга. Тамъ о войнѣ и слухомъ не слыхать.

— Какъ же, навѣрное война у насъ на носу и очень скоро. Назначена перепись лошадей. По уѣзду она должна быть окончена въ какихъ-нибудь десять дней къ Успеневу дню, 15 августа. Становые и волостные старшины горячку порать. Должно быть скоро будетъ мобилизація войскъ, если перепись лошадей назначена въ самую горячую рабочую пору, когда уборка озимаго, ярового, сѣна, пахота подъ озимое, молотьба на сѣмена и сѣвъ подошли разомъ и каждый часъ дорогъ.

«Ну, подумалъ я про себя, этотъ господинъ совсѣмъ ссушій младенецъ! Видно, онъ не знаетъ или забылъ, какъ передъ восточной войной «по ошибкѣ» вызывали подъ ружье отставныхъ; какъ въ рабочую пору брали въ ополченіе единственныхъ работниковъ въ семьѣ; какъ останавливали дѣлые товарные поѣзда на дорогахъ, по которымъ даже не предполагалась мобилизація войскъ, и выбрасывались, гдѣ захватило распоряженіе, стада тонкорунныхъ овецъ и партіи сахара, которыя погибали отъ ненастья. Ктожь у насъ думаетъ и заботится о такихъ пустякахъ! пахота, молотьба, сѣвъ, уборка, будутъ какой-нибудь недѣлей позже — экая важность!»

Въ прошломъ году, помнится, приѣзжаетъ ко мнѣ въ имѣніе становой. — Чего вамъ нужно, — спрашиваю я. — А вотъ-съ, надо переписать всѣхъ, кто у васъ живетъ въ усадьбѣ. Велите-ка мнѣ привести паспорта вашихъ служащихъ и работниковъ. — Зачѣмъ же вамъ нужно ихъ переписать? — продолжаю я спрашивать. — Приказано-съ. — Объ этомъ приказаніи я узналъ еще въ Москвѣ. — А зачѣмъ же въ обязательномъ постановленіи,

въ которомъ это вамъ приказано, изъяты изъ переписи возчикъ при обозахъ? Не для того ли, чтобы поощрить коммерцію и промышленность? — Не знаю-сь. Наше дѣло не разсуждать, а исполнять.—И побѣхалъ отъ меня становой кататься по 130 селамъ и деревнямъ своего стана, чтобы исполнить обязательное предписаніе въ короткій срокъ.

Что значило такое распоряженіе? Была ли это мѣра противъ политическихъ злоумышленниковъ? Но что же въ такомъ случаѣ могла значить оговорка о возчикахъ? Вѣдь злоумышленникамъ было легко и просто поступить въ ихъ число и тѣмъ избѣгнуть досмотра ихъ документовъ и личности. А къ тому же, злоумышленный человѣкъ могъ быть, вслѣдъ за отъѣздомъ станового, принять въ усадьбу и проживать въ ней преспокойно, впредъ до новаго посѣщенія этого чиновника. Да отъ станового можно и скрыть злоумышленника въ своей усадьбѣ и вовсе не показывать ни его самого, ни его документовъ. Уже если лихихъ людей розыскивать, то слѣдовало обязать къ тому мѣстную полицію, подъ ея отвѣтственностью, предоставля ей принять необходимыя для того мѣры. Мало-мальски путный исправникъ и становой очень хорошо знаютъ, гдѣ у нихъ въ уѣздѣ или станѣ могутъ притулиться подозрительныя личности. За такими мѣстами полиція присмотрѣла бы, а если нужно, то сдѣлала бы внезапный досмотръ. Цѣль была бы достигнута, безъ всякаго безпокойства для мирныхъ жителей и безъ непроизводительной затраты полиціей труда и времени. Вѣдь пока становой катался по своему стану, въ исполненіе бесполезной бумаги, къ назначенному короткому сроку, множество весьма важныхъ полицейскихъ дѣлъ, дознаній и т. п., требующихъ безотлагательныхъ распоряженій и мѣръ, оставались безъ движенія, по просту говоря—откладывались, ко вреду жителей и правосудія. Такъ нѣтъ! Обѣзди становой всѣ 130 селъ и деревень,—даже и тѣ, въ которыхъ, какъ ему извѣстно навѣрное, нѣтъ и тѣни злоумышленниковъ; занеси въ особый списокъ паспорта и виды сотенъ лицъ, которыхъ благонамѣренность и безвредность ему хорошо знакомы, словомъ—выполни предписаніе, представь кипу записанной бумаги, которой никто не станетъ читать, потому что некогда и не стоитъ. Одинъ изъ нашихъ экс-государственныхъ людей, любившихъ блеснуть своими познаніями, называлъ это «профилактическимъ» направленіемъ нашего законодательства и администраціи. Мы постоянно и несносно стѣсняемъ разными бесполезными мѣрами и бумагами огромное большинство людей, чтобы уловить единицы и предупредить частные случаи. Но и



это намъ не удается! А между тѣмъ, по массѣ бесполезныхъ формальностей, которыми опутанъ каждый нашъ шагъ, эти формальности, волей неволей, вырождаются въ бумажную отписку и, исполняясь спѣшно, кое-какъ, не имѣютъ ни малѣйшей цѣны ни въ глазахъ исполнителей, ни во мнѣніи тѣхъ, кого онѣ опутываютъ и обременяютъ. Есть ли хоть одна такая формальность, которую бы не обходили легко и просто умные люди, кому это нужно? Одни невинные и добродушные изнемогаютъ подъ ихъ бременемъ.

## V.

Странное дѣло, эта наша слѣпая, безотчетная вѣра въ формальности и притомъ, большею частью, весьма плохо сконспированные, представляющія возможность для тысячи увертокъ съ одной стороны, прижимательствъ и стѣсненій съ другой. Откуда этотъ фетишизмъ своего рода, невѣжественный, безобразный и вредный? Формальность только способна удостовѣрить какой-нибудь фактъ, какъ законъ служить нормою для дѣйствій и поступковъ; безъ того и другого немислимо никакое правильно устроенное человѣческое общество. Но при этомъ и формальность, и законъ предполагаютъ, что люди, для которыхъ они установлены, желаютъ и намѣрены поступать добросовѣстно; безъ этой предпосылки ни законъ, ни формальность ничего не обезпечиваютъ, ибо всегда и вездѣ существуютъ лазейки, чтобъ обойти законъ и обратить формальность въ пустое слово или пустую бумагу. Но у насъ на форму и законъ смотреть иначе. Мы видимъ въ нихъ, а не въ доброй совѣсти людей, якорь спасенія, панацею противъ общественнаго зла и правонарушеній. Мы думаемъ, что, предписавъ какую-нибудь формальность, постановивъ какой-нибудь законъ, мы однимъ этимъ предупредили преступленіе, водворили справедливость, правду и безопасность. Точно люди и общества—машины, въ которыхъ все зависитъ отъ устройства большихъ и малыхъ составныхъ частей. Но въдъ и при устройствѣ машинъ принимаются въ расчетъ свойства матеріала, треніе и т. п.; а у насъ индивидуальность, личные свойства и нравственность людей ставятся ровно ни во что. Казалось бы, нелѣпо думать, будто общественная жизнь и порядки создаются предписаніями и формальностями, а мы въ это слѣпо вѣруемъ. Да и какъ намъ не вѣрить, когда, послушать насъ, всѣ наши мужики—воры и пьяницы, всѣ наши чиновники—плуты и казнокрады, всѣ купцы—хищники и кровопійцы, всѣ

попы—грабители простого народа и т. д. и т. д. По нашей логикѣ, если одинъ, два офицера нарушили правила дисциплины, то значить вся наша армія распущенная, незнающая строгихъ военныхъ порядковъ; если нѣсколько курсистовъ, технологовъ, университетскихъ студентовъ оказались политически неблагонадежными, то вся молодежь, учащаяся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, поголовно подозрительна въ политическомъ отношеніи; нѣкоторая часть молодежи безспорно шалберничаетъ, бьетъ баклуши, самонадѣянно судить веривъ и вкось о томъ, чего не знаетъ и не понимаетъ; но мы говоримъ о молодежи такъ, какъ будто вся она такая. Съ такой логикой только и спасенье, что въ крутыхъ порядкахъ, которые повязали бы всѣхъ по рукамъ и ногамъ и заставляли каждого силою двигаться только въ предустановленной волѣ. Но кто же, однако, долженъ исполнять такіе порядки и наблюдать за приведеніемъ ихъ въ дѣйствіе? Тѣ же самые люди, которыхъ мы поголовно считаемъ никуда негодными, требующими за собою непрестаннаго надзора, безъ котораго они признаются вредными для общества. Не значить ли это вертѣться въ ложномъ кругѣ, изъ котораго нѣтъ выхода? Въ него мы и попадаемъ, вслѣдствіе того только, что не умѣемъ правильно обобщать явленія и факты. Общество держится не строгими законами и формальностями, а людьми, ихъ привычками, ихъ нравственнымъ чувствомъ, степенью развитія ихъ воли, ихъ взглядами и понятіями о благѣ, добрѣ и правдѣ. Если мы дѣйствительно поголовно такъ растлѣнны и негодны, какъ многіе думаютъ, то формальностями и законами такому несчастному состоянію помочь нельзя. Нужно перевоспитать людей, водворить въ ихъ сердцахъ нравственное чувство, воспитать ихъ волю въ привычки хотѣть добра и правды и сообразно съ тѣмъ поступать.

## VI.

Вотъ и выходитъ по моему, говоришь ты. Высшая интеллигенція, обширныя познанія, законодательныя и административныя реформы, поднятіе матеріальнаго благосостоянія и экономического довольства—къ чему все это! Общество, при развитомъ нравственномъ чувствѣ и развитой нравственной волѣ людей, можетъ процвѣтать и быть счастливымъ и безъ высшей интеллигенціи, широкаго знанія, реформъ и матеріальнаго благосостоянія; а гдѣ люди развращены и негодны въ нравственномъ смыслѣ, тамъ и при высшей интеллигенціи, при отличныхъ законо-

дательныхъ и административныхъ порядкахъ и богатствѣ живетъ плохо. Стало быть—продолжаешь ты разсуждать—вся сила въ нравственной сторонѣ, а совсѣмъ не въ умственной, экономической, политической или художественной.

Разсуждаешь такъ не одинъ ты, а съ тобою многое множество людей, но отъ этого твой взглядъ не становится здравѣе и правѣе. Еслибъ ты сказалъ, что обѣ стороны человѣческаго существованія, изъ которыхъ одну называютъ внутреннею, а другую, въ противоположность ей, вѣдѣнною, должны идти и развиваться параллельно и рука объ руку, я бы и не подумалъ съ тобою спорить. Но вѣдь ты не это говоришь: тебѣ бы хотѣлось интеллигенцію, реформу общественную, экономическіе вопросы выкинуть за бортъ и остаться при однихъ нравственныхъ чувствахъ и нравственной волѣ. Тебѣ думается, что нравственность можно водворить строгой дисциплиной, суровыми карами, расширеніемъ курса богословія. Подобно тѣмъ, противъ кого ты споришь, ты надѣешься вѣдрить добро и правду въ душу людей разными вѣдѣнными мѣрами и выработкой ума и знаній въ желаемомъ тобою направленіи. Выходитъ, что ты хочешь собственно того же, что и твои противники, и только воображаешь, что идешь другими съ ними путями, потому только, что направленіе ихъ тебѣ не нравится. Такъ лучше, чтобъ быть послѣдовательнымъ, выбери одно изъ двухъ: или стань на одну почву съ своими противниками и докажи, что твои мѣры лучше, ближе, вѣрнѣе ведутъ къ исправленію и нравственному воспитанію людей; но этого ты боишься, потому что тебѣ пришлось бы въ такомъ случаѣ считаться съ наукой, знаніемъ, опытомъ, которые будутъ говорить противъ тебя, и съ ними тебѣ не сладить. Или же откажись отъ всякихъ попытокъ поднять нравственность вѣдѣнными приемами и манипуляціями и старайся придумать какіе-нибудь другіе способы морализировать людей. Но ты непослѣдователенъ и оттого предметъ твоихъ исканій ускользаетъ изъ твоихъ рукъ и ты силишься, совершенно напрасно, возвратить людей вспять, въ колею и обстановку, изъ которыхъ они выросли и къ которой никогда уже больше не возвратятся. Ты желалъ бы видѣть въ людяхъ больше нравственнаго чувства и нравственно выработанной воли? И я очень желалъ бы этого! Ты говоришь, что сильно развитой умъ, обширныя познанія, благопріятная обстановка, социальная и экономическая еще не служатъ ручательствомъ нравственнаго совершенства. И въ этомъ ты вполне правъ; нравственная сторона требуетъ такого же своего развитія и совершенствованія, какъ умственная, художественная, техническая,

соціальная. Всѣ твердо знаютъ и увѣрены, что упражненія развиваютъ умъ, вырабатываютъ до виртуозности художественныя, техническія и всякія вообще способности и расположенія. Кто не понимаетъ, что знать что-нибудь и умѣть осуществлять свои знанія совсѣмъ не одно и то же; что можно отлично знать ту или другую отрасль искусства и не быть художникомъ, превосходно изучить анатомію, терапію, химію, и не умѣть сдѣлать самой простой операціи, распознать и лечить самую простую болѣзнь, произвести самый простой анализъ. Мало знать грамматику, надо умѣть писать; мало знать технологию, надо быть техникомъ. По какому-то странному недомыслию эти безспорныя и всѣмъ извѣстныя истины не примѣняются къ нравственной сторонѣ—чувствамъ и волѣ. Вымунтрують ребенка въ школѣ, обучать его разнымъ наукамъ и искусствамъ, прочтутъ ему весьма пространный курсъ богословія и воображаютъ, что дѣло сдѣлано, что человѣкъ отъ этого будетъ нравственно развитымъ и крѣпкимъ. Спроси хирурга, артиста, техника: они тебѣ скажутъ, что только непрерывнымъ упражненіемъ они сохраняютъ свои способности и таланты; перерви они на болѣе или менѣе продолжительное время свои занятія—и наступаетъ отвычка; голова, руки, ноги, пальцы повинуются хуже, теряютъ виртуозность, которую имѣли. А нравственная сторона почему-то считается изъятою изъ этого общаго правила. Мы считаемъ возможнымъ быть нравственными, не упражняя безпрестанно своихъ чувствъ и воли въ добръ и правдѣ. Выучилъ мальчишъ или юноша курсъ богословія со всѣми текстами, ходилъ прилежно и аккуратно на уроки, былъ тихъ и послушенъ,—и довольно. Нравственное его воспитаніе считается оконченнымъ, и объ этой скучной матеріи нѣтъ больше и помину во всю жизнь, впредь до того времени, пока, въ одинъ прекрасный, или правильнѣе, злосчастный день, не окажется нужнымъ осадить проявленія его безнравственныхъ чувствъ и воли судомъ и карами. Но у насъ признается за лучшее, въ предупрежденіе того и другого, опутать человѣка предписаніями закона и запрещеніями, такъ чтобъ онъ шагу не могъ ступить безъ разрѣшенія начальства.

Какъ же быть и чтожь дѣлать? спросишь ты. Прежде всего надо понять и убѣдиться, что путь, которымъ ты до сихъ поръ такъ самоувѣренно шелъ для водворенія нравственности, есть путь ошибочный и ложный; что нравственность заключается не въ книжкѣ и текстахъ, а въ практикѣ добрыхъ чувствъ и нравственной воли, а для этого нужна ребенку съ колыбели и до выхода изъ школы нравственная обстановка, которой бы онъ

могъ пропитаться къ тому времени, когда станеть на свои ноги и будетъ въ силахъ самъ упражнять свои чувства и волю. Надо также совсѣмъ отказаться отъ презрѣнія къ интеллигенціи, отъ глумленія надъ высшимъ знаніемъ, отъ ненависти къ правовому порядку. Интеллигенція можетъ быть плоха, знанія, признаваемые высшими, быть не высшими и превратными; желаемыя формы правового порядка могутъ не соотвѣтствовать положенію дѣлъ, потребностямъ минуты, политическому возрасту и т. д. Все это можетъ быть и обо всемъ этомъ можно спорить. Но какъ же можно, не отступая отъ здраваго смысла, объявлять войну интеллигенціи вообще, высшему знанію вообще, правовому порядку вообще? Вѣдь это совершеннѣйшая нелѣпость! Нравственное чувство; нравственная воля не въ воздухѣ же витають, а упражняются и вырабатываются въ примѣненіи къ единичнымъ фактамъ и частнымъ явленіямъ, опираясь на общія начала или принципы. Только въ согласіи съ требованіями знанія и ума и возможно развитіе и укрѣпленіе нравственности. Какъ же ты достигнешь такого развитія безъ интеллигенціи, безъ высшаго знанія? Какъ же ты разовьешь и укрѣпишь нравственную волю безъ правового порядка, который только и можетъ вкоренить въ людяхъ убѣжденіе, что нравственность не пустая фраза, не слово безъ смысла, а составляетъ одинъ изъ краеугольных камней всякой благоустроенной общественности? Когда вокругъ тебя безнаказанно совершаются гнусныя дѣла, когда неправда торжествуетъ и приноситъ довольство и почетъ вмѣсто тюрьмы и каторги, — самое развитое нравственное чувство ослабѣваетъ, самая непреклонная нравственная воля теряетъ энергію и утѣренность въ своей правотѣ. А держать въ уадѣ наглуго неправду можетъ только правовой порядокъ, — тотъ или другой, смотря по времени и обстоятельствамъ; но онъ долженъ быть, и безъ него ни правильное общежитіе, ни нравственность не мыслимы. Вѣдь ты, конечно, не мечтаешь, что когда-нибудь всѣ люди, безъ изыятія, будутъ нравственны: этого никогда не бывало и никогда не будетъ. Нравственныхъ людей по глубокому убѣжденію, не смотря ни на что, вообще бываетъ немного на свѣтѣ, какъ мало людей безусловно, по убѣжденію, безнравственныхъ. Огромное большинство колеблется, болѣе или менѣе легко поддается соблазну, не выдерживаетъ до конца напора влеченій и страстей. Еще болѣе людей легкомысленныхъ, шатающихся мыслями и чувствами въ разныя стороны. Вотъ откуда и вытекаетъ необходимость прочнаго, твердаго, неизбѣжнаго правового порядка. Однихъ онъ держитъ силою въ должныхъ грани-

цахъ, другихъ направляетъ и поддерживаетъ въ добрыхъ путяхъ, дополняя ихъ слабость и распущенность строгостью и категоричностью своихъ требованій, заостренныхъ угрозою неминуемыхъ наказаній. Эту-то поддержку и даетъ правовой порядокъ. А ты надъ нимъ забавляешься и зубоскалишь! Пора, любезный другъ, кончить эту опасную игру и серьезнѣе отнестись къ дѣлу. Время наступаетъ — да ужъ и наступило — такое, что бросать слова на вѣтеръ и пробавляться остроумничаньемъ вовсе не приходится. Посмотри вокругъ себя. Разноголосица, смѣшеніе языковъ, упадокъ высшихъ стремленій и нравственныхъ требованій — поразительные. Все, что казалось твердымъ и прочнымъ вывѣтривается и разлагается на нашихъ глазахъ, съ быстротою, которой никто не могъ и предвидѣть. И не въ однихъ только высшихъ и интеллигентныхъ слояхъ идетъ этотъ процессъ; онъ, какъ крокъ, роется глубоко, проникая во всѣ слои народа, во всѣ закоулки и тайники, куда долго не заглядывалъ свѣтъ Божій. Что изъ этого разложенія выйдетъ перерожденіе къ лучшему, это можно предсказать навѣрное, не будучи пророкомъ. Но нельзя не скорбѣть глубоко о томъ, что мы такъ мало понимаемъ ту работу, которая въ насъ совершается, и оттого не пособляемъ ей, а только тормозимъ, воображая, что можемъ ее остановить. Тщетныя усилія! Отъ помѣхъ она не остановится, а только обострится и пойдетъ неправильнымъ путемъ, болѣзненными скачками и напорами.

## VII.

Разговорился я съ деревенскимъ знакомымъ о крестьянскомъ банкѣ. — Скажите пожалуйста, — спрашиваетъ онъ, — что это за банкъ? Намѣреніе будто бы и доброе помочь крестьянамъ; а какъ поразмыслишь, такъ выходитъ, что этотъ банкъ только для кабачниковъ, ростовщиковъ и кулаковъ изъ крестьянъ устроенъ. Чтобъ помочь всѣмъ крестьянамъ, которые пожелають землю купить, надо не пять, а сто пятьдесятъ пять милліоновъ ежегодно ассигновать; и того мало. Да по правдѣ сказать и резона нѣтъ переводить землю къ крестьянамъ изъ другихъ рукъ. Какая нужда государству или правительству, чтобъ землю скупали мужики, а не купцы, не дворяне, не чиновники и разночинцы? Читалъ я въ газетахъ, что предполагалось отпускать ежегодно крестьянамъ безземельнымъ и малоземельнымъ въ кредитъ, на покупку или прикупку земли, до трехъ милліоновъ. Вотъ это я понимаю и

было бы отлично, еслибъ это сдѣлали! Въ какихъ-нибудь десять, пятнадцать лѣтъ всѣ такіе крестьяне были бы съ землей и кускомъ хлѣба. Отчего же,—продолжалъ мой назойливый собесѣдникъ,—не сдѣлали такъ, а переименили, и мѣра, сама по себѣ хорошая, должна послужить въ пользу богатыхъ, а не нуждающихся крестьянъ, худшей части сельскаго населенія, а не той, которая всего больше имѣетъ права на поддержку и помощь?

Собесѣдникъ былъ правъ и я затруднялся, что ему отвѣчать. Положимъ, отъ министра финансовъ будетъ зависѣть приказъ выдавать ссуды только крестьянамъ, нуждающимся въ землѣ; но вѣдь онъ можетъ это сдѣлать не въ силу закона, а произвольно его примѣняя. И притомъ, одинъ министр, положимъ, найдетъ нужнымъ помогать бѣднымъ крестьянамъ, а другой увидитъ государственную пользу въ оказаніи помощи богатымъ мужикамъ. Произволъ, фаворитизмъ, колебаніе основного принципа крестьянскаго кредита непременно выйдутъ изъ теперешней редакціи закона. Зачѣмъ же было измѣнять предложенную министерствомъ,—ясную, простую и цѣлесообразную? Вѣдь имѣлось въ виду не помогать вообще крестьянамъ скупать землю, что не имѣло бы смысла, а облегчить малоземельнымъ и безземельнымъ обзавестись землей и хозяйствомъ. Зачѣмъ же такъ и не сказано въ законѣ?

Зачѣмъ? Мало ли такихъ «зачѣмъ» просится на умъ.

Зачѣмъ, напримѣръ, не объявляются крестьянскія земли неотъемлемой принадлежностью сельскихъ обществъ, на что указывается давно со всѣхъ сторонъ, какъ на единственное средство противъ обезземеленія, которое всюду производится теперь въ большихъ размѣрахъ? Богатые мужики скупаютъ земли у бѣдняковъ; создается пролетаріатъ, гибнутъ цѣлыя семьи отъ нищеты, не имѣя ни кола ни двора. Плоды новой постановки крестьянскаго вопроса съ 1861 года пропадаютъ даромъ. Наша беззаботность или незнаніе дѣла открываютъ широко двери для созданія пролетаріата пока только тамъ, гдѣ земли приобрѣтены крестьянами безъ пособія правительства, какъ, напримѣръ, у государственныхъ крестьянъ, или гдѣ до сихъ поръ существовало участковое пользованіе землею; но пройдетъ еще двадцать пять лѣтъ, окончится выкупная операція, и то же зло станетъ развѣдать быть бывшихъ вѣрноподанныхъ, владѣвшихъ на началахъ общиннаго землевладѣнія. Неужели же надѣленіе крестьянъ землею совершилось въ пользу кулаковъ, мелкихъ ростовщиковъ и кабатчиковъ? А къ тому все идетъ, и никому нѣтъ до этого дѣла.

Зачѣмъ закрываются высшіе женскіе врачебные курсы, и

права женщинъ, окончившихъ полный медицинскій курсъ, не уравниены, какъ предполагалось, съ правами патентованныхъ врачей. Провинція гибнетъ отъ недостатка медицинской помощи, а молодые медики неохотно ѣдутъ туда и толпятся въ большихъ центрахъ, терпя нужду, въ надеждѣ, впоследствии, составить себѣ видное и выгодное положеніе; женскій же трудъ цѣнится у насъ гораздо дешевле мужского и былъ бы по плечу нашимъ бѣднымъ медвѣжьимъ угламъ. Не потому ли женщинамъ затрудняется медицинская карьера, что онѣ вступили бы въ професію, несвойственную прекрасному полу и оторвались бы отъ своихъ семей? Но вѣдь женщины, по своей природѣ, гораздо мягче, человѣчнѣе, внимательнѣе относятся къ больнымъ, чѣмъ мужчины; а что онѣ, получивъ высшее образованіе, а съ нимъ и возможность зарабатывать себѣ порядочный кусокъ хлѣба, оторвутся отъ семей, то это, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, чистая напраслина. Сколько ихъ имѣютъ на своихъ рукахъ бѣдныхъ и старыхъ родителей, больныхъ и малолѣтнихъ, которыхъ кормятъ своими трудами, благо могутъ имѣть свосный заработокъ. И эти добрые плоды высшаго женскаго образованія приносятся въ жертву — чему же? Предразсудку, будто высшее образованіе несвойственно такъ-называемому прекрасному полу!

Зачѣмъ та же опасность, которой уже подверглись медицинскіе женскіе курсы, грозитъ и высшимъ женскимъ курсамъ? Сколько дѣвушекъ, окончивъ ихъ, ѣдутъ въ наши медвѣжьи углы учительницами и пополняютъ пробѣлъ въ воспитаніи и ученіи, оставляемый въ провинціи крайнимъ недостаткомъ среднихъ учебныхъ заведеній, которыя не въ состояніи принять всѣхъ желающихъ учиться. Мы знаемъ примѣры, что жены бѣдныхъ чиновниковъ и офицеровъ, служащихъ на скудномъ жалованьи по разнымъ трущобамъ, гдѣ и грамотнаго-то отыщешь съ трудомъ, поступали въ Петербургъ на высшіе курсы, терпя голодъ и холодъ, только съ тою цѣлью, чтобъ возвратившись, имѣть возможность дать мало-мальски порядочное воспитаніе своимъ дѣтямъ. Неужели этимъ добрымъ зачаткамъ тоже суждено согнуться подъ давленіемъ предразсудковъ и нашей обычной поведеніи неумѣло обобщать ненормальныя и уродливыя явленія, которыя безспорно встрѣчаются посреди массы учащихся женщинъ, и усматривать въ такихъ явленіяхъ доказательство ненужности и вредности высшаго женскаго образованія? Въ среднихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ встрѣчается тоже не мало негодныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которые остаются



такими и достигнувъ зрѣлаго возраста; чтожъ, слѣдуя той же логикѣ, надо и среднія учебныя заведенія закрыть? Разсуждая послѣдовательно, можно такимъ образомъ добраться и до школъ грамотности.

Тяжело и горестно видѣть, что черныя тучи скопляются надъ нашимъ высшимъ образованіемъ, безъ котораго не можетъ существовать ни одна страна, особливо бокъ-о-бокъ съ странами, гдѣ оно крѣпко поставлено и сильно развито. Слабые зачатки знанія, науки, насажденные съ такимъ трудомъ, усиліями и пожертвованіями, меркнутъ. Уровень образованія видимо понижается подъ давленіемъ самыхъ неблагопріятныхъ условий. Такія эпохи бывали въ исторіи. Выращенное и взлелѣянное въ высшихъ и среднихъ слояхъ распускалось и утопало въ волнахъ всенароднаго невѣжества и крайне ограниченнаго запроса огромной массы на образованіе и высшее знаніе. Наступалъ совершенный мракъ, изъ котораго потомъ медленно, столѣтіями, вырастала и складывалась новая культура, новая наука. Можетъ быть и мы, подобно другимъ народамъ, вступаемъ въ такой періодъ. Можетъ быть и у насъ перегораеетъ, въ болѣзненномъ процессѣ, насажденная «великими и несносными трудами сыновъ російскихъ» цивилизація, чтобъ когда-нибудь, со временемъ, возникнуть въ другой формѣ, въ другихъ сочетаніяхъ, стать нашимъ приснымъ, кровнымъ, народнымъ достояніемъ. Можетъ быть необходимо нашему высшему образованію и высшимъ знаніямъ очиститься отъ наносныхъ элементовъ и того налета, который имъ приданъ у насъ ихъ носителями, привилегированными классами. Все это можетъ быть и даже вѣроятно. Вѣроятно и то, что наши болѣе или менѣе отдаленные потомки увидятъ въ умственномъ и нравственномъ разложеніи, посреди котораго мы живемъ, шагъ впередъ, преддверіе національнаго, умственнаго и нравственнаго обновленія. Хочется вѣрить, что все это будетъ такъ непременно! Но намъ, современникамъ, особливо тѣмъ, которые, какъ я, доживаютъ свой вѣкъ, несказанно тяжело видѣть разрушеніе и паденіе того, съ чѣмъ и на чемъ мы прожили лучшіе годы жизни. Переменить весь свой духовный строй, разстаться съ задушевными думами и упованіями мы уже не въ силахъ и должны, склоня голову, быть зрителями того, чего измѣнить не можемъ и что глубоко противорѣчитъ всѣмъ нашимъ воззрѣніямъ и вѣрованіямъ.

## VIII.

— Правда ли это, — спрашиваю я въ деревнѣ одного изъ моихъ сосѣдей, занимающаго видный постъ въ уѣздной администраціи, — правда ли, что вы оставляете свое мѣсто? Вѣдь это было бы крайне прискорбно.

Съ этимъ сосѣдомъ мы расходимся, и весьма существенно, во многихъ взглядахъ. Но онъ безукоризненно-честный человекъ, вполне серьезно относящійся къ своимъ обязанностямъ, свято исполняющій свой долгъ и по душѣ добрый и сострадательный человекъ. За эти, рѣдкія у насъ качества, я цѣню его весьма высоко и питаю къ нему самое искреннее уваженіе и самыя сердечныя чувства.

— Да, это правда. Мнѣ ужъ подъ шестьдесятъ; я усталъ, да и добавокъ нѣтъ помощниковъ; а одинъ, вы знаете, въ полѣ не воинъ. Выбрали мы вашего сосѣда въ мировые судьи. Вы его близко знаете, вполне добропорядочный, добросовѣстный и работающій человекъ. Помните, какимъ онъ былъ мировымъ посредникомъ. Его не утвердили! А выбирать больше некого: нѣтъ и нѣтъ людей!

— Слышалъ я объ этомъ и очень жалѣлъ. Такихъ, какъ этотъ, у насъ въ уѣздѣ точно немного. Со свѣчей поискать — не найдешь. Но скажите, почему его не утвердили?

— Не имѣетъ, видите ли, образовательнаго ценза. Три года былъ прекраснымъ мировымъ посредникомъ: такъ этого мало!

Бумага, форма заѣли у насъ все. Люди изъ провинціи разбѣжались, толпятся въ большихъ центрахъ, слоняются за-границей, благо есть деньги. Абсентеизмъ — избитая тема жалобъ и въ газетахъ и въ правительственныхъ соображеніяхъ. Бывшій культурный классъ, дворянство, неудержимо ступевывается, исчезаетъ въ провинціи и замѣняется владѣльцами изъ крестьянъ, купцовъ и кулаковъ. Кого же выбирать въ должности? До этого, какъ и до всего остального, нѣтъ никому никакого дѣла. Есть законъ или распоряженіе, требующіе для выборовъ въ мировые судьи известнаго образовательнаго ценза — и довольно! Законъ или распоряженіе примѣнены, буква удовлетворена — чего же больше? А что насущная потребность неудовлетворена, что не будетъ мирового судьи, или выберутъ по необходимости плохого и неподходящаго — это тамъ пусть себѣ дѣлаютъ какъ знаютъ.

## IX.

Въ то время какъ идеалы, интеллигенція, цвѣтъ высшей культуры, высшая образованность меркнутъ и замираютъ, въ массахъ замѣчаются, пока, правда, еще едва замѣтные признаки пробуждающейся умственной и нравственной жизни. Здѣсь и тамъ между самими крестьянами появляется противудѣйствіе безобразному пьянству и пьяному разгулу. Женщины, наиболѣе страдающія отъ пьянства мужчинъ, всего сильнѣе возстаютъ противъ кабаковъ. Мнѣ рассказывали, что въ рязанской губерніи одно обширное село, получавшее ежегодно семь тысячъ рублей за дозволеніе держать у себя кабакъ, отказалось отъ этой значительной суммы, только чтобъ отъ него отдѣлаться. Крестьяне поняли, что теряютъ на винѣ гораздо больше семи тысячъ рублей и платятся за нихъ разореніемъ. Кабатчикъ нашель, однако, себѣ пріютъ на самой границѣ села, у помѣщика, и теперь пока неизвѣстно: онъ ли перетянетъ крестьянъ въ свое новое питейное заведеніе, пользуясь ихъ слабостью и падкостью къ вину, или они своею стойкостью и выдержкой заставятъ его закрыть кабакъ. Секты, толки и ереси растутъ какъ грибы, свидѣтельствуя о неудовлетворенной религіозной потребности. Разрѣшеніе ставить священниками людей, не получившихъ средняго или высшаго образованія, подольетъ еще масла въ огонь. Необразованный священникъ будетъ ближе стоять къ народу по своимъ понятіямъ, чѣмъ образованный; но именно по этому борьба съ сектантами станетъ еще труднѣе, а это, рано или поздно, поведетъ къ церковной реформѣ, которую многіе предвидятъ и предсказываютъ. Теперешнія стремленія возвратиться къ прежнимъ порядкамъ въ церковномъ управленіи, какіе были до минувшаго царствованія, ускорять и приближать эту неминуемую развязку. Возстановленіемъ преданій и прошедшаго не воскресить духа старинныхъ учрежденій, который измѣнился не подъ влияніемъ реформъ, какъ многіе ошибочно думаютъ, а вслѣдствіе существеннаго измѣненія всѣхъ условій стариннаго, до-реформеннаго быта. Теперь мы идеализируемъ и поэтизируемъ этотъ бытъ и хотѣли бы къ нему возвратиться, но не знаемъ или забываемъ, что его несостоятельность и неприглядность, доказанная практикой, вынудили реформы насильственно, почти противъ воли реформаторовъ. Теперь прошедшее кажется прекраснымъ, отмѣненнымъ Богъ-знаетъ зачѣмъ и почему; но простая правда въ архивахъ или у старыхъ людей, очевидцевъ того, что было,

показали бы тотчасъ, каково это прошедшее было на самомъ дѣлѣ. Мы повторяемъ, сами того не замѣчая, ошибки Тиховъ, Шлегелей и романтическихъ мыслителей, превозносившихъ средніе вѣка, къ которымъ, однако, не было и не могло быть возврата.

Рядомъ съ этими признаками умственного и нравственного пробужденія народныхъ массъ идетъ замѣтно возрастающее стремленіе учиться. Гдѣ сельская школа идетъ мало-мальски порядочно, тамъ она переполняется учениками и даже, мѣстами, ученицами. Какъ всегда и во всемъ крестьяне и на школу смотреть съ чисто практической точки зрѣнія, цѣнять прежде и больше всего практическую пользу, которую она приноситъ. «Изъ вашей школы многіе вышли, которые теперь хорошій хлѣбъ ѣдятъ», говорилъ мнѣ одинъ волостной старшина, изъ молодыхъ, пріѣхавшій, отъ имени сельскихъ обществъ той волости, посоветоваться какъ устроить вновь задуманную ими сельскую школу. «Насъ много душъ, говорилъ онъ, и денегъ мы можемъ собрать много, была бы только школа хороша и сподручна нашимъ дѣтямъ». Разныя соображенія чисто пракческаго свойства заставили крестьянъ раскошелиться на учрежденіе сельскаго училища и разжать руку, крѣпко и скупно берегущую копейку. Крестьяне разсуждаютъ такъ: поступить грамотный въ солдаты, — его произведутъ скоро въ ефрейторы, потомъ въ унтеръ-офицеры; а безграмотный оставайся рядовымъ; не поступить грамотный въ солдаты — ему цѣна въ работникахъ другая. Есть въ деревнѣ грамотные — есть и кому приказъ изъ волостного правленія или начальственное требованіе и распоряженіе прочесть, или письмо, условіе или росписку; есть кому и письмо написать. Дѣвочка, учившаяся въ школѣ, молитвы знаетъ, не то, что баба, которая и лба-то порядочно перекрестить не умѣетъ. Невѣстѣ грамотной тоже цѣна совсѣмъ другая, чѣмъ неграмотной. Надо видѣть, какъ крестьяне дорожатъ школой, когда она, не мудрствуя лукаво, добросовѣстно дѣлаетъ свое дѣло, съ участіемъ и любовью относится къ дѣтямъ, приучаетъ ихъ къ добрымъ порядкамъ. Кто воображаетъ, что школа въ деревнѣ удовлетворитъ своему назначенію и запросу крестьянъ, если ограничится обученіемъ дѣтей грамотѣ, молитвамъ и счету, тотъ очень ошибается. Простой народъ соединяетъ съ школой понятіе о воспитаніи, о внушеніи привычекъ къ добрымъ порядкамъ, къ добрымъ нравамъ. Гдѣ этого нѣтъ, гдѣ ребятъ только учатъ, а не воспитываютъ, тамъ крестьяне пользуются тѣмъ, что даетъ школа, но остаются къ ней равнодушны. Такая школа дѣтьми не переполнится.

## X.

Школы въ нашихъ медвѣжьихъ углахъ понемногу растутъ. Здѣсь и тамъ помѣщики, особенно помѣщицы и ихъ дочери, съ любовью и успѣхомъ занимаются обученіемъ дѣтей и содержатъ сельскія школы на свой счетъ. Заводятъ ихъ и нѣкоторые приходскіе священники; иные ведутъ дѣло съ большою любовью и большимъ успѣхомъ.

Мнѣ случилось, въ г. Черни, натолкнуться на цѣлую группу людей, дружно ведущихъ школьное дѣло въ цѣломъ уѣздѣ. По какому-то рѣдкому и исключительному счастью весь училищный совѣтъ, съ предводителемъ дворянства во главѣ, съ любовью и смысломъ занимается школьнымъ дѣломъ и всачески старается поставить его какъ можно лучше. Подъ шерсть и масть училищному совѣту случился и инспекторъ училищъ <sup>1)</sup>. Я имѣлъ подъ руками свѣдѣнія о состояніи школьнаго дѣла и дѣятельности училищнаго совѣта въ чернскомъ уѣздѣ за три года (1880—1882). Въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ, число школъ съ 23 возрасло до 28 и продолжало расти въ теченіе послѣдняго года. Число учениковъ и ученицъ съ 1,105 поднялось до 1,245, въ томъ числѣ 115 дѣвочекъ. Окончили ученіе: мальчиковъ 106, дѣвочекъ 17. Училищъ, содержимыхъ частными лицами на свои средства, было въ томъ году 5; частными лицами, но съ пособіемъ отъ земства и мѣстныхъ обществъ—7; церковноприходскихъ, устроенныхъ духовенствомъ и содержимыхъ съ пособіемъ отъ земства, мѣстныхъ обществъ и родителей—4; остальные 12, т.-е. менѣе половины были сельскія училища, содержимыя крестьянскими обществами съ пособіемъ отъ земства и частныхъ лицъ. На школы давали денежныя средства; сельскія общества 837 р., частныя лица 1,285 р., земство 2,845 руб., не считая суммъ, отпускаемыхъ имъ на вознагражденіе законоучителямъ и на награды учащимъ за шеольниковъ, выдержавшихъ экзаменъ на льготное свидѣтельство. Всего тратилось на школы 4,968 руб. Къ чести чернскаго земства надо сказать, что оно, поддерживало труды и усилія своего училищнаго совѣта и давало ему нужныя средства для развитія его дѣятельности. До 1880 года, земствомъ выдавалось на школьное дѣло 2,500 руб.; въ 1880 году, отду-

<sup>1)</sup> Думаю, что не слѣдуетъ нескромности называть всѣ эти почтенныя лица по именамъ. Предводитель дворянства И. А. Далинцъ-Иванскій, председатель земской управы Н. Н. Волковъ, протоіерей М. Я. Пятницкій, М. М. Болдыго, Гр. И. Демжировъ, Н. И. Левицкій, инспекторъ училищъ М. М. Щегловъ.

щено 4,000 руб., а въ 1881 къ этому прибавлено еще 1 т. р., да на книги и учебныя пособія 500 руб., всего въ годъ 5,500 р. По предложенію училищнаго совѣта земствомъ приняты по школьной части разныя, весьма разумныя поощрительныя мѣры. За каждаго ученика, выдержавшаго экзаменъ на льготное свидѣтельство, преподавателямъ выдается награда: учителю 5 руб. законоучителю 3 руб. Постановлено также, что земство приходить на помощь обществамъ, желающимъ учредить у себя школы, суммою, вдвое болѣею той, какая назначена отъ себя самими обществами въ состоявшихся о томъ приговорахъ. Такимъ образомъ, если общество дастъ 50 руб. въ годъ на школу, то земство отпускаетъ 100 р.; если оно обязуется давать 100 руб., то земство отпускаетъ 200 р. Но если объ эти суммы, взятая высьтъ, недостаточны на содержаніе школы, то она не открывается.

Какъ ни малы эти цифры, какъ ни мизантропъ кругъ, въ которомъ вращается дѣятельность чернскаго училищнаго совѣта, но въ моихъ глазахъ приведенныя данныя чрезвычайно поучительны и краснорѣчивы. Сошлось случайно въ одномъ изъ нашихъ безчисленныхъ медвѣжьихъ угловъ нѣсколько порядочныхъ людей, понимающихъ важность школы для народа, особливо у насъ, при нашей дичи и нашемъ безобразіи, и поставили себѣ скромную задачу сдѣлать что можно на гроши, которые случились въ ихъ распоряженіи. Земство и правительственный чиновникъ ихъ поддержали — и дѣло пошло расти. Мнѣ скажутъ: да вѣдь это капля въ морѣ! Конечно, капля; но вѣдь море состоитъ изъ капель: безъ капель и моря нѣтъ. Взгляните на Парижъ или Лондонъ, на безчисленное множество громадныхъ зданій, которыя громоздятся въ этихъ столицахъ міра. Что бы вы подумали, еслибъ кто-нибудь, видя какъ одинъ изъ тѣхъ сотенъ миллионныхъ каменщиковъ, которые трудились надъ сооруженіемъ Лондона или Парижа, прилаживаетъ кирпичъ къ кирпичу, камень къ камню, сказать: работа его — капля въ морѣ, и съ пренебреженіемъ отвернулся отъ труженика? Развѣ бы вы не назвали такого господина вертопрахомъ, хлыщомъ или пустомелей? Не то жѣ ли самое, спрошу я, сооруженіе вѣкового зданія общественныхъ порядковъ? Оно все, отъ начала до конца, слѣгается изъ детальной работы, изъ едва замѣтныхъ микроскопическихкихъ подробностей, которыя, будучи сложены и соединены высьтъ, образуютъ одно громадное, величавое цѣлое. Благо и мнѣ тѣмъ, которые посвятили себя этому невидному, неказистому труду! Имена ихъ позабудутся потомъ, но дѣло ихъ останется

и принесть свой плодъ, вѣрнѣе и несомнѣннѣе, чѣмъ всякія разглагольствованія о мелочности и ничтожности такихъ трудовъ и усилій. Мнѣ случайно достались свѣдѣнія о дѣятельности на пользу народной школы въ Черни и чернскомъ уѣздѣ. А сколько такихъ полезныхъ безвѣстныхъ труженниковъ по разнымъ отраслямъ общественной дѣятельности разсыано по обширному русскому государству? Имъ нѣтъ числа! Нѣтъ такого уголка, гдѣ бы ихъ не было. Только мы ихъ мало знаемъ или вовсе не знаемъ, въ суетѣ и толкотнѣ большихъ центровъ. Эти-то муравьи и закладываютъ незримо основанія будущей общественности, болѣе свѣтлой и человѣчной, чѣмъ теперешняя. Когда она преобразится, исторія запишетъ годы, мѣсяцы и дни совершившихся событій. Но пусть она прибавитъ, что они подготовлены, выношены, взлелѣваны трудами и усиліями безчисленнаго множества единичныхъ людей, не попавшихъ въ ея синодики. Въ Черни нашелся инспекторъ, который работаетъ въ руку усиліямъ земцевъ поставить на порядочную ногу дѣло народного образованія. Что, думалось мнѣ, еслибъ вся наша губернская и центральная администрація по всѣмъ отраслямъ точно также работала въ руку мѣстнымъ усиліямъ и поддерживала ихъ? Мы бы и незамѣтили перехода къ лучшему, — такъ бы онъ совершился быстро.

## XI.

Въ концѣ августа я возвратился въ Петербургъ. Выхожу изъ вагона съ дорожнымъ мѣшкомъ въ одной рукѣ, зонтикомъ и пледомъ въ другой и направляюсь въ выходу съ платформы въ залу. Прохожу лабиринтъ перегородокъ. Стой! «Пожалуйте билетъ». Прежде билеты отбирались въ вагонѣ, передъ прибытіемъ въ Петербургъ. Нынче этого не было и билетъ оставался у меня въ карманѣ. Пришлось остановиться, положить свои дорожные доспѣхи на полъ, обшарить свои карманы. Все это потребовало времени, къ крайнему неудовольствію пассажировъ, которые спѣшили подобно мнѣ и которымъ я запрудилъ дорогу.

— Скажите на милость — спросилъ я одного изъ железнодорожныхъ чиновъ, — къ чему это новое стѣсненіе пассажировъ? Довольно кажется и того, что вы не пускаете пассажировъ, Богъ-вѣсть почему, на платформу до звонка, чего не дѣлается на другихъ дорогахъ. А теперь — новыя строгости! Ужъ не думаете ли вы этимъ способомъ изловить злоумышленниковъ, приѣзжающихъ въ Петербургъ? Или вы не довѣряете своимъ кон-

дукторамъ и контролерамъ? Такъ вы бы завели надежныхъ, а насъ, публику, оставили въ покоѣ.

«Это распоряженіе не наше, а полиціи, — отвѣчалъ мнѣ желѣзно-дорожный чинъ. — Мы и понять не можемъ, по чему это ей такъ вздумалось. Вы, положимъ, здоровы и одни; а то недавно пріѣхала женщина съ груднымъ ребенкомъ, совсѣмъ больная. Мужъ хотѣлъ ее встрѣтить, — его къ ней не пускаютъ, а она не можетъ одна справиться, такъ слаба; вдобавокъ еще ребенокъ на рукахъ. Хорошо еще, что я тутъ случился; они мнѣ знакомые: ну и пропустилъ мужа къ женѣ и ей помогъ.

Только-что выѣхалъ изъ деревенской трущобы и пришелъ въ соприкосновеніе съ административнымъ міромъ, и въ мгновеніе ока передо мной выросла стѣна ненужныхъ формальностей, надобливыхъ мелочныхъ стѣсненій, тянущихъ душу до раздраженія и нервныхъ припадковъ. Страстью къ такимъ путамъ пропитана вся наша житейская атмосфера! Не только казенная, но и частная администрація дышетъ тою же страстью какъ-нибудь да стѣснить, безъ малѣйшей надобности. Въ Москвѣ, напримѣръ, желѣзнымъ путемъ соединены всѣ линіи желѣзныхъ дорогъ между собою, для перевозки товаровъ и пассажировъ изъ одного дебаркадера на другой. Казалось бы, чего удобнѣе! Не хотите вы оставаться въ Москвѣ, спѣшите съ дороги на дорогу — къ вашимъ услугамъ объѣздной путь, безъ всякой возни съ носильщиками и извозчиками. Такъ нѣтъ же! Объѣздной поѣздъ, изволите ли видѣть, прилаженъ къ какому-то одному поѣзду въ день, а не ко всѣмъ. Пріѣхали вы съ нимъ, — ваше счастье; а нѣтъ — такъ тому и быть. Надо же вамъ помнить, что не дорога существуетъ для васъ, а вы для удовольствія и пользы дороги. Чтобъ вы это поматовали и не забылись какъ-нибудь ошибкой, и устроены объѣздные поѣзда съ такимъ расчетомъ, чтобъ публика могла ими пользоваться въ видѣ снисхожденія и пріятнаго сюрприза. Девизъ: «все для народа и ничего посредствомъ народа» — я еще понимаю. Но девизъ нашей казенной и неказенной администраціи: «ничего для удобства публики, и все для ея возможнаго стѣсненія» — я рѣшительно отказываюсь понять.

К. Кавелинъ.





# ДЖУЗЕППЕ ДЖУСТИ

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

Судьба итальянской литературы тѣсно связана съ политической исторіей общества и народа; литература отражала въ себѣ развитіе національнаго сознанія, и часто была мощнѣйшимъ орудіемъ его развитія. Таково было и усиленное стремленіе лучшихъ поэтовъ, ученыхъ и публицистовъ начала XIX вѣка способствовать нравственному и политическому возрожденію страны. Сѣмена, посеянные еще въ прошломъ столѣтіи (Парини, Альфіери, Фосколо, и друг.), хотя медленно, но продолжали развиваться и, несмотря на мрачное политическое состояніе Італіи, подготовили то національное движеніе, которое ядро составляетъ 1830 годовъ. Въ дѣлѣ освобожденія Італіи отъ чужеземнаго ига и внутренней тирании, и въ національномъ объединеніи Італіи несомнѣнная и значительная роль и доля успѣха принадлежитъ итальянской литературѣ, которая въ лицѣ своихъ лучшихъ дѣятелей возбуждала и поддерживала въ умахъ общества мысль о независимости и внутренней свободѣ. Въ ряду этихъ дѣятелей одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ занимаетъ сатирикъ Джузеппе Джусти, уроженецъ Тосканы.

Къ порѣ его первой дѣятельности политическое положеніе Італіи представляло весьма печальную картину. Італія не имѣла и тѣни самостоятельности. Вѣнскій конгрессъ, на которомъ Меттернихъ произнесъ извѣстную фразу: «L'Italie n'est qu'une expression géographique» (Італія не что иное, какъ географическій терминъ), довершилъ порабощеніе Італіи. Подъ прямымъ австрійскимъ владычествомъ очутились цѣлующая Ломбардія и Венеціанская область; остальные земли Італіи были подъ вос-

веннымъ вліяніемъ той же Австріи, олицетворявшей злѣйшую реакцію, или подъ гнетомъ домашнихъ реакціонныхъ правительствъ, или подъ клерикальнымъ правленіемъ папы и кардиналовъ. Національное чувство, старательно подавляемое, вырывалось революціонными вспышками,—но онѣ были безплодны. Уже въ 1820 г. въ Неаполѣ и въ другихъ итальянскихъ государствахъ была сдѣлана попытка свергнуть тяжелое иго, но кратковременная вспышка была скорѣ залита кровью патріотовъ, и затѣмъ наступила еще сильнѣйшая реакція. Тюрьмы переполнились компрометированными патріотами и «подозрительными»; многие спѣшили удалиться изъ Италіи, спасаясь отъ преслѣдованій; мучества конфисковались и смертныя приговоры шли одинъ за другимъ. Рядомъ съ кровавыми драмами не было недостатка и въ комическихъ проявленіяхъ реакціонной злобы: на площадяхъ жгли сочиненія Вольтера и Руссо. Многие университеты были на время закрыты и въ видѣ наказанія; и въ видахъ ихъ преобразованія. По вновь изданнымъ университетскимъ правиламъ, профессора и студенты были поставлены подъ строгій правительственный надзоръ, примѣняемый также и ко всѣмъ остальнымъ учебнымъ заведеніямъ. Придирчивая и фарисейская цензура тяготѣла надъ печатью. Полиція преслѣдовала и тѣснила всѣхъ подозрѣваемыхъ въ принадлежности къ «либеральной партіи». О живнѣи общественномъ не могло быть и рѣчи тамъ, гдѣ не было свободы печати. Мѣсто его заступили тайныя общества, которыя и распространились тогда по всей Италіи густою сѣтью. Изъ числа ихъ особенно выдавались разившіяся во время владычества французовъ въ Италіи общества карбонаріевъ и масоновъ.

Что касается въ частности родины Джусти — Тосканы, то, хотя здѣсь не было такого военнаго деспотизма, какъ въ Ломбардіи; или деспотизма клерикальнаго, какъ въ Римѣ; или бюрократическаго, какъ въ Неаполѣ или Пьемонтѣ, но тѣмъ не менѣе и здѣсь въ общихъ чертахъ общественная жизнь представляла ту же мрачную картину, какъ и въ остальныхъ итальянскихъ государствахъ. Правда, министръ великаго герцога Фердинанда III (сына Леопольда I; доставившаго Тосканѣ кодексъ законовъ, считавшихся образцомъ мудрости и справедливости) — извѣстный Витторіо Фоссомброни, былъ выдающійся государственнй дѣятель. Онъ старался охранять внѣшнюю политическую самостоятельность Тосканы противъ австрійскихъ притязаній, давалъ въ 1820 г. убѣдительное въ Тосканѣ политическимъ изгнанникамъ изъ Неаполя и другихъ итальянскихъ государствъ, а въ 1831 г.; въ эпоху повсемѣстныхъ революціонныхъ вспышекъ,

не согласился просить вмѣшательства Австріи. Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ, Фоссомброни былъ слишкомъ властолюбивъ, чтобы вступить на путь широкихъ внутреннихъ реформъ, которыя могли бы ограничить его власть. Скептикъ по природѣ — хотя добрый и мягкій — онъ старался по возможности лишить свое отечество политической жизни, подвергнувъ печать надзору строгой цензуры и ограничивъ права общинъ.

Съ этимъ порядкомъ вещей соединялась очень естественно испорченность бюрократіи, дѣятели которой прокладывали свой служебный путь интригами; и наконецъ, вся страна находилась въ рукахъ полиціи, такъ-называемыхъ сбирровъ. Эта каста шпионовъ, хотя и презираемая, и дурно оплачиваемая, все же имѣла надзоръ надъ должностными лицами и проявляла свою власть надъ всѣми гражданами; шпионы проникали всюду, во всѣ сферы, и даже въ частную жизнь; они подслушивали, доносили и дѣлали обыски. Когда въ обществѣ тѣмъ не менѣе стали проявляться проблески воспримчивости къ новымъ идеямъ, полиція сдѣлалась еще подозрительнѣе; послѣ временнаго возбужденія 1830—1831 годовъ, вся страна погрузилась снова въ полную апатію и сонъ. Нигдѣ во всей Италіи не былъ замѣтенъ такой нравственный упадокъ общества, какъ именно въ Тосканѣ.

Пробудить общество къ болѣе возвышеннымъ цѣлямъ и стремленіямъ взяла на себя такъ-называемая «молодая литература». Гверрацци, Никколини и въ особенности Джусти пытались вызвать и подготовить нравственное и политическое возрожденіе страны. Историческая заслуга Джусти передъ своимъ обществомъ и народомъ теперь единогласно признана въ Италіи. Дѣйствительно, изъ числа поэтовъ, стоявшихъ во главѣ умственнаго движенія въ Италіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія, никто, по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ, не подходитъ ближе къ нашему времени, чѣмъ Джусти. Но только очень недавно онъ приобрѣлъ должную извѣстность за пределами своей родины. Это происходило отъ разныхъ причинъ. Главной изъ нихъ является содержаніе и въ особенности литературная форма и языкъ его произведеній. Главная сила Джусти есть политическая сатира и естественно, что его произведенія часто носятъ такую сильную мѣстную окраску, которая затрудняетъ ихъ пониманіе для чуждой публики. Но при всей мѣстной окраскѣ, сатиры Джусти, какъ истинно-художественныя произведенія, отличаются и широкимъ обще-человѣческимъ значеніемъ, не зависящимъ отъ даннаго времени и мѣста. Наконецъ, ихъ литературная форма представляетъ читателю не-итальянцу нелегко

преодоливаемые трудности. Джусти был новаторъ въ литературномъ языкѣ. Онъ вводитъ въ свои стихотворенія множество чисто-мѣстныхъ, народныхъ выраженій и оборотовъ тосканской рѣчи. Весьма общительный по природѣ, онъ охотно вступалъ въ бесѣды съ простымъ народомъ, съ поселянами, рабочими. Въ Пешин его лучшими друзьями были бапшачникъ и булочникъ. Посѣщая высшее общество и изучая его нравы, дававшіе ему обильный матеріалъ для сатиры, Джусти изучалъ въ то же время языкъ, нужды и бытъ народа, заимствуя у него многіе образные и картинные обороты рѣчи. «Когда я сажусь писать, — говорилъ онъ, — то облакаюсь въ простонародное платье, поступаю какъ разъ наоборотъ съ тѣми, которые въ подобныхъ случаяхъ надѣваютъ фракъ, перчатки и лакированные сапоги». — Эта трудность понять весь смыслъ произведеній итальянскаго сатирика, поэтическая сила и оригинальность котораго заключаются часто именно въ непередаваемомъ совершенствѣ формы, въ тонкости и образности языка, и была причиной, почему за предѣлами Италіи Джусти долго не находилъ справедливаго признанія. Даже въ Италіи, гдѣ уже оцѣнены его поэтическое значеніе и заслуги въ дѣлѣ политическаго возрожденія страны, есть до сихъ поръ не мало людей, напр., въ Ломбардіи и Римѣ, которые все еще не свыклись съ «тосканизмами» языка Джусти. Болѣе широкой популярности Джусти мѣшаетъ именно то, чѣмъ онъ искалъ себѣ любви своихъ ближайшихъ соотечественниковъ; но эта популярность все растетъ: цитата изъ Джусти дѣлается обычной, и нѣтъ современнаго писателя, духъ котораго проникъ бы глубже въ самую плоть и кровь его народа, чѣмъ пропитанный возвышеннымъ сарказмомъ, глубокой душевной горечью и благородной рѣзкостью духъ Джусти.

Вскорѣ послѣ смерти Джусти (13 марта 1850), появилась въ *Revue des Deux Mondes* статья извѣстнаго французскаго критика Гюстава Планша <sup>1)</sup>, которая можетъ наглядно показать, какъ Джусти былъ мало понятенъ въ чужомъ обществѣ. Французскій критикъ отнесся къ Джусти и его произведеніямъ весьма холодно и несочувственно. По мнѣнію его, Джусти былъ только нѣчто въ родѣ импровизатора, безъ глубины мысли, безъ изящества стиля, картинности и красоты языка; онъ утверждалъ, что стихи итальянскаго сатирика не проживутъ долго,

<sup>1)</sup> R. d. D. M. 1850, т. VIII.

и уверкалъ итальянцевъ въ преувеличеніи достоинствъ Джусты. На статью Платина отвѣтилъ блестящимъ возраженіемъ извѣстный итальянскій патриотъ, другъ Джусты, маркизъ Джованно Каппони; этотъ отвѣтъ былъ затѣмъ помѣщенъ въ полномъ собраніи произведеній Джусты, изданномъ въ 1852 г. у Лемоннье, во Флоренціи. — Въ Германіи, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ итальянской исторіи и литературы, Реймонтъ посвятилъ Джусты нѣсколько страницъ <sup>1)</sup>, отдавая ему справедливую дань уваженія, какъ поэту и человеку. — Затѣмъ явился прекрасный нѣмецкій переводъ стихотвореній Джусты, сдѣланный нѣмѣцкимъ Павломъ Гейзе. Еще въ 1858 г. Гейзе перевелъ и напечаталъ нѣсколько сатиръ Джусты; но эти первые опыты были приняты весьма недружелюбно нѣмецкимъ обществомъ. Правда, въ выбранныхъ Гейзе сатирахъ оказался, между прочимъ, возгласъ итальянскаго поэта: «non vogliam tedeschi» («намъ не надо нѣмцевъ»), не пришедшійся по вкусу нѣмецкому псевдо-патріотизму; притомъ, переводы явились незадолго передъ итальянскою войною за независимость, и общественное настроеніе въ Германіи было слишкомъ возбуждено въ пользу австрійскаго господства въ Италіи. Но первая неудача не остановила переводчика. Въ теченіе 18 лѣтъ онъ неутомимо изучалъ своего любимого поэта, и наконецъ, въ 1875 г. издалъ почти полный переводъ стихотвореній Джусты. Переводъ Гейзе очень хорошъ, по возможности онъ близокъ къ подлиннику и, что особенно важно, даетъ навѣрное правильное понятіе о поэтическомъ характерѣ итальянскаго сатирика. Въ предисловіи къ изданію Гейзе выражаетъ свою благодарность надуанцу Вернардино Земпини, на рассмотрение котораго онъ отдавалъ свой трудъ и который помогъ ему вѣрно уразумѣть Джусты. Дѣйствительно, не легко было бы отыскать человека болѣе авторитетнаго въ этомъ дѣлѣ. Земпини не только итальянскій поэтъ новаго направленія, старающійся отдѣлаться отъ традиціоннаго академическаго стиля, не только послѣдователь Джусты, изучившій съ любовью его произведенія, но вмѣстѣ и коренной знатокъ нѣмецкаго языка и литературы. Его замѣчательный переводъ Гейзе (1866 г.) произвелъ большую сенсацію въ Италіи и чуть ли не перевернулъ въ ея литературномъ мірѣ.

Полной и обстоятельной біографіи Джусты еще нѣтъ до сихъ поръ. Жизнь его такъ тѣсно связана съ политическими судьбами Италіи, что Гейзе справедливо замѣчаетъ, что біографіей поэта

<sup>1)</sup> A. v. Reumont, Beiträge zur italienischen Geschichte, VI, 1857, стр. 368 и слѣд.

могла бы быть подробная история его времени, тѣхъ двадцати лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ облакалъ въ поэтическія формы и тайны, и явныя движенія народнаго духа. Нѣкоторые изъ друзей и единомышленниковъ итальянскаго сатирика: Леопольдъ Чампини, Джованни Фрасси, Эмрико Майеръ, Джозуэ Кардуччи подѣлились уже съ публикой своими воспоминаніями о Джусти и сгруппировали нѣсколько чертъ къ характеристикѣ его эпохи. Издавъ въ двухъ томахъ весьма интересная переписка поэта. Г-жа Гарнеръ, англичанка, проводившая почти всю свою жизнь во Флоренціи, напечатала очень любопытную книгу, содержащую въ себѣ довольно подробный и обстоятельный очеркъ жизни и аналѣзъ Джусти, многочисленныя выдержки изъ его писемъ, очеркъ политическаго положенія страны и переводы отдѣльных его стихотвореній<sup>1)</sup>. Авторъ этой книги относится съ живѣйшей симпатіей къ поэту и къ идеямъ, которымъ онъ посвятилъ всю свою жизнь.

Изъ нашей литературы Джусти почти совершенно неизвѣстенъ, что и побудило насъ, хотя вкратцѣ, познакомить читателей съ біографіей и произведеніями итальянскаго сатирика.

Джузеппе Джусти родился 13 мая 1809 г. въ небольшомъ мѣстечкѣ Монсуммано, недалеко отъ Флоренціи, на дорогѣ въ Пезіно. Семейство Джусти было весьма зажиточно, пользовалось общимъ уваженіемъ и насчитывало въ своей средѣ не мало выдающихся людей. Дѣдъ его, съ отцовской стороны, былъ министромъ и другомъ Леопольда I, и преимущественно благодаря ему, этотъ государь произвелъ тѣ либеральныя реформы, которыя дали ему почетное имя въ Италіи. Дядя, Луиджи Джусти, былъ ученый юристъ и любитель литературы. Мать, Эстеръ Кити, отличалась для своего времени образованіемъ и начитанностью, а ея отецъ, Челестино Кити, находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ историкомъ Сисмонди, занималъ видный административный постъ въ началѣ столѣтія. Маленькій Джузеппе—кудрявый, живой и шаловливый мальчикъ—получилъ первоначальное воспитаніе въ родительскомъ домѣ, подъ присмотромъ приставленнаго къ нему гувернера-аббата, у котораго, впрочемъ, по словамъ поэта, онъ ничему не научился, и который, вромѣ того, весьма дурно съ нимъ обращался. Затѣмъ Джузеппе, 12 лѣтъ, былъ отправленъ во Флоренцію, въ учебное заведеніе Пуцаньи.

<sup>1)</sup> Susan Harper, The Tuscan poet Giuseppe Giusti and his times, 1864.

Въ числѣ его учителей былъ здѣсь нѣкто Андреа Франціони, восторженный поклонникъ Виргилія и Петрарки, — Джустини всю свою жизнь сохранилъ къ нему самую тѣсную дружбу и въ одномъ изъ своихъ писемъ отзывается о немъ слѣдующимъ образомъ: «Андреа Франціони былъ первый и единственный человекъ, сумѣвшій пробудить во мнѣ стремленіе и любовь къ занятіямъ и къ наукѣ. Если я впоследствии сталъ чѣмъ-нибудь, то этимъ я обязанъ исключительно ему. Онъ — мой первѣйшій другъ, истинный мой благодѣтель». Но къ сожалѣнію, школа Цуканьи была закрыта черезъ десять мѣсяцевъ послѣ поступленія туда Джустини, и онъ былъ отправленъ отцомъ сначала въ школу въ Пистойю, а вскорѣ затѣмъ въ Лукку. Здѣсь Джустини повиданному учился лѣниво, но подъ конецъ подружился съ однимъ изъ товарищей — Джакомо Баратта, и вмѣстѣ съ нимъ засѣлъ съ удовольствіемъ за книги. Въ ноябрѣ 1826 г. онъ перешелъ въ университетъ въ Пизу, гдѣ по желанію отца сталъ изучать юридическія науки. Въ стихотвореніи: «Воспоминанія о Пизѣ», Джустини сознается, что всѣ годы университетскаго курса онъ употребилъ лишь на изученіе «книги жизни», а учебники валялись забытыми въ углу. Въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей, Аппо Вануччи, Джустини, сообщая краткій автобіографическій очеркъ и говоря о себѣ съ самой задушевною простотою и откровенностью, пишетъ слѣдующее: «Проведши три года университетскаго курса самымъ безпорядочнымъ образомъ, я отправился въ Пешію, гдѣ жило мое семейство и гдѣ я потратилъ еще девять мѣсяцевъ въ ничего-недѣланіи, скучая и ведя неправильный и безцѣльный образъ жизни. Разныя глупости и нѣкоторыя маленькія непріятности, которымъ я придавалъ тогда большое значеніе, между тѣмъ какъ теперь понимаю всю ихъ ничтожность, снова заставили меня уѣхать въ Пизу, а оттуда во Флоренцію, и зачислиться тамъ подъ знамя Юстиніана. Получивъ докторскій и адвокатскій дипломы и имѣя ихъ теперь при себѣ, я, впрочемъ, никогда не воспользовался ими ни для подписи, ни даже для визитныхъ карточекъ. Я никогда не питалъ особенной увѣренности или большихъ надеждъ относительно себя, но въ то время я ставилъ себя такъ не высоко, что внутренно смѣялся надъ тѣмъ, кто говорилъ мнѣ, что изъ меня что-то можетъ выйти. Я чувствовалъ лишь одно — непреодолимое влеченіе болтать о литературѣ, заниматься поверхностнымъ чтеніемъ и писать то прозой, то стихами; но я кончалъ всегда тѣмъ, что бросалъ книги и исписанные листки въ уголъ и снова становился ни о чемъ недумующимъ лѣнтяемъ, занятіе, къ которому, говоря откровенно,

я всегда имѣлъ нѣкоторую склонность. Съ 1831 г., работая безъ всякаго руководства и опредѣленнаго плана, я отъ времени до времени писалъ политическія стихотворенія по поводу тогдашнихъ дѣлъ, и скорѣе благосклонность друзей, чѣмъ собственная увѣренность, указывала мнѣ на то, что для меня можетъ открыться новый путь. Одно время я пренебрегъ этого рода призваніемъ, потомъ вернулся къ нему почти насильственно, въ видѣ опыта, не будучи убѣжденъ, что достигну какого-нибудь результата, и годъ за годомъ продолжалъ свои занятія, безъ всякаго тщеславія, безъ личной ненависти къ кому бы то ни было и не принимая за чистую монету похвалы, расточаемыя мнѣ друзьями по поводу моихъ стихотвореній, и ихъ предсказанія о славѣ, ожидающей будто бы меня впереди.

Отличаясь всегда особой способностью легко сходиться съ людьми, Джусти уже въ университетѣ былъ центромъ цѣлаго кружка молодежи. Но среди всякихъ развлеченій и шалостей, онъ, хотя и мало занимаясь университетскимъ курсомъ, усердно изучалъ заброшенныхъ имъ въ школѣ Виргілія и Горация, и особливо Данта, просиживая надъ нимъ дни и ночи. Джусти и впоследствии носился съ мыслью написать подробный комментарий къ «Божественной Комедіи», и въ посмертномъ изданіи его сочиненій напечатаны весьма цѣнные отрывки этой задуманной имъ работы.

Поэтический талантъ Джусти выказался уже очень рано. Тринадцати лѣтъ онъ уже написалъ стихотвореніе «Вавилонское столпотвореніе». Въ юности, онъ вообще писалъ много, но эти первые поэтическіе опыты затерялись; самое раннее, сохранившееся стихотвореніе относится ко времени его студентства, это—«Жалоба импрессаріо Рикатто», снявшаго театръ въ Пизѣ въ 1833 г. Этотъ импрессаріо Рикатто былъ очень извѣстный въ Пизѣ извозчикъ, которому вдругъ вздумалось заняться театромъ. Дѣла его пошли плохо, несмотря на сочувствіе молодежи, являвшейся толпами въ театръ и горячо аплодировавшей актерамъ. По поводу этихъ рукоплесканій произошло первое столкновеніе Джусти съ полиціей, почуявшей нѣчто революціонное въ этомъ проявленіи сочувствія молодежи. «Въ 1833 г.,—пишетъ Джусти въ письмѣ въ одному пріятелю,—когда я былъ студентомъ въ Пизѣ, я, вмѣстѣ со многими другими, былъ однажды призванъ передъ грозныя очи полицейскаго комиссара, какъ нарушитель общественной тишины. Припутнувъ меня арестомъ и исключеніемъ изъ университета, если я впредь не буду согласовать музыкальныхъ моихъ взглядовъ съ музыкаль-



нымъ вкусомъ г. полицейскаго комиссара; онъ спросилъ меня, имѣю ли я что сказать. «Ничего не имѣю,—отвѣтилъ я,—за исключеніемъ развѣ лишь того, что въ тотъ вечеръ я вовсе не былъ въ театрѣ». — «Какъ такъ? Вѣдь нмѣ ваше стоитъ же въ поданномъ мнѣ спискѣ?» — «Изъ этого слѣдуетъ только то,—отвѣтилъ я,—что господа полицейскіе агенты и шпионы такъ много думаютъ обо мнѣ, что они видятъ меня и тамъ, гдѣ меня вовсе нѣтъ». При этихъ словахъ полицейскій комиссаръ страшно разсердился, но я сохранилъ полнѣйшее хладнокровіе и привелъ въ свидѣтели графа Мастан, у котораго мой судья часто обѣдалъ. При этомъ въ памяти его воскресло представленіе о цѣломъ рядѣ вкусныхъ блюдъ, уже съѣденныхъ имъ за графскимъ столомъ, и о тѣхъ, которыя ему еще предстояло тамъ съѣсть; онъ внезапно переѣмѣнилъ тонъ и сказалъ:—Идите и считайте сегодняшнюю нашу бесѣду отеческимъ вамъ предостереженіемъ».

Получивъ докторскій дипломъ, Джусти уѣхалъ во Флоренцію, съ сожалѣніемъ разставшись съ Пизой; о чемъ онъ самъ рассказываетъ въ стихотвореніи: «Разлука съ Пизой». Во Флоренцію Джусти прибылъ въ 1834 г., 25-ти лѣтъ отъ роду, и поступилъ здѣсь для юридической практикѣ къ извѣстному въ то время адвокату Калекадри, сдѣлавшемуся впоследствии министромъ юстиціи. Но и тутъ, какъ въ университетѣ, Джусти мало занимался юридическими предметами: по утрамъ онъ читалъ Данте, а по вечерамъ бывалъ въ обществѣ и всячески развлекался. Въ это время онъ именно попалъ въ кругъъ преслѣщенныхъ людей его времени, что не осталось безъ вліянія на развитіе его таланта. Литературнымъ центромъ былъ тогда домъ Вьёссѣ (Viussieux), женева по происхожденію, давнѣ поселившійся во Флоренціи: Вьёссѣ, имя котораго вошло въ исторію итальянской литературы и многіе десяти лѣтъ было популярно во Флоренціи, собиралъ у себя общество литераторовъ, по преимуществу либераловъ, хотя допускались всѣ отбѣжки мѣтѣй. Вьёссѣ въ молодости много путешествовалъ; но въ 1820 г. окончательно основался въ тосканской столицѣ, открылъ книжный магазинъ и бібліотеку, и сталъ издавать журналъ «L'Antologia», гдѣ появлялись статьи лучшихъ итальянскихъ писателей того времени. Въ 1833 г. по приказанію великаго герцога, изданіе это было закрыто. Въ числѣ замѣчательныхъ людей, участвовавшихъ въ «Antologia» или встрѣчавшихся въ салонѣ Вьёссѣ, особенно выдавались маркизъ Ридонифи, извѣстный основатель образцовыхъ фермъ въ Италіи; Джинно Кап-

пони, известный патриотъ, человекъ, ученый и утонченно-образованный; Менцини, переводчикъ Гомера; Теренціо Маміани, впоследствии министръ Пизы IX; Гверрацци, известный романистъ и потомъ глава демократической партіи въ Тосканѣ; Монтанелли, изъ Пизы, — музыкантъ, поэтъ и профессоръ въ 19 лѣтъ, — впоследствии игравшій роль въ исторіи тосканской революціи; Никколо Томмасео, итальянскій и славянскій поэтъ и прославленный патриотъ, и наконецъ знаменитый основатель тайнаго общества: «Молодая Италия», — Джузеппе Мадзини.

Во Флоренціи, Джусти стало все болѣе и болѣе уясняться настоящее его призваніе и въ душѣ его назрѣвало рѣшеніе посвятить себя исключительно литературѣ. Джусти былъ еще студентомъ, когда и въ Италиі возмолвала умы июльская революція. Но, какъ извѣстно, итальянское движеніе этого времени не привело, ни къ какимъ результатамъ; надежды либеральной партіи скоро погасли; общество снова погрузилось въ тяжелую летаргію, и только очень немногіе, не обманутые этой кажущейся тишиною, сохраняли вѣру въ близость лучшихъ дней, стараясь поддержать эту вѣру, и въ другихъ и подготовить себя и народъ къ достойному воспріятію свободы. Въ числѣ этихъ немногихъ былъ и Джусти;

Перваго марта 1835 г. умеръ императоръ Францъ I. Нѣсколько дней спустя, во Флоренціи, стали ходить по рукамъ рукописные экземпляры стихотворенія, неизвѣстнаго автора, подъ заглавіемъ: «Dies irae». Въ стихотвореніи передавалось впечатлѣніе, произведенное въ Европѣ смертью австрійскаго владетеля, считавшагося главнымъ столпомъ реакціи; страхъ, охватившій при этомъ извѣстн дворы; быстро воспламенившіяся надежды народовъ, и немедленное возвращеніе къ прежнему порядку вещей, такъ какъ за возгласомъ: «le roi est mort», тотчасъ же раздается и другой: «vive le roi». Великія державы облеклись въ трауръ по случаю этой кончины, но итальянскіе патриоты въ восторгѣ отъ смерти деспота; поэтъ совѣтуетъ однако тиранамъ, Италиі не терять надежды; итальянская нація все еще погружена въ сонъ.

Сладость, мѣткость и звучность стиховъ и нѣсколько циническая, но вмѣстѣ съ тѣмъ не лишенная граціозности смѣлость, и небывалая до той поры простота языка—все это, по словамъ одного изъ біографовъ Джусти, возбудило въ обществѣ «una specie di stupore», «нѣкотораго рода оцѣнѣніе». Впечатлѣніе усиливалось таинственностью, окружавшей распространеніе рукописнаго стихотворенія, которое, конечно, не могло быть напечатано.

Въ 1836 г. изъ числа нѣсколькихъ стихотвореній, написанныхъ Джусти, имѣлъ особенный успѣхъ «Сапогъ» («Lo stivale»), которому давно уподобляютъ Италію, по фигурѣ ея географическаго положенія. Въ уста этого сапога поэтъ вложилъ сатирическій перечень всѣхъ событій итальянской исторіи. «Io non son della solita vachetta» — «я не пригоденъ на всякую ногу», такъ начинается «сапогъ» свое повѣствованіе и объясняетъ, что онъ спитъ прочно, искусной рукой, удобенъ и для охоты, и для войны, и что многіе безумцы, примѣравшіе его, могутъ засвидѣтельствовать о его достоинствахъ. «Слишкомъ длинно было бы, еслибы я сталъ перечислять всѣхъ, пытавшихся овладѣть мною, и потому я ограничусь переименованіемъ лишь самыхъ извѣстныхъ случаевъ, какъ я переходилъ отъ вора къ вору (come passai di ladro in ladro). Съ самаго начала (еще при римлянахъ) я вдругъ понесся во всю прыть, и потерявъ отъ собственной тяжести равновѣсіе, упалъ, — растанувшись во весь ростъ. Тогда на меня накинудись со всѣхъ сторонъ. Прежде всего попъ ухватился за меня, но почувствовавъ, что я ему не по ногѣ, предоставилъ меня въ добычу другимъ. Германецъ пожелалъ захватить меня, но долженъ былъ вернуться во-свои ни съ чѣмъ, и въ теченіе цѣлаго столѣтія я былъ въ распоряженіи у простыхъ купцовъ (венеціанскихъ, генуэзскихъ, флорентинскихъ). Занятые торговлею, они заботливо охраняли меня и держали въ хорошемъ состояніи. Но разбогатѣвъ, она пожелала разукрасить меня, и выигравъ съ виду, я сдѣлался менѣе прочнымъ», и т. д.

«Теперь, злѣйшій его врагъ — попъ, которому, впрочемъ, — какъ утверждаютъ нѣкоторые нео-католическіе поѣты, — по церковнымъ законамъ воспрещается носить сапоги. Весь изорванный и брошенный въ пренебреженіи, сапогъ ждетъ лишь теперь того, чтобы его починили и чтобы его обула какая-нибудь — конечно не французская и не нѣмецкая — а итальянская нога». Оканчивается стихотвореніе словами:

«Взгляните — здѣсь я голубого цвѣта, тамъ краснаго и бѣлаго, тутъ желтаго и чернаго; словомъ — истинный арлекинъ. Если же вы хотите меня починить настоящимъ образомъ, то, осторожно и съ любовью, спейте меня изъ одного куска и одного цвѣта».

Эти мысли объ единствѣ Италіи, подсказываемыя въ шутилой формѣ, уже назрѣвали въ обществѣ, но Джусти высказалъ ихъ во всеуслышаніе, и это дало его стихотворенію чрезвычайную популярность. Она распространилась далеко за предѣлы Тос-

кавы: всё восхищались «*Lo stivale*», и слава автора росла съ каждым днемъ. Всякое новое его произведеніе тотчасъ ходило по рукамъ и переписывалось старыми и молодыми. Стихи его читались всюду и были хорошо извѣстны всѣмъ, даже крестьянамъ. Одинъ изъ біографовъ Джусти, Карлуччи, описываетъ въ слѣдующихъ строкахъ возбужденіе, произведенное въ Италіи стихами Джусти.

«Стихи Джусти понимались и прилипли по вкусу не только образованному классу, но и поселянамъ. Хотя они и не были напечатаны, а ходили въ рукописяхъ, тѣмъ не менѣе они читались всюду—и въ цвѣтущей долинѣ Арно, и среди лѣсовъ гористой Пистойи, и въ равнинѣ пизанскаго побережья. Друзья передавали ихъ одинъ другому какъ драгоценность, отцы дѣлали видъ, что не замѣчаютъ ихъ въ рукахъ сыновей. Они читались и въ длинные зимніе вечера, во время посидѣлокъ, и въ прекрасные весенніе дни, подъ тѣнью орѣховыхъ деревьевъ. Пишущій эти строки ясно помнитъ, какъ еще мальчикомъ его въ отдаленной деревушкѣ таскали по столарнымъ и башмачнымъ мастерскимъ, заставляя пересчитывать и комментировать поэзію Джусти».

Въ 1837 г. было написано стихотвореніе, озаглавленное: «*A San Giovanni*». Тогдашняя флорентинская золотая монета (руполъ, равняющійся почти 17 франкамъ) носила на обѣихъ сторонахъ изображеніе св. Іоанна Крестителя, патрона города. На эту тему Джусти написалъ картину продажности, взяточничества и нравственного упадка общества, въ которомъ деньги являлись единственнымъ путемъ, ведущимъ къ почестямъ, благосостоянію и власти. Стихотвореніе кончается возгласомъ:

Ah! predicare la Bibbia o l'Alcorano,  
San Giovanni, mio caro, e tempo perso,  
Mostrateci la borsa, e l'universo  
Sarà Cristiano.

(Проповѣдовать библію или алькоранъ, дорогой мой св. Іоаннъ—потеряное время; покажите намъ лишь кошелекъ—и весь міръ обратится тотчасъ же въ христіанъ).

Въ 1838 г. появились нѣсколько новыхъ произведеній и между ними «*Apologia del Lotto*» (Восхваленіе лоттерей). Извѣстно, что казенная лоттерейная игра, чрезвычайно распространенная въ Италіи тогда и послѣ, и несомнѣнно деморализовавшая народъ, поддерживалась правительствомъ, такъ какъ доставляла казнѣ большой доходъ. Лѣнь и расточительность и рядомъ бѣдность низшихъ классовъ росли и множились по всей Тосканѣ,

и однимъ изъ источниковъ этого зла была въ сильной мѣрѣ лоттерея. Въ поэмѣ «Il Sortilegio» («Колдовство»), написанной нѣсколько лѣтъ спустя, Джусти снова возвращается къ этому предмету, описывая разореніе счастливой крестьянской семьи отъ лоттерейной игры. «Вотъ лоттерея идетъ селиться среди нихъ, лоттерея игра императорская и королевская, и весь ихъ покой, и все ихъ честное житье рушится внезапно со всѣмъ ихъ остальнымъ достоинствомъ».

Въ концѣ того же 1838 г. Джусти написалъ «L'Incoronazione», на случай праздника коронаціи австрійскаго императора Фердинанда. Стихотвореніе это, одно изъ наиболѣе художественныхъ по формѣ, а по содержанію изъ наиболѣе рѣзкихъ и раздражающихъ, надѣлало много шума. Джусти самъ считалъ эту сатиру однимъ изъ удачѣйшихъ своихъ произведеній. «Эти стихи, — пишетъ онъ къ одному изъ друзей, — нѣсколько выше остальныхъ. Это родъ сатиры, перешагнувшей въ лирическую область». Джусти упрекаетъ здѣсь мелкихъ итальянскихъ государей, что они виной національнаго притѣвленія Италіи, такъ какъ они сами смотрятъ на себя, какъ на вассаловъ германскаго императора, и преклоняютъ передъ нимъ колѣни. Изображая съ злой насмѣшкой рядъ итальянскихъ государей, собравшихся кругомъ новаго императора, Джусти укоряетъ ихъ за униженіе и нищету народа, за холодный эгоизмъ.

Въ 1839 г. Джусти написалъ пьесу «La Vestizione» («Орденскій праздникъ»), гдѣ въ звучныхъ, изящныхъ и непереводимыхъ строфахъ обличаетъ денежную аристократію. Содержаніе стихотворенія заключается въ слѣдующемъ: лавочникъ Бецери, путемъ ростовщичества и обмана ставшій миллионеромъ, внесъ, куда слѣдуетъ, надлежащую сумму и посвящается въ рыцари тосканскаго ордена св. Стефана. Посвященіе происходитъ въ церкви и сопровождается торжественнымъ церковнымъ богослуженіемъ, въ теченіе котораго Бецери вдругъ представляется страшное видѣніе: окружающіе его рыцари и священнослужители превращаются въ ужасные привраки, а на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла чаша съ св. причастіемъ, появляется фигура, олицетворяющая ростовщичество. Испуганный Бецери хочетъ бѣжать; но мысли его еще болѣе путаются и вмѣсто церкви онъ видитъ себя уже на судѣ, въ качествѣ подсудимаго, а потомъ и на мѣстѣ казни. За этимъ видѣніемъ слѣдуетъ опять новое: разбогатѣвшаго ростовщика окружаетъ толпа аристократовъ, которые смѣются надъ вчерашнимъ лавочникомъ, желающимъ втереться въ кругъ рыцарей высокаго ордена, и напоминаютъ ему его позорное прош-

ное. Еще далѣе, Бецери окруженъ старыми товарищами и друзьями, которые перечисляютъ его грязныя дѣла, пока, наконецъ, съ окончаніемъ церковнаго торжества, Бецери не пробуждается отъ своихъ ужасныхъ видѣній.

Въ письмѣ къ Александру Манцони, Джусти замѣчаетъ по поводу этой пьесы: «Мнѣ могутъ замѣтить, что «Орденскій праздникъ» — сатира исключительно тосканская, съ чисто мѣстнымъ значеніемъ, такъ какъ мишенью ея служить орденъ св. Стефана. Но я на это отвѣтилъ бы: во всемъ мірѣ найдется безчисленное множество людей, изъ грязи и позора добравшихся до высшихъ почестей и орденовъ, и если моя сатира имѣетъ дѣйствительно значеніе, то она въ сущности могла бы быть названа европейскою, а не тосканскою... Правда, я мѣтилъ на злоупотребленіе, бывшее въ ходу въ Тосканѣ, но въ то же время и на разжившихся дѣльцовъ съ туго набитыми кошельками во всемъ мірѣ. И дѣйствительно, развѣ эти господа, на которыхъ смотрятъ косо въ томъ общественномъ слоѣ, въ который они стараются втереться, и осмѣиваютъ въ томъ, отъ котораго они пытаются отстать — не принуждены пріютиться подъ крыло абсолютизма, забывающаго ихъ низости и позорные поступки, лишь бы только росло число его ливрейныхъ прислужниковъ?.. А между тѣмъ, здѣсь у насъ, когда пройдетъ слухъ, что тотъ или тотъ имѣетъ намѣреніе сдѣлаться рыцаремъ ордена св. Стефана, его обзываютъ уже теперь «новымъ Бецери», и еслибъ съ моей стороны не было нескромности, я повторилъ бы слышанное кругомъ себя, а именно: будто нѣкоторые лица, желавшія украсить себѣ грудь купленнымъ орденомъ, отказывались отъ этого намѣренія изъ опасенія услышать за спиной слова: «salute a Vesego, viva il Droghiere».

Въ 1840 г. наибольшее вниманіе привлекло къ себѣ стихотвореніе: «Il Brindisi di Girello» (Тостъ Джирелло), иронически посвященное «памяти Талейрана». Здѣсь выводится на сцену политическій шарлатанъ, который, смотря по обстоятельствамъ — что въ данную минуту ему выгодно — является то въ маскѣ либерала, то въ личинѣ реакціонера. Джирелло умѣлъ удобно устроиться при всякихъ перемѣнахъ правительства, и въ минуту слабости, выпивъ лишній стаканъ вина, высказываетъ правила, которыми онъ руководствовался всю жизнь: «Во время революціи, — признается онъ, — я держалъ въ карманѣ, на подобіе компаса, десять, двѣнадцать разнородныхъ кокардъ. Если падала власть церкви, я тотчасъ превращался въ яраго атеиста, расхищалъ церковное имущество, грабилъ монастыри и прибиралъ въ свои

руки золотыя лампы, образа Спасителя и всякую дорогую церковную утварь. Когда же снова побѣждала реакція, я принимался воздвигать висѣлицы, служа вѣрой и правдой папѣ и моему государю, какъ подобаетъ всякому доброму христіанину. Краденное добро не становилось мнѣ поперекъ дороги, такъ какъ защищая тронъ и алтарь, я нѣкогда не возвращалъ похищеннаго. Джирелло произноситъ съ полнѣйшимъ спокойствіемъ свой тостъ: «Да здравствуютъ арлекины и маріонетки, и большія, и маленькія; да здравствуютъ маскарады всѣхъ странъ: революціонныя юнты, клубы, государи и церкви!»

Въ отрывкѣ неоконченнаго предисловія, который найденъ былъ въ посмертныхъ бумагахъ Джусти и предназначался для полнаго изданія его стихотвореній, онъ говоритъ о «Тостѣ Джирелло», вмѣстѣ съ двумя другими сатирами: «Космополиты» («Gli Umanitari») и «Король Чурбанъ» («Il Re travicello»), написанныхъ имъ въ 1841 г.: «Быть можетъ, авторъ ослабленъ отеческою нѣжностью, но онъ думаетъ, что «Brindisi di Girello» — одно изъ лучшихъ его произведеній, и что въ этихъ немногихъ строкахъ ему удалось какъ нельзя ближе выразить свою мысль. Мнѣ кажется также, что обуявшій насъ духъ космополитизма, легкость, съ которою мы мѣняемъ знамя, и наша привычка быть вѣчно негодующими, недовольными и вмѣстѣ съ тѣмъ безпечными и безсильными подданными требовательныхъ и неспособныхъ правителей — наиболѣе чувствительныя наши язвы, и я думаю, что упомянутыя три сатиры, спокойно и безстрашно — какъ хорошій, знающій хирургъ — вводятъ зондъ въ самую ихъ глубину... Претендовать на званіе гражданъ міра, не будучи еще гражданами собственной родины, добиваться репутаціи осторожнаго и мудраго государственнаго дѣятеля, мѣняя ливрею съ каждымъ новымъ господиномъ, прокличать себя борцами противъ деспотизма, не умѣя возстать противъ притѣсненія и не пользуясь удобной минутой для того, чтобы страхнуть съ себя гнетущее ярмо... Это такія безразсудства, которыя дѣйствительно заслуживаютъ того, чтобы при видѣ ихъ покачать головой и съ сожалѣніемъ улыбнуться».

Въ 1841 г. Джусти написалъ больше, чѣмъ въ какой-либо изъ предыдущихъ годовъ. Къ этому времени относятся слѣдующія его произведенія: «Къ другу», «По поводу катарра опернаго пѣвца», «Балъ», «Воспоминанія о Пизѣ», «Свадебный контрактъ», «Монументъ», «Неподвижныя и кажущіеся живыми», уже упомянутыя «Космополиты», и «Король Чурбанъ», и наконецъ, «Страна Мертвецовъ», въ которой Джусти съ большимъ

достоинством и юмором отвѣчаетъ на фразу Ламартина: «L'Italie, c'est la terre des morts». Стихотвореніе кончается строфой:

«Veglia sul monumento  
Perpetuo lume il sole,  
E fa da torcia a vento;  
Le rose, le viole,  
I pampani, gli olivi  
Son simboli di pianto:  
O che bel camposanto  
Da fare invidia ai vivi».

(Надъ монументомъ, точно неугасаемый факелъ, горитъ вѣчный солнечный блескъ; розы, фіалки, оливковыя деревья, виноградныя лозы,—вотъ олицетвореніе символовъ печали. О, что за прекрасное кладбище, способное внушить зависть живымъ!).

Въ пьесѣ «Космополиты» Джусти нападаетъ на упомянутыхъ въ его письмѣ мишурныхъ «гражданъ міра», которые не умѣли еще быть гражданами собственного отечества. Космополитъ этого рода говорить у Джусти: «Я—сынъ вселенной и считаю потеряннѣйшимъ временемъ заниматься Италіей. Дорогіе мои сограждане, къ чему ставить себя предъломъ Альпы и Сицилію? Неужели же намъ такъ и заглохнуть на почвѣ, питавшей насъ? Вѣдь мы не цвѣтная капуста?»

Посвящая эту сатиру одному изъ друзей, Джусти пишетъ: «Прошу васъ принять это мое новое произведеніе, написанное мною съ цѣлю нѣсколько осмѣять тѣхъ философовъ-космополитовъ, которые, расхаживая въ весьма покойной и растяжимой области общихъ мѣстъ, пустою болтовней и праздными теоріями, не имѣющими почвы подъ собой, вводятъ въ обманъ суетную толпу. Еслибъ каждый народъ былъ полнымъ хозяиномъ у себя дома, то можно было бы начать разговоръ о всемірномъ братствѣ; но пока у насъ на шеѣ сидятъ извѣстные господа, я по крайней мѣрѣ не перестану утромъ и вечеромъ, вставая и ложась въ постель, виѣсто «Отче нашъ», твердить себя тосканскія поговорки: «Tre fratelli, tre castelli»; «Ognun per se e Dio per tutti» (т.-е.: «своя рубашка ближе къ тѣлу; береженного Богъ бережетъ»).

Джусти не разъ возвращался къ этому предмету, возставалъ противъ увлеченій теоретическими интересами: если даже они не были совершенно поверхностны, они отвлекали умы отъ насущныхъ потребностей жизни, для которой прежде всего нужно было искать свободнаго проявленія національныхъ силъ. Онъ пишетъ между прочимъ: «Угнетаемые, опозоренные, доведенные до со-



стоянія какихъ-то атомовъ или даже менѣе того, мы — я полагаю — скорѣе расположены въ ненависти и злобѣ, чѣмъ къ любви. Если же, тѣмъ не менѣе, у насъ постоянно на устахъ оказывается любовь, то давайте любить другъ друга, но да сохранитъ насъ Господь отъ любви къ нашимъ врагамъ. Мы успѣемъ еще полюбить ихъ, когда они свернутъ на путь долга и чести: полюбить же ихъ теперь было бы уже чрезчуръ опрометчиво. Да избѣгнемъ же всякихъ космополитическихъ или гуманитарныхъ бредней: когда мы сдѣлаемся гражданами собственнаго отечества, тогда мы будемъ добиваться всемірнаго гражданства; когда мы у себя дома сплотимся въ одну семью, тогда отправимся пожалуй и за Альпы удить духъ братства».

Безпримѣрный успѣхъ первыхъ его произведеній ясно указывалъ Джусту значеніе его таланта въ данное время; но этотъ успѣхъ не вскружилъ ему голову. Онъ смотрѣлъ на свою задачу какъ нельзя болѣе серьезно и трезво, и потому тщательно избѣгалъ излишней плодovitости. Онъ писалъ только подъ вліяніемъ глубокой внутренней потребности; съ каждымъ днемъ возрастала его требовательность относительно художественности формы и языка. Онъ передѣлывалъ безконечное число разъ свои произведенія, пока, наконецъ, они не удовлетворяли его. Какъ онъ старался вникнуть въ самый духъ языка, какія серьезные подготовительныя работы лежали въ основѣ неологизмовъ и всего стиля Джусты, видно изъ нѣкоторыхъ его статей, посвященныхъ филологическимъ изысканіямъ и найденныхъ послѣ его смерти въ его бумагахъ, — изъ богатаго сборника тосканскихъ пословицъ, собраннаго имъ и изданнаго теперь отдѣльнымъ томомъ. Начатый имъ комментарий Данта свидѣтельствуетъ, какое значеніе придавалъ Джусты каждому отдѣльному слову. Двое компетентныхъ судей по вопросу языка, Джинно Каппони и Манцони, хотя часто не сходявшіеся въ своихъ взглядахъ по этому предмету, единогласно признавали въ Джустѣ знатока итальянскаго языка и стиля.

Въ небогатой внѣшними событіями жизни Джусты, занимаетъ не послѣднее мѣсто исторія его многочисленныхъ дружескихъ связей. Его друзьями были почти всѣ выдающіеся люди его эпохи: Сисмонди, Манцони, Массимо д'Авеліо, Томмасо Гросси, Ато Вануччи, Поэріо, Монтанелли и въ особенности Джинно Каппони.

Джусты остался холостымъ. Говорятъ, тому была причиною несчастная любовь. Женщина, которую онъ страстно любилъ, намѣнила ему. Страданія, причиненныя ему ею обманутой любовью, повидимому, не были имъ никогда забыты и были тяжелѣе,

тѣмъ онъ хотѣлъ сознаться. Но въ стихотвореніяхъ Джусти нѣтъ почти никакихъ упоминаній объ этой несчастной любви, кромѣ одного отрывка, найденнаго въ посмертныхъ бумагахъ, озаглавленнаго «Ad una donna» и написаннаго уже много лѣтъ послѣ того, какъ разыгрался его романъ. Въ этомъ отрывкѣ онъ, между прочимъ, говорить:

«Мрачный и одинокій, я иду впередъ, а мысли бѣгутъ назадъ! Безпріютенъ, какъ человѣкъ, не имѣющій домашняго очага и перебѣгающій изъ одной гостиницы въ другую, я показываюсь то тутъ, то тамъ, вѣчно въ людской толпѣ и вѣчно одинокій».

Этотъ ударъ не остался, повидимому, безъ вліянія на здоровье поэта. Къ этому присоединились затѣмъ еще нѣсколько нервныхъ потрясеній: смерть любимаго дяди, пожаръ ночью въ его кабинетъ, сильно его испугавшій. Наконецъ, въ 1842 г. лѣтомъ съ нимъ произошелъ странный случай, оставившій въ немъ, вслѣдствіе уже разстроенныхъ его нервовъ, глубокое впечатлѣніе. Во время прогулки на Джусти напала на улицѣ бѣшеная кошка и хотя она и не изцарапала его, но ужасъ его былъ такъ великъ, что, повидимому, вся его нервная система была сильно потрясена. Вскорѣ докторъ, лечившій его, замѣтилъ въ немъ зачатки внутренней болѣзни, которая и свела поэта въ раннюю могилу и омрачила его послѣдніе дни. Джусти не могъ заниматься, не могъ писать; это въ особенности пугало и мучило его. Онъ пишетъ по этому поводу своему пріятелю, профессору Агто Вануччи: «Ты правъ, говоря, что умственныя занятія должны бы, именно теперь, служить мнѣ величайшимъ утѣшеніемъ; но какъ только я возьму въ руки книгу, я почти тотчасъ же вынужденъ бросить ее, потому что чувствую утомленіе. Что же касается того, чтобы мнѣ самому писать, то объ этомъ и думать нечего; воображеніе мое совершенно исякло. Еслибы продлились мои болѣе счастливые дни, я могъ бы окончить еще много работъ или начатыхъ, или же задуманныхъ, исполненіе которыхъ я откладывалъ до болѣе зрѣлыхъ лѣтъ. Не говоря уже о собраніи пословицъ, я хотѣлъ еще написать нѣсколько очерковъ о нравахъ сельскаго горнаго населенія и населенія равнинъ. Потомъ я имѣлъ еще въ виду издать, связавъ ихъ между собою, мои замѣтки о Данте и сдѣлать это въ формѣ писемъ къ друзьямъ, помѣстивъ здѣсь избранныя мѣста лучшихъ комментариевъ къ «Божественной Комедіи» и присоединивъ къ нимъ и собственные мои взгляды по этому предмету. Кромѣ того, у меня было задумано или уже набросано вчернѣ много новыхъ

сатиру, между прочимъ, одна «L'Adunanza» (Собрание), гдѣ я мѣтилъ на разные лагеря въ литературѣ; другая «La fabbrica dei candidati», гдѣ я хотѣлъ вывести на свѣжую воду, какими путями и способами нѣкоторые господа вскарабкиваются на разные почетныя и прибыльныя должности, и т. д. Выбѣсть съ тѣмъ я имѣлъ въ виду написать нѣчто въ родѣ романа, а также новѣсть, основанную на событіяхъ, случившихся у насъ на глазахъ, и гдѣ бы я выставилъ въ яркихъ краскахъ всякія нивости и гнусности этихъ послѣднихъ десяти или двѣнадцати лѣтъ. Видишь, какое у меня было обиліе матеріаловъ, но я чувствовалъ въ себѣ силу справиться съ нимъ и мысленно восхищался счастливыми часами, которые мнѣ предстояло провести, обдумывая и создавая. Теперь всѣ эти планы, мечты, прекрасныя надежды лежатъ схороненными гдѣ-то въ уголкѣ моего ума, и если иногда пытаются выглянуть на Божій свѣтъ, страхъ и физическая боль тотчасъ же отгоняютъ ихъ назадъ въ ихъ прежнюю тишь и глушь. Сравнивая себя теперь съ тѣмъ, чтó я былъ годъ тому назадъ, я просто удивляюсь тому, какъ человѣкъ еще до полнаго своего разрушенія можетъ такъ мало-по-малу обратиться въ какія-то развалины. Или я пересталъ понимать себя, или я сталъ другимъ человѣкомъ. Изъ всего прежняго моего остались неприкосновенными во мнѣ лишь вѣра и преданность извѣстнымъ принципамъ... Пережить такую значительную часть самого себя — несчастье, превосходящее горечь всего, чтó только можетъ перенести и выстрадать человѣкъ, и я почитаю счастливымъ того, кто сходитъ въ могилу въ полномъ обладаніи всѣхъ умственныхъ своихъ силъ. При первыхъ признакахъ страшной и медленной моей болѣзни, — лишь только я ощутилъ въ себѣ ея зарожденіе, — я часто съ ужасомъ думалъ про себя: о еслибъ, во крайней мѣрѣ, пока я живъ, оставался хоть умъ мой нетронутымъ и свѣжимъ».

Лечение не помогало бѣдному поэту, и Джусти, по совету докторовъ, рѣшился испытать дѣйствіе путешествія. Выбѣсть съ матерью онъ отправился въ Римъ и Неаполь. Новыя впечатлѣнія нѣсколько освѣжили Джусти. Онъ вернулся во Флоренцію, чувствуя себя лучше, но вскорѣ снова заболѣлъ и не былъ въ состояніи заниматься. Тогда онъ отправился на морскія купанья въ Ливорно. Здѣсь ему попалось на глаза, безъ его вѣдома и весьма неряшливо наданное, собраніе его стихотвореній, и притомъ съ добавленіемъ разныхъ чужихъ стиховъ, приписанныхъ издателемъ ему. Онъ протестовалъ противъ этого безцеремоннаго обращенія съ нимъ и его трудами въ предисловіи къ пер-

вому собранію своихъ стихотвореній, изданному вскорѣ имъ самимъ и посвященному маркизъ д'Азелью. (женѣ Массимо д'Азелью и дочери Манцони).

Осень 1844 г. Джусті провелъ, по совѣту докторовъ, въ мѣстечкѣ Colle di Val d'Elsa. Чистый горный воздухъ подѣйствовалъ на него благотворно, онъ окрѣпъ, сталъ дѣлать прогулки пѣшкомъ и верхомъ и почувствовалъ себя значительно лучше. Онъ принялся снова за работу и написалъ нѣсколько стихотвореній, между прочимъ, «Мирную Любовь», — «такую невинную шутку, — пишетъ онъ въ письмѣ къ маркизъ д'Азелью, — что ее можно было бы напечатать даже въ Моденѣ съ разрѣшенія тамошней цензуры».

Къ 1845 и 1846 г. относятся быстро слѣдовавшія теперь одна за другой лучшія его сатиры, въ которыхъ талантъ его является во всемъ блескѣ. Изъ числа ихъ особенно прославилась пьеса: «Gingillino», о которой одинъ изъ біографовъ Джусті говоритъ: «Это — одно изъ тѣхъ произведеній, которыя будутъ читаться, быть можетъ, еще и тогда, когда итальянскій языкъ, подобно латинскому, перестанетъ уже быть разговорнымъ языкомъ». Въ этой сатирѣ онъ имѣлъ въ виду карьеристовъ, которые грязными интригами успѣвали подняться на самыя почетныя и высокія государственныя должности. У колыбели ребенка Джинджиллино (интриганъ, пройдоха) собрались: лицемеріе, алчность, низость, трусость и т. п., поюшіе ему хоромъ колыбельную пѣсню, въ которой даютъ ему совѣты и наставленія, которые должны воспитать изъ него негодая и сикофанта. Двадцать лѣтъ спустя, молодой Джинджиллино выступаетъ передъ нами студентомъ, кончившимъ курсъ и награждаемымъ всѣми университетскими почестями. Ректоръ университета, осыпая своего питомца всякими восхваленіями, подаетъ ему на прощаніе слѣдующій совѣтъ:

«Comincia coll'esempio e coll'inchiestro  
A difender l'altare a destra mano,  
Ed a mancia il nostro  
Dolce e amorevolissimo Sovrano;  
Vattene, agnello pieno di talento  
Caro al presepio e al capo dell' armento.

(Примѣромъ и перомъ начини защищать правой рукой алтарь, а лѣвой кроткаго и возлюбленнаго монарха. Иди съ миромъ, агнецъ, преисполненный талантовъ и любезный какъ стаду, табу и пастуху его).

Джинджиллино провожаютъ до его дома товарищи, которые поютъ ему пѣсенку уже совершенно иного содержанія. Затѣмъ герой является во Флоренцію, и здѣсь въ нѣсколькихъ преле-

стныхъ строфахъ поэтъ высказываетъ свою скорбь о нравственномъ упадкѣ родного народа. Далѣе Джусти рисуетъ «Барджелло», т. е. резиденцію полиціи, шпионовъ и вмѣстѣ тюрьму и т. д.; они описываются какимъ-то ужасающимъ омутомъ всякихъ низостей и гнусности. Здѣсь сходятся по дѣламъ адвокаты и адѣсь Джинджиллино снова получаетъ совѣты въ родѣ тѣхъ, которые пѣлись уже надъ его колыбелью, и повинувшись имъ, онъ быстро подвигается къ успѣшной карьерѣ. Развращающее вліяніе испорченныхъ женщинъ довершаетъ его нравственную гибель. Пьеса кончается исповѣданіемъ Джинджиллино, которое онъ произноситъ ежедневно, ложась въ постель, вмѣсто молитвы, и гдѣ онъ заявляетъ, что вѣрить въ деньги, въ шотиргоргію или декреты абсолютной власти, въ династію, поддерживающую его, въ подати, налоги и т. д., обѣщаетъ всегда идти по теченію и служить героямъ дня и надѣется достигнуть высшихъ ступеней на лѣстницѣ почестей, быть возведеннымъ въ дворянское достоинство и умереть съ звѣздой на груди.

Изъ числа другихъ пьесъ, написанныхъ въ 1847 г., особенный успѣхъ имѣлъ «Конгрессъ сбирровъ», разошедшійся въ три дня въ числѣ десяти тысячъ экземпляровъ. Описывается сборище полицейскихъ агентовъ, сравниваемое съ парламентскимъ засѣданіемъ, гдѣ есть и правая и лѣвая сторона, и центръ. Прежде всего начинаетъ ораторствовать ярый членъ лѣвой стороны, упрекающій своихъ товарищей, что они теряютъ дорогое время въ пустыхъ словопреніяхъ, тогда какъ, снявъ нѣсколько безпкойныхъ головъ, можно однимъ взмахомъ уничтожить всю эту чуму либерализма и свободомыслія; своимъ бездѣйствіемъ полиція только поощряетъ ростъ этой чумы и тѣмъ подвергаетъ опасности весь государственный строй. Теперь ничего нельзя достичь отеческою нѣжностью, дарованіемъ какихъ-нибудь амнистій и реформъ; все это—нелѣпость и сумасбродство:

«Ласково обращаться съ народомъ, разыгрывающимъ изъ себя господина, предполагать въ животномъ разумъ и справедливость?» восклицаетъ онъ въ негодованіи: —

Ecco la massima  
Spedita e vera:  
Galera e boia,  
Boia e galera.

(Вотъ самое вѣрное и успѣшное правило: палачъ и каторга, каторга и палачъ).

Ему возражаетъ членъ центра, краснощеій, полный, спокойный человѣкъ, дорожащій лишь однимъ своимъ жалованьемъ.

Онъ порицаетъ «своего увлекшагося сотоварища» и напоминаетъ ему, что прошли тѣ времена, когда одни лишь поэты говорили объ «единствѣ Италіи», что теперь уже кормилицы твердятъ объ этомъ своимъ питомцамъ въ колыбели. Теперь система «тюремъ» больше вредитъ, чѣмъ приноситъ пользы, такъ какъ либералы, разжарѣвъ тамъ, выносятъ оттуда «ореолъ мученичества», а посадившіе ихъ въ тюрьмы провозглашаются «деспотами». Конечно, этого онъ не сталъ бы высказывать публично: «На площади я разыгрываю роль каннибала, но здѣсь, господа, гдѣ нельзя предполагать либераловъ, долгъ честнаго человѣка откровенно высказать все, что онъ думаетъ». Ораторъ подаетъ совѣтъ въ нынѣшнія критическія времена быть на-стойчивѣ, присматриваться къ тому, куда клонитъ страна, и не печалась о самой формѣ правленія — будетъ ли то республика или монархія, все равно, — пристать къ той сторонѣ, которая предоставитъ наибольшія выгоды полиціи. Центръ апплодируетъ предложенію, лѣвая выражаетъ неодобреніе, а съ правой встаетъ новый Демосеентъ. Онъ объявляетъ, что вопросъ вовсе не въ томъ, сохранить ли или нѣтъ полиція свои высокіе оклады, а въ томъ, сохранить ли она власть, а чтобы сохранить власть, надо прежде всего не допускать, чтобы управляемые и правители понимали другъ друга, потому что, если въ государствѣ царитъ миръ и спокойствіе, то какую же роль можетъ играть полиція? Были времена, когда полиція была только низменнымъ орудіемъ правосудія, но съ тѣхъ поръ, какъ короли принялись покровительствовать ей и стали выбирать изъ ея среды своихъ повѣренныхъ и министровъ, полиція — эта бывшая служительница служителей — превратилась во владычицу своихъ владыкъ».

Когда ораторъ оканчиваетъ послѣднія слова, съ улицы доносятся восторженные клики народа въ честь государя, давшаго ему доказательства своего единенія съ нимъ <sup>1)</sup>, въ честь единства Италіи и національной гвардіи. Мертвая тишина водворяется въ залѣ засѣданія полиціи, и члены ея поблѣднѣли какъ смерть.

Въ 1847 г. началась въ Италіи борьба за національное освобожденіе. Повѣяло новымъ, освѣжающимъ духомъ. Папа Пій IX (до тѣхъ поръ мало извѣстный кардиналъ Матаи,

<sup>1)</sup> 8-го сентября 1847 г. въ праздникъ Мадонны, великій герцогъ, въ сопровожденіи всего своего придворнаго штата, отправился, по заведенному обычаю, въ церковь „Santissima Annunziata“. Леопольдъ II впервые снялъ съ себя въ этотъ день ненавистные народу австрійскіе цѣта, и замѣнилъ ихъ тосканскими: бѣлыми и красными. Восторгъ народа не зналъ границъ и сопровождалъ великаго герцога во все время его шествія.

избранный папою 16 іюля 1846 г. по смерти Григорія XVI) сталъ вводить либеральныя реформы, даровалъ политическую амнистію, облегчилъ законы для печати, дозволилъ образованіе національной гвардіи, и наконецъ, 14-го марта 1848 г. была объявлена въ Римѣ конституція, а 23-го марта римскія войска выступили на помощь Милану и Венеціи, поднявшимися противъ Австріи и призывавшимъ всю Италію къ себѣ на помощь. По примѣру папы, другіе итальянскіе государи почти одновременно дали своимъ подданнымъ конституціонныя учрежденія. Піемонтскій король Карлъ-Альбертъ провозгласилъ статуты 7-го февраля 1848 г., неаполитанскій король, Фердинандъ, 10-го февраля 1848 г., а тосканскій великій герцогъ Леопольдъ II 9-го февраля 1848 г. Джусти написалъ тогда прекрасное стихотвореніе, обращенное къ Леопольду II. Чисто дантовской простотой и возвышенностью дышатъ эти прекрасныя строфы, въ которыхъ поэтъ, съ полнымъ безпристрастіемъ глядя назадъ и впередъ, рисуетъ мѣткую картину печальнаго прошлаго, казалось, уже навсегда отошедшаго въ исторію, и съ радостью смотритъ впередъ на счастливую будущность, такъ много обѣщавшую Италіи. Главное стремленіе Джусти, задушевное его желаніе было — увидѣть Италію объединенной, «*tutto d'un pezzo e tutto d'un colore*», «изъ одного куска и одного цвѣта», какъ онъ говоритъ въ своемъ «*Stivale*». По своимъ убѣжденіямъ и по темпераменту Джусти былъ республиканецъ; но находя, что родина его еще не соврѣла для этой политической формы, онъ съ радостью привѣтствовалъ и конституціонную монархію. Въ стихотвореніи къ Пьетро Джанноне: «Республика», Джусти высказывается объ этомъ такъ: «меня пугаютъ не препятствія, которыя могутъ встрѣтиться на пути къ осуществленію идеи республики, — говоритъ онъ, — но я не довѣраю ея апостоламъ» («*temo degli apostoli*»). Джусти избѣгалъ крайностей, какъ онъ выражается въ открытомъ письмѣ въ редакцію «*Rivista di Firenze*», онъ былъ — «престранный либераль — либераль, предоставляющій всякому полнѣйшую свободу слова; либераль, не имѣющій въ виду быть ни министромъ, ни народнымъ трибуномъ; не выносящій пустыхъ болтуновъ, шарлатановъ и шалопаевъ; либераль, который не только не пропитанъ весь недоувѣріемъ, но который считалъ бы себя даже самымъ несчастнымъ человѣкомъ въ мірѣ, еслибъ онъ былъ принужденъ всѣхъ и всякаго подозрѣвать, что, однако, не мѣшаетъ нѣкоторымъ изъ его товарищей чувствовать себя при этомъ какъ нельзя лучше. Затѣмъ еще странность: я кричалъ, когда всѣ молчали, а теперь, когда всѣ кричатъ, я молчу, и,

наконецъ, никогда я не занималъ никакихъ должностей. Высказавъ вамъ все это, я повторю въ заключеніе, что, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ такъ ревностно любить свободу, чтобы, по примѣру нѣкоторыхъ изъ моихъ друзей, желать удержать ее для себя одного». Выше всего въ политическомъ дѣятелѣ Джусти ставилъ честность. «Кто не есть прежде всего честный человѣкъ, тотъ — все равно, держать ли онъ въ рукахъ черное или трехцвѣтное знамя — мнѣ не другъ, и я не желаю, чтобы онъ считалъ меня своимъ другомъ. По моему, лучше въ аду съ честными людьми, чѣмъ съ обманщиками въ раю. Я считаю за высочайшее на свѣтѣ глумленіе обзывать бѣдный народъ «канальей», и за весьма святую рѣчь — именовать канальей тѣхъ, кто обманываетъ бѣдный народъ. Я надѣюсь, что раньше или позже, Богъ дастъ мнѣ силу раскрыть весь этотъ поворотъ, какъ и въ былые годы, когда эти грусы молча дрожали или вели себя какъ бездушные рабы, и нѣмъ мужество раскрывать другого рода низости. Злоба душила меня. Я думалъ, что бросилъ навсегда изъ рукъ бичъ сатиры и былъ этому душевно радъ, такъ какъ мнѣ никогда не доставляло удовольствія осмѣивать моего ближняго. Теперь же я вижу, что къ несчастію задача моя еще не кончена».

Въ Италіи началась, наконецъ, борьба противъ Австріи и противъ Бурбоновъ. Революція вспыхнула прежде всего въ Палермо. Миланъ послѣдовалъ его примѣру. Неаполитанское войско, предводительствуемое генераломъ Пепе, и римское, подъ начальствомъ генерала Дурандо, выступили на помощь ломбардцамъ. Тосканскіе добровольцы осаждали Мантую; піемонтцы, подъ предводительствомъ короля Карла-Альберта, объявившаго въ прокламаціи, что онъ ставитъ савойскій крестъ на трехцвѣтное итальянское знамя, чтобы идти на помощь Милану, выиграли первыя сраженія. Болонцы храбро отразили нападенія австрійцевъ; ломбардцы загнали непріятеля до самаго Триента; счастье всюду улыбалось итальянскому оружію.

Когда готовились и совершались эти событія, Джусти писалъ въ предисловіи къ изданному имъ тогда сборнику своихъ новыхъ произведеній: «Я чувствую, что этотъ родъ поэзіи теперь несвоевременъ и охотно желалъ бы подняться на высоту великихъ событій, совершающихся передъ нашими глазами. Въ состояніи ли будетъ духъ мой, привыкшій вращаться въ тѣсномъ кругу отрицанія, сбросить съ себя эти оковы и выступить на болѣе обширное и благодарное поле? Если я почувствую въ себѣ смѣлость испытать мои слабыя силы въ этомъ новомъ направленіи, то, конечно, не премину это сдѣлать; въ противномъ же случаѣ, я



все же не стану упрямо настаивать на своемъ и оглашать воздухъ похороннымъ звономъ, въ то время, какъ вокругъ меня всюду раздаются трезвонъ праздничныхъ колоколовъ».

Первый тосканскій парламентъ былъ созданъ, и правительство не вмѣшивалось въ выборы. Избиратели мѣстечка Борго-а-Буджіано избрали своимъ представителемъ знаменитаго своего земляка. Джусти не былъ ораторомъ. Онъ рѣдко говорилъ въ парламентѣ, а когда это случалось, то рѣчь его отличалась всегда краткостью и ясностью. Но политическая его умѣренность и благоразуміе не понравились тѣмъ, кто хотѣлъ видѣть въ немъ крайняго радикала; ему пришлось вынести не мало грязныхъ нападокъ и инсинуацій; ему поставили въ укоръ и принятіе имъ должности майора въ національной гвардіи. Онъ съ достоинствомъ защищался въ письмахъ къ друзьямъ, высказывая имъ, какъ неохотно и по принужденію онъ принялъ свои должности. «Въ одномъ отношеніи клеветники мои дѣйствительно правы,—писалъ онъ:—я столько же годенъ на то, чтобы сидѣть въ парламентѣ или служить въ національной гвардіи, сколько статуя гиганта <sup>1)</sup> на piazza di Granduca была бы годна быть почтальономъ».

Конституціонное министерство Ридольфи, а затѣмъ Джинно Каппони смѣнилось вскорѣ радикальнымъ министерствомъ, во главѣ котораго стояли Монтанелли и Гверрацци. Первымъ дѣйствіемъ этихъ послѣднихъ было распустить парламентъ. Такимъ образомъ начались приготовленія къ новымъ выборамъ. Джусти объявилъ, что ни за что не приметъ новыхъ полномочій. «Я желаю оставаться на этотъ разъ въ числѣ зрителей, а не вступать опять на подмостки», писалъ онъ.

Но тѣмъ не менѣе, несмотря на его громко заявленное рѣшеніе, несмотря на всѣ усилія министерства, которое выставило противъ него собственнаго своего кандидата, Джусти былъ снова выбранъ въ томъ же округѣ, гдѣ онъ сумѣлъ пріобрѣсти народную любовь и уваженіе. Джусти былъ вынужденъ снова принять званіе депутата. По этому случаю онъ писалъ одному изъ своихъ друзей: «Я очень благодаренъ этимъ добрымъ людямъ за ихъ расположеніе ко мнѣ, и отъ души желалъ бы отплатить имъ хоть какою-нибудь услугой. Мнѣ крайне жаль, что я все-таки попалъ въ депутаты. Я убѣжденъ, что не сумѣю оправдать возложенныхъ на меня надеждъ, отчасти по моей неопытности въ общественныхъ дѣлахъ, отчасти вслѣдствіе плохого со-

<sup>1)</sup> Голиаъ и Давидъ, работы Микель-Анджело.

стоянія моего здоровья. Зима, проведенная во Флоренціи, всегда вредно вліяла на меня. Но *fiat voluntas vostra*. Между тѣмъ политическое движеніе принимало все болѣе острый характеръ. Герцогъ тосканскій, не надѣясь удержать его, бѣжалъ въ Вѣну. Во Флоренціи, Ливорно и нѣкоторыхъ другихъ городахъ вспыхнула революція, конституція была отмѣнена, было избрано временное правительство. Когда путемъ всеобщаго голосованія было приступлено къ созванію новаго, учредительнаго собранія, избиратели Борго-а-Буджіано въ третій разъ остались вѣрны Джусті. Но бѣдному поэту уже не было суждено вступить въ этотъ третій парламентъ. Дѣла въ Тосканѣ, въ Римѣ, Неаполѣ, Ломбардіи, Венеціи приняли вскорѣ дурной оборотъ. Въ апрѣлѣ 1849 г. Джусті писалъ о положеніи Тосканы къ другу своему Лоренцо Марини: «Дѣла наши сдѣлали дѣйствительно большой скачекъ и стоятъ теперь гораздо хуже, чѣмъ въ іюлѣ 1848 г. Народъ не умеръ, какъ не умерла и мысль, пробудившая его отъ сна и подвинувшая его попытаться достигъ своего освобожденія; напротивъ того, эта мысль, обратно загнанная въ душу народа и хранящаяся въ ней неизмѣнною и живою, очнувшись и обогородившись въ купели несчастія, позже или раньше, когда бы то ни было, но непременно вырвется наружу, только еще съ болѣею силою, съ болѣею могуществомъ и обаяніемъ. Ты знаешь, что я никогда не увлекался слѣпо надеждою, но ты знаешь также, что я никогда не впадалъ въ окончательное уныніе и отчаяніе и даже въ періодъ между 31-мъ и 47-мъ годами, — въ періодъ кажущагося народнаго сна. Народъ, какъ и отдѣльно взятый человѣкъ, при переходѣ изъ одного возраста въ другой, чувствуетъ иногда нѣчто въ родѣ недоумѣнія и слабости и потому кажется наиболѣе безсильнымъ именно въ тотъ моментъ, когда онъ стоитъ на порогѣ новой жизни и новыхъ силъ. Возникнувшему несчастію, народъ, вслѣдъ за исчезновеніемъ первыхъ мгновеній испуга и страха, начнетъ вглядываться вокругъ, вдумываясь въ самого себя, сознавая прошлыя ошибки и собственныя оплошности, которыя были причиной его теперешней неудачи, и поумиравъ и возмужавъ, начнетъ готовиться къ тому, чтобы съ болѣею осторожностью, болѣею запасомъ силъ, опытности и увѣренности въ себѣ, покорить зло и вернуть себѣ принадлежащее ему по праву, независимое политическое положеніе. Двѣ вещи особенно повредили намъ: слишкомъ малая и черезъ-чуръ большая увѣренность въ самихъ себѣ. Первое обстоятельство было причиной излишней нашей медленности, второе — излишней поспѣшности. Первое создало, взлелѣвало и поддерживало

среди насъ безчисленное множество невѣрующихъ, колеблющихся, отступающихъ и вовсе отпавшихъ, а излишняя самоувѣренность отпустила удила необузданному и дикому сонму безразсудныхъ людей, людей слова, а не дѣла, фразеровъ и крикуновъ, которые не разубавивъ, по какому фарватеру придется плыть кораблю, не захвативъ съ собой ни компаса, ни измѣрителя глубины, ринулись очертя голову въ невѣдомое и бурное море. «Вы слишкомъ спѣшите», кричали съ одной стороны, сложивъ руки и не двигаясь съ мѣста. «Вы слишкомъ медлите», вопили съ другой, метаясь какъ угорѣлые туда и сюда. Мы же сами, находясь среди медлившихъ и спѣшившихъ, ничего не сумѣли сдѣлать и въ концѣ концовъ лишь ухудшили свое положеніе. Въ другой разъ, если только намъ послужатъ урокомъ прошлые наши ошибки, мы не будемъ гнаться за миражами, а удовольствуемся возможнымъ.

«Гибель піемонтской арміи я приписываю раздражавшимъ ее двумъ крайнимъ партіямъ: партіи, желавшей отступленія и называвшей Карла-Альберта сумасбродомъ за его твердое рѣшеніе— по истеченіи перемирія, возобновить войну съ Австріей; и партіи демагоговъ, уговаривавшихъ солдатъ не сражаться за короля и подъ предводительствомъ короля, и мечтавшихъ убѣдить и другихъ въ возможности всеобщаго возстанія, всеобщей народной войны и тому подобныхъ утопіяхъ. Что же было результатомъ всего этого? Піемонтъ возобновилъ войну съ Австріей, но такъ неохотно, что изъ 60-тысячной арміи на полѣ сраженія оказалось всего 20 тысячъ человѣкъ и итальянское войско потому-то и было уничтожено въ три дня. Вспомни, что изъ двухъ республикъ, римской и тосканской, — въ нашему вѣчному стыду — ни одна не устояла; вспомни, что въ Генуѣ все поставлено вверхъ дномъ, а въ Піемонтѣ все въ смущеніи и безпорядкѣ; не забудь колеблющагося, неопредѣленнаго положенія центральной Италіи и неизбежно грозящую намъ опасность австрійскаго нашествія и нашу полнѣйшую безпомощность — и тогда, взвѣсивъ все это, создай въ своемъ воображеніи то положеніе дѣлъ, до котораго мы доведены въ настоящую минуту. Говорю: въ настоящую минуту, потому что я еще не отчаиваюсь и потому, что все еще надѣюсь и не хочу терять вѣры въ лучшее будущее».

Но эти надежды и эта вѣра поэта въ лучшее будущее не оправдались, по крайней мѣрѣ для него. Печальный оборотъ въ общественныхъ дѣлахъ производилъ на него подавляющее впечатлѣніе. Военныя неудачи на сѣверѣ, пораженіе піемонтской арміи при Новарѣ (23 марта 1849 г.), осада Рима французскими войсками, вступленіе ихъ въ вѣчный городъ и ихъ гос-

подство тамъ до возвращенія бѣжавшаго въ Гаэту и теперь возстановленнаго во власти французскими штыками Піа IX; торжество Австріи надъ воювавшей Ломбардіей, капитуляція Венеціи (24 августа 1849 г.), наступленіе въ Неаполь и Сицилію полнѣйшей реакціи; повсемѣстныя гоненія и казни; возвращеніе, при помощи чужеземнаго войска, бѣжавшаго Леопольда II, не послушавшагося зова собственнаго своего народа; временная отмена конституціи—все это были тяжкіе удары для патріотическаго чувства. Мысль о гибели свободы, о возстановленіи абсолютизма усилила болѣзнь Джусти и ускорила печальный ея исходъ. Проболѣвъ передъ тѣмъ всю зиму въ домѣ Джини Каппони, но все еще работая въ промежуткахъ страданій, онъ написалъ нѣсколько стихотвореній и, главное, усиленно трудился надъ комментаріями къ Данте. Сильное кровоотеченіе горломъ положило конецъ его жизни 31 марта 1850 г. Лишь съ большими затрудненіями было получено разрѣшеніе торжественно схоронить его. 3-го апрѣля, при огромномъ стеченіи народа, бранные останки великаго итальянскаго сатирика были отвезены въ церковь Санъ-Миньято и преданы тамъ землѣ.

Джусти былъ почти исключительно политическій сатирикъ. Превніе эстетики, какъ извѣстно, отрицая въ поэзіи тенденціозныя задачи, смотрятъ неодобрительно на политическую сатиру. Искусство—само себѣ цѣль, и потому тенденція несовмѣстима съ истинно художественнымъ творчествомъ. Теперь начинаютъ думать, что нѣтъ ни хорошихъ, ни дурныхъ родовъ поэзіи, а есть только хорошія или дурныя поэтическія произведенія. Нѣтъ сомнѣній, что стихотвореніе политическаго содержанія можетъ оказаться несравненно поэтичнѣе иного лирическаго стихотворенія. Строго говоря, и то и другое—если только они соответствуютъ истинному своему назначенію—суть стихотворенія, писанныя на случай: въ обоихъ окажется тенденція; почему, напр., цѣль побѣдить изображеніемъ страстнаго чувства строптивое женское сердце стоитъ ближе къ искусству, чѣмъ желаніе, пѣсню о свободѣ, разбудить апатичную общественную массу? Поэтическая цѣнность стихотворенія зависитъ только отъ того, какъ поэтъ сдумалъ воспользоваться содержаніемъ основной мысли и есть ли его произведеніе—полное выраженіе той силы и глубины страстнаго личнаго участія, которое онъ самъ принимаетъ въ описываемомъ имъ событіи.

Дѣятельность Джусти была уже отчасти приготовлена. Воз-

рожденіе итальянской сатиры ведетъ собственно свое начало съ произведенія извѣстнаго писателя второй половины прошлаго вѣка, Джузеппе Парини, «День» (Il Giorno). Джусти издалъ у Лемоннье во Флоренціи избранныя сочиненія Парини и написалъ къ нимъ интересное предисловіе, въ которомъ, по поводу Парини и его предшественниковъ, высказываетъ свой взглядъ на значеніе сатиры; этотъ взглядъ примѣняется и къ его литературной дѣятельности. «Если бы я вдумалъ пространно доказывать, — говоритъ онъ, — почему этотъ родъ поэзіи такъ исключительно принадлежитъ намъ — *satira tota nostra est*, говорить еще Квинтиліанъ — еслибы я сталъ объяснять, какъ она зародилась и гдѣ писалась, первоначально у римлянъ, а затѣмъ у насъ, то предисловіе мое вышло бы болѣе самой книги. Отлагая все это до другого раза, теперь упомяну лишь мимоходомъ о томъ, что среди цѣлой плеяды сатирическихъ писателей ярче всего выдается Аріосто, а за нимъ многими ступенями ниже — Менцини и Сальваторъ Роза. Нѣтъ словъ, чтобы выразить и десятую долю превосходства Аріоста и въ этомъ родѣ поэзіи надъ остальными писателями. Прелесть языка, соль юморизма и остроумія, легкость, плавность и изящество стиля по-истинѣ поразительны въ немъ; въ сатирахъ своихъ, какъ и въ извѣстной его большой поэмѣ, онъ неистощимъ въ разнообразіи вымысла и формы. Менцини желченъ, ѣдокъ, горячъ — но мы въ немъ рѣдко находимъ грацію, а еще рѣже ту веселую любезность, которая налагаетъ на сатиру печать совершенства. У него недурной слогъ, вѣрный и закругленный стихъ, смѣлая и легкая рѣзма, но въ слогѣ у него есть нѣчто грубое, жесткое, и вообще сатира Менцини не чужда тривиальности и необтесанности; она скорѣе спита бѣлыми нитками, а не искусно соткана, и въ особенности слаба въ драматическомъ отношеніи. Сатиры Сальватора Розы отличаются какой-то легкой, безпечной веселостью; въ нихъ сказывается живой и болтливый неаполитанецъ, привыкшій занимать и забавлять своими шутками веселое общество. Но мнѣ, не смотря на всю его ученость, онъ кажется бѣднымъ, напыщеннымъ и водянистымъ; онъ обрываетъ нить и тотчасъ же снова берется за нее, повторяя это сто разъ; онъ носитъ съ одною и тою же мыслью, переворачивая ее на всѣ лады, какъ будто бы онъ шлифуетъ алмазъ; однимъ словомъ, ясно чувствуется, что писаніе стиховъ не настоящее его призваніе, а только придатокъ къ прочимъ его талантамъ. Однако, сатирикъ, такъ же какъ и драматургъ, сколько бы ему ни удалось найти хорошихъ или дурныхъ образцовъ въ школахъ или бібліотекахъ, останется всегда (если только онъ

дѣйствительно понялъ свое назначеніе—свою миссію, какъ теперь называютъ) истиннымъ сыномъ своего вѣка, не только относительно избранный имъ темы, но и относительно самого языка и стиля. Универсальная сатира, понятная во всѣ времена и вѣка—такая же утопія эстетики, какою было для алхиміи исканіе философскаго камня, и мнѣ бы хотѣлось знать, на основаніи какихъ данныхъ сторонники этой несостоятельной теоріи еще продолжаютъ отстаивать ее, такъ какъ Гораций, Ювеналъ, Персій и сатирики всего міра такъ же тѣсно связаны съ своей эпохой, какъ связаны со стѣной вьющійся около нея плющъ, и не могутъ быть оторваны отъ нея, не потерявъ при этомъ множества корней, листьевъ и вѣтвей. Сатира не должна быть скроена по мѣрѣ отдѣльныхъ лицъ, а должна приходить въ пору пороку, каковымъ онъ является въ различные времена. Сатира не долго бываетъ свѣжа, такъ какъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе притупляется ея остріе; но жизнь ея можетъ быть весьма продолжительна, такъ какъ, переставъ быть зеркаломъ настоящаго, она дѣлается документомъ прошлаго, замѣняя такимъ образомъ до извѣстной степени исторію. Если сатира беретъ свое начало въ личной раздражительности и обидчивости, то она по болѣе части лишь мертворожденный памфлетъ; если же она беретъ свое начало въ стремленіи къ добру и въ негодованіи на то, что стремленіе это не можетъ быть удовлетворено, то она является однимъ изъ самыхъ благородныхъ изліяній человѣческой души и достойна назваться младшею сестрою лирики. Последняя восхваляетъ добродѣтель, первая бичуетъ порокъ; обѣ имѣютъ одно и то же начало и разными путями направляются къ одной общей цѣли. Поэтому нерѣдко въ одномъ и томъ же лицѣ соединяются преимущества и лирика и сатирика, какъ, напр., у Горация и у Парини.

Очень многіе—еще при жизни Джусти—сравнивали его съ Беранже. Самъ итальянскій сатирикъ, въ одномъ отрывкѣ, найденномъ въ его бумагахъ, говоритъ о невѣрности этого сравненія. И дѣйствительно, оно даетъ очень ложное понятіе о Джусти. Если въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, напр., въ мастерствѣ языка, въ народности, свѣжести и образности стиля, итальянскій и французскій поэты и соприкасаются, то въ самой сущности ихъ поэзіи между ними громадная разница. Джусти—болѣе сильная и глубокая натура; онъ увлекается шуткой лишь на короткое время, когда онъ освобождается изъ-подъ гнета его сознанія общественныхъ бѣдъ. Юморъ его—юморъ отчаянія, горькій протестъ противъ существующаго порядка вещей, надъ которымъ онъ ста-

рается возвысить и себя, и свой народъ; весьма рѣдко онъ попадаетъ въ легкую шутку надъ мелочами жизни. Разница во взглядахъ и характерѣ итальянскаго сатирика и французскаго поэта съ его сангвиническимъ, подвижнымъ веселіемъ ясно видна напр., въ слѣдующихъ словахъ Джусти, въ предисловіи къ первому изданію его прозведеній, — словахъ, которыхъ не могъ бы сказать Беранже: «Если ты имѣешь въ виду лишь позабавиться, — говоритъ онъ читателю, — то отложи лучше эту книгу въ сторону не читая, такъ какъ смѣхъ, родившійся изъ самаго горестнаго чувства, могъ бы остановиться у тебя въ горлѣ и мнѣ было бы жаль и тебя, и себя». Та же мысль повторяется въ двухъ строкахъ стихотворенія, посвященнаго Джинно Каппони:

*„In quanto guerra di pensier mi pone  
Questo, che par sorriso ed e dolore“.*

(«Въ какую борьбу мыслей ставитъ меня то, что кажется смѣхомъ и что въ сущности есть горе»).

М. В.



# ВДОВЕЦЪ

РАЗСКАЗЪ.

„Les jours se suivent, mais ne se ressemblent pas“!

Алексѣй Алексѣевичъ былъ не въ духѣ съ самаго утра. Онъ началъ сердиться, какъ только что проснулся, и ужъ по одному тому, какимъ голосомъ онъ спросилъ у Филиппа—который часъ, этотъ послѣдній догадался, что день будетъ каторжный.

«Пойдетъ придирается то къ тому, то къ другому, ничѣмъ не угодишь», подумалъ Филиппъ и не ошибся; сначала его вырутали за то, что онъ вошелъ въ спальню цѣлымъ часомъ позже, чѣмъ ему было приказано.

— Раза три повторялъ я тебѣ, что меня надо разбудить въ девять часовъ и что въ десять я ужъ долженъ быть въ присутствіи,—ворчалъ Алексѣй Алексѣевичъ, совершая свой туалетъ.—Вѣчно забываешь! Вотъ, еслибъ у тебя изъ жалованья высчитывали за эту безпамятность, тогда ты былъ бы заботливѣе.

А потомъ, когда онъ перешелъ въ кабинетъ и Филиппъ принесъ ему на подносѣ чай, налитый въ столовой, начались неприятности изъ-за этого чая, который баринъ нашелъ отвратительнымъ.

— Бурда какая-то холодная, да еще и мутная въ добавокъ... Противно и въ ротъ взять, чортъ знаетъ что у тебя тамъ намѣщено!—повторялъ онъ, вылавливая ложечкой чайники, плавающія на поверхности налитой въ стаканъ жидкости, и брезгливо выливая при этомъ нижнюю губу. — И сколько разъ говорилъ я тебѣ, что я кипяченыхъ сливокъ не перевариваю! Тряпки какія то плаваютъ и пахнутъ скверно... Неужели нельзя достать свѣжихъ? Не коровъ же мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, заводить, изъ-за двухъ



ложечекъ молока, которыя мнѣ нужны каждое утро къ чаю... Это чистый вздоръ, что нельзя достать, достаютъ же другіе...

Онъ вспомнилъ про сливки, свѣжія, холодныя и густыя, съ которыми онъ пилъ наканунѣ чай у Болотниковыхъ и перенесся воображеніемъ въ ихъ свѣтлую, уютную столовую съ большимъ столомъ, сверкающимъ атласистою бѣлизною скатерти, серебромъ и тонкимъ изящнымъ фарфоромъ. Вспомнилось ему вкусное печенье, красиво разложенное въ золоченыхъ корзинахъ, аппетитныя тартинки на круглыхъ блюдахъ изъ настоящаго *vieux saze*, серебряный массивный самоваръ, за которымъ такъ ловко и умѣло хозяйничаетъ Елена Дмитриевна Болотникова. Какъ живая предстала она передъ нимъ въ своемъ темномъ платьѣ съ бѣлыми какъ снѣгъ воротничкомъ и маншетами. Съ перваго взгляда костюмъ ея очень простъ, такъ простъ, что ни одна изъ здѣшнихъ щеголихъ не надѣла бы ничего подобнаго; но стоитъ только всмотрѣться въ фасонъ воротничка, чтобъ догадаться, что онъ изъ лучшаго французскаго магазина, стоитъ только притронуться до платья, чтобъ понять изъ какой мягкой, легкой и дорогой матеріи оно сшито; покрой его самый несложный, ничѣмъ, ни одной складочкой, ни однимъ бантикомъ не выдается оно въ глаза, а между тѣмъ рядомъ съ нимъ баски, полонезы, панье и принсессы прочихъ дамъ и дѣвицъ кажутся безобразными и смѣшными.

Точно тоже можно сказать и объ особѣ, на которую надѣтъ этотъ костюмъ. Елена Дмитриевна умѣетъ одѣваться къ лицу; это тѣмъ болѣе трудно, что она далеко не хороша собой. Черты ея грубоваты и неправильны, цвѣтъ кожи неровный, сѣровато блѣдный, съ красноватыми пятнами тамъ, гдѣ подобнымъ пятнамъ по закону эстетики быть не полагается; ротъ у нея крупный, съ выдающимися впередъ губами, но маленькіе, зеленовато сѣрые глазки полны ума и жизни, а улыбка такъ очаровательна, что каждый, кто хоть разъ видѣлъ эту улыбку обращенную къ нему, непременно захочетъ ее вызвать еще и еще. Сложена Елена Дмитриевна нескладно; большого роста, полная или лучше сказать, плотная особа, плечи у нея черезъ-чуръ широки, талія обрубкомъ, но руки съ длинными бѣлыми пальцами, такой прелестной формы, а голосъ, низкій контральто, такъ звученъ и выразителенъ, что услышать этотъ голосъ и не заинтересоваться его обладательницей положительно невозможно. Она очень умна, но умъ ея выражается не столько въ словахъ (говоритъ она вообще мало и никогда вполне не высказывается), сколько въ умѣннѣ слушать и заставлять высказываться другихъ. Все,

за что она принимается, выходитъ безукоризненно; она отличная хозяйка и заправляетъ какъ нельзя лучше, не только своимъ состояніемъ, но и материнскимъ; играетъ на фортепьяно Елена Дмитриевна такъ, что ни одинъ благотворительный концертъ безъ нея не обходится; передъ пейзажами, нарисованными ею, останавливаются на выставкахъ, не только ея знакомые, но и посторонняя публика.

Еленѣ Дмитріевнѣ идетъ тридцать второй годъ, и лѣтъ своихъ она не скрываетъ, но роли старой дѣвы не разыгрываетъ, и въ интимной бесѣдѣ, безъ всякаго жеманства сознается, что если она до сихъ поръ не нашла еще человѣка по сердцу, то за будущее она не ручается.

Алексѣй Алексѣевичъ уже второй годъ посѣщаетъ Болотниковыхъ, но съ нѣкоторыхъ поръ онъ всегда возвращается отъ нихъ пресердитый.

— Такъ и рветъ и мечетъ, по цѣлому часу готовъ пилить тебя изъ за пустяка какого-нибудь, — рассказывалъ Филиппъ своей кумѣ Денисьевнѣ. — А впрочемъ, такіе ли еще черти между господами попадаются! Другой и въ шею тебѣ наладетъ, да и жалованья не заплатитъ, ну, а у моего на этотъ счетъ безъ сомнѣнія; на подарки тоже не скупъ, угоди ему только да потрафь по характеру... А потрафить не трудно, стоитъ только молчать, когда онъ ругается, вотъ и все.

Вѣрный своей системѣ, Филиппъ и сегодня терпѣливо ожидалъ, чтобъ пронеслась буря, ни единымъ звукомъ не прерывая расходившагося барина.

Долго перекидывалъ Алексѣй Алексѣевичъ сахаръ въ хрустальной сахарницѣ, стоявшей передъ нимъ на подносѣ, прежде чѣмъ выбрать подходящій кусокъ.

— Ни одного маленькаго кусочка! Точно топоромъ нарублено... Не умѣешь колоть сахаръ по человѣчески, такъ попросилъ бы кого-нибудь... А это еще что? — продолжалъ онъ ворчать, сердито указывая пальцемъ на сахарницу съ булкой, которую подставлялъ ему съ невозмутимымъ спокойствіемъ лакей. — Я у тебя спрашиваю, что это такое? — повторилъ онъ, громко возвышая голосъ.

Филиппъ въ недоумѣніи выпучилъ глаза. — Булка-съ.

— Дуракъ! Развѣ я не вижу, что это булка!.. А почему салфеточки нѣтъ, а? Сколько мнѣ разъ повторять тебѣ, чтобъ никогда не смѣлъ подавать хлѣбъ безъ салфетки? Нѣтъ ихъ что ли? Давно ли изъ Москвы три дюжины выписали... растерялъ вѣрно и эти?

— Никакъ нѣтъ-съ, всё цѣлы-съ... запоматовавъ только положить.

— То то, запоматовавъ, — передразнилъ его баринъ. — Чтобъ у меня этого никогда больше не было, слышишь? Вѣчно останешься свиньей, какъ тебя ни учи!

Послѣднія слова онъ процѣдилъ сквозь зубы, съ досадою отвертываясь отъ глупой, покорной фигуры, переминавшейся съ ноги на ногу у дверей.

Господи, какъ надоѣла ему эта рожа! Иногда онъ просто не въ силахъ былъ выносить равнодушно присутствія этой одушевленной принадлежности его домашней обстановки! Впрочемъ, давно ужъ все въ этой обстановкѣ ему опротивѣло до омерзѣнія, и выдаются дни, когда онъ подолгу бродитъ по улицамъ безъ всякой цѣли или засиживается въ судѣ, чтобъ только подольше не видѣть предметовъ, наполнявшихъ его скучную, непривѣтливую, холостую квартиру. Уже изъ одного того, чтобъ избавиться отъ этой обстановки, уже изъ одного этого онъ обрадовался бы переводу въ другое мѣсто какъ избавленію...

Конечно, со временемъ и въ другомъ городѣ будетъ то же самое. Провинція наша отличается такимъ убійственнымъ однообразиемъ! Но первое время, пока еще не ознакомишься ни съ обществомъ, ни съ мѣстностью, можно создавать себѣ иллюзіи, интересоваться незнакомою жизнью, ждать отъ нея чего-нибудь, если не хорошаго, то по крайнѣй мѣрѣ новаго. Здѣсь же это положительно невозможно; здѣсь Алексій Алексѣвичъ живетъ третій годъ, ни съ кѣмъ не сблизаясь, но ему все до крошечки извѣстно. Мнѣніе его о людяхъ, обитающихъ не только въ городѣ, но также и въ окрестностяхъ его, безповоротно составлено; онъ впередъ знаетъ все, что они скажутъ и сдѣлаютъ въ такомъ-то или въ такомъ-то случаѣ, какой мерзости или глупости ждать отъ нихъ въ такомъ-то. Интересъ его къ согражданамъ навсегда выдохся, выдохся много раньше, чѣмъ начала литься обивка на его мебели, а въ настоящее время обивка эта такъ выпѣкла и обносила, что даже Филиппъ находитъ, что давно пора замѣнить ее новой.

Въ прихожей раздались шаги.

— Если это курьеръ съ бумагами, пришли его сюда, — приказалъ Алексій Алексѣвичъ.

Филиппъ поспѣшилъ исполнить приказаніе и почти въ ту же минуту въ кабинетъ вошелъ рослый унтеръ-офицеръ съ грудью, увѣшанной медалями и съ нашивками на рукавѣ.

— Письма есть? — спросилъ Алексій Алексѣвичъ, ксясь на

толстый портфель, который курьеръ бережно и даже съ извѣстнымъ благоговѣніемъ, положилъ на письменный столъ.

— Почта еще не разобрана, ваше п—во, поѣздъ опоздалъ по случаю мятеля, но тутъ есть записочка отъ Петра Николаевича.

— Хорошо. Подожди тамъ меня, я сейчасъ поѣду.

Курьеръ вышелъ, а Алексѣй Алексѣвичъ, выпивъ залпомъ остатокъ чая въ стаканѣ, подошелъ къ столу и открылъ принесенный изъ суда портфель. Поверхъ бумагъ, исписанныхъ крупнымъ писарскимъ почеркомъ, лежалъ вчетверо сложенный листокъ почтовой бумаги, на внутренней сторонѣ котораго было нацарапано торопливыми каракулями: «Пріѣхалъ ревизоръ изъ Петербурга, фамилія его Голубцовъ. Остановился въ гостинницѣ Башоткина, присылалъ узнать гдѣ вы живете».

Морщина, не сходившая со лба Алексѣя Алексѣвича, въ одно мгновеніе разгладилась и на губахъ его замелькала улыбка.

— Голубцовъ!—проговорилъ онъ вполголоса,—Мишка Голубцовъ! Такъ вотъ почему онъ не отвѣчалъ на мои послѣднія письма, самъ собирался пріѣхать...

И послѣ маленькаго размышленія, онъ опросталъ портфель, принесенный курьеромъ, отъ объемистаго «дѣла», которымъ онъ былъ наполненъ, и началъ укладывать въ него другія бумаги, отложенныя въ сторону еще наканунѣ. Каждую изъ этихъ бумагъ онъ внимательно пробѣгалъ глазами прежде, чѣмъ выпустить изъ рукъ, и трудъ этотъ занялъ у него не мало времени. Наконецъ, когда всѣ бумаги, одна за другой, исчезли въ объемистыхъ стѣнкахъ изъ потертаго зеленого сафьяна, Алексѣй Алексѣвичъ позвонилъ.

— Передай это курьеру и скажи, чтобъ онъ отправлялся, я сегодня въ судъ не поѣду... Если принесутъ что-нибудь съ почты, пусть доставятъ сюда,—сказалъ онъ вошедшему на звонокъ Филиппу.

А когда этотъ послѣдній скрылся, онъ запричалъ ему вслѣдъ, чтобъ онъ не забылъ принести дровъ въ каминъ.

Надо было принять стараго пріятеля покомфортабельнѣе. Голубцовъ вѣрно долго просидитъ у него, они такъ давно не видались, у нихъ такъ много найдется передать другъ другу.

Алексѣй Алексѣвичъ сѣлъ къ письменному столу и принялся пересматривать принесенныя изъ суда бумаги, по временамъ прерывая чтеніе, чтобъ взять карандашъ и сдѣлать помѣтку на поляхъ. Но работа подвигалась медленно, извѣстіе, сообщенное ему секретаремъ, дало новое направленіе его мыслямъ и

сосредоточивать ихъ на лежащемъ передъ нимъ донесеніи судебного слѣдователя о какомъ-то загадочномъ убійствѣ, только что совершенномъ въ одномъ изъ сосѣднихъ уѣздовъ, съ каждой минутой становилось труднѣе. Пріѣзжій ревизоръ долженъ былъ сообщить ему столько интересныхъ новостей изъ Петербурга! Очень можетъ быть, что онъ привезъ что-нибудь лично касающееся до него... Во всякомъ случаѣ онъ ему скажетъ, на что можно надѣяться, скоро ли дадутъ ему давно заслуженное повышение и когда переведутъ его отсюда... Вотъ ужъ шестой годъ какъ Алексій Алексѣевичъ продолжаетъ тянуть все ту же несносную яму, третій предсѣдатель мѣняется при немъ, а его все продолжаютъ держать въ «товарищахъ», его все обходятъ, да обходятъ, точно зачумленного! Когда онъ напоминаетъ, сколько вакансій открывалось по ихъ вѣдомству въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ и какими ничтожными личностями были замѣщены эти вакансіи, какой дряни давали предпочтеніе передъ нимъ, у него горечь подступала къ горлу отъ досады и бессильной злобы. Ну, теперь, по всей вѣроятности, насталъ конецъ его испытаніямъ, его вспомнили... Быть не можетъ, чтобъ Голубцовъ, не отвѣчая такъ долго на его письма, привезъ бы ему дурныя вѣсти, *pas de nouvelles—bonnes nouvelles...* И наконецъ, развѣ то, о чемъ онъ проситъ, не слѣдуетъ ему по справедливости?

Но какъ ни утѣшалъ себя Алексій Алексѣевичъ размышленіями и поговорками, тоскливое настроеніе, въ которомъ онъ находился съ самаго утра, никакъ не хотѣло раскрѣпаться. Разница была только въ томъ, что до полученія вѣсти о пріѣздѣ Голубцова неудовольствіе Алексія Алексѣевича было безпричинное, его можно было приписать и разстройству нервъ, и бесоницѣ, промучившей его до разсвѣта, теперь же выдающейся точкой его тревоги былъ вопросъ: что ему дѣлать, если его надежда на Голубцова не оправдается, если онъ узнаетъ отъ него дурныя вѣсти?

А время между тѣмъ шло, было около двухъ часовъ, а ожидаемаго гостя все нѣтъ.

Нетерпѣніе Алексія Алексѣевича стало переходить въ отчаяніе. Съ чего только онъ взялъ, что Голубцовъ непременно сегодня у него будетъ? Не глупо ли было выводить подобное заключеніе изъ того только, что пріѣзжій ревизоръ полюбознѣствовалъ узнать гдѣ онъ живетъ? Очень можетъ быть, что не только сегодня, но даже завтра и послѣ завтра онъ къ нему не заглянетъ... Напрасно только не пошелъ онъ въ судъ, тамъ представилось бы больше шансовъ встрѣтиться... И чортъ его знаетъ этого Голуб-

цова, онъ можетъ быть такъ заважничался съ тѣхъ поръ, какъ близокъ къ министру, что до него приступу нѣтъ...

И, не будучи въ состояніи дольше сдерживать своего волненія, Алексѣй Алексѣвичъ поднялся съ мѣста и началъ большими шагами прохаживаться взадъ и впередъ по комнатѣ. Но моціонъ не успокоилъ его, напротивъ, на каждомъ шагу наталкивался онъ на новые предметы раздраженія. Проходя мимо этажерокъ съ книгами, онъ не могъ не замѣтить густого слоя пыли, которыми онѣ были покрыты, оглядываясь на лампы ему кидались въ глаза плохо перетертые стекла и облитые керосиномъ резервуары. Во всѣхъ углахъ стояли пепельницы, наполненные окурками и пепломъ, только та, что была приготовлена на письменномъ столѣ, была кое-какъ вычищена. Съ замерзшихъ стеколъ натекло воды на подоконникъ и на полъ, и пожелтѣвшіе края кружевныхъ занавѣсей купались въ этой водѣ. Затопленный съ часъ тому назадъ каминъ давно погасъ. Алексѣй Алексѣвичъ захотѣлъ растопить его, но ни одной лучинки въ корзинѣ для дровъ не оказалось. Онъ изо-всѣхъ силъ дернулъ за кольцо сонетки проведеннаго въ кухню звонка, но не успѣлъ Филиппъ выскочить изъ коморки, служащей ему жильемъ, какъ подъ самымъ его ухомъ раздался другой звонокъ, такой же повелительный и нетерпѣливый какъ и первый. Этотъ шелъ изъ прихожей. Кто бы это могъ быть? Къ барину заходили иногда гости, но никто изъ нихъ не звонилъ такъ сильно.

Филиппъ съ минутой времени постоялъ въ нерѣшительности среди корридора, а затѣмъ, сообразивъ, вѣроятно, что лучше заставить ждать своего барина, чѣмъ чужого, онъ растворилъ дверь въ сѣни и впустилъ незнакомаго господина.

— Дома Алексѣй Алексѣвичъ? Доложи, пожалуйста, любезный, Голубцовъ... слышишь? Михайлъ Дмитрічъ Голубцовъ...

Какъ не слышать! Посѣтителъ говорилъ такъ громко, что голосъ его достигъ даже до ушей хозяина, который поспѣшно вышелъ на-встрѣчу стараго пріятеля.

Посѣщеніе петербургскаго гостя длилось очень долго. Нѣсколько разъ Филиппъ подходилъ то къ одной, то къ другой двери съ цѣлюю подсмотрѣть не собирается ли онъ уѣхать, но по одному тому, какъ онъ развалился въ большомъ креслѣ передъ каминомъ, какъ спокойно покуривалъ сигару, предложенную ему хозяиномъ, слѣдовало заключить, что онъ просидитъ еще очень долго, такъ долго, что можно сбѣгать и въ сосѣднюю лавочку за пивомъ и къ кумѣ за щами съ кашей, прежде чѣмъ онъ тронется съ мѣста и барину понадобятся услуги Филиппа.

Разговоръ между Алексѣй Алексѣвичемъ и гостемъ шелъ о томъ, насколько первому можно надѣяться въ скоромъ времени получить мѣсто въ Петербургѣ. По мнѣнію Голубцова, осуществленіе этой мечты было положительно невозможно.

— Впечатлѣніе еще слишкомъ свѣжо, пойми ты это, — говорилъ онъ, спустя полчаса послѣ своего появленія. — До сихъ поръ имя твое упоминается въ одномъ только министерствѣ и никто ничего не вспоминаетъ, но разъ ты займешь видное положеніе въ столицѣ... въ Москвѣ или Петербургѣ, это все равно... снова подымутся сплетни, говоръ и шумъ, ужъ это непремѣнно.

Господинъ Голубцовъ выражался медленно и съ внушительною солидностью. Отъ его тона вѣяло чѣмъ-то покровительственнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушнымъ, но во взглядѣ, которыми онъ окидывалъ съ ногъ до головы своего слушателя, когда этотъ послѣдній не могъ этого замѣчать, просвѣчивало больше любвипытства, чѣмъ сердечнаго участія.

— Il faut laisser s'écouler un certain laps de temps... Я повторяю тебѣ собственныя слова князя, мой милый другъ, онъ именно такъ и сказалъ, поручая мнѣ передать отвѣтъ на твое послѣднее письмо: dites lui que je ne l'oublie pas, mais qu'il faut qu'il se laisse oublier davantage par le public.

Алексѣй Алексѣвичъ горько усмѣхнулся.

— Да ужъ кажется!.. Вотъ третій годъ какъ я здѣсь и до сихъ поръ никто голоса моего не слышалъ. Всѣ сколько-нибудь выдающіяся дѣла передаю Булавкину... Cela me met joliment dans la dépendance de cet imbécile, je vous en réponds! — провознесъ онъ, отчеканивая съ рѣзкою раздражительностью каждое слово. — Князь хотя бы это принялъ въ соображеніе.

Господинъ Голубцовъ пожалъ плечами. — Чтожъ дѣлать, душа моя, чтожъ дѣлать! Терпѣніе!.. Въ твоемъ положеніи это единственное, что можно посоветовать... Въ настоящее время тебѣ меньше, чѣмъ когда-либо, можно думать о службѣ въ Петербургѣ. Возьми въ соображеніе ужъ одно-то, что въ скоромъ времени снова начнется цѣлый рядъ политическихъ процессовъ... А прогроз...

Онъ оглянулся на дверь и таинственно понизилъ голосъ: — О женѣ твоей ни слуху, ни духу, rien! Точно въ воду канула!.. Въ прошломъ году пронесся слухъ, будто она замѣшана въ томъ дѣлѣ, которое начало разбираться вотъ теперь, передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, я навелъ справки, оказалось чистый вздоръ... Я два раза перечитывалъ списокъ подсудимыхъ, такой фамиліи нѣтъ между ними.

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но, взглянувъ на своего

собесѣдника, смогъ на полусловѣ. При послѣднихъ его словахъ Алексѣй Алексѣевичъ довольно стремительно поднялся съ мѣста, подошелъ къ камину и такъ занялся раздуваніемъ потухающихъ угольевъ мѣхами, что врядъ ли могъ слышать то, что говорилъ гость; но невниманіе это нимало не смутило господина Голубцова и, послѣ минутнаго молчанія, онъ снова заговорилъ.

— Много ихъ перехватили за послѣднее время, *il faut espérer que nous aurons la paix enfin!*.. Теперь эти аресты да суды не производятъ такого эффекта, но первое время... Да вотъ, примѣръ, два года тому назадъ, когда судили Тентѣву... Помнишь, Вариньку Тентѣву, ту рыжеватенькую блондиночку, которую мы встрѣчали у Пыльниковыхъ? Ты вѣрно читалъ въ газетахъ?.. Пренинтересная вышла штука съ этимъ процессомъ, я тебѣ скажу, представь только себѣ, что эта барышня оказалась одна изъ самыхъ рыльных... я случайно узналъ про нее такія вещи!.. Въ газетахъ всего не пишугъ, конечно... И упекли же ее!

Онъ махнулъ рукой въ пространство. — На пять лѣтъ каторги, *rien que cela!* И кто могъ это предвидѣть въ то время, когда имъ ухаживали за нею на вечерахъ у Пыльниковыхъ! Помнишь наши диспуты на счетъ уничтоженія цивилизаціи и семьи? Какъ она горячо отстаивала и то, и другое отъ нашихъ разрушительныхъ инстинктовъ!.. Разумѣется я и тогда смотрѣлъ на все это какъ на шутки, ну, а она... Дошутилась, нечего сказать!.. И такая почтенная семья, вѣдь мать ея урожденная баронесса фонъ-Бонекъ... Нѣтъ, ты представить себѣ не можешь, какой шумъ надѣлалъ въ городѣ ея арестъ! Многіе вѣрить не хотѣли, нарочно отправились на засѣданіе, чтобъ убѣдиться дѣйствительно ли мадемуазель Тентѣва сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ. Я тоже любопытствовалъ, пошелъ... она! И посматриваетъ себѣ по сторонамъ такъ спокойно, ну вотъ, точно не на позоръ ее вывели, а пригласили на какомъ-то курьѣзномъ представленіи присутствовать. Эдакая наглость! Я мужчина, но мнѣ вчужѣ жутко стало... Обстановка такая гнусная, знаешь, жандармы, арестантскіе халаты, бррр!.. А барышня наша какъ ни въ чемъ не бывало... Вотъ характерецъ-то! Нѣ-ѣтъ, чтобъ такихъ пронять не то что каторги, а даже и висѣлицы мало! Говорятъ, что она сама защищалась и говорила очень краснорѣчиво... Я не слышалъ, потому что и до половины засѣданія не высидѣлъ, боялся, что она узнаетъ меня въ толпѣ, да еще вздумаетъ, пожалуй, мнѣ сдѣлать *un signe de reconnaissance quelconque*, вотъ одолжила бы!.. А чего добраго, отъ такой станется, изъ одного желанія сконфузить чело-вѣка, поставить его въ смѣшное положеніе...



Голубцовъ говорилъ еще очень долго все на эту же тему; его не прерывали. Алексѣй Алексѣевичъ продолжалъ возиться съ каминомъ. Дрова давно разгорѣлись и запылали яркимъ, веселымъ пламенемъ, но онъ не переставалъ подправлять ихъ то лопаточкой, то щипцами. Онъ дѣлалъ это машинально, мысли унесли его далеко, далеко... Ему вспоминался тотъ день, когда злая судьба столкнула его съ дѣвушкой, почти ребенкомъ, которую онъ съ перваго разу полюбилъ такъ, какъ два раза въ жизни не любить. Людямъ, присутствовавшимъ при ихъ свадьбѣ, казалось, что онъ беретъ хорошенькую, милую барышню, изъ которой выйдетъ прелестная дамочка; на самомъ же дѣлѣ онъ не взялъ ее, а отдалъ ей самого себя, всего, безъ остатка. Цѣлыхъ два года жилъ онъ ея жизнью, думалъ ея мыслями; цѣлыхъ два года шелъ онъ за нею всюду, куда ей хотѣлось вести его, ничего не помня и не соображая, не замѣчая невылазныхъ пропастей, мимо которыхъ она тащила его съ неустрашимостью фанатика. Опомнился онъ и оглянулся вокругъ себя тогда только, когда упоеніе страсти миновало и когда снова явилась способность соображать и разсуждать. Тогда и чувство самосохраненія, всегда сильно развитое въ немъ, вступило въ свои права и взяло верхъ надъ всѣми прочими чувствами. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, прозрѣлъ онъ вдругъ. Прелестное созданіе, овладѣвшее его сердцемъ, нѣжностью, граціей и женственностью, вдругъ превратилось въ человѣка съ сильнымъ характеромъ, непоколебимыми правилами и твердой, желѣзной волей. Точно въ волшебной сказкѣ съ превращеніями. До знакомства съ нею, онъ даже и не подозревалъ о существованіи такихъ характеровъ; иден, гнѣздившіяся въ ея хорошенькой головкѣ, планы развившіяся въ ней, были такъ сильны и грандіозны, что цѣлой сотнѣ такихъ умныхъ правовѣдовъ, какъ Алексѣй Алексѣевичъ, не совладать съ ними. Сначала, эта поѣздка за границу, съ цѣлью знакомства съ разными недоступными въ Россіи теоріями и съ «опасными» людьми, представлялась ему въ видѣ забавной экскурсіи въ запретную область, экскурсіи, изъ которой можно вернуться назадъ во всякое время, когда только вадумается. Почему не побаловаться новыми впечатлѣніями? Дома, все ужъ такъ надобно и пріѣлось!.. Любопытно также увидѣть вблизи то, о чемъ здѣсь можно судить только по газетнымъ толкамъ, да по разсказамъ разныхъ вралей. Все это было для Алексѣя Алексѣевича такъ ново и интересно, что даже такой пустой случай, какъ встрѣча съ шпиономъ, съ заправскимъ шпиономъ, посланнымъ слѣдить за всяческими «піонерами», привелъ его въ

телячій восторгъ. Теперь онъ краснѣлъ отъ стыда, вспоминая съ какимъ наслажденіемъ онъ распространялся объ этой встрѣчѣ, съ какими подробностями описывалъ какъ онъ провелъ этого шпіона, какъ ловко сблизъ его съ толпою, отвѣчая на его вопросы... Будь тогда Алексѣй Алексѣевичъ менѣе занятъ самимъ собою, да всмотрись онъ поглубже въ людей, передъ которыми онъ рисовался, онъ замѣтилъ бы съ какою обидною снисходительностью его слушаютъ, точно ребенка, болтающаго вещи давнымъ давно всѣмъ извѣстныя! Онъ замѣтилъ бы также, что ему ничего не рассказываютъ и ни на что не употребляютъ. Она же, съ первой минуты была понята всѣми, ей оказывали довѣріе, съ нею совѣтовались, безъ ея одобренія съ трудомъ рѣшались на что-нибудь важное. Всего оскорбительнѣе было то, что она давно угадала его и много раньше, чѣмъ онъ самъ все это созналъ, она уже рѣшила, что онъ не годится для ихъ «дѣла» и безъ дальнѣйшихъ церемоній, выкинула его не только изъ своего сердца, но также изъ своей жизни, какъ вещь, негодную къ употребленію. Съ той идеальной высоты, на которую ей удалось вскарабкаться, съ помощью, Богъ знаетъ, какой силы, эта женщина съ дѣтскимъ личикомъ и невиннымъ, яснымъ взглядомъ, смотрѣла на него сверху внизъ, не то съ жалостью, не то съ презрѣніемъ. Онъ казался ей мелокъ, тупъ и ничтоженъ, и въ то время, когда онъ еще продолжалъ компрометироваться, продолжалъ идти къ призрачной цѣли, забывая о послѣдствіяхъ совершаемыхъ неосторожностей, она уже объясняла его «своимъ» и всѣми силами облегчала ему путь къ отступленію...

Наговорившись досыта о движеніи, волновавшемъ въ то время наше общество, Голубцовъ вставилъ монокль въ глазъ и началъ осматривать комнату, въ которой онъ сидѣлъ.

Короткій декабрьскій день близился къ концу. Сквозь замерзшія стекла, бывшіяся между фестонами и складками изъ темновышневаго репса, которыми были задрапированы окна, свѣтъ съ улицы пробивался такъ скудно, что трудно было рассмотреть что-либо, но Голубцовъ былъ такой знатокъ во всемъ, что касалось предметовъ роскоши, что онъ, кажется, въ полнѣйшей темнотѣ и одной только оцущью отличилъ бы работу Лизере отъ произведеній поставщиковъ гостиннаго двора.

— Ты мило устроился, — замѣтилъ онъ, снисходительно улыбаясь, — сколько у тебя комнатъ? Гостинная, спальня, кабинетъ и столовая? — продолжалъ онъ, не дожидаясь отвѣтовъ на свои во-

просы, съ добродушною словоохотливостію человѣка въ хорошенкѣ расположеніи духа, которому торопиться некуда и рѣшительно все равно о чемъ бы ни говорить—о послѣднихъ политическихъ новостяхъ, о новомъ романѣ, или о томъ, гдѣ дешевле жить, въ Парижѣ или въ Петербургѣ, и который изъ двухъ портнихъ одѣваетъ шикариѣ—Шармеръ или Тедески.

— Меньше четырехъ комнатъ никакъ нельзя, я это знаю по опыту. Въ прошломъ году я пробовалъ было обойтись безъ гостинной... Квартіры у насъ такъ анааемски вздорожали, приступить нѣтъ... нашелъ такую, съ большимъ кабинетомъ, думаю—замѣнить гостинную, но не тутъ-то было, какъ нарочно въ ту зиму заболѣлъ князь, и всѣ просительницы, которыхъ онъ принимать не могъ, стали являться ко мнѣ. *Le moyen de recevoir une femme élégante dans un fumoir!* Пришлось переѣхать, не доживши до срока, и вѣхало дешевое на дорогое... Но вѣдь здѣсь цѣны на все другія... *Ameublement* у тебя довольно хорошенькое, изъ Москвы вѣрно?

Алексѣй Алексѣевичъ очнулся, наконецъ, отъ своего забытья, отошелъ отъ камина и повернувшись, къ своему гостю, извинился за разсѣянность.—Съ этимъ каминномъ такая вѣчно возня! Если самому мнѣ не заняться, можно замерзнуть къ вечеру, въ коннать другой печки нѣтъ...

— Ты спрашивалъ что-то, я не разслушалъ? — прибавилъ онъ, усаживаясь на прежнее мѣсто.

Голубцовъ повторилъ свой вопросъ о мебели, изъ Москвы ли она выписана и, получивъ утвердительный отвѣтъ, началъ спрашивать про здѣшнее житье-бытье. Ему хотѣлось знать весело ли здѣсь живутъ, много ли хорошенкихъ дамъ, велико ли общество и какъ пріятель его ладитъ съ этимъ обществомъ?

Алексѣй Алексѣевичъ нахмурился.

— Въ моемъ положеніи трудно жить по-людски, и если до сихъ поръ про меня мало болтаютъ, то это потому, что я ни съ кѣмъ не сближаюсь... Понятно, что и бибюка изъ себя вырчить не всегда удобно, особливо съ сослуживцами... Ну, также и съ нѣкоторыми изъ городскихъ властей приходится, волей не волей, знакомство водить... Приглашаютъ на балы, на вечера, надо платить тѣмъ же... кормлю обѣдами здѣшнихъ тузовъ раза два въ годъ, иногда собираются у меня поиграть по маленькой... рѣдко впрочемъ, здѣсь много семейныхъ домовъ, въ нихъ время убивается пріятнѣе, чѣмъ у такихъ бобылей, какъ мы съ тобой.

— А ты такъ и живешь холостякомъ?

— Какже мнѣ жить? Еслибъ даже и была охота завести какую-нибудь интрижку съ которой-нибудь изъ адѣйшихъ львицъ, такъ развѣ это возможно?... Провинція! чихнуть нельзя человѣку, чтобъ въ ту же минуту вѣсть объ этомъ событіи не разнеслась по всѣмъ площадямъ... Ты вотъ сейчасъ сообщилъ мнѣ, что какіе-то мерзавцы пишутъ на меня доносы въ Петербургъ, ужъ теперь, когда я постоянно держусь въ тѣни и рѣшительно никого не задѣваю... Можно себя представить, что было бы, еслибъ я вздумалъ ловеласничать!..

— Не знаю... Въ этомъ отношеніи у насъ, конечно, удобнѣе,—возразилъ съ веселымъ смѣхомъ гость,—но другіе и въ провинціи умѣютъ отлично устраниваться, и я могу назвать тебѣ кое-кого изъ нашихъ... Да вотъ Колосовъ, напримѣръ, когда его перевели въ Петербургъ, у него тамъ, въ Новороссійскомъ краѣ, цѣлая семья осталась, пять человѣкъ дѣтей! Мать ихъ, прекорощенъкая брюнетка, жена его бывшаго начальника... Этотъ дуракъ обожаетъ ребятишекъ, считаетъ ихъ своими, конечно, и смотритъ на Колосова какъ на лучшаго своего друга. Когда вся эта семья пріѣзжаетъ въ столицу, нашъ пріятель беретъ имъ ложу въ Большомъ театрѣ, а самъ изъ креселъ любитъ наслаждаться произведеніемъ... Всѣ дѣти, два мальчика и три дѣвочки, какъ дѣѣ капли воды на него похожи... Вотъ тоже Мячиковъ, этотъ пристроился еще лучше и тоже въ провинціи...

Но Алексѣй Алексѣевичъ вовсе не былъ расположенъ интересоваться амурными похождениями господъ Мячиковыхъ и Колосовыхъ.

— Я не изъ такихъ,—прервалъ онъ рассказчика.

Ему съ каждой минутой становилось несноснѣе поддерживать разговоръ въ томъ фамиллярно добродушномъ тонѣ, въ которомъ началъ и продолжалъ бесѣду его пріятель Голубцовъ. Расходившаяся желчь душила его, и онъ дорого заплатилъ бы за наслажденіе объявить гостю, чтобъ онъ убирался къ чорту. Къ несчастію это было невозможно; съ этимъ человѣкомъ его связывало не только настоящее, но и прошедшее... Они учились вмѣстѣ, поступили на службу въ одно министерство и нѣсколько лѣтъ сряду съ одинаковымъ успѣхомъ гонялись за чинами и орденами. Если въ послѣдствіи Алексѣй Алексѣевичъ значительно отсталъ отъ своего товарища, то это благодаря увлеченію, вслѣдствіе котораго не только вся его внутренняя жизнь перевернулась вверхъ дномъ, но и служебная карьера чуть было не погибла на вѣки.

Все время, пока длилось это увлеченіе, цѣлыхъ два года,

онъ былъ въ отставкѣ, и когда вздумалъ снова опредѣлиться на службу, товарищъ его такъ далеко шагнулъ впередъ, что пришлось у него искать протекціи. Благодаря только Голубцову, Алексѣю Алексѣвичу дали мѣсто сначала въ одной губерніи, потомъ перевели его въ другую. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, соскучивъ влачить беспросвѣтное существованіе по глухимъ губернскимъ городамъ, онъ рѣшился напомнить о себѣ той личности, отъ которой зависѣла его судьба. У этой личности самымъ близкимъ человѣкомъ былъ Голубцовъ, — Алексѣй Алексѣвичъ Голубцову и написалъ письмо. Отвѣтъ отъ бывшаго пріятеля пришелъ недѣли черезъ три и настолько уклончивый, что оставалось только плюнуть, искать другихъ ходовъ или предаться отчаянью. Однако, когда въ то морозное утро, съ котораго начинается этотъ разсказъ, Алексѣй Алексѣвичъ узналъ о пріѣздѣ стараго пріятеля, онъ такъ обрадовался ему, что въ первую минуту этотъ остепенѣвшійся хлыщъ въ наимоднѣйшей визитѣ на поджаромъ тѣлѣ, съ гладко выскобленнымъ рылцемъ и двусмысленной усмѣшкой, смахивающей на гримасу на тонкихъ, блѣдныхъ губахъ — показался ему какимъ-то ангеломъ благовѣстникомъ. Но иллюзія длилась не долго, старый пріятель не привезъ ему ни единой доброй вѣсти, мало того, онъ какъ будто поставилъ себѣ задачей разрушить самымъ безпощаднымъ образомъ всѣ его надежды. Оставалась одна мечта, очень скромная, припасенная на тотъ случай, если все остальное рухнетъ, но и до этой мечты добрался въ разговорѣ фаворитъ князя и ее поспѣшилъ уничтожить.

— Что же касается до той вакансіи, которая должна открыться здѣсь, — объявилъ онъ съ возмутительною авторитетностью въ тонѣ, я исполнилъ твое желаніе, говорилъ объ ней съ княземъ...

Алексѣй Алексѣвичъ восторженно и быстро поднялъ голову. — Ну чтожъ?

Гость, занятый раскуриваніемъ сигары, не вдругъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ.

— Да какъ тебѣ сказать, — началъ онъ, наконецъ, откидываясь на спинку кресла и выпуская душистые клубы дыма, — отличныя у тебя сигары, изъ Одессы вѣрно?.. Такъ вотъ, *rough evening à vos montons*, — надо повременить, пока смута не уляжется и не забудется... Дать тебѣ выдающуюся должность гдѣ бы то ни было, хотя бы даже въ провинціи, въ настоящее время положительно невозможно. Подумай только, публика такъ наэлектризована послѣдними событіями, что въ обществѣ только

и рѣчи что о виновникахъ этихъ скандаловъ... Нельзя открыть газету или журналъ, чтобъ не натолкнуться на подробности объ этихъ людяхъ, имена ихъ въ устахъ всѣхъ и каждаго...

Онъ взялъ съ ближайшаго столика пепельницу, осторожно сбросилъ въ нее бѣлый пепелъ съ сигары и, пыхнувъ еще раза два все съ тѣмъ же наслажденіемъ, продолжалъ:

— Вѣдь вы здѣсь въ провинціи и понятія не имѣете о томъ, черезъ что мы прошли послѣднее время! Вамъ тутъ хорошо судить да радить, а каково намъ эту кашу расхлебывать...

Если такими рѣчами онъ имѣлъ въ виду окончательно вывести свою жертву изъ терпѣнія, то цѣль его была достигнута. Алексѣй Алексѣвичъ не въ силахъ былъ дольше сдерживать своего раздраженія.

— Да мнѣ-то что за дѣло до этихъ людей!— вскричалъ онъ запальчиво.— Чего же, наконецъ, отъ меня еще хотятъ? И долго ли будетъ продолжаться такое унижительное, оскорбительное недовѣріе?

Гость молча наклонилъ голову и развелъ руками.

— Долго ли это будетъ продолжаться,—повторилъ Алексѣй Алексѣвичъ съ возрастающимъ раздраженіемъ.— Вѣдь смѣшнѣе моего положенія трудно найти... Нѣтъ такого каторжника, которому не былъ бы извѣстенъ срокъ его пытки, мнѣ же ничего не хотѣтъ сказать!.. Когда шесть лѣтъ тому назадъ у меня былъ тотъ разговоръ съ княземъ, вслѣдствіе котораго я снова вступилъ на службу, мнѣ было формально заявлено, что все прощено и забыто, все!.. Князь далъ мнѣ слово, что онъ будетъ имѣть въ виду одну мою предыдущую дѣятельность, да тѣ услуги, которыя я окажу впослѣдствіи, что же касается до тѣхъ несчастныхъ двухъ лѣтъ, онъ самъ совѣтовалъ мнѣ забыть объ нихъ... а между тѣмъ... забудешь тутъ, чорта съ два!

Онъ задыхался отъ волненія, лицо его покрывалось багровыми пятнами, голосъ дрожалъ и обрывался.

До сихъ поръ пріятель терпѣливо выслушивалъ его, невозмутимо покуривая сигару, но когда ропотъ Алексѣя Алексѣвича сталъ переходить границы приличія, онъ счелъ долгомъ заступиться за своего патрона.

— Князя нельзя винить, онъ радъ бы душой что-нибудь для тебя сдѣлать, но развѣ онъ одинъ управляетъ министерствомъ?.. Надо же войти въ положеніе человѣка... Когда онъ давалъ тебѣ тѣ обѣщанія, за которыя ты упрекаешь его теперь, развѣ онъ могъ предвидѣть то, что случится? Да и кто могъ предвидѣть!

Алексѣю Алексѣвичу мало-по-малу удалось совладать съ

расходившимися нервами; на душѣ у него было все также скверно, но, повидимому, онъ совершенно успокоился и не прерывалъ своего посѣтителя ни единымъ звукомъ. Волненіе, мутившее ему сердце, проявлялось только въ томъ, что порой онъ потиралъ себѣ лобъ рукою да закусывалъ нижнюю губу... можетъ быть для того, чтобъ удержатъ слова, которыя рвались съ его языка. Наконецъ, когда господинъ Голубцовъ кончилъ:

— Все это я отлично понимаю теперь, — произнесъ онъ сдвоеннымъ голосомъ, — но признаюсь откровенно, что, памятуя общаіе князя, я до сихъ поръ былъ убѣжденъ, что все это до меня не касается... Оказывается, что я ошибся!

Онъ смолкъ и пристальнымъ взглядомъ уперся въ глаза своего собесѣдника.

— Оказывается, что карьера моя навсегда разбита и что ждать мнѣ отъ службы больше нечего!

И снова, помолчавъ немного въ тщетномъ ожиданіи отвѣта, онъ прибавилъ дрогнувшимъ голосомъ: — Такъ, что ли?

Но Голубцовъ продолжалъ молчать. Алексѣй Алексѣвичъ сдѣлалъ надъ собою послѣднее усиліе.

— Ну, и отлично, такъ и запишемъ, значить, — проговорилъ онъ съ натянутой усмѣшкой. — Одного только я не понимаю, къ чему было меня морочить, зачѣмъ было обнадеживать, убѣрять меня и другихъ, что мною интересуются, что отъ меня чего-то ждутъ... Вѣдь я принималъ всѣ эти фразы за чистую монету, имѣлъ глупость имъ вѣрить... Да вотъ, напримѣръ, по поводу этой вакансіи здѣсь, развѣ я бы сталъ напоминать о себѣ, еслибъ не узналъ черезъ госпожу Болотникову...

— Какая Болотникова? Марья Алексѣвна? — съ живостью прервалъ его Голубцовъ. — Ты ее знаешь?

Глаза его заискрились отъ любопытства, предлагая этотъ вопросъ; онъ выпрямился на своемъ креслѣ и отложилъ недокуренную сигару въ пепельницу...

— Конечно, знаю. Но чтожъ изъ этого?

— Она близкая родственница нашему князю... матери ихъ были двоюродныя сестры... Князь очень уважаетъ госпожу Болотникову.

— Очень можетъ быть, но что же дальше?

— Дальше то, что онъ просилъ меня побывать у нихъ, передать письма матери и посылку дочери... Дочь зовутъ Еленой Дмитриевной, кажется?

— Еленой Дмитриевной, все съ той же саркастической усмѣшкой подтвердилъ Алексѣй Алексѣвичъ.

Волненіе Голубцова такъ забавляло его, что онъ на время забылъ свою досаду и печаль.

— И можешь ты мнѣ сказать, гдѣ онѣ живутъ и въ какое время всего удобнѣе застать ихъ дома?

— Могу. Я бываю у нихъ довольно часто, меня и сегодня тамъ ждутъ.

При этомъ Алексѣй Алексѣвичъ вспомнилъ, при какихъ обстоятельствахъ онъ далъ обѣщаніе быть сегодня у Болотниковыхъ и улыбнулся этому воспоминанію. Съ виду ничтожное, обстоятельство это имѣло для него важное значеніе, оно подтверждало въ немъ убѣжденіе, что Елена Дмитриевна чувствуетъ къ нему нѣчто глубже, сильнѣе и нѣжнѣе простой дружбы. Дѣло было такъ: когда онъ вчера вошелъ въ ихъ гостиную, госпожа Болотникова любезно упрекнула его въ томъ, что онъ рѣдко посѣщаетъ ихъ. — Я давно замѣчаю, что Алексѣю Алексѣвичу у насъ скучно, — прибавила въ этому ея дочь. Она хотѣла еще что-то сказать въ томъ же родѣ, но онъ посмотрѣлъ на нее съ такимъ упрекомъ, что она слегка покраснѣла и поспѣшила протянуть ему въ знакъ примиренія руку, которую онъ много дольше, чѣмъ слѣдовало, продержалъ въ своей рукѣ. Ни одного слова не было при этомъ произнесено между ними, но они уже безъ словъ понимали другъ друга. Какъ она улыбнулась, когда онъ объявилъ ей, что послѣ ея упрека считаетъ себя въ правѣ надѣяться имѣть каждый день!..

— Милыя барыни эти Болотниковы? — продолжалъ допрашивать Голубцовъ.

— Очень, отвѣчалъ Алексѣй Алексѣвичъ, не переставая усмѣхаться той странной, загадочной улыбкой, которая появилась на его лицѣ, какъ только рѣчь зашла о дочери госпожи Болотниковой.

Улыбку эту Голубцовъ понималъ по своему. — Чему ты смѣешься? Влюбленъ что ли въ эту дѣвицу? — спросилъ онъ съ рѣзкою фамиллярностью школьнаго товарища.

Алексѣй Алексѣвичъ пересталъ улыбаться. — Эти шутки очень неумѣстны, Михаилъ Дмитричъ, — замѣтилъ онъ оскорбленнымъ тономъ, вы отлично знаете, что я себѣ такую роскошь, какъ любовь въ порядочной женщинѣ, не могу позволить.

Но пріятель его былъ слишкомъ весело настроенъ, чтобъ принять въ сурьезъ его обидчивость.

— Фу ты, Боже мой! Какой ты сдѣлался раздражительный! Даже и пошутить нельзя.. И все отъ скуки, право! Залѣзь въ эту трущобу и носу на свѣтъ Божій не хочешь высунуть.



Ну, на что это похоже, скажи на милость? Съѣздить бы въ Москву, по крайней мѣрѣ, или за-границу наконецъ, провѣтрится бы немножко, вѣдь это даже и для здоровья необходимо. Посмотри на себя,—продолжалъ онъ все съ тѣмъ же нахально добродушнымъ смѣхомъ, отъ котораго у его слушателя снова начала подступать горечь къ горлу и кулаки судорожно сжимались,—вѣдь ты обрюзгъ, мнѣ даже кажется, que Dieu me pardonne, tu prends du ventre!—захохоталъ онъ жидкимъ провинциальнымъ смѣхомъ.

Угрюмое молчаніе Алексѣя Алексѣевича нисколько не смущало его и, нахохотавшись вдоволь, онъ снова принялся его пилить.

— Ты ни разу не бралъ отпуска съ тѣхъ поръ какъ ты здѣсь, это и князь замѣтилъ... Намеднисъ онъ при мнѣ говорилъ Ивану Григорьевичу: какая жалость, что мы поставлены въ невозможность выдвинуть такую способную личность! Истинный труженикъ, ни разу отпускомъ не пользовался въ теченіе трехъ лѣтъ. По моему, ты совершенно напрасно такъ усердствуешь, ничего этимъ не выиграешь... Бралъ бы отъ жизни то, что она даетъ.

— А если она ничего не даетъ?—съ досадой перебилъ его Алексѣй Алексѣевичъ.

— Какъ ничего? Ты еще не старъ, здоровъ, на недостатокъ средствъ къ жизни тебѣ жаловаться нельзя, содержаніе получаешь хорошее, особенно для провинціи... Разумѣется, все это денегъ стоитъ,—продолжалъ онъ, указывая на вещи, наполнявшія комнату,—но вѣдь разъ ты устроился—это на долго, а жалованья тебѣ положительно не на что здѣсь проживать.

Алексѣй Алексѣевичъ замѣтилъ на это, что въ чужомъ карманѣ считать трудно, что у него могутъ быть долги.

— А-а-а!—протянулъ гость съ нѣкоторымъ изумленіемъ.— Въ такомъ случаѣ, конечно!.. У меня тоже дѣла не совсѣмъ въ порядкѣ, дядя зажилъ, да и бабушка тоже, кажется, совсѣмъ раздумала умирать, а жизнь въ Петербургѣ такъ дорога!.. Ужъ на что князь, и содержаніе громадное получаетъ, и свое состояніе у него прекрасное, а тоже изъ долговъ не выходитъ... Нѣтъ, знаешь, я начинаю серьезно подумывать о женитьбѣ... Взять бы такъ барышню, у которой тысячь тридцать, сорокъ годового дохода, ну, тогда еще можно было бы жить, а то право же...

Онъ задумался на минуту и, вдругъ засмѣявшись неожиданной мысли, блеснувшей у него въ умѣ, онъ спросилъ не зная

ли Алексѣй Алексѣвичъ кому именно принадлежитъ подмосковная, въ которой Болотниковы проводятъ лѣто, матери или дочери?

— Въ Петербургѣ рассказываютъ, будто эта барышня одна изъ самыхъ богатыхъ невѣстъ въ Россіи, но такимъ слухамъ довѣрять опасно, на языкъ пошлѣны нѣтъ.

— Подмосковная принадлежитъ Еленѣ Дмитриевнѣ, а кромѣ того у нея капиталъ въ пять сотъ тысячъ отъ дѣда, да и материнское состояніе ей же достанется, — объявилъ Алексѣй Алексѣвичъ.

— Тсс! скажите пожалуйста! — процѣдилъ сквозъ зубы гость.

Онъ при этомъ съ умиленіемъ покачалъ головой, лицо его перестало осклабляться, а во взглядѣ появилась разсѣянность.

— Однако, я у тебя засидѣлся, пора и честь знать, — сказалъ онъ, поднимаясь съ мѣста.

Алексѣй Алексѣвичъ тоже всталъ. Голубцовъ не торопясь отыскалъ свою шляпу и началъ натягивать перчатки. Онъ уходилъ неохотно; въ дверяхъ гостиной онъ остановился и опять заболтался.

— Въ какое же время мнѣ къ Болотниковымъ, а? Ты думаешь, что, если я приѣду къ нимъ утромъ, во второмъ часу, меня примутъ?.. Мнѣ хотѣлось бы застать ихъ обѣихъ дома и произвести эффектъ, чѣмъ чортъ не шутитъ! и если только эта дѣвица сверхъестественнымъ безобразіемъ не отличается, можно будетъ и приволокнуться... Не теперь, конечно, — то дѣло по которому меня командировали сюда, будетъ кончено дней черезъ десять, но потомъ, когда я вернусь...

— Предсѣдателемъ? — подсказалъ Алексѣй Алексѣвичъ.

Проницательность эта смутила немножко фаворита князя.

— Можетъ быть, еще это не совсѣмъ рѣшено... Мнѣ предлагали выборъ между двумя губерніями, я выбралъ эту, потому что климатъ лучше, а также потому, что здѣсь по близости имѣніе моей бабушки...

— Той самой, отъ которой ты ждешь наслѣдства?

— Да, той самой, но ты, пожалуйста не воображай... я ни за что не принялъ бы предложеніе князя, еслибъ твоя просьба могла быть уважена... пожалуйста...

Онъ все больше и больше путался подъ пристальнымъ взглядомъ своего бывшаго пріятеля. Взглядъ этотъ былъ очень краснорѣчивъ, въ немъ выражалось столько горькаго презрѣнія!

— Не будемъ больше говорить объ этомъ, — произнесъ Алексѣй Алексѣвичъ довольно сдержанно и учтиво; но едва только дверь затворилась за посѣтителемъ, какъ онъ послалъ

ему вслѣдъ такое громкое и крѣпкое ругательство, что Филиппъ вздрогнулъ и двинулся къ дверямъ кабинета.

— Вы изволили звать, сударь? — спросилъ онъ, съ любопытствомъ всматриваясь въ искаженное гнѣвомъ лицо своего барина.

— Никого не принимать, слышишь? Кто бы ни пріѣхалъ, всѣмъ говори, что меня дома нѣтъ, — объявилъ Алексѣй Алексѣевичъ. — Цѣлое утро отнял у меня этотъ шелонай, — продолжалъ онъ ворчать сквозь зубы, придвигая кресло къ письменному столу и принимаясь перелистывать лежащія на немъ бумаги.

Въ домѣ воцарилась полнѣйшая тишина. На часахъ пробило пять, шесть, сумерки сгущались, но Алексѣй Алексѣевичъ ничего не замѣчалъ. Онъ сидѣлъ все въ той же позѣ, облокотившись надъ столомъ и опустивъ голову на руки. Никогда еще не признавалъ онъ такъ ясно безпомощность и безнадежность своего положенія, какъ въ эти минуты. Разговоръ съ Голубцовымъ разсѣялъ всѣ его иллюзіи; точно завѣса какая-то спала у него съ глазъ, открывая передъ нимъ дѣйствительность во всей ея неумолимой неприглядности. Отъ будущаго ему ждалъ нечего, карьера его кончена, всѣ пути къ какому бы то ни было повышенію навсегда для него закрыты, надо мириться съ тѣмъ, что есть... Да и за это ручаться нельзя, очень можетъ быть, что ужъ теперь, подъ него подкапывается какой-нибудь пролазъ изъ юныхъ, будущій Голубцовъ. Конкуренція такъ велика! Мало ли людей, обгоняющихъ другъ друга въ той скачкѣ съ препятствіями, которую называютъ карьерой! Пока онъ тутъ томится въ какомъ-то чистилищѣ, дня не проходитъ, чтобы не нарождалось на свѣтѣ Божій новыхъ силъ, стремящихся къ дѣятельности, дня не проходитъ, чтобы не проявлялись новые люди, жаждущіе жизни, жизни во что бы то ни стало, и люди смѣлые, свѣжіе, имѣющіе полнѣйшую возможность нахально предъявлять свои права на счастье. И сколько шансовъ на ихъ сторонѣ, кромѣ силы воли, терпѣнія и таланта! Прошлое ихъ ничѣмъ не компрометтировано, имъ можно постоянно вертѣться на глазахъ у кого нужно, надобѣдать напоминаніями о себѣ, они не ислабѣли нравственно такъ какъ онъ!.. Если ужъ какой-нибудь Голубцовъ преуспѣваетъ, если ужъ онъ, не взирая на свою тупость и пустоту, стоитъ на твердой почвѣ... Предлагаютъ-молъ выборъ между двумя губерніями!..

Алексѣй Алексѣевичъ усмѣхнулся, припоминая смущенную фізіономію своего счастливаго соперника.

— Выбралъ эту, потому что по близости бабушкино имѣніе... скоты! А я-то воображалъ, что онъ будетъ для меня хлопотать! Какъ бы не такъ! Очень можетъ быть, что я и мысль ему подавъ проситься сюда...

Разумѣется, это онъ, больше некому; Алексѣй Алексѣевичъ узналъ случайно намѣреніе предсѣдателя перейти въ другое вѣдомство, и сообщилъ объ этомъ любезному другу, а любезный другъ и принялся хлопотать, но только не за него, а за самого себя... У него у самого разгорѣлись глаза на предсѣдательское мѣсто, точно такъ же какъ теперь они разгораются у него на богатую невѣсту, на Болотникову... Но ужъ тутъ шалишь! Тутъ вы только напрасно разстрѣливаете ваши патроны, м-сье Голубцовъ, ни одинъ изъ вашихъ зарядовъ не попадетъ въ цѣль! Елена Дмитриевна не изъ таковскихъ, она знаетъ толкъ въ людяхъ, ее на такую удочку, какъ пошлое завирательство, прическа à la Carou, да искусство нести чужъ авторитетнымъ тономъ, не поддѣпишь! Много за нею увивалось административныхъ младенцевъ, и такихъ какъ м-сье Голубцовъ, и по важнѣе, вѣдь всѣмъ извѣстно, что у нея около милліона приданаго и что министръ доводится ей дядей, однако, она до сихъ поръ не замужемъ... Вотъ, еслибы Алексѣй Алексѣевичъ былъ свободенъ, ну, тогда дѣло другое, онъ ей нравится... Съ первой же встрѣчи она стала отличать его отъ другихъ, всматриваться въ него, вслушиваться въ его мнѣнія и всячески доказывать ему свою симпатію и довѣріе. Ни съ кѣмъ не сближалась она въ городѣ, а съ нимъ пускалась даже въ откровенности, рассказывала ему такіе эпизоды изъ своей жизни, которые никому не были извѣстны, совѣтовалась съ нимъ въ дѣлахъ и всегда слѣдовала его совѣтамъ. Наконецъ, у Алексѣя Алексѣевича были и другія доказательства ея расположенія къ нему, и будь онъ только фатомъ... Но онъ фатомъ никогда не былъ, да и къ чему послужило бы ему фатовство въ данномъ случаѣ? Положимъ даже, что Елена Дмитриевна увлечена имъ, ну, попросту сказать, влюбилась въ него какъ самая простая смертная, влюбилась такъ, что не задумываясь приняла бы его предложеніе жениться на ней, вѣдь подобнаго предложенія онъ ей сдѣлать не можетъ, онъ несвободенъ... А хорошо было бы сдѣлаться свободнымъ!.. Женившись на Болотниковой, можно было бы плюнуть, не только на такую мелкоту какъ Голубцовъ, но даже и съ самимъ княземъ посчитаться, да и службу оставить. Мало ли чѣмъ можно заняться съ деньгами да со связями, мало ли до чего можно достигнуть! Да еще съ такой женой, какъ Елена Дмитриевна!

Свѣтская, умная, ловкая... Со временемъ можно даже и привыкаться къ ней, привыкнуть... ко всему привыкаешь! Да развѣ въ одной только любви счастье? Было время, когда онъ былъ въ этомъ увѣренъ и воображалъ себя несчастнымъ потому только, что съусмашедшая дѣвчонка предпочла ему свои сумасбродныя утопіи; но теперь время это прошло и прошло безвозвратно, онъ теперь отлично знаетъ, что для человѣка, мыслящаго благо-разумно и серьезно, жизнь можетъ доставить много наслажденій помимо любви... Женившись на Болотниковой, можно забрать цѣлую губернію въ руки, поминать всѣми властями въ ней какъ пѣшками... Выберуть въ предводителя, произведутъ въ камергеры... все будетъ прощено и забыто, прошлые заблужденія пойдутъ даже въ пользу... Смогли бы тогда всѣ нареканія бывшихъ друзей и клеветы враговъ... Самую правду говорили бы тогда про Алексѣя Алексѣевича осторожно, выбирая выраженія: Никто не смѣлъ бы называть его ни ренегатомъ, ни трусомъ... Господи! Да онъ тогда, какъ дважды два-четыре, доказалъ бы имъ, что какой-нибудь сотней тысячъ рублей, брошенной во время и кстати, можно достичь до того, до чего имъ не достигнуть цѣною страшнѣйшихъ жертвъ, цѣною жизни!.. Свободу бы ему только, свободу!

Не разъ случалось ему проклинать преграду, стоявшую между имъ и счастьемъ, но сегодня его досада и ненависть дошли до такой степени, что онъ съ великою радостью уступилъ бы половину тѣхъ дней, которые ему оставалось прожить на землѣ, за возможность провести остальную жизнь такъ, какъ ему хотѣлось бы. Да и въ самомъ дѣлѣ, несноснѣе его пытки, трудно было бы изобрѣсти: счастье передъ нимъ, въ двухъ шагахъ, оно манитъ его, навязывается ему, можно думать, что ему стоитъ только протянуть руку, чтобы овладѣть имъ, всѣ воображаютъ... Но что ему за дѣло до всѣхъ, когда онъ знаетъ до какой степени счастье далеко отъ него, какъ оно недостижимо! Да и мало ли у него нравственныхъ мукъ и терзаній, о которыхъ никто и понятія не имѣетъ, никто, даже и тѣ, кому его прошлое извѣстно!.. Да вотъ Голубцовъ, напримѣръ, такого неделикатнаго скота трудно найти; однако, можно чѣмъ угодно поручиться, что онъ мучилъ его сегодня безсознательно и непремѣнно превратилъ бы свои разглагольствованія о политическихъ процессахъ, о ссылкахъ и тюрьмахъ, еслибы онъ могъ догадаться какое дѣйствіе производятъ эти рассказы на его слушателя. Сегодня, благодаря этому скоту, Алексѣй Алексѣевичъ испыталъ почти такую же муку, какъ та, которую ему довелось

вынести два года тому назадъ, во время путешествія на пароходѣ по Волгѣ и по Камѣ. Онъ ѣхалъ по казенной надобности, съ секретнымъ порученіемъ отъ начальства. Ничѣмъ не изгладить ему изъ памяти этой поѣздки!

Было лѣто. Рѣка такъ широко разлила свои мутно желтоватыя волны, что пароходы могли останавливаться почти у самаго берега, застроеннаго безобразными, наскоро сколоченными бараками, въ которыхъ несмолкаемымъ гуломъ галдятъ продавцы бубликовъ, сапоговъ, калачей, лаптей и тому подобныхъ предметовъ первой необходимости.

Между лотками саяшниковъ и продавцовъ ягодъ проталкиваются торговли мочеными яблоками, грушами, квасомъ въ ведрахъ, нацѣпленныхъ на коромысла, перекинутыя черезъ плечо, и визгливо выкрикиваютъ свой незатѣйливый товаръ. Народъ, толпѣющійся у пристани и по откосу крутой горы, все больше простой народъ, темный и бѣдный, въ грубыхъ, грязныхъ отрепьяхъ, съ коричневыми отъ загара лицами, мозолистыя руки, рабочіе мужики, бабы съ ребятишками. Нѣкоторые притащились издалѣка; у нихъ большіе холщевые мѣшки за спиной и суковатыя палки въ рукахъ. Къ бородамъ ихъ и къ одеждѣ пристали пыль и клочки сѣна и трухи отъ всѣхъ проселочныхъ и большихъ дорогъ, по которымъ они шли, отъ всѣхъ сараевъ и заборовъ, подъ которыми они спали. Въ воздухѣ, пропитанномъ запахомъ сырой кожи, веревокъ и дегтя, вонью протухлой рыбы, стономъ стоитъ несмолкаемый говоръ множества голосовъ, покрываемый по временамъ громкимъ ругательствомъ или грознымъ окрикомъ охранителей общественного порядка, прохаживающихся во всеоружіи среди толпы. Миряды мошекъ и комаровъ, отъ которыхъ ничѣмъ не отмахнешься, нахально забираются въ глаза, въ уши, впуская жало всюду, куда только можно...

Съ каждой минутой народу прибываетъ и гвалтъ усиливается. Солнце поднимается все выше и выше. Смотрѣть на гору становится невыносимо, такъ рѣжетъ глаза сверкающей бѣлизной песокъ, разогрѣтый палящими лучами солнца; но несмотря на то, множество глазъ обращено на эту гору въ тоскливомъ ожиданіи партіи арестантовъ, которыхъ должны привести на пристань тотчасъ по прибытіи парохода. Другіе, въ томъ числѣ и Алексѣй Алексѣвичъ, смотрятъ на рѣку, на ту черную точку, что появилась нѣсколько минутъ тому назадъ на горизонтѣ. Мало-по-малу точка увеличивается и начинаетъ принимать опредѣленное очертаніе—это давно ожидаемый пароходъ. Среди дыма, разстилающагося темными клубами по ясной, безоблачной лазури

лѣтнаго утра, ясно видѣляются черныя трубы, мачты, труба капитана... Еще нѣсколько минутъ и простымъ глазомъ можно отличить людей, копошащихся на палубѣ, еще минута и въ свѣтлой, облитой солнечнымъ блескомъ дали, выплываетъ длинная баржа, которую пароходъ тянетъ за собою на буксирѣ.

Странный видъ имѣетъ эта баржа, не вдругъ можно понять для какого именно употребленія она устроена. Желѣзная рѣшетка, идущая отъ навіса къ борту, придаетъ ей видъ чудовищной клѣтки; люки, наполовину выглядывающіе изъ воды, тоже снабжены рѣшетками. Штыки многочисленной стражи, охраняющей пассажировъ этой пловучей тюрьмы, ярко сверкаютъ на солнцѣ. У рѣшетокъ тѣснятся мертвенно блѣдныя лица, съ длинными нечесанными бородами, въ халатахъ и шапкахъ своеобразнаго покроя, виднѣются между ними и женскія лица, въ бѣлыхъ платкахъ на головѣ.

— Казенный грузъ, — острить кто-то у самого уха Алексѣя Алексѣвича.

Этотъ послѣдній пріѣхалъ на пристань довольно рано, и одинъ изъ блюстителей общественнаго порядка поспѣшилъ очистить ему мѣсто у самыхъ мостковъ, по которымъ должны были проходить путешественники подплывавшаго парохода. Когда всѣ они до одного сошли и, протолкавшись не безъ труда, между толной покрывавшей пристань, стали подниматься въ гору, кто пѣшкомъ, кто на извозникахъ, а кто въ собственныхъ экипажахъ, пріѣхавшихъ за ними изъ города, настала очередь заняться баржей. Она причалила къ самому пароходу и стала бокъ-о-бокъ съ нимъ. Не взирая на брани и туманы начальства, народъ неудержимой волной хлынулъ впередъ, но были и такіе, которые оставались на прежнихъ мѣстахъ, издали слѣдя за борьбой и свалкой глупаго мужичья съ полиціей.

— Говорятъ много тутъ всякихъ везуть съ этой партіей, — болтали въ группѣ, стоявшей въ двухъ шагахъ отъ Алексѣя Алексѣвича.

— Изъ политическихъ вѣрно. Много ихъ таперича развелось, почитай, съ каждой партіей человѣкъ пять, шесть пригоняютъ, а когда и больше, — объясняетъ какой-то обыватель изъ «образованныхъ».

— Изъ города тоже семерыхъ такихъ приведутъ... Всѣхъ-то изъ острога триста человѣкъ вывели, я смотрѣлъ изъ окна, такая длинная процессія, страсть! Звонъ отъ кандаловъ за версту было слышно! — распространялся словоохотливый купчикъ.

— А вотъ ужъ имъ и пріемъ готовятъ.

Въ эту минуту отворили рѣшетчатые двери баржи и черезъ всю палубу парохода уставляли шесты съ протянутыми между ними цѣпами, вдоль которыхъ молоденькій офицеръ, весь красивый и запыхавшійся отъ суетни и хлопотъ, разставлялъ конвой, съ саблями на-голо.

— Куда же ихъ всѣхъ разсадятъ?—любопытствовала старушка, повязанная темнымъ шелковымъ платкомъ.

Она вышла встрѣчать родственницу на пароходъ, но родственницы между сошедшими пассажирами не оказалось, и старушка замѣшкалась на пристани, заинтересованная шумомъ толпы, странною баржей съ человѣческимъ грузомъ и толками, возбуждаемыми этимъ грузомъ.

— Небось, на всѣхъ мѣста хватить, баржа на восемь сотъ душъ устроена.

— Господи Боже мой! Мать пресвятая Богородица! Точно звѣрей въ клѣткѣ держутъ!—вдохнула старушка.—И для чего это солдаты такъ много нагнато?

— Чтобъ не убѣгъ который-нибудь изъ преступниковъ, караулять.

— Убѣжишь тутъ!.. Рѣшетки-то, чай, желѣзныя?

— Извѣстно желѣзныя не пранычныя.

— Да и куда бѣжать-то, вѣдь вода кругомъ...

— Ну, который плавать умѣетъ...

— Въ кандалахъ-то, экой ты ловкій!.. Ну-ка, поплыви!..

— А спать-то они гдѣ?—продолжала любопытствовать старушка..

— Нары такія понадѣланы, вродѣ какъ поля въ шкапу, одинъ на другомъ... нижніе въ водѣ конечно... Въ прошломъ году конвойный офицеръ знакомый попался, не хотите-ли осмотрѣть наши какоты, говорить, многіе любопытствуютъ... я пошелъ, такъ повѣрите ли больше двухъ отдѣленій не могъ видѣть, такая духота и вонь, просто съ ногъ сшибаетъ... А ужъ тѣснота! Ни стоять, ни сѣсть...

— Слышите? Ведутъ!—прервалъ кто-то рассказчика.

— Ведутъ, ведутъ!—повторяли въ толпѣ.

Съ вершины горы медленно спускалась сплошная сѣрая масса, окруженная свергающими штыками конвойныхъ. Станный звукъ, напоминающій визгъ пилы, съ минуты на минуту усиливался, звонъ цѣпей и кандаловъ становился все явственнѣе и явственнѣе..

— Ваше п-во,—обратился одинъ изъ полицейскихъ къ Алексѣю Алексѣвичу, который не спускалъ бинокля съ баржи,—из-



вольте обратить вниманіе на тотъ уголь... вонъ, гдѣ отдѣленіе ссыльно-каторжныхъ... Женщина у рѣшетки, это та самая, извѣстная...

Онъ назвалъ имя, прогремѣвшее самымъ печальнымъ образомъ по всей Россіи. Женщину, носившую это имя, за самое звѣрское, истязаніе беззащитнаго ребенка и погубшаго отъ истязанія осудили на каторжную работу. Приговоръ этотъ былъ встрѣченъ публикой съ восторгомъ; во время суда надъ нею одного только опасались, снисходительности со стороны присяжныхъ заседателей.

Алексѣй Алексѣвичъ навелъ бинокль въ тотъ уголь, на который ему указывалъ полицейскій и увидѣлъ у рѣшетки грубое лицо съ низкимъ лбомъ и небольшими хитрыми глазами. Жесткіе волосы безпорядочными прядями выбивались изъ-подъ криво повязаннаго платка; грязными пальцами съ обгрызенными ногтями, она крутила нѣчто въ родѣ папиросы изъ оберточной бумаги. Глядя на нее, Алексѣю Алексѣвичу невольно припоминались возмутительныя подробности совершеннаго ею преступленія, ея циничныя отвѣты на судъ; вся гнусная жизнь этого нравственнаго уродя, переполненная низкимъ коварствомъ и скотскимъ развратомъ, развернулася передъ нимъ во всѣхъ ея отвратительныхъ подробностяхъ, и ему стало жаль тѣхъ отверженныхъ, которые были осуждены на совмѣстную жизнь съ этимъ чудовищемъ. Такихъ несчастныхъ было много, около тридцати женщинъ тѣснилось въ узкомъ пространствѣ, огороженномъ на баржѣ для такъ называемыхъ «важныхъ» арестантовъ, да еще столько же осталось внизу, въ каютахъ для спанья, этимъ послѣднимъ не дозволялось подниматься на верхъ во время останова парохода въ городахъ.

— Самые важныя, — шепнулъ Алексѣю Алексѣвичу на ухо, все тотъ же услужливый полицейскій, указывая ему движеніемъ подбородка на люкъ, выглядывающій на половину изъ воды.

Алексѣй Алексѣвичъ перевелъ бинокль на этотъ люкъ; за желѣзной рѣшеткой виднѣлись двѣ головы, одна, съ мертвенно блѣднымъ лицомъ и большими помутившимися глазами, прижималась къ желѣзнымъ прутьямъ, съ жадностью вдыхая влажныя испаренія, подымавшіяся отъ воды, смѣшанной съ грязью, сухія, синевато-блѣдныя губы были полуоткрыты, грудь подъ сѣрымъ грубымъ сукномъ высоко поднималась, а крошечныя дѣтскія руки съ синими жилками у пульса, цѣплялись за рѣшетку съ какимъ-то отчаяніемъ. Она была ужъ такъ слаба, что не могла держаться на ногахъ, ее поддерживала сзади другая

женщина. Эту Алексѣй Алексѣевичъ тотчасъ же узналъ, и цѣлый міръ воспоминаній зародился въ его умѣ.

Какъ попала сюда эта дѣвушка? Когда онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ, это было лѣтъ пять тому назадъ на танцевальномъ вечерѣ у однихъ общихъ знакомыхъ, она была въ розовомъ, длинныя черныя косы были перевиты лентами и цвѣтами, такая стройная и граціозная. Она только что вышла изъ института, подшучивали надъ ея наивною и незнаемъ свѣта... Какъ попала она сюда?

Съ минуту времени Алексѣй Алексѣевичъ не могъ оторвать глазъ отъ этого лица. Надо было только дивиться, что онъ узналъ его, до такой степени оно изстрадалось, похудѣло и поблѣднѣло! Глаза сдѣлались почти такіе же огромные, какъ у ея умирающей подруги и сверкали лихорадочнымъ блескомъ; когда-то розовыя губы поблѣкли и потрескались. Ее вовсе не занимала толпа, тѣснящаяся на берегу, взглядъ ея, полный мучительной тревоги, ни на мгновеніе не отрывался отъ больной дѣвушки, которой она помогала стоять у рѣшетки. Сколько нѣжной заботливости и любви было въ этомъ взглядѣ!..

Усиливающийся говоръ на берегу, суматоха и звонъ цѣпей заставили Алексѣя Алексѣевича оглянуться на гору. Теперь часть ея склона, отъ самой вершины до низу, была покрыта сѣрой массой, медленно движущейся между двумя рядами поднятыхъ кверху штыковъ. Множество народу сопровождало арестантовъ изъ города. Берегъ былъ тоже усѣянъ народомъ, онъ тѣснился и на палубѣ парохода, свободнымъ оставался только проходъ между цѣпами, вдоль которыхъ шпалерами стояла стража. Партія приближалась. На берегу солдаты быстро оцѣнили арестантовъ, конвой занялъ свои мѣста, задвижка у желѣзныхъ дверей рѣшетки щелкнула, дверь отворилась, офицеръ и сдающій партію майоръ взошли на баржу и началась пріемка. У дверей рѣшетки сталъ унтеръ-офицеръ съ записной книжкой, въ которую онъ вносилъ арестантовъ по мѣрѣ того, какъ они вступали на баржу.

Переходъ отъ городской тюрьмы къ пристани длиненъ и къ тому же люди такъ заморились въ заточеніи, такъ обезсиѣли и опустились духомъ, что многіе изъ нихъ изнемогали отъ усталости. Спинны ихъ стгибались подъ бременемъ мѣшковъ съ имуществомъ, распухшія ноги еле волочили тяжелые кандалы. Впереди всѣхъ шли ссыльно-ваторжные. У входа на баржу имъ вѣдѣно было остановиться и снять шапки. Головы ихъ были на половину выбриты.

При видѣ этихъ обезображенныхъ существъ Алексѣй Алек-

сѣевичъ вздрогнулъ, и странное представленіе овладѣло имъ: ему вдругъ показалось, что его сейчасъ схватятъ, облекутъ въ сѣрый халатъ, втолкнутъ въ страшную толпу и смѣшаютъ съ нею на вѣки...

Когда онъ опомнился, холодныя капли пота струились по его лбу, вся кровь прихлынула къ сердцу, оно забилося какъ пойманная птица...

А приѣмка между тѣмъ продолжалась; за первымъ десяткомъ послѣдовалъ второй, за вторымъ третій, четвертый, всѣхъ ссыльно-каторжныхъ было около двухсотъ человѣкъ. На баржѣ будущіе спутники встрѣчали ихъ громкими ругательствами и проклятіями, да и понятно: въ тѣсныхъ, душныхъ каютахъ и безъ нихъ не хватало воздуха, и безъ нихъ вонь и тѣснота была нестерпимая.

Послѣднимъ ступилъ на баржу высокій, черноволосый юноша, съ худымъ, осунувшимся лицомъ, въ которомъ горѣли полные жизни и энергіи, большіе, каріе глаза. Одѣтъ онъ былъ во все казенное какъ и прочіе арестанты, кандалы на немъ были такіе же тяжелые; ему, какъ и всѣмъ, послѣдній солдатъ говорилъ «ты»; его во всемъ, во всемъ сравнивали съ другими. Все, что было приобрѣтено его предками въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій постепенной цивилизаціи и особенно тщательно передано ему, какъ послѣднему представителю одного изъ древнѣйшихъ родовъ земли русской, все это отняли у него; нельзя было только отнять нѣжности кожи, вдумчиваго внимательнаго взгляда, горькой наменности въ усмѣшкѣ, да тонкихъ, длинныхъ пальцевъ съ красивыми ногтями. Нельзя было также сдѣлать, чтобъ нога его не казалась маленькой даже въ безобразныхъ арестантскихъ сапогахъ, да чтобъ во всѣхъ его движеніяхъ, даже и въ томъ, которымъ онъ наклонялъ плечи подъ тяжелой ношей, не проглядывало нѣчто такое, что вставляло товарищей почтительно сторониться отъ него, а молоденькаго конвойнаго офицера отворачивать въ сторону неловкій взглядъ, отдавая ему приказанія.

Впрочемъ, мѣщанинъ правду сказалъ: много ихъ теперь такихъ гонять въ Сибирь! Такъ много, что и дивиться перестали. Самое большое, если, глядя на нихъ, въ толпѣ пожмутъ плечами, покачаютъ въ недоумѣніи головой и проворчатъ сквозь зубы не то съ досадой, не то съ сожалѣніемъ: эхъ, баринъ, баринъ! Надоѣло видно сладкое господское житье, захотѣлось нашей мужицкой страды попробовать?

За каторжными шли ссыльные на поселеніе съ женами и дѣтьми. Первымъ вступилъ на палубу высокій худой малороссъ

лѣтъ тридцати, но успѣвшій такъ состарѣться въ тюрьмѣ, что его можно было принять за старика. Блѣдный, съ тѣмъ сосредоточенно угрюмымъ выраженіемъ, которое свойственно его соотечественникамъ, шелъ онъ по палубѣ, опустивъ глаза въ землю, большими торопливыми шагами. За нимъ слѣдовала жена. Ея тюрьма не успѣла еще состарить и обезобразить такъ, какъ мужа, она смотрѣла молодою и красивой женщиной. На рукахъ ея былъ ребенокъ, двухлѣтній кудравенькій мальчикъ, весело озиравшійся по сторонамъ ясными, невинными глазками, беззаботно улыбаясь солдатамъ, мимо которыхъ его проносили, пестрой толпѣ, провожавшей ихъ сворбнымъ взглядомъ, яркому солнышку, мрачной баржѣ, которая повезетъ ихъ въ далекій, суровый край. За женщиной, крѣпко цѣпляясь за ея юбку обѣими ручонками, бѣжала дѣвчоночка лѣтъ четырехъ... У этой личико было озабоченное и ей не до того, чтобъ глазѣть по сторонамъ, она уже понимаетъ, что значить быть оторванной отъ родной семьи и ужасно боится отстать отъ тѣтень съ мамкой...

Рѣшетка шумно захлопнулась, ключъ щелкнулъ въ замкѣ и конвой сталъ на мѣсто. Раздался третій свистокъ, заскрипѣли кранцы, зашумѣли колеса, пароходъ тронулся въ путь. Нѣкоторое время баржа шла съ нимъ бокъ-о-бокъ, такъ что можно было разглядѣть все, что происходило на ней. Но между женщинами въ бѣлыхъ платкахъ, продолжавшими выглядывать между желѣзными прутьями рѣшетки, не видно было ни знакомой Алексѣю Алексѣвичу дѣвушки, ни ея больной подруги. Последней вѣрно сдѣлалось хуже, и ее снесли въ лазаретъ...

Но по мѣрѣ того, какъ пароходъ отдалялся отъ пристани, начинаютъ отдавать буксиръ, и баржа стала отдаляться. Когда она отстала саженой на пятьдесятъ, буксиръ уналъ въ воду, вытянулся, и человѣческій грузъ, наполнявшій плавучую кѣтку, снова слился въ неясную, сѣрую массу, въ которой нельзя было отличить одно существо отъ другого...

Ночь. Пароходъ остановился. Останавливается и баржа съ арестантами. Въ посвѣжѣвшемъ воздухѣ запахло ароматомъ травъ, цвѣтущей сирени и черемухи. Кама плавно и медленно катитъ свои широкія волны, въ которыхъ ярко отражается полная луна. Обширное пространство воды сверкаетъ въ ея мягкомъ, серебряномъ блескѣ. Блескъ этотъ придаетъ нѣчто фантастичное городку, раскинутому на берегу. Въ маленькихъ домикахъ съ запертыми наглухо ставнями, а также въ молчаливыхъ садахъ, чернѣющихъ за ними, тихо и неподвижно какъ въ могилахъ. Гдѣ-то далеко, на задворкѣ вросшей въ землю избенки пробуетъ лаять

собака, но лай у нея хриплый, сонный, какой-то старческий, безпомощный лай, переходящій въ длинный, заунывный вой. Другія собаки не хотятъ ей вторить, онѣ предпочитаютъ спать; одного только ночного сторожа вой этотъ пробуждаетъ къ дѣятельности и время отъ времени онъ лѣниво поколачиваетъ своей деревянной колотушкой, прохаживаясь по пустымъ улицамъ. Но ни стужъ этотъ, ни вой собаки не нарушаютъ иллюзии, и городокъ продолжаетъ казаться обширнымъ кладбищемъ.

На томъ разстояніи, на которомъ баржа остановилась отъ парохода, она тоже кажется гробомъ и надо очень долго и внимательно въ нее всматриваться, чтобъ подмѣтить, что на ней происходитъ нѣчто необычайное. Впрочемъ, бѣготня солдатъ по налубѣ, суетливыя хлопоты матросовъ надъ лодкой, которую они торопливо отвязываютъ отъ кормы, все это сопровождается однимъ только звяканьемъ цѣпей и оружія, человѣческихъ голосовъ не слышно, всѣ приказанія отдаются таинственнымъ шопотомъ, и, сталкиваясь между желѣзными перегородками, люди молча обмѣниваются взглядами. Говорить другъ съ другомъ нѣтъ никакой надобности, всѣ знаютъ въ чемъ дѣло; уже съ часъ времени вся баржа, отъ одного конца до другого, взволнована вѣстью о томъ, что въ женскомъ отдѣленіи одной пассажиркой стало меньше.

Черезъ нѣсколько минутъ лодка готова; двое солдатъ садятся въ нее и берутся за весла. За ними слѣдуетъ офицеръ, а за офицеромъ еще двое солдатъ несутъ что-то длинное, завернутое въ рокожу и опускаютъ на дно лодки...

Еще всплескъ веселъ, и лодка отчаливаетъ, а на баржѣ мало-по-малу все затихаетъ. Фонари гаснутъ одинъ за другимъ, люди расходятся по мѣстамъ, всякое движеніе прекращается... только чья-то голова бьется объ рѣшетку люка, да чьи-то рыданія раздражающимъ душу воплемъ проносятся въ воздухъ, нарушая на мгновеніе тишину и порядокъ.

А лодочка между тѣмъ быстро скользитъ по волнамъ; сейчасъ она пристанетъ къ берегу, офицеръ пошлетъ за мѣстной полиціей и сдастъ ей подъ росписку трупъ съ предписаніемъ какъ можно скорѣе похоронить его. Предписаніе это будетъ въ точности исполнено: не успѣетъ еще заря заалѣть на востокъ, какъ на кладбищѣ начнется работа. Выйдетъ на крылечко своего чистенькаго домика священникъ въ старенькой, будничной рясѣ, посмотритъ по сторонамъ, на рѣку, по которой легкой рябью бѣгутъ волны, разбуженные утреннимъ вѣтеркомъ, на лѣсочки, зеленѣющіе то тутъ, то тамъ, по сторонамъ большой

дороги, между огородами, окруженными плетнями, да полями, засѣянными овсомъ и пшеницей. Подыметъ священникъ глаза къ небу, чтобъ угадать по цвѣту облаковъ, скользящихъ по немъ, каковъ будетъ день и не пошлетъ ли Господь дождичка, а затѣмъ поплетется къ церкви, гдѣ ужъ стоитъ некрашенный сосновый гробъ съ незнакомой покойницей. Бросивъ бѣглый, равнодушный взглядъ на изможенное страданіями молодое тѣло, осунувшееся лицо съ глубокими, черными впадинами вокругъ глазъ, съ посинѣвшими губами, священникъ наскоро прочтетъ молитву.

Гробъ заколотятъ и понесутъ на владбище, опустятъ въ могилу, засыплютъ землей, и все будетъ кончено, все.

Проходитъ еще день, за нимъ третій, четвертый; на пятый опять остановка у пристани, покрытой шумной толпой народа, опять причаливаніе баржи къ берегу, съ той же процедурой натагиванія цѣпей черезъ палубу парохода, выстраиванія шпалерами конвоя съ саблями на-голо. Но на этотъ разъ все это продлывается не для пріеми «казеннаго груза», а для сдачи его въ пересылочную тюрьму, изъ которой его отправятъ дальше уже сухимъ путемъ. Снова звенитъ оружіе, бряцаютъ кандалы и цѣпи, снова съ грохотомъ отмыкаются желѣзные двери рѣшетки, и потянулось длинное шествіе по мосткамъ между тѣсно сплоченными рядами вооруженной стражи. За здоровыми ведутъ подъ руки и несутъ больныхъ. Вывели вмѣстѣ съ прочими и женщину, осужденную за истязаніе ребенка, и утрюмаго малоросса съ семействомъ. Голубоглазый херувимъ все также бойко и весело смотритъ на свѣтъ Божій, но дѣвочка расхворалась во время пребыванія въ тѣсной клѣтѣ, личико ея осунулось и поблѣднѣло, ей, повидимому, очень больно ходить, она сильно прихрамываетъ и въ большихъ, испуганныхъ глазахъ стоятъ крупныя слезы. Несутъ носилки, нѣсколько носилокъ, то, что на нихъ, не шевелится и покрыто съ головой сѣрыми халатами; на однихъ изъ этихъ носилокъ лежитъ та самая дѣвушка, которая поддерживала свою умирающую подругу у рѣшетки люка пять дней тому назадъ. Теперь подруга умерла и похоронена, а она лежитъ въ безпамятствѣ. Лицо ея блѣднѣе прежняго, на почернѣвшихъ губахъ кровь. Когда солдаты съ ношей стали подниматься въ гору, голова больной съ густыми обстриженными волосами свѣсилась въ сторону и безпомощно заколотилась объ деревянный край носилокъ.

— Ну, этой не добратся до мѣста, болтали въ толпѣ, про-

вожавшей арестантовъ. Вѣрно долго продержали... Вотъ тѣ, которыхъ прямо послѣ суда ссылають, тѣ пободрѣ будутъ.

Алексѣй Алексѣевичъ такъ замечтался, что замѣтилъ наступившую темноту уже тогда, когда ничего нельзя было найти на столѣ, ни спичекъ, ни свѣчки. Онъ поднялся съ мѣста, чтобъ позвать Филиппа и мимоходомъ уронилъ маленькій столикъ, на которомъ лежала газета, принесенная ему сегодня утромъ вмѣстѣ съ чаемъ.

Поднимая газету, Алексѣй Алексѣевичъ вспомнилъ, что не успѣлъ еще просмотрѣть ее и, когда Филиппъ внесъ зажженную лампу, онъ машинально вынулъ изъ бандероли сложенный печатный листъ и, не переставая думать о посѣщеніи Голубцова, о скверныхъ извѣстіяхъ, которыя онъ ему сообщилъ, о Болотниковой, о томъ, какъ хорошо будетъ тому, кто на ней женится, пробѣжалъ довольно разсѣянно первую страницу, не останавливаясь даже на правительственныхъ распоряженіяхъ, всегда интересовавшихъ его; но вдругъ, газета дрогнула въ его рукѣ, глаза расширились, и онъ порывистымъ движеніемъ подался впередъ, чтобъ лучше разсмотрѣть буквы, отпечатанныя мелкимъ шрифтомъ въ концѣ второй страницы.

Параграфъ, привлекшій вниманіе Алексѣя Алексѣевича, гласилъ, что по приговору суда, подсудимая, именуемая себя Анной Б., ссылается на каторжныя работы.

Настоящее имя преступницы, проживавшей послѣднее время подъ фальшивыми паспортами, слѣдствію такъ и не удалось открыть, но Алексѣю Алексѣевичу имя это было отлично извѣстно, и кровь съ такой силой прихлынула ему въ голову, что онъ нѣсколько мгновеній потерялъ сознаніе.

Филиппъ слышалъ, какъ баринъ соскочилъ съ кресла, какъ онъ прохаживался взадъ и впередъ по комнатѣ, шумно сдвигая въ сторону мебель, попадавшуюся ему по пути; потомъ опять все надолго стихло, а затѣмъ раздался сильный, нетерпѣливый звончекъ.

— Одѣваться, — объявилъ Алексѣй Алексѣевичъ вошедшему на зовъ слугѣ.

А самъ стоитъ среди комнаты, блѣдный, какъ-то странно улыбается, волосы взъерошены, рука судорожно сжимаетъ перемятый газетный листъ. Никогда еще Филиппъ не видѣлъ своего барина въ такомъ возбужденномъ состояніи. Впрочемъ, Алексѣй Алексѣевичъ очень скоро оправился и, когда, окончивъ туалетъ

въ спальнѣ, онъ снова вышелъ въ кабинетъ, зеркало висѣвшее между окнами, отразило высокую фигуру весьма приличнаго господина, съ красивымъ спокойнымъ лицомъ и аккуратно расчесанными бакенбардами.

О томъ, что происходило въ душѣ его, можно было судить развѣ только по глазамъ, блестящимъ ярче обыкновеннаго, да по тревожному движенію, съ которымъ онъ по временамъ ощупывалъ газету въ боковомъ карманѣ своего длиннаго чернаго сюртука, какъ будто для того, чтобъ убѣдиться, что все случившееся не сонъ, а дѣйствительность.

Сегодня Еленѣ Дмитріевнѣ Болотниковой какъ-то особенно не хотѣлось выѣзжать изъ дому. Когда губернаторша пріѣхала просить ее участвовать въ дамскомъ комитетѣ, который долженъ былъ собраться вечеромъ, первымъ ея движеніемъ было отвѣчать отказомъ, но губернаторша объявила, что дѣло идетъ объ устройствѣ бесплатной школы для дѣтей бѣднѣйшихъ жителей города.

— Это ваша идея, милая Елена Дмитріевна, подумайте только, о чемъ намъ толковать съ такими куколками какъ мадамъ Епишкина, Ступина, Лаврикова и тому подобными? Съ такихъ божьихъ пташечекъ и требовать ничего нельзя, съ нихъ можно только деньги тянуть!.. Придется отложить засѣданіе до другого раза, если вы сегодня не пожелаете удостоить его вашимъ присутствіемъ, а вы знаете, такого рода дѣла никогда не устраиваются, когда ихъ откладываютъ въ долгій ящикъ, — прибавила губернаторша съ печальной гримаской.

Дѣлать было нечего, Елена Дмитріевна обѣщала пріѣхать. Но обѣщаніе это она дала очень неохотно и, проводивъ гостью, удалилась въ свою комнату писать письма.

Она всегда принималась писать письма, когда что-нибудь ее сердило или заботило. Домашніе это знали, и чтобъ не беспокоить барышню, всѣ, начиная съ Марьи Алексѣвны, ходили на цыпочкахъ. Прислуга у Болотниковыхъ состояла изъ старинныхъ и отлично выдрессированныхъ людей; въ ихъ домѣ всегда было тихо, мирно и чинно. Не взирая на то, что Марья Алексѣвна съ дочерью вторую зиму проводили въ губернскомъ городѣ, на виду у тысячи любопытныхъ глазъ, среди сплетенъ и пересудовъ присущихъ провинціи; всѣ относились къ нимъ съ величайшимъ уваженіемъ, и кромѣ того, что онѣ обѣ милѣйшія, добрѣйшія и отлично воспитанныя дамы, самые злые языки ничего не находили про нихъ сказать. Удивительно ловко умѣли онѣ ладить



съ здѣшнимъ обществомъ; со всѣми обращались одинаково просто, привѣтливо и радушно, ни на шагъ не переступая той благородной дистанціи, на которую онѣ счумѣли себя поставить съ перваго дня своего появленія въ здѣшнемъ краѣ.

Мать съ дочерью жили въ большомъ ладу, никогда нельзя было подмѣтить между ними и тѣни неудовольствія, но общаго между ними было мало и, оставаясь вдвоемъ, имъ положительно не объ чемъ было говорить. Даже и книги онѣ читали разныя; Марья Алексѣевна все больше по части «ужасныхъ» романовъ пробавлялась, а дочь ея занималась болѣе серьезными произведеніями англійскихъ и нѣмецкихъ авторовъ. Русскую литературу ни та, ни другая хорошо не знала и не любила, но съ нѣкоторыхъ поръ Елена Дмитріевна начала довольно пристально интересоваться русскою жизнью, выписала нѣсколько журналовъ и съ извѣстнымъ любопытствомъ прислушивалась къ бесѣдамъ, происходившимъ иногда въ ихъ гостиной между представителями здѣшней интеллигенціи и тѣми заѣзжими государственными дѣятелями, которыхъ судьба забрасывала время отъ времени въ ихъ захолюстѣе.

Она не сказала матери, почему именно ей не хочется проводить вечеръ внѣ дома, но Марья Алексѣевна отгадала ея мысли.

— Если Алексѣй Алексѣвичъ прійдетъ къ намъ сегодня вечеромъ, объявила она дочери, провожая ее въ прихожую и накидывая большой пуховый платокъ на ея голову, — я постараюсь задержать его до твоего возвращенія.

Общаніе это видимо развеселило Елену Дмитріевну.

— Пожалуйста, сдѣлайте это, тата, я постараюсь вернуться пораньше.

Но совѣщаніе затянулось; барыни разговорились только въ двѣнадцатомъ часу настолько, чтобъ придти къ какому-нибудь рѣшенію, и когда Елена Дмитріевна вернулась домой, ей объявили въ прихожей, что Алексѣй Алексѣвичъ провелъ у нихъ цѣлый вечеръ и уѣхалъ минутъ за пять до ея возвращенія. Услышавъ этотъ докладъ, она торопливыми шагами прошла черезъ слабо освѣщенную залу и гостиную въ маленькій будуаръ, гдѣ мать ея раскладывала пасьянсъ у большой лампы подъ темнымъ абакуромъ.

Уже по одному тому, съ какимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ Марья Алексѣевна снимала карту за картой съ колоды, которую она держала въ рукѣ, можно было догадаться, что она озабочена чѣмъ-то очень, очень серьезнымъ. Звонокъ Елены Дмитріевны раздался по всему дому, шаговъ ея по паркету сосѣд-

нихъ комнатъ и шуршанія ея шелковой юбки, тоже нельзя было не слышать, однако Марья Алексѣевна не подняла глазъ съ картъ и не повернула головы въ ту сторону, откуда должна была явиться дочь. Эта послѣдняя остановилась у приподнятой портьеры и прежде, чѣмъ проникнуть дальше, окинула комнату внимательнымъ взглядомъ: кресло передъ диваномъ, на которомъ сидѣла ея мать, было сдвинуто въ сторону, видно было, что тотъ, кто на немъ сидѣлъ, порывисто сорвался съ мѣста, не досказавъ и половины того, что ему надо было сказать и удалился изъ комнаты такъ поспѣшно и былъ при этомъ такъ смущенъ и взволнованъ, что забылъ поставить кресло на прежнее мѣсто. На краю круглаго стола, на которомъ были разложены аккуратнымъ вѣромъ карты, стояла пепельница съ двумя недокуренными папиросами; въ комнатѣ слегка пахло табачнымъ дымомъ и, о чудо! Марья Алексѣевна сидѣла въ этой ядовитой атмосферѣ, не приказывая отворить форточку, забывая про мигрень, которая являлась у нея всегда, когда ей случалось посидѣть въ комнатѣ, гдѣ курили. На маленькомъ столикѣ рядомъ стоялъ подносикъ съ недопитымъ стаканомъ чая. Хозяйка и этого не замѣчала, ей и въ голову не приходило протянуть руку къ козюльчику, стоявшему передъ нею и приказать убрать этотъ воднось... Да, во время отсутствія Елены Дмитріевны, произошло нѣчто важное, она съ каждой минутой все болѣе и болѣе убѣждалась въ этомъ, и радостное предчувствіе, охватившее ея душу въ ту минуту, когда она вошла въ прихожую и узнала, что Алексѣй Алексѣевичъ провелъ съ ея матерью весь вечеръ, предчувствіе это овладѣло всѣмъ ея существомъ съ такой силой, что нѣкоторое время она была не въ силахъ произнести ни слова отъ волненія.

Молча вошла она въ будуаръ и опустилась на кресло, покинутое имъ. Мать ея все также озабоченно продолжала раскладывать свой пасьянсъ.

Минуты двѣ длилось молчаніе; предчувствіе Лены стало переходить въ увѣренность.

— У васъ былъ Алексѣй Алексѣевичъ, татап? — спросила она, не спуская пристального взгляда съ смущеннаго лица старушки.

Взглядъ этотъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорилъ: скажите мнѣ все, все, а все хочу знать.

Сдержанность Марьи Алексѣевны растагла передъ настоящестью дочери.

— Ахъ, Лена! Еслибъ ты только знала! — вздохнула она, без-

помощно опуская руки съ картами на столъ и поднимая глаза къ потолку.

— Что такое?

И не дожидаясь отвѣта, Лена продолжала:—Вы ему позволили здѣсь курить? Такъ близко отъ вашей спальни? Голубушка моя, да у васъ завтра такъ разболится голова, что вы насъ всѣхъ съ ногъ собьете!

— Онъ просидѣлъ у меня цѣлый вечеръ, и я никакъ не могла себя представить...

Но дочь снова поспѣшила отдалить приближавшееся объясненіе.

— Да? Воображаю какъ онъ васъ утомилъ! Надо было прогнать его раньше или послать за мной... Можно было выдумать какой-нибудь предлогъ... Вѣдь это просто безсовѣстно такъ мучить старушку!

— Онъ сказалъ, что ему легче уйти, не повидавшись съ тобой...

— Вотъ какъ! Въ такомъ случаѣ вы бы предложили ему сыграть партію въ пикетъ,—продолжала шутить Лена.

Но еслибъ Марья Алексѣвна была менѣе озабочена, она подмѣтила бы волненіе, проглядывавшее во взглядѣ дочери, въ ея улыбкѣ, въ каждомъ движеніи. Голосъ Лены поминутно обрывался. Ласковыми, смѣющимися глазами посматривала она то на мать, то на пепельницу съ окурками ея папирсъ, то на стаканъ съ ея недопитымъ чаемъ. Ей стоило большого труда, удержаться отъ искушенія взять этотъ стаканъ въ руки, отыскать губами то мѣсто, къ которому прикасались ея губы... Еслибъ можно было, она и окурки папирсъ стащила бы изъ пепельницы и спрятала бы за корсажъ, какъ влюбленная пятнадцатилѣтняя дѣвчонка. Сердце ея то сильно билось, то сладко замирало отъ волненія, ей было и жутко и весело.

Какъ давно не испытывала Елена Дмитриевна ничего подобнаго и какъ рада она была этому ощущенію!

— Вы бы предложили ему партію въ пикетъ,—повторила она, чтобъ сказать что-нибудь.

— Ахъ, Леночка, ему было не до пикета! Да и мнѣ тоже. Я до сихъ поръ не могу опомниться отъ его рассказовъ!

— Да что такое, наконецъ?

— Я право не знаю съ чего начать, Лена.

— Начните съ начала, мы тогда скорѣе доберемся до конца.

— Онъ говоритъ, что любить тебя и что... ну, однимъ словомъ, онъ сдѣлалъ тебѣ предложеніе...

Наконецъ-то! мелькнуло въ головѣ Елены Дмитріевны. Господи, какъ я счастлива! И за что только такое счастье? повторала она мысленно, поднимаясь съ мѣста и пересаживаясь на диванъ рядомъ съ матерью.

— А еще что онъ сказалъ? Припомните, пожалуйста, маман, я все хочу знать, все, повторите мнѣ каждое его слово, — проговорила она прерывающимся отъ волненія голосомъ.

— Ахъ, Лена, да развѣ это возможно! Онъ больше часу говорилъ о тебѣ, умолялъ меня дать ему какой-нибудь отвѣтъ, но чтожъ я могла ему сказать? Разумѣется, мы очень полюбили его и привыкли къ нему, можно даже сказать, что онъ здѣсь единственный человѣкъ, съ которымъ мы сошлись; но мнѣ никогда и въ голову не приходило смотрѣть на него какъ на жениха, въ его обращеніи съ тобой ничего не было такого... enfin, il ne vous a jamais fait la cour.

И, поощренная молчаніемъ дочери, которая слухала ее въ блаженномъ упоеніи какомъ-то, она продолжала уже другимъ тономъ:

— Ты знаешь, какъ твое счастье мнѣ дорого, дитя мое, я давно замѣчаю, что Алексѣй Алексѣвичъ тебѣ нравится, но признаться сказать, не о такомъ мужѣ я для тебя мечтала! Il n'a ni nom, ni fortune, и къ тому же его прошлое...

— Маман, — прервала ее рѣшительнымъ тономъ дочь, я буду его женой или ничѣй. Пожалуйста, не спорьте со мной на этотъ счетъ.

— Да я и не спору, душа моя, дѣлай какъ знаешь... Я только говорю, что его прошлое тебѣ еще неизвѣстно и, что когда ты узнаешь то, что я знаю, тебя тоже, можетъ быть, возметъ сомнѣніе, — вздохнула Марья Алексѣвна. — Впрочемъ, онъ увѣряетъ, что всю свою жизнь посвятить на то, чтобъ составить твое счастье... Разумѣется, всѣ мужчины это говорятъ, дѣлая предложеніе, но я вѣрю въ его искренность, онъ дѣйствительно тебя любитъ... Теперь, когда онъ свободенъ...

Лена измѣнилась въ лицѣ.

— Свободенъ... теперь... Что вы хотите этимъ сказать, маман?

Марья Алексѣвна вложила собранную колоду въ футляръ, повернулась къ дочери и взяла ее обѣ руки въ свои.

— Онъ женатъ, Лена, — печально проговорила она, и въ тоже время вдовецъ!.. Сегодня я все узнала... онъ казался мнѣ какъ на духу... я, говорить, Марья Алексѣвна, какъ отъ родной матери, ничего отъ васъ не скрою, ничего! Черезъ что онъ про-

шелъ, Господи, Господи! Страшно вспомнить... Вотъ ужъ седьмой годъ, какъ продолжается его пытка, ему теперь идетъ тридцать пятый годъ...

Елена Дмитриевна прервала ее.—Эта женщина... его жена... она умерла?

— Нѣтъ, Леночка, она не умерла... Но это все равно, онъ теперь свободенъ...

Марья Алексѣевна опять замаялась.

— Она, видишь ли, изъ этихъ... какъ ихъ называютъ?.. вотъ, что не ходятъ въ церковь, не признаютъ семьи и ни во что не вѣрятъ...

— Ахъ, шатап! Нельзя ли безъ комментариев!.. Не мучьте меня ради Бога! Снажите скорѣе въ чемъ дѣло, я ничего не понимаю!—вскричала Лена.

Голосъ ея дрожалъ и обрывался, зубы стучали какъ въ лихорадкѣ.

— Что съ нею сдѣлалось?.. Гдѣ она теперь?.. Почему онъ считаетъ себя свободнымъ.

— Ее приговорили къ каторжнымъ работамъ... Лишеніе ея всѣхъ правъ и состоянія, это для него все равно, что вдовство, —проговорила Марья Алексѣевна, всматриваясь съ тревожнымъ состраданіемъ въ глаза дочери, широко раскрытые отъ испуга и удивленія.

— Да, это все равно, что вдовство,—повторила Лена и глубоко задумалась.

Наступило довольно продолжительное молчаніе.

— Леночка,—снова начала Марья Алексѣевна, слегка до-трогиваясь до похолодѣвшей руки дочери,—я ему ничего не сказала, ни да, ни нѣтъ, я даже не намекнула ему на твое чувство къ нему... Мы съ нимъ ничѣмъ не связаны... Разумѣется, въ своемъ несчастіи онъ не виноватъ, и съ его стороны было очень честно такъ откровенно мнѣ во всемъ сознаться... Другой на его мѣстѣ поступилъ бы иначе... И вообще, онъ меня растрогалъ до слезъ своей печальной исторіей, а также своимъ чувствомъ къ тебѣ; но съ другой стороны, его прошлое лежитъ на немъ такимъ мрачнымъ пятномъ!.. Онъ это и самъ отлично понимаетъ: я, говорить, и мечтать не смѣю о томъ, чтобы такое чистое созданье, какъ Елена Дмитриевна, полюбила меня настолько, чтобы забыть мое прошлое... Стало быть отказъ съ твоей стороны вовсе не удивить его...

Тутъ Марья Алексѣевна опять смокла въ ожиданіи возраженія, но возраженія не являлось и она продолжала:

— Не лучше ли порвать разомъ наши сношенія съ нимъ? Завтра онъ прійдетъ за отвѣтомъ, можно его не принять, сказать, что мы обѣ нездоровы, и онъ догадается... А потомъ, уѣхать куда-нибудь въ Парижъ или въ Висбаденъ... Онъ намекнулъ мнѣ, что будетъ просить перевода въ другую губернію... Oh! C'est un homme rempli de délicatesse, un parfait gentil-homme!

Лена очнулась, наконецъ, отъ своего забытья и, поднявъ глаза съ вѣера, который она упорно разсматривала во время рѣчи матери, она спросила глухимъ голосомъ:

— Онъ вамъ много говорилъ про нее?

По одной интонаціи, съ которой Лена произнесла послѣднее слово, можно было догадаться на кого она намекаетъ.

— Очень много. Я нѣсколько разъ прерывала его, просила не растревлять себѣ душу такими ужасными воспоминаніями, но онъ увѣрялъ, что успокоится только тогда, когда мнѣ все будетъ извѣстно... Онъ женился по любви, ничего не разузнавъ ни про семью дѣвушки, ни про то, въ какихъ правилахъ она воспитана, ну вотъ, какъ всѣ женятся въ наше время, понравится особа, хорошенькая, умненькая, а какъ направленъ этотъ умъ, можетъ ли выйти изъ нея хорошая мать и вѣрная жена...

Глаза Лены радостно сверкнули. — Она ему измѣнила!

— Нѣтъ, какое! Это бы еще ничего! Онъ даже увѣряетъ, что она никогда не обманывала его и, что прежде, чѣмъ сдѣлаться его неvěстой, она ему объявила, что никогда не поступитъ ни однимъ изъ своихъ убѣжденій, ни одной изъ своихъ сумасбродныхъ идей изъ-за любви къ нему... Она ужъ тогда взяла съ него слово, что онъ ни въ чемъ ей мѣшать не будетъ, qu'il lui laissera faire toutes les sottises qu'elle voudra... И онъ на все это согласился, вотъ до какого безумія довела его страсть къ ней!.. Но мнѣ кажется, что тутъ была и другая причина, онъ вѣрно въ душѣ своей мечталъ вернуть ее на путь истинный. Теперь онъ не хочетъ сознаваться въ этомъ, но я увѣрена, что это было такъ... Она была такъ молода! Восемнадцать лѣтъ, подумай только! И такъ избалована жизнью, привыкла къ нѣгѣ, къ роскоши даже, родители ея люди богатые. Трудно было допустить, чтобъ оба на всю жизнь закоснѣла въ преступленіяхъ и чтобъ ей не надобно, наконецъ, жить постоянно въ нуждѣ, въ печали, въ вѣчномъ страхѣ... а примѣръ товарищей, гибнущихъ въ ея глазахъ!.. Трудно было себѣ представить, чтобъ всѣ эти ужасы не подѣйствовали на нее, не заставили бы ее образумиться наконецъ, неправда ли? Но она странная какая-то,

ничѣмъ нельзя было сломить ея упрямства! Просьбы любимаго челоѣка, увѣщанія родителей, все, все оставалось тщетно!.. Слущая его рассказы о томъ, что они вынесли вмѣстѣ, черезъ что прошли, волосы дыбомъ становятся! Представь только себѣ...

— А какъ вы думаете, папаша, онъ теперь совсѣмъ, совсѣмъ разлюбилъ ее?

— О, да! За это можно чѣмъ угодно поручиться. Она столько причинила ему горя, онъ столько неприятностей, столько униженій перенесъ изъ-за нея! Представь только себѣ, на что она пустилась, чтобъ окончательно отворотить его отъ себя? Въ одинъ прекрасный день она притворилась, что любитъ другого челоѣка! И комедію эту она разыграла такъ искусно, что онъ повѣрилъ. Ужъ потомъ, года два спустя, узналъ онъ самымъ достовѣрнымъ образомъ, что это была выдумка съ ея стороны, чтобъ онъ только оставилъ ее въ покоѣ и забылъ про нее... Какой цинизмъ! Это онѣ супружескую-то вѣрность называютъ пустяками, какъ тебѣ это нравится?.. Чего же послѣ этого отъ нихъ ждать!.. Нѣтъ, нѣтъ, онъ ее не любитъ, онъ не можетъ ее любить... Впрочемъ, какого еще лучше доказательства, сегодня, какъ только что онъ узналъ о томъ, что ее постигло, онъ тотчасъ же прибѣжалъ сюда... Первымъ его побужденіемъ было подѣлиться съ нами своею радостью... *C'est un vilain mot que j'emploie là*, — поспѣшила оговориться Марья Алексѣевна, но вѣдь это такъ естественно! Челоѣкъ былъ скованъ по рукамъ и по ногамъ, всѣ пути къ счастью ему были закрыты, и вдругъ—свобода! Какъ же тутъ не радоваться?

— Разумѣется,—согласилась Лена.

— Онъ давно прервалъ всякое сношеніе какъ съ нею, такъ и съ друзьями ея; но то, что случилось, нисколько не удивило его, надо было это предвидѣть. Она изъ тѣхъ, которыхъ ничѣмъ не сломишь. Ее могутъ домучить до чахотки... Онъ говорить, что она такого деликатнаго сложенія, что достаточно одного толчка какого-нибудь грубаго надсмотрщика, чтобъ убить ее на повалъ, но воля въ ней желѣзная, и она непремѣнно должна была кончить тѣмъ, чѣмъ она кончила. Надо одному только дивиться,—продолжала распространяться Марья Алексѣевна, какъ это ей до сихъ поръ все сходило съ рукъ, и пропаганда на фабрикахъ, и прожительство подъ фальшивыми паспортами!.. Ну, дождалась и она, наконецъ, своей очереди, судъ надъ нею конченъ. Теперь мужъ ея свободенъ, она больше не жена ему а лишенная всѣхъ правъ и состоянія арестантка... Ее отпра-

вать вмѣстѣ съ прочими ссыльно-каторжными въ Сибирь... Это будетъ весной по всей вѣроятности...

Елена Дмитриевна давно перестала вслушиваться въ то, что говорила ея мать. Все дальше и дальше уходило отъ нея тяжелое впечатлѣніе, произведенное на нее неожиданнымъ открытіемъ. Все страшное и непріятное, поразившее ее въ этомъ открытіи, мало-по-малу сглаживалось подъ наплывомъ новыхъ соображеній и ощущеній, и даже самый образъ женщины, представшій передъ нею въ первую минуту въ видѣ грозной и опасной соперницы, теперь блѣднѣлъ и стушевывался. Не могла она ревновать Алексѣя Алексѣевича къ этой женщинѣ! Она имъ была обонимъ такъ чужда и стояла отъ нихъ такъ далеко, далеко!.. Между ними было такъ мало общаго, нравственная пропасть, раздѣлявшая ихъ, была такъ глубока, что, не взирая на свое доброе сердце, Елена Дмитриевна не могла даже и жалѣть ее.

Однако, при послѣднихъ словахъ Марьи Алексѣевны, довольно мрачное представленіе смутило ей душу. Но это длилось одно только мгновеніе.

— Къ тому времени мы будемъ далеко,—мысленно рѣшила она,—можно обвиняться до открытія навигаціи и прямо изъ церкви уѣхать за границу, à l'anglaise.

Н. Северинъ.





---

# НОВЫЯ ПОШЫТКИ

по

## РЪШЕННОМУ ВОПРОСУ.

Понятіе психологическаго ритма, какъ научное основаніе психологій половъ,  
г-на Астафьева. Москва, 1882.

---

Одинъ французскій епископъ XV-го вѣка, ссылаясь на Евангеліе, требовалъ, чтобы дѣвочки учили менѣе и не тому, чему учать мальчиковъ, ибо дважды сказано: паси ягнать моихъ (*pasce agnos meos*) и только одинъ разъ: паси овецъ моихъ (*pasce oves meas*). Съ тѣхъ поръ возраженія противъ женскаго образованія не прекращаются до настоящаго времени. Чувствительный Бернарденъ-де-Сенъ-Пьеръ восклицаетъ, что книги и наставники портятъ дѣвическую невинность, «*cette fleur de l'âme, si charmante à cueillir pour un amant*». Жанъ Жакъ Руссо воспитываетъ Софію также исключительно для того, чтобы она служила счастьемъ Эмиля. Цѣль предопредѣляла составъ образованія и воспитательные приемы. Въ женщинѣ развивались тѣ способности, ей сообщались тѣ знанія, какія наилучшимъ образомъ удовлетворяли мужскому понятію о счастьи и о назначеніи женщины.

Послышались противуположныя мнѣнія. Стали все чаще и чаще раздаваться голоса, и мужскіе, и женскіе, требующіе полнаго уравниванія женщины въ дѣлѣ образованія съ мужчиною. Какъ естественное послѣдствіе этого требованія явилась потомъ и борьба за гражданскія права женщины.

Отстраняя всѣ побочныя обстоятельства, которыя затемняютъ

вопросъ и вносить раздраженіе въ полемику, необходимо перенести обсужденіе на почву испытанной твердости, по которой можно, послѣдовательно и осторожно, дойти до правильнаго разрѣшенія вопроса.

Если принимать вмѣстѣ съ Гельвеціусомъ, что всѣ люди родятся равными, съ одинаковыми способностями, и только воспитаніе образуетъ между ними различіе, то противъ женскаго образованія, одинаковаго съ мужскимъ, нельзя представить никакихъ возраженій, и Кондорсэ могъ требовать этого уравниенія во имя справедливости, не говоря уже о другихъ основаніяхъ. Но точка зрѣнія Гельвеціуса явно несостоятельна, и нѣкто изъ современныхъ защитниковъ женскихъ правъ на образованіе не станетъ отрицать наслѣдственныхъ, прирожденныхъ особенностей въ человѣкѣ, которыя воспитаніе можетъ смягчить или усилить, но не уничтожить или создать. Вполнѣ признавая исторически-выработавшіяся, преимущественно переданныя особенности въ умѣ и характерѣ мужчины и женщины, сторонники уравниенія женскаго образованія съ мужскимъ отрицаютъ *такія* различія *изъ самой природы* женщины, которыя не давали бы ей возможности пріобрѣтать образованіе тѣмъ же путемъ и въ томъ же объемѣ, въ какомъ оно пріобрѣтается мужчиною. Если не въ одно поколѣніе, то въ два или нѣсколько,—говорятъ они,—историческія наслоенія уступятъ усиліямъ воспитанія, и женщина сравняется, въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, съ мужчиною.

Французскій историкъ доктринъ воспитанія, Комперэ, справедливо говоритъ, что прогрессъ воспитанія соразмѣряется съ прогрессомъ нашихъ знаній о человѣческой природѣ. Надо изслѣдовать,—продолжаетъ онъ,—такими ли точно способностями обладаетъ женщина, какими надѣленъ мужчина, и на этой почвѣ, дѣйствительно, долженъ, наконецъ, разрѣшиться спорный вопросъ о женскомъ образованіи. Всѣмъ извѣстно, что на дѣлѣ женщины достигли уже многого, что онѣ получаютъ въ нѣкоторыхъ странахъ докторскіе дипломы и занимаютъ опредѣленныя общественныя должности. Но *рѣшенный вопросъ* продолжаетъ подвергаться обсужденію, и судьбы женскаго образованія, по крайней мѣрѣ въ Россіи, предсказать съ полною увѣренностью еще невозможно, а потому и нижеслѣдующія соображенія, по поводу вышеуказанной новой попытки еще разъ рѣшить рѣшенный вопросъ, не будутъ, мнѣ кажется, излишними.

Большая часть древнихъ обществъ ставила женщину въ рабское положеніе. Современные общества,—говорить тотъ же Комперэ,—несмотря на основные протесты, на усиленную любезность, частенько подражаютъ древнему міру. Разсужденія о женщинахъ вѣчно колебались между двумя крайностями. Дидро восклицаетъ: когда говорить о женщинахъ, надо обмахнуть перо въ радугу и посыпать по написанному порошкомъ изъ крыльевъ бабочки. А Боссюэтъ обращается къ женщинамъ съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: вы не должны забывать, милостивыя государыни, что ведете свое происхожденіе отъ одной дополнительной кости мужчины.

Комперэ старается обсудить вопросъ совершенно безпристрастно. Признавая, что женщина различается по природѣ отъ мужчины, французскій писатель не выводитъ отсюда заключенія о сравнительно низшемъ умственномъ и нравственномъ уровнѣ женщины. Различіе не исключаетъ равенства. Женщина такая же нравственная личность, какъ и мужчина; по естественному праву, она равна ему,—но справедливо и необходимо, чтобы въ общественной жизни и на дѣлѣ она подчинялась мужчинамъ. При одинаковомъ достоинствѣ, при одинаковыхъ правахъ (?), женщина все-таки является инымъ существомъ.

Безъ всякихъ справокъ очевидно,—говорить Комперэ,—что способности у мужчины и женщины не одиѣ и тѣ же, такъ какъ естественное назначеніе обоихъ половъ различно. Физическая слабость женщины по сравненію съ мужчиною и материнство не могутъ не имѣть постояннымъ результатомъ различія въ душевномъ строѣ. Изъ трехъ частей человѣческой души, утѣряетъ Комперэ,—сердца, ума и характера,—у женщины господствуетъ первое, т.-е. чувствительность, въ ущербъ, конечно, разуму и волѣ.

Этотъ естественный законъ имѣетъ, однако, исключенія. Если женщина,—говорить Комперэ, выходитъ изъ предназначенной ей природою роли быть матерью, кормилицею и первою наставницею дѣтей, то она можетъ сильно развить и свой разумъ, и свою волю. Силы женщины неисчерпаемы, и много ихъ уносится рожденіемъ дѣтей и заботами о нихъ. Дѣвушка, призванная быть матерью въ то время, когда юноша сидитъ еще на школьной скамейкѣ, въ большинствѣ случаевъ не въ состояніи впоследствии дополнить свое образованіе, развить свои умственныя силы вполне удовлетворительнымъ образомъ.

Это положеніе Комперэ вызвало возраженіе со стороны академика Грера, который приводитъ цѣлый рядъ именъ женщинъ—

матерей, прославившихся какъ писательницы: Севинье, Ламберъ, Жанлисъ, Сталь Неккеръ, де Соссюръ, Гизо, Ремюза.

Комперэ въ заключеніе своихъ соображеній говорить, какъ сторонникъ конечныхъ причинъ, т.-е. цѣлесообразности въ мірѣ, что назначеніемъ женщины должно обуславливаться не неравенство, а различіе въ воспитаніи женскомъ и мужскомъ. Первое слѣдуетъ вести не тождественнымъ путемъ, не вполнѣ одинаковыми средствами и не въ равномъ составѣ съ воспитаніемъ мальчиковъ. Но съ другой стороны, такъ какъ мужчина и женщина имѣютъ одинаковое нравственное достоинство, — *основы, принципы* воспитанія должны быть общими для обоихъ половъ. Конечно, — замѣчаетъ Комперэ, возражая Руссо и Мишле, — женщина прежде всего должна быть супругой и матерью; но въ такой же степени необходимо, чтобы она сама что-либо значила, чтобы она принадлежала себѣ самой. Слѣдуетъ, чтобы она поднимала голову отъ колыбели ребенка, жила въ мірѣ науки, искусства, общихъ идей. Пусть будетъ она, наконецъ, гражданкою, если не съ собственнымъ голосомъ въ общественныхъ вопросахъ, то въ мысляхъ и чувствахъ.

Мысль о природномъ и неизмѣнномъ различіи душевнаго строя мужчины и женщины поддерживалась, какъ извѣстно, и въ русской литературѣ. Въ новѣйшее время въ ея защиту выступилъ, въ вышеупомянутомъ изслѣдованіи г. Астафьевъ. «Психологическіе выводы изъ біологическихъ теорій, говоритъ онъ, всегда болѣе или менѣе гадательны, гипотетичны, не обладаютъ никогда полною убѣдительностью». Таковыми же являются и истолкованія сложныхъ проявленій психологической жизни мужчинъ и женщинъ въ исторіи, потому что въ высшей степени трудно выдѣлить въ подобнаго рода фактахъ случайное и измѣнчивое отъ коренного и неизмѣннаго. Поэтому, — заключаетъ авторъ, только съ указаніемъ въ законахъ психической жизни основанія особенностей того и другого пола получается возможность научнаго разрѣшенія вопроса.

Г-нъ Астафьевъ обращаетъ вниманіе читателя на общее значеніе большей или меньшей быстроты въ смѣнѣ психическихъ состояній, что является первымъ и необходимымъ условіемъ сознанія. «Существо, которое вѣчно переживало бы одно и то же состояніе, измѣняющееся черезъ-чуръ медленно и постепенно, не имѣло бы сознанія, такъ какъ сознанію для того, чтобы *быть*, необходимо *различать*». Сосредоточеніе сознанія, то-есть вниманіе, — требуетъ времени. Чѣмъ быстрѣе *ритмъ душевной жизни* даннаго существа, иначе — чѣмъ меньше единица времени, уxo-

дящая на всякій изъ раздѣльныхъ психическихъ актовъ, тѣмъ менѣе эти акты допускаютъ и требуютъ напряженій вниманія, тѣмъ болѣе въ нихъ преобладаютъ продукты *безсознательной* ассоціаціи, репродукціи, памяти и т. п.,—тѣмъ и проявленія этой жизни будутъ имѣть болѣе *непроизвольный, отраженный* характеръ.

Живость и яркость впечатлѣній прямо зависятъ отъ быстроты психическаго ритма, отъ уменьшенія постепенности въ переходѣ отъ одного впечатлѣнія къ другому. Эта живость и яркость тѣсно связаны съ чувствомъ непроизвольности возникновенія впечатлѣній, что чрезвычайно важно для уразумѣнія процесса, посредствомъ котораго переживаемыя душою состоянія становятся психическими состояніями, т.-е. достояніемъ сознанія. «Процессъ этотъ состоитъ изъ двухъ частей: *различенія* одного изъ переживаемыхъ состояній отъ другого, предшествующаго, и *синтеза*, группировки такимъ образомъ полученныхъ *признаковъ* различія въ болѣе или менѣе сложныя группы, единства». У двухъ существъ съ различною скоростью психическаго ритма окажется непремѣнно различіе въ преобладаніи первой или второй части названнаго процесса, т.-е. главное мѣсто займутъ въ немъ либо живо и ярко схватываемые контрасты и различія, либо обширныя группировки впечатлѣній, представленій и понятій.

Авторъ доказываетъ это, опираясь на фیزیологическія данныя <sup>1)</sup>, а именно, «что психическій ритмъ у женщины необходимо быстрее, чѣмъ у мужчины, а потому и безсознательная организованная сторона психической жизни необходимо болѣе развита». У мужчины, наоборотъ, преобладаютъ въ душевныхъ процессахъ сознательность и произвольность, координація впечатлѣній, *логическая* память, противопоставляемая *механической* памяти женщины, т.-е. запоминанію впечатлѣній въ порядкѣ ихъ полученія. Ассоціаціи послѣдняго рода, какъ получаемыя отъ яркихъ, быстро смѣнявшихся впечатлѣній, отличаются большею вѣрностью. Поэтому вполне правъ г. Шеляревскій, говоря, вопреки Диттесу, что «въ организмѣ, какъ и въ памяти женщины, жизнь вообще оставляетъ болѣе глубокіе слѣды, чѣмъ въ организмѣ мужчины; встрѣчныя событія вызываютъ въ ней поэтому болѣе живую и болѣе сложную ассоціацію идей. Можетъ быть, это причина, почему женщины бываютъ менѣе великодушны и болѣе благодарны, чѣмъ мужчины».

Быстрою психическаго ритма естественно обуславливается

<sup>1)</sup> Психическій міръ женщины (Русскій Вѣстникъ, 1881 г., декабрь).

не только большая способность, но и большая склонность къ образованію индивидуальных или общихъ понятій, къ живости и точности или къ общности и ясности мысли, и т. д. Указанное различіе, слѣдовательно, отражается во всѣхъ сферахъ психической жизни. При преобладаніи впечатлительности развиваются такъ-называемыя *пассивныя* чувства. Послѣдствіемъ этого является у женщины, по мнѣнію г. Астафьева, меньшее, по сравненію съ мужчиной, умѣніе регулировать свои впечатлѣнія и реакціи на нихъ, меньшая способность задерживать впечатлѣнія и вызывать ихъ сообразно собственнымъ задачамъ. «Общее настроеніе чело-вѣка, составляющее подкладку, темный фонъ всѣхъ событій, совершающихся въ отчетливо сознаваемой сферѣ психической жизни, является у мужчины: а) болѣе устойчивымъ, и б) измѣненія въ немъ получаютъ менѣе рѣшающее, роковое и общее значеніе для теченія сознательныхъ дѣятельностей».

Благодаря этому различію *психическаго ритма*, женщина и мужчина различно чувствуютъ и цѣнятъ свою жизнь: медленному ритму душевной жизни у мужчины соответствуютъ его сравнительно суровые взгляды на жизнь; скорая смѣна живыхъ и яркихъ впечатлѣній обуславливаетъ лучшее умѣніе наслаждаться жизнью, каковыя отличаются женщины. Поэтому и воля женщины болѣе энергична, но менѣе глубока.

Съ приведенными взглядами г. Астафьева можно соглашаться или спорить, но нельзя отрицать за авторомъ большой заслуги, которая заключается въ постановкѣ живого вопроса времени на научную почву. Дѣло физиологовъ и психологовъ оцѣнить соображенія г. Астафьева. Что касается до насъ, то мы безъ всякаго затрудненія готовы признать основательность теорій различнаго психическаго ритма у мужчины и у женщины, не признавая нѣкоторыхъ подробностей, защищаемыхъ г. Астафьевымъ, не преувеличивая значенія этого психическаго ритма, въ чемъ погрѣшаетъ, по нашему мнѣнію, г. Астафьевъ. Серьезное, напри-мѣръ, утвержденіе, что женщина «никогда не бываетъ вполне праздною, но за то и всѣ дѣла дѣлаетъ только *между дѣломъ*», странно звучитъ въ спокойной научной аргументаціи.

Г-нъ Астафьевъ заключаетъ, что «въ женщинѣ, со всѣми ея способностями и силами, должно чтить не только черты общаго типа *человѣка*, но именно женщину, и только въ соединеніи противоположныхъ особенностей въ одно цѣлое, а не въ искорененіи ихъ во имя *математическаго равенства*, — (заключается) возможность *взаимнаго восполненія* одинаково односторонними и огра-

ниченными мужскимъ и женскимъ типами до одного цѣльнаго и прекраснаго образа челоувѣчности».

И противъ этой мысли мы не имѣемъ серьезныхъ возраженій. Но какъ признаніе ея должно отразиться на образованіи женщины? Въ этомъ отношеніи мы, вѣроятно, разойдемся съ почтеннымъ авторомъ *понятія психическаго ритма*.

Одинъ изъ противниковъ уравнинія мужчины и женщины говоритъ, напримѣръ, слѣдующее: «Женщина не владѣетъ абстракціей и не разумѣетъ ничего конвенціональнаго. Для нея всякая отчеканенная монета есть серебро и золото; за что она ходитъ, то она для нея и есть; и всякое научное положеніе, выслушанное или вычитанное ею, она принимаетъ за несомнѣнную истину, къ которой относится какъ къ предмету вѣры, какъ къ святыни, — съ полнымъ благоговѣніемъ, безъ глумленія, и безъ малѣйшей критики» <sup>1)</sup>. А потому, — утверждаетъ авторъ, «сверхъ элементарнаго обученія чтенію, письму и счету, къ дальнѣйшему преподаванію наукъ женщина совершенно неспособна». Это рѣшительное утвержденіе опровергается исторіей, ибо намъ извѣстны женщины, занимавшія профессорскія кафедры въ итальянскихъ университетахъ, что вовсе не являлось чрезвычайнымъ исключеніемъ, совсѣмъ не поражаало современниковъ своею необычайностью. Въ наше время все болѣе и болѣе расширяющееся преподаваніе женщинъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ (женскихъ) сопровождается самыми утѣшительными результатами.

«Женская природа, — продолжаетъ г. Бакунинъ, есть полная и совершенная противоположность природы мужской, и полезное для послѣдней часто оказывается противоестественнымъ, вреднымъ и неприличнымъ для первой: схема обобщенія, или подведеніе подъ общее правило, столь пригодныя при обученіи мальчиковъ, не только не пригодны, но совершенно противны всѣмъ свойствамъ и качествамъ женственности при обученіи дѣвочекъ; онѣ научаются чему-нибудь вовсе не чрезъ ихъ гуртовое обобщеніе, а напротивъ, только и исключительно чрезъ ихъ индивидуальное обособленіе». Послѣднее утвержденіе представляется намъ произвольнымъ, и наблюденія надъ ходомъ образованія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, удовлетворительно поставленныхъ, рѣшительно опровергаютъ апріористическое заключеніе г. Бакунина. Что касается до *гуртового* (т.-е. общественнаго, школьнаго) обу-

<sup>1)</sup> Г. П. Бакунинъ: Заповѣдальный голосъ сороковыхъ годовъ (по поводу женскаго вопроса). Сиб., 1881 г.

ченія вообще, то невыгодныхъ стороны его признаетъ современная педагогія и для мальчиковъ, какъ и для дѣвочекъ. Поэтому-то воспитаніе въ семьѣ и является необходимымъ дополненіемъ школьнаго образованія дѣтей. Легко сказать, что «въ общеніи женская природа не развивается, а только стирается и сводится подъ общее, имъ вовсе несвойственное лекало»; но столь важное для педагогіи положеніе слѣдовало бы доказать, чего г. Бакунинъ не дѣлаетъ, да и не можетъ сдѣлать, потому что общеніе съ себѣ подобными есть и глубокая потребность, и условіе всесторонняго развитія какъ мужчины, такъ и женщины. Мы встрѣчаемся тутъ съ старою хотя и видоизмѣненною мыслью о томъ, что Софью должно воспитывать для счастья Эмиля, причемъ дѣло не обходится, конечно, безъ тѣхъ чувствительныхъ любезностей по отношенію къ величію и красотѣ женскаго призванія, которыми современный мужчина покупаетъ владычество надъ женщиной. Для г. Бакунина, «въ смыслѣ дѣйствительной образованности, по отношенію къ дѣвочкамъ и дѣвушкамъ, всякіе экзамены, всякія свидѣтельства и выдаваемые имъ ученые дипломы являются чрезвычайнымъ, изъ всякой мѣры выпешшимъ педантизмомъ, совершенно напрасною грубостью, и великимъ, ничѣмъ не оправдываемымъ невѣжествомъ». Объ образованности дѣвушки или женщины, продолжаетъ авторъ, ни въ какомъ случаѣ нельзя судить по выдержанному или невыдержанному ею экзамену. Но вѣдь и юноша, выдержавшій экзаменъ, можетъ точно также не быть дѣйствительно образованнымъ.

«Да и кромѣ отца и матери ея никому, — добавляетъ г. Бакунинъ, — нѣтъ никакого дѣла до того, что она знаетъ или не знаетъ». Будто бы? Не слѣдуетъ ли г. Бакунинъ исключенія для тѣхъ молодыхъ или зрѣлыхъ людей, которые явятся претендентами на руку и сердце «живого свидѣтельства истины»? <sup>1)</sup>

Любопытно, однако, что, высказываясь за реальное образованіе мальчиковъ, г. Бакунинъ утверждаетъ, что для дѣвочекъ, «сообразно съ ихъ женскою природою, обращенною болѣе внутрь, въ самое себя, нежели во внѣшность, ихъ развитію и образованію, всего болѣе соответствуетъ широкій классицизмъ; разумѣется, не тотъ классицизмъ, которымъ у насъ нѣкоторое, не малое время, до того назойливо донимали наши школы, что на многія поколѣнія и самое имя классицизма сдѣлало ненавистнымъ».

Не будемъ, конечно, — чтобы не отклоняться далеко отъ предмета этой статьи, — разбирать, правъ или неправъ г. Бакунинъ, го-

<sup>1)</sup> Такъ авторъ запоздалаго голоса величаетъ женщину.



вора о классической системѣ образованія. Отмѣтимъ только, что по его мнѣнію классицизмъ въ обученіи не мыслимъ безъ философіи, что этотъ классицизмъ—универсальное или всеобщее образованіе, которое должно совершенно свободнымъ образомъ вестись въ университеты <sup>1)</sup>. Изъ этихъ словъ можно было бы заключить, что г. Бакунинъ стоитъ за то, чтобы женщины получали и среднее, и высшее образованіе; но это толкованіе опровергается слѣдующею фразою, которая находится на той же страницѣ: «Самый невидный и самый смиренный человѣкъ, если только онъ человѣкъ, есть вполне философъ, хотя, быть можетъ, онъ ни писать, ни читать не умѣетъ, и его философія стоитъ полноправною и ничѣмъ не уступающею предъ философіей любого изъ знаменитѣйшихъ профессоровъ философій». Образованіе, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, прекращается, когда женщина, представительница идеализма, знаетъ и понимаетъ, «какъ будто вовсе не учась, незамѣтнымъ образомъ, изъ воздуха, дыханіемъ самой жизни».

Г. Бакунинъ совершенно устраняетъ женщину съ общественнаго поприща. Жизнь человѣческую,—говоритъ онъ,—часто уподобляли кораблю, плавающему по бурному океану. На кораблѣ безъ капитана обойтись невозможно. «Но женщинѣ, хотя бы она въ совершенствѣ обладала всею теоріею навигаціи, никогда не вручать команды надъ кораблемъ. Не ея рукъ это дѣло» (357). Ея рукъ дѣло страпать на кухнѣ корабля, мыть полы,—это по нуждѣ; любоваться лунною ночью на палубѣ или держать *салонъ, форумъ общесжитія*—въ каютѣ,—это на основаніи высшаго призванія. Въ книгѣ почтеннаго автора звучать отголоски философій XVIII вѣка, не совсѣмъ гармонично соединенные съ восторгами и вздохами сентиментализма добраго стараго времени. Салонъ дѣйствительно игралъ важную роль во Франціи стараго режима. Но вотъ что говоритъ одна изъ наиболѣе замѣчательныхъ женщинъ той эпохи, г-жа де-Ламберъ: «вы отняли у женщинъ науку, вмѣсто ея явилась распущенность, погоня за удовольствіями, за роскошью, интрига и ханжество»;—*les femmes ont mis la débauche a la place de Savoir; le précieux qu'on leur a tant reproché, elles l'ont changé en indécence.*

Свидѣтельству женщины должно,—съ нами согласится, конечно, г. Бакунинъ,—дать болѣе вѣры, чѣмъ соображеніямъ мужчины.

Въ настоящее время салонъ не можетъ уже имѣть того зна-

<sup>1)</sup> Заполздалый голосъ, 360—361.

ченія, о которомъ говорить авторъ «Заповѣдалаго голоса». Форумъ демократіи, — а она охватываетъ міръ, — помѣщается не въ нивяцкихъ гостинныхъ; руководителями общественнаго мнѣнія являются не та или другая хозяйка этихъ салоновъ, каждая мечта которой, «какъ тѣ падучія звѣзды, возникала изъ безконечности и уходила въ безконечность». Общественное воспитаніе дѣвочекъ, противъ котораго возстаетъ г. Бакунинъ, есть дѣло *исторической* необходимости. Страны цивилизованнаго міра, *по мѣрѣ увеличенія благосостоянія и просвѣщенія*, одна за другою развиваютъ свои женскія учебныя заведенія. Женщину нельзя оставлять въ невѣжествѣ, потому что, благодаря этому невѣжеству, можетъ рухнуть все общественное зданіе, съ такимъ трудомъ и такъ долго воздвигаемое мужчинами; потому что сама женщина не хочетъ оставаться въ невѣжествѣ. Исключительно домашнее воспитаніе представляется и просто невозможнымъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, дѣломъ, и будетъ приводить ко многимъ неблагоприятнымъ послѣдствіямъ. Теремъ и салонъ не создадутъ доброй матери, которая въ то же время была бы доброю гражданкою.

Но какъ же быть съ *психическимъ ритмомъ* г. Астафьева? Вѣдь это — законъ душевной жизни, которымъ опредѣляются въ большей или меньшей степени всѣ ея проявленія. Мы полагаемъ, что признаніе этого закона вовсе не ведетъ къ отрицанію одинаковаго *общаго* образованія и для мальчиковъ, и для дѣвочекъ.

Общее, среднее образованіе не имѣетъ цѣлю подготовленія къ какой-либо опредѣленной дѣятельности. Въ кругъ этого образованія входятъ такіа знанія, которыя необходимы каждому человѣку, какъ человѣку. Среднеучебное заведеніе должно развить умственныя и нравственныя силы, одинаково нужныя его воспитаннику въ любой, въ послѣдствіи имъ избранной профессіи. Будущій математикъ и будущій поэтъ съ равною пользою могутъ находиться въ одной и той же школѣ. Надо думать, *психическій ритмъ* болѣе разнится у нихъ, чѣмъ между *среднимъ мальчикомъ* и *среднею дѣвочкою*. Какія же основанія устранять послѣднюю отъ общаго образованія? Покажите, чему именно не слѣдуетъ учить дѣвочку изъ того, что должно признать необходимымъ для мальчика? Добавимъ еще, что исторія констатируетъ возрастаніе различія въ душевномъ строѣ мужчины и женщины, и это является несомнѣннымъ послѣдствіемъ, стало быть, не природнаго ихъ различія, а воспитанія, въ широкомъ смыслѣ слова.

Мы, конечно, далеки отъ мысли отрицать назначеніе женщины быть матерью. Думаемъ, что опасенія враговъ женскаго

образованія и женскихъ правъ въ этомъ отношеніи напрасны, и естественный ходъ вещей ни при какихъ условіяхъ не измѣнится въ существенныхъ чертахъ. Только, утверждаемъ мы, дѣвушка, получившая правильное общее образованіе, будетъ лучшею матерью, лучшею воспитательницею дѣтей, лучшею подругою мужа, лучшею гражданкою, чѣмъ дѣвушка, такого образованія не получившая. Естественно, что обязанности матери всегда будутъ препятствовать многимъ женщинамъ заниматься какимъ-либо постороннимъ общественнымъ или частнымъ дѣломъ. Но къ чему же вмѣшивать юридическія прегражденія въ ту область, гдѣ дѣйствуетъ законъ природы? Изъ того, что рѣдкая женщина воспользуется опредѣленнымъ правомъ, слѣдуетъ-ли, что женщинъ вообще надо лишить этого права?

Различія въ душевныхъ способностяхъ, дѣйствительно, оказываются, когда мужчина и женщина выберутъ себѣ специальность, сначала какъ высшее профессиональное образованіе, затѣмъ какъ дѣятельность, носящую въ большей или меньшей степени характеръ общественной профессіи. Но призваніе избираетъ себѣ уже взрослый молодой человѣкъ, и избираетъ либо по склонности, либо по необходимости. Въ томъ и другомъ случаѣ было бы несправедливостью закрывать дверь спеціальнаго учебнаго заведенія или практическую дѣятельность передъ женщиной. Надо же положиться и на здравый смыслъ женщины, не преувеличивая негѣпнымъ образомъ нѣкоторыхъ крайностей, въ которыя впадаетъ тотъ или другой человѣкъ. Мнѣ лично можетъ не нравиться та или другая изъ профессій, къ которымъ стремятся женщины; но что же изъ этого слѣдуетъ? Пусть дѣвушка будетъ хорошимъ врачомъ, хорошимъ архитекторомъ, вмѣсто того, чтобъ быть плохою матерью или совсѣмъ не выйти замужъ, вѣча безполезное, нищенское иной разъ существованіе. Споры нѣтъ, могутъ происходить и нежелательныя, печальныя явленія при этой борьбѣ за женскія права; но не они составляютъ ея общій результатъ. Надо имѣть полное довѣріе къ свободной дѣятельности образованной женщины.

Викторъ Гольцевъ.

---

## ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е октября, 1882.

---

Новыя правила о печати; значеніе ихъ, вѣроятный ихъ источникъ и неизбежныя результаты.— Два сѣзда, законо-учителей и учителей, въ связи со слухами объ искусственномъ поощреніи церковно-приходской школы.— Вопросъ о спеціальному пониженіи выкупныхъ платежей въ петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи.— Отношеніе врачей и земства къ такъ-называемому фельдшеризму.— Новое маринское училище въ Петербургѣ.

### I.

Въ истекшемъ мѣсяцѣ обнародованы новыя и опять временныя правила о печати, содержаніе которыхъ было, впрочемъ, извѣстно и прежде изъ газетныхъ сообщеній.

Два года тому назадъ, пересмотръ узаконеній о печати уже стоялъ на очереди—но тогда имѣлось въ виду совсѣмъ другое: увеличить свободу слова, устранить хотя нѣкоторыя изъ преградъ, нагроможденных на ея пути со времени изданія закона 1865 года. Тогда оказалось нужнымъ дѣйствовать осмотрительно, учредить особую комиссію, которая, какъ и всѣ наши комиссіи, усвоила себѣ девизъ: „festina lenter“. Вскорѣ обстоятельства и люди перемѣнились —и вмѣстѣ съ комиссіею исчезла и самая мысль, вызвавшая ее къ жизни. Положеніе печати не измѣнилось, не измѣнился и ея характеръ; данныя остались тѣ же, что и два года тому назадъ, но теперь изъ нихъ было выведено другое заключеніе. Законъ рѣшено было измѣнить, только не въ смыслѣ облегченія и льготы, а въ смыслѣ новыхъ ограниченій печатнаго слова. Для дѣла столь несложнаго, какъ ограниченіе, не понадобилось уже ни комиссій, ни экспертовъ, ни продолжительныхъ совѣщаній; обычный, нормальный путь былъ признанъ слишкомъ длиннымъ, и желанный законъ состоялся, какъ мы о томъ уже упоминали въ прошедшій разъ, внѣ законодательнаго

порядка. Новые правила о печати названы временными; намъ кажется, что это наименованіе подходитъ къ нимъ ничуть не больше, чѣмъ ко всякому другому закону. Временнымъ, въ настоящемъ значеніи этого слова, правило можетъ считаться только тогда, когда оно установлено на опредѣленный срокъ, или впредь до изданія проектированнаго, приготовляемаго уже закона. Такого закона по дѣламъ печати въ ближайшемъ будущемъ ожидать нельзя, по той простой причинѣ, что въ направленіи, одинаковомъ съ духомъ „временныхъ“ правилъ, идти больше некуда, оно доведено уже и теперь до крайнихъ предѣловъ,—а движеніе въ другую сторону немыслимо именно въ виду этихъ правилъ. Необходимо взглянуть прямо въ глаза дѣйствительности и сказать самому себѣ, что новые правила о печати имѣютъ временный характеръ лишь настолько, насколько и положеніе дѣлъ, ихъ создавшее.

Судя по скорости, съ которою созрѣли вновь изданныя правила, судя по способу, выбранному для приведенія ихъ въ дѣйствіе, можно было бы предположить, что всякая потерянная минута угрожала невознаградимымъ вредомъ для государства, что въ основаніи поспѣшности лежало явное *periculum in mora*—опасность отъ промедленія. Такая опасность была бы возможна при наличности двухъ условій: вопіющихъ злоупотребленій печатнымъ словомъ и безсилія власти положить конецъ этимъ злоупотребленіямъ. Ни того, ни другого условія нельзя отыскать въ нашемъ настоящемъ и ближайшемъ прошедшемъ даже съ помощью самыхъ сильныхъ увеличительныхъ стеколъ. Чтобы убѣдиться въ томъ, какъ сдержанно періодическая печать пользовалась послѣдними днями своей такъ-называемой свободы, стоитъ только припомнить ничтожное число взысканій, постигшихъ ее послѣ 30-го мая нынѣшняго года, т.-е. уже послѣ перемѣны въ управленіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Запрещеніе розничной продажи „Голоса“, продолжавшееся не болѣе мѣсяца, приостановленіе „Минуты“, отмѣненное до истеченія срока, предостереженіе „Биржевымъ Вѣдомостямъ“—вотъ, если мы не ошибаемся, полный списокъ этихъ взысканій. Нельзя же допустить, чтобы министерство, задумавшее теперь возстановить цензуру и упростить прекращеніе періодическихъ изданій, относилось снисходительно къ печатному слову; если оно не было болѣе щедро на карательныя мѣры, то это значитъ, что къ такимъ мѣрамъ не было ни повода, ни даже предлога. Съ другой стороны, власть администраціи надъ печатью не нуждалась въ новыхъ правилахъ, чтобы быть почти безграничной; лучшимъ доказательствомъ этому служатъ запрещеніе статьи гр. Л. Н. Толстаго, съ которою пробовала-было познакомиться читателей „Русская Мысль“. Тамъ, гдѣ такъ легко зачеркнуть произведеніе одного изъ величайшихъ національных писателей—произ-

веденіе, чуждое противугосударственныхъ или противуобщественныхъ тенденцій—тамъ, очевидно, не существуетъ никакихъ стѣсненій для административнаго произвола, никакихъ гарантій для свободы печати. Чѣмъ же объяснить длинный рядъ мѣръ, вообще наполняющихъ исторію нашей печати за послѣднія семнадцать лѣтъ и обостренныхъ еще разъ временными правилами 1882 года? Разрѣшеніе этого вопроса слѣдуетъ искать въ констатированномъ нами уже много разъ соотношеніи между судьбами печати и общимъ направленіемъ внутренней политики. Степень исключительно административнаго давленія, тяготящаго надъ печатью — это настоящій политическій барометръ, весьма чувствительный къ атмосферическимъ переиѣнамъ. Если переиѣна не слишкомъ радикальна, она влечетъ за собою лишь большую или меньшую строгость въ *примѣненіи* законовъ о печати; только болѣе рѣзкія уклоненія отзываются и на самомъ содержаніи этихъ законовъ. Русская печать—почти единственный органъ русскаго общественнаго мнѣнія; рѣшимость идти на переиѣоръ послѣднему всегда бываетъ равносильна рѣшимости наложить молчаніе на независимую печать, или, по крайней мѣрѣ, вооружить себя такъ, чтобы водвореніе молчанія могло быть дѣломъ одного дня. Въ извѣстныя минуты, при извѣстныхъ условіяхъ, власть, какъ бы она ни была велика, обыкновенно кажется еще недостаточною; за невозможностью расширить ея границы, безъ того уже расширенныя до *plus ultra*, принимаются мѣры къ болѣе удобному и быстрому исполненію ея желаній. Интересно сравнить, съ этой точки зрѣнія, законы 1865 и 1872 гг. съ новыми „правилами“. Законъ 1865 г. ставилъ прекращеніе періодическаго изданія въ зависимость отъ опредѣленія перваго департамента сената. Если принять въ соображеніе способъ образованія сената, характеръ сенатской процедуры, права оберъ-прокурора и генералъ-прокурора, составъ общаго собранія, куда переносится дѣло въ случаѣ разногласія между сенаторами, и, наконецъ, возможность довести всякое дѣло до государственнаго совѣта, то трудно вообразить себѣ другой порядокъ; болѣе обезпечивающій правительство противъ нарушенія правилъ о печати. И что же? Достаточно было одного случая, чтобы дискредитировать сенатъ въ глазахъ администраціи. Дѣло о прекращеніи „Москвы“, возбужденное въ 1869 г. тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, окончилось согласно его требованію,—но окончанію дѣла предшествовала защита со стороны обвиняемаго, предшествовали разныя мнѣнія со стороны судей. Орудіе оказалось дѣйствительнымъ, но неудобнымъ; его—его нужно переиѣнить, не ожидая даже втораго опыта. Для прекращенія газетъ практика избираетъ съ того времени новый путь, не предусмотрѣнный закономъ—испрошеніе министромъ особаго на то Высочайшаго повелѣнія; что касается до книгъ и журналовъ,

арестованныхъ по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, то участь ихъ отдается, закономъ 1872 г., въ руки комитета министровъ. Къ комитету министровъ примѣняется съ еще болѣею силою сказанное нами о первомъ департаментѣ сената. И тѣмъ не менѣе, самый комитетъ министровъ оказывается теперь недостаточнымъ: временныя правила 1882 г. создаютъ новое учрежденіе — высшую комиссію изъ четырехъ министровъ, — и этой комиссіи, а не комитету, вѣряютъ прекращеніе и пріостановленіе на неопредѣленный срокъ періодическихъ изданій.

О той сторонѣ новыхъ правилъ, которою какъ бы возстановляется цензура, мы говорить не станемъ; что можно сказать по этому вопросу, кромѣ аксіомъ, давно переставшихъ быть предметомъ спора? Административная практика не хочетъ знать этихъ аксіомъ и имѣетъ возможность ихъ игнорировать; сколько бы разъ и съ какою бы силою онѣ ни повторялись, положеніе дѣлъ отъ этого не переменится.

Обязанность редакторовъ сообщать, по требованію министра внутреннихъ дѣлъ, званія, имена и фамиліи авторовъ существовала, на бумагѣ, и до настоящаго времени; если найдено нужнымъ подтвердить ее еще разъ, то это заставляетъ ожидать преслѣдованій и каръ не только противъ періодическихъ изданій, но и противъ лицъ, участвующихъ въ нихъ. Къ тому же заключенію ведетъ и другое правило, въ силу котораго отъ высшей комиссіи будетъ зависѣть воспрещеніе редакторамъ и издателямъ прекращенной газеты или журнала быть и въ послѣдствіи времени редакторами или издателями какихъ-либо другихъ періодическихъ изданій. Подобное воспрещеніе рассматривалось до сихъ поръ какъ наказаніе, которое могло быть наложено лишь по суду и лишь на опредѣленный срокъ, не свыше пяти лѣтъ (уложеніе о наказаніяхъ ст. 1046, пун. 2); теперь это тяжкое наказаніе, сопряженное съ ограниченіемъ личныхъ правъ, перейдетъ въ разрядъ простыхъ административныхъ взысканій.

Результаты новыхъ правилъ о печати будутъ зависѣть отъ продолжительности и интенсивности ихъ примѣненія; судить о нихъ нужно будетъ, во всякомъ случаѣ, не по одной только цифрѣ періодическихъ изданій, прекращенныхъ, пріостановленныхъ или подчиненныхъ цензурѣ. Осязательными, видимыми послѣдствіями дѣйствіе ограниченій и запрещеній исчерпывается далеко не вполне. Они останавливаютъ мысль въ самомъ ея зародкѣ, искажаютъ, обрѣзываютъ или совершенно подавляютъ ея выраженіе, понижаютъ общій уровень печати, задерживаютъ развитіе искусства и науки, усиливаютъ вліяніе мнѣній, процвѣтающихъ во мракѣ, опирающихся на молчаніе. Положительный и отрицательный вредъ, этимъ приносимый, можетъ быть опредѣленъ, и то лишь приблизительно, только по окончаніи

текущаго направленія, когда повѣряются счеты, сводится балансъ и выясняются главныя потери. Между потерями нѣкоторыя всегда оказываются невознаградимыми; мысль, не высказанная во время, часто погибаетъ всецѣло или сохраняетъ только остатокъ прежней силы. Припомнимъ, напримѣръ, что протестъ противъ оренбургскихъ хищниковъ, раздавшись нѣсколькими годами раньше, предупредилъ бы расточеніе государственнаго достоянія; задержанный и вслѣдствіе того запоздалый, онъ привелъ только къ наказанію нѣкоторыхъ изъ числа хищниковъ. Чего стоило государству, въ семидесятыхъ годахъ, вынужденное молчаніе прессы о бѣдственномъ положеніи крестьянъ— на этотъ вопросъ дастъ отвѣтъ только отдаленное будущее.

Русское общество часто является козломъ отпущенія за такія грѣхи, въ которыхъ оно вовсе неповинно. Къ величайшему нашему удивленію, оно опять привлекается къ отвѣту—притомъ не со стороны присяжныхъ обвинителей его—также и за новыя правила о печати. „Каково настроеніе общества?“—читаемъ мы въ одной изъ газетныхъ статей, вызванныхъ этими правилами.—„Еще за долго до того, какъ правительство пришло къ рѣшенію издать новыя мѣры противъ печати, кто же травилъ *лжelibераловъ*, кто поднималъ крики объ измѣнѣ народности, кто обвинялъ *интригу*, имѣющую цѣлью разрушеніе русскаго государства? Можно смѣло сказать, что нынѣшнія „дополненія“ къ законамъ о печати подсказаны извѣстною частью самой же печати и вліяніемъ сочувствующихъ ей лицъ... Диво ли, что правительство принимаетъ репрессивныя мѣры, когда кругомъ не слышно ничего, кромѣ доносовъ и кровожадныхъ воплей? Удивительно ли, что оно принимаетъ мѣры самозащиты, когда кругомъ твердятъ объ измѣнѣ, вкравшейся во всѣ слои общества? Удивляться ли, что многіе существенные вопросы будутъ оставаться подъ спудомъ, когда сотни голосовъ вопіютъ, что отъ прикосновенія къ нимъ рухнетъ государство?“. Справедливо въ этихъ словахъ только то, что весьма немногіе органы печати и лица, имъ сочувствующія, домогались, косвенно или прямо, новыхъ мѣръ противъ свободы печатнаго слова; но развѣ можно говорить по этому поводу о „настроеніи общества“, развѣ можно утверждать, что изъ его среды не слышится ничего кромѣ доносовъ и кровожадныхъ воплей? Неужели такъ трудно разобратъ въ общемъ хорѣ совѣтъ другіе ноты и мотивы? Неужели голосъ кружка или кружковъ такъ легко можетъ быть принятъ за голосъ общества? Крики „Московскихъ Вѣдомостей“ и ихъ друзей раздаются уже давно; почему же на нихъ обращено вниманіе только въ настоящее время? Напрасно публицисты, которымъ мы возражаемъ, совѣтуютъ намъ отказаться отъ удивленія; мы либо не



откажемся отъ него вовсе, либо откажемся по совершенно другимъ причинамъ. Признать искусственный шумъ, производимый кучкой реакціонеровъ, достаточнымъ объясненіемъ или оправданіемъ правительственной мѣры мы никакъ не можемъ; какъ бы громко они ни увѣряли, что отечество въ опасности, что интрига торжествуетъ, что измѣна проникла всюду,—факты говорятъ еще громче ихъ, говорятъ языкомъ, понятнымъ для каждаго. Кто хочетъ видѣть, того не ослѣпить, въ солнечный день, небольшое облако нарочно поднятой пыли.

## II.

Намъ случилось недавно присутствовать, въ небольшомъ уѣздномъ городѣ, сначала на сѣздѣ законоучителей, потомъ на сѣздѣ учителей начальныхъ сельскихъ школъ. Несмотря на сходство цѣлей, въ виду которыхъ были созваны оба сѣзда, несмотря на сходство въ положеніи участвовавшихъ лицъ, различіе между сѣздами доходило почти во всемъ до полного контраста. На сѣздѣ законоучителей главную роль играла полемика съ инспекціей, вызванная самымъ фактомъ созванія сѣзда. Члены сѣзда не хотѣли допустить, чтобы въ преподаваніи ихъ могли быть какія-нибудь неудовлетворительныя стороны, чтобы въ приѣмахъ и способахъ обученія была желательна какая-нибудь перемѣна. „Между законоучителями“,—такъ выразился одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ участниковъ сѣзда—„не можетъ быть болѣе и менѣе опытныхъ“; другими словами, они всѣ одинаково опыты, всѣ одинаково хорошо преподають свой предметъ, и не нуждаются ни въ наставленіяхъ, ни даже въ простомъ обмѣнѣ мыслей и наблюденій. Другой членъ сѣзда указалъ на то, что достаточной гарантіей успѣшности и правильности преподаванія служить, въ данномъ случаѣ, самое свойство преподаваемого предмета—предмета, просвѣтительнаго даже языческій міръ и осѣненнаго особою благодатью. Нужно было употребить много времени и труда, чтобы сосредоточить вниманіе членовъ сѣзда на вопросахъ, заранѣе намѣченныхъ для ихъ обсужденія—о возможности сократить или дополнить программу закона Божія въ народныхъ школахъ, о веденіи занятій параллельно въ двухъ отдѣленіяхъ, о церковно-славянскомъ чтеніи и т. п.; отъ дѣловыхъ подробностей этого рода пренія безпрестанно возвращались къ мотивамъ, побудившимъ инспекцію просить о созваніи сѣзда. Кромѣ обиженнаго самолюбія, въ рѣчахъ большинства слышалась еще другая нота—неудовольствіе на то, что законоучитель не поставленъ во главѣ на-

родной школы, какъ ея начальникъ или по крайней мѣрѣ попечитель. Съ разныхъ сторонъ раздавались жалобы на учителей, клонившіяся къ подчиненію ихъ власти законоучителя. О пользѣ, приносимой учителемъ путемъ повторенія съ учениками уроковъ закона Божія, ни одинъ членъ сѣзда не сказалъ ни слова; возможность и наличность другихъ, болѣе самостоятельныхъ занятій учителя по закону Божию отрицалась всѣми единогласно. Если бы все сказанное на сѣздѣ соответствовало дѣйствительности, то общее положеніе дѣла, въ данной мѣстности, обрисовалось бы въ слѣдующихъ чертахъ: всѣ законоучители исполняютъ свои обязанности безукоризненно, посѣщаютъ школы исправно, преподаютъ съ полнымъ знаніемъ дѣла; обученіе закону Божию въ начальныхъ школахъ идетъ настолько хорошо, насколько это позволяетъ общее развитіе учениковъ, зависящее отъ учителя; всѣ встрѣчающіяся погрѣшности или пробѣлы должны быть поставлены на счетъ учителей, дѣятельность которыхъ, вообще говоря, оставляетъ желать весьма многого; всѣ законоучители имѣютъ и время, и охоту, и способность руководить обученіемъ и воспитаніемъ въ начальной школѣ. Картина получилась бы, такимъ образомъ, крайне оригинальная, мало похожая на то, что мы привыкли видѣть во всѣхъ концахъ Россіи; уѣздъ, о которомъ идетъ рѣчь, оказался бы какимъ-то исключительнымъ уголкомъ, заслуживающимъ самаго тщательнаго изученія. Нужно ли прибавлять, что на самомъ дѣлѣ онъ ничего подобнаго не представляетъ, что отношеніе законоучителей къ начальной школѣ не отличается и здѣсь отъ обычнаго, всѣмъ знакомаго типа? Неаккуратность законоучителей, фактическое исправленіе ихъ обязанностей, съ вѣдома и согласія ихъ, учительницами или учителями, механическіе приемы обученія, обусловливаемая ими малоуспѣшность учениковъ—все это встрѣчается и здѣсь ничуть не рѣже, чѣмъ обыкновенно.

Сѣздъ учительницъ и учителей, открытый нѣсколько дней спустя послѣ сѣзда законоучителей и продолжавшійся цѣлую недѣлю, показывалъ съ полною ясностью, въ чьихъ рукахъ находится будущность народной школы. О самолюбивыхъ претензіяхъ, о личныхъ счетахъ здѣсь не было и рѣчи; никто изъ участниковъ сѣзда не считалъ себя непогрѣшимымъ, никто не сомнѣвался въ томъ, что можетъ извлечь много полезнаго изъ пробныхъ уроковъ, совѣщаній и разъясненій, входившихъ въ программу сѣзда. Нѣкоторые учителя, и учительницы приготавливались къ сѣзду въ продолженіе цѣлаго года, написали для него обширные, подробно мотивированные доклады; огромное большинство принимало дѣятельное участіе въ преніяхъ и работахъ сѣзда, обнаруживая живой интересъ ко всѣмъ сторонамъ

школьного дѣла, а иногда и самое основательное ихъ знаніе. Всякій посѣтитель съѣзда выносилъ оттуда хорошее, отрадное впечатлѣніе; постоянные участники его—сами учителя и учительницы—оставили его, безъ сомнѣнія, не только съ запасомъ новыхъ свѣдѣній, но, что еще важнѣе, съ запасомъ вопросовъ и мыслей, вызывающихъ на дальнѣйшую самостоятельную дѣятельность. Самыя постановленія учительскаго съѣзда—т.-е. положенія, принятыя имъ къ руководству скорѣе въ качествѣ инструкцій или совѣтовъ, чѣмъ въ качествѣ безусловно обязательныхъ правилъ—настолько же жизненны и разнообразны, насколько безцѣльны и скудны постановленія съѣзда законоучителей. Въ промежутокъ времени, истекшій между двумя учительскими съѣздами (прошлагодній съѣздъ былъ первымъ въ той мѣстности, о которой идетъ рѣчь), въ школьную жизнь введено много новаго: ученики кое-гдѣ стали приучаться къ ручнымъ работамъ, къ черченію плановъ; появились воскресныя и повторительныя занятія, направленные, между прочимъ, къ тому, чтобы приготовить бывшихъ учениковъ школы къ домашнему обученію грамотѣ, недавно разрѣшенному административною властью; во многихъ школахъ обычныя три отдѣленія замѣнены двумя, что много способствуетъ успѣшности преподаванія. Всѣ эти нововведенія позволяютъ надѣяться, что постановленія нынѣшняго съѣзда также не останутся мертвой буквой.

Ошибочно было бы думать, что разница между характеромъ и результатами обоихъ съѣздовъ—учителей и законоучителей—объясняется только личнымъ ихъ составомъ. Средній уровень развитія, по крайней мѣрѣ умственнаго, и тамъ, и тутъ приблизительно одинъ и тотъ же. Всего важнѣе то, что для священника обученіе въ начальной школѣ—одно изъ многихъ занятій, и далеко не самое главное; въ жизни учителя оно стоитъ на первомъ планѣ и часто становится дѣломъ не только обязанности и привычки, но и призванія. Законоучителя безпрестанно отрываютъ отъ школы; учителя, наоборотъ, все привязываетъ къ ней. Законоучитель принадлежитъ къ сословію, обычаямъ и традиціямъ котораго сложились уже давно, когда не было еще и помину о правильно организованной начальной школѣ; корпорація народныхъ учителей, формирующаяся только теперь, гораздо свободнѣе отъ рутинны, гораздо доступнѣе вліянію новыхъ педагогическихъ началъ, гораздо болѣе расположена къ самоусовершенствованію. Законоучитель, особенно въ деревнѣ, не чувствуетъ надъ собой никакого контроля, кромѣ чисто формальнаго; учитель страдаетъ отъ избытка начальниковъ, но между ними встрѣчаются хотъ иногда, хотъ кое-гдѣ лица, не командующія, не требующія однихъ отписокъ и отчетовъ, а способныя и готовые помочь учителю, руководить его трудами. Учебныя заведенія, изъ которыхъ выходятъ

законоучители, не готовятъ ихъ къ учительской дѣятельности; число учителей, специально приготовленныхъ къ ней, постоянно возрастаетъ. Можно быть хорошимъ, даже отличнымъ учителемъ, не прослушавъ курса учительской семинаріи; но если останавливаться не на отдѣльныхъ лицахъ, а на цѣлыхъ группахъ, то нельзя не признать, что главнымъ разсадникомъ учителей, преданныхъ дѣлу начальнаго обученія, вполнѣ овладѣвшихъ всѣми его сторонами, служатъ именно учительскія семинаріи, правительственныя и земскія. На учительскомъ съѣздѣ, о которомъ мы говорили, всего болѣе выдавался учитель, не прошедшій черезъ учительскую семинарію; но между бывшими учениками земской учительской школы (петербургской) не было за то ни одного, который не принималъ бы горячаго и полезнаго участія въ занятіяхъ съѣзда.

Когда обязанность, нетрудная по своему свойству, исполняется не совсѣмъ хорошо, никому не приходитъ въ голову поправить дѣло усложненіемъ или расширеніемъ задачи, лежащей на исполнителя; наоборотъ, принимаются мѣры къ облегченію обязанности, если невозможно передать ее въ другія руки. Въ области начальнаго обученія—если вѣрить слухамъ—готовится явленіе противоположнаго свойства. Законоучителей, не справляющихся, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, съ обязанностями этого званія, предполагается сдѣлать преподавателями всѣхъ предметовъ; другими словами, имѣется въ виду увеличить число церковно-приходскихъ школъ и сдѣлать ихъ краеугольнымъ камнемъ народнаго образованія. На чемъ держится увѣренность, что священникъ, не успѣвающій обучить учениковъ закону Божию, успѣетъ пройти съ ними всю программу начальной школы—этого мы не знаемъ. Если въ основаніи ея лежитъ мысль, что все можно сдѣлать деньгами, что стоитъ только ассигновать на церковно-приходскія школы побольше суммъ—и онѣ пойдутъ прекрасно, то не мѣшало бы вспомнить, что трудъ законоучителей во многихъ земскихъ школахъ и теперь вознаграждается вполнѣ достаточно, не становясь отъ того ни болѣе усерднымъ, ни болѣе успѣшнымъ. Церковно-приходскія школы имѣютъ, впрочемъ, свою исторію, богатую поучительными сторонами. Дѣтъ пятнадцать тому назадъ, въ эпоху открытія земскихъ учрежденій, ихъ числилось много, гораздо больше, чѣмъ въ настоящее время; но кто же не знаетъ, что земству почти вездѣ пришлось начинать все дѣло вновъ, что цифровыя данныя о числѣ учениковъ, учителей и самихъ церковно-приходскихъ школъ крайне рѣдко сходились съ дѣйствительностью? Гдѣ причины думать, что новыя церковно-приходскія школы чѣмъ-либо отличались бы отъ прежнихъ? Измѣнилось ли положеніе нашего духовенства, возрасло ли его рвеніе къ народному

образованію?.. Мы ничего не могли бы возразить противъ искусственнаго поощренія церковно-приходскихъ школъ, еслибы рядомъ съ нимъ непрерывно продолжалось, прогрессируя и количественно, и качественно, развитіе земской народной школы; къ сожалѣнію, одно изъ этихъ явленій почти неминуемо исключаетъ другое. Средства на учрежденіе и содержаніе церковно-приходскихъ школъ будутъ заимствуемы, если не исключительно, то преимущественно, изъ общихъ государственныхъ доходовъ; это послужитъ препятствіемъ къ увеличенію той части бюджета министерства народнаго просвѣщенія, которая имѣетъ въ виду нужды начальной школы. На вспомошествованіе церковно-приходскимъ школамъ весьма легко можетъ пойти—при нѣкоторомъ давленіи свыше—и большая часть тѣхъ денегъ, которыя теперь ассигнуются на школу крестьянскими обществами. Мѣсто нахожденія приходской школы по необходимости будетъ связано съ мѣстомъ пребыванія причта; отсюда появленіе школъ не тамъ, гдѣ въ нихъ ощущается наибольшая надобность, а тамъ, гдѣ существуетъ церковь. Въ большихъ селахъ приходская школа будетъ совершенно безцѣльно конкурировать съ земскою, въ небольшихъ—будетъ оставаться почти пустою <sup>1)</sup>. Всѣ враги народнаго образованія—а ихъ до сихъ поръ не мало—получать возможность воставать противъ увеличенія числа земскихъ начальныхъ школъ, противъ включенія въ земскій бюджетъ новыхъ на этотъ предметъ расходовъ, ссылаясь на существованіе церковно-приходскихъ школъ, удовлетворяющихъ, будто бы, потребностямъ народа. Вопросъ, до сихъ поръ ясный, будетъ затемненъ введеніемъ въ него мнимаго фактора, мнимой величины. Теперь никто не рѣшится утверждать, что число школъ въ Россіи соотвѣтствуетъ населенію, что учится у насъ большинство дѣтей школьнаго возраста; съ размноженіемъ церковно-приходскихъ школъ явится возможность игры въ цифры, успокоительной для тѣхъ, кто хочетъ спокойствія во что бы то ни стало, но крайне вредной для дѣла. Чѣмъ больше будетъ расти—на бумагѣ—число церковно-приходскихъ школъ, тѣмъ удобнѣе будетъ вести войну противъ такъ-называемой свѣтской школы (говоримъ: *такъ-называемой*, потому что наша земская начальная школа не имѣетъ ничего общаго съ свѣтской школой въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова), а затѣмъ и противъ учительскихъ семинарій. Уже теперь находятся „цѣнители и судьи“, называющіе учениковъ учительскихъ семинарій „вольнопрактикующими дѣятелями“, „полуграмотными верхоглядами“, учившимися только три года послѣ сохи

<sup>1)</sup> Въ той мѣстности, которую особенно хорошо знаетъ пишущій эти строки, церкви нерѣдко стоятъ внѣ селеній, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ ближайшей деревни; кто будетъ посѣщать школы, устроенныя при такихъ церквахъ?

и „надмевающими“ своихъ учениковъ „омерзительнаго свойства плебейскимъ аристократизмомъ“ („Москов. Вѣд.“ № 238); что же мы услышимъ тогда, когда учителя церковно-приходскихъ школъ будутъ считаться тысячами или десятками тысячъ? Съ какими шансами успѣха будетъ предпринять тогда походъ противъ спеціальной подготовки народныхъ учителей, противъ учительницъ, такъ ясно, въ теченіе немногихъ лѣтъ, успѣвшихъ заявить свою способность къ начальному обученію! Если уже теперь органъ г. Каткова не затрудняется утверждать, что въ учительскую семинарію можно поступать *прямо отъ сохи* (между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ весьма немногія лишь крестьянскія дѣти принимаются туда непосредственно по окончаніи пятилѣтняго курса въ двухклассномъ сельскомъ училищѣ), то чего не извлекутъ тогда фразеры и лжецы того же лагеря изъ параллели между семинаристомъ, десять лѣтъ обучавшимся латинскому и греческому языкамъ, и семинаристомъ, только три года приготавливавшимся къ преподаванію въ начальной школѣ! Помимо всего этого, искусственное поощреніе церковно-приходскихъ школъ увеличить разладъ, безъ того уже существующій въ сферѣ начального обученія. Какъ ни ограниченъ кругъ дѣйствій уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, какъ ни слабо представленъ въ нихъ элементъ земскій, они играютъ и теперь не маловажную роль въ развитіи школьнаго дѣла, служа, вмѣстѣ съ земскими собраніями и земскими управами, главными проводниками образованія въ массу народа. Церковно-приходскія школы не подвѣдомственны училищнымъ совѣтамъ, не подвѣдомственны даже правительственной инспекціи, и стоятъ, такимъ образомъ, внѣ всякой связи, внѣ всякаго общенія съ другими начальными училищами. На учительскій съѣздъ, руководимый инспекторомъ, обязаны являться и дѣйствительно являются учителя правительственныхъ, земскихъ, земско-общественныхъ школъ; для учителей церковно-приходскихъ школъ такая явка не обязательна, а добровольное участіе ихъ въ занятіяхъ съѣзда было бы несовмѣстно съ тѣмъ принципомъ, въ силу котораго „между законоучителями нѣтъ болѣе опытныхъ и менѣе опытныхъ“.

Какъ привилегированный конкурентъ земской начальной школы, церковно-приходская школа можетъ принести только вредъ; въ союзѣ съ первой она могла бы, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, оказаться не безполезной. Земскимъ собраніямъ слѣдовало бы предоставить право опредѣлять, въ какихъ именно мѣстностяхъ уѣзда желательно было бы открытіе церковно-приходскихъ школъ, съ правительственной поддержкой. Само собою разумѣется, что въ выборѣ такихъ мѣстностей земство руководствовалось бы съ одной

стороны мѣстными условіями и потребностями, съ другой стороны—знаніемъ лицъ, которымъ пришлось бы стать во главѣ церковно-приходской школы; оно не остановилось бы ни на такомъ селеніи, гдѣ школа оставалась бы пустою, ни на такомъ лицѣ, которое было бы совершенно неспособно къ преподаванію. Число церковно-приходскихъ школъ въ каждомъ уѣздѣ слѣдовало бы поставить въ извѣстное отношеніе къ числу земскихъ школъ; ходатайствовать объ отертіи новыхъ церковно-приходскихъ школъ могли бы, такимъ образомъ, только тѣ земства, которыя сами потрудились и продолжаютъ трудиться для школьнаго дѣла. Церковно-приходскія школы слѣдовало бы подчинить, на общемъ основаніи, уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ, и замѣнять ихъ, при первой возможности, или земскими школами, или училищами вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Въ такихъ рамкахъ, при такихъ условіяхъ, церковно-приходскія школы могли бы имѣть серьезное значеніе, существовать не только по имени и войти въ общую школьную систему, не претендуя на первое въ ней мѣсто и не препятствуя правильному ея развитію. Это было бы не возвращеніемъ къ прошедшему, не повтореніемъ однажды неудавшагося опыта, а просто утилизаціей всѣхъ наличныхъ силъ, въ виду скорѣйшаго достиженія высокой, важной цѣли. Чѣмъ проще, чѣмъ правильнѣе разрѣшеніе вопроса, тѣмъ менѣе, къ несчастію, оно представляется вѣроятнымъ. Шансы успѣха, въ настоящую минуту, на сторонѣ тѣхъ, которые видятъ въ церковно-приходской школѣ орудіе противъ земской школы, противъ новыхъ путей, проложенныхъ приверженцами народнаго образованія. На очереди вездѣ стоитъ регрессъ; за ограниченіемъ выборнаго начала въ управленіи духовенствомъ, за прекращеніемъ пріема на женскіе врачебные курсы, за преобразованіемъ военныхъ гимназій въ кадетскіе корпуса, за восстановленіемъ цензуры, весьма легко можно ожидать закрытіе учительскихъ семинарій и безусловное торжество старозавѣтной церковно-приходской школы. Недавнее прошедшее служить гарантіей только въ томъ, что это торжество не будетъ продолжительно.

### III.

Мѣсяцъ тому назадъ въ Петербургѣ почти одновременно происходили засѣданія сѣзда земскихъ врачей петербургской губерніи и чрезвычайнаго губернскаго земскаго собранія. Разсмотрѣнію послѣдняго подлежалъ только одинъ вопросъ—о специальномъ пониженіи выкупныхъ платежей. Первоначальный проектъ распределенія между

губерніями и уѣздами назначенной на этотъ предметъ суммы былъ составленъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ; губернскимъ земскимъ собраніямъ предоставлено было лишь повѣрить уѣздную разверстку, не выходя по возможности изъ предѣловъ суммы, опредѣленной на каждую губернію. Ограниченную такимъ образомъ задачу петербургское губернское собраніе разрѣшило успѣшно, благодаря основательной разработкѣ вопроса губернскою земскою управою. Предположенія статистическаго комитета страдали отсутствіемъ системы; масштабъ спеціальнаго пониженія выкупныхъ платежей для каждого уѣзда не былъ ни достаточно мотивированъ, ни обусловленъ постоянными, всегда одинаковыми правилами. С.-петербургская губернская земская управа задалась мыслью найти и установить такое общее начало, которое исключало бы случайность и произволъ въ уѣздной разверсткѣ. Она опредѣлила среднюю цѣнность земли въ каждомъ уѣздѣ, вывела отсюда среднюю ея доходность и предложила затѣмъ понизить выкупные платежи настолько, насколько они превышаютъ доходъ съ надѣльной земли. Болѣе правильнаго способа дѣйствій нельзя было и придумать. Само собою разумѣется, что въ оцѣнку земли, а слѣдовательно и въ опредѣленіе ея доходности, могли вкратѣся погрѣшности, вслѣдствіе недостаточности и недостоверности матеріаловъ, находившихся въ распоряженіи управы; но достигнуть безусловно вѣрныхъ выводовъ, при настоящемъ положеніи нашей поземельной статистики, было немислимо. Управа сдѣлала все зависѣвшее отъ нея, принявъ во вниманіе и свѣдѣнія о наемныхъ и продажныхъ цѣнахъ на землю, и оцѣнки по ссудамъ, выдаваемымъ земельными банками подъ залогъ земли, и данныя, имѣвшіяся въ виду центральнаго статистическаго комитета; что ею не было допущено слишкомъ грубыхъ ошибокъ, это видно уже изъ того, что выведенныя ею цифры не вызвали ни съ чьей стороны возраженій, хотя для трехъ уѣздовъ расчетъ центральнаго статистическаго комитета былъ выгоднѣе, чѣмъ расчетъ управы. Опредѣливъ доходность земли, для всѣхъ уѣздовъ, въ 5%, управа безъ сомнѣнія отступила отъ дѣйствительности; но практическаго значенія это отступленіе не имѣетъ, потому что сумма пониженія для всей губерніи была установлена заранѣе и должна была быть принята какъ фактъ, не подлежащій спору. Ходатайствовать о небольшомъ увеличеніи этой суммы (съ 240 до 279 тысячъ рублей) управа—а вслѣдъ за нею и собраніе—признали необходимыми только потому, что цифра пониженія для одного уѣзда (Ямбургскаго) была опредѣлена статистическимъ комитетомъ, вслѣдствіе несвоевременнаго доставленія свѣдѣній, несоразмѣрно низкая. Если мнѣніе управы и собранія будетъ принято правительствомъ, выкупные платежи въ петербург-



ской губерніи все-таки, въ большинствѣ случаевъ, будутъ превышать доходность надѣльной земли, но ни одинъ уѣздъ не будетъ поставленъ въ привилегированное положеніе сравнительно съ другими. До общей и специальной скидки, выкупные платежи въ петербургской губерніи превышали доходность надѣльной земли, определенную даже изъ 5%, на 75%; для отдѣльных уѣздовъ это превышеніе колебалось между 51% (уѣздъ Петербургскій) и 92%. (уѣздъ Ямбургскій), даже 98% (уѣздъ Гдовскій). Нетрудно рассчитать, какія цифры превышенія получились бы въ прошедшемъ и получатся въ будущемъ, даже послѣ скидки, если сравнить платежи съ дѣйствительною доходностью земли, определенной изъ 3 или 4%. Правда, специальное уменьшеніе выкупныхъ платежей будетъ произведено, въ послѣднемъ выводѣ, не по уѣздамъ, а по отдѣльнымъ селеніямъ, между которыми будетъ разверстана уѣздными земскими собраніями определенная на цѣлый уѣздъ скидка; но въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ достаточныя селенія составляютъ едва замѣтное меньшинство, — т. е. почти во всѣхъ уѣздахъ петербургской губерніи, — окончательный результатъ измѣнится отъ этого весьма немного. Какъ бы то ни было, въ предѣлахъ задачи, предстоявшей къ разрѣшенію въ данную минуту, петербургское земство сдѣлало все, что могло; путь, избранный имъ, вѣроятно не будетъ упущенъ изъ виду, если когда-нибудь будетъ признано необходимымъ дальнѣйшее пониженіе выкупныхъ платежей. О важности поправокъ, предложенныхъ земствомъ къ проекту статистическаго комитета, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. Для новолadoжскаго уѣзда комитетомъ вычислено было специальное пониженіе въ 43,472 руб., для лужскаго — въ 53,950 рублей; земство нашло нужнымъ уменьшать первую изъ этихъ суммъ до 35,216, увеличить вторую до 64,424 рублей. По расчету статистическаго комитета, средний, послѣ скидки, выкупной платежъ съ десятины долженъ былъ составить въ новолadoжскомъ уѣздѣ 75 копѣекъ, въ лужскомъ уѣздѣ — 90 копѣекъ; по расчету земства, десятина въ новолadoжскомъ уѣздѣ будетъ обложена 87 коп., въ лужскомъ — 83<sup>3</sup>/<sub>4</sub> коп.

Засѣданія сѣзда земскихъ врачей петербургской губерніи представляли много интереснаго. Работы сѣзда, безъ сомнѣнія, скоро появятся въ печати; отлагая подробный ихъ разборъ до этого времени, мы коснемся только одного вопроса, много разъ уже возникавшаго и въ сообщаніяхъ врачей, и въ преніяхъ земскихъ собраній, и въ литературѣ. Это такъ-называемый вопросъ о *фельдшеризмѣ*, т. е. о возможности самостоятельной дѣятельности фельдшеровъ и фельдшерицъ. Врачи вездѣ и всегда настаиваютъ на отрицательномъ разрѣшеніи этого вопроса, утверждая, что леченіе можетъ быть

полезно только въ рукахъ образованнаго медика или подъ непосредственнымъ, постояннымъ его наблюденіемъ и руководствомъ; земства выслушиваютъ мнѣніе врачей, иногда соглашаются съ нимъ—и все-таки, въ большинствѣ случаевъ, сохраняютъ или учреждаютъ вновь фельдшерскіе участки, фельдшерскіе пункты. Это не упрямство профановъ, не желающихъ внимать наставленіямъ специалистовъ, выводамъ науки; это просто уступка требованіямъ жизни, которыхъ нельзя ни обойти, ни игнорировать. Съ помощью однихъ врачей организовать въ уѣздахъ для всѣхъ доступную медицинскую помощь—рѣшительно невозможно; этого не позволяютъ средства земскихъ учреждений, не позволяютъ число врачей, готовыхъ жить въ глуши и посвятить себя тяжелой, скудно оплачиваемой работѣ. Возьмемъ, для примѣра, уѣздъ протянувшійся верстѣ на сто въ длину, настолько же—въ ширину, съ разбросаннымъ, небогатымъ населеніемъ, съ земскимъ бюджетомъ тысячъ въ семьдесятъ или восемьдесятъ, половина которыхъ идетъ на обязательные расходы; такихъ уѣздовъ у насъ много, такіе условія не могутъ быть названы особенно неблагоприятными. Больше 12—15 тысячъ на врачебную часть этотъ уѣздъ не ассигнуетъ, какъ бы заботливо уѣздное земство ни относилось къ народному здоровью. Половину ассигнованной суммы поглотитъ содержаніе больницы въ уѣздномъ городѣ; если вычесть изъ другой половины стоимость лекарствъ и содержаніе хотя бы одного или двухъ приемныхъ покоевъ въ уѣздѣ, то много ли останется на вознагражденіе врачей, живущихъ въ уѣздѣ? На цѣлый уѣздъ окажется возможнымъ пригласить двухъ, въ исключительныхъ случаяхъ—трехъ врачей. Противъ разѣздной системы, т.-е. противъ частыхъ, періодическихъ посѣщеній врачомъ всѣхъ главныхъ пунктовъ участка, врачи возстаютъ столько же сильно, какъ и противъ фельдшеризма, и съ большимъ основаніемъ. Положимъ, что въ уѣздѣ принята система стационарная, при которой врачъ постоянно имѣетъ пребываніе въ одномъ, болѣе или менѣе центральномъ, мѣстѣ и выезжаетъ въ участокъ только при появленіи эпидемической болѣзни. Результатомъ такого порядка явится совершенная безпомощность, въ медицинскомъ отношеніи, трехъ четвертей или двухъ третей населенія, платящихъ земскій сборъ наравнѣ съ привилегированною четвертью или третью. Дальше 10—15 верстъ везти больныхъ къ доктору крайне трудно; въ больницѣ или приемномъ покоѣ лечатся почти исключительно жители ближайшихъ къ нимъ селеній. Простая справедливость заставляетъ, вслѣдствіе этого, искать такихъ способовъ организаціи врачебной части, которые уменьшали бы какъ можно больше неравномѣрность пользованія ею. Отсюда распространеніе фельдшеризма, распространеніе его даже тамъ, гдѣ на него

смотреть какъ на неизбежное зло. Сумма, оплачивающая трудъ *трехъ* докторовъ (4500 руб.), достаточна для приглашенія *нѣмца*ми фельдшеровъ, или, что еще лучше, *десятью* фельдшерицъ-акушерокъ, въ которыхъ такъ нуждается наша деревня. Народъ доверяетъ фельдшерскому леченію, и доверяетъ ему не напрасно, потому что въ большинствѣ случаевъ оно достигаетъ своей цѣли. Кто знаетъ деревенскую жизнь, тому извѣстно, какъ много пользы можетъ принести въ глуши даже не специалистъ—священникъ, учитель, землевладѣлецъ—имѣющій небольшой запасъ простыхъ лекарственныхъ средствъ и раздающій ихъ съ нѣкоторою осторожностью, съ нѣкоторымъ навыкомъ къ дѣлу. Камень преткновенія для такихъ практиковъ-самоучекъ—это внѣшнія поврежденія (порѣзы, вывихи, ушибы), такъ часто постигающіе крестьянина. Приблизить къ деревнѣ человѣка, умѣющаго помогать и въ этихъ случаяхъ (за исключеніемъ особенно важныхъ, встрѣчающихся сравнительно рѣдко), значить оказать ей существенную услугу. Вотъ почему мы думаемъ, что земскимъ врачамъ пора было бы перейти отъ безцѣльныхъ и непрактичныхъ нападеній на фельдшеризмъ къ обсужденію лучшей организаціи его. Увеличеніе числа хорошо устроенныхъ фельдшерскихъ школъ; привлеченіе въ эти школы преимущественно женщинъ; обученіе фельдшерицъ акушерству; установленіе надъ фельдшерами и фельдшерицами медицинскаго контроля—со стороны земскихъ врачей, хозяйственнаго и нравственнаго—со стороны земской управы и попечителей, избранныхъ земскимъ собраніемъ; обязательныя занятія фельдшеровъ и фельдшерицъ при земскомъ врачѣ, не только до допущенія ихъ къ самостоятельной практикѣ, но и ежегодно, по періодически возвращающейся очереди—вотъ, между прочихъ, тѣ мѣры, которыя могли бы способствовать правильному разрѣшенію вопроса. Земскія фельдшерскія школы существуютъ уже и теперь—напримѣръ, въ Самарѣ—и идутъ восторженно хорошо, что заслуживали бы болѣе широкаго развитія. Въ Вологдѣ открыта на дняхъ фельдшерская школа исключительно для женщинъ.

#### IV.

Года два тому назадъ, вскорѣ послѣ вступленія А. А. Сабурова въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ officialныхъ сферахъ возникла мысль о необходимости учрежденія такихъ женскихъ училищъ, которыя занимали бы средину между начальными школами съ одной стороны, гимназіями и прогимназіями—съ другой. Намъ помнится, что для обсужденія этого вопроса была тогда же учреждена особая коммиссія. Успѣла ли она что-нибудь сдѣлать—

мы не знаемъ; не знаемъ также, состоитъ ли въ какой-либо связи съ ея работами тотъ законъ, въ силу котораго открывается въ Петербургѣ, въ видѣ опыта, четырехкласное (Маринское) женское училище. Какъ бы то ни было, новый типъ училищъ предназначенъ именно для пополненія того пробѣла, о которомъ упомянуто выше и существованіе котораго не подлежитъ никакому сомнѣнію. „Элементарное общее образованіе, которое должно быть достояніемъ массъ русскихъ женщинъ“ — читаемъ мы въ правительственномъ сообщеніи 9 сентября — „у насъ еще не организовано. Отсутствіе женскихъ училищъ съ полнымъ элементарнымъ курсомъ, которыя составляли бы промежуточную ступень между начальными низшими школами и средними учебными заведениями, и есть главная причина того ненормальнаго явленія, что родители, принадлежащіе къ низшимъ слоямъ городского населенія, стремятся отдавать дочерей своихъ въ женскія гимназіи, несмотря на то, что для значительнаго большинства этихъ дѣвочекъ гимназическій учебный курсъ совершенно непосиленъ, слишкомъ высокъ и продолжителенъ, какъ по семейному ихъ положенію, такъ и по способностямъ и матеріальнымъ средствамъ. Поэтому только весьма немногія изъ нихъ оканчиваютъ полный курсъ; большинство же выходитъ изъ низшихъ классовъ гимназій, кое-какъ усвоивъ одни начатки различныхъ наукъ, въ томъ числѣ французскаго и нѣмецкаго языковъ, но не умѣя грамотно писать по-русски, не зная твердо первыхъ четырехъ правилъ ариметики и не приучившись вовсе работать“. Въ этихъ словахъ намѣчена весьма ярко одна изъ самыхъ слабыхъ сторонъ всей — нашей учебной системы — неокончаніе большинствомъ учащихся обоого пола полного учебнаго курса и непригодность свѣдѣній, выносимыхъ ими изъ школы. Спорный вопросъ заключается въ томъ, устранить ли эту бѣду учрежденіе новыхъ училищъ, безъ преобразования старыхъ? Потребность въ образованіи у насъ такъ велика, число учебныхъ заведеній — такъ недостаточно, что гимназіи и прогимназіи останутся переполненными и при существованіи, рядомъ съ ними, другихъ, элементарныхъ школъ; большинство учащихся по прежнему будетъ выходить изъ гимназій и прогимназій до окончанія курса, съ тѣми отрывочными, неполными свѣдѣніями, о которыхъ говоритъ правительственное сообщеніе. Бѣдность и малоспособность — эти главные препятствія къ окончанію курса — встрѣчаются не въ однихъ только „низшихъ слояхъ городского населенія“. Если ученицы (прибавимъ отъ себя: и ученики), выходящіе изъ второго или третьяго класса гимназій или прогимназій, „не умѣютъ грамотно писать по-русски, не знаютъ твердо первыхъ четырехъ правилъ ариметики и вовсе не приучены работать“, то единственное радикальное средство противъ этого зла — такіа

измѣненія въ устройствѣ или программѣ гимназій или прогимназій, которыя положили бы конецъ размноженію недоучекъ. Все же лучше было бы, быть можетъ, положить въ основу всѣхъ учебныхъ заведеній одинъ и тотъ же элементарный курсъ, съ тѣмъ, чтобы въ однихъ школахъ обученіе заканчивалось полнымъ усвоеніемъ этого курса, въ другихъ—продолжалось бы далѣе, въ третьихъ—еще далѣе. При такомъ положеніи дѣла были бы возможны и училища въ родѣ тѣхъ, которыя задуманы въ настоящее время, но они не были бы оторваны отъ остальныхъ, и окончившія въ нихъ элементарный курсъ могли бы, при достаточныхъ къ тому способностяхъ и средствахъ, безпрепятственно поступать въ соотвѣтствующіе классы училищъ высшаго разряда. Отдачею ребенка въ ту или другую школу не предрѣшалась бы тогда его судьба, и обученіе, преждевременно прерванное, ни въ какомъ случаѣ не оставалось бы вовсе безплоднымъ.

Возвращаемся къ учрежденному вновь маринскому училищу. Оно предназначено для дѣвочекъ всѣхъ сословій, „которыя по общественному положенію и занятіямъ своихъ родителей нуждаются въ правильномъ элементарномъ образованіи и имѣютъ въ виду, по окончаніи школьнаго ученія, или прямо помогать родителямъ въ ихъ трудовыхъ занятіяхъ, или поступить въ профессиональныя школы или въ обученіе мастерствамъ и ремесламъ“. Важно въ этомъ опредѣленіи только то, что училище не имѣетъ сословнаго характера; все остальное—скорѣе наставленіе родителямъ, чѣмъ обязательное правило. Не будутъ же брать съ поступающихъ ученицъ подписку въ томъ, что онѣ, по окончаніи курса въ училищѣ, не станутъ думать о продолженіи образованія, а прямо и безповоротно перейдутъ къ практическимъ занятіямъ. Слишкомъ мало гармонируетъ съ назначеніемъ училища размѣръ платы за ученіе; тридцать рублей въ годъ—сумма весьма значительная, недоступная, въ большинствѣ случаевъ, для „низшихъ слоевъ городского населенія“. Въ программу училища входятъ: законъ Божій, русскій языкъ, арифметика, географія и исторія Россіи, естествовѣдѣніе, чистописаніе, рисованіе, пѣніе и рукодѣлія. Курсъ ученія—четырёхлѣтній. Судя по тому, что возрастъ для принятія въ училище—отъ девяти до одиннадцати лѣтъ, и что о вступительномъ экзаменѣ въ правительственномъ сообщеніи ничего не сказано, слѣдуетъ предположить, что въ училище будутъ поступать дѣвочки безграмотныя, другими словами—что низшіе его классы будутъ соотвѣтствовать начальной школѣ. Курсъ ученія въ начальной школѣ, обнимающій собою только законъ Божій, чтеніе по-русски и по-славянски, письмо и первыя четыре правила арифметики, продолжается три года; какимъ же образомъ можно ожидать, что одного добавочнаго года будетъ достаточно для *основательнаго*

изученія всѣхъ предметовъ, которыми курсъ маріинскаго училища отличается отъ курса начальной школы? Не слѣдуетъ ли опасаться, что дѣвочки будутъ выходить и отсюда недоучками, даже по окончаніи курса? Намъ кажется, что гораздо правильнѣе было бы принимать въ училища новаго типа только дѣвочекъ, окончившихъ курсъ въ начальной школѣ; въ три или даже въ два года онѣ могли бы научиться всему тому, чѣмъ дополняется и завершается элементарное образованіе. Покажемъ, какъ мы уже видѣли, рѣшено открыть лишь одно училище новаго типа. Ожидая указаній опыта, не слѣдуетъ забывать, что переполненіе училища учащимися само по себѣ еще ничего не докажетъ; переполнены и гимназіи, и прогимназіи, несмотря на всѣмъ извѣстные ихъ недостатки.

## ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

ВАРШАВА.—Сентябрь, 1882.

Если періодическая печать должна служить вѣрнымъ и точнымъ отраженіемъ стремленій, желаній и потребностей общества, если весь интересъ ея обусловливается чуткостью къ вопросамъ дня и минуты, то варшавская пресса, безъ сомнѣнія, стоитъ гораздо ниже своей задачи, — въ значительномъ большинствѣ своихъ органовъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что большинство ея органовъ, даже наиболѣе распространенныхъ, не даетъ надлежащаго понятія о жизни самаго общества, о его воззрѣніяхъ, убѣжденіяхъ и стремленіяхъ. Въ этихъ органахъ совсѣмъ почти не высказывается то, о чемъ и какъ мыслить общество, о чемъ оно говоритъ, чѣмъ интересуется, не указывается на то, какія назрѣваютъ въ немъ понятія и требованія. Изучать польское общество по органамъ варшавской прессы было бы большою ошибкою: это значило бы то же самое, что изучать жизнь, происходящую въ глубинѣ и на днѣ озера, ограничиваясь наблюденіемъ гладкой и невозмутимой его поверхности... Варшавская пресса, опять-таки въ значительномъ большинствѣ органовъ, представляетъ даже довольно исключительное явленіе. Обо всемъ томъ, чѣмъ общество всего болѣе интересуется и о чемъ оно говоритъ, большинство ея органовъ или вполнѣ умалчиваетъ, или

высказываетъ такія понятія, взгляды и воззрѣнія, которыя очень часто прямо противорѣчатъ дѣйствительнымъ понятіямъ и убѣжденіямъ общества. Фактъ странный, почти невѣроятный, но—фактъ. Объясняется онъ, съ одной стороны, строгою подцензурностью здѣшней печати, а съ другой—упорнымъ традиціонализмомъ воззрѣній, признаваемыхъ неприкосновенными. Какимъ тяжелымъ и мертвымъ камнемъ ложится всякая цензура, особенно политическо-тенденціозная, на печатное слово—объ этомъ говорить нечего; но вліяніе узкаго традиціонализма въ идеяхъ на отсутствіе въ здѣшней прессѣ живого интереса и содержанія, на несоотвѣстствіе ея условіямъ и требованіямъ жизни, затормазитъ которую все-таки не въ состояніи никакая цензура,—требовало бы нѣкоторыхъ поясненій, которыя повели бы насъ, однако, черезъ-чуръ далеко. Мы считаемъ болѣе удобнымъ ограничиться простымъ констатированіемъ самаго факта и, какъ на доказательство несомнѣнности его, сослаться на тѣ не многіе органы варшавской печати, которые успѣли уже выбросить за бортъ весь громоздкій балластъ старыхъ клерикально-шляхетскихъ воззрѣній, фальшиво признаваемыхъ „національными“ и стѣсняющихъ всякое развитіе и сколько-нибудь свободное движеніе политической, общественной и даже научной мысли. Подцензурность—тяжелый тормазъ; но оказывается, что не менѣе тяжелый тормазъ и та цензура, какую здѣшняя печать издавна установила для себя сама и которой она подчиняется добровольно, во имя неприкосновенности своихъ якобы традиціонно-національных воззрѣній. Мы видимъ громадную разницу между значительнымъ большинствомъ органовъ здѣшней печати и не многими либеральными и прогрессивными изданіями, во главѣ которыхъ стоятъ еженедѣльные журналы: „Prawda“ и „Przegląd Tygodniowy“. Можно назвать, если угодно, всѣ остальные органы „консервативными“, хотя такое названіе будетъ не вполне вѣрно, такъ какъ въ вопросахъ внѣшней политики они отличаются совершеннымъ либерализмомъ, доходящимъ иногда чуть не до радикализма, и только въ вопросахъ внутренней политики, внутреннимъ интересамъ собственнаго общества они относятся съ полнымъ и строгимъ консерватизмомъ. Вліяніемъ этого консерватизма слѣдуетъ объяснять тотъ странный, повидному, фактъ, что между большинствомъ органовъ варшавской печати и названными нами журналами, при общей подцензурности, существуетъ весьма рѣзкая разница. Только послѣдніе отличаются дѣйствительнымъ интересомъ, живостью и занимательностью содержанія, широтою и рациональностью взгляда, только въ послѣднихъ двухъ журналахъ затрогиваются такіе вопросы, которые въ данную минуту дѣйствительно интересуютъ общество, и высказываются во-

натія и воззрѣнія, вѣрно характеризующія направленіе современной польской политической и общественной мысли.

Къ сожалѣнію, отрѣшившись вполне отъ традиціонныхъ тисковъ, ограничивающихъ мысль извѣстными строго-опредѣленными рамками, здѣшняя прогрессивная печать вынуждена вести упорную борьбу не только съ чисто цензурными стѣсненіями, но и со всѣми условіями здѣшней жизни, вслѣдствіе которыхъ вопросы, выдвигаемые жизнью, интересующіе и волнующіе общество, не всегда могутъ или, правильнѣе, совсѣмъ не могутъ находить себѣ иногда надлежащаго выраженія въ гласномъ и печатномъ словѣ. Повидимому, это противорѣчитъ тому, что сказано нами выше о здѣшней прогрессивной печати; но противорѣчія никакого не будетъ, если скажемъ, что всѣ важнѣйшіе и жизненные вопросы, интересующіе польское общество, подвергаются обсужденію въ прогрессивной печати обыкновенно не какъ вопросы внутренніе, а какъ факты и явленія жизни чужой, не имѣющіе якобы никакого отношенія къ мѣстнымъ политическимъ и общественнымъ условіямъ. Наибольшее количество матеріала въ этомъ отношеніи доставляетъ, разумѣется, Галиція, живущая одною умственною и нравственною жизнью съ здѣшнимъ краемъ. Что занимаетъ и волнуетъ Галицію, все это несомнѣнно интересуетъ и „Конгрессувку“; но, между тѣмъ, какъ консервативная варшавская печать ограничивается одними намеками, простымъ констатированіемъ фактовъ и даже полнымъ о нихъ молчаніемъ, находя невозможнымъ подвергать ихъ соотвѣтственному обсужденію, съ точки зрѣнія своихъ традиціонныхъ воззрѣній,—прогрессивная печать, за которою стоитъ большинство интеллигенціи и все молодое польское поколѣніе, съ полною искренностью высказываетъ о нихъ свое мнѣніе, представляющее живой интересъ и, несомнѣнно, вполне серьезное значеніе, такъ какъ по поводу фактовъ и явленій галиційской жизни, въ этихъ мнѣніяхъ высказываются воззрѣнія и убѣжденія, назрѣвшія въ здѣшнемъ обществѣ и только не находящія себѣ свободнаго и прямого выраженія, въ примѣненіи къ фактамъ и условіямъ мѣстной жизни...

Въ послѣднее особенно время, благодаря нѣкоторымъ событіямъ, въ Галиціи сильно обострился и живо интересуетъ печать и общественное мнѣніе вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ мѣстнаго польскаго и русскаго (или русинскаго) населенія. Подобный же вопросъ сильно занимаетъ и здѣшнее общество. Скажу болѣе: вопросъ объ отношеніяхъ поляковъ къ Россіи составляетъ главную ось, вокругъ которой совершается движеніе всей политической и общественной мысли здѣшняго общества, это—главный пунктъ, служащій исходною точкою всѣхъ его помысловъ, лежащихъ въ основѣ



всѣхъ его политическихъ комбинацій, всѣхъ его надеждъ, ожиданій и даже увлеченій. Вотъ почему особенную важность для насъ представляютъ если не самые факты изъ современной лѣтописи взаимныхъ отношеній галиційскихъ русиновъ и поляковъ, то отношеніе къ этимъ фактамъ здѣшной печати. Въ ея сужденіяхъ о явленіяхъ галиційской жизни, несомнѣнно, высказываются сокровенныя воззрѣнія и на наши взаимныя отношенія, и это для насъ тѣмъ важнѣе, что, какъ мы уже сказали, прямыхъ сужденій о нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ мы напрасно стали бы искать въ здѣшной печати. Нужно сознаться, что здѣшняя прогрессивная печать не щадитъ горькихъ осужденій и упрековъ галиційскимъ полякамъ, какъ господствующему племени, за безтактное и часто несправедливое отношеніе ихъ къ мѣстному русинскому населенію, а если избѣгаетъ при этомъ всякихъ сопоставленій, если ни однимъ словомъ не указываетъ на существующія у насъ отношенія господствующаго племени къ подчиненному, т.-е. русскаго къ польскому, и на то, какими эти отношенія должны бы быть, по требованію здоровой политики, во имя справедливости и взаимной пользы,—то она заставляетъ самого читателя, въ силу логической необходимости, досказывать себѣ невысказанное и скорбѣть о немъ мыслю...

Наше общество въ Россіи слишкомъ мало знакомо или, вѣрнѣе, совсемъ незнакомо съ тѣмъ движеніемъ, какое совершается въ настоящее время въ польскомъ обществѣ, не имѣетъ надлежащаго понятія ни о той борьбѣ, какая происходитъ между прогрессивными стремленіями молодого поколѣнія и послѣдователями консервативно-традиціонныхъ воззрѣній, ни о тѣхъ политическихъ, гражданскихъ и національных идеалахъ, какими одушевлена прогрессивная польская печать. Большинство органовъ нашей печати до сихъ поръ смотритъ на поляковъ, на ихъ отношенія къ намъ и на политическія ихъ убѣжденія и идеалы съ точки зрѣнія Катковскихъ провокацій шестидесятихъ годовъ. Это—большая ошибка! Въ настоящее время, даже по отношенію къ политическимъ воззрѣніямъ представителей польскаго консерватизма, подобную точку зрѣнія слѣдуетъ признать совершенно нелѣпою.

Времена дѣйствительно измѣнились. Въ шестидесятихъ годахъ, въ эпоху дѣйствовавшаго въ Варшавѣ „учредительнаго комитета“, невозможно было бы представить, чтобы членъ этого комитета явился вдругъ въ Львовѣ, въ качествѣ арбитра въ польско-русиномъ спорѣ!... А между тѣмъ, одинъ изъ бывшихъ членовъ этого комитета, именно г. Кулишъ, неожиданно появился теперь въ Галиціи, и съ такою проповѣдью на устахъ, которая прямо противорѣчитъ всей прежней его дѣятельности—ученой, литературной и официальной.

Подобный фактъ не могъ не произвести живѣйшаго впечатлѣнія на все галиційское и здѣшнее польское общество, знающее г. Кулиша по его ученой и публицистической и особенно по официальной дѣятельности въ Варшавѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что галиційская польская печать встрѣтила извѣстную „Крашанку“ г. Кулиша съ шумнымъ и искреннимъ сочувствіемъ, а русинская—съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ и смущеніемъ. Желая спѣть гимнъ мира и согласія и водворить братское единеніе между двумя народностями, между которыми жизнь и исторія оставили нѣкоторые счеты, г. Кулишъ имѣлъ въ виду, конечно, превосходную цѣль; но онъ ударилъ не по тѣмъ струнамъ и—вышла дисгармонія, непріятно рѣжущая и русинское, и болѣе чуткое польское ухо... Для насъ, впрочемъ, важны не столько отзывы о названномъ произведеніи г. Кулиша галиційской польской печати, черезъ-чуръ односторонней и тенденціозной вообще, а по отношенію къ польско-русскому вопросу въ частности, —сколько мнѣнія объ этомъ произведеніи и о политическихъ воззрѣніяхъ г. Кулиша варшавской прессы. Но въ томъ-то и дѣло, что варшавская печать хранитъ о произведеніи г. Кулиша глубокое молчаніе, въ силу того убѣжденія, что затронутые въ „Крашанкѣ“ вопросы не подлежатъ обсужденію на страницахъ здѣшней печати... Только одинъ журналъ „Prawda“, не стѣсняющійся подобными сомнѣніями, помѣстилъ недавно, въ формѣ корреспонденціи изъ Львова, живую и умную рецензію брошюры г. Кулиша, интересную въ томъ отношеніи, что въ ней высказаны воззрѣнія прогрессивной польской партіи на затронутый г. Кулишемъ жизненный вопросъ или, точнѣе, на способъ его рѣшенія. Сочувствуя идеѣ примиренія, рецензентъ признаетъ фальшивымъ и неведущимъ къ цѣли самый, такъ сказать, методъ рѣшенія вопроса, принятый г. Кулишемъ. „Мы многое могли бы возразить г. Кулишу,—говоритъ рецензентъ,—но онъ обращается къ намъ съ такою теплотою и съ такою искренностью протягиваетъ намъ руку, что мы не можемъ не позать сердечно эту руку; онъ говоритъ о примиреніи и согласіи, и намъ нужно согласіе, намъ оно необходимо, къ нему нужно стремиться какъ можно скорѣе и во что бы то ни стало“. Переходя къ критическому обзору содержанія брошюры, авторъ относится отрицательно ко всей исторической ея части, и идетъ гораздо дальше г. Костомарова, подвергнувшаго критикѣ историческія воззрѣнія г. Кулиша на причины русино-польской вражды и взаимныхъ недоразумѣній („Вѣст. Евр.“ августовская книжка). Польскій рецензентъ не только не признаетъ историческихъ воззрѣній г. Кулиша правильными, но и полагаетъ, что историческая точка зрѣнія, въ данномъ случаѣ, не можетъ повести ни къ какому положительному результату, что она неумѣстна

и даже опасна. „Въ печальномъ прошломъ,—говорить рецензентъ,—мы надѣлали взаимно другъ другу столько зла, что обращаться къ исторіи для отысканія въ ней элементовъ примиренія и согласія въ настоящее время—дѣло неумѣстное и небезопасное. Ссылаться на исторію, значитъ возбуждать и усиливать безконечныя взаимныя обвиненія. И какой же можетъ быть результатъ взаимныхъ препирательствъ о грѣхахъ нашихъ предковъ? Развѣ мы отвѣтственны за эти грѣхи? Мы грѣшимъ въ томъ лишь случаѣ, когда не хотимъ низвергнуть съ пьедестала и попать ногами ложные и мрачные идеалы, завѣщанные намъ нашимъ общимъ прошлымъ. Лучше забыть прошлое и набросить на него завѣсу. Оставивъ мертвыхъ, займемся живыми и постараемся отыскать въ настоящемъ основанія и опору для мира и согласія. Очень жаль, что г. Кулишъ пошелъ иномъ дорогою,—это ошибка. Ища примиренія двухъ народностей, г. Кулишъ желаетъ доказать, будто причины нашихъ прошлыхъ несогласій измышлены... Обиды, причиненныя русскимъ, авторъ сводитъ къ неудовлетворенію шляхтою ихъ мелкихъ притязаній вѣроисповѣднаго и экономическаго характера; онъ обвиняетъ свой народъ, съ другой стороны, въ такомъ количествѣ преступленій и подвергаетъ его столь безжалостному осужденію, что оскорбляетъ и вооружаетъ противъ себя въ равной мѣрѣ всѣ русинскія партіи,—и это вполнѣ естественно“. Намъ кажется, впрочемъ, ошибочнымъ мнѣніе рецензента о причинахъ, вызвавшихъ шумное сочувствіе со стороны шляхетско-консервативной галиційской печати къ произведенію г. Кулиша. Дѣло въ томъ, что рецензентъ находитъ въ этомъ произведеніи нѣкую, почти умышленную со стороны автора неясность, состоящую въ томъ, что, говоря о примиреніи двухъ народностей, онъ какъ будто говоритъ не о примиреніи національномъ, а о примиреніи сословномъ, объ отношеніяхъ не равнаго къ равному, а низшаго къ высшему: „низведеніе цѣлаго русинскаго народа на степень какого-то служебнаго сословія по отношенію къ полякамъ-шляхтѣ — дѣло оскорбительное и возмутительное“, говоритъ весьма справедливо рецензентъ. Но трудно и на минуту допустить, чтобы г. Кулишъ далъ поводъ къ подобнымъ упрекамъ: служебное отношеніе русинскаго народа къ полякамъ принимать за основу примиренія—это такая нелѣпость, которая не могла бы придти въ голову даже самому тупоумному шляхтичу. Правда, въ политической борьбѣ враждебныхъ и трудно примиримыхъ партій, непріятно даже случайно сходиться съ противниками въ мнѣніяхъ по какому-либо вопросу, при принципиальной противоположности политическихъ убѣжденій. Глубоко сочувствуя идеѣ, развитію которой посвящена брошюра г. Кулиша, рецензентъ съ горькою ироніею обращается къ шляхетско-консерва-

тивными органами галиційской печати, говоря: „Не въ подобномъ-ли дикомъ воззрѣніи г-на Кулиша скрывается причина той шумной радости и тѣхъ восторговъ, съ какими принята была этими органами названная брошюра“... Уколъ чувствительный, но едва ли правильно, въ данномъ случаѣ, мотивированный.

Какъ бы то ни было, но брошюра г. Кулиша произвела на польское общество очень сильное впечатлѣніе и во всякомъ случаѣ, принесла ту пользу, что заставила обѣ враждующія стороны подумать серьезно объ условіяхъ взаимнаго согласія и мира. Каковы должны быть эти условія,—это окончательно можетъ быть рѣшено только самою жизнью, но не теоретическими соображеніями; нужно лишь опредѣлить существенный принципъ соглашенія. Импульсъ къ этому данъ былъ съ обѣихъ сторонъ, такъ какъ, въ отвѣтъ на „Крашанку“, выходящая въ Львовѣ газета „Sztandar Polski“, служащая, по выраженію рецензента, „органомъ лучшей и болѣе справедливой части польскаго общества“, требуетъ удовлетворенія всѣхъ законныхъ требованій русинскаго населенія, безъ всякихъ ограниченій. Заявление это принято русинскою печатью съ глубокимъ сочувствіемъ и радостію, и можно было ожидать, что вопросъ о сближеніи двухъ народностей поставленъ, наконецъ, на реальную почву; но...

Случилось въ восточной Галиціи событіе, разрѣшившееся извѣстнымъ процессомъ Ольги Храбаровой. Съ какой бы стороны ни смотрѣть на это „эпизодическое“ событіе и на вызвавшія его причины, каковы бы ни были вліянія, къ нему поведшія, необходимо признать что лица, принимавшія въ немъ участіе, оказали русинскому населенію въ Галиціи истинно медвѣжью услугу. Сказанный процессъ нанесъ чувствительный ударъ дѣлу примиренія между двумя народностями, возбудивъ въ польскомъ населеніи, основательно или неосновательно, чувство глубокаго недовѣрія къ представителямъ русинской интеллигенціи. Самъ г. Кулишъ почувствовалъ на себѣ тяжесть этого недовѣрія и подозрительности и, повидимому, на время прекратилъ свою примирительную дѣятельность... Мы далеки отъ мысли рѣшать вопросъ о томъ, кто тутъ правъ и кто виноватъ, и возможно-ли счастье русинскаго народа въ будущемъ, какъ результатъ примиренія его съ поляками, на поставленныхъ г. Кулишемъ основаніяхъ... Мы констатируемъ только тотъ фактъ, что сказанный процессъ нисколько не улучшилъ, а напротивъ—ухудшилъ положеніе галиційскихъ русиновъ.

Для насъ, опять-таки, дѣло не въ самомъ процессѣ и не въ нашемъ поводѣ къ нему событію, а въ отношеніи къ тому и другому здѣшняго общественнаго мнѣнія, насколько выразилось оно въ варшавской прессѣ. Нечего и говорить о томъ, что всѣ здѣшніе журналы

и газеты отнеслись къ сказанному событію и послѣдовавшему затѣмъ процессу съ крайнею сдержанностью и осторожностью: иначе и быть не могло. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ помѣщенъ былъ довольно подробный судебный отчетъ, иные ограничились лаконическими телеграфическими депешами, а были и такіе, которые сочли болѣе удобнымъ для себя хранить объ этомъ процессѣ глубокое молчаніе. Но, тогда какъ консервативная печать не нашла возможнымъ выйти изъ границъ безусловной объективности и законичности, прогрессивные органы, относясь съ такою же объективностью къ подробностямъ процесса и самому событію, не стѣснились въ соображеніяхъ относительно ближайшихъ и неизбежныхъ результатовъ, къ которымъ должна была повести вся эта исторія. Руководясь требованіями справедливости и признавая безусловное право свободы религіозныхъ убѣжденій для всякаго, въ данномъ случаѣ прогрессивная печать имѣла въ виду, однако, не столько интересы самихъ русиновъ, сколько ту опасность, какая могла грозить общему направленію внутренней политики въ автономической Галиціи и Лодомеріи. Варшавскіе прогрессисты нисколько не сомнѣвались въ томъ, что событіе это послужитъ поводомъ и предлогомъ, которыми не замедлитъ воспользоваться для своихъ цѣлей клерикально-шляхетская реакція, съ тою беззапѣтливостью, грубымъ произволомъ и попраніемъ всякаго общественного права, какими отличается всякая политическая реакція. Опасенія эти оказались не вполне безосновательными. Представители старо-шляхетскихъ традицій и клерикалы, называемые въ Галиціи „станчивами“, стали потирать руки отъ удовольствія и, указывая на страшный призракъ, будто бы грозящій съ востока, во имя патріотизма забили въ набатъ, крича: „назадъ!..“, т.-е. подъ отеческую власть пановъ и іезуитовъ; „станчики“ стали усиленно взывать къ предусмотрительности и требовать энергическихъ мѣропріятій со стороны властей, упрекая ихъ въ бездѣтельности и чуть не въ измѣнѣ... Очевидно, что тактика и приемы реакціи вездѣ одни и тѣ же: истинные интересы страны и общества, истинный патріотизмъ приносятся въ жертву бездушнѣйшей и своекорыстной политической доктринѣ, и мы нисколько не удивились бы, если бы иные изъ нашихъ „патріотовъ своего отечества“ протянули сочувственную руку галиційскимъ панамъ и іезуитамъ: гражданскіе и общественные идеалы и политическія программы у тѣхъ и другихъ одни и тѣ же. Реакція во внутренней политикѣ въ Галиціи, дѣйствительно, не заставила себя долго ждать и съ особенной рѣзкостью и отталкивающимъ цинизмомъ обнаружилась уже, между прочимъ, въ двухъ важныхъ фактахъ: въ вопросѣ объ учрежденіи и организаціи, такъ называемыхъ, кре-

стьянскихъ обществъ („kolka wloscianskie“) и въ передачѣ во власть іезуитовъ греко-уніатскаго базиліанскаго новиціата въ Добромиль.

Въ началѣ мая въ Львовѣ состоялась конференція вліятельныхъ представителей общества, съ цѣлью обдумать мѣры „къ поднятію въ народѣ благосостоянія и къ распространенію въ массѣ его просвѣщенія“. Конференція остановилась на вестфальскихъ крестьянскихъ обществахъ и признала ихъ достойными подражанія. Отдѣльныя крестьянскія общества, ограничиваемыя предѣлами гминъ или волостей, входятъ въ составъ общаго „крестьянскаго союза“, цѣль котораго состоитъ въ огражденіи интересовъ крестьянскаго землевладѣнія. Цѣль эта достигается: защитою крестьянскихъ правъ и огражденіемъ крестьянскихъ хозяйствъ отъ разоренія, искорененіемъ дурныхъ обычаевъ, злоупотребленій и излишествъ; распространеніемъ просвѣщенія и особенно знаній, народу необходимыхъ; поддержаніемъ въ народѣ согласія и прекращеніемъ взаимныхъ споровъ и процессовъ путемъ примиренія и добровольныхъ договоровъ; обезпеченіемъ имуществъ отъ послѣдствій пожаровъ и градобитій; уничтоженіемъ лихвы и открытіемъ дешеваго кредита и, наконецъ, противодѣйствіемъ крайнему раздробленію крестьянскихъ хозяйствъ вслѣдствіе семейныхъ раздѣловъ. Союзомъ управляетъ выборная дирекція, состоящая изъ предсѣдателя, его помощника и тридцати членовъ. Вестфальскій крестьянскій союзъ, основанный въ 1864 году и считающій въ настоящее время около 20 тыс. членовъ, принесъ уже и не перестаетъ приносить самые утѣшительные результаты для крестьянскихъ хозяйствъ, а также по отношенію къ распространенію просвѣщенія и поддержанію доброй нравственности въ средѣ селскаго населенія, пользующагося въ настоящее время завиднымъ благосостояніемъ. На львовской конференціи, всѣ участники, и въ числѣ ихъ (недавно умершій) извѣстный силезскій дѣятель, Карль Марка, нарочно прибывшій изъ Силезіи, единодушно высказались въ пользу учрежденія и организаціи подобныхъ же крестьянскихъ обществъ въ Галиціи, гдѣ крестьянское населеніе находится въ крайне бѣдственномъ положеніи, благодаря, главнымъ образомъ, шляхетскому хозяйству и еврейско-нѣмецкой эксплуатаціи. Противъ общаго мнѣнія возсталъ кн. Адамъ Сапѣга и старался доказать, что бѣдственное положеніе галиційскаго крестьянства происходитъ не отъ лихвы и не отъ права пропинаціи, принадлежащаго шляхтѣ, а отъ другихъ какихъ-то причинъ, что шляхта всегда отечески заботилась объ интересахъ крестьянъ и пр. Переходя затѣмъ къ вопросу о крестьянскихъ обществахъ, ораторъ, между прочимъ, сказалъ: „Утверждаю, что учрежденіе обществъ въ нѣкоторой части нашей страны было бы лишнимъ трудомъ и скомпрометировало бы самую идею, которой я вполне со-

чувствую. И потому я высказываюсь противъ общаго постановленія: „крестьянскія общества—дѣло полезное, слѣдовательно нужно открывать ихъ по всей странѣ“. Предлагаю постановить: „открывать такіе общества тамъ, гдѣ это окажется возможнымъ“. По поводу этого протеста, заявленнаго однимъ изъ самыхъ выдающихся представителей галиційскаго шляхетства, здѣшній „Przegląd Tygodniowy“, между прочимъ, говоритъ: „Для недогадливыхъ мы пояснимъ, что кн. Сапѣга возстаетъ противъ открытія крестьянскихъ обществъ собственно въ восточной (русской) Галиціи, боясь дать опасное оружіе въ руки агитаторовъ. Вѣчно одна и та же исторія, вѣчно у этихъ благодѣтелей двѣ мѣры для народа, о согласіи и единеніи котораго столько говорятъ и пишутъ... Ты испугался, шляхетскій сынъ, — тѣмъ хуже для тебя и для всѣхъ тѣхъ, которые боятся свободной конкуренціи. Но какъ рекомендуетъ этотъ протестъ шляхетскую интеллигенцію, которая открыто сознается, что боятся и паскуетъ передъ своими противниками!..“

Почтенный журналъ, по нашему мнѣнію, ошибается: реакціонеры никогда и ни передъ чѣмъ не паскуютъ, а напротивъ—всегда и вездѣ спасаютъ отечество. Нисколько не удивительно, что кн. Сапѣга не желаетъ повсемѣстной организаціи въ странѣ крестьянскихъ обществъ, — онъ не желаетъ этого во имя „патріотизма“. Понятенъ и патріотизмъ въ устахъ вельможнаго магната, во имя чего онъ старается собственно противодействовать развитію въ странѣ идеи даже экономическаго самоуправленія. Но удивительное дѣло: галиційская шляхта и іезуиты боятся руссизма, тогда какъ наши „патріоты“ и политическіе іезуиты „Societatis Katkoviensis“ боятся—полонизма!.. Кто же изъ нихъ правъ, и что опаснѣе: руссизмъ ли для полонизма, или полонизмъ для руссизма? Почему „за рубежомъ“ опасенъ руссизмъ, а у насъ полонизмъ?.. Это какая-то нелѣпая шарада, истинное значеніе которой невозможно было бы понять, если бы не было очевидно, что опасность тутъ создается искусственно, вызывается умышленно, какъ галиційскою клерикально-шляхетскою партією, такъ и нашими реакціонерами, что тѣ и другіе играютъ въ одну и ту же игру и слѣдуютъ одной тактикѣ, въ видахъ политической реакціи, цѣли которой вездѣ однѣ и тѣ же. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, представитель галиційской олигархіи обнаруживаетъ какъ будто нѣкоторую стыдливость: онъ сочувствуетъ идеѣ полезнаго для народа учрежденія и только изъ тонкихъ политическихъ видовъ, мотивируемыхъ чувствомъ патріотизма, вотируетъ противъ распространенія этого учрежденія въ странѣ. Такимъ образомъ, истинные интересы народа приносятся въ жертву ради блага отечества, безъ нарушенія, впрочемъ, права шляхты на пропинацію (содержаніе кабаковъ)...

Если поискать, то и у нашихъ реакціонеровъ, къ слову сказать, найдется тоже своя „пропинація“ если не сивушная, то, къ примѣру, журнальная или иная какая-либо...

Крайне любопытна характеристика партіи „станчниковъ“, сдѣланная профессоромъ львовскаго университета, г. Билинскимъ, и прочитанная имъ недавно въ засѣданіи вновь открытаго „Львовскаго политическаго общества“. „Опредѣляютъ они себя,—говорить, между прочимъ, почтенный профессоръ политической экономіи,—цѣль прямо и ясно, и, стремясь къ достиженію ея, дѣйствуютъ обыкновенно съ такою наглостью и абсолютизмомъ, такъ высоко поднимаютъ знамя извѣстныхъ теорій, какъ неприкосновеннаго догмата, что дѣлаютъ омерзительными и ненавистными даже здравыя идеи и доводятъ до крайняго раздраженія даже наиболѣе мирные и спокойные общественные элементы. Этотъ *радикализмъ въ консерватизмъ*, словно ищущій и находящій удовольствіе въ возбужденіи оппозиціи и въ подавленіи ея, эта преувеличенная самоувѣренность, пренебрегающая противникомъ и раздражающая его, но, въ то же время, старательно устранившая его отъ всякаго участія въ вопросахъ политической жизни, это гордое самомиѣніе, глухое къ голосу народному и къ самымъ законнымъ и разумнымъ заявленіямъ общественнаго мнѣнія, — таковы существенныя характеристическія черты лагера „станчниковъ“.—Не слышится-ли, читатель, въ этихъ словахъ нѣчто такое, что составляетъ „существенныя характеристическія черты“ не однихъ галиційскихъ „станчниковъ“?..

Другая возмутительная исторія—захватъ іезуитами базиліанскаго повиціата въ Добромиль—извѣстна изъ газетъ. Варшавская печать прошла эту исторію молчаніемъ; только одинъ журналъ „Prawda“ посвятилъ ей искреннюю, исполненную негодованія статью, изъ которой приводимъ слѣдующее мѣсто: „По-истинѣ, нужно обладать тою печальною смѣлостью, которою всегда отличался галиційскій ультрамонтанизмъ, чтобы къ открытой ранѣ международныхъ отношеній приставить іезуитскихъ піавокъ, чтобы на русинскую грудь бросить змѣю, которая душитъ или старается задушить всякое общество. Не думаемъ, чтобы какая бы то ни была католическая религіозная корпорація способна была принимать на себя непрошенную опеку надъ корпораціею русинскою; но всего менѣе потомство Лойолы пригодно для того, чтобы простираť крылья надъ другими вѣроисповѣданіями. Существуютъ учрежденія, существуютъ общественные элементы, существуютъ общественныя группы, проклятыя исторіею; но самое единодушное народное проклятіе тяготѣетъ особенно надъ іезуитами. Обвивать кольцами этихъ змѣй руку, которую слѣдовало бы пожать сердечно, пользоваться въ политической жизни



услугами тѣхъ, чье самое имя заставляетъ возмущаться всякое честное сердце,—это или неслыханная наглость, или невѣняемое безуміе<sup>4</sup>.

Къ счастью, положеніе галиційскихъ русиновъ далеко не настолько печально, какъ это можно было бы подумать, судя по исполненнымъ негодованія отзывамъ варшавской прогрессивной печати, направленнымъ, главнымъ образомъ, противъ срамныхъ похотей галицкихъ реакціонеровъ, покушающихся измѣнить общее направленіе внутренней политики въ странѣ, и во всякомъ случаѣ, она несравненно лучше положенія многихъ, которыхъ не принято называть вслѣз угнетенными. Права и интересы русинскаго населенія въ Галиціи ограждены конституціей, которую не въ состояніи поколебать соединенныя усилія „станчиковъ“ и іезуитовъ<sup>1)</sup>. Опираясь на конституцію, пользуясь свободой слова и общественныхъ собраний, русины могутъ и умѣютъ отстаивать права и интересы своей народности. Несмотря на противодѣйствіе магнатской партіи, о которой мы говорили, организація „крестьянскихъ обществъ“ въ западной и восточной Галиціи идетъ все-таки довольно успѣшно, судя по сообщеніямъ галиційскихъ корреспондентовъ въ здѣшнія газеты. Уже на самомъ засѣданіи конференціи, собравшейся для обсужденія вопроса объ организаціи въ Галиціи такихъ обществъ, высказано было, вопреки протесту кн. Салѣги, нѣкоторыми членами справедливое и разумное мнѣніе, что учрежденіе и организація такихъ обществъ не только не дастъ въ руки агитаторамъ никакого оружія, но напротивъ — отниметъ у нихъ всякую охоту и поводъ къ агитаціямъ, потому что „довольный и счастливый народъ не агитируетъ, а составляетъ вѣрную и самую прочную основу общественнаго порядка и спокойствія“. Русины имѣютъ свои школы, въ которыхъ преподаваніе ведется на родномъ ихъ языкѣ. Изъ собранныхъ и изданныхъ недавно галиційскимъ намѣстничествомъ статистическихъ данныхъ видно, что дѣтей, достигшихъ школьнаго возраста, считалось въ Галиціи въ прошломъ году: говорящихъ по-русински 364,960 и говорящихъ по-польски 436,909. Соотвѣтственно этимъ цифрамъ, на каждыя 120 народныхъ школъ, въ которыхъ

<sup>1)</sup> Судя по сообщеніямъ галиційскихъ корреспондентовъ въ нѣкоторыя здѣшнія газеты, даже захватъ іезуитами новиціата въ Добромилѣ—фактъ не только энциклопедическій, но и происшедшій не безъ участія самого начальства и администраціи новиціата, не вполне правильно распорядившейся монастырскими суммами и поспѣшавшей испросить разрѣшеніе папы на передачу монастыря съ новиціатами іезуитамъ, во избѣжаніе несприятныхъ послѣдствій ревизіи, которая нѣсколько разъ была назначаема мѣстной высшею духовною властью, но ни разу не была допущена администраціею новиціата.

языкъ преподаванія польскій, должно бы быть 100 школъ съ русинскимъ языкомъ; но въ дѣйствительности отношеніе количества русинскихъ школъ къ польскимъ гораздо выгоднѣе для первыхъ, именно—на 100 школъ польскихъ приходится 137 школъ русинскихъ. Мы не говоримъ уже о русинской печати, которая изо дня въ день все болѣе развивается, становясь несомнѣнною и внушительною политическою силою. Словомъ, можно сказать положительно, что за судьбу русинской народности въ Галиціи нечего опасаться, хотя бы русиновъ ожидали еще болѣе тяжкія испытанія со стороны клерикально-шляхетской реакціи, очевидно играющей въ настоящее время въ Галиціи роль извѣстной „торжествующей героини“... Но—„Богъ не выдастъ“, и героиня „не съѣстъ“ ни русинскую народность, ни прогрессивно-либеральную польскую партію, въ послѣднее время замѣтно усиливающуюся въ самой Галиціи; въ союзъ съ этою партією русины могутъ найти вѣрнѣйшую гарантію полной неприкосновенности правъ своей народности.

Переходя къ фактамъ изъ мѣстной жизни, я нахожусь въ нѣкоторомъ затрудненіи: фактовъ-то никакихъ нѣтъ. Я бы съ удовольствіемъ сообщилъ вамъ, хотя бы для сравненія съ вышеприведенными цифрами народныхъ школъ польскихъ и русинскихъ въ Галиціи, напр., статистическія данныя о количествѣ народныхъ школъ въ здѣшнемъ краѣ, въ которыхъ преподаваніе ведется на понятномъ для дѣтей и родномъ ихъ языкѣ, но — такихъ школъ здѣсь не имѣется. Съ какимъ искреннимъ и торжественнымъ удовольствіемъ я сообщилъ бы вамъ даже и малѣйшій фактъ изъ нашей дѣятельности въ здѣшнемъ краѣ, могущій посрамить галиційскихъ поляковъ, но—нѣтъ ни малѣйшихъ фактовъ этого рода и напрасно было бы ихъ искать. Вотъ, въ университетѣ здѣшнемъ учреждена катедра исторіи польской литературы—это точно; но назначенный на эту катедру, еще въ февралѣ мѣсяцѣ, специалистъ не только вовсе не вступалъ въ должность, но, махнувъ рукой, подалъ недавно въ отставку... Замѣчательно, что объ этомъ фактѣ, въ высшей степени заинтересовавшемъ здѣшнее общество, не заикнулась, что называется, ни однимъ словомъ ни одна варшавская газета. Вообще, о школьныхъ дѣлахъ, которыя очень интересуютъ общество, здѣшняя пресса хранить съ нѣкотораго времени глубокое молчаніе. Причина сказывается въ несомнѣнной легальности здѣшнихъ редакцій, съ обязательнымъ почтеніемъ относящихся къ краснымъ черниламъ... Но вопросъ: почему и зачѣмъ эти неумолимныя чернила въ столь невинномъ дѣлѣ, какъ школа? Да потому, что—„если нельзя, то нельзя“,—какъ сказалъ опытный Калхасъ легкомысленному Парису еще въ глубокой древности...

Въ числѣ польскихъ литераторовъ существуетъ даровитый писатель, подписывающійся псевдонимомъ „Ежъ“; настоящая его фамилія—*Милковский*. Онъ уроженецъ волынской губерніи и воспитанникъ кievскаго университета. Въ ежемѣсячномъ прибавленіи къ журналу „*Przegląd Tygodniowy*“ помѣщена его біографія, которая читается какъ романъ, или какъ нѣкій фантастическій рассказъ: такова прошлая жизнь этого страстнаго, симпатичнаго и весьма талантливаго писателя, нынѣ уже старика, живущаго въ Швейцаріи или во Франціи и вполнѣ предавшагося литературнымъ трудамъ. Въ своей бурной, исполненной невѣроятныхъ приключеній жизни, обойдя *pedibus apostolorum* всю южную славянину, изучивъ ее и возлюбивъ всѣмъ сердцемъ, онъ первый познакомилъ съ нею польскую публику, воспроизведя жизнь южныхъ славянъ въ цѣлой серіи талантливыхъ романовъ: „Василь Голубъ“, „Шандоръ Ковачъ“, „Невѣста Гарамбаши“, „Дагійщина“, „Григоръ Сердечный“, „Ускоки“ и др. Въ настоящее время, въ вышеназванномъ журналѣ печатается обширный его романъ: „*Z burzliwej chwili*“ (Въ бурную эпоху) воспроизводящій въ живыхъ и талантливыхъ картинахъ событія эпохи Хмельницкаго. Нѣкоторые изъ романовъ этого даровитаго писателя переведены на иностранные языки; французскіе издатели просятъ у него оригинальныхъ повѣстей и рассказовъ; нѣкоторые изъ англійскихъ романистовъ берутъ у него цѣликомъ его рассказы и выдаютъ за свои, а французскіе литературные критики принимаютъ его самого за англичанина... Нельзя не пожалѣть, что русская публика совсѣмъ, кажется, не знакома съ произведеніями этого замѣчательнаго и оригинальнаго таланта. Въ нынѣшнемъ году оканчивается 25-лѣтіе его литературной дѣятельности, всегда неуклонно слѣдовавшей идеямъ правды, добра и прогресса. Кружокъ варшавскихъ ученыхъ, литераторовъ и журналистовъ постановилъ почтить юбилей писателя, обогатившаго польскую письменность дѣнными вкладомъ, оказаніемъ ему извѣстнаго матеріальнаго пособія, въ которомъ онъ, въ настоящее время, вслѣдствіе стеченія неблагоприятныхъ обстоятельствъ, сильно нуждается. Съ этою цѣлью рѣшено составить и издать, подъ редакцію журнала „*Prawda*“, изъ бесплатныхъ статей, научныхъ и литературныхъ, сборникъ подъ заглавіемъ „*Ognisko*“ (Очагъ), и весь вырученный за него доходъ выдать юбиляру, въ качествѣ гонорара за новеллу, которую попроситъ его написать. Къ составленію сборника уже приступлено и, вѣроятно, выйдетъ онъ не позже конца октября. Благо и честь тѣмъ, кто умѣетъ цѣнить и уважать свои родные таланты...

А. е.



## ЛЬВОВСКИЙ ПРОЦЕССЪ.

Говорятъ, все на свѣтѣ имѣетъ свой конецъ. Наступилъ онъ, благодареніе Богу, и для пресловутаго, надѣлавшаго и у насъ столько шуму „львовскаго процесса“. Вмѣстѣ съ окончаніемъ до смѣшного долго длившагося разбирательства улеглись и страсти, имъ вызванныя. Польскіе „охранители“, въ родѣ „Газеты Народовой“, „Дневника Польскаго“ и прочихъ органовъ того же пошиба, перестали изливать потоки грязи и желчи на злополучныхъ русиновъ, перестали призывать на нихъ громы небесныя и казни земныя. Русинскія газеты пришли въ состояніе спокойнаго хладнокровія, которое позволяетъ имъ критически разбирать не только причины и весь ходъ процесса, но и подсудимыхъ, на немъ фигурировавшихъ. Наконецъ, и нѣкоторые органы нашей печати получили возможность отвестись ко всему дѣлу такъ же хладнокровно и до извѣстной степени безпристрастно. Одни откровенно признались, что оно, это дѣло, было въ началѣ неправильно понято у насъ, и что, если польская администрація въ Галиціи выказала чрезмѣрную подозрительность и нѣкоторую долю политическаго пристрастія, то, съ другой стороны, польское общество, въ лицѣ присяжныхъ и защитниковъ, оказалось совершенно на высотѣ тѣхъ требованій гуманности и правосознанія, какія, въ наше время, могутъ и должны быть предъявлены къ націи культурной и образованной; теперь доказано фактически, что польская общественная совѣсть можетъ судить русскаго *по правдѣ*, не внося въ дѣло ни политическихъ страстей, ни національной вражды. Другіе прямо высказали вполне справедливую мысль, что русинскій процессъ былъ дѣломъ внутренне-австрійскимъ, домашнимъ и, притомъ, какъ по всей обстановкѣ, такъ и по исходу его, такимъ, которое отнюдь не можетъ набросить ни малѣйшей тѣни, и нѣтъ основанія стыдиться его ни государственно-австрійскимъ, ни автономно-польскимъ галицкимъ властямъ; ибо, несмотря на тяжкое обвиненіе въ государственной измѣнѣ,—обвиненіе, имѣющее свойство вызывать и слишкомъ часто вызывающее дѣйствительно прискорбныя отступленія отъ нормальнаго хода правосудія,—въ данномъ случаѣ ничего подобнаго не было. Подсудимые не подверглись, какъ это навѣрное случилось бы въ той же Австріи лѣтъ 25 тому назадъ, всѣмъ ужасамъ ставящаго себя выше закона административнаго и полицейскаго произвола: ихъ не упрятали въ безсрочное заключеніе

въ какой-нибудь крѣпости, не спровадили въ ссылку безъ слѣдствія и суда; не сочинили *ad hoc* никакихъ особыхъ законоположеній и особыхъ формъ судопроизводства, которыя бы ставили обвиняемыхъ, такъ сказать, внѣ закона и стѣснили бы вердиктъ суда. Происходилъ судъ вполне нормальный, обычный въ государствѣ, съ предоставленіемъ подсудимымъ всѣхъ средствъ защиты и оправданія, съ свободнымъ участіемъ общества, въ лицѣ ничѣмъ не ограниченныхъ въ своемъ вердиктѣ присяжныхъ. Въ виду такого хода дѣла, — указывали эти другіе наши органы, — если и можно говорить вообще о давленіи, которому русинская національность несомнѣнно подвергается въ Австріи, то въ данномъ процессѣ — усматривать именно и исключительно умышленное преслѣдованіе этой національности нѣтъ рѣшительно никакого основанія, и тѣмъ менѣе можно возводить на Австрію и поляковъ обвиненіе въ деспотизмъ и варварствѣ. Однимъ словомъ, почему-то явившійся для всѣхъ неожиданностью мягкій приговоръ заставилъ добросовѣстную часть нашей печати объективнѣе взглянуть на дѣло, къ которому она раньше относилась хотя не съ такимъ неистовствомъ и не въ такомъ глубоко неприличномъ тонѣ, конечно, но почти съ такой же горячностью и въ особенности съ такимъ же національнымъ пристрастіемъ, какъ и наши „охранители“. Разъ ставъ на объективную точку зрѣнія, она сдѣлала болѣе вѣрную и справедливую оцѣнку всего процесса, но сдѣлала, однако, только по отношенію этого процесса къ Австріи, такъ сказать съ государственно-австрійской точки зрѣнія.

Между тѣмъ львовскій процессъ, какъ фактъ юридическій, ничтожный, и какъ политическій фактъ, имѣющій для Австріи лишь весьма второстепенную важность, — для насъ, русскихъ, имѣетъ весьма серьезное и глубокое значеніе. Значеніе это довольно велико и само по себѣ, но его еще особенно увеличиваютъ и то отношеніе, въ которое стали къ процессу, и то употребленіе, которое и по сей день дѣлаютъ изъ него наши извѣстные „охранители“. Къ сожалѣнію, наши самозванные стражи государственнаго достоинства и цѣлости Россіи не послѣдовали благому примѣру своихъ достойныхъ собратьевъ польской національности и не только не перестали эксплуатировать львовскій процессъ, но грозятся еще усилить и расширить свою полезную дѣятельность въ этомъ направленіи. Вотъ, что говорятъ, напримѣръ, „Москов. Вѣд.“ (№ 200). „Но скандалъ этого процесса (львовскаго) не просто глумленіе, на которое можно было бы отвѣчать презрительнымъ невниманіемъ. Нѣтъ, это рассчитано на дальнѣйшія послѣдствія; это новый враждебный шагъ противъ Россіи... Австро-польская интрига нашла себѣ пособниковъ между русскими въ самой Россіи, которые усиливаются

разложить въ самой Россіи русскій народъ на двѣ чуждыя, а стало быть и враждебныя части; усиливаются объединить и обособить малороссійское нарѣчіе въ противоположность *московскому* (курсивъ принадлежитъ газетѣ) языку. Интрига... клонится къ тому, чтобы произвести смуту и возбудить измѣну въ Россіи, и для этого воспользоваться частью русской народности въ Галиціи, какъ средствомъ разложенія русскаго народа въ самой Россіи. Запугать, застрашать русскихъ людей въ Галиціи, заставить ихъ молчать и организовать украинофильское движеніе, которое поддержало бы и усилило бы разложеніе Россіи—вотъ ближайшая цѣль, которую имѣла интрига... Не даромъ одновременно съ этимъ процессомъ выступилъ во Львовѣ на сцену дѣйствія русскій измѣнникъ Кулишъ<sup>а</sup>. Съ своей стороны и „Русь“, подъ предлогомъ ознакомленія русской публики съ подробностями настоящаго положенія дѣлъ въ Галиціи, вѣщаетъ такъ (№ 24): „Вотъ и стало озабочиваться правительство (австрійское)—какъ бы ловчѣе *искривить* (курсивъ опять принадлежитъ самой газетѣ) въ русскихъ галичаныхъ пробуждавшееся народное сознаніе. Министерскими циркулярами запрещалось употребленіе буквы ѣ, повелѣвалось, *вмѣсто что, писать що*, и изыскивались разныя мѣры, чтобы уродовать русскую литературную рѣчь и искусственно создать различіе между нею и литературнымъ языкомъ „московскимъ“! И вѣдь нашлись и у насъ тупоумцы, словно австрійскіе чиновники, обрушившіеся на несчастную русскую газету во Львовѣ „Слово“—зачѣмъ-де она старается (всколько *возможно* при бдительной австрійской полиціи) приближаться къ общерусскому литературному складу рѣчи!.. Наконецъ, пользуясь естественной любовью южной вѣтви русскаго племени къ своимъ пѣснямъ, къ бытовымъ особенностямъ своей родины, австрійскіе чиновники измыслили или взлѣляли „украинофильство“, даже не литературное, а политическое, вѣдая очень хорошо, что изъ него никогда ничего вреднаго для Австріи не выйдетъ, а выйдетъ лишь смущеніе мыслей и не малый вредъ для русскаго же національнаго развитія, и вообще для внутренней крѣпости славянскаго міра. На эту австрійско-польскую удочку съ прикормкой доктринерскихъ фантазій какъ разъ клюнула часть интеллигенціи и въ Галиціи, и у насъ, надѣленная большимъ аппетитомъ и малымъ разумѣніемъ“. И далѣе, въ томъ же №: „Пусть встревоженные сердца австро-мадьярскихъ политиковъ и прокуроровъ ублажать себя чтеніемъ нашихъ *мнимо-либеральныхъ* газетъ и журналовъ, которые не перестаютъ издѣваться надъ идеей „славянской взаимности“ и грубо отталкивать малѣйшее проявленіе племенной, естественной симпатіи къ нашему отечеству русскаго въ Галиціи народа, рекомендуя ему обращаться съ своей симпатіей

къ полякамъ, или же мечтать объ ослабленіи и раздробленіи Россіи съ выдѣломъ изъ нея какого-то хохломанскаго царства!"

Мѣсяца полтора спустя, въ № 31, та же газета вѣщаетъ вновь:

„Отъ поляковъ ли однихъ терпѣть русское дѣло? Поляки, безспорно, могутъ найти оправданіе для своихъ несбыточныхъ фантазій въ недавнихъ еще историческихъ воспоминаніяхъ: ихъ вина въ томъ, что они не умѣютъ разстаться съ ними и не признаютъ новыхъ путей исторіи. Но что сказать о тѣхъ добровольныхъ, сознательныхъ и безсознательныхъ измѣнникахъ русскому дѣлу въ самой русской средѣ, которые продолжаютъ, конечно, большею частью во крайнему скудоумію, служить дѣлу польской справы... Впрочемъ, объ украинофилахъ послѣ“.

Кто хоть мало-мальски знакомъ съ обычными приѣмами нашихъ „охранителей“, тотъ, конечно, прочитавъ приведенныя строки, позналъ уже, что именно онѣ общаются въ близкомъ будущемъ. Этихъ своеобразныхъ „патріотамъ своего отечества“, очевидно, мало той по-истинѣ недостойной, перешедшей всякія границы полемической безтактности травли, которой они, съ жадностью ухватившись за львовскій процессъ, вотъ ужъ около полугода неустанно подвергаютъ поляковъ,—они готовятся учинить новую, сугубую травлю на маюроссовъ, или, какъ выражаются „Московскія Вѣдомости“ и „Русь“—на „украинофиловъ“ и „хохломановъ“. Вотъ, въ виду этой-то болѣе чѣмъ вѣроятной травли, мы и полагаемъ необходимымъ и именно въ настоящую минуту — пока еще не началась травля — своевременно разсмотрѣть львовскій процессъ не съ австрійской только, а и съ русской точки зрѣнія, выяснить то значеніе, какое фактъ, подобный этому процессу и нашему способу относиться къ нему, имѣютъ и могутъ еще больше имѣть въ будущемъ для нашихъ русскихъ какъ вѣшнихъ, такъ и внутреннихъ государственныхъ отношеній. Мы тѣмъ болѣе считаемъ себя въ правѣ и даже обязанными сдѣлать это, что, принадлежа сами къ той части русской печати, которая, въ силу вѣрности своей принципамъ истиннаго либерализма и здравой государственной политики, справедливо относится къ національнымъ стремленіямъ и правамъ каждаго народа,—тѣмъ, будто бы, по увѣренію охранителей, она усиливается внести разложение въ среду русскаго народа и раздробить Россію („Москов. Вѣдомости“ выражаются даже: „поддержать и усилить разложение Россіи“, какъ будто самый фактъ начавшагося разложения не поддѣлять уже никакому сомнѣнію),—принадлежа къ этой части русской печати, мы сами являемся, такъ сказать, инкриминированной стороной, одними изъ тѣхъ несчастныхъ „тупоумцевъ“, которые прямо обвиняются въ измѣнѣ,—правда, совершаемой отчасти безсознательно

и лишь по крайнему скудоумію, но все же—въ измѣнѣ. А можетъ ли быть обвиненіе болѣе позорное и болѣе тяжкое какъ обвиненіе въ измѣнѣ своей родины, своему народу. Конечно, мы могли бы, еслибъ желали слѣдовать примѣру господъ „охранителей“, употребить противъ нихъ ихъ же оружіе и, перевернувъ такъ щедро расточаемыя ими обвиненія, сказать, что они измѣнники, и притомъ, отнюдь не изъ плохо понимаемаго патріотизма и не по скудоумію, а именно, съ сознательно враждебными цѣлями ослабленія Россіи, усиливающимися разжечь и раздуть въ ней національную вражду, между прочимъ и такую, для которой нѣтъ никакой дѣйствительной почвы. Можно бы даже, для подкрѣпленія такихъ положеній фактическими доказательствами, привести цѣлый рядъ сопоставленій, которыя, своей логичностію и кажущейся солидностію, могли бы, по меньшей мѣрѣ, поспорить съ подобной же аргументаціей самихъ „охранителей“. Но такой способъ полемики, помимо своей малой доказательности и отсутствія интереса для публики, еще и ни къ чему не ведетъ. Вопросъ вѣдь не въ томъ: каковы нравственные качества и побудительныя причины дѣйствій тѣхъ или другихъ редакторовъ и издателей газетъ и журналовъ, а въ томъ: каковы дѣйствительные интересы русскаго государства и русскаго народа; правильно ли понимаютъ и освѣщаютъ ихъ, вѣрныя ли свѣдѣнія доставляютъ о нихъ русскому обществу тѣ, кто взялъ на себя задачу дѣлать то путемъ печати. Поэтому-то мы, вмѣсто полемики, предпочитаемъ избрать другой путь, единственный, который можетъ дать почву сужденію и самое сужденіе сдѣлать основательнымъ и справедливымъ—путь ознакомленія съ дѣйствительными фактами.

Самъ г. Аксаковъ, въ одной изъ своихъ статей по поводу львовскаго процесса, говоритъ („Русь“ № 24): „Надобно же разъ навсегда ознакомить русскихъ читателей съ злополучнымъ житьемъ трехъ сличкомъ милліоновъ русскихъ въ древнемъ, сосѣднемъ съ нами Галичѣ... повѣдать Россіи про вопіющую, относительно нихъ, неправду австрійской власти — про невыносимыя страданія племени, которое, по истинѣ, кость отъ костей и кровь отъ крови нашей“. Подъ этими словами мы готовы подписаться обѣими руками. Дѣйствительно, „надо ознакомить“ — слѣдовало бы давно,—тогда, можетъ быть, и львовскаго процесса съ его впечатлѣніемъ на русиновъ не было бы. Но разъ ужъ онъ былъ и произвелъ свое дѣйствіе, ознакомленіе и подавно откладывать нельзя; необходимо теперь же, покуда еще время, приступить къ нему. Однако, прежде чѣмъ говорить что-либо отъ себя, предоставимъ слово русинамъ и притомъ русинамъ средней, наиболѣе умѣренной партіи. Пусть они сами скажутъ намъ, какое впечатлѣніе произвелъ на нихъ львовскій процессъ, какъ они отно-



сится къ подсудимымъ, къ ихъ дѣятельности, къ ихъ государствен-  
нымъ и инымъ идеаламъ и—во ірво—къ тѣмъ, послѣдователямъ и  
представителямъ кого являются эти подсудимые. Вотъ, посвящен-  
ная этому предмету, статья львовской русинской газеты „Дѣло“  
(№ 59, отъ 31 іюля). Статью эту мы приводимъ въ дословномъ  
переводѣ и цѣликомъ, безъ передѣлокъ.

„Съ тяжелымъ, невыразимымъ страданіемъ приходится намъ, го-  
ворить газета „Дѣло“, дать отвѣтъ на поставленный вопросъ: какою  
явилась передъ судомъ та всѣмъ намъ дорогая наша идея народная,  
то дѣло *русское* <sup>1)</sup>, которымъ, какъ всѣмъ намъ недавно еще ка-  
злось, довелось играть въ процессѣ самую видную роль? Дѣйстви-  
тельно ли она проявилась и какою проявилась? Не потому такъ  
велико наше страданіе, что не хватаетъ у насъ силы сказать всю  
правду, а потому что сердце болить и тяжело болить, видя свои  
открытыя раны, встрѣчая мрачное разочарованіе на мѣстѣ золотыхъ,  
радужныхъ надеждъ, и тамъ, гдѣ думалось увидать свѣтъ и силу на-  
родной идеи, животворную проповѣдь будущности народной, уви-  
дать разрушенный и даже оскверненный престолъ своей великой са-  
мости народной.

„Проявилась ли же идея нашей Руси на процессѣ?

„Подсудимые, а именно самые выдающіеся изъ нихъ—о. Науко-  
вичъ, В. Площанскій и Ад. Добрянскій, о которыхъ мы уже и прежде  
упоминали—были безспорно русины. И происхождение, и положеніе,

<sup>1)</sup> Малорусскіе писатели въ Галиціи подъ названіемъ „Руси“ подразумѣваютъ не Россію, а не входившіе въ составъ московскаго царства южныя, югозападныя и западныя края, и бывшую червонную „Русь“, нынѣшнюю восточную Галицію. Только народъ, населяющій эти края, то есть самихъ себя, они называютъ „руськи“, употребляя въ правописаніи одинъ с, собственно русскихъ же—„россиянами“ или великороссами, а языкъ ихъ—„россійскимъ“, въ отличіе отъ „рускаго“, т. е. малорусскаго. Русское государство они весьма рѣдко, и только подчиняясь обще-  
му обычаю, называютъ Россіей, а больше „россійской державой“. Русины придавать—и не совсѣмъ даромъ—такое огромное значеніе правописанію слова „русскій“, что оно сдѣлалось у нихъ причиною не только продолжительныхъ и ожесточе-  
нныхъ литературныхъ споровъ, но даже и глубокой политической вражды, служа знаменемъ и синонимомъ партій. Партія „Слова“ (сама себя называвшая „рус-  
ской“, а врагами называемая „москальской“), съ тѣхъ поръ, какъ этой газетой  
сталъ заправлять г. Площанскій, ввела у себя обычай писать *русскій*; умѣренныя  
партія (автономно-русинская или австрійская) сохранила прежнее правописаніе—  
*руський*, а народовческая (она же и украинская) стала писать *руський*. По этому  
поводу написаны цѣлыя томы горячихъ полемическихъ статей, не разъ происхо-  
дили ссоры и драки въ публичныхъ мѣстахъ (разъ даже между дамами), и партіи  
такъ и стали обозначаться: „сс“, „с“ и „сь“.

и долгіе годы, прожитые, да и вся жизнь ихъ, проведенная въ виду нашего народнаго возрожденія, налагали на нихъ не только право, но и почетную обязанность выказать себя тутъ исповѣдниками и подвижниками русской народности. И еще какъ подумаешь, въ чемъ обвинялъ ихъ прокуроръ въ своемъ такъ широко поставленномъ обвинительномъ актѣ: въ продажѣ своего великаго народнаго дѣла, въ измѣнѣ своему собственному народу, въ безчестномъ служеніи изъ-за суетной мамоны! Вотъ, и думалъ, и надѣялся каждый, кто понималъ важность и тяжкую обиду подобнаго обвиненія, что тутъ-то многочисленными устами отзовется идея народная и послѣ опроверженія обвиненій, которыхъ ни одинъ патріотъ не долженъ и не смѣетъ потерпѣть на себѣ, воскреснетъ, какъ фениксъ, изъ пепла обвинительнаго акта и взойдетъ солнце правды, евангеліе народной вѣры — „крыльями сплесе“ — какъ говорить нашъ Маркіянъ Шашкевичъ — „страсне, злопотитъ, пѣдъ небо до сонця генъ-генъ полетитъ; пѣдъ небомъ край сонця сонечвомъ повисне: и буде лѣтати и буде снѣвати, и о рускѣй славі скарѣзъ свѣту казати“.

„А такъ ли оно вышло? Можетъ быть, не слѣдовало бы прежде всего говорить о языкѣ, на которомъ объяснялись и оправдывались наиболѣе выдающіеся изъ подсудимыхъ, если бы языкъ не былъ, очевидно, однимъ изъ первѣйшихъ и важнѣйшихъ признаковъ народности. Не можемъ и не хотимъ укорять гг. Огоновскаго, Ничая, Маркова, Площанскаго и др. за то, что они отвѣчали по-польски, а не по-русски, потому что тутъ была ошибка со стороны присяжныхъ, которые, неизвѣстно по какимъ причинамъ, думали, что подсудимые будутъ говорить по-россійски, а не по-русски, и только при отвѣтахъ Шпундера и Залускаго объявили, что очень хорошо понимаютъ по-русски. Совсѣмъ иное дѣло, — почему тѣ же подсудимые и послѣ этого заявленія присяжныхъ все-таки говорили по-польски, а не по-русски? Это именно относится къ о. Наумовичу, который давалъ показанія уже послѣ Шпундера и Залускаго (которые оба говорили по-русски — безъ малѣйшаго неудобства или непонятности для присяжныхъ), когда и трибуналъ, и присяжные заявили, что понимаютъ русскій языкъ, а предсѣдатель г. Будзиновскій положительно и даже два раза обратилъ вниманіе о. Наумовича на то, что онъ имѣетъ право и можетъ безъ всякаго неудобства отвѣчать по-русски. О. Наумовичъ, не смотря на то, отвѣчалъ по-польски. Ад. Добрянскій отвѣчалъ по-нѣмецки. Не думаемъ, чтобы это происходило отъ трусости или *ad captandam benevolentiam*, какъ и не думаемъ, чтобы подсудимые, чѣмъ бы инымъ они ни руководствовались, хотя сколько-нибудь помогли себѣ этимъ.

„Но подумали ли они о томъ, къ чему ведетъ такой ихъ посту-

покъ, какія послѣдствія имѣетъ онъ для нашего дѣла, въ какой окраскѣ выставляетъ его передъ свѣтомъ? На чью же мельницу эта вода? Не играется ли тутъ комедія, да еще комедія страшно грустная, а для народа унижительная? Мы съ давнихъ временъ боремся за равноправность нашей народности, нашего языка; пишемъ меморіалы, обращаемся съ жалобами ко всякимъ судамъ и трибуналамъ, добиваясь нашихъ гарантированныхъ конституціей правъ, пишемъ на весь край громогласныя воззванія отъ „Русской Рады“: „О братья, станемъ беречь и держаться нашихъ правъ, станемъ писать и говорить передъ судами и всякими учрежденіями только по-русски, только русскими буквами и иныхъ бумагъ не примемъ, станемъ уважать сами себя, ибо если мы сами себя и правъ нашихъ не будемъ уважать, то и никто ихъ уважать не станетъ!“ Но вотъ наступаетъ торжественнѣйшая минута, и тѣ самые люди, которые все это писали и такъ горячо взывали къ своимъ братьямъ, тѣ люди, которые не разъ и не одного изъ своихъ меньшихъ братьевъ, за неуваженіе этого права, выставляли въ своихъ произведеніяхъ на все-народное позорище, какъ измѣнниковъ народу; тѣ люди, которые идутъ впереди всѣхъ и на которыхъ взоры младшихъ братьевъ обращаются, какъ на предводителей,—тѣ самые люди чураются своей собственной заповѣди, народнаго долга, народной повинности! Что-жъ, развѣ мы этимъ не бьемъ самихъ себя по лицу, не выставляемъ неправдой нашихъ собственныхъ словъ, нашихъ стремленій, нашихъ желаній? Развѣ мы этимъ не дѣлаемъ сами простой химеры изъ нашего народнаго дѣла? Только послушайте, какъ радуются наши противники, какъ васъ восхваляютъ и не находятъ словъ, достаточныхъ для похвалы того, какъ вы хорошо, какъ прекрасно, лучше, чѣмъ природный полякъ, говорите по-польски! Съ превеликой радости, васъ ставятъ чуть что не наравнѣ съ самимъ Мицкевичемъ! А наша бѣдная Русь, какъ та сиротка бездомная, отъ которой отказались отецъ и мать, стоитъ, бѣдненькая, у порога—такъ тяжело обиженная, такая обезславленная, такая несчастная, что не знаетъ, куда дѣться и рада бы отъ стыда сквозь землю провалиться!

„Да еслибъ еще хоть на томъ кончилось! Въ оправданіе себѣ, почему не говорить по-русски, а по-польски, о. Наумовичъ объяснилъ, будто въ своей защитѣ ему придется говорить о вещахъ и понятіяхъ высшаго порядка, а это было бы трудно и почти невозможно на употребительномъ у насъ русскомъ языкѣ! Мы не хотѣли вѣрить ушамъ, да некуда дѣвать правду,—должны были уразумѣть, съ несказанной болью уразумѣть эти слова. Мы долго прислушивались во время тѣхъ длинныхъ, произнесенныхъ по-польски рѣчей, ища въ нихъ тѣхъ высокихъ вещей и понятій, и не нашли ни

одного слова, ни одного понятія, которыхъ нельзя было бы передать на нашемъ родномъ, употребляемомъ здѣсь въ краѣ языкѣ. И что-жъ это такое, спрашиваемъ, что это за новая услуга народному дѣлу? По какой причинѣ и съ какой цѣлью провозглашаются подобныя вещи вслухъ такими авторитетными устами, да еще въ судебномъ трибуналѣ, передъ лицомъ всего свѣта? На нашемъ родномъ народномъ языкѣ русскомъ пѣлъ Тарасъ Шевченко свои безсмертныя пѣсни, воскресившія къ жизни нашу Русь; на этомъ языкѣ развивалась вся наша цѣлому свѣту извѣстная поэзія; на немъ складывалъ народъ въ десяткахъ тысячъ пословицъ свою глубокую философскую мудрость народную; нашъ языкъ оказался годнымъ для передачи возвышенныхъ идей Гёте и Шекспира; мы учимся на немъ не только въ народныхъ и въ среднихъ, но и въ высшихъ школахъ, въ университетахъ. Мы желаемъ и требуемъ введенія этого языка <sup>1)</sup> во всѣхъ школахъ нашей Руси, во всѣхъ судахъ и административныхъ учрежденіяхъ; мы дорожимъ имъ, какъ драгоценнѣйшимъ достояніемъ народа, боремся за его права, охраняемъ его отъ гибели,—а теперь оказывается вдругъ, что онъ непригоденъ даже для того, чтобъ на немъ возражать противъ обвинительнаго акта, который и самъ-то едва-едва, насилу держится; этотъ языкъ не годится для того, чтобъ на немъ защищать дѣло народное?! И это провозглашаетъ передъ цѣлымъ свѣтомъ тотъ, кто самъ же, въ молодыхъ годахъ, услышавъ чудныя пѣсни на томъ языкѣ нашихъ Маркіана Шашкевича, Николая Устияновича, Могильницкаго и др., исполнился новой жизнью и вѣрою въ будущность нашего народа, и кто, по своимъ собственнымъ произведеніямъ, опять на томъ же языкѣ писаннымъ для просвѣщенія народа, могъ самъ лично ощѣнить силу этого языка и понять, что этотъ языкъ, и только этотъ нашъ родной языкъ даетъ жизнь и ростъ и силу нашимъ думамъ, нашимъ народнымъ стремленіямъ, нашему чувству народному?! И это сказано не такъ только, мимоходомъ, потому что тоже самое мнѣніе о нивости и бесилии нашего языка высказано тоже и въ письмѣ къ Ад. Мазурѣ, читанномъ на судѣ, не упоминая ужъ о другихъ подобныхъ же выраженіяхъ.

Нельзя намъ умолчать и о тѣхъ выводахъ относительно языка, которые, при дальнѣйшемъ разбирательствѣ, какъ разъ вызались съ предыдущими заявленіями. Если о. Наумовичъ счелъ нужнымъ вывести свои извѣстныя теоріи о племенномъ и языковомъ единствѣ

<sup>1)</sup> Авторъ подразумѣваетъ введеніе обязательнаго употребленія одного этого языка, какъ государственнаго, для Руси, т.-е. для восточной Галиціи, потому что право для каждаго русина объясняться на своемъ родномъ нарѣчій существуетъ и теперь.

60-ти миллионѣвъ, то Ад. Добрянскій, который, какъ всѣмъ и каждому доподлинно вѣдомо, почти совсѣмъ не умѣетъ говорить на нашемъ языкѣ, вздумалъ поддержать эти теоріи тѣмъ, что передъ судьями присяжными, несвѣдущими въ филологіи, сослался, между прочимъ, на Миклошича, какъ на ученаго, не признающаго самостоятельности русскаго языка—на того самаго Миклошича, который открыто всѣмъ своимъ научнымъ авторитетомъ вступился за равно рѣзкое отличіе нашего русскаго языка, какъ отъ польскаго, такъ и отъ російскаго!! До сихъ поръ мы думали, что изслѣдованія славянской филологіи настолько уже извѣстны у насъ, что споръ противъ самостоятельности русскаго языка невозможенъ болѣе. Оказывается, однако, что вотъ для нѣкоторыхъ людей славянской филологіи какъ бы совсѣмъ не бывало, и что, несмотря на неоспоримо доказанную даже російскими учеными, какъ Петръ Лавровскій, В. Даль, А. Пыпинъ, самостоятельность русскаго языка, несмотря на научныя доказательства Миклошича, Максимовича, Житецкаго, Потебни, Малиновскаго и многихъ другихъ, старая пѣсня все-таки поется, и права родного языка родными сынами его оспариваются на польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ!

„Но съ какою же цѣлію? Или, можетъ быть, для того, чтобы возвеличить свой народъ, чтобы придать ему силу и значеніе? Или, можетъ быть, была уже готовая мысль, хоть бы у самихъ подсудимыхъ, напримѣръ, на счетъ того языка, который слѣдовало бы принять на мѣсто своего родного? Уже о. М. Огоновскій заявилъ, что совсѣмъ не умѣетъ говорить по-російски; В. Плющанскій увѣрялъ, что знаетъ малорущину и пишетъ по-малорусски, „приспосабливая (малорусскій языкъ) къ понятіямъ интеллигенціи“. А Ничай и Ис. Трембицкій доказывали—и справедливо, что свои газеты издають на русскомъ, а не на російскомъ языкѣ. Наконецъ, и самъ о. Наумовичъ, увидавъ, что его филологическія теоріи пришлось не очень впопадъ и только доставили оружіе прокурору, заявилъ подъ конецъ судопроизводства, что онъ уважаетъ малорущину и пишетъ по-малорусски, но только иногда „болѣе выработаннымъ языкомъ“.

„Какое же значеніе могли представить вышеупомянутыя заявленія для нашего народнаго дѣла, для нашихъ стремленій—и чѣмъ могутъ быть такіа подобныя наши стремленія? Что-жъ это за страшная путаница, что за бездонная пропасть! Вотъ, мы столько десятковъ лѣтъ работаемъ надъ возрожденіемъ и развитіемъ нашей народности, скоро исполнится уже сто лѣтъ, какъ творенія Котляревскаго возвѣстили міру новое возрожденіе нашей тысячелѣтней словесности, а теперь вдругъ на нихъ какъ будто напало какое-то странное помраченіе, и мы даже совсѣмъ не знаемъ самой

простой и первѣйшей вещи: на какомъ языкѣ намъ говорить и писать; мы какъ будто не знаемъ даже, кто мы, какой народъ! Развѣ же это не поруганіе надъ отцами и дѣдами нашими, которые столько трудились на благо народа, съ такимъ патріотизмомъ и съ такой вѣрой въ будущее воззвали его къ жизни и указали ему ясный путь его великаго призванія! Нашимъ отцамъ достало, въ 1848 г., родного языка, и словъ, и силы, чтобы родной рѣчью разогнать тяжкую сонливость народа, чтобы съ помощью того же языка такъ горячо, краснорѣчиво и основательно высказаться на первомъ съѣздѣ русскихъ ученыхъ—а теперь въ этой родной рѣчи нашей стало будто уже такъ мало словъ, что на ней нельзя будто бы вести защиту и—мало того—требуется даже идти къ сосѣду призывать не только огня и патріотизма, но и самаго языка, на которомъ мы могли бы поучиться и понятнымъ образомъ высказаться?!

И къ чему же это ведетъ? Какой же языкъ хотите вы принять? Можетъ быть, россійскій, къ которому не было смѣлости признаться явно, и котораго не понимаютъ и не знаютъ не только нашъ русскій народъ, не только русская интеллигенція, но, пожалуй, даже чуть не всѣ подсудимые? А видите ли вы, какое изъ этого ближайшее послѣдствіе? Какъ скоро вы не хотите родного русского языка, какъ скоро отрицаете его самостоятельность и даже пригодность для собственнаго вашего употребленія, то не пускаете ли вы этимъ воду на мельницу полонизаторовъ, не оправдываете ли ихъ желанія и стремленія навязать нашей Руси, вмѣсто ея родного русского языка, польскій, на которомъ вы же сами и другіе подсудимые такъ плавно объяснялись, да еще хвалились, что и дома и съ сосѣдами часто разговариваете на немъ. Вѣдь это же такая ясная вещь, что коль скоро вы отрекаетесь отъ родного русского языка и даже не признаете за нимъ самостоятельности и способности къ всестороннему выраженію, то этимъ вы готовите почву не для россійскаго и даже не для церковнаго, а для польскаго, и только для польскаго языка. Вы же не сказали вѣдь ничего иного какъ только то, что въ свое время высказалъ на сеймѣ полякъ гр. Борковскій, оспаривавшій права русиновъ на русскую гимназію. Свѣтъ можетъ теперь удостовѣриться, кто больше заслуживаетъ названіе полонизатора: тотъ ли кто стоитъ за развитіе и право нашего родного русского языка, или тотъ, кто его отвергаетъ,—а высказанныя слова скоро, можетъ быть при ближайшемъ случаѣ, послужатъ оружіемъ въ устахъ противниковъ Руси.

И развѣ не видите вы этого привидѣнія загубленной Руси Угорекской, которое идетъ слѣдомъ за Ад. Добрянскимъ и точно зоветъ раздирающимъ голосомъ: „Vare, Vare, redde! mihi meas

legiones"! Это вѣдь живой образъ проповѣдуемаго вами дѣла спасенія Руси чужими языками. Это правда, — великую славу заслужилъ Ад. Добрянскій на Угорской Руси; онъ былъ, какъ говорить его товарищъ по службѣ, Тисса, „der Abgott der Ruthenen Ungarns"; Угорская Русь глядѣла на него, какъ на свое свѣтило и прибѣжище, она, т.-е. собственно угро-русская интеллигенція, послушалась его голоса, пошла по его совѣту, отеклась отъ своего мужичьяго языка, а ухватила за такъ-называемый „общерусскій" языкъ, повѣривъ его спасительной панславянской идеѣ, которая должна размежевать Европу на три царства — и чтожь? Плачьте, горько плачьте надъ тою несчастной Угорской Русью! Замокли наши Духовичи, Павловичи, Бралицкіе и др., народъ остался въ темнотѣ, даже и не подозревая, что тамъ такое пишетъ омадыаренный „Карпатъ" на такъ-называемой „общерусской" тарабарщинѣ <sup>1)</sup>, а вся интеллигенція помадырилась, денаціонализировалась, забыла и языкъ и всю вообще народность русскую, и, сложа руки, какъ та связанная овца, любитесь, какъ мадыарщина захватываетъ цѣлыя сотни тысячъ русскаго народа на скрѣпленіе своего мадыарскаго элемента, вырываетъ русскіе корни изъ древнерусской земли и прививаетъ къ нимъ отростки европейскаго азіатства. И послѣ такихъ-то плодовъ своей дѣятельности, послѣ такого прошлаго приходитъ Ад. Добрянскій въ Галичину проповѣдывать то же евангеліе „возрожденія"?!

„Точно такія же, а отчасти и еще большія даже, смутность, противорѣчивость и путаница понятій проявились и въ иныхъ, а именно въ церковныхъ, народныхъ и политическихъ мнѣніяхъ и теоріяхъ вышеупомянутыхъ главныхъ подсудимыхъ. И это весьма естественно, ибо если искажена и неправильна главная основа народности, ея элементарныя понятія, касающіяся языка и этнографическаго положенія, то эта ложь должна отразиться и на всѣхъ прочихъ отношеніяхъ. Можетъ быть, больше всего разсуждали о вѣрѣ, о православіи, а однако и по сей часъ трудно сказать, за что собственно стоятъ о. Наумовичъ, В. Площанскій и Ад. Добрянскій: за православіе или за унію? В. Площанскій объявилъ себя даже чрезвычайно горячимъ уніатомъ, который, сколько могъ, умѣрялъ православныя непопозновенія другихъ. О. Наумовичъ нѣсколько разъ повторялъ, что онъ истинный уніате и одобряетъ православную пропаганду лишь какъ нѣчто переходное, какъ демонстрацію, могущую не только укрѣ-

<sup>1)</sup> Дѣло въ томъ, что тѣ галицкіе писатели, которые пытаются писать на нашемъ русскомъ (обще-рускомъ) языкѣ, вообще его очень уродуютъ; а у писателей угро-русскихъ (въ Венгріи) это уродованіе еще сильнѣе, такъ что часто не остается подобія нашего русскаго языка. — Н. С.

пить унию, но и послужить средствомъ склонить къ униі чуть ли не всю Россію и весь православный востокъ. Даже Ад. Добрянскій во всѣхъ своихъ теологическихъ и историческихъ объясненіяхъ признаетъ себя истиннымъ исповѣдникомъ догмата о главенствѣ папы и великимъ почитателемъ великихъ заслугъ римской церкви. Указать на точку зрѣнія истинно русскую, на точку зрѣнія, которая обязываетъ русиновъ быть терпимыми ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, такъ какъ русины есть не одни только униаты да католики, а ихъ много и притомъ огромное большинство православныхъ, именно въ Буковинѣ и въ Украинѣ, точнехонько такихъ же русиновъ, какъ и мы сами,—указать на это ни у кого не хватило ни времени, ни смѣлости, ни политическаго смысла народнаго. Мы могли лишь жалѣть Шпундера и Залускаго, которые, выслушавъ всѣ заявленія своихъ братьевъ-проповѣдниковъ, только покачивали головами, не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое „вѣра отцовъ нашихъ“. Невольно напрашивался на умъ евангельскій вопросъ: „что есть истина?“

„А этотъ, столько вызывающій толковъ пресловутый панславизмъ! Въ немъ заключалось главное оружіе прокурора, о немъ говорилось чуть ли не столько же, сколько и о православіи — а что же оказалось на дѣлѣ? Главные подсудимые, о. Наумовичъ и Ад. Добрянскій, признали себя панславистами,—правда, австрійскими, а не російскими, хотя Ад. Добрянскій въ своемъ письмѣ, писанномъ, къ удивленію, къ Адр. Мазурѣ, и ставить во главѣ всѣхъ славянскихъ племенъ не династію Габсбурговъ, а царя Россіи. Но какъ же смотритъ въ дѣйствительности этотъ панславизмъ? Въ самомъ ли дѣлѣ онъ такъ богатъ тѣмъ духомъ „всеславянства“, о которомъ такъ горячо говорилъ за Колларомъ о. Наумовичъ? Есть ли это тотъ панславизмъ, который такъ коротко, но и такъ наглядно, такъ ясно и глубоко гуманно воспѣлъ Тарасъ Шевченко словами, обращенными къ Шафарику: „щобъ уси славяне стали добрыми братами и сынами сонця правды и еретиками оттакими, якъ Констанскій еретикъ великій“?

„Кажется, на всемъ свѣтѣ и у всѣхъ людей своя рубашка бываетъ ближе къ тѣлу. А какое же положеніе этотъ проповѣдуемый устами о. Наумовича, Ад. Добрянскаго и В. Площанскаго панславизмъ назначаетъ вотъ хоть бы прежде всего нашему собственному народу русскому? Пересматривая все то, что на судебномъ разбирательствѣ говорилось и читалось, изъ частныхъ писемъ и изъ печатныхъ книжекъ подсудимыхъ, объ этомъ своеобразномъ панславизмѣ, мы, къ величайшему удивленію, не находимъ тамъ ни слова, ни намека на нашъ собственный народъ. Мы только видимъ, какъ



тамъ восхваляется далекое, очень далекое житье, чуть ли не у самой Камчатки; находимъ живые рассказы о томъ, будто народанъ на дальнемъ сѣверѣ, вокругъ Москвы и дальше, живетъ очень хорошо; но за то ни словомъ не упоминается о томъ, какъ же живетъ тамъ нашимъ роднымъ братьямъ на Украинѣ, тамъ, гдѣ, на кievскихъ горахъ, возсіяла наша вѣра, и слава наша выросла, и сила нашего народа съ турками и съ татарами боролась за нашу свободу, тамъ, гдѣ наши первыя книги писались, и у насъ зачинавшаяся родная наша наука на всю Русь животворными струями разливалась, тамъ, наконецъ, гдѣ снова, послѣ долгихъ, долгихъ вѣковъ, блеснула первая заря нашего новаго бытія народнаго, и своимъ свѣтомъ, пѣснями своихъ первыхъ глашатаевъ, разбудила нашихъ Шашкевичей, Устianовичей, Головацкихъ, Борысѣвичей, Могильницкихъ и др.—всю нашу Галичину—и вызвала изъ нихъ груди теперешній народный гимнъ галицкой Руси (Маркіана Шашкевича):

„Оттакъ, Николаю <sup>1)</sup>, украиньски брлята  
 „И веселять душу й сердце зогривають;  
 „Оттакъ, Николаю, руски соколата  
 „То въ голосъ то въ тиха матери спѣвають;  
 „Ажъ мило згадати, якъ то сердце бьетца,  
 „Коли въ Украини руская писенька  
 „Такъ мило-солодко коло сердца вьетца.  
 „Якъ коло милого дивка русавенька“...

„Тутъ же, въ этомъ мрачномъ панславизмѣ, забыли и думать обо всемъ этомъ, точно мы не знали и не вѣдали, что у насъ есть родная мать, свои родные братья, о которыхъ прежде всего требовалось бы позаботиться.

„У этого мрачнаго панславизма нѣтъ смѣлости даже настоящую правду сказать насчетъ того, какъ на самомъ дѣлѣ живетъ въ томъ дальнемъ, столь хваленomъ, но галичанами невиданномъ, „раю“. Нѣтъ смѣлости признаться, какъ тоскуютъ галицкіе эмигранты въ холмищинѣ по этой „нерайской“ Галичинѣ и только разъ какъ-то тишкомъ, въ частномъ письмѣ къ о. Наумовичу, слышится ихъ стонъ, что они „рады бы каждую минуту вернуться въ Галичину, еслибъ имъ дали тамъ хоть какой-нибудь плохонькой приходишко“. А передъ свѣтомъ все-таки славословится далекій рай и на всѣ тоны мрачно-панславистской гаммы воспеваются ему хвалебные гимны. Нѣтъ! тутъ все, все на свѣтѣ освѣняется широкой истинной любовью, кромѣ того, что свое, самое близкое, самое родное! А какъ подумаешь, что этотъ самый мрач-

<sup>1)</sup> Устianовичъ.

ный панславизмъ не только позволилъ, но даже повелѣлъ нашимъ панславистамъ съ радостью встрѣтить въ 1876 г. запрещеніе русскаго языка на Украинѣ и продиктовалъ имъ насчетъ этого запрещенія слѣдующія слова въ „Словѣ“: „Русское правительство, узнавъ въ пропагандѣ такого (малорусскаго) языка стремленіе вредное для Руси въ народномъ и политическомъ отношеніяхъ, видѣлось принужденнымъ издать наведенное распоряженіе (запрещеніе печатать книги на русскомъ, т.-е. малорусскомъ языкѣ), и оно, *по нашему мнѣнію*, имѣло къ тому такое же право, якъ неоспоримо его право противодѣйствовать расширенію секты скопцовъ на Руси“, — слова, которыя даже въ устахъ врага звучали бы отвратительнымъ цинизмомъ! Какъ подумаешь все это, такъ развѣ сердце не обелѣется кровію передъ такимъ ослѣпленіемъ и униженіемъ дорогой народной святыни! Такъ и приноминаются слова Шевченкова посланія:

„Славяне, славяне,  
„Славныхъ традицій великихъ  
„Правнуки погани!—  
„И Колляра читаете  
„Изъ усен силы,  
„И Шафарика, и Ганку,  
„И въ славянофиин  
„Такъ и претесь, и вси мови  
„Славянскаго люду,  
„Вси знаете, а *свои*  
„Дастъ Богъ!..

„Такъ же напрасно было бы вопрошать, какое положеніе, какую роль въ славянской отчизнѣ назначаетъ этотъ панславизмъ другимъ славянскимъ народамъ, какія права, какую свободу и какую гарантію (основу) представляетъ онъ для ихъ народнаго, политическаго, экономическаго, литературнаго и вообще культурнаго развитія. Этимъ панславизмомъ выдается за великое счастье и великую политическую мудрость, еслибъ можно было образовать изъ Европы три громаднѣйшія царства, еслибъ во главѣ славянъ сталъ одинъ всемогущій царь, единое слово котораго приводило бы въ трепетъ весь свѣтъ и сметало бы народы съ лица земли. Совсѣмъ не заботясь о томъ, что въ Европѣ вовсе не къ тому теперь дѣло идетъ, чтобъ воздвигать или не воздвигать имперіи, на манеръ римскій, а къ тому, чтобы обезпечить благосостояніе и развитіе *народовъ*; совсѣмъ не оглядываясь назадъ, на то, что подобная имперія, созданная грубой силою военнаго гевія Наполеона I, разсыпалась въ прахъ, при первомъ же дуновеніи противнаго вѣтра — Ад. Добрянскій въ пасхальномъ письмѣ къ Мазурѣ выставяетъ такой изумительный гороскопъ образованія трехъ величественныхъ абсолютныхъ царствъ,

а именно всеславянское царство съ самодержавнымъ императоромъ какъ идеалъ „воскресенія Руси“! Какой же духъ „всеславянства“ могъ бы вѣять, какая жизнь была бы въ этой державѣ и была ли бы вообще жизнь для нашего народа?...

„Подъ пару къ такимъ государственнымъ идеаламъ идутъ и словословія абсолютистскихъ порядковъ, которыя довелось, во время судебного разбирательства, услышать изъ устъ главныхъ обвиняемыхъ, а именно изъ устъ Ад. Добрянскаго. Недовольство конституціоннымъ строемъ и тоска по абсолютизмѣ—вотъ тенденція, которая непрерывной красной ниткой вьется черезъ всё теоріи и политическіе гороскопы нашихъ панславистовъ. Это отвращеніе къ благамъ свободы и склонность къ абсолютизму такъ велики, что они (подсудимые) не погнушались даже подать руку шпіонству, побратались съ доносчиками на политическихъ преступниковъ, одобряли высѣживание нигилистовъ и социалистовъ людьми, призванными къ служенію народу, и даже на судѣ, устами Ад. Добрянскаго, возводили въ апогеозъ подобныя дѣла, какъ добрыя и честныя! Чтожъ это такое? Развѣ это не тяжкій недугъ, развѣ это не упадокъ, не страшный упадокъ? Надобно же помнить, что доносъ по самому существу своему презирается всѣми честными людьми у всѣхъ народовъ, какъ нѣчто гадкое, безчестное, омерзительное. Не будемъ входить въ разбирательство, каковы стремленія нигилистовъ и социалистовъ, но фактъ тотъ, что самый уголовный уставъ признаетъ ихъ преступленія политическими, а не обыкновенными. Можно осуждать социализмъ и нигилизмъ, можно даже чувствовать къ нимъ отвращеніе, можно противъ нихъ бороться, но какъ же возможно *шпіонство* и *доносъ* назвать дѣломъ честнымъ и похвальнымъ! А еще нужно замѣтить, что эта высказанная и молчаливая <sup>1)</sup> похвала шпіонству и даже солидарность съ доносчиками исходить отъ людей, которые сами стоятъ передъ судомъ по обвиненію въ *политическомъ* преступленіи, и которые, слѣдовательно, этимъ самымъ признаютъ право другихъ доносить на нихъ и сами хвалятъ, между прочимъ, и тѣ доносы „Газеты Народовой“, которые она помѣщала противъ нихъ во время процесса и противъ которыхъ справедливо возмущались всѣ честные люди. Замѣчательно, наконецъ, и то, что все это исходить отъ мужей, провозглашающихъ, будто они вступаются за право и свободу своего народа, будто протестуютъ противъ кривды и гнета, будто ради бы добиться добра и свободы народамъ! Какъ же все это вяжется между собой, и не слѣдуетъ ли постыдиться такой путаницы понятій не только народно-политическихъ, но и самыхъ понятій чести и

<sup>1)</sup> Т.-е. высказанная однимъ подсудимымъ, а остальными одобренная ихъ молчаніемъ.

приличія?! И послѣ всего этого мнимыя великія идеи, стремленія и надежды складываются, какъ нѣкое непригодное оружіе, на „жертвенникъ общаго отечества“<sup>1)</sup> и взывается къ братскому согласію, какъ бы въ вознагражденіе за тѣ пропадающіе идеалы! Ктожъ тутъ дастъ вѣру этимъ заклинаніямъ, кто приметъ ихъ за правду, а не за насмѣшку!

„Поистинѣ грустно, несказанно грустно становится на сердцѣ, когда обо всемъ этомъ подумаешь. И жалость, и стыдъ, и несказанная боль разрываютъ грудь, когда всматриваешься во всю эту картину, гдѣ не доискаться, не доглядѣться ни ясной идеи, ни замѣтной цѣли народной. Выглянемъ еще разъ на общую картину и спросимъ себя: куда все это ведетъ, чего тутъ надѣяться, къ чему стремиться? Не есть ли это злостный обманъ, которымъ кружатъ головы и сбиваютъ съ пути, чтобъ завести насъ въ безвыходное болото? Обратимъ только вниманіе, какъ тутъ, на этой дорогѣ, постепенно, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, все растеривается, утрачивается. Сперва откидывается языкъ, а съ нимъ вмѣстѣ и главнѣйшая основа нашей народности, наша сила культурнаго развитія и наши права на существованіе въ Австріи въ качествѣ народа. Затѣмъ забывается самый народъ, его доля, его право на лучшую участь, а наше свѣтлое мировоззрѣніе народнаго общежитія замѣняется нѣкимъ темнымъ туманомъ безформенныхъ и непонятныхъ стремленій; безцѣльной крикливостью и демонстраціями; наконецъ, является мрачный панславизмъ, но безъ слѣда правдиваго, свободнаго существованія все-славянскаго, т.-е. всѣхъ славянскихъ народовъ, тяготеющее къ абсолютизму и представленіе о какой-то политически-невозможной „великой державѣ“, въ которомъ (представленіи) не допытываешься ни воли, ни доли народовъ... Чтожъ, развѣ это не злостный обманъ? Развѣ стоить изъ-за такого обмана накликать на нашу Русь столько тяжкихъ невзгодъ, столько мукъ и страданій? Развѣ такимъ образомъ нашъ народъ не сковывается по рукамъ и ногамъ, какъ многострадаальный Прометей на хладной скалѣ Кавказа, чтобъ на него налетали всякіе орлы и раздирали его беззащитное тѣло—развѣ даже всѣ эти мнимыя „великія идеи“ не суть именно такіе злые орлы, льющіе сердце нашего народа, долбящіе его ребра и льющіе его кровь? Развѣ такова—развѣ такою можетъ и должна быть наша народная идея, которая должна вызвать и бытіе, и преуспѣяніе, и движеніе впередъ нашего русскаго народа? Развѣ ей слѣдуетъ быть такой гадею, такой противной, чтобъ каждый, увидавъ ее, съ

<sup>1)</sup> Намекъ на воззваніе „Русской Рады“ къ примиренію партій, о которыхъ будетъ рѣчь ниже.

отвращеніемъ отвернулся отъ нея и за этимъ отвращеніемъ не имѣлъ бы духу выслушать наши справедливыя жалобы на вопиющіе къ небу неправды?

„Нѣтъ, и во вѣки вѣковъ—нѣтъ! Не таковы и не могутъ быть такими наша идея народная, наше дѣло русское. Наша народная идея чиста и честна, она святая, а не скверная—наше дѣло русское справедливо, праведно и правдиво. И достанетъ у насъ силы, послѣ столькихъ долгихъ лѣтъ борьбы, выказать нашу народную идею передъ свѣтомъ такою, чтобы каждый честный человѣкъ челомъ ударилъ передъ нею. Достанетъ у насъ силы показать наше русское дѣло такимъ свѣтлымъ и почтеннымъ, чтобы всякій съ уваженіемъ преклонилъ передъ нимъ голову и сказалъ: дѣйствительно, русскій народъ борется за свое существованіе, за свою свободу, за свои права—честь и слава такому народу! Достанетъ у насъ силы, какъ говорилъ въ добрыя времена Я. Головацкій, „плыти“ хоть можетъ быть „по тихеньку та певенькимъ ходомъ, безъ шуму, безъ горя, съ личкомъ чистымъ, незмученымъ“, плыть къ морю общечеловѣческаго, культурнаго бытія народовъ. Достанетъ у насъ силы найти въ своей груди столько патріотичнаго огня, чтобы, несмотря на всѣ невзгоды, остаться истинными русскими и служить *нашему* народному дѣлу всѣми нашими силами.

„Тяжело, очень тяжело и несказанно больно было намъ разсматривать наши открытыя раны, нашу тяжкую болѣзнь. Съ стѣсненнымъ сердцемъ пришлось намъ, вмѣсто выраженія удовольствія, высказать тяжелую и, можетъ быть, во многомъ горькую правду. Глубину нашего страданія и жалости можетъ понять каждый, кто чувствуетъ истинную любовь къ родному народу и его благосостоянію. Но какъ бы то ни было, мы чувствуемъ себя въ правѣ сослаться на правило для всѣхъ обязательное: *Salus reipublicae suprema lex esto!* Для насъ дѣло не въ личностяхъ, а въ благѣ народа. Пора всѣмъ понять важность нынѣшней минуты, пора понять заблужденія, пока есть еще время, очистить раны, пока можно, стать на новую дорогу и вмѣстѣ съ нашимъ великимъ гениемъ кликнуть кличъ по всей нашей родной краинѣ:

„Полюбите ширимъ сердцемъ  
„Велику рунну;  
„Розкуйтесь, братайтесь;  
„У чужого краю  
„Не шукайте, не нмтайте  
„Того, що немає  
„И на небі, а не тільки  
„На чужому полі...  
„Въ своїй хаті—своя правда  
„И сила, и воля!

Таковъ отзывъ о подсудимыхъ и ихъ идеалахъ несомнѣнныхъ русиновъ, и въ русинской газетѣ. Гг. Площанскому, Наумовичу, Добрянскому и ихъ (болѣе, впрочемъ, многочисленнымъ въ редакціи „Руси“, чѣмъ въ Галиціи) сторонникамъ не остается даже возможности, въ утѣшеніе себѣ, примѣнить къ нимъ названіе „полакующихъ“, какъ они имѣютъ обыкновеніе называть своихъ соотечественниковъ, желающихъ или, по крайней мѣрѣ, не отвергающихъ съ негодованіемъ мысль о примиреніи съ поляками, на условіи фактическаго признанія послѣдними равноправности русинской націи. „Дѣло“ съ самаго своего основанія было и остается до сегодня ревностнымъ поборникомъ національно-русинскаго дѣла, за которое оно ведетъ энергическую борьбу съ поляками. Самая приведенная статья представляетъ лишь продолженіе (что видно и изъ многихъ выраженій въ цитированной статьѣ) цѣлаго ряда другихъ, посвященныхъ львовскому процессу, причемъ въ предыдущихъ разсматривается отношеніе къ нему польскихъ властей, печати и общества, противъ которыхъ газета разражается вполне заслуженной ими горячей и страстной полемикой. Нельзя обвинить „Дѣло“ и въ социально-революціонныхъ стремленіяхъ,—обвиненіе, на которое весьма малочисленная, но чрезвычайно задорная и крикливая партія подсудимыхъ такъ же щедра, какъ и наши „охранители“ и которое она постоянно взводитъ на такъ-называемыхъ „народовцевъ“, т.-е. на молодую, чисто народную и народническую русинскую партію, органами которой служатъ общество „Сичъ“, газеты „Проломъ“, „Работникъ“ и прочія. „Дѣло“, органъ партіи „умѣренныхъ“, стоитъ по срединѣ между двухъ только-что упомянутыхъ, и при этомъ необходимо замѣтить — нѣсколько ближе къ первой, чѣмъ къ послѣдней. Отнюдь не признавая своего родного языка лишь „искаженнымъ нарѣчіемъ общерусскаго“, считая его, напротивъ, вполне самостоятельнымъ и способнымъ къ развитію языкомъ; отнюдь не допуская и не позволяя себѣ насильственно уродовать народную рѣчь и насильственно же навязывать народу какой-то невозможный винегретъ, подъ названіемъ „русскаго литературнаго языка“,—„Дѣло“, однакоже, и само старается постепенно и незамѣтно приближаться къ этому языку, вводя гдѣ можно безъ рѣзкой несообразности, русскіе обороты, русскія окончанія, и употребляя правописаніе, гораздо болѣе близкое къ русскому, чѣмъ извѣстная „кулишовка“. Политическій идеалъ его — соединеніе его родного племени „въ купу“, причемъ „Дѣло“ больше имѣетъ въ виду и съ большей симпатіей относится къ Россіи, чѣмъ къ Австріи.

Если даже такая газета, познакоившись во время процесса со всѣмъ объемомъ и со всѣми подробностями дѣятельности подсудимыхъ, пришла въ глубокое негодованіе и сочла необходимымъ про-

честь имъ ту беспощадную отвѣдь, которую мы привели, то можно представить себѣ, что говорятъ и думаютъ люди болѣе крайнихъ направленій. А таковыя, вмѣстѣ съ умѣренными, составляютъ громадное большинство въ Галиціи. Партія, фигурировавшая на судѣ, представляетъ ничтожную группу, не имѣющую рѣшительно никакого вліянія и никакой почвы. Иногда, и то мѣстами, гдѣ приходскій священникъ принадлежитъ къ ней и случайно одаренъ личной энергіей, ей удается на время приманить къ себѣ нѣсколькихъ крестьянъ, рѣдко цѣлую деревню; въ интеллигенціи же, причисля сюда мало-мальски грамотныхъ людей, она совсѣмъ беспочвенна. Если нѣкоторые, весьма немногочисленные, впрочемъ, лица изъ болѣе или менѣе образованнаго круга, въ особенности изъ молодежи, и служатъ этой партіи, то безусловно всегда изъ корыстныхъ цѣлей, и притомъ, это люди самыхъ незавидныхъ нравственныхъ свойствъ. Да и тѣ служатъ, по большей части, лишь до тѣхъ поръ, пока корысть побуждаетъ ихъ къ тому, а какъ только стануть на свои ноги, въ матеріальныхъ условіяхъ существованія, такъ немедленно отвертываются отъ своихъ бывшихъ патроновъ и благодѣтелей. Это вообще отличительный признакъ партіи, что въ ея средѣ почти нѣтъ людей среднихъ лѣтъ, сплошь все либо убѣжденные сѣдинами старика, послѣдніе могилы 1848—9 гг., либо зеленая молодежь, которая, въ огромномъ большинствѣ, такъ и смотритъ, какъ бы ей ускользнуть отъ своей якобы партіи на болѣе свѣжій воздухъ, въ болѣе широкое пространство. Изъ нихъ-то, по большей части, и образовывается контингентъ австрійскихъ чиновниковъ русинскаго происхожденія, потому что этимъ людямъ корысти все равно, кому продать свой народъ: русскимъ, полякамъ или нѣмцамъ, лишь бы цѣна была подходящая. Остальная же русинская интеллигенція не только сторонится отъ упомянутой партіи, но прямо враждебно относится къ ней. И въ этой враждебности виновата не интеллигенція, а сама партія, которая своими дѣйствіями такъ-сказать насильственно вынудила морально здоровую часть русинскаго общества стать къ ней въ открыто непріязненныя отношенія. Будучи носителемъ тѣхъ нравственныхъ и политическихъ идеаловъ, о которыхъ говоритъ статья „Дѣла“, и которые такъ ярко выступили на судебномъ разбирательствѣ, она естественно должна была съ глубокой ненавистью смотрѣть на все живое и свѣжее, на всякое движеніе впередъ. Было время, и это время длилось долго, нѣсколько лѣтъ, когда она только по привычной рутинѣ дѣлала видъ оппозиціи галицкому правительству, а главныя всѣ свои силы посвящала борьбѣ, или, вѣрнѣе сказать, беспощадному гоненію народнической партіи, „народовцевъ“. Неразборчивая на средства, подобно своимъ излюбленнымъ образцамъ —

нашимъ „охранителямъ“, которымъ она поклоняется и старается подражать, партія эта всегда считала клевету и доносъ явный и тайный лучшимъ оружіемъ политической борьбы, оружіемъ, которое она и употребляла съ необыкновенной беззащитчивостью. Натравливаніе полиціи — *польской и австрійско-мадьярской полиціи* — на тѣхъ изъ ея соотечественниковъ русиновъ, которыхъ она считала своими врагами, или даже просто чья дѣятельность ей почему-либо не нравилась, — это натравливаніе было для нея самымъ обычнымъ дѣломъ. Одно время главный органъ партіи, львовское „Слово“ представляло не что иное, какъ сплошной рядъ доносовъ и самыхъ недостойныхъ клеветъ, щедро расточаемыхъ направо и налево.

Что же составляло предметъ непримиримой розни между партіей, органомъ которой служить „Слово“, и „народовцами“, откуда, изъ-за чего страстная ненависть первой къ послѣднимъ? Исключительно изъ-за языка и изъ-за школьнаго вопроса. „Народовцы“ придерживаются чисто народнаго русинскаго, или, что одно и то же, малорусскаго языка и стремятся къ возможно широкому развитію народнаго образованія.

Партія „Слова“ стоитъ за русскій литературный языкъ и — это у нихъ опять черта общая съ нашими „охранителями“ — не желаетъ образованія народной массы, предпочитая оставлять ее на неопредѣленное время въ невѣжествѣ, подъ тѣмъ предлогомъ (какъ и у насъ же), будто школа либо полонизируетъ русинскаго крестьянина, либо нравственно портитъ его, вѣдряя въ него „превратныя понятія“. Можно ли удивляться, что такая дѣятельность партіи „Слова“ возмущала русинское общество и внушила отвращеніе къ ней всѣмъ неискалѣченнымъ нравственно, честнымъ людямъ? Безъ преувеличенія, эта партія принесла бездну вреда истинно русскому дѣлу въ Галиціи, не говоря ужъ о полномъ застоѣ, который она чуть было не вызвала въ галицкомъ національномъ движеніи. Мы очень сожалѣемъ, что размѣры нашей статьи не позволяютъ намъ цитатами изъ самаго редактируемаго г. Площанскимъ „Слова“, изъ воззваній предсѣдательствуемой г. Ад. Добрянскимъ „Русской Рады“ и прочихъ произведеній людей этой партіи — фактически доказать, какъ глетворно было ея дѣйствіе въ этомъ послѣднемъ отношеніи. Но по отношенію къ собственно-русскому дѣлу, замѣтимъ, что такъ-называемая „умѣренная“ партія была первоначально искренно предана Россіи и на нее одну возлагала всѣ свои надежды; но когда партія „Слова“ стала развѣртываться во всей своей красѣ, когда она начала чѣмъ дальше, тѣмъ больше дѣлаться глашатаемъ обскурантизма и политической и соціальной безнравственности, тогда „умѣренные“ отшатнулись отъ нея и стали все сильнѣй и замѣтнѣй превращаться



въ австрійско-русинскихъ автономистовъ. Одинъ изъ вождей „умѣренныхъ“, о. Стефанъ Качала прямо говоритъ въ одномъ изъ своихъ произведеній („Политика поляковъ въ отношеніи Руси“): „Поляки своею несправедливостію сами толкають русиновъ къ Россіи. *Партія умѣренныхъ* (т.-е., какъ объяснено выше, готовыхъ на примиреніе съ поляками) *давно бы не существовало, если бы партія „Слова“ не отталкивала насъ своими тенденціями*“.

И эту-то партію у насъ называютъ „русской“ партіей! Этихъ-то людей, разныхъ господъ Площанскихъ, Наумовичей и братію величаютъ именемъ „глубокихъ патріотовъ“, „истинно русскихъ людей“ и рекомендуютъ намъ ихъ дѣло считать своимъ личнымъ, народнымъ и государственнымъ русскимъ дѣломъ! „Московскія Вѣдомости“, „Русь“ и ихъ приспѣшники до такой степени отождествляютъ ихъ съ нами, что весь львовскій процессъ объявляютъ тяжкимъ оскорбленіемъ Россіи, такимъ оскорбленіемъ, изъ-за котораго въ пору, пожалуй, браться за оружіе. Дошла же вѣдь „Русь“ до того, что объявилъ, будто „судать, повидимому, 11 русскихъ его (императора австрійскаго) подданныхъ, но это только *повидимому*: на скамьѣ подсудимыхъ не 11 галичанъ, а не кто иной какъ сама Россія. Въ государственномъ противъ Австріи преступленіи виновницей объявляется не Ольга Грабаръ и К<sup>о</sup>.—они были только предлогъ и козы отпущенія,—а ни болѣе, ни менѣе, какъ сама Всероссійская держава“.

Россія—подсудимая!.. Всероссійская держава, объявленная преступницей!.. Это само по себѣ колоссальная бессмыслица, могущая вызвать только смѣхъ. Но эта бессмыслица перестаетъ быть смѣшной и принимаетъ характеръ зловерднаго политическаго факта, если мы примемъ во вниманіе, что она, отождествляя Россію съ подсудимыми львовскаго процесса, тѣмъ самымъ возлагаетъ на Россію же и моральную отвѣтственность за всю ихъ, душу возмущающую прошлую дѣятельность. Какія чувства должны питать къ Россіи и русскому народу галицкіе русины, когда ихъ утѣряютъ, будто Россія покровительствуетъ, а русскій народъ составляетъ одно нераздѣльное цѣлое съ ихъ Площанскими, Наумовичами и Добрянскими отцомъ и сыномъ, этимъ пресловутымъ, en effigie возсѣдавшимъ на скамьѣ подсудимыхъ Мирославомъ, къ которымъ они, русины, издавна привыкли относиться не иначе, какъ съ отвращеніемъ? „Русь“ сильно добивалась разрѣшить и въ нѣсколькихъ №№ задавала вопросъ: чего хотѣло достигнуть австрійское правительство, какую цѣль оно имѣло, допуская такую ужаснѣйшую политическую безтактность, какъ львовскій процессъ?—Очень понятно—какую. Оно, очевидно, не имѣло ни намѣренія, ни желанія въ самомъ дѣлѣ повѣсить этихъ людей, обвинявшихся въ государственномъ преступленіи; будь у него самыя

положительныя и неопровержимыя доказательства ихъ измѣны, оно и тогда поостереглось бы воспользоваться ими, чтобы смертной казнью не надѣть на измѣнниковъ вѣнецъ мученичества за народную идею. Ему надо было только обезславить ихъ, разъ навсегда сдѣлать ихъ безвредными для Австріи, убить и ту ничтожную долю вліянія, какую они могли имѣть мѣстами на темную, безграмотную массу. А для этого требовалось только пбказать ихъ всенародно во всей ихъ ничѣмъ не прикрашенной, натуральной красѣ, выставить ихъ измѣнниками не австрійской государственной власти, не престолу Габсбурговъ, а собственному народу и его національному дѣлу. Этой цѣли, какъ доказываетъ приведенная статья „Дѣла“, австрійское правительство достигло вполне. Отнынѣ партія „Слова“ можетъ не считаться дѣятельнымъ факторомъ политической и народной жизни въ Галиціи. Ея вліяніе, слабое и прежде, теперь уничтожено въ конецъ.

Ужели же намъ приличествуетъ хлопотать о томъ, чтобы вмѣстѣ съ нею исчезли безслѣдно и всякія симпатіи русиновъ къ Россіи и русскимъ? Не значило ли бы это прямо играть въ руку Австріи, помогать ея планамъ и цѣлямъ? А такой результатъ совершенно неизбеженъ, если мы будемъ продолжать и впредь относиться къ русинскому дѣлу такъ, какъ дѣлали до сихъ поръ. И можетъ произойти нѣчто еще гораздо худшее, потому что надо же помнить, что галицкіе русины, это—родные, кровные братья нашихъ украинскихъ малороссовъ. Мы видѣли изъ статьи „Дѣла“, что галицкіе русины совсѣмъ не безразлично относятся къ положенію малороссовъ и очень хорошо знаютъ, каково оно; очень натурально, что и наши малороссы также внимательно слѣдятъ за положеніемъ русиновъ и также знаютъ всё его подробности. Мы очень краснорѣчиво толкуемъ о „варварскомъ гнетѣ“ поляковъ надъ русинами, о „невynosимыхъ страданіяхъ племени, которое поистинѣ кость отъ кости нашей и кровь отъ крови нашей“ и т. п. И безспорно—и страданія, и гнетъ дѣйствительно существуютъ; страданія тѣмъ болѣе заслуживающія симпатіи, что имъ подвергается народъ слабый и бѣдный какъ въ матеріальномъ, такъ и въ культурномъ отношеніи; гнетъ, тѣмъ болѣе безнравственный и для всякаго честнаго человѣка отвратительный, что его производятъ поляки, т.-е. нація, которая сама въ другихъ государствахъ представляетъ точно такой же элементъ политически зависимый и подавленный, какъ русины въ Галиціи. Но тѣмъ не менѣе на этомъ гнетѣ и этихъ страданіяхъ все же нельзя основывать никакого политическаго разсчета, ибо онъ непремѣнно окажется построеннымъ на пескѣ. И это по двумъ причинамъ: во-первыхъ, хотя гнетъ и несомнѣнно существуетъ, но

онѣ далеко не достигаетъ такихъ ужасающихъ размѣровъ, какъ у насъ то малюютъ; во-вторыхъ, объ этомъ гнетѣ именно *намъ* по меньшей мѣрѣ странно говорить. Какъ бы ни было плохо положеніе русиновъ въ Австріи, но они все же достигли тамъ національнаго самосознанія, имѣли возможность создать національную русинскую интеллигенцію и вообще выработались въ самостоятельную, правоспособную націю, которая юридически пользуется всѣми предоставляемыми конституціей каждой народности правами и только, благодаря злоупотребленіямъ господствующей національности, не можетъ еще воспользоваться фактически всѣмъ ихъ объемомъ, за что и ведетъ энергическую борьбу съ своими противниками. Все это факты, которыхъ нельзя уничтожить простымъ отрицаніемъ и тѣмъ менѣе преувеличенными россказнями о „гнетѣ“. Ихъ невозможно и игнорировать, и невозможно съ ними не считаться.

Между тѣмъ, проявляемъ ли мы хоть слабые признаки пониманія этого факта, замѣтно ли, чтобъ мы—не говоримъ, считались съ нимъ, но хоть только не игнорировали его? Какъ у насъ говорятъ о многомилліонныхъ „русилахъ“, живущихъ въ предѣлахъ русскаго государства, т.-е. о малороссахъ, которыхъ нѣмцамъ угодно было окрестить именемъ „рутенонъ“ или „русиновъ“? Это лишеніе цѣлаго народа его законнаго, роднаго имени, и замѣна этого имени сочиненной кличкой представляютъ одно изъ яркихъ проявленій того политическаго гнета, существованіе котораго мы вполне признаемъ. Но этотъ обзываемый „рутенами“ народъ въ Австріи еще въ 1878 г. имѣлъ 1.403 народныхъ школъ съ исключительно русинскимъ преподавательнымъ языкомъ и 252 <sup>1)</sup> такъ-называемыхъ тамъ утравкистскихъ, т.-е. со сѣшаннымъ преподаваніемъ, частью на польскомъ, частью на русинскомъ языкахъ (теперь и тѣхъ и другихъ школъ навѣрное больше, такъ какъ количество школъ, вообще каждый годъ увеличивается). Кромѣ народныхъ школъ, русины имѣютъ 6 такъ-называемыхъ „параллелекъ“, т.-е. второразрядныхъ четырехъ-классныхъ училищъ, которыя названы такъ потому, что въ нихъ ведутся параллельные курсы на польскомъ и русинскомъ языкахъ; имѣютъ 3 утравкистскія учительскія семинаріи въ Львовѣ, Тарнополѣ и Станиславовѣ; 2 чисто русинскія гимназіи (обѣ во Львовѣ) и, наконецъ, нѣсколько кафедръ во львовскомъ университетѣ, на которыхъ курсы читаются по русински русинскими профессорами. Кромѣ школъ, они имѣютъ нѣ-

<sup>1)</sup> Эти и всѣ послѣдующія цифры заимствованы нами изъ источника, не могущаго быть заподозреннымъ въ сообщеніи ложныхъ фактовъ, именно изъ цитированной выше книги одного изъ дѣятелей русинскаго возрожденія, о. Ст. Качали. Кстати замѣтимъ, что, по его же свидѣтельству, народныхъ школъ съ польскимъ преподавательнымъ языкомъ въ Галиціи 1213, т.-е. менѣе, чѣмъ русинскихъ.

сколько (отъ 8 до 10) газетъ, которыя, принадлежа различнымъ партіямъ, рвнятся между собой въ направленіи, но безусловно всё проникнуто рѣзкимъ анти-польскимъ духомъ, въ свободномъ выраженіи котораго имъ никто не препятствуетъ, такъ какъ русины пользуются свободой слова въ совершенно той же мѣрѣ, какъ и всё прочіе граждане австрійской монархіи. Въ Львовѣ существуетъ русинскій театръ, пользующійся назначенной ему сеймомъ субсидіей отъ галицкаго правительства. Тамъ же, равно какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ Галиціи и даже въ Вѣнѣ, существуетъ нѣсколько русинскихъ политическихъ обществъ, изъ которыхъ главное — и, надо замѣтить, наиболѣе враждебное полякамъ и всёхъ дѣятельнѣе ведущее національную пропаганду — общество „имени Михаила Качковского“, тоже получаетъ субсидію на изданіе книгъ для народа. Въ судахъ и во всёхъ административныхъ учрежденіяхъ языкъ русинскій употребляется, по крайней мѣрѣ имѣетъ неоспоримое и никѣмъ не подвергаемое сомнѣнію юридическое и фактическое право употребляться наравнѣ съ польскимъ. Хотя послѣдній и считается государственнымъ языкомъ въ Галиціи, но общинныя власти могутъ, если желаютъ и умѣютъ пользоваться предоставляемымъ имъ закономъ правомъ, переписываться съ высшими властями по-русински и требовать отъ нихъ отвѣта на томъ же языкѣ; имѣющие надобность до суда могутъ обращаться къ нему по-русински; почты и телеграфы обязаны принимать русинскіе, написанные кириллицей пакеты и депеши. Не далѣе, какъ въ прошломъ іюлѣ мѣсяцѣ, дирекція галицкихъ почтъ прислала въ львовскую митрополицію консигнаторію, съ предложеніемъ сообщить это всему русинскому духовенству, ею самою разосланный по всёмъ почтовымъ отдѣленіямъ края циркуляръ, еще разъ подтверждающій давнишнее распоряженіе о томъ, чтобы русинскіе языкъ и шрифтъ принимались, какъ равноправные съ польскимъ. Циркуляръ этотъ былъ опубликованъ въ тѣхъ и другихъ газетахъ. Наконецъ, русины имѣютъ своихъ представителей въ галицкомъ сеймѣ и въ имперскомъ парламентѣ. Ихъ относительно мало. Напримѣръ, въ нынѣшнемъ рейхсратѣ всего три русинскіе депутата, и, разумѣется, это не можетъ разсматриваться, какъ достаточное представительство 2 1/2-миліоннаго народа. Но этотъ, созданный уродливой и недобросовѣстной избирательной системой видъ политическаго гнета господствующей національности надъ подчиненными представляетъ общегосударственную язву, отъ которой страдаетъ вся Австрія, а не злостное мѣропріятіе, направленное исключительно противъ русиновъ. При этомъ не лишнее замѣтить, что русины сами виноваты въ существованіи такого порядка вещей, потому что не кто иной, какъ именно они, и притомъ они одни изъ

всѣхъ славянскихъ народовъ Австріи, помогли нѣмцамъ придать силу закона и внести въ конституцію ту избирательную систему, которая служить теперь однимъ изъ главныхъ орудій политическаго давленія противъ нихъ, русиновъ <sup>1)</sup>. Объ этомъ говорить подробно тотъ же Качала.

Какъ русинъ и, вдобавокъ, членъ тогдашняго рейхсрата, почтенный авторъ относится, разумѣется, снисходительно къ своимъ соотечественникамъ и называетъ ихъ дѣйствіе „неполитичнымъ шагомъ“. Но сторонній человекъ, если будетъ судить безпристрастно, едва ли удивится, что поляки это самое дѣйствіе называли „низкой“, названіе, которое вмѣстѣ съ ними повторяютъ и всѣ прочіе австрій-

<sup>1)</sup> Случилось это въ 1861—63 годахъ, когда Австрія только-что приступила къ измѣненію своего стараго абсолютистскаго строя на новый конституціонный. Во главѣ правительства стоялъ тогда полякъ, федералистъ, гр. Голуховскій, а сильной нѣмецкой оппозиціей руководилъ централистъ Шмерлингъ. Благодаря отсутствію въ тогдашнемъ рейхсратѣ депутатовъ венгерскихъ, венеціанскихъ, кроатскихъ и трансильванскихъ (что вмѣстѣ составляло 140 человекъ на 848 общаго числа депутатовъ) и благодаря дружной и стойкой поддержкѣ, которую чехи и поляки оказывали федералистскимъ стремленіямъ правительства (ихъ депутатовъ было 68), нѣмцы одни оказывались въ недостаточномъ количествѣ для постановленія законнаго рѣшенія, но какому бы то ни было вопросу. Русиномъ же, которыхъ было въ то время не три какъ теперь, а 18, поддержали нѣмцевъ. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ Качала:

„Хотя при выборахъ въ 1861 году (тогда было министерство Голуховскаго) и были произведены нѣкоторыя несправедливости, но надо признать, что на сеймѣ поляки выказали умѣренность. Это доброе настроеніе выразилось въ провозглашеніи равноправности русиновъ и особенно въ выборѣ русинскихъ священниковъ депутатами въ рейхсратъ даже въ такихъ округахъ, гдѣ поляки составляли весьма значительное большинство. Но сдѣлано это было съ тѣмъ условіемъ, чтобы во всѣхъ вопросахъ, касающихся интересовъ края, вся галицкая делегація шла всегда единодушно. Тогдашній глава русиновъ, суффраганъ (помощникъ епископа) Литвинюкъ общалъ это и, вслѣдствіе того, былъ избранъ куріей (избирательною коллегіей) крупныхъ землевладѣльцевъ (т.-е. исключительно поляками, значить).

„Нѣмцы, не будучи еще увѣрены, какое положеніе займутъ поляки, и видя, что ихъ стремленія идутъ далеко, воспользовались всегдашними несогласіями въ Галичинѣ. Руководствуясь принципомъ divide et impera, они, чтобы парализовать федералистскія стремленія поляковъ, начали лстать русинамъ, обѣщая помощь русинской національности. Правительство дѣйствительно дало въ скоромъ времени русинскую гимназію въ Львовѣ, русинскія каедрны въ львовскомъ же университетѣ и катехитурны въ Львовѣ, Пржемышлѣ, Самборѣ и др.

„Русины, больше довѣряя правительству, чѣмъ сейму, стали на сторонѣ правительства. Поляки грозили возмездіемъ на сеймѣ; нѣмцы, съ своей стороны, утѣшали, что постановленія львовскаго сейма, неблагопріятныя русинамъ, не будутъ доложены императору для утвержденія. Это былъ, со стороны русиновъ, шагъ очень неополитичный. Не слѣдовало давать предлога полякамъ. Причины раздора, вѣроятно, не пришлось бы долго ждать, но тогда поляки не могли бы оправдывать свой образъ дѣйствій виною русиновъ.

„Съ тѣхъ поръ снова началась борьба!“

скіе славяне, вообще весьма несимпатично съ тѣхъ поръ относящіеся къ русинамъ. Какъ это сознаніе собственной ошибки, такъ и всеобщность страданія должны непремѣнно умѣрять до извѣстной степени горечь обиды, чувствуемой русинами. На людяхъ, говорятъ, и смерть красна, и, понятно, русинамъ было бы въ десять разъ тяжелѣе и нестерпимѣе выносить такой порядокъ вещей, которому во всемъ государствѣ подчинили бы, не въ примѣръ прочимъ, ихъ однихъ.

И такъ, вотъ въ какихъ условіяхъ живутъ „угнетенные“ русины въ Австріи, и она-то именно и дала имъ возможность выработаться въ самосознающую себя націю. А каковы тѣ условія, въ которыхъ живутъ у насъ ихъ родичи? Не приравнивается ли въ иныхъ нашихъ газетахъ почти къ государственному преступленію самая мысль о правѣ ихъ на тѣхъ самобытности, — приравнивается, если не государственною властью, то нашими „охранителями“? Не отрицается ли ими категорически — и это съ страстной яростью — національная особенность малорусскаго племени и не только право на существованіе, но и самый фактъ существованія малорусскаго языка, который объявляется „мѣстнымъ нарѣчіемъ“, „искаженіемъ“, да еще „уродливымъ“, русскаго языка.

Наши условія жизни до того различны отъ австрійскихъ, что совершенно исключительное и потому не особенно выгодное положеніе нашего юга, можетъ быть, не обращало бы на себя такого вниманія и не такъ сильно дѣйствовало бы, если бы мы, по крайней мѣрѣ, умѣли сохранять нѣкоторую скромность и молчать объ извѣстныхъ предметахъ. Но у насъ весьма многіе, и до того многіе, что они составляютъ, къ сожалѣнію, громадное большинство, даже и этого не считаютъ нужнымъ, и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ кричать о „варварскомъ гнетѣ поляковъ“ въ Галиціи, о „невыносимыхъ страданіяхъ“ русиновъ и пр. Еще разъ, — гнетъ этотъ дѣйствительно есть, и въ борьбѣ, которую русины въ Австріи ведутъ съ поляками, симпатіи cadaго честнаго человѣка должны стоять и дѣйствительно стоять на сторонѣ русиновъ. Но, въ виду другихъ положеній, упомянутые крики именно въ нашихъ газетахъ, въ особенности въ устахъ „охранителей“ звучатъ такой горькой и злой насмѣшкой, что она невольно должна глубоко оскорблять и поражать въ самое сердце cadaго понимающаго русина. Изъ статьи „Дѣла“ мы видѣли, что галицкіе русины, въ отвѣтъ на выставленіе передъ ними нашихъ порядковъ, какъ идеала государственнаго и національнаго общежитія, ставятъ вопросъ: „А позвольте узнать, какъ въ этихъ идеальныхъ порядкахъ живетъ нашимъ братьямъ у васъ?“ Ужели же люди, считающіе себя патриотами, призванными блюсти

интересы и цѣдость Россіи, никогда не поймутъ, что нельзя однимъ глазомъ проливать горячія слезы о страданіяхъ небольшой части извѣстнаго народа у сосѣдей, а другимъ зорко слѣдить, чтобы огромная масса этого самаго народа не смѣла даже и въ поминаніи держать, будто она въ самомъ дѣлѣ такой же живой народъ; одной рукой писать громоносныя статьи противъ „угнетателей нашихъ братьевъ“, а другой клеймить именемъ государственнаго измѣнника, заслуживающаго всѣ кары уголовныхъ законовъ, и строчить доносы на каждого, кто займется сказать, что у этихъ братьевъ есть свой собственный языкъ, менѣе отличный отъ великорусскаго, чѣмъ отъ польскаго, но все же отличный и самостоятельный.

Для политическаго сепаратизма Малороссіи не было, нѣтъ и быть никогда не можетъ безусловно никакой почвы, никакого основанія. У малороссовъ съ русскими однѣ историческія традиціи, одна вѣра и, слѣдовательно, во многомъ одинъ складъ понятій; въ нравахъ ихъ много общаго, а языки такъ близки одинъ къ другому, что, предоставленные своему естественному развитію, они неминуемо должны слиться во-едино. Все это такія крѣпкія и прочныя связи, которыя не разрываются никакими политическими фантазіями. Народъ ихъ не приметъ, сколько бы ихъ ему ни навязывали и какіе бы фантазеры съ ними ни носились. Кромѣ того, между землями, населенными малороссами и русскими, нѣтъ ни малѣйшаго подобія естественныхъ границъ. Оба племени живутъ, мѣстами въ перемежку, на плоской равнинѣ, не перерѣзываемой ни горными кряжами, ни рѣками. Наконецъ, общіе экономическіе интересы такъ тѣсно связываютъ ихъ между собой, что политическое разединеніе равно гибельно отразилось бы на тѣхъ и другихъ. Ясно, что всякая рѣчь о сепаратизмѣ просто смѣшна.

Но нѣтъ той смѣшной нелѣпости, которая не могла бы стать источникомъ неисчислимыхъ бѣдствій, если ее сдѣлаютъ орудіемъ политическаго гнета и національнаго гоненія. До сихъ поръ малороссы были такъ же глубоко преданы Россіи, какъ и природные великороссы; но политика, построенная по образцу, придуманному „охранителями“, можетъ въ нихъ эту преданность убить и заставить, по меньшей мѣрѣ, съ пассивнымъ равнодушіемъ относиться къ интересамъ государства, въ которомъ для нихъ, какъ для особаго племени, не находится мѣста, и гдѣ самый фактъ ихъ существованія въ этомъ качествѣ объявляется іезуитско-польско-австрійской интригой. Позвольте малороссамъ оставаться малороссами и они скоро станутъ настоящими русскими не только по имени, но и по существу. Если же ихъ насильственно будутъ обращать въ русскихъ, они всѣ мало-помалу начнутъ величать великороссовъ „москалами“, а сами себя

„украинцами“, какъ это уже и дѣлаетъ небольшая пока группа среди нихъ. Эти выраженія: *украинцы*, *украинофилы*, недаромъ приводятъ въ такое яростное негодованіе господъ „охранителей“. Они хорошо понимаютъ тенденцію, талящуюся въ этихъ названіяхъ и стремящуюся разъ навсегда отнять почву, уничтожить ту игру словъ, или, вѣрнѣе, даже буквъ, при помощи которой малороссы объявляютъ русскими, и на этомъ основаніи не признають за ними никакого права на племенную особность. Плохо, очень плохо будетъ, если вся Малороссія пойметъ истинное политическое значеніе этой игры словъ и начнетъ называть себя Украиной, а свой народъ украинцами. Плохо, очень плохо будетъ, если угнетенная Галиція сдѣлается чѣмъ-то въ родѣ свѣточа или звѣзды, къ которой станутъ обращаться взоры нашихъ наслаждающихся покоемъ и счастьемъ малороссовъ. А это можетъ случиться, если „охранительныя“ тенденціи восторжествуютъ, и отношеніе наше къ малороссамъ не измѣнится. Разумѣется, это не поведетъ прямо къ расчлененію Россіи, — воображаемое стремленіе, которое такъ пугаетъ этихъ господъ; но это можетъ внести въ нее разслабляющій и растлѣвающій ядъ племенной вражды, гражданской междоусобицы, которая, по отношенію къ внутренней жизни государства, немногимъ лучше расчлененія. Наши неразумные „патріоты своего отечества“ изъ подчиненнаго положенія галицкихъ русиновъ сдѣлали себѣ оружіе противъ ненавистныхъ имъ поляковъ. Какъ только въ литературѣ заходитъ рѣчь о примиреніи съ поляками, а еще пуще, когда въ правительственныхъ сферахъ проявляется самонадѣйшая склонность нѣсколько менѣе сурово отнестись къ полякамъ, немедленно со всѣхъ сторонъ поднимается вопль: „Не можетъ быть ни примиренія, ни соглашенія, съ поляками, пока они давятъ и угнетаютъ нашихъ кровныхъ братьевъ русскихъ въ Галиціи!“ Мы живо помнимъ, какъ эту самую фразу повторялъ, вмѣстѣ съ „охранителями“, даже такой во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ почтенный органъ какъ покойная „Молва“. Остережемся же, чтобъ положеніе „нашихъ кровныхъ братьевъ русскихъ на Украинѣ“ не сдѣлалось когда-нибудь, въ рукахъ нашихъ враговъ, такимъ же оружіемъ противъ насъ. „Моск. Вѣд.“ и „Русь“ увѣряютъ, будто австрійское правительство, въ союзѣ съ „непримиримыми“ поляками и теперь ужъ эксплуатируетъ малорусскій вопросъ въ этомъ смыслѣ. Мы думаемъ, что пока это еще плодъ ихъ собственной болѣзненно настроенной фантазіи, призраки, порожденные ихъ нечистой совѣстью. Но нѣтъ ничего невозможнаго, что со временемъ эти призраки воплотятся, и плодъ фантазіи превратится въ фактъ, особенно если господа „охранители“ возобновятъ—какъ повидимому они намѣреваются сдѣлать—гоненіе на „украинофиловъ“. Нечего рассчитывать



при этомъ на непримиримую взаимную ненависть поляковъ и малороссовъ, на ихъ глубокую, вѣковую историческую вражду между собою. Наше время не благоприятствуетъ ни историческимъ враждамъ, ни историческимъ дружбаѣ. Исторія прокладываетъ себѣ новые пути, на которыхъ старые счеты должны быть по-неволѣ брошены, въ виду новыхъ интересовъ, и нигдѣ эта творческая работа исторіи не проявляется такъ рельефно и не совершается съ такой силой, какъ именно въ Австріи. Старый духъ вражды и злобы усиливается помѣнать этой работѣ. Польскіе и австрійскіе ультрамонтаны натравили на русиновъ папу, который выслалъ противъ нихъ іезуитовъ, подѣ предлогомъ реформирования базилианскаго ордена, а австрійское правительство перемѣняетъ персоналъ высшаго духовенства русинскаго. Но и новый духъ не дремлетъ и не терлетъ бодрости. Фактъ безпримѣрный въ исторіи поляковъ: въ ихъ обществѣ нашлись тысячи людей, имѣвшихъ смѣлость открыто протестовать противъ дѣйствій Ватикана и заклеить интриги своихъ клерикаловъ. Въ № 167 краковской газеты „Реформа“ появилось чрезвычайно энергическое, безпощадно суровое письмо одного изъ выдающихся польскихъ депутатовъ и чрезвычайно вліятельнаго въ обществѣ человека, Людвигъ Вольскаго. Въ письмѣ этомъ онъ исторически доказываетъ, что іезуиты были одною изъ главныхъ причинъ упадка Польши; указываетъ на злоредность и пагубность новаго нашествія ихъ на Русь; клеймитъ названіемъ недобросовѣстной и бессмысленной іезуитскую политику „Газеты Народовой“; протестуетъ противъ огульнаго обвиненія всѣхъ русиновъ въ противогосударственныхъ стремленіяхъ, предостерегая поляковъ противъ фальшиваго пути, по которому ихъ ведутъ, и, наконецъ, вымываетъ ко всѣмъ честнымъ и здравомыслящимъ людямъ, чтобы они, кто какъ и сколько можетъ, старались и въ Римѣ, и у австрійскаго правительства, объ отозваніи іезуитовъ отъ возложенной на нихъ миссіи. Поляки, говоритъ Людвигъ Вольскій, должны отречься отъ всякой солидарности съ панской „Singulare Praesidium“, а еслибъ не удалась апелліація „a papa male informato ad melius informandum“, то ужъ лучше пусть оо. вассіліане остаются при теперешнемъ своемъ положеніи, чѣмъ отдавать ихъ въ опеку и въ ученіе къ іезуитамъ. Съ другой стороны, кончаетъ авторъ свое письмо, поляки обязаны рѣшительно измѣнить свою политику относительно русиновъ и сдѣлать ихъ фактически во всѣхъ отношеніяхъ равноправными съ собою въ Галиціи. Вслѣдъ за этимъ письмомъ въ той же газетѣ былъ напечатанъ такой же энергическій „протестъ здравомыслящихъ поляковъ“ противъ призванія іезуитовъ въ вассіліанскій орденъ, протестъ, покрытый нѣсколькими тысячами подписей.

Въ другое время русины отнеслись бы равнодушно къ подобнымъ заявленіямъ и даже, можетъ быть, сочли бы ихъ коварнымъ обманомъ. Но теперь они встрѣтили ихъ очень сочувственно, какъ явленіе хорошее и радостное. Всѣ русинскія газеты, кромѣ ретроградныхъ конечно, перепечатали *in extenso* какъ письмо Вольскаго и „протестъ“, такъ и сопровождавшія ихъ статьи польскихъ газетъ, тогда какъ ни одна, сколько намъ извѣстно, не приводила и *in extracto* безчисленныхъ статей нашихъ „охранителей“ по поводу львовскаго процесса. А ужъ въ нихъ ли, кажется, не изливались потоки нѣжныхъ чувствъ къ русинамъ! Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что и то и другое находится въ непосредственной причинной связи съ тѣми лучезарными идеалами партіи „Слова“ и т. п., съ которыми львовскій процессъ такъ старательно ознакомилъ русинское общество.

Вотъ почему мы думаемъ, что и намъ не слѣдуетъ закрывать глазъ и ушей на тѣ поученія, которыя такъ краснорѣчиво преподаетъ намъ львовскій процессъ. Если мы дѣйствительно искренніе патріоты и хоть сколько-нибудь разумно понимаемъ интересы нашего отечества, то мы обязаны послѣдовать совѣту Людвигъ Вольскаго, и, во-первыхъ, кто какъ и сколько можетъ, противодѣйствовать пагубнымъ стремленіямъ нашихъ газетныхъ „охранителей“, а во-вторыхъ, рѣшительно измѣнить свою политику относительно русскихъ русиновъ, нашихъ украинскихъ малороссовъ. Ихъ желанія, ограничивающіяся всецѣло школьной и литературной сферами, такъ безобидны и умѣренны, что удовлетворить ихъ теперь ничего не стоитъ. Будетъ ли это также и впоследствии, когда охранительная политика принесетъ свои плоды,—это извѣстно одному Богу...

Н. С.



## ГИГИЕНА И ДЕМОГРАФІЯ

НА МЕЖДУНАРОДНОМЪ КОНГРЕССѢ ВЪ ЖЕНЕВѢ, 4—9 СЕНТЯБРЯ 1882 Г.

ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

## I.

Общій характеръ конгресса.—Причины отсутствія нѣмецкихъ ученыхъ.—Отсутствіе представителей Россіи.—Общія собранія конгресса.—Чтеніе Пастера о смягченіи животнаго яда; сущность открытія Пастера; возраженіе Коха.—Сообщеніе Корради о заразительности чахотки; наблюденія Лёде.—Сообщеніе Фаррентраппа о школьныхъ колоніяхъ.—Докладъ Ломбара о вліяніи высотъ.—Сообщеніе Пола Бера.—Докладъ Галтенгофа о слѣпотѣ.—Сочиненія на конкурсъ.—Закрытіе конгресса.

Женевскій гигиеническій конгрессъ, счетомъ 4-й, со времени учрежденія подобныхъ конгрессовъ <sup>1)</sup>, едвали, по справедливости, можетъ быть названъ международнымъ, потому что европейскія національности были представлены на немъ далеко не равномерно. Въ то время, какъ Франція выслала въ Женеву своихъ первыхъ и лучшихъ представителей по гигиенѣ, эпидиміологін и технической гигиенѣ,—германскіе специалисты, видимо и намѣренно, уклонились отъ участія въ немъ, и это отсутствіе нѣмецкихъ представителей науки лишало съѣздъ въ значительной степени того разносторонняго международного характера и значенія, который мы въ правѣ были отъ него ожидать. Если въ числѣ членовъ конгресса и можно было встрѣтить немногія имена крупныхъ представителей нѣмецкой науки, какъ напр., Гирша, Коха и Эйленбурга изъ Берлина, и д-ра Фаррентраппа изъ Франкфурта, то они, за исключеніемъ послѣдняго, присутствовали въ качествѣ нѣмыхъ зрителей и держались въ сторонѣ отъ всякихъ дебатовъ. Къ этому вынуждены они были не самоувѣреніемъ, не личнымъ отношеніемъ свысока къ остальнымъ членамъ съѣзда и къ спорнымъ вопросамъ, а единственно тѣмъ характеромъ отношеній, который сразу установился на засѣданіяхъ. Такъ, хотя конгрессъ допускаетъ по своимъ статутамъ для рефератовъ и преній три языка (французскій, нѣмецкій и англійскій), но едва показывался на трибунѣ нѣмецкій ораторъ и начиналъ говорить на

<sup>1)</sup> 1-й былъ въ 1876 г. въ Брюсселѣ, 2-й въ 1878 г. въ Парижѣ, и 3-й въ 1880 г. въ Туринѣ.

своимъ языкѣ, зала быстро пустѣла, причѣмъ уходящими поднимался такой странный шумъ, что и желавшая слушать публика не могла уловить словъ оратора. Нѣмцы, чувствуя свою численную слабость и личную антипатію къ себѣ, оставляли поле сраженія за французами, а главные представители германской науки совсѣмъ не пріѣхали въ Женеву, вѣроятно, предвидя заранѣе предстоявшія имъ непріятности и чувствительные уколы національному самолюбію. Эта примѣсь политическихъ раздоровъ и страстей не давала установиться равностороннему, во-истину международному обсужденію научныхъ вопросовъ и лишала людей науки должнаго самообладанія, необходимаго для вполне зрѣлаго и разумнаго анализа спорныхъ пунктовъ. Фактъ этотъ представляетъ въ цѣломъ явленіе крайне прискорбное, потому что политическія страсти и національное раздраженіе вносятся именно въ ту нейтральную область общечеловѣческой жизни и развитія, которая имъ должна быть совершенно чужда — и что же, наконецъ, другое, какъ не трезвая наука, должно являться прежде всего примиряющимъ и объединяющимъ звеномъ между цивилизованными націями?

Другое, не менѣе прискорбное впечатлѣніе, вынесенное нами съ сѣзда, касается непосредственно насъ русскихъ: на конгрессѣ можно было встрѣтить не только гигиенистовъ и врачей всѣхъ большихъ европейскихъ странъ, не только были представители отъ правительствъ и ученыхъ обществъ сѣверной и южной Америки, Мексики и Бразиліи, но даже Румыніи, Сербіи и юная Болгарія, только начинающая слагаться въ государственныя формы, каждая имѣла своего делегата, присланнаго для выраженія сочувствія и для ознакомленія съ результатами гигиеническаго сѣзда. Только Россія, одна Россія не была представлена официально, и ни одинъ изъ русскихъ профессоровъ гигиены не счелъ нужнымъ принять участіе въ разработкѣ тѣхъ вопросовъ первостепенной важности, которые были поставлены конгрессомъ. Правда, 4—5 русскихъ, случайно очутившихся въ Женевѣ и на берегахъ Женевского озера, слѣдили за засѣданіями, да д-ръ Сикорскій, получившій особое приглашеніе отъ организаціоннаго бюро, не отказался пріѣхать прямо изъ Петербурга; но этимъ и ограничивалось все участіе Россіи въ международномъ конгрессѣ. А между тѣмъ изъ настоящаго сообщенія, сухого и сжатого, читатели могутъ видѣть, какимъ живымъ интересомъ были полны засѣданія конгресса, и по скольку предложенные на его обсужденіе вопросы касались самыхъ животрепещущихъ и насущныхъ сторонъ гигиены. Но давая этотъ отчетъ, мы просимъ впередъ извиненія за его неполноту, потому что не было никакой возможности слѣдить за многочисленными засѣданіями отдѣленій, имѣв-

шихъ мѣсто одновременно; подробные же протоколы, которые могли бы намъ помочь для пополненія допущенныхъ пробѣловъ, явятся въ печати не ранѣе 3—4 мѣсяцевъ.

Съѣздъ продолжался съ понедѣльника (4-го сентября н. ст.) по субботу (9-е сентября) включительно, при этомъ понедѣльникъ посвященъ былъ торжественному приему членовъ и делегатовъ въ университетъ и официальнымъ рѣчамъ, а четвергъ—прогулкѣ членовъ по Женевскому озеру, занявшей весь день, такъ что собственно засѣданія конгресса происходили во вторникъ, среду, пятницу и субботу. Занятія были распределены такимъ образомъ: въ 9 час. утра начинались засѣданія частныхъ отдѣленій и продолжались до 12 час., въ 2 часа слѣдовало общее засѣданіе конгресса до 4½ час.; отъ 5—6 час. происходило пояснительное чтеніе кѣмъ-нибудь изъ членовъ по той или другой группѣ предметовъ на открытой въ то же время международной гигиенической выставкѣ. Всѣхъ частныхъ отдѣленій было 5: 1) по гигиенѣ общей, международной и административной; 2) по гигиенѣ общественной, военной и госпитальной; 3) по приложенію къ гигиенѣ физики, химіи, архитектуры и инженернаго искусства; 4) по гигиенѣ дѣтской, частной и ветеринарной, и 5) по демографіи и санитарной статистикѣ (отдѣлъ, не существовавшій на прежнихъ конгрессахъ).

Общія засѣданія происходили въ главной залѣ университета, которая съ 2-хъ часовъ наполнялась публикой, особенно многочисленной на 1-мъ и 3-мъ засѣданіяхъ, когда должны были говорить знаменитые французскіе ученые—Пастёръ и Поль Беръ. Предсѣдательствовалъ на всѣхъ общихъ засѣданіяхъ женевскій врачъ Ломбаръ, 78-лѣтній старичекъ, живой, веселый, юркій, котораго одинъ изъ иностранныхъ представителей удачно назвалъ олицетворенной гигиеной. Первое засѣданіе посвящено было чтенію Пастеромъ своей статьи „о смягченіи животнаго яда“. Тамъ эта, разработкѣ которой Пастёръ отдалъ исключительно послѣдніе три года своей ученой дѣятельности, вызываетъ живѣйшій интересъ во всей Европѣ, вслѣдствіе огромной практической ея важности въ примѣненіи къ скотоводству—и, если только опытъ вполне оправдываетъ предположенія Пастера, то имя его будетъ поставлено на ряду съ величайшими благодѣтелями человѣчества. Сущность открытія Пастера заключается въ слѣдующемъ: причина ужасной эпидеміи животныхъ, сибирской язвы, истребляющей огромное количество скота ежегодно, лежить въ особомъ микроскопическомъ паразитѣ, обращающемся въ крови зараженнаго животнаго и легко переходящаго не только на другихъ особей животныхъ, но и на человѣка; паразитъ этотъ открывается легко посредствомъ микроскопа. Кровь зараженнаго жи-

вотнаго, привитая совершенно здоровому животному, вызывает у послѣдняго явленія сибирской язвы и причиняетъ скорую смерть. Пастёру, путемъ длиннаго ряда опытовъ надъ этимъ паразитомъ, удалось найти, что, подвергая его вліянію разныхъ степеней температуры, можно привести въ состояніе, въ которомъ онъ будетъ играть такую же предохранительную роль, какую имѣетъ прививаніе оспеннаго яда, какъ предохраняющее средство отъ оспы. Паразитъ сибирской язвы, подвергнутый вліянію температуры въ 43° Ц. въ бульонной жидкости и потомъ сохраняемый при свободномъ доступѣ атмосфернаго воздуха, утрачиваетъ по столько свою ядовитую силу, что, будучи привитъ здоровому животному, онъ вызоветъ у него только явленія слабаго скоротечнаго отравленія и тѣмъ самымъ уничтожитъ въ животномъ воспримчивость къ смертельной заразѣ, т.-е. предохранитъ его въ случаѣ появленія эпидеміи; подвергнутый болѣе высокой температурѣ, паразитъ теряетъ способность размножаться спорами, умираетъ, и прививка его не вызываетъ у животнаго никакихъ явленій, но за то и не спасаетъ отъ эпидемическаго зараженія. Обработанный паразитъ обладаетъ своею продолжительною силою только подъ непремѣннымъ условіемъ сохраненія его при свободномъ доступѣ воздуха, причѣмъ съ каждымъ днемъ онъ утрачиваетъ степень своей заразительности и, наконецъ, тоже умираетъ; обработанный же, но сохраняемый въ запаянныхъ стеклянныхъ трубочкахъ, паразитъ сохраняетъ свою ядовитость, и прививка его причиняетъ смерть животнаго, такъ что вліяніе воздуха на обработанный паразитъ есть непремѣнное условіе пастёровскаго способа смягченія животнаго яда и приданія ему предохранительной силы. Проверка способа Пастёра производилась въ большихъ масштабахъ, преимущественно на овцахъ и частью на быкахъ, во Франціи, Венгріи, Пруссіи и Италіи. Для этого выбиралось опредѣленное число животныхъ, половинѣ которыхъ прививался смягченный пастёровскимъ способомъ ядъ, другая же половина оставалась для контроля безъ прививки, и потомъ черезъ нѣкоторое время обѣимъ половинамъ дѣлалась прививка нормальнаго не обработаннаго яда, и результаты въ большинствѣ случаевъ оправдали наблюденія Пастёра, т.-е. животныя съ привитымъ обработаннымъ ядомъ оставались или совершенно здоровыми, или, если и захварывали сибирскою язвою, то въ легкой формѣ и большею частью скоро поправлялись, тогда какъ контрольная половина, послѣ прививки, получала тяжелую сибирскую язву и почти вся безъ исключенія погибала. Однако, результаты, какъ лабораторныхъ изслѣдованій Пастёра, такъ и этихъ практическихъ опытовъ были, какъ видно, не вполне чисты и доказательны, ибо важность самаго от-

крытія была подвергнута критикѣ и сомнѣнію со стороны такого крупнаго авторитета, какъ берлинскій проф. Кохъ (приобрѣвшій недавно огромную извѣстность своимъ открытіемъ паразита чахотки) и учениковъ его школы. Возраженію этимъ оппонентамъ и была посвящена часть статьи Пастера. Далѣе, онъ сообщилъ, что въ декабрѣ 1880 года ему удалось найти и подтвердить дальнѣйшими опытами впослѣдствіи, что слюна умершихъ отъ водобоязни людей, привитая кроликамъ, причиняетъ послѣднимъ смерть, причемъ въ крови павшихъ животныхъ встрѣчается особый спеціальнѣйшій паразитъ, также доступный культурѣ, какъ и паразитъ сибирской язвы, но только при нѣсколькихъ видоизмѣненныхъ приѣмахъ (такъ, лучшая среда для культуры послѣдняго паразита есть телѣчій бульонъ) и который въ дальнѣйшей своей обработкѣ предохраняетъ кроликовъ отъ смерти при прививкѣ необработаннаго паразита водобоязни. Наконецъ, въ 1881—1882 годахъ Пастеръ нашелъ, что носовая слюна тифозныхъ лошадей, привитая кроликамъ, причиняетъ послѣднимъ смертельный тифъ, вызывая притомъ появленіе у нихъ въ крови особаго паразита, подлежащаго также дальнѣйшей культурѣ, которая въ конечномъ результатѣ даетъ смягченіе яда, т.-е. обработанный ядъ перестаетъ при прививкѣ заражать кроликовъ тифомъ, а, напротивъ, получаетъ способность предохранять ихъ отъ заразы. Важность этихъ послѣднихъ открытій, въ виду ихъ недавняго, а потому недостаточнаго изученія, можетъ быть опредѣлена только въ будущемъ. Сопоставляя результаты своихъ опытовъ надъ четырьмя разными паразитами, или микробами: 1) холеры курицъ (паразитъ, прежде всѣхъ другихъ открытъ Пастеромъ), 2) сибирской язвы, 3) водобоязни и 4) тифа лошадей,—Пастеръ утверждаетъ, что общій методъ для смягченія животныхъ ядовъ найденъ, и что приложеніе его должно только видоизмѣняться, сообразно съ физиологическими свойствами каждаго спеціальнаго паразита въ частности.

По окончаніи прочтання Пастеромъ рѣчи, потребовалъ слова проф. Кохъ и объяснилъ на нѣмецкомъ языкѣ, что онъ считаетъ неудобнымъ поднимать диспутъ съ Пастеромъ на конгрессѣ, потому что послѣдній не говоритъ по-нѣмецки, а онъ Кохъ не владѣетъ французскимъ языкомъ, и потому предпочитаетъ отвѣчать въ печати; въ заключеніе, Кохъ прибавилъ, что, пріѣхавши на конгрессъ, ожидалъ услышать отъ Пастера что-нибудь новое; но, выслушавъ только что прочтенную статью, вполне въ томъ разочаровался, и притомъ не можетъ не замѣтить, что считаетъ самый предметъ работъ Пастера не имѣющимъ прямого отношенія къ гигиенѣ. Кохъ, видимо, былъ взволнованъ, и свою коротенькую рѣчь произнесъ очень запальчиво, а заключительными словами вызвалъ явное неодобреніе и про-

тесты со стороны, какъ членовъ конгресса, такъ и публики. Очевидно, такое заключеніе могли подсказать только сильное раздраженіе и необдуманность, ибо, съ одной стороны, всякій хорошо понималъ всю важность разрабатываемаго Пастёромъ вопроса для гигиены, а, съ другой, можно оспаривать существованіе паразитовъ водобоязни и лошадиного тифа, но нельзя утверждать, чтобы это открытіе было не ново, такъ какъ оно нигдѣ еще не было сообщено съ такими подробностями, какія далъ Пастёръ на конгрессѣ.

Послѣ того проф. Павійскаго университета Сормани разсказалъ объ результатахъ произведенныхъ прививокъ сибирской язвы, по способу Пастёра въ Италіи, въ общемъ итогѣ весьма удовлетворительныхъ, хотя и бывали единичные случаи, гдѣ овцы съ привитымъ обработаннымъ ядомъ тѣмъ не менѣе пали, когда имъ была привита сибирская язва. На это Пастёръ возразилъ, что, во-первыхъ, не выяснено, пали ли эти животныя отъ сибирской язвы, а не отъ гнилостного зараженія крови (септицеміи), и, во-вторыхъ, что всѣ павшія овцы принадлежатъ къ породѣ мериносовъ, а эта порода, какъ болѣе нѣжная, требуетъ нѣсколько видоизмѣненной обработки предохранительнаго яда. Въ заключеніе, Пастёръ, принявъ предложеніе Коха перенести споръ въ печать, сказалъ, что онъ и самъ не считаетъ свое открытіе окончательно разработаннымъ и констатируетъ только факты возможности предохраненія отъ сибирской язвы, основывая ихъ не исключительно на своихъ лабораторныхъ изслѣдованіяхъ, а уже на крупныхъ цифровыхъ данныхъ, полученныхъ при опытахъ въ большихъ размѣрахъ и въ разныхъ государствахъ. Замѣтимъ вскользь, что на этомъ же засѣданіи какой-то генуэзскій врачъ Баллестрери выступилъ оппонентомъ паразитарной теоріи болѣзней вообще и истолкованія опытовъ Пастёра въ частности, но несерьёзность его доводовъ и шутовская манера говорить сдѣлали его появленіе на трибунѣ—просто комическимъ дивертиссементомъ, временно нарушившимъ солидное настроеніе собранія.

Второе общее засѣданіе конгресса занято было вопросомъ о *заразительности чахотки* съ точки зрѣнія исторіи и общественной гигиены. Чтобы упростить его обсужденіе, докладчикъ проф. Коррадини изъ Павіи составилъ тринадцать тезисовъ, которые и прочиталъ послѣдовательно одинъ за другимъ, предлагая конгрессу высказаться по поводу cadaго. Сущность доклада заключалась въ слѣдующемъ: заразительность чахотки признавалась въ древности какъ публикой, такъ и врачами, и этотъ взглядъ господствовалъ до начала нынѣшняго столѣтія, первая половина котораго, выдвинувъ впередъ анатомо-патологическія изслѣдованія, оставила при этомъ въ тѣни вопросы этиологическіе и привела къ отрицанію заразительности этой



болѣзни. Только въ послѣдніе годы экспериментальная патологія снова занялась даннымъ вопросомъ и, прививкою туберкулезныхъ продуктовъ, дала опору ученію о заразительности чахотки. Въ настоящее же время стараются доказать (проф. Кохъ), что сущность чахотки заключается въ особомъ паразитѣ (*bacillus*), легко передаваемомъ отъ одной особи къ другой. Задача клиническаго наблюденія—рѣшить этотъ вопросъ, поставленный столь точно опытомъ, и связать новое ученіе о заразительности съ предрасположеніемъ и наследственностью. Въ ожиданіи этого рѣшенія, гигиена обязана относиться къ чахоткѣ какъ къ болѣзни, способной передаваться отъ одного лица другому при извѣстныхъ условіяхъ, и потому должно предложить мѣры для противодѣйствія передачи ея посредствомъ сожителства, посредствомъ употребленія въ пищу мяса и молока чахоточныхъ животныхъ, посредствомъ прививки оспы. Въ заключеніе, Корради совѣтовалъ устройство особыхъ чахоточныхъ госпиталей, или, по крайней мѣрѣ, отдѣльныхъ павильоновъ для чахоточныхъ. — Занявшій потомъ трибуну, директоръ медицинской школы въ Руанѣ Лёде представилъ выводъ изъ наблюденій надъ 125-ю чахоточными семьями; наблюденія эти касались нѣсколькихъ поколѣній одной и той же семьи и обнимали болѣе полустолѣтія, благодаря тому обстоятельству, что отецъ оратора былъ также врачомъ въ Руанѣ и тоже велъ правильную и точную статистику въ своей практикѣ. Выводы эти говорятъ въ пользу заразительности чахотки и кромѣ того констатируютъ, что передача чахотки совершается чаще отъ мужа—женѣ, чѣмъ отъ жены—мужу. — Парижскій проф. Валленъ энергически возставалъ противъ полнаго изолированія чахоточныхъ больныхъ въ отдѣльные госпитали и павильоны, такъ какъ заразительность чахотки, хотя и вѣроятная, далеко не вполне доказана, а потому не оправдываетъ строгаго отдѣленія пораженныхъ ею; дѣло гигиены—прежде всего заботиться объ отдѣленіи больныхъ несомнѣнно заразительныхъ, какими представляются сыпные, дифтеритическіе и т. п., и только когда она достигнетъ въ этомъ отношеніи полнаго успѣха, можно поднимать вопросъ и объ устройствѣ специальныхъ больницъ и павильоновъ для чахоточныхъ. Нѣсколько послѣдующихъ ораторовъ (Любельскій изъ Варшавы, Смитъ изъ Лондона, Ландовскій изъ Алжира, Феликсъ изъ Вухареста и др.) допускаютъ отдѣленіе чахоточныхъ, но съ большою осторожностью, потому что такое отдѣленіе можетъ слишкомъ вредно вліять на больныхъ нравственно, признавая ихъ завѣдомо неизлечимыми, и лишать преждевременно дѣятельной жизни, тогда какъ можно привести много примѣровъ, когда чахоточные, нося въ себѣ уже несомнѣнные признаки болѣзни, ознаменовывали себя важными заслугами на пользу общества.

Кромѣ того обсуждалось мнѣніе о запрещеніи врачами браковъ между чахоточными, и это запрещеніе признано необходимымъ только въ случаяхъ несомнѣнно развитой болѣзни.

Второй докладъ этого засѣданія принадлежалъ маститому франкфуртскому гигиенисту Фаррентраппу и имѣлъ предметомъ *устройство школьныхъ колоній во время лѣтнихъ вакацій*. Колоніи эти, несмотря на свое недавнее существованіе (около 7 лѣтъ), быстро привились въ Швейцаріи, Италіи и особенно Германіи и продолжаютъ размножаться съ каждымъ годомъ, благодаря очевидно успѣшнымъ результатамъ. Подъ именемъ школьныхъ колоній разумѣтся посылка недостаточныхъ дѣтей школьнаго возраста, задержанныхъ въ физическомъ развитіи, на прѣмѣ ихъ вакацій, т.-е. на двѣ—четыре недѣли, въ здоровую сельскую мѣстность, лучше всего, если есть по близости, въ горы или на берегъ моря. Колоніи эти состоятъ изъ группъ въ 10—15 дѣтей подъ руководствомъ учителя или учительницы и устрояются въ просторной, хорошо вентилированной квартирѣ; дѣти пользуются достаточной питательной пищей (хорошимъ молокомъ) и наивозможно большимъ движеніемъ на вольномъ воздухѣ, ежедневно купаются, или же всѣ утромъ, при вставаніи, обтираются мокрымъ полотенцемъ или губкою. Несмотря на кратковременность такой жизни, наблюденія надъ пятью швейцарскими и 12 нѣмецкими колоніями, за пять лѣтъ, показали, что дѣти не только дѣлаются живѣе и свѣжѣе, не только выигрываютъ отъ 1—3 фунт. въ вѣсѣ и отъ 1—2 сантиметровъ въ ростѣ, но, по отзывамъ наставниковъ, пребываніе въ колоніи отзывается благопріятно и на ихъ нравственныхъ качествахъ. Въ колоніи слѣдуетъ отбирать дѣтей небогатыхъ и только болѣзненныхъ; больные же или такіе выздоравливающіе, которые требуютъ особаго за собой ухода, наблюденія врача, перемѣнъ леченія и лекарствъ, не подходятъ подъ категорію отсылаемыхъ въ колонію. Къ этому докладу одинъ итальянскій врачъ добавилъ наблюденія надъ итальянскими колоніями, давшими еще болѣе блестящіе результаты относительно физическаго укрѣпленія дѣтей, прибавки въ вѣсѣ и т. д., можетъ быть вслѣдствіе того, что Италія, благодаря своей топографіи, располагаетъ для устройства дѣтскихъ колоній повсемѣстной близостью моря; пребываніе же на морскомъ берегу особенно благотвѣтельно вліяетъ на дѣтскій организмъ.

Третье общее засѣданіе было занято докладомъ предсѣдателя конгресса Ломбара о *гигиеническомъ, физиологическомъ и терапевтическомъ вліяніи высотъ*. Докладъ этотъ былъ сведенъ къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) недостатокъ кислорода вслѣдствіе разрѣженія воздуха на высотахъ можетъ причинить задушеніе (асфиксію), если организмъ

не восполнить этотъ недостатокъ вдыханіемъ кислорода; 2) горная болѣзнь (головокруженіе, головная и мышечныя боли, общая слабость и проч.) зависитъ главнымъ образомъ отъ уменьшенія кислорода въ атмосферѣ; это уменьшеніе тѣмъ чувствительнѣе, что организмъ при усиленной и напряженной мышечной работѣ во время подъема на горы, потребляетъ большее количество кислорода и, слѣдовательно, требуетъ его для себя больше, чѣмъ въ состояніи покоя; 3) дыханіе и кровообращеніе ускоряются по мѣрѣ подъема на горы; выдыханіе же угольной кислоты увеличивается только до извѣстной высоты, приблизительно между 1,500—2,000 метровъ; выше же того уменьшается въ прямомъ отношеніи къ высотѣ; 4) на высотѣ, большей чѣмъ 2,000 метровъ, несмотря на ускореніе дыханія и кровообращенія, недостатокъ кислорода вызываетъ конституціональное малокровіе, которому д-ръ Журданне далъ названіе аноксеміи; на высотахъ усиливаются пищевареніе, мышечная дѣятельность и пониженіе температуры и тѣмъ ускоряется выдыханіе угольной кислоты; 6) пребываніе на высотахъ не только учащаетъ вдыханія, но и дѣлаетъ ихъ болѣе глубокими, отчего увеличиваются и емкость грудная и самые размѣры грудной кѣтки; 7) временное или постоянное пребываніе на среднихъ высотахъ, не превосходящихъ 2,000 метровъ, обнаруживаетъ укрѣпляющее вліяніе на всѣ отправленія; 8) большія (въ Америкѣ) и среднія (въ Европѣ) высоты имѣютъ предупреждающее и цѣлебное вліяніе на легочную чахотку. Эти положенія Ломбаръ подробно развивалъ, ссылаясь на опыты Поля Бера, наблюденія Журданне, Марсе и другихъ, на успѣхи горнаго леченія за послѣднее время и на блестящіе результаты, полученныя въ Давосѣ, С.-Морицѣ (въ Швейцаріи), въ Скалистыхъ горахъ Америки и т. д.—

Полю Беру, появленіе котораго на трибунѣ вызвало сочувственными рукоплесканія, началъ съ того, что онъ вполне присоединяется къ мнѣнію Ломбары и по существу ничего не имѣетъ прибавить къ положеніямъ, предложеннымъ послѣднимъ. Потомъ онъ перешелъ къ описанію своихъ опытовъ надъ самимъ собою и надъ своими учениками подѣ вліаніемъ разрѣженного воздуха въ герметически запертой комнатѣ, изъ которой воздухъ выкачивался насосомъ; здѣсь, кромѣ поминovanýchъ припадковъ, причиняемыхъ разрѣженіемъ атмосферы, онъ указалъ еще на крайнее мозговое ослабленіе, невозможность думать и соображать и на полную слѣпоту, которыя онъ наблюдалъ надъ собою, какъ слѣдствія недостаточнаго окисленія крови, и на ту необыкновенную быстроту, съ какою возвращаются и зрѣніе, и мыслительныя способности при первыхъ же вдыханіяхъ чистаго кислорода. Всѣмъ болѣе или менѣе памятна трагическая судьба воздухоплавателей Сивеля, Кроче-Спинелли и Тиссандье, которая ихъ по-

стигла около половины 1870 годовъ; эти отважные ученые уже разъ поднимались на высоту 7,500 метровъ и, снабженные Полемъ Беромъ 30-ю фунтами кислорода, они при первомъ ощущеніи на себѣ вліянія разрѣженной атмосферы, быстро возстановили свои силы вдыханіемъ кислорода и благополучно спустились на землю. Это ихъ поощрило къ дальнѣйшимъ опытамъ, и въ слѣдующемъ же году они подыались еще выше, до вышины въ 8,400 метровъ, но это путешествіе кончилось страшной катастрофой: отъ быстрого ли подъема шара, или же отъ недостатка взятаго съ собою кислорода, Сивель и Спинелли задохлись въ разрѣженной атмосферѣ, и опустившійся на землю шаръ доставилъ ихъ трупы и полуживого Тиссандье, который не могъ рассказать никакихъ подробностей о происшедшемъ и помнилъ только одно, какъ онъ, вдругъ почувствовавъ, что пересталъ видѣть окружающіе предметы, сообразилъ, что эта слѣпота зависитъ отъ разрѣженія окружающаго воздуха, хотѣлъ было поднять правую руку къ трубкѣ отъ висѣвшаго надъ головой резервуара кислорода, но не былъ въ состояніи этого сдѣлать, ибо рука была парализована, затѣмъ больше онъ ничего не помнилъ. Далѣе Поль Беръ говорилъ о приспособленіи человѣка и домашнихъ животныхъ къ высотамъ; такъ, въ горахъ южной Америки замѣчено, что мулы, приведенные изъ долинъ, первое время теряютъ свою силу и страдаютъ горнымъ малокровіемъ, но въ послѣдствіи силы ихъ вполне возвращаются, и они могутъ работать не меньше, чѣмъ въ низменныхъ мѣстностяхъ. Какъ у людей, такъ и у животныхъ, размѣры грудной кѣтки отъ жизни на высотахъ увеличиваются, а изслѣдованная Полемъ Беромъ кровь животныхъ, убитыхъ въ американскихъ горныхъ вершинахъ, давала нормальный процентъ кислорода въ гемоглобинѣ. Все это указываетъ на легкую приспособляемость человѣка къ разрѣженному воздуху, и, на этомъ основаніи, Поль Беръ не раздѣляетъ мрачнаго предсказанія геологовъ, которые говорятъ, что усиленіе внутреннего земного огня повлечетъ за собою разогрѣваніе земной коры и вслѣдствіе того такое разрѣженіе воздуха на ея поверхности, что жизнь человѣка и животныхъ должна быстро прекратиться; по мнѣнію же Поля Бера, живые организмы будутъ еще въ состояніи долго приспособляться и жить въ разрѣженной атмосферѣ, такъ какъ разрѣженіе будетъ происходить медленно и прогрессивно. Этимъ и закончилъ свою блестящую рѣчь Поль Беръ; публика, утомленная отъ напряженія вниманія, вяло прослушала два послѣдующія сообщенія докторовъ—Марсе изъ Лондона и Мейера-Гюни изъ Цюриха, касавшіяся обсуждаемаго вопроса, и которые между прочимъ указывали на необходимость при назначеніи горнаго воздуха съ врачебною цѣлью не ограничиваться одною высотой отъ

1000 до 2000 метровъ, а также брать во вниманіе сухость атмосферы и постоянство температуры въ избираемой мѣстности.

Четвертое и послѣднее общее засѣданіе конгресса открылось докладомъ женеваго окулиста Галтенгофа о *слѣпотѣ*, изучавшаго причины ея на 311,000 слѣпыхъ въ Европѣ. Причины эти, главнѣйшимъ образомъ, сводятся на плохое леченіе близорукости, пренебреженное нагноеніе вѣкъ и на послѣдствія такихъ сынныхъ формъ, какъ корь, скарлатина, оспа и др.; можно принять, что на 100 слѣпыхъ — 75 потеряли зрѣніе вслѣдствіе недостаточнаго попеченія о глазахъ. Этотъ выводъ самъ по себѣ настолько внушителенъ, чтобы обязать конгрессъ посвятить вопросу о слѣпотѣ особенное вниманіе, что и выразилось въ открытіи конкурса по этому предмету. Д—ръ Ротъ изъ Лондона изложилъ планъ этого конкурса, составленнаго однимъ англійскимъ обществомъ и имѣющаго особенно въ виду изученіе практическихъ мѣръ для предупрежденія слѣпоты; за этотъ трудъ присуждается премія въ 2,000 франковъ, которая и будетъ выдана на слѣдующемъ конгрессѣ на основаніи заключенія комиссіи, составленной изъ 11 глазныхъ врачей разныхъ государствъ. Затѣмъ слѣдовало заключеніе д—ра Фовеля изъ Парижа о *конкурсахъ*, назначенномъ на предыдущемъ конгрессѣ, на *сочиненіе о истребленіи деревъ*; премія въ 2,500 франковъ присуждена комиссіею единогласно бордоскому профессору Лэе (Layet), представившему сочиненіе „гигіена и болѣзни сельскаго населенія“. Потомъ прослушанъ былъ докладъ о международной гигиенической выставкѣ, имѣвшей мѣсто во время конгресса въ Женевѣ, и приняты для обсужденія на будущемъ конгрессѣ: 1) предложеніе одного изъ отдѣленій, „чтобы всѣ правительства устранили законодательныя препятствія для добровольнаго сожиганія покойниковъ“, и 2) предложеніе другого отдѣленія, „чтобы всѣ поддѣлки жизненныхъ припасовъ были предметомъ строжайшаго административнаго преслѣдованія“. Мѣстомъ будущаго гигиеническаго конгресса выбрана, по предложенію д—ра фонъ Овербека-Мейера, Голландія и именно городъ Гаага. Въ заключеніе конгрессъ выразилъ признательность за пріемъ городу Женевѣ, мѣстнымъ властямъ, президенту Ломбару, главному секретарю конгресса профессору гигиены Дювану, и, послѣ нѣсколькихъ прощальныхъ словъ президента, конгрессъ былъ закрытъ.

## II.

Засѣданія отдѣленій конгресса.—Предметы засѣданій перваго отдѣленія: о вліаніи пилигримства въ Мекку на распространеніе холеры; объ этиологіи и предупрежденіи тифа; объ алкоголизмѣ; о воскресномъ отдыхѣ съ гигиенической точки зрѣнія.

Прежде чѣмъ обратиться къ отчету о частныхъ засѣданіяхъ по отдѣленіямъ, изъ которыхъ только нѣкоторыя намъ удалось прослѣдить довольно аккуратно, мы перечислимъ всѣ вопросы, предложенные на обсужденіе отдѣленій конгресса, и изъ этого перечня читатель можетъ видѣть, какъ разнообразны и въ то же время существенны были предметы, занимавшіе съѣздъ. Въ первомъ отдѣленіи должны были обсуждаться: 1) вліаніе пилигримства въ Мекку на распространеніе холеры въ Европѣ, 2) причины тифа и предупредительныя противъ него мѣры, 3) алкоголизмъ, 4) воскресный отдыхъ съ гигиенической точки зрѣнія, 5) мукоринны, 6) желтая горячка въ международной гигиенѣ, 7) международныя предупредительныя мѣры противъ болѣзней вообще, 8) предупрежденіе целлагры, 9) принципы санитарной администраціи въ Англіи, 10) санитарная администрація въ различныхъ государствахъ. Во второмъ отдѣленіи были поставлены вопросы: 1) дезинфекція комнатъ больныхъ, пораженныхъ разными болѣзнями, 2) дезинфекція лицъ, 3) сжиганіе покойниковъ, 4) выборъ мѣста для кладбищъ, 5) врачебная статистика смертности въ войскахъ, 6) вліаніе дурной обуви и средства къ ихъ предупрежденію, 7) приморскія лечебницы для дѣтей, пораженныхъ золотухою и англійскою болѣзью, 8) госпитальные бараки, 9) зараженіе въ госпиталяхъ, 10) предупрежденіе дифтерита, 11) школы для санитаровъ. Въ третьемъ отдѣленіи: 1) удаленіе нечистотъ пневматическимъ способомъ и канализаціею, 2) лучшіе способы отопленія и вентиляціи жилищъ рабочихъ, 3) гигиеническія мѣры въ частныхъ жилищахъ, 4) отравленія продуктами, вводимыми ежедневно и въ малыхъ количествахъ, 5) свинцовое отравленіе, 6) вода, употребляемая для питья и вліаніе на нее фильтровъ, 7) гніеніе животныхъ веществъ и развивающіеся при томъ продукты, 8) выгоды и неудобства проникаемости стѣнъ въ домахъ, 9) метеорологическія изслѣдованія и гигиена. Въ четвертомъ отдѣленіи: 1) вліаніе школьныхъ программъ на здоровье дѣтей, 2) необходимость во всѣхъ странахъ назначенія школьныхъ врачей и обязанности послѣднихъ, 3) леченіе накожныхъ паразитныхъ болѣзней въ школахъ, 4) причины, затрудняющія воспитаніе дѣтей, 5) нѣсколько наблюденій по школьной гигиенѣ, 6) уклоненіе въ формѣ тѣла во время школьнаго періода, 7) международныя предупредительныя мѣры противъ водобоязни, 8) причины сапа,

9) коровье молоко, какъ суррогатъ женскаго молока. Наконецъ, пятое отдѣленіе было всецѣло посвящено демографіи, въ первый разъ присоединенной къ гигиеническому конгрессу.

Вотъ, съ какимъ объемистымъ багажемъ стѣхались гигиенисты всѣхъ странъ въ Женеву, и, конечно, не было никакой возможности справиться съ такой программой въ теченіе четырехъ, посвященныхъ ей обсужденію утръ, а потому и неудивительно, что до многихъ изъ вопросовъ совсѣмъ не дошла очередь, а иные были только слегка затронуты и не успѣли подвергнуться должному обстоятельному обсужденію.

Первый докладъ, который намъ пришлось выслушать въ первомъ отдѣленіи, принадлежалъ члену парижской медицинской академіи д-ру Пру (Proust) „о вліяніи пилигримства въ Мекку на распространеніе холеры въ Европѣ“. Докладчикъ доказывалъ, что холера не зарождается въ Геджадѣ, но что, несомнѣнно, Мекка представляетъ изъ себя центръ для усиленія и разсѣянія эпидеміи. Опасность занесенія ея въ Европу особенно увеличилась съ тѣхъ поръ, какъ парусныя суда были замѣнены пароходами. Мѣры противъ этого занесенія морскимъ путемъ, предложенныя константинопольскою конференціею и утвержденныя вѣнскою, прежде всего принимаются до отплытія пилигримовъ, причемъ осматривается всякій отходящій пароходъ, нѣтъ ли на немъ переполненія пассажирами, и нѣтъ ли между ними больныхъ холерою; достаточенъ ли на пароходѣ запасъ воды и жизненныхъ припасовъ и снабженъ ли всякій пилигримъ достаточнымъ количествомъ денегъ, чтобы прокормиться въ пути. Если, несмотря на эти предосторожности, все-таки на пароходѣ во время плаванія разовьется холера, то необходима въ Красномъ морѣ хорошо организованная система надзора и карантина, чтобы предохранить главнѣйшимъ образомъ отъ эпидеміи Египетъ, ибо, съ появленіемъ ея въ послѣднемъ, вся Европа подвергается огромному риску занесенія холеры, по причинѣ постоянныхъ сношеній Египта съ портами Средиземнаго моря. Особенно мѣры эти должны строго примѣняться къ плохо содержимымъ пароходамъ, доставляющимъ пилигримовъ изъ Джедды въ Суецъ. Строгое соблюденіе этихъ мѣръ блестящимъ образомъ оправдалось въ 1872, 1877 и 1881 годахъ и спасло Европу отъ холеры, свирѣпствовавшей тогда между пилигримами; такъ, въ 1881 г. въ августѣ холера появилась въ Аденѣ, а въ сентябрѣ развилась въ Меккѣ, будучи ввезена пилигримами того самаго парохода, который занесъ эпидемію въ Аденъ; тогда александрійскій международный совѣтъ настоялъ, чтобы египетское правительство устроило для судовъ, возвращающихся изъ Мекки, карантинъ въ Эль-Уеджѣ на Красномъ морѣ, въ 350 миляхъ отъ Суэца; въ этотъ пунктъ суда

привезли холеру, но, будучи задержаны карантинномъ, не распространили ее дальше, и эпидемія быстро прекратилась. Поэтому Европа должна отстоять постоянный карантинъ въ Эль-Уеджѣ и поддерживать въ полной силѣ значеніе международной санитарной комиссіи въ Александріи, вліяніе которой можетъ быть парализовано, особенно теперь, текущими военными событіями въ Египтѣ. Докладъ этотъ горячо защищалъ извѣстный французскій гигиенистъ д-ръ Фовель, указывая на неотложность карантинныхъ мѣръ въ настоящее время, когда въ индѣйскихъ войскахъ, доставленныхъ въ Египетъ изъ Бомбея, по газетнымъ извѣстіямъ, показывалась уже холера, которая грозитъ такимъ образомъ своимъ появленіемъ и въ Европѣ, если только Англія не будетъ подвергать этихъ войскъ карантину въ Аденѣ. Парижскій санитарный совѣтъ своевременно обратилъ вниманіе англійскаго правительства на эти обстоятельства, но мало надѣется на успѣхъ своего заявленія, сознавая съ какими неудобствами связано содержаніе въ карантинѣ войскъ, необходимыхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Послѣ сообщенія д-ра Овилло о бывшей холерѣ въ испанскихъ колоніяхъ и болгарскаго врача Браделя—о занесеніи холеры въ Варну вещами, оставшимися послѣ умершихъ отъ холеры пилигримовъ на пути изъ Мекки, румынскій проф. Феликсъ предложилъ конгрессу хлопотать о придачѣ международной санитарной комиссіи въ Константинополѣ характера постоянного учрежденія, а д-ръ Цатари изъ Пешта говорилъ о необходимости международной гигиенической конвенціи, резюмируя сущность ея въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) всѣ государства должны взаимно гарантировать другъ другу однообразными законами хорошее качество вывозимыхъ припасовъ и напитковъ, 2) торговые договоры никогда не должны заключать въ себѣ мѣры, противурѣчащія общественной гигиенѣ, 3) вопросъ общественнаго питанія долженъ быть призванъ международнымъ, а потому всякія ограниченія въ перевозкѣ припасовъ допускаются исключительно только въ видахъ гигиеническихъ, 4) необходимо установить также общіе законы противъ примѣсей и поддѣлки припасовъ, и 5) наука никогда не должна служить ширмами для торговыхъ и политическихъ интересовъ. Послѣ этого заявленія, рисующаго идеалы международной гигиены, но мало соответствующаго современному духу политическихъ раздоровъ и экономическихъ расчетовъ отдѣльныхъ націй, отдѣленіе обратилось къ слушанію доклада лильскаго проф. Арну „объ этиологіи и предупрежденіи тифа“, доклада несомнѣнно почтеннаго по своей солидной обработкѣ современнаго ученія о тифѣ, но до того подробнаго, что если бы онъ не былъ прерванъ председателемъ на половинѣ, то поглотилъ бы всѣ 4 засѣданія перваго отдѣленія. Это былъ скорѣе большой трактатъ, очень дѣльный и очень



осторожный въ выводахъ, а потому и не вызывавшій на споры. Авторъ признаетъ за тифомъ характеръ специфической болѣзни и считаетъ рациональнымъ отнести его къ болѣзнямъ паразитарнымъ, хотя это вполне, по его убѣжденію, не доказано; и затѣмъ онъ подробно разобралъ тѣ естественныя среды, которыя признаются, какъ сохраняющія и передающія тифозную заразу, т.-е. почву, воду, воздухъ, человека и предметы его обихода и, наконецъ, пищу (молоко, мясо). Здѣсь, въ половинѣ второго засѣданія, докладъ былъ прерванъ председателемъ, а потому со второй половиной доклада (о воспріимчивости къ заразѣ и о предупрежденіи тифа) можно только будетъ познакомиться при появленіи всего сочиненія въ печати и, судя по всему нами слышанному, сочиненіе это составитъ почтенный вкладъ въ литературу о тифахъ.—Послѣ того д-ръ Серенвилль говорилъ о связи тифозныхъ эпидемій въ Лозаннѣ и Уши съ предпринятыми въ названныхъ мѣстахъ постройками и обнаженіями для того почвы, и для нагляднаго доказательства представилъ графическія таблицы, а д-ръ Сопка представилъ такія же таблицы наблюденій за 10 лѣтъ изъ Мюнхена, доказывающихъ зависимость развитія тифозныхъ эпидемій въ этомъ городѣ отъ уровня подпочвенной воды, причемъ прибавилъ, что съ 1876 г., благодаря дѣятельнымъ санитарнымъ мѣрамъ, эпидеміи тифовъ въ Мюнхенѣ стали значительно рѣже и слабѣе. Въ заключеніе, д-ръ Пру говорилъ о трудности изученія причинъ эпидемическихъ болѣзней вообще и тифа въ частности, и сослался на слѣдующую любопытную выдержку изъ сочиненія одного англійскаго врача: въ Лондонѣ два лѣта сряду (1858 и 1859 гг.) были необычайно жаркія, Темза совершенно обмелѣла, какъ никогда не бывало съ основанія Лондона, и обнажила всѣ животные остатки и выбросы, которые лежали на ея днѣ и которые подъ жгучими лучами солнца стали быстро разлагаться и наполнили воздухъ до того сильною вонью, что жители избѣгали подходить къ рѣкѣ и движеніе по мостамъ значительно сократилось; парламентъ, не будучи въ состояніи прекратить свою сессію по причинѣ возстанія въ Индіи, спасался во время продолжительныхъ засѣданій отъ невыносимаго запаха гнѣющихъ веществъ тѣмъ, что къ каждому окну былъ подвѣшенъ мѣшокъ съ хлористою известью. И при этихъ, повидимому, самыхъ антигигіеническихъ условіяхъ—санитарное состояніе городского населенія было вполне удовлетворительно и особеннаго развитія эпидемій замѣчено не было. Д-ръ Пру для болѣе точнаго изученія этиологіи тифа предложилъ международную программу вопросовъ, которой должны держаться всѣ врачи при появленіи эпидемій въ районѣ ихъ дѣятельности. Этимъ и закончилось обсужденіе о ти-

фахъ и отдѣленіе перешло къ неменѣе интересному вопросу объ *алкоголизмѣ*.

Д-ръ Руле изъ Невшателя выступилъ докладчикомъ объ *алкоголизмѣ*, распространеніе котораго въ Европѣ принимаетъ все болѣе и болѣе угрожающіе размѣры, причиняетъ большой ущербъ въ народонаселеніи, тѣмъ всевозможныя эпидеміи и даже войны, а потому вынуждаетъ врачей и гигиенистовъ поставить борьбу съ этимъ зломъ на первый планъ своей дѣятельности, тѣмъ болѣе, что зло это носить характеръ не только индивидуальный, но и социальный. Острое и хроническое отравленіе (бѣлая горячка — *delirium tremens* — и хроническій *алкоголизмъ*) причиняются въ огромномъ большинствѣ даже относительно умѣреннымъ употребленіемъ спиртныхъ напитковъ, получаемыхъ перегонкою и заключающихъ въ себѣ амилный алкоголь и тяжелые алкоголи моноатомической группы, куда принадлежатъ всѣ многоразличные виды водокъ; употребленіе же спиртныхъ напитковъ, получаемыхъ броженіемъ и содержащихъ въ себѣ этильный алкоголь (виноградное вино и пиво), вызываетъ болѣзненные припадки рѣже и требуетъ для появленія ихъ относительно большаго злоупотребленія. Желательно, чтобы точная и однообразная статистика выяснила: 1) потребляемое въ каждой странѣ ежегодное количество спиртныхъ напитковъ, получаемыхъ какъ броженіемъ, такъ перегонкою, 2) качество этихъ различныхъ напитковъ относительно пропорціи, въ которой они содержатъ этильный алкоголь и болѣе тяжелые алкоголи моноатомической группы, 3) годовую статистику смертныхъ случаевъ, которые могутъ быть приписаны *алкоголизму* и зависящимъ отъ него различнымъ специальнымъ болѣзнямъ (печени, почекъ и проч.), 4) годовую статистику умственныхъ разстройствъ, причиненныхъ *алкоголизмомъ*, 5) годовую статистику преступленій, совершенныхъ подъ вліяніемъ остраго или хроническаго *алкоголизма*, 6) годовую статистику случаевъ изъятія отъ военной повинности вслѣдствіе *алкоголизма*, дѣйствовавшаго на подлежащее къ поступленію лицо или прямо, или косвенно, посредствомъ наслѣдственности.—Общество обязано бороться энергически противъ пьянства какъ силами государственными, такъ и силами общественными и индивидуальными. Средства, къ которымъ можетъ для того прибѣгать государство, суть главнымъ образомъ слѣдующія: 1) налоги на производство и продажу спиртныхъ напитковъ, получаемыхъ перегонкою, тѣмъ болѣе высокія, чѣмъ болѣе эти напитки содержатъ въ себѣ тяжелые и нечистые алкоголи; 2) большее обложеніе патентовъ для тѣхъ розничныхъ продажъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ бродильными напитками будутъ продаваться и напитки, получаемые перегонкою; 3) строгое наблюденіе за каче-

ствомъ продаваемыхъ спиртныхъ напитковъ и строгія карательныя мѣры для продавцевъ за поддѣлку и примѣсы; 4) строгія законодательныя мѣры относительно заведеній для потребления публическихъ спиртныхъ напитковъ; 5) штрафованіе пьяныхъ, замѣчаемыхъ на улицахъ и въ общественныхъ мѣстахъ. Общественная и индивидуальная борьба съ пьянствомъ должна преимущественно выразиться въ слѣдующихъ направленіяхъ: 1) въ учрежденіи обществъ трезвости, 2) въ учрежденіи обществъ для сбереженія и вспоможенія, 3) въ устройствѣ здоровыхъ и дешевыхъ жилищъ, коопераций для покупки припасовъ, общественныхъ булочныхъ и мясныхъ, и народныхъ экономическихъ кухонь и столовыхъ, 4) въ поощреніи производства здоровыхъ, дешевыхъ и доброкачественныхъ напитковъ, 5) въ обнародованіи общедоступныхъ брошюръ и сочиненій о вредномъ вліяніи пьянства и о преимуществахъ воздержанія, 6) въ устройствѣ заведеній, которыя могли бы замѣнить кабаки и доставить рабочимъ классамъ болѣе нравственныя развлеченія. Вообще же борьба противъ пьянства только тогда можетъ увѣнчаться серьезнымъ успѣхомъ, когда удастся совсѣмъ уничтожить торговлю всякимъ тяжелымъ алкоголемъ, за исключеніемъ алкоголя этильнаго, а для этого необходимо прежде всего обладать такимъ химическимъ реактивомъ, который давалъ бы намъ возможность точно и быстро опредѣлять во всякомъ спиртномъ напитокѣ количество содержащагося въ немъ алкоголя не этильнаго; къ сожалѣнію, всѣ предложенныя до сихъ поръ съ этою цѣлью химическіе реактивы далеко не достигаютъ своей цѣли; поэтому въ заключеніе докладчикъ сдѣлалъ предложеніе, чтобы государства и общества помогали всѣми способами открытію такого реактива, а также содѣйствовали всякимъ изысканіямъ для улучшенія выдѣлки алкоголей. — По окончаніи этого доклада, швейцарскій д-ръ Шалланъ говорилъ о необыкновенно быстромъ распространеніи алкоголизма въ районѣ его врачебной дѣятельности, въ Ваадтскомъ кантонѣ; кантонъ этотъ преимущественно занимается культурою винограда, и ежегодная выдѣлка въ немъ винограднаго вина достигаетъ цѣнности въ 25 милліоновъ франковъ; лѣтъ 10—15 назадъ, туземцы кантона пили почти исключительно виноградное вино, и случаи алкоголизма между ними были очень рѣдки, но въ послѣдніе года, когда филлоксера значительно удорожила вино, а водка, напротивъ, вслѣдствіе усовершенствованій технического производства подешевѣла (въ названной мѣстности можно имѣть литръ водки за 30 сантимовъ, т.-е. приблизительно 7½ коп. за бутылку), пьянство и алкогольное отравленіе стали усиливаться необычайно быстро; тоже замѣчается и во всей Швейцаріи, и, въ подтвержденіе этого, ораторъ представилъ статистическія данныя

изъ многихъ швейцарскихъ домовъ для умалишенныхъ и пріютовъ для неспособныхъ; такъ, въ одномъ базельскомъ пріютѣ процентъ психическихъ больныхъ, у которыхъ алкоголизмъ служилъ главною производящею причиною болѣзни, достигаетъ 46 на 100 между мужчинами, а въ Ваадтскомъ кантонѣ — число этого рода больныхъ составляетъ 33 на 100. Бороться съ кабатчиками дѣлается трудно между прочимъ оттого, что ихъ прямая выгода заставляетъ ихъ больше продавать водки, чѣмъ винограднаго вина, ибо въ дробной продажѣ на послѣднемъ они наживаются не болѣе 8—10%, тогда какъ водка даетъ имъ до 30% барыша. Шалланъ поддерживалъ вполне заключенія Руле и кромѣ того совѣтовалъ до извѣстныхъ предѣловъ пропагандировать употребленіе пива, какъ напитка менѣе вреднаго, и устройство маленькихъ мѣстныхъ лабораторій для открытія доступныхъ анализу вредныхъ примѣсей къ алкоголю, ссылаясь при этомъ на успѣшное дѣйствіе лозанской лабораторіи. Парижскій д-ръ правъ Альглавъ, въ весьма остроумной рѣчи, старался доказать несостоятельность предложенныхъ предыдущими ораторами мѣръ при массѣ заинтересованныхъ въ пьянствѣ лицъ, разнообразіи поддѣлокъ и абсолютной невозможности услѣдить за ними въ дробной продажѣ; онъ признаетъ единственно практическою въ настоящее время мѣрою для борьбы съ пьянствомъ—это, чтобы государство приняло на себя обязанность приготовленія спиртныхъ напитковъ, получаемыхъ перегонкою, какъ это дѣлаютъ въѣкоторыя правительства относительно табачнаго производства (Франція, Австрія). Такимъ образомъ, гарантировалась бы и самая доброкачественность продукта, и правительство высокою разцѣнкою водки, при продажѣ ея кабатчикамъ, могло бы покрывать значительную часть государственныхъ расходовъ, примѣръ чему мы видимъ въ Россіи, гдѣ доходами съ водки покрывается третья часть государственнаго бюджета. Въ этомъ смыслѣ ораторъ представилъ проектъ французскому правительству. По поводу предложенія Альглава, д-ръ Ландовскій изъ Алжира возразилъ, что, не отрицая существеннаго значенія его проекта, считаетъ ссылку на Россію въ томъ отношеніи бездоказательной, что въ этой странѣ государственная водочная монополія введена исключительно въ видахъ фискальныхъ, а потому не только не привела къ уменьшенію пьянства, а скорѣе усилила его и деморализировала народъ, который видитъ въ государственной монополіи государственную санкцію на пьянство, и въ то же время мало улучшила и качество производимаго спирта, ибо деморализировала и чиновниковъ, контролирующіхъ производство. Лучшее доказательство неправильности ссылки на Россію д-ръ Ландовскій видитъ въ томъ, что и при этой системѣ это государство поставлено теперь въ необходимость изыскивать новыя

средства для ограниченія народнаго пьянства. Изъ числа многихъ ораторовъ, говорившихъ еще по этому вопросу, упомянемъ о рѣчи бразильскаго делегата барона Терезіопулиса, который превозносилъ Бразилію, гдѣ употребленіе перегнанныхъ спиртныхъ напитковъ почти не существуетъ, и даже многочисленные эмигранты, прибывающіе изъ Европы и зараженные страстью къ водкѣ, мало-по-малу отвыкаютъ отъ этой пагубной привычки и въ послѣдующемъ поколѣніи даютъ населенію уже вполне трезвыхъ людей; все это ораторъ приписывалъ крайне распространенному въ Бразиліи употребленію прекраснаго, безъ всякихъ примѣсей, кофе и, какъ мѣру противъ европейскаго пьянства, предлагалъ уничтоженіе ввозныхъ пошлинъ на кофе. Не лишено интереса было еще сообщеніе женеваца Роша о довольно успѣшномъ распространеніи въ Швейцаріи обществъ трезвости, пропагандируемыхъ спеціальнымъ обществомъ, учрежденнымъ въ 1877 г. и извѣстнымъ подъ названіемъ „общества синаго креста“. Кромѣ того, по существу проекта Альглава было еще одно въское возраженіе, что государству, фабрикующему самый доброкачественный алкоголь, все-таки будетъ невозможно отвратить отъ него подѣлки и примѣси въ дробной продажѣ, при отсутствіи точнаго химическаго реактива.

Дебаты объ алкоголизмѣ далеко были не исчерпаны и, когда оставалось еще 17 человекъ записанныхъ ораторовъ, предсѣдатель объявилъ, что вынужденъ за недостаткомъ времени прекратить пренія по этому предмету, ибо въ свободномъ распоряженіи отдѣленія оставалось менѣе часа, который онъ и предложилъ посвятить обсужденію доклада базельскаго проф. Геглера о *вокресномъ отдыхѣ съ гигиенической точки зрѣнія*. Докладъ, очевидно, былъ составленъ весьма старательно, но докладчикъ долженъ былъ опустить, за близостью конца засѣданій, массу подобранныхъ имъ въ подтвержденіе своего заключенія доказательствъ и ограничиться только самымъ заключеніемъ, которое состояло въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) Организация человека требуетъ для отдыха отъ труда физическаго и умственнаго одного полнаго дня въ недѣлю, безъ чего въ организмѣ могутъ произойти болѣзненные расстройства: ослабленіе силъ, прогрессивное и неизлечимое истощеніе, неспособность къ труду и преждевременная смерть. Чѣмъ трудъ утомительнѣе и однообразнѣе, и совершается въ условіяхъ, менѣе благоприятныхъ для здоровья, тѣмъ отдыхъ необходимѣе; трудъ безъ перерыва служитъ причиною уменьшенія безопасности при передвиженіяхъ (несчастія на желѣзныхъ дорогахъ находятся въ тѣсной связи съ утомленіемъ желѣзнодорожнаго персонала), склонности къ злоупотребленію спиртными напитками и разрушенія семейной жизни. 2) Съ точки зрѣнія гигие-

нической, недостаточно, чтобы рабочий прекращалъ свой трудъ въ любой день недѣли; необходимо, чтобы день отдыха былъ общій для всѣхъ, чтобы во всей окружающей обстановкѣ царствовала общая тишина и спокойствіе, необходимо, чтобы день отдыха дѣйствительно возстановлялъ потраченные силы, и чтобы тѣло и умъ питались совсѣмъ иными занятіями, чѣмъ въ рабочіе дни; день этотъ слѣдуетъ проводить на чистомъ воздухѣ (за городомъ), въ самыхъ чистыхъ платьяхъ и въ чистыхъ комнатахъ; слѣдуетъ избѣгать отдыха нездорового, недѣятельнаго и апатичнаго, избѣгать употребленія спиртныхъ напитковъ и траты силъ на увеселенія, раздражающія и нездоровыя. 3) На основаніи этихъ соображеній, женевскій конгрессъ предлагаетъ настоятельно правительствамъ и администраціямъ, управленіямъ желѣзныхъ дорогъ, почтъ и другихъ общественныхъ службъ, промышленнымъ и торговымъ обществамъ, хозяевамъ—доставлять всѣмъ зависящимъ отъ нихъ лицамъ одинъ свободный день въ недѣлю и содѣйствовать къ достиженію гигиеническихъ цѣлей этого отдыха, согласно выраженнымъ основаніямъ. Въ подтвержденіе необходимости суточного отдыха, ораторъ особенно опирался, какъ на фізіологическое доказательство, на опыты Петенкофера и Фойта, которые показали, что рабочий въ теченіе дневной работы потребляетъ въ крови такое количество кислорода, которое не можетъ быть вознаграждено однимъ ночнымъ отдыхомъ. Докладчику возражалъ парижскій гигиенистъ д-ръ Напіа (Nappias), развивая мысль, что нравы сильнѣе законовъ, и что невозможно навязывать обязательный день отдыха цѣлому населенію; ораторъ скорѣе стоялъ за отдыхъ въ неправильныхъ промежуткахъ, а—главное, за ограниченіе дневного труда, что уже и достигается постепенно во Франціи, гдѣ дневной трудъ рабочаго не превышаетъ 10-ти часовъ. Послѣ слѣзныхъ возраженій еще нѣсколькихъ лицъ, отдѣленіе не пришло къ рѣшительному заключенію, и пренія были закончены, а съ тѣмъ вмѣстѣ закончились и засѣданія перваго отдѣленія, не обсудивъ и половины предложенныхъ вопросовъ.

Н. Благоголовый.



## ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е октября, 1882.

— *Жизнь и произведенія Тараса Шевченка.* (Свои матеріалы для его біографіи). Съ портретоми. Составилъ М. К. Чалый. Кіевъ, 1882.

Книга о Шевченкѣ, объемомъ почти въ 300 страницъ, способна порадовать любителей русской, и особливо малорусской литературы. Фактъ появленія книги можетъ указывать на то, что произошла, хотя до нѣкоторой степени, благополучная перемѣна во внѣшнемъ положеніи малорусской литературы, — а этой перемѣны нельзя было не желать, потому что спокойное существованіе малорусской литературы существенно важно для интересовъ литературы общерусской, какъ вообще свободное развитіе мѣстное имѣетъ глубокое значеніе для цѣлаго національнаго русскаго интереса въ широкомъ смыслѣ. Шевченко есть наиболѣе талантливый, наиболѣе знаменитый и характерный поэтъ и представитель малорусской литературы, съ сороковыхъ до шестидесятыхъ годовъ: его поэзія, разными сторонами своего содержанія, до сихъ поръ господствуетъ въ умахъ малорусскихъ патріотовъ и образованныхъ людей, въ предѣлахъ и за предѣлами Россіи (именно въ Галиціи, куда простирается наше малорусское племя), и кажется даже, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе; въ ней находятъ наиболѣе рельефное отраженіе и національныхъ свойствъ племени, и его самосознанія, которое борется за интересъ малорускаго народа и противъ недоброжелательства въ родственномъ русскомъ обществѣ, и противъ явной вражды въ части общества польскаго.

Таково общественное значеніе писателя, біографію котораго даетъ г. Чалый. Авторъ хорошо понимаетъ силу писателя, котораго изучаетъ, и эпиграфомъ къ своему труду взялъ слова д'Израэли: „Память о народномъ поэти должна быть для насъ святыней. Читая эту память — священный долгъ каждаго, кто дорожитъ своею націо-

нальною честію, своимъ достоинствомъ, своимъ добрымъ именемъ". Но авторъ видѣлъ и трудность задачи, и свою работу предположилъ и выполнилъ какъ „сводъ матеріаловъ". Въ этомъ онъ былъ очень правъ, потому что въ нынѣшнихъ условіяхъ нашей литературы настоящая біографія, съ вѣрнымъ и полнымъ освѣщеніемъ ея фактовъ, была бы неисполнима, по крайней мѣрѣ затруднительна для печати; но приговорительныя работы возможны, и трудъ г. Чалаго есть несомнѣнная литературная заслуга. Онъ поработалъ для будущей біографіи и напоминаетъ о задачѣ, которая лежитъ предъ любителями и дѣятелями малорусской литературы.

Но отдавая всю справедливость почтенному труду автора, мы не совсѣмъ довольны выполненіемъ его задачи. Не будемъ говорить о томъ, что біографія вышла слишкомъ виѣшняя; въ тѣхъ матеріалахъ, сводъ которыхъ авторъ предпринялъ, нашлось бы не мало данныхъ, которыя могли бы освѣтить внутреннее развитіе малорусскаго поэта болѣе, чѣмъ сдѣлано у г. Чалаго: этотъ недостатокъ книги можно объяснить тѣми условіями, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Но по крайней мѣрѣ можно было бы подробнѣе привести тѣ факты, которые уже являлись въ нашей печати. Жизнь Шевченка до ссылки,—тотъ періодъ, который установилъ его извѣстность,—занимаетъ сравнительно слишкомъ мало мѣста въ книгѣ, и лишь немногими словами сказано, напр., о „кирилло-меодіевскомъ обществѣ", участіе въ которомъ Шевченка очень характеристично для объясненія его тогдашнихъ (да и позднѣйшихъ) идеаловъ. Осталось невыясненнымъ, какія же собственно обстоятельства были причиной суровой кары, павшей на Шевченка,—такъ какъ участію въ „обществѣ" авторъ не придаетъ особаго значенія. Нѣкоторыя утвержденія автора далеко не доказаны, какъ, напр., то, что въ ссылкѣ, гдѣ Шевченку пришлось встрѣтиться съ нѣсколькими, между прочимъ весьма образованными поляками, они—„обошли" его. Понятное дѣло, что у поляковъ были свои политическія идеи, отъ которыхъ они не отказывались; но приведенныя авторомъ письма ихъ къ Шевченку не доказываютъ вовсе, что они его „обошли", а нѣкоторыя, напр., письма Бронислава Залѣскаго, свидѣтельствуютъ о простыхъ дружескихъ отношеніяхъ и симпатіи, которыя очень естественно могли образоваться даже у людей совсѣмъ разныхъ лагерей въ общемъ бѣдствіи, и которыя недостойно огуломъ заподозривать, какъ дѣлаетъ это г. Чалый.—Литературная дѣятельность Шевченка не прослѣжена съ должной точностью, напр., остались необъясненными его отношенія съ журналомъ „Маякъ", въ которомъ, въ сороковыхъ годахъ, Шевченко напечаталъ нѣкоторыя свои произведенія; остались не довольно выясненными и другіе вопросы этой дѣятельности, напр., отношеніе къ



Шевченку критики Бѣлинскаго и критики позднѣйшей, пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ, или вообще отношеніе къ Шевченку великорусскаго общества. Большимъ недостаткомъ книги мы сочтемъ еще отсутствіе цитатъ, или библиографическаго указанія матеріаловъ, которыми пользовался авторъ. Если г. Чалый думалъ, что это обременить книгу ученымъ аппаратомъ, не нужнымъ читателю,—онъ ошибается: внимательный и особливо заинтересованный читатель можетъ пожелать справиться съ самими источниками, прочесть въ нихъ подробнѣе то, что авторъ сообщаетъ кратко, наконецъ—провѣрить его. Всѣ не могутъ знать цѣлой литературы о Шевченкѣ, а дать указатель своего матеріала автору ничего не стоило: книгу это увеличило бы развѣ на двѣ, на три страницы. Г. Чалый какъ будто думаетъ, что все это извѣстно. Книга начинается словами: „Въ извѣстномъ письмѣ своемъ къ редактору „Народнаго чтенія“ Шевченко“ и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что большинству великорусскихъ читателей, на которыхъ авторъ рассчитывалъ свою книгу и которые, конечно, не весьма прилежно изучали Шевченка, это извѣстное письмо очень мало извѣстно; да и стоило ли бы писать книгу все объ извѣстныхъ вещахъ?

Въ концѣ книги авторъ даетъ для великорусскихъ читателей, „мало знакомыхъ съ языкомъ южно-русскимъ“—наложеніе нѣкоторыхъ произведеній Шевченка; но авторъ какъ будто забылъ, что многіе изъ нихъ существуютъ въ русскомъ переводѣ, а затѣмъ свое изложеніе для великороссовъ все-таки пересыпаетъ обильными выписками изъ Шевченка на южно-русскомъ языкѣ. Что касается выбора излагаемыхъ пьесъ, то однимъ изъ рецензентовъ было уже справедливо замѣчено, что въ наложеніи напрасно пропущены нѣкоторыя очень характерныя пьесы, и помѣщены нѣкоторыя, не весьма важныя.

Надо думать, что книга г. Чалаго найдетъ немало читателей, и если ему придется дѣлать новое изданіе, въ немъ были бы нелишними нѣкоторыя исправленія.

---

—П. А. Кулин. Хуторнѣ поэзія. У мѣ Львові. 1882.

Еще одна книжка г. Кулина, вышедшая уже довольно давно, кажется, еще въ началѣ года, но о которой мы теперь только получили свѣдѣнія.

Въ книжкѣ находится, во-первыхъ, историческій рассказъ, потомъ рядъ стихотвореній, наконецъ, „записное письмо къ украинской интеллигенціи“. Первая статья заключаетъ въ себѣ рассказъ о сороковыхъ годахъ украинскаго движенія, о поэтической дѣятельности Шевченка въ тѣ годы, о „кирилло-меодіевскомъ братствѣ“, объ

арестъ его членовъ и самого г. Кулиша,—хотя онъ въ этомъ обществѣ не участвовалъ,—и о рѣшеніи ихъ дѣла. Авторъ біографіи Шевченка, о которой выше говорено, приводитъ нѣкоторыя свѣдѣнія, изъ сообщаемыхъ г. Кулишомъ, но могъ бы воспользоваться больше его книгою,—именно изображеніемъ того идеалистическаго настроенія, какое владѣло тогда кружкомъ молодыхъ украинскихъ патріотовъ и писателей, и однимъ изъ проявленій котораго было упомянутое братство.

Книжка г. Кулиша—опять такого рода, что возбуждаетъ немало недоумѣній. Какъ въ „Крашанкѣ“, такъ и здѣсь, авторъ, который еще недавно, въ „Исторіи Возсоединенія Руси“, относился къ Шевченку съ такой странной и неприличной враждой, говоритъ о немъ съ восторженнымъ сочувствіемъ и не только по воспоминанію о прошедшихъ отношеніяхъ къ нему. Онъ съ увлеченіемъ говоритъ о томъ времени, когда въ средѣ этого, тогда молодого украинскаго поколѣнія возникали благородные порывы къ служенію своей родинѣ, и когда ихъ мысли складывались въ ученіе о братской любви, въ народно-христіанскій идеалъ, который, прилагаясь къ дѣйствительности, приводилъ ихъ къ мыслямъ о необходимости освобожденія крестьянъ и о славянской федераціи подъ главенствомъ русскаго царя. Эта пора украинскаго движенія изображается г. Кулишомъ съ полнымъ сочувствіемъ, мало того, съ поэтическимъ одушевленіемъ: это — вѣроятно одни изъ лучшихъ воспоминаній его собственной жизни, и они овладѣли имъ. Но увы, полнотѣ впечатлѣнія помѣшалъ самъ г. Кулишъ: читатель, послѣ прежнихъ опытовъ съ авторомъ, не увѣренъ, не разрушить ли самъ г. Кулишъ этой привлекательной картины въ своемъ будущемъ какомъ-нибудь произведеніи.

Стихотворенія г. Кулиша возвращаются на мистическо-патріотическихъ темахъ, гдѣ опять не однажды вспоминается Шевченко. Недоумѣніе и здѣсь не покинетъ читателя: онъ очень затруднится выяснить себѣ взгляды автора. Темы, упомянутыя выше, могутъ, конечно, вызвать только такъ-называемую рефлексивную поэзію; это—размышленія, переданныя въ поэтической или стихотворной формѣ. Нить этихъ размышленій уловить нелегко. Прежде всего, мысль автора привязана къ Украинѣ: онъ ищетъ ей свободы и счастья, скорбитъ и негодуетъ за ея бѣдствія, за упадокъ ея народности, и рядомъ пишетъ „гимнъ единому царю“ и „гимнъ единой царицѣ“, т.-е. Петру и Екатеринѣ: Петръ есть „праведный царь“, Екатерина — „любомудрая жрица науки“, „пророчица временъ благословенныхъ“; Петръ восхваляется за подавленіе Мазепы, Екатерина—за истребленіе „гадюки за Порогами“, т.-е. Запорожья,—хотя то и другое дѣлалось не именно въ видахъ блага Украины, и хотя оба, Петръ и Ека-

терина, хотя и дѣйствительно сильныя историческія дѣятели, были представителями того самаго историческаго процесса, который велъ къ упадку малорусской народности, а этотъ упадокъ кажется автору бѣдственнымъ для Украины. Стихотвореніе „до Шевченка“ написано съ тѣмъ же высокимъ почитаніемъ украинскаго поэта, какъ въ упомянутомъ „историческомъ разсказѣ“: ему приписывается „святое, пророческое слово“, которое возстанетъ противъ угнетеній отъ москаля, — но тутъ же Шевченко, изъ царства мертвыхъ, отзывается такими словами:

„Грішив я тяжко, ако син наробу  
И вихованець блухів письменних,  
Що, в нас укравши, виннули у воу  
Ключ розуміння, задумів спасінних“...

Какіе это „письменные (т.-е. образованные, литературные) олухи“, питомцемъ которыхъ является Шевченко, — авторъ не объясняетъ. Шевченко, какъ очень извѣстно, не получилъ никакого правильнаго образованія: его глубокое врожденное поэтическое чувство выросло независимо отъ олуховъ образованныхъ и необразованныхъ, даже наперекоръ многимъ изъ тѣхъ и другихъ; это чувство питалось такою же врожденною любовью къ родинѣ, складывалось въ теплыя братскія отношенія къ людямъ или, наоборотъ, въ ненависть къ угнетенію и порабощенію, — которыя онъ испыталъ въ слишкомъ большой степени на себѣ самомъ. Свое образованіе, свои знанія литературныя онъ приобрѣталъ какъ самоучка, и то немногое, что онъ успѣлъ приобрѣсти, выработалось у него въ возвышенное гуманное міровоззрѣніе и, въ частности, въ глубокое пониманіе поэзіи. Г. Кулишъ разсказываетъ, въ этой же книгѣ, что никогда онъ не слышалъ народной пѣсни переданною съ такою глубиной чувства и пониманія, какъ отъ Шевченка (стр. 25—26); что въ одной серьезной бесѣдѣ о предметахъ науки и литературы г. Кулишъ „съ удивленіемъ и радостью“ увидѣлъ въ Шевченкѣ „такую способность къ поэтическому критицизму, какою въ этой высокой степени обладалъ только одинъ „россійскій“ поэтъ Пушкинъ, по примѣру недосягаемаго въ мудро поэтическомъ критицизмѣ отца новыхъ поэтовъ, Шекспира“ (стр. 21). Если, такимъ образомъ, Шевченко могъ найти у людей, помогавшихъ тогда ему своими знаніями, содѣйствіе къ усвоенію этого столь цѣннаго поэтическаго критицизма, — это была немалая заслуга съ ихъ стороны. Свои „письменные“ идеи Шевченко приобрѣталъ, въ тѣ годы, преимущественно въ извѣстномъ кievскомъ кружкѣ: этотъ кружокъ имѣлъ свои прекрасныя поэтическія и гуманныя взгляды, имѣлъ (напримѣръ въ пониманіи украинской исто-

рін) и свои заблужденія—легко объясняемыя патріотическими увлеченіями, которыхъ трудно было избѣжать при тогдашней малой разработкѣ старой малорусской исторіи; то и другое, и достоинства и недостатки, Шевченко могъ раздѣлять весьма просто, безъ всякихъ искусственныхъ внушеній. Это было дѣло тогдашняго времени.—Къ кievскому кружку принадлежалъ и самъ г. Кулишъ: кто же „письменные олухи“?

Послѣдняя статья книжки есть призывъ къ южнорусской интеллигенціи: авторъ рисуетъ бѣдственное положеніе народности, и возбуждаетъ интеллигенцію къ труду на пользу этой народности. И здѣсь опять есть немало правды — и немало фальшивыхъ представленій дѣла, и, наконецъ, остается очень неяснымъ весьма существенное въ этомъ вопросѣ. Въ Галиціи, гдѣ авторъ издавалъ свою книгу, и къ русскому обществу которой онъ также обращался, господствуютъ, какъ извѣстно, весьма различныя понятія о свойствахъ тамошней русской народности и объ ея отношеніи къ общему русскому корню и его главной нынѣ отрасли—великорусской; объ этомъ у галичанъ велись и ведутся споры, на этомъ особенно дѣлятся ихъ партіи; сами галичане, однако, очень мало знаютъ своихъ единоплеменниковъ въ Россіи, и споры въ значительной степени затягиваются этимъ незнаніемъ. Г. Кулишъ знаетъ эти отношенія, и могъ бы просвѣтить галицкую интеллигенцію объ ихъ характерѣ,—съ этимъ выяснились бы и ближайшія цѣли южнорусскихъ (у насъ и въ Галиціи) народническихъ стремленій; но онъ этого не сдѣлалъ,—народническая его проповѣдь вращается на лиризмѣ, и вопросъ остается по прежнему неяснымъ.

---

—*Духоборцы, ихъ исторія и вѣроученіе*. Сочиненіе Ореста Новицкаго. Изданіе второе, переработанное и дополненное. Кіевъ, 1882.

Къ сочиненію г. Новицкаго можетъ быть приложено извѣстное нареченіе объ особенной судьбѣ ныхъ книгъ. Начать съ того, что первое изданіе этой книги вышло ни много, ни мало какъ полустолѣтіе тому назадъ, и настоящее второе изданіе изготовлено самимъ авторомъ. Въ теченіе этого полувѣкового промежутка утекло много воды и въ жизни, и въ литературѣ, измѣнилось очень и положеніе самого вопроса. Расколъ, который въ годы перваго изданія книги могъ въ литературѣ подлежать изслѣдованію лишь съ точки зрѣнія богословія полемическаго или обличительнаго, теперь гораздо чаще

ислѣдуются какъ историческое явленіе народнаго быта, и вслѣдствіе расширенія историческихъ знаній и болѣе свободы критики, вмѣсто обличенія, часто является защита и оправданіе, даже относительно пунктовъ церковныхъ; мало того, вмѣсто „азвы“ и зловернаго безумства въ немъ находятъ даже прогрессъ народной мысли и вѣрованія. Въ такихъ обстоятельствахъ авторъ приступалъ къ новому изданію своей книги: она потребовала большой переработки и для дополненія исторической ея части вновь найденными фактами, и для отвѣта на новыя мнѣнія о предметѣ. — Вступивъ въ четвертое двадцатипятилѣтіе моей жизни, — говоритъ г. Новицкій въ предисловіи, — я заинтересовался предметомъ моего перваго, еще студенческаго труда и рѣшился заняться имъ снова. Я пересмотрѣлъ, кажется, все, что въ теченіе полу-столѣтія появилось въ печати относительно исторіи и вѣроученія духоборцевъ и, насколько могъ, воспользовался этимъ матеріаломъ. Въ обще-историческихъ, социальныхъ и тому подобныя соображенія относительно духоборчества я не входилъ, полагая, что каждое дѣло слѣдуетъ начинать отъ начала, а началомъ на этотъ разъ считаю чисто фактическое изученіе нашихъ многочисленныхъ сектъ; прежде такого изученія по крайней мѣрѣ главнѣйшихъ изъ нихъ, — чего у насъ еще не сдѣлано, — всякія общія историческія, психологическія и др. объясненія каждой секты порознь, какъ бы ни были краснорѣчиво написаны, останутся лишь общими мѣстами, ни для кого (?) неубѣдительными, исключая разнѣ самнихъ авторовъ ихъ“... Изъ этого предупрежденія можно видѣть, что всѣ заключенія новыхъ изслѣдователей въ пользу раскола не найдутъ у автора сочувственнаго приѣма.

Въ судьбѣ книги г. Новицкаго была еще другая подробность, а именно: ходилъ слухъ, что будто бы въ книгѣ ученіе духоборцевъ изложено было такъ хорошо и связно, что духоборцы скупили книгу, и ту часть ея, гдѣ излагалось ихъ ученіе, приняли за формальное изложеніе ихъ догматики. Въ сущности, это была сплетня, но эта сплетня, еще съ другими прикрасами, была закрѣплена въ конфиденціальной литературѣ извѣстнымъ знатокомъ по раскольниковской части, г. Мельниковымъ. Послушаемъ самого г. Новицкаго.

„Въ 1857 году по порученію министра внутреннихъ дѣлъ, Ланского, составлена г. Мельниковымъ записка о русскомъ расколѣ для в. к. Константина Николаевича. Въ запискѣ этой г. Мельниковъ, въ примѣчаніи, сдѣлалъ слѣдующую замѣтку касательно сочиненія „о духоборцахъ“: „Замѣчательно, что профессоръ в. д. (киевской духовной) академіи, Новицкій, по напечатаніи своего сочиненія „о духоборцахъ“, имѣлъ прискорбіе принимать депутатовъ отъ разныхъ

толковъ молоканства, которые благодарили его за то, что онъ въ своемъ сочиненіи сдѣлалъ раціональный сводъ ихъ вѣрованій, котораго они прежде не имѣли. Сведя въ систему духоборческія вѣрованія, Новицкій, конечно, опровергаетъ ихъ, но, къ сожалѣнію, система духоборцевъ и молокановъ пришлась ему не по силамъ. Молокане скупили все изданіе сей книги. Книгу запретили и она теперь продается по 50 рублей серебромъ за экземпляръ (около 60 страницъ въ 8 д.)<sup>1)</sup>. На самомъ дѣлѣ, сочиненія „о духоборцахъ“ профессоръ Новицкій не печаталъ; оно, помимо его, издано правленіемъ к. д. академіи вмѣстѣ съ другими опытами студентовъ этой академіи V-го курса, къ числу которыхъ принадлежалъ и онъ. Ни въ качествѣ профессора академіи, гдѣ онъ былъ не долго, ни потомъ, въ качествѣ профессора университета св. Владимира, не имѣлъ онъ ни удовольствія, ни прискорбія принимать депутатовъ, ни отъ молоканъ, ни отъ духоборцевъ; во всю даже жизнь свою *не случалось ему видѣть* ни одного молоканца и духоборца; и не за что было молоканамъ благодарить автора за раціональный сводъ духоборческаго ученія, такъ какъ это ученіе и молоканское совершенно различны, при небольшомъ сходствѣ; о вѣроученіи же молоканъ связано у автора весьма немного и какъ бы мимоходомъ. — Въ этой замѣткѣ, очевидно, еще смѣшиваются духоборцы и молокане въ одну секту. — Выраженіе, что „система и духоборцевъ, и молоканъ пришлась Новицкому не по силамъ“, не довольно ясно; не ясно, въ какомъ отношеніи пришлась она не по силамъ, относительно ли изложенія, или критики ея. Но еслибы пришлось не по силамъ самое изложеніе системы, то не за что было бы и благодарить автора; да и немного требуется силъ для изложенія какого-либо сектаторскаго ученія; былъ бы только достаточный для этого матеріалъ. Не по силамъ, по мнѣнію критика, должно быть, было для автора опроверженіе ученія. Но сочиненіе студента Новицкаго „о духоборцахъ“ писано было для полученія ученой степени, а не для какихъ бы то ни было полемическихъ цѣлей; въ особомъ отдѣлѣ своего сочиненія, именно въ третьемъ, авторъ подвергъ духоборческое вѣроученіе обсужденію и, если угодно, осужденію, но собственно въ полемику не считалъ нужнымъ вдаваться; а потому и трудно сказать, было ли или не было по силамъ для него опроверженіе ученія духоборцевъ. Не думаемъ, чтобы молокане скупали сочиненіе о духоборцахъ, какъ скоро они не сходятся съ ними въ своемъ вѣроученіи; скорѣе могли

<sup>1)</sup> Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ. Выпускъ I. Лондонъ. 1860 г., стр. 174. (Прим. г. Новицкаго).

покупать это сочиненіе сами духоборцы, интересуясь не столько изложеніемъ вѣроученія, которое (—заключаетъ г. Новицкій по послѣдующему разбору—) и не соответствовало дѣйствительному его положенію, а историческими извѣстіями о ихъ сектѣ. По чѣмъ продавалось это сочиненіе, мы не знаемъ; въ своемъ распоряженіи имѣли только 10 экземпляровъ, которые вскорѣ и роздали нашимъ близкимъ знакомымъ и такимъ образомъ сами не получили за это сочиненіе ни одной копѣйки... Въ книжкѣ этой не 60 страницъ, а 146. О запрещеніи этой книги мы никогда не слыхали. И за чѣмъ ее запретить?... (Стр. 179—181).

Такимъ образомъ, въ упомянутой сплетнѣ не оказалось ни одного слова правды. Что она не была, однако, бесплодна, можно заключить изъ отзыва о той же книгѣ, находящагося въ „Исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ“, г. Варадинова <sup>1)</sup>. Г. Новицкій, перебирая то, что было говорено въ литературѣ объ его старомъ сочиненіи, приводитъ слѣдующую замѣтку, удивившую его тѣмъ, что она вышла отъ такого серьезнаго ученаго, какъ авторъ „Исторіи“.

„Не можемъ удержаться, — писалъ г. Варадиновъ, — чтобы не высказать *опасенія*, что если духоборцы не знали своего ученія, не имѣли никакой системы своихъ вѣрованій, то они получили то и другое въ этомъ (Новицкаго) сочиненіи и что оно могло сдѣлаться, если уже не сдѣлалось, догматическою книгою духоборцевъ“.

Г. Новицкій (стр. 175 и слѣд.) отвергаетъ такое опасеніе и такое пониманіе его книги, настаиваетъ на необходимости свободнаго изслѣдованія сектаторскихъ ученій, возстаетъ противъ „мраколюбиваго взгляда“ на этотъ предметъ (хотя въ опроверженіи и самъ тутъ же впадаетъ въ мраколюбивую колею, неприличную для бывшаго профессора и философа).—Очевидно, что „опасенія“ находятся въ тѣсной связи съ тѣмъ, что—столь основательно—разсказывалъ г. Мельниковъ о книгѣ г. Новицкаго.

Наконецъ, по поводу двухъ этихъ отзывовъ г. Новицкій сообщаетъ свѣдѣнія о самомъ началѣ своей книги. Выходитъ довольно забавно сопоставить это происхожденіе книги съ тѣми подозрѣніями, которыя посыпались на нее впоследствии.

„Тѣму для сочиненія о духоборцахъ, — рассказываетъ г. Новицкій,—предложилъ бывший кievскій митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ), который въ то же время былъ членомъ 1-го комитета по дѣламъ о раскольникахъ <sup>2)</sup>. Онъ выразилъ желаніе свое ректору кiev-

<sup>1)</sup> Книга 8-я, дополнительная, 1868 г.

<sup>2)</sup> Комитетъ учрежденъ въ 1825 г. изъ митрополитовъ с.-петербургскаго и кievскаго, изъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Ланскаго и министра

свой духовной академіи Иннокентію (Борисову), чтобы на эту тему написано было сочиненіе студентомъ академіи по его выбору, и передалъ въ академическую бібліотеку двѣ рукописи о духовоборцахъ, какъ источникъ для изложенія ихъ вѣроученія; а Иннокентій предложилъ эту тему автору, тогда оканчивавшему курсъ ученія студенту, для диссертациі на ученую степень. Написанное по этому поводу сочиненіе разсматривалъ не только бывшій профессоръ словесности въ кievской академіи Я. К. Амфитеатровъ, но и ректоръ Иннокентій, и высокопреосвященному митрополиту Евгенію угодно было перечитать это сочиненіе въ рукописи. И всѣ они одобряли его съ *цензурнымъ именно отношеніемъ*. Наконецъ, вмѣстѣ съ другими сочиненіями товарищей автора, напечатанными въ „Опытахъ“ студентовъ V-го курса, восходило оно на разсмотрѣніе и Св. Синода. Стало быть, въ цензурномъ отношеніи одобрено полнѣйшимъ авторитетомъ членовъ высшей духовной іерархіи. Кто же помимо ея нашелъ бы и причину, и власть запретить это сочиненіе, вышедшее при такихъ условіяхъ? Не вывелъ ли г. Мельниковъ заключеніе о запрещеніи книги „о духовоборцахъ“ изъ того обстоятельства, что она покупалась слишкомъ дорогою цѣною? Но это проще объясняется тѣмъ, что она издана была въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, что духовоборцы узнали о ея появленіи въ свѣтъ уже тогда, когда всѣ ея экземпляры были распроданы. Изъ всего здѣсь нами сказаннаго видно, что указанія въ приведенной нами замѣткѣ г. Мельникова всѣ до одного исторически невѣрны“ (стр. 181—182).

Обращаемся къ мнѣніямъ автора о новѣйшихъ взглядахъ относительно раскола. Какъ мы видѣли уже изъ предисловія, г. Новицкій не совсѣмъ расположенъ къ новымъ изслѣдователямъ и, дѣйствительно, въ текстѣ книги мы встрѣчаемъ прямое ихъ осужденіе. „Въ недавнее время,—говоритъ онъ,—нѣкоторые стали относиться совершенно иначе къ нашимъ сектамъ“ (чѣмъ прежніе полемисты): „стали осуждать и правительственныя мѣры, ихъ касающіяся, и духовенство, и чиновниковъ, и вообще весь строй общественной жизни, и въ немъ искать причину уклоненія изъ православія въ разныя секты, а самихъ сектантовъ этимъ какъ бы оправдывать и при всякомъ случаѣ, хотя бы фактически невѣрномъ, выражать имъ соболѣзнованіе и въ ихъ ученіи находить иногда недурныя стороны даже тамъ, гдѣ кромѣ его нелѣпости ничего не представляется. Это—другая крайность, а потому и самое обсужденіе предмета съ такихъ то-

---

народнаго просвѣщенія адмирала Шишкова. Ист. министерства, Варадинова, т. VIII, стр. 191. (Прим. г. Новицкаго).



чекъ зрѣнія оказывается тенденціознымъ и невѣрнымъ" (стр. 160). Г. Новицкій останавливается въ особенности на статьяхъ г. Пругавина и Оедосѣвца, дѣлаетъ иногда очень мѣткія критическія замѣчанія, справедливыя охлажденія иныхъ слишкомъ послѣднихъ обобщеній и идеализированій, дѣйствительно немало распространенныхъ въ послѣднее время. Но не преувеличиваетъ ли самъ авторъ въ другую сторону, именно въ сторону стараго — холоднаго, презрительнаго, бюрократическаго отношенія къ сектамъ (котораго и самъ онъ не одобряетъ у старыхъ полемистовъ)? Авторъ требуетъ наприимѣръ, что слѣдуетъ „начинать отъ начала“, т.-е. отъ чисто фактическаго изученія сектъ, и не пускаться въ „общія историческія“, „психологическія“, „соціальныя“ объясненія, которыя преждевременны и не убѣдительны. Но расколу нашему, съ его развѣтвленіями, идетъ уже третій вѣкъ. Третій вѣкъ идетъ и обличеніямъ его, исходявшимъ изъ „фактическаго изученія“. Развѣ не фактическое изученіе лежало уже въ основѣ соборныхъ проклятій 1667 года, въ основѣ „Розыска о раскольнической брынской вѣрѣ“ и множества другихъ обличеній XVIII и XIX столѣтія? Не слишкомъ ли длинно „начало“, о которомъ говоритъ г. Новицкій? Богословское обличеніе, быть можетъ, дано было даже съ избыткомъ, и оказывается, однако, что оно не убѣдило ни мало ни самихъ обличаемыхъ, ни новѣйшихъ изслѣдователей предмета, являющихся теперь изъ среды общества. Дѣло въ томъ, что расколъ не есть только церковное, но и народно-бытовое, общественное явленіе; онъ требуетъ изученія не только съ точки зрѣнія полемическаго богословія, или полицейскаго устава, но и съ точки зрѣнія исторической науки, и выстѣ съ точки зрѣнія общественной справедливости и народной пользы. На третьемъ вѣкѣ существованія раскола,—и даже еще на второмъ,—въ обществѣ стали возникать иныя представленія о всемъ значеніи этого вопроса, чѣмъ тѣ, какія господствовали въ XVII-мъ столѣтіи, и отсюда тѣ новыя взгляды, которые съ неудовольствіемъ и досадой отмѣчаетъ г. Новицкій и которые имѣютъ однако достаточныя *raisons d'être*. Расколъ есть, конечно, церковное явленіе, но въ гораздо болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ обыкновенно понимали наши церковные полемисты (и г. Новицкій въ ихъ числѣ), т.-е. явленіе, касающееся разнообразныхъ бытовыхъ отношеній и нравственныхъ взглядовъ. Въ прежнее время, этотъ вопросъ состоялъ въ исключительномъ, „секретномъ“, вѣдѣніи духовной и полицейской власти, и былъ совсѣмъ закрытъ для общества; но по указанному значенію этого вопроса къ нему не могло не обратиться съ самымъ серьезнымъ интересомъ и общество, какъ только представилась къ этому возможность. Она представи-

лась, когда вопросъ о расколѣ сталъ впервые доступенъ для свѣтской литературы. Это произошло одновременно съ реформами прошлаго царствованія: вмѣстѣ съ вопросомъ объ освобожденіи народныхъ массъ, получавшихъ гражданскія права, возникалъ вопросъ о положеніи другихъ (или и тѣхъ же) массъ, инымъ образомъ лишенныхъ правильного гражданскаго бытія—за свои религіозныя мнѣнія. Въ этомъ видѣ—лишенія гражданскихъ правъ—представлялось обществу положеніе равнаго рода сектантовъ, о которыхъ притомъ часто было извѣстно, что несмотря на свои церковныя заблужденія, они выгодно отличаются отъ православнаго населенія своими нравами, трезвостью и трудолюбіемъ. Интересъ къ этой части русскаго народа поддерживался распространеніемъ (еще съ XVIII вѣка) понятій о вѣротерпимости, и это настроеніе общества (или многихъ людей въ его средѣ, между прочимъ и многихъ писателей о расколѣ) поддержано было нѣкоторыми мѣрами правительства въ прошлое царствованіе, когда значительно были смягчены суровыя мѣры противъ раскола, временъ николаевскихъ. Относительно старообрядства, въ средѣ самихъ духовныхъ полемистовъ уже созрѣваетъ сознаніе о необходимости отмены соборныхъ клятвъ 1667 года: естественно, что въ кругу изслѣдователей не спеціально-духовныхъ еще сильнѣе укрѣплялось чувство вѣротерпимости. Новѣйшіе изслѣдователи раскола въ этомъ направленіи несомнѣнно оказали обществу услугу своими стараніями разъяснить вопросъ съ его общественно-національной стороны въ духѣ вѣротерпимости и человеколюбія. Прошлыя преслѣдованія раскола представляли иногда столько возмутительнаго, что должны были, наконецъ, вызвать реакцію. Если новѣйшіе защитники раскола иногда впадали въ крайность, — слишкомъ его идеализируя, — ихъ ошибка не такъ велика, потому что въ концѣ-концовъ они указывали на такія стороны дѣла, на которыя до тѣхъ поръ обращали слишкомъ мало вниманія. Г. Новицкій, совершенно въ духѣ старыхъ обличителей раскола, не желаетъ слышать о томъ, чтобы „порядки“ и дѣйствія духовенства и чиновничества играли какую-нибудь роль въ распространеніи раскола и въ складѣ нѣкоторыхъ его сектъ, но надо быть добровольно слѣпымъ, чтобы не видѣть фактовъ, множество разъ указанныхъ, что народныя массы впадали въ ереси очень часто именно потому, что бывали совершенно заброшены своими церковными наставниками. Г. Новицкій остается вѣренъ старымъ преданіямъ и относительно самыхъ пріемовъ изученія раскола. „Недавно, — говоритъ онъ, — г. Пругавинъ заявилъ желаніе, чтобы различныя наши секты были изслѣдуемы не книжнымъ образомъ, а посредствомъ живого наблюденія надъ ними

въ средѣ народа, и для этого наблюденія предложитъ обширную и подробную программу. Мысль и желаніе прекрасны! Не подлежитъ сомнѣнію, что личное знакомство и собесѣдованіе съ сектаторами весьма полезно и желательно для изслѣдованія ихъ вѣроученія... но безусловной *необходимости* въ этомъ *не предстоитъ*" (стр. 183). Не предстоитъ необходимости знать самихъ тѣхъ людей, о мнѣніяхъ и судьбѣ которыхъ идетъ дѣло! Здѣсь весьма характерно сказывается разница между прежнимъ и нынѣшнимъ отношеніемъ къ предмету въ литературѣ: съ прежней точки зрѣнія раскольниковъ, это — *apina vilis*, о которой достаточно знать по книгамъ и по консисторскимъ и полицейскимъ бумагамъ; съ нынѣшней, это—живой человѣкъ съ плотью и кровью, человѣкъ изъ нашего же народа, съ религіозными убѣжденіями, хотя иногда ошибочными, но искренними и глубокими, со многими неоспоримыми нравственными достоинствами,—который имѣетъ право и на обыкновенное человѣческое, и (о чемъ особливо надо бы помнить богословскимъ обличителямъ) на христіанское участіе.—Н.

---

— *Всеголодъ Гаршинъ. Разсказы. Спб. 1882.*

Изъ современныхъ молодыхъ русскихъ беллетристовъ ни одинъ не выступалъ на литературное поприще при такихъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ, какъ г. Гаршинъ. Первое его произведеніе, „Четыре дня“, привлекло къ себѣ общее вниманіе, заинтересовало читателей и самымъ содержаніемъ разсказа, и талантиностью автора, напавшаго на весьма счастливую мысль—изобразить, во время излишнихъ воинственныхъ увлеченій, одинъ изъ эпизодовъ, характеризующихъ обратную сторону войны. Успѣхомъ „Четырехъ дней“ авторъ всего болѣе и обязанъ именно этой своевременности своей тѣмы. Благопріятныя предзнаменованія оправдались, впрочемъ, не вполне: слѣдующія семь разсказовъ г. Гаршина, появившихся въ разное время въ журналахъ, уже не производили такого впечатлѣнія, хотя большинство ихъ ни въ какомъ отношеніи не могутъ быть поставлены ниже „Четырехъ дней“. Нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ прошли бы и совсѣмъ незамѣченными, но имя г. Гаршина было достаточно извѣстно и связывалось съ представленіемъ о талантливейшемъ представителѣ молодой беллетристики, и потому въ литературныхъ обзорѣніяхъ обязательно появлялись извѣщенія, что талантливый г. Гаршинъ написалъ новый талантливый разсказъ. Изъ этого короткаго очерка литературной дѣятельности г. Гаршина уже

видно, что онъ не принадлежитъ, съ одной стороны, къ тѣмъ сильнымъ художественнымъ дарованіямъ, которыя привлекаютъ къ себѣ силою воспроизведенія жизни, помимо соображеній о личныхъ воззрѣніяхъ и симпатіяхъ автора, а—съ другой стороны—авторъ вообще не является выразителемъ умственныхъ и нравственныхъ стремленій какой-либо части современнаго намъ общества, какимъ онъ былъ до извѣстной степени въ своихъ „Четырехъ дняхъ“.

Дѣйствительно, г. Гаршинъ очень талантливъ, но его талантъ принадлежитъ къ художественнымъ дарованіямъ того рода, которыя не сильны въ анализѣ жизненныхъ явленій, но вліяютъ чисто субъективными свойствами писателя: глубокимъ чувствомъ, съ которымъ онъ относится къ жизненнымъ явленіямъ, такъ-называемой „симпатичностью“, т.-е. совокупностью нѣсколькихъ неопредѣленныхъ свойствъ ума и чувствъ автора, отражающихся въ произведеніи, и пр. Г-нъ Гаршинъ именно очень симпатичный, но не сильный талантъ, и жизнь въ его произведеніяхъ не отражается прямо и свободно, и потому уже согласно съ истинною, съ правдою, а проходитъ сначала сквозь сильную призму авторскаго міровоззрѣнія и чувства и является передъ читателемъ уже окрашенною въ цвѣтъ, поражающій его, но не дающій ручательства за истинность изображенія. Въ любомъ изъ восьми рассказовъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ, вы найдете сколько угодно подтвержденій этой мысли.

Остановимся на первомъ же изъ нихъ, наиболѣе извѣстномъ и имѣвшемъ успѣхъ, на „Четырехъ дняхъ“. Передъ нами поле только-что оконченной битвы и на немъ раненный въ обѣ ноги человекъ. Первый моментъ сознанія заставляетъ его думать о томъ, почему онъ не въ палаткѣ, а второй или третій—о томъ уже, разбиты ли мы, или побѣдили. И не думать даже, а рассуждать и соображать слѣдующимъ образомъ: „На эту полянку намъ показывалъ нашъ маленькій батальонный, припоминаетъ раненный.—Ребята, мы будемъ тамъ!—закричалъ онъ намъ своимъ зычнымъ голосомъ. И мы были тамъ; значитъ мы не разбиты“... Время проходитъ, а раненный все описываетъ свои ощущенія и даже окружающую природу. Ему слышатся странные звуки—кто-то стонетъ около него; наконецъ, онъ догадывается и думаетъ: „Воже мой, да вѣдь это—я самъ! Тихіе жалобные стоны—неужели мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, такъ больно? Должно быть. Только я не понимаю этой боли, потому что у меня въ головѣ туманъ, свинецъ“... Передъ инымъ читателемъ невольно и неотразимо станетъ вопросъ: да полно, могъ ли раненный съ туманомъ, свинцомъ въ головѣ, навѣрное съ сильнымъ лихорадочнымъ состояніемъ, рассуждать и припоминать съ такой ясностью разныя

обстоятельства предшествовавшей битвы! И многіе обратятся къ доктору за разъясненіями. А между тѣмъ немного позже, когда зной, разлагающійся вблизи трупъ и развитіе собственной болѣзни должны были ухудшить состояніе раненаго, „мысли, воспоминанія тѣснятся въ головѣ“ его, и онъ разсуждаетъ, что „скоро конецъ, только въ газетахъ останется нѣсколько строкъ“, въ которыхъ просто скажутъ: убитъ одинъ рядовой, „какъ та одна собаченка“... И цѣлая картина прошлаго выступаетъ въ воображеніи раненаго, картина, когда-то поразившая его, и состоявшая въ томъ, что собаченка была раздавлена вагономъ конножѣзной дороги. И раненый думаетъ: „Въ воспоминанья, не мучьте меня! оставьте меня! Былое счастье, настоящія муки... пусть бы остались одни мученья, пусть не мучатъ меня воспоминанія, которыя невольно заставляютъ сравнивать. Ахъ, тоска, тоска! Ты хуже ранъ“. Вслѣдъ затѣмъ, увидѣвъ убитаго турка, раненый холодно немножко спрашиваетъ себя: „за что я убилъ его?“ и потомъ опять разсуждаетъ, что онъ „не хотѣлъ этого, не хотѣлъ зла никому, когда шелъ драться, мысль о томъ, что ему придется убивать людей, какъ-то уходила отъ него“.

Достаточно этихъ примѣровъ, чтобы показать основныя свойства, такъ-сказать, психологической сущности разсказа. Думаетъ ли читатель, что такъ именно долженъ думать и чувствовать тяжело раненый? Или авторъ только влагаетъ ему въ уста мысли и чувства, которыя онъ ощутилъ бы, еслибы страданія тѣла не угнетали его психическій организмъ? Очевидно—послѣднее, потому что — гдѣ же допустить, чтобы измученный ранами, голодомъ и невыносимымъ зноемъ, немножко холодно и даже плаксиво думалъ: „мать моя, дорогая моя! Вырвешь ты сѣдны косы, ударишься головою объ стѣну“ и пр. Передъ вами не валяющееся и безсознательно кричащее отъ боли „мясо“ передъ вами не подавленное воспаленною кровью воображеніе, создающее фантастическую картину изъ возникшаго воспоминанія о раздавленной собачкѣ, какъ должно было бы быть въ дѣйствительности,—нѣтъ, передъ вами человѣкъ, довольно спокойно, хотя и горько разсуждающій, сравнивающій, опредѣляющій, воспоминающій, говорящій метафорами и „фигурами“, человѣкъ, вполнѣ владѣющій собою и только знающій, что онъ не владѣетъ ногами, но не испытывающій оттого никакихъ неудобствъ,—словомъ: передъ вами—авторъ болѣе всего, а потомъ уже описываемый раненый, долженствующій возбудить въ васъ описываемыя чувства. Весь разсказъ не даетъ вамъ, въ сущности, истиннаго понятія о положеніи раненаго, о его страданіяхъ; страдалецъ смотритъ на себя со стороны (со стороны автора) и разсуждаетъ о страшныхъ послѣдствіяхъ войны,

какъ совсѣмъ посторонній, но чувствующій, человѣкъ могъ бы разсуждать. Талантъ г. Гаршина очень субъективенъ, въ его произведеніяхъ всегда на первомъ планѣ самъ авторъ съ своими грустными мыслями, съ своими думами о явленіяхъ жизни, имъ описываемыхъ. Мы ограничились примѣрами только изъ „Четырехъ дней“, но гдѣ бы вы ни открыли книжку „Разсказовъ“, вы вездѣ встрѣтите тотъ же тонъ и тотъ же преобладающій субъективный элементъ. Произведенія г. Гаршина суть преимущественно лирическія произведенія, и безъ лиризма они теряли бы почти весь свой смыслъ, потому что авторъ повсюду не съ явленіями жизни знакомитъ васъ, а съ чувствами, которыя возбуждаются ими.

Таланты, однородные съ г. Гаршинымъ, нерѣдко получаютъ въ обществѣ огромное вліяніе и значеніе. Некрасовъ былъ тоже талантъ, преимущественно субъективный. Говоря, напримѣръ, о русскомъ мужикѣ, что „стонетъ онъ по полямъ, по дорогамъ“ и что на Волгѣ „этотъ стонъ у насъ пѣсню зовется“, Некрасовъ, разумѣется, не хотѣлъ и не думалъ увѣрять васъ въ реальности „стона“ въ буквальномъ смыслѣ; онъ, конечно, понималъ, что мужикъ самъ едва ли считаетъ стономъ свою пѣсню, едва ли смотритъ на жизнь свою съ такой же мрачной точки зрѣнія. Между тѣмъ авторъ не могъ не считать эту пѣсню стономъ съ своей точки зрѣнія, и читатель невольно понималъ и мысль, и чувство автора, самъ начиналъ смотрѣть на дѣйствительность съ той же точки зрѣнія. Подобные субъективные таланты вліяютъ сильно, и часто читатель не отличаетъ въ нихъ произведеній, гдѣ кончается авторъ и начинается дѣйствительность. Они не искажаютъ дѣйствительности, но несомнѣнно покрываютъ ее своими красками, заставляютъ смотрѣть на нее сквозь ихъ міровоззрѣніе.

Само собою разумѣется, что міровоззрѣніе получаетъ весьма важное и иногда первенствующее значеніе въ произведеніи субъективнаго поэта, и критика неизбежно должна прежде всего обратиться къ нему, чтобы опредѣлить значеніе писателя. Разумѣется также, что не можетъ быть иного отношенія и къ г. Гаршину. Но обращаясь къ міровоззрѣнію нашего автора, отразившемуся въ написанныхъ имъ до сихъ поръ произведеніяхъ, мы сталкиваемся съ печальнымъ фактомъ, характеризующимъ наше время. Его воззрѣнія въ высшей степени скептически и неопредѣленны, и читатель выносить изъ разсказовъ г. Гаршина такое же томительно неопредѣленное впечатлѣніе и такіе выводы, съ которыми, въ сущности, дѣлать рѣшительно нечего. Авторъ смотритъ на міръ Божій сквозь слезы, не тѣ „незримыя міру“ слезы, о которыхъ говоритъ Гоголь, а са-

мыя обыкновенныя и досадныя слезы. Авторъ затрогиваетъ очень интересные вопросы жизни человѣческой, но совершенно отказывается отъ рѣшенія ихъ, по „малонадежности“ человѣка и непреодолимости дѣйствующихъ на него силъ. Вопросы являются предрѣшенными въ томъ смыслѣ, что, какъ ни рѣшай ихъ, ничего хорошаго не выйдетъ, что все въ мірѣ этомъ плохо и печально, да и надеждъ никакихъ не предвидится, что человѣкъ безсиленъ измѣнить злыя предопредѣленія судьбы, что, наконецъ, даже и хлопотать объ этомъ не стоитъ, въ виду тлѣнности всего земного.

Послѣдняя мысль съ особенною силою сквозитъ въ послѣднемъ разсказѣ его: „То чего не было“; но присуща рѣшительно всѣмъ разсказамъ. Даже „Четыре дня“ носить на себѣ ея печать, и если въ моментъ появленія ея въ свѣтъ этотъ разсказъ не производилъ такого мрачнаго впечатлѣнія, то только въ силу вѣншихъ обстоятельствъ—онъ являлся и былъ принятъ за протестъ противъ обуревавшаго тогда общество наше слишкомъ легкомысленнаго отношенія къ войнѣ. Не будь въ тотъ моментъ войны, и разсказъ являлся бы отчасти безпредметнымъ протестомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что же изъ того, что на войнѣ бываютъ суровыя страданія? Пока война неотвратимое, неизбежное зло, страданія эти будутъ, и не въ нихъ лежитъ центръ тяжести дѣла; протестъ возможенъ не противъ этихъ страданій собственно, а противъ самой войны, если она не является неизбежною по историческимъ обстоятельствамъ. Но разъ борьба неизбежна, возможенъ и законенъ протестъ противъ желанія избѣжать страданій за родину. Между тѣмъ авторъ ничего не говоритъ о войнѣ, а только о страданіяхъ, вызванныхъ ею. Впрочемъ, дальше, въ разсказѣ „Трусъ“, для васъ вполне опредѣляется, что авторъ негодуетъ на войну вообще по поводу неизвѣстности; „куда же дѣнется твое я? и т. п. „Ужасы“ войны возмущаютъ героя, только ихъ онъ и видитъ. Но тогда возможно протестовать и противъ ужаса смерти вообще, потому что и при ней возможенъ вопросъ о нашемъ „я“.

Въ другихъ разсказахъ мрачный взглядъ на жизнь, мало мотивированный, какое-то отчаяніе въ жизни—выступаютъ съ полной силой. Любимой тѣмой для автора служить человѣкъ, одушевленный идеальными стремленіями и не находящій въ достиженіи цѣли никакого удовлетворенія. Съ этой точки зрѣнія весьма характеренъ и любопытенъ разсказъ „Художники“. Одинъ изъ художниковъ, бывший инженеръ Дѣдовъ, изъ любви къ искусству оставляетъ службу, отказывается отъ всего, что считается благомъ въ его кругу;—очевидно, его стремленіе къ искусству—стремленіе идеальное; въ былое

время Дѣдовъ явился бы истиннымъ героемъ. Но въ разсказѣ г. Гаршина и искусство, и стремленіе къ нему въ сущности осмѣяны: Дѣдовъ является узкимъ почитателемъ искусства для искусства, отдающимъ свое дарованіе на изображеніе „тоновъ“ и „тонковъ“, съ чѣмъ онъ и отправляется за границу. Другой художникъ, Рябининъ, представитель искусства идейнаго, авторъ „Глухаря“, скоро совершенно разочаровывается въ силѣ искусства на очень плохенькихъ основаніяхъ въ родѣ того, что его „Глухарь“ не увлекалъ свѣтскихъ посѣтительницъ выставки, любительницъ „дѣвочекъ съ кошкой“, „дѣвушекъ, срывающихъ розу“ и тому подобныхъ невинныхъ сюжетовъ. Рябининъ совершенно оставляетъ искусство, идетъ въ народныя учителя, но и тамъ „не преуспѣваетъ“. Вотъ судьба двухъ талантливыхъ художниковъ и искусства. Въ воззрѣніяхъ автора есть, очевидно, ошибка.

Та же ошибка съ еще большей силой сказывается въ „Attalea principesa“. Могучая пальма стремится выйти на свѣтъ и свѣжій воздухъ изъ душной теплицы. Она гоноритъ: „я умру, или освобожусь“. Но достигши своей цѣли и очутившись подъ холодомъ и дождемъ сѣвера, она думаетъ: „только-то? и это все, изъ-за чего я томилась и страдала такъ долго?“. А директоръ сада распорядился спилить ее. Какое мрачное воззрѣніе на стремленіе къ свѣту и свѣжему воздуху, на судьбу стремящихся и на то, что они встрѣчаютъ, достигая своей цѣли! Но авторъ забываетъ, что если пальмѣ, изнѣженной солнцемъ юга, быть можетъ и можно было сказать: „только-то?“, то неприлично сказать то же суровой ели сѣвера, и что, кромѣ того, лучше бороться за свою свободу въ холодѣ и подъ дождемъ и умереть въ этой борьбѣ, чѣмъ постыдно изнывать въ рабствѣ.

Въ печати уже указывали, что г. Гаршинъ создалъ новый типъ, характеризующій наше время, въ разсказѣ „Встрѣча“. Но это едва ли такъ. Инженеръ Кудряшевъ, участвующій въ постройкѣ моста на бумагѣ и расхищающій этимъ путемъ казну, признающій слово „честный гражданинъ“ — „архивностью“, вытащенной изъ учебника и пр. и пр.—этотъ инженеръ—не типъ, а олицетвореніе обычнаго автору мрачнаго взгляда на жизнь и людей, и только талантъ автора спасъ его отъ созданія совсѣмъ мертваго образа. Инженеръ Кудряшевъ остается одною, все-таки простою „категоріей“, въ родѣ классическаго злодѣя. Кудряшевъ—не человѣкъ, не живое лицо; созданъ онъ такъ: авторъ припомнилъ свойство современныхъ героевъ хищника, придавъ имъ взглядамъ полное соотвѣтствіе дѣяніямъ и заставивъ высказывать эти взгляды встрѣчному товарищу. Неужели такъ создаются „типы“?... Жизнь нѣсколько сложнѣе, и каторжники въ



дѣйствительности оказываются далеко не классическими злодѣями. Въ этомъ разсказѣ г. Гаршинъ менѣе поэтъ, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ разсказѣ; онъ увлеченъ тутъ своимъ мрачнымъ міровоззрѣніемъ.

Чѣмъ позднѣе произведеніе г. Гаршина, тѣмъ больше въ немъ ложнаго отчаянія передъ жизнью. Въ послѣднемъ разсказѣ: „То чего не было“, уже какой-то Антонъ съ своимъ сапожникомъ является рѣшителемъ судебъ и насмѣшкой надъ „компаніей“, разсуждавшей о жизни вообще и о будущей жизни въ частности — разсуждавшей, правда, плохо, но что дѣлать? — нельзя же, чтобы кузнички сразу выучились мыслить не хуже насъ съ авторомъ. Этимъ путемъ какого-то страннаго разочарованія не приходять ни къ чему. Г. Гаршинъ останавливается исключительно на явленіяхъ жизни мрачнѣйшихъ, и въ такія же превращаетъ и живыя явленія, какъ въ исторіи палмы. Первое — одностороннее, но послѣднее совсѣмъ уже несправедливо по отношенію къ жизни. Изъ разсказовъ автора, въ концѣ-концовъ, не получается животворныхъ, одушевляющихъ идей.

Талантъ г. Гаршина между тѣмъ долженъ блекнуть подъ этимъ мертвящимъ направленіемъ мысли его. Пусть это будетъ заключительной мыслью нашей замѣтки. Отчаяніе никогда не будетъ лозунгомъ жизни, и кто хочетъ явиться въ ней дѣятельнымъ участникомъ, долженъ найти себѣ дѣло въ ней. А что же можетъ дѣлать поэтъ, писатель, если жизнь представляется ему въ ужасающихъ формахъ, и какое же вліяніе онъ можетъ имѣть на читателей? Скептицизмъ лишь нѣкоторыхъ разсказовъ г. Гаршина полезенъ, призывая къ осторожности, къ анализу жизни, спасая отъ легкомысленныхъ увлеченій. Но ничѣмъ неоправдываемая безнадежность, выразившаяся въ послѣднемъ разсказѣ, всегда ведетъ только къ одному безплодному существованію. — В. А.



## НОВЫЕ СТИХИ ПУШКИНА.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

М. г. Какъ вамъ, быть можетъ, извѣстно,—три четверти библиотеки В. А. Жуковского приобрѣтены г. Сибиряковымъ для дара будущему сибирскому университету; остальная четверть этой библиотеки досталась мнѣ отъ сына покойнаго поэта, П. В. Жуковского. Въ моемъ собраніи есть рукописи, а между ними и рукописи А. С. Пушкина. Сообщаю вамъ на первый разъ отрывокъ изъ „Бориса Годунова“, который составляетъ, вѣроятно, часть рукописей, уже пожертвованныхъ московскому музею; но до поступленія въ общее пользование онѣ должны быть, по условію жертвователя, недоступны никому до пересмотра г. Бартевнымъ, какъ упоминаетъ о томъ П. А. Ефремовъ въ библиографическихъ примѣчаніяхъ къ третьему изданію сочиненій Пушкина (т. II, стр. 410).

Вотъ копія съ упомянутаго отрывка:

### ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Комедія.

О настоящей бѣдѣ Моск. госуд. О царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ.

*Лѣтопись о многихъ мятежахъ и пр.*

писано быть Алексашкою Пушкинымъ

въ лѣто 7333.

9.

### НА ГОРОДИЩѢ ВОРОНИЧѢ

Послѣ сцены VI.

Гдѣ-жъ онъ? гдѣ старецъ Леонидъ?  
Я здѣсь одинъ и все молчить,  
Холодный духъ въ лицо мнѣ дуетъ,  
И ходитъ холодъ по главѣ...  
Что-жъ это? что-же знаменуетъ?  
Бѣда-ли мнѣ, бѣда-ль Москвѣ?  
Бѣда тебѣ, Борисъ лукавый!  
... ц—чь тѣнию кровавой  
Войдетъ со мной въ твой свѣтлый домъ.  
Бѣда тебѣ! главы преступной  
Ты не спасешь ни покаяньемъ,  
Ни Мономаховымъ вѣнцомъ.

Затѣмъ, на другой страницѣ листа на-бѣло написано слѣдующее:

Дѣйствующія лица

въ I-й части.

Борисъ Годуновъ, царь.

Патріархъ Іовъ.

Игуменъ *чудова монастыря*.

Пименъ гѣтописецъ.

Григорій Отрепѣевъ.

В. Шуйскій

Воротынскій } *князя Рюриковой крови*

Василій Щелкаловъ, *верховный дьякъ*.

Мисаилъ

Варлаамъ } *монахи*.

Злой чернецъ.

Хозяйка *корчмы*.

Сторожевые приставы.

Народъ.

Надѣюсь, въ непродолжительномъ времени, сообщить вамъ нѣсколько еще нигдѣ не напечатанныхъ строфъ изъ разныхъ главъ Евгенія Онѣгина и графа Нулина.

Прим. и пр.

А. Онѣгинъ.

Парижъ. — 7 (19) сентября 1882.



## ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е сентября, 1882.

Въ ожиданіи университетской реформы.—Рѣчь г. попечителя казанскаго учебнаго округа, по адресу „серьёзной“ печати.—Отвѣтъ на нее въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.—Вѣра въ произволъ, основанная на привычкѣ.—Дюрингъ, какъ защитникъ „кабинетной юстиціи“.—Русскіе пропагандисты того же начала.—Судобольныя „Московскихъ Вѣдомостей“.—Два типа правительственнаго вѣдательства.—Еще о пессимизмѣ, по поводу современнаго русскаго общества.—Пятидесятилѣтній юбилей академика Я. К. Грота.

— Чтò такое были шестидесятые годы въ исторіи нашего государства и общества?—отвѣтъ на такой вопросъ у всѣхъ на языкѣ, и всѣ очень хорошо помнятъ и знаютъ, что эпоха уничтоженія крѣпостнаго состоянія, введенія земскихъ учреждений, публичнаго судопроизводства и т. д., и т. д.—зовется не иначе, какъ эпохою великихъ реформъ, открывшихъ Россіи новые пути цивилизаціи, отрѣшившихъ ее отъ тѣхъ путей, которыя грозили съ будущемъ какъ внутренними потрясеніями, такъ и ослабленіемъ извнѣ, начало чему было уже положено крымской войной, и т. д., и т. д. Но разсуждая такъ, всѣ мы ошибались: „Московскія Вѣдомости“ указали, съ мѣсяцъ тому назадъ, настоящее гибельное значеніе шестидесятихъ годовъ, и на вопросъ: чтò такое были для насъ шестидесятые годы?—отвѣтили очень просто; по ихъ мнѣнію, это было время „интриги, предпринявшей въ шестидесятихъ годахъ походъ противъ всего государственнаго строя Россіи“.

Въ 70-хъ годахъ этой „интригѣ“ былъ нанесенъ, наконецъ, первый ударъ, во вопросу, хотя и весьма важному, но все же не первостепенному: „благодаря твердой и ясно выраженной волѣ покойнаго Государя, говорятъ тѣ же „Московскія Вѣдомости“,—совершилось въ 1871 г. освобожденіе среднеучебныхъ заведеній гимназій“. Но,—замѣчаетъ газета,—„гимназическая реформа была не полна безъ реформы университетской, и покойный государь *настоящимъ* требовалъ пересмотра университетскаго устава 1863 года; интрига употребила всѣ свои усилія, чтобы удержать университеты въ своей кабалѣ, но можно надѣяться, что и освобожденіе университетовъ не

замедлить "... „Сочтены также, дай Богъ, дни и Головинскаго (sic) устава университетовъ!“

Нѣтъ ничего легче, какъ писать такимъ образомъ исторію „своего“ времени,—стоитъ только разъ навсегда рѣшиться называть бѣлое чернымъ, и vice versa, и затѣмъ довольно заботиться только о послѣдовательности, чтобъ не стать какимъ-нибудь образомъ въ противорѣчіе съ самимъ собою; согласіе съ самимъ собою и замѣняетъ въ подобныхъ случаяхъ понятіе истиннаго. Конечно, слишкомъ назойливый читатель, можетъ быть, прерветъ вышеприведенныя измышленія московской газеты нескромнымъ вопросомъ:—Однако, все-таки остается необъясненнымъ, какимъ образомъ въ Россіи Верховная власть могла „настойчиво требовать“ чего-нибудь—и получить отказъ въ такомъ своемъ требованіи, и притомъ еще „настойчивомъ“? что хотять этимъ сказать „Московскія Вѣдомости“? какимъ образомъ „интрига“ могла обнаружить болѣе могущества, чѣмъ само всемогущество, и переслать „настойчивыя требованія“ самого императора? наконецъ, и что самое важное, какъ объяснять „Московскія Вѣдомости“ еще одну аномалію: такъ-называемый ими „Головинскій уставъ университетовъ“ вводился и осуществлялся на практикѣ другимъ министерствомъ, в теченіе почти 15 лѣтъ; это министерство никогда не было сопрячаемо „Московскими Вѣдомостями“ къ какой-нибудь „интригѣ“;—уставъ такимъ образомъ имѣлъ противъ себя „настойчивыя требованія“ императора, а съ другой стороны, не имѣлъ за себя и министерства, отъ котораго зависѣла его судьба,—и при всемъ томъ нашлась какая-то „интрига“—въ настоящемъ случаѣ, чисто волшебная,—всемогущество которой цѣлыхъ 15 лѣтъ парализовало и волю Верховной власти, и несомнѣнныя намѣренія министерства! что означаетъ весь этотъ сонъ?

Этотъ сонъ означаетъ, что „Московскія Вѣдомости“ пишутъ исторію такъ, какъ пишутся сказки для дѣтей; гдѣ недостаетъ логической связи между мыслями, тамъ является какой-нибудь чудесникъ и разрѣшаетъ задачу; у московской газеты всегда готовы на выручку въ подобныхъ случаяхъ различныя „словечки“, въ родѣ, напримѣръ, „интрига“. Но понимаютъ ли „Московскія Вѣдомости“ всю опасность перенесенія приемовъ сказки на исторію: вѣдь изъ такихъ приемовъ можетъ быть выведена цѣлая оригинальная теорія, и притомъ—весьма логически. Г-нъ Катковъ можетъ увѣрять своихъ читателей, что всякій разъ, когда правительство издастъ законъ, не одобряемый редакціею „Московскихъ Вѣдомостей“, этотъ законъ не есть произведеніе Верховной власти, а результатъ „интриги“; а противники г-на Каткова примѣнять его же теорію къ тѣмъ законамъ,

которые нравятся г-ну Каткову и потому удостоиваются признания съ его стороны, но не нравятся имъ. Во что же, при такой теоріи, обратится вся наша исторія: одна половина, а пожалуй и три четверти, будетъ названа интригой со стороны г-на Каткова, а другая — со стороны его противниковъ. Такимъ образомъ, вся наша исторія превратится въ рядъ анти-катковскихъ или катковскихъ „интригъ“, смѣняющихъ непрерывно другъ друга, — и при этомъ не останется вовсе мѣста для актовъ Верховной власти и ея органовъ! Но это — совершеннѣйшій абсурдъ, — и надобно сказать, что „Московскія Вѣдомости“, вѣроятно, не подумали, къ какимъ дикимъ послѣдствіямъ можетъ привести ихъ теорія, изъ которой онѣ постоянно выходятъ всякій разъ, когда пользуются своими „сказочными“ приемами для уловленія своихъ читателей.

На этотъ разъ, впрочемъ, жестокая судьба обрушилась на „Московскія Вѣдомости“ съ такой стороны, откуда онѣ не могли ожидать ни измѣны, ни „интриги“; ударъ, правда, былъ сдѣланъ безъ прямого указанія, но предметъ, на который онъ былъ направленъ, такъ ясно представлялся воображенію каждаго, что „Московскія Вѣдомости“ сочли неизбѣжнымъ росписаться въ полученіи его. Ударъ тѣмъ не менѣе оказался чувствительнымъ. До нынѣшняго сентября читатели „Московскихъ Вѣдомостей“ такъ и знали наизусть, что послѣдній университетскій уставъ 1863 года не былъ выраженіемъ воли Верховной власти, почему и назывался „Головинскимъ; имъ было извѣстно также, что этотъ уставъ создала, а потомъ 15 лѣтъ поддерживала — интрига, пересилившая и Верховную власть, и ея спеціальныя по этому дѣлу органы; нисколько потому не были для нихъ удивительны всѣ ужасающія послѣдствія этого устава: по словамъ „Московскихъ Вѣдомостей“, этимъ уставомъ „отношенія между учащими (профессорами) и учащимися (студентами) извращались; учебный порядокъ колебался, дисциплина подвергалась поруганію; въ университетахъ шла агитація; студентовъ возбуждали (ужъ не профессора-ли?) къ демонстраціямъ, стонали ихъ на митинги; они сочиняли, подъ рукою университетскихъ властей (о!), профессорско-студентскую конституцію (о! о!..); разыгрывались, какъ всѣмъ (?) извѣстно, сцены неслыханной анархіи...“ И во всемъ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго для читателей „Московскихъ Вѣдомостей“: вѣдь уставъ-то былъ изданъ какимъ-то частнымъ лицомъ, давшимъ ему даже и свое имя, и наконецъ, онъ былъ весь — порожденіе мрачной, темной интриги: какого же добра можно было ждать изъ подобнаго источника?! Эта интрига, если вѣрить „Московскимъ Вѣ-

домостямъ" не только поддерживала уставъ университетскій, но еще усиливалась дискредитировать самый гимназическій уставъ 1871 г., съ цѣлью поколебать въ обществѣ довѣріе къ нему: „всѣ еще не знаютъ, — говоритъ та же газета, — къ какимъ уловкамъ прибѣгалъ „Голосъ“ (и доселѣ служащій органомъ бывшему въ первой половинѣ 60-хъ годовъ министромъ народнаго просвѣщенія А. В. Головнину), дабы затормозить и испортить эту плодотворнѣйшую изъ всѣхъ реформъ минувшаго царствованія“; однимъ словомъ, эта интрига по отношенію гимназическаго устава продѣлывала, какъ оказывается, все то, что продѣлывали потомъ сами „Московскія Вѣдомости“ по отношенію университетскаго устава, усиливаясь дискредитировать этотъ уставъ и уронить профессоровъ въ глазахъ самихъ учащихся; недоставало только одного, а именно, чтобы противники гимназическаго устава, подражая г. Каткову, усомнились бы въ его законодательномъ значеніи и назвали бы его также продуктомъ „интриги“!

Пока „Московскія Вѣдомости“ имѣли дѣло съ своими газетными противниками, — ихъ аргументація и сказочные приемы сходили имъ благополучно съ рукъ. Но на-дняхъ произошелъ случай, и неудобный, и непріятный для московской газеты. Въ одномъ изъ казанскихъ періодическихъ изданій, выходящихъ слѣдовательно подъ цензурою, появилась не статья, внушенная „интригой“, а цѣлая рѣчь, произнесенная г. попечителемъ казанскаго учебнаго округа въ актовъ залѣ одной изъ мѣстныхъ гимназій. Г-нъ попечитель, не называя никого по имени, замѣтилъ только, что онъ имѣетъ въ виду „серьезную печать“ („этотъ complimentъ, прибавляютъ „Московскія Вѣдомости“, относится къ намъ“), и по адресу этой „серьезной“ печати выразилъ слѣдующее: „Грустно это безоглядное бросаніе камней въ высшія учебныя заведенія, на которыя въ наше время, когда мы учились, всѣ, и общество, и учащіеся, смотрѣли съ нѣкотораго рода *pietas*. А теперь пожалуй иной молодой человѣкъ, начитавшись (въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“) нападеній на университеты и профессоровъ, внесетъ въ университетъ не прежнюю нашу *pietas*, любовное, благоговѣйное чувство, а духъ критики и отрицанія достоинствъ своихъ будущихъ наставниковъ“. Какъ лицо близко стоящее къ личному составу своего университета, г. попечитель торжественно засвидѣтельствовалъ, что корпорація профессоровъ дѣйствуетъ „единственно въ видахъ пользы учащейся молодежи“; — „Московскія Вѣдомости“ прибавляютъ: „удовольствіе пріятнее, но не слишкомъ ли смѣлое?“ Соглашаемся съ послѣднимъ: „Московскимъ Вѣдомостямъ“ не могло не показаться слишкомъ смѣлымъ, со стороны г.

попечителя, до такой степени разойтись во взглядахъ на университеты съ г-мъ Катковымъ; но едва ли искренно называетъ газета это удостовѣреніе — „пріятнымъ“; пріятнаго тутъ очень мало для „Московскихъ Вѣдомостей“. Отдѣлываться сказочными приѣмами и намеками на интригу тутъ нельзя; газета могла объяснить легко, почему какой-нибудь „Голосъ“ защищаетъ „анархію“ въ университетахъ; но въ настоящемъ случаѣ приходится имѣть дѣло съ попечителемъ учебнаго округа, дѣйствовавшимъ притомъ въ совершенномъ согласіи съ министерствомъ народнаго просвѣщенія 70-хъ годовъ. Мы видѣли выше, что было сказано г. попечителемъ; въ другомъ мѣстѣ своей рѣчи онъ присоединяетъ еще слѣдующее соображеніе: „Пресса, несправедливо и огуломъ порицающая профессоръ, оказываетъ отечеству плохую услугу; подрывая уваженіе къ профессорамъ и значеніе университетовъ въ глазахъ учащейся молодежи, она какъ бы санкціонируетъ студенческія демонстраціи и безпорядки въ стѣнахъ университетовъ, и слѣдовательно играетъ въ руку политическимъ агитаторамъ“.

Но это уже превышаетъ всякую мѣру долготерпѣнія со стороны редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“, которая ни о чемъ не думаетъ какъ только о томъ, чтобы оказывать отечеству добрыя услуги; и вдругъ ей въ лицо говорятъ, что она оказываетъ „плохую услугу“; мало этого: газета постоянно берется съ кривою, а ее обвиняютъ въ содѣйствіи политическимъ агитаторамъ! Понятно, что „Московскія Вѣдомости“, въ виду такой горькой несправедливости, могли только, послѣ этихъ словъ г. попечителя, меланхолически воскликнуть: „Вотъ какъ пишется официальная исторія!“ Давно ли для „Московскихъ Вѣдомостей“ „официальная“ исторія сдѣлалась синонимомъ фальшивой и лживой! Да именно съ той минуты, какъ официальная исторія имѣла несчастье не совпасть съ идеями московской газеты.

Но фамильярность отвѣта „Московскихъ Вѣдомостей“ г. попечителю, хотя бы и въ формѣ меланхолическаго восклицанія, не есть собственно отвѣтъ. Это чувствуютъ и „Московскія Вѣдомости“, а потому онѣ и прибѣгаютъ къ другимъ еще способамъ возраженія. Нашъ читатель, конечно, съ любопытствомъ ожидаетъ, какъ удастся московской газетѣ вывернуться на этотъ разъ, — а между тѣмъ, она это дѣлаетъ столь же просто, сколько и побѣдоносно. Какъ увидитъ читатель, на повѣрку окажется даже, что г. попечитель казанскаго учебнаго округа вооружился противъ „Московскихъ Вѣдомостей“ собственно за ихъ либерализмъ, а самъ, въ своихъ сужденіяхъ, исходилъ изъ отсталой, почти реакціонной точки зрѣнія... Судите сами! По мнѣнію г. попечителя казанскаго учебнаго округа, какъ утверж-



даютъ „Московскія Вѣдомости“, всякій попечитель обязанъ „стоя у дверей, приглашать входящую молодежь *безоглядно* исполнять все, что тамъ имъ предпишутъ, и *благоговѣнно* относиться ко всему, что тамъ имъ скажутъ“. Московская газета, съ своей либеральной точки зрѣнія, не можетъ допустить ни „безогляднаго“ исполненія предписаній, со стороны учащихъ, ни „благоговѣйнаго отношенія студентовъ къ профессорамъ. Кого же это хотятъ обмануть „Московскія Вѣдомости“?! — но пойдемъ далѣе. Оказывается, что, по отставому мнѣнію г-на попечителя, „публика не можетъ заглядывать въ университетъ, серьезная печать не должна касаться того, что тамъ происходитъ; студенты, надъ которыми производятся операціи университетскаго самоуправленія, не смѣютъ пикнуть. Значить, совсѣмъ крѣпко и заперто со всѣхъ сторонъ“. Не таковы прогрессивныя убѣжденія г. Каткова: онъ стоитъ-де за то, чтобы университетскія двери были на распаху предъ публикою; онъ отстаиваетъ свободу печати и ея право слѣдить за всѣмъ, что происходитъ въ университетѣ; наконецъ, по убѣжденію г. Каткова, студенты не должны безучастно смотрѣть на университетское самоуправленіе, и если оно имъ не нравится, если, напримѣръ, они предпочтутъ департаментское управленіе, то необходимо принять въ соображеніе таковое ихъ желаніе.

Что сказать по поводу такой смѣлой насмѣшки „Московскихъ Вѣдомостей“ надъ здравымъ смысломъ читателей, которыхъ газета тщится увѣрить, что г. попечитель казанскаго учебнаго округа отсталъ отъ времени, а онѣ-то именно и высказываютъ самыя прогрессивныя идеи? Повторимъ только по этому поводу собственныя слова „Московскихъ Вѣдомостей“, и точно также меланхолически воскликнемъ: — Вотъ какъ пишется оффиціозная исторія!!..

Статья „Московскихъ Вѣдомостей“ заключается вопросомъ, предлагаемымъ въ виду возможности замѣны стараго университетскаго устава новымъ: „А что, спрашиваетъ газета, если при введеніи новыхъ, предполагаемыхъ правительствомъ порядковъ, кто-либо изъ наставниковъ, по старой памяти, будетъ приглашать молодыхъ людей къ изъясненію духа критикѣ относительно правительства, хотя бы въ лицѣ попечителя, должны ли они будутъ благоговѣнно и безоглядно послѣдовать приглашенію?“ Но вѣдь сами „Моск. Вѣд.“, какъ мы видѣли, иронизируютъ надъ попечителемъ, который, „стоя у дверей, приглашаетъ входящую молодежь безоглядно исполнять все то, что тамъ имъ предпишутъ, и благоговѣнно относиться ко всему, что тамъ имъ скажутъ“; московская газета, какъ мы видѣли, противъ такого „безогляднаго исполненія“, а также и противъ „благоговѣнія“; на-

нецъ, она съ благороднымъ негодованіемъ отзывалась относительно того, что теперь, по уставу 1863 года, студенты, надъ которыми производится операція, не смѣютъ „пикнуть“. И это еще не все: отстаивая права университетской молодежи на повинованіе съ оглядкой, г. Катковъ даетъ ей съ своей стороны аттестатъ, вполне оправдывающій такіа права: „Изъ нынѣшнихъ студентовъ, говоритъ онъ, многіе нерѣдко обнаруживаютъ гораздо большую зрѣлость, чѣмъ общественная и ученая интеллигенція“, т.-е. сами профессора. На это есть и особыя причины: „Студенты нынѣшняго-молъ времени, воспитанники болѣе правильной приготовительной школы, созданной правительствомъ въ 1872 году (т.-е. классики), судятъ зрѣлѣе прежнихъ поколѣній и яснѣе видятъ неправильность положенія, отъ котораго страдаютъ болѣе всего они сами“; конечно, нынѣшніе профессора, равно какъ и самъ г. Катковъ, лишены подобной зрѣлости сужденія: они родились слишкомъ рано, чтобъ воспользоваться классическими гимназіями 1872 года.

Но напрасно читатель принялъ бы весь этотъ восторгъ г. Каткова предъ нынѣшнею молодежью, стоящею будто бы по развитію выше самихъ профессоровъ, за наличную монету; число этихъ „многихъ“ феноменальныхъ студентовъ ограничивается пока всего *однимъ* юношею, сотрудничающимъ въ „Моск. Вѣд.“, за подписью: „Студентъ“, и на-дняхъ „раскрывавшимъ, на столбцахъ этой газеты ненормальность экзаменаціонныхъ порядковъ въ университетахъ“. Если бы не было теперь поздно, то „Москов. Вѣдомости“, конечно, предложили бы этого „Студента“ въ члены комиссіи по составленію новаго университетскаго устава; но, какъ газета слышала, этотъ уставъ уже готовъ, и по сообщеннымъ ею извѣстіямъ „имѣетъ цѣлю—прекратить фальшивое положеніе университетовъ, образовавшееся въ началѣ шестидесятихъ годовъ, поставить ихъ въ правильное отношеніе къ государству, водворить (!) въ нихъ духъ науки, освободить профессорскія коллегии отъ тиранніи партій и очистить отъ посторонней при-мѣси (?) отношенія наставниковъ къ учащимся“.

Имѣя у себя въ редакціи подъ рукою феноменальныхъ „студентовъ“, г. Катковъ могъ бы даже при ихъ помощи убѣдиться, что все это высказанное имъ, на свой рискъ и страхъ, не выдерживаетъ и малѣйшей критики: никакой въ мірѣ уставъ, хотя бы онъ былъ составленъ самими „студентами“ изъ „Московскихъ Вѣдомостей“, не въ состояніи „водворить въ университетахъ духъ науки“, и если онъ „освободитъ“ профессорскія коллегии отъ тиранніи партій, то только съ тѣмъ, чтобы подчинить ихъ какой-нибудь иной „тиранніи“, —и послѣдняя можетъ быть горше первой; что же касается до „очи-

щенія отъ посторонней примѣси отношеній наставниковъ къ учащимся“, то именно уставъ 1863 г. имѣлъ въ виду такое очищеніе, поставивъ лицомъ къ лицу профессоровъ и студентовъ, и только позднѣйшія распоряженія ввели „постороннюю примѣсь“.

Вообще, мысль о томъ, что замѣна одного устава другимъ можетъ „водворять науки“ и пр. и пр.—въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ вытекаетъ, вѣроятно, изъ цѣлости міросозерцанія редакціи этой газеты; но нигдѣ эта мысль не представляется столь шаткою, какъ въ примѣненіи къ университетскому вопросу. Никакой уставъ не въ состояніи уединить исторію университета отъ исторіи всего общества даже до той малой степени, до какой могли, и то въ прежнія времена, уединяться монастыри; всегда исторія общества будетъ вѣдѣйствовать, худо ли, хорошо ли—это зависитъ уже отъ самой исторіи общества—на жизнь университетовъ. Что же касается до „водворенія науки“ въ университетахъ—то едва ли и самъ г. Катковъ можетъ вѣрить тому, что бы уставами, а не живыми людьми, живущими среди живого общества, могли водворяться науки, не схоластическія, средневѣковыя, а—въ томъ ихъ направленіи, какое онѣ приняли въ современныхъ образованныхъ обществахъ. Настоящее наніе университетское нестроеніе не есть самостоятельный фактъ, а только симптомъ общаго порядка вещей, а потому было бы тщетно ограничиваться борьбою съ симптомами: ни одинъ опытный врачъ не позволилъ бы себѣ такой ошибки—прописывать лекарство, оставляя пациента въ той же обстановкѣ, которая служитъ непрерывнымъ источникомъ заболѣванія. Имѣя подъ рукою текстъ ожидаемаго университетскаго устава, мы могли бы высказать свою мысль яснѣе и подтвердить ее примѣрами; но намъ это извѣстно по однимъ городскимъ и отчасти газетнымъ слухамъ, а потому мы и вынуждены на этотъ разъ ограничиться одними общими соображеніями.

Строгая законосообразность всего совершающагося въ природѣ—одна изъ тѣхъ идей, которыя всего медленнѣе и всего труднѣе проникаютъ въ сознаніе человѣка. Торжествующая въ наукѣ, она далека отъ торжества не только въ міросозерцаніи массы, но и въ представленіяхъ образованнаго меньшинства. Вѣковая привычка часто идетъ въ разрѣзъ съ указаніями разума, заставляетъ отрицать, въ примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ, допускаемую въ теоріи неразрывную связь между послѣдствіемъ и причиной. Нѣчто подобное мы видимъ и въ другой сферѣ, болѣе тѣсной. Политическая жизнь европейскихъ народовъ стремится уже давно къ господству закона надъ

произволомъ, къ установленію нормъ, одинаково обязательныхъ для правительственной власти и для отдѣльныхъ гражданъ. Противудѣйствіе этому стремленію со стороны ограничиваемой имъ силы вполнѣ естественно; но понятіе о законности сталкивается еще съ преградами другого рода. Къ защитникамъ произвола присоединяются добровольцы изъ среды общества, испытываго или продолжающаго испытывать его тягость. Въ основаніи этого факта лежатъ отчасти тѣ же причины, которыя мѣшаютъ распространенію здравыхъ научныхъ взглядовъ. Суровость, непреклонность закона кажется и здѣсь чѣмъ-то болѣе страшнымъ, чѣмъ гибкость и податливость произвола. Отъ дѣйствія закона ускользнуть нельзя—дѣйствіе произвола можно направить въ ту или другую сторону. Окончательное рѣшеніе, произнесенное въ силу закона, неизмѣнно; рѣшеніе, построенное на произволѣ, можетъ быть измѣняемо произвольное число разъ. Поговорите съ человѣкомъ, только что проигравшимъ важное для него судебное дѣло; въ большинствѣ случаевъ вамъ не удастся убѣдить его, что есть и должны быть рѣшенія безапелляціонныя, навсегда заканчивающія процессъ, что надъ послѣдней инстанціей нѣтъ и не должно быть еще одной, по крайней мѣрѣ для дѣлъ вопіющихъ—а многіе ли изъ тяжущихся, осужденныхъ судомъ, не включаютъ своего дѣла именно въ эту категорію? Какъ бы то ни было, сочувствіе къ произволу часто встрѣчается тамъ, гдѣ о немъ, повидимому, не могло бы быть и рѣчи. Извѣстный „философъ дѣйствительности“, Дюрингъ, издавъ недавно свою автобіографію <sup>1)</sup>, переплетенную съ анализомъ различныхъ сторонъ современной общественной жизни. Къ числу явленій, возбуждающихъ особенное негодованіе автора—нѣсколько разъ претерпѣваго неудачу въ соприкосновеніяхъ своихъ съ судебной властью—принадлежитъ такъ называемый „судейскій абсолютизмъ“, т.-е. неприкосновенность окончательныхъ судебныхъ рѣшеній. Этотъ абсолютизмъ, въ глазахъ Дюринга, хуже всякаго другого; какъ орудіе противъ него хороша, даже „кабинетная юстиція“, т.-е. вмѣшательство высшей правительственной власти въ отправленіе правосудія, сопряженное, въ случаѣ надобности, съ карательными мѣрами противъ погрѣшившихъ (по мнѣнію власти) судей. Въ подтвержденіе своей мысли Дюрингъ приводитъ распоряженіе Фридриха II-го, отмѣниваго королевскимъ приказомъ рѣшеніе берлинскаго суда по дѣлу о мельницѣ Миллера и посадившаго су-

<sup>1)</sup> *Eugen Dühring*, „Sache, Leben und Feinde“. Karlsruhe und Leipzig, 1882. Съ этой интересной книгой мы постараемся познакомить нашихъ читателей болѣе подробно.

дей на нѣсколько мѣсяцевъ въ крѣпость Шпандау. Спорнымъ вопросомъ въ этомъ дѣлѣ была возможность дѣйствія мельницы, послѣ перемѣны въ направленіи рѣки, снабжавшей ее водою. Судъ, выслушавъ свидѣтелей, разрѣшилъ этотъ вопросъ утвердительно; король, основываясь на донесеніи „довѣреннаго офицера“, пришелъ къ другому заключенію и наказалъ судей за то, что они иначе чѣмъ онъ посмотрѣли на дѣло. Осыпая короля похвалами, Дюрингъ не рѣшается, однако, предложить простое возвращеніе къ фридрициановскому способу дѣйствій; онъ рекомендуетъ учрежденіе такого присутственнаго мѣста, которое, стоя въ сторонѣ отъ судейскаго сословія, разрѣшало бы жалобы на явное нарушеніе закона (Rechtsbeugung).

Если бы Дюрингъ понималъ по-русски и слѣдилъ за русской периодической печатью, мы должны были бы извиниться передъ нимъ, ставя рядомъ съ его почтеннымъ именемъ фирму нашихъ доморощенныхъ реакціонеровъ. Свободныя во всемъ остальномъ отъ всякаго сходства съ глубокимъ мыслителемъ и замѣчательнымъ ученымъ, „Московскія Вѣдомости“ сошлись съ нимъ въ нападеніяхъ на независимость суда и судей. Развивая, нѣсколько недѣль тому назадъ, тезисъ „правительственнаго маразма“, оплакивая „отсутствіе правительства“ въ мірѣ судебномъ, университетскомъ, литературномъ, газета г. Каткова беретъ на себя защиту народа, „отданнаго въ безконтрольное завѣдываніе плотно связанной, de facto самопополняющейся, самодержавной судейской корпораціи“—корпораціи, которая „сама подъ судъ отдаетъ, сама судить, сама повѣряетъ свои рѣшенія, сама толкуетъ законы (стало быть въ нѣкоторомъ смыслѣ законодательствуетъ) и никому далѣе не даетъ въ своихъ дѣйствіяхъ отчета“. Само собою разумѣется, что сходство между нѣмецкимъ философомъ и московской газетой и здѣсь далеко неполное. Дюрингъ пишетъ въ странѣ, успѣвшей уже забыть о „кабинетной юстиціи“; у насъ не только свѣжо преданіе о старыхъ судахъ, зависящихъ отъ администраціи и отвѣтственныхъ передъ нею, но существуютъ до сихъ поръ образцы этого учрежденія. Иллюзіи разстоянія и времени, оправдывающія, до извѣстной степени, увлеченіе Дюринга, у насъ немислимы; мы видимъ и осязаемъ то, на что онъ смотритъ сквозь призму „прекраснаго далѣка“. Подкупаетъ Дюринга, наконецъ, и то, что королевскій приказъ Фридриха Великаго былъ направленъ въ защиту слабаго противъ сильныхъ, въ пользу простолюдина, притѣсняемаго знатнымъ бариномъ; въ такомъ ли смыслѣ нарушалось обыкновенно отправленіе нашего до-реформеннаго правосудія—это не требуетъ разъясненій. Въ Германіи можно говорить съ нѣкоторыми

правомъ о судейской корпораціи, какъ о солидарномъ цѣломъ, имѣющемъ свои традиціи, свои обычаи, можетъ быть даже свои предразсудки; въ Россіи такая корпорація возможна развѣ въ будущемъ, да и то едва ли, потому что у насъ нѣтъ и не предвидится условій, благопріятствующихъ развитію корпоративнаго духа. Не смѣшно ли — чтобы не сказать болѣе — называть наше судейское сословіе „*de facto* самопополняющимся“, когда статья судебныхъ уставовъ, предоставляющая судамъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, указаніе кандидатовъ на судейское званіе, цѣлыя десять лѣтъ (1867—1878) оставалась почти безусловно мертвой буквой, да и теперь имѣетъ лишь весьма ограниченное примѣненіе? Дюрингъ не возстаетъ противъ не-смѣняемости судей; онъ хочетъ только не-судебнаго, правильно организованнаго надъ ними контроля. Мысль Дюринга кажется намъ непрактичной, но не болѣе. Она предполагаетъ существованіе суда внѣ суда, или суда надъ судомъ, равносильное, въ сущности, увеличенію числа судебныхъ инстанцій. Создайте, для контроля надъ судьями и для повѣрки судебныхъ рѣшеній, особую коллегію—она будетъ судомъ, какимъ бы именемъ вы ее ни назвали. Составьте ее изъ лицъ специально образованныхъ—между ними и судьями неминуемо явится та внутренняя связь, которою и въ настоящее время ограничивается пресловутое единство судейскаго сословія. Возложите судебныя функціи на людей, не подготовленныхъ къ нимъ ни образованіемъ, ни опытомъ—противъ этого возопіетъ здравый смыслъ, требующій отъ высшей инстанціи свѣдѣній по меньшей мѣрѣ равныхъ тѣмъ, которыми располагаетъ низшая. Изъ этой дилеммы нѣтъ никакого исхода. *Quis custodiet custodes?*—можно было бы спросить, притомъ, автора разбираемаго нами проекта. Что дѣлать, если предлагаемая имъ коллегія сама окажется повинной въ *Rechtsbeugung*, если подъ видомъ возстановленія права будетъ допущено его нарушеніе? Апеллировать въ третье мѣсто, не имѣющее ничего общаго ни со вторымъ, ни съ первымъ, и такъ далѣе? Подвигаться впередъ по этой дорогѣ, значить весьма скоро дойти до абсурда.

Судъ надъ судомъ, охраненіе права путемъ правосѣрнымъ—это нѣчто слишкомъ сложное для нашей, русской „судоболѣзни“ (просимъ извиненія читателей за это необычное слово; но вѣдь болѣзненная антипатія къ независимому суду—въ сущности не что иное, какъ равноудинность *сѣтуболѣзни*). Предлагаемая ею, прямо или косвенно, лекаря горадо проще: это отмѣна такъ-называемой судейской не-смѣняемости, уничтоженіе или по меньшей мѣрѣ ограниченіе суда присяжныхъ и допущеніе, въ чрезвычайныхъ случаяхъ (т.-е. всегда, когда понадобится или вздумается), административнаго пересмотра

судебныхъ рѣшеній. Es ist schon alles da gewesen, какъ говорятъ нѣмцы; это—откровенное до грубости возвращеніе къ старому порядку, торжественно осужденному исторіей, это—программа реакціонной революціи, непримиримо враждебной всему похожему на реформу. Нашъ административный строй давно самъ нуждается въ преобразованіяхъ—а его выставляютъ образцомъ, къ которому должно приноравливаться и судебное устройство. Однимъ изъ главныхъ источниковъ административной неурядицы служитъ ненормальное положеніе чиновниковъ, беспомощныхъ и безправныхъ по отношенію къ начальству, всемогущихъ и всевластныхъ по отношенію къ массѣ населенія; вѣсто того, чтобы искоренить это зло, его хотятъ внести вновь въ единственную сферу, сколько-нибудь отъ него огражденную и всего болѣе нуждающуюся въ охранѣ. Единичныя ошибки, всюду неизбѣжныя, ставятся въ вину цѣлому учрежденію; изъ недостаточности гарантій, обеспечивающихъ правильное отправленіе правосудія, выводится необходимость полного ихъ разрушенія. Положимъ, что настоящее судебное устройство допускаетъ возможность неправильныхъ, иногда даже сознательно-неправильныхъ рѣшеній; во сколько разъ увеличится ихъ число при полной несамостоятельности судей, при безграничной и безусловной измѣняемости однажды постановленнаго приговора? Если въ одномъ случаѣ матеріальная истина оказалась на сторонѣ изслѣдованія, произведеннаго „довѣреннымъ офицеромъ“, то не ясно ли, что этотъ результатъ былъ достигнутъ не благодаря, а вопреки употребленному средству? Гдѣ основаніе думать, что работа спеціалиста, въ среднемъ выводѣ, уступаетъ работѣ дилеттанта, что усмотрѣніе администраціи имѣетъ преимущество передъ рѣшеніемъ суда? Намъ говорить о судебныхъ ошибкахъ, непоправленныхъ и непоправимыхъ; но гдѣ же ручательство въ томъ, что „поправка“ всегда была бы дѣйствительно поправкой, а не переиначеніемъ къ худшему? Непогрѣшимость свойственна административной власти столь же мало, какъ и судебной; вѣроятность погрѣшности растетъ по мѣрѣ стремительности пріемовъ и увеличивается уже самою экстремностью вѣшатательства, далеко не всегда вызываемаго идеальнымъ стремленіемъ къ торжеству истины и справедливости. На одно возстановленіе права, какимъ былъ упомянутый нами королевскій приказъ Фридриха II-го, сколько приходилось при самомъ великомъ королѣ—и въ особенности при его предшественникахъ и преемникахъ—правонарушеній <sup>1)</sup>? Если избытокъ судейской независимости—избытокъ,

<sup>1)</sup> Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить, между прочимъ, вѣд-судебное преслѣдованіе (при Фридрихѣ-Вильгельмѣ II-мъ) Цербони съ товарищами, подробно

о которомъ у насъ не можетъ быть и рѣчи—служить иногда источникомъ несправедливости, то что же сказать объ *избыткѣ зависимости*, неизбежномъ при смѣняемости судей и отвѣтственности ихъ за несогласіе съ администраціей? Правосудіе, въ настоящемъ, высокомъ значеніи этого слова, не можетъ быть цѣлью тѣхъ, которые хотятъ подчиненности суда и судей. Смѣлости нападенія противъ лучшихъ сторонъ судебной реформы соответствуетъ невѣжество нападающихъ. Удивляясь тому, что судебная власть сама судить, сама повѣряетъ свои рѣшенія (!), они вмѣняють ей въ вину толкованіе ею законовъ, какъ вторженіе въ сферу дѣйствій законодательной власти. Такой ошибки не сдѣлаетъ ни одинъ студентъ перваго курса юридическаго факультета, знающій какъ нельзя лучше, что толкованіе законовъ, насколько оно ограничивается примѣненіемъ ихъ къ отдѣльнымъ случаямъ, составляетъ и не можетъ не составлять главную функцію судебной власти. Нашимъ судамъ прежняго устройства запрещено было допускать „обманчивое непостоянство самопроизвольныхъ толкованій“—и все-таки они сплошь и рядомъ толковали законы, потому что безъ этого невозможно было бы, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, рѣшеніе дѣла.

Если вѣрить опаснымъ друзьямъ правительства, оно „отсутствовало“ до сихъ поръ не въ одной только судебной сферѣ. Къ „присутствію“ его въ области литературы сдѣланъ уже шагъ, обсуждаемый нами въ другомъ мѣстѣ; къ „присутствію“ его въ университетскомъ мірѣ, какъ мы видѣли, также принимаются мѣры. Въ основаніи всей аргументаціи „Московскихъ Вѣдомостей“ по этому вопросу лежить, помимо злостнаго извращенія фактовъ, одно капитальное недоразумѣніе. Подъ однимъ общимъ именемъ „правительственнаго вмѣшательства“ соединяются два понятія, глубоко различныя между собою. Одно изъ нихъ предполагаетъ содѣйствіе правительства всякому полезному дѣлу, превышающему силы общественныхъ группъ или частныхъ лицъ, предполагаетъ инициативу въ новыхъ отрасляхъ дѣятельности, регулированіе, путемъ закона, запутанныхъ отношеній, огражденіе или восстановленіе общественнаго равновѣсія, покровительство слабымъ, только что нарождающимся или освободившимся общественнымъ элементамъ. Это—то вмѣшательство, противъ котораго такъ долго возставали и до сихъ поръ возстають приверженцы прин-

---

рассказанное Филиппсономъ въ только что вышедшей второй части сочиненія его: „Geschichte des preussische Staatswesens vom Tode Friedrichs des Grossen bis zu den Freiheitskriegen“.



ципа: laissez faire, laissez passer,—то вмѣшательство, которое все больше и больше входитъ въ плоть и кровь современныхъ обществъ, отъ котораго слѣдуетъ ожидать мирнаго устраненія золъ, вездѣ тяготѣющихъ надъ массой. Другое вмѣшательство останавливается, стѣсняетъ, регламентируетъ, нарушаетъ созданныя имъ самимъ границы, игнорируетъ признанныя имъ самимъ права, стремится все предусмотрѣть, все управлять, все опредѣлить—кромѣ своихъ собственныхъ рамокъ и своего собственного образа дѣйствій. Это вмѣшательство привело, по закону реакціи, къ крайностямъ манчестерской школы; оно настолько безплодно, насколько первое можетъ быть плодотворнымъ, настолько легко, насколько первое трудно. Въ силу вмѣшательства перваго рода государство принимаетъ на себя заботу о высшемъ образованіи, способствуетъ процвѣтанію наукъ, увеличиваетъ число и средства учреждений, ей посвященныхъ; въ силу втораго—оно ограничиваетъ свободу преподаванія и распоряжается по своему усмотрѣнію личнымъ составомъ преподавателей. Въ силу перваго—государство покровительствуетъ народной школѣ, старается сдѣлать ее доступной для возможно большаго числа дѣтей школьнаго возраста, печется о приготовленіи способныхъ народныхъ учителей и обезпечиваетъ ихъ участь; въ силу втораго—оно затрудняетъ открытіе новыхъ начальныхъ училищъ и сосредоточиваетъ свое вниманіе на формальномъ наблюденіи за школами и учителями. Въ силу перваго—оно полагаетъ предѣлъ эксплуатаціи дѣтей на фабрикахъ, открываетъ кредитъ малоземельнымъ крестьянамъ, обуздываетъ жадность желѣзно-дорожныхъ обществъ; въ силу втораго—оно обуздываетъ самовластіе,—т.-е. самостоятельность—судей. Замѣчательно, что вмѣшательство одного рода крайне рѣдко идетъ рука объ руку съ другимъ; преобладаніе одного исключаетъ возможность широкаго развитія другого. Господство администраціи надъ печатью, надъ судомъ, надъ университетомъ проповѣдуется именно тѣми, которые возстаютъ противъ такихъ мѣръ, какъ напримѣръ открытіе крестьянскаго поземельнаго банка. „Присутствіе“ правительства въ тѣхъ или другихъ областяхъ общественной жизни понимается ими не какъ могучій элементъ развитія и движенія, а какъ тормазъ, облеченный въ форму регулятора.

Тяжела, безспорно тяжела та эпоха, когда теоріи въ родѣ оспариваемыхъ нами высказываются съ претензіями на авторитетность, съ очевидными шансами успѣха. Сколько ни утѣшать себя воспоминаніемъ о пережитыхъ минутахъ, не менѣе печальныхъ, надеждой на скорое наступленіе лучшаго времени—отъ порывовъ чувства, близкаго

къ безнадежности, уберечь себя трудно, и мы не рѣшимся порицать тѣхъ, кто склоняется къ мрачному взгляду на будущее. Съ однимъ только мы никакъ не можемъ примириться—съ мыслью о томъ, что наше общество заслуживаетъ свою участь, что оно находится всецѣло во власти „шкурныхъ инстинктовъ“. Сказанное нами по этому предмету въ предыдущей хроникѣ вызвало возраженіе, котораго мы не можемъ оставить безъ отвѣта. Намъ говорятъ, что мы нарочно закрываемъ себѣ глаза, что истина, которую могутъ эксплуатировать въ свою пользу враги свѣта и свободы, тѣмъ не менѣе остается истинной; намъ напоминаютъ вопросъ „объ упадкѣ крестьянскаго хозяйства“, возникшій лѣтъ десять тому назадъ — вопросъ, также имѣвшій обоюдоострое значеніе. Упадокъ крестьянскаго хозяйства—замѣчаютъ наши оппоненты — могъ быть истолкованъ во вредъ реформѣ, во вредъ крестьянамъ; тѣмъ не менѣе его нельзя было отрицать—нужно было только раскрыть его настоящій источникъ.—Совершенно вѣрно; но къ чему сводилось тогда разногласіе между крѣпостниками и защитниками реформы? Крѣпостники утверждали, что крестьяне неспособны къ свободѣ, что она повлекла за собою распущенность, лѣность и нравственную порчу, послѣдствіемъ которыхъ, въ свѣю очередь, было разстройство крестьянскаго хозяйства; другая сторона стояла на томъ, что сами крестьяне неповинны въ своихъ дѣйствіяхъ и неудачахъ, что матеріальный ихъ бытъ недостаточно обезпеченъ закономъ, а самоуправленіе извращено давленіемъ нужды и вмѣшательствомъ администраціи. Представимъ себѣ, что обѣ стороны оказались бы единогласными въ признаніи упадка крестьянской нравственности, и разошлись бы только въ выборѣ мѣръ къ ея исправленію; развѣ положеніе вопроса отъ этого бы не измѣнилось? Положимъ, что защитники крестьянства стали бы рассуждать такимъ образомъ: нравственность крестьянъ никуда не годится, въ послѣднее время она опустилась еще ниже прежняго; но стоитъ только улучшить матеріальное ихъ положеніе, увеличить сумму принадлежащихъ имъ правъ, устранить недостатки крестьянскаго самоуправленія — и все пойдетъ какъ нельзя лучше. Продолженіе спора было бы возможно и на этой почвѣ, но приверженцы реакціи заручились бы однимъ немаловажнымъ аргументомъ. Докажите — могли бы сказать они — что крестьяне, которыхъ вы сами цѣните такъ низко, способны воспользоваться всѣмъ тѣмъ, чего вы для нихъ требуете; докажите, что въ крестьянской средѣ найдется теперь же тотъ запасъ силъ, безъ котораго останутся втунѣ самыя широкія, самыя разумныя преобразованія. На это можно было бы

возразить—и не безъ основанія—что силы вырастутъ мало-по-малу, лишь бы только была благоприятная для нихъ почва, что новыя учрежденія создаютъ новыя условія, а слѣдовательно и новыя люди; требованіе реформъ было бы, тѣмъ не менѣе, поколеблено въ одномъ изъ своихъ главныхъ основаній—оно потеряло бы ту силу, которую даетъ убѣжденіе въ зрѣлости среды, въ готовности ея къ воспріятію и осуществленію новаго начала. Получить порядокъ, до котораго надобно еще дорости, или порядокъ, соотвѣствующій наличнымъ въ данную минуту средствамъ—далеко не одно и то же. Далеко не одно и то же—говорить отъ имени общества въ конецъ испорченнаго, развращеннаго, немошнаго, видяннаго единственныи шансъ спасенія въ толкѣхъ извѣтъ, въ искусственномъ „подъемѣ общественнаго духа“—или отъ имени общества, придавленнаго обстоятельствами, задержаннаго ими въ своемъ развитіи, утомленнаго неравной борьбой, но все еще не лишеннаго энергіи и располагающаго живымъ запасомъ нравственной силы.

Центръ тяжести вопроса, насъ занимающаго, заключается, безъ сомнѣнія, не въ томъ, чего требуетъ политическая тактика, а въ томъ, что ближе къ истинѣ, къ дѣйствительности. Если русское общество таково, какимъ оно кажется нашимъ пессимистамъ, всѣ усилія выставить его въ другомъ, лучшемъ свѣтѣ излишни или даже вредны—это безспорно. Мы хотимъ не умалчиванія или извращенія фактовъ—мы хотимъ только осторожнаго обращенія съ ними, мы протестуемъ только противъ поспѣшныхъ обобщеній и опасныхъ преувеличеній. Русское интеллигентное общество начала восьмидесятыхъ годовъ такъ же далеко отъ совершенства, какъ было далеко отъ него въ началѣ семидесятыхъ годовъ—и продолжаетъ быть далекимъ до сихъ поръ—русское крестьянство; однаково несправедливъ, тѣмъ не менѣе, былъ бы огульный приговоръ надъ тѣмъ или другимъ. И въ томъ, и въ другомъ существуютъ не только залюги будущаго развитія, но и данныя, обуславливающія возможность иного настоящаго. Эти данныя находятся въ обществѣ не только à l'état latent, не только въ видѣ руды, которая должна быть еще добыта изъ глубины земли; онѣ проявляются въ разныхъ отрасляхъ общественной дѣятельности, ими объясняется все то, что мы видимъ хорошаго въ земствѣ, въ наукѣ, въ литературѣ. Благодаря имъ пустила корни начальная народная школа, благодаря имъ сдѣлались возможными тѣ отвѣты, которые были даны въ 1871 г. на вопросъ о податной реформѣ, въ 1881 г.—на вопросъ о реформѣ мѣстнаго управленія. „Девять десятыхъ общества“, говорятъ намъ, „состоитъ

изъ людей, обращающихся въ то, что изъ нихъ дѣлаютъ обстоятельства... Переходы отъ зла къ добру, отъ апатіи къ дѣлу и даже къ подвигу, весьма обыкновенны въ отдѣльномъ человѣкѣ и въ цѣломъ народѣ. Мы, современники эпохи освобожденія крестьянъ, живо помнимъ, какъ люди, которыхъ мы знали за очень скверныхъ до и послѣ этихъ свѣтлыхъ дней, оказывались въ эти именно дни честными и усердными дѣателями на общую пользу". Въ дѣятельности отдѣльнаго человѣка, общества, народа, бываютъ скачки впередъ и назадъ, это правда; но это еще не значитъ, чтобы съ каждымъ скачкомъ мѣнялась самая природа лица или коллективной единицы. На другой день послѣ положеній 19-го февраля, или послѣ рескриптовъ 20-го ноября 1857 г., русское общество не сдѣлалось инымъ — оно только получило возможность примѣнить свои силы къ великому дѣлу. Люди, вынесшіе на своихъ плечахъ это дѣло, не имъ были созданы, не были имъ чудотворно измѣнены; они были приготовлены къ нему долгой, мало замѣтной работой, воспитавшей гражданское чувство при условіяхъ, исключавшихъ, повидимому, всякую гражданскую жизнь. Быть можетъ, рядомъ съ ними и по ихъ образцу трудилось и нѣсколько *очень скверныхъ* людей — но между „усердными и честными“ дѣателями реформы такихъ людей навѣрное было немного; преобладаніе ихъ отозвалось бы слишкомъ замѣтно на самыхъ первыхъ фазисахъ преобразованія. Мы отчаялись бы въ успѣхѣ самаго лучшаго дѣла, еслибы девять десятыхъ его участниковъ сочувствовали ему только вслѣдствіе моды, никуда не годились бы до него и готовы были бы возвратиться, при первомъ удобномъ случаѣ, въ состояніе прежней негодности. Внезапному превращенію „тусклыхъ, *дрянныхъ* Ивановъ“ въ „честныхъ и полезныхъ гражданъ“ — мы вѣрили бы такъ же мало, какъ и прочность зданія, возведеннаго изъ гнилого матеріала. Къ счастью для Россіи, эти „тусклые и дрянные Иваны“ далеко не составляютъ большинства современнаго русскаго общества.

---

Въ началѣ истекшаго мѣсяца исполнилось пятидесятилѣтіе дѣятельности нашего почтеннаго академика Якова Карловича Грота, сначала въ области педагогической, а потомъ, главнымъ образомъ, на поприщѣ изслѣдованій въ исторіи русской литературы. Послѣдніе его труды можно назвать настоящими памятниками и вмѣстѣ образцомъ для всѣхъ подобныхъ ученыхъ работъ. Близко стоя къ Пушкинской эпохѣ и къ ея лучшимъ представителямъ, онъ вынесъ отъ

туда и свято сохранилъ любовь къ отечественной литературѣ, изученіе которой и составило задачу всей его жизни. Мы, его современники, могли, кромѣ научныхъ заслугъ юбиляра, цѣнить еще и достоинства его личнаго характера, а потому неудивительно, что праздникъ 6-го сентября былъ не однимъ торжествомъ науки, но и торжествомъ честнаго, добраго и правдиваго человѣка, имѣвшаго всѣ права на ту дань уваженія, которая была громко засвидѣтельствована ему со всѣхъ сторонъ и отъ представителей всѣхъ поколѣній, на глазахъ которыхъ проходила эта трудовая и полезная жизнь.

---

Издатель и редакторъ М. Стасюлевичъ.

# СОДЕРЖАНІЕ

## ПЯТАГО ТОМА.

СЕНТЯБРЬ—ОКТАБРЬ, 1882.

Книга девятая.—Сентябрь.

Изъ воспоминаній дѣтства.—Блаженные.—I-VII.—Н. СЕВЕРИНА. . . . .	5
Мирные эпизоды изъ военной жизни войскъ корпуса генераль-лейтенанта Циммермана.—V.—Мусульманскій міръ.—ИВ. АНДРІЯНОВА. . . . .	61
Изъ пьесъ Гейне.—I. Отчаяніе.—II. Отчего?—III.—ВЛАДИМИРА ОРЛОВА. . . . .	78
Таворскіе и ихъ общественно-политическіе идеалы.—IV-VI.—С. А. ВЕНГЕРОВА. . . . .	80
Новѣйшія изслѣдованія африканскаго материка.—II.—В. О. . . . .	118
Литературныя мечтанія и дѣйствительность.—По поводу литературныхъ мнзій о народѣ.—IV.—Вліяніе ново-славянофильской агитаціи.—Гг. Евгений Марковъ, Ор. Миллеръ и др.—V. Дѣйствительность и ея задачи.—А. И. ВВЕДЕНСКАГО. . . . .	148
Записки стеника.—Окончаніе.—Отрывки.—А. И. ЭРТЕЛЯ. . . . .	181
Заповѣдныи отголосокъ романтизма.—Новая драма В. Гюго: „Торжемада“.—К. К. АРСЕНЬЕВА. . . . .	207
Финансовый ренцарь.—Сцены и типы изъ картинъ современныхъ нравовъ, Эдуарда Дженкинса.—О. П. . . . .	218
Въ Венеціи.—I-V.—Стихотворенія.—К. Р. . . . .	287
Записка о Сибири.—I. Охота на бродягъ.—II. Старовѣры.—БЛАГОВѢЩЕНСКАГО. . . . .	291
Внутреннее Овозраженіе.—Новый законъ о пошлинахъ съ имуществомъ, переходящихъ безмездными способами.—Препятствія, которыя ему пришлось преодолѣть; несостоятельность возраженій, которымъ подвергалось основное его начало.—Отдѣльныя постановленія закона; сильныя и слабыя ихъ стороны.—Учрежденіе губернскихъ комиссій по литейному дѣлу.—Мѣстные комитеты, предлагаемые авторомъ „Писемъ о современномъ состояніи Россіи“.—Фактическія данныя, необходимыя для составленія гражданскаго уложенія.—Переименованіе военныхъ гимназій въ кадетскіе корпуса. . . . .	326
Съ всероссійской художественно-промышленной выставки.—Письма въ редакцію.—VII-IX.—Окончаніе.—Н. М. БОГОМОЛОВА. . . . .	346
Корреспонденція изъ Вѣны.—Домашнія австрійскія дѣла.—Львовскій процессъ.—С. К. . . . .	364
Римъ и Авруція.—Изъ археологическаго путешествія по Италіи.—И. В. ЦВѢТАЕВА. . . . .	388
Литературное Овозраженіе.—В. Трироговъ. Община и податъ.—Всеслодъ Даневскій. Системы политическаго равновѣсія и легитимизма и начало національности въ ихъ взаимной связи.—А. В. Лихачевъ. Самоубійство въ Западной Европѣ и Европейской Россіи.—Современные церковные вопросы. Т. Филиппова. . . . .	422
Изъ Овощественной Хроникки.—Такъ называемый періодъ затишья.—Жалобы на равнодушіе общества, на туманъ застилающій всѣ дороги.—Лекарство противъ крайностей пессимизма.—„Либераленъ“ ли г. Энгельгардтъ?—Главныя достоинства „Писемъ изъ деревни“.—Слухи о прекращеніи пріема на женскіе врачебные курсы.—Кадетскіе корпуса и военныя гимназій. . . . .	445
Библиографическій Листокъ.—Всеслодъ Гаршинъ. Разсказы.—25 лѣтъ русскаго искусства (1855—1880). Составилъ Н. П. Собко. Изд. М. П. Боткинъ.—Всеобщая исторія литературы. Сост. В. О. Коршъ.—Муаллака Имру-уль-Файса. Г. Муркоса.—Воспоминанія декабриста. А. Вѣлева.—За Крайнему—писанка. Написавъ Данило Слѣпченко-Мордовецъ.	

## Книга десятая.—Октябрь.

стр.

Развязка.—Разсказъ.—Г. О. . . . .	463
Аграрныя отношенія въ Польшѣ.—I-III.—ЕВГ. КАРЦОВА. . . . .	511
Разстрѣла.—Сцены и эпизоды изъ новаго романа Эрнеста Додэ.—О. П. . . . .	546
Переселеніе татаръ изъ Крыма въ Турцію.—Изъ записокъ Г. П. ЛЕВИЦКАГО. . . . .	596
Американцы—дома. Очерки американской жизни.—Статья вторая.—В. МАКЪ-ГАХАНЪ. . . . .	640
Путевыя письма.—К. Д. КАВЕЛИНА. . . . .	685
Джузеппе Джусти, итальянскій сатирикъ.—Очеркъ жизни и произведеній.—М. В. . . . .	708
Наоветъ.—Разсказъ.—Н. СЕВЕРИНА. . . . .	739
Новыя понятія по рѣшённому вопросу о женскомъ образованіи.—В. ГОЛЬЦЕВА. . . . .	780
Хроника.—Внутреннее обозрѣніе.—Новыя правила о печати; значеніе ихъ, вѣроятный ихъ источникъ и неизбежные результаты.—Два съѣзда законоучителей, въ связи со слухами объ искусственномъ поощреніи церковно-приходской школы.—Вопросъ о спеціальному пониженіи выкупныхъ платежей въ петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи.—Отношеніе врачей и земства къ такъ-называемому фельдшерству.—Новое маринское училище въ Петербургѣ. . . . .	791
Письма изъ провинціи.—Варшава.—Ав. . . . .	809
Львовскій процессъ.—Н. С. . . . .	823
Гигіена и демографія, на международномъ конгрессѣ въ Женевѣ.—Письма изъ-за границы.—Н. А. БѢЛОГОЛОВАГО . . . . .	854
Литературное обозрѣніе.—Жизнь и произведенія Тараса Шевченко, М. Чалый.—Хуторна поэзія, П. Кулиша.—Духоборцы, О. Новичаго.—Н.—Разсказы, В. Гаршина.—В. А. . . . .	874
Новыя стихи Пушкина.—Письмо къ редактору.—А. О. ОНЪГИНА . . . . .	893
Изъ Овещественной Хроники.—Въ ожиданіи университетской реформы.—Рѣчь г. попечителя казанскаго учебнаго округа, по адресу „серьезной“ печати.—Отвѣтъ на нее въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.—Вѣра въ провозволю, основанная на привычкѣ.—Дюрингъ, какъ защитникъ „кабинетной юстиціи“.—Русскіе пропагандисты того же начала.—Судоблазны „Московскихъ Вѣдомостей“.—Два типа правительственнаго внимательства.—Еще о пессимизмѣ, по поводу современнаго русскаго общества.—Пятидесятилѣтній юбилей академика Я. К. Грота . . . . .	895
Библиографическій Листокъ.—Къ вопросу о реформѣ логики. Николай Гротъ.—Сочиненія А. С. Пушкина.—Скобелевъ. Личныя воспоминанія и впечатлѣнія В. И. Немировича-Данченко.—Сказки З. Тонеліуса. Пер. М. Гранстремъ и А. Гурьевой.—L'Empire Japonais, par Leon Metchnikoff.	

**КНИЖНЫЙ Складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича** принимаетъ на комиссію постороннія изданія, подписку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги, опубликованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ \*).

## № 88. ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ № 88. КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА ТИПОГРАФИИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

### I. БОГОСЛОВІЕ—ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

**Антропология.** Введеніе къ изученію человека и цивилизаціи. Эд. Б. Тайлора. Переводъ съ англійскаго, д-ра И. С. Иванова. 78 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. 3. съ пересылкою.

**Логическія изслѣдованія** Адольфа Тренеленбурга. Переводъ Е. Корша въ двухъ астахъ. Москва 1868 г. ч. I. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к. ч. II. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 0 коп.

**Микрокосмъ.** Мысли о естественной и итовой исторіи человека. Опытъ антропологін Германа Лотце. Переводъ съ нѣмецкаго Корша. — Часть первая: 1 Душа, 2 Ыо, 3 жизнь. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к. асть вторая: 4 человекъ, 5 духъ—6 ходъ іра. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к. Часть ретья: 7 исторія,—8 прогрессъ,—9 общая ѣзь вещей между собою. Ц. 2 р. 50 к., ѣ пер. 2 р. 90 коп.

**Опытъ критическаго изслѣдованія осоновначаль позитивной философіи.** В. Лесевича. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к. **Основанія науки о нравственности.** Соч. ерберта Спенсера. Перев. съ англійск. пб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к.

**Основанія психологін.** Герберта Спенера, съ приложеніемъ статьи „Сравнительная психологія человека“ Г. Спенсера. ереводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. пб. 1876. Ц. 7 р. съ пересылкою.

**Основы для ухода за правильнымъ развитіемъ мышленія и чувства.** Сочиненіе [мхаила Зеленскаго. Т. I Спб. 1876 г. 3 р. 50 коп., съ пер. 3 р. 75 к.

**Основы для ухода за правильнымъ раз-**

**витіемъ мышленія и чувства.** Сочиненіе Михаила Зеленскаго. Т. II. Основы для развитія ума. Спб. 1882 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 40 коп.

**Письма о научной философіи** В. Лесевича. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 коп., съ пер. 1 р. 50 коп.

**Понятіе психическаго ритма, или научное основаніе психологін половъ.** П. Е. Астафьева. Москва. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 коп.

**Простѣтительныя идеи Бѣлинскаго.** Систематическій сводъ всѣхъ главнѣйшихъ философскихъ положеній В. Г. Бѣлинскаго. Составилъ Н. Туркинъ. Москва 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

**Размышленія Императора Маріа Авреліа Антонина** о томъ, что важно для самого себя. Переводъ Князя Л. Урусова. Тула 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

**Римская религія, отъ Августа до Антонина.** Гастонъ Буассье. Переводъ Маріи Карсакъ. Москва 1878 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 30 к.

**Современная англійская психологія.** (Опытная школа). Т. Рибо. Переводъ П. Д. Боборыкина. Москва 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

**Сущность мірового процесса или философія безсознательнаго.** Д-ра философіи Эдуарда Фонъ-Гартмана. Переводъ А. А. Козлова. въ трехъ выпускахъ. Москва 1873 г. Цѣна всѣхъ трехъ выпусковъ 4 р. 50 коп., съ пер. 5 руб.

**Физиологическое объясненіе нѣкоторыхъ элементовъ чувства красоты.** Психо-физиологическій этюдъ Л. Е. Оболенскаго. Спб. 1878 г. Ц. 60 коп., съ пер. 70 к.

**Философы и поэты-моралисты во вре-**

\*) Книги, вновь поступившія въ Складъ въ теченіи послѣдняго мѣсяца, указаны въ редъ ихъ заглавіемъ.



мена Римской империи. Сочинение Константа Марта. Переводъ М. Корсака. Москва 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

### II. СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

**Аббатъ.** Романъ Людовика Галевы. Сиб. 1882 г. Ц. 50 коп., съ пер. 60 коп.

**Безъ стыда провинции.** Романъ Грегора Самарова. Въ 4-хъ томахъ. Переводъ съ нѣмецкаго К. В. Назарьевой. Сиб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 90 к.

**Ближе къ природѣ.** Романъ М. И. Красова. Въ двухъ частяхъ. Изданіе 2-е. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 коп.

**Въ людяхъ.** Повѣсти, очерки и рассказы К. М. Станюковича (откровеннаго писателя). Сиб. 1880 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

**Въ минуты досуга.** Рассказы, сценки и стихотворенія. И. Н. Измайловъ (Иксъ). Сиб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

**Графъ П. Д. Ниселетъ и его время.** Материалы для исторіи императоровъ Александра I, Николая I и Александра II, А. П. Заблоцкаго-Десатовскаго. Въ четырехъ томахъ. Сиб. 1882. Ц. за всѣ 4 тома 6 руб., съ перес. 7 р.

**Гюльстанъ.** „Цвѣтнѣкъ розъ“. Твореніе Шейха Саади Ширази съ персидскаго подлинника. Перевелъ И. Холмогоровъ. Москва 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

**Глушова.** Романъ О. М. Рѣшетникова. Сиб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 коп.

**Дантъ Алигъери,** его жизнь и сочиненія Франца Вегеле. Перевелъ съ третьяго изданія Алексѣй Веселовскій. Москва 1881 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 25 коп.

**Деревенская мушкетерка.** Глѣба Успенскаго. Въ трехъ томахъ. Сиб. 1882 г. Цѣна за всѣ три тома 3 р. 75 к., съ пер. 4 р. 20 к.

**Думы и вѣсни.** Стихотворенія Н. А. Панова. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

**Европейскіе писатели и мыслители.** В. В. Чуйко. I. Свифтъ. Сиб. 1881 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р. II. Бокатіо. Сиб. 1882 г. Ц. 75 коп., съ пер. 1 р.

**Европейскіе писатели и мыслители.** В. В. Чуйко. III. Ренанъ. Сиб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

**Европейскіе писатели и мыслители.** В. В. Чуйко. T. IV. Вольтеръ и Екатерина II. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

**Европейскіе писатели и мыслители.** В. В. Чуйко. Томъ V Руссо Сиб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

**Его превосходительство Емель Рутонъ.** Ро-

манъ изъ времени второй французской имперіи. Эмиля Зола. Сиб. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес.

**Жизнь и произведенія Тараса Шевченка.** Сводъ матеріаловъ для его біографіи. Съ портретомъ. Составилъ М. К. Чалий. К. 1882 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

**Житіеяное.** Повѣсти и рассказы А. Н. Плещеева. Сиб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

**Записки охотника.** И. С. Тургенева. Полное собраніе очерковъ и рассказовъ 1847—1876 г. Четвертое стереотипное изданіе. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к. въ роскошномъ каліноковомъ переплетѣ 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

**Записки погребенная** Густава Эмара и Иреванъ мечи Жюль Мери. Сиб. 1832 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

**Записки жизни.** Романъ М. И. Красова (А. Е. Оболенскаго.) Сиб. 1881 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 35 коп.

**Иностранцы въ Петербургѣ.** Изъ переводовъ Д. И. Михаловскаго. Сиб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

**Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка.** Г. Гегтнеръ. Переводъ А. Пинина и А. Плещеева. Т. III нѣмецкая литература. Книга I (1648—1740 г.). Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к. Т. III. Книга III отдѣлъ первый: классическій вѣкъ нѣмецкой литературы.—Переводъ Павла Барсова. Москва 1875 г. Ц. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

**Изъ столетства.** Юристыческіе очерки, сценки и картинки. И. Н. Масинскій. Москва 1882 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 75 к.

**Изъ жизни меншицы XIX вѣка.** Наблюденія и впечатлѣнія. Сочиненіе А. Д. Юефовичъ. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 коп.

**Исповѣдь дѣльца.** Романъ въ двухъ частяхъ. Л. О. Леванди. Сиб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

**Исторія Славянскихъ литературъ.** А. Н. Пинина и В. Д. Снаговича. Изданіе второе, вновь переработанное и дополненное. Сиб. 1880 г. Т. II. Ц. 5 р., съ перес. Т. I. Ц. 3 р., съ пересылкою.

**Малевичъ, Финскій народный эпосъ.** Переводъ Э. Гранстрема. Роскошное изданіе съ пятью картинками. Сиб. 1881 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. въ переплетѣ 3 р. съ перес.

**Картины домашняго воспитанія.** Педагогическіе этюды. А.—вой. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р. съ пересылкою.

**Лугское разбойничество.**—Романъ изъ американской жизни Фр. Герштегера, въ двухъ томахъ. Сиб. 1876 г. Ц. за оба тома 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Леонидъ иль черты изъ жизни Малюкова. Историческій романъ въ 4-хъ частяхъ Р. М. Зотова. Четвертое изданіе. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Мелочи архіерейской жизни. Картины съ натуры Н. С. Лѣскова. Второе изданіе исправленное и значительно дополненное съ тремя приложеніями. Сиб. 1880 г. Ц. 1 р. 75 к. съ пер. 2 р.

Мизантропы. Этюды о Мольерѣ. (Опытъ новаго анализа пьесъ и обзоръ созданной ею школы). Монографія Алексѣя Веселовскаго. Москва 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Наши дѣти. Очерки. А. Михайлова. Сиб. 1881 г. Ц. 2 р. 20 к., съ пер. 2 р. 50 коп.

Нашего пола ягоди. Юмористическіе рассказы. И. Мясническаго. Москва 1880 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 70 к.

На престолѣ (очерки) В. И. Немировичъ-Данченко. Сиб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

На закатѣ. Стихотворенія Я. П. Полонскаго 1877—1880 г. Москва 1881 г. Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Некрасовъ, Николай Алексѣевичъ. Биографія. Критическій обзоръ поэзии. Собраніе стихотвореній, посвященныхъ памяти поэта. Сводъ статей о Н. А. Некрасовѣ съ 1840 года. Составилъ А. Голубовъ. Къ книгѣ приложенъ портретъ поэта, исполненный фотографіею Лемерсье въ Парижѣ. Сиб. 1878 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Неугасимое сердце. Романъ въ двухъ частяхъ. Сочиненіе графини А. Л. Толстой. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер. Новая сцены и анекдоты изъ еврейскаго, армянскаго, греческаго, нѣмецкаго и русскаго бита. Павла Вейнберга. Сиб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1. 20.

Обойденные. Романъ въ трехъ частяхъ Н. С. Лѣскова (псевдонимъ Стебницкій). Третье изданіе. Сиб. 1881 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Отъ нечего дѣлать. Рассказы, очерки, пьесы, новеллы и шутки Барова І. Галкина. М. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Парижскія письма. Изъ литературы и жизни 1875—1877 гг. Эмиля Зола. Второе изданіе. Сиб. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Полное собраніе сочиненій Николая Федоровича Щербина. Сиб. 1873 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

По Волгѣ. (Очерки и впечатлѣнія лѣтней поѣздки). В. И. Немировичъ-Данченко.—Сиб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 коп.

Подлиповцы. О. М. Рѣшетникова. Сиб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Плѣвна и Шипка. Романъ В. И. Не-

мировичъ-Данченко. Сиб. 1881 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Томъ VII 1855—1877 г. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 3 р.

Полное собраніе сочиненій гр. А. К. Толстаго съ портретомъ, факсимиле и автобиографіей. Т. I и II. Стихотворенія Ц. 3 р. Т. III. Драматическая трилогія. Ц. 2 р. 50 к. Т. IV. Князь Серебрянный. Ц. 1 р. 50 к. Всѣ четыре тома 7 р. съ пересылкою. Въ календарномъ переплетѣ, съ тисненіемъ золотомъ 10 рублей съ пересылкою.

Письма о современномъ состояніи Россіи 11-го апрѣля 1879 г., 6-го апрѣля 1880. 4-е изданіе, дополненное припискою автора. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 коп.

Прочитанія створеннаго края. Собранныя Е. В. Барсовымъ. Часть I: плачи похоронные, надгробные и надмогильные. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 коп. Часть II: плачи за-военные, рекрутскіе и солдатскіе. Москва, 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Противъ теченія. Историческій романъ изъ временъ Стеньки Разина. Н. Казанцова. Въ четырехъ частяхъ. Сиб. 1881 г. Цѣна 3 р., съ пер. 3 р. 75 коп.

Прозанники. Юмористическіе очерки, сценки, картинки и фотографическіе снимки съ натуры Доброухинаго Юмориста. Москва 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Побуль. Романъ Эмиля Зола. Переводъ съ французскаго. Съ приложеніемъ судебнаго разбирательства въ Парижскомъ судѣ. Москва. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 80 коп.

Помпадуры и Помпадурины. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Изданіе третье. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Послѣдній потомокъ Чингисъ - Хана. Историческій романъ Р. М. Зотова въ трехъ частяхъ. Сиб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.

Признаки времени и письма о провинціи. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Изданіе второе. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Рассказы. Четыре дѣя, проишествіе. Трусъ, Встрѣча, Художники, Ночь, Attalea princepsa. То чего не было. Всеволода Гаршина. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Русскіе богоносцы Религіозно-бытовныя картины Н. С. Лѣскова. I: На краю свѣта. II: Владичій судъ (оба рассказа авторомъ вновь пересмотрѣны и исправлены. Сиб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Руссо Амона Мориса. Переводъ съ по-

сладкаго англійскаго изданія В. Н. Не-  
вѣдомскій. Москва 1881 г. Ц. 2 р. 50 к.,  
съ пер. 2 р. 75 коп.

Русская поэма. Очерки и рассказы Н.  
С. Лѣскова (1880—1881). Спб. 1881 г.  
Ц. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 15 к.

Салунгала. Индйская драма Калида-  
си. Переводъ съ санскритскаго Алексѣя  
Путаты. Москва. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер.  
1 р. 20 к.

Сатиры въ прозѣ. Сочиненіе М. Е. Сал-  
тыкова (Щедрина). Изданіе второе. Спб.  
1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Сборникъ иностранныхъ поѣтокъ. Со-  
ставилъ Л. Н. Витендкій. Томъ I. Же-  
нитба Джефа-Врега-Горта,—Ромео и Юлія  
въ деревнѣ.—Готфридъ Келлера. Томъ II.  
Вопросъ.—Георгъ Эберса. Атака мельницы  
Зода.—Мит. 1881 г. Ц. 1 р. 60 коп., съ  
пер. 1 р. 80 к.

Собраніе сочиненій А. А. Лунина, въ  
стихахъ и прозѣ съ біографическимъ очер-  
комъ. Саратовъ 1880 г. Ц. 40 к., съ пер.  
55.

Собраніе сочиненій А. А. Лунина, въ  
стихахъ и прозѣ, съ статьей о его стихо-  
твореніяхъ. Книга первая. Саратовъ 1877 г.  
Ц. 60 коп., съ пер. 75 коп.

Свой хлѣбъ. Романъ Ѳ. М. Рѣшет-  
никова. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер.  
2 р. 25 коп.

Сочиненія М. С. Минина съ его пор-  
третомъ, fac-simile и біографіей состав-  
ленной и вновь исправленной М. Ѳ. Де-  
Пуле—въ двухъ томахъ. Изданіе второе.  
Москва 1878 г. Цѣна за оба тома 3 р.  
50 к., съ перес., 4 р.

Сочиненія Г. П. Данилевскаго.  
(1847—1881 г.). Въ четырехъ томахъ. Из-  
даніе третье дополненное. Спб. 1882 г. Ц.  
за всѣ четыре тома 6 р., съ пер. 7 р.

Сочиненія Н. А. Добролюбова. Изданіе  
3-е, безъ пересѣлки 4 т. Спб. 1876 г. Цѣна  
6 р., съ перес. 8 р.

Сочиненія Ѳ. М. Достоевскаго.  
Идиотъ. Романъ въ четырехъ частяхъ.  
Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Преступленіе и наказаніе. Романъ  
въ шести частяхъ съ эпилогомъ. Ц. 3 р.  
50 к., съ перес. 4 р.

Повѣсти и рассказы. Ц. 3 р. 50 к.,  
съ перес. 4 р.

Поѣтки и рассказы. Ѳ. М. Достоев-  
скаго. Томъ второй. Изданіе второе. Спб.  
1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Дневникъ писателя за 1877 г. Ц.  
2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Записки изъ мертваго дома. Въ  
одномъ томѣ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Умиренные и оскверненные. Романъ  
въ четырехъ частяхъ съ эпилогомъ. Изда-

ніе местное. Стѣнный шумъ. Рассказъ Ѳ. М.  
Достоевскаго. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ  
пер. 3 р. 50.

Стихотворенія. Л. Е. Оболенскаго.  
(1868—1878). Спб. 1878 г. Ц. 1 р., съ пер.  
1 р. 25 к.

Стихотворенія М. П. Разенгейма. Изда-  
ніе третье, дополненное Спб. 1882 г. Ц.  
3 р. съ пересылкою.

Стихотворенія М. З. Суринова. Третье  
полное изданіе. Москва 1877 г. Ц. 1. съ  
перес. 1 р. 25 к.

Стихотворенія Н. А. Некрасова. Пол-  
ное собраніе въ одномъ томѣ 1842—1877 г.  
Изданіе второе съ портретомъ и факсимиле.  
Спб. 1882 г. Ц. 3 р. въ роскошномъ пер-  
еплетѣ, тисненномъ золотомъ 4 р. съ пер.

Сочиненія Ѳ. М. Рѣшетникова. Изданіе  
К. Т. Солдатенкова съ портретомъ автора,  
въ двухъ томахъ. Москва 1874 г. Ц. за оба  
тома 5 р. 50 к., съ пер. 6 р. 50 коп.

Судъ присяжныхъ въ Россіи. Судебные  
очерки. Изъ жизни, дѣятельности, харак-  
теристики и бытовыхъ особенностей суда  
присяжныхъ въ Россіи. Н. П. Тимофѣевъ.  
М. 1882 г. Ц. 4 р. съ пер.

Сцены и разговоры изъ малорусскаго  
народнаго быта. Петра Раевского, 4-ое  
дополненное изданіе. Кіевъ 1882 г. Ц. 1 р.,  
съ пер. 1 р. 20 коп.

Таинственный монахъ. Историческій ро-  
манъ изъ жизни Петра I. Р. М. Зотова  
въ 3-хъ частяхъ. Пятое изданіе. Спб. 1882 г.  
Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Томасъ Мюнцеръ. Драматическая хро-  
ника. (Изъ времени крестьянской войны въ  
Германиі). Л. Е. Оболенскаго. Спб. 1882 г.  
Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 коп.

Шесть рассказовъ. На числоту. Дѣти.  
Ночь. Расплата. Тайна Оли. Подруги.  
Максима Бѣлинскаго. Спб. 1881 г.  
Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

### III. ИСТОРИЯ—БІОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ.

Англійская конституція и ея исторія.  
М. Ковалевскаго. Москва. 1880 г. Ц. 75 к.  
съ пер. 90 к.

Введеніе въ курсъ исторіи древняго  
міра. Н. Карѣева. Варшава. 1882 г.  
Ц. 75 коп., съ пер. 90 коп.

Введеніе въ курсъ исторіи новѣйшаго  
времени. Н. Карѣева. Варшава. 1881 г.  
Ц. 50 коп., съ пер. 65 коп.

Возраженія императрицы Анны Іоанновны.  
Историческій этюдъ проф. Л. А. Корса-  
кова. К. 1880 г. Ц. 3 р. съ пер.

Восточная война 1853—1856 годовъ.  
Сочиненіе генералъ-лейтенанта М. И. Бог-  
дановича. Изданіе второе. Исправленное  
и дополненное 4 тома съ картами и пла-  
нами. Спб. 1877 г. Ц. 8 р., съ пер. 10 р.

Война въ Турціи. Положеніе дѣлъ и событія на Балканскомъ полуостровѣ въ 1875 и въ 1876 г. В. Рюстова. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей А. Риттера. Съ картами и планами. Выпускъ 1-й. Спб. 1876 г. Ц. 60 к., съ пер. 70 к. Вып. 2-ой. 1877 г. Ц. 80 к., съ пер. 90 коп.

Греція подъ Римскими владычествами со времени завоеванія римлянами до паденія Имперіи ихъ на востокъ 146 г. до Р. Х. 717 г. по Р. Х. Георга Фингеля. Переводъ Софьи Никитенко. Москва 1877 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 25 к.

Дѣтъ войны 1876—1878 гг. Воспоминанія и рассказы изъ событий послѣднихъ войнъ Н. В. Максимова. Въ двухъ частяхъ. — Часть I: Война въ Сербіи. Часть II: Война въ Болгаріи. Спб. 1879 г. Ц. 8 р., съ пер. 3 р. 25 коп.

Жизнь и политика мориназа Вѣленельскаго. Эпизодъ изъ исторіи русско-польскаго конфликта и вопроса. Составилъ В. Д. Спасовичъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. съ пересылкой.

Исторія цивилизаціи во Франціи Гизо въ четырехъ томахъ. Переводъ П. Е. Виноградова и Маріи Корсака. Москва 1881 г. Ц. всѣхъ томовъ.

Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона. Составилъ Н. Гмббенетъ. Часть первая. Спб. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 коп.

Исторія всемірной торговли. Адольфа Бэра. — Переводъ съ нѣмецкаго Э. Циммермана. Въ трехъ частяхъ. Москва 1876 г. Цѣна за три части 7 р. 50 к., съ пер. 8 р.

Исторія материализма и критика его значенія въ настоящее время. Фр. Альб. Ланге. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія. Н. Н. Страхова. Томъ первый. Исторія материализма до Канта. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Исторія Турціи. Колласъ. Переводъ съ 2-го французскаго изданія. Спб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Исторія американской междуусобной войны. Соч. гр. Парижскаго. Переводъ съ французскаго А. Риттера въ двухъ томахъ съ приложеніемъ трехъ картъ въ 1-му. Спб. Ц. за два тома 6 р., съ пер. 6 р. 50 к.

Крестыне въ царствованіе императрицы Екаторины II. В. И. Семеновскаго. Т. I. Спб. 1881 г. Ц. 8 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Князь Александръ Миларіоновичъ Васильчиковъ. 1818—1881. Біографическій очеркъ. Состав. А. Голубевъ. Къ книгѣ приложенъ портретъ князя А. И. Васильчикова. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. съ пер.

Кущевое и древній стлускій станъ. Историческое воспоминаніе. Сочиненіе Н.

Забѣллина. Москва 1873 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Маківаловъ изъ политическій мыслитель. А. С. Алексѣева. Москва. 1880 г., Ц. 2 р. 50 коп., съ пер. 2 р. 75 коп.

Общій очеркъ исторіи Европы. Эдуарда Фримана. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія подъ редакціей Я. Г. Гуревича. Съ приложеніемъ хронологической таблицы Фримана. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Римская исторія Ф. Моммсема. Переводъ Н. Д. Ахшарумова. Т. I: До битвы при Падіи. Съ военною картою Италіи. Ц. 6 р., съ пер. 6 р. 75 к. Т. II и III: Огъ битвы при Падіи до смерти Суллы и революція. Ц. 7 р., съ перес. 7 р. 75 к. Москва 1880 г.

„Родъ Шереметевыхъ“. Сочин. Александра Варсукова. Книга II. Въ этой вновь вышедшей книгѣ изложена исторія фамилии Шереметевыхъ въ смутную эпоху. Къ тексту приложены снимки съ грамоты семейнаго архива графа С. Д. Шереметева. Въ концѣ алфавитный указатель. Спб., 1882 г. Ц. 4 р., съ пер. 6 р. Книга I. Спб. 1881 г. Ц. 4 р., съ пер. 6 р.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Томъ первый. Господство дома Св. Владиміра X—XVI-е столѣтіе. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 75 к. Томъ второй. Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екаторины II. XVII-е столѣтіе. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к. Продолженіе второго тома. Господство дома Романовыхъ XVIII-е столѣтіе. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р. Всѣхъ трехъ выпусковъ 7 р. 10 к., съ пер. 8 р.

Семейство Разумовскихъ. А. А. Васильчикова. Т. I. Съ портретами Императрицы Елизаветы, графа А. Г. Разумовскаго и графа К. Г. Разумовскаго. Т. II. Съ портретами графини Н. Д. Разумовской (казачка Разумиха). Графа А. К. Разумовскій. Т. III. Съ портретомъ свѣт. кн. Андрея Кирилловича Разумовскаго. Цѣна за три тома 7 р. 50 к., съ пер. 9 р.

Сѣтские архіерейскіе чиновники въ древней Руси. Н. Каптерева. Москва. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

К. Д. Ушинскій. Краткій біографическій очеркъ съ гравированнымъ портретомъ. Составилъ А. Фролковъ. Спб. 1881 г. Ц. 50 к., съ перес. 65 к.

Франко-нѣмецкая война 1870—71 гг. Сост. военно-историческимъ отдѣленіемъ прусскаго генеральнаго штаба, съ картами, планами и приложеніями. Переводъ съ нѣмецкаго А. Риттера и Маслова. вып. 1-й. Ц. 1 р. Вып. 2-й Ц. 1 р. Вып. 3-й. Ц. 1 р.

40 к. Вып. 4-й Ц. 1 р. Вып. 5-й Ц. 2 р. 50 к. Вып. 6-й Ц. 2 р. 50 к. Вып. 7-й Ц. 2 р. 50 к. Вып. 8-й Ц. 2 р.

Цицеронъ и его друзья. Очеркъ римскаго общества во времена Цезаря. Сочиненіе Гастона Вуассе. Переводъ Маріи Корсаки. Москва 1860 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

#### У. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ — СТАТИСТИКА.

Будущность крестьянскаго хозяйства. Сергій Шарановъ. (Критико-экономическія монографіи). Часть I. Москва 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 коп.

Гражданская община. античнаго міра исследование о богослуженіи, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. Сочиненіе Фюстелъ де Куланжа. Переводъ Е. Корша. Москва 1867 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.

Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Сочин. Георга Людвига Маурера. Переводъ съ нѣмецкаго подлинника В. Корша. Москва 1880 г. Ц. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

Крестьянскій вздоръ. Исследование о значеніи у насъ крестьянскаго дѣла, причинѣхъ его упадка и мѣрахъ къ поднятію сельскаго хозяйства и быта поселянъ. К. Д. Кавелина. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ. Опытъ критики государственныхъ расходовъ. И. И. Янжулъ. Москва. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

Муръ промышленной экономіи и коммерческой географіи въ связи съ торгово-промышленной статистикой Россіи и главнѣйшихъ государствъ міра. А. П. Субботина. Спб. 1878 г. Ц. 2 р. съ пер.

Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ, съ приложеніемъ статьи: „Очеркъ правительственныхъ мѣръ по переселенію крестьянъ послѣ изданія Положенія 19 Фев. 1861 года“. Ю. Э. Янсонъ. Изданіе второе. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія. М. Ковалевскаго. Часть первая. Москва. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Современный социализмъ. Сочиненіе Эмиля де-Лавеле. Переводъ съ французскаго подъ редакціей М. А. Антоновича. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес.

Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Профес. Ю. Э. Янсона. Томъ II. Промышленность и торговля. Отдѣлъ I. Статистика сельскаго

хозяйства. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. Т. I. Территорія и населеніе. Ц. 2 р., съ перес.

Судьбы капитализма въ Россіи. Сочиненіе В. В. Слѣб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ перес. 1 р. 70 к.

Что такое кустарное производство? А. В. Пряжева. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

#### VI. ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКИЕ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Алфавитный сборникъ русскихъ неправильныхъ глаголовъ. Составилъ Я. Волковъ. Спб. 1881 г. Ц. 20 к., съ пер. 40 к.

Арифметика. Опытъ руководства къ систематическому курсу теоретической арифметики цѣлыхъ и къ элементарному курсу дробныхъ чиселъ. Преимущественно для окончивающихъ свое образованіе начальной школы и для учащихся дома. Составилъ А. Н. Канаевъ. Спб. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Атласъ минераловъ. Составленный докторъ И. Г. фонъ-Курромъ. Съ текстомъ. А. В. Давидъ. Спб. 1871 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 75 к.

Басинъ М. А. Крылова. Съ рисунками въ текстѣ И. С. Павова. Двадцатое полное изданіе. Ц. 50 к., съ пер. 70 коп. Двадцатое изданіе съ приложеніемъ биографіи автора написанной П. А. Плетневымъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.—Восмьмое полное изданіе съ биографіей написанное И. А. Плетневымъ. Рисунки К. А. Трутовскаго. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

Бережливость Самуилъ Смалльсъ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Н. С. Кутейникова. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Биографическія картинки. Сочиненіе А. В. Грубе. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Бухгалтерія или наука ижеводеніи по двойной системѣ. Въ двухъ частяхъ. Составилъ Ф. Г. Журовъ. Москва. 1874 г. Ц. за обѣ части 8 р., съ пер. 8 р. 30 к.

Ботаника. Учебникъ естествознанія для среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ. Составилъ В. Э. Иверсенъ. Спб. 1882 г. Ц. 50 коп., съ пер. 65 коп.

Въ школѣ и дома. Книга для чтенія, расположенная концентрическими кругами и примененная къ преподаванію родного языка въ народныхъ школахъ и городскихъ училищахъ. Часть I. Муръ второго года начальной школы. Спб. 1882 г. Изданіе 10-е Ц. 35 к., съ пер. 45 к. Часть II. Муръ третьего года начальной школы. Изданіе 8-е. Спб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

**Вопросы школы.** Недостатки современной системы образования и необходимые реформы школы. В. Н. Жукъ. Спб. 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

**Географія Страбона** въ семнадцати книгахъ. Переводъ съ греческаго съ предисловіемъ и указателемъ О. Г. Мищенка. Москва 1879 г. Ц. 10 р., съ пер. 11 руб.

**Естественная исторія животныхъ** млекопитающихъ въ изображеніяхъ съшитыхъ и раскрашенныхъ сходно съ натурою. Для нагляднаго изученія въ общественныхъ заведеніяхъ и при домашнемъ образованіи юношества. Шуберта. Съ приложеніемъ краткаго повѣстнаго текста. Съ иллюстраціями французскаго подлинника. Переводъ Г. И. Корн. Пятое изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 9 р., съ пер. 10 р.

**Задачи по русскому правописанію.** Для учащихся въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и въ городскихъ училищахъ. Составилъ П. Красногорскій. Спб. 1882 г. Ц. 85 коп., съ пер. 1 р.

**Историческая хрестоматія по русской исторіи.** Пособіе для старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Составлена Я. Г. Гуревичемъ и В. А. Павловичемъ. Часть первая, изданіе второе Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. Часть вторая, изданіе второе Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

**Малыя Петровичъ Мушкетъ.** Русскій механикъ-самоучка. Разсказъ Е. Н. Александровой. Спб. 1882 г. ц. 15 коп., съ пер. 25 к.

**Историческая хрестоматія по новой и новейшей исторіи.** Пособіе для учащихся и преподавателей. Составилъ Я. Г. Гуревичъ. Т. I, изданіе второе. Ц. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 75 к. Т. II, 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

**Исторія Греціи и Рима.** (Курсъ систематическій) съ приложеніемъ хронологической таблицы. Составилъ Я. Г. Гуревичъ. Изданіе третье.—Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

**Исторія педагогики** Карла Шмидта. Изложенія во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Изданіе третье, дополненное и исправленное Викардомъ Ланге. Переводъ Эдуарда Циммермана въ четырехъ томахъ. Москва 1877 г. Ц. за всѣ четыре тома 20 р., съ пер. 21 р. 50 к.

**Исторія рисовальника** Какъ слѣдуетъ учиться рисовать. По сочиненію Виллелеюка. Составилъ А. Д. Бутовскій. Со множествомъ рисунковъ и политипажей въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 40 к. съ пер. 1 р. 60 к.

**Изъ „Ясной поляны“.** Журналъ Л. Н. Толстого. Дѣтскіе разсказы для семьи и

школы. Книга 1. Ц. 20 к., съ пер. 80 к. Книжки: 3, 4, 5, 6—по 15 к., съ пер. 25 к. Книжки: 8, 9—по 20 к., съ пер. 30 к. Бердери. 1881 г.

**Календарь и записная книжка для учащихся на 1882—1883 учебный годъ.** Изданіе журнала Семья и Школа. Спб. 1882 г. Цѣна 45 коп., съ пер. 60 коп.

**Картинный учебный атласъ, приложенный къ „Краткой отечественной географіи“,** составленной подъ редакціею И. Н. Михайлова. 188 рисунковъ, болѣею частью, составленные и исполненные лучшими нашими художниками и граверами. Рисунки, помѣщенные въ этотъ атласъ, даютъ возможность учителю значительно облегчить ученикамъ сознательное изученіе географіи Россіи. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. Объясненія къ картинному учебному атласу. Составилъ П. Полевой. Спб. 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

**Конекъ — Гербунъ.** — Русская сказка, сочин. П. П. Ершова, съ 7 картинками и портретомъ покойнаго автора. Изд. 10-е одобрено департаментомъ народнаго просвѣщенія, для начальныхъ народныхъ училищъ. Ц. въ брошюрѣ 1 р.

**Наталины.** Повѣсти изъ первыхъ временъ христіанства. Сочиненіе Евгенія Туръ. Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

**Краткая англійская грамматика.** Памятнал книжка для изучающихъ англійскій языкъ. Составилъ П. Милославскій. Казань. 1881 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

**Краткій курсъ естествознанія** составилъ А. Я. Гердъ. Въ трехъ частяхъ съ 173 рисунками въ текстѣ. Изданіе третье. Удостоенъ преміи Императора Петра Великаго и одобренъ, какъ руководство для гимназій. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 60 коп., съ пер. 1 р. 80 коп.

**Краткая бухгалтерія по двойной системѣ для начинающихъ.** Составилъ О. Г. Журовъ. Москва. 1876 г. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.

**Ключъ къ руководству Флери.** Разсказы и описанія, избранные изъ лучшихъ русскихъ авторовъ для переводовъ съ русскаго на французскій. Спб. 1882 г. Ц. 55 к., съ пер. 70 к.

**Курсъ арифметики и собраніе арифметическихъ задачъ.** Сочиненіе А. Лѣва. Въ двухъ частяхъ. Шестнадцатое изданіе. Спб. 1880 г. Ц. за обѣ части 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

**Лекціи зоологіи** проф. Поля Бера. Переводъ съ французскаго д-ра Л. Н. Симонова. Предисловіе И. Р. Тарханова. Анатомія и фізіологія. Съ 402 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер.

**Маленькій оборвышъ.** Романъ Джемса

Гринвуда. Передѣлка съ англійскаго А. Анненской. (Для дѣтей). Изданіе второе. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Механика для техническихъ и ремесленныхъ училищъ, а также для самообученія. Сочиненіе Ф. Губера. Переводъ съ немецкаго подъ редакціей инженера Ф. Зброжека. Съ 410 чертежами въ текстѣ. Сиб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 коп.

Мои дѣтѣ плавающимъ. А. Н. Анненской. Повѣсть для дѣтей. Сиб. 1881 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к., въ налѣк 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 40 к.

Наглядное знаніе о животномъ, водившемся въ европейской Россіи. Зоологическій атласъ, содержащій въ себѣ изображеніе и описаніе 340 животныхъ, преимущественно вредныхъ и полезныхъ и слѣшкомъ 50 рисунковъ анатомическихъ. Составилъ В. Э. Иверсенъ. Сиб. 1876 г. Ц. 2 руб., съ пер. 2 р. 50 коп.

Начала изобразительной геометріи, теоріи тѣней и линейной перспективы съ приложеніемъ черченія кривыхъ. Курсъ реальныхъ училищъ. Составилъ Я. Пальшау. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Начала геометрической теоріи механизмовъ. Безъ помощи высшей математики. Сочиненіе Ш. Жиро. Переводъ съ французскаго Ф. Зброжека. Съ 167 чертежами въ текстѣ. Сиб. 1876 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 35 к.

Начальная алгебра. Составилъ І. Сомовъ. Изданіе пятое съ дополнительными статьями, содержащими курсъ дополнительнаго класса реальныхъ училищъ. Сиб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Начальная алгебра и собраніе алгебраическихъ задачъ. Сочиненіе А. Лёве въ двухъ частяхъ. Ц. за обѣ части 1 р. 40 к., съ пер. 1 р. 65 к.

Начала нисмографіи. Съ полиптиками въ текстѣ и налитографированной табличей. Составилъ для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ К. Краевичъ. Изданіе третье. Сиб. 1881 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Наглядное пособие при изученіи русскаго языка. (Этимологія). Для старшаго и средняго возрастовъ. Составилъ и издалъ Н. П. Шубинъ. Полное систематическое изложеніе этимологіи. Предлагается преимущественно, какъ самоучитель. Москва, 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 коп.

Начертательная геометрія. Составилъ І. Сомовъ. Изданіе третье. Сиб. 1881 г. Ц. книга съ чертежами 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Начальное обученіе арифметикѣ. (Для рождѣтелей и учителей). П. А. Литвинскій. Выпускъ 1-й. Сиб. 1881 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Начальныя основанія аналитической геометріи двухъ измѣреній. Составилъ І. Сомовъ. Второе изданіе. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Начальная школа. Книга для чтенія въ начальной школѣ, съ хрестоматіей и статьями по естествознанію, географіи и исторіи. Составилъ А. Страховъ. 256 стр. Сиб. 1882 г. Ц. 50 коп., съ пер. 70 к.

Начальныя основанія математической и физической географіи. Составилъ М. Пидковъ. Сиб. 1881 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Новая метода выучиться правильно читать, писать и говорить на французскомъ языкѣ въ продолженіи 6-ти мѣсяцевъ. Проф. Оллендорфъ. Переводъ съ послѣдняго французскаго изданія К. В. Назаровой. Сиб. 1880 г. Цѣна метода съ ключомъ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Новая метода выучиться правильно читать, писать и говорить на немецкомъ языкѣ въ продолженіи 6-ти мѣсяцевъ. Проф. Оллендорфъ. Переводъ съ послѣдняго французскаго изданія К. В. Назаровой. Сиб. 1881 г. цѣна метода съ ключомъ 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Обзоръ господствующихъ методовъ обученія геометріи. Руководства Дистервега, Диттеса, Уиннсаго, Водомонова, Тининова, Сомонина, Паульсона, Бунакова, Мировольскаго и Вилнова. Сост. М. Сегуровъ. М. 1882 г. Ц. 35 к., съ пер. 50 к.

Обяснительный курсъ арифметики для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. В. Латинска. Часть I. Сиб. 1877 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Основанія физики. Со многими картинками въ текстѣ. Составилъ К. Краевичъ. Шестое изданіе. Сиб. 1880 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р.

Образцы сказанъ русскихъ писателей. Собралъ для дѣтей В. П. Аверариусъ. Съ 62 рисунками И. И. Каравина. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. Въ роскошномъ перел. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

Первоначальныя упражненія въ арифметикѣ. Сочиненіе А. Лёве. Сборникъ арифметическихъ задачъ для учащихся. Ц. 25 к., съ пер. 35 к. Руководство для учащихся. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Первые уроки физики. Методическое руководство къ качественному изслѣдованію физическихъ явленій. Съ измѣненіемъ изъ 180 оригинальныхъ чертежей и рисунковъ. Ф. Ф. Эвальда. Сиб. 1872 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 1 р. 85 к.

Письма къ материнѣ объ уходѣ за здоровымъ и больнымъ ребенкомъ д-ра М. М. Галакина. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 40 коп., съ пер. 1 р. 60 коп.

Первые рассказы изъ естественной исторіи. Для дѣтей, только-что научившихся читать. М. Выховой. Спб. 1876 года. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.

Послѣднія сказки Андерсона. Съ приложеніемъ сдѣланныхъ имъ самимъ объясненій о происхожденіи ихъ и описанія послѣднихъ дней жизни автора. Переводъ съ нѣмецкаго Е. Сисоевой. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Первоначальные уроки русской грамматики. Руководство для матерей и наставницъ. Составила Марія Корсакъ. Москва 1878 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 коп.

Пѣсни для школы дѣтска и народныхъ, на одинъ и на два голоса. Классное пособіе при обученіи пѣнію. Составилъ Григорій Мареничъ. Второе измѣненное изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Практическая арифметика. Составилъ П. С. Гурьевъ. Книга I. Низшій курсъ доступный для всѣхъ. Ц. 75 к., съ пер., 90 к. Книга II. Высшій курсъ. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер., 1 р. 45 к.

Подлинныя буквы для обученія грамотѣ дома и въ школѣ. Изд. В. А. Александрова. Спб. Ц. 15 коп., съ пер. 25 коп.

Рассказы изъ отечественной войны 1812 года. Книга для чтенія всѣхъ возрастовъ. С. М. Лубецкаго. Въ двухъ частяхъ. Ч. I: отъ Нѣмана до Москвы. Ч. II: Отъ Москвы до Нѣмана. Москва 1880 г. Ц. 2 руб., съ пер. 2 р. 20 коп.

Редина нѣста. Чтеніе для дѣтей А. В. Щепиной. Изданіе второе съ рисунками. М. 1882 г. въ накѣ. Ц. 1 руб., съ пер. 1 р. 20 к.

Редной край. Книга для класснаго и домашнего чтенія учениковъ старшаго отдѣленія народной школы. Составилъ Ѳ. С. Матвѣевъ. Спб. 1879 г. Ц. 40 коп., съ пер. 60 к.

Робинзонъ Крузо. А. Анненской. Новая переработка тѣмъ Де-Фое. Съ 10-ю картинками и 36 политизажами, рѣзанными на клѣдъ въ Лейпцигѣ. Второе изданіе. Спб. 1882 г. Цѣна книги въ перепл. 3 руб., съ пересыком.

Руководство къ обученію грамотѣ въ школѣ и дома съ подложными буквами. (Два листа, 426 буквъ и цифръ). Составилъ В. А. Александровъ. Спб. 1882 г. Ц. 30 коп., съ пер. 40 к.

Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики, изложенной по новому плану. Снятаксисъ въ образцахъ для младшаго возраста. Составилъ Конст. Ѳед. Петровъ. Изданіе второе, исправленное и значительно дополненное. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. Этимологія

въ образцахъ. Составилъ Конст. Ѳед. Петровъ. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Руководство къ наглядной географіи. Составленное А. Слюйсомъ перевелъ преподаватель К. Турчаковский. Съ таблицей географическихъ чертежей. Спб. 1880 г. Ц. 60 к., съ пер. 70 к.

Семейство Шаломскихъ. Изъ семейной хроники. Сочиненіе Евгенія Туръ. Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 руб. 20 к.

Сборникъ грамматическихъ примѣровъ и задачъ. Курсъ второй. Снятаксисъ. Составилъ Василій Разыграевъ. Спб. 1882 г. Ц. 45 к., съ пер. 60 к.

Сборникъ конкурсныхъ программъ и докладовъ о трудахъ на пользу народнаго образованія, увѣнченныхъ преміями комитета грамотности. Издано на средства члена комитета грамотности А. М. Розенталя. Спб. 1882 г. Ц. 50 коп., съ перес. 65 коп.

Собраніе алгебраическихъ задачъ. Составилъ для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ К. Краевичъ. Четвертое изданіе. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 20 коп., съ пер. 1 р. 40 коп.

Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе для школъ. Три тома, редакція К. Кузьмина. Съ портретами и рисунками. В. Е. Масковского. М. 1882 г. Ц. 3 р. 60 коп., съ перес. 4 руб.

Сельская школа. Книга для чтенія, устныхъ и письменныхъ занятій въ народной школѣ. Составили учителя начальнаго училища. Н. Ерминъ и А. Волотовскій. Вторая зима обученія. Спб. 1881 г. Ц. 40 к. съ пер. 50 к.

Сказка про Иота да про Лису. Редація сказки Д. И. Тихомирова. Картинки художника Н. А. Мартынова. М. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Сказка про Лису да про Волка. Редація сказки Д. И. Тихомирова. Картинки художника Н. А. Мартынова. М. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Славянская хрестоматія. Сборники по славянскимъ нарѣчіямъ: древнему церковно-славянскому, древне-русскому, болгарскому, сербо-хорватскому, словинскому, лужицкому и польскому. Съ свѣдѣніями и замѣчаніями о памятникахъ и общими характеристиками нарѣчій. Составилъ Воскресенскій. Выпускъ первый: языкъ древній церковно-славянскій и древне-русскій. Москва 1882 г. Ц. 75 коп., съ пер. 90 коп.

Способы начальнаго воспитанія и обученія. Г. М. Марачевскій. Кременчугъ 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 коп.

Спб. Комитета Грамотности изданія съ картинками:

1. Аленькой цѣточекъ. Сказка Т. Акса-



кова. 2. Преходы. Смысловый рассказ Д. В. Григоровича. 3. Приключения Робинсона Крузо. А. Н. Яхонтова. 4. Постеленный дворъ. Повѣсть И. С. Тургенева. 5. Крутиковъ. Рассказъ А. Г. Коваленской. 6. Батрачка. Повѣсть Т. Г. Шевченко. 7. Злѣдѣи и Петля. Повѣсть А. Ф. Погоскаго. 8. Сорочинская ярмарка. Н. В. Гоголя. 9. Стихотворенія Н. А. Некрасова. Съ рисунками Н. Н. Каравина. Сиб. 1882 г. Цѣна за всѣ книги 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Сборникъ избранныхъ басенъ Крылова, Машальскаго, Хемингера, Дмитриева и Измайлова. Составилъ С. Волженскій. Сиб. 1880 г. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.

Собраніе алгебраическихъ задачъ. Составилъ для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ К. Краевичъ. Четвертое изданіе значительно дополненное. Сиб. 1883 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 40 коп.

Систематическій обзоръ русской народной учебной литературы. Составленъ, по порученію Комитета Грамотности, спеціальною комиссіею. Большой томъ въ 745 стран. Сиб. 1878 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Дополненіе 1-е къ систематическому обзору русской народно-учебной литературы, составленное по порученію комитета грамотности. Сиб. 1882 г. Ц. 75 коп., съ пер. 90 к.

Теоретическое и практическое руководство коммерческой корреспонденціи. Удобное премію на конкурсѣ Варшавскаго Коммерческаго банка. Составилъ Николай Краковскій. Сиб. 1882 г. Ц. 4 р. съ пер.

Трехголосныя хоры для школы. Классное пособие при обученіи пѣнію. Составилъ Григорій Мареничъ. Сиб. 1882 годъ. Ц. 75 коп., съ пер. 1 р.

Указанія къ рациональному устройству зданій для сельскихъ школъ. Сиб. 1882 г. Ц. 10 коп. съ пер. 15 коп.

Учебникъ механики. Составилъ С. Гуржеевъ. 1. Теоретическая механика. Съ 167 политипажными въ текстѣ и собраніемъ задачъ съ ихъ рѣшеніями. Сиб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Учебникъ химіи. С. Ковалевскаго, преподавателя химіи и физики въ Сиб. 1-й реальн. училищѣ. 4-е изданіе, пересмотрѣнное и дополненное. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 60 к.

Учебный курсъ ботаники. А. П. Кирпотенко. Методическое руководство для среднихъ и высшихъ школъ. Выпускъ первый, курсъ подготовительный. Ц. 60 к., съ пер. 70 к. Выпускъ второй, морфологія и систематика сѣмянныхъ растений. Съ 300

рисунками въ текстѣ. Сиб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Учебникъ физики. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Со многими политипажными въ текстѣ и нелитографированными таблицами. Составилъ К. Краевичъ. Седьмое изданіе. Сиб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.

Химіи Дяди Тома. Повѣсть для дѣтей Бичеръ-Стоу. Съ хромофотографированными картинками. Москва. 1882 г. Цѣна книги въ папѣ.

Элементарныя свѣдѣнія изъ химіи. Учебное пособие къ курсу физики. Составилъ преподаватель С. Ковалевскій. 3-е изданіе, пересмотрѣнное и значительно дополненное. Сиб. 1882 г. Ц. 35 к., съ пер. 50 коп.

## VII. ЯЗЫКОЗНАНИЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Къ теоріи Индо-Европейскаго языковъ. Исслѣдованіе Алексѣя Пугача. Москва. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Неизвестная русская повѣсть Широкскаго времени. Л. Майкова. Сиб. 1880 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Опытъ объясненія быта (индо-аропейскихъ народовъ) созданный подъ вліяніемъ мѣст. Сочиненіе І. Мандельштана. Часть I, Сиб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 коп.

Розысканія по вопросу о грамматическомъ родѣ славянскихъ и индоевропейскихъ языкахъ. Эд. Вольтера. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Славянскія мѣрца. Статьи профессора Гебауера. Переводъ и примѣчанія А. Степанова. Киевъ. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 коп.

## VIII. МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА—ХИМІЯ.

Аналитическая геометрія. Составлена І. Сомовымъ. Изданіе третье. Сиб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Индикаторъ и его употребленіе. Практическое руководство къ употребленію индикатора вообще и индикатора системы Ричардса въ особенности. Розенкранца. Съ 2 чертежами и 30 политипажными въ текстѣ. М. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 коп.

Лекціи вариационнаго исчисленія. Абата Муаньо. Переводъ съ французскаго М. Раевского и М. Хавдрикова. Москва. 1864 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Сила, какъ результатъ движенія. (Физико-философское исслѣдованіе). Проф. И. Окорочевича. Сиб. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Учебникъ сферической астрономіи. Составленный Д-ромъ Брюнновымъ. Перевъ съ 3-го изданія на нѣмецкомъ языкѣ. П. Буцкой. Спб. 1873 г. Ц. 5 р., съ п. 6 р.

Элементарная теорія сопротивленія вѣтрѣ и расчетъ деталей машинъ съ 7-ю бланками чертежей. (Для реальныхъ и техническихъ училищъ). Составилъ А. Альшау. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ п. 1 р. 40 к.

# ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО — ТЕХНОЛОГІЯ — МЕДИЦИНА.

Анатомія и исторія развитія циклопическаго человека. Съ примѣчаніями о развитіи растеній уроковъ вообще. А. Таренеца. съ 5 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. 50 коп., съ пер. 65 коп.

Атомическая теорія А. Вирца. Извѣстія международной научной библіотеки. Переводъ со второго французскаго изданія. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Ботаническій атласъ. Шуберта. Какъ дополнительное дополненіе ко вслкому учебнику руководу съ приложеніемъ краткаго объяснительнаго текста въ переводѣ Н. И. Авескаго. 2-е изданіе. Спб. 1879 г. Ц. съ пер. 8 р.

До-историческій человекъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера. Проф. А. Иностранцева. Съ 122 политипажными въ текстѣ, 2 автографіями и 12 табличками фототипій. Спб. 1882 г. Ц. 8 р., съ пер. 9 р.

Дѣтскія болѣзни. Руководство для врачей и учащихся. Э. Генохъ. Переводъ съ нѣмецкаго съ предисловіемъ проф. Н. И. Истрова. Спб. 1882 г. Ц. 4 р., съ пер. 75 к.

Дифтеритъ. Критическій этюдъ. Сочиненіе Михаила Зеленскаго. Для врачей и родителей. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 коп.

Земледѣліе и скотоводство для верующихъ хозяевъ. Сочиненіе Ф. Бертрана. Переводъ съ четвертаго изданія под редакціей проф. А. Софьина. Спб. 1873 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Жизнь какъ движеніе. А. К. Попова. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 60 коп.

Комнатное цвѣтоводство. Подробное изложеніе для разведенія и воспитанія комнатныхъ растеній. Съ рисунками въ текстѣ. Составила М. Ю. Петрова. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Компендіумъ амушерства. Руководство для клиническихъ практикантовъ и врачей. Н. Нааке. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ

редакціей Д-ра В. В. Святковскаго. Спб. 1882 г. Ц. 90 к., съ пер. 1 р. 15 коп.

Курсъ нормальнаго гистологіи. I. Orth. Руководство къ употребленію микроскопа и практическому изученію тканей съ 107 рисунками въ текстѣ. Переводъ со втораго нѣмецкаго изданія Л. Даркшевича. Москва 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Маленькая домашняя аптечка. Проф. Ф. Нуссбаума. Переводъ съ 2-го нѣмецкаго изданія. 1882 г. Ц. 50 коп., съ пер. 60 коп.

Мужское безсильіе, или неспособность къ брачному сожитію. — Радикальное леченіе этой болѣзни. Д-ра И. И. Шиллинга, съ приложеніемъ примѣровъ изъ медицинскій практики д-ра Александра Ло. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 коп.

Наглядныя таблички фармакологическаго дѣйствія лекарственныхъ веществъ. Ф. Верліова. Переводъ съ французскаго. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 коп.

Обзоръ открытій, изобретеній и усовершенствованій по всѣмъ вопросамъ винокуреннаго производства. Вып. II. Винокурение съ аппаратами Savall'y. Съ 15-ю политипажными въ текстѣ. Изд. редакціи журнала „Техническій Сборникъ“. Спб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.

Обзоръ послѣднихъ успѣховъ свеклосахарнаго производства за-границею. Составилъ инженеръ-технологъ П. Волковъ. Съ двумя табличками чертежей. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Обработка льна и механическое пряденіе льнянаго волокна. (Замѣтки). Составилъ А. Угаровъ. Съ 2 табличками чертежей. Спб. 1882 г. Ц. 1 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

О причинѣ сна. Сообщеніе В. Прейера. Переводъ съ нѣмецкаго А. И. Д. подъ редакціей врача П. С. Протопопова. Москва 1877 г. Ц. 40 коп., съ пер. 50 коп.

О разведеніи нормальныхъ травъ на поляхъ. Проф. А. Софьина. Четвертое, исправленное и значительно дополненное изданіе съ 24 политипажными въ текстѣ. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

О неукротимой рвотѣ беременныхъ. Проф. М. Горвица. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 коп.

Образованіе почвеннаго слоя дождевыми червями Чарльза Дарвина. Переводъ съ пятаго англійскаго изданія М. Линдеманъ. (съ 15 политипажными въ текстѣ). Москва 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ съ особымъ отдѣломъ о содержаніи и уходѣ за ними. Составилъ Я. М. Пшумлевскій. Со многими рисунками и съ раскрашеною табличкою. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Общедоступная гигиена для военных. Составил профес. Пр. Скорцовъ. Спб. 1881 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 руб.

Основы полевой культуры и штры къ ея улучшенію въ Россіи. И. А. Стебута. Второе вновь передѣланное изданіе. Въ двухъ томахъ. Т. I. Часть первая: Введеніе. Паровой клинъ въ пару. Паровыя растенія: корнеплоды, марена и листья паровыя растенія, преимущественно же: водѣлываніе сахарной свекловицы, картофеля и табака. Москва 1882 года. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 коп.

О соединеніи костей между собою. Изъ лекціи проф. П. Ф. Лесгафта. Спб. 1882 г. Ц. 20 коп., съ пер. 30 коп.

Практическія занятія по гистологіи растеній. Руководство для начинающихъ. Составил П. Я. Крутицкій. Съ 83-ю рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 65 коп.

Популярныя очерки по естествознанію. Л. К. Попова. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Праденіе кардной шерсти. Часть первая: Подготовка сырья. Составил П. Волковъ. Съ таблицами чертежей и пометками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 коп.

Развитіе и происхожденіе органовъ чувствъ. Проф. Э. Геккеля. Переводъ подъ редакціей проф. Э. К. Брандта. Спб. 1882 годъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

Руководство къ физическимъ методамъ изслѣдованія внутреннихъ болѣзней. Д-ра Германа Эйхгорста. Переводъ подъ редакціей Д-ра И. В. Чемезова. Часть I. Изслѣдованіе кожи, температуры, пульса и органовъ дыханія. Съ 102 рисунками. Спб. 1882 г. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Руководство къ частной патологіи и терапіи. D-ra Felix von Niemeyer. вновь обработанное д-ромъ Eug. Seitz'омъ. Перевелъ съ дѣсятаго нѣмѣннаго и дополненнаго нѣмецкаго изданія Михаэль Лёны, т. I, в. I и II: болѣзни органовъ, дыханія, кровообращенія, пищеваженія, печени и желчныхъ путей. Т. II, в. III и IV: болѣзни органовъ мочеыхъ, половыхъ, нервной системы, кожи, двигательнаго аппарата, инфанционныхъ и общія расстройствъ питанія. Спб. 1882 г. Ц. за оба тома 6 р., съ пер. 7 р.

Руководство фармакологіи. Клиническій учебникъ проф. Вилца. Переводъ съ 6-го нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ прибавленіемъ Н. В. Іерусалимскаго. М. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Руководство къ неотложнымъ операціямъ Луи Томаса. Просмотренное и снабженное введеніемъ проф. Вернеймъ. Пе-

реводъ со втораго пересмотрѣннаго и увеличеннаго изданія В. Гольдшгера. Съ 69 рисунками въ текстѣ. Москва 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Руководство къ частной патологіи и терапіи для врачей и студентовъ. Съ многочисленными рисунками въ текстѣ Д-р Hermann Eichhorst. Выпускъ I—III. Спб. 1882 г. Ц. 90 к., съ пер. 1 р.

Сборникъ свѣдѣній для любителей садоводства и самоучекъ садоводства. Составилъ А. Ераковъ. О 760 однолѣтнихъ и двулѣтнихъ растеніяхъ, расположенныхъ и высотѣ ихъ и колерахъ цвѣтовъ. 1880 г. Ц. 3 р. съ пер.

Теоретическая и практическая хирургія. Проф. Дж. Эриксона переводъ съ нѣмецкаго проф. Е. И. Богдановскаго. Съ 862 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ч. I. Ц. 2 р. 50 к. Ч. II. в. I. Ц. 90 к. съ перес.

Труды С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей. Издаваемые подъ редакціей секретаря общества Н. Вородина Т. XII, выпускъ второй. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Учебникъ болѣзней нервной системы. Д-ра Адольфа Зеелигмюллера. Переводъ А. Черемшанскаго. Отдѣлъ I. Болѣзни периферической нервной системы и симпатическаго нерва. Съ 56 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Учебникъ физиологіи. Проф. М. Фостера. Переводъ съ англійскаго и дополненія проф. И. Р. Тарханова. Спб. 1882 г. Цѣна за 2 тома 7 р. 50 коп. съ пер.

Учебникъ зубныхъ болѣзней для практическихъ врачей и студентовъ. Д-ра медицины и хирурга J. Scheff'a jun., съ 153 рисунками. Переводъ съ нѣмецкаго врачей Е. Степанова, А. Ланца и Н. Крещенова. Москва, 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Ученіе о глазныхъ болѣзняхъ. Д-ра Виктора-Феликса Шокальскаго. Въ двухъ томахъ. Переводъ съ исправленнаго и значительно дополненнаго самаго авторомъ польскаго подлинника студента московскаго университета подъ руководствомъ д-ра М. Воинова. Въ каждой книгѣ находится до 400 пометокъ въ текстѣ. Москва. 1873 г. Ц. за оба тома 8 р., съ пер. 9 р.

Физическая химія Н. Н. Либави. Выпускъ первый. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 30 к. Выпускъ второй 2 р. 50 коп., съ пер. 3 руб.

Физиологическая химія. Проф. А. Шеффера. Кіевъ. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Физиологическая химія. Д-ра Феликса Гоппе-Зейлера. Переводъ съ нѣмецкаго

едацією проф. А. Бульпинского. Часть I. Общая биология съ 4-мя рисунками. Часть II. Пищеварение и всасывание пищевых веществ. Ц. за оба части 4 р., съ пер. 4 р. 0 к. Часть III. Кровь, дыханіе, лимфа, печеный сокъ. Съ 9 рисунками. Москва. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к. **Формы воды.** Дождь, рѣки, ледъ и инники. Джонъ Тиндаль. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей К. Л. Кирпичева. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. р. 50 к.

#### Х. ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

**Борьба за право** А-ра Рудольфа Фонтъ геринга. Переводъ съ нѣмецкаго П. П. Охлова. Москва 1874 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 коп.

**Женскій вопросъ.** Эрнестъ Легуве. ереводъ и примѣчанія по русскому законодательству М. А. Окса. Одесса 1882 г. 1 р., съ пер. р. 15 коп.

**Законы гражданскіе.** Сводъ законовъ въ X, часть I съ объясненіями по рѣшеніямъ гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сената. Составилъ А. Боровиковскій. Спб. 1882 г. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

**Книга Магала.** Составилъ Яковъ Брафманъ. Изданіе второе дополненное. Ц. за т. 6 р., съ пер. 6 р. 50 к.

**О современномъ движеніи въ науку азия.** Проф. С. В. Пахманова. Спб. 82 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 коп.

**Основы реформъ мѣстнаго и центрального управления.** Составилъ О. К. Нотомичъ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. р. 40 коп.

**Развитіе политическихъ учреждений.** Эрберта Спенсера. Съ предисловіемъ К. Оболенскаго и статьей „Обрядовныя реженія“. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., перес. 2 р. 80 к.

**Самоубійство въ западной европѣ и европейской Россіи.** Опытъ сравнительно-статистическаго изслѣдованія А. В. Дихачева. Съ приложеніемъ I. Таблицъ. II. Писемъ записокъ самоубійцъ. III. Картограммъ самоубійствъ въ Западной Европѣ и Европейской Россіи. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

**Системы политическаго равновѣсія и интимизма, и начало національности въ взаимной связи.** Историко-догматическое изслѣдованіе. Всеволода Данева-аго. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. р. 80 к.

**Жизнь какъ колонія.** Къ юбилею трехлѣтія. Современное положеніе Сибири. нужды и потребности. Ея прошлое и

будущее. Н. М. Ядринцева. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес.

**Уложение о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 года.** Съ дополненіями по 1 декабря 1881 года. Составленное профессоромъ Н. С. Таганцевымъ. Изданіе четвертое дополненное. Спб. 1882 года. Ц. 4 р., съ пер.

**Утилитаризмъ о свободѣ.** Джона Стюарта Милля Переводъ съ англійскаго А. Н. Невѣдомскаго. Съ приложеніемъ очерка жизни и дѣятельности Милля. Е. Конрада. 2-ое изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

**Цѣль въ правѣ.** Проф. Рудольфа фонъ-Гиринга. Переводъ В. Р. Лицаго, Н. В. Муравьева и Н. Ф. Дерюжинскаго. Т. I-ый. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 руб.

**Элементарный учебникъ общаго уголовного права съ подробнымъ изложеніемъ Начала Русскаго Уголовнаго Законодательства.** Часть общая. Проф. А. Ф. Кистаксовскаго. Второе исправленное и значительно дополненное изданіе. Кіевъ. 1882 г. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

#### XI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

**Вѣстникъ бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ.** Сочиненіе Германа Вейса. Переводъ съ нѣмецкаго В. Чаева. Т. I, ч. I: Восточные народы. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к. Т. I, ч. II: Западные народы. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к. Т. II, ч. I: Византизмъ и Востокъ. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к. Т. II, ч. II: Европейскіе народы. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к. Т. III, ч. I: Отъ XIV до XVI столѣтія. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к. Т. III, ч. II: Съ XVI столѣтія до нашихъ временъ. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к. Москва 1879 г.

**Двадцать-пять лѣтъ русскаго искусства. (1855—1880).** Иллюстрированный каталогъ, содержащій болѣе 250 снимковъ, изъ которыхъ около 150 съ оригинальныхъ рисунковъ художниковъ. Составилъ Н. П. Собко. Издалъ М. П. Вотькинъ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 руб.

**Исторія пластины съ древнѣйшихъ временъ до нашего времени.** Вильгельма Любке. Переводъ съ нѣмецкаго В. Чаева. Съ 231 рисунками въ текстѣ. Москва 1870 г. Ц. 6 р., съ пер. 7 р.

**Искусство въ связи съ общими развитіемъ культуры и идеалами человечества.** Сочиненіе Мориса Каррьера. Переводъ Е. Корша. Т. I: Зачатки культуры и восточная древность. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 коп. Т. II: Эллада и Римъ. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. Т. III: Средніе вѣка. Ц. 5 р.

50 к., съ пер. 6 р. 25 к. Т. IV: Возрожденіе и реформація въ образованіи, искусствѣ и литературѣ. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 75 к. Т. V и послѣдній: Пора духовнаго расцвѣта. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 75 коп.

О сбереженіи и возстановленіи голоса, для артистовъ и любителей искусства. Составилъ Фридрихъ Фиберъ. Перевелъ съ нѣмецкаго д-ръ А. Ержижановскій. Кіевъ 1881 г. Ц. 40 коп., съ пер. 50 коп.

Римскія патакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Соч. А. Фонъ-Фрикенъ. Въ трехъ частяхъ. Москва 1882 г. Цѣна всѣхъ трехъ выпусковъ 4 р., съ пер. 4 р. 50 коп.

Русское искусство, его истечини, его оставшіе элементы, его высшее развитіе, его будущность. Сочиненіе Е. Віолле-ле-дюдъ. Перевелъ съ французскаго Н. Султановъ. Москва. 1879 г. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Руководство къ исторіи искусства Франца Куглера. Четвертое изданіе, обработанное Вальгельмомъ Любе съ нѣмецкаго К. Корна. Въ двухъ частяхъ съ 487 рисунками въ текстѣ. Москва 1870 г. Ц. за обѣ части 10 р., съ пер. 11 р.

Руководство въ исторіи живописи со временъ Константина Великаго. Францъ Куглеръ. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Е. Васильева третье изданіе съ портретомъ автора. Москва 1872 г. Ц. 7 р., съ пер. 9 руб.

Чтенія объ искусствѣ. Пять курсовъ лекцій, читанныхъ въ Парижской школѣ изящныхъ искусствъ Ипполитомъ Тэномъ. Переводъ А. Н. Чудинова. Москва 1874 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Южно-русскій орнаментъ. Собранный А. Лисенко. Изданіе 2-е значительно измѣненное и добавленное. Кіевъ. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

## ХІІ. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Всадникъ. Практическій курсъ верховой ѣзды. Виктора Франкони. Слб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пересылкою.

Изученіе друженнискихъ минеральныхъ источниковъ. А. А. Иностранцева. Слб. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Исслѣдованіе о полней сѣти желѣзнодорожныхъ сообщеній въ Россіи съ картою.

А. Еракова. Слб. 1873 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 коп.

Искусство пріобрѣсти превосходное знаніе для всѣхъ возрастовъ и половъ. Соч. д-ра Е. Гартембаха. Переводъ съ 13-го дополненнаго изданія К. В. Назаревой. Слб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

Нарманнаа книшка рецептовъ для аматическихъ врачей. (Переводъ съ третьяго дополненнаго изданія). Русское изданіе второе. Слб. 1882 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Переводные вензеля внутреннея и иностраннаго или деширы. (Траты и рисессы). Краткое руководство къ усвоенію обращенія съ ними и къ изученію операцій посредствомъ ихъ производимыхъ съ приложеніемъ соотвѣствующихъ предмету формъ, правилъ, пріемовъ и вычисленій, а также вексельнаго, фондоваго и металлическаго банковаго арбитража. Составилъ Александръ Скригинъ. Пособіе для торговыхъ людей и всѣхъ лицъ, занимающихся въ русскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Одесса. 1882 г. Ц. 4 р. съ пер.

Ремесленникъ. Практическое руководство для ремесленныхъ учащихся и любителей, желающихъ изучить принадлежности мастерскихъ: плотничной, столярной, токарно-ажурной и т. д. Составилъ А. Ц. Классентъ. 320 рисунковъ въ текстѣ. Слб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Пожарная книга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Составилъ А. Н—въ. Въ текстѣ полнѣйшіе рисунки. Слб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к. съ пересылкою.

Таблицы для легчайшаго пересчета иностранныхъ монетъ на русскія и стоимости англійской тонны въ стоимость пудъ по даннымъ биржевымъ курсамъ отъ 20 до 34 пенса за рубль. При семъ приложение общераспространенныхъ таблицъ фунтовъ, центнеровъ, ластовъ и мѣръ емкости. Составилъ С. А. Каценеглембогенъ. Слб. 1882 г. въ переплетѣ Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 коп.

Энциклопедическій всеобщій словарь. Составленный подъ редакцію В. Ключникова, въ трехъ томахъ. Слб. 1882 г. Цѣна за всѣ три тома 12 руб., съ перес. 14 руб.

**Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича** принимаетъ на комиссію постороннія наданія, подписку на всѣ періодическія наданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ \*).

№ 89.

## ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

№ 89.

# КНИЖНАГО СКЛАДА И МАГАЗИНА ТИПОГРАФИИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

## 1. БОГОСЛОВІЕ—ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

**Антропология.** Введеніе къ изученію человека и цивилизаціи. Эд. Б. Тайлора. Переводъ съ англійскаго, д-ра И. С. Иванова. съ 78 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 3. съ пересылкою.

**Бестыи** объ истинахъ православной христіанской вѣры, какъ основаніи нравственности. Свящ. П. Д. Городцева. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

**Логическія изслѣдованія** Адольфа Тренделенбурга. Переводъ Е. Корша въ двухъ частяхъ. Москва 1868 г. ч. I. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к. ч. II. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 коп.

**Микрокосмъ.** Мысли о естественной и бытовой исторіи человека. Опытъ антропологии Германа Лотце. Переводъ съ нѣмецкаго Корша.—Часть первая: 1 Душа, 2 тѣло, 3 жизнь. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к. Часть вторая: 4 человекъ, 5 духъ—6 ходъ міра. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к. Часть третья: 7 исторія,—8 прогрессъ,—9 общая связь вещей между собою. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 90 коп.

**Опытъ критическаго изслѣдованія основаній позитивной философіи.** В. Лессевича. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

**Основанія науки о нравственности.** Соч. Герберта Спенсера. Перев. съ англійск. Изд. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к.

**Основанія психологіи.** Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи «Сравнительная психологія человека» Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Изд. 1876. Ц. 7 р. съ пересылкою.

**Основы для ухода за правильнымъ раз-**

**витіемъ мышленія и чувства.** Сочиненіе Михаила Зеленскаго. Т. I Спб. 1876 г. Ц. 3 р. 50 коп., съ пер. 3 р. 75 к.

**Основы для ухода за правильнымъ развитіемъ мышленія и чувства.** Сочиненіе Михаила Зеленскаго. Т. II. Основы для развитія ума. Спб. 1882 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 40 коп.

**Письма о научной философіи** В. Лессевича. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 коп., съ пер. 1 р. 50 коп.

**Понятіе психическаго ритма, или научное основаніе психологіи половъ.** П. Е. Астафьева. Москва. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 коп.

**Просвѣдительныя идеи Бѣлинскаго.** Систематическій сводъ всѣхъ главнѣйшихъ философскихъ положеній В. Г. Бѣлинскаго. Составилъ Н. Туркинъ. Москва 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

**Римская религія, отъ Августа до Автокиновъ.** Гастонъ Буассе. Переводъ Маріи Карсакъ. Москва 1878 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 30 к.

**Современная англійская психологія.** (Опытная школа). Т. Рыбо. Переводъ П. Д. Боборыкина. Москва 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

**Сущность мірового процесса или философія безсознательнаго.** Д-ра философіи Эдуарда Фонъ-Гартмана. Переводъ А. А. Козлова. въ трехъ выпускахъ. Москва 1873 г. Цѣна всѣхъ трехъ выпусковъ 4 р. 50 коп., съ пер. 5 руб.

**Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи.** Сочиненіе Константа Марта. Переводъ М. Корсакъ. Москва 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

**Четыре фазиса нравственности:** Со-

\* ) Книжки, вновь поступившія въ Складъ въ теченіи послѣдняго мѣсяца, указаны въ предъ нихъ заглавіемъ.

кратъ, Аристотель, христіанство и утилитаризмъ. Сочиненіе Проф. Джона Стюарта Блэкка. Москва. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р 25 коп.

## II. СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ его поэзіи. Первый и второй періоды жизни и дѣятельности (1799—1826). Сочиненіе А. Незеленова. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Аббатъ. Романъ Людовика Галевы. Спб. 1882 г. Ц. 50 коп., съ пер. 60 коп.

Араичевщина. Сочиненіе Н. Богословскаго. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Баллады Шмилера. Опытъ объясненія Д. В. Цвѣтаева. Первая группа балладъ. Оглавленіе: предисловіе, кубокъ, перчатка, Полихратовъ перстень, Илнковы журавли. Воронежъ 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 руб. 10 коп.

Безъ вѣсти пропавшій. Романъ Грегора Самарова. Въ 4-хъ томахъ. Переводъ съ нѣмецкаго К. В. Назаревой. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 90 к.

Бѣсы. Романъ въ трехъ частяхъ Ѳ. М. Достоевскаго. Изданіе третье. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 руб.

Въ людяхъ. Повѣсти, очерки и рассказы К. М. Станюковича (откровеннаго писателя). Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Воспоминанія декабриста о пережитомъ и пережитомъ 1805—1850 А. Вѣдлаева. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 коп.

Въ минуты досуга. Рассказы, сценки и стихотворенія. И. Н. Измайловъ (Иксъ). Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

Воланъ во льду. Приключенія ученой экспедиціи къ сѣверному полюсу. Жюль Гро. Берегъ слоновей кости. Рассказы Луи Жаколіо. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 коп., съ пер. 1 р. 50 коп.

Гамбусины. Романъ Густава Эмара. Только анторы. Романъ Эрнеста Вильдингга. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 коп., съ пер. 1 р. 50 коп.

Графъ П. Д. Исслевъ и его время. Матеріалы для исторіи императоровъ Александра I, Николая I и Александра II, А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго. Въ четырехъ томахъ. Спб. 1882. Ц. за всѣ 4 тома 6 руб., съ перес. 7 р.

Гюлистанъ. „Цвѣтникъ розъ“. Твореніе Шейха Саади Ширази съ персидскаго подлинника. Перевелъ И. Холмогоровъ. Москва 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Глумовы. Романъ Ѳ. М. Рѣшетникова. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 коп.

Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія Франца Вергеге. Перевелъ съ третьяго изданія Алексѣй Веселовскій. Москва 1881 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 25 коп.

Двоюродная племянница. Романъ Ф. Робинсона. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 коп.

Деревенская неурядица. Глѣба Успенскаго. въ трехъ томахъ. Спб. 1882. Цѣна за всѣ три тома 3 р. 75 к., съ пер. 4 р. 20 к.

Дневникъ монаха-Бернардина. Сочиненіе Игн. Ходзько. Переводъ съ польскаго. Изданіе Ва. И. Веселовскаго. Спб. 1882. Ц. 1 р. 50 к., съ пер.

Думы и пѣсни. Стихотворенія Н. А. Панова. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

Европейскіе писатели и мыслители. В. В. Чуйко Т. VI В. Гюго: „Торкенадъ“. Спб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 коп.

Европейскіе писатели и мыслители. В. В. Чуйко. I. Свифтъ. Спб. 1881 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р. II. Боккачіо. Спб. 1882 г. Ц. 75 коп., съ пер. 1 р.

Европейскіе писатели и мыслители. В. В. Чуйко. III. Ренанъ. Спб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Европейскіе писатели и мыслители. В. В. Чуйко. Т. IV. Вольтеръ и Екатерина II. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

Европейскіе писатели и мыслители. В. В. Чуйко. Томъ V Руссо Спб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Его превосходительство Емелья Ругонъ. Романъ изъ временъ второй французской имперіи. Эмиля Зола. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. съ перес.

Жизнь и произведенія Тараса Шевченка. Сводъ матеріаловъ для его біографіи. Съ портретомъ. Составилъ М. К. Чалый. К. 1882 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Житейское. Повѣсти и рассказы А. Н. Плещеева. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Записки охотника. И. С. Тургеневъ. Полное собраніе очерковъ и рассказовъ 1847—1876 г. Четвертое стереотипное изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к. въ роскошномъ калікоронномъ переплетѣ 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

Замысли погребенія Густава Эмара и Кровавыя ночи Жюль Мери. Спб. 1882. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Иностранные поэты, въ переводѣ Д. I. Михаловскаго. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Исторія всеобщей литературы XVIII вѣ-

на Г. Геттнеръ. Переводъ А. Пыпина и А. Плещеева. Т. III нѣмецкая литература. Книга I (1648—1740 г.). Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к. Т. III. Книга III отдѣлъ первый: классическій вѣкъ нѣмецкой литературы.—Переводъ Павла Барсова. Москва 1875 г. Ц. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

Изъ степенства. Юмористическіе очерки, сценки и картинки. И. И. Мяснищій. Москва 1882 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 75 к.

Изъ жизни женщинъ XIX вѣка наблюденія и впечатлѣнія. Сочиненіе А. Д. Юзефовичъ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 коп.

Исповѣдь Дѣльца. Романъ въ двухъ частяхъ. Л. О. Леванды. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Исторія Славянскихъ литературъ. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасофита. Изданіе второе, вновь переделанное и дополненное. Спб. 1880 г. Т. II. Ц. 5 р., съ перес. Т. I. Ц. 3 р., съ пересылкою.

Изъ деревни и писемъ (1872—1882 гг.) А. Н. Энгельгардта. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Калевала, Финскій народный эпосъ. Переводъ Э. Гранстрема. Роскошное изданіе съ пятью картинками. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. въ переплетъ 3 р. съ перес.

Картины домашнего воспитанія. Педагогическіе этюды. А.—вой. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. съ пересылкой.

Князь Курбскій. Историческій романъ времени Іоанна Грознаго. Въ четырехъ частяхъ. Сочиненіе Бориса Федорова. Изданіе второе. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Кудяръ. Историческая хроника Н. И. Костомарова Въ трехъ книгахъ Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Луговые разбойники.—Романъ изъ американской жизни Фр. Герштекера, въ двухъ томахъ. Спб. 1876 г. Ц. за оба тома 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Леонидъ или черты изъ жизни Наполеона. Историческій романъ въ 4-хъ частяхъ Р. М. Зотова. Четвертое изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Мелочи архіерейской жизни. Картинки съ натуры Н. С. Лѣскова. Второе изданіе исправленное и значительно дополненное съ тремя приложеніями. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 75 к. съ пер. 2 р.

Мизантропъ. Этюды о Мольерѣ. (Опытъ новаго анализа пьесъ и обзоръ созданной ею школы). Монографія Алексѣя Веселовскаго. Москва 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Минута гиты. Рубль Маріи

Стюартъ. Слб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 коп. съ пер. 1 р. 50 коп.

Наши дѣти. Очерки. А. Михайлова. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 20 к., съ пер. 2 р. 50 коп.

Нашего поля ягоды. Юмористическіе рассказы И. Мяснищкаго. Москва 1880 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 70 к.

На просторѣ (очерки) В. И. Немировичъ-Данченко. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

На закатѣ. Стихотворенія Я. П. Полонскаго 1877—1880 г. Москва 1881 г. Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Некрасовъ, Николай Алексѣевичъ. Биографія. Критическій обзоръ поэзіи. Собраніе стихотвореній, посвященныхъ памяти поэта. Сводъ статей о Н. А. Некрасовѣ съ 1840 года. Составилъ А. Голубевъ. Къ книгѣ приложенъ портретъ поэта, исполненный фотографіею Лемерсье въ Парижѣ. Спб. 1878 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Неугомонное сердце. Романъ въ двухъ частяхъ. Сочиненіе графини А. Л. Толстой. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер.

Новыя сцены и анекдоты изъ еврейскаго, армянскаго, греческаго, нѣмецкаго и русскаго быта. Павла Вейнберга. Спб. 1830 г. Ц. 1 р., съ пер. 1. 20.

Обойденные. Романъ въ трехъ частяхъ Н. С. Лѣскова (псевдонимъ Стебницкій). Третье изданіе. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Отъ нечего дѣлать. Рассказы, очерки, пьесы, новелы и шутки Барона І. Галкина. М. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Отверженные романъ Виктора Гюго. Переводъ съ французскаго. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Парижскія письма. Изъ литературы и жизни 1875—1877 гг. Эмиля Золя. Второе изданіе. Спб. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Полное собраніе сочиненій Николая Федоровича Щербинина. Спб. 1873 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

По Волгѣ. (Очерки и впечатлѣнія глѣвой поѣздки). В. И. Немировичъ-Данченко.—Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 коп.

Подлинковы. О. М. Рѣшетникова. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Помееройское аббатство. Романъ мистрисъ Генри Удъ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Пловца и Шипка. Романъ В. И. Немировичъ-Данченко. Спб. 1881 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Томъ VII 1855—1877 г. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 3 р.

\*



Полное собраніе сочиненій гр. А. К. Толстаго съ портретомъ, факсимиле въ автобиографіей. Т. I и II. Стихотворенія Ц. 3 р. Т. III. Драматическая трилогія. Ц. 2 р. 50 к. Т. IV. Князь Серебряный. Ц. 1 р. 50 к. Всѣ четыре тома 7 р. съ пересылкою. Въ календарномъ переплетѣ, съ тисненіемъ золотомъ 10 рублей съ пересылкою.

Письма о современномъ состояніи Россіи 11-го апрѣля 1879 г., 6-го апрѣля 1880. 4-е изданіе, дополненное припискою автора. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 коп.

Причитанія ствернаго крѣпа. Собранныя Е. В. Барсовымъ. Часть I: плачи похоронные, надгробные и надмѣгальные. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 коп. Часть II: плачи за-военные, рекрутскіе и солдатскіе. Москва, 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Противъ теченія. Историческій романъ изъ временъ Стеньки Разина. Н. Казанцова. Въ четырехъ частяхъ. Спб. 1881 г. Цѣна 3 р., съ пер. 3 р. 75 коп.

Произвѣнія. Юмористическіе очерки, сценки, картинки и фотографическіе снимки съ натуры Добродушного Юмориста. Москва 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Побуль. Романъ Эмиля Золя. Переводъ съ французскаго. Съ приложеніемъ судебного разбирательства въ Парижскомъ судѣ. Москва. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 80 коп.

Помпадуръ и Помпадурши. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Изданіе третье. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Послѣдній потомокъ Чингисъ - Хана. Историческій романъ Р. М. Зотова въ трехъ частяхъ. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер 3 р.

Признаки времени и письма о провинціи. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Пятьсотъ милліоновъ Индійской принцессы и Черная Индія. Разсказы Жюль Верна. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 коп., съ пер. 1 р. 50 коп.

Пятинадцатилѣтній напитокъ. Разсказъ Жюль Верна. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 коп.

Разсказы. Четыре дня, проществіе. Трусъ, Встрѣча, Художники, Ночь, Attalea princeps. То чего не было. Всеволода Гаршина. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Русскіе богоносцы Религіозно-бытовыя картины Н. С. Лѣскова. I: На краю свѣта. II: Владычній судъ (оба разсказа авторомъ вновь пересмотрѣны и исправлены Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Руссо Дюма Мориса. Переводъ съ южнѣйшаго англійскаго изданія В. Н. Нейдомскій. Москва 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 коп.

Русская рѣчь. Очерки и разсказы Н. С. Лѣскова (1880—1881). Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 15 к.

Самунтаа. Индійская драма Каллидасъ. Переводъ съ санскритскаго Алексѣя Путаты. Москва. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Сатиры въ прозѣ. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Изданіе второе. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Сборникъ иностранныхъ повѣстей. Составилъ Л. Н. Витанцкій. Томъ I. Живѣтѣа Джефа-Бретъ-Горта,—Ромео и Юлія въ деревнѣ.—Готфрида Келлера. Томъ II. Вопросъ.—Георгъ Эберса. Атака мѣсяца Зола.—Мат. 1881 г. Ц. 1 р. 60 коп., съ пер. 1 р. 80 к.

Смоленскъ. Личныя воспоминанія и впечатлѣнія В. И. Немировича-Данченка. Съ 4-ми гравюрами и факсимиле писма М. Д. Скобелева. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Собраніе сочиненій А. А. Лунина, въ стихахъ и прозѣ съ биографическимъ очеркомъ. Саратовъ 1880 г. Ц. 40 к., съ пер. 55.

Собраніе сочиненій А. А. Лунина, въ стихахъ и прозѣ, съ статьемъ о его стихотвореніяхъ. Книга первая. Саратовъ 1877 г. Ц. 60 коп., съ пер. 75 коп.

Своей хлѣбъ. Романъ Ѳ. М. Рѣшетникова. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Сочиненія М. С. Никитина съ его портретомъ, fac-simile и биографіей составленной и вновь исправленной М. Ѳ. Де-Пуле—въ двухъ томахъ. Изданіе второе. Москва 1878 г. Цѣна за оба тома 3 р. 50 к., съ перес., 4 р.

Сочиненія Н. А. Добролюбова. Изданіе 8-е, безъ переплету. 4 т. Спб. 1876 г. Цѣна 6 р., съ перес. 8 р.

Сочиненія Ѳ. М. Достоевскаго. Идиотъ. Романъ въ четырехъ частяхъ. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Преступленіе и наказаніе. Романъ въ шести частяхъ съ эпилогомъ. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Повѣсти и разсказы. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Повѣсти и разсказы. Ѳ. М. Достоевскаго. Томъ второй. Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Дневникъ писателя за 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Записки изъ мертваго дома. Въ одномъ томѣ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Униженные и оскорбленные. Романъ изъ четырехъ частяхъ съ эпилогомъ. Изданіе шестое. Вѣчный нумъ. Разсказъ Ф. М. Достоевскаго. Сиб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50.

Стихотворенія А. В. Колюцова. Седьмое изданіе. М. 1880 г. Ц. 20 коп., съ пер. 35 коп.

Стихотворенія М. П. Розенгейма. Изданіе третье, дополненное Сиб. 1882 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Стихотворенія И. З. Сурикова. Третье полное изданіе. Москва 1877 г. Ц. 1. съ перес. 1 р. 25 к.

Стихотворенія Н. А. Некрасова. Полное собраніе въ одномъ томѣ 1842—1877 г. Изданіе второе съ портретомъ и факсимиле. Сиб. 1882 г. Ц. 3 р. въ роскошномъ переплетѣ, тисненномъ золотомъ 4 р. съ пер.

Сочиненія Ф. М. Рѣшетникова. Изданіе К. Т. Солдатенкова съ портретомъ автора, въ двухъ томахъ. Москва 1874 г. Ц. за оба тома 5 р. 50 к., съ пер. 6 р. 50 коп.

Судъ присяжныхъ въ Россіи. Судебные очерки. Изъ жизни, дѣятельности, характеристикъ и бытовыхъ особенностей суда присяжныхъ въ Россіи. Н. П. Тимофѣевъ. М. 1882 г. Ц. 4 р. съ пер.

Сцены и разсказы изъ малорусскаго народнаго быта. Петра Раевского, 4-ое дополненное изданіе. Кіевъ 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Тайна мистера Сильвестера. Романъ Анны Катаринъ Гринъ. Неопытное изсѣченіе. Разсказъ Джона Льюдо. Кривляющийся монахъ. Святъ. Отчего и не сдѣла съ врачомъ. Я. Васильева. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 коп., съ пер. 1 р. 50 коп.

Таинственный монахъ. Историческій романъ изъ жизни Петра I. Р. М. Зотова въ 3-хъ частяхъ. Пятое изданіе. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Шесть разсказовъ. На чистоту. Дѣти. Ночь. Расплата. Тайна Оли. Подруги. Максима Бѣлинскаго. Сиб. 1881 г. Цѣна за три части 7 р. 50 к., съ пер. 8 р.

Юбилейная книжка къ "собранию романовъ" 1881 года. Составили Е. Ахматова, А. Милуковъ, В. Авсѣнко, Я. Гротъ, В. Стасовъ, Г. Данилевскій, И. Лѣсковъ. Сиб. 1881 г. Ц. 1 р. 75 коп., съ пер. 2 р.

### III. ИСТОРИЯ—БІОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ.

Англійская конституція и ея исторія. М. Ковалевскаго. Москва. 1880 г. Ц. 75 к. съ пер. 90 к.

Введеніе въ курсъ исторіи древняго міра Н. Каріева. Варшава. 1882 г. Ц. 75 коп., съ пер. 90 коп.

Введеніе въ курсъ исторіи новѣйшаго времени. Н. Каріева. Варшава. 1881 г. Ц. 50 коп., съ пер. 65 коп.

Возвращеніе императрицы Анны Іоанновны. Историческій этюдъ проф. Л. А. Корсакова. К. 1880 г. Ц. 3 р. съ пер.

Восточная война 1853—1856 годовъ. Сочиненіе генералъ-лейтенанта М. И. Богдановича. Изданіе второе. Исправленное и дополненное 4 тома съ картами и планами. Сиб. 1877 г. Ц. 8 р., съ пер. 10 р.

Война въ Турціи. Положеніе дѣлъ и событія на Балканскомъ полуостровѣ въ 1875 и въ 1876 г. В. Ростова. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей А. Риттера. Съ картами и планами. Выпускъ 1-й. Сиб. 1876 г. Ц. 60 к., съ пер. 70 к. Вып. 2-ой. 1877 г. Ц. 80 к., съ пер. 90 коп.

Греція подъ Римскимъ владычествомъ со времени завоеванія римлянами до паденія Имперіи ихъ на востокъ 146 г. до Р. Х. 717 г. по Р. Х. Георга Финлея. Переводъ Софьи Никитенко. Москва 1877 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 25 к.

Дѣтъ войны 1876—1878 гг. Воспоминанія и разсказы изъ событій послѣднихъ войнъ Н. В. Максимова. Въ двухъ частяхъ. —Часть I: Война въ Сербіи. Часть II: Война въ Болгаріи. Сиб. 1879 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 25 коп.

Жизнь и политика маркиза Вѣлопольскаго. Эпизодъ изъ исторіи русско-польскаго конфликта и вопроса. Составилъ В. Д. Спасовичъ. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р. съ пересылкою.

Исторія цивилизаціи во Франціи Гизо въ четырехъ томахъ. Переводъ П. Е. Виноградова и Маріи Корсаки. Москва 1881 г. Ц. всѣхъ томовъ.

Исторія всемірной торговли. Адольфа Бара.—Переводъ съ нѣмецкаго Э. Цаммермана. Въ трехъ частяхъ. Москва 1876 г. Цѣна за три части 7 р. 50 к., съ пер. 8 р.

Исторія материализма и критика его значенія въ настоящее время. Фр. Альб. Ланге. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія Н. Н. Страхова. Томъ первый. Исторія материализма до Канта. Сиб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Исторія Турціи. Колласъ. Переводъ съ 2-го французскаго изданія. Сиб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Исторія американской междоусобной войны. Соч. гр. Парижскаго. Переводъ съ французскаго А. Риттера въ двухъ томахъ съ приложеніемъ трехъ картинъ въ 1-му. Сиб. Ц. за два тома 6 р., съ пер. 6 р. 50 к.

Крестыяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. В. И. Семеновскаго. Т. I. Сиб. 1881 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Князь Александръ Иларіоновичъ Васильчиковъ. 1818—1881. Біографическій очеркъ. Состав. А. Голубевъ. Къ книгѣ приложенъ портретъ князя А. И. Васильчикова. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р. съ перес.

Кунцово и древній сѣтунскій станъ. Историческое воспоминаніе. Сочиненіе И. Забѣлина. Москва 1873 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Манифесты и политическій мыслитель. А. С. Алексѣева. Москва. 1880 г., Ц. 2 р. 50 коп., съ пер. 2 р. 75 коп.

Меттернихъ и Европейская реакція. В. К. Надлера. Харьковъ. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Общій очеркъ исторіи Европы. Эдуарда Фримана. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія подъ редакціей Я. Г. Гуревича. Съ приложеніемъ хронологической таблицы Фримана. Сиб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Очеркъ исторіи С.-Петербургскаго Гренадерскаго короля Фридриха Вильгельма III-го поляна (1726—1880). Составилъ Ф. Орловъ. Сиб. 1881 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 75 коп.

Римская исторія О. Моммсона. Переводъ Н. Д. Ахшарумова. Т. I: До битвы при Пидей. Съ военною картою Италіи. Ц. 6 р., съ пер. 6 р. 75 к. Т. II и III: Отъ битвы при Пидей до смерти Суллы и революція. Ц. 7 р., съ перес. 7 р. 75 к. Москва 1880 г.

Римскія вакханаліи и преслѣдованіе ихъ въ VI вѣкѣ отъ основанія Рима. П. Н. Бодянского. Киевъ. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

„Родъ Шереметевыхъ“. Сочин. Александра Барсукова. Книга II. Въ этой вѣтви вышедшей книгѣ изложена исторія фамиліи Шереметевыхъ въ смутную эпоху. Къ тексту приложены снимки съ грамоты семейнаго архива графа С. Д. Шереметева. Въ концѣ алфавитный указатель. Сиб., 1882 г. Ц. 4 р., съ пер. 6 р. Книга I. Сиб. 1881 г. Ц. 4 р., съ пер. 6 р.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Томъ первый. Господство дома Св. Владиміра X—XVI-е столѣтіе. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 75 к. Томъ второй. Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II. XVII-е столѣтіе. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к. Продолженіе второго тома. Господство дома Романовыхъ XVIII-е столѣтіе. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р. Всѣмъ тремъ выпускамъ 7 р. 10 к., съ пер. 8 р.

Семейство Разумовскихъ. А. А. Васильчикова. Т. I. Съ портретами Императрицы Елизаветы, графа А. Г. Разумов-

скаго и графа К. Г. Разумовскаго. Т. II. Съ портретами графини Н. Д. Разумовской (казачка Разумиха). Графъ А. К. Разумовскій. Т. III. Съ портретами свѣтл. и Андрея Кирилловича Разумовскаго. Цѣмъ за три тома 7 р. 50 к., съ пер. 9 р.

Сѣтские архіерейскіе чиновники въ древней Руси. Н. Каптерева. Москва. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

И. Д. Ушинскій. Краткій біографическій очеркъ съ гравированнымъ портретомъ. Составилъ А. Фролковъ. Сиб. 1881 г. Ц. 50 к., съ перес. 65 к.

Франко-нѣмецкая война 1870—71 гг. Сост. военно-историческимъ отдѣленіемъ прусскаго генеральнаго штаба, съ картами, планами и приложеніями. Переводъ съ нѣмецкаго А. Риттера и Маслова. вып. 1-й. Ц. 1 р. Вып. 2-й Ц. 1 р. Вып. 3-й. Ц. 1 р. 40 к. Вып. 4-й Ц. 1 р. Вып. 5-й Ц. 2 р. 50 к. Вып. 6-й Ц. 2 р. 50 к. Вып. 7-й Ц. 2 р. 50 к. Вып. 8-й. Ц. 2 р.

Цицеронъ и его друзья. Очеркъ римскаго общества во времена Цезаря. Сочиненіе Гастона Буассе. Переводъ Маріи Корсаки. Москва 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

#### У. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ — СТАТИСТИКА.

Будущность крестьянскаго хозяйства. Сергѣй Шараповъ. (Критико-экономическія монографіи). Часть I. Москва 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 коп.

Гражданская община. античная міра изслѣдованіе о богослуженіи, правахъ, узурденіяхъ Греціи и Рима. Сочиненіе Филотель де Куланжа. Переводъ Е. Корна. Москва 1867 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.

Введеніе въ исторію общиннаго, заводскаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Сочин. Георга Людвига Маурера. Переводъ съ нѣмецкаго подлинника В. Корна. Москва 1880 г. Ц. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

Крестьянскій вопросъ. Изслѣдованіе о значеніи у насъ крестьянскаго дѣла, причинахъ его упадка и мѣрахъ къ водворенію сельскаго хозяйства и быта поселенъ. Б. Д. Кавелина. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Ливерпульская ассоціація финансовъ. Очеркъ критики государственнаго расходова. И. И. Янжулъ. Москва. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

Курсъ промышленной экономіи и коммерческой географіи въ связи съ торговлею промышленной статистикой Россіи и главнѣйшихъ государствъ міра. А. П. Субботина. Сиб. 1878 г. Ц. 2 р. съ пер.

Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ, съ приложеніемъ статьи: «Очеркъ правительственныхъ мѣръ по переселенію крестьянъ послѣ изданія Положенія 19 Фев. 1861 года». Ю. Э. Янсонъ. Изданіе второе. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія. М. Ковалевскаго. Часть первая. Москва. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Современный социализмъ. Сочиненіе Эмиля де-Лавеле. Переводъ съ французскаго подъ редакціей М. А. Антоновича. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес.

Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Профес. Ю. Э. Янсона. Томъ II. Промышленность и торговля. Отдѣлъ I. Статистика сельскаго хозяйства. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. Т. I. Территорія и населеніе. Ц. 2 р., съ перес.

Судьбы капитализма въ Россіи. Сочиненіе В. В. Слб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ перес. 1 р. 70 к.

Фабричный бытъ Германіи и Россіи. А. В. Погожева. М. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Что такое кустарное производство? А. В. Прилежаевъ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

## VI. ПЕДАГОГИЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Алфавитный сборникъ русскихъ неграмотныхъ глаголовъ. Составилъ Я. Волковъ. Спб. 1-81 г. Ц. 20 к., съ пер. 80 к.

Арифметика. Опытъ руководства къ систематическому курсу теоретической арифметики цѣлыхъ и къ элементарному курсу дробныхъ чиселъ. Преимущественно для оканчивающихъ свое образованіе начальной школой и для учащихся дома. Составилъ А. Н. Канаевъ. Спб. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Атласъ минераловъ. Составленный докторомъ Н. Г. фонъ-Курумъ. Съ текстомъ. А. Б. Ганике. Спб. 1871 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 75 к.

Басни М. А. Крылова. Съ рисунками въ тексты И. С. Панаева. Десятинадцатое полное изданіе. Ц. 50 к., съ пер. 70 коп. Двадцатое изданіе съ приложеніемъ биографіи автора написанной П. А. Плетневымъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.—Восьмое полное изданіе съ биографіей написанною И. А. Плетневымъ. Рисунки К. А. Трутовскаго. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

Бережливость Самуилъ Смайльсъ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей И. С.

Кутейникова. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Биографическія картинки. Сочиненіе А. В. Грубе. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Бухгалтерія или наука книговеденія по двойной системѣ. Въ двухъ частяхъ. Составилъ Ф. Г. Журовъ. Москва. 1874 г. Ц. за обѣ части 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Ботаника. Учебникъ естествознанія для среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ. Составилъ В. Э. Иверсенъ. Спб. 1882 г. Ц. 50 коп., съ пер. 65 коп.

Вопросы школы. Недостатки современной системы образованія и необходимыя реформы школы. В. Н. Жукъ. Спб. 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Географическіе очерки Россіи. П. Е. Ваденюка. Курсъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, изложенный монографически. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

Географія Страбона въ семнадцати книгахъ. Переводъ съ греческаго съ предисловіемъ и указателемъ Ф. Г. Мищенко. Москва 1879 г. Ц. 10 р., съ пер. 11 руб.

Дѣтскія пѣсни съ русскими народными мелодіями Съ аккомпаниментомъ для фортепьяно. Музыка А. И. Рубца. Цѣна 1 руб.

Естественная исторія животныхъ млекопитающихъ въ изображеніяхъ снятыхъ и раскрашенныхъ сходно съ натурою. Для нагляднаго изученія въ общественныхъ заведеніяхъ и при домашнемъ образованіи юношества. Шуберта. Съ приложеніемъ краткаго пояснительнаго текста. Съ нѣмецко-французскаго подлинника. Перевелъ Г. И. Кори. Пятое изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 9 р., съ пер. 10 р.

Жизнь европейскихъ народовъ. Часть 1-я. Жители юга. Подробное описаніе жизни, нравовъ и обычаевъ, сербовъ, черногорцевъ, болгаръ, герцеговинцевъ, босняковъ, турокъ, албанцевъ, румынъ, грековъ, итальянцевъ, испанцевъ, португальцевъ, французовъ и швейцарцевъ. Вмѣстѣ съ характеристиками народныхъ нравовъ, данн описанія мѣстной природы и государственнаго устройства. Къ книгѣ приложены 24 оригинальныхъ рисунка, представляющихъ типы названныхъ народовъ. (Книга въ 570 стр. большаго формата). Цѣна книги 8 р. 75 коп. Въ изданіи переплетъ 4 руб. 55 коп. 3-е изд.

Жизнь европейскихъ народовъ. Часть 2-я. Жители сѣвера. Содержаніе книги: подробное описаніе жизни, нравовъ и обычаевъ: англичанъ, шотландцевъ, ирландцевъ, голландцевъ, бельгийцевъ, норвежцевъ, шведовъ и датчанъ. Вмѣстѣ съ характеристиками народныхъ нравовъ, данн описанія мѣстной природы и государственнаго

устройства. Къ книгѣ приложено 24 оригинальных рисунка, представляющихъ таинъ названныхъ народовъ. Цѣна книги 8 р. 75 коп. Въ изданіи переплетъ 4 р. 55 коп. 2-е изд.

Задачі по русскому правописанію. Для учащихся въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и въ городскихъ училищахъ. Составилъ П. Красногорскій. Сиб. 1882 г. Ц. 85 коп., съ пер. 1 р.

Избранныя сочиненія Ломоносова въ стихахъ и прозѣ. Съ портретомъ и біографіей М. В. Ломоносова. Сиб. 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Историческая хрестоматія по русской исторіи. Пособіе для старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Составлена Я. Г. Гуревичемъ и В. А. Павловичемъ. Часть первая, изданіе второе. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. Часть вторая, изданіе второе. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Иванъ Петровичъ Муллыбинъ. Русскій механикъ-самоучка. Разсказъ Е. Н. Александровой. Сиб. 1882 г. ц. 15 коп., съ пер. 25 к.

Изъ русской жизни и природы, разсказъ для дѣтей, съ 16 картинками. Содержаніе книги: разсказъ о животныхъ, растеніяхъ, явленіяхъ природы, временахъ года, промыслахъ, повѣсти и очерки изъ народной жизни. Цѣна книги 1 р. 50 коп. Въ изданіи переплетъ 2 р. 4-е изданіе.

Историческая хрестоматія по новой и новейшей исторіи. Пособіе для учащихся и преподавателей. Составилъ Я. Г. Гуревичъ. Т. I, изданіе второе. Ц. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 75 к. Т. II, 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Исторія Греціи и Рима. (Курсъ систематическій) съ приложеніемъ хронологической таблицы. Составилъ Я. Г. Гуревичъ. Изданіе третье.—Сиб. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Исторія педагогики Карла Шмидта. Изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Изданіе третье, дополненное и исправленное Викардомъ Ланге. Переводъ Эдуарда Циммермана въ четырехъ томахъ. Москва 1877 г. Ц. за всѣ четыре тома 20 р., съ пер. 21 р. 50 к.

Исторія рисовальщика. Какъ сдѣлать ученика рисовать. По сочиненію Виллеледьюка. Составилъ А. Д. Вутовскій. Со множествомъ рисунковъ и повѣщаежей въ текстѣ. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 40 к. съ пер. 1 р. 60 к.

Изъ „Ясной поляны“. Журналъ Л. Н. Толстого. Дѣтскіе разсказы для семьи и школы. Книжка 1. Ц. 20 к., съ пер. 30 к. Книжки: 3, 4, 5, 6—по 15 к., съ пер. 25 к.

Книжки: 8, 9—по 20 к., съ пер. 30 к. Вендери. 1881 г.

Календарь и записная книжка для учащихся на 1882—1883 учебный годъ. Изданіе журнала Семья и Школа. Сиб. 1882 г. Цѣна 45 коп., съ пер. 60 коп.

Картинный учебный атласъ, приложенный къ „Краткой отечественной географіи“, составленной подъ редакціей И. Н. Михайлова. 188 рисунка, болѣею частью, составлен не и исполненіе лучшими нашими художниками и граверами. Рисунки, помѣщенные въ этомъ атласѣ, даютъ возможность учителю значительно облегчить ученикамъ сознательное изученіе географіи Россіи. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. Объясненія къ картинному учебному атласу. Составилъ П. Полевой. Сиб. 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Книга для чтенія, приложенная къ тѣмъ народнымъ школамъ, въ которыхъ начинаютъ обучать родному языку по „Родному слову“ К. Ушинскаго. Составилъ А. Барановъ. Въ текстѣ этой книги помѣщенъ рисунки, портреты, планы и географическія карты. Сиб. 1882 г. Ц. 45 к., съ пер. 60 к.

Комеиъ - Гербуновъ. — Русская сказка, сочин. П. П. Ершова, съ 7 картинками и портретомъ покойнаго автора. Изд. 10-е одобрено департаментомъ народного просвѣщенія, для начальныхъ народныхъ училищъ. Ц. въ брошюрѣ 1 р.

Краткая отечественная географія. Составленная подъ редакціей И. Михайлова. 2-е исправленное и дополненное изданіе. Въ этомъ изданіи помѣщено въ текстѣ 20 географическихъ картъ и 4 плана важнейшихъ русскихъ городовъ, а въ концѣ книги приложена большая карта европейской Россіи. Сиб. 1883 г. Ц. 60 коп., съ пер. 75 к.

Катихомбы. Повѣсти изъ первыхъ временъ христіанства. Сочиненіе Евгенія Туръ. Изданіе второе. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Краткая англійская грамматика. Пакетная книжка для изучающихъ англійскій языкъ. Составилъ П. Милославскій. Казань. 1881 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Краткій курсъ естественныхъ наукъ составилъ А. Я. Гердъ. Въ трехъ частяхъ съ 178 рисунками въ текстѣ. Изданіе третье. Удостоенъ преміи Императора Петра Великаго и одобренъ, какъ руководство для гимназій. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 60 коп., съ пер. 1 р. 80 коп.

Краткая бухгалтерія по двойной системѣ для начинающихъ. Составилъ О. Г. Журовъ. Москва. 1876 г. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.

Ключъ къ руководству Флора. Разсказы

и описанія, избранные изъ лучшихъ русскихъ авторовъ для переводовъ съ русскаго на французскій. Сиб. 1882 г. Ц. 55 к., съ пер. 70 к.

Курсъ ариметики и собраніе ариметическихъ задачъ. Сочиненіе А. Лёве. Въ двухъ частяхъ. Шестнадцатое изданіе. Сиб. 1880 г. Ц. за обѣ части 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Лекціи зоологін проф. Поля Бера. Переводъ съ французскаго д-ра Л. Н. Симонова. Предисловіе И. Р. Тарханова. Анатомія и физиологія. Съ 402 рисунками въ текстѣ. Сиб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер.

Маленькій оборышъ. Романъ Джемса Гринвуда. Передѣлка съ англійскаго А. Анненской. (Для дѣтей). Изданіе второе. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Механика для техническихъ и ремесленныхъ училищъ, а также для самообученія. Сочиненіе Ф. Губера. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей инженера Ф. Зброжека. Съ 410 чертежами въ текстѣ. Сиб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 коп.

Мои двѣ племянницы. А. Н. Анненской. Повѣсть для дѣтей. Сиб. 1881 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к., въ папкѣ 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 40 к.

На отдыхъ. Иллюстрированное разсказъ для маленькихъ дѣтей. Съ 40 картинками въ текстѣ. Цѣна 2 руб. 50 коп. Въ изящномъ переплетѣ 3 р. 20 коп.

Наглядное знакомство съ животными, водными въ европейской Россіи. Зоологическій атласъ, содержащій въ себѣ изображеніе и описаніе 340 животныхъ, преимущественно вредныхъ и полезныхъ и сликомъ 50 рисунковъ анатомическихъ. Составилъ В. Э. Иверсенъ. Сиб. 1876 г. Ц. 2 руб., съ пер. 2 р. 50 коп.

Начала начертательной геометріи, теоріи тѣней и линейной перспективы съ приложеніемъ черченія кривыхъ. Курсъ реальныхъ училищъ. Составилъ Я. Пальшау. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Начала геометрической теоріи механики. Безъ помощи высшей математики. Сочиненіе Ш. Жиро. Переводъ съ французскаго Ф. Зброжека. Съ 167 чертежами въ текстѣ. Сиб. 1876 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 35 к.

Начальная алгебра. Составилъ І. Сомовъ. Изданіе пятое съ дополнительными статьями, содержащими курсъ дополнительнаго класса реальныхъ училищъ. Сиб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Начальная алгебра и собраніе алгебраическихъ задачъ. Сочиненіе А. Лёве въ двухъ частяхъ. Ц. за обѣ части 1 р. 40 к., съ пер. 1 р. 65 к.

Начала нестрографіи. Съ полтинами

въ текстѣ и налитографированной таблицей. Составилъ для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ К. Краевичъ. Изданіе третье. Сиб. 1881 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Наглядное пособие при изученіи русскаго языка. (этимологін). Для старшаго и средняго возрастовъ. Составилъ и издалъ Н. П. Шубинъ. Полное систематическое изложеніе этимологін. Предлагается преимущественно, какъ самоучитель. Москва, 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 коп.

Начертательная геометрія. Составилъ І. Сомовъ. Изданіе третье. Сиб. 1881 г. Ц. книги съ чертежами 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Начальное обученіе ариметикѣ. (Для родителей и учителей). П. А. Литвинскій. Выпускъ 1-ый. Сиб. 1881 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Начальные основанія аналитической геометріи двухъ измѣреній. Составилъ І. Сомовъ. Второе изданіе. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

„Начальная школа“. Книга для чтенія въ начальной школѣ, съ христоматіей и статьями по естествознанію, географіи и исторіи. Составилъ А. Страховъ. 256 стр. Сиб. 1882 г. Ц. 50 коп., съ пер. 70 к.

Начальные основанія математической и физической географіи. Составилъ М. Павловъ. Сиб. 1881 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Новая метода выучиться правильно читать, писать и говорить на французскомъ языкѣ въ продолженіи 6-ти мѣсяцевъ. Проф. Оллендорфъ. Переводъ съ послѣдняго парижскаго изданія К. В. Назаревой. Сиб. 1880 г. Цѣна метода съ ключомъ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Новая метода выучиться правильно читать, писать и говорить на нѣмецкомъ языкѣ въ продолженіи 6-ти мѣсяцевъ. Проф. Оллендорфа. Переводъ съ послѣдняго парижскаго изданія К. В. Назаревой. Сиб. 1881 г. цѣна метода съ ключомъ 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Обзоръ господствующихъ методовъ обученія грамотѣ. Руководства Дистервега, Диттеса, Ушинскаго, Водовозова, Тихомирова, Солонина, Паульсона, Бунакова, Митропольскаго и Вилнова. Сост. М. Снегиревъ. М. 1882 г. Ц. 35 к., съ пер. 50 к.

Объяснительный курсъ ариметики для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. В. Латышева. Часть І. Сиб. 1877 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Основанія физики. Со многими полтинами въ текстѣ. Составилъ К. Краевичъ. Шестое изданіе. Сиб. 1880 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р.

Образцовыя сказки русскихъ писателей.

Собралъ для дѣтей В. П. Аверариусъ. Съ 62 рисунками И. И. Каразина. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. Въ роскошномъ перепл. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

Первоначальныя упражненія въ арифметикѣ. Сочиненіе А. Дѣве. Сборникъ арифметическихъ задачъ для учащихся. Ц. 25 к., съ пер. 35 к. Руководство для учащихся. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Первые уроки изъ физики. Методическое руководство къ качественному изслѣдованію физическихъ явленій. Съ атласомъ изъ 130 оригинальныхъ чертежей и рисунковъ. Э. Э. Эвальда. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 1 р. 85 к.

Письма къ матерямъ объ уходѣ за здоровымъ и больнымъ ребенкомъ д-ра М. И. Галамина. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 40 коп., съ пер. 1 р. 60 коп.

Первые рассказы изъ естественной исторіи. Для дѣтей, только-что научившихся читать. М. Быковой. Спб. 1876 года. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.

Послѣднія сказки Андерсона. Съ приложеніемъ сдѣланныхъ имъ самимъ объясненій о происхожденіи ихъ и описанія послѣднихъ дней жизни автора. Переводъ съ нѣмецкаго Е. Сисоевой. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Первоначальные уроки русской грамматики. Руководство для матерей и наставницъ. Составила Марія Корсаки. Москва 1878 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 коп.

Пѣсни для школы дѣтскія и народныя, на одинъ и на два голоса. Классное пособие при обученіи пѣнію. Составилъ Григорій Маренячъ. Второе измѣненное изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Практическая арифметика. Составилъ П. С. Гурьевъ. Книга I. Низшій курсъ доступный для всѣхъ. Ц. 75 к., съ пер., 90 к. Книга II. Высшій курсъ. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер., 1 р. 45 к.

Подвижныя буквы для обученія грамотѣ дома и въ школѣ. Изд. В. А. Александрова. Спб. Ц. 15 коп., съ пер. 25 коп.

Путешествіе вокругъ луны Жюль Верна. Съ 44 рисунками. Спб. 1882 г. Ц. 1 руб. 25 к., съ перес. 1 р. 45 к.

Рассказы изъ римской исторіи. Для дѣтей отъ 8 до 11 лѣтъ Сост. г-жею Бизлей. Переводъ со второго англійскаго изданія. Москва. 1880 г. Ц. 45 коп., съ пер. 60 коп.

Рассказы изъ отечественной войны 1812 года. Книга для чтенія всѣхъ возрастовъ. С. М. Любецкаго. Въ двухъ частяхъ. Ч. I: отъ Нѣмана до Москвы. Ч. II: отъ Москвы до Нѣмана. Москва 1880 г. Ц. 2 руб., съ пер. 2 р. 20 коп.

Родныя мѣста. Чтеніе для дѣтей А.

В. Щенниной. Изданіе второе съ рисунками. М. 1882 г. въ папкѣ. Ц. 1 руб., съ пер. 1 р. 20 к.

Родной край. Книга для класснаго и домашняго чтенія учениковъ старшаго отдѣленія народной школы. Составилъ О. С. Матвѣевъ. Спб. 1879 г. Ц. 40 коп., съ пер. 60 к. Робинзонъ Крузо. А. Анненской. Новая переработка тѣмъ Де-Фое. Съ 10-ю картинками и 35 политимажамъ, рѣзанными на мѣди въ Лейпцигѣ. Второе изданіе. Спб. 1882 г. Цѣна книги въ перепл. 3 руб., съ пересылкою.

Руководство къ обученію грамотѣ въ школѣ и дома съ подвижными буквами. (Два листа, 426 буквъ и цифръ). Составилъ В. А. Александровъ. Спб. 1882 г. Ц. 80 коп., съ пер. 40 к.

Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики, изложенной по новому плану. Синтаксисъ въ образцахъ для младшаго возраста. Составилъ Конст. Фед. Петровъ. Изданіе второе, исправленное и значительно дополненное. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. Этимологія въ образцахъ. Составилъ Конст. Фед. Петровъ. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Руководство къ наглядной географіи. Составленное А. Слюйсомъ перевелъ преподаватель К. Турчаковский. Съ таблицей географическихъ чертежей. Спб. 1880 г. Ц. 60 к., съ пер. 70 к.

Семейство Шалонскихъ. Изъ семейной хроникѣ. Сочиненіе Евгенія Туръ. Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 руб. 20 к.

Сборникъ древне-русскихъ замѣтокъ и образцовъ народной русской рѣчи. Пособіе при изученіи исторіи русскаго языка. Составилъ А. Смирновъ. Варшава. 1882 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 коп.

Сборникъ грамматическихъ примѣровъ и задачъ. Курсъ второй. Синтаксисъ. Составилъ Василій Разгараевъ. Спб. 1882 г. Ц. 45 к., съ пер. 60 к.

Сборникъ конкурсныхъ программъ и докладовъ о трудахъ на пользу народнаго образованія, увѣнчанныхъ преміями комитета грамотности. Издано на средства члена комитета грамотности А. М. Розенталя. Спб. 1882 г. Ц. 50 коп., съ перес. 65 коп.

Собраніе алгебраическихъ задачъ. Составилъ для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ К. Краевичъ. Четвертое изданіе. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 20 коп., съ пер. 1 р. 40 коп.

Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе для школъ. Три тома, редакция К. Кузьмина. Съ портретами и рисунками. В. Е. Мас-

ковскаго. М. 1882 г. Ц. 3 р. 60 коп., съ перес. 4 руб.

**Сельская школа.** Книга для чтенія, устныхъ и письменныхъ занятій въ народной школѣ. Составили учителя начальныхъ училищъ. Н. Ерминъ и А. Вологовскій. Вторая зима обученія. Спб. 1881 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

**Сказки профессора З. Толеліуса.** Дѣтскія. — Маленькій Ларсъ. — Празднованіе Рождества у Трольдъовъ. — Канунъ Иванова дня. — Солнечный лучъ въ ноябрѣ. — Дѣти солнца. — Война солнца. — Конькобѣжецъ. — Береза и звѣздочка. — Роскошное изданіе съ картинками лучшихъ спб. художниковъ. Спб. 1882 г. въ папкѣ. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 70 к.

**Сказка про Нота да про Лису.** Редакція сказки Д. И. Тихомирова. Картинки художника Н. А. Мартынова. М. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

**Сказка про Лису да про Волка.** Редакція сказки Д. И. Тихомирова. Картинки художника Н. А. Мартынова. М. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

**Славянская хрестоматія.** Сборники по славянскимъ нарѣчіямъ: древнему церковно-славянскому, древне-русскому, болгарскому, сербо-хорватскому, словянскому, лужицкому и польскому. Съ свѣдѣніями и замѣчаніями о намятникахъ и общими характеристиками нарѣчій. Составилъ Воскресенскій. Выпускъ первый: языкъ древній церковно-славянской и древне-русскій. Москва 1882 г. Ц. 75 коп., съ пер. 90 коп.

**Способы начального воспитанія и обученія.** Г. М. Марачевскій. Кременчугъ 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 коп.

Спб. Комитета Грамотности изданія съ картинками:

1. Аленкой цѣточекъ. Сказка Т. Аксакова. 2. Прехомій. Святочный рассказъ Д. В. Григоровича. 3. Приключенія Робинзона Крузе. А. Н. Яхонтова. 4. Постоялый дворъ. Повѣсть И. С. Тургенева. 5. Крутиковъ. Рассказъ А. Г. Коваленской. 6. Батрачина. Повѣсть Т. Г. Шевченко. 7. Злодѣй и Петля. Повѣсть А. Ѳ. Погоскаго. 8. Сорочинская ярмарка. Н. В. Гоголя. 9. Стихотворенія Н. А. Некрасова. Съ рисунками Н. Н. Каразина. Спб. 1882 г. Цѣна за всѣ книги 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

**Сборникъ избранныхъ басенъ Крылова, Машальскаго, Хемницера, Дмитріева и Измайлова.** Составилъ С. Волженскій. Спб. 1880 г. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.

**Сборникъ алгебраическихъ задачъ.** Составилъ для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ К. Краевичъ. Четвертое изданіе значительно дополненное. Спб.

1882 г. Ц. 1 руб. 20 к., съ перес. 1 руб. 40 коп.

**Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы.** Составленъ, по порученію Комитета Грамотности, спеціальною комиссіею. Большой томъ въ 745 стран. Спб. 1878 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

**Дополненіе 1-е къ систематическому обзору русской народно-учебной литературы,** составленное по порученію комитета грамотности. Спб. 1882 г. Ц. 75 коп., съ пер. 90 к.

**Теоретическое и практическое руководство коммерческой корреспонденціи.** Удостоенное премія на конкурсѣ Варшавскаго Коммерческаго банка. Составилъ Николай Краковский. Спб. 1882 г. Ц. 4 р. съ пер.

**Трехголосныя хоровыя пѣсни для школы.** Классное пособие при обученіи пѣнію. Составилъ Григорій Мареничъ. Спб. 1882 годъ. Ц. 75 коп., съ пер. 1 р.

**Указанія къ рациональному устройству зданий для сельскихъ школъ.** Спб. 1882 г. Ц. 10 коп., съ пер. 15 коп.

**Умственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до восьмилѣтняго возраста.** Содержаніе книги: нравственное и умственное развитіе дѣтей; работы, игры, физическія упражненія на воздухѣ и въ комнатѣ, рассказы, сказки, пословицы, арифметическія задачи и наблюденія надъ явленіями природы. Изданіе 3-е. Цѣна книги 2 р.

**Учебникъ механики.** Составилъ С. Гуржеевъ. I. Теоретическая механика. Съ 167 полнотипажными въ текстѣ и собраніемъ задачъ съ ихъ рѣшеніями. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

**Учебникъ химіи.** С. Ковалевскаго, преподавателя химіи и физики въ Спб. 1-мъ реальн. училищѣ. 4-е изданіе, пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1832 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 60 к.

**Учебникъ физики.** Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Со многими полнотипажными въ текстѣ и нагнотифицированными таблицами. Составилъ К. Краевичъ. Седьмое изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.

**Химіи Дяди Тома.** Повѣсть для дѣтей Бичеръ-Стоу. Съ хромотифицированными картинками. Москва 1882 г. Цѣна книги въ папкѣ.

**Элементарныя свѣдѣнія изъ химіи.** Учебное пособие къ курсу физики. Составилъ преподаватель С. Ковалевскій. 3 е. Изданіе, пересмотрѣнное и значительно дополненное. Спб. 1882 г. Ц. 35 к., съ пер. 50 коп.



## VII. ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Къ теоріи Индо-Европейскаго языкознанія. Исследование Алексѣя Путаева. Москва. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Неизвѣстная русская повесть Петровскаго времени. А. Майкова. Спб. 1880 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Опытъ объясненія быта (индо-европейскихъ народовъ) созданныхъ подъ вліяніемъ мифа. Сочиненіе І. Манделъштама. Часть I, Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 коп.

Розысканія по вопросу о грамматическомъ родѣ славянскихъ и летописныхъ языкахъ. Эд. Вольтера. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Славянскія нарѣчія. Статья профессора Гебауера. Переводъ и примѣчанія А. Степанова. Кіевъ. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 коп.

## VIII. МАТЕМАТИКА—АСТРОНОМІЯ—ФИЗИКА—ХИМІЯ.

Аналитическая геометрія. Составлена І. Сомовымъ. Изданіе третье. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Вѣчное движеніе. Опытъ популярнаго исследования нѣкоторыхъ физическихъ явленій и дѣйствій. Ав. Кунова. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 70 к.

Индикаторъ и его употребленіе. Практическое руководство къ употребленію индикатора вообще и индикатора системы Ричардса въ особенности. Розенкранца. Съ 2 чертежами и 30 полтинниками въ текстѣ. М. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 коп.

Линіи вариационнаго исчисленія. Аббата Муаньо. Переводъ съ французскаго М. Раевского и М. Хандрикова. Москва. 1864 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Начала начертательной геометріи, теоріи тѣни и линейной перспективы. Съ приложеніемъ черченія кривыхъ. Составилъ А. Пальшау. (Курсъ реальныхъ училищъ). Харьковъ. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 65 к.

Сила, какъ результатъ движенія. (Физико-философское исследование). Проф. Ю. Окорова. Спб. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Учебникъ сферической астрономіи. Составленный Д-ромъ Брюнновымъ. Переведъ съ 3-го изданія на нѣмецкомъ языкѣ Н. П. Вуцкой. Спб. 1873 г. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

Элементарная теорія сопротивленія матеріаловъ и расчетъ деталей машинъ съ 7-ю таблицами чертежей. (Для реальныхъ и техническихъ училищъ). Составилъ А.

Пальшау. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

## IX. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ—СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО—ТЕХНОЛОГІЯ—МЕДИЦИНА.

Анатомія и исторія развитія цѣлостей у человѣка. Съ примѣчаніями о развитіи простыхъ уродовъ вообще. А. Таренскаго. съ 5 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 50 коп., съ пер. 65 коп.

Атомическая теорія А. Вюрца. Въ серіи международной научной бібліотеки. Переводъ со втораго французскаго изданія. К. 18 2 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Ботаническій словарь. Справочная книга для ботаниковъ, сельскихъ хозяевъ, садоводовъ, фармацевтовъ, врачей, дрогистовъ, путешественниковъ по Россіи и вообще сельскихъ жителей. Составилъ Н. Анненковъ. Новое исправленное, пополненное и расширенное изданіе. Спб. 1878 г. Ц. 8 р., съ пер. 8 р. 50 к.

Ботаническій атласъ. Шуберта. Какъ всомогательное дополненіе ко всякому учебному руководству съ приложеніемъ краткаго пояснительнаго текста въ переводѣ Н. И. Раевского. 2-е изданіе. Спб. 1879 г. Ц. 7 р., съ пер. 8 р.

Гниеніе и зараза по отношенію къ веществамъ, носящимся въ воздухѣ. Джона Тиндала. Переводъ съ англійскаго Г. А. Лопатина. Прибавленія: Рѣчь Пастера о прививкѣ по отношенію къ курной холерѣ и сибирской азѣ. Исследования д-ра Коха объ этиологіи бугорчатки (рефераты). Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 коп., съ пер. 2 75 к.

До-историческій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера. Проф. А. А. Иностранцева. Съ 123 полтинниками въ текстѣ, 2 литографіями и 12 таблицами фотографій. Спб. 1882 г. Ц. 8 р., съ пер. 9 р.

Дѣтскія болѣзни. Руководство для врачей и учащихся. Э. Генохъ. Переводъ съ нѣмецкаго съ предисловіемъ проф. Н. И. Быстрова. Спб. 1882 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 75 к.

Дифтеритъ. Критическій этюдъ. Сочиненіе Михаила Зеленскаго. Для врачей и родителей. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 коп.

Записки по ларингоскопії и гортанной болѣзнямъ. Составлены по лучшимъ авторамъ докторомъ медицины В. Н. Никитинымъ. Съ приложеніемъ таблицы рисунковъ. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 75 коп.

Земледѣліе и скотоводство для крупныхъ хозяйствъ. Сочиненіе Ф. Вертранда. Переводъ съ четвертаго изданія модъ

редакціей проф. А. Совѣтова. Сиб. 1873 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Менскія болѣзни. Руководство для студентовъ и врачей. Д-ра Г. Фритша. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей К. О. Славянскаго. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р. 80 к., съ пер. 8 р.

Жизнь какъ движеніе. А. К. Попова. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 коп.

Комнатное цвѣтоводство. Подробное наставленіе для разведенія и воспитанія комнатныхъ растений. Съ рисунками въ текстѣ. Составила М. Ю. Петрова. Сиб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Компендіумъ акушерства. Руководство для клиническихъ практикантовъ и врачей. І. Н. Нааке Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Д-ра В. В. Святловскаго. Сиб. 1882 г. Ц. 90 к., съ пер. 1 р. 15 коп.

Курсъ нормальной гистологіи. I. Orth. Руководство къ употребленію микроскопа и практичному изученію тканей съ 107 рисунками въ текстѣ. Переводъ со втораго нѣмецкаго изданія Л. Даркшевича. Москва 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Маленькая домашняя аптечка. Проф. Ф. Нуссбаума. Переводъ съ 2-го нѣмецкаго изданія. 1882 г. Ц. 50 коп., съ пер. 60 коп.

Мужское безсиліе, или неспособность къ брачному сожитію.—Радикальное леченіе этой болѣзни. Д-ра І. И. Шиллинга, съ приложеніемъ примѣровъ изъ медицинской практики д-ра Александра Ло. Сиб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 коп.

Наглядныя таблицы фармакологическаго дѣйствія лекарственныхъ веществъ. Ф. Берліоза. Переводъ съ французскаго. Сиб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 коп.

Обзоръ послѣднихъ успѣховъ свекло-сахарнаго производства за-границею. Составилъ инженеръ-технологъ П. Волковъ. Съ двумя таблицами чертежей. Сиб. 1882 годъ Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Обработка льна и механическое пряденіе льняного волокна. (Замѣтка). Составилъ А. Угаровъ. Съ 2 таблицами чертежей. Сиб. 1882 г. Ц. 1 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

О молочномъ леченіи и значеніи его для прогноза въ болѣзняхъ сердца и почекъ. Составилъ Докторъ С. М. Васильевъ. Выпускъ І. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 коп.

О причинѣ сна. Сообщеніе В. Прейра. Переводъ съ нѣмецкаго А. И. Д. подъ редакціей врача П. С. Протопопова. Москва 1877 г. Ц. 40 коп., съ пер. 50 коп.

О разведеніи кормовыхъ травъ на поляхъ. Проф. А. Совѣтова. Четвертое, исправленное и значительно дополненное из-

даніе съ 24 политипажамъ въ текстѣ. Сиб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

О неукротимой рвотѣ беременныхъ. Проф. М. Горвица. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15. коп.

Образованіе почечнаго слоя дождевымъ червемъ Чарльза Дарвина. Переводъ съ пятаго англійскаго изданія М. Линдеманъ. (съ 15 политипажамъ въ текстѣ). Москва 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ съ особыми отдѣлами о содержаніи и уходѣ за ними. Составилъ Я. М. Шмудевичъ. Со многими рисунками и съ раскрашенною таблицей. Сиб. 1892 г. Ц. 8 р., съ пер. 3 р. 80 к.

Общедоступная гигиена для военныхъ. Составилъ профес. Пр. Скворцовъ. Сиб. 1881 г. Ц. 8 р. 50 к., съ перес. 4 руб.

Описаніе двухъ нѣтън графа М. М. Толстаго, находящихся въ харьковской губерніи, и свѣдѣнія о шестнадцати-лѣтнемъ урожаѣ хлѣбовъ и другихъ растений съ исчисленіемъ чистой доходности. Составилъ И. Кабештовъ. Одесса. 1881 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Основы полевой культуры и штры въ ея улучшенію въ Россіи. П. А. Стебута. Второе вновь переработанное изданіе. Въ двухъ томахъ. Т. І. Часть первая: Введеніе. Паровой клинъ въ пару. Паровыя растенія: корнеплоды, марена и листовыя паровыя растенія, преимущественно же: воздѣлываніе сахарной свекловицы, картофеля и табака. Москва 1882 года. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 коп.

О соединеніи костей между собою. Изъ лекціи проф. П. Ф. Лесгафта. Сиб. 1882 г. Ц. 20 коп., съ пер. 30 коп.

Практическіе совѣты по разведенію наиболѣе распространенныхъ кормовыхъ травъ и злаковъ на поляхъ и лугахъ. И. Кабештова. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 65 к.

Практическія занятія по гистологіи растений. Руководство для начинающихъ. Составилъ П. Я. Крутицкій. Съ 88-ю рисунками въ текстѣ. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 65 коп.

Проектъ организаціи врачебной помощи въ Россіи. Д-ра медицины Д. С. Трифоновскаго. Москва. 1882 г. Ц. 25 коп., съ пер. 35 к.

Популярныя очерки по естествознанію. Л. К. Попова. Сиб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Пряденіе нѣрдной шерсти. Часть первая: Подготовка сырца. Составилъ П. Волковъ. Съ таблицами чертежей и политипажамъ въ текстѣ). Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 коп.

**Руководство къ изученію зубныхъ болѣзней.** Д-ра Юлія Шеффа. Переводъ съ нѣмецкаго. Д-ра М. Вишневаго. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 75 коп., съ пер. 2 руб.

**Руководство къ физическимъ методамъ изслѣдованія внутреннихъ болѣзней.** Д-ра Германа Эйхгорста. Переводъ подъ редакціей Д-ра И. В. Чезезова. Часть I. Изслѣдованіе кожи, температуры, пульса и органовъ дыханія. Съ 102 рисунками. Спб. 1882 г. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

**Руководство къ частной патологіи и терапіи.** Д-ра Felis von Niemeuer. вновь обработанное д-ромъ Eug. Seitz'омъ. Перевелъ съ десятого измѣненнаго и дополненнаго нѣмецкаго изданія Михаэля Лёвье, т. I, в. I и II: болѣзни органовъ, дыханія, кровообращенія, пищеваженія, печени и желчныхъ путей. Т. II, в. III и IV: болѣзни органовъ мочевыхъ, половыхъ, нервной системы, кожи, двигательнаго аппарата, инфекціонныя и общія разстройства питанія. Спб. 1882 г. Ц. за оба тома 6 р., съ пер. 7 р.

**Руководство фармакологіи.** Клиническій учебникъ проф. Бянца. Переводъ съ 6-го нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ приращеніемъ Н. В. Герусалимскаго. М. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

**Руководство къ неотложнымъ операціямъ Луи Томаза.** Просмотренное и снабженное введеніемъ проф. Вернеймъ. Переводъ со втораго пересмотрѣннаго и увеличеннаго изданія В. Гольдштергера. Съ 69 рисунками въ текстѣ. Москва 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

**Руководство къ частной патологіи и терапіи для врачей и студентовъ.** Съ многочисленными рисунками въ текстѣ Д-ръ Hermann Eichhorst. Выпускъ I—III. Спб. 1882 г. Ц. 90 к., съ пер. 1 р.

**Сборникъ свѣдѣній для любителей садоводства и самоученъ садовниковъ.** Составилъ А. Ераковъ. О 750 однолѣтнихъ и двулѣтнихъ растеніяхъ, расположенныхъ по высотѣ ихъ и колерамъ цвѣтовъ. 1880 г. Ц. 3 р. съ пер.

**Советъ и первая помощь при внезапныхъ заболѣваніяхъ и несчастныхъ случаяхъ.** Д-ра Эдуарда Рейхъ. Популярная и полезная для всѣхъ книга. Харьковъ. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

**Теоретическая и практическая хирургія.** Проф. Дж. Эриксона переводъ съ предисловіемъ проф. Е. И. Богдановскаго, съ 862 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ч. I. Ц. 2 р. 50 к. Ч. II. в. I. Ц. 90 к. съ перес.

**Учебникъ болѣзней нервной системы.** Д-ра Адольфа Зеелягмюллера. Переводъ А. Черемшанскаго. Отдѣлъ I. Бо-

лѣзни периферической нервной системы и симпатическаго нерва. Съ 56 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

**Учебникъ физиологіи.** Проф. М. Фостера. Переводъ съ англійскаго и дополненія проф. И. Р. Тарханова. Спб. 1882 г. цѣна за 2 тома 7 р. 50 коп. съ пер.

**Учебникъ судебной медицины.** Проф. Эдуарда Гофмана. Переводъ со втораго нѣмецкаго изданія подъ редакціей И. М. Сорокина. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1881 г. Ц. 5 руб., съ пер. 5 руб. 50 коп.

**Ученіе о глазныхъ болѣзняхъ.** Д-ра Виктора-Феликса Шокальскаго. Въ двухъ томахъ. Переводъ съ испрѣвленнаго и значительно дополненнаго самимъ авторомъ польскаго подлинника студентомъ московскаго университета подъ руководствомъ д-ра М. Воинова. Въ каждой книгѣ находится до 400 полнѣешихъ въ текстѣ. Москва. 1878 г. Ц. за оба тома 8 р., съ пер. 9 р.

**Физическая химія Н. Н. Любавина.** Выпускъ первый. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 30 к. Выпускъ второй 2 р. 50 коп., съ пер. 3 руб.

**Физиологическая химія.** Проф. А. Шеффера. Кіевъ. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

**Физиологическая химія.** Д-ра Феликса Гоппе-Зейлера. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей проф. А. Бульбинскаго. Часть I. Общая біологія съ 4-мя рисунками. Часть II. Пищевареніе и всасываніе пищевыхъ веществъ. Ц. за обѣ части 4 р., съ пер. 4 р. 50 к. Часть III. Кровь, дыханіе, лимфа, млечный сокъ. Съ 9 рисунками. Москва. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

**Формы воды.** Дождь, рѣка, ледъ и ледники. Джонъ Тендалъ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей К. Л. Киричева. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

**Южно-русское тонкорунное овцеводство или указаніе правилъ разведенія, хозяйственнаго содержанія и домашняго леченія тонкорунныхъ овецъ, а также краткое описаніе фабричнаго производства шерстяныхъ тканей.** Составилъ Иванъ Дмитріевичъ Запора. Харьковъ. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

#### Х. ЗАКОНОВѢДНІЕ—ПОЛИТИКА.

**Борьба за право** Д-ра Рудольфа Фотъ Игеринга. Переводъ съ нѣмецкаго П. П. Волкова. Москва 1874 г. Ц. 75 к., съ пер. 85 коп.

**Женскій вопросъ.** Эрнеста Легуве. Переводъ и примѣчанія по русскому изданію М. А. Окса. Одесса 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 коп.

**Законы гражданскіе.** Сводъ законовъ томъ X, часть I съ объясненіями по рѣшеніямъ гражданского кассационнаго департамента Правительствующаго Сената. Составилъ А. Борожиковскій. Спб. 1882 г. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

**Историческій очеркъ русскаго законодательства о вѣрахъ.** Одесса. 1882 г. Ц. 20 к., съ пер. 25 к.

**Книга Нагала.** Составилъ Яковъ Брафманъ. Изданіе второе дополненное. Ц. за 2 т. 6 р., съ пер. 6 р. 50 к.

**О современномъ движеніи въ наукѣ права.** Проф. С. В. Пахманова. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 коп.

**Основы реформъ мѣстнаго и центральнаго управленія.** Составилъ О. К. Нотовичъ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 40 коп.

**Самоубійство въ западной европѣ и европейской Россіи.** Опытъ сравнительно-статистическаго изслѣдованія А. В. Лихачева. Съ приложеніемъ I. Таблицъ. II. Пасежъ и записокъ самоубійцъ. III. Картограммы самоубійствъ въ Западной Европѣ и Европейской Россіи. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

**Семейное и социальное положеніе женщины по монсеево-равенскому законодательству.** Очеркъ къ исторіи развитія еврейскаго брако-разводнаго права. Сочиненіе С. Б. Гурвича. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

**Систематическій сборникъ рѣшеній гражданского кассационнаго департамента правительствующаго сената.** Составилъ А. Боровиковскій. Матеріальное право. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 25 к.

**Системы политическаго равновѣсія и легитимизма, и начало національности въ ихъ взаимной связи.** Историко-догматическое изслѣдованіе. Всеволода Даневскаго. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 9 р. 80 к.

**Сибирь какъ колонія.** Къ юбилею трехсотлѣтія. Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее. Н. М. Ядринцева. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес.

**Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 года.** Съ дополненіями по 1 декабря 1881 года. Составленное профессоромъ Н. С. Таганцевымъ. Изданіе четвертое дополненное. Спб. 1882 года. Ц. 4 р. съ пер.

**Уставъ о табачномъ сборѣ** Высочайше утвержденный 18 мая 1882 г. Спб. 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

**Уставъ о гербовомъ сборѣ,** измѣненный по Высочайше утвержденнымъ 19 января и 25 мая 1882 г. мѣстнымъ государ-

ственнаго совѣта съ приложеніемъ: 1) Аффавитнаго перечня документовъ и актовъ, подлежащихъ гербовому сбору и отъ него изъятыхъ. 2) Дополнительныхъ къ уставу распоряженій правительства. 3) Разъясненій 1-го д-та правительствующаго сената и министерства финансовъ. Спб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

**Утилитаріанизмъ о свободѣ.** Джона Стюарта Милля Переводъ съ англійскаго А. Н. Невѣдомскаго. Съ приложеніемъ очерка жизни и дѣятельности Милля. Е. Коврахи. 2-ое изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

**Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ.** Книга первая: Уголовно-судебная достоверность. Проф. Л. Владимірова. Харьковъ 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 коп.

**Цѣль въ правѣ.** Проф. Рудольфа фонъ-Геринга. Переводъ В. Р. Личаго, Н. В. Муравьева и Н. Ф. Дерюжянскаго. Т. I-ый. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 руб.

**Элементарный учебникъ общаго уголовного права** съ подробнымъ изложеніемъ Началь Русскаго Уголовнаго Законодательства. Часть общая. Проф. А. Ф. Кистяковскаго. Второе исправленное и значительно дополненное изданіе. Кіевъ. 1882 г. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

## XI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

**Вѣстникъ бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ.** Сочиненіе Германа Вейса. Переводъ съ нѣмецкаго В. Чаева. Т. I, ч. I: Восточные народы. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к. Т. I, ч. II: Западные народы. Ц. 4 р. съ пер. 4 р. 50 к. Т. II, ч. I: Византизмъ и Востокъ. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к. Т. II, ч. II: Европейскіе народы. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к. Т. III, ч. I: Отъ XIV до XVI столѣтія. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к. Т. III, ч. II: Съ XVI столѣтія до нашихъ временъ. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к. Москва 1879 г.

**Двадцать-пять лѣтъ русскаго искусства. (1855—1880).** Иллюстрированный каталогъ, содержащій болѣе 250 снимковъ, изъ которыхъ около 150 съ оригинальныхъ рисунковъ художниковъ. Составилъ Н. П. Собко. Издавъ М. П. Вотькинъ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 руб.

**Исторія влстности съ древнѣйшихъ временъ до нашего времени,** Вильгельма Любке. Переводъ съ нѣмецкаго В. Чаева. Съ 231 рисунками въ текстѣ. Москва 1870 г. Ц. 6 р., съ пер. 7 р.

**Искусство въ связи съ общими развитіемъ культуры и идеалами челоѣчества.**

Сочиненіе Морица Каррьера. Переводъ Е. Корша. Т. I: Зачатки культуры и восточная древность. Ц. 3 р., съ пер. 8 р. 50 коп. Т. II: Эллада и Римъ. Ц. 8 р. 50 к., съ пер. 4 р. Т. III: Средніе вѣка. Ц. 5 р. 50 к., съ пер. 6 р. 25 к. Т. IV: Возрожденіе и реформація въ образованіи, искусствѣ и литературѣ. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 75 к. Т. V и послѣдній: Пора духовнаго расцвѣта. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 75 коп.

О сбереженіи и возстановленіи голоса, для артистовъ и любителей искусства. Составилъ Фридрихъ Фиберъ. Перевелъ съ нѣмецкаго д-ръ А. Кржижановскій. Кіевъ 1881 г. Ц. 40 коп., съ пер. 50 коп.

Рисунки катаномбы и наметки первоначальнаго христіанскаго искусства. Соч. А. Фонтъ-Фрикенъ. Въ трехъ частяхъ. Москва 1883 г. Цѣна всѣхъ трехъ выпусковъ 4 р., съ пер. 4 р. 50 коп.

Русское искусство, его источники, его составные элементы, его высшее развитіе, его будущность. Сочиненіе Е. Віолле-ле-дюдъ. Перевелъ съ французскаго Н. Сулатковъ. Москва. 1879 г. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Руководство къ исторіи искусства Франца Муглера. Четвертое изданіе, обработанное Вильгельмомъ Любке съ нѣмецкаго К. Корша. Въ двухъ частяхъ съ 487 рисунками въ текстъ. Москва 1870 г. Ц. за обѣ части 10 р., съ пер. 11 р.

Руководство въ исторіи живописи со времени Константина Великаго. Францъ Муглеръ. Переводъ съ нѣмецкаго И. К. Васильева третье изданіе съ портретомъ автора. Москва 1872 г. Ц. 7 р., съ пер. 9 руб.

Финансовое право. Лекціи Доцента Сибскаго университета В. А. Лебедева. Т. I: введеніе, государственныя потребности и организація ихъ удовлетворенія, государственные доходы. Сиб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 коп., съ пер. 4 руб.

Чтенія объ искусствѣ. Пять курсовъ лекцій, читанныхъ въ Парижской школѣ изящныхъ искусствъ Иполитомъ Танномъ. Переводъ А. Н. Чудинова Москва 1874 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Южно-русскій орнаментъ. Собранный А. Лисенко. Изданіе 2-е значительно измѣненное и дополненное. Кіевъ. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3-р.

## XII. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Всадникъ. Практическій курсъ верховой ѣзды. Вактора Франкони. Сиб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пересылкою.

Исследование о полной стѣи шоссейно-дорожныхъ сообщеній въ Россіи съ картой. А. Еракова. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 коп.

Искусство пріобрѣсти превосходную пиньту для всѣхъ возрастовъ и положеній. Соч. д-ра Е. Гартенбаха. Переводъ съ 18-го дополненнаго изданія К. В. Назаровой. Сиб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

Марганная минералъ рецептовъ для практическихъ врачей. (Переводъ съ третьяго дополненнаго изданія). Русское изданіе второе. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Переводные веселыя внутренныя и иностранныя или дамы. (Траты и римессы) Краткое руководство къ усвоенію обращенія съ ними и къ звуученію операція посредствомъ ихъ производимыхъ съ приложеніемъ соотвѣствующихъ предмету формъ, правилъ, приѣмовъ и вычисленій, а также веселнаго, фондоваго и металлскаго банковаго арбтража. Составилъ Александръ Скрыганъ. Пособіе для торговъ людей и всѣхъ лицъ, занимающихся въ русскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Одесса. 1882 г. Ц. 4 р. съ пер.

Ремесленникъ. Практическое руководство для ремесленныхъ учащихся и любителей, желающихъ изучить принадлежности мастерскихъ: плотничной, столярной, токарно-журной и т. д. Составилъ А. П. Классенъ. 320 рисунковъ въ текстъ. Сиб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Пожарная книга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Составилъ А. Н.—въ. Въ текстѣ полнѣйшіе рисунки. Сиб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к. съ пересылкою.

Сокращенныя либретто и программы оперъ и балетовъ. № 1 опера "Гугеноты". Цѣна либретта на простой бумагѣ 5 к., на водонепроницаемой 10 к.

Таблицы для легчайшаго пересчета иностранныхъ монетъ на русскія и стоимости англійской тонны въ стоимость золота по даннымъ биржевымъ курсамъ отъ 20 до 84 пенса за рубль. При семъ приложено общесравнительныхъ таблицъ фунтовъ, центнеровъ, ластовъ и мѣръ емкости. Составилъ С. А. Каценелленбогенъ. Сиб. 1882 г. въ переплетѣ Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 коп.

Энциклопедическій всеобщій словарь. Составленный подъ редакціею В. Ключникова, въ трехъ томахъ. Сиб. 1882 г. Цѣна за всѣ три тома 12 руб., съ перес. 14 руб.



Исегозодъ Гаршинъ. Рассказы. Сиб. 1882. Мал. 8°, 216 стр. Ц. 1 р.

Рассказы г. Гаршина обратили на себя большое внимание при своемъ первомъ появлении въ журналѣ, — и справедливо, потому что свидѣтельствовали о несомнѣнномъ дарованіи. Новое изданіе, въ цѣломъ изъ составъ, было, конечно, желательно и даетъ поводъ къ болѣе обстоятельной оцѣнкѣ этихъ произведеній, что мы и имѣемъ сдѣлать въ особой статьѣ.

5 ЛѢТЪ РУССКАГО ИСКУССТВА (1855 — 80). Иллюстрированный каталогъ художественнаго отдѣла всероссійской выставки въ Москвѣ, 1882 г., содержащій болѣе 250 снимковъ, изъ которыхъ около 150 съ оригинальныхъ рисунковъ художниковъ. Составилъ Н. П. Собко. Издалъ М. П. Боткинъ. Сиб. 1882. — 25 ans de l'art russe. Catalogue illustré de la section des beaux arts à l'Exposition Nationale etc. 8°. XVI, 75, XI стр. и рисунки. Ц. на выставкѣ 1 руб., у книгопродавцевъ 1 р. 50 к. (Prix. 6 francs).

Длинное заглавіе, которое мы выписали, даетъ овленіе о томъ, что можетъ найти читатель въ этой книгѣ; изданіе — первое у насъ въ своемъ родѣ, и составляетъ истинную заслугу гг. Собко и Боткина. Для тѣхъ, кому близки интересы нашего новаго искусства (разумѣя живопись, скульптуру и архитектуру), эта книга можетъ стать прекрасной справочной книгой и упоминаетъ о лучшихъ произведеніяхъ нашего искусства за послѣднія двадцать-лѣтъ лѣтъ. Многочисленные рисунки, занимающіе большую часть тома, обновятъ въ памяти читателя множество произведеній, нѣкогда привлекавшихъ къ себѣ толпу на выставкахъ академіи художествъ и общества передвижныхъ выставокъ. Въ обширномъ предисловіи г. Собко говорить о первыхъ изданіяхъ подобнаго рода за границей, объясняетъ планъ и исполненіе настоящаго русскаго изданія. Въ каталогѣ сообщаются, каждому упоминаемому художникѣ, главнѣйшія біографическія свѣдѣнія и при каждомъ произведеніи обозначается его годъ: это — тотъ-же заглавіе для настоящей исторіи нашего новаго искусства. Высокое и характерное знаніе его выступаетъ уже въ этомъ простомъ постановленіи его фактовъ. Рисунки воспроизведены гг. Скамонн и Честермэнъ при содѣйствіи г. фотографа Чижова и автографическаго Алексѣева и печатаны въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

ОБЩАЯ ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. Составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ, при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ, подъ редакціей В. Ѳ. Корша. Выпускъ XIV. Новѣйшая литература арабовъ. Г. А. Муркоса (окончаніе). — Средневѣковая литература западной Европы и Византии. А. И. Карпичикова (продолженіе). Сиб. 1882.

Съ каждымъ новымъ выпускомъ возрастаетъ значеніе предпріятія г. Корша. По исторіи единичныя вѣковы, и особенно по ихъ литературѣ, у насъ нѣтъ чрезвычайно мало пособій, послѣдніе выпуски изданія г. Корша, посланные именно этой мало у насъ извѣстной области, становятся чрезвычайно цѣнными прирѣченіемъ для нашей литературы. Остается

желать скорѣйшаго довершенія этого замѣчательнаго изданія.

МУАЛЛАВА ПИРУ-УЛЪ-КАЙСА (переводъ съ арабскаго подлинника по изд. Фр. Авт. Арвола, 1860). Г. Муркоса. Москва. 1882. 8°, 18 стр.

Муаллавами называются семь арабскихъ стихотвореній изъ временъ до-исламскихъ, признаваемыхъ классическими. Муаллава Пир-уль-Кайса — одна изъ самыхъ поэтичныхъ и блестящихъ между ними. Переводъ г. Муркоса исполненъ прозой, очень близко къ подлиннику, но литературно. Къ объясненію текста служатъ предисловіе и примѣчанія.

ВОСПОМИНАНІЯ ДЕКАБРИСТА О ПЕРЕЖИТОМЪ И ПЕРЕЧУВСТВОВАНОМЪ, 1805—1850. А. Виллена. Сиб. 1882. Мал. 8°. 507 стр. Ц. 2 р.

Въ послѣднее время у насъ входятъ въ обиходъ выпускать отдѣльными изданіями труды, появившіеся первоначально въ журналахъ. Этому обычаю нельзя не порадоваться. Журналы за прежнее время сохраняются у насъ очень рѣдко; а полными изданіями и того рѣже. Вспомогательное этого, старія книжки журналовъ очень часто становятся настоящимъ мусоромъ даже для весьма замѣчательныхъ произведеній, которыхъ потому бываетъ трудно доискаться обыкновенному читателю. Новые изданія вольно посылать ихъ въ обращеніе, и притомъ съ удобствомъ цѣльности. Книга г. Виллена также печаталась въ видѣ длиннаго ряда журнальных статей, и безъ сомнѣнія заслуживала особаго изданія. Авторъ даетъ рассказы о временахъ императора Александра I, о жизни декабристовъ въ Сибири и на Кавказѣ, — иной разъ нѣсколько болтливые, какъ часто бываетъ въ воспоминаніяхъ, но въ общемъ весьма занимательные, не смотря на то, что нѣкоторые эпизоды этихъ рассказовъ уже достаточно извѣстны.

ЗА КРАШАНКУ — ПИСАНКА. П. О. Кулишевъ. Написавъ Данило Слѣпченко - Мордовецъ. Сиб. 1882. Мал. 8°. 42 стр.

Имя автора есть малороссійская первоначальная форма имени г. Мордовцева, который издавна писалъ и по-русски, и по-малорусски. Какъ показывается названіе книжки, это — отвѣтъ на ту „Крашанку“ г. Кулиша, о которой было рѣчь въ недавней статьѣ г. Костомарова въ „Вѣстникѣ Европы“. Отвѣтъ г. Мордовцева написанъ въ иномъ тонѣ: иногда онъ высказывается г. Кулишу, вскользь, весьма суровымъ обвиненіемъ, но вообще держится дружескаго тона, вспоминая старія заслуги г. Кулиша въ малорусской литературѣ, и не столько обличая, сколько дружески усмиряя. Давній любитель малорусской литературы и давній пріятель и г. Кулиша, и г. Костомарова, авторъ разбираетъ вопросъ какъ домашнее дѣло, съ интимными подробностями и намеками, повѣстями для друзей, но, вѣроятно, не совсѣмъ повѣстными для обыкновеннаго читателя. Шутливая форма могла быть удобна для автора, чтобы высказать въ близкомъ кругу свои мысли, но для болѣе широкаго круга читателей предпочтительнѣе было бы болѣе прямое и простое изложеніе дѣла. Впрочемъ, и то сказать, что въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ поставлена была въ послѣдніе годы малорусская литература, ей не естественно разбирать свои вопросы толпѣ предѣлахъ небольшого дружескаго круга.



## „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

Годъ: Полгода: Четверть:

Годъ: Полгода: Четверть:

Безъ доставки . . . 15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	{	Съ пересылкою . . . 17 » — »	10 »	8 »
Съ доставкою . . . 16 » — »	9 »	5 »		За-границей . . . 19 » — »	11 »	7 »

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к.  
за-границей — 3 руб.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.

**ПОДПИСКА** принимается—въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журна «Вѣстникъ Европы» въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, а въ Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Мелле, на Невскомъ проспектѣ;—въ Москвѣ: при книжномъ магазинѣ Н. П. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту и Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха.—Иногородные общаются по почтѣ въ редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично—Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журналѣ.

## ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вносивъ за точную и своевременную доставку городскихъ подписчиковъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые изсылаютъ подписную сумму по почтѣ въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, въ сообщеніи подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (или) допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к. изъ иногороднихъ въ городскіе—50 коп.; и изъ городскихъ или иногороднихъ въ иностранныя недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана по указаннымъ мѣстамъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, чѣмъ въ полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногороднихъ, которые приносятъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.



въ вопросъ о теоріи логики. Опытъ новой теоріи умственныхъ процессовъ. Николай Гротъ. Лейпцигъ. 1882. Стр. 349.

Имя Н. Я. Гротъ, профессора нѣмецкаго стор.-филолог. института, уже извѣстно въ нашей небогатой, впрочемъ, философской литературѣ. Мы имѣли также случай познакомиться читателей болѣе подробно съ первыми трудами нашего молодого ученаго — «Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ». Теперь ограничимся пока указаніемъ на появленіе одного его труда въ области логики, гдѣ авторъ излагалъ мыслью, занимавшею его цѣлыхъ десять лѣтъ — внести значительную реформу въ области логики и попытаться создать съ этою цѣлью новую теорію умственныхъ процессовъ. Въ своемъ Предисловіи онъ знакомитъ читателя съ тѣми процессами его собственной мысли, путемъ которыхъ онъ пришелъ къ выводамъ, составляющимъ содержаніе его солиднаго труда. Общій взглядъ на будущее со-временемъ популяризовать свои воззрѣнія, онъ пишетъ на этотъ разъ для неспеціалистовъ, чѣмъ оправдывается сжатою и сущностью изложенія въ новомъ трудѣ. Впрочемъ, и въ этой строго-ученой редакціи, такіа главы, какъ глава о заблужденіяхъ ума, или о среднихъ борбахъ съ заблужденіями, представлятъ не мало интереснаго и для не-спеціалистовъ. Для характеристики направленія всего труда приведемъ одинъ изъ его выводовъ: «Всѣ психологическія науки, по мнѣнію автора — и намъ кажется, весьма справедливому — не исключая и логики, только тогда достигнутъ прочнаго развитія и истиннаго прогресса, когда будутъ поставлены въ некоторую зависимость отъ наукъ физическихъ, изучающихъ ниспѣя, по порядку развитія, явленія и процессы природы. Общія выводы биологіи обязательны и для наукъ психологическихъ». Мы постараемся еще возвратиться къ этому почетному труду и познакомимъ ближе съ его содержаніемъ.

Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе для школы, въ трехъ томахъ. I—60 к.; II—1 р.; III—2 р. Москва, 1882. Стр. 220, 295, 460.

Скоро исполнится 50 лѣтъ со смерти поэта, и только теперь въ первый разъ является на помощь школѣ настоящая Пушкинская хрестоматія въ трехъ отдѣлахъ: для народныхъ училищъ и младшихъ классовъ гимназій, для среднихъ классовъ и для высшихъ. Каждый томъ снабженъ портретами поэта изъ различныхъ его возрастовъ, а первый томъ, сверхъ того, — весьма удовлетворительными иллюстраціями, по рисункамъ В. А. Маковского. Такія изданія слѣдуетъ Пушкина дѣйствительно народнымъ писателемъ, а потому нельзя не пожелать имъ повѣдшаго успѣха. Выборъ нисей, соотвѣственно каждому возрасту, надобно думать, вполне удовлетворитъ требованіямъ классной практики. Мы надѣемся также, что дальнѣйшій успѣхъ этого изданія, какова оно ни будетъ и заслуживаетъ, заставить современемъ повысить цѣну изданія до возможнаго minimum.

Сквознать. Личныя воспоминанія и впечатлѣнія В. И. Непровиза-Данченко. Съ 4-ми гравюрами и факсимиле письма М. Д. Скобелева. Спб. Изданіе А. Ф. Девриена. 1882. 8°. 358 стр. Ц. 2 р.

Въ предисловіи авторъ предупреждаетъ, что книга его — не біографія Скобелева, а рядъ

воспоминаній, написанныхъ подъ впечатлѣніемъ утраты этого замѣчательнаго человека. Воспоминанія иногда отрывочны, но въ такомъ сложномъ характерѣ, весьма подробность должна быть на счету. «Кое-гдѣ,—продолжаетъ авторъ,—и привесть взгляды покойнаго на разные вопросы нашей государственной жизни. Съ его убѣжденіями можно не соглашаться, но молчать о нихъ нельзя. Сожалѣю, что условія, среди которыхъ приходится работать русскому писателю, не позволяютъ очертить убѣжденія Скобелева во всей ихъ полнотѣ: они во многомъ нѣмѣли бы установленнаго (?) о немъ мнѣніе». Исторія современныхъ событий и лицъ вообще трудна; еще труднѣе она тамъ, гдѣ существуютъ условія литературы, усложняемая авторомъ; поэтому, авторъ очень справедливо опредѣлилъ свою книгу какъ свои личныя впечатлѣнія. Рассказъ — очень живой, какъ обыкновенно у г. Данченко, и очень ярко рисуетъ боевыя свойства знаменитаго генерала. Очень жаль, что авторъ былъ не въ состояніи со всей полнотой очертить «убѣжденія» Скобелева, поименованному очень извѣстнаго г-ну Данченко: но какое мнѣніе о Скобелевѣ авторъ считаетъ «установившимся»? Мы не знаемъ, какое мнѣніе установилось, но повторится всего чаще то, которое его убѣжденія, на сколько онъ высказались въ извѣстныхъ рѣчахъ, цѣнить столь же высоко, какъ его военныя подвиги. Смыслъ этихъ рѣчей, въ общихъ чертахъ, довольно характеризовалъ взгляды Скобелева; но жаль все-таки, что авторъ не могъ болѣе рассказать объ его убѣжденіяхъ.

Сказки З. Тонелюса, профессора Александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ. Переводъ съ шведскаго М. Гранстремъ и А. Гурьевой. Спб. 1882. (съ рисунками). 8°. 108 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Тонелюсъ пользуется въ Финляндіи и Швеціи большою и почетною извѣстностью, какъ ученый и писатель. Его сказки, предназначенныя для ранняго дѣтскаго возраста, очень заслуживали перевода. Онѣ носятъ на себѣ печать финляндской жизни, нравовъ, преданій, дѣйствіе ихъ совершается среди сѣверной природы: вмѣстѣ съ религіознымъ чувствомъ онѣ проникнуты глубокимъ чувствомъ братской человѣческой любви и нравственнаго долга; нѣкоторые рассказы и картины весьма поэтичны. Переводъ исполненъ весьма старательно.

L'EMPIRE JAPONAIS, par Leon Metchnikoff. (Японская Имперія, Льва Мечникова). Genève, 1881. Стр. 692, in-4°.

Весьма обширный трудъ нашего соотечественника, приглашеннаго въ 1874 г. японскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, по поводу предпринимаемыхъ реформъ, составляетъ весьма подробное, основанное на личномъ знакомствѣ и мѣстныхъ источникахъ, описаніе сосѣдней намъ страны, какъ въ географическомъ, такъ и историческомъ отношеніяхъ. Изданіе снабжено картами и многочисленными рисунками. Историческій отдѣлъ доведенъ до вступленія на престолъ нынѣшняго императора Мутсухито (1867 г.), при которомъ была такъ называемая національная партія — враждебная европейцамъ, отстаивавшая прежнее варварство, и Японія вступила на путь реформъ, быстро сбывавшихъ ее съ европейскими порядками. Краткій очеркъ этихъ реформъ помѣщенъ въ заключеніе всего труда.









UCKER  
JAN 29 1981



UCKER  
JAN 29 1981

